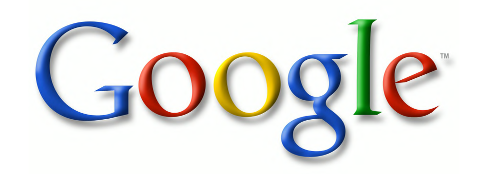


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

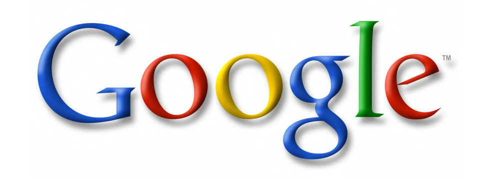
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

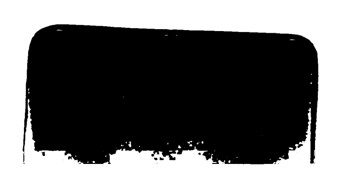
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮЛЬ.

1883.

228
1883

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Digitized by Google

~~Slav 9.0.6~~
~~P Slav 318.10~~
PSlav 318.10
Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Средняя Подьяческая, № 90—1.
2493.

Digitized by Google

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (18 марта 1883 г.). Объ учрежденіи въ гор. Варшавѣ обществъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ гор. Варшавѣ обществъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить уставы сихъ обществъ.

2. (12 апрѣля 1883 г.). О правахъ воспитанниковъ частныхъ гимназій по отбыванію воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ воспитанниковъ частныхъ гимназій по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о правахъ воспитанниковъ частныхъ гимназій по отбыванію воинской повинности, мнѣніемъ положилъ:

Digitized by Google

Постановить:

1) Права по отбыванію воинской повинности, принадлежащія гимназіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, учрежденнымъ правительствомъ, присвоиваются также частнымъ гимназіямъ, существующимъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1868 года мнѣнія государственнаго совѣта, при соблюденіи условій, означенныхъ въ статьяхъ 2 и 3 настоящаго узаконенія.

2) Для предоставленія своимъ воспитанникамъ означенныхъ въ статьѣ 1 преимуществъ, частная гимназія должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) курсъ первыхъ шести классовъ долженъ вполнѣ соотвѣтствовать курсу тѣхъ же классовъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, содержимыхъ правительствомъ; б) учителями должны быть лица, имѣющія право преподавать въ сихъ послѣднихъ заведеніяхъ; в) гимназія должна предварительно произвести не менѣе четырехъ послѣдовательныхъ выпусковъ учениковъ, успѣшно окончившихъ полный курсъ; г) испытанія въ объемѣ курса четырехъ и шести классовъ правительственныхъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія производятся въ присутствіи и подъ руководствомъ депутатовъ отъ учебнаго округа и на основаніяхъ, установленныхъ для соотвѣтственныхъ испытаній въ названныхъ гимназіяхъ.

3) Соотвѣтственныя, по сравненію съ учениками правительственныхъ гимназій, права по воинской повинности предоставляются: а) выдержавшимъ экзаменъ въ знаніи курса четырехъ классовъ—если они пробыли въ заведеніи не менѣе двухъ лѣтъ, и б) выдержавшимъ испытаніе въ знаніи курса шести классовъ—если они пробыли въ заведеніи не менѣе четырехъ лѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (4-го мая 1883 г.). **Объ учрежденіи кружка любителей исторіи и археологіи Крыма.**

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ на учрежденіе кружка любителей исторіи и археологіи Крыма, съ предоставленіемъ министерству народнаго просвѣщенія права утвердить уставъ означеннаго кружка.

4. (23-го апрѣля 1883 г.). **О лицахъ, имѣющихъ право быть предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра

Digitized by Google

народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ право назначать предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія кромѣ лицъ, указанныхъ въ § 17 положенія о названныхъ заведеніяхъ 24-го мая 1870 г. и въ Высочайшемъ повелѣніи 25-го ноября 1874 г., еще и лучшихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а равнымъ образомъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства, состоящихъ на государственной въ нихъ службѣ, съ тѣмъ, чтобы поименованныя лица не занимались преподаваніемъ за вознагражденіе въ тѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, куда назначены предсѣдателями, но пользовались правами, предоставленными дѣйствующимъ положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

30-го апрѣля 1883 года (№ 8). Утверждается: дѣйствительный статскій совѣтникъ Кристи — почетнымъ попечителемъ Кишиневскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: врачу Ораніенбаумскаго городскаго училища Котову—на шесть мѣсяцевъ, съ 1-го мая 1883 г., по болѣзни.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Вальдемаръ—на два мѣсяца.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, надворный совѣтникъ Хвольсонъ—на три мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Флоринскій—съ 1-го іюня по 13-е сентября 1883 г.

Увольняются въ отпускъ за границу: товарищъ министра народнаго просвѣщенія, егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ князь Волконскій — на два мѣсяца, по болѣзни.

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Брадке—на три мѣсяца, по болѣзни.

Digitized by Google

15-го мая 1883 года (№ 9). Производятся за отличіе: въ тайные совѣтники: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, Августъ Наукъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Оттомаръ Мейковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Григорій Захарьинъ, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Иванъ Зедерштедтъ и старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Вильгельмъ Делленъ.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Николай Скворцовъ, чиновникъ особыхъ порученій V-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера Иванъ Хрущовъ, главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края Алексѣй Забѣлинъ, окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Виленскаго — Алексѣй Поповъ и Одесскаго — Валентинъ Филоматитскій, ординарные профессоры Императорскихъ университета: Московскаго—Иванъ Клейнъ и Александръ Булыгинскій, Казанскаго—Александръ Штукенбергъ, св. Владиміра — Өедоръ Гарничъ-Гарницкій, Дерптскаго — Теодоръ Митгофъ и Варшавскаго—Иванъ Ефремовскій, ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Рихардъ Фохтъ, директоръ и ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Иванъ Ланге, директоръ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ Иванъ Ничипоренко; директоры гимназій: Московской пятой — Василій Басовъ, Сумской Александровской — Николай Сибилевъ, Кіевскихъ: второй — Онисимъ Нясецкій и третьей — Юліанъ Сѣнинскій и Бѣльской мужской — Иванъ Левитскій, директоръ Тифлисскихъ Великой Княгини Ольги Өеодоровны женскихъ гимназіи и прогимназіи Рудольфъ Шенгеръ, директоръ Кіевской прогимназіи Александръ Михайловъ, директоры реальныхъ училищъ: Ливенскаго — Михаилъ Бѣлинъ и Сызранскаго — Сергѣй Горскій, директоры учительскихъ институтовъ: Виленскаго—Юліанъ Крачковскій и Виленскаго еврейскаго—Михаилъ Барскій, директоры учительскихъ семинарій: Вольской—Василій Зимницкій, Пензенской—Владиміръ Хохряковъ и Острожской—Николай Богатиновъ, директоръ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ Москвѣ—Николай Шрамченко, начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи Дмитрій Барановъ, директоръ народныхъ училищъ Сара-

Digitized by Google

товской губерніи Николай Пановъ, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ Ѳедоръ Шмидтъ, экстраординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета Левъ Левшинъ и Дмитрій Корсаковъ, совѣтникъ комитета правленія Императорской Академіи Наукъ Петръ Яковлевъ, наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Иванъ Гавриловъ, хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Алексѣй Викторовъ и членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Геннадій Карповъ; надворный совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Иванъ Востоковъ и неимѣющій чина, ординарный профессоръ сего же университета Александръ Никитскій.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: почетный попечитель Глуховскаго учительскаго института Семенъ Терещенко и членъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Георгій Штендманъ, и не имѣющіе чиновъ: инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета Василій Поповъ, учитель Варшавской четвертой мужской гимназіи Владиславъ Добкевичъ, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Василій Бѣленковъ и учитель Замостской мужской прогимназіи Николай Страшкевичъ.

Въ коллежскіе ассессоры: не имѣющіе чиновъ: правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Николай Высотскій и учитель приготовительнаго класса и помощникъ классныхъ наставниковъ Холмской мужской гимназіи Никонъ Ѳедоренко.

Производятся: въ статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель VII-го класса департамента народнаго просвѣщенія Гавріилъ Дукшта-Дукшинскій и помощникъ библіотекаря Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Рафаилъ Павловъ и надворные совѣтники: бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія Владиміръ Сафоновъ и секретарь правленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ Павелъ Плескачевскій.

Въ коллежскіе регистраторы: исправляющій должность секретаря по студентскимъ дѣламъ Императорскаго Харьковскаго университета, происходящій изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Иванъ Разинкинъ, исправляющій должность бухгалтера Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, сердобольскій

Digitized by Google

гражданинъ Петръ Брижатовъ, и механикъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, потомственный почетный гражданинъ Вильгельмъ Гербстъ.

Утверждается: бывшій директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи Иванъ Исаинъ—въ чинѣ коллежскаго ассесора, соотвѣтствующемъ прежней его должности наставника Байрамчской учительской семинаріи, со старшинствомъ съ 9-го мая 1873 года,

15-го мая 1883 года (№ 10). Производятся: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: директоры народныхъ училищъ губерній: Казанской — Иліодоръ Износковъ и Самарской—Алексѣй Никольскій и профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Федоръ Бейльштейнъ.

Въ статскіе совѣтники: коллежскій совѣтникъ, профессоръ сего института Викторъ Кирпичевъ.

Въ коллежскіе ассессоры: не имѣющій чина, помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Николай Белжинскій.

Изъ нихъ Износковъ, Никольскій и Белжинскій за отличіе по службѣ, а Бейльштейнъ и Кирпичевъ за полезные труды по бывшей въ 1882 году всероссійской промышленно-художественной выставкѣ.

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: профессору С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайному совѣтнику Вышнеградскому, и ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Новацкому—за полезные труды по бывшей въ 1882 году всероссійской промышленно-художественной выставкѣ.

20-го мая 1883 года (№ 11). Утверждается: Бердянскій 2-й гильдіи купецъ Хардалло — почетнымъ попечителемъ Бердянской мужской гимназіи, на три года.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ефремовскій, съ 16-го іюня по 1-е сентября 1883 года,

и б) за границу: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Вержбовскій—съ 15-го іюня по 1-е августа 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго универси-

Digitized by Google

тета, статскій совѣтникъ Будиловичъ — на лѣтнее вакаціонное время 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лазаревичъ—на лѣтнее вакаціонное время 1883 года и пятнадцать дней.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Глазенапъ—съ 1-го іюня по 20-е сентября 1883 года.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Пихно — съ 4-го сентября 1883 г. на одинъ годъ.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Шульцъ— на два года.

Зачисляются въ командировку съ ученою цѣлію: экстраординарнымъ профессорамъ Императорскаго Варшавскаго университета Лагоріо и Ришави, разрѣшенные имъ отпуски: первому за границу и въ Россіи съ 1-го по 15-е іюня, а второму за границу съ 20-го мая по 15-е іюня 1883 г., съ продолженіемъ Лагоріо командировки по 1-е сентября 1883 г.

Увольняются въ отпускъ по болѣзни: а) въ Россіи: попечители учебныхъ округовъ: Кіевскаго — тайный совѣтникъ Голубцовъ и Одесскаго — тайный совѣтникъ Лавровскій — на два мѣсяца.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ивановскій—на три мѣсяца.

и б) въ Россіи и за границу: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Маакъ—на три мѣсяца.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы, по болѣзни: помощникъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зессель.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го ноября 1882 года). Выписка изъ циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 20-го ноября 1882 г. за № 14147.

Изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія усматривается, что въ послѣднее время въ 13-ти гимназіяхъ и 1-й прогимназіи и въ 10-ти реальныхъ училищахъ обнаружились на отдѣльныхъ уче-

Digitized by Google

никахъ болѣе или менѣе значительные слѣды пагубнаго вліянія преступной пропаганды, и что сверхъ того, за то же самое время въ 14-ти гимназіяхъ и въ 4-хъ реальныхъ училищахъ имѣли мѣсто крупные коллективные безпорядки или же неслыханныя и почти невѣроятныя безчинства отдѣльныхъ учениковъ. Сверхъ того, изъ различныхъ мѣстностей Имперіи до меня доходятъ свѣдѣнія, что ученики среднихъ учебныхъ заведеній вообще недостаточно строго исполняютъ установленныя для нихъ правила относительно форменной одежды, наружнаго благоприличія и благопристойности, и нарушаютъ правила, воспрещающія имъ посѣщеніе маскарадовъ, клубовъ, трактировъ, кофеенъ, билліардныхъ и другихъ подобныхъ заведеній, ношеніе палокъ, тросточекъ и хлыстовъ, куреніе табаку и т. д. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ и свѣдѣній нельзя не вывести того заключенія, что надзоръ за учащимися значительно ослабѣлъ, и что начальники среднихъ учебныхъ заведеній и прочіе наставники юношества не принимали надлежащихъ мѣръ къ поддержанію дисциплины, вслѣдствіе чего она и пришла въ большой упадокъ; безъ дисциплины же учебныя заведенія перестаютъ быть школою серьезнаго ученія и правильнаго воспитанія, а становятся школою лѣности, нерадѣнія и всякой нравственной непорченности и разнузданности, и самое существованіе ихъ дѣлается не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, и слѣдовательно, невозможнымъ. Поэтому имѣю честь просить ваше превосходительство принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры для поддержанія порядка и дисциплины въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ округа, и въ этихъ видахъ прошу васъ:

1) Предложить директорамъ и инспекторамъ, классныхъ наставникамъ и всѣмъ прочимъ лицамъ учебно-воспитательнаго персонала гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ въ точности руководствоваться утвержденными 4-го мая 1874 года бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, правилами для учениковъ, правилами о взысканіяхъ, дополнительною къ нимъ инструкціей о предѣлахъ дисциплинарной власти должностныхъ лицъ этихъ заведеній и объяснительною къ нимъ запискою, каковыя правила, инструкція и записка будутъ вслѣдъ за симъ препровождены къ вашему превосходительству въ надлежащемъ числѣ печатныхъ экземпляровъ и должны быть розданы для исполненія и въ руководство всѣмъ лицамъ учебно-воспитательнаго персонала среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть обращено вниманіе родителей, родственниковъ, опекуновъ или попе-

Digitized by Google

чителей учениковъ на взятое съ нихъ, на основаніи § 7 правилъ объ испытаніяхъ, при самомъ пріемѣ въ заведеніе находящихся на ихъ попеченіи дѣтей, обязательство прилагать всевозможное стараніе, чтобы находящимися на ихъ попеченіи дѣтьми были въ точности исполняемы всѣ распоряженія начальства, касающіяся учениковъ гимназій, прогимназій или реальныхъ училищъ, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ они будутъ уволены изъ заведенія.

2) Предложить начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній наблюдать за тѣмъ, чтобы ученикамъ оныхъ раздаваемы были какъ выходные билеты, указанные циркулярнымъ предложеніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго отъ 14-го іюля 1879 г. за № 8186, такъ и правила, составляемыя педагогическими совѣтами, на основаніи п. 3 § 75 устава гимназій и п. 3 же § 71 устава реальныхъ училищъ, а равно указанія въ объснит. зап. (стр. 524 Сборн. постановл. и распоряженій по гимн. и прогимн.), причемъ разъяснить педагогическимъ совѣтамъ, что хотя имъ и предоставлено дополнять, видоизмѣнять и сокращать правила 1874 г. о взысканіяхъ и правила для учениковъ согласно съ выработавшимися на практикѣ, въ каждомъ учебномъ заведеніи педагогическими обычаями, но дополненія эти, видоизмѣненія или сокращенія не должны упразднять какое-либо изъ правилъ, установленныхъ министерствомъ, и отнюдь не должны состоять съ ними въ противорѣчіи. Такъ, между прочимъ, практиковавшееся за послѣднее время нѣкоторыми гимназіями и реальными училищами временное на 3 или на 6 мѣсяцевъ удаленіе ученика изъ учебнаго заведенія за лѣность и нерадѣніе или за дерзость отнюдь не должно быть допускаемо, какъ мѣра не педагогическая и не цѣлесообразная. Вообще же о всѣхъ существенныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, предположенныхъ педагогическими совѣтами въ Правилахъ для учениковъ и о взысканіяхъ, должно быть своевременно извѣщаемо министерство.

3) Обратить особенное вниманіе начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа на содержаніе §§ 41 и 42 (а также 49) Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій и соотвѣтственныхъ имъ §§ 37 и 38 устава реальныхъ училищъ, въ коихъ указано, въ чемъ состоитъ главная обязанность директора учебнаго заведенія, и прямо поставлено на видъ, что на немъ лежитъ полная отвѣтственность по всѣмъ частямъ благоустройства заведенія, при чемъ часть воспитательная и дисциплинарная не можетъ не быть признана по меньшей мѣрѣ столь же

важною, какъ и часть учебная, и вмѣстѣ съ тѣмъ особо указать начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній на п. 6 вышеупомянутой объяснительной записки въ дополненіе къ правиламъ для учениковъ и къ правиламъ о взысканіяхъ, коимъ имъ вмѣняется въ обязанность употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы внести возможно большее единство въ учебную и воспитательную дѣятельность преподавателей ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній и достигнуть возможно большаго соглашенія между ними, относительно какъ общихъ правилъ и пріемовъ воспитанія и обученія, такъ и относительно одинаковаго обращенія и одинаковой требовательности отъ учениковъ со стороны всѣхъ преподавателей.

4) Обратить особенное вниманіе начальниковъ, классныхъ наставниковъ, преподавателей и воспитателей среднихъ учебныхъ заведеній на важность и необходимость установленія правильныхъ, близкихъ и довѣрчивыхъ отношеній между семьею и школой, согласно съ указаніями какъ въ п. 4-мъ объяснительной записки къ правиламъ для учениковъ и о взысканіяхъ, такъ и въ инструкціи для классныхъ наставниковъ. Тѣ изъ директоровъ, инспекторовъ и классныхъ наставниковъ, которые не позаботятся или не сумѣютъ установить правильныхъ, близкихъ и довѣрчивыхъ отношеній съ родителями или родственниками своихъ учениковъ, тѣмъ самымъ лишатъ себя и свое учебное заведеніе одного изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ воспитательнаго дѣйствія на ввѣренныхъ имъ учениковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствуютъ о малой своей пригодности къ занимаемой ими должности. Само собою разумѣется, что школа не можетъ и отнюдь не должна въ угоду родителямъ или родственникамъ отказываться отъ своихъ строгихъ и разумныхъ требованій относительно ученія и воспитанія ввѣренныхъ ей дѣтей, но она обязана при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснять ихъ родителямъ и родственникамъ разумность и необходимость каждаго изъ этихъ требованій и склонять ихъ дѣйствовать съ нею за одно ради блага и преуспѣянія находящихся на ихъ попеченіи дѣтей.

5) Предложить начальникамъ и педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній сообразоваться съ возрастомъ и классомъ учащихся, но отнюдь не понижать и не ослаблять дисциплинарныхъ требованій въ отношенія къ ученикамъ старшихъ классовъ, а вести учебно-воспитательное дѣло такъ, чтобы уже въ низшихъ классахъ ученики были вполнѣ пріучены къ той степени сдержанности и са-

Digitized by Google

мообладанія, порядка, благоприличія и дисциплины, о которой говорится въ пп. 3, 4 и 8 объяснительной записки къ правиламъ для нихъ и въ §§ 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 27, 28, 39, 40 и 42 самихъ этихъ правилъ; въ случаѣ же если бы для достиженія этой цѣли однихъ школьныхъ взысканій оказалось недостаточно, своевременно обращаться къ содѣйствію родителей и съ ихъ согласія принимать всѣ мѣры, необходимыя для исправленія строптивыхъ и нерадивыхъ учениковъ; при переводѣ взрослыхъ учениковъ изъ класса въ классъ внимательно обсуждать относительно каждаго изъ нихъ, не представляется ли какихъ-либо препятствій къ переводу его съ дисциплинарной и воспитательной точки зрѣнія: тѣхъ учениковъ, которые при дружномъ и согласномъ дѣйствіи школы и родителей оказались бы не поддающимися никакимъ мѣрамъ вразумленія и исправленія, или для исправленія которыхъ родители отказываютъ школѣ въ своемъ содѣйствіи, удалять изъ заведенія.

6) Вмѣнить начальствамъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыя ученики, удаленные изъ другихъ заведеній, пожелаютъ вновь поступить, предварительно рѣшенія объ ихъ пріемѣ, собирать точныя о нихъ свѣдѣнія отъ начальства прежняго учебнаго заведенія, дабы подвергнуть обстоятельному обсужденію педагогическаго совѣта, можетъ-ли онъ принять въ свое заведеніе означеннаго ученика съ какою-либо надеждою на его исправленіе и какія мѣры для сего могутъ быть предложены и приняты какъ цѣлымъ педагогическимъ совѣтомъ, такъ и отдѣльными его членами. Въ видахъ точнаго исполненія сего правила, имена и фамиліи, годъ и мѣсто рожденія и званіе родителей тѣхъ учениковъ, которые подверглись удаленію за неодобрительное поведеніе, но безъ лишенія права поступить въ какое-либо другое учебное заведеніе, начальство того учебнаго заведенія, изъ котораго удалены тѣ ученики, обязано тотчасъ же доводить до свѣдѣнія вашего превосходительства, вы же, съ своей стороны имѣете сообщить всѣ эти свѣдѣнія начальникамъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа.

7) Роздать ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній годичные выходные билеты по образцу, приложенному къ циркулярному предложенію отъ 14-го іюня 1879 г. (п. 2), съ обязательствомъ постоянно имѣть ихъ при себѣ внѣ дома и предъявлять ихъ по требованію, какъ чиновъ полиціи, такъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ снабжены указанными въ томъ же предложеніи особыми отъ учеб-

Digitized by Google

наго начальства билетами для надзора за учащимися, и которые должны быть розданы всѣмъ лицамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ приглашеніемъ, при случаѣ наблюдать внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній за учениками вообще всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и въ случаѣ нарушенія ими правилъ вразумлять ихъ или сообщать о нихъ ихъ начальству. Мѣста же, наиболѣе посѣщаемыя публикою и учащимися, должны быть, по соглашенію начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній каждаго города, распредѣлены между помощниками классныхъ наставниковъ и между ними; въ такихъ мѣстахъ должны быть установлены дежурства для наблюденія и надзора за учениками среднихъ учебныхъ заведеній. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ я входилъ въ сношеніе по сему предмету, изъявилъ свое согласіе предложить губернаторамъ, чтобы чины полиціи оказывали, съ своей стороны, всяческое содѣйствіе вышеозначеннымъ лицамъ по наблюденію за учащимися и сами наблюдали за непосѣщеніемъ сими послѣдними запрещенныхъ для нихъ мѣстъ (§§ 35 и 36 правилъ для учениковъ).

8) Обратить особенное вниманіе педагогическихъ совѣтовъ на необходимость не ограничиваться только мѣрами взысканій, а сколь можно болѣе пользоваться тѣми положительными способами воспитательнаго дѣйствія на учащихся, которые обстоятельно указаны въ объяснительной запискѣ въ дополненіе къ правиламъ для учащихся и о взысканіяхъ.

9) Предложить начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній и ихъ педагогическимъ совѣтамъ отнюдь не переводить въ соотвѣтственные старшіе классы тѣхъ учениковъ, которые недостаточно усвоили себѣ курсъ предыдущихъ классовъ и очевидно не могутъ съ успѣхомъ слѣдить за курсомъ ближайшаго высшаго класса, ибо такого рода фальшивое снисхожденіе есть въ сущности величайшая жестокость въ отношеніи къ этимъ ученикамъ, способная навсегда испортить всю ихъ учебную и жизненную карьеру, обрекая ихъ на полную безуспѣшность всего дальнѣйшаго ихъ ученія, на невозможность исполнять въ этомъ, а затѣмъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, ученическія ихъ обязанности, подрывая въ нихъ вѣру въ справедливость и разумность требованій ихъ преподавателей и пріучая ихъ къ нарушенію дисциплины и порядка: грубое нарушеніе требованій дисциплины и порядка какъ отдѣльными учениками, такъ и цѣлыми классами является по большей части прямымъ послѣдствіемъ безус-

Digitized by Google

пѣшности ихъ въ ученіи, которая, въ свою очередь проистекаетъ лишь отъ того, что ученику или ученикамъ было оказано въ высшей степени пагубное снисхожденіе, и они были удостоиваемы перевода въ ближайшіе высшіе классы, тогда какъ по своимъ познаніямъ должны были бы быть задержаны въ предыдущихъ. Зло это отнюдь не должно быть впредь допускаемо; въ случаѣ же какой-либо допущенной въ этомъ отношеніи погрѣшности, она должна быть тотчасъ же исправляема переводомъ ученика въ тотъ классъ, которому онъ соотвѣтствуетъ по своимъ познаніямъ.

10) Въ годичныхъ отчетахъ вашихъ по округу, а равно и въ отчетахъ по ревизіи, осмотру или посѣщенію вами какого-либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній сообщать министерству всѣ данныя и свѣдѣнія объ ихъ состояніи въ дисциплинарномъ и воспитательномъ отношеніи, и между прочимъ о томъ: а) въ какой мѣрѣ исполняется ихъ начальниками главная ихъ обязанность, состоящая въ надзорѣ за ходомъ преподаванія и воспитанія; б) въ какой мѣрѣ они успѣли, согласно съ п. 6-мъ объяснительной записки, объединить воспитательную дѣятельность всѣхъ преподавателей ввѣреннаго имъ учебнаго заведенія и поставить его въ правильныя отношенія къ родителямъ или родственникамъ учащихся; в) въ какой мѣрѣ педагогическіе совѣты и отдѣльные ихъ члены пользуются указаніями на положительные способы воспитательнаго дѣйствія на учениковъ, содержащимися въ объяснительной запискѣ и въ частности въ 7, 9, 10, 11, 12 и 14 ея пунктахъ, и г) кто изъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала оказалъ въ этомъ отношеніи наибольшія услуги учебному заведенію.

11) Предложить начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа о всѣхъ случаяхъ проявленія въ средѣ учениковъ ихъ учебнаго заведенія какого-либо вліянія преступной пропаганды, а равно и о всѣхъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ случаяхъ безпорядка и нарушенія правилъ дисциплины немедленно доводить до вашего свѣдѣнія со всѣми подробностями, которыя могутъ на первыхъ же порахъ сдѣлаться имъ извѣстными, а затѣмъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ отъ васъ предложеній, сообщать вамъ всѣ результаты болѣе подробнаго разслѣдованія каждаго такого случая; васъ же имѣю честь просить также немедленно всякій разъ сообщать мнѣ какъ первоначальныя о такихъ случаяхъ свѣдѣнія, такъ и всѣ послѣдующія.

Въ заключеніе считаю не излишнимъ выразить мою полнѣйшую

Digitized by Google

увѣренность, что вы, милостивый государь, употребите всевозможное стараніе къ наилучшему осуществленію во ввѣренномъ вамъ округѣ настоящихъ моихъ предложеній и примете вообще всѣ зависящія отъ васъ мѣры для приведенія среднихъ учебныхъ заведеній онаго въ надлежащее благоустройство въ учебномъ, воспитательномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ; о послѣдующемъ же не оставите меня своевременными увѣдомленіями.

2. (30-го апрѣля 1883 года). **Положеніе о стипендіи при Боровичской женской прогимназіи въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го апрѣля 1883 г., въ память совершившагося 19-го февраля 1880 г. двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, при Боровичской женской прогимназіи учреждается стипендія, на проценты съ капитала въ триста руб., образовавшагося изъ процентнаго сбора съ жалованья наличнаго состава преподавателей въ 1880 году.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ трехъ облигаціяхъ втораго и третьяго восточныхъ займовъ, по сту руб. каждая, считается неприкосновенною собственностью Боровичской женской прогимназіи и хранится въ Боровичскомъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія употребляется на взносъ за право обученія въ прогимназіи.

§ 4. Стипендіатка избирается педагогическимъ совѣтомъ прогимназіи изъ бѣднѣйшихъ учениць, отличающихся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

§ 5. Въ случаѣ неудовлетворенія требованіямъ, изложеннымъ въ предыдущемъ §, стипендіатка лишается стипендіи, и на ея мѣсто избирается совѣтомъ новая кандидатка.

§ 6. Избранная стипендіатка пользуется стипендіею во время всего курса прогимназіи.

§ 7. За пользованіе стипендіею не полагается никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія женской прогимназіи въ другое учебное заведеніе, означенный капиталъ считается собственностью того заведенія.

Digitized by Google

3. (30-го апрѣля 1883 г.) **Положеніе о капиталѣ имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго при Вятскомъ городскомъ училищѣ.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 23-й день апрѣля сего года, учреждается при Вятскомъ городскомъ училищѣ, на собранные по добровольной подпискѣ между служащими по народнымъ училищамъ Вятской губерніи двѣсти руб., капиталъ имени бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ 5% облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, по сту руб. каждая, составляетъ неприкосновенную собственность Вятскаго четырехклассмаго городскаго училища.

3) Проценты съ сего капитала употребляются исключительно на снабженіе бѣдныхъ учащихся въ училищѣ Евангеліями и другими книгами Священнаго Писанія.

4) Проценты, неизрасходованные въ теченіе одного года, могутъ быть израсходованы въ слѣдующіе годы, смотря по надобности.

5) Расходъ процентовъ производится по постановленіямъ педагогическаго совѣта училища.

4. (6-го мая 1883 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно выбора книгъ для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.**

Вашему превосходительству не безызвѣстно, что, какъ по уставу гимназій и прогимназій, Высочайше утвержденному 19-го ноября 1864 г. (§ 72, п. 7-й), такъ и по уставу сихъ же заведеній, Высочайше утвержденному 30-го іюля 1871 г. (§ 4, п. 7), а равно и по уставу реальныхъ училищъ, Высочайше утвержденному 15-го мая 1872 г. (§ 70, п. 7) выборъ книгъ для библіотеки каждаго изъ сихъ учебныхъ заведеній подлежитъ обсужденію и окончательному рѣшенію соотвѣтственнаго педагогическаго совѣта, безъ различенія при этомъ библіотеки основной, предназначенной для учащихъ, и библіотеки ученической, и безъ указанія, сдѣланнаго въ п. 10-мъ вышеозначенныхъ статей двухъ послѣднихъ уставовъ по отношенію къ учебнымъ руководствамъ и пособіямъ, и заключающагося въ томъ, что выборъ этотъ долженъ быть изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности. Такъ какъ, независимо отъ того, § 17-мъ Высочайше утвержденнаго

Digitized by Google

18-го іюня 1863 г. учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, между прочимъ, постановлено, что ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ назначеніемъ разсматривать по порученію министра... „книги, сочиненія и періодическія изданія, которыя предполагаются для распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ", то, во избѣжаніе недоразумѣній, неоднократно уже возникавшихъ, относительно согласованія между собою сей статьи закона съ вышеозначенными, имѣю честь разъяснить нижеслѣдующее:

1) Выборъ книгъ для основной, предназначенной для преподавателей, библіотеки каждаго изъ среднихъ учебныхъ заведеній, согласно съ вышеуказанными статьями ихъ уставовъ, долженъ по прежнему подлежать обсужденію и окончательному рѣшенію соотвѣтственнаго педагогическаго совѣта, конечно, съ полною его отвѣтственностью за сообразный съ назначеніемъ учебнаго заведенія выборъ книги и за правильное въ этомъ отношеніи употребленіе спеціальныхъ или же отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства суммъ и подъ общимъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, наблюденіемъ вашего превосходительства, какъ попечителя учебнаго округа, при чемъ подъ это понятіе книгъ, очевидно ,не могутъ подходить ни газеты, ни журналы, за исключеніемъ спеціально-посвященныхъ какой-либо отрасли знанія или вообще наукамъ.

Допущеніе, одобреніе или рекомендація ученымъ комитетомъ, съ утвержденія министра или товарища министра, книгъ для основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣетъ при этомъ значеніе только указаній, какія книги признаны со стороны министерства, по ходатайству ихъ авторовъ или издателей или по собственному усмотрѣнію министерства, полезными въ той или другой степени для этихъ заведеній, при чемъ очевидно, что авторы или издатели, предлагающіе свои сочиненія или изданія для распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ съ этою цѣлью обращаться лишь въ центральное управленіе министерства, а не къ отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ или управленіямъ учебныхъ округовъ.

2) Газеты и журналы, не исключительно научнаго содержанія, могутъ быть пріобрѣтаемы или выписываемы для пользованія преподавателей, примѣнительно къ примѣчанію къ § 30 устава гимназій и къ § 27 устава реальныхъ училищъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, съ указаніемъ, какіе именно журналы или газеты предполагаются къ пріобрѣтенію или выпискѣ, при чемъ журналы и газеты, извѣстные своимъ болѣе или менѣе неодобритель-

Digitized by Google

нымъ направленіемъ, не должны быть разрѣшаемы къ пріобрѣтенію, о тѣхъ же, которые вашему превосходительству недостаточно извѣстны, благоволите испрашивать указанія министерства.

3) Хотя сочиненія и періодическія изданія педагогическаго содержанія, то-есть, посвященныя педагогикѣ, методикѣ и дидактикѣ и вообще учебно-воспитательному дѣлу или же, такъ-называемому, училищевѣдѣнію, собственно подходятъ подъ 1 пунктъ настоящаго моего предложенія, но имѣя въ виду тѣсную связь, существующую между вышеозначенною педагогическою литературою и направленіемъ учебно-воспитательной части вообще, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, въ предложеніи отъ 1-го февраля 1869 г., нашелъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы учебныя заведенія пріобрѣтали только тѣ педагогическія періодическія изданія и сочиненія, которыя будутъ одобрены и рекомендованы министерствомъ народнаго просвѣщенія, какъ это установлено относительно учебныхъ руководствъ и пособій. Въ 1881 г. означенный циркуляръ отъ 1-го февраля 1869 г. былъ отмѣненъ; но я, въ виду указаній опыта, убѣждающихъ въ томъ, что педагогическія періодическія изданія и сочиненія, отличающіяся одностороннимъ или превратнымъ направленіемъ, оказываютъ нерѣдко вредное вліяніе на воззрѣнія, а затѣмъ и на всю педагогическую дѣятельность молодыхъ и еще неопытныхъ преподавателей, полагаю, что отпускаемыя среднимъ учебнымъ заведеніямъ изъ государственнаго казначейства или же находящіяся въ ихъ распоряженіи спеціальныя суммы отнюдь не должны быть употребляемы на поддержаніе и распространеніе сочиненій и изданій педагогическаго содержанія съ одностороннимъ или превратнымъ направленіями, и потому считаю необходимымъ возстановить циркуляръ отъ 1-го февраля 1869 г., то-есть, снова предложить, чтобы вообще всѣ учебныя заведенія ввѣреннаго вамъ, милостивый государь, учебнаго округа пріобрѣтали на будущее время только тѣ педагогическаго содержанія (то-есть, посвященныя педагогикѣ, методикѣ, дидактикѣ, училищевѣдѣнію и вообще учебно-воспитательному дѣлу) сочиненія и періодическія изданія, которыя будутъ для сего одобрены ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, съ утвержденія министерства, каковыя одобренія будутъ печатаемы въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ вашему превосходительству предоставляется сообщать министерству предположенія о такихъ педагогическаго содержанія сочиненіяхъ и изданіяхъ, которыя

Digitized by Google

то или другое учебное заведеніе считало бы полезнымъ пріобрѣсти или выписать для основныхъ библіотекъ соотвѣтственныхъ заведеній, и объ одобреніи которыхъ для этой цѣли еще не послѣдовало сообщеніе въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4) Относительно пополненія книгами библіотекъ, предназначенныхъ для учащихся, или такъ-называемыхъ ученическихъ, я не могъ не принять во вниманіе, что только тѣ книги могутъ считаться для нихъ пригодными, которыя, соотвѣтствуя возрасту и развитію учащихся, могутъ содѣйствовать правильному ихъ образованію умственному, нравственному и эстетическому, и что таковыя книги должны быть отнесены къ разряду общеобразовательныхъ учебныхъ пособій, то-есть, должны быть выбираемы педагогическими совѣтами среднихъ учебныхъ заведеній, на основаніи п. 10-го §§ 74 и 70 ихъ уставовъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности. Къ этому заключенію приводитъ меня и то соображеніе, что члены педагогическихъ совѣтовъ не имѣютъ ни времени, ни возможности, ни обязанности слѣдить за текущею литературой, читать вновь выходящія произведенія по разнымъ предметамъ и оцѣнивать ихъ достоинства примѣнительно къ потребностямъ учащихся; полагаться же въ этомъ отношеніи на отзывъ газетъ и журналовъ было бы не совсѣмъ удобно, и дѣйствительно, при разсмотрѣніи въ 1873 и 1874 годахъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія каталоговъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ нихъ оказалось значительное число названій сочиненій, вовсе непригодныхъ для чтенія учениковъ и подлежавшихъ исключенію изъ ученическихъ библіотекъ. Поэтому имѣю честь предложить вашему превосходительству поставить въ извѣстность начальства учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ, округа, чтобы впредь ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній были пополняемы лишь книгами, одобренными министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ по принадлежности, при чемъ вашему превосходительству предоставляется сообщать министерству и предположенія о такихъ книгахъ, которыя начальства учебныхъ заведеній считали бы полезнымъ пріобрѣсти для означенныхъ библіотекъ.

5) Считаю не излишнимъ при этомъ разъяснить относительно книгъ и изданій, отнесенныхъ въ каталогахъ книгъ для учебныхъ заведеній къ числу учебныхъ пособій, что пособія эти могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одна изъ нихъ (какъ-то: хрестоматіи,

Digitized by Google

словари, изданія авторовъ безъ комментаріевъ, географическіе атласы и т. д.) обязательно имѣть ученикамъ для класснаго или внѣ-класснаго употребленія но выбору и указанію педагогическаго совѣта; другія же могутъ быть указываемы преподавателями изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ вѣдомствомъ по принадлежности, но пріобрѣтеніе ихъ для учениковъ не должно быть обязательно и можетъ зависѣть только отъ собственнаго ихъ желанія.

Въ изданныхъ доселѣ каталогахъ тѣ и другія учебныя пособія еще не раздѣлены по этимъ двумъ категоріямъ, но это будетъ исполнено, согласно съ моимъ предложеніемъ, въ каталогахъ, имѣющихъ появиться въ свѣтъ въ 1884 г. Тѣмъ не менѣе педагогическій совѣтъ каждаго средняго учебнаго заведенія и самъ усмотритъ, какія изъ одобренныхъ учебныхъ пособій обязательно нужно имѣть у себя каждому ученику и какія нѣтъ, и при этомъ отнюдь не станетъ требовать, чтобы изъ числа обязательныхъ учебныхъ пособій ученики пріобрѣтали болѣе одного такого пособія по каждому предмету или самостоятельной части его, напримѣръ, болѣе одной русской, или французской, или нѣмецкой хрестоматіи, болѣе одного учебнаго словаря, болѣе одного географическаго атласа, чему, къ сожалѣнію, бывали примѣры, и что̀ не могло не вызывать справедливыхъ сѣтованій родителей. Такъ какъ изъ числа обязательныхъ для учениковъ пособій они должны имѣть только по одному таковому пособію, не обязательныхъ же пособій могутъ и вовсе не пріобрѣтать, то имѣю честь просить ваше превосходительство предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, чтобы задаваніе какихъ бы то ни было уроковъ ученикамъ по тѣмъ учебнымъ пособіямъ, которыхъ они не обязаны имѣть, отнюдь не было допускаемо, какъ тому бывали примѣры, но преподаватели могутъ предлагать дополнять свои свѣдѣнія по тому или другому отдѣлу предмета по какому-либо изъ одобренныхъ, но не обязательныхъ учебныхъ пособій только желающимъ изъ учениковъ, отнюдь не вмѣняя этого никому въ обязанность.

5. (17-го мая 1883 года). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о назначеніи предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій учителей среднихъ учебныхъ заведеній.**

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, въ 23 день апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить по-

Digitized by Google

попечителямъ учебныхъ округовъ право назначать предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія кромѣ лицъ, указанныхъ въ § 17 положенія о названныхъ заведеніяхъ 24 мая 1870 г. и въ Высочайшемъ повелѣніи 25-го ноября 1874 г., еще и лучшихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, а равнымъ образомъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства, состоящихъ на государственной въ нихъ службѣ, съ тѣмъ, чтобы поименованныя лица не занимались преподаваніемъ за вознагражденіе въ тѣхъ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, куда назначены предсѣдателями, но пользовались правами, предоставленными дѣйствующимъ положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства по ввѣренному вамъ учебному округу.

6. (23-го мая 1883 г.). **Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о правахъ воспитанниковъ частныхъ гимназій по отбыванію воинской повинности.**

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о правахъ воспитанниковъ частныхъ гимназій по отбыванію воинской повинности, мнѣніемъ положилъ:

Постановить:

1. Права по отбыванію воинской повинности, принадлежащія гимназіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, учрежденнымъ правительствомъ, присвоиваются также частнымъ гимназіямъ, существующимъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 10-го февраля 1868 года мнѣнія государственнаго совѣта, при соблюденіи условій, означенныхъ въ статьяхъ 2 и 3 настоящаго узаконенія.

2. Для предоставленія своимъ воспитанникамъ означенныхъ въ статьѣ 1 преимуществъ, частная гимназія должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: а) курсъ первыхъ шести классовъ долженъ вполнѣ соотвѣтствовать курсу тѣхъ же классовъ въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, содержимыхъ правительствомъ; б) учителями должны быть лица, имѣющія право преподавать въ сихъ послѣднихъ заведеніяхъ; в) гимназія должна предварительно произвести не менѣе четырехъ послѣдовательныхъ выпусковъ учениковъ, успѣшно окончившихъ полный курсъ; г) испы-

Digitized by Google

танія въ объемѣ курса четырехъ и шести классовъ правительственныхъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія производятся въ присутствіи и подъ руководствомъ депутатовъ отъ учебнаго округа и на основаніяхъ, установленныхъ для соотвѣтственныхъ испытаній въ названныхъ гимназіяхъ.

3, Соотвѣтственныя, по сравненію съ учениками правительственныхъ гимназій, права по воинской повинности предоставляются: а) выдержавшимъ экзаменъ въ знаніи курса четырехъ классовъ,—если они пробыли въ заведеніи не менѣе двухъ лѣтъ, и б) выдержавшимъ испытаніе въ знаніи курса шести классовъ,—если они пробыли въ заведеніи не менѣе четырехъ лѣтъ.

Государь Императотъ изложенное мнѣніе государственнаго совѣта, въ 12 день апрѣля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства.

7. (14-го мая 1883 г.) Положеніе о стипендіи имени Нижегородскаго 1-й гильдіи купца Ивана Савельевича Колчина при Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи четыреста руб., пожертвованнаго Сарапульскою городскою думою, учреждается при Сарапульскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Нижегородскаго 1-й гильдіи купца Ивана Савельевича Колчина.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища, въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на содержаніе и плату за право ученія стипендіата, а могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ-либо причинамъ, присоединяется къ основному капиталу.

§ 4. Стипендіей имени И. С. Колчина пользуется одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Сарапульскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и по поведенію.

§ 5. Стипендіатъ, утверждается Сарапульскою городскою управою, при чемъ управа избираетъ на стипендію одного изъ нѣсколь-

Digitized by Google

кихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ педагогическимъ совѣтомъ училища по преимуществу изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ города Сарапула.

§ 6. Стипендіатъ не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ по лѣности или другимъ какимъ-либо неуважительнымъ причинамъ, лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта училища, о чемъ директоръ училища своевременно увѣдомляетъ городскую управу, съ указаніемъ новыхъ кандидатовъ на вакантную стипендію согласно § 5 сего положенія.

§ 7. Педагогическій совѣтъ училища ежегодно сообщаетъ городской управѣ объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата имени Колчина.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

8. (25-го мая 1883 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Александра Григорьевича Садовскаго при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемь тысячъ руб., пожертвованнаго помѣщицею Евелиною Артуровною Садовскою, учреждаются при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи двѣ стипендіи имени покойнаго мужа жертвовательницы, Александра Григорьевича Садовскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіями пользуются бѣднѣйшіе ученики названной гимназіи изъ уроженцевъ Подольской губерніи католическаго вѣроисповѣданія, польскаго происхожденія, пробывшіе уже въ гимназіи не менѣе одного года.

§ 4. Право пользованія стипендіею прекращается по выбытіи стипендіатовъ изъ гимназіи, въ случаѣ же неперехода ихъ изъ класса въ классъ они лишаются стипендіи только тогда, когда оставленіе ихъ на 2-й годъ въ тѣхъ же классахъ произошло по причинѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ въ наукахъ, вслѣдствіе лѣности, а не по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ.

§ 5. Стипендіаты назначаются учредительницею стипендіи, г-жею Е. А. Садовскою, а по смерти ея, сыномъ ея Александромъ Алек-

Digitized by Google

сандровичемъ Садовскимъ; по смерти же сего послѣдняго, право назначенія стипендіатовъ переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ стипендій остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу.

9. (3-го іюня 1883 г.). **Положеніе о пяти стипендіяхъ имени коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Комнино-Варвацн при Таганрогской женской гимназіи.**

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Таганрогской женской гимназіи учреждается пять стипендій имени коллежскаго совѣтника Марка Николаевича Комнино-Варвацн, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго съ этою цѣлью имъ и душеприкащикомъ его Штурмъ-де-Штремомъ капитала въ 6,000 руб.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа, хранится въ Таганрогскомъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендіи, въ размѣрѣ 60 р. въ годъ каждая, назначаются 5-ти достойнѣйшимъ изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ безъ различія классовъ, въ коихъ онѣ обучаются, на покрытіе платы за ученіе и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для стипендіатокъ, и выдаются имъ по полугодно впередъ, въ началѣ учебнаго и гражданскаго года.

§ 4. Стипендіями должны пользоваться преимущественно дѣти мѣстныхъ жителей православнаго вѣроисповѣданія, а за тѣмъ уже иновѣрки. Въ случаѣ, еслибы не оказалось нуждающихся воспитанницъ изъ мѣстныхъ жителей, то стипендіями могутъ пользоватся и иногородныя.

§ 5. Право выбора стипендіатокъ принадлежитъ попечительному Совѣту гимназіи.

§ 6. Видача стипендій прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатками полнаго курса въ гимназіи; б) въ случаѣ выбытія ихъ изъ гимназіи; в) въ случаѣ неодобрительнаго поведенія, и г) когда улучшеніе матеріальныхъ средствъ стипендіатокъ дастъ имъ возможность продолжать ученіе безъ помощи стипендій.

§ 7. Въ случаѣ если стипендіатка остается въ томъ же классѣ

Digitized by Google

на второй годъ, то продолженіе или прекращеніе выдачи ей стипендіи предоставляется попечительному совѣту гимназіи.

10. (3-го іюня 1883 года). Положеніе о стипендіи имени Елены Львовны Богдановой при Смоленской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, при Смоленской Маріинской женской гимназіи учреждается стипендія имени умершей жены поручика Е. Л. Богдановой на счетъ процентовъ съ четырехъ тысячъ рублей, завѣщанныхъ ею съ этою цѣлью.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится вмѣстѣ съ другими суммами гимназіи въ Смоленскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Право избранія стипендіатки принадлежитъ попечительному совѣту гимназіи.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ дочерей бѣдныхъ дворянъ Смоленской губерніи, русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 200 рублей.

§ 6. Могущій образоваться отъ стипендіи остатокъ долженъ быть присоединяемъ къ стипендіальному капиталу, при чемъ можетъ быть соразмѣрно увеличена и самая стипендія.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

31-го мая 1883 года (№ 4). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ международнаго права, коллежскій совѣтникъ Эйхельманъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ иностранныхъ законодательствъ, съ 1-го апрѣля 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Коршъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ римской словесности, съ 23-го апрѣля 1883 года.

Digitized by Google

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Дыдынскій — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ римскаго права, съ 23-го апрѣля 1883 года.

Докторъ медицины Данилевскій—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ зоологіи, съ 23-го апрѣля 1883 года.

Исполняющій обязанности инспектора Каменецъ-Подольской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Петръ—директоромъ сей гимназіи, съ 29-го апрѣля 1883 года.

Преподаватель С.-Петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Гуревичъ—директоромъ содержимыхъ имъ въ С.-Петербургѣ гимназіи и реальнаго училища, съ 1-го апрѣля 1883 года.

Коллежскій совѣтникъ Май—директоромъ содержимаго имъ въ С.-Петербургѣ реальнаго училища, съ 27-го апрѣля 1883 года.

Секретарь канцеляріи святѣйшаго синода, надворный совѣтникъ Барсуковъ—членомъ археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 27-го апрѣля 1883 года.

Отставной есаулъ Жеребковъ—почетнымъ попечителемъ Каменской мужской прогимназіи, по май 1885 года.

Тотемскій 2-й гильдіи купецъ Поповъ—вновь почетнымъ попечителемъ Тотемской учительской семинаріи, на три года, съ 12-го апрѣля 1883 года.

Потомственный почетный гражданинъ Кузнецовъ—вновь почетнымъ попечителемъ Красноярской учительской семинаріи, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лыкинъ, статскій совѣтникъ Голынецъ, потомственный почетный гражданинъ Пермяковъ и Пермскій 2-й гильдіи купецъ Сиговъ—членами попечительства Пермскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, на три года, съ 5-го апрѣля 1883 года.

Членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда Савицкій, почетный мировой судья Совѣткинъ, присяжный повѣренный Казанцевъ, предсѣдатель Екатеринбургской уѣздной земской управы Клепининъ и Екатеринбургскій землевладѣлецъ, дворянинъ Кокшаровъ—членами попечительства Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, на три года.

Бессарабскіе губернскіе земскіе гласные Катруца и Доничъ, Бессарабскіе губернскіе земскіе гласные и вмѣстѣ съ тѣмъ гласные

Кишиневской городской думы Кировъ, Синадино и Гринбергъ и гласный Кишиневской городской думы Сырбъ — членами попечительства Кишиневскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщается: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Деларю—съ каѳедры чистой математики на каѳедру аналитической механики въ семъ университетѣ, съ 5-го апрѣля 1883 года.

Опредѣляется: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Толмачевъ—дѣлопроизводителемъ VIII-го класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 19-го апрѣля 1883 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Дмитрій фонъ Бенкендорфъ, съ 7-го мая 1883 года.

Бывшій штатный смотритель Сердобскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ Левъ Гусельниковъ, съ 16-го апрѣля 1883 года, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Оставляются на службѣ: по 1-е августа 1883 года: Директоръ Алферовской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулинъ.

На три года: Директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ, съ 24-го марта 1883 года.

По 19-е апрѣля 1887 года: Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Бабчинскій.

На пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паткановъ, съ 28-го апрѣля 1883 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Щелковъ, съ 14-го ноября 1881 года.

Командируются съ ученою цѣлію въ Россіи: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Минхъ, и доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института Остапенко—оба на лѣтнее вакаціонное время 1883 г., первый—въ Кубанскую область и Крымъ и второй — въ разныя губерніи.

Digitized by Google

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ Миллеръ—на три мѣсяца, на Кавказъ.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Лучицкій — на три мѣсяца и одиннадцать дней, въ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Успенскій—на три съ половиною мѣсяца, въ Москву и С.-Петербургъ.

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Штукенбергъ, и приватъ-доцентъ сего универститета Кротовъ—на четыре мѣсяца, въ Пермскую губернію.

Магистръ Императорскаго Дерптскаго университета Кнауеръ—съ 1-го сентября 1883 года по 1 января 1884 года, въ Москву.

Хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета Никольскій—на шесть мѣсяцевъ въ Астраханскую губернію.

Увольняются въ отпускъ:

а) въ Россіи:

на четырнадцать дней: ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ренненкампфъ, въ Москву и С.-Петербургъ.

на двадцать дней: директоръ Варшавскихъ первой мужской и женской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыжановскій, въ С.-Петербургъ.

на двадцать девять дней: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайный совѣтникъ Вышнеградскій, въ разныя губерніи.

на лѣтнее вакаціонное время 1883 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ, въ С.-Петербургъ и Москву, директоръ коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ничипоренко, въ Крымъ, г. Одессу и Полтавскую губернію, директоры гимназій: Московскихъ: первой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебедевъ, въ южныя губерніи и на Кавказъ, и пятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Васовъ, въ Московскую губернію и на Кавказъ, Нижегородской—статскій совѣтникъ Миротворцевъ, во внутреннія губерніи: Гродненской—статскій совѣтникъ Татлинъ, въ Прибалтійскія гу-

Digitized by Google

берніи и г. Москву, Бердянской—статскій совѣтникъ Алаевъ, Симферопольской—статскій совѣтникъ Тимошевскій и Ананьевской—коллежскій совѣтникъ Гасиль, всѣ трое въ разныя губерніи, начальницы женскихъ гимназій: Казанской Ксеніинской—Камкова и Сарапульской Цепелева, въ разныя губерніи, директоры прогимназій: Глуховской—статскій совѣтникъ Лазаренко, на Кавказъ, Острожской—коллежскій совѣтникъ Водолагинъ, Елисаветградской—коллежскій совѣтникъ Балыкъ и Θеодосійской—Виноградовъ, директоры реальныхъ училищъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кривоносовъ, Костромскаго—статскій совѣтникъ Булгакъ, Изюмскаго—коллежскій ассессоръ Посадскій-Духовскій, Севастопольскаго—коллежскій совѣтникъ Урусовъ, Одесскаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла—Мертенсъ, Ревельскаго-Оссе, всѣ въ разныя губерніи, Московскаго при реформатской церкви—Алякритскій, на Кавказъ, Полтавскаго—статскій совѣтникъ Лагоріо, въ Крымъ, Урюпинскаго—Ренчицкій, въ Крымъ и гг. С.-Петербургъ и Харьковъ, директоры учительскихъ семинарій: Волчанской—статскій совѣтникъ Мальцовъ, Преславльской—коллежскій совѣтникъ Паховскій и Благовѣщенской—надворный совѣтникъ Поповъ, всѣ трое въ разныя губерніи. Изъ нихъ по болѣзни: Лебедевъ, Басовъ, Миротворцевъ, Татлинъ, Алякритскій и Поповъ.

на полтора мѣсяца: директоръ Царицынской Александровской прогимназіи, статскій совѣтникъ Третьяковъ, съ 15 іюня 1883 г., въ Самарскую и Казанскую губерніи, по болѣзни.

на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и десять дней исправляющій должность директора Шавельской гимназіи, надворный совѣтникъ Бржезинскій, въ разныя губерніи.

на мѣсяцъ и двадцать семь дней: исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія Гергинъ, въ Полтавскую губернію, по болѣзни.

на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и пятнадцать дне директоры гимназій: Могилевской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурсовъ, во внутреннія губерніи, и Варшавской II мужской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ, въ разны губерніи.

на два мѣсяца: окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ, въ Новгородскую губернію, съ 15 іюня 1883 г., директоръ Вятской гим-

Digitized by Google

назіи, коллежскій совѣтникъ Свѣшниковъ, въ Самарскую и Таврическую губерніи, съ 20 іюня 1883 г., начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановъ, на Кавказъ и въ гг. С.-Петербургъ и Москву, съ 21 іюня 1883 г., помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Эвенштейнъ, въ С.-Петербургскую губернію и исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя сего департамента Бычковъ, въ Ярославскую губернію, съ 27 іюня 1883 г. Всѣ пятеро по болѣзни.

Съ 4-го іюня по 10-е августа 1883 года: директоръ Коломенской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Буслаевъ, въ Московскую и С.-Петербургскую губерніи.

на лѣтнее вакаціонное время 1883 года и двадцать восемь дней: директоръ Императорской Казанской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крелленбергъ, въ Остзейскія губерніи, по болѣзни, и начальница Томской Маріинской женской гимназіи Фризель, въ С.-Петербургъ. Съ 5-го іюня по 15-е августа 1883 года: директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій, въ разныя губерніи, по болѣзни.

на три мѣсяца и четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ Шкляревскій, въ Крымъ, по болѣзни.

на четыре мѣсяца: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Митюковъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

б) въ Россіи и за границу: на два мѣсяца: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Оношковичъ-Яцына, по болѣзни.

и в) за границу: на пятнадцать дней: профессоръ Рижскаго политехническаго училища Пофуль.

на двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сокальскій и адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ Баклундъ.

на мѣсяцъ и двадцать дней: бухгалтеръ канцеляріи Плоцкой учебной дирекціи Коссовскій, по болѣзни.

на лѣтнее вакаціонное время 1883 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, тай-

Digitized by Google

ный совѣтникъ Мейковъ, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—статскій совѣтникъ Муромцевъ, Харьковскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: Пѣховскій и Лашкевичъ, статскіе совѣтники: Потебня, Гаттенбергеръ, Авсѣенко и Оболенскій, Новороссійскаго—статскій совѣтникъ Лигинъ, Варшавскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: Гойеръ, Траутфеттеръ и Тырховскій, коллежскій совѣтникъ Первольфъ, Кашница и Симоненко, Дерптскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: проректоръ Драгендорфъ, Стида и Фогель, статскіе совѣтники: Гершельманъ, Розенбергъ, Бруннеръ и Леннингъ, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—статскій совѣтникъ Залѣсскій и Дерптскаго—Бонвечъ и Мейеръ, доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Соколовъ и Харьковскаго Загоровскій и Шерцль, лекторы Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—фонъ-Труартъ и Варшавскаго—статскій совѣтникъ Бергъ, прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Викчемскій, помощникъ библіотекаря сего университета Шлютеръ, учитель музыки сего же университета Цельнеръ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Миллеръ, директоръ Рижскаго политехническаго училища Кизерицкій, профессоры сего училища: надворный совѣтникъ фонъ-Книримъ, Бекъ и Лангъ, доценты сего же училища Вестерманъ и Верлинъ, старшіе надзиратели лицея Цесаревича Николая, коллежскій совѣтникъ Булье и надворный совѣтникъ Золотницкій, завѣдывающій гимназіею Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ, директоры гимназій: С.-Петербургской пятой—статскій совѣтникъ Шрамекъ, частной въ С. Петербургѣ—коллежскій совѣтникъ Май, Пензенской—статскій совѣтникъ Бѣлицкій, Варшавской IV мужской—статскій совѣтникъ Бульмерингъ и Люблинской мужской—статскій совѣтникъ Сѣнгалевичъ, директоръ училищъ Эстляндской губерніи и Ревельской губернской гимназіи, статскій совѣтникъ Бертингъ, инспекторъ Орловской гимназіи, статскій совѣтникъ Должелъ, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: I—статскій совѣтникъ Веденяпинъ и V—Геевскій, Сѣдлецкой—Сотничевскій и Плоцкой—статскій совѣтникъ Абрамовичъ, исполняющій обязанности инспек-

Digitized by Google

тора Керченской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Застырецъ, учитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Радецкій, воспитатель пансіона сего института, надворный совѣтникъ Юргенсенъ, учители гимназій С.-Петербургскихъ: первой—статскій совѣтникъ Калье, второй—статскіе совѣтники Дьяконовъ и Кенигъ и надворный совѣтникъ Давиденковъ, третьей—коллежскій совѣтникъ Райманъ и надворный совѣтникъ Кеммерлингъ, пятой—статскій совѣтникъ Гошеронъ-де-ля Фосъ и Клеберъ, шестой статскій совѣтникъ Клеманъ и коллежскіе ассессоры Шенфельдъ и Мазингъ, седьмой—надворный совѣтникъ Канскій, Императорскаго человѣколюбиваго общества—коллежскій ассессоръ Шнейдеръ, Императорской Николаевской Царскосельской — Гильдебрандъ, Псковской—коллежскій совѣтникъ Прохаска, Московскихъ: второй—коллежскій ассессоръ Смирновъ, третьей — надворный совѣтникъ Шевронъ и шестой—статскій совѣтникъ Дени, Орловской — Лебланъ, Тверской—коллежскій совѣтникъ Крупарь и надворный совѣтникъ Голейшовскій, Новочеркасской—Манштейнъ и Жуковскій, Пензенской—Шейхль, Витебской—надворный совѣтникъ Антоненко. Прилукской—Подлужскій и Тюрріанъ, Астраханской—Фуксъ, Самарской—коллежскій совѣтникъ Кубишъ, Воронежской Сѣдлатый, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ — Добіашъ и Сертье, Керченской—Гролихъ, Одесскихъ: второй — статскіе совѣтники Чеховскій, Лисовскій и Ліоте, третьей—статскій совѣтникъ Ходоровичъ, Херсонской — Шипинскій, Николаевской — коллежскій ассессоръ Кейзларъ, Кишиневской—коллежскій совѣтникъ Марекъ и Ратминдеръ, Бердянской—Янъ, Бабченко и Юрса, Варшавскихъ мужскихъ: I — коллежскій совѣтникъ Мальмъ, коллежскій ассессоръ Ваккеръ и Бушъ, II—статскій совѣтникъ Биллевичъ, Беньковскій, Влошекъ, Бадовскій, Околовъ и Дуйсбургъ, III—Островскій, Марковскій, Шумовскій, Тиме, Хойко, Дембицкій, Яселевичъ, Бобрукъ и Келлеръ, IV—статскій совѣтникъ Конопчинскій, коллежскій ассессоръ Радлинскій, Красносельскій, Радзюкинасъ, Добкевичъ, Полкотыцкій, Квѣтневскій, Поязанскій, Поплонскій и коллежскій секретарь Наркевичъ, V—Стефановичъ, Машевскій и Ханецкій и VI—Ржига, Люблинской мужской—Сперанскій, Горелъ, Доборжинскій, Броллъ, Пруссъ, Богдановичъ, Козьминскій и Евстахевичъ, Кѣлецкой мужской—Вабнеръ, Матулевичъ, Рыбарскій, Ча

Digitized by Google

нецкій и Стравинскій, Плоцкой мужской — статскій совѣтникъ Масловскій, Гильке, Рутскій, Пухевичъ, Служевскій и Щербовичъ-Вечоръ, Ревельской губернской — надворный совѣтникъ Ступпъ, Дерптской—надворный совѣтникъ Реймерсъ, Аренсбургской — Мазингъ, Рижской городской — коллежскій ассесоръ Барцъ, Рижской губернской — коллежскій секретарь Михельсонъ; старшіе учители гимназій: Рижской городской — статскій совѣтникъ Готфридъ, надворные совѣтники Пельхау и Земель и Боке́, Рижской губернской Тилингъ, Митавской Шпонгольцъ и Расфельдъ, Дерптской—Голланъ, Либавской Николаевской—Феккенштедтъ, Гольдингенской — титулярный совѣтникъ Вилле, завѣдывающій Варшавскою II-ю женскою гимназіею, учитель сей гимназіи Ненадкевичъ, учитель Одесской Маріинской женской гимназіи Маркевичъ, надзирательницы женскихъ гимназій: Варшавской IV—Филипеусъ и Плоцкой—Марія Ганушъ, учительницы женскихъ гимназій: Роменской—Шевчикъ и Плоцкой—Сабина Ганушъ, классныя дамы женскихъ гимназій: Варшавской II—Дементьева, Плоцкой—Рау и Калишской—Опицъ, начальница Вознесенской женской прогимназіи Ольга Копыткина, надзирательницы женскихъ прогимназій: Вознесенской—Эмилія Копыткина и Замостской—Гаврилова, учители прогимназій: С.-Петербургской третьей—Струнке и Гризаръ, Петергофской Императора Александра II—Ламихъ, Одесской первой—Шуллеръ, Херсонской — Марекъ, Кишиневской—Проданъ, Варшавской 1-й мужской—коллежскій ассесоръ Коперницкій и Дзядулевичъ, Замостской мужской—Киричинскій, Ченстоховской мужской—коллежскій ассессоръ Дубицкій, Рутскій, Грабовскій, и Коссовскій, Бобруйской —Славскій, Острожской — Шармаркевичъ, Бобровской— Крайгеръ, Рыльской—Хостникъ, директоръ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, учители сего училища: Бонжуръ, Тюрель, Аккерманъ, Глевеке, Миттелахеръ, М. Миллеръ, Ф. Миллеръ, Бруннеръ и Фремонъ,, учители училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ: коллежскій совѣтникъ Бреме, надворный совѣтникъ Кенигъ, Фридерици и Бауманъ, исправляющій должность инспектора Ловичскаго реальнаго училища Покровскій, исполняющій обязанности инспектора Одесскаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла реальнаго училища Каминскій, учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскихъ: перваго—Тернизьенъ и втораго—Мабиль, Великолуцкаго—Штепа-

Digitized by Google

некъ, Астраханскаго—статскій совѣтникъ Бобель и коллежскій ассесоръ Вихмацъ, Динабургскаго—Пежо и Булле, Бѣлостокскаго—де-Мобежъ, Новочеркасскаго—Адамсонъ, Одесскаго—коллежскій совѣтникъ Кольсадо, Екатеринославскаго—Гонсбергеръ, Кишиневскаго Лысаковскій, Ловичскаго—Геевскій, Дерптскаго—Фогтъ, Митавскаго—Шовэ и Видеманъ, Рижскаго городскаго—Барро и Бакъ, учитель мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ, надворный совѣтникъ Кремеръ, помощникъ классныхъ наставниковъ Одесскаго городскаго реальнаго училища Цацъ, инспекторъ Одесскаго коммерческаго училища, статскій совѣтникъ Шейбе, учитель сего училища, надворный совѣтникъ Вавра, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института. дѣйствительный статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ, инспекторъ училищъ г. Варшавы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Горнбергъ, учитель-руководитель Варшавской учительской семинаріи Пампель, штатный смотритель и учитель Валкскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Даббертъ, учитель Ревельскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Кельнеръ и учитель Острожскаго городскаго приходскаго училища Акинфіевъ. Изъ нихъ по болѣзни: Тырховскій, Киверицкій, Шрамекъ, Бульмерингъ, Веденяпинъ, Геевскій, Сотничевскій, Абрамовичъ, Клеманъ, Канскій, Гильдебрандъ, Манштейнъ, Шейхль, Кубишъ, Мальмъ, Ваккеръ, Бушъ, Биллевичъ, Веньковскій, Влошекъ, Вадовскій, Околовъ, Дуйсбургъ, Островскій, Марковскій, Шумовскій, Тиме, Хойко, Дембицкій, Яселевичъ, Бобрукъ, Келлеръ, Конопчинскій, Радлинскій, Красносельскій, Радзюкинасъ, Добкевичъ, Полкотыцкій, Квѣтневскій, Позпанскій, Поплонскій, Наркевичъ, Стефановичъ, Машевскій, Ханецкій, Сперанскій, Горелъ, Доборжинскій, Броль, Прюссъ, Богдановичъ, Козьминскій, Евстахевичъ, Вабнеръ, Матулевичъ, Рыбарскій, Чарнецкій, Стравинскій. Масловскій, Гильке, Рутскій, Пухевичъ, Служевскій, Щербовичъ-Вечоръ, Реймерсъ, Барцъ, Пельхау, Тиллингъ, Филипеусъ, Марія Ганушъ, Гаврилова, Сабина Ганушъ, Рау, Опицъ, Коперницкій, Дзядулевичъ, Киричинскій, Дубицкій, Рутскій, Грабовскій, Коссовскій, Покровскій, Геевскій, Барро, Сентъ-Илеръ, Горнбергъ и Пампель.

Съ 17-го іюня по 1-е августа 1883 года: классная дама Радомской женской гимназіи Зайцова, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года и десять дней: старшій учитель Либавской Николаевской гимназіи, коллежскій ас-

Digitized by Google

сессоръ Шенъ и учитель сей гимназіи Іогансенъ, оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій, учитель Костромской гимназіи, статскій совѣтникъ Колянковскій, учитель Харьковской третьей гимназіи Ирмеръ, инспекторъ и старшій учитель Рижскаго городскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Пёльхау и учитель Рижскаго казеннаго начальнаго училища, губернскій секретарь Фроммъ. Изъ нихъ Ирмеръ, Пёльхау и Фроммъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года и пятнадцать дней: директоры Варшавскихъ мужскихъ гимназій: V—статскій совѣтникъ Стефановичъ, профессоръ Рижскаго политехническаго училища Грёнбергъ и учитель Роменскаго реальнаго училища, коллежскій ассессоръ Роттенъ, изъ нихъ первые двое и послѣдній по болѣзни.

Съ 15-го іюня по 16-е августа 1883 года: классная дама Радомской женской гимназіи Будянская и учительница сей гимназіи Зомбковская, по болѣзни.

На два мѣсяца: библіотекари Императорской публичной библіотеки, дѣйствительные статскіе совѣтники Стасовъ и Кеппенъ, сверхштатные помощники прозекторовъ Императорскаго Варшавскаго университета Эльзенбергъ и Камоцкій и учитель Ленютскаго начальнаго училища Корниловичъ; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать дней: главная воспитательница Холмскаго Маріинскаго женскаго училища Нолле. по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Янсонъ, Новороссійскаго — статскій совѣтникъ Клименко и Дерптскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Шварцъ и статскій совѣтникъ Митгофъ, управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера, Ляхницкій, учители гимназій: С.-Петербургской шестой — дѣйствительный статскій совѣтникъ Бастенъ и Лубенской — Андерле, старшій учитель Гольдингенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Стритъ и учитель Вологодскаго реальнаго учи-

Digitized by Google

лища, надворный совѣтникъ Рошеръ. Изъ нихъ по болѣзни: Янсонъ и Ляхницкій.

На лѣтнее вакаціонное время 1883 года и двадцать девять дней: учители гимназій: С.-Петербургской первой — статскій совѣтникъ Кондратьевъ и Ревельской Александровской — надворный совѣтникъ Ильинъ, оба по болѣзни.

На два мѣсяца и двадцать пять дней: учитель Сызранскаго реальнаго училища Вихманъ и учитель Черниговскаго городскаго училища Морозовъ, оба по болѣзни.

На три мѣсяца: учитель Одесской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ Коппе, по болѣзни.

Съ 1-го іюня по 10-е сентября 1883 года: доцентъ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ Синицынъ.

На четыре мѣсяца: директоръ Ташкентской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Янко и причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Леманъ и коллежскій регистраторъ графъ Соллогубъ.

Увольняются отъ службы: а) за выслугою срока: ординарный профессоръ Императорскаго Деритскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Гольстъ, съ 28-го февраля 1883 года.

и б) согласно прошенію: директоръ частныхъ мужской гимназіи и реальнаго училища въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Бычковъ, съ 1-го апрѣля 1883 г.

Директоръ Иркутской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ Бауеръ.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему директору народныхъ училищъ Новгородской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Веревкину

Исключаются изъ списковъ умершіе: директоры гимназій: Холмской мужской—статскій совѣтникъ Мазюкевичъ и Каменецъ-Подольской—Сторожевъ, директоръ народныхъ училищъ Ярославской губерніи. дѣйствительный статскій совѣтникъ Шнееръ и почетный попечитель Омской учительской семинаріи титулярный совѣтникъ Сорокинъ.

Digitized by Google

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу „Исторія Тверскаго княжества". В. С. Борзаковскаго. С.-Петербургъ, 1876 года—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ (для старшихъ классовъ) въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона". Часть I. Составилъ по оффиціальнымъ документамъ Н. Гюббенетъ. С.-Петербургъ. 1882 г.,—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній съ (требованіями надлежитъ обращаться къ автору: у Пѣвческаго моста, д. министерства иностранныхъ дѣлъ, № 24).

— Книги: 1) „Сборникъ тригонометрическихъ задачъ", примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіе учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Составилъ В. Мининъ, преподаватель 3-й Московской гимназіи. Москва. 1881 г. Цѣна 75 к.,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

2) „Книга упражненій по латинскому синтаксису". Сборникъ фразъ и статей для перевода съ русскаго языка на латинскій. Съ прибавленіемъ примѣчаній и полнаго словаря. Составили по Зюпфле, К. Павликовскій и В. Исаенковъ, преподаватели древнихъ языковъ въ Московской 2-й гимназіи. Москва. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.,—допустить въ гимназіи въ качествѣ учебнаго пособія.

3) „Практическая славянская грамматика съ систематическими славянскими и русскими примѣрами, изборниками и словарями для упражненій". Составилъ преподаватель Поливановской учительской семинаріи священникъ В. Крыловъ. Москва. 1882 г. Цѣна 85 к.,—одобрить какъ учебное пособіе по славянскому языку для среднеучебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

4) „Родина". Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Курсъ

Digitized by Google

приготовительнаго и четырехъ низшихъ классовъ. Составилъ А. Радонежскій. Изданіе восьмое. Съ рисунками. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 75 к.,—одобрить для классцаго чтенія и упражненій въ разборѣ устномъ и письменномъ изложеніи въ приготовительномъ и первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскихъ и народныхъ училищахъ.

5) „Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ". Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Никульцевъ, преподаватель Смоленскаго реальнаго училища. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р. 60 к.,—допустить къ употребленію, въ видѣ руководства по алгебрѣ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

6) „Двойная бухгалтерія (Италіанская)". Для коммерческихъ и реальныхъ училищъ и для самообученія. Составилъ по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Васильевъ - Яковлевъ. Кіевъ. 1882 г. Цѣна 1 р. 25 к.,—одобрить какъ полезное учебное пособіе для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ.

7) Изданіе „Отечественная исторія въ картинахъ", для школы и дома. Составилъ и издалъ С. Рождественскій. Выпуски 2 и 3. С.-Петербургъ. 1881 г.,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднеучебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія,

и 8) „Руководство къ изученію латинскаго языка", составленное по Кюнеру. Изданіе 13-е. С.-Петербургъ. 1881 г. Цѣна 1 р. 15 к.,—одобрить, какъ руководство по латинскому языку, для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Е. Госпиталье. Главнѣйшія приложенія электричества". Переводъ съ 2-го изданія подъ редакціею С. Степанова. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 3 р. 50 к.,—рекомендовать для основныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также какъ наградную книгу.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Изданіе „Отечественная исторія въ картинахъ, для школы и дома". Составилъ и издалъ С. Рождественскій. Выпуски 2-й и

Digitized by Google

3-й. С.-Петербургъ. 1881 г.,—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго пособія въ учительскихъ семинаріяхъ, городскихъ и народныхъ училищахъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Конекъ-Горбунокъ". Русская сказка. П. Ершова. Изданіе 11-е. С.-Петербургъ. 1883 г.,—допустить въ библіотеки низшихъ школъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюры подъ заглавіемъ: „Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и съ народомъ". Бесѣды I и IX. Изданіе артиллеріи подполковника Павла Меньшикова. С.-Петербургъ. 1878 и Варшава 1881 г. Цѣна каждой 25 к.,—допустить въ ученическія библіотеки сельскихъ народныхъ училищъ, какъ книги, полезныя для чтенія учениками.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Начальныя свѣдѣнія по скотоводству". Составилъ В. Г. Котельниковъ. Съ 56-ю рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 50 к.,—допустить только въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Звѣздочка" (азбука). Первый годъ обученія въ школахъ для взрослыхъ. Составилъ П. П. Столпянскій. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1883 г. Цѣна 15 к.,—допустить въ начальныя училища въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книжку подъ заглавіемъ: „Богъ въ природѣ". Первоначальное чтеніе,—допустить въ пятомъ ея изданіи въ библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ министерства.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Немировской гимназіи, съ начала 188³/₄ учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ съ 21 р. на двадцать шесть руб. и въ остальныхъ классахъ съ 30 руб. на сорокъ руб. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія попечителя Кіевскаго учебнаго округа министерствомъ народнаго просвѣщенія утвержденъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Прилукской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала 188³/₄ учебнаго года, по четырнадцати руб. въ приготовительномъ и по двадцати руб. въ остальныхъ классахъ въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, министерствомъ народнаго просвѣщенія утвержденъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Злотопольской прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной прогимназіи, съ начала будущаго $188^{3}/_{4}$ учебнаго года, по тридцати руб. въ приготовительномъ и по сорока руб. въ остальныхъ классахъ въ годъ съ каждаго ученика.

О ПРЕМІЯХЪ ПОТОМСТВЕННАГО ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА А. М. СИБИРЯКОВА.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 3-й день февраля 1883 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Императорскою академіею наукъ въ ея вѣдѣніе капитала въ десять тысячъ руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ, съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этой суммы, черезъ каждые три года, выдавалась премія имени жертвователя за лучшее историческое оригинальное сочиненіе о Сибири, и чтобы, по открытіи Сибирскаго университета, сему послѣднему былъ переданъ какъ означенный капиталъ, такъ и обязанность присужденія и выдачи премій Сибирякова.

Правила о порядкѣ присужденія Академіею Наукъ преміи А. М. Сибирякова.

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го февраля 1883 года, утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 3-го іюня 1883 года).

1) Въ соисканіи преміи потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова могутъ участвовать оригинальныя, на русскомъ языкѣ, историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего этого края, или отдѣльныхъ его частей, а также исторію Сибирскихъ племенъ, гражданскаго быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д. Къ соисканію премій допускаются также и сборники историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ.

2) Первое присужденіе преміи будетъ происходить въ 1886 году. Авторы, желающіе участвовать въ ея соисканіи, должны доставить свои сочиненія въ академію не позже 1-го января того же года.

Digitized by Google

3) Изъ печатныхъ сочиненій, къ соисканію преміи принимаются лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе шести лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсному.

4) Рукописныя сочиненія, представляемыя къ соисканію преміи, должны быть писаны четко и чисто. Авторамъ ихъ предоставляется или выставить свое имя на самой рукописи, или скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ.

5) Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ академію экземпляра отпечатаннаго сочиненія.

6) Дѣйствительные члены академіи не имѣютъ права участвовать въ соисканіи преміи.

7) Присужденіе преміи производится историко - филологическимъ отдѣленіемъ академіи, при содѣйствіи, въ случаѣ надобности, членовъ физико-математическаго отдѣленія, въ теченіе декабря конкурснаго года, и приговоръ о результатахъ конкурса доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи 29-го декабря.

8) Право на полученіе преміи имѣютъ лишь авторъ или его наслѣдники, но отнюдь не издатель увѣнчаннаго сочиненія.

Digitized by Google

О СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

I.

На основаніи § 2 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, съ утвержденія управлявшаго министерствомъ г. товарища министра 24-го октября 1880 года, назначена была на соисканіе означенныхъ премій къ 1-му ноября 1882 года, по разряду гимназій, группа: „Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью, и логика; сюда присоединена педагогика съ дидактикой и методикою, примѣнительно къ гимназіямъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по логикѣ.

Къ назначенному сроку 1-му ноября 1882 года на соисканіе премій Императора Петра Великаго представлены въ ученый комитетъ четыре сочиненія: три печатныя и одно рукописное. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, составлена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета А. Д. Галахова, изъ членовъ: инспектора С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Н. П. Некрасова, наставника-руководителя гимназіи при этомъ институтѣ И. В. Гаврилова и члена особаго отдѣла ученаго комитета И. П. Хрущова.

Digitized by Google

Коммиссія, выслушавъ мнѣнія рецензентовъ о разсмотрѣнныхъ ими сочиненіяхъ, нашла справедливымъ присудить малую премію Петра Великаго книгѣ: „Методическая Русская Хрестоматія съ приложеніемъ: а) стилистики и теоріи прозы въ связи съ приготовительнымъ курсомъ логики; б) теоріи поэзіи; в) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній. Пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и логики и при руководствованіи въ сочиненіяхъ учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Часть I. Для изученія стилистики, теоріи прозы и логики.—Часть II. Для изученія теоріи поэзіи.“ Существенное содержаніе мнѣнія объ этой книгѣ слѣдующее:

Въ положеніи о преміяхъ Императора Петра Великаго, по § 4-му, „къ соисканію премій допускаются только такія учебныя сочиненія, которыя, по крайней мѣрѣ по своимъ приспособленіямъ къ потребностямъ русскихъ учениковъ, представляются произведеніями самостоятельными, требовавшими основательнаго собственнаго труда со стороны автора.“ По силѣ этого параграфа, означенная хрестоматія имѣла право подвергнуться разбору, какъ такое учебное пособіе, которое отличается отъ однородныхъ съ нею книгъ особеннымъ значеніемъ. Особенность ея указывается прежде всего самымъ заглавіемъ („методическая“), разъясняется же обстоятельнымъ предисловіемъ, и кромѣ того, „объяснительною запискою,“ спеціально приложенною къ экземпляру для соисканія преміи. Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая назначена для изученія прозы, вторая—для изученія поэзіи. Составитель отдаетъ предпочтеніе первой части, какъ удовлетворяющей условіямъ соисканія Петровской преміи, почему рецензентъ ограничился разсмотрѣніемъ этой части, занимающей четыре пятыхъ всей книги. Въ основу стилистики и теоріи прозы положены законы логики, которая такимъ образомъ изучается практически при помощи прозаической части хрестоматіи. Примѣрами и разборами статей учащійся вводится въ изученіе этой науки постепенно, пріучаясь каждый ея законъ видѣть приложеннымъ въ тѣхъ образцахъ, которые читаетъ и которымъ подражаетъ въ собственныхъ упражненіяхъ. Такъ, въ стилистикѣ „выборъ словъ“ разсматривается въ связи съ §-мъ о представленіи и понятіи; „ученіе о предложеніи“ проходится въ связи съ §-мъ о сужденіи; „ученіе о сочетаніи предложеній и о періодѣ“—въ связи съ §-мъ объ отношеніи между сужденіями и объ умозаключеніи. Въ такую же связь съ логикой приведены и положенія теоріи прозы, какъ въ отдѣлѣ описаній и повѣствованій,

Digitized by Google

такъ особенно въ отдѣлѣ разсужденій: выборъ, расположеніе и разъясненіе послѣднихъ есть рядъ примѣровъ на опредѣленіе и раздѣленіе понятій и на ученіе о доказательствахъ. Это приложеніе стилистики и теоріи прозы къ логикѣ, а также разборы и примѣчанія къ выбраннымъ статьямъ, и составляютъ самостоятельную работу, давшую составителю право представить книгу на соисканіе премія.

Избранныя статьи расположены въ методической послѣдовательности, почему хрестоматія и получила названіе „методической". Эта послѣдовательность изложена въ указателѣ, сопровождающемъ оглавленіе, и въ обильныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Такъ, въ описаніяхъ, повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ матеріалъ сообщается постепенно, начиная съ простѣйшихъ образцовъ и переходя къ болѣе и болѣе сложнымъ, и такимъ образомъ знакомя учащихся съ разными видами въ каждомъ родѣ прозаическихъ сочиненій. Напримѣръ, въ отдѣлѣ описаній: „простѣйшій планъ описанія", „выборъ признаковъ и расположеніе, согласное съ основною мыслію", „описаніе дерева—планъ въ зависимости отъ частей предмета", „описаніе въ 1-й части систематическое, во 2-й несистематическое", „научное описаніе предмета", „описаніе явленія сложнаго", „описаніе, соединенное съ повѣствованіемъ" и т. д. Въ отдѣлѣ повѣствованій: „связный разсказъ при расположеніи хронологическомъ", „образецъ прагматическаго изложенія", „простое повѣствованіе", „повѣствованіе художественное", „элементъ разсужденія въ повѣствованіи", „повѣствованіе сложное", „образецъ біографіи", „образецъ автобіографіи" и т. д. Въ отдѣлѣ разсужденій: „раздѣленіе и полное опредѣленіе", „характеристика рода", „различеніе (distinctio)", „логическое описаніе, какъ замѣна опредѣленія", „опредѣленіе двухъ типовъ", „параллельная характеристика двухъ лицъ, въ связи съ описаніемъ и повѣствованіемъ", „статья моральнаго содержанія", „доказательство прямое и непрямое", „характеристика литературнаго произведенія", „сложное разсужденіе", и проч.

Указавъ особенности „Методической хрестоматіи", рекомендующія ее какъ полезное учебное пособіе, рецензія отмѣтила и нѣкоторые ея недостатки, какъ относительно избранныхъ статей, такъ и относительно теоретической части. Въ первомъ отношеніи поставлена на видъ не всегда выдержанная разборчивость при наполненіи книги матеріаломъ для чтенія. Составитель, по словамъ рецензіи, не ограничилъ области, изъ которой ему слѣдовало черпать: онъ, не стѣсняясь, беретъ матеріалъ изъ литературъ иностранныхъ, а изъ оте-

Digitized by Google

чественной, въ отдѣлѣ разсужденій, предпочитаетъ статьи историческія, чуждаясь литературныхъ. Это объясняется тѣмъ, что хрестоматія какъ бы присвоила себѣ цѣль всей высшей образовательной школы— „дать учащимся почувствовать удовольствіе отъ серьезнаго чтенія", „помочь имъ сдѣлать значительный шагъ въ образованіи,—тотъ шагъ, необходимость котораго такъ сильно чувствуется въ нашихъ ученикахъ, готовящихъ себя къ университетскому курсу". Соотвѣтственно этой цѣли, сочиненіямъ новѣйшихъ историковъ и другихъ ученыхъ отведено много мѣста, и обойдено много, что̀ уже отмѣчено литературнымъ преданіемъ, какъ классическое, и что̀, какъ таковое, должно бы стать достояніемъ школы. Далѣе, въ классификаціи разнообразнаго типа описаній и разсужденій, помѣщенныхъ съ цѣлію показать учащимся, какъ видоизмѣняются литературные пріемы, и какъ вмѣстѣ съ этимъ соединено измѣненіе и логическаго пути, и пріемовъ изложенія, не указаны всѣ виды изложенія, отмѣченные еще реторикой. Наконецъ, нельзя согласиться съ составителемъ и въ распредѣленіи видовъ прозы по классамъ: „описанія и повѣствованія въ V и VI-мъ, разсужденія въ VII и VIII-мъ". Сочиненія должны служить не только риторическимъ цѣлямъ, но и усвоенію преподаннаго, и переработкѣ прочитаннаго; гораздо лучше слѣдовать требованію дидактики — постепенно переходить отъ простаго къ сложному, отъ легкаго къ трудному; нѣкоторыя разсужденія легче иныхъ описаній и повѣствованій. Въ теоретической части, именно въ ученіи о разсужденіяхъ, при объясненіи дѣленія (divisio) не указано, откуда брать „основу" или „принципъ" дѣленія; хрестоматія не объясняетъ, какъ и гдѣ имъ пользоваться. Также поступлено съ „классификаціей" и съ „опредѣленіемъ", то-есть, дано лишь объясненіе формальное, хотя самъ авторъ въ „Объяснительной Запискѣ" замѣтилъ, что первое условіе плодотворнаго ученія состоитъ въ томъ, чтобъ ученикъ понималъ пользу онаго на первыхъ порахъ.

Не смотря на указанные недостатки, „Методическая русская хрестоматія" безспорно представляетъ нѣчто новое и органическое по мысли и стремленію составителя осуществить ее. Эта мысль—правильна и вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ современной школы. Исполненіе ея, какъ первый опытъ, выполненный съ любовію къ дѣлу и способный повліять на улучшеніе преподаванія русской словесности и сопровождающихъ оное письменныхъ упражненіи, „Методическая Русская Хрестоматія" заслуживаетъ одобренія.

Ученый комитетъ, въ засѣданіи 11-го апрѣля, обсудивъ заключеніе

Digitized by Google

особой коммиссіи о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ, представленныхъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго, а равно и подробные разборы сихъ сочиненій, опредѣлилъ:

1) Составителю „Методической русской хрестоматіи" Л. И. Поливанову, согласно съ заключеніемъ коммиссіи, присудить малую премію въ 500 рублей.

2) Прочія сочиненія, представленныя на сей разъ по разряду гимназій для соисканія премій, отъ присужденія преміи устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя коммиссіи А. Д. Галахова и членовъ: Н. П. Некрасова, И. В. Гаврилова и И. П. Хрущова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

На основаніи § 12 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, опредѣленіе ученаго комитета было представлено г. министру народнаго просвѣщенія и его высокопревосходительствомъ утверждено.

II.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго къ 1-му ноября 1883 года назначена, по разряду гимназій, группа „исторія и географія—всеобщая и русская", съ предпочтительнымъ правомъ на премію сочиненій по всеобщей географіи.

Отзывъ особой коммиссіи, разсматривавшей трудъ Л. И. Поливанова, удостоенный преміи Императора Петра Великаго при седьмомъ присужденіи ея въ 1883 году.

Методическая русская хрестоматія съ приложеніемъ: 1) стилистики и теоріи прозы въ связи съ приготовительнымъ курсомъ логики; 2) теоріи поэзіи, 3) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній. Пособіе при практическомъ изученіи теоріи словесности и логики и при руководствованіи въ сочиненіяхъ учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ двухъ частяхъ. Съ эпиграфомъ: «Omne vivum ex ovo».

Одно это многообѣщающее заглавіе, стоящее въ соотвѣтствіи съ обширнымъ объемомъ (первая часть въ 645, а вторая въ 250 страницъ большаго октава), побуждаетъ привѣтствовать появленіе книги,

Digitized by Google

которая идетъ на помощь многимъ и самымъ настоятельнымъ нуждамъ труднаго, но малоустроеннаго преподаванія, именуемаго вообще „русскимъ языкомъ“.

Но составитель не удовольствовался подробнымъ, исчерпывающимъ содержаніе книги заглавіемъ. Чтобы выяснить особенности своей хрестоматіи, составленной, по его свидѣтельству, не по отвлеченнымъ соображеніямъ теоретика, а по сложившейся, такъ сказать, въ классѣ, среди учебной практики,—онъ снабдилъ ее обстоятельнымъ предисловіемъ, а спеціально для соисканія преміи приложилъ „Объяснительную записку“, подробно изъяснивъ въ обоихъ сихъ приложеніяхъ значеніе своей хрестоматіи и главнѣйшія ея задачи; руководствованіе же дидактическое изложилъ въ указателѣ, сопровождающемъ оглавленіе, и въ обильныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Такимъ образомъ одно внѣшнее знакомство съ книгой уже вселяетъ убѣжденіе, что она не принадлежитъ къ роду тѣхъ коммерческихъ предпріятій, коими полна учебная литература русскаго языка; что она есть плодъ долговременнаго и любовнаго занятія предметомъ, результатъ изученія серьезнаго и цѣлесообразныхъ усилій.

Составитель скрылъ свое имя, вѣроятно изъ желанія выполнить правила соисканія, но рецензента можно было бы упрекнуть въ некомпетентности, еслибы онъ не узналъ книги, изданной въ-первые въ 1878 году, успѣвшей выдержать два изданія и явившейся на конкурсъ съ нѣкоторыми измѣненіями для третьяго изданія.

Въ представленномъ на соисканіе изданіи отмѣны отъ предыдущихъ двухъ состоятъ въ томъ, что нѣсколько дополнена теорія слога, прибавлена „Теорія описанія“, которой недоставало въ предыдущихъ изданіяхъ; поэтическая часть выдѣлена въ особую отдѣльную книгу, куда притомъ внесена теорія драмы Аристотеля, по выдержкамъ Э. Лааса и въ переводѣ Ордынскаго, съ подстрочнымъ греческимъ текстомъ, а также и драма Софокла „Эдипъ-царь“ и „Ивиковы журавли“ Шиллера въ переводѣ Жуковскаго.

Такъ какъ самъ авторъ всю силу своего труда полагаетъ, по указанію „Объяснительной записки“, въ части прозаической, которая собственно и соотвѣтствуетъ условіямъ настоящаго соисканія Петровской преміи, то, устраняясь отъ разбора поэтической части, тѣмъ болѣе, что она не представляетъ собою ничего особеннаго и малымъ чѣмъ отличается отъ существующихъ уже для сего предмета сборниковъ и учебниковъ, обращаемся къ разбору исключительно части прозаической.

Digitized by Google

Побужденіемъ къ составленію сей хрестоматіи, какъ изъясняетъ ея „предисловіе", служилъ пережитый въ недавнемъ прошломъ опытъ нашей школы, который доказалъ, что пріуроченное къ V классу теоретическое ученіе словесности, даже при практическомъ методѣ изученія теоріи, остается безъ вліянія на собственныя письменныя работы учениковъ. Въ теченіе всего послѣдующаго курса, когда развитіе учащихся идетъ быстрыми шагами, и умъ обогащается новыми познаніями все болѣе и болѣе строго научнаго характера,—„они, при своихъ письменныхъ работахъ, въ которыхъ конечно и это развитіе, и эти познанія непремѣнно должны находить свое выраженіе, не имѣютъ для руководствованія ничего иного, какъ бѣдныя положенія дѣтской теоріи прозы, съ какими ихъ оставили съ V класса". Осудивъ затѣмъ способъ руководствованія историческій, пользующійся при упражненіи въ сочиненіяхъ риторическими схемами, авторъ отдаетъ предпочтеніе „методу личнаго руководствованія", заключающемуся 1) въ предварительномъ разъясненіи темы и расположеніи по ней сочиненія, при задаваніи ея, и 2) въ разъясненіи при исправленіи (лучше бы сказать: „при выдачѣ исправленныхъ") сочиненій. Хрестоматію свою онъ назначаетъ именно для содѣйствія такому способу обученія; она имѣетъ въ виду освободить его отъ той случайности, которой легко подвергается обучающійся этимъ способомъ, и отъ лишней траты времени, которая свойственна ему". Для сей цѣли хрестоматія даетъ разнообразный и содержательный матеріалъ, обработанный методически. Для „основательнаго изученія и усвоенія, какъ слога образцовыхъ писателей, такъ и литературныхъ формъ вообще", она а) предлагаетъ „образцы слога и литературныхъ формъ, наблюденія надъ которыми устраняютъ недоразумѣнія между руководителемъ и руководящимъ, необходимо возникающія при личномъ руководствованіи", б) даетъ возможность плодотворныхъ наблюденій надъ пріемами образцовыхъ писателей на статьяхъ „различныхъ по цѣли авторовъ, а также подобныхъ по цѣли, но различныхъ по предметамъ". Сверхъ того, чтобы не оставить учениковъ послѣдующихъ старшихъ классовъ безъ чтенія „новѣйшихъ отечественныхъ историковъ и мыслителей, уже не только ради формы ихъ сочиненій, но съ цѣлію пробудить вкусъ къ самымъ предметамъ ихъ сочиненій",—она вноситъ въ отдѣлы повѣствованій и разсужденій, кромѣ образцовъ, удобныхъ для уясненія теоріи прозы и для наблюденія литературныхъ формъ, цѣлый рядъ статей, какъ матеріалъ для чтенія

Digitized by Google

внѣкласснаго". Вотъ какъ смотритъ „Методическая хрестоматія" на свои задачи по языкоученію.

Но главную заслугу своей книги составитель видитъ въ томъ, что по пути и совмѣстно съ преслѣдованіемъ цѣлей языкоученія, она „есть и пособіе для практическаго изученія логики"; ибо лишь „путемъ постепеннаго ознакомленія съ логикой, начиная съ V класса гимназіи, учитель имѣетъ право приступить въ классѣ старшемъ къ полному курсу этой науки, какъ философской пропедевтики, и проходить ее тамъ не съ одними, такъ-сказать, утилитарными цѣлями, но какъ науку самостоятельную". „Будучи положены", добавляетъ „Объяснительная записка",—„въ основу стилистики (въ отдѣлѣ описаній и отчасти повѣствованій) и чрезъ это сообщая самой стилистикѣ научную цѣнность, законы логики, въ свою очередь, на первыхъ же порахъ знакомства съ ними, являются сознанію ученика предметомъ необходимымъ. А это есть первое условіе плодотворнаго ученія, расчитаннаго на дѣйствительное усвоеніе предмета". Практической цѣли, при этомъ достигаемой, тѣмъ не менѣе не приносится въ жертву систематическій порядокъ изученія логики: стилистика проходится въ связи съ ученіемъ о представленія, понятіи, сужденіи и умозаключеніи; въ такую же связь приведены и положенія теоріи прозы, гдѣ отдѣлъ разсужденій есть рядъ примѣровъ на опредѣленіе и раздѣленіе понятій и ученіе о доказательствахъ. Статьи этого отдѣла расчитаны не только на иллюстрацію приготовительнаго курса логики, приложеннаго къ хрестоматіи: онѣ имѣютъ въ виду уже и полный курсъ ея съ VII класса, если даже онъ проходится по другому, пространному учебнику".

И такъ, самъ составитель считаетъ особенностями своей хрестоматіи 1) выборъ и размѣщеніе даннаго имъ четьяго матеріала и 2) теоретическую сторону своего учебника, то-есть, теорію слога и прозы, съ приложенными къ нимъ разборами и помѣщеннымъ въ оглавленіи указателемъ и подстрочными примѣчаніями, сопровождающими многія статьи. Въ этомъ порядкѣ и послѣдуемъ за нимъ въ разсмотрѣніи его книги.

I. Ни одна изъ доселѣ появившихся русскихъ прозаическихъ хрестоматій не изобилуетъ такимъ богатствомъ и разнообразіемъ четьяго матеріала, какъ „Методическая". По искусствомъ выбора, этимъ результатомъ глубокаго знакомства съ литературой и тонкаго изящнаго вкуса, она, какъ и всѣ ея сверстницы и предшественницы, уступаетъ той, чтó воспитала уже цѣлый рядъ поколѣній, оставаясь,

Digitized by Google

при всѣхъ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ съ перемѣнами и безъ перемѣнъ, даже вопреки вѣянію времени, сборникомъ изящнаго и образцоваго,—уступаетъ хрестоматіи А. Д. Галахова. Та, ни на минуту не забывая, что она русская и литературная, никогда не сходитъ съ своей арены; тогда какъ эта, стараясь „дать разнообразный и содержательный матеріалъ для основательнаго изученія и усвоенія слога образцовыхъ писателей, такъ и литературныхъ формъ вообще", не можетъ обойтись безъ Лессинга, Шиллера, Гумбольдта, Мендельсона и Мюллера, Гизо и Тэна, Вальтеръ-Скотта и даже С. Джонсона. Та заходитъ въ смежную область лишь затѣмъ, чтобы взять тамъ свое; эта вторгается въ чужіе предѣлы для захватовъ: помѣщаетъ обширное извлеченіе изъ 2-й гл. XI т. Исторіи государства Россійскаго, тогда какъ для литературныхъ цѣлей важны лишь, кромѣ начальнаго разсужденія, тѣ мѣста этой главы, которыя связываютъ ее съ драмой Пушкина; неумѣренно черпаетъ изъ біографіи Ломоносова, принадлежащей Ламанскому; изъ „Опыта біографіи Гоголя", изъ „Лаокоона" Лессинга, наконецъ—изъ публичныхъ чтеній Рулье „О взаимодѣйствіи явленій природы". Такія заимствованія ставятъ хрестоматію на скользкій путь сборника общеполезныхъ свѣдѣній и внушаютъ ей надменное стремленіе—„дать учащимся почувствовать удовольствіе отъ серьезнаго чтенія, помочь имъ сдѣлать значительный шагъ въ образованіи, тотъ шагъ, необходимость котораго такъ сильно чувствуется въ нашихъ ученикахъ, готовящихъ себя къ университетскому курсу". Надменность этого стремленія состоитъ въ томъ, что оно беретъ подъ свою спеціальную опеку цѣль, принадлежащую всему совокупному гимназическому образованію въ старшихъ классахъ, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ русской хрестоматіи, языкамъ древнимъ, которые владѣютъ для того и большимъ количествомъ времени, и болѣе дѣйствительными средствами въ изученіи сочиненій риторическихъ и философскихъ. Кромѣ того, руководствуясь такою цѣлію, русская хрестоматія, къ своей невыгодѣ, вступаетъ въ состязаніе съ ученическою библіотекой. Правда, ученическія библіотеки у насъ еще неустроенны, дешевыхъ изданій русскихъ писателей еще весьма мало; но все-таки это не даетъ хрестоматіи права выходить изъ своихъ законныхъ предѣловъ и задаваться болѣе широкими цѣлями, чѣмъ свойственныя ея природѣ. Чѣмъ труднѣе и шире цѣль образованія, тѣмъ настоятельнѣе необходимость достигать ея viribus unitis, а не дробиться на приходы. Русская хрестоматія обязана пособлять достиженію главной цѣли гимназіи и все-таки оставаться при своей скром-

Digitized by Google

ной, которая ей отводится въ старшихъ классахъ двумя недѣльными уроками, подѣленными между чтеніемъ новой прозы, письменными упражненіями и исторіей литературы. Въ каждой области знанія есть много занимательнаго и полезнаго, что легко можетъ быть помѣщено въ хрестоматіи подъ заглавіемъ прозы; но риторической хрестоматіи надлежитъ строго держаться своей собственной, литературной области, и притомъ литературы отечественной: ибо ея спеціальная задача—научить читать и писать по русски и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ отечественную литературу. Задача и эта сравнительно обширная; времени въ обрѣзъ: и такъ, давайте non multa, sed multum!

Если гдѣ, то именно въ школѣ всему долженъ быть вѣсъ и мѣра. Стало быть, и хрестоматія подлежитъ тому же закону. Для нея мало намѣтить себѣ прямую цѣль: ея обязанность, указываемая потребностями высшаго общеобразовательнаго училища,—стремиться къ этой цѣли наиболѣе прямымъ и удобнымъ путемъ. Словомъ, даже изъ отечественной литературы и смежныхъ съ нею областей всѣмъ ли можетъ пользоваться прозаическая хрестоматія? Вся ли область отечественной прозы доступна ей?

„Методическая хрестоматія“ не сочла нужнымъ затруднять себя предварительнымъ рѣшеніемъ этого вопроса; поэтому въ ней рядомъ съ произведеніями, которыя признаны классическими, помѣщены сочиненія Латкина, Перетятковича и т. п. Описаній взято менѣе у Боткина, чѣмъ у Норова, менѣе у Пушкина, чѣмъ у Григоровича, за то у Тургенева взяты даже такія, какъ „Прудъ“, „Село“, „Церковь ночью“, которыя не совсѣмъ подходятъ подъ данное имъ въ хрестоматіи заглавіе и сохраняютъ свою прелесть только въ связи съ текстомъ, изъ котораго они вырваны. Отдѣлъ повѣствованій, правда, принадлежитъ преимущественно Карамзину и выбранъ изъ лучшихъ томовъ его исторіи, такъ что здѣсь впервые данъ этому классическому произведенію подобающій просторъ, не смотря на то, что значеніе его въ преподаваніи выяснено еще книгой „О преподаваніи“. Но мысль проф. Буслаева, что слогу нужно учиться, какъ живописи, у корифеевъ, а не у подражателей, все-таки не нашла и здѣсь примѣненія. Вмѣсто статей изъ новѣйшихъ военныхъ историковъ, имѣющихъ спеціальныя заслуги, лучше бы отвести мѣсто повѣствованію Карамзина объ одномъ изъ „великановъ сумрака“, что имѣло бы гораздо большее значеніе и для стилистики, и для теоріи прагматическаго повѣствованія. Карамзинъ, кромѣ образцовъ повѣствованія,

Digitized by Google

какъ замѣтилъ еще авторъ книги „О преподаваніи отечественнаго языка“, предлагаетъ письма, рѣчи разныхъ родовъ, юридическіе акты (изд. 1867 г., стр. 131—135). Акад. Срезневскій, основываясь на наблюденіи, что переходящіе въ университетъ гимназисты, различая виды поэзіи, не имѣютъ представленія о такихъ формахъ прозы, съ которыми встрѣчаются въ университетскихъ занятіяхъ съ перваго шагу, какъ бы въ дополненіе къ сказанному Буслаевымъ, прибавилъ еще къ теоріи прозы „ученое руководство, ученое сочиненіе, записки современника, записки ученаго общества, изслѣдованіе, критику, памятникъ письменности, грамоту“ (Замѣч. объ изучен. русск. яз. и слов., стр. 20), что также можно бы выбрать изъ Карамзина. Въ отдѣлѣ разсужденій еще больше неразборчивости! Тутъ и „Семейство кошекъ“ Сѣверцова, и „Левъ“ и „Нидерланды“ Тэна, и „Великіе люди“ А. Градовскаго рядомъ съ „Великими людьми“ Гизо и совсѣмъ не образцовая въ своей первой части характеристика Грознаго Костомарова и т. п. Составитель пренебрегъ многими разсужденіями Карамзина, которыя всегда ясны, какъ день, по своему расположенію, отчетливо распадаются на части, всегда полно развиты, поучительны своими переходами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, образцово стилированы, такъ что въ нашей литературѣ нѣтъ лучшихъ образцовъ разсужденія для начинающихъ, нѣтъ болѣе доступныхъ по содержанію, всегда относящемуся къ основнымъ литературнымъ вопросамъ, рѣшеннымъ уже литературой, но всегда новымъ для школы. Вмѣсто всего того, что взято хрестоматіей изъ переводной литературы или переведено самимъ составителемъ, а также вмѣсто взятаго у новѣйшихъ прозаиковъ, можно бы съ большею пользой стилистическою и логическою выбрать однородное изъ сочиненій Бѣлинскаго, кн. Вяземскаго, изъ переписки Жуковскаго и Гоголя, не говоря уже о содержаніи, которое осталось бы въ такомъ случаѣ чисто-литературнымъ. Составитель видимо увлекся историческимъ содержаніемъ также, какъ и въ отдѣлѣ повѣствованій, и отдалъ здѣсь преимущество выдержкамъ изъ сочиненій Соловьева, съ замѣчательною послѣдовательностью обойдя все то, что можно бы взять изъ нихъ литературнаго.

Въ отдѣлѣ разсужденій „Методическая хрестоматія“ отдаетъ такимъ образомъ предпочтеніе новѣйшимъ прозаикамъ—о чемъ, какъ выше сказано, она предупреждаетъ еще въ „Предисловіи“—и притомъ преимущественно направленія историческаго. Такое предпочтеніе нельзя не признать одностороннимъ, и притомъ произвольнымъ. Ибо чѣмъ составитель руководствовался при такомъ выборѣ? Личнымъ

Digitized by Google

вкусомъ? Но вѣдь онъ назначаетъ хрестоматію не для личнаго, а общаго употребленія, и ищетъ для нея санкціи въ Петровской преміи, стало быть, считаетъ ее способною удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ!.. Исторія, несомнѣнно, одна изъ смежныхъ областей словесности и по содержанію, и по занимаемому ею положенію въ курсѣ гимназическомъ. Но въ хрестоматіи отдано побочному предпочтеніе предъ главнымъ и въ ущербъ существенному. Положимъ, потребности риторической части хрестоматіи заставляютъ ее обращаться и къ смежнымъ съ литературой областямъ, но для этого есть ближайшія, какъ психологія, логика, эстетика и этика. Развитіе серіознаго отношенія къ чтенію, побудившее „Методическую хрестоматію" обратиться преимущественно къ исторіи, лежитъ, какъ и его стимулъ, умственное развитіе, на обязанности всѣхъ гимназическихъ предметовъ; эстетическій же вкусъ, психологическія наблюденія, стало быть, и эпосъ находятся, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніи преподаванія словесности. И такъ, если есть нужда брать четій матеріалъ для прозаической resp. риторической хрестоматіи изъ смежныхъ областей, то исторія оказывается между ними послѣднею. Стало быть, обѣщаніе—„дать разнообразный и содержательный матеріалъ" составитель понимаетъ по своему, не рѣшивъ предварительно, что̀ въ данномъ случаѣ должно считаться „разнообразнымъ и содержательнымъ".

Такъ какъ школѣ подлежитъ лишь то, что̀ получило свое опредѣленіе, одно устойчивое, незыблемое, общепризнанное достойнымъ ея высокаго дѣла, чѣмъ никакъ не можетъ быть современное, животрепещущее, еще отражающее на себѣ тревоги переживаемаго,— то ей и слѣдуетъ прежде всего остановиться на писателяхъ, признанныхъ преданіемъ. Судья здѣсь—не личный вкусъ составителя, а преданіе. Что̀ отмѣчено имъ, какъ всплывшее въ волнахъ всесокрушающаго времени и удержавшееся на поверхности, то и можетъ быть достояніемъ школы. Не въ ослѣпительномъ, но преходящемъ блескѣ настоящаго долженъ почерпать юноша свое наставленіе, а въ ясномъ и ровномъ свѣтѣ не мерцающаго прошедшаго, дабы пріобщеніемъ къ нему приготовиться къ своему настоящему. „Новѣйшимъ" писателямъ поэтому не должно быть мѣста въ хрестоматіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые посвящаютъ труды свои насущнымъ потребностямъ школы и достигаютъ въ томъ полнаго успѣха.

Такимъ образомъ цѣли чтенія, чтобы сдѣлаться удободостижимыми, должны сузиться, а вмѣстѣ съ ними и выборъ долженъ огра-

Digitized by Google

ничиться лишь тѣмъ, что̀ вполнѣ отразило въ себѣ всѣ достоинства родной рѣчи и мысли.

„Методическую хрестоматію“ впрочемъ озабочиваетъ, не одно развивающее чтеніе и ознакомленіе съ литературными формами: она имѣетъ въ виду и руководствованіе ученическими сочиненіями. Для сей цѣли она предлагаетъ, какъ ей кажется, „тщательный выборъ образцовъ, такъ-сказать, разнообразнаго типа въ отдѣлахъ описаній и разсужденій“, и дабы показать учащимся, „какъ видоизмѣняются литературные пріемы въ каждомъ изъ нихъ“, „что̀ ведетъ къ видоизмѣненіямъ и логическаго пути, и пріемовъ изложенія“, даетъ статьи „подобныя по предмету, но различныя по цѣли авторовъ, а также подобныя по цѣли, но различныя по предметамъ“! Сличеніе такихъ статей—полагаетъ она—даетъ возможность научиться цѣлесообразному примѣненію въ собственныхъ сочиненіяхъ всевозможныхъ пріемовъ, свободно выбирая ихъ изъ статей образцовыхъ прозаиковъ“. Съ этою же цѣлію составитель руководитъ въ этихъ наблюденіяхъ особыми примѣчаніями, сопровождающими многія статьи хрестоматіи; съ тою же цѣлію въ указателѣ, приложенномъ къ оглавленію, онъ кратко обозначаетъ, „какого рода логическія, стилистическія и другія наблюденія возможны при каждой статьѣ отдѣла описаній, повѣствованій и разсужденій“.

Направляемся въ путь по сему указанію.

Въ оглавленіи и указателѣ описаній матеріалъ, по видимому, расположенъ по степени трудности, а потому, чтобы судить о томъ, какіе здѣсь даны виды, или какъ выражается „Предисловіе“, „типы“, группируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) по формѣ: описаніе, несистематическое описаніе, систематическое описаніе, систематическое въ 1-й части и несистематическое во 2-й, описаніе простое, описаніе научное, описаніе, соединенное съ повѣствованіемъ; 2) по изобрѣтенію и расположенію: простой планъ; выборъ признаковъ и расположеніе, согласные съ основною мыслью; условія составленія плана описанія; планъ въ зависимости отъ частей предмета; расположеніе частей несистематическаго описанія; сравненіе выбора признаковъ, группировки ихъ и расположенія; 3) по предмету: описаніе дерева: описаніе предмета и явленія; описаніе явленія краткое; описаніе предмета, какъ явленія; описаніе предметовъ подобныхъ; описаніе картинъ, описаніе храмовъ. Лучшей группировки всѣмъ симъ „типамъ“ дать, какъ очевидно, не возможно. Но что̀ же это за типы; если виды ихъ входятъ одинъ въ другой, если описаніе дерева, храма, картины

Digitized by Google

есть вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе и предмета, и притомъ описаніе и простое, и систематическое, и несистематическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть расположено и въ зависимости отъ предмета, и отъ основной мысли автора, и можетъ быть соединено не только съ повѣствованіемъ, но и съ разсужденіемъ! Эта логическая неурядица въ оглавленіи и указателѣ не есть что-либо внѣшнее, случайное или обусловливаемое самимъ свойствомъ оглавленія и указателя. Она есть отраженіе той путаницы, которая господствуетъ и въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ описаніямъ. Такъ „классная комната" и „комната въ деревенскомъ домѣ" отмѣчены въ указателѣ, какъ „простѣйшій планъ описанія"; на самомъ же дѣлѣ простѣйшимъ, то-есть, чисто объективнымъ, стоящимъ въ зависимости отъ описываемаго предмета, оказывается лишь первое описаніе, гдѣ группировка признаковъ опредѣляется составомъ предмета (стѣна налѣво отъ двери, другая, третья, слѣдующія одна за другою, средина комнаты, четвертая стѣна съ окнами и видъ изъ нея),—тогда какъ во второмъ примѣрѣ подборъ признаковъ дѣлается на основаніи впечатлѣнія, произведеннаго комнатой на автора, которое онъ и высказываетъ въ самомъ началѣ описанія, давая къ нему ключъ: „комнатка чиста и уютна",—такъ что все описаніе служитъ лишь иллюстраціей этой общей мысли. Противъ заглавія „постоялый дворъ" въ указателѣ стоитъ: „выборъ признаковъ и расположеніе, согласные съ основною мыслію"; въ примѣчаніи же это разъясняется такъ: „перечислены лишь тѣ изъ нихъ (признаковъ), которые объясняютъ удобство постоялаго двора для проѣзжающихъ (что указано во введеніи (?) и заключеніи описанія)", тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ основу описанія положенъ главный признакъ предмета, „широкая извѣстность" описываемаго постоялаго двора, который иллюстрируется индивидуальными отличіями описываемаго предмета: а) по мѣстоположенію, б) по устройству постоялаго двора, в) по обезпеченію случайныхъ нуждъ проѣзжающихъ. Поэтому въ логическомъ отношеніи между этимъ описаніемъ и слѣдующимъ за нимъ („Уралъ" Пушкина), и ему предшествующимъ („комната—правильнѣе: „комнатка" въ деревенскомъ домѣ), нѣтъ никакого различія, нѣтъ его между ними и первымъ („классная комната", правильнѣе: „классная комната" изъ „Дѣтство и отрочество" Л. Толстаго), потому что здѣсь направленіе описанію дается представленіемъ „классная Л. Толстаго", а это все то же, что положить въ основу описанія впечатлѣніе, какъ въ „комнатѣ въ деревенскомъ домѣ", или—понятіе, какъ въ „постояломъ дворѣ", или—мысль, какъ въ

„Уралѣ“. Такимъ образомъ то, чтò сказано о расположеніи описаній въ примѣчаніи къ „Уралу“, относится не только къ тремъ сходнымъ описаніямъ (Урала, Рейна, Волги), какъ этого желаетъ составитель примѣчанія, а ко всѣмъ описаніямъ прозаическимъ (лучше: объективнымъ).

Сказаннаго о „типахъ“ прозаическихъ описаній считаемъ достаточнымъ, чтобы представить, что въ подобномъ же смыслѣ трактуются и описанія художественныя.

Въ классификаціи разсужденій болѣе порядка, но не вслѣдствіе усилій составителя, а благодаря разграниченію, изстари установленному риторикой и логикой, и то лишь въ дѣленіи на главные виды: раскрытіе понятія, опредѣленіе, и раскрытіе сужденія, собственно разсужденіе. Въ подраздѣленіяхъ же этихъ видовъ царитъ та же сбивчивость. Такъ къ опредѣленію, какъ роду, отнесено раздѣленіе (divisio), различеніе (distinctio), въ свою очередь подраздѣленное на „различеніе по отношенію къ другому понятію“, на „различеніе двухъ понятій, сходныхъ по признаку, существенному для одного и не существенному для другаго“; на различеніе „двухъ понятій по различному отношенію одинакихъ признаковъ“; логическое описаніе, которое разсматривается „какъ замѣнъ опредѣленія“, какъ состоящее изъ „признаковъ индивидуальныхъ вмѣстѣ съ существенными“; характеристика съ видами: параллельная, краткая, сравнительная, историческая оцѣнка и т. п. И этихъ примѣровъ довольно, чтобы видѣть, что „Методическая хрестоматія“ съ „типами“ образцовъ не церемонится, возводя въ это достоинство едва не каждую помѣщенную въ ней статью. Любопытно наблюдать, какъ составитель, намѣтивъ себѣ главные виды литературныхъ формъ изложенія, при подборѣ статей останавливается на ихъ субъективности, принимаетъ ее за главное средство къ своей цѣли и впадаетъ въ такую непревозмогаемую схоластику, какой не допустила бы ни одна средневѣковая риторика. Вмѣсто того, чтобъ искать объединенія встрѣченнаго многоразличія, и притомъ многоразличія чисто формальнаго, то-есть, вмѣсто того, чтобы вновь открывать Америку, слѣдовало бы просто обратиться къ готовому, надъ чѣмъ трудились двѣ тысячи лѣтъ лучшіе умы Европы, къ указаніямъ риторики, которыя авторъ могъ-бы почерпнуть у того же Лааса, у котораго онъ взялъ и мысль о риторической хрестоматіи для старшихъ классовъ, давъ ей, впрочемъ, своеобразное примѣненіе. Но риторика провинилась предъ авторомъ своею старостью (Предисл. стр. III). Но „старый другъ лучше новыхъ

Digitized by Google

есть вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе и предмета, и пр
простое, и систематическое, и несистематическое,
можетъ быть расположено и въ зависимости отъ
основной мысли автора, и можетъ быть соединен
вѣствованіемъ, но и съ разсужденіемъ! Эта логи
оглавленіи и указателѣ не есть что-либо внѣ
обусловливаемое самимъ свойствомъ оглавленія
отраженіе той путаницы, которая господствует
приложенныхъ къ описаніямъ. Такъ „классна
въ деревенскомъ домѣ" отмѣчены въ указат
планъ описанія"; на самомъ же дѣлѣ прост
объективнымъ, стоящимъ въ зависимости от
оказывается лишь первое описаніе, гдѣ груп
дѣлается составомъ предмета (стѣна на
третья, слѣдующія одна за другою, ср
стѣна съ окнами и видъ изъ нея),—тогд
подборъ признаковъ дѣлается на основан
наго комнатой на автора, которое онъ
началѣ описанія, давая къ нему ключъ:
такъ что все описаніе служитъ лишь ил
Противъ заглавія „постоялый дворъ"
признаковъ и расположеніе, согласные
мѣчаніи же это разъясняется такъ: „
(признаковъ), которые объясняютъ у
проѣзжающихъ (что указано во введ
тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ осн
признакъ предмета, „широкая извѣ
двора, который иллюстрируется и
ваемаго предмета: а) по мѣстопол
двора, в) по обезпеченію случайн
въ логическомъ отношеніи между
за нимъ („Уралъ" Пушкина),
правильнѣе: „комнатка" въ дер
личія, нѣтъ его между ними н
вильнѣе: „классная комната" и
потому что здѣсь направле
„классная Л. Толстаго", а эт
описанія впечатлѣніе, какъ
или—понятіе, какъ въ „по

...ромѣ
... loci,
...дѣтель-
...Laas, Der
...мышленіи
...которыми, на-
...лѣтъ и теперь
...мъ въ осужденіе
...ой степени вѣрно
... По риторическія
...го для расположенія
...а не потеряютъ своего
... мышленія. Изъ этого,
...ся: и слово—природный
...ждается въ изученіи род-
...е отправленіе духа, но въ
...логика, прежде діалектика,
... ранѣе риторика, которую
... подъ именемъ коей она раз-
... Въ томъ видѣ, какъ ее по-
...ная изъ элементовъ логики и

Digitized by Google

. Указывае-
огуществомъ
обуждать вос-
и опорою па-
, sedes et quasi
риторическихъ
мъ широкомъ ихъ
искусно пользова-
отъ въ виду сдѣлать
ь бойцовъ, а вмѣстѣ
обширная часть древней
ere. Нашему времени,
ется въ наслѣдство отъ
европейская школа непре-
отъ классической древности.
ыбираетъ изъ всѣхъ видовъ
щіе, соотвѣтствующіе потреб-
овѣствованіе; 2) описаніе, изо-
актеристика; 4) дѣленіе и клас-
дѣленіе; 6) развитіе и изъясне-
возраженіе; 8) сравненіе и критика;
ы; 10) совѣтъ и отклоненіе. Здѣсь
гъ, и всѣ различаются собственными
по тому, какъ названіе цѣлаго именуетъ
. обозначаютъ и употребляющіеся при
опредѣлены тою же риторикой. Только
изъ этихъ типовъ, конечно—на образцахъ,
ость приступить къ наблюденію видоизмѣ-
прозѣ. Тотъ же путь, что рекомендуется
ніе статей, подобныхъ по предмету, но раз-
ровъ, или же подобныхъ по цѣли и различ-
способенъ дать лишь такіе результаты, къ ка-
ическая хрестоматія", мечтающая такимъ сли-
лесообразному примѣненію всевозможныхъ пріе-
выбранныхъ изъ статей образцовыхъ прозаиковъ".
„Записки" (§ 6), что „Методическая хрестоматія"
отвлеченнымъ соображеніямъ теоретика, а сложи-
гъ, въ „классѣ, среди учебной практики", только что
собъ научить цѣлесообразному примѣненію всевозмож-

двухъ"; стало быть, не все старое дурно. Впрочемъ, не одною старостью претитъ ему риторика: онъ находитъ, что ея схемы задерживаютъ „естественный ростъ самаго нѣжнаго изъ органовъ человѣческаго духа, слова"; что, не совпадая даже съ краткою теоріей (прозы), „онѣ вносятъ вредный разладъ между теоріей и практикой"; что онѣ даютъ возможность упражняться только „въ одной изъ прозаическихъ формъ (разсужденія)"; что даже „въ этой одной формѣ пріучаютъ къ рутинѣ, которая не оказываетъ надлежащей помощи при сочиненіи на тему, не приложенную къ риторической схемѣ".

Все это старыя пѣсни, переходящія по преданію, а не почерпнутыя изъ собственнаго наблюденія надъ надлежащимъ примѣненіемъ надлежащихъ риторическихъ средствъ. Вѣдь и ножами злоупотребляютъ, но это не мѣшаетъ имъ быть необходимымъ и полезнымъ орудіемъ въ самомъ мирномъ быту. Такъ и съ риторикой. Прежде всего она даетъ не одну схему для упражненія въ сочиненіи, а нѣсколько, и притомъ какъ разъ соотвѣтственно тѣмъ родамъ прозы, на какіе дѣлится „Методическая хрестоматія". Если же кто хочетъ пользоваться и одною, то и ей усвояется риторикой разнообразное примѣненіе: и въ разсужденіи, и въ описаніи, и въ повѣствованіи. Кромѣ схемъ, риторика даетъ въ помощь размышляющему Τόποι, loci, общія точки зрѣнія и категоріи, о пользѣ коихъ свидѣтельствуетъ своимъ опытомъ такой мыслитель, какъ Лейбницъ (Laas, Der deutsch. Aufsatz, p. 86, Anm. 1),—которыхъ значеніе при размышленіи Гегель сравниваетъ съ значеніемъ буквъ при чтеніи,—которыми, наконецъ, европейская школа пользовалась двѣ тысячи лѣтъ и теперь пользуется серіозная ея часть. Все, что̀ сказано авторомъ въ осужденіе риторическихъ пріемовъ, можетъ быть до нѣкоторой степени вѣрно лишь въ примѣненіи къ расположенію сочиненія. Но риторическія схемы, здраво понимаемыя, назначаются не только для расположенія, а и для изобрѣтенія, и съ этой стороны никогда не потеряютъ своего значенія, ибо лежатъ въ самой природѣ размышленія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что имъ не нужно учиться: и слово—природный органъ духа, тѣмъ не менѣе образованіе нуждается въ изученіи роднаго языка; и мышленіе есть естественное отправленіе духа, но въ опору ему дается образованіемъ теперь логика, прежде діалектика, отожествлявшаяся съ логикой, и еще ранѣе риторика, которую Цицеронъ опредѣляетъ какъ діалектику, подъ именемъ коей она разрабатывалась и гуманистами XVI вѣка. Въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Меланхтонъ, то-есть, составленная изъ элементовъ логики и

Digitized by Google

діалектики, она имѣетъ всю силу и въ настоящее время. Указываемыя ею общія точки зрѣнія и категоріи владѣютъ могуществомъ вызывать скрытно таящіяся въ насъ представленія, побуждать восприятіе къ точности, служить орудіемъ апперцепціи и опорою памяти,—словомъ, это суть, какъ говоритъ Цицеронъ, sedes et quasi domicilia argumentorum. Прибѣгнуть къ помощи риторическихъ средствъ не значитъ признать ихъ пользу во всемъ широкомъ ихъ объемѣ и со всѣми тонкостями, которыми древніе искусно пользовались для своихъ цѣлей. Наши школы не имѣютъ въ виду сдѣлать изъ своихъ питомцевъ ораторовъ и судебныхъ бойцовъ, а вмѣстѣ съ отстраненіемъ сей цѣли, отчуждается и та обширная часть древней риторики, что̀ ставила своей задачей movere. Нашему времени, имѣющему свои виды и потребности, остается въ наслѣдство отъ древности общечеловѣческое docere. И европейская школа непрерывно и крѣпко держится этого наслѣдія отъ классической древности.

Пользуясь этимъ наслѣдіемъ, Лаасъ выбираетъ изъ всѣхъ видовъ риторическаго изложенія лишь слѣдующіе, соотвѣтствующіе потребностямъ школы нашего времени: 1) повѣствованіе; 2) описаніе, изображеніе, отчетъ (рефератъ); 3) характеристика; 4) дѣленіе и классификація; 5) анализированіе и опредѣленіе; 6) развитіе и изъясненіе; 7) доказываніе, опроверженіе, возраженіе; 8) сравненіе и критика; 9) постановка и рѣшеніе проблемы; 10) совѣтъ и отклоненіе. Здѣсь каждый членъ дѣленія обособленъ, и всѣ различаются собственными наименованіями, которыя, подобно тому, какъ названіе цѣлаго именуетъ вмѣстѣ съ нимъ и его части, обозначаютъ и употребляющіеся при нихъ пріемы, которые точно опредѣлены тою же риторикой. Только по ознакомленіи съ каждымъ изъ этихъ типовъ, конечно—на образцахъ, ученикъ получитъ возможность приступить къ наблюденію видоизмѣненія ихъ въ образцовой прозѣ. Тотъ же путь, что̀ рекомендуется „Предисловіемъ",—„сличеніе статей, подобныхъ по предмету, но различныхъ по цѣли авторовъ, или же подобныхъ по цѣли и различныхъ по предмету"—способенъ дать лишь такіе результаты, къ какимъ пришла „Методическая хрестоматія", мечтающая такимъ сличеніемъ научать цѣлесообразному примѣненію всевозможныхъ пріемовъ, свободно (?) выбранныхъ изъ статей образцовыхъ прозаиковъ". Вопреки заявленію „Записки" (§ 6), что „Методическая хрестоматія" не составлена по отвлеченнымъ соображеніямъ теоретика, а сложилась, такъ-сказать, въ „классѣ, среди учебной практики", только что изложенный способъ научить цѣлесообразному примѣненію всевозмож-

ныхъ пріемовъ есть не болѣе какъ мечта. Свободно выбираетъ лишь тотъ, кто знаетъ то, что̀ выбираетъ, и цѣль выбора. Такъ, путемъ чтенія классиковъ учатся писать и срисовываніемъ хорошихъ картинъ учатся рисовать; рисовать, если уже рисовать умѣютъ, писать, если уже писать могутъ. И это не просто парадоксъ. Воспріятіе прекраснаго чувствомъ отнюдь не содѣйствуетъ умѣнью; только твердое знаніе средствъ, какими художникъ достигаетъ своихъ цѣлей, и примѣненіе этого знанія путемъ подражанія, вотъ корни, изъ которыхъ выростаетъ полное умѣнье. Для того и другаго, для познанія средствъ искусства и для подражательнаго примѣненія уже необходимо извѣстное предварительное знакомство съ дѣломъ. Такое же взаимодѣйствіе предполагаютъ и средства, способствующія къ выработкѣ стиля или того, что̀ ведетъ къ видоизмѣненіямъ логическаго пути и средствъ изложенія: правило вытекаетъ изъ чтенія, но оно есть и необходимое условіе плодотворнаго чтенія; наторѣлость въ стилѣ вытекаетъ изъ подражанія хорошему образцу и вмѣстѣ съ тѣмъ есть необходимое условіе успѣшнаго подражанія. „Методическая хрестоматія" вмѣсто правилъ о расположеніи и движеніи частей въ цѣломъ, вмѣсто правилъ о способахъ цѣлесообразныхъ измѣненій въ изложеніи, удовольствовалась подстрочными примѣчаніями.

Нельзя согласиться и съ предложеннымъ въ хрестоматіи распредѣленіемъ видовъ прозы, стало быть, и стоящихъ въ зависимости отъ него письменныхъ упражненій, которому „Предисловіе" (стр. IV) и „Записка" (§ 6), указываютъ такой порядокъ: V и VI классы — ученіе о представленіи, понятіи и умозаключеніи, что̀ соотвѣтствуетъ потребностямъ чтенія и упражненія въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ; VII и VIII—ученіе объ опредѣленіи, раздѣленіи и доказательствахъ, что̀ необходимо для чтенія разсужденій и упражненія въ нихъ Несомнѣнно, что распредѣленіе это подсказано благимъ намѣреніемъ противодѣйствовать господствующей неурядицѣ въ преподаваніи теоріи прозы и веденіи письменныхъ упражненій. Тѣмъ не менѣе оно не соотвѣтствуетъ ни природѣ письменныхъ упражненій, образцы для коихъ даетъ хрестоматія, ни законамъ дидактики.

Ошибочно смотрѣть на сочиненіе, какъ на риторическое только упражненіе въ извѣстныхъ формахъ изложенія и его пріемахъ. Какъ всякое упражненіе — extemporale древнихъ языковъ, математическая задача—сопровождающее преподаваніе своего спеціальнаго предмета, оно служитъ также лучшимъ и необходимымъ средствомъ усвоенія преподаннаго и переработки чтенія. Стало быть, форма его и пріемы

Digitized by Google

стоятъ въ зависимости отъ матеріала и могутъ разнообразиться по всѣмъ почти указаннымъ видамъ въ каждомъ высшемъ классѣ; вотъ почему и нельзя распредѣлить его и руководящіе его образцы такъ, чтобы въ однихъ классахъ писались и читались только описанія и повѣствованія, а въ другихъ и разсужденія. Не требуютъ такого распредѣленія и законы дидактики. Они предписываютъ отнюдь не болѣе, какъ постепенность восхожденія отъ простаго къ сложному, или вѣрнѣе—отъ легкаго къ трудному. Въ соотвѣтствіе съ этимъ требованіемъ каждый родъ сочиненія и чтенія представляетъ цѣлую лѣстницу постепенностей въ зависимости отъ простоты и важности матеріала, легкости и трудности чтенія, отъ степени самостоятельности работы и даже руководства, оказываемаго учителемъ. Самостоятельное рѣшеніе задачи, принадлежащей къ легчайшему виду, можетъ быть предметомъ работы одной и той же степени развитія, какъ и обработка пропорціонально трудной при помощи учителя. И какъ высшіе виды школьныхъ упражненій не могутъ обойдтись безъ примѣси къ нимъ низшихъ, такъ точно и низшіе часто не могутъ быть рѣшены, не затронувъ высшихъ.

Но все-таки распредѣленія письменныхъ упражненій и чтенія, имъ вызываемаго, лучше не основывать даже и на характерѣ задачъ. Гораздо полезнѣе руководствоваться въ распредѣленіи разъясненіемъ методовъ размышленія и выразумленіемъ методическихъ правилъ для самостоятельнаго пользованія этими методами, то-есть, тѣми средствами, которыя выработаны и указаны старою риторикой, но сообщенными не теоретически, какъ это дѣлалось во времена теоретическаго направленія въ преподаваніи, путемъ зубренія риторики, а путемъ наблюденія при чтеніи удовлетворяющей риторическимъ цѣлямъ хрестоматіи и приведенія въ систему въ концѣ каждаго полугодія добытыхъ наблюденіемъ и упражненіемъ риторическихъ правилъ. Въ отношеніи собственно къ стилистикѣ въ этомъ случаѣ должно оказать могущественное содѣйствіе преподаваніе древнихъ языковъ: оно не можетъ обойдтись безъ разъясненія ея пріемовъ и правилъ, которыя всѣ безъ исключенія основаны на сочиненіяхъ классиковъ греческихъ и латинскихъ, а потому и способствуютъ пониманію ихъ текстовъ.

II. Теоретическая часть „Методической хрестоматіи“ дѣлится на 1) теорію слога, 2) теорію прозы съ подраздѣленіемъ на описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и ораторскія произведенія, гдѣ различаются общія правила краснорѣчія и правила духовнаго краснорѣчія.

Такъ какъ составитель хрестоматіи „все, что касается приложенія

Digitized by Google

къ логикѣ стилистики теоріи прозы, а также разборы и примѣчанія къ выбраннымъ статьямъ", считаетъ „работою вполнѣ самостоятельною, которая, въ глазахъ его, даетъ ему право представить книгу на соисканіе преміи (Записка § 4),—то само собою разумѣется, что отчетъ о его книгѣ долженъ обратить на указанныя стороны особое вниманіе.

Первый отдѣлъ теоріи слога, „о выборѣ словъ", основывается на логическомъ ученіи о представленіи и понятіи, а потому и начинается опредѣленіемъ этихъ пріемовъ мышленія.

Не смотря на то, что „Объяснительная записка" (§ 3) „первымъ условіемъ плодотворнаго ученія, разчитаннаго на дѣйствительное усвоеніе предмета", ставитъ, „чтобы оно на первыхъ же порахъ являлось сознанію ученика необходимымъ", между § 1, опредѣляющимъ слогъ, и § 2, опредѣляющимъ представленіе, нѣтъ реальной связи, которая одна способна показать ученику необходимость ученія, а не формальная, данная учебникомъ въ формѣ заглавія. И эту необходимую связь легко бы дать, указавъ, что слова суть знаки, которыми выражаются представленія. Да и самое опредѣленіе слога шире своего опредѣляемаго; ибо выборъ словъ, построеніе и соединеніе предложеній дѣлаются въ немъ не произвольно, но въ зависимости отъ душевнаго настроенія выражающагося, а также отъ содержанія и цѣли выражаемаго. Только этотъ новый признакъ далъ бы основаніе къ дѣленію слога на виды и объяснилъ бы это дѣленіе. Нельзя удовлетвориться и опредѣленіемъ представленія, какъ не выясняющимъ ни психологическаго процесса, ни логическаго образованія представленія: въ ущербъ первому опущенъ процессъ ощущенія, для втораго темно выраженіе: „предметы производятъ извѣстное (?) дѣйствіе на внѣшнія чувства человѣка". Вмѣсто того, чтобы выяснить выраженіе „внѣшнія чувства", которое ученикамъ выясняютъ еще предъ началомъ грамматики, надлежало бы разъяснить самое дѣйствіе предметовъ на чувства, названное въ опредѣленіи „извѣстнымъ". Откуда могъ ученикъ почерпнуть до пятаго класса свѣдѣнія о томъ, какъ и чѣмъ дѣйствуютъ предметы на внѣшнія чувства? „Теорія слога" не говоритъ объ этомъ ни здѣсь, ни ниже, гдѣ рѣчь идетъ о признакахъ. Неясность опредѣленія представленія зависитъ отъ того, что оно смѣшиваетъ процессъ психическій съ логическимъ, тогда какъ въ соотвѣтствіе требованіямъ стилистики лучше бы ограничиться опредѣленіемъ логическимъ.

Тотъ же сбивчивый способъ опредѣленія, то-есть, соединеніе эле-

Digitized by Google

ментовъ психологическихъ и логическихъ, примѣненъ и къ общему представленію, при чемъ вводится совершенно новое для учениковъ понятіе, ни выше, ни ниже не объясненное—„признакъ". Сверхъ того, сбивчивость изложенія усугубляется еще и тѣмъ, что вмѣсто различенія видовыхъ понятій—общаго представленія и единичнаго, дается различеніе „общаго представленія" отъ „представленія", и притомъ послѣднее синонимически именуется понятіемъ. Какъ бы сознавая неудовлетворительность опредѣленія „представленія" въ § 2, „Теорія" опять возвращается къ нему въ § 5, потомъ дополняетъ его въ ученіи объ опредѣленіи ученіемъ о признакахъ — что, по замѣчанію „Объяснительной записки", сдѣлано съ цѣлью „примѣниться къ постепенному возрастанію учащихся" (§ 5); но ясность и доступность дѣла отъ этихъ то неполныхъ, то полныхъ опредѣленій лишь проигрываетъ. Такъ въ § 2 понятіе опредѣлено, какъ общее представленіе,—гдѣ авторъ послѣдовалъ воззрѣнію Свѣтилина, считающаго представленіе фактомъ психологическимъ, а понятіе логическимъ; послѣ этого „Теоріи" и слѣдовало бы держаться во всемъ, что въ ней говорится о понятіи, „Логики" Свѣтилина, и она избѣжала бы замѣшательства. Но авторъ видѣлъ, что, какъ для стилистики, такъ и для теоріи описаній, ему необходимо также отличить отъ понятія представленіе, и вотъ вслѣдствіе того въ „Теоріи слога" является § 5, гдѣ говорится, что „общее представленіе становится понятіемъ въ строгомъ смыслѣ (будто логика можетъ брать что-либо не въ строгомъ смыслѣ?) этого слова, когда сознается зависимость (?) признаковъ, его образующихъ, и въ числѣ ихъ различаются одинъ или нѣсколько такихъ, которые необходимо присущи понятію, и безъ которыхъ уничтожается самое понятіе, признаки существенные". Если авторъ считаетъ это опредѣленіе доступнымъ ученикамъ въ § 5, почему оно не могло быть имъ доступно въ § 2, гдѣ онъ смѣшалъ понятіе съ общимъ представленіемъ? Вѣдь въ §§ 3 и 4, гдѣ, по случаю выясненія постоянныхъ признаковъ, снова смѣшивается представленіе съ понятіемъ, ни въ теоретическомъ, ни въ методическомъ отношеніи не дано ничего такого, что могло бы подготовить ученика къ этому опредѣленію. Кромѣ того, и это опредѣленіе невѣрно: понятіе въ логическомъ смыслѣ состоитъ, вопервыхъ, изъ однихъ существенныхъ признаковъ, и никакихъ другихъ въ немъ быть не можетъ, а если такіе есть, то оно уже не понятіе, а представленіе или же логическое описаніе; вовторыхъ, зависимость признаковъ въ понятіи есть совершеннѣйшій вымыселъ. Въ какой, напримѣръ, зависи-

Digitized by Google

мости стоятъ въ понятіи человѣка признаки: разумность и тѣлесность? Къ провѣркѣ понятія примѣняется законъ противорѣчія, который требуетъ, чтобы признаки понятія находились между собою въ отношеніи согласія. Понятіе притомъ отличается отъ общаго представленія своимъ исчерпывающимъ характеромъ. Оно есть полнѣйшее отвлеченіе, чуждое всего посторонняго, тогда какъ общее представленіе никогда не чуждо колоритности: въ немъ всегда отражаются условія мѣста, времени и обстоятельствъ, при которыхъ оно образовано (Владиславлевъ, Логика, 1872 г., стр. 34, 78—87).

Самые способы образованія общаго представленія, изложенные въ §§ 2 и 3, являются операціями случайными, какъ бы замѣняющими другъ друга. Такъ смотрѣть на нихъ подаетъ поводъ отсутствіе указанія на необходимость ихъ обоихъ при образованіи понятія, а также и условная форма § 3: „Если сравнивается нѣсколько представленій одного и того же предмета, то...",—тогда какъ истина, выражаемая сужденіемъ, требуетъ формы категорической. Притомъ образованію „общаго представленія, или понятія" приписывается въ § 2 способъ отвлеченія, а образованію „общаго представленія одного предмета, или единичному понятію"—способъ сложенія („слагается общее представленіе"),—тогда какъ то и другое образуется однимъ и тѣмъ же способомъ: путемъ сравненія и отвлеченія. Въ одномъ случаѣ, при сравненіи представленія о предметѣ съ представленіями о другихъ, ему родственныхъ, получаются признаки общіе и частные; при сравненіи же нѣсколькихъ представленій объ одномъ и томъ же предметѣ добываются признаки постоянные и случайные (неизмѣнные и измѣняющіеся); устраненіемъ частнаго и случайнаго и соединеніемъ общаго и неизмѣннаго занимается отвлеченіе. Надлежащее выясненіе способовъ образованія понятій и представленій устранило бы и ту путаницу терминовъ, что мѣшаетъ ясности пониманія § 3, гдѣ случайными признаками названы одни измѣняющіеся, и въ § объ опредѣленіи, гдѣ снова признаки дѣлятся на существенные и несущественные, но уже при иномъ значеніи терминовъ, и въ § 5, гдѣ существенные признаки не опредѣлены, а описаны; такъ что послѣ трехъ разъясненій ученикъ все-таки остается при смутномъ представленіи о признакахъ существенныхъ, и все это благодаря своеобразной терминологіи учебника.

Но слѣды этого смѣшенія сказываются сейчасъ же въ „Теоріи слога", то-есть, при самомъ началѣ примѣненія логики къ стилистикѣ. „Слова", говорится въ § 4,—„первоначально выражали представ-

Digitized by Google

ленія, отмѣчая случайные признаки предметовъ. Слова „копыто“ живописуютъ предметъ, какимъ онъ представляется въ моментъ дѣйствія коня, копающаго землю, и птицы, прикрывающей птенцовъ своихъ“. Но копыто и крыло получили свое именованіе, какъ видно изъ тѣхъ же примѣровъ, не по случайнымъ, а по постояннымъ признакамъ: копаніе для коня — признакъ случайный, равно какъ и для птицы прикрываніе крыльями птенцовъ; но для копыта, вскапывающаго землю всюду, гдѣ ни ступить, и крыла, прикрывающаго не только птенцовъ, но и самую птицу, эти признаки постоянны; стало быть, слова первоначально отмѣчали не случайные, а постоянные признаки.

Далѣе, объясняя средства изобразительности, „Теорія“ говоритъ: „Средства изобразительности, живописуя предметы и дѣйствія, выдвигаютъ случайные признаки; изъ постоянныхъ они изображаютъ признаки отличительные“. Въ § 3 постоянными признаками называются не измѣняющіеся, а случайными—измѣняющіеся: какъ же теперь понять, въ чемъ заключаются средства изобразительности, если они „выдвигаютъ“ признаки случайные, а „изображаютъ отличительные“, подъ коими § 2 разумѣетъ признаки частные? Вѣдь это значитъ, что они и выдвигаютъ, и изображаютъ одни и тѣ же случайные признаки. Наконецъ, если „изображаютъ“, то и „выдвигаютъ“; какая тутъ разница? И вся эта путаница происходитъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ „Теоріи слога“, отъ того, что авторъ обычные логическіе термины замѣняетъ вновь изобрѣтенными, собственными.

То же смѣшеніе случайныхъ признаковъ съ существенными и въ различеніи эпитетовъ. „Одни изъ нихъ“, учитъ § 4,—„именуютъ случайные признаки предметовъ (солнце жаркое, голубое небо, иловое лоно рѣки, черный лѣсъ, длинная тѣнь (прибрежныхъ горъ), синій Днѣпръ)“; назначеніе другихъ, что въ народной поэзіи,— „обозначить одинъ изъ постоянныхъ признаковъ предмета, наиболѣе характеризующихъ его (лебедь бѣлая, море синее, рыба—золотыя перья, туръ—золотые рога)“. Но въ приведенныхъ здѣсь примѣрахъ эпитетами выражены совершенно однородные признаки въ логическомъ отношеніи, то-есть, въ содержаніи понятій, которымъ они приданы, они должны быть названы не иначе, какъ существенными; если же разсматривать ихъ въ той связи, въ какой они стоятъ въ описаніи Днѣпра Гоголя, то-есть, въ содержаніи поэтическаго представленія, то они должны быть названы признаками существенными;

Digitized by Google

ибо при отсутствіи ихъ не мыслима нарисованная поэтомъ картина. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они суть и постоянные. Эпитеты же народной поэзіи постоянными дѣлаются скорѣе исторически, чѣмъ логически, то-есть, въ зависимости отъ свойствъ народнаго эпоса, всегда вѣрнаго преданію, а не отъ свойствъ изображаемаго предмета. Также и epitheta necessaria именуютъ признакъ, и притомъ всегда существенный, выражающій видовое отличіе предмета. И такъ, эпитетъ во всѣхъ трехъ видахъ выражаетъ признакъ существенный, но съ тѣмъ различіемъ, что epitheton necessarium именуетъ признакъ общій, и какъ таковой, не придаетъ представленію или понятію никакой наглядности, но выражаетъ видовое отличіе, стало быть, служитъ лишь къ ограниченію объема представленія или понятія; эпитетъ же народный и художественный, даже въ видѣ клички или прозвища, какъ историческія: Дмитрій — Грозныя очи, Всеволодъ — Большое гнѣздо, именуя постоянныя свойства изображеннаго предмета, придаетъ именованію предмета, съ котораго стерся чеканъ, какъ со старой монеты, конкретность, стало быть, наглядность, то-есть, даетъ имени способность вызывать то впечатлѣніе, которое прежде вызывалось самимъ именованіемъ предмета, въ многообразномъ употребленіи языка, потерявшемъ эту выразительность. Вотъ почему часто эпитетомъ и именемъ предмета выражается одно и то же представленіе, какъ въ народномъ выраженіи: „тихій покой". Вотъ за что эпитетъ, какъ не придающій новаго оттѣнка представленію, называется украшающимъ.

Эпитетъ придаетъ наглядность имени предмета; ту же роль въ отношеніи именованій свойствъ и дѣйствій (состояній) предмета играетъ **сравненіе**. Также, какъ и эпитетъ, сравненіе имѣетъ въ виду наглядность представленія. Но наглядность представленія о предметѣ (субстанціи) достигается именованіемъ его существеннаго въ данный моментъ признака,—именованія же свойствъ и дѣйствій (представленій предикативныхъ), будучи отвлеченны по своей природѣ, чтобы достигнуть наглядности, выражаются метафорой, которая въ свое, такъ-сказать, подтвержденіе влечетъ за собою именованіе взятаго въ подобіе предмета, давшаго основаніе для метафоры. Обильные примѣры для подтвержденія сказаннаго можно почерпнуть изъ „Мцыри" Лермонтова, а именно: „холмы, покрытые **вѣнцомъ** (метафора) деревъ, **шумящихъ свѣжею толпой, какъ братья въ пляскѣ круговой** (сравненіе); горные хребты, **причудливые** (метафора), **какъ мечты** (сравненіе); **курилися** (метафора), **какъ ал-**

тари (сравн.) ихъ вѣса; и облачко за облачкомъ, покинувъ (метафора) тайный свой ночлегъ (метафора), къ востоку направляло бѣгъ (метафора), какъ будто бѣлый караванъ залетныхъ птицъ (сравненіе); въ снѣгахъ, горящихъ (метафора), какъ алмазъ (сравн.) и т. д. Примѣръ же сравненія, данный въ „Теоріи слога", выбранъ неудачно, почему онъ далъ и невѣрное обобщеніе. Въ текстѣ стоитъ такъ: „Синій, синій, ходитъ онъ плавнымъ розливомъ, и середь ночи, какъ среди дня, видѣнъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око". Авторъ видитъ здѣсь сближеніе, основанное „на общемъ признакѣ описываемой ночи и всякаго дня—свѣтѣ". Свѣтъ—постоянный признакъ дня, но случайный признакъ ночи. Но, вопервыхъ, въ предложеніи, изъ котораго взятъ этотъ примѣръ, описывается не ночь (описанію ея посвящено первое предложеніе этаго втораго отдѣла статьи), а величавость днѣпровскаго лона, въ соотвѣтствіе съ первымъ отдѣломъ описанія, гдѣ то же свойство Днѣпра изображается днемъ. Въ силу этого, вовторыхъ, выраженіе: „и середь ночи, какъ среди дня" относится не къ „видѣнъ", а къ „ходитъ". Это подтверждается и контекстомъ. Тема втораго отдѣла описанія — величавость Днѣпра лѣтнею ночью, почему этотъ отдѣлъ и начинается описаніемъ днѣпровской ночи, чтобъ иллюстрировать представленіе величавости а) представленіемъ звѣзднаго неба, которое отражается въ Днѣпрѣ, б) представленіемъ враждебныхъ его величію береговъ, напрасно силящихся закрыть его черною тѣнью лѣса и разломанныхъ горъ. Вотъ почему слѣдующее предложеніе и начинается эпаналапсисомъ: „синій, синій", изъясняя такимъ образомъ, что Днѣпръ ходитъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, и среди дня, не смотря на злостныя усилія лѣса и горъ. Такимъ образомъ выраженіе: „и средь ночи, какъ среди дня" тожественно выраженію: днемъ и ночью, и означаетъ не сравненіе, а обстоятельство времени. Если принять его за сравненіе и отнести это сравненіе къ „видѣнъ", — потеряетъ всякій смыслъ обрядъ послѣдующаго предложенія: „даетъ онъ себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской стали".

Кромѣ того, въ дѣленіи сравненія та же неправильность, что и въ дѣленіи представленія и понятія: оно дѣлится на простое и распространенное, тогда какъ простому обыкновенно противополагается сложное. Но лучше бы и здѣсь придержаться старыхъ терминовъ, назвавъ простое сравненіе подобіемъ, а сложное—сравненіемъ. Преимущество термина „подобіе", кромѣ давности и обыч-

Digitized by Google

ности употребленія его, оправдывается и свидѣтельствомъ поэта: „грозды полные на нихъ, серегъ подобіе дорогихъ, висѣли пышно“; или „потокъ шумѣлъ, и шумъ его глухой сердитыхъ сотнѣ голосовъ подобился“. Подобіе есть такимъ образомъ только указаніе предмета сравненія, наименованіе его; сравненіе идетъ дальше: сличаетъ сходные признаки сравниваемыхъ предметовъ. Категорія противоположнаго и въ сравненіи играетъ такую же важную роль, какъ всюду, гдѣ она находитъ приложеніе. Ей подчиняетъ сравненіе славянская народная поэзія, что составляетъ особенность ея средствъ изобразительности.

Вслѣдствіе смѣшенія понятія съ общимъ представленіемъ, изъ статьи о замѣнѣ одного представленія другимъ исключены синонимы, о которыхъ говорится въ § 7, въ связи съ понятіемъ, хотя нѣтъ никакого основанія не связать ихъ съ представленіями. Синонимы, какъ и всѣ слова внѣ научнаго употребленія, суть представленія и возводятся они въ понятіе только путемъ опредѣленія, которое раскрываетъ таящееся въ самомъ ихъ наименованіи различіе признаковъ и разность ихъ содержанія, отъ обыденнаго употребленія ускользающую. Когда эта разница раскрыта, они перестаютъ быть синонимами. Самое образованіе словъ, именующихъ одинъ и тотъ же предметъ по разнымъ его признакамъ, снова подтверждаетъ, что слова именовали не случайные (лучше: измѣняющіеся) признаки, а постоянные, существенные. И обратить вниманіе ученика на эту сторону слова гораздо научнѣе и важнѣе, чѣмъ на формальное отличіе, что „по содержанію выражаемыхъ понятій различаются и слова, допускающія замѣну по объему, то-есть, синонимы“. Притомъ понятія, выражаемыя синонимами, стало быть, и сами синонимы, находятся не въ отношеніи различія, какъ утверждаетъ § 7, а въ согласіи; это представленія согласныя, то-есть, имѣющія нѣсколько общихъ признаковъ безъ противорѣчія въ остальныхъ. То же слѣдуетъ сказать и объ опредѣленіи омонимовъ. Формальное, данное въ учебникѣ, хотя и научитъ отличать омонимы отъ другихъ стилистическихъ категорій, но не объяснитъ отмѣченнаго въ языкѣ явленія, стало быть, дастъ знаніе безполезное, чего въ силу призванія дидактики слѣдовало бы избѣгать, давъ опредѣленіе генетическое, уясняющее самое образованіе факта. Наконецъ, то же требованіе нужно предъявить и всѣмъ другимъ опредѣленіямъ троповъ, такъ что новшество въ этомъ случаѣ скорѣе служитъ ущербу, чѣмъ пользѣ дѣла. Хотя въ началѣ § объ изобразительности сказано, что замѣна—одно

Digitized by Google

изъ средствъ изобразительности, но не выяснено, почему языкъ пользуется этимъ средствомъ, и какъ онъ на него напалъ; не указана законность средства, что̀ такъ старательно и полно выясняетъ стилистика, основывающаяся на психологіи, вполнѣ достигая своей цѣли. За извѣстнымъ объясненіемъ синонимовъ и троповъ профессоромъ Буслаевымъ (Истор. Грам. 1869. II ч. §§ 142—157) остается неоспоримое преимущество.

Къ средствамъ изобразительности причисляется на стр. VI и антитеза, изъясняемая примѣромъ: „мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ". Но примѣръ представляетъ контрастъ, то-есть, изображеніе или указаніе двухъ реальныхъ противоположностей, тогда какъ антитеза, латинское contentio, есть средство усиленія, а не изображенія мысли; напримѣръ, на тему: „Алкивіадъ принесъ Аѳинамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы", которая и сама по себѣ антитеза, получатся еще слѣдующія: всѣ побѣды, которыя онъ одержалъ для Аѳинъ, не могли загладить всѣхъ пораженій, въ которыхъ онъ виновенъ; или: обстоятельства часто мѣшали ему быть полезнымъ отечеству; вредить же оному никогда не препятствовали; или: ему чаще удавалось низвергать Аѳины съ высоты, чѣмъ поднимать низвергнутую славу.

Отдѣлъ теоріи слога о предложеніи основывается на логическомъ ученіи о сужденіи и умозаключеніи. Опредѣляя поэтому сужденіе, § 8 говоритъ, что оно „образуется изъ сочетанія понятій", гдѣ опять отражается надѣлавшее уже столько порухи въ „Теоріи слога" смѣшеніе представленія съ понятіемъ. Ибо какъ понятіе есть результатъ строгаго анализа и отвлеченія, такъ и сужденія возникаютъ изъ понятій лишь на той почвѣ, что̀ производитъ понятія. Необразованные же классы всегда, а образованные въ большей части своихъ житейскихъ сужденій, пользуются представленіями. Означать мыслимый предметъ сужденіемъ можно и на основаніи представленія, полученнаго наблюденіемъ.

Неправильное воззрѣніе на сужденіе, само собою разумѣется, отразилось и на приложеніи его къ стилю въ ученіи о выраженіи сужденій, въ § 9, гдѣ сказано: „Не всякое предложеніе есть полное сужденіе. Предложеніе безличное, выражая безотчетное чувство говорящаго, можетъ ограничиться выраженіемъ одного понятія". Но „выраженіе одного понятія" такъ и останется понятіемъ о предметѣ или его признакѣ; тогда какъ приведенные для выясненія правила примѣры: „и вѣрится, и плачется", въ коихъ, кромѣ выраженія по-

Digitized by Google

нятія, есть еще и грамматическая форма, имѣющая свое значеніе въ опредѣленіи смысла реченія, и реченіе „и", указывающее на отношеніе, не грамматическое только, но и логическое, къ предыдущему,— и примѣры, не приведенные учебникомъ, но весьма характерные въ данномъ случаѣ, какъ-то: „Сюда! Эй! Пошелъ! Молодецъ!" (Владисл. Логика, стр. 151), гдѣ, кромѣ формы грамматической, есть еще и знакъ, которому соотвѣтствуетъ въ живой рѣчи извѣстная интонація,— всѣ эти примѣры, не смотря на то, что между ними есть части рѣчи незнаменательныя, то-есть, не имѣющія содержанія, всѣ эти примѣры выражаютъ понятныя и опредѣленныя сужденія для каждаго Русскаго, а потому и не вызываютъ у того, къ кому обращены, недоумѣнія. Предложеніе не можетъ быть не полнымъ сужденіемъ, но сужденіе бываетъ неполнымъ предложеніемъ. Да и самое выраженіе „неполное сужденіе" есть contradictio in adjecto! Отсутствіе подлежащаго въ безличныхъ предложеніяхъ нельзя объяснить тѣмъ, „что говорящій выражаетъ здѣсь дѣйствіе, не сознавая предмета, которому оно могло быть приписано": этого объясненія не допускаютъ такія предложенія, какъ: „Пошелъ! Молодецъ!" и даже такія, какъ: „и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко!" Ибо поэтъ сознаетъ, что его облегчаетъ „сила благодатная" и „святая прелесть", что̀ дышетъ въ созвучіи живыхъ словъ молитвы, даже сознаетъ, какъ приходитъ это облегченіе: „съ души, какъ бремя, скатится сомнѣніе далеко". Это явленіе въ области выраженія сужденій однородно со средствами изобразительности представленій. Выраженіе сужденія неполнымъ предложеніемъ или даже однимъ реченіемъ незнаменательнымъ даетъ мысли рѣзкую форму, типичность, стало быть — конкретность, наглядность. На эту-то сторону дѣла и должна обращать вниманіе стилистика, чтобы не выродиться въ схоластику.

Но далѣе авторъ „Теоріи" самъ себѣ противорѣчитъ, говоря, что „распространенное предложеніе можетъ выражать болѣе, нежели одно сужденіе". Распространеннымъ предложеніемъ называется то, гдѣ главные члены обставлены нѣсколькими или многими второстепенными; а каждый второстепенный членъ, хотя бы онъ выражался однимъ реченіемъ, есть не что иное, какъ сокращенное предложеніе, стало быть — сужденіе: сужденіе, слѣдовательно, можетъ выражаться однимъ реченіемъ, не теряя своей ясности и силы; а отсюда вытекаетъ невѣрность утвержденія: „не всякое предложеніе есть полное сужденіе".

Пытаясь систематизировать случаи, когда распространенное пред-

Digitized by Google

ложеніе выражаетъ болѣе, нежели одно сужденіе, авторъ подводитъ ихъ подъ категоріи сравненія, исключенія, изъятія и ограниченія понятій, которыя собственно суть видоизмѣненія двухъ категорій: сходства и противоположности. Но эти категоріи не исчерпываютъ всѣхъ видовъ отношенія понятій; а главное — все это лишь одно схоластическое построеніе, не имѣющее ни научнаго, ни практическаго примѣненія, и притомъ выведено изъ неправильно обобщенныхъ фактовъ, такъ какъ подъ распространенное предложеніе подведены и предложенія слитныя, принадлежащія къ виду сложныхъ, и даже предложенія сложныя, какъ: „всякая вода годна для питья, кромѣ морской", „хорошъ этотъ ученикъ, только не въ игрѣ"; „судья, какъ судья, не долженъ принимать подарковъ". Изъ всего здѣсь сказаннаго важенъ лишь самъ фактъ, что однимъ предложеніемъ можетъ выражаться нѣсколько сужденій, частью таящихся въ немъ скрытно, частью подразумѣваемыхъ самою формой предложенія; что каждое, даже по видимому незначительное реченіе, частица, даже знакъ интерпункціи, коему въ рѣчи соотвѣтствуетъ извѣстное произношеніе, имѣетъ значеніе и вліяетъ на содержаніе сужденія; что всякое простое объективное предложеніе, гдѣ при сказуемомъ (глаголѣ) имѣется дополненіе (объектъ), уже заключаетъ въ себѣ два сужденія, изъ коихъ сказуемымъ въ одномъ служитъ глаголъ дѣйствительный, въ другомъ—страдательный; говоря: „Александръ убилъ Клита", высказываемъ два сужденія: „Александръ убилъ" и „Клитъ убитъ"; что опредѣленія подлежащаго суть остатки предложеній, составленныхъ прежде. А еще важнѣе для опредѣленія отношеній предложенія къ сужденію разъяснить, что подлежащее и сказуемое грамматическія часто не совпадаютъ съ логическими. Этотъ послѣдній пунктъ важенъ при выслѣживаніи чужой мысли въ читаемомъ и при развитіи собственной въ сочиненіи. Въ томъ же отношеніи не менѣе важно разъяснить и логическое отношеніе основнаго единства понятій и способа выраженія его въ предложеніи, а именно: предикативнаго, объективнаго и аттрибутивнаго, на что̀ составитель хрестоматіи наталкивается лишь при разборѣ разсужденій.

Входя въ разсмотрѣніе отношеній между сужденіями, „Теорія слога" различаетъ въ нихъ два вида: аналитическое и синтетическое. Аналитическимъ называетъ такое, гдѣ принятіе или отверженіе одного изъ сужденій побуждаетъ къ принятію или отверженію другаго, а синтетическимъ—когда принятіе одного сужденія не обязываетъ къ принятію другаго, порожденнаго новымъ знаніемъ: „солнце

Digitized by Google

освѣтило равнину; войска двигались стройными колоннами". Правда, между сужденіями перваго вида („люди несвѣдущи" и „ученые не свободны отъ заблужденій") связь чисто логическая, а во второмъ, по видимому, лишь реальная. Но когда эта реальная связь сдѣлалась мыслимою, она уже стала такимъ образомъ логическою, стало быть, и аналитическою. И если логика различаетъ сужденія аналитическія и синтетическія, то не иначе, какъ по ихъ образованію, входя для того въ область психологіи, по природѣ же, равно какъ и по взаимному отношенію, сужденія могутъ быть только аналитическими (Свѣтилинъ, Логика § 49).

Различивъ два вида отношеній между сужденіями, учебникъ причисляетъ къ аналитическимъ тожественныя, подчиненныя, противоположныя, противорѣчивыя, превращенныя и модальныя. Но въ логическомъ отношеніи это дѣленіе неправильно, — такъ какъ члены его: противоположные и противорѣчивые, взаимно не исключаются и могли бы войдти въ данную классификацію не иначе, какъ подъ видомъ „несогласныхъ",—и не полно: ибо, кромѣ подчиненныхъ, есть еще сужденія соподчиненныя, наконецъ, есть еще сужденія согласныя. Опущеніе сужденій согласныхъ побудило составителя къ смѣшенію ихъ съ подчиненными, какъ это видно изъ примѣра § 8, гдѣ, при различеніи сужденій по количеству, признаются подчиненными сужденія: „люди обладаютъ умомъ" и „поэты обладаютъ творчествомъ", сужденія—по количеству общія, а по взаимному отношенію—согласныя; то же смѣшеніе повторено и въ § 4, при опредѣленіи подчиненныхъ сужденій, подъ которыя подведены сужденія: „люди имѣютъ разумъ" и „люди способны различать истину отъ заблужденія", опять сужденія согласныя, какъ имѣющія одно подлежащее и разныя сказуемыя; кромѣ того, въ примѣрѣ противорѣчивыхъ сужденій представлено непосредственное умозаключеніе противорѣчія: „человѣкъ имѣетъ свободную волю; ложно, что онъ не имѣетъ свободной воли". Противорѣчіе не обособлено общепринятымъ терминомъ даже и въ § 15, гдѣ различаются обѣ противоположности. Наконецъ, самое опредѣленіе нѣкоторыхъ сужденій, отнесенныхъ къ виду аналитическихъ, дается не научное: подчиненными, напримѣръ, называются тѣ, „которыя при одномъ подлежащемъ различаются объемомъ сказуемаго или того и другаго вмѣстѣ"; противоположными — „одинакія по содержанію подлежащаго и сказуемаго, но различныя по качеству". Между тѣмъ изъ самаго опредѣленія сужденія слѣдуетъ, что объемъ его выражается подлежащимъ; стало быть, если подлежащія данныхъ

Digitized by Google

сужденій не стоятъ въ подчиненіи или соподчиненіи, сужденія эти не могутъ быть названы подчиненными въ логическомъ отношеніи; различныя же по качеству и одинакія по матеріи сужденія называются противорѣчивыми, а не противоположными.

Весь этотъ и ему подобный произволъ въ обращеніи съ логическими терминами, опредѣленіями и дѣленіями, которымъ наполнены §§ 11 и 14 „Теоріи слога", потребовался для новой выдумки на счетъ переходовъ, обыкновенно связывающихъ мысли въ прозаическомъ литературномъ изложеніи.

Назвавъ переходы (transitiones) „переходными мыслями", „Методическая хрестоматія" въ примѣчаніи на стр. 162 дѣлитъ ихъ, черпая примѣры изъ помѣщенной на той же страницѣ статьи, на: а) указывающія противоположность послѣдующихъ мыслей предыдущимъ („вскорѣ удостовѣрились они въ противномъ"); б) указывающія въ предыдущемъ ближайшую причину послѣдующаго факта („ослабивъ силы гетмана"); в) связывающія рядъ фактовъ („неимовѣрно, чтобы Поляки, увеличили еще мученія слѣдующимъ злодѣйствомъ"). Отъ переходныхъ мыслей хрестоматія отличаетъ аналитическое отношеніе мыслей: а) по закону тожества, когда дается общая мысль, за которою слѣдуетъ ея развитіе („наконецъ побѣда увѣнчала усилія"; „данное Поляками обѣщаніе было нарушено"; „жестокость превосходитъ всякое описаніе"); б) по закону противоположности („полагая, что устрашенъ народъ воинственный"; „казаки подняли оружіе"). Предлагая эти примѣры, хрестоматія и не замѣчаетъ, что отмѣчаемые ею два вида переходныхъ мыслей дѣйствуютъ на одномъ и томъ же основаніи: по противоположности и по тожеству вмѣстѣ; ибо за сужденіемъ: „Неимовѣрно, чтобы Поляки увеличили еще мученія слѣдующимъ злодѣйствомъ" слѣдуетъ въ статьѣ, изъ которой оно взято, описаніе этого злодѣйства, развитіе, выражаясь терминомъ „Теоріи слога". Но высказанному отожествленію, по видимому, противорѣчитъ другой примѣръ, въ которомъ учебникъ усматриваетъ причину послѣдующаго факта, а именно: „ослабивъ силы гетмана (то-есть, одержавъ верхъ надъ отдѣльными польскими отрядами, о чемъ говорится въ предыдущемъ сужденіи текста), казаки принудили его расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ... Здѣсь излили все мщеніе за страдальческую смерть своихъ единоземцевъ". За симъ въ статьѣ слѣдуетъ иллюстрація этого отвлеченнаго сужденія конкретными фактами: а) съ ожесточеніемъ устремились на смертоносныя орудія; б) проложили себѣ дорогу въ станъ непрія-

Digitized by Google

теля по грудамъ убитыхъ товарищей; в) вступили въ рукопашный бой съ Поляками; г) сіи послѣдніе оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ. И такъ, сужденіе: „ослабивъ силы гетмана“ не есть причина послѣдующаго факта, какъ учитъ „Методическая хрестоматія“, а обобщеніе фактовъ предыдущихъ, совокупность коихъ служитъ реальною причиной послѣдующихъ, тоже обобщенныхъ въ сужденіи: „излили свое мщеніе“, сужденіемъ, составляющимъ продолженіе сужденія: „принудили его расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ“, которое относится къ нему, какъ поводъ къ дѣйствію. Поводъ и дѣйствіе могли бы быть выражены и слитнымъ предложеніемъ, какъ это часто и дѣлается, но здѣсь, чтобы сопоставить месть казаковъ съ вынесеннымъ ими отъ притѣснителей оскорбленіемъ, авторъ далъ сужденію, выражающему дѣйствіе, самостоятельную форму, то-есть, поднялъ предложеніе съ цѣлію усилить его мысль.

И такъ, авторъ, брезгуя старостью риторики, просмотрѣлъ то, что̀ она давнымъ давно выяснила, и пустился открывать уже открытую Америку. Риторика избавила бы его отъ блужданія и возможности вводить въ заблужденіе и другихъ, довѣрчиво пользующихся его хрестоматіей. Она сказала бы ему: Transitio vocatur, quae cum ostendit breviter quid dictum sit, proponit item brevi, quid sequatur, hoc modo: mea in ictum beneficia cognostis; nunc quomodo iste mihi gratiam rettularit, accipite. Auct. ad Her. IV, 26. Она научила бы его видѣть во всякой переходной мысли двѣ половины, изъ коихъ одна (не всегда первая) обобщаетъ ясно или намекомъ—однимъ какимъ-нибудь реченіемъ — предыдущее; другая такимъ же образомъ послѣдующее: „конецъ съ началомъ сопрягаетъ“. Эта вторая половина потомъ и развиваэтся или изъясняется, но не въ зависимости отъ изобрѣтенныхъ г. Поливановымъ отношеній между сужденіями, а въ связи съ методомъ изложенія аналитическимъ или синтетическимъ: если дается отвлеченное положеніе, то за нимъ слѣдуютъ доказательства дедуктивныя, въ формѣ силлогизма, какъ въ первой и послѣдней части разсужденія „О любви къ отечеству“, или „развитіе“, анализъ сужденія; когда нужно оправдать индуктивный выводъ, законъ, мышленіе прибѣгаетъ къ изъясненію, иллюстраціи конкретными случаями или примѣрами, свидѣтельствомъ. Притомъ переходныя мысли связываютъ не только „одну группу мыслей съ другою, или отдѣльныя части статьи“, какъ утверждаетъ „Теорія“,—но даже и отдѣльныя мысли, когда онѣ являются членами одного цѣлаго. Члены же

Digitized by Google

статьи и ихъ отдѣлы тогда лишь законны, если диспаратны, если взаимно исключаются. Стало быть, и законъ переходныхъ мыслей — законъ не подчиненія, а противоположности позитивной или негативной. „Теорія прозы“ введена въ заблужденіе грамматическою формой переходныхъ мыслей, часто сокращаемыхъ въ одной изъ половинъ сложнаго предложенія дѣепричастіемъ, хотя и указываетъ въ § 14, что „для болѣе сжатаго выраженія мысли, противительное отношеніе можетъ пользоваться формою грамматическаго подчиненія, дѣепричастнаго предложенія главному. Кромѣ того, риторика учитъ: Interpunctu argumentorum plerumque occulus, ne quis ea numerare possit, ut re distinguantur, verbis confusa esse videatur. Вотъ на какомъ основаніи переходъ выражается и вопросительнымъ предложеніемъ, и всякими иными способами, скрывающими сочлененія.

Пропуская ученіе о періодѣ, гдѣ авторъ къ старой путаницѣ прибавилъ еще и свою, отклонившись отъ единственно правильнаго, соотвѣтствующаго сущности дѣла опредѣленія, даннаго Аристотелемъ, не давъ никакихъ практическихъ объясненій для упражненія въ этой высшей формѣ изящной прозаической рѣчи, но пытаясь на неудачныя повнества; проходя молчаніемъ теорію описаній и повѣствованій, о характерѣ и достоинствѣ которыхъ достаточно говорятъ выше выясненные недостатки и промахи при опредѣленіи представленія и понятія, а также при объясненіи отношеній между сужденіями и переходныхъ мыслей: ибо правильность воззрѣнія на описанія и повѣствованія зависитъ отъ правильности пониманія представленія, понятія и сужденія,—переходимъ къ тому именно отдѣлу „Теоріи прозы“, составленіе котораго авторъ вмѣняетъ себѣ въ заслугу, приступаемъ къ разсмотрѣнію теоріи разсужденія.

Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, не всегда удачная своеобразность воззрѣній автора на дѣло высказывается въ самомъ опредѣленіи разсужденія, которому вмѣняется въ обязанность „выяснять какое-нибудь понятіе или доказывать истинность какого-нибудь сужденія“. Но подъ какую изъ этихъ категорій подвести проблематическое сужденіе, которое служитъ темой разсужденію, предпосланному Карамзинымъ повѣствованію о послѣднихъ годахъ царствованія Бориса Годунова: „Наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною?“ Въ этомъ сужденіи самое значительное понятіе „наслаждался ли“, и на него должно направиться размышленіе, но выясненіемъ его, то-есть, разложеніемъ по объему и содержанію, нельзя получить отвѣта на постав-

Digitized by Google

ленный вопросъ. Если подвести это сужденіе подъ вторую категорію, то въ немъ нѣтъ такого пункта, который можно было бы доказывать, Это сужденіе прежде всего высказываетъ недоумѣніе, которое требуетъ рѣшенія, а не доказательства. Рѣшеніе проблемы, правда. приведетъ къ утвердительному или отрицательному сужденію, но оно явится уже слѣдствіемъ размышленія и изслѣдованія, которое должно быть все посвящено рѣшенію проблемы. Или къ какому виду разсужденій слѣдуетъ отнести размышленіе на сентенцію Пушкина: „Нѣтъ, тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ", которая вооружается противъ моральнаго и научнаго предпочтенія истины обману? Не выясненіемъ какого-либо понятія, не доказательствомъ истинности какого-либо сужденія займется размышленіе и разсужденіе на эту тему, а опроверженіемъ ложнаго мнѣнія, куда „выясненіе какого-нибудь понятія" и „доказываніе неточности какого-нибудь сужденія" войдутъ, какъ средства, какъ пріемы разсужденія, вмѣстѣ со многими другими пріемами, о которыхъ данное опредѣленіе разсужденія не упоминаетъ. Размышленіе, направляемое этою темой, дойдетъ, разумѣется, до положенія, которое должно быть противопоставлено низшему, поверхностному, неправильному мнѣнію; но въ силу внутренней діалектики подлежащаго обсужденію предмета, это можетъ и должно произойдти лишь тогда, когда это положеніе будетъ подготовлено изслѣдованіемъ предмета, который стоитъ внѣ тематическаго вопроса. Примѣровъ обоихъ здѣсь различенныхъ видовъ разсужденій „Методическая хрестоматія" не представляетъ, выше помянутое же разсужденіе Карамзина на проблематическую тему помѣщаетъ въ отдѣлѣ повѣствованій, усмотрѣвъ въ его темѣ, вмѣсто искусно завязанной проблемы, облеченной въ форму изящнаго періода, „сужденіе раздѣлительное". Но какъ бы ни обращалась „Методическая хрестоматія" съ разсужденіями, изъ предыдущаго слѣдуетъ, что между ними есть и такіе виды, которыхъ данное хрестоматіей опредѣленіе не обнимаетъ, отчего оно и теряетъ свою состоятельность.

Переходя за симъ къ способамъ выяснять понятія и различивъ а) раскрытіе его объема, б) раскрытіе его содержанія, теорія разсужденія останавливается на divisio и говоритъ, что „при раздѣленіи наблюдается, чтобы оно было сдѣлано во вниманіе къ одному роду признаковъ, называемому основаніемъ разсужденія". Хотя данные при семъ примѣры разъясняютъ, что̀ нужно разумѣть подъ „раздѣленіемъ", но что̀ такое этотъ „одинъ родъ признаковъ", во

Digitized by Google

вниманіе къ которому должно быть сдѣлано раздѣленіе? какъ его найдти? гдѣ онъ находится? — на счетъ всего этого нѣтъ никакихъ указаній: ученику, значитъ, дано орудіе, владѣть коимъ его не научили. А этотъ „одинъ родъ признаковъ" имѣетъ свое ясное и опредѣленное имя, это—содержаніе родоваго понятія, по отношенію къ даннымъ въ „Теоріи" примѣрамъ это будетъ содержаніе родовыхъ понятій, „строеніе", „дерево"; сколько въ каждомъ изъ нихъ есть признаковъ, столько можетъ быть и логическихъ основаній ихъ дѣленія, разграничивающихъ родъ на виды. Кромѣ того, основаніемъ дѣленія можетъ быть и всякій не существенный признакъ рода (въ деревѣ—тѣнистость, въ строеніи—высота), но онъ даетъ дѣленіе не логическое, а риторическое, которое часто примѣняется въ художественныхъ описаніяхъ, въ обыденныхъ разсужденіяхъ и для ученическихъ письменныхъ упражненій имѣетъ важное значеніе, такъ что безъ знакомства съ его законностью ученикъ обойдтись не можетъ. Не давъ этого существеннаго для ученика знанія, „Теорія", однако, спѣшитъ украситься терминами видовъ логическаго дѣленія: дихотоміей, трихотоміей, политоміей, что̀ имѣетъ уже десятистепенное значеніе, а въ данномъ случаѣ—въ приготовительномъ курсѣ логики—и совсѣмъ неумѣстно, ибо не можетъ повлечь за собою никакого практическаго примѣненія, равно какъ и слѣдующее за нимъ опредѣленіе классификаціи, тоже неточное: послѣдовательное раздѣленіе всѣхъ видовъ дѣлимаго высшаго понятія до самыхъ низшихъ есть именно то, что̀ называется divisio, классификація же есть результатъ распредѣленія (distributio) по группамъ указанныхъ посредствомъ divisio недѣлимыхъ или случаевъ и обозначеніе этихъ группъ видовыми понятіями. Опредѣленіе классификаціи тогда только привело бы ученика къ практической пользѣ, если бы съ нимъ связать опредѣленіе рода и вида и подвида, разграниченія (determinatio) видовъ и взаимнаго ихъ отношенія. Такимъ образомъ ученикъ получилъ бы полную картину логическаго отвлеченія; опредѣленіе же ничѣмъ не связанныхъ между собою отвлеченныхъ операцій способно убить вниманіе одною своей сухостью и никогда само собою не уляжется въ представленіи ученика въ систему. „Теорія", правда, пытается указать своему ученію практическое примѣненіе, прилаживая къ нему замѣчаніе, что „основаніе дѣленія должно быть выбираемо въ необходимомъ отношеніи къ точкѣ зрѣнія, съ которой авторъ касается дѣлимаго предмета"; но ужь одно выраженіе „въ необходимомъ отношеніи къ точкѣ зрѣнія" подбавляетъ къ отвлеченностямъ

Digitized by Google

туману. И тумана этого напущено предыдущимъ объясненіемъ логическихъ терминовъ и категорій столько, что „Теорія разсужденія", по видимому, сама не различаетъ своихъ частей. Ибо, какъ объяснить слѣдующее за симъ опредѣленіе разчлененія (partitio): „Отъ раздѣленія понятія должно отличать разчлененіе (partitio), состоящее въ указаніи частей предмета (?), разумѣваемаго подъ понятіемъ". Положимъ, что автору претитъ риторика, и потому онъ не обратилъ вниманіе на Квинталіаново опредѣленіе, остающееся въ наукѣ во всей силѣ до сихъ поръ — divisionem differre a partitione, quod haec sit totius in partes, illa generis in formas (t., 10, 63);— но обратимся къ его источнику, „Логикѣ" Свѣтилина, гдѣ въ § 65 значится: „Разъясненіе есть разложеніе цѣлаго на сумму его составныхъ частей (partes integrantes)". Стало быть, „Теорія прозы" сдѣлала здѣсь всего одну замѣну: поставила „предметъ" на мѣсто „цѣлаго"; но совсѣмъ не кстати: отъ этой замѣны измѣнился весь смыслъ опредѣленія. Правда, какъ бы въ оправданіе „Теоріи прозы", „Логика" г. Свѣтилина потомъ продолжаетъ: „По сравненію съ раздѣленіемъ различеніе есть высшее понятіе, потому что всякое раздѣленіе есть вмѣстѣ и разчлененіе (и именно разчлененіе объема понятія), но не всякое разчлененіе есть вмѣстѣ и раздѣленіе". Но въ этомъ позволительно не согласиться и съ г. Свѣтилинымъ: ибо разчленяться можетъ лишь то, что̀ имѣетъ члены; стало быть, лишь одно органическое, стало быть, и художественное произведеніе и понятіе,—тогда какъ дѣлится на части все органическое и неорганическое. Такимъ образомъ не разчлененіе есть высшее понятіе, а дѣленіе. Разчлененіе есть одинъ изъ пріемовъ разложенія и обособленія, какъ divisio и distinctio; въ примѣненіи къ содержанію понятія оно есть то же самое, что̀ анализъ (analysis), какъ оно въ такомъ случаѣ и называется (Laas, Der deutsch. Aufsatz, стр. 112). Оно отличается отъ divisio тѣмъ что члены его не представляютъ самостоятельныхъ единицъ, напротивъ, имѣютъ между собою много общаго, почему и не исключаются, а согласуются. Distinctio, кромѣ обособленія близкихъ по содержанію выраженій, синонимовъ, употребляется также и при взаимномъ разъясненіи и разграниченіи представленій, понятій и ихъ признаковъ, а также и для болѣе рѣзкаго сопоставленія противоположностей. Такимъ образомъ divisio, partitio (analysis) и distinctio суть тѣ способы, которыми раскрывается объемъ и содержаніе понятія, и только съ этой стороны имѣетъ важное значеніе отличеніе divisio отъ partitio, тогда какъ въ „Теоріи прозы" та же роль,

Digitized by Google

вслѣдствіе сбивчиваго опредѣленія, усвоена и опредѣленію (definitio).

„Опредѣленіемъ" въ § 3 „Теоріи прозы" называется раскрытіе содержанія понятія, совершающееся указаніемъ: 1) ближайшаго рода, къ которому принадлежитъ опредѣляемое понятіе, какъ видъ, и 2) тѣхъ признаковъ, которыми этотъ видъ отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ того же рода". Но изъ самаго этого опредѣленія явствуетъ, что опредѣленіе есть результатъ нѣсколькихъ логическихъ операцій, здѣсь не разъясненныхъ и даже не намѣченныхъ, хотя сія теорія и предлагается въ руководство учащемуся. Опредѣленіемъ, надобно сказать, называется предложеніе, гдѣ сказуемое, не входя въ подробное исчисленіе всѣхъ существенныхъ признаковъ, что̀ разумѣются подъ его подлежащимъ, раскрываетъ ихъ особымъ сокращеннымъ способомъ, совершенно совпадая съ подлежащимъ по содержанію и объему. Это происходитъ, когда, опираясь на систему понятій, къ которой принадлежитъ опредѣляемое, полагаютъ въ основаніе ближайшее высшее понятіе и къ нему прибавляютъ для полнаго разграниченія видовое различіе. И такъ, опредѣленіе есть то же, что̀ сокращенный, сжатый анализъ. Вмѣсто полнаго разложенія понятія на его составные признаки, формула опредѣленія пользуется именованіемъ рода, какъ логическими скобками, заключающими въ себѣ всѣ признаки родоваго понятія, болѣе указывая на нихъ, чѣмъ излагая; тѣмъ не менѣе, этотъ пріемъ преимуществуетъ той выгодой, что имъ указывается также и мѣсто опредѣляемаго понятія въ системѣ понятій родственныхъ, и вся сѣть высшихъ и съ нимъ соподчиненныхъ мысленныхъ образовъ, въ связи съ которыми оно должно мыслиться. Другое преимущество формулы опредѣленія состоитъ въ томъ, что, давъ добытому содержанію соотвѣтственный терминъ, она устраняетъ трудность извлеченія существеннаго изъ обыденнаго именованія предмета, значеніе котораго въ обыденномъ словоупотребленіи колеблется и мѣняется въ зависимости отъ системы выражаемыхъ имъ мыслей и цѣлей. При этомъ, конечно, предполагается, что содержаніе замѣна, то-есть, родоваго понятія, столь хорошо извѣстно, что строгимъ разграниченіемъ его также можно выяснить и ограничить опредѣляемое понятіе, какъ и подробнымъ анализомъ. Подлежащее опредѣленію понятіе разсматривается какъ видъ. Его содержаніе входитъ въ опредѣленіе, какъ парный членъ, подъ формулой $A\alpha$, въ A заключается сумма признаковъ, которые при сравненіи понятій родственныхъ являются, вслѣдствіе отвлеченія всего несходнаго, совершенно одина-

Digitized by Google

ковыми, *a* же означаетъ опредѣляемое отличіе, которымъ А*a* отличается отъ соподчиненныхъ съ нимъ Аβ, Аγ и т. д. Объ отношеніяхъ подчиненія и соподчиненія, этомъ семейномъ родствѣ, въ которое вводитъ видовая разница, образуя видъ, анализъ не говоритъ ничего,—тогда какъ опредѣленіе также, какъ и анализъ, вполнѣ исчерпывая содержаніе путемъ искусственнаго соединенія родоваго понятія съ видовымъ различіемъ, совершенно совпадаетъ съ опредѣляемымъ и по объему (Laas, D. deutsch. Aufsatz, p. 135).

Вотъ что̀ слѣдовало бы выяснить въ опредѣленіи, назначаемомъ для VII-го класса, вмѣсто того, чтобы вдаваться въ подробное различеніе видовъ его, имѣющее лишь формальное значеніе и никакого практическаго. Что толку въ томъ, что ученикъ пойметъ разницу между субстанціальнымъ и реальнымъ опредѣленіемъ, когда это только одна логическая тонкость, имѣющая значеніе въ системѣ, но затрудняющая и загромождающая элементарный учебникъ. Притомъ и тутъ, по образцу всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ дѣленій „Теоріи прозы", также учинена ошибка: сопоставлено реальное опредѣленіе съ вербальнымъ, тогда какъ ему противополагается номинальное, занимающееся опредѣленіемъ значенія слова, обыкновенно колеблющагося и неточнаго въ обыденномъ словоупотребленіи; вербальное же стремится опредѣлить значеніе слова ab etymologia; напримѣръ, предразсудокъ есть предразсужденіе, то-есть, a priori составленное сужденіе.

Въ ученіи объ опредѣленіи „Теорія прозы" рекомендуетъ различать въ числѣ опредѣляемыхъ понятій такъ-называемыя отношенія (relatio) между двумя или многими отдѣльно мыслимыми понятіями (напримѣръ, торговля, какъ отношеніе между продающими и покупающими). Къ числу такихъ понятій она относитъ и „всѣ понятія изъ нравственной области". Но область опредѣленій на самомъ дѣлѣ гораздо шире; это область отвлеченныхъ представленій вообще, которыя одни собственно и подвергаются опредѣленію, какъ возникшія изъ конкретныхъ представленій и получившія отъ тѣхъ свое именованіе, что̀ собственно и вноситъ шаткость въ разумѣющіяся подъ ними представленія, шаткость, усиливаемую обыкновеннымъ словоупотребленіемъ. И отношенія слѣдуетъ различать не въ числѣ только опредѣляемыхъ понятій: для размышленія вообще чрезвычайно важны отношенія между субстанціями (самостоятельно существующимъ или мыслимымъ, сравнительно постояннымъ) и ихъ видами, а также между представленіями субстанціальными и предикативными, то-есть, представленіями свойствъ состояній и дѣйствій. Каждое во-

Digitized by Google

общее представленіе, подверженное отношенію, можетъ быть понято само въ себѣ не иначе, какъ въ связи съ своимъ „коррелятомъ". Господинъ и отецъ, первый безъ слуги, особливо второй безъ дитяти, не мыслимы. Одинъ и тотъ же предметъ въ зависимости отъ своихъ коррелятовъ можетъ быть обозначенъ не только различными, но даже совершенно противоположными релятивными представленіями: одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ часто отцомъ, сыномъ, братомъ, дядей, племянникомъ, тестемъ, зятемъ; большимъ и малымъ, старымъ и молодымъ; побѣдителемъ и побѣжденнымъ и т. п. Разъясненіе релятивности представленій вообще важно не только въ логическомъ отношеніи, при изобрѣтеніи, но и въ стилистическомъ, ибо на немъ основано употребленіе въ рѣчи синонимовъ, освобождающихъ ее отъ скучнаго однообразія въ разказѣ, характеристикѣ, описаніи, когда приходится часто именовать одинъ и тотъ же предметъ. Для цѣлей изобрѣтенія важны не тѣ только отношенія, на которыя „Теорія прозы" напала случайно, воспользовавшись ими лишь въ своемъ разборѣ статьи „О любви къ отечеству", отношенія субъекта къ объекту, но и гораздо важнѣйшія и всюду приложимыя отношенія рода и вида, причины и слѣдствія, категорій plus и minus, сходства и противоположности, времени и мѣста. Только тогда релятивность представленій могла бы явиться ученику въ смыслѣ закона, а не случайности, и притомъ самой не важной, чѣмъ она оказывается въ объясненіи „Теоріи прозы". Если же „Теорія" считала почему-либо неудобнымъ настоящее разъясненіе предмета, то лучше бы его и не затрогивать лишь потому, что кое-что изъ области релятивной случилось примѣнить къ данному въ учебникѣ разбору. А между тѣмъ то, что̀ должно имѣть при практикѣ опредѣленія существенное значеніе, пріемы опредѣленія (наглядный, отвлеченія, исключенія), что̀ даетъ ученику орудіе и учитъ имъ дѣйствовать, того именно въ ученіи объ опредѣленіи и не хватаетъ.

По видимому, „Теорія прозы" даетъ вмѣсто пріемовъ опредѣленія его замѣстителей, именуя ихъ „неполными опредѣленіями", видя въ нихъ необходимость потому, что въ разсужденіе, какая бы ограниченная область понятій ни была его предметомъ, можетъ входить опредѣленіе понятій", и что „тогда полнота опредѣленія уже зависитъ отъ цѣлей разсужденія". Но сказанное вѣрно лишь въ отношеніи риторической стороны опредѣленія, а не въ примѣненіи къ логической. Въ логическомъ отношеніи не всѣ понятія способны къ строгому опредѣленію, и не всегда логическій способъ раскрывать

Digitized by Google

содержаніе понятія путемъ строгаго опредѣленія самый удобный. „Это кремень!" говоримъ про твердаго волей человѣка, и этотъ способъ удовлетворяетъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе чѣмъ строгое опредѣленіе. Или какъ опредѣлить качество звука, тона, цвѣта? Здѣсь наглядный пріемъ лучше всякаго логическаго опредѣленія (Владисл. Логика, 106). Есть, наконецъ, понятія и не опредѣлимыя; это понятія общія, не имѣющія ни родоваго признака, ни видоваго отличія, ни понятій соподчиненныхъ; не опредѣлимы и частные, единичные предметы. Тѣ могутъ быть лишь объяснены, а эти — описаны. Вотъ откуда является потребность въ замѣстителяхъ логическаго опредѣленія! Она, стало быть, вызывается не „цѣлями разсужденія", какъ полагаетъ „Теорія прозы", а самою природой опредѣляемыхъ представленій. Да, наконецъ, что за дѣло логикѣ до цѣлей разсужденія? Этимъ занимается риторика. Съ другой стороны, называть замѣстителей неполными опредѣленіями и ошибочно. Они хотя и замѣняютъ логичное опредѣленіе и сходны съ нимъ, но касаются не исключительно существенныхъ признаковъ. Гораздо цѣлесообразнѣе и вѣрнѣе назвать ихъ пріемами опредѣленія. Къ числу ихъ неправильно отнесено различеніе (distinctio), которое всегда сопровождаетъ, какъ выше было разъяснено, разложеніе объема и содержанія представленій и понятій, а также и отношенія коррелятовъ: сходство, родство и противоположность. Впрочемъ, отвѣтственность за это лежитъ на „Логикѣ" г. Свѣтилина.

Недостатки опредѣленій partitio, definitio, distinctio сейчасъ же сказались въ § 4, гдѣ, говоря объ изобрѣтеніи доказательствъ, „Теорія прозы", по видимому, стремится опять къ открытію. Такимъ открытіемъ она, по видимому, считаетъ подведеніе всевозможныхъ темъ разсужденія подъ три вида: 1) даны подлежащее и сказуемое сужденія; 2) дано лишь сказуемое, и спрашивается о подлежащемъ, и 3) дано подлежащее, и спрашивается о сказуемомъ. Но при этомъ она забываетъ, что, кромѣ двухъ указанныхъ, есть еще агентъ сужденія, отношеніе подлежащаго къ сказуемому, который имѣетъ главнѣйшее вліяніе на матерію сужденій, стало быть, и на содержаніе, виды и даже способы доказательствъ. Ничего не было бы проще разсужденія, еслибы требовалось отыскать къ подлежащему сказуемое, ибо это значило бы дать опредѣленіе подлежащаго,—или найдти къ сказуемому подлежащее, что̀ указало бы на ту же логическую операцію, то-есть, на опредѣленіе сказуемаго, изъ коррелятовъ коего и получилось бы въ отвѣтъ подлежащее. Но всего труднѣе подтвердить совмѣст-

ность сказуемаго подлежащимъ, то-есть, тотъ видъ темъ, который въ „Теоріи разсужденія“ значится первымъ, и по видимому считается самымъ простымъ. Для него „Теорія“ указываетъ „цѣлесообразное выясненіе (слѣдовательно, опредѣленіе и раздѣленіе) подлежащаго и сказуемаго (иногда и тѣхъ понятій, въ отношеніи къ которымъ сказуемое мыслится). Напримѣръ, доказательство темы: „Устройство внутреннее утверждаетъ могущество государства“, должно состоять въ опредѣленіи понятія, входящаго въ сказуемое (могущество государства), при чемъ должны быть указаны и существенные приз наки государства вообще; затѣмъ должно быть опредѣлено подлежащее „внутреннее устройство (государства)“. Но, вопервыхъ, приведенное въ примѣръ сужденіе въ логическомъ отношеніи, какъ и всякое иное, состоитъ всего изъ двухъ понятій: а) „устройство внутреннее государства“, и б) „могущество государства“; каждое изъ нихъ, правда, именовано нѣсколькими реченіями, то-есть, выраженіемъ, но понятіе подъ каждымъ изъ этихъ двухъ выраженій разумѣется одно; слѣдовательно, выраженія: „понятія, входящія въ подлежащее и сказуемое“, „въ опредѣленіи понятія, входящаго въ сказуемое (могущество государства)“—вносятъ въ изложеніе учебника сбивчивость. Вовторыхъ, ту же сбивчивость представляетъ и содержаніе даннаго учебникомъ объясненія. Ибо, чтобы доказать, что могущество государства есть слѣдствіе его внутренняго устройства, требуется не опредѣленіе и раздѣленіе, а разчлененіе (partitio), анализъ того и другаго понятія, что̀ и находимъ въ статьѣ Жуковскаго, на стр. 508, на которую ссылается „Теорія“. Еслибы Жуковскій занялся сперва опредѣленіемъ могущества государства, а потомъ внутренняго устройства, то, сводя признаки того и другаго для „вывода совмѣстимости обоихъ главныхъ понятій темы“, онъ долженъ былъ бы или повторяться, или убѣдиться въ излишествѣ опредѣленія, когда можно было бы достигнуть бо̀льшаго и болѣе легкими, и болѣе удобными средствами. Если же онъ послѣдовалъ бы наставленію: „при чемъ должны быть указаны и существенные признаки государства вообще“, то еще болѣе прибыло бы громоздкаго матеріалу. Какъ сдѣлать изъ всего этого матеріала цѣлесообразный сводъ, на этотъ счетъ „Теорія“ не даетъ никакихъ указаній; а между тѣмъ считать этотъ разнообразный матеріалъ, даже еслибъ онъ былъ добытъ правильнымъ способомъ, составляетъ другое важное затрудненіе, какъ и самое изобрѣтеніе его.

Или какъ уразумѣть слѣдующее объясненіе косвеннаго доказательства: „Совмѣстимость (подлежащаго съ сказуемымъ) можетъ быть

Digitized by Google

доказана и такъ: послѣ правильнаго раздѣленія, въ которомъ подлежащее составитъ одинъ членъ раздѣленія, опредѣляются понятія, противоположныя данному подлежащему, и показывается ихъ несовмѣстимость по содержанію съ даннымъ сказуемымъ... Или тѣмъ же путемъ производится обмѣнъ противоположныхъ сказуемыхъ при данномъ подлежащемъ?" Зачѣмъ здѣсь раздѣленіе называется правильнымъ? Развѣ есть возможность пользоваться неправильнымъ дѣленіемъ? О раздѣленіи чего идетъ здѣсь рѣчь? Что это за раздѣленіе, въ которомъ подлежащее составитъ одинъ членъ раздѣленія? Откуда взять эти противоположныя данному подлежащему понятія? И въ какомъ смыслѣ надо понимать эту противоположность—какъ позитивную или какъ негативную? Если это понятія соподчиненныя съ подлежащимъ, то зачѣмъ ихъ опредѣлять, когда сравненіе ихъ по содержанію можно произвести и на основаніи разчлененія? Что это за противоположныя сказуемыя? И что нужно разумѣть подъ обмѣномъ сказуемыхъ? Словомъ, все это неопредѣленно, неточно, сбивчиво, крайне темно, ничему не научаетъ, путаетъ даже и тѣ представленія, которыя могли быть даны усвоеніемъ предыдущихъ частей „Теоріи прозы". Въ томъ же родѣ продолжаются и дальнѣйшія объясненія разсужденія. Лучше всего достоинство данной теоріи разсужденія высказывается на примѣненіи ея самимъ авторомъ къ разбору образца „О любви къ отечеству".

„Тема разсужденія"—такъ начинается этотъ разборъ—выражена именемъ существительнымъ (любовь); понятіе, имъ выраженное, какъ одно изъ чувствъ человѣка (?!), предполагаетъ предметъ, на который направляется это чувство—объектъ, который и обозначенъ въ заглавіи словами: „къ отечеству".—Здѣсь прежде всего приводитъ въ недоумѣніе пріемъ разбора. Разборъ хочетъ заставить видѣть не то, что есть передъ глазами, а то, что ему угодно: выдаетъ „любовь" за главное понятіе темы, тогда какъ предъ глазами читателя „любовь къ отечеству", то-есть, одинъ изъ видовъ психическаго аффекта, а не аффектъ, какъ родъ. Этотъ видъ выражается, какъ и всегда, существительнымъ нарицательнымъ, называющимъ родъ: „любовь" и опредѣленіемъ къ нему: „къ отечеству", называющимъ признакъ видоваго отличія, которое и имѣетъ при размышленіи главное значеніе: въ этомъ грамматическомъ опредѣленіи и въ логическомъ разграниченіи вся суть темы. Обратить главное вниманіе на „любовь" значило бы уклониться отъ дѣла. Грамматическое опредѣленіе обыкновенно выражается предикативными словами (прилагательными, гла-

Digitized by Google

голами), но здѣсь оно выражено субстанціальнымъ (существительнымъ), потому что родовое понятіе „любовь" есть понятіе абстрактное, образовавшееся путемъ обращенія въ субстанцію признака. Нельзя пройти молчаніемъ и другую странность, состоящую въ томъ, что понятіе, выраженное словомъ любовь, есть „одно изъ чувствъ человѣка"... Если можно было просмотрѣть такую обмолвку при первомъ изданіи, то при третьемъ, это уже, никакъ неизвинительно, тѣмъ болѣе, что такихъ недосмотровъ въ книгѣ довольно.

Такъ какъ тема состоитъ изъ подлежащаго, то задача разсужденія указать сказуемое; вотъ почему размышленіе, направленное на тему, обращается къ раскрытію объема (divisio) главнаго понятія темы, и основываясь на признакахъ, составляющихъ содержаніе видоваго отличія (мѣсто рожденія и воспитанія, сограждане, общее благо) признаковъ, добытыхъ путемъ расчлененія видоваго признака, находитъ слѣдующіе виды любви къ отечеству: физическая, политическая и нравственная. Опредѣленія понятія „отечество" не дано не потому, какъ говорится въ „разборѣ", что „оно предполагается извѣстнымъ читателю", а потому, что оно мыслится здѣсь подъ понятіемъ „любовь къ отечеству". Дать особое опредѣленіе его значило бы впасть въ повтореніе одного и того же: стало быть, опредѣленіе, предполагаемое „разборомъ", устраненнымъ въ силу его общеизвѣстности, на самомъ дѣлѣ изъято изъ разсужденія расположеніемъ, его требованіями, хотя и отчетливо мыслилось авторомъ статьи, какъ это видно изъ того, что оно можетъ быть извлечено изъ послѣдующаго, о чемъ говорится ниже.

Такимъ образомъ, уже дѣленіемъ указываются три части разсужденія, изъ коихъ каждая занимается опредѣленіемъ отдѣльнаго вида любви къ отечеству.

Въ 1-й части, гдѣ опредѣляется любовь физическая, „Логическій разборъ" указываетъ два видовыхъ отличія: а) въ объектѣ (мѣсто), б) въ субъектѣ (всѣ люди), но о третьемъ, которое дано въ разсужденіи („дѣло природы"), умалчиваетъ, потому что этотъ признакъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ указанныхъ „разборомъ" коррелятовъ. То же самое дѣлается и во второмъ отдѣлѣ, гдѣ „разборъ" опускаетъ признакъ любви къ отечеству политической, „привычку", выражаемый въ разсужденіи такъ: „съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ". Въ выноскѣ слову „привыкаемъ" дается значеніе „привязываемся", но это толкованіе не уничтожаетъ значенія признака. А въ переходѣ къ третьей части самъ писатель, называя

Digitized by Google

физическую и нравственую привязанность къ отечеству „дѣйствіемъ натуры и свойствъ человѣка", даетъ указаніе на то, какъ онъ добылъ признаки опредѣляемыхъ имъ видовъ любви къ отечеству. Онъ нашелъ ихъ въ существѣ человѣка, разчленивъ оное на физическое, нравственное и политическое. Отсюда и любовь къ отечеству дѣлится на три вида, по тремъ функціямъ одной и той же субстанціи; отсюда и признаки видовой разницы: основаніемъ для перваго вида любви къ отечеству служитъ природа, для втораго—привычка, для третьяго — нравственное развитіе. Отсюда необходимость предупредить возраженіе, что любовь физическая, какъ любовь къ мѣсту, должна зависѣть отъ качествъ самого мѣста; а отсюда необходимость дедуктивнаго доказательства, разъясняющаго, что любовь эта называется физическою не потому, что состоитъ въ привязанности къ мѣсту рожденія и воспитанія, а потому: а) что служитъ мѣстомъ перваго счастія, то-есть, что она есть дѣйствіе нашей собственной физической природы, а не внѣшней; б) что мѣсто рожденія и воспитанія вліяетъ на самое настроеніе нашихъ нервъ.

Въ дедуктивномъ доказательствѣ „разборъ" видитъ два силлогизма въ формѣ энтимемъ, тогда какъ здѣсь всего одинъ, а именно: большая посылка: „начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть"; примѣръ—нѣжные друзья; меньшая посылка: „въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни" (то-есть, нѣтъ благополучія выше жизни): (причина)„ она есть первое счастіе"; заключеніе: „родина мила сердцу (все послѣдующее прибавлено въ отклоненіе предусматриваемаго возраженія): не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ (partitio: признаки физической привлекательности родины), а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ-сказать, утро и колыбель человѣчества". Въ разсужденіи силлогизмъ начинается заключеніемъ потому, что съ нимъ совмѣщено по противоположности и предупреждаемое возраженіе. Средняя посылка осталась на своемъ мѣстѣ и представляетъ непосредственное умозаключеніе подчиненія, а не особый силлогизмъ, какъ учитъ „разборъ". Она есть распространенный членъ того же силлогизма. Большая посылка поставлена въ концѣ потому, что съ нею вяжутся два послѣдующихъ примѣра, изъ коихъ первый (нѣжные друзья) иллюстрируетъ одну общую мысль, а второй (Лапландецъ)—заключеніе и среднюю посылку, подтверждая сдѣланное въ ней ограниченіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, служа основаніемъ для мысли, развитой въ слѣдующей половинѣ 1-го отдѣла; „самое расположеніе нервъ

Digitized by Google

привязываетъ насъ къ родинѣ". Эта же мысль служитъ и переходомъ отъ первой половины отдѣла къ другой, оставаясь не замѣченною „разборомъ", потому что такой переходъ не соотвѣтствуетъ воззрѣніямъ „Теоріи прозы". Переходъ здѣсь, какъ всюду, сдѣланъ по противоположности, отмѣчаемой реченіемъ „самое", которое равно здѣсь „даже"; онъ какъ бы говоритъ: „не одни воспоминанія, окружающія утро или колыбель человѣка, а самое расположеніе нервъ"...

„Логическій разборъ" полагаетъ, что во 2-мъ отдѣлѣ въ 1-й части „авторъ избѣгнулъ доказательства, сославшись (во 2-мъ отдѣлѣ 1-й части) на авторитетъ (свидѣтельство медиковъ), но (?) подтвердивъ примѣромъ (жителя горной Швейцаріи)", что, кромѣ того, мысль разъяснена аналогіей (человѣка съ растеніемъ, какъ съ организмомъ). Такимъ образомъ „логическій разборъ" не видитъ, что подтверждаемый тезисъ есть законъ историческій, а потому и долженъ быть подтвержденъ индуктивно; вотъ почему авторъ ссылается (не на свидѣтельство, какъ полагаетъ „разборъ", а на опытъ медиковъ, какъ судей въ этомъ случаѣ компетентныхъ, а потомъ на фактъ, общеизвѣстный изъ области тоже опытныхъ наукъ, физіологіи и ботаники. Наблюденія, взятыя изъ разныхъ областей естествознанія, сами по себѣ характерныя и несомнѣнныя, даютъ силу общему выводу, высказанному въ текстѣ.

На конецъ первой части „логическій разборъ" смотритъ, какъ на „указаніе той доли вліянія, какую имѣютъ и красоты отечества на любовь къ нему"; но это лишь доказываетъ, что „разборъ" забываетъ свою цѣль, которая должна состоять не въ указаніи содержанія мысли, а ея логическаго, формальнаго отношенія къ цѣлому, уясненія законности занимаемаго ею мѣста въ цѣломъ. Изъ всего сказаннаго въ доказательство видоваго отличія физической любви къ отечеству (примѣръ Лапландца, скучающаго въ Италіи, и жителя дикаго Унтервальдена и суроваго Гларуса, сохнущаго вдали отъ родины) прямо вытекаетъ заключеніе, что красоты родной природы не имѣютъ никакого вліянія на любовь къ родинѣ; потому и потребовалось ограниченіе (determinatio), которое указываетъ, что красоты родной природы вліяютъ лишь на степень этой любви, но не служатъ ей основаніемъ.

Вторая часть разсужденія, по словамъ „логическаго разбора", начинается опредѣленіемъ втораго вида, любви нравственной; но и это не совсѣмъ такъ. Сперва въ ней дается основный признакъ, привычка, и такъ какъ читатель не мыслитъ его отчетливо, то вслѣдъ затѣмъ

Digitized by Google

идетъ изъясненіе (explicatio), названное въ „Теоріи прозы“ развитіемъ и иллюстрированное всего однимъ примѣромъ („Поэзія въ ряду другихъ искусствъ“), который совсѣмъ не подходитъ къ данному въ разужденіи „объясненію“, а потому оно и остается не признаннымъ со стороны „Логическаго разбора“. Сужденіе: „Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца“ и есть именно то, что̀ „старая риторика“ называетъ объясненіемъ (explicatio). Оно выясняетъ сужденіе: „съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ и привыкаемъ“. Послѣ того, какъ выясненъ основной (конститутивный) признакъ опредѣляемаго понятія, дается признакъ конститутивный („дѣйствующая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильнѣе“). Когда собраны и выяснены всѣ существенные признаки опредѣляемаго, ничего не остается, какъ провѣрить опредѣленіе конкретными фактами, индуктивно; а потому на объясненіе, данное „логическимъ разборомъ“, что „къ доказательству (большая посылка подразумѣвается: мы привязываемся къ предмету или средству удовольствія) присоединены (?) примѣръ, сравненіе (цѣль) и свидѣтельство“,—нужно смотрѣть какъ на выдумку.

Переходя къ третьей части статьи, „логическій разборъ“ не могъ не замѣтить перехода: онъ выраженъ здѣсь сложнымъ предложеніемъ, снабженъ союзомъ но и видимо распадается на двѣ половины. Такіе переходы „Методическая хрестоматія“ всегда замѣчаетъ, хотя именуетъ то „вступленіемъ“, то „введеніемъ“, то „общею мыслью“. Но „логическій разборъ“, увлекаемый, какъ рокомъ, открытыми имъ въ разсужденіи коррелятами (субъектъ и объектъ), не обратилъ вниманія на то, что самъ Карамзинъ называетъ этотъ третій видъ любви къ отечеству „великою добродѣтелью“, какъ слѣдствіе духовныхъ усилій. Вотъ почему здѣсь разчленяется духовное существо человѣка на сердце, откуда любовь къ благу и славѣ отечества,—на волю, откуда стремленіе способствовать благу и славѣ отечества во всѣхъ отношеніяхъ,—на разумъ, откуда вытекаетъ, что этимъ видомъ любви проникаются лишь люди развитые.

Такимъ образомъ физическая любовь къ родинѣ есть дѣло натуры, политическая къ согражданамъ есть дѣло привычки, нравственная—не къ родинѣ, не къ согражданамъ, а къ отечеству, и есть нравственный долгъ, который ведетъ къ счастію. Стало быть, „логическій разборъ“ не только невѣрно утверждаетъ, что „понятіе“

Digitized by Google

„отечество" предполагается извѣстнымъ читателю", но не замѣтилъ и того, что Карамзинъ строго различилъ „родину", „мѣстожительство" и „отечество", откуда почерпнулъ основы каждаго вида любви: натуру, привычку, долгъ; натура проявляется ощущеніями и настроеніемъ, привычка—привязанностями и наклонностями, долгъ—стремленіемъ и дѣйствіемъ; первое дѣлается безсознательно, второе—по чувству, сердцемъ, третьимъ правитъ развитый разумъ и твердая воля. Все это и лежитъ въ основѣ разсужденія, а не тѣ корреляты, что̀ заставляютъ не замѣчать многаго существеннаго.

Въ третьей части разсужденія доказательство опять дедуктивное, и все по той же причинѣ: оно должно подтвердить нравственную истину: „любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству", для оправданія коей индуктивныхъ доказательствъ недостаточно. „Логическій разборъ" усматриваетъ въ основаніи данной здѣсь дедукціи слѣдующій силлогизмъ: большая посылка: „Мы стремимся къ собственному благу"; меньшая посылка: „Благо отечества есть наше благо"; слѣдовательно: „Мы стремимся (лучше бы сказать: „онъ долженъ стремиться"...) къ благу отечества". Но текстъ разсужденія долженъ подвергнуться искаженіямъ, а силлогизмъ натяжкамъ, чтобы принять данный ему „логическимъ разборомъ" видъ. Въ текстѣ же находимъ вотъ что̀: „Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности (долгъ) человѣка на его счастіи", то-есть, истинная философія смотритъ на долгъ, какъ на путь къ счастію: это большая посылка. Меньшая посылка: „Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразлучна наша собственная", то-есть, наше личное счастье зависитъ отъ счастья отечества" (слѣдуетъ изъясненіе). Заключеніе: „Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству". Затѣмъ, какъ и въ первомъ отдѣлѣ, слѣдуютъ индуктивныя доказательства, которыя имѣютъ въ такихъ случаяхъ силу только послѣ дедукціи.

Найдя въ „Теоріи прозы" и приложенныхъ въ дополненіе къ ней разборахъ столько недосмотровъ, промаховъ, поверхностныхъ воззрѣній, пишущіе сей отчетъ о „Методической хрестоматіи", привыкнувъ соединять съ почтеннымъ именемъ составителя книги иныя представленія, были приведены въ изумленіе молодостью всѣхъ замѣченныхъ погрѣшностей. Это навело на мысль сравнить помѣщенные въ хрестоматіи разборы съ тѣми, которые были читаны ея составителемъ на Московскомъ съѣздѣ преподавателей русскаго языка въ 1866 году и напечатаны въ приложеніи къ циркуляру по Москов-

Digitized by Google

скому учебному округу въ № 8. Логическаго разбора статьи „О любви къ отечеству" тамъ нѣтъ, но разборы „Урала" и „Днѣпра" и „Послѣдней ночи въ отцовскомъ домѣ" заимствованы оттуда, стало быть, принадлежатъ къ юнымъ произведеніямъ автора, но дошедшимъ до третьяго изданія въ его хрестоматіи, съ сохраненіемъ промаховъ молодости и неопытности, разительнымъ доказательствомъ чему служитъ еще тамъ учиненная и потомъ во всѣхъ изданіяхъ хрестоматіи повторенная ошибка въ заглавіи частей повѣствованія: „Послѣдняя ночь въ отцовскомъ домѣ", гдѣ подъ 6) стоитъ: „просыпающаяся мать и собирающійся въ путь Бульба" (слѣдовало бы: просыпающійся и собирающійся въ путь Бульба). Это даетъ право предполагать, что и разборъ разсужденія относится тоже ко временамъ неопытности и при изданіи хрестоматіи не подвергся тщательному пересмотру. То же должно сказать и о „теоріяхъ" Методической хрестоматіи. Два изданія онѣ выдержали безъ перемѣны, и только въ этомъ предполагаемомъ третьемъ онѣ нѣсколько дополнены въ отношеніи къ слогу и описанію, но повѣствованіе и разсужденіе, не смотря на вопіющіе промахи и недостатки, остались неприкосновенными, даже съ грѣхами юности.

Но составитель вѣрно сравнилъ свой трудъ съ яйцомъ. Изъ всѣхъ нынѣ существующихъ хрестоматій „Методическая" дѣйствительно представляетъ нѣчто органическое, по мысли и по стремленію осуществить ее. Мысль, чья бы она ни была, правильная, совершенно соотвѣтствующая потребностямъ современной школы, хотя въ развитіи, данномъ ей въ хрестоматіи, она не всегда выдерживаетъ критику основывающуюся на дидактическихъ началахъ въ примѣненіи къ современной нашей школѣ. Исполненіе—подлинно еще in ovo и подвигается очень медленно. Но, какъ первый опытъ, не имѣющій ни въ нашей, ни даже въ обширной германской педагогической литературѣ никакого предшественника, и притомъ выполненный съ любовію къ школьному дѣлу и съ цѣлями чисто-педагогическими, сверхъ того—стремящійся въ предѣлахъ возможности къ улучшенію, и при распространеніи, не смотря на свои недостатки, способный вліять на серіозныя улучшенія въ преподаваніи русскаго языка и словесности, „Методическая хрестоматія" заслуживаетъ поощренія предъ другими подобными ей по назначенію изданіями и можетъ быть награждена меньшею преміей.

Digitized by Google

ОТНОШЕНІЯ НОВГОРОДСКАГО ВЛАДЫКИ КЪ НѢМЕЦКОМУ КУПЕЧЕСТВУ ПО НОВЫМЪ ДАННЫМЪ.

Въ своемъ „Очеркѣ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ" мы имѣли уже случай коснуться того значенія, какимъ пользовался Новгородскій владыка въ дѣлахъ пребывавшаго въ Новгородѣ нѣмецкаго купечества. Мы выставили тамъ на видъ, какое благодѣтельное вліяніе оказывалъ представитель Новгородской церкви на положеніе отдѣльныхъ лицъ, входившихъ въ составъ нѣмецкаго купечества. Но этимъ дѣло еще далеко не исчерпывалось. Обнародованные недавно новые нѣмецкіе документы показываютъ, что владыка имѣлъ въ Новгородѣ еще другое, гораздо важнѣйшее значеніе. Судя по этимъ документамъ, онъ являлся защитникомъ и покровителемъ не только отдѣльныхъ лицъ между иноземцами, но одинаково всѣхъ иноземцевъ въ ихъ цѣломъ составѣ. Дѣятельность его въ этомъ случаѣ заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что она была благодѣтельною не только для однихъ Нѣмцевъ, но въ равной мѣрѣ и для самихъ Новгородцевъ.

Положеніе нѣмецкаго купечества, даже въ его цѣломъ составѣ, было въ Новгородѣ весьма шатко и исполнено большихъ опасностей. Причины такого явленія заключались не столько въ столкновеніяхъ купечества съ Новгородцами (что̀ также случалось) въ самомъ городѣ, сколько въ судьбѣ новгородскихъ купцовъ внѣ предѣловъ ихъ родины. Какъ извѣстно, Новгородцы никогда не отказывались отъ активной торговой дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ сосѣднихъ Ганзейскихъ городахъ. Но это стремленіе къ дѣятельной торговлѣ обходилось имъ не дешево. Хотя торговые трактаты и га-

Digitized by Google

рантировали Новгородцамъ свободный и безопасный путь въ ганзейскіе торговые центры, тѣмъ не менѣе торговыя предпріятія ихъ далеко не всегда оканчивались благополучно. Напротивъ, купцы сплошь и рядомъ становились жертвами разныхъ разбойниковъ. Хотя, далѣе, трактаты и обязывали Нѣмцевъ отысканіемъ преступниковъ, тѣмъ не менѣе, по трудности дѣла и отчасти по отсутствію къ нему сильнаго желанія, преступники розыскивались далеко не всегда, и потери Новгородцевъ оставались безъ всякаго возмѣщенія. Что̀ было дѣлать въ такихъ случаяхъ Новгородцамъ? Торговые трактаты обязывали ихъ вѣдаться съ отвѣтчиками, отнюдь не прибѣгая къ репрессаліямъ противъ пребывавшаго въ Новгородѣ нѣмецкаго купечества. Но какъ было къ нимъ не прибѣгнуть, когда репрессаліи представляли весьма легкое средство не только побудить Нѣмцевъ къ ревностнѣйшему розысканію преступниковъ, но въ крайнемъ случаѣ даже и прямо получить съ пребывавшихъ въ Новгородѣ иноземцевъ вознагражденіе за потери, понесенныя его гражданами на чужбинѣ? Какъ бы то ни было, только при всякомъ крупномъ, выходящемъ изъ ряда нарушеніи новгородскихъ интересовъ внѣ родины, нѣмецкому купечеству въ Новгородѣ нужно было быть готовымъ къ отвѣту предъ Новгородцами. Самое ближайшее, что̀ могло грозить нѣмецкимъ гостямъ въ Новгородѣ въ подобныхъ случаяхъ, было общее задержаніе купечества, то-есть, лишеніе права свободнаго возвращенія на родину вмѣстѣ съ товарами. Легко представить себѣ, какую сумятицу въ торговой жизни долженъ былъ производить уже одинъ такой поступокъ, какія печальныя слѣдствія должно было имѣть такое задержаніе на долгое время. Но задержать было еще не все зло, котораго могло ожидать нѣмецкое купечество. Какъ скоро удовлетвореніе претензій, не смотря на задержаніе, затягивалось, нѣмецкіе гости должны были готовиться къ худшему. Легко могло статься, что вѣче, разъяренное неисполненіемъ городами своихъ требованій, и быть можетъ, соблазняемое, особенно въ своихъ низшихъ слояхъ, богатою поживой, какую представляли иноземные дворы, обрушивалось на мѣстопребыванія иноземцевъ и предавало ихъ грабежу. Но еслибы даже дѣло и не дошло до этого послѣдняго, крайняго акта, во всякомъ случаѣ, въ качествѣ понужденія къ скорѣйшему удовлетворенію новгородскихъ требованій, Нѣмцамъ легко было испытать заключеніе въ тюрьмѣ съ наложеніемъ оковъ. Но и этимъ замѣшательство не кончалось. Репрессаліи съ одной стороны вызывали обыкновенно репрессаліи съ другой. За задержаніемъ нѣмецкихъ

Digitized by Google

гостей въ Новгородѣ слѣдовало по пятамъ задержаніе новгородскихъ купцовъ въ лифляндскихъ городахъ, или если ихъ тамъ не было въ достаточномъ количествѣ, по крайней мѣрѣ прекращеніе торговли съ Новгородомъ. Такимъ образомъ, изъ-за одного какого-либо частнаго случая, торговое движеніе, продуктъ долгой исторической жизни, къ крайнему ущербу обѣихъ сторонъ, останавливалось совсѣмъ.

Если указанныя нами слѣдствія наступали не всегда въ ихъ полномъ и грозномъ видѣ, то причинъ этого явленія временами надобно искать въ примирительномъ вмѣшательствѣ Новгородскаго епископа. Прежде всего, опираясь на святость своего сана и на роль, свойственную ему на новгородскомъ вѣчѣ, владыка старался не допускать крайнихъ проявленій вражды къ иноземцамъ, въ родѣ разграбленія двора или заключенія гостей подъ стражей въ оковы. Мы имѣли уже случай замѣтить, что при распаденіи Великаго Новгорода на враждебныя партіи, готовыя стать другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, Новгородскій владыка имѣлъ обыкновеніе выступать между ними въ роли посредника [1]). Подобнымъ образомъ онъ считалъ своею обязанностью содѣйствовать умиротворенію страстей и тогда, когда раздоръ открывался между Новгородцами и Нѣмцами. Особенный вѣсъ этому посредничеству владыки давало то обстоятельство, что по религіозному характеру времени, какъ всякое важное частное дѣло, такъ равно и вѣчевыя постановленія и рѣшенія, требовали духовной санкціи, святительскаго благословенія. Въ силу этого обстоятельства, владыка являлся предъ лицомъ вѣча не просто духовнымъ пастыремъ, голосъ котораго могъ быть принятъ во вниманіе наравнѣ съ голосами другихъ членовъ вѣча, но такимъ пастыремъ, отъ котораго зависѣла духовная санкція, который могъ ее дать, но могъ также и отказать въ ней. Этимъ-то качествомъ своимъ Новгородскій владыка и пользовался, какъ средствомъ, въ борьбѣ съ вѣчевыми увлеченіями. Какъ скоро именно дѣло заходило о какомъ-либо несправедливомъ актѣ противъ Нѣмцевъ, владыка отказывался дать свое благословеніе вѣчевому рѣшенію и стоялъ за

[1]) Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великимъ Новгородѣ, стр. 39 Кстати замѣтимъ, что при обозрѣніи отношеній владыки къ членамъ Нѣмецкаго двора тамъ вкралась описки, а именно на стр. 45, строкѣ 12, поставлено вмѣсто: „компаньономъ Новгородца Максима Аввакумова“ просто: „Новгородцемъ Максимомъ Аввакумовымъ“.

Digitized by Google

отказъ твердо, не смотря на всѣ непріятности и огорченія со стороны массы народа. Разъяснимъ это на примѣрѣ. Въ маѣ 1424 года новгородскіе купцы подверглись нападенію на морѣ при Везенбергѣ, иначе при Торканѣ у Ревеля или при Юмметакенѣ. Сами они были убиты и брошены за бортъ, а товары ихъ въ значительномъ количествѣ захвачены разбойниками [1]). Узнавъ объ этомъ дѣлѣ, совѣтъ Любка принялъ нѣкоторыя мѣры къ отысканію преступниковъ. Городамъ предписано было въ случаѣ открытія разбойниковъ задержать ихъ, и въ то же время въ Киль были отправлены гонцы для собранія тамъ нужныхъ свѣдѣній на мѣстѣ. Поиски эти, равно какъ и другіе, дальнѣйшіе, остались однако безуспѣшными [2]). Между тѣмъ сами Новгородцы получили извѣстіе, что разбой былъ совершенъ жителями города Везенберга и его окрестностей, что захваченные товары отвезены внутрь страны, и что въ Везенбергѣ, равно какъ и въ Ревелѣ, ходили люди въ платьѣ, принадлежавшемъ ихъ братьѣ Новгородцамъ [3]). Новгородцы пробовали-было обращаться съ просьбой объ отысканіи разбойниковъ въ Ревелѣ, но тамъ граждане ихъ были осмѣяны на торгу [4]). Такъ какъ однако торговыми трактатами обѣ стороны обязывались къ отысканію преступниковъ, то Новгородцы, встрѣтивъ такое пренебреженіе со стороны горожанъ Ревеля, не нашли ничего лучшаго, какъ перенести отвѣтственность на жившее въ Новгородѣ нѣмецкое купечество и въ началѣ 1425 г. подвергли послѣднее, въ составѣ 150 человѣкъ, задержанію [5]).

---

[1]) *Bunge und Hildebrand*, U. B., VII, 225, 1425, іюля 11-го: «Deere (новгородскіе купцы) weren gezegelt to der zeewart unde weren gekomen 8 myle na Revale; dar worden ze genomen undeere gud ward upp dat land geslagen unde ward dargedelict unde ward tho lande wart in gevoret». Тамъ же, VII, 111, 121, 182, 202.

[2]) *Bunge*, VII, 122, 1424, авг. 5-го: «Dey dat van den Russen dey gaf ik in den pinxsten hilgen dagen (іюня 11-го) hiir dem rade to kennende: sey wart my van der Pernowe erst to wetende. Do screven sey dat vort in dey stede, hiir belegen, ofte menjergen sodane lüde unde gud irvore, dat solde op holden. Un schadden sey eren boden met dem mynen ine kort to deme Kile ghesant, umme to vorvarende, ofte men jergen konde vorhoren darvon».

[3]) *Bunge*, VII, 225, 1425, іюля 11-го: «unde seggent up de lude, de tho Wezenberge wonen, dat de id hebben gedan; unde dar gam de lude unde de dregen noch de cledere, unde ok tho Revale». Тамъ же, VII, 182.

[4]) *Bunge*, VII, 226, 1425, іюля 11-го: «se (Новгородцы) ene mogen des nicht lenger liden, wante ere brudere belachet werden, do ze dit clageden, dat schach uppe dem markede to Revele».

[5]) *Bunge*, VII, 181, 1425, марта 9-го.

Digitized by Google

Какъ скоро слухъ о бѣдѣ, постигшей нѣмецкое купечество, достигъ Ганзейскихъ городовъ, послѣдніе для охлажденія Новгородцевъ прибѣгли къ испытанному съ ихъ стороны средству, къ прекращенію торговли, а для освобожденія купечества отправили въ Новгородъ пословъ. Указывая на готовность городовъ содѣйствовать отысканію преступниковъ, послы выставляли Новгородцамъ на видъ, что тѣ невиновны въ разбоѣ ровно ни въ чемъ. Пребывавшіе въ Новгородѣ нѣмецкіе гости въ свою очередь прибавляли, что Везенбергъ, при которомъ произошло разграбленіе, не входитъ въ составъ Ганзейскаго союза, а принадлежитъ орденмейстеру. На эти замѣчанія Новгородцы отвѣчали, что они посылали гонцевъ къ орденмейстеру, но что тотъ не призналъ этого дѣла своимъ, а велѣлъ гонцамъ ѣхать въ Ревель, и потому твердо стоялъ на своемъ требованіи, чтобы Ганзейскіе города указали имъ преступниковъ. И въ случаѣ, еслибы такое указаніе обнаружило ихъ невиновность, Новгородцы обѣщались немедленно же освободить купечество отъ задержанія [1]). Въ такомъ положеніи, лифляндскіе послы въ апрѣлѣ 1425 года дали Великому Новгороду ручательство, что въ скоромъ времени туда прибудутъ великіе послы, могущіе уладить все дѣло. Новгородцы на этомъ успокоились: они отказались отъ намѣренія посадить гостей въ оковы, сдали ихъ на поруку старшинамъ и прикащику двора, дозволили покупать жизненные припасы, ходить изъ одного двора въ другой, но никуда болѣе [2]). Но когда обѣщаніе не исполнилось, великіе послы въ назначенный срокъ, Ивановъ день (24-го іюня), не явились, то Новгородцы опять заволновались. Послѣ долгаго шума на вѣчѣ, они бросились (какъ живописуетъ нѣмецкая

---

[1]) *Bunge*, VII, 225, 1425, іюля 11-го: «Dar antworoden wi (купцы) aldus tho: Wezenberch dat en were unse stad nicht; hebben de ere gud genomen, worumme se denne uns helden... dat land hort dem mestere tho. Do seden ze (Новгородцы): se hadden boden gesand on den mester: do sede he en, he were en nye komen man, dat ze togentho Revele, id ene were siner sake nicht»... Тамъ же, VII, 189, 199.

[2]) *Bunge*, IV, 437, 1425, апрѣля 27-го: «Nu sin se (Новгородцы) aldus enen geworden na den worden, de en de boden gesecht hebben, dat hiir grote boden komen solen, de alles dinges mechtig sin, van der stede wegene... Do dat Simmerman Nonwerden to bekennende gar, do laden se uns vor s. Johanesse und seden, Nouwerde haddegram up uns gewest, unde wolden uns int iseren hebben gesat. Nu se horen, dat hiir boden komen solen, nu hebben se uns up de hast gedaen den olderluden und Haus Lyppen, eten und drinken to kopen, und van deme ene have up den andern to gande, vorder nergen to gande»...

Digitized by Google

грамота) на нѣмецкій дворъ, подобно лающимъ собакамъ, какъ будто бы одинъ хотѣлъ насъ сварить, а другой изжарить, и кричали, что гостей надо заключить подъ стражей въ оковы. И это послѣднее несомнѣнно бы случилось, еслибы въ дѣло не вмѣшался Новгородскій владыка. Видя, что распря начинаетъ принимать крайне опасный характеръ, владыка Евѳимій самъ лично явился на вѣче и старался склонить Новгородцевъ отстать отъ своего намѣренія. Но, когда тѣ не обнаружили къ тому готовности, то Евѳимій I на отрѣзъ отказался дать вѣчу свое согласіе и благословеніе на заключеніе гостей въ оковы и стоялъ твердо на своемъ, не смотря на огорченія, которыя при этомъ ему пришлось испытать отъ народа. И владыка не только настоялъ на своемъ, но пользуясь содѣйствіемъ лучшихъ людей, успѣлъ своими просьбами склонить вѣче дать срокъ купечеству (двѣ недѣли) для отправленія на родину посла и полученія оттуда свѣдѣнія на счетъ прибытія пословъ, одаренныхъ полномочіемъ дать отвѣтъ на счетъ погибшихъ Новгородцевъ и ихъ товаровъ [1]). И только въ случаѣ, еслибы гонецъ привезъ неблагопріятный отвѣтъ на счетъ разбоя и прибытія полномочныхъ пословъ, только въ этомъ случаѣ Новгородцы грозили теперь, что они обратятся съ своими претензіями къ нѣмецкому двору и возьмутъ у тамошнихъ гостей столько товаровъ, сколько нужно для покрытія понесенныхъ ими потерь. Это послѣднее рѣшеніе было открыто заявлено на вѣчѣ съ прибавкой, что тогда пусть посылаетъ пословъ тотъ, кому нужно [2]).

Заботы Новгородскаго владыки не ограничивались однако однимъ предупрежденіемъ крайнихъ насильственныхъ мѣръ. Онъ одинаково

---

[1]) *Bunge*, VII, 221, 1425, іюля 4-го: «Dit (заключеніе въ оковы) hedde unwarliken over gaen, hedden dar nyelt gude lude var gewest, sunderlinges dey bysschop, dey vor uns dus lange gebeden hevet, dar he grot vordreit ume let van den Russen vormyddest siner bede unde vulbord, dei hei dar nycht to geven en wolde, unde ok some anderen van den uppersten so lange, dat it in en bestant is gekomen unde wy uns vorwilkort hebben vor Nowerden ume eynen man uettosenden, in 14 dagen hir wedder tho wesen»...

[2]) *Bunge*, VII, 221, 1425, іюля 4-го: «V. dat des nycht enschege, dat desse bode gein gued antworden brochte van jwer wegen unde juwe boden hir nycht en quemen, so willen sei solven recht ne men unde willen uns don, als eren broderen geschein is, unde nemen gudes so vele, dat sei vûl hebben; we dan boden behove, dat de se dan sende. Dit heblen sei uns gesecht in eme openbaren dinsghe myd eyner eyndracht».

Digitized by Google

хлопоталъ и объ уничтоженіи простаго задержанія и доставленія Нѣмцамъ свободнаго пути на родину. Такія хлопоты имѣли тѣмъ большее значеніе, что временами задержаніе сопровождалось многими печальными слѣдствіями, могшими стать крайне невыгодными для самого Великаго Новгорода. Задержаніе уже само по себѣ неизбѣжно должно было вести къ тратѣ средствъ на продовольствіе въ Новгородѣ, которая, при продолжительности срока задержанія, могла достигнуть довольно крупной цифры. Затѣмъ, задержаніе невольно влекло къ столкновенію нѣмецкихъ гостей съ новгородскими властями и къ порожденію новыхъ тяжебныхъ дѣлъ. Наконецъ, могли встрѣчаться случайныя обстоятельства, которыя дѣлали задержаніе гостей просто роковымъ. Всѣ эти обстоятельства, невольно побуждавшія владыку ко вмѣшательству, замѣчаются и въ разсматриваемомъ случаѣ. Намъ не извѣстно, былъ ли доставленъ въ назначенный срокъ въ Новгородъ отвѣтъ лифляндскихъ городовъ по поводу разбоя 1424 года; но извѣстно, что новые послы лифляндскихъ городовъ явились въ Новгородъ нѣсколько позже, а именно въ августѣ 1425 года. Но главное, послы никакъ не могли согласиться съ Новгородцами и принуждены были уѣхать ни съ чѣмъ. Какъ нужно предполагать, Новгородцы требовали на этотъ разъ отъ пословъ, чтобы тѣ согласились на уплату за понесенныя новгородскими купцами потери и обѣщались принять рѣшительныя мѣры къ отысканію разбойниковъ. Но лифляндскіе послы боялись, что, согласившись на подобную уступку, они какъ бы признаютъ себя виновными въ дѣлѣ, которое имъ совершенно чуждо, создадутъ для себя крайне невыгодный прецедентъ и такимъ образомъ испортятъ себѣ все свое будущее. Имѣя это въ виду, послы прямо и рѣшительно отвѣчали Новгородцамъ, что они не дадутъ ни одной копѣйки (пфеннига) за дѣло, въ которомъ города не виноваты ни душой, ни тѣломъ [1]). Но такъ какъ, съ другой стороны, и Новгородцы не хотѣли отступить отъ своихъ требованій, то, не смотря на ходатайство пословъ, задержаніе нѣмецкихъ гостей осталось въ

---

[1]) *Bunge*, VII, 240, 1425, сентября 1-го: «Unde als uns (посламъ) duchte, hadden wii uns dartho willen geven, dat wii dat gud wol den betalet hebben, unde vurder gelovet, de rovere to zokende etc, dat ze zik dar lichte wol ane hadden genogen laten. Dat uns doch mit alle nicht stund noch steit to donde. Wante geven de stede unde de copman dar eynen pennyng vore uth, so duncket uns, dat de stede unde copman des in to komenden tiden eynen groten fall krigende unde hebbende worden, wonte de stede unde copman zin zulven dar denne schuldich ane kenten unde makeden, dar ze doch gantzliken unschuldich ane sin; ok worde ere recht darmede unrecht».

Digitized by Google

силѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали обнаруживаться и его дурныя слѣдствія. Траты, сдѣланныя нѣмецкимъ купечествомъ на продовольствіе во время задержанія 1425 года, достигли весьма почтенной цифры. По исчисленію Нѣмцевъ, онѣ простирались ни болѣе ни менѣе, какъ до 4000 гривенъ серебра. Въ особенности сильно пострадали молодые люди, приказчики (gesellen), которыхъ въ то время было очень много въ Новгородѣ, человѣкъ съ 125. Они истратили не только всѣ средства, которыя имѣли, но въ нѣкоторой части даже и платье со своихъ плечъ [1]). Въ то же время одинъ Нѣмецъ изъ хорошей семьи, по имени Костъ, былъ избитъ новгородскими приставами и отъ полученныхъ имъ побоевъ умеръ въ Новгородѣ. Наконецъ, къ довершенію несчастія, присоединился моръ, вырывавшій тогда много жертвъ въ сѣверной и средней полосахъ Россіи, равно какъ въ Польшѣ и Лифляндіи. Моръ наложилъ свою руку и на новгородскій нѣмецкій дворъ: и тамъ обнаружилась сильная смертность. Изъ 150 человѣкъ, входившихъ въ составъ нѣмецкаго купечества, въ теченіе задержанія умерло 36 человѣкъ [2]). Кто знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ и тутъ не явился съ своею помощью новгородскій владыка. Когда, именно въ концѣ сентября или въ октябрѣ 1425 года, получено было отъ нѣмецкихъ городовъ письмо, ходатайствовавшее объ освобожденіи купечества и указывавшее, что въ случаѣ убійства и ограбленія купцовъ истцу надобно вѣдаться съ истцомъ, а не подвергать аресту неповинное купечество, и что города готовы принять мѣры къ отысканію преступниковъ, то владыка, пользуясь этимъ случаемъ, рѣшился прямо выступить въ защиту нѣмецкихъ гостей [3]). Евѳимій I билъ именно челомъ посаднику, тысяцкому и всему Великому Новгороду и просилъ, чтобы нѣмецкому купечеству былъ открытъ свободный и безопасный путь на родину и предоставлено было право взять съ собою товары, накупленные въ Новгородѣ, а привезенные туда — распродать. На этотъ разъ челобитье владыки было не только немедленно же уважено, и купцамъ предо-

---

[1]) *Bunge*, VII, 221 1425, іюля 4-го: «Wente hir siut vele jungher lude, dei dat ere vortert hebben al, dat sei hedden, unde endels dei cledere uet dome halse». Тамъ же, VII, 222.

[2]) Hanserec., II Abt., I, 510, 1436: «V. satte wy vort, dat se (Новгородцы) unsen Dutzschen coepman, als 150 Dutzsche, in den jâren U. H. 1425... in der besate holden hedden, darvon vorstorben weren 36 Dutzsche, unde in der besate hedde zik de koepman vorteret wol uppe 4000 stucke»...

[3]) *Bunge*, VII, 242—244; Тамъ же VII, 248, 1425, сентября 24-го.

Digitized by Google

ставлена была полная свобода, но въ виду гнетущихъ обстоятельствъ, вопросъ даже не встрѣтилъ большаго противодѣйствія [1]). Снятіе ареста, совершившееся въ половинѣ октября 1425 года, послѣдовало какъ нельзя болѣе кстати. Опасность дальнѣйшаго пребыванія иноземцевъ въ Новгородѣ была такъ велика, что купцы торопились уѣхать, даже оставляя въ Новгородѣ свои товары и только выговаривая себѣ право вернуться за ними въ болѣе благопріятное время [2]).

Но и хлопотами по освобожданію нѣмецкихъ гостей услуги Новгородскаго владыки не исчерпывались. Нужно было не только вывести гостей изъ тяжелаго положенія, но и поправить дѣло торговли, возстановить торговое движеніе, которое обыкновенно въ такихъ случаяхъ прерывалось. Тутъ приходилось бороться одинаково и съ Нѣмцами, и съ Новгородцами. Но владыка умѣлъ выйдти съ честью и изъ такого затруднительнаго положенія. Прежде всего онъ старался расположить самихъ отъѣзжавшихъ изъ Новгорода нѣмецкихъ гостей въ пользу мира и возстановленія торговой связи. Когда, при удаленіи изъ Новгорода, въ концѣ октября или въ ноябрѣ 1425 г., нѣмецкіе гости собирались ѣхать мимо владычняго двора, то владыка потребовалъ и пригласилъ ихъ къ себѣ во дворъ и тамъ каждому изъ нихъ давалъ свое благословеніе и руку. При этомъ, онъ просилъ каждаго всячески, чтобы, во вниманіе къ тому, что̀ имъ сдѣлано для нихъ добраго у Новгородцевъ, купцы вихлопотали бы его послу благопріятный отвѣтъ, и чтобы между обѣими сторонами установились опять хорошія отношенія [3]). Но расположить Нѣмцевъ въ

---

[1]) *Bunge*, VII, 257—8, 1425, октября 18-го: «Aldus hevet Nougarden na juwemé breve unde van beden wegen des biscops, de syne zegenynge unde hovedslaende den Nougarders gaff vor uns also, dat se uns hebben vry gegeven mit unseme gude, dat wii gekoft hebben, dat wy dat mogen uthvoren na unseme egenen willen, unde dat andere gud to vorkopende unde eynen veligen wech to hebbende mit unseme gode». Тамъ же, VII, 261.

[2]) *Bunge*, VII, 258, 1425: «Ok is de copman begerende, de nu van hir varet umme des stervetes willen unde ere gud hir staen laten, dat de hir mochte wedderkomen, eyn islik, wan edeme best puntlik were, unde dat se ere gud bewerden unde van hir voren». Тамъ же, VII, 286.

[3]) *Bunge*, VII, 261, 1425, ноября 11-го: «Unde dessulvengeliik hodde de biscop den Dudesschen ok bevolen to wervende unde hodde de Dudesschen in deme affschedende, also se alrede up geseten weren unde wolden vor des biscops hoff henneriden, tho sik up den hoff gesschet unde geladen unde hadde eyneme isliken syne hand unde segenynge gegeven unde hadde se hochliken gebeden, dat se wol cedn,d umnee dat he sik an en kegen Nougarden so vruntliken bewyset hadde,

Digitized by Google

пользу возстановленія дружественныхъ связей была только одна сторона дѣла. Нужно было еще расположить къ тому же самихъ Новгородцевъ и даже облегчить имъ первые шаги. Въ самомъ дѣлѣ, заваривъ кашу съ Нѣмцами, Великій Новгородъ и самъ попалъ въ затруднительное положеніе, навлекъ своими дѣйствіями на себя всеобщую остановку торговли. Положеніе его было тѣмъ невыгоднѣе, что выйдти изъ него безъ ущерба для собственнаго достоинства было нельзя. Выступивъ такъ враждебно противъ Нѣмцевъ, причинивъ имъ столько горя и потерь, Великій Новгородъ уже не могъ сломить свою гордость, не могъ явиться въ роли стороны, ищущей установленія дружественныхъ сношеній съ Ганзой. Объявивши торжественно на вѣчѣ, что въ случаѣ неполученія отъ городовъ благопріятнаго отвѣта, Новгородцы сами возьмутъ съ гостей нѣмецкихъ все, что̀ имъ слѣдуетъ за потери ихъ братьи, а тамъ—посылай пословъ тотъ, кому нужно, Великій Новгородъ естественно долженъ былъ видѣть позоръ для себя въ отправленіи пословъ къ Ганзейскимъ городамъ для завязанія съ ними вновь дружественныхъ сношеній: это просто значило бы прямо признать свои дѣйствія несправедливыми. Но Новгородскій владыка выручилъ своихъ согражданъ и тутъ. Онъ ни мало не поколебался принять позоръ на себя и предложилъ Великому Новгороду отправить отъ своего имени посла, который долженъ былъ устроить дѣло примиренія обѣихъ сторонъ. Новгородцы согласились. „Не сдѣлай этого владыка", прибавляетъ нѣмецкая грамота,—„Новгородъ скорѣе самъ перевернулся бы вверхъ дномъ, чѣмъ дозволилъ бы намъ свободный отъѣздъ" [4]).

Принявъ дѣло на себя, Новгородскій владыка немедленно же приступилъ къ его исполненію. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы Нѣмцы предварительно устроили соглашеніе съ нимъ, архіепископомъ, при посредствѣ его посла, и такимъ образомъ подготовили бы почву для сближенія и съ самимъ Великимъ Новгородомъ. И это ему удалось

---

unde brachten dat so uterliken an de stede unde an uns, upp dat syme boden eyn gutlik unde vruntlik antworde mochte werden unde datid weder gud tusschen den banden worde».

[4]) *Bunge*, VII, 258, 1425, октября 18-го: «Item zo is de biscop eyns geworden mit Nougarden unde wyl synen boden uthsenden an de stede, de id undernemen soll unde sol maken, dat de lande in vrede staen, wente id duchte Nougarden schande wesen, dat ze zolden boden. Nuhevet de biscop de schande up sik genomen; unde heddet de biscop nycht gedan, Nougarden hadde rik er laten ummekeren, ere ze uns aldus hebben varen laten».

Digitized by Google

въ извѣстной мѣрѣ. Послу, отправленному къ Нѣмцамъ вмѣстѣ съ купечествомъ въ концѣ октября 1425 года, данъ былъ владыкою наказъ просить города, чтобъ они приложили стараніе къ отысканію преступниковъ, и въ случаѣ удачи поиска, къ производству суда по крестоцѣлованію, такъ, чтобы невиннымъ не пришлось отвѣчать за виновныхъ, и чтобы на города не пали за это грѣхъ и позоръ, равно какъ и упреки со стороны Великаго Новгорода. Вмѣстѣ съ тѣмъ послу велѣно было стараться, чтобы между заинтересованными сторонами вновь водворились миръ и согласіе [1]). Въ Дерптѣ, куда посолъ прибылъ въ началѣ ноября, ему были даны со стороны гражданъ самыя успокоительныя завѣренія, свидѣтельствовавшія о тождествѣ взглядовъ ихъ на дѣло со взглядами владыки; но окончательный отвѣтъ обѣщано сообщить послѣднему чрезъ пословъ или письменно не раньше, какъ по составленіи съѣзда представителей лифляндскихъ городовъ, невозможнаго пока вслѣдствіе распутицы [2]). Такъ какъ однако въ Новгородѣ оставались больные гости, да и бóльшая часть нѣмецкихъ товаровъ не была еще оттуда вывезена, то города Дерптъ и Ревель, опасаясь, чтобы Новгородцы, не получивъ категорическаго отвѣта на счетъ возстановленія торговаго движенія, не возвратились вновь къ системѣ репрессій и не создали бы препятствій къ вывозу товаровъ, еще до осуществленія съѣзда представителей лифляндскихъ городовъ, отправили отъ себя для возстановленія торговли въ декабрѣ 1425 года къ владыкѣ и Новгороду новыхъ пословъ, Гильбронда фанъ-Мегена и Андрея Смединга [3]). Вла-

[1]) *Bunge*, VII, 261, 142, ноября 11-го: «unde let de stede bidden, dat se dar noch na sin, dat de rovere unde dal gud gesocht werdens unde offte men se vinden unde uthvragen kunne, dat se na der kruczkussinge gerichtet werden, upp dat de unschuldige des schuldigen nycht en gelden en dorve, unde dat de sunde unde sclande darumme up en nycht en kome unde des van Nougarden geyn vorwiit kryge, unde dat wii darna im, dat id wedder vrede unde gud werde tusschen den landen. Unde also wii van eme (посла) vornemen kunnen, so were dat wol des biscops wille, dat wii de sake mit eme erst undernemen wolden»...

[2]) *Bunge*, VII, 260, 1425, до ноября 11-го.

[3]) *Bunge*, VII, 286, 1426, января 19-го: «van den welken (купецъ) vele kranck bleven, sunder de dar van swarer pestilencien sin vorstorven, unde dat gud is all dar gantsz unde mest stande bleven»... 287: «Diit is in dat beste gedan; wente wor wii (сеймъ лифляндскихъ городовъ) en icht unwillen bewiseden edder uns affkerden, dat wii en nicht de hand deden, noch in sodanen bii vruntschop uns tegen ze icht bewiseden, (is to bevruchtende), dat ze ere olde nucke hervore solden then unde beholden noch des copmans gud, des dar leyder nicht en luttik is gebleven». Тамъ же, VII. 270, 1425, декабря 18-го.

Digitized by Google

годаря примирительному настроенію этихъ послѣднихъ, имъ удалось, при содѣйствіи владыки, устроить дѣло соглашенія съ Новгородомъ. Въ заключенномъ ими съ Новгородцами договорѣ послы не только согласились на возстановленіе торговли, но и гарантировали Новгороду свободу торговаго движенія во всѣ 73 Ганзейскіе города, а вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали, что въ Новгородъ прибудутъ великіе послы, уполномоченные уладить всѣ тяжбы [1]). Въ знакъ согласія на эти условія, Великій Новгородъ далъ торжественно руку нѣмецкимъ посламъ, а тѣ въ свою очередь поручились, что тотъ же актъ будетъ оказанъ и новгородскому послу со стороны лифляндскихъ городовъ [2]). И когда, для исполненія этой церемоніи, Новгородъ отправилъ, теперь уже прямо отъ себя, къ лифляндскимъ городамъ посла, по имени Александра, то послѣдній, прибывъ въ Дерптъ 28-го января 1426 года, нашелъ тамъ также самый благопріятный пріемъ. Согласно съ заявленіями фонъ-Мегена и Смединга, граждане Дерпта, съ своей стороны, признали обязательность всѣхъ условій, которыя были сдѣланы этими лицами съ Новгородомъ относительно розысканія и суда надъ разбойниками, отправленія посольства и установленія между Новгородомъ и Ганзой дружественныхъ сношеній и торговой безопасности. Только въ отношеніи моря они позволили себѣ предостеречь Новгородцевъ и затруднились принять на себя отвѣтственность за его безопасность, такъ какъ это было свыше ихъ силъ [3]). Что же касается до выраженнаго посломъ желанія, чтобы договорная грамота, составленная въ Новгородѣ, была скрѣплена печатями Дерпта и Ревеля, то въ Дерптѣ на это отвѣтили, что ничего подобнаго не нужно, такъ какъ къ грамотѣ приложены печати городскихъ пословъ, а это дѣлаетъ ее для городовъ столь же обязательною, какъ еслибъ у нея были печати ихъ собственныя или ихъ бюргомистровъ [4]).

---

[1]) *Bunge*, VII, 361, 1426, октября 16-го: «Ghii (Дерптъ) unde de heren van Revele hadden dar gesand H. van Megen unde A. Smeding, de dar eynen swvaren breff bezegelt hebben, de nur is den jenige kruzekussinge, de mit den Russen jeniger tiit is gesteten»...

[2]) *Bunge*, VII, 293, 1426, февраля 1-го: «Unde Hilbrand unde Andreus de hebben Nougarden de hand wedder gedaen, dat men dusseme boden hir in den steden de hand wedderdon solde»...

[3]) *Bunge*, VII, 293, 1426, февраля 1-го; тамъ же, VII, 291—8, 1426, конецъ январь.

[4]) *Bunge*, VII, 1426, февраля 1-го: «so begerde disse bode, dat gi heren unde wii den breff, den Hilbrand unde Andreus Nougarden mit eren signitten

Digitized by Google

Казалось бы, дѣло, возбужденное разбоемъ 1424 года, приходило такимъ образомъ къ своему благополучному окончанію. Но, какъ всѣ подобныя тяжбы, какъ тяжба по дѣлу Нерона и его товарищей, такъ и тяжба 1424 года, затянулась на многіе годы. Причиной остановки послужило на этотъ разъ то обстоятельство, что примирительный образъ дѣйствій Дерпта и Ревеля и ихъ представителей фонъ-Мегена и Смединга не встрѣтилъ одобренія со стороны остальныхъ Ганзейскихъ городовъ. Еще во время задержанія купечества города держались того мнѣнія, что лучше заставить первое потерпѣть немного, чѣмъ входить съ Новгородомъ въ какія-либо сдѣлки, которыя по характеру обстоятельствъ не могли быть выгодными для Ганзейскаго союза. Въ особенности они предостерегали арестованныхъ отъ принятія на себя вознагражденія за понесенные Русскими въ 1424 г. убытки, такъ какъ, въ случаѣ согласія на это, пришлось бы платить за всѣ забытые и сложенные уже долги, а на такую расплату не хватило бы даже всего имѣвшагося у гостей имущества [1]). Теперь же, когда купечество было уже на свободѣ, дѣлать какія-либо уступки Новгороду казалось городамъ просто непозволительнымъ. Города, по указаннымъ сейчасъ соображеніямъ, находили уже, что послы позволили себя одурачить, давъ Новгороду обѣщаніе на счетъ прибытія туда полномочныхъ довѣренныхъ, могущихъ уладить всѣ тяжбы. Но еще болѣе опаснымъ казалось городамъ ручательство, данное послами Новгородцамъ, что тѣ могутъ безопасно ѣздить во всѣ 73 Ганзейскіе города. По ихъ мнѣнію, такое ручательство не только противорѣчило всѣмъ прежнимъ договорамъ, но и не согласовалось съ недавно (въ іюнѣ 1426 года) состоявшимися въ Любкѣ постановленіями Ганзейскаго сейма. Послѣднія именно давали лифляндскимъ городамъ право на заключеніе одного перемирія на два года, да и то только подъ двумя условіями: 1) чтобы Новгородцы вознаградили Нѣмцевъ за причиненную имъ задержаніемъ несправедливость, и 2) чтобъ они сами приняли на себя рискъ плаванія по морю и встрѣчи съ раз-

bezegelt hebben, vordan bezegelen wolden mit unsir stede ingeselegen. Dar wii to antworden, dat des geyn behaft en were, wente wes desselven unse boden gelovet unde mit oren signitten bezegalt hebben, dat willen wii by vullermacht holden gelinen wyse, ofte unsir stede edder unsir borgemeister ingesegele daraus weren».

[1]) *Bunge*, VII, 243, 1425, сентября 10-го.

Digitized by Google

бойниками [1]). Вслѣдствіе такого разногласія между городами, дѣло 1424 года не было закончено и продолжало оставаться не рѣшеннымъ даже тогда, когда владыки Евѳимія I уже не стало въ живыхъ (1428 г.). Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ нельзя не поставить послѣднему въ большую заслугу, что своимъ вмѣшательствомъ онъ умѣлъ отнять у раздора его острый характеръ и тѣмъ не только избавилъ отъ многихъ бѣдъ нѣмецкое купечество, но и принесъ пользу самому Великому Новгороду, не допустивъ его впасть въ ненужныя крайности. Намъ не извѣстно, какъ оцѣнена была дѣятельность Евѳимія I самими Новгородцами: собственно русскіе источники безусловно молчатъ о заслугахъ этого архипастыря. Но за то тѣмъ краснорѣчивѣе раздается похвальный голосъ нѣмецкихъ грамотъ и такимъ образомъ спасаетъ отъ забвенія лицо, которому по справедливости принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду достойнѣйшихъ новгородскихъ святителей. Въ грамотахъ этихъ то превозносятся похвалами „великіе труды и просьбы“ Новгородскаго владыки по освобожденію нѣмецкаго купечества, то свидѣтельствуется челобитье и благодарность за благоволеніе и благодѣяніе, оказанное „святымъ отцемъ и господиномъ архіепископомъ“ нѣмецкимъ людямъ, то наконецъ владыка Евѳимій величается „человѣкомъ добрымъ и справедливымъ, умѣющимъ отличать правду отъ неправды“. И исторія—мы позволяемъ себѣ разчитывать на это въ виду представленныхъ нами данныхъ—закрѣпитъ за Евѳиміемъ I одно изъ такихъ величаній, данное ему нѣмецкою грамотой уже послѣ смерти, а

---

[1]) *Bunge*, VII, 361, 1426, октября 16-го: «Dar (въ договорѣ) steit ynne, wo ze sollen hebben eynen reynen wech, in alle de 73 henszestede to komende. Welke krueskussinge holt dat ynne, hebben wii nicht vele derfuren. Unde dat recesse, dat de stede van over see nu latest makeden, dar steit ynne, dat ze uns vororlovet hebben 2 jaerlang enen vrede to makende, so verne ze deme oepmanne geliik vor unliik den willen unde sulven eventure staen van der see unde van den roveren... Wii derkennen, dat desulven boden Hilbrande unde Andreus sik sere vordupet hebben in der vorzegelinge tegen de Nougarders in deme, dat ze boden hebben gelovet darhen to komende, des wii nicht mechtich en sin sodanen dach to besendende, wente de bzeff in hold, alle elegelike to richtende, dar vell up geit». Ср. *Bunge*, VII, 336, 337, 1426.

именно титулъ: „добраго защитника и покровителя нѣмецкаго купечества“ [1]).

А. Никитскій.

---

[1]) *Bunge* V,II 261, 1425, ноября 11-го: «Unde dat sal bigekomen unde geschen sin vormids groten arbeide unde beden des biscops van Nowgarden, unde de heft de sake up sik gemomen»... Тамъ же, VII, 1425, до ноября 11-го: «des dancken wii deme hilligen vadere ertze biscope unde slaen eme unse hovede vor syne ghunst unde woldaet»... Тамъ же, VII, 292, 1426, около января 26-го: «so dancken wii doch deme hilligen vadere unde heren ertzbiscope unde slaen eme darvore unde vor sine woldaet unse hovede van der Dudeschen kinder wedeu, wante he is eyn gud rechtverdich man unde kent wol recht unde unrecht».

Digitized by Google

СКАЗАНІЯ О ЖИТІИ ДѢВЫ МАРІИ И ИХЪ ВЫРАЖЕНІЕ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОМЪ ИСКУССТВѢ.

Alwin Schultz. Die Legende vom Leben der Jungfrau Maria und ihre Darstellung in der bildenden Kunst des Mittelalters. Leipzig. 1878 (Beiträge zur Kunstgeschichte I.)

A. F. von Lehner. Die Marienverehrung in den ersten Jahrhunderten. Stuttgart. 1881.

Приступивъ, во время послѣдней моей поѣздки за границу (1882 г.), къ изученію новаго для меня предмета—исторіи искусства, я рѣшился, вмѣсто систематическаго чтенія общихъ сочиненій и монографій по этому предмету, сразу спеціализироваться на извѣстномъ вопросѣ, по возможности близко связанномъ съ тою областью знаній, гдѣ чувствовалъ себя болѣе или менѣе свободно. Послѣ не долгихъ колебаній я избралъ такой вопросъ изъ безконечно-обширной области художественнаго воспроизведенія Мадонны, и вышеуказанная книжка Альвина Шульца до нѣкоторой степени намѣтила мнѣ его предѣлы. Я принялся за изученіе рукописныхъ миніатюръ Вѣнской придворной библіотеки, изображающихъ сцены земной жизни и апоѳеозу Дѣвы Маріи, и скоро убѣдился, во-первыхъ, что вопросъ обслѣдованъ чрезвычайно недостаточно и потому одно собираніе матеріала потребуетъ многолѣтнихъ занятій; во-вторыхъ, что привлеченіе къ дѣлу русскихъ иконописныхъ и миніатюрныхъ изображеній можетъ поставить его на совершенно новую и, кажется, единственно правильную дорогу, и наконецъ въ третьихъ, что отдѣльныя части этого вопроса имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ изученія устной національной поэзіи, какъ славянской, такъ и западной половины Европы. Въ Мюнхенѣ и Венеціи мнѣ удалось найдти нѣсколько миніатюръ, превы-

Digitized by Google

шающихъ своимъ интересомъ все видѣнное мною въ Вѣнѣ, и кромѣ того, въ Венеціи я прочелъ и свѣрилъ съ старопечатнымъ изданіемъ сводный италіанскій текстъ житія, важный для изученія типа Мадонны въ эпоху возрожденія. И такъ, для изслѣдованія вопроса въ цѣломъ мною сдѣлано чрезвычайно мало; тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь опубликовать теперь же бо̀льшую часть собраннаго мною матеріала, пріурочивъ его къ разбору двухъ вышеуказанныхъ книгъ, въ надеждѣ, что предлагаемая статья дастъ мнѣ нѣкоторое право расчитывать на помощь со стороны учрежденій и спеціалистовъ по исторіи русскаго искусства, помощь, настоятельно необходимую для приведенія въ исполненіе моего обширнаго, и можетъ быть, непосильнаго плана.

Извѣстно, что чествованіе Богородицы развивалось въ христіанскомъ мірѣ постепенно. Въ первыя времена христіанства больше занимались сущностью новаго ученія и моральною стороной его, устройствомъ общины и опредѣленіемъ своихъ жизненныхъ отношеній къ іудейству и язычеству, нежели подробностями догматики. Немного позднѣе, когда полемика съ иновѣрцами обусловила болѣе точное опредѣленіе догмы, послѣдняя имѣла въ виду исключительно личность божественнаго основателя христіанства. Богоматерь занимаетъ вниманіе первыхъ отцовъ церкви только по своему отношенію ко Христу, и даже ко времени побѣды христіанства въ той же категоріи памятниковъ, которая, кажется, яснѣе всѣхъ другихъ отражаетъ мнѣнія большинства. Богоматерь изображается рядомъ и совершенно на одинаковомъ положеніи съ мѣстною святою [1]). Хотя мнѣніе протестантскихъ ученыхъ, будто изображеніе Богородицы и ея чествованіе ведетъ свое начало отъ Эфесскаго собора (431 г.), давно считается сданнымъ въ архивъ, все же несомнѣнно, что только съ половины V столѣтія Богоматерь съ младенцемъ становится популярнымъ иконописнымъ изображеніемъ [2]); только тогда чествованіе Мадонны, до тѣхъ поръ проявлявшееся спорадически, освящается авторитетомъ властей предержащихъ, получаетъ широкое, всехристіанское распространеніе. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что первые четыре съ половиною вѣка христіанства меньше имѣютъ значенія въ исторіи культа Мадонны, чѣмъ вѣка послѣдующіе; напротивъ, именно въ

[1]) См. напримѣръ. *Garucci*: vetri ornati. Roma 1858 г. tav. XXII № 8: Agnes. и Maria. Ср. у *Ленера* № 83.

[2]) См. *Martigny*, Dictionnaire des antiquités chrétiennes. Paris, 1877, стр. 790,

нихъ-то и сложились всѣ элементы этого культа; въ нихъ появились на свѣтъ всѣ оправдательные документы, впослѣдствіи только осложнявшіеся и распространявшіеся; въ нихъ надо искать генезиса явленія, а генезисъ потому и важенъ, что въ значительной степени обусловливаетъ все дальнѣйшее направленіе послѣдняго.

Книга директора Гогенцоллернскаго княжескаго музея, Ленера, излагаетъ исторію чествованія Маріи именно въ эти четыре съ половиною столѣтія. Она написана тяжело, педантически скучно, матеріалъ распредѣленъ по чисто-внѣшнимъ категоріямъ; нѣкоторыя важнѣйшія стороны вопроса оставлены совсѣмъ безъ вниманія; но нѣмецкая основательность автора, добросовѣстное изученіе отеческой литературы и внимательное сопоставленіе всѣхъ ея данныхъ по этому вопросу дѣлаютъ ее драгоцѣннымъ пособіемъ для всѣхъ будущихъ изслѣдователей. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ монографій, на которыхъ сказывается сила великихъ традицій нѣмецкой науки: недаровитость творца книги не мѣшаетъ ему создать произведеніе, ставящее, такъ-сказать, вѣху въ важномъ научномъ вопросѣ; оно „молча говоритъ“ послѣдующимъ поколѣніямъ: начинайте рыть отсюда; до сихъ поръ все взрыто, и все, что̀ вырыто, аккуратно распредѣлено по ящикамъ; можете имъ воспользовться. Положимъ, что при чтеніи такихъ книгъ припоминаются слова Фауста:

«Ich finde nicht die Spur
Von einem Geist und alles ist Dressur»,—

но въ наукахъ положительныхъ хорошая Dressur безъ Geist часто приноситъ больше пользы, чѣмъ Geist безъ Dressur.

Въ небольшомъ введеніи Ленеръ тщательно собираетъ весь матеріалъ, доставляемый Евангеліями и другими книгами Новаго Завѣта для характеристики Богородицы, и суммируетъ его такимъ образомъ: по св. первоисточникамъ „Марія есть Дѣва, мать Мессіи, супруга Іосифа. Она благочестива и добродѣтельна, и Господь милостивъ къ ней. Писаніе считаетъ ее блаженною“.

Соотвѣтственно этому и исходя изъ той справедливой мысли, что догматъ слагается и разработывается вслѣдствіе полемики, противорѣчій и возраженій со стороны не вѣрующихъ или вѣрующихъ иначе, авторъ распредѣляетъ все, добытое имъ изъ изученія патристической литературы первыхъ временъ на шесть главъ: 1) Марія—дѣва; 2) Марія—мать Мессіи; 3) Марія—супруга Іосифа; 4) Марія—Приснодѣва; 5) нравственный характеръ Маріи; 6) Ея участіе въ искупленіи. Въ концѣ каждой главы онъ суммируетъ все въ ней высказанное, и эти

Digitized by Google

осторожно составленные суммаріи мы считаемъ полезнымъ привести для тѣхъ, кто не возьметъ на себя труда читать монографію Лепера. Мы будемъ присоединять къ нимъ только особенно характерные или необходимые для уясненія дѣла факты.

Марія—дѣва. Въ виду того, что въ первомъ вѣкѣ христіанства нѣкоторыя іудейско-христіанскія секты, напримѣръ, эбіониты, не признавали дѣвства Маріи, что многочисленные гностики признавали Христа сыномъ Іосифа, на котораго при крещеніи сошелъ эонъ Λόγος, и что Іудеи, полемизируя съ христіанами, отвергали ихъ ссылку на извѣстное пророчество „Се Дѣва во чревѣ“ и пр. [1]) и обвиняли христіанъ въ литературномъ плагіатѣ изъ миѳа о Персеѣ,—отцы церкви съ особенною энергіей настаиваютъ на догматѣ дѣвства и изъ области вѣры переносятъ его въ область разумнаго убѣжденія, доказывая возможность, дѣйствительность и необходимость рожденія Христа отъ дѣвы. Возможность доказывается: 1) примѣрами другихъ чудесъ, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи, 2) примѣрами изъ естественныхъ наукъ, 3) примѣрами изъ миѳологіи. Дѣйствительность доказывается: 1) ссылкою на Евангелія, 2) ветхозавѣтными пророчествами, 3) экзегезой библейскихъ текстовъ. Необходимость доказывается такими соображеніями: 1) дѣва (Евва до грѣхопаденія) погубила міръ, дѣва должна послужить орудіемъ спасенія; 2) Мессія, какъ второй Адамъ, долженъ имѣть столь же безгрѣшное происхожденіе, какъ и первый; 3) Сынъ, какъ второе, равносильное первому лицо св. Троицы при вочеловѣченіи не могъ нуждаться въ отцѣ; 4) чистѣйшее существо не могло имѣть нечистаго происхожденія.

Марія — мать. Значеніе Маріи для христіанства, какъ указано выше, на первое время исключительно опредѣлялось актомъ рожденія Христа, основателя религіи. Поэтому всѣ споры о его природѣ непосредственно вліяли на опредѣленіе ея значенія. Докетисты, признававшіе у Христа только кажущееся тѣло, разумѣется, не могли признавать Божіей Матери. Съ другой стороны—„если Марія, мать человѣка, она ничѣмъ не отличается отъ всякой другой женщины; если она родила божественнаго сына, нѣтъ на свѣтѣ равной ей матери. Божественность сына освобождаетъ ее отъ подчиненія законамъ природы“. Такимъ образомъ оказывается, что только рѣшеніе Эфесскаго собора называть Марію Богородицею, рѣшеніе, подго-

[1]) Они и въ греческомъ переводѣ читали не Παρθένος, а νεᾶνις.

Digitized by Google

товленное писаніями отцовъ и тремя вѣками горячей полемики, дало чествованію Маріи незыблемую основу.

Марія — жена. Извѣстныя мѣста изъ Евангелій (Матѳ. XII, 46—50; XIII, 55, 56; Маркъ III, 31—35 и VI, 3; Лука VIII, 19—21; Іоаннъ II, 2) изстари возбуждали споры о томъ, были ли у Маріи другія дѣти, кромѣ Іисуса, и была ли она на самомъ дѣлѣ женой Іосифа? Партія, которой принадлежало будущее, рѣшала этотъ вопросъ отрицательно и подыскивала основанія, для чего Маріи былъ нуженъ мужъ по имени? (Оригенъ и Евсевій указывали на необходимость защитить себя отъ обвиненія въ блудодѣяніи; св. Гиларій доказываетъ, что Іосифъ былъ необходимъ, какъ свидѣтель чуда; св. Игнатій находилъ, что такимъ образомъ Христосъ могъ укрыться „отъ князя міра сего"; наиболѣе распространенное мнѣніе таково, что Іосифъ нуженъ, какъ защитникъ и покровитель Маріи). Вотъ расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ доказательства того, что Богоматерь и послѣ рожденія Христа не была матеріально женою Іосифа:

1) Іосифъ былъ старый вдовецъ (впослѣдствіи этотъ аргументъ отвергли, такъ какъ онъ основывался на апокрифѣ).

2) Матерь Господа не могла спуститься до степени обыкновенной замужней женщины.

3) Марія должна была быть первою изъ дѣвственницъ.

4) Мысль о физическомъ бракѣ Маріи невыносима для вѣрующихъ.

5) Чрево, носившее Господа, не могло носить другаго плода.

6) Іосифъ, зная о высокомъ призваніи Маріи, не могъ бы рѣшиться на физическій бракъ.

7) Правильно понятыя мѣста Писанія не говорятъ о физическомъ бракѣ.

8) Другія мѣста Писанія прямо свидѣтельствуютъ противъ этого.

9) Противъ этого свидѣтельствуетъ естественно-историческій фактъ — рожденіе львицею одного дѣтеныша.

10) „Братья" Іисуса — его двоюродные братья; они не сыновья фактъ — Іосифа.

11) Іосифъ и до своего брака съ Маріей не былъ женатъ; онъ такой же дѣвственникъ, какъ и Марія.

12) Марія еще до брака наложила на себя обѣтъ цѣломудрія.

Марія — Приснодѣва. Факты, составляющіе эту главу, вполнѣ искусственно выдѣлены авторомъ изъ главы предыдущей, какъ это

Digitized by Google

можно видѣть и изъ суммарія доводовъ, тоже расположенныхъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Повивальная бабка убѣдилась физическимъ изслѣдованіемъ, что Марія и послѣ рожденія Христа осталась дѣвою (аргументъ позднѣе отвергнутъ, такъ какъ онъ основанъ на свидѣтельствѣ апокрифа).

2) На это чудо указываютъ пророчества.

3) ветхозавѣтныя аналогіи и

4) естественно-историческая аналогія жемчужной раковины.

5) Божественный сынъ не могъ лишить мать свою драгоцѣннѣйшаго блага—цѣломудрія.

6) Дѣвственное рожденіе есть послѣдствіе дѣвственнаго зачатія.

7) Дѣвственный сынъ долженъ былъ имѣть приснодѣвственную мать.

8) Извѣстное пророчество Исаіи непосредственно указываетъ на дѣвственное рожденіе.

9) Его подтверждаютъ многія прообразованія изъ Ветхаго Завѣта и

10) многія мѣста изъ Новаго Завѣта.

11) Вполнѣ убѣдительную параллель представляетъ прохожденіе Христа чрезъ запертыя двери.

12) Приснодѣвство матери есть главное доказательство божественности сына.

Изъ двухъ послѣднихъ главъ самъ собою напрашивается любопытный выводъ относительно роли важнѣйшаго и древнѣйшаго апокрифическаго евангелія, такъ-называемаго протоевангелія Іакова: его вызвала къ жизни потребность найдти фактическое подтвержденіе апріорному идеальному представленію; но оно могло удовлетворить этой потребности только на первое время, по отсутствію критики: когда послѣдняя должна была отвергнуть его подлинность, то же, что прежде такъ легко подтверждалось фактически, теперь возбудило усиленную работу мысли въ такомъ направленіи, которое въ значительной степени объясняетъ генезисъ средневѣковой науки.

Нравственный характеръ Маріи. Идеальное представленіе его тоже слагается постепенно и тоже, хотя и въ значительно меньшей степени, въ связи съ выработкой понятія о существѣ Христа. Сперва, на основаніи евангельскихъ текстовъ, выставляются на видъ ея вѣра и послушаніе, основныя добродѣтели христіанина. Къ нимъ присоединяется не менѣе христіанская добродѣтель смиренія; затѣмъ разработываются отдѣльныя стороны ея ума и характера. Безусловно свободною отъ грѣха признаетъ ее Ефремъ Сиринъ

Digitized by Google

(+378 г.); позднѣе то же убѣжденіе высказываетъ блаженный Августинъ (+430). Все высказанное другими, сводитъ и дополняетъ Амвросій (см. стр. 161 — 163). Рано придаютъ Маріи титулъ блаженнѣйшей (beatissima). Въ началѣ V в. Богоматерь безусловно изъята изъ первороднаго грѣха. Она становится идеаломъ мудрости, но не мірской, а христіанской, вѣрующей.

Участіе Маріи въ искупленіи. Уже Ириней (II в.) сопоставляетъ ее, какъ спасительницу рода человѣческаго, съ Еввой, бывшею причиной его гибели; онъ же видитъ въ ней прототипъ дѣвственной, непорочной церкви. Оба эти пункта подробно развиваются впослѣдствіи. Въ тѣсной связи со вторымъ изъ нихъ установившееся въ V-мъ вѣкѣ отожествленіе Маріи съ апокалипсическою женой, въ которой въ первые вѣка видѣли церковь. Богоматерь участвуетъ въ освобожденіи человѣчества отъ первороднаго грѣха, такъ какъ она—1) вторая Евва, прародительница освобожденнаго человѣчества, 2) связываетъ человѣка съ небомъ, 3) стираетъ главу змія, 4) представляетъ собою прототипъ церкви.

Слѣдующая глава книги Ленера посвящена изложенію исторіи чествованія Маріи въ первые четыре съ половиною столѣтія; въ ней нѣтъ новыхъ фактовъ, но старые, выдѣленные въ эту главу по произволу автора (едва ли можно признать разумною и необходимою его систему отдѣлять культъ отъ его проявленій въ поэзіи и въ искусствѣ и даже отъ выработки догмы), сведены и подвергнуты обслѣдованію съ обычною для Ленера нѣмецкою основательностью. Строго говоря, культъ Богородицы начинается съ евангелиста Луки, то-есть, нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ ея смерти. Въ тѣхъ частяхъ Сивиллиныхъ оракуловъ, которыя относятъ ко II столѣтію, „чистая дѣва" является посредницей между Господомъ и людьми. Около середины III вѣка, какъ видно изъ одного очень интереснаго видѣнія, Богородица на небесахъ дѣйствуетъ во имя и властію Іисуса Христа и повелѣваетъ святыми (въ частности Іоанномъ Богословомъ).

Другія свидѣтельства III вѣка ставятъ ее выше всѣхъ другихъ женщинъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Первое свидѣтельство о „молитвѣ", обращенной къ Богоматери, относится ко второй половинѣ четвертаго вѣка; въ похвальномъ словѣ мученику Кипріану Григорій Назіанзинъ разказываетъ, что, преслѣдуемая демономъ, Юстина прибѣгла къ всемогуществу Христа и умоляла дѣву Марію, чтобъ она благоволила придти на помощь ей, находящейся въ опас-

Digitized by Google

ности дѣвственницѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, Марія является спеціальною защитницей дѣлъ.

Очевидно, что вторая половина IV вѣка и первая V-го были поворотнымъ пунктомъ въ исторіи культа Богоматери. Къ послѣдней трети IV в. относится въ высшей степени любопытное и до сихъ поръ еще недостаточно разработанное свидѣтельство Епифанія (+403 г.), епископа Кипрскаго, о нѣкіихъ еретницахъ—**коллюридіанкахъ**. (слово, вѣроятно, имъ сочинено; произведено отъ κολλυρίς, хлѣбецъ, пирогъ). Въ трактатѣ, направленномъ противъ **антидикомаріанитовъ**, настаивавшихъ на томъ, что у Маріи были дѣти и послѣ Христа, онъ по слуху разказываетъ о женской сектѣ совершенно противоположнаго характера, члены которой переходятъ въ чествованіи Маріи границу истины въ противоположную сторону: онѣ поклоняются Маріи какъ Богу; въ особые дни онѣ покрываютъ тонкимъ полотномъ колесницу или четырехугольный столъ и возлагаютъ на немъ въ видѣ жертвы особые хлѣбцы. Секта возникла первоначально во Ѳракіи и оттуда распространилась въ Аравію. По этому поводу Епифаній опредѣляетъ истинныя границы чествованія Богоматери: Марія не Богъ и плоть свою получила не съ неба, а отъ совокупленія мужа и жены. Она—избранный сосудъ благодати и приснодѣва, но все же она—человѣкъ. Ее слѣдуетъ чтить, но поклоняться надо только Богу Отцу, Сыну и св. Духу.

Изъ этихъ осторожныхъ словъ видно, что отцы церкви уже сознавали необходимость сдерживать народное чувство, слишкомъ далеко зашедшее, отчасти подъ вліяніемъ ихъ собственныхъ домысловъ; но по видимому, они не могли сопротивляться общему потоку. Въ первый день засѣданія Эфесскаго собора, день самый важный, толпа съ необыкновеннымъ напряженіемъ ждала рѣшенія отцовъ; какого именно рѣшенія хотѣлось ей, видно изъ того, что, узнавъ объ осужденіи Несторія, она освѣтила всѣ улицы и съ факелами и куреніями провожала черезъ весь городъ св. Кирилла.

На закрѣпленіе извѣстнаго культа въ неграмотномъ народѣ, какъ извѣстно, выработка самой рѣшительной догмы не можетъ повліять такъ, какъ учрежденіе или допущеніе внѣшняго выраженія чествованія, то-есть, праздника или храма. Память Богородицы долго не праздновалась по той простой причинѣ, что ни день ея смерти (въ первые вѣка онъ былъ днемъ празднованія памяти мученика), ни день ея рожденія извѣстны не были; ее вспоминали въ дни Господнихъ праздниковъ. Но отъ 429 года мы имѣемъ документальное свидѣтель-

Digitized by Google

ство о праздникѣ Дѣвы (πανήγυρις παρθενιχή, вѣроятно—праздникъ Благовѣщенія); въ началѣ того же V вѣка мы встрѣчаемъ упоминаніе и о храмахъ, ей посвященныхъ. Само собою понятно, что съ этою группой фактовъ долженъ совпадать и важный археологическій фактъ: съ начала V в. появляются въ большомъ количествѣ изображенія Богородицы съ младенцемъ, безъ участія маговъ или пастырей.

Двѣ послѣднія главы книги Ленера, наиболѣе для насъ важныя, посвящены описанію поэтическихъ и художественныхъ памятниковъ, въ которыхъ Богоматерь играетъ первенствующую или видную роль. Къ поэтическимъ памятникамъ авторъ, на довольно разумныхъ основаніяхъ, причисляетъ и новозавѣтные апокрифы. Онъ обстоятельно излагаетъ содержаніе, во-первыхъ, Протоевангелія Іакова [1]), вскользь говоритъ о фрагментѣ, извѣстномъ подъ именемъ Евангелія Ѳомы, излагаетъ первую часть Евангелія псевдо-Матоея (стр. 238—240), упоминаетъ о двухъ позднѣйшихъ памятникахъ: Евангеліи дѣтства и о рожденіи Маріи, излагаетъ небогатую содержаніемъ, написанную первоначально по коптски исторію плотника Іосифа, и наконецъ, приводитъ почти in extenso важнѣйшій для культа Маріи памятникъ „объ успеніи Маріи“ (стр. 244—253).

Вторая половина этой главы занята изложеніемъ и разборомъ поэтическихъ (и по формѣ) произведеній, посвященныхъ Дѣвѣ Маріи или евангельскимъ событіямъ, съ нею связаннымъ. Оказывается, что историческіе поэты IV и V вв. близко слѣдуютъ въ изложеніи событій евангельскому тексту и старательно избѣгаютъ украшать его какими бы то ни было апокрифическими подробностями. Очевидно, что въ Римской имперіи мы имѣемъ дѣло съ двумя потоками поэтическаго творчества—народнымъ и ученымъ. Эти потоки, осложнившись

---

[1]) Ленеръ (стр. 223), какъ и нѣкоторые изъ его предшественниковъ, выражаетъ убѣжденіе, что этотъ древнѣйшій (начала II в.) и важнѣйшій изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ выпущенъ въ свѣтъ съ цѣлію полемическою — противодѣйствовать распространенію ложныхъ взглядовъ на Христа обѣихъ удалившихся отъ православія партій, какъ той, которая видѣла въ немъ только человѣка, такъ и той, которая видѣла въ немъ только Бога. Въ текстѣ его я не усматриваю ничего такого, что̀ было бы спеціально направлено противъ ересей втораго рода, и вообще, на мой взглядъ, авторъ Протоевангелія не имѣетъ теологическихъ претензій: его произведеніе (какъ ниже признаетъ и самъ Ленеръ) есть сводъ народныхъ (то-есть, ходившихъ прежде въ народѣ или приспособленныхъ къ пониманію простаго народа) сказаній о Христѣ и его Пречистой Матери, эпическое и конкретное выраженіе уже намѣченной догмы.

Digitized by Google

новыми элементами, сливаются въ различныхъ пропорціяхъ въ духовной поэзіи и церковномъ искусствѣ народовъ новой Европы, и струи того и другаго легко различить какъ въ любомъ этого рода памятникѣ средневѣковой нѣмецкой поэзіи, такъ и въ духовныхъ кантахъ калѣкъ перехожихъ. Спеціально для исторіи средневѣковаго искусства важны лирическія стихотворенія, какъ классическихъ, такъ и сирійскихъ поэтовъ, которые вырабатываютъ для Богоматери цѣлый рядъ художественныхъ сравненій: съ розой безъ шиповъ, съ купиной Моисея, съ лѣствицей Іакова и пр.

Послѣдняя глава описываетъ въ хронологическомъ порядкѣ изображенія Дѣвы Маріи, встрѣчающіяся въ живописи и скульптурѣ первыхъ вѣковъ. Къ фактамъ, въ ней приводимымъ, мнѣ придется не разъ обращаться ниже; теперь же мимоходомъ отмѣчу самъ собою напрашивающійся общій выводъ, что въ скульптурныхъ памятникахъ (именно на саркофагахъ), по самому свойству этого искусства, гіератическіе пріемы вырабатываются раньше, чѣмъ въ живописи.

Несравненно менѣе научной самостоятельности имѣетъ книжка, или точнѣе, брошюра (въ ней всего 80 стр.), Альвина Шульца, что впрочемъ, не мѣшаетъ и ей быть столь же необходимымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей культа Дѣвы Маріи. Ея появленіе въ свѣтъ авторъ объясняетъ во введеніи такимъ образомъ: за много лѣтъ прежде онъ задумалъ составить для собственнаго пользованія сводное житіе Дѣвы Маріи по средне-верхне-нѣмецкимъ поэтамъ XII и XIII вѣковъ, по Золотой легендѣ и другимъ ему доступнымъ памятникамъ этого рода. Онъ, впрочемъ, намѣревался опубликовать свой сводъ, когда онъ достигнетъ надлежащей полноты. Покончивъ съ работой, онъ узналъ, что г-жа Джемсонъ предупредила его книгой: „Legends of the Madonna". Когда ему удалось ознакомиться съ этою послѣднею, онъ нашелъ, что въ ней много недостатковъ, восполненныхъ его сводомъ, и снова извлекъ изъ стола старую рукопись. Теперь, присоединивъ къ сводному житію рядъ иконографическихъ указаній, собранныхъ имъ изъ книгъ и путешествій, онъ выступаетъ съ нимъ передъ публикой.

Такимъ образомъ, книжка Шульца распадается на двѣ части. Первая (отъ стр. 5 по 34) заключаетъ въ себѣ раздѣленный на восемь главъ сводъ легендъ о житіи Маріи, при чемъ для каждой главы взятъ одинъ болѣе полный источникъ, а въ примѣчаніяхъ приведены важнѣйшіе варіанты. Вторая часть перечисляетъ 83 иконописные сюжета, данные этимъ легендарнымъ житіемъ, и указываетъ нѣсколько

сотъ скульптурныхъ, живописныхъ и миніатюрныхъ ихъ изображеній, явившихся на свѣтъ главнымъ образомъ съ XII по XV столѣтіе включительно. Изъ самаго объема книжки Шульца очевидно, что ни первая, ни вторая ея части не могутъ претендовать на полноту, но легендарный сводъ съ указаніями нѣкоторыхъ варіантовъ даетъ историку искусства возможность освободить себя отъ тяжелой для него работы разыскиванія сюжетовъ по источникамъ, а сотни иконографическихъ указаній представляютъ богатый матеріалъ для оцѣнки значенія вновь привлекаемыхъ къ дѣлу памятниковъ и избавляютъ историка литературы, заинтересовавшагося художественнымъ выраженіемъ легенды, отъ необходимости рыться въ многотомныхъ трудахъ Розини, Кроу и др. Короче сказать, скромная по задачѣ, неглубоко задуманная, но довольно чисто исполненная, работа Альвина Шульца несомнѣнно заслужитъ благодарность людей различныхъ спеціальностей. Занимающемуся литературною и художественною исторіей Мадонны также часто придется пользоваться указаніями брошюры Шульца, какъ и обширнымъ трудомъ Ленера.

Мой собственный матеріалъ самъ собою распадается на два отдѣла — литературный и миніатюрный. Самый крупный литературный документъ, мнѣ встрѣтившійся, — рукопись библіотеки св. Марка (Codices latini, Zanetti V in 4°), писанная частію на бумагѣ, частію на пергаментѣ, относимая каталогомъ къ XV вѣку и носящая такое заглавіе: Istoria che abbraccia la vita di S. Gioachimo Padre e di S. Anna Madre di Maria Vergine, la Nascita, l'Annunziazione ed il parto di essa, i fatti principali della Passione di Gesu Cristo e termina dell'Assunzione di Nostra Donna al cielo (исторія, излагающая житіе св. Іоакима отца и св. Анны, матери Дѣвы Маріи, ея рожденіе, благовѣщеніе и разрѣшеніе отъ бремени и главныя происшествія страстей Іисуса Христа; она оканчивается вознесеніемъ Богородицы на небо). Я считаю нужнымъ изложить содержаніе этой рукописи, чтобы ввести читателей въ кругъ легендарныхъ памятниковъ этого цикла посредствомъ ознакомленія ихъ съ однимъ изъ самыхъ полныхъ его представителей. Но прежде необходимо сдѣлать одну оговорку.

Замбрини [1]) перечисляетъ слѣдующія италіанскія инкунабулы житія Богородицы:

---

[1]) Le opere volgari a stampa dei secoli XIII e XIV indicate e descritte ad *Francesco Zambrini*. Edizione quarta. 1878. Bologna s. v. *Vita*.

Digitized by Google

1) Vita de la beata Vergine Maria. In fine: Venetiis. Per Nicolaum Jensen. 1471 4°. По словамъ Замбрини, это—та же самая книга, которая извѣстна и подъ другимъ заглавіемъ: Vita del nostro Signore Misor Josu Xpo e de la sua gloriosa madre vergine madona santa Maria [1]).

2) La stessa con questo titolo: Vita del nostro etc. (см. выше) 1474 F° picc. Rarissimo.

3) Vita de la gloriosa verzene Maria. Vicenza. 1477 F.

4) La stessa. Venezia. 1484.

5) La stessa. Venetia. 1492.

6) Vita de la preciosa vergine Maria e del suo unico figlio Jesu Christo. Milano, 1493.

7) (?) Vita beatae virginis Mariae et Christi, italice 1493.

Изъ всѣхъ этихъ изданій я могъ добыть только № 2, то-есть, болонское изданіе 1474 года (rarissimo). Въ общемъ его отношеніе къ рукописи таково: рукопись и печатная книга явились независимо другъ отъ друга, но изъ одного источника, можетъ быть, изъ разныхъ, но не далеко расходящихся его редакцій; въ изданіи разказу предпослано прозаическое предисловіе и стихи; въ рукописи есть только стихотворное предисловіе, совсѣмъ иное, чѣмъ въ печатномъ изданіи; названія главъ не сходны; рукопись написана довольно рѣзкимъ венеціанскимъ діалектомъ; языкъ печатнаго изданія имѣетъ только слабую діалектическую (эмиліанской группы?) окраску. Редакторъ изданія стремился къ большей стилистической красотѣ.

Важнѣйшія частныя отличія будутъ указаны ниже.

Въ городѣ Іерусалимѣ жилъ св. мужъ, по имени Іоакимъ, изъ колѣна Іудова, на столько презиравшій богатства и славу міра сего, что пасъ съ своими пастухами стада свои. Начиная съ 15-тилѣтняго возраста всѣ свои доходы онъ дѣлилъ на три части: одну жертвовалъ Богу, то-есть, тѣмъ, которые служили въ храмѣ Господнемъ, другую раздавалъ бѣднымъ, а третью тратилъ на себя и своихъ. 20 лѣтъ отъ роду онъ женился на Аннѣ, дочери Иксатріи (Ixatria,

---

[1]) Я долженъ признаться, что не понимаю, что̀ хочетъ сказать Замбрини словами: è in gran parte quella stessa, che passa sotto il titolo: Vita etc., тѣмъ болѣе, что не могъ достать книги abbate Don *Giacinto Amanti* (Ricerche storico critico scientifico sulle origini, scoperte, invenzioni ecc. Milano 1830), на которую онъ ссылается.

Digitized by Google

изд. Isatria), изъ поколѣнія Давидова, тоже добродѣтельной дѣвушкѣ [1]).

Двадцать лѣтъ прожили супруги мирно въ любви и согласіи, но дѣтей не имѣли. Разъ во время праздника, когда Іоакимъ пошелъ въ храмъ принести свою жертву Богу, ему отказалъ въ этомъ правѣ, въ виду его бездѣтности, какъ явнаго признака гнѣва Божія, одинъ изъ служителей храма Иксахаръ (Ixachare, изд. Exadpar). Сильно огорченный пришелъ домой Іоакимъ и разказомъ о своемъ позорѣ заставилъ плакать и жену. Ночью онъ задумалъ покинуть домъ и рано утромъ ушелъ съ своими пастухами въ степь [2]), гдѣ и остается въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, истязая свою плоть. Напрасно пастухи утѣшаютъ его.

По повелѣнію Божію, Іоакиму въ пустынѣ является ангелъ Рафаилъ и предсказываетъ ему рожденіе отъ него и жены его присnoдѣвы; когда ей будетъ семь лѣтъ, Іоакимъ долженъ отвести ее во храмъ [3]).

---

[1]) Въ Protoev. Jac. не говорится ни о мѣстѣ жительства Іоакима, ни о происхожденіи его и жены его, ни о дѣленіи доходовъ на три части; *все это взято изъ Псевдоматвея.* Въ Ev. de Nativ, *Tischendorf*, 106, и слѣд., *Thilo*, 319 и слѣд.): Beata et gloriosa semper virgo Maria de stirpe regia et familia David oriunda in *civitate Nazareth* nata.... Domus paterna ex Galilea et civitate *Nazareth*, maternum autem genus ea *Betlehem* erat; ниже о дѣленіи доходовъ.

Изъ Галилеи и спеціально изъ Назарета производитъ Іоакима нѣм. Passional и проповѣдь XII в. (см. *Alw. Schults*, стр. 7), Вернеръ называетъ отца Анны *князь Isachar*. Въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго Іоакимъ тоже живетъ въ Назаретѣ Галилейскомъ; отецъ Анны — *іерей Матѳанъ* (Pseudo-Matth. Isachar). Мысль, что забота о стадахъ есть проявленіе его презрѣнія къ славѣ міра, очевидно, поздняя вставка.

[2]) Prot. Jac.: его даръ отвергаетъ священника *Рубенъ*; Іоакимъ, посмотрѣвъ въ родословныя таблицы и убѣдившись, что всѣ праведники имѣли дѣтей, не заходя домой, удаляется въ пустыню и постится тамъ 40 дней и 40 ночей. Pseudo-Matth.: тоже Рубенъ, писецъ храма; Іоакимъ, тоже не заходя домой, идетъ прямо въ горы, *остается тамъ 5 мѣсяцевъ*. De Nativ.: священникъ, обидѣвшій Іоакима—Isaschar. Passional: епископъ Рубенъ; Вернеръ: scriba Ruben. У Вальтера Рейнау — священникъ Isaschar. То же у Филиппа Картезіанца, у котораго, какъ и въ нашей рукописи, Іоакимъ уходитъ изъ города, объяснившись съ женой (*Goedeke*, Deutsche Dichtung im MA., стр. 128). Въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго—архіерей Иссахаръ; Іоакима поноситъ при этомъ и другой Іудей (позднѣйшее распространеніе): далѣе, какъ Protoev. Въ Минеяхъ митрополита Макарія (подъ 8-мъ сентября) помѣщенъ переводъ Protoev. См. вып. I, стр. 352 и слѣд.)

[3]) Нѣтъ ни въ Protoev., ни Pseudom.; очевидно, дублетъ, явившійся въ сводномъ текстѣ подъ вліяніемъ de Nativ., гдѣ прежде говорится о явленіи ангела Іоакиму, чѣмъ Аннѣ. Этого явленія не знаетъ и Вернеръ.

Digitized by Google

Анна горюетъ въ отсутствіе мужа; выйдя гулять въ садъ, она видитъ на деревѣ гнѣздо воробьевъ [1]), и плачетъ о томъ, что Богъ, не отказавшій въ потомствѣ маленькой птицѣ, такъ строго наказуетъ ее. Ей является ангелъ, предсказывающій ей рожденіе ребенка. Упрекнувъ служанку за невниманіе, Анна слышитъ отъ нея упрекъ въ неплодіи, что̀ снова повергаетъ ее въ печаль [2]).

Къ Іоакиму вторично является ангелъ и велитъ ему вернуться къ женѣ. Іоакимъ приглашаетъ его въ палатку закусить [3]); ангелъ отказывается и совѣтуетъ ему принести жертву Богу; во время жертвоприношенія ангелъ исчезаетъ, а Іоакимъ отъ страха падаетъ въ обморокъ. Пастухи, узнавъ отъ Іоакима о видѣніи, уговариваютъ его идти въ городъ. Но Іоакимъ все еще сомнѣвается и повинуется велѣнію Господа только тогда, когда во снѣ въ третій разъ является ангелъ [4]).

---

[1]) Ella si vede un nido de pasariny zoe zelegati (см. Boerio: Dizionario del dialetto veneziano. Ven. 1829. Celega=passera). Изъ того, что діалектическое слово стоитъ послѣ общеиталіанскаго, можно съ нѣкоторою вѣроятностью вывести, что редакторъ рукописи имѣлъ передъ собою не столь діалектически окрашенный текстъ.

[2]) Это по Pseudomatth. Въ Protoev. довольно живая сцена между Анной и ея служанкой Юдиѳью, которая совѣтуетъ ей принарядиться по случаю праздника, предшествуетъ сценѣ съ воробьями; такъ и въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго Въ Nat. этотъ моментъ, какъ и послѣдующіе, изложенъ очень кратко. У Вернера этотъ эпизодъ изложенъ тоже по Pseudomatth. (см. Fundgruben, стр. 154 и слѣд.).

[3]) На вопросъ ангела: perche no? torni tu a la tua mogliere? Respoxe Ioachim: Sonno *trenta* anni che io sonno stato cun lei e mai non ma voluto dio dare alcuno fructo. То же и въ изд. *30 лѣтъ* брака противорѣчитъ всѣмъ редакціямъ. 50 лѣтъ безплоднаго брака мы встрѣчаемъ въ словѣ Епифанія (Минеи Макарія I, 365).

[4]) Тоже по Pseudomatth. Въ Protoev. немедленно за явленіемъ ангела Аннѣ, разказывается о явленіи ей же двухъ ангеловъ, указывающихъ на приближеніе Іоакима. О явленіи ангела ему упоминается вскользь. Минеи Дм. Рост. въ этомъ пунктѣ выкидываютъ явленіе Аннѣ двухъ ангеловъ, за то распространяютъ явленіе ангела Іоакиму, но не по Pseudomatth., а по Nativ. (гл. III), гдѣ ангелъ приводитъ въ свидѣтельство истинности своихъ словъ указаніе на предстоящую встрѣчу съ Анною у Золотыхъ воротъ, въ *Іерусалимѣ* (домъ ихъ въ Назаретѣ), вѣроятно, черезъ посредство Золотой Легенды. Псевдо-Матѳея воспроизводитъ Вернеръ (l. c. 157—158). Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, переводъ, помѣщенный въ Минеяхъ Макарія, исправляетъ переводъ латинскій: не два ангела указываютъ Аннѣ на приближеніе Іоакима, а два вѣстника (l. c. 353). Кромѣ того, въ западной редакціи выпущено ясное указаніе на зачатіе Богородицы. «И почи Іоакимъ первый день въ дому своемъ и разумѣ (то-есть, позна) Анну жену свою, яко прія во чревѣ».

Digitized by Google

Когда Іоакимъ приближается къ городу, Аннѣ снова является ангелъ, и велитъ ей идти мужу на встрѣчу и ждать его у Золотыхъ воротъ. Супруги разказываютъ другъ другу о своихъ видѣніяхъ.

(Такъ въ Pseudomatth.; въ Protoev. ворота не обозначены. Porta aurea поминается и въ Золотой Легендѣ; изъ нея перешла она въ Минеи Дм. Рост. Golt porten, goldine tor являются во всѣхъ нѣмецкихъ редакціяхъ. У Альвипа Шульца здѣсь недосмотръ: у Вернера Аннѣ велитъ ангелъ встрѣтить Іоакима не auf einem Hügel vor dem Burgthor, но ze êiner borte hiez aurea (Fundgr. 159, стр. 5)).

Черезъ нѣкоторое время Анна забеременѣла (здѣсь рукопись нѣсколько расходится съ изданіемъ въ выраженіи; варіантъ можетъ быть не безынтересенъ въ виду извѣстнаго спора о безсѣменномъ зачатіи. Рп.: Siando demorato Ioachin insenbre chon soa moier per algunі dy, chomo piaxete al chreatore Dio, Anna si se ingravido de Ioachim, e pasaudo picolo tenpo, Anna siando gravida el suo corpo si chomenzano achreser per la chriatura... Изданіи выражается осторожнѣе: Siando doncha Ioachi demorato cum Anna per alcuni di, come piacque al signore Dio, Anna si se ingravedo e passato poco lo ventre se comenzo de ingrossare) и когда въ чревѣ ея сложилось тѣло ребенка, Господь создалъ душу Дѣвы Маріи, украсилъ ее добродѣтелями и соединилъ ее съ тѣломъ, а Св. Духъ очистилъ послѣднее отъ всякой скверны и первороднаго грѣха [1]).

Когда родилась дѣва Марія, Іоакимъ воспѣлъ гимнъ, начинающійся словами: „Благословенъ мой создатель, творецъ небесный!" За нимъ воспѣла гимнъ и родильница. Въ этотъ день солнце возсіяло особеннымъ блескомъ, приводившимъ всѣхъ въ удивленіе; а въ ночь (предыдущую?) луна померкла вслѣдствіе нашедшаго на нее облака, за то потомъ (въ моментъ рожденія Маріи?) она засіяла небывалымъ блескомъ. Тогда же явилась необыкновенно свѣтлая звѣзда, какъ знаменіе рожденія великой Дѣвы [2]).

---

[1]) Alhara decese la spirito sancto in nello ventre de Anna e mondo lo corpo e purificolo de ogni soza cossa e de ogni peccato originale Нѣтъ ни въ какихъ апокрифахъ.

[2]) Нѣтъ въ источникахъ; это—распространеніе, имѣющее базисомъ усиленіе чествованія и проповѣдное слово. Ср. подобныя же, независимо одно отъ другаго явившіяся распространенія этого момента у Вернера (Fundgr. стр. 160) и въ Минеяхъ Дм. Рост. (о ея же рождествѣ небо и земля возрадовася).

О непосредственномъ источникѣ этихъ предзнаменованій, какъ они изложены въ италіанской книжкѣ, см. ниже. Что же касается до радости родителей, выраженной

Digitized by Google

Черезъ 40 дней новорожденную Марію отнесли, по обычаю, въ храмъ, при чемъ принесли въ жертву агнца, горлицъ и голубей. Кормила Марію сама мать. Ребенокъ не былъ похожъ на другихъ дѣтей, доставляющихъ непріятности тѣмъ, кто за ними ходитъ (Ne mai in lei se vedeva cossa soza nello lecto e nelle sue fasse: ne mai se brutava nè maculò secundo che è usanza do li fantini, ma sempre se manteneva munda e netta. Этихъ наивныхъ подробностей, разумѣется, нечего искать въ источникахъ).

(Въ Protoev. (гл. VI) разказано, что Марія начала ходить черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ рожденія, и съ этого момента Анна устроила для нея святилище въ своей спальнѣ. У Филиппа и Вальтера v. Rheinau Марію приносятъ въ храмъ черезъ 80 дней послѣ рожденія; жертва при этомъ—горлица и ягненокъ (A. Schultz, стр. 9)).

Когда Маріи исполнилось три года, родители и родственники везутъ ее въ Іерусалимъ, въ храмъ Соломоновъ; смѣло взошла она по его 15 ступенямъ, никѣмъ не поддерживаемая, ни на кого не оглядываясь; собственноручно положила она на алтарь свою жертву и преклонилась. Весь народъ дивится ея мудрости. Священники велятъ привести ее въ храмъ на жительство, когда ей будетъ семь лѣтъ. (Въ Protoev. Марію отводятъ въ храмъ на жительство, когда ей было три года; о 15 ступеняхъ ничего не сказано; у Pseudomatth. и въ Nativ. упоминаются 15 ступеней, Марія отводится на жительство въ храмъ трехъ лѣтъ. Такому преданію слѣдуетъ и Passional, и Вернеръ (нѣтъ ступеней) и Leg. Aur., и Минеи Дмитрія Ростовскаго; но Филиппъ и Вальтеръ v. Rheinau слѣдуютъ тому же преданію, что и италіанскій текстъ (источникъ см. ниже)).

Живя дома, она наблюдала такой порядокъ: съ ранняго утра до половины 3-го часа она молилась, съ половины 3-го до 6-го работала; съ 6-го до 9-го опять молилась; тогда къ ней являлся ангелъ и приносилъ ей небесную пищу. Никогда она ни съ кѣмъ не ссорилась, не сердилась ни на кого и не смѣялась по пустому [1]).

гимнами, это взято изъ Protoev., гдѣ гимны отнесены къ другому событію—къ празднику, который давалъ Іоакимъ черезъ годъ послѣ рожденія Маріи.

[1]) Это изъ Pseudomatth. (тамъ Марія работаетъ отъ 3-го часа до 9-го). То же со ссылкою на блаж. Іеронима въ Минеяхъ Ди. Рост. Съ произвольными измѣненіями и дополненіями это же пересказываетъ и Вернеръ. Во всѣхъ этихъ редакціяхъ распредѣленіе времени перенесено ниже, къ жизни Маріи въ храмѣ. О пищѣ, приносимой ангеломъ, говорится и въ Protoev. (гл. VIII).

Digitized by Google

Когда Маріи было семь лѣтъ, ее отвели въ храмъ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ; она вступила, такъ сказать, въ особую дѣвическую коллегію, состоявшую изъ 12 дѣвицъ высшаго происхожденія. Эти дѣвицы жили въ особомъ дворцѣ; ихъ прямою обязанностью было смотрѣть за храмомъ и работать для его украшенія. Онѣ вовсе не были осуждены на безбрачіе; напротивъ, когда онѣ приходили въ совершенный возрастъ, жрецы храма поощряли ихъ къ браку, по закону Моисееву, и жениться на одной изъ храмовыхъ дѣвицъ было большою честью [1]).

Марія въ числѣ этихъ дѣвицъ скоро заняла выдающееся мѣсто: она знала на память весь Ветхій Завѣтъ со всѣми пророками; ея добродѣтели и красота ея наружности всѣхъ приводили въ изумленіе; пищу свою она раздавала бѣднымъ, питаясь исключительно пищей небесною; въ женскихъ работахъ она тоже была первою, такъ какъ на нее выпалъ жребій шить пурпуръ, вслѣдствіе чего она и называлась царицею. Рѣдко выходила она изъ дому; только отъ времени до времени посѣщала свою родственницу Елизавету.

(Это тоже распространеніе Pseudomatth. (гл. VI) съ выпускомъ нѣкоторыхъ эффектныхъ подробностей (Марія первая ввела въ обычай говорить при здравствованіи: Deo gratias. Frequenter videbantur cum ea angeli Dei loqui et diligentissime obtemperabant ei. Больные, прикасавшіяся къ ней, выздоравливали). Царицей по жребію дѣлается Марія у Филиппа и Вальтера v. Rheinau. О посѣщеніи Елисаветы говоритъ слово Епифанія; см. Макарьевск. Минеи I, 365).

По словамъ св. Игнатія (какъ въ рукописи, такъ и въ изданіи, часто цитируются отцы церкви, свидѣтельствовавшіе о томъ или другомъ фактѣ изъ жизни Маріи, при чемъ цитаты не всегда сходствуютъ даже и въ этихъ столь близкихъ редакціяхъ; ниже я буду опускать ихъ, такъ какъ онѣ являются литературнымъ украшеніемъ и не нарушаютъ единства разказа), когда Маріи пошелъ 15-й годъ [2]), многіе знатные и богатые юноши добивались ея руки; тогда священники стали ей совѣтовать избрать одного изъ соискателей. Марія сперва смутилась и заплакала, но оправившись заявила о своемъ намѣреніи остаться дѣвственницей и имѣть женихомъ только Бога; на замѣчаніе священниковъ,

---

[1]) Развито изъ IV гл Pseudomatth. О числѣ храмовыхъ дѣвицъ не говорится ни здѣсь, ни въ Nativ. 12 храмовыхъ дѣвицъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ пересказахъ (см. *A. Schultz*, прим. 10)

[2]) Въ изданіи нѣтъ точнаго опредѣленія ея возраста.

что это противорѣчитъ тексту Моисеева закона, она доказываетъ имъ, что этотъ текстъ надо понимать духовно и ссылается на примѣръ Авеля. Напрасно первосвященникъ Абіатаръ (ошибочно Abitar) предлагаетъ ей своего сына. Послѣ преній, по предложенію одного священника, собираютъ весь народъ и велятъ ему молиться о томъ, чтобы Богъ проявилъ свою волю [1]).

Въ отвѣтъ на молитву народа въ храмѣ слышится гласъ, повелѣвающій собрать всѣхъ неженатыхъ изъ колѣна Іудова, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ принести съ собою прутикъ; эти прутики священникъ долженъ положить въ Святая Святыхъ; когда на слѣдующее утро прутики будутъ розданы по принадлежности, въ рукахъ у того, кого Богъ назначилъ въ женихи Маріи, прутикъ зацвѣтетъ, а для большей увѣренности (per piu ferma significanza) на расцвѣтшій прутикъ спустился Духъ Святой въ видѣ голубя. (Такъ по изданію, въ рукописи здѣсь сбивчиво: Гласъ Божій указываетъ только на одинъ признакъ—lo spirito sancto in forma de cholomba, который si volera suxo quella verzella per piu (sic) segno; но ниже говорится и о томъ, что florira la verzella).

Черезъ восьмидневный срокъ было собрано священникомъ 4000 прутиковъ, но напрасно клали ихъ въ Святая Святыхъ: чуда не произошло. Вторично слышится небесный гласъ, указывающій на отсутствіе одного изъ кандидатовъ, Іосифа, сына Іакова. (Въ рукописи

---

[1]) Protoev.: Когда Маріи минуло 12 лѣтъ, собрались священники и стали разсуждать что̀ дѣлать съ Маріей; они посылаютъ первосвященника къ алтарю Господа спросить Его волю. Pseudomatth.: Священникъ Абіаѳаръ желаетъ получить руку Маріи для своего сына. Ссылаясь на примѣръ Авеля и Иліи, она защищаетъ свое право остаться дѣвственницей. Когда ей минуло 14 лѣтъ, Абіаѳаръ говоритъ синагогѣ объ упорствѣ Маріи и предлагаетъ выбрать ей мужа по жребію. Когда всѣ изъявили свое согласіе и кинули жребій, между колѣнами Израилевыми, жребій палъ на колѣно Іудино... De Nativ: Когда Марія достигла 14-ти лѣтняго возраста, первосвященникъ объявляетъ храмовымъ дѣвамъ, что онѣ должны вернуться домой и выбрать себѣ мужей. Всѣ онѣ радуются этому, но Марія объявила, что она дала обѣтъ сохранить свое дѣвство и служить Богу. Первосвященникъ, не желающій ни вводить новыхъ обычаевъ, ни идти противъ даннаго Богу обѣта, собираетъ на праздникъ лучшихъ людей изъ Іерусалима и его окрестностей, чтобы посовѣтоваться съ ними. Рѣшаютъ обратиться съ молитвою къ Богу.

Филиппъ и Вальтеръ фонъ-Рейнау (особенно послѣдній) въ этомъ пунктѣ ближе къ нашему тексту, чѣмъ Вернеръ, который слѣдуетъ Псевдомато. Пасіоналъ разказываетъ по Nativ.; также и Минеи Димитрія Ростовскаго.

Digitized by Google

ошибочно Іосифъ называется fiollo de Ioachim. Іосифъ признается сыномъ Іакова и Ліи въ Словѣ Епифанія; см. Минеи Макарія I, стр. 364).

Когда его вызвали, онъ смутился, увидѣвъ толпу (въ изданіи прибавка: онъ говоритъ: sera facto beffe e schermi de mi) и робко направился съ прутикомъ къ священнику. Въ это время внезапно зацвѣлъ его прутикъ; а когда Іосифъ подалъ его священникамъ, на вершину его спустился Духъ Святый въ видѣ голубя, бѣлѣе снѣга [1]).

---

[1]) Въ изд. голубь спускается, когда verzella еще въ рукахъ Іосифа.

Protoev. По порученію совѣта, первосвященникъ Захарія надѣлъ нагрудникъ (Мак. Мин.: оболкъся в ризу въ двонадесятезвонну) и вошелъ въ Святая Святыхъ. Явившійся ему ангелъ приказываетъ собрать всѣхъ вдовцевъ изъ народа и велѣть каждому принести прутикъ et cui ostenderit Deus signum, hujus erit uxor *in custodiam* (Мак.: сему будетъ жена). Когда объ этомъ было объявлено народу, съ другими вдовцами пришелъ и Іосифъ, бросивъ свой топоръ (Мак.: повергъ теслу свою). Собравъ отъ нихъ жезлы, священникъ помолился въ святилищѣ и роздалъ имъ жезлы, и ни у кого знаменія не явилось. Но когда послѣдникъ взялъ свой жезлъ Іосифъ, изъ его жезла вылетѣлъ голубь и сѣлъ ему на голову. Іосифъ отказывался отъ Маріи, ссылаясь на свою старость и своихъ сыновей; но священникъ пригрозилъ ему гнѣвомъ Божіимъ. Pseudomatth.: По приказу священника всѣ неженатые изъ колѣна Іудина принесли жезлы свои. Забравъ ихъ, священникъ принесъ жертву Богу и вопросилъ о его волѣ. Господь повелѣлъ положить жезлы въ Святая Святыхъ и на другой день раздать ихъ по принадлежности et ex cujus cacumine virgae egredietur columba et volabit ad coelum, in cujus manu virga reddita dederit hoc signum, ipsi tradatur custodiendo Maria. Когда на другой день первосвященникъ исполнилъ все это, знаменія не явилось; онъ обратился къ Богу съ молитвой, и ангелъ указалъ ему на забытый маленькій прутикъ Іосифа. Іосифъ стоялъ humili et ultimus и сильно смутился, когда священникъ позвалъ его громкимъ голосомъ; едва онъ протянулъ руку за жезломъ, какъ изъ послѣдняго вылетѣлъ голубь, бѣлѣе снѣга, и полетавъ на верху храма, сокрылся въ небеса. Іосифъ также напрасно отказывается отъ высокой чести (здѣсь яснѣе, нежели во всѣхъ другихъ пунктахъ видно отношеніе Pseudomatth. къ Protoev.; Protoev.—оригиналъ, Pseudomatth.—исправленная и распространенная копія). De Nativ.: По молитвѣ присутствующихъ и первосвященника, гласъ Божій повелѣваетъ испытать, согласно пророчеству Исаіи (и произойдетъ отъ корня Іессеева, и вѣтвь произрастетъ отъ корня его, и почіетъ на немъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума и пр. XI, 1—2), кому отдать дѣву въ супружество; поэтому всѣ неженатые мужчины дома Давидова должны явиться съ своими вѣтвями, и тотъ, чья вѣтвь дастъ цвѣтъ (не имѣю подъ руками вульгаты, но во французскомъ переводѣ ея сказано: Il sortira un rejeton de la tige de Iesse et une fleur naîtra de sa racine) при чемъ на верхушку ея снизойдетъ Духъ Святой въ видѣ голубя, долженъ быть супругомъ Маріи. Божественное повелѣніе было исполнено; только одинъ потомокъ Давида Іосифъ не принесъ своей вѣтви. Чуда не произошло. Снова перво-

Digitized by Google

Узнавъ черезъ ангела, что по волѣ Божіей, онъ долженъ жениться и при этомъ хранить данный имъ обѣтъ дѣвства, Іосифъ проситъ начальниковъ храма дать Маріи спутницу и подругу. Марію снабжаютъ всѣмъ необходимымъ и даютъ ей пять дѣвицъ: Tobea (изд. Rebecca), Sinfora (изд. Sinphora), Soxana (изд. Susana), Abizea (Abigea), Abeila (Abel). Съ ними и живетъ она въ то время, какъ Іосифъ, обрученникъ ея, отправился въ Капернаумъ. Дѣвушки, относящіяся вообще къ Маріи съ почтеніемъ, замѣчаютъ, что ей, какъ самой младшей, не слѣдовало бы браться за труднѣйшую работу на пурпурѣ; Марія не согласна съ ними. Тогда является дѣвицамъ ангелъ и объясняетъ имъ, что такая работа назначена Маріи пророчествомъ. Испуганныя небеснымъ явленіемъ дѣвушки просятъ Марію простить ихъ (sic) и молиться за нихъ.

(Protoev.: Взявъ къ себѣ въ домъ Марію „въ соблюденіе", Іосифъ уходитъ на работу. Въ это время священники задумали сдѣлать завѣсу для храма и собрали семь дѣвъ изъ дому Давидова, а восьмою пригласили Марію. Самая важная часть работы—„прясти злато нескверьное, и ивиса, и сурика, и оккинта, и кокинъ, и истинную прѣфиру", по жребію досталась Маріи.

Pseudomatth.: Іосифъ проситъ дѣвицъ „на утѣху" Маріи; Абіаѳаръ

священникъ вопросилъ Господа, и когда тотъ указалъ на Іосифа, и послѣдній былъ призванъ въ храмъ, на вершину его вѣтви спустился голубь съ неба.

Очевидно, въ двухъ древнѣйшихъ апокрифахъ мы имѣемъ одну версію чуда; въ Nat. она осложнена и измѣнена, согласно пріисканному тексту пророчества не безъ вліянія жезла Ааронова; здѣсь же, согласно позднѣе утвердившемуся представленію, Іосифъ является не вдовцемъ, а дѣвственникомъ. Такая осложненная версія должна была нравиться болѣе, при чемъ однако не терялось значеніе популярнѣйшаго апокрифа Pseudomatth. У Вернера Іосифъ—вдовецъ, Абіаѳаръ приказываетъ принести жезлы, прямо ссылается на примѣръ Аарона, все остальное по Pseudomatth. (У A. Schulz'a, здѣсь по видимому, недосмотръ: dessen Stab grünen; по Fundgr II, 169 dem ih die ere han beschert, ein tube uon sinem stabe vort, также и ниже). Въ Passional'ѣ и у Вальтера v. Rheinau Іосифъ дѣвственникъ; голубь спускается съ неба (какъ въ Nativ.) въ этихъ пересказахъ, ровно какъ въ Leg. Aurea и у Филиппа.

Въ словѣ Епифанія (Мак. Минеи I, 366), послѣ общей молитвы іереевъ «Захарія же, отецъ Іоанна Крестителя, воспріятъ 12 жезла отъ іерей и отъ ближнихъ вдовецъ и положи ихъ при олтари, глаголя сице: да покажетъ Богъ, чія есть дѣвица. Молящу же ся ему *прорасте жезлъ* древудѣли Іосифа; и прочее судомъ Божіимъ поручиша ему дѣвицю Марію, тако не на бракъ, но въ храненіе и въ соблюденіе непорочнаго дѣвства». Со ссылкою на Никифора Каллиста то же говорятъ и Минеи Димитрія Ростовскаго.

Digitized by Google

назначаетъ ей пять спутницъ: Rebecca, Zipporah, Susanna, Abigea и Cael, и даетъ имъ работу. По жребію работа на пурпурѣ досталась Маріи; подруги завидуютъ ей и въ насмѣшку начинаютъ ее называть своею царицей. Явившійся ангелъ указываетъ на будущее величіе Маріи, и испуганныя подруги просятъ у нея прощенія.

Nativ.: Отпраздновавъ обрученіе, Іосифъ удаляется въ свой родной городъ Виѳлеемъ, чтобы приготовить домъ для свадьбы, а Марія съ семью сверстницами удаляется въ домъ родительскій, въ Галилею.

Очевидно, италіанскій текстъ, или точнѣе, его источникъ, слѣдуетъ вѣрнѣе Pseudomatth., но грубость спутницъ Маріи находитъ неприличною и неумѣло смягчаетъ. Изданіе идетъ еще далѣе въ томъ же направленіи.

Явленіе ангела Іосифу знаютъ Филиппъ и Вальтеръ v. Rheinau. Вернеръ пересказываетъ по Pseudomatth., но довольно свободно; при совершеніи брака Іосифъ даетъ Маріи золотое кольцо, какъ „gemahel schatz". Имена дѣвицъ: Rachel, Rebecca, Sephora, Abigea и Susanna. Два князя изъ Капернаума приглашаютъ Іосифа поправить ихъ корабли. Leg. Aur. и Passional слѣдуютъ Nativ. По Филиппу бракъ долженъ состояться черезъ три мѣсяца (объ этомъ вскользь говоритъ и италіанское изданіе poi dato lo termino, che infra tre mesi chella se dovesse condurre etc), далѣе по Nativ. У Конрада v. Fussesbrunnen (Die Kindheift Jesu v. Kochendörffer. Strassb. 1881, стр. 67) подругъ у Маріи три. У Епифанія (Мак. Мин. 367) Іосифъ „предасть ей 2 дщери свои умудрити и вразумити ихъ").

Разъ Марія пошла за городъ къ колодцу со многими подругами; когда она отдалилась немного отъ нихъ, чтобы помолиться, ей явился ангелъ, свѣтлѣе солнца, и предсказалъ ей, что Богъ избралъ ее своею невѣстой и сосудомъ спасенія рода человѣческаго.

(Это первое благовѣщеніе у колодца. Въ Protoev., когда она выходитъ почерпнуть воды, она слышитъ голосъ ангельскій: „Радуйся возрадованная! Господь съ тобою; благословенна ты въ женахъ" и никого не видитъ; евангельское благовѣщеніе происходитъ въ тотъ же день. Pseudomatth.: Она тоже идетъ зачерпнуть воды (на другой день послѣ сцены съ подругами); ангелъ является ей; евангельское благовѣщеніе происходитъ черезъ день. Въ de Nativ. этого эпизода нѣтъ. Вернеръ разказываетъ по Pseudomatth. съ произвольными измѣненіями: Марія отправляется къ колодцу мыть ir reine hende; явившійся ангелъ spilt mit der Kunigin, als man pfleit mit den Kinden, daz sie sin niht chunde finden. У Филиппа Марія отправляется

за городъ гулять къ источнику; евангельское благовѣщеніе происходитъ черезъ три дня послѣ благовѣщенія у колодца. Konrad v. Fussesbr. по Pseudomatth., кратко).

Благовѣщеніе изложено по Евангелію отъ Луки съ такими прибавками: архангелъ Гавріилъ является Маріи въ спальнѣ, въ тотъ моментъ, когда она работаетъ надъ своимъ пурпуромъ и въ то же время читаетъ псалмы и именно доходитъ до текста: Audiam quid loquatur in me dominus. Сейчасъ же послѣ благовѣщенія „descese lo spirito sancto e illuminò quello glorioso corpo de la verzene e nel suo ventre ordenò e apparechiò lo habitaculo del fiolo de dio. Alhora lo figliolo de dio lo quale non have ne comenzamento ne fine fu passato e rechiuso nel ventre de questa verzene".

(Protoev.: Марія пряла свой пурпуръ (Мак. Мин.: вземши перфиру, сѣде на престолѣ своемъ и скааше); другихъ подробностей нѣтъ. Тоже и Pseudomatth.; въ обоихъ нѣтъ имени архангела. De Nativ: нѣтъ указанія на занятія Маріи; Гавріилъ названъ; слова его пересказаны подробно; объяснено, что Марія, привыкшая къ посѣщенію ангеловъ, не была поражена явленіемъ, но удивлена словами. Въ Словѣ Епифанія (Мак. Мин. 367), „при девятемъ часѣ дни, молящися ей днесь, посланъ же бывъ Архангелъ Гавріилъ отъ Бога". У Вернера въ моментъ явленія Гавріила „die kleinen siden sie span, die sie anme, lozze gewan" (у А. Шульца опять недосмотръ: въ текстѣ нѣтъ указанія на подругъ, присутствовавшихъ при благовѣщеніи—такое указаніе противорѣчило бы всякому литературному и художественному преданію: do die anderen den hâre musen spinnen furwâre — только разъясненіе lozze. Еще болѣе странный недосмотръ немного ниже. Гавріилъ сказалъ Маріи: dass ihre Verwandte Elisabeth bereits im dritten Monat schwanger sei; въ текстѣ Fundgruben, стр. 181: nu ist der sehste monat, какъ и у Луки). Отъ блеска ангела Марія выпустила работу изъ рукъ: „Von des gloubens samen wart sie zehante swanger". То же, но короче у Конрада; не сказано, отъ кого Марія узнала о беременности Елизаветы. Вальтеръ v. Rheinau въ ближайшей связи съ италіанскимъ текстомъ: ангелъ является Маріи при чтеніи словъ: Audiam etc. Въ Минеи Дмитрія Ростовскаго внесено разсужденіе изъ Nativ., что Марія не испугалась).

Марія разказала подругамъ о явленіи ангела и съ тремя изъ нихъ отправилась навѣстить Елизавету, на гору, гдѣ она жила вмѣстѣ съ Захаріей. При входѣ Маріи „сынъ, бывшій во чревѣ Елизаветы, сильно обрадовался и преклонилъ колѣна (inzenochiose) во

Digitized by Google

чревѣ своей матери и почтилъ матерь Господа. Свиданіе изложено по Евангелію. Отославъ подругъ домой, Марія осталась дождаться рожденія Іоанна, и по разрѣшеніи Елизаветы, поднявъ ребенка съ земли, воротилась въ домъ свой (lo quale parturito la verzene Maria li levo de terra poi se retorno a cosa).

(Въ Protoev.: между благовѣщеніемъ и посѣщеніемъ Елизаветы Марія относитъ свою работу священнику, который предсказываетъ ей благословеніе „во всѣхъ родѣхъ земныхъ и до вѣка". Посѣщеніе по Евангелію, кратко. У Pseudomatth. и въ Nat. нѣтъ посѣщенія. Конрадъ разказываетъ по Евангелію, довольно кратко; Вернеръ останавливается на трудностяхъ пути Маріи (Лука I, 39: иде въ горняя со тщаніемъ); далѣе по Евангелію. Leg. Aur. LXXXVI: Mansit ergo virgo beata cum cognata sua tribus mensibus ministrans ei natumque puerum suis sanctis manibus de terra levavit, ut habetur in hystoria scholastica et quasi morem gerulae (gerula или geraria—нянька) officiosissime peregit. Suchenwirt (7 Freuden) 299: Biz daz dein muom den sun gewan. Der scid geuennet ward Iohan; Den huob du von der erde Mit deinen henden werde).

Когда Іосифъ возвратился черезъ девять мѣсяцевъ домой и замѣтилъ беременность Маріи, онъ пришелъ въ отчаяніе; дѣвушки утѣшаютъ его, доказывая ему, что Марія чиста и непорочна, и никто, кромѣ ангеловъ, не посѣщалъ ея. Іосифъ дѣлаетъ предложеніе, что, можетъ быть, какой-нибудь злонамѣренный человѣкъ выдалъ себя за ангела (въ изданіи этого нѣтъ) и собирается бѣжать отъ позора. Марія молитъ Бога разъяснить ему истину; Богъ услышалъ ея молитву, и ангелъ разъясняетъ Іосифу дѣло. И Маріи является во снѣ ангелъ и проситъ ее простить Іосифу.

(Protoev. только распространяетъ разказъ Матоея (I, 19 и слѣд.) и съ точностью опредѣляетъ время возвращенія Іосифа—на шестой мѣсяцъ. Разказъ рукописи по Pseudomatth., у котораго даже находится предположеніе, что кто-нибудь se finxerit angelum domini; только нѣтъ молитвы Маріи и явленія ангела къ ней. De Nativ. Іосифъ возвращается черезъ три мѣсяца послѣ обрученія; далѣе по Матоѣю. Такъ же изложено дѣло въ 6-й гл. Hist. Iosephifabri lignarii. Конрадъ (ст. 370—520) распространяетъ Pseudomatth., только вноситъ упреки Іосифа дѣвицамъ за то, что онѣ не устерегли Марію, и усиливаетъ выраженіе его раскаянія (er begunde ir ze füezen vallen und kuste ir weinunde an drir knie, daz si im die schulde verlie). Такъ же и у Вернера (do bot er sih drate unser frouen ze fuzzen). Мо-

Digitized by Google

жетъ быть, столь сильное выраженіе раскаянія Іосифа явилось подъ вліяніемъ Hist. Iosephi fabri lign., гдѣ онъ на смертномъ одрѣ выражаетъ тѣ же чувства).

Но слухъ о беременности Маріи распространился въ народѣ, и всѣ приписывали ее винѣ Іосифа. Ихъ обоихъ призвали въ храмовой судъ, и такъ какъ Іосифъ отрицалъ свою виновность, ему предложили подвергнуться испытанію водою: у того, кто, поклявшись ложно, выпивалъ святую воду, (изданіе прибавляетъ: e andasse sette volte intorno a lo altare del tenpio), на лицѣ появлялся смертельный знакъ (alcuno segno mortale). Іосифъ подвергся испытанію безъ вреда. Позвали Марію и стали ее допрашивать, съ кѣмъ согрѣшила она; когда же и она настаивала на своей невинности, подвергли и ее испытанію съ тѣми же послѣдствіями. Всѣ были поражены такимъ исходомъ дѣла.

(По Pseudomatth., гдѣ есть и случайно выпавшее семикратное обхожденіе. Protoev.: писецъ Аннасъ пришелъ къ Іосифу спросить, отчего тотъ не былъ на совѣтѣ, замѣтилъ беременность Маріи и пожаловался священнику. Священникъ, призвавъ Іосифа и Марію, упрекалъ ихъ и заставилъ Іосифа выпить воду обличенія (горькая вода, наводящая проклятіе; о ней см. Кн. Числъ гл. V), послѣ чего послалъ его въ нагорную страну (?), и онъ возвратился оттуда невредимымъ (по трехъ днехъ, прибавлено въ славянскомъ переводѣ Мак. Миней, I, 359). То же испытаніе и съ тѣмъ же результатомъ произведено и надъ Маріей. De Nativ. нѣтъ; нѣтъ и въ Hist. Iosephi. Въ Минеи Дм. Рост. по Protoev. Wernher по Pseudomatth. съ семикратнымъ обхожденіемъ алтаря (si furten in bi der hende umbe den altaere sibenstunt). Такъ же и Конрадъ (стр. 520—693)).

Повинуясь извѣстному по Евангелію повелѣнію Августа, Іосифъ и Марія отправляются въ Виѳлеемъ; они взяли съ собою одного слугу и одну служанку; беременная Марія сидѣла на ослѣ, и они вели съ собою быка, котораго Іосифъ намѣревался продать, чтобы купить на вырученныя деньги то, что̀ будетъ необходимо. На дорогѣ Марія имѣла видѣніе: она видѣла два ей родственные народа (dui populi del mio parentado), изъ которыхъ одинъ былъ радостенъ, а другой печаленъ. Іосифъ, не видящій ничего, выражаетъ недовольство ея фантазіями, но явившійся ангелъ разъясняетъ ему смыслъ видѣнія: второй народъ—невѣрные Іудеи, а первый — Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и пр.

(Protoev. не говоритъ о слугахъ и быкѣ; осла ведетъ сынъ Іосифа,

Digitized by Google

а самъ Іосифъ (Мак. Мин. 359: Симеонъ—sic!) слѣдуетъ сзади. Онъ видитъ Марію печальною и предполагаетъ, что бремя ея тяготитъ ее; видитъ ее радующеюся и спрашиваетъ о причинѣ страннаго поведенія; она говоритъ, что видитъ два народа: одинъ плачетъ, другой веселится. Толкованія нѣтъ. Pseudomatth.: нѣтъ подробностей о путешествіи; видѣніе разъясняетъ ангелъ: populum enim judaeorum flentem vidit, а радуются язычники, которые теперь будутъ ближе къ Богу согласно обѣщанію, данному Аврааму, Исааку и Іакову. Въ Hist. Iosephi нѣтъ этого эпизода, равно какъ и въ Nativ. Wernher распространяетъ разказъ Pseudomatth. описаніемъ всеобщаго мира и болѣе подробнымъ описаніемъ двухъ народовъ; печальный—daz ist diu iudiske diet, diu die wissagen verrîet; радующійся—daz sint die becherten die got wilen êrten. У Конрада говорится объ ослѣ и быкѣ, гонимомъ на продажу (также въ Passional. у Вальтера v. Rheinau и въ Leg. Aur.); далѣе по Pseudumatth.).

Когда на дорогѣ, по близости отъ Виѳлеема Маріи пришло время родить, ангелъ приказалъ Іосифу отвести ее въ пещеру. Помѣстивъ тамъ Марію, Іосифъ отправился за повивальною бабкой. Сейчасъ по его уходѣ, Марію окружилъ небесный свѣтъ и множество ангеловъ, служившихъ ей съ великимъ почтеніемъ во время ея разрѣшенія. Когда родился Спаситель, они восхвалили его пѣснію: „Слава въ вышнихъ" и пр. Между тѣмъ Іосифъ нашелъ бабокъ Золоме (изданіе: Gelomi; Pseudomatth.: Zelomi) и Соломею и привелъ ихъ къ Маріи. Сперва вошла одна Золоме; узнавъ, что Марія осталась дѣвою, она громко выразила свое удивленіе. Соломея не повѣрила, что дѣва можетъ родить, не лишаясь дѣвства, и пожелала удостовѣриться. Желаніе ея исполнилось, но рука, которою она коснулась Маріи, изсохла. Она горько раскаявается. Является ангелъ и приказываетъ ей коснуться младенца. Рука ея исцѣлѣла. Приходятъ пастыри и поклоняются рожденному. Надъ пещерою восходитъ блестящая звѣзда. Іосифъ славословитъ Господа.

(Очень близко по Pseudomatth., Protoev.: Іосифъ при Маріи въ пещерѣ (она на серединѣ пути) оставляетъ сыновей своихъ, а самъ идетъ въ Виѳлеемъ за бабкой. Далѣе разказъ ведется отъ лица самого Іосифа. Онъ видитъ, какъ все въ природѣ, на небѣ и на землѣ, остановилось и застыло; встрѣчаетъ женщину (безъ имени) и приводитъ ее съ собою. Узрѣвъ чудо, она выходитъ изъ пещеры, прославляя Бога, встрѣчаетъ Соломею, разказываетъ ей; далѣе, согласно съ Pseudomatth., только съ прибавкой запрета ангела Соло-

Digitized by Google

неѣ разказывать о чудѣ и безъ поклоненія пастырей и звѣзды; о послѣдней ниже при поклоненіи волхвовъ. Historia Ioseрhi ничего не знаетъ о бабкахъ; Іосифъ и Марія приходятъ въ Виѳлеемъ; но потомъ Марія уноситъ Спасителя вонъ изъ города въ пещеру близъ гробницы Рахили. По Епифанію рожденіе Христа происходитъ въ селѣ Виѳлеемскомъ, „иже бяше стяжаніе Саломіино, Богородицины тетки" (Мак. Мин. 369), при чемъ ей служитъ сама Соломія, а все необходимое доставляетъ Елизавета. Также, но безъ участія Елизаветы, разказываютъ и Минеи Дмитрія Ростовскаго: въ пещеру Соломіину приходятъ Іосифъ и Марія, не найдя мѣста въ гостиницѣ. Конрадъ v. Fussesbrunnen по Pseudomatth., съ незначительными отмѣнами: нѣтъ ангела, указывающаго на пещеру; распространены рѣчи бабокъ и сцена перваго осмотра Маріи; „Слава" и пр. ангелы поютъ послѣ исцѣленія Соломеи. Значительнѣе отмѣны у Вернера; нѣкоторыя изъ нихъ объясняются стремленіемъ его источника примирить апокрифъ съ Евангеліемъ: во время пути наступила ночь; Іосифъ предлагаетъ переночевать въ полѣ. Марія настойчиво желаетъ добраться до Виѳлеема, такъ какъ Спаситель долженъ родиться въ городѣ Давидовомъ; въ полночь добрались они до города. Марія увидала пещеру съ узкимъ входомъ и вступила туда (Leg. Aur. in communi transitu, qui erat inter duas domos operimentum habens, qui deversorium dicitur). Бабки называются: Rachel (имя отъ жены патріарха) и Salome (Phil. Salomê и Rachê; по Leg. Aur Zebel и Salome). Бабки, обмывъ и спеленавъ ребенка, хотѣли коснуться до Маріи, но сейчасъ же обѣ упали на землю; ребенокъ положенъ въ ясли. Поклоненіе пастырей по Евангелію. У Вальтера v. Rheinau при вступленіи Іосифа и Маріи въ городъ, святой, въ видѣ ребенка въ бѣлоснѣжной одеждѣ, принуждаетъ ихъ остановиться и войдти въ сосѣдній домикъ (A. Schultz, 16). Въ арабскомъ евангеліи de infantia дѣйствуетъ одна бабка, излѣчивающая свою болѣзнь черезъ прикосновеніе ко Христу (гл. III)).

Затѣмъ слѣдуетъ пространное отступленіе о чудесахъ, происшедшихъ въ ночь рожденія Спасителя.

1) Въ Римѣ явился источникъ, текущій чистѣйшимъ масломъ.

2) Императоръ Августъ увидалъ на небѣ сіяющее изображеніе Дѣвы. Сивилла объяснила значеніе видѣнія. Тогда императоръ приказалъ разломать свое изображеніе и сдѣлать изображеніе царя вселенной и поклонялся ему, какъ Богу живому.

3) По всей вселенной шелъ медовый дождь.

4) Всѣ рѣки остановились на три часа.

Digitized by Google

5) Всѣ содомиты умерли.

6) Три бревна изъ развалинъ Ноева ковчега, находившихся на горахъ Арменскихъ, зазеленѣли, испустили изъ себя вѣтви и цвѣты и дали плодъ.

7) Въ одной сторонѣ Варваріи (in quel parto de barbaria) явилось изображеніе дѣвы съ младенцемъ на рукахъ, будто бы сдѣланное изо льду, но не таявшее; въ такомъ видѣ стояло оно 33 года; когда же начались страданія Спасителя, оно стало таять и исчезло совсѣмъ одновременно съ ихъ окончаніемъ.

8) Триста лѣтъ назадъ въ Римѣ строился храмъ Мира; къ рабочимъ пришла старуха Сивилла и объявила, что храмъ разрушится, когда родитъ Дѣва; память о ея словахъ была увѣковѣчена надписью. Въ эту ночь храмъ разрушился.

9) На небѣ явились три солнца, сливавшіяся въ одно, и три луны, сливавшіяся въ одну.

10) На небѣ явился кругъ съ золотою короною внутри.

11) Въ исторіяхъ римскихъ разказывается о томъ, что̀ случилось въ это время въ отечествѣ трехъ маговъ: а) Гаспаръ приручилъ прекрасную и прекрасно поющую птицу (lo qual hoxella ello si la chiamava exida); она снесла два яйца, и изъ одного изъ нихъ высидѣла ягненка, изъ другаго львенка (ягненокъ указываетъ на нравственную природу Христа, левъ—на его воскресеніе).—b) Мальхіоръ имѣлъ прекрасный садъ и въ немъ необыкновенное по красотѣ растеніе; на вершинѣ этого растенія расцвѣлъ цвѣтокъ, а въ ночь Р. Х. изъ его плодника вышла бѣленькая птичка, которая ангельскимъ голосомъ объявила о рожденіи владыки міра отъ Дѣвы.—с) У Балтазара (Baldisar; въ изданіи всѣ маги безъ именъ) была беременна жена; въ ночь Р. Х. она родила сына, который сейчасъ же сталъ на ноги и ясно возвѣстилъ о рожденіи сына Божія отъ Дѣвы и Св. Духа и о его смерти и страданіяхъ черезъ 33 года; ребенокъ же, въ свидѣтельство справедливости своихъ словъ, долженъ былъ прожить 33 дня.

12) Были два дерева, изъ которыхъ одно называлось деревомъ солнца, другое—деревомъ луны; на нихъ жили демоны, дававшіе отвѣты на предлагаемые имъ вопросы; въ ночь Р. Х. деревья потеряли свою силу, и демоны кричали: „Намъ надо убираться отсюда; насъ гонитъ тотъ, кто согналъ насъ съ неба на землю“. Въ день крещенія Христа дерево солнца высохло (въ изданіи нѣсколько иначе:

древо солнца потеряло свою силу въ ночь Р. Х., а древо луны сгорѣло въ ночь страстей Христовыхъ).

Далѣе о тѣхъ же деревьяхъ по другой редакціи: когда восходило солнце и его лучи касались вершинъ этихъ деревьевъ (здѣсь, по видимому, ихъ не два, а болѣе), всѣ они преклонялись передъ нимъ, и въ этотъ часъ всякій могъ обращаться къ нимъ съ вопросами. Плоды этихъ деревьевъ были величиною съ человѣческую голову и могли сохраняться свѣжими въ продолженіе трехсотъ лѣтъ, но срывать ихъ могли только дѣвственные и безгрѣшные люди.

(Всѣ эти предзнаменованія, сведенныя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, пріурочены къ этому эпизоду, но видимому, подъ вліяніемъ разказа Protoevang. (възрѣвъ на небо и видѣ кругъ небесный стоящь и пр.; см. выше). Въ прямой связи съ нимъ стоитъ только четвертое чудо.

По средневѣковымъ редакціямъ, чудеса сильно разнятся. Ближе другихъ къ нашему тексту Филиппъ Картезіанецъ, у котораго находимъ №№ 1, 2 (безъ имени императора), 3, 4, 5 (? toto sünder werden erweckt (Goedeke, M. A. стр. 129), 9 (3 солнца) и 10 (? uober der stadt erscheint eine krone). № 9 находимъ въ Pass., у Вальтера, у Филиппа. № 1 въ vom Leben Iesu, въ Leg. Aur., въ Pass., у Вальтера, у Вернера, № 8 въ Pass., у Филиппа, въ Leg. Aur.; у Вернера вмѣсто храма статуя Марса. № 2—съ небольшими измѣненіями въ Pass., въ Leg Aur., у Вальтера. № 3 и № 4 у Вальтера. № 10 стоитъ, но видимому, въ литературной связи съ Leg Aur.: in eadem nocte vineae Engadi quae proferunt balsamum floruerunt, fructum protulerunt et liquorem dederunt. Къ семи чудесамъ у Вернера, сверхъ того, причисляются: всеобщій миръ, Августъ выпускаетъ на волю плѣнниковъ, возвращеніе рабовъ господамъ, казнь 30,000 человѣкъ и явленіе звѣзды; у Филиппа — поклоненіе трехъ царей и избіеніе младенцевъ. Чудо № 11 (a, b, c) находимъ у Вальтера v. Rheinau; птица въ *a* есть страусъ.

Въ Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго перечисляются слѣдующія чудеса: 1) въ пещерѣ Виѳлеемской заструился источникъ воды; 2) въ Римѣ—источникъ елея (№ 1); 3) Храмъ идольскій сокрушился (№ 8); 4) на небѣ явились 3 солнца (№ 9), 5) въ Испаніи явилось облако свѣтлѣе солнца (№ 10 ?); 6) въ Іудеѣ разцвѣли виноградники въ пустыни Энгадійской (11 b. ?)).

На третій день послѣ Р. Х. Дѣва Марія вынесла ребенка изъ пещеры и положила въ ясляхъ между быкомъ и осломъ; они, по слову

пророка, преклонили передъ нимъ колѣна. На шестой день младенца внесли въ Виѳлеемъ и на 8-й день обрѣзали. На сороковой день святое семейство было въ Іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ младенца встрѣтили Симеонъ и Анна. Волхвы явились на поклоненіе Христу, когда ему шелъ второй годъ. Обманутый Иродъ велѣлъ избивать всѣхъ младенцевъ трехъ лѣтъ и ниже.

(Все это по Pseudomatth. (главы XIV—XVII), съ нѣкоторымъ усиліемъ красокъ (quem bos et asinus adoraverunt — cum reverentia ladoravano manzando in zenochione la maiore parte) и съ тою отмѣною, что авторъ не замѣтилъ намѣренія Pseudomatth. обойдти вопросъ о путешествіи св. семейства въ Іерусалимъ, такъ какъ при появленіи волхвовъ оно должно находиться въ Виѳлеемѣ. Въ Protoev. здѣсь воспроизведенъ текстъ Евангелія отъ Матѳея безъ указанія на бѣгство въ Египетъ (далѣе слѣдуетъ разказъ объ укрывательствѣ Іоанна, смерти Захаріи и выборѣ ему намѣстника; на этомъ и кончается текстъ). Въ Hist. Jos. нѣтъ этихъ подробностей. Въ ev. de infantia arab., послѣ поклоненія пастырей, при которомъ присутствовала старая Еврейка, упоминается объ обрѣзаніи (на 8-й день), путешествіи въ Іерусалимъ (на 18-й), принесеніи во храмъ (на 40-й), Симеонѣ и Аннѣ; маги поклоняются Христу въ Іерусалимѣ (время не указано), и при этомъ Марія даетъ имъ пеленку Христа, которая не сгораетъ въ огнѣ; о возрастѣ младенцевъ ничего не сказано. По Епифанію волхвы приходятъ „времени немногу минувшу"; на 8-й день происходитъ обрѣзаніе (въ Виѳлеемѣ), на 40-й принесеніе во храмъ; объ Иродѣ по Евангелію отъ Матѳея.

У Вернера разказъ о поклоненіи осла и быка (sie vielen nider an diu knie) предшествуетъ поклоненію пастырей и изложенію чудесъ; за ними слѣдуетъ обрѣзаніе на 8-й день, поклоненіе волхвовъ по Евангелію отъ Матѳея (съ толкованіемъ даровъ), принесеніе во храмъ на 40-й день и избіеніе младенцевъ. Конрадъ въ точности слѣдуетъ Pseudomatth., только Христу при поклоненіи маговъ не второй годъ, а два года, и Иродъ приказалъ избивать младенцевъ „innerhalp zwein jâren". Въ Passional'ѣ волхвы названы по имени; въ Leg. Aur. (XIV): Nato enim domino tres magi Ierosolimam venerunt, quorum nomina in Hebraeo sunt Appellius, Amerius, Damascus, Graece Galgalat, Malgalat, Sarithin, latine Caspar, Balthasar, Melchior; въ обоихъ пересказахъ они прибыли на дромадерахъ въ очень короткій срокъ. У Филиппа и Вальтера v. Rheinau (Schultz, 40), равно какъ и въ Leg. Aur., волхвы, кромѣ даровъ Христу, подносятъ дары и Маріи съ Іосифомъ. Димит-

Digitized by Google

рій Ростовскій приводитъ имена волхвовъ по западнымъ источникамъ; онъ принимаетъ, что звѣзда явилась за девять мѣсяцевъ до Р. Х., и волхвы поклонились Іисусу еще въ вертепѣ Виѳлеемскомъ).

По повелѣнію Божію, Іосифъ съ Маріею и младенцемъ отправляется въ Египетъ. При бѣглецахъ находятся трое служителей, одна служанка, два быка и два осла; на одномъ изъ послѣднихъ сидитъ Марія, другой несетъ необходимыя вещи. Когда они вступили въ пустыню, всѣ ея страшные обитатели—леопарды, львы, слоны, кентавры, медвѣди, волки, лисицы, обезьяны—воздаютъ Христу почтеніе; самые драконы преклоняются (se inzenochiono) передъ нимъ. „Не смотрите на меня, что я ребенокъ", говоритъ Христосъ испуганной матери и спутникамъ,—„мнѣ покорятся всѣ звѣри лѣсные". Встрѣчается огромное чудовище avolite (изд. xamelites); голова у него лошадиная, а тѣло человѣческое; встрѣчаются рогатые звѣри пелоксы (peloxe, изд. peluxi) на козьихъ ногахъ, приходитъ пантера, извѣстная своимъ прекраснымъ запахомъ, встрѣчаются onагры. Всѣ эти звѣри, поклонившись Христу, согласно пророчеству Исайи, слѣдуютъ за нимъ, какъ бы составляя его свиту. Когда св. семейство проходитъ черезъ мѣста обитаемыя, къ свитѣ пристаютъ и всѣ домашнія животныя, на этотъ разъ мирно бокъ о бокъ идущія съ волками и медвѣдями.

Когда разъ путешественники взалкали въ пустынѣ, и Марія выразила желаніе достать плодовъ съ высокой пальмы, подъ которою они сидѣли, а Іосифъ указалъ на невозможность этого, Христосъ велѣлъ пальмѣ наклониться. Когда желаніе Маріи было удовлетворено, Христосъ велѣлъ дереву стать прямо по прежнему и обѣщалъ взять его въ число райскихъ деревьевъ. По его слову изъ корня пальмы потекъ источникъ, водою котораго утолили свою жажду не только путешественники, но и вся ихъ многочисленная звѣриная свита. Утромъ на другой день видимо на глазахъ у всѣхъ явился ангелъ и взялъ съ собою корень пальмы. Путники заходятъ въ хижину гостепріимнаго разбойника. Когда пришли товарищи послѣдняго и увидали страшныхъ звѣрей, они отъ страху взлѣзали на дерево. Іосифъ успокоилъ ихъ и ласково ввелъ въ хижину. Эти разбойники только что возвратились съ неудачнаго нападенія, гдѣ многіе изъ нихъ были ранены; но когда они вымылись водою, въ которой недавно купали Христа, они излѣчились отъ своихъ ранъ. Многіе изъ нихъ тогда обратились на путь истинный. Надъ головой Маріи все время шло облако, защищавшее ее отъ солнца и отъ непогоды. Птицы наравнѣ съ звѣрями воздавали почтеніе Христу. Между прочимъ,

Digitized by Google

былъ тамъ особый видъ зеленыхъ птицъ, называемыхъ spatris (изд. spuotrix dicti papagalli); у нихъ, говорятъ, есть такое свойство, что когда онѣ встрѣчаютъ царя или того, кому предназначено быть царемъ, онѣ привѣтствуютъ его человѣческимъ голосомъ: „Да спасетъ тебя Богъ, о царь!" Христа привѣтствовали они особенно торжественно и называли царемъ всего свѣта.

Св. семейство встрѣчаетъ двухъ разбойниковъ; отъ страху передъ звѣрями они взлѣзли на дерево. Богоматерь успокоиваетъ ихъ. Ей повѣрилъ одинъ изъ нихъ Dismas (изд. Dymas), а другой Jestas не повѣрилъ. Путники вошли въ домъ Дисмаса, сынъ котораго излѣчился отъ проказы, вымывшись въ водѣ, гдѣ купали Христа. Впослѣдствіи эти разбойники были распяты со Христомъ, и Дисмасъ увѣровалъ и получилъ царство небесное.

Чудеснымъ образомъ былъ сокращенъ путь святому семейству черезъ ангела, явившагося Іосифу. Когда путешественники вступили въ первый египетскій городъ Сонъ Кузме (Son Chusme, изданіе Socumen), Христосъ благословилъ звѣрей и отпустилъ ихъ въ ихъ жилища.

(Protoev. не знаетъ бѣгства въ Египетъ: услыхавъ объ избіеніи младенцевъ, Марія скрыла Іисуса „въ ясляхъ воловыхъ". Въ основѣ вышеприведеннаго разказа лежатъ главы XVIII—XXII Pseudomatth. Въ нихъ то же число спутниковъ, то же поклоненіе драконовъ, тѣ же успокоительныя рѣчи Христа, тѣ же львы, леопарды, волки „и различные виды дикихъ звѣрей", идущихъ рядомъ съ баранами, тотъ же разказъ о преклонившейся пальмѣ (съ этихъ поръ, по волѣ Христа, она должна была служить символомъ побѣды; ангелъ уноситъ не корень, а вѣтвь пальмы на небо); путь для св. семейства сокращаетъ не ангелъ, а самъ Христосъ; первый египетскій городъ, въ который они прибыли, называется Sotinen. Нѣкоторые другіе эпизоды вышеприведеннаго разказа стоятъ въ литературной связи съ арабскимъ евангеліемъ de infantia; такъ, тамъ въ гл. XIII говорится о шайкѣ разбойниковъ, испуганной приближеніемъ Христа; въ главахъ XVII и XVIII о двухъ исцѣленіяхъ отъ проказы водою, въ которой купали Христа; въ главѣ XXIII говорится о двухъ разбойникахъ, изъ которыхъ одинъ Титъ почтилъ Христа и защитилъ св. семейство отъ своего товарища Думаха. Но имена разбойниковъ взяты изъ евангелія Никодима, гдѣ увѣровавшій на крестѣ разбойникъ называется Dismas, а его невѣрный товарищъ Gestas (гл. X.). Въ Hist. Iosephi, говорящей о путешествіи въ Египетъ очень кратко, названо имя спутницы Маріи—это Соломея.

Digitized by Google

У Вернера нѣтъ разказа о бѣгствѣ въ Египетъ. Конрадъ слѣдуетъ Pseudom. съ незначительными отмѣнами: такъ, вмѣсто леопардовъ рядомъ съ львами упоминаются wolfe unde bern; прибавлена усиливающая подробность, что звѣри „âzen loup unde gras"; первый египетскій городъ называется Splêne. Но послѣ эпизода о пальмѣ сдѣлана большая вставка — разказъ о двухъ разбойникахъ (безымянныхъ), очень свободно изложенный, судя по французскимъ выраженіямъ, можетъ быть, по какой-нибудь французской редакціи; жена гостепріимнаго разбойника собрала пѣну съ воды, въ которой мыли Христа, и залѣчила ей впослѣдствіи рану своего мужа. Съ легкими же измѣненіями пересказываютъ Псевдоматеея Passional, Philipp и Walther v. Rheinau, при чемъ два послѣдніе увеличиваютъ число чудесъ отчасти своею фантазіей. Во всѣхъ трехъ пересказахъ есть эпизодъ о разбойникахъ, изложенный сходно съ Конрадомъ, но проще чѣмъ у него (A. Schultz, 24). Египетскій городъ у Phil. называется Sotine, въ Pass.—Splien, у Walth.—Splenen. Leg. Aur. со ссылкою на Кассіодора упоминаетъ о лѣкарственномъ деревѣ persidis, въ Гермонолисѣ Ѳиваидскомъ, которое преклонилось передъ Христомъ до земли. Чудо поминается и у Walth. (дерево—персиковое). По Phil. преклоняются идолы, стоявшіе у св. дерева. Въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго замѣтна попытка слить разказъ о деревѣ персея съ чудомъ о пальмѣ; въ персеѣ до тѣхъ поръ обиталъ демонъ (см. ниже).

Чудо объ источникѣ и пальмѣ поминается въ Коранѣ гл. 19, 23. „Болѣзни рожденія привели ее (Марію) къ стволу пальмы. Она сказала: „О, еслибы умерла я прежде сего, и была бы забывшею, забвенною!" Тогда воскликнулъ онъ (Христосъ) изъ-подъ нея: „Не скорби! Господь твой произвелъ подъ тобою потокъ; потряси, который надъ тобою, стволъ пальмы, и къ тебѣ упадутъ свѣжіе зрѣлые финики". Переводъ Саблукова. Казань 1877, стр. 258)).

У самаго города стояло дерево, на которомъ жили демоны; дерево преклонилось передъ Христомъ, а демоны улетѣли прочь. Христосъ благословилъ дерево и повелѣлъ ему быть лѣкарственнымъ (въ изданіи дерево называется Persegero).

Оттуда св. семейство приходитъ въ Нинивію, городъ столичный (изд. citade reale, въ ркп. испорчено: a ninive la zitade de Galilea). Слѣдуетъ описаніе обширности города. Не находя пріюта, Марія съ ребенкомъ отправилась ночевать въ языческій храмъ; всѣ идолы не только въ этомъ храмѣ, но и по всему городу—ихъ было числомъ 350,—попадали съ мѣстъ своихъ и разбились въ дребезги. На вопросъ жре-

цовъ сами боги языческіе свидѣтельствовали славу Христа. Приходитъ властитель Египта Афрондозій (Afrondoxio) и поклоняется Іисусу, ссылаясь на примѣръ погибшаго за невѣріе Фараона, на свидѣтельство маговъ, которые проходили черезъ Египетъ, на пророка Іеремію, на Валаама и на Сивиллу, говорившую о Христѣ императору Римскому. Іосифъ разказываетъ всѣмъ о чудномъ происхожденіи мальчика. По повелѣнію Афрондозія св. семейству отвели великолѣпный домъ, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ.

(Pseudomatth.: чудо случилось въ городѣ Sotinen; 355 идоловъ по числу дней въ году стояли въ храмѣ; Aphrodisius поклонился младенцу, ссылаясь на очевидную слабость своихъ боговъ и на примѣръ Фараона; нѣтъ указанія на маговъ и не сказано о домѣ. De inf. arab. гл. X говоритъ о паденіи одного главнаго идола. У Конрада идоловъ 340; остальное по Pseudomatth. Leg. Aur. X... nec tunc fuit templum, in quo non corruisset ydolum. У Phil. находимъ прибавки къ Pseudomatth., согласныя съ италіанскимъ текстомъ: герцогъ Ефродизій ссылается на свидѣтельство трехъ маговъ; по его повелѣнію св. семейство получаетъ жилище и содержаніе. То же въ Pass. и у Walth. (A. Schultz, 25). По Минеямъ Димитрія Ростовскаго въ селеніи Сиренъ сокрушилось 365 идоловъ).

Семь лѣтъ пробыло св. семейство въ Египтѣ; Марія зарабатывала деньги шитьемъ, а Іосифъ—своимъ плотничьимъ мастерствомъ; кромѣ того, онъ купилъ землю, обработывалъ ее своими руками и тѣмъ кормилъ свою семью (e cossi nutricavano la sua vita in quelli sette anni povermente. Гдѣ же великолѣпный домъ и полное содержаніе? Очевидно, передъ нами составная редакція). Христосъ былъ во всемъ послушенъ своему пріемному отцу и матери и для послѣдней носилъ воду. Въ Египтѣ совершилъ два чуда: разъ одного мальчика укусила змѣя; онъ призвалъ имя Іисуса, и тотчасъ исцѣлился. Другой разъ Іосифъ привелъ обѣдать нѣсколькихъ товарищей, а провизіи было очень мало; Іисусъ чудеснымъ образомъ умножилъ ее, и хлѣбъ, такимъ образомъ произведенный, оказался необыкновенно вкуснымъ. Марію Египтяне называли богиней, а Іисуса—сыномъ Божіимъ. Товарищи игръ поставили его надъ собою царемъ и надѣли на него корону. Когда, черезъ семь лѣтъ, ангелъ велѣлъ Іосифу возвратиться въ отечество, всѣ Египтяне оплакивали ихъ и благодарили за честь, имъ оказанную. Многіе велѣли изобразить Марію съ младенцемъ на рукахъ и сцену разрушенія идоловъ. Марія съ сыномъ и Іосифомъ

Digitized by Google

отправились жить въ Назаретъ. Прибывъ туда, Марія узнала, что отецъ ея умеръ, а мать вышла замужъ за другаго.

(У Pseudomatth. нѣтъ никакихъ подробностей о пребываніи св. семейства въ Египтѣ, кромѣ вышеуказанныхъ; уже на четвертомъ году возраста Іосифъ живетъ въ Галилеѣ (гл. XXVI). Въ Hist. Iosephi св. семейство оставалось въ Египтѣ одинъ годъ. Въ латинскомъ евангеліи св. Ѳомы разказываются чудеса Христа въ Египтѣ, но совсѣмъ иныя (одно изъ нихъ—объ оживленной сухой рыбѣ – сближаетъ съ Христомъ знаменитаго Хызра-Кедера; см. мою книгу: Св. Георгій, стр. 102). De infantia arab., гл. 25, указываетъ, что Христосъ творилъ въ Египтѣ многія чудеса, здѣсь не описанныя; та же глава точно опредѣляетъ время пребыванія въ Египтѣ тремя годами. Въ главахъ 42-й и 43-й говорится (двукратно) объ излѣченіи Іисусомъ укушеннаго змѣей и о томъ, какъ онъ въ игрѣ былъ выбранъ въ цари, но это происходитъ уже въ Назаретѣ. У Конрада чудесъ въ Египтѣ нѣтъ, и время пребыванія тамъ св. семейства не опредѣлено, но есть такая прибавка: Когда собралась Марія съ ребенкомъ и Іосифомъ уходить, Египтяне „begunden harte sêre klagen“; они недоумѣвали, въ какой вѣрѣ жить имъ, такъ какъ ихъ старые боги погибли; Іосифъ научилъ ихъ правой вѣрѣ. Затѣмъ слѣдуетъ длинное отступленіе — о пѣнѣ съ ванны Христа и пріемѣ, какой оказалъ разбойникъ Маріи и ея спутникамъ на обратномъ пути. Филиппъ слѣдуетъ родственному источнику: св. семейство остается въ Египтѣ семь лѣтъ; Марія въ это время занимается шитьемъ и приготовляетъ сыну нешвенный хитонъ; Христосъ излѣчиваетъ одному мальчику сломанную ногу. Но всего ближе къ италіанской редакціи источникъ Вальтера v. Rheinau: у него Христосъ творитъ чудеса; его считаютъ сыномъ Юпитера, а Марію богиней; по удаленіи ихъ, изображеніе Маріи съ младенцемъ ставятъ въ храмѣ).

По возвращеніи въ Назаретъ, Марія узнала о смерти отца и о вторичномъ замужествѣ матери. Христу тогда было шесть лѣтъ (итал. изданіе: E era Iesus alhora secundo la scriptura de etade circa de octo anni).

Такъ какъ въ послѣдующихъ главахъ Дѣва Марія не является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, я ограничусь перечисленіемъ эпизодовъ.

Мальчики Назарета, подобно египетскимъ (come haveano facto quelli de Egypto), выбираютъ его въ играхъ царемъ (ср. De infant. arab. XLI). Разъ мальчики разбили у него кувшинъ; онъ налилъ воду въ подолъ и понесъ ее домой. Товарищи захотѣли подражать ему и

Digitized by Google

сдѣлали то же, но вода протекла черезъ ихъ платье. Видя горе мальчиковъ, Іисусъ словомъ изцѣлилъ ихъ кувшины.

(Pseudomatth. XXXIII; тоже De infantia ar. XLV; св. Ѳомы XI; ни въ одномъ апокрифѣ не говорится о несчастной попыткѣ товарищей подражать Іисусу; это—осложненіе посредствомъ извѣстнаго сказочнаго мотива. Съ тѣмъ же осложненіемъ разказано чудо у Конрада v. Fussesbrunen, стр. 2616 и слѣд.).

Одного мальчика сбросили съ высоты; всѣ разбѣжались. Обвинили въ убійствѣ Іисуса. Когда мертвеца принесли въ храмъ, Іисусъ велѣлъ ему сказать, виновенъ-ли онъ, Іисусъ, въ его смерти; въ награду за то, что мертвецъ сказалъ правду, Христосъ воскресилъ его (Pseudomatth. XXXII; ср. De inf. ar. XLIV; еванг. Ѳомы гл. IX).

Работникъ Іосифа испортилъ одну работу, слишкомъ укоротилъ кусокъ дерева; Іисусъ, взявши кусокъ за одинъ конецъ, велѣлъ работнику тянуть за другой, и дерево вытянулось до надлежащей длины (Pseudomatth. XXXVI; ср. De inf. ar. XXXVIII и XXXIX и еванг. Ѳомы XIII).

Іисуса отвели учиться въ школу, но онъ доказалъ учителю, что знаетъ несравненно больше его (Pseudomatth. XXX, XXXI, XXXVII и XXXIX; ср. De inf. ar. XLVIII и XLIX; еванг. Ѳомы гл. VI, VII, VIII, а также XIV и XV).

Разъ въ субботу, играя съ дѣтьми на берегу озера, Христосъ предложилъ ловить рыбу; дѣти прокопали каналъ, въ который и кинулась рыба. Это увидалъ одинъ Іудей, сталъ бранить Іисуса за нарушеніе субботняго покоя и разрушилъ труды дѣтей. По слову Христа онъ упалъ мертвымъ. Въ городѣ началось волненіе. По просьбѣ матери, Христосъ воскресилъ мертвеца и тотъ покаялся въ винѣ своей.

(Pseudomatth. XXVI: Іисусъ съ дѣтьми играетъ на берегу Іордана и отводитъ воду каналами; одинъ изъ дѣтей разрушаетъ его работу; Іисусъ словомъ убиваетъ его, потомъ воскрешаетъ по просьбѣ Дѣвы Маріи; о раскаяніи воскресшаго не говорится. Въ De inf. ar. XLVI это чудо соединено съ чудомъ о 12 воробьяхъ; Іудей-взрослый (сынъ Ананіи) бранитъ Іисуса за нарушеніе субботняго покоя; нѣтъ ничего о негодованіи народа, о просьбѣ Маріи и воскресеніи мертвеца. Въ евангеліи Ѳомы то же соединеніе съ чудомъ о 12 воробьяхъ. Роль Іудея разбита на двухъ—безымянный Іудей (гл. II) и сынъ писца Анны (III). Разказъ Конрада близокъ къ италіанскому, но ничего не знаетъ о раскаяніи мертвеца (см. стихи 2699—2812)).

Умеръ въ городѣ одинъ пріятель Іосифа; видя печаль своего вос-

Digitized by Google

питателя, Іисусъ велитъ ему воскресить мертваго своимъ именемъ (Pseudomatth. XL). Въ одну субботу Іисусъ сдѣлалъ семь птицъ изъ глины; одинъ Іудей выбранилъ его и хотѣлъ испортить его работу; Іисусъ хлопнулъ руками, крикнулъ на птицъ; онѣ ожили и разлетѣлись въ разныя стороны.

(Въ Pseudomatth. XXVII говорится о 12 воробьяхъ; то же число и въ другихъ апокрифахъ; но у Конрада v. Fussesbrunnen, 2920: er machte siben vogelin).

По близости отъ города была пещера, въ которой жили львы; Іисусъ отправился къ нимъ и привелъ ихъ съ собою; видя испугъ жителей, онъ велѣлъ звѣрямъ возвратиться въ ихъ жилища (Pseudomatth. XXXV и XXXVI).

Со ссылкой на Евангеліе отъ Луки разказывается о пребываніи 12-лѣтняго Іисуса въ храмѣ Іерусалимскомъ. Юношей Іисусъ часто уходилъ молиться въ храмъ и въ пустыню, гдѣ его утѣшалъ и кормилъ ангелъ Господень.

Въ этомъ мѣстѣ рукопись значительно полнѣе, чѣмъ печатное изданіе: въ ней слѣдуетъ цѣлый рядъ главъ съ многократными ссылками на Іоанна Златоуста о красотѣ каждой отдѣльной части и всего тѣла Іисуса Христа, о его безболѣзненности, благоуханіи и пр.

Со ссылкой на св. Германа разказывается, какъ Іисусъ Христосъ велѣлъ льву возвратить пастуху похищеннаго ребенка, излѣчилъ охотника, укушеннаго змѣей, и исцѣлилъ одного человѣка, которому во время сна заползъ въ ротъ un leguro (ниже: liguro) [1]).

Въ изданіи эта часть (34 главы) рѣзко отдѣлена отъ второй, 37 главъ которой излагаютъ по евангелистамъ земную жизнь Спасителя съ нѣкоторыми апокрифическими вставками (переписка Христа съ Авгаромъ и излѣченіе послѣдняго, исторія Вероники, по Никодимову евангелію разказъ воскрешенныхъ о томъ, что̀ было въ аду во время сошествія туда Христа, донесеніе Пилата императору Клавдію и пр.). Дѣвы Маріи непосредственно касается глава, обозначенная въ рукописи (л. 110) такимъ образомъ: Del priego che fexe la nostra dona verzene Maria al suo dolzissino fiolo misier Y. X.: „Когда душа моя выйдетъ изъ тѣла", проситъ Мадонна,—„ты, сынъ мой сладчайшій, дол-

---

[1]) Въ этомъ пунктѣ источникъ италіанскаго текста въ литературной связи съ источникомъ Филиппа; я не имѣю подъ руками текста, но сужу по изложенію Гёдеке (Deutsche Dicht. im Mitt 129—130): (Jesus) ist mit Iohannes in der wüste; seine gestalt. Maria unterredet sich mit im; er verkündet ir wie er sterben und auferstehen, bei seinen jüngern 40 tage verweilen (см. ниже) etc.

женъ придти съ твоими святыми избранными ангелами, чтобы принять ее въ свои святыя руки". (Въ печатномъ изданіи Богоматерь еще присоединяетъ просьбу, чтобъ она заранѣе, за три дня, узнала о времени своей смерти). Христосъ обѣщаетъ ей, что ангелъ будетъ сопутствовать ей во все продолженіе ея жизни, говоритъ ей о своемъ страданіи и о вознесеніи черезъ 40 дней (см. изложеніе Филиппа у Гёдеке) и о ниспосланіи на апостоловъ Св. Духа. „Когда душа твоя отдѣлится отъ тѣла, я сойду съ неба на землю съ моими ангелами и архангелами, со всѣмъ небеснымъ воинствомъ, съ моими учениками (sic); я приму твою душу и отнесу ее на небо, въ рай, и она никогда не почувствуетъ никакого смятенія и утѣсненія, но всегда пребудетъ во славѣ и веселіи". Марія въ благодарность цѣлуетъ его ноги.

Въ изложеніи страстей Христовыхъ встрѣчаются нѣкоторыя довольно любопытныя подробности апокрифическаго происхожденія. Между прочимъ, на судѣ Іисуса обвиняютъ въ томъ, что онъ bastardo, что изъ-за него убили 40,000 младенцевъ (см. Еванг. Никодима, гл. II). Въ моментъ крестной смерти Христа совершается много страшныхъ знаменій; въ городѣ Тирѣ является страшная змѣя; разрушились пять городовъ, гдѣ жили содомиты, и проч. Не безынтересно для исторіи искусства объясненіе поздней сравнительно католической формы для положенія ногъ при распятіи: поднятый на крестъ, I. Chr. benedetto mise luno zenochio sopra laltro per occultare la humana vergogna perzo che ello era tuttó nudo. E quelli perfidi Iudei voleano conficare luno pede de longo da laltro per piu desprexio ma non posseano per la virtu de la divina possanza. Unde non potendo fare altro elli conveneno fichare e chiavare luno pede sul altro cum uno solo chiodo e qui si compi lo modo come I. Chr. fu crucificato e levato suso". Въ тѣ же страсти введенъ длинный „плачъ" Богоматери, въ нѣсколько пріемовъ; отдѣльно излагается „плачъ" Магдалины, „плачъ" ея сестеръ и „плачъ" Марѳы.

(По Вальтеру v. Rheinau (A. Schultz, 27) Марія въ Виѳаніи узнала объ осужденіи Христа; она поспѣшила въ судилище съ Маріей Клеоповой, Марѳой и другими женщинами; по дорогѣ къ нимъ присоединилась Марія Магдалина; прежде нежели онѣ достигли дома Пилатова, имъ встрѣтился Христосъ, несущій крестъ. Марія лишилась чувствъ, но, придя въ себя, поспѣшила за сыномъ и нѣжно обняла его; Христосъ утѣшалъ ее. После этого она послѣдовала за процессіей на Голгоѳу. Тамъ, когда Христа раздѣли, она черезъ

Digitized by Google

Марію Магдалину дала одному изъ исполнителей казни кусокъ ткани, чтобъ обвить бедра Христа. Не будучи въ состояніи достать до Христа, она прикладывала щеку къ кресту и лобызала стекавшую внизъ кровь. Она присутствовала при снятіи со креста тѣла Спасителя и цѣловала его раны, присутствовала и при положеніи Христа во гробъ).

Первой по воскресеніи Христосъ явился Богоматери [1]), его 12-ое и послѣднее передъ вознесеніемъ явленіе было тоже къ ней. При сошествіи Св. Духа, Богоматерь была вмѣстѣ съ апостолами [2]).

Житіе Богородицы послѣ сошествія Св. Духа и описаніе ея кончины и вознесенія въ печатномъ изданіе составляютъ 3-ю книгу въ 11 главъ; рукопись не имѣетъ раздѣленія на книги.

Дѣва Марія осталась послѣ удаленія апостоловъ въ Іерусалимѣ, въ домѣ Симеона Справедливаго. Пищу она по прежнему получала съ неба въ 9-мъ часу дня. Ея льняныя и шерстяныя одежды были всегда чисты и никогда не рвались; сверхъ нихъ она носила мантію, на подобіе монашеской, и на головѣ покрывало (по Вальтеру она носитъ на головѣ бѣлое покрывало, и поверхъ его другое, спадавшее до глазъ). Она всегда была занята или работой, или молитвой. Она творила многія чудеса, исцѣляла больныхъ и воскрешала мертвыхъ. Такъ воскресила она единственнаго сына вдовы, дочь одного христіанина, роженицу, только что родившую двойни, возвратила родителямъ ребенка, похищеннаго львомъ; помянувъ по совѣту христіанина ея имя и имя Христа, трое невинныхъ колодниковъ освободились отъ узъ; женщина, обвиненная въ прелюбодѣяніи, призвала ея имя, и обвинители онѣмѣли. Воръ, ожидавшій въ тюрьмѣ казни, призвавъ ея имя, былъ чудесно освобожденъ.

---

[1]) Объ этомъ говоритъ не только Passional и Вальтеръ, но и Зухенвиртъ, 641 (o. c.):

etlich lerer wellent daz
(daz gelaub ich sunder haz)
daz Christ nach der urstend erschain
von ersten sainer muoter rain,
di truog den grozsten smertzen
klegelich in iren hertzen.

Leg. Aur. LIV (o. c.): «ante ceteros Virgini Mariae apparuisse creditur, licet hoc ab evangelistis taceatur.

[2]) То же у Зухенвирта. По Минеямъ Димитрія Ростовскаго Св. Духъ прежде всего опочилъ на ней.

Digitized by Google

Къ ней приходилъ Лука, разспрашивалъ ее о Христѣ и по ея разказамъ написалъ свое Евангеліе. Навѣстилъ ее также Павелъ съ учениками. (У Вальтера ап. Павелъ приходитъ къ ней съ Варнавой). Св. Игнатій, ученикъ Іоанна, написалъ ей письмо, на которое она отвѣтила подтвержденіемъ того, что̀ Игнатій слышалъ объ ея сынѣ.

24 года прожила Богоматерь послѣ вознесенія Христа (со ссылкою на св. Епифанія здѣсь вычисляются всѣ года жизни Богородицы такимъ образомъ: дома прожила она 7 лѣтъ, въ храмѣ 7 лѣтъ, на 15-мъ году зачала она (у Вальтера на 16-мъ), 1 годъ прожила она въ Виѳлеемѣ, въ Египтѣ 7 лѣтъ, въ Назаретѣ 22 года, 3 года слѣдовала за сыномъ; слѣдовательно всего она прожила 72 года. То же и Leg. Aur. По Пассіоналю и Зухенвирту (Schultz 30) она пережила Христа на 12 лѣтъ), служа живымъ свидѣтельствомъ истинности его ученія. Когда настало время, когда Іисусъ Христосъ захотѣлъ принять свою возлюбленную матерь въ небесное царство, онъ послалъ къ ней своего ангела, который возвѣстилъ ей, что жизнь ея окончится въ концѣ 3-го дня, что Христосъ соберетъ къ ней всѣхъ своихъ учениковъ и придетъ самъ, чтобы принять ея душу. „Потомъ на третій день онъ соединитъ твою душу съ тѣломъ и отведетъ тебя въ святой рай на нескончаемую славу" [1]).

Въ ознаменованіе правдивости словъ своихъ, посланникъ Божій вручилъ ей одежду, сработанную руками ангеловъ, и пальму (въ знакъ дѣвства), которая должна была охранять ея тѣло отъ рукъ Іудеевъ. Богоматерь собираетъ своихъ друзей и родственниковъ и своихъ постоянныхъ сожительницъ, пять дѣвъ: Symphora, Abigea, Solome, Tabita (рп. Chapite) и Abel, и объявляетъ имъ о приближеніи разлуки. Всѣ плачутъ, жалѣя не о ней, а о себѣ. Плачетъ съ ними и Марія „per compassione".

(У Конрада v. Heimsfurt (первой половины XIII в.) ангелъ, посланный къ Маріи,—тотъ же Гавріилъ; онъ даетъ Маріи пальму и бѣлую одежду. Марія сама изъявляетъ желаніе видѣть апостоловъ, въ особенности же Іоанна (A. Schultz, 30; ср. Goedeke, M. A., 117 и слѣд.). Пальму и шелковое платье знаютъ и Passional, и Филиппъ. Въ Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго нѣтъ одежды; Марія сама молитъ о явленіи апостоловъ; во время ея послѣдней молитвы, на горѣ Элеонской, пальмы наклоняютъ верхи свои долу).

---

[1]) Poi lo terzo dí drieto ello conzunzera la tua anima cum lo corpo e condura te in lo sancto paradiso a quella gloria la qual non avera mai fine.

Digitized by Google

Въ 9-мъ часу того же дня начался громъ и дождь, и вдругъ явилось облако, принесшее изъ Эфеса Іоанна Евангелиста и поставившее его передъ дверьми Богородицы. Такимъ же образомъ были принесены Петръ, Павелъ и другіе ученики Христа. На вопросъ ихъ, зачѣмъ это случилось? Марія объяснила имъ, что Іисусъ Христосъ еще до страстей обѣщалъ ей собрать ихъ въ часъ ея кончины, которая наступитъ черезъ два дня; она приглашаетъ ихъ бодрствовать и молиться вмѣстѣ съ нею.

(Въ нѣмецкихъ версіяхъ являются на облакѣ именно 12 апостоловъ (въ италіанскомъ текстѣ между прочимъ Marceliano, Maximiano cum molti altri discipuli convertiti); у Конрада, Филиппа и Вальтера v. Rheinau между ними является Христосъ и обѣщаетъ придти на третій день.

Кромѣ того, у Конрада собравшіеся апостолы побуждаютъ Павла узнать, зачѣмъ они собраны; ему это легче:

daz diu jungisten kint
dem vater aller liebist sint.

Причину собранія объясняетъ имъ Іоаннъ.

Въ Минеяхъ Димитрія Ростовскаго Богоматерь завѣщаетъ отдать ея одежды двумъ бѣднымъ вдовицамъ и погребсти ее въ Геѳсиманіи; Іоаннъ является къ ней естественнымъ путемъ и встрѣчаетъ остальныхъ, принесенныхъ облакомъ. Подробнѣе перечисляются прибывшіе христіане).

Вымывъ свое святое тѣло и надѣвъ ангельское одѣяніе, Марія взяла въ руки пальмовую вѣтвь и взошла на свой одръ, ожидая своего Сына. Съ пятницы до ночи воскресенья она читала псалмы и молилась, и вокругъ ея одра молились апостолы.

Въ назначенное время въ покой Маріи явился Христосъ съ своими ангелами и архангелами; его сопровождало такое благоуханіе и такой сильный свѣтъ, что апостолы и другія лица пали какъ мертвые и оставались въ такомъ положеніи полтора часа. Богоматерь привѣтствуетъ сына и благодаритъ его за исполненіе ея желанія.

Христосъ приглашаетъ ее раздѣлить его царство; послѣ этого онъ принялъ въ свои руки ея душу, которая и была помѣщена одесную Бога Отца. Это произошло въ воскресенье въ полночь.

(По Золотой Легендѣ и Пассіоналю Христосъ, явившійся въ сопровожденіи пророковъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и святыхъ дѣвъ, привѣтствуетъ апостоловъ, которые одни только бодрствовали изъ всего собравшагося народа; по Пассіоналю, кромѣ того, три дѣвы держали

Digitized by Google

свѣчи у одра Богоматери. По Конраду, Христосъ является въ бѣлой одеждѣ, Марія падаетъ къ его ногамъ. Душу ея относитъ архангелъ Михаилъ.

По Минеямъ Дмитрія Ростовскаго, разверзается потолокъ покоя; апостолы видятъ, какъ небесныя силы сопровождаютъ душу Богоматери въ горняя).

Архангелъ Михаилъ повелѣваетъ апостоламъ отнести тѣло Богоматери въ Іосафатову долину. Во время шествія впереди тѣла идетъ Іоаннъ съ пальмою въ рукѣ. По дорогѣ Жиды хотѣли броситься и захватить его, но волею Спасителя они всѣ перебѣсились и перебили другъ друга. Уже въ самой долинѣ процессію встрѣтилъ Жидъ Рубенъ, писецъ первосвященника, и ухватился за гробъ. Рука его немедленно приросла къ гробу, такъ что онъ не могъ двинуться съ мѣста. Умоляя апостола Петра освободить его, Рубенъ поминаетъ про его отреченіе. Петръ требуетъ, чтобъ онъ увѣровалъ во Христа. Согласившись на это, Рубенъ освобождаетъ руку и сейчасъ же принимаетъ крещеніе. Петръ даетъ ему вѣтку пальмы и обѣщаетъ, что ею онъ Рубенъ будетъ излѣчивать всякіе недуги.

(У Конрада повелѣніе похоронить тѣло отдаетъ самъ Христосъ; онъ обѣщаетъ придти на третій день. Тѣло Богородицы кладутъ на роскошный катафалкъ. Во время процессіи апостолы поютъ гимнъ: in exitu Israhel de Egypto; ангелы держатъ надъ катафалкомъ корону, Жиды спѣшатъ, подъ предводительствомъ своего епископа, помѣшать погребенію; святотатственныя руки епископа приростаютъ къ катафалку (у Филиппа и Вальтера это простой Жидъ, его руки высыхаютъ), а его товарищи заболѣваютъ; его судьба, какъ въ италіанскомъ текстѣ; пальмой онъ сейчасъ же излѣчиваетъ своихъ товарищей, кромѣ пяти человѣкъ, которые за невѣріе наказаны смертію. У Филиппа и Вальтера епископъ поминаетъ Петру, что онъ его спасъ, когда Малху было отрублено ухо. Въ Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго тотъ же гимнъ; вокругъ тѣла является обширный облачный кругъ на подобіе вѣнца; этотъ кругъ охраняетъ процессію отъ Іудеевъ, которые, сверхъ того, поражены слѣпотою. Вмѣсто Рубена является Аѳоній; руки его отрублены невидимо мечемъ ангела. Нѣтъ его упрековъ Петру).

Когда апостолы погребали тѣло, густое бѣлое облако закрыло ихъ со всѣхъ сторонъ. Окончивъ погребеніе, апостолы остались тутъ же, ожидая дня. Въ этотъ день въ необычайномъ сіяніи спустился на землю Христосъ съ ангелами; архангелъ Михаилъ отвалилъ камень,

Digitized by Google

Христосъ соединилъ душу пречистой своей матери съ тѣломъ и поручилъ ее (ricomandò la) Михаилу архангелу, Михаилъ принялъ ее въ свои руки и отнесъ на небо въ сопровожденіи ея Сына и большаго числа ангеловъ, съ пѣснями сладчайшими, инструментами пріятнѣйшими и благоуханіями драгоцѣннѣйшими.

(По Конраду явившійся Христосъ спрашиваетъ мнѣнія апостоловъ, какъ ему почтить свою мать; Петръ даетъ совѣтъ вознести ее на небо; тогда Христосъ велитъ отвалить камень отъ гроба, вновь соединяетъ тѣло съ душой и обѣщаетъ воскрешенной вѣчную жизнь: Богоматерь благодаритъ его. Небесныя силы встрѣчаютъ возносящуюся эпиталаміей. По Mar. Himmelfahrt (A. Schultz, 32) душу Богоматери приноситъ обратно къ тѣлу архангелъ Гавріилъ.

По Филиппу, вознесеніе апостоловъ совершилось во время сна апостоловъ, и они не знали о немъ. Только при такой редакціи является осмысленнымъ эпизодъ съ Өомою; италіанскій текстъ въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, представляетъ неумѣло слитую редакцію).

Въ это время апостолъ Өома былъ въ Индіи и служилъ обѣдню. Духъ Божій внезапно вознесъ его на гору Ольвіетъ, съ которой онъ и видѣлъ вознесеніе Богородицы. Когда она проносилась мимо него, онъ умолилъ ее дать ему знаменіе, чтобы христіане не отнеслись къ его разказу съ недовѣріемъ; Богородица бросила ему свой поясъ. Послѣ этого Өома спустился въ Іосафатову долину и нашелъ тамъ остальныхъ апостоловъ, еще пребывающихъ въ смущеніи отъ небеснаго блеска. Они упрекнули Өому прежнимъ невѣріемъ, за которое онъ не удостоился погребать пречистое тѣло Богоматери. Өома отвѣчалъ, что онъ и теперь не вѣритъ, что тѣло покоится въ гробѣ. Чтобы убѣдить его, открыли гробъ, но тѣла не оказалось тамъ. Тогда Өома разказалъ, что онъ видѣлъ, и показалъ имъ поясъ. Счастливый видѣніемъ и свиданіемъ съ соучениками, Өома выразилъ мысль, что ничего не можетъ быть лучше совмѣстнаго житья братій (и что добро и что красно и пр.), какъ внезапно появившееся облако подхватило апостоловъ и разнесло ихъ на прежнія мѣста.

(По Конраду, гробъ для Өомы не открываютъ, и онъ прямо разказываетъ товарищамъ видѣніе и показываетъ поясъ. По Leg. Aur. и Пассіоналю, одинъ изъ апостоловъ, не бывшій при успеніи и вознесеніи, проситъ открыть для него гробъ, чтобъ убѣдиться въ послѣднемъ.

По Минеямъ Дмитрія Ростовскаго, вознесеніе Богородицы про-

Digitized by Google

изошло невидимо, и апостолы о немъ не знали. Ѳома приходитъ въ Геѳсиманію; апостолы открываютъ гробъ для него, чтобъ онъ могъ дать послѣднее цѣлованіе; гробъ оказывается пустымъ, въ немъ только лежатъ погребальныя пелены. Въ тотъ же день вечеромъ, когда апостолы сидѣли за братскою трапезой, имъ явилась на воздухѣ Богородица, окруженная силами небесными, и привѣтствовала ихъ).

По словамъ св. Ѳеофила, Богородица вознося́сь, прошла три неба— воздушное, эѳирное и звѣздное, гдѣ находятся солнце и луна, и послѣднія были затемнены ея блескомъ. Когда она достигла неба господняго, ее встрѣтили девять чиновъ ангельскихъ и патріархи. Ее привѣтствуютъ Адамъ, Ной, Авраамъ, Яковъ, Моисей, Давидъ, нѣкоторые пророки; Іоакимъ и Анна радуются, видя ее превыше всѣхъ святыхъ, Іосифъ величается ея честію; послѣднимъ привѣтствуетъ ее первомученикъ Стефанъ, молящій о дозволеніи быть свидѣтелемъ ея коронованія. Господь Богъ изъявляетъ намѣреніе вѣнчать ее вѣнцомъ небеснымъ.

Этимъ кончается печатное изданіе; въ рукописи прибавлены три риторическія небольшія главы:

Como lo fiolo de dio receve la soa mare verzene Maria in vita eterna.

Como lo spirito santo receve la nostra dona verzene Maria.

Como la santa ternitade receve la nostra dona verzene Maria.

Въ краткомъ заключеніи призывается благословеніе на читателей книги.

Съ италіанскимъ текстомъ стоитъ въ несомнѣнной генетической связи латинская риѳмованная поэма, сочиненная по крайней мѣрѣ на три столѣтія раньше.

Я пользовался ею по рукописи Вѣнской библіотеки № 874 in 8°, писанной на пергаментѣ въ XIII столѣтіи. Къ сожалѣнію, рукопись представляетъ не совсѣмъ полный и плохой списокъ; къ тому же я не имѣлъ времени списать ее цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ, большими отрывками; я надѣялся найдти лучшій списокъ въ Италіи, но обманулся въ этомъ; когда же я на обратномъ пути проѣзжалъ черезъ Вѣну, библіотека была закрыта.

Начало поэмы утрачено. Первые стихи читаются такъ:

Nomen hujus Ioachim fuit et habebat
Conjugem ut sanctitatem suam conferebat;
Non fuit dissimilis moribus et vita
Conjux viro, sicut erat obtemperans et ita
Deo semper faciebat ut vidit facientem

Digitized by Google

Virum ejus (sic), mundum tenens cor, animan et mentem.
Hujus nomen Anna erat de tribu Iuda nata
Et de stirpe regia David propagata.

Жрецъ, прогнавшій Іоакима, называется Isachar. Какъ Іоакиму, такъ и Аннѣ, рожденіе Маріи предсказывается per angelum Raphahelem. Обстоятельно изложены кантики, которыя воспѣли родители Маріи послѣ совершенія счастливаго событія. Въ день, когда родилась ista sancta.

Super terram claritas solis fulsit tanta.

In duplo plus quam solito sol luxit in hac die.

Nativitatem nuncians puellae (virginis?) Mariae. Въ эту же ночь и луна свѣтила ярче обыкновеннаго.

Въ храмъ Марія отправлена семи лѣтъ. Глава на л. 19 озаглавлена: Quod pontifices et sacerdotes mandaverunt, quod virgines aetate jam nubiles traderentur nuptiis. Л. 23: Quod Ioseph venit ad templum et quod ejus virga fronduit et floruit et spiritus sanctus in ea resedit. 1-я книга оканчивается на листѣ 27ª благовѣщеніемъ у колодца. Путешествіе въ Виѳлеемъ описывается такимъ образомъ:

Sed (Sic?) cum dei filii tempus jam nascendi
Venerat et virginis hora pariendi
Et erat in Betlehem Ioseph cum Maria
Ubi Christus nascitur testante profecia,
Ioseph secum asinum bovemque ducebat
Virgo nam in asino gravida sedebat,
Vendere disposuit aliud jumentum
Ad habendum in expensas et ejus alimentum.

И такъ, латинская поэма во всѣхъ вышеприведенныхъ пунктахъ совпадаетъ съ венеціанскою рукописью, при чемъ послѣдняя представляетъ текстъ распространенный и осложненный; особенно рѣзко выступаетъ это совпаденіе въ концѣ поэмы, гдѣ излагаются привѣтствія Бога Отца и Св. Духа, встрѣчающихъ Марію, чего, какъ мы видѣли, нѣтъ даже въ печатномъ изданіи 1472 года. Это обстоятельство не исключаетъ, однако, возможности нѣкоторыхъ отмѣнъ; такъ, напримѣръ, бабки, бывшія при рожденіи Христа, называются Rachel и Salome, какъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ перезказахъ, а не Zolome и Salome, какъ въ италіанскомъ.

Перехожу къ видѣннымъ мною, и сколько мнѣ извѣстно, не описаннымъ миніатюрамъ. Такъ какъ я пока не имѣю возможности представить болѣе или менѣе полный очеркъ житія Богородицы по изображеніямъ, хотя бы даже въ предѣлахъ среднихъ вѣковъ, то по-

Digitized by Google

позволяю себѣ отослать читателей къ вышеуказанному 2-му отдѣлу брошюры Альвина Шульца, а собранный мною матеріалъ предложу въ хронологическомъ порядкѣ рукописей.

Въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи находится греческое Четвероевангеліе IX вѣка, замѣчательно роскошно написанное; календарь, предшествующій тексту Евангелія, заключенный въ обычныхъ византійскому стилю сводахъ, представляетъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ византійской орнаментики. Въ самомъ Евангеліи всего 4 листа изображеній—4 евангелиста; каждый евангелистъ сидитъ между колоннами, а въ сводѣ надъ нимъ изображена евангельская сцена. На л. 12 при св. Матеѣ изображено Рождество Христово въ такомъ видѣ: ясно видна пещера въ разрѣзъ; въ ней въ голубой перевитой пеленкѣ, въ ясляхъ лежитъ Іисусъ Христосъ; въ его помѣщеніе свѣсили головы быкъ и оселъ, оба бѣлые. Надъ пещерою звѣзда; отъ нея идутъ два пучка лучей, одинъ къ небу, другой на голову младенца. Съ двухъ сторонъ отъ звѣзды за пещерой стоятъ два ангела; ближе къ зрителю (по неумѣнію художника вышло такъ, будто сбоку отъ пещеры) полулежитъ Богородица. На первомъ планѣ нѣсколько направо четыре фигуры: младенецъ въ ванночкѣ, въ родѣ купели; что это Христосъ—показываетъ нимбъ съ краснымъ крестомъ; около него двѣ женщины безъ нимбовъ: одна его моетъ, а другая льетъ воду; на право за второй женщиной Іосифъ сидитъ въ задумчивости. На лѣво отъ пещеры три фигуры: юноша и старикъ пастыри и ангелъ; юноша какъ бы охраняетъ и поддерживаетъ старика и бесѣдуетъ съ ангеломъ.

Напомнимъ, что быкъ и оселъ упоминаются изъ старыхъ текстовъ только у Pseudomatth.; съ нимъ же, а не съ Protoev., согласно одновременное присутствіе двухъ бабокъ, поклоненіе пастырей и звѣзда.

При евангелистѣ Лукѣ помѣщено изображеніе благовѣщенія: Марія сидитъ въ зданіи римско-византійскаго стиля на высокомъ креслѣ; изъ-за нея видны концы сѣдалищнаго валика; въ рукахъ у нея красная пряжа (ср. переводъ Protoev. въ Макар. Минеяхъ: вземши порфиру, сѣде на престолѣ своемъ и скааше). Ангелъ съ жезломъ вѣстника въ рукѣ изображенъ въ положеніи спѣшащаго (ср. Rosini, Storia della pittura: Въ пизанскомъ Exultet XI—XII в., расписанномъ греческими мастерами, въ Благовѣщеніи l'angelo aparisce col baculo; la vergine mostrasi intenta a un feminile lavoro. Марія сидитъ, занятая работой, въ большей части раннихъ изображеній. (См. Ro-

Digitized by Google

haut de Fleury, L'Evangile, études iconographiques et archeologiques. T. I, 1874).

Къ XIII вѣку относится Мюнхенская Biblia pauperum (Cod. lat. 23, 426, Cod. cum picturis 72b), представляющая въ нѣкоторыхъ миніатюрахъ любопытныя для того времени реалистическія черты. Такъ, на л. 2 въ сценѣ поклоненія волхвовъ Христосъ, какъ ребенокъ, тянется къ подносимому ему подарку; какъ бы стыдясь его рѣзвости, Марія удерживаетъ его и старается отвлечь его вниманіе яблокомъ.

Къ нашей темѣ изъ остальныхъ миніатюръ этой рукописи относятся:

I. Благовѣщеніе. Марія стоитъ съ пустыми руками, разставивъ ихъ врозь въ знакъ невозможности событія; у Ангела въ рукахъ „слова".

ibid. Рождество Христово: у Христа въ рукахъ яблоко; онъ тянется къ матери, которая держитъ его рукой подъ мышку.

Л. 2b. Бѣгство въ Египетъ: только три главныя фигуры; Іосифъ несетъ на палкѣ бочепокъ.

ibid. Паденіе идоловъ въ Египтѣ: падаетъ одинъ только идолъ съ вершины столба. Христосъ сидитъ на колѣняхъ матери, поднявъ два пальца руки. Іосифъ упалъ на колѣни.

9b. Сошествіе Св. Духа. Не только среди апостоловъ находится Марія (о чемъ, какъ извѣстно, не упоминаютъ Дѣянія), но голубь спускается именно на нее, такъ что клювомъ касается ея нимба, а изъ клюва его идутъ красныя нити на апостоловъ.

ibid. Вѣнчаніе Богоматери: ее коронуетъ одинъ Христосъ.

Передъ вѣнскимъ стихотворнымъ житіемъ Маріи, которое я цитировалъ выше (XIII в. № 874), находятся изображенія Благовѣщенія, Рождества и поклоненія волхвовъ.

Благовѣщеніе. Марія въ коронѣ стоитъ съ книгой въ одной рукѣ, другую положивъ на сердце. Къ ея головѣ спускается голубь, вокругъ головки котораго нимбъ съ греческимъ крестомъ. Передъ нею стоитъ ангелъ; одна рука его поднята въ знакъ того, что онъ говоритъ; другою онъ поддерживаетъ одежду.

Рождество. Марія полулежитъ въ пещерѣ; рядомъ съ нею, нѣсколько повыше, лежитъ младенецъ Христосъ, обернувъ къ ней лицо; она ласкаетъ его, держа подъ подбородокъ. Сбоку сидитъ Іосифъ и спитъ, положивъ голову на руку; на второмъ планѣ видны оселъ и быкъ, занятые ѣдою. Надъ пещерою звѣзда.

Поклоненіе волхвовъ. Марія одною рукою поддерживаетъ стоя-

Digitized by Google

щаго у пей на колѣняхъ Христа; въ другой она держитъ яблоко; одинъ изъ волхвовъ (старикъ) стоитъ на колѣняхъ; другой указываетъ рукою на звѣзду. Внизу находится колѣнопреклоненная юная фигура (пастырь, какъ на саркофагахъ?).

XIV вѣкъ. Вѣнская Biblia pauperum, безъ красокъ in fol. (№ 370).

Л. 2. Рождество. Марія на постели ласкаетъ младенца Христа; въ сторонѣ стоитъ, опершись на посохъ, Іосифъ, какъ будто въ грусти.

Л. 5. Путешествіе въ Египетъ. Іосифъ несетъ на палкѣ боченокъ.

Л. 7. Reversio Christi ex Egypto. Обычныя фигуры: Богоматерь и Христосъ на ослѣ; около идетъ Іосифъ. Но вотъ любопытныя детали: у Іосифа въ рукахъ пальма, а Христосъ подаетъ матери яблоко. Какъ пальму, такъ и яблоко (или плодъ вообще), я могу объяснить только легендой о путешествіи въ Египетъ; смѣшеніе могло произойдти оттого, что одно изображеніе въ вѣкъ большей небрежности разбивалось на два.

Л. 27. При сошествіи Св. Духа нѣтъ Маріи.

На л. 28. Христосъ одинъ вѣнчаетъ Богоматерь.

F. № 1198. Миніатюры по содержанію сходны съ предыдущею рукописью; при сошествіи Св. Духа также нѣтъ Маріи. Но на пути въ Египетъ, кромѣ Іосифа, является при Маріи женская фигура—служанка; при возвращеніи нѣтъ пальмы и яблока. Есть изображеніе успенія Богородицы: она лежитъ на одрѣ, уже закрывши глаза; кругомъ стоятъ апостолы, Христосъ стоитъ тутъ же съ ея увѣнчанною душой на рукахъ.

Мюнхенская Biblia pauperum (Cod. c. pict. 46ь). Въ изображеніи Благовѣщенія Ангелъ является съ жезломъ вѣстника. При Рождествѣ Марія полулежащая касается рукою подбородка Христа. При сошествіи Св. Духа Марія—центральная фигура. Вѣнчаетъ Марію одинъ Христосъ.

Любопытна во многихъ отношеніяхъ вѣнская рукопись XIV в. in fol., носящая названіе: Biblia historica, allegorica, iconologica Veteris Testamenti № 2554, съ французскими надписями.

На л. 27[b] при толкованіи устройства скиніи завѣта сказано: „ce qe li pains fu mis el for par lo commandement deu senefie qe iesu criz fu mis el uentre a la pucele par le commadement del pere del ciel et par annuncement de langle“.

При этомъ находится изображеніе Благовѣщенія въ такой оригинальной формѣ: Архангелъ находится слѣва, протянувъ одну руку впередъ, въ знакъ того, что онъ говоритъ; Богоматерь стоитъ, также

Digitized by Google

поднявъ одну руку; въ другой она держитъ книгу; младенецъ Христосъ, отъ благовѣстія архангела, на половину вошелъ въ ея грудь.

Л. 16. „Рожденіе Моисея прообразуетъ рожденіе Христа; бабка (la ventrière), которая приняла Моисея, означаетъ св. Анастасію (sic), которая приняла Іисуса Христа. Ce qe le pere se dementa, senefie Ioseph qi se dementa qi porroit fere de Iesu Christ".

Л. 24^b. Изображена Дѣва Марія съ предвѣчнымъ младенцемъ; вокругъ ея головы семь бѣлыхъ голубей, клювами къ ней; по надписи это — семь ея добродѣтелей.

Л. 27^b. Изображено принесеніе Христа во храмъ: младенецъ съ рукъ матери прыгаетъ на столъ, за которымъ стоитъ Симеонъ. Сзади стоитъ Іосифъ съ двумя голубями.

Сошествіе Св. Духа изображено дважды (л. 11 и 23) и оба раза безъ участія Дѣвы Маріи.

Л. 21^b. Одинъ Христосъ вѣнчаетъ Богоматерь; ангелы кругомъ выражаютъ свою радость.

Эта рукопись въ большей части своихъ миніатюръ сходится съ рукописью № 1179, XIII вѣка, которую, какъ находящуюся въ витринѣ, не могли мнѣ выдать для долговременнаго пользованія.

Мюнхенская Biblia pauperum, съ нѣмецкимъ текстомъ, грубо раскрашенная (Cod. germ. 155, Cod. c. pict. 18), конца XIV или начала XV вѣка.

Л. 1. Благовѣщеніе. Марія стоитъ на колѣняхъ передъ книжкой; архангелъ на одномъ колѣнѣ съ жезломъ вѣстника. На второмъ планѣ ландшафтъ.

Л. 1^b. Рождество. Марія и ангелы на колѣняхъ передъ новорожденнымъ Христомъ; тутъ же ему поклоняются грубо сдѣланные оселъ и быкъ.

На л. 4^b довольно сложное изображеніе: между двумя столбами на престолѣ Марія съ пряжей въ рукахъ, на право отъ зрителя Іосифъ съ посохомъ; на лѣво на полу Христосъ младенецъ стоитъ на ногахъ; надъ престоломъ Маріи видѣнъ разрушающійся идолъ. На верху надпись: Do Christus gegenwertig was, do vielen die abtgoter zuhant (въ присутствіи Христа тотчасъ пали идолы), а внизу другая надпись: Die muter Christi als ein arme dirn (Богоматерь, какъ бѣдная дѣвушка). Составитель, очевидно, имѣлъ намѣреніе соединить, въ виду единства мѣста дѣйствія, эпизодъ о разрушеніи идоловъ съ изображеніемъ бѣдной жизни св. семейства въ Египтѣ (см. выше:

Digitized by Google

cossi nutricavano la sua vita... poveramente). При сошествіи Св. Духа, Марія стоитъ на колѣняхъ; вѣнчаетъ ее одинъ Христосъ.

Въ 1448 г. „sumptibus Ferdinandi III" написана и украшена великолѣпная пергаментная рукопись молитвенника in fol. На л. 265 тамъ изображено рожденіе Маріи: Анна лежитъ на кровати и свѣсившись помогаетъ обмывать ребенка. На л. 91 Благовѣщеніе: Марія стоитъ передъ налоемъ на колѣняхъ лицомъ къ зрителямъ, въ полуоборотъ къ архангелу, также колѣнопреклоненному; надъ Маріей готическій Kanzel.

Въ поклоненіи волхвовъ (л. 64) младенецъ тянется къ золоту, подносимому колѣнопреклоненнымъ волхвомъ.

На л. 257 три раза изображена сцена плача Богоматери надъ тѣломъ Христа (при Cursus de compassione Mariae).

Л. 202. Успеніе Богородицы. Богоматерь стоитъ на колѣняхъ на первомъ планѣ; ее поддерживаетъ Іоаннъ; сзади ея одиннадцать апостоловъ, а за апостолами Христосъ, уже держащій въ рукахъ душу Богоматери.

Къ XV вѣку относится пергаментное Officium Beatae Mariae Virginis in 4° №, вѣнской же библіотеки, № 1905.

Л. 7. Благовѣщеніе. Марія стоитъ на колѣняхъ передъ налоемъ, положивъ одну руку на сердце; архангелъ поднялъ одну руку къ верху, другую спустилъ по колѣну. Св. Духъ въ видѣ снопа лучей врывается въ окно къ уху Маріи.

Л. 17. Рождество. На золотомъ фонѣ, въ лучахъ лежитъ Спаситель; Марія стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ (ея gloria имѣетъ довольно оригинальную форму кокошника); сзади колѣнопреклоненный Іосифъ благочестиво сложилъ руки. Влѣво видны красный быкъ и лиловый оселъ.

Л. 26. Марія и Елизавета разговариваютъ, взявъ другъ друга за станъ; сзади видѣнъ городъ.

Подъ № 1764 находится кодексъ in F. XV в., состоящій изъ однѣхъ миніатюръ (Figurae coloratae o vita Salvatoris — in usum vel jussu Frederici III Imperatoris). Къ житію Богоматери изъ нихъ относятся девять, а именно: Благовѣщеніе (Богоматерь и архангелъ на колѣняхъ), Марія и Іосифъ (послѣдній выражаетъ движеніемъ руки свой отказъ или неудовольствіе; на верху ангелъ), Марія и Елизавета, Р. Х. (Іосифъ передъ Христомъ на колѣняхъ со свѣчею), поклоненіе волхвовъ (Христосъ, играя, треплетъ за волосы стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ волхва), принесеніе во храмъ, бѣгство въ

Digitized by Google

Египетъ, сошествіе Св. Духа (въ видѣ огненныхъ языковъ; Богоматерь посреди апостоловъ), успеніе Богородицы (она лежитъ на одрѣ; нѣтъ изображенія ея души), вѣнчаніе Богоматери (она стоитъ на колѣняхъ, Богъ Отецъ и Христосъ держатъ надъ нею вѣнецъ).

Къ XV вѣку относятся два венеціанскія рукописи изъ библіотеки св. Марка; одна, носящая названіе: Figurae Veteris et Novi Testamenti (F. I, 72), не представляетъ особаго интереса; отмѣчу въ ней только Рождество Христово гдѣ младенцу поклоняется Марія съ нѣсколькими женщинами, и поклоненіе волхвовъ, въ изображеніи котораго Христосъ уже взялъ чашу изъ рукъ стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ волхва; другая рукопись, заключающая въ себѣ Missale (Ordo missalis fratrum servorum S. Mariae secundum consuetudinem romanae curiae), разрисована великолѣпными миніатюрами въ самой Венеціи однимъ изъ художниковъ возрожденія, доводящимъ мѣстами (напримѣръ, въ изображеніи обрѣзанія Христа) реализмъ до такой степени, какая едва ли возможна въ живописи, и свободно относящимся къ преданію. Отмѣчу изъ нея слѣдующія миніатюры: 1) Л. 19. Рождество. Христосъ младенецъ лежитъ раздѣтый; надъ нимъ слѣва склонился Іосифъ, благоговѣйно сложившій руки; справа поклоняется сыну Богоматерь; въ ногахъ Христа стоятъ оселъ и быкъ; 2) Л. 26. Поклоненіе волхвовъ: одинъ изъ нихъ, стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ лѣвую ногу Христа; Богоматерь въ правой рукѣ уже держитъ его даръ. 3) Л. 257. Успеніе Богоматери: умершая лежитъ на одрѣ въ черномъ, монашескомъ покрывалѣ, изъ-подъ котораго видна бѣлая оборка (по словамъ „описанія", это—habitus ordinis servorum); вокругъ нея 12 апостоловъ, сверху лучи, Христа нѣтъ. 4) Л. 8. Вѣнчаніе Богоматери: на престолѣ сидитъ Богъ Отецъ съ длинною полусѣдою курчавою бородой, въ императорской коронѣ, у него на лѣвомъ колѣнѣ сидитъ взрослый Христосъ въ королевской коронѣ; лѣвою рукой Христосъ надѣваетъ корону на Богоматерь, которая стоитъ на одномъ колѣнѣ нѣсколько справа; отъ лика Бога Отца спускается Св. Духъ въ видѣ голубя. Съ боковъ 12 ангеловъ: 6—по три съ каждой стороны—на землѣ и 6 на воздухѣ; послѣдніе съ сложенными на груди руками, стоя на колѣняхъ, поютъ; четыре ангела изъ находящихся на землѣ имѣютъ въ рукахъ музыкальные инструменты. Это лучшая миніатюра рукописи. Мимоходомъ замѣчу, что въ этой рукописи, на л. 317, есть рѣдко-встрѣчающееся изображеніе Троицы въ видѣ человѣка съ тремя лицами; два боковыя лица затерты какимъ-то благочестивымъ читателемъ.

Digitized by Google

Сдѣлать историко-литературные выводы изъ этого извѣстнаго въ заграничной печати миніатюрнаго и иконописнаго матеріала можно будетъ, по моему мнѣнію, только тогда, когда будетъ собрано достаточно фактовъ изъ исторіи русской иконописи и миніатюры, въ связи съ письменностью. Но и изъ того малаго матеріала, который я уже имѣлъ въ рукахъ, могу констатировать любопытное явленіе, что при отсутствіи русскихъ переводовъ псевдо-Матѳея миніатюра и иконопись болѣе стояли подъ его вліяніемъ, чѣмъ подъ вліяніемъ очень распространеннаго протоевангелія Іакова. Едва ли нужно упоминать о томъ, что уже при первомъ взглядѣ на русскія сказанія о Богородицѣ становится яснымъ ихъ значеніе для исторіи сказаній и изображеній западныхъ.

А. Кирпичниковъ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 N. C., hauptsächlich aus den Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller zusammengestellt von *E. Bonnell.* I-r Band. (Свѣдѣнія, касающіяся древностей Россіи, отъ временъ доисторическихъ приблизительно до 400 г. по Р. Х., извлеченныя преимущественно изъ писателей греческихъ и латинскихъ, и сопоставленныя *Е. Боннелемъ.* Часть 1-я). St.-Petersburg, 1882.

Въ сочиненіи, заглавіе котораго здѣсь выписано, г. Боннель поднимаетъ старый и весьма затруднительный вопросъ, едва ли разрѣшимый при современномъ состояніи науки, о Скиѳахъ, Сарматахъ, Киммерійцахъ и другихъ древнѣйшихъ обитателяхъ того обширнаго пространства, преимущественно степнаго, которое, начиная отъ устьевъ Дуная, тянется широкою полосою къ востоку, вдоль береговъ морей Чернаго, Каспійскаго, Аральскаго, Аму-Дарьи (древн. Окса) и Сыръ-Дарьи (древняго Іаксарта), и котораго предѣлы далѣе къ сѣверу и востоку, по понятіямъ древнихъ, отодвигались въ неизмѣримую даль, заканчиваясь необитаемыми тундрами и Ледовитымъ моремъ или Восточнымъ океаномъ. Это пространство въ настоящее время, за немногими исключеніями, всецѣло занято Азіятскою и Европейскою Россіей, а потому г. Боннель справедливо замѣчаетъ, что предметъ его изслѣдованій касается древнѣйшей этнографіи и топографіи нашего отечества и древнѣйшихъ событій отечественной исторіи. По указаннымъ нами южнымъ степнымъ и прибрежнымъ пространствамъ издревле двигались массы разнородныхъ племенъ, позднѣе нахлынувшія на Римскую имперію и положившія

Digitized by Google

ей конецъ; и въ той же области, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать перваго обособленія и происхожденія тѣхъ могущественныхъ племенъ, которыя подъ именованіями Славянъ, Германцевъ, Галловъ и Финновъ образовали современныя намъ государства, и въ новой исторіи стали во главѣ всемірной цивилизаціи. Такимъ образомъ, задача, избранная г. Боннелемъ, затрогиваетъ въ высшей степени любопытные вопросы и существенно важные для исторіи. Сознавая ихъ трудность, авторъ пожелалъ ограничиться на первое время изученіемъ и критическимъ обсужденіемъ однихъ письменныхъ извѣстій по этому предмету, сообщаемыхъ греческими и латинскими авторами, хотя и не пренебрегаетъ онъ новѣйшими изысканіями по всѣмъ вообще отраслямъ науки, обращаясь за разъясненіями и къ языковѣдѣнію, къ исторіи Востока, археологіи, къ юридическимъ и бытовымъ древностямъ, къ антропологіи, астрономіи, геологіи, мореходному искусству, ботаникѣ, зоологіи и прочимъ естественнымъ наукамъ, и въ своихъ безчисленныхъ цитатахъ приводитъ творенія ученыхъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, національностей и авторитетовъ, упоминая имена: Шафарика, Гримма, Шифнера, Стефани, А. и В. Гумбольдтовъ, Раулинсона, de Rougé, Brugsch-Bey, Schrader, Duncker, Roget de Belloguet, Tuch, Knobel, Fick, Wachsmuth, Curtius, Thirlwall, Herschel, G. Grote, Movers, Ritter, K. O. Müller, C. Müller, Mommsen, Helbig, Baehr, Stein, Niebuhr, Dahlmann, Kirchhoff, Bauer, Nieberding, Nitzsch, Bouhier, Lenz, Pictet, Bernhardy, Georgi, D'Anville, Mannert, Надеждина, Томилова, Спасскаго, Бурачкова, Григорьева, Гаркави и многихъ другихъ.

Масса научныхъ свѣдѣній, вошедшихъ въ составъ книги г. Боннеля, весьма значительна. Нельзя не считать заслугою съ его стороны собраніе въ одно цѣлое всѣхъ древнихъ извѣстій классической литературы по вопросу, крайне запутанному и сбивчивому, и ихъ освѣщеніе новѣйшими изслѣдованіями. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе безпристрастіе трудолюбиваго автора: каждый частный вопросъ, непосредственно или косвенно относящійся къ главному предмету изысканій, онъ старается разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, обсуждая самыя противорѣчивыя мнѣнія; и хотя въ предисловіи онъ кратко упоминаетъ о тѣхъ главныхъ выводахъ, на которыхъ остановился, но къ работѣ онъ, очевидно, приступилъ безъ всякой предвзятой мысли, съ полнымъ желаніемъ довѣдаться чистой истины, въ какомъ бы видѣ она ему ни предстала. Мы послѣдуемъ его примѣру, и не предрѣшая ничего, считая себя въ полномъ правѣ не соглашаться съ оконча-

Digitized by Google

тельными выводами автора, если бы не нашли достаточныхъ къ тому основаній, приступимъ къ обзору его объемистой работы, слѣдя за нимъ шагъ за шагомъ, обсуждая вмѣстѣ съ нимъ сообщаемыя извѣстія, разумѣется—въ болѣе сжатомъ изложеніи.

Отзываясь съ должнымъ уваженіемъ о Геродотѣ, столь блистательно оправданномъ новѣйшими изслѣдованіями, г. Боннель указываетъ, что въ этомъ историкѣ одномъ заключается едва ли не болѣе свѣдѣній, достовѣрныхъ и точныхъ, о Скиѳіи, Скиѳахъ и вообще о южной полосѣ Россіи, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ ея исторической жизни, нежели во всѣхъ другихъ писателяхъ греческихъ и римскихъ въ совокупности; а потому Геродотъ естественно ложится въ основаніе его изслѣдованій. Литературные памятники, имъ изучаемые, г. Боннель дѣлитъ на три отдѣла: 1) предшествовавшіе Геродоту, 2) творенія Геродота и его современниковъ, и 3) писателей, болѣе позднихъ, извлекавшихъ свои свѣдѣнія изъ того же Геродота, отчасти дополнявшихъ его свѣдѣнія новыми извѣстіями, болѣе или менѣе подробными и точными. Первую часть своего труда, появившуюся въ печати, г. Боннель посвящаетъ обзору первыхъ двухъ отдѣловъ.

Греки, по всей вѣроятности, еще за долго до той эпохи, въ которую сами начали посѣщать прибрежья Понта Эвксинскаго, получили извѣстія о земляхъ, къ нему прилегающихъ, отъ Финикіянъ, которые за 1000 л. до Р. Х. уже вели обширную торговлю по всей передней Азіи, совершая и дальныя плаванія, основали многія колоніи по берегамъ и на островахъ Эгейскаго моря, и при своей предпріимчивости, не могли не заходить на корабляхъ въ сосѣдній Понтъ для торговыхъ цѣлей и для грабежа. Первою большою экспедиціей Грековъ въ эти края обыкновенно считаютъ походъ Аргонавтовъ въ Колхиду, который относятъ къ XIII в. до Р. Х., и который Греки, какъ полагаютъ, предприняли по слѣдамъ тѣхъ же мореплавателей Арада, Тира и Сидона. Около того же времени, по сохранившимся извѣстіямъ, и войско Египетскаго царя Сезостриса достигало до Колхиды. Совершилось ли мирнымъ путемъ или при значительныхъ столкновеніяхъ постепенное водвореніе греческихъ колоній по берегамъ того же моря и установленіе постоянныхъ сношеній Грековъ съ его прибрежными жителями—г. Боннель не берется рѣшить, но полагаетъ, что преданія о борьбѣ съ древними обитателями прибрежья Понта, съ царями Колхиды, Киммерійцами, Скиѳами, Ѳракійцами и съ диковинными воинственными женщинами, Амазонками, не лишены историческаго основанія.

Digitized by Google

Извѣстія о земляхъ и племенахъ, составлявшихъ Скиѳію, у древнѣйшихъ поэтовъ и писателей немногочисленны, отчасти баснословны и сбивчивы. Только постепенно изъ мрака неизвѣстности выступаютъ въ ихъ описаніяхъ указанныя нами земли, постепенно подробнѣе и точнѣе становятся свѣдѣнія о нихъ, по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ Геродота, съ повѣствованіями котораго никакъ не могутъ быть сравнены, но служатъ введеніемъ къ нему. Эти извѣстія встрѣчаются въ твореніяхъ Гомера, Гезіода, въ отрывкахъ Гекатея, въ такъ-называемыхъ киклическихъ, нѣкоторыхъ лирическихъ, трагическихъ поэтахъ и т. д. [1]).

Г. Боннель задается прежде всего вопросомъ: въ какомъ видѣ себѣ вообще представляли поэты и писатели древнѣйшей эпохи очертаніе земли и топографію странъ, лежащихъ къ сѣверу и востоку отъ Дуная и Чернаго моря? По сказаніямъ Гомера, всю землю обтекаетъ кругомъ потокъ Океана; окруженная имъ земля, по понятіямъ древнихъ, имѣла видъ круглаго щита или круглой плоскости и представлялась имъ, вѣроятно, нѣсколько выпуклою въ серединѣ, en forme de barque renversée, какъ выражается Масперо [2]). Такое представленіе нельзя не признать довольно правильнымъ, если его примѣнить къ тому полушарію, которое было извѣстно древнимъ, къ материку, заключающему Европу, Азію, Африку, со всѣми ихъ развѣтвленіями и съ прилегающими островами [3]). Четыре страны свѣта (4 пункта компаса) опредѣлялись восходомъ и заходомъ солнца,

---

[1]) Г. Боннель не вѣритъ ни Гладстону, ни Шлиману, изъ которыхъ первый защищалъ личность Гомера, доказывая, что только одинъ и тотъ же могучій геній могъ составить обѣ дошедшія до насъ знаменитыя эпопеи, Иліаду и Одиссею, во всей ихъ цѣлости и полнотѣ, а другой—старался доказать и историческую достовѣрность разказовъ Гомера, полагая, что самъ пѣвецъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ происшествій или слышалъ о нихъ непосредственно отъ очевидцевъ. Склонившись на сторону Бергка и Бернгарди, г. Боннель допускаетъ возможность существованія двухъ, трехъ Гомеровъ, относитъ ихъ къ X, XII или даже IX в. до Р. Хр., и самое имя ὅμηρος со словомъ ἀμαυρὸς (слѣпой) сближаетъ съ ирландскими: amhar пѣснопѣніе, amhra темный, seanmairo пѣвецъ.

[2]) Hist. anc. des peupl. de l'Orient 1875, p. 142.

[3]) Геминъ Родосскій (70 л. до Р. Хр.) не только считалъ землю шарообразною, но и другое полушаріе обитаемымъ, а его жителей называлъ ἀντίποδες. Такое представленіе, вѣроятно, установилось задолго до него, хотя нѣкоторые писатели, предшествовавшіе Пиѳагору и Платону, и воображали, что землю составляетъ плоскость, плавающая въ воздухѣ. Слич. *Forbiger*, Handb. d. alt. Geogr., pp. 4, 22, 161, 364, 538.

Digitized by Google

его ночнымъ и полуденнымъ стояніемъ. У Гомера упоминаются Ἰήσων, Ἀργώ, изъ преданій о походѣ Аргонавтовъ, но цѣлью этой древней экспедиціи, довольно неопредѣленно, указывается земля царя Аэта или Айетеса (Αἰήτης), сына Солнца (Ἥλιος) и Персеи (Πέρση). Въ его-то землѣ, за которую г. Боннель считаетъ Кавказъ или Закавказье, находилось то баснословное озеро, изъ котораго свѣтило дня ежедневно по утрамъ поднимается въ небо, для освѣщенія вселенной. Упомянутое озеро г. Боннель отожествляетъ съ Каспійскимъ моремъ, которое, по убѣжденію большинства древнѣйшихъ писателей, имѣло водяное сообщеніе съ сѣвернымъ Ледовитымъ моремъ или вообще съ наружнымъ, окружающимъ землю океаномъ.

Въ той же сторонѣ, за царствомъ Аэта, указывается земля Аримовъ (Ἄριμοι), можетъ быть, позднѣйшихъ Арамеевъ (Ἀραμᾶιοι), Аримасповъ или Армянъ; а далѣе къ востоку—земля воинственныхъ Амазонокъ [1]). Основываясь на созвучіи приведенныхъ народныхъ названій, г. Боннель высказываетъ догадку, что подъ общимъ именемъ Ἄριμοι подразумѣвались вообще жители Верхней Сиріи съ Месопотаміей, Ассиріи, Арменіи и прилегающихъ странъ, при чемъ приводитъ любопытное свидѣтельство Плинія (H. N. VI, 17, 19), что даже Скиѳы, обитавшіе на Оксусѣ и Іаксартѣ (Саки), назывались у древнихъ „Aramii". Перечисленіе народовъ, жившихъ далѣе Аэтова царства, убѣждаетъ, что преданіе о восходѣ солнца изъ Каспія принималось только въ переносномъ значеніи, какъ поэтическая фигура.

Въ числѣ обитателей береговъ Понта Эвксинскаго Иліада называетъ доителей кобылицъ (ἱππημολγοί), питающихся молокомъ (γλακτοφάγοι), достопочтенныхъ (ἀγαυοί) Авіевъ или Габіевъ (Эсхилъ fragm. 72), справедливѣйшихъ изъ людей. Хотя и нельзя считать доказанною этимологію Авіевъ отъ Ἄ-βιος (не имѣющій собственности поземельной, Habelose, или жилища, кочующіе) или еще болѣе страннаго производства Γάβιος отъ ирландскаго cab, кебъ, колесница (живущіе въ кибиткахъ, Wagenbewohner), тѣмъ не менѣе, это замѣчательное мѣсто, передающее характеристическую черту изъ быта нашихъ кочующихъ степняковъ, сохранившуюся до нашего времени, свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ Грековъ, въ глубокой древности, съ южною полосою Россіи. Далѣе къ сѣверу упоминается о мѣсторожденіи янтаря, составлявшаго предметъ торговли Финикіянъ

---

[1]) Борьба съ сими послѣдними Пріама и Фригіанъ (Ил. III 188) еще не доказываетъ ихъ близкаго сосѣдства съ Малою Азіей, какъ полагаетъ г. Боннель.

Digitized by Google

(Од. XV, 460 и XVIII, 295), а также о свѣтлыхъ сѣверныхъ ночахъ (Од. X, 81—86). Менѣе интересны приводимыя изслѣдователемъ, крайне сомнительной точности, догадки Дюбуа де-Монперё и Бера, узнавшихъ жилище Лестригоновъ въ бухтѣ Балаклавы, островъ Цирцеи—въ Мингреліи, огненные потоки Аида—въ цѣлебныхъ грязяхъ нашего Крыма, искавшихъ обиталища Ализоновъ и серебряныя копи Халибовъ въ Грузіи и т. д.

Въ твореніяхъ и фрагментахъ Гезіода, которые авторъ изслѣдованія относитъ къ 808 г. до Р. Хр., встрѣчаемъ болѣе подробностей о походѣ Аргонавтовъ: послѣдніе на возвратномъ пути плывутъ по Фазису въ океанъ и къ Ливіи; причаливъ къ этой странѣ, перетаскиваютъ по узкому волоку свое судно въ Средиземное море (Fragm. LVI, 50 и LVII, 60); упоминаются Ἄριμοι въ Мизіи (Theog. 304), а также рѣки Ἠριδανός, Ἴστρος, Φᾶσις, Ἀρδησκος и грифоны, стерегущіе золото (Th. 338, fr. 133); Гипербореи, Глактофаги, Гиппемолги названы Скиѳами, живущими въ кибиткахъ (fr. 45, 46).

Въ твореніяхъ и фрагментахъ Стасина, Гегезина, Эвмела, Пизандра, Кинэѳона, Каллина, Архилоха, Алкмана, Алкея, Пиндара и другихъ, относящихся ко времени съ 800 по 500 г. до Р. Хр., упоминаются Тавры, у которыхъ Ифигенія служила жрицею кровожадной Артемидѣ, Амазонки, изъ которыхъ Пентесилея именуется Ѳракіянкою, городъ Амазонокъ—Ѳемискира, Колхида, помѣщаемая въ Скиѳіи (εἰς Κολχίδα τῆς Σκυθίας), городъ Колхиды Αἶα, муза Βορυσθενίς, дочь Аполлона, р. Истръ, Агаѳирсы—поклонники Діониса, городъ Скиѳіи Βασίλεια, горы въ Арменіи Νιφάτης (снѣжныя), Тавръ въ Малой Азіи, въ глубинѣ Скиѳіи Исседоны, а къ Ледовитому морю одноглазые Аримаспы, Гиперборея и золото стерегущіе грифоны. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Аристеемъ, совершившимъ путешествіе въ Скиѳію къ Исседонамъ или Гелонамъ, около 600 г. до Р. Хр., а можетъ быть, нѣсколько и ранѣе, Аримаспы вытѣснили Исседоновъ изъ своей земли къ югу, эти погнали передъ собою Скиѳовъ, а Скиѳы двинули Киммеріанъ къ южному морю (Понту). Архилохъ (700 до Р. Хр.) уже упоминаетъ набѣги Киммеріанъ въ Малую Азію. По Алкею, подъ властію Ахилла находились (μέδεις) нѣкоторыя скиѳскія племена. Пиндаръ (490 до Р. Хр.) полагалъ, что Фазисъ имѣетъ соединеніе съ Океаномъ, а источники Истра указываетъ въ землѣ Гипербореевъ.

Съ VIII по VI столѣтіе до Р. Хр., основываются греческія колоніи по берегамъ Понта, такъ, напримѣръ, Trapezus 750 г. до Р. Хр., Olbia 665—560 гг., и свѣдѣнія Грековъ о прибрежныхъ народахъ стано-

Digitized by Google

вятся подробнѣе и достовѣрнѣе [1]). Около 500 г. до Р. Хр. совершаются замѣчательныя событія, театромъ которыхъ отчасти были земли, прилегающія къ Черному морю. Мидійцы прекращаютъ временное господство Скиѳовъ въ Западной Азіи; вслѣдъ затѣмъ, Киръ основываетъ свое могущественное царство; Дарій увлекаетъ многихъ Грековъ въ свой дальный походъ въ глубину европейской Скиѳіи; послѣдующая продолжительная борьба Персовъ съ Греками знакомитъ ближе сихъ послѣднихъ съ составными частями Персидской монархіи и со внутренностію Азіи. Знакомство съ Азіей и Скиѳіей, конечно, было болѣе распространено между мало-азійскими Греками. Между послѣдними, отличается подробностью сообщаемыхъ свѣдѣній Гекатей изъ Милета, собиравшій ихъ во время путешествій, имъ предпринятыхъ съ 513 по 501 г. до Р. Хр. Въ своихъ твореніяхъ Περίοδος γῆς и Γενεαλογίαι онъ объяснялъ, отчасти исправлялъ карту своего друга Анаксимандра; по всей вѣроятности, онъ первый раздѣлилъ землю, обтекаемую Океаномъ, на двѣ половины линіей, идущею отъ Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтара) на Кавказъ и р. Араксъ, считая земли къ сѣверу отъ этой границы за Европу, а къ югу причисляя къ Азіи и Ливіи. Принявъ Геллеспонтъ и Грецію за мѣстности центральныя, онъ перечисляетъ въ Европѣ слѣдующіе, между прочимъ, народы, города и рѣки: за Истромъ г. Καρκινῖτις, Меланхленовъ [2]), Миргетовъ (или Тиригетовъ), Матикетовъ, г. Καρδησός, Исетовъ, Эдовъ, Дандаріевъ у Кавказа [3]) и Типаниссовъ; къ Азіи причисляетъ—остр. и гор. Фанагорію [4]), Иксибатовъ на берегу Понта, смежныхъ съ землею Σινδική [5]); далѣе у него упоминаются: Ἰάμαι [6]), Ἰσσηδόνες [7]) Καταννοί у Каспійскаго моря, р. Араксъ, Гирканское

[1]) Недоумѣваемъ, почему г. Воннель, указывая на слѣды древнихъ поселеній греческихъ на берегу Понта, примѣняетъ къ гробницамъ Пантикапея совершенно неправильное выраженіе aegyptische Bauart, вмѣсто кореннаго греческаго термина — *пелазгическая кладка* (πελασγικὸν τεῖχος); вѣрнѣе было бы назвать эту кладку *финикійскою*, какъ ее называетъ Еврипидъ, говоря о стѣнахъ Микенъ (φοίνικι κανόνι ἡρμοσμένα). Сл. Ant. du Bosph. Cimm. I, 37, 41 и 51, 53; *K. O. Müll.*, Handb. 25, 46.

[2]) По г. Воннелю, между Днѣпромъ и Волгою, къ сѣверу отъ Скиѳовъ Царскихъ.

[3]) Къ сѣверу отъ Кавказа близъ Меотійскихъ болотъ.

[4]) Клаузенъ считаетъ за остр. Тамань.

[5]) *Forbiger* и друг. указывали на сродство этого названія съ Индусами (Hindukolonie).

[6]) Финское племя Ямь, Jemen, Jaxamaten (?).

[7]) Essedones Colchis junctos. Plin. VI, 7, 7.

Digitized by Google

(Каспійское) море, Хоразмія къ востоку отъ Пареянъ, Κόραξοι въ Колхидѣ въ смежности съ Матіэной, Хои, Макроны, Мары, Моссинойки и къ востоку отъ нихъ Τίβαροι, Халибы съ ихъ гор. Σταμένη и къ югу отъ нихъ Армяне.

Не мало извѣстій о Скиѳіи попадается въ твореніяхъ Эсхила (525—456 г. до Р. Хр.), въ которыхъ историческіе факты еще перемѣшаны съ баснословіемъ. Скиѳію великій трагикъ называетъ страною пустынною, простирающеюся далеко отъ Меотійскаго моря въ глубь страны, производящею желѣзо; къ ея скаламъ прикованъ Промеѳей. Указывая путь блуждающей Іо, Промеѳей упоминаетъ кочующихъ Скиѳовъ, вооруженныхъ дальнострѣльнымъ лукомъ, живущихъ въ плетеныхъ кибиткахъ на крѣпкихъ и высокихъ колесахъ; налѣво отъ нихъ—кующихъ желѣзо Халибовъ; далѣе—рѣку Ὑβριστής (неукротимый потокъ), бѣгущую съ вершинъ Кавказа, котораго горы главою близятся къ звѣздному небу, Амазонокъ, обитательницъ Ѳемискиры на р. Термодонтѣ (у теплыхъ водъ) и въ Колхидѣ, Босфоръ и Киммерійскій перешеекъ, грифовъ и всадниковъ одноглазыхъ Аримасповъ, живущихъ у золотоносной рѣки. Скиѳовъ Эсхилъ называетъ ἱππάκης βρωτῆρες εὔνομοι Σκύθαι [1]).

Таковы въ общихъ чертахъ свѣдѣнія, извлекаемыя изъ писателей, предшествовавшихъ Геродоту или ему современныхъ. Результаты извлеченія весьма незначительны. Г. Боннель совершенно справедливо замѣчаетъ, что простая номенклатура урочищъ и народовъ не можетъ дать намъ понятія о томъ, что̀ за страна была Скиѳія за 500, за 1000 л. до Р. Хр. и ранѣе этихъ двухъ эпохъ. Онъ сознаетъ, что для достиженія избранной цѣли ему необходимо было бы съ точностью опредѣлить: къ какому племени принадлежали Скиѳы и другіе народы, съ ними сопредѣльные, и какимъ языкомъ они говорили? Въ приведенныхъ нами выше выпискахъ не находимъ данныхъ, которыя могли бы насъ подвинуть къ этой цѣли. Одно только извѣстіе рѣзко выдѣляется изъ числа прочихъ довольно неопредѣленныхъ и загадочныхъ извѣстій: это указаніе, появляющееся за 1000 л. до Р. Хр. и повторяемое много разъ пѣвцами и писателями послѣдующаго времени вплоть до Геродота, что Скиѳы вели тотъ же образъ жизни, кочевой, въ кибиткахъ, перевозимыхъ на колесахъ, который по настоящее время ведутъ въ той же степной полосѣ Киргизы и Калмыки, большіе охотники до лошадей, содержащіе много-

[1]) Скиѳы, жрущіе кобылій сыръ или конину (?).

Digitized by Google

численные ихъ табуны, питающіеся кобыльимъ молокомъ и лошадинымъ мясомъ, лихіе наѣздники, еще недавно вооруженные колчаномъ, лукомъ и стрѣлами, сохранившіе бытъ, составляющій отличительную черту этихъ племенъ отъ другихъ народностей земнаго шара, и явные слѣды котораго замѣтны даже у сосѣднихъ съ ними, уже осѣдлыхъ Башкиръ и Татаръ. Столь упорно и неизмѣнно удерживаются вѣковые обычаи, не смотря на перемѣну религіи. Но можно ли назвать указанныя нами племена справедливѣйшими изъ людей, управляемыми лучшими законами, εὔνομοι, δικαιότατοι ἀνθρώπων?

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что бытовыя особенности Гиппомолговъ не распространяются преданіями и писателями древности на всѣ скиѳскія племена. Далѣе увидимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ жили инымъ обычаемъ, были между ними и Скиѳы-земледѣльцы. Слѣдовательно, Скиѳы не составляли однородной массы по образу жизни и языку, но скорѣе агломератъ различныхъ племенъ и народностей. Какая же общая черта характера опредѣляла ихъ σκυθισμος? Полагаемъ, нѣкоторое сходство въ одеждѣ, варварскій, непонятный для Грековъ языкъ, наклонность къ наѣздничеству и бродячей жизни, грубость, дикость и злость [1]).

Обратимся къ Геродоту.

Правдивость Геродота, въ которой сомнѣвались нѣкоторые писатели, даже въ древности, въ другихъ встрѣчала—горячихъ защитниковъ, оправдывавшихъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія до мелочныхъ подробностей, и въ числѣ защитниковъ находятся такіе, между прочимъ, какъ Риттеръ, научные авторитеты. Рожденный въ Малой Азіи, персидскимъ подданнымъ (484 г. до Р. Хр.), вліятельный и дѣятельный гражданинъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ греческихъ колоній, Галикарнасса, Геродотъ посѣтилъ, какъ полагаютъ, персидскій дворъ, Ассирію, Вавилонъ и Сузу, Египетъ, Іерусалимъ, Финикію и Колхиду, объѣхавъ Малую Азію, Грецію, Ѳракію, Македонію, скиѳское прибрежье Чернаго моря и часть Ливіи; увѣнчанный дважды, какъ увѣряютъ, въ Аѳинахъ и въ Олимпіи, чѣмъ и современники засвидѣтельствовали ему свое уваженіе и довѣріе, старость свою доживалъ онъ въ Италіи. Во время своихъ путешествій, онъ многое видѣлъ своими глазами, подробно равспрашивалъ людей, наиболѣе почетныхъ и свѣдущихъ, съ которыми встрѣчался, близко знакомыхъ съ тѣми странами, которыя посѣтить самъ не успѣлъ, и былъ посвящаемъ въ

[1]) Сравн. значеніе глаголовъ: σκυθίζω, σκυθράζω.

мистеріи жреческихъ корпорацій. Крайне пытливый по природѣ, онъ повѣрялъ свѣдѣнія, собранныя въ одной землѣ, разспросами въ другой. Въ высшей степени добросовѣстный въ передачѣ извѣстій, онъ считаетъ обязанностью сообщать все, что̀ слышалъ, хотя бы самъ тому не вѣрилъ, предоставляя читателю по своему усмотрѣнію придавать вѣру разказу или нѣтъ; онъ откровенно сознается въ томъ, чего не могъ довѣдаться съ точностью, и нерѣдко объявляетъ сомнительными и даже ложными такія свѣдѣнія, которыя въ наше время, по прошествіи 2,000 лѣтъ, оказываются совершенно точными и достовѣрными, какъ справедливо замѣчаетъ г. Боннель, посвятившій цѣлую главу, 3-ю, подробной оцѣнкѣ и критикѣ его творенія, разбирая по отдѣльнымъ параграфамъ всѣ свѣдѣнія, имъ сообщаемыя о Скиѳіи и Скиѳахъ, обсуждая время ихъ написанія и источники, на которыхъ основывался Геродотъ.

Геродотъ не вѣрилъ показанію древнихъ, что земля (три части стараго свѣта) окружена океаномъ, имѣющимъ теченіе или теченія, не вѣрилъ потому, что не нашелъ достовѣрнаго живаго свидѣтеля, объѣхавшаго это пространство (IV, 36). Общее очертаніе земли онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: между южнымъ моремъ (Эритрейскимъ) и сѣвернымъ (Понтомъ Эвксинскимъ) расположены четыре области, въ которыхъ живутъ: къ югу Персы, къ сѣверу отъ нихъ— Мидійцы, далѣе Саспиры (Σάσπειρες), и Колхи у самаго Понта. Отъ этой полосы къ западу выдвигаются двѣ части (ἀκταί): одна, болѣе къ сѣверу, начинаясь у Фазиса, образуетъ Малую Азію; другая болѣе къ югу, начинаясь отъ Персовъ, заключаетъ Ассирію, Аравію и Финикію; къ послѣдней части примыкаютъ Египетъ и Ливія. Къ востоку отъ упомянутыхъ четырехъ областей материкъ съ одной стороны тянется къ югу вдоль Эритрейскаго моря, а съ другой къ сѣверу, обнимая Каспійское море и рѣку Араксъ. Вплоть до Индіи страна населена, но далѣе тянется необитаемая пустыня, о которой никакихъ свѣдѣній Геродоту не удалось собрать. Линію раздѣла между частями свѣта проводитъ, начиная отъ Гибралтара, черезъ Средиземное море, Геллеспонтъ, Понтъ Эвксинскій, Фазисъ и Кавказъ, Каспійское море, рѣку Араксъ, и вѣроятно, далѣе по южной границѣ Сибири [1]). Все пространство къ сѣверу отъ этой линіи Геродотъ считаетъ за Европу, а къ югу причисляетъ къ Азіи и Африкѣ.

---

[1]) Другіе, по его показанію, считаютъ границею Европы и Азіи р. Танаисъ и Воспоръ Киммерійскій (IV, 45).

Digitized by Google

Такимъ образомъ выходитъ, что Европа въ длину пространствомъ равняется другимъ двумъ частямъ (Азіи и Африкѣ), вмѣстѣ взятымъ (IV, 42, 45). Африка окружена водою, какъ удостовѣрились Египетскій царь Нехао (Necho, XXVI дин.) и позднѣе объѣхавшіе ее кругомъ Карѳагеняне (IV, 42, 43); но окружены ли водою Европа и Азія (съ с. и в.)—Геродотъ довѣдаться не могъ. Крайній сѣверъ и западъ Европы онъ мало знаетъ, и хотя разказываютъ, что янтарь привозятъ съ р. Ἠριδανός (Западной Двины или Вислы), олово съ острововъ крайняго запада (Британскихъ), но эти свѣдѣнія считаетъ за басню, не заслуживающую вѣроятія.

Точное опредѣленіе, какую рѣку Геродотъ называлъ Араксомъ, помѣщая ее на границѣ Европы и Азіи, встрѣчаетъ не мало затрудненій. Нѣкоторые ученые узнавали въ ней Араксъ въ Арменіи (Aras-Kur),—другіе Волгу (позднѣе Ῥᾶ, у Птоломея) иные Аму, или Сыръ-Дарьи. Араксъ, по свидѣтельству Геродота, текущій съ востока въ Каспійское море и составлявшій границу между персидскою территоріей и Массагетами (I, 201, 204, IV, 40), всего вѣроятнѣе считать, по этимъ указаніямъ, за древніе Оксъ или Іаксартъ, или за оба потока, сливавшіеся нѣкогда въ одно общее устье.

Мы не станемъ распространяться о мѣрахъ въ длину и ширину, которыя Геродотъ придаетъ Черному, Азовскому, Каспійскому морямъ, и которыя г. Боннель весьма подробно обсуждаетъ, сличая ихъ съ новѣйшими измѣреніями.

Скиѳія европейская или древняя, коренная Скиѳія (αὕτη ἤδη ἡ ἀρχαίη Σκυθική), по свѣдѣніямъ Геродота, имѣла видъ неправильнаго четыреугольника [1]) и примыкала къ Ѳракіи. Начиная отъ устьевъ Дуная, она простиралась по берегу Чернаго моря до г. Каркинитиса [2]); въ этомъ мѣстѣ ее прерывалъ выдающійся въ море гористый полуостровъ, обитаемый Таврами, до скалистаго Херсонеса [3]); далѣе, на томъ же полуостровѣ, вдоль западныхъ береговъ Босфора и Меотійскаго лимана, и по р. Танаису (Дону) жили опять Скиѳы, а за ними Меланхлены (черные плащи), которыхъ къ Скиѳамъ онъ не причисляетъ. Отъ устьевъ Дуная Геродотъ считаетъ до Борисѳена (Днѣпра) 10 дней пути (по 200 стадіевъ, или по 36-ти верстъ въ день); отъ

---

[1]) Какой имѣетъ и современная Европейская Россія, хотя въ иныхъ границахъ.

[2]) На устьѣ р. Гипакириса, у залива Ахмеджидъ, *Forbig.*, III, 1118.

[3]) μέχρι Χερσονήσου τῆς Τρηχέης.

этой рѣки до Лимана столько же, слѣдовательно, всего 20 дней пути вдоль южной стороны четыреугольника, и столько же, 20 дней пути, вглубь страны, къ сѣверу отъ моря до Меланхленовъ. Съ другихъ двухъ сторонъ (западной и сѣверной) со Скиѳами граничили, начиная отъ Дуная, сперва Агаѳирсы, а далѣе Невры, Андрофаги и Меланхлены.

Скиѳію Геродотъ описываетъ какъ обширную плоскость (степь), обильную травами, безлѣсную, за исключеніемъ небольшой полосы у Днѣпра; рѣкъ и рѣчекъ, по ней протекающихъ, путникъ встрѣчаетъ такое же множество, какъ въ Египтѣ каналовъ; главными рѣками, судоходными съ моря (προσπλωτοὶ ἀπὸ Θαλάσσης), онъ называетъ: Ἴστρος, Τύρης, Ὕπανις, Βορυσθένης, Παντικάπης [1]), Ὑπάκυρις [2]), Γέῤῥος и и Τάναϊς, съ которыми Боннель отожествляетъ Дунай, Днѣстръ, южный Бугъ, Днѣпръ и Конку, устье Каланчака, одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра и Донъ.

Истръ, по Геродоту, величайшая изъ извѣстныхъ ему рѣкъ; истоки его на крайнемъ западѣ, въ землѣ Кельтовъ, у гор. Pyrene [3]); онъ протекаетъ середину Европы, составляетъ западную границу Скиѳіи и впадаетъ въ море у милезійской колоніи Ἰστρίη, насупротивъ Синопа. Пять притоковъ присоединяются къ нему съ лѣвой стороны, вытекая изъ Скиѳіи: самый восточный Скиѳы называютъ Πόρατα, Эллины Πυρετός (Прутъ), самый западный Τιαραντός, и между ними Ἀραρός, Νάπαρις, и Ὀρδησσός [4]), изъ земли же Агаѳирсовъ въ него впадаетъ Μάρις [5]). Съ правой стороны въ Истръ впадаютъ три большія рѣки: Ἄτλας, Αὔρας и Τίβισις, текущія съ Балканъ (М. Наетоѳ) къ с., вѣроятно, по землѣ обитавшихъ здѣсь Гетовъ (Герод. IV, 93) и въ него же впадаютъ съ этой стороны протекающія по Ѳракіи Ἄθρυς, Νόης, Ἀρτάνης и т. д.

Эти указанія имѣли бы весьма важное значеніе для опредѣленія границъ и внутренней топографіи Скиѳіи; къ сожалѣнію, нѣкоторыя

---

[1]) *Forbiger*, III, 1117, указываетъ рѣчку того же имени въ Крыму, у города Пантикапея.

[2]) Позднѣе называемый Καρκινίτης, у города того же названія; *Forbiger*, III, 1118.

[3]) Pyrenae civitas, Avienus. Можетъ быть, Геродотъ имѣлъ въ виду Пиренейскія горы.

[4]) По г. Боннелю Алута, Серетъ, Яловица и Арджишъ, по Маннерту: Ἀραρος=Алута, Ὀρδεσσος=Серетъ и Νάπαρις=Арджишь.

[5]) Нынѣ Марошъ.

Digitized by Google

изъ рѣкъ, указываемыхъ Геродотомъ, напримѣръ, Пантикаписъ, Гипакирисъ и Герросъ, весьма трудно узнать въ современныхъ водоемахъ и потокахъ той же мѣстности.

Днѣстръ (Τύρης), по Геродоту, вытекаетъ изъ большаго озера, составляющаго границу Скиѳовъ и Невровъ [1]); у его устья жили греческіе колонисты Τυρῖται. Гипанисъ (Бугъ) вытекаетъ изъ озера, около котораго пасутся дикія бѣлыя лошади, и въ нижнемъ теченіи вода его горька. Эта горечь происходитъ отъ ключа, называемаго Скиѳами Ἐξαμπαῖος, а Греками Ἱεραὶ ὁδοί, и составляющаго границу между Скиѳами-пахарями (ἀροτῆρες) и Алазонами [2]). Въ землѣ последнихъ Бугъ сближается съ Днѣстромъ, но потомъ отходитъ отъ него и соединяется при устьѣ съ Борисѳеномъ (Днѣпромъ); на ихъ стеченіи построенъ храмъ Деметры [3]). Отъ торговаго города Борисѳенитовъ на устьѣ [4]), къ сѣверу по Бугу живутъ Каллипиды (Ἕλληνες-Σκύθαι) и Алазоны, живущіе по обычаю Скиѳовъ, но сѣющіе и ѣдящіе хлѣбъ; далѣе Скиѳы-пахари, сѣющіе хлѣбъ, не для пропитанія, но для продажи [5]), а за ними Невры, которыхъ Боннель помѣщаетъ между Карпатами и Днѣпромъ въ области Нѣмана, котораго притокъ, рѣку Вилію, Литва по настоящее время называетъ Neris. Къ сѣверу отъ Невровъ—безлюдная пустыня [6]).

Къ востоку отъ Днѣпра, по берегу моря, Геродотъ указываетъ лѣсное пространство ἡ Ὑλαίη и косу, называвшуюся Ахиллесовымъ ристалищемъ (δρόμος Ἀχιλλέως). Отъ этой мѣстности къ востоку на три дня пути (около 100 верстъ) жили Скиѳы-земледѣльцы (γεωργοί, Греки ихъ называли Борисѳенитами), до рѣки Пантикаписъ, занимая къ сѣверу по Днѣпру пространство въ 11 дней пути (до 400 в.). Объ источникахъ Днѣпра Геродотъ ничего не знаетъ, его теченіе извѣстно на 40 дней плаванія вверхъ отъ устья [7]), до мѣстности, называемой Γέρρος, гдѣ живутъ Герры и откуда вытекаетъ рѣка того

---

[1]) Въ 20 дняхъ пути отъ моря (700 или 800 верстъ), какъ полагаетъ г. Боннель.

[2]) Въ 5 дняхъ пути (около 200 верстъ) отъ истока Буга и въ 4 дня отъ моря, у гор. Николаева.

[3]) Или Фригійской, Матери ἱερὸν Μητρός, изображенной на монетахъ Ольвіи.

[4]) Древней Olbia.

[5]) Въ губерніяхъ Екатеринославской, Кіевской и Подольской.

[6]) Въ числѣ указанныхъ здѣсь племенъ жили и Геты, какъ полагаетъ г. Боннель, не представляя тому, однако же, никакихъ доказательствъ (стр. 80).

[7]) Или на 14 дней плаванія; чтеніе рукописей сомнительное.

Digitized by Google

же названія. Рѣка Пантикаписъ, вытекая изъ озера, составляетъ восточную границу Скиѳовъ-земледѣльцевъ, протекаетъ Гилею и впадаетъ въ Борисѳенъ (слѣдовательно, у его устья). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ земледѣльцевъ—обширная степь, за которою жили Андрофаги [1]), а далѣе—необитаемая пустыня. По Днѣпру уже въ то время было разведено обширное скотоводство; Геродотъ хвалитъ плодородіе его береговъ, изобиліе травъ, упоминаетъ о добычѣ соли на устьѣ, объ изобиліи рыбы въ его водахъ, въ особенности рыбы крупной, безъ костей (ἀνταχαῖοι), заготовляемой въ прокъ [2]).

Къ востоку отъ Пантикаписа Геродотъ помѣщаетъ Скиѳовъ кочующихъ (Νομάδες); они занимали пространство на 14 дней пути (до 500 в.) къ востоку до рѣки Герросъ, степь, совершенно безлѣсную. Рѣка Гипакирисъ, изливаясь изъ озера, протекаетъ по ихъ землѣ и впадаетъ въ море у г. Каркинитиса и предѣловъ Гилеи, близъ ристалища Ахиллеса (слѣдовательно, на западъ отъ перешейка Таврическаго). Герры—самые дальные изъ народовъ, подвластныхъ Скиѳамъ; страна, ими занимаемая по Днѣпру, съ того пункта, съ котораго онъ становится судоходнымъ, служила въ древности усыпальницею для Скиѳскихъ царей; здѣсь красовались ихъ высокіе могильные курганы (IV, 71). Рѣка Герросъ, начинаясь съ той же мѣстности, отходитъ отъ Днѣпра, составляетъ границу между Скиѳами кочующими и царскими (или царственными) и впадаетъ, недалеко отъ моря, въ рѣку Гипакирисъ (слѣдовательно, образуетъ дугу). Царскіе Скиѳы, наиболѣе воинственные и многочисленные, считавшіе прочія скиѳскіе племена своими рабами, занимали пространство къ востоку отъ р. Герроса, къ югу граничили съ Тавридой и простирались до г. Κρημνοί на берегу Лимана [3]) и даже далѣе до р. Танаиса (Дона). Къ сѣверу отъ нихъ жили Меланхлены, а за этими—обширныя озера и безлюдная пустыня. Донъ, по свѣдѣніямъ Геродота, вытекаетъ также изъ большаго озера, принимаетъ значительный притокъ Ὕγρις [4]) и впадаетъ въ Лиманъ Меотійскій.

---

[1]) Людоѣды, въ губерніяхъ Черниговской, Могилевской и Смоленской, какъ полагаетъ г. Боннель.

[2]) Вѣроятно, вяленой, соленой, сушенной, балыки и т. п. Г. Боннель задается даже вопросомъ: какую икру приготовляли на Днѣпрѣ (за 500 лѣтъ до Р. Х.)—паюсную или зернистую, но не рѣшаетъ вопроса (стр. 99).

[3]) Старый Крымъ по Рейхарду. Κρημνός, κρημνοί, коренныя греческія слова, означаютъ «крутизна, акрополь», хотя, можетъ быть, имѣютъ родство со славянскимъ Кремль, кремень.

[4]) Вѣроятно, нынѣшній Донецъ.

Digitized by Google

На извѣстія о пустыняхъ сѣверной Россіи г. Боннель указываетъ, какъ на доказательство, что Чудь въ то время не обитала еще въ Европейской Россіи. Теченіе рѣки Γέρρος ему не удалось опредѣлить. Можетъ быть, со времени Геродота измѣнилось русло нѣкоторыхъ рѣкъ и рѣчекъ южной Россіи. Кто знаетъ, можетъ быть; самъ Геродотъ получилъ неточныя свѣдѣнія объ упомянутой рѣкѣ: Скиѳы имѣли какія-либо основанія скрывать мѣстонахожденіе своего царскаго кладбища, изъ-за религіозныхъ, напримѣръ, предразсудковъ, и всячески уклонялись отъ сообщенія ясныхъ указаній по этому предмету.

Къ востоку отъ Танаиса (Дона) Геродотъ помѣщаетъ Сарматовъ (Σαυρομάται), народъ, происходящій, по его свидѣтельству, отъ смѣшенія Амазонокъ и Скиѳовъ; они обитали отъ угла лимана къ сѣверу на 15 дней пути, въ степи, совершенно безлѣсной. За ними начинается мѣстность, обильно поросшая лѣсомъ, въ которой обитали Будины, народъ многочисленный, съ голубыми глазами и красноватыми волосами (вѣроятно, Финскаго племени). Въ ихъ землѣ былъ выстроенъ деревянный городъ, съ храмами греческихъ божествъ, называвшійся Γελωνός, населенный греческими бѣглецами, употреблявшими языкъ греческій и скиѳскій [1]); они занимались земледѣліемъ и садоводствомъ. Будины же, коренные жители страны, говорили своимъ языкомъ, не скиѳскимъ, и вели кочевой образъ жизни. Въ глубинѣ ихъ лѣсовъ находилось обширное озеро, обильное пушными звѣрями, доставлявшими имъ мѣха для одежды [2]). Къ сѣверу на семь дней пути за Будинами простирались степи [3]), а за ними, болѣе къ востоку, жили Ѳиссагеты, посвящавшіе свое время преимущественно звѣриной охотѣ [4]). Изъ ихъ страны, черезъ землю Маэтовъ (Μαιῆται), текутъ четыре большія рѣки и впадаютъ въ лиманъ: Λύκος,

---

[1]) Этотъ городъ ищутъ повыше мѣста сближенія Волги и Дона (Царицына и Дубовки). Здѣсь, вѣроятно, была первоначально та знаменитая ярмарка, которая позднѣе передвигалась къ сѣверу, сперва въ Болгары, потомъ въ Казань, Макарьевъ и Нижній Новгородъ.

[2]) Полагаютъ, что Будины жили въ губерніяхъ Воронежской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской.

[3]) Напоминающія степныя пространства уѣздовъ Самарскаго, Николаевскаго, Новоузенскаго и части Астраханской губерніи.

[4]) Вѣроятно, въ губерніяхъ Казанской, Самарской, Уфимской, можетъ быть Оренбургской, въ лѣсныхъ уѣздахъ этихъ губерній.

Digitized by Google

Ὄαρος, Τάναϊς и Σύργις [1]). Съ ними жили Юрки (Ἰύρκαι), также занимавшіеся охотой.

Далѣе къ востоку поселились Скиѳы, отдѣлившіеся отъ Царскихъ. До ихъ жилищъ страна вообще плоская, а здѣсь начинаетъ быть гористою и каменистою (южн. и зап. отроги Урала). Затѣмъ, у подножія великихъ горъ жили Аргиппеи (бѣлыя или быстрыя лошади); они ходятъ съ голою головою, безъ волосъ, питаются фруктами (орѣхами) дерева ποντικοῦ, оружія не носятъ, считаются священными и разбираютъ, какъ судьи, споры и тяжбы сосѣднихъ племенъ [2]). До ихъ жилища страна хорошо извѣстна, и по ней производится бойкая торговля [3]). Достовѣрно извѣстны и сосѣдніе съ ними Исседоны (за Ураломъ); но къ сѣверу отъ Аргиппеевъ и Исседоновъ малоизвѣстная страна; о ней ходятъ слухи, которымъ Геродотъ не вѣритъ: увѣряютъ, будто бы тамъ живутъ люди съ козлиными ногами, люди, которые спятъ шесть мѣсяцевъ (къ сѣверу отъ Аргиппеевъ), люди одноглазые, ворующіе золото у грифоновъ (къ сѣверу отъ Исседонянъ—Аримаспы, по скиѳски ἄριμα одинъ, σποῦ—глазъ). Геродотъ не вѣритъ

[1]) Подъ названіемъ Μαιῆται г. Боннель подразумѣваетъ живущія за лиманомъ племена Сарматовъ и Будиновъ; но черезъ ихъ землю не протекаетъ такихъ рѣкъ въ лиманъ, какія описываетъ Геродотъ. Тутъ очевидное искаженіе свѣдѣній, переданныхъ Геродоту о большихъ рѣкахъ юго-восточной Россіи: Λύκος (волкъ) можетъ быть Волга, Ὄαρος (Ὀυὰρ византійцевъ) Уралъ, Τάναϊς Донъ, Σύργις—Иргизъ или Сура. Hansen считаетъ ихъ за Илекъ, Волгу (Птол. Ῥᾶ), Донъ и Большой Иргизъ.

[2]) Въ той же мѣстности, если здѣсь рѣчь идетъ о западныхъ отрогахъ Урала, Татары и Башкиры брѣютъ голову съ малолѣтства, ихъ лошади отличаются быстротой и выносливостью. Геродотъ описываетъ совершенно правильно, какъ они бьютъ орѣховое масло: сквозь холстъ течетъ черное, густое масло, выжимки сохраняютъ въ видѣ лепешекъ и ѣдятъ съ большимъ аппетитомъ. Фруктъ Ποντικὸν, можетъ быть—абрикосъ, котораго ядро (зерно) имѣетъ вкусъ и всѣ свойства орѣха; въ сушеномъ видѣ (шептала) его привозятъ изъ Оренбурга; въ дикомъ же состояніи (бобовникъ) онъ растетъ за Камой, въ губерніяхъ Казанской, Уфимской, вмѣстѣ съ дикимъ персикомъ. Пишущій эти строки самъ *билъ* (мѣст. терм.) орѣховое и персиковое масло въ томъ краю. Г. Боннель называетъ дерево, дающее фруктъ, Eleagnus angustitolia, ссылается на обычаи Башкиръ и Калмыковъ и на употребляемое ими названіе Atschy—греч. ἄσχυ (p. 117). Священныхъ Kahlköpfe онъ считаетъ за Калмыковъ-буддистовъ; но Калмыки никогда не кочевали на Уралѣ, хотя плосконосы, съ выдавшимися скулами, какъ Аргиппеи (p. 118).

[3]) Основываясь на извѣстіи объ обширной торговлѣ, г. Боннель выводитъ заключеніе, что народы Скиѳіи умѣли *писать* (p. 122).

и въ существованіе Гипербореевъ (живущихъ на крайнемъ сѣверѣ); „если ихъ допустить“—такъ онъ разсуждаетъ—„то не слѣдуетъ отрицать и существованія Гипернотовъ“ (живущихъ на крайнемъ югѣ).

Послѣднее замѣчаніе, какъ намъ кажется, доказываетъ, что Геродотъ имѣлъ понятіе о полюсахъ, полярности, антиподахъ и шарообразномъ видѣ земной поверхности. Г. Боннель помѣщаетъ на Алтаѣ Иссе доновъ и къ сѣверу отъ нихъ промывку золотоносныхъ песковъ сибирскихъ розсыпей, а также упоминаемыя Геродотомъ продолжительныя полярныя ночи. Въ преданіи о грифонахъ, можетъ быть, отозвались неясные слухи о ѣздѣ на собакахъ [1]). Въ людяхъ съ козлиными ногами Боннель видитъ людей, обертывающихъ свои ноги въ козлиныя шкуры, такъ что мы почти узнаемъ козловые сапоги и башмаки, которыми въ наше время еще славится г. Сарапуль, и вообще кожевенное производство, издавна развитое преимущественно въ Казанской губерніи и къ востоку отъ нея; можетъ быть,—другая столь же подходящая догадка—αἰγίποδες не болѣе, какъ искаженіе греч. ʼωκύποδες (быстроногіе), и передаетъ древніе слухи о ходьбѣ или бѣгѣ на лыжахъ, обычномъ за Камой и по всей Сибири.

Въ извѣстіяхъ Геродота встрѣчаемъ хорошо намъ знакомыя черты нравовъ, сохранившіяся по настоящее время, отчасти въ нашемъ народѣ, отчасти въ бытѣ инородцевъ, населяющихъ Россію; но для точнаго опредѣленія этническаго характера описываемыхъ имъ племенъ, находимъ у него слишкомъ мало данныхъ и должны довольствоваться одиѣми догадками.

Не менѣе точныя свѣдѣнія сообщаетъ Геродотъ о климатѣ Россіи (восемь мѣсяцевъ зимы, лѣтніе грозы и ливни, зимой снѣговыя непроходимыя мятели, люди, обращающіеся временно въ волковъ, то-есть, по принятому у г. Боннеля и отличающемуся крайнею простотою способу толкованія, надѣвающіе шубы, море, покрытое льдомъ, отсутствіе ословъ или мулловъ и изобиліе лошадей, изобиліе пчелъ и меду въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, тяга журавлей и т. д.); г. Боннель дополняетъ ихъ выписками изъ Гиппократа, свидѣтельствами Аристотеля, Страбона, изгнанника Овидія и другихъ. Судя по этимъ извѣстіямъ, климатъ южной Россіи былъ строже, нежели современный, или казался слишкомъ суровымъ жителямъ южныхъ странъ, которые преувеличивали его особенности въ своихъ описаніяхъ.

[1]) Millin совершенно случайно указалъ на поразительное сходство грифона съ собакою. См. Mon Ant. Inéd. I, 58 и *Ж. М. Н. Пр.* за ноябрь 1881 года стр. 127.

Digitized by Google

Отъ изслѣдованія топографическаго г. Боннель переходитъ къ историческимъ фактамъ и начинаетъ ихъ съ похода въ Скиѳію Египтянъ при царѣ Сезострисѣ (Рамзесѣ II, 1300 л. до Р. Хр.) [1]. По Геродоту, Сезострисъ съ большимъ флотомъ изъ Аравійскаго залива направился сперва въ Индію, и покорилъ народы, живущіе по берегу Эритрейскаго моря, но встрѣтивъ мелководіе, вернулся въ Египетъ; потомъ, собравъ сухопутное войско, и вѣроятно при помощи того же флота, переведеннаго въ Средиземное море, подчинилъ своей власти Палестину (и крѣпость въ той странѣ Шалума, Salem, Іерусалимъ), Финикію, всю западную Азію до Вавилона, перешелъ во Ѳракію и въ Европейскую Скиѳію. На обратномъ пути часть его войска отстала и населила Колхиду. Геродотъ, который посѣтилъ эту страну и Египетъ, положительно удостовѣряетъ тожество обоихъ народовъ и основываетъ свое мнѣніе не только на сходствѣ нѣкоторыхъ обычаевъ (каковы, напримѣръ, обрѣзаніе, тканье льнянаго полотна и т. п.), но также на сходствѣ языковъ и наружнаго вида, цвѣта кожи, волосъ и т. д.

Поводомъ къ походу послужили предшествовавшія событія. Около 2000 л. до Р. Хр. или нѣсколько позднѣе, Египтомъ овладѣли Гиксы; ихъ резиденціями были города Аварисъ, Танисъ (Zoan), главнымъ божествомъ Set, Sutech, именуемый Nub, золотой, а также Вааломъ [2]), божество, враждебное Египтянамъ, считавшееся у нихъ за принципъ зла. Хотя этотъ загадочный народъ, Гиксовъ, по ихъ религіи, внѣшнему виду (изображенному на памятникахъ), по именамъ ихъ царей, обыкновенно относятъ къ Семитическому племени и считаютъ родственнымъ Арабамъ, которыхъ Египтяне также называли Шасу, или по крайней мѣрѣ, къ хамитическимъ племенамъ Сиріи и Палестины, тѣмъ не менѣе, г. Боннель по ихъ названію (Гик-шасу цари-пастухи) подозрѣваетъ въ нихъ кочующихъ Скиѳовъ (Царскихъ Скиѳовъ). Изгнаніе Гиксосовъ царемъ Aahmes I (Amasis) около 1700 л. до Р. Хр. послужило началомъ цѣлому ряду удачныхъ походовъ, со стороны

---

[1]) Rameses II Meriamen или Miamun, именуемый въ надписяхъ: Ses, Sestesu, Setesura, съ чего Греки образовали свое Σέσωστρις, Σεσόωσις. Тацитъ, Ann. II 60, приписываетъ этотъ походъ тому же царю со словъ египетскихъ жрецовъ: eo cum exercitu Regem Rhamsen Libya... Mediaque et Persis ac Scythia potitum...

[2]) Сравн. *Tomkins,* Times of Abraham, 1878, у котораго указана и новѣйшая библіографія по вопросамъ объ этомъ божествѣ, о Гиксахъ и о Хетахъ Палестины, стр. 91, 130, 146.

Египтянъ, которыхъ увѣнчаніемъ были побѣды Рамзеса II, воспѣтыя Пентауромъ. Память о его походахъ на дальній сѣверъ сохранилась въ скульптурахъ и надписяхъ Египта; г. Боннель приводитъ по Бругшу выписку изъ нихъ, народовъ, покоренныхъ въ то время Египтянами, и въ томъ числѣ имена: Naharaina (Мессопотамія), Assur, Singara (Синеаръ), Libanon, Ruthen или Luthen (Палестина), Zahi (Финикія), Cheta, островъ Кипръ и т. д.

Ко времени нашествія Гиксовъ обыкновенно относятъ переселеніе Евреевъ въ Египетъ, ко времени Рамзеса ихъ тяжкое порабощеніе, а ихъ бѣгство въ пустыню къ слѣдующимъ двумъ царствованіямъ, къ эпохѣ Менефта II или ко времени Сети-Менефта III. Довольно правдоподобно то мнѣніе, которое отождествляетъ Гиксосовъ съ могущественнымъ племенемъ Палестины—Хати, Хеты [1]). Походъ противъ нихъ Рамзеса, можетъ быть, возбужденъ былъ въ отомщеніе за нападеніе Гиксосовъ на Египетъ; ихъ же ослабленіе и порабощеніе Египтянами облегчило Евреямъ вступленіе въ Палестину и овладѣніе этою страною, а съ другой стороны, содѣйствовало усиленію могущества Ассиріи, возникающаго вслѣдъ за тою же эпохою.

Возвращаясь еще разъ къ извѣстіямъ Геродота о родствѣ Египтянъ и Колховъ, г. Боннель сближаетъ имя послѣднихъ съ Casluchim Библіи и по этому случаю переходитъ къ изученію родословной (Völkertafel), помѣщенной въ священныхъ книгахъ Евреевъ; составленіе этого важнаго документа онъ относитъ, во всякомъ случаѣ, къ эпохѣ, болѣе ранней, нежели времена пророковъ Исаіи и Іереміи, и при объясненіи родословной преимущественно слѣдуетъ Кнобелю, Туху и Киперту. Г. Боннель при этомъ не преминулъ упомянуть о любопытномъ изслѣдованіи г. Гаркави, указавшаго, что въ названіяхъ странъ, прилегающихъ съ разныхъ сторонъ къ Арарату и къ вершинамъ горной цѣпи Тавра, сохранились воспоминанія о первомъ разселеніи народовъ и о древнѣйшихъ обиталищахъ трехъ главныхъ племенъ, называвшихся по именамъ сыновей нашего праотца Ноя.

Родословная, внесенная въ книги Моисея, основана, по всей вѣроятности, на преданіяхъ, несравненно болѣе древнихъ, нежели эпоха законодателя Евреевъ и ихъ странствованія въ пустынѣ; она пред-

[1]) Боннель, какъ намъ кажется, неправильно сближаетъ названіе этого народа (Хетиты, Хет-Библіи) съ названіемъ о. Кипра у Евреевъ—*Киттимъ*. Первое пишется съ буквою *хет*, а второе съ буквой *каф*; обѣ буквы едва ли имѣютъ грамматическое сродство. Впрочемъ, г. Гаркави указалъ случай, когда обѣ буквы въ египетской транскрипціи переданы буквою *x* (*Journ. Asiat.* avril 1870, p. 164).

ставляетъ намъ весьма замѣчательный этнографическій и географическій очеркъ трехъ частей стараго свѣта, Европы, Азіи и Африки и древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ письменныхъ памятниковъ по этому предмету [1]); но вписанныя въ нее имена, во многихъ случаяхъ, очень трудно отожествить съ названіями извѣстныхъ намъ народовъ. Многіе ученые, при изслѣдованіи значенія родословной, увлекались созвучіями именъ народныхъ и приходили къ заключеніямъ, не всегда оправдываемымъ здравою критикою [2]).

Къ Іафетидамъ въ родословной отнесены: Гомеръ, Магогъ, Мадаи, Іаванъ, Θовелъ (Thubal), Мосохъ (Mesek, Мешех) и Θирасъ (Thiras); сыны Гомера — Ашкеназъ (Askenaz), Рифатъ (Ripath) и Θогарма (Thogarmah); сыны Іавана—Элиша (Elisah) Θарсисъ (Таршиш, Tharsis), Киттимъ (Kittim) и Доданимъ или Роданимъ, населившіе острова народовъ. Къ племени Хама причислены: Кушъ, Мицраимъ, Футъ и Канаанъ; къ сынамъ Мицраима — Лудимъ, Каслухимъ, отъ котораго произошли Филистимляне, и другіе; къ семитамъ — Еламъ, Ассуръ, Лудъ, Арамъ и Арфаксадъ, отецъ Салы (Шала), отъ котораго произошелъ Геберъ (Хевер), родоначальникъ всѣхъ Евреевъ. Отъ Гебера родился Фалегъ (Peleg), отъ Фалега—Реху (Рагавъ), отъ Реху—Шеругъ, отъ Шеруга — Нахоръ, отъ Нахора — Θарра, отъ Θарры—Авраамъ.

Имя „Гомеръ" г. Боннель сближаетъ съ названіемъ Киммерійцевъ, которые и въ ассирійскихъ надписяхъ именуются: Gimirrai, съ назва-

---

[1]) *Ern. Renan* называетъ X-ю главу книги Бытія: le plus ancien document géographique qui nous reste. Miss. de Phénicie, 1864, p. 20. Мы не видимъ никакого основанія сомнѣваться въ принадлежности родословной Моисею, такъ какъ у Евреевъ задолго до него были историческія записи и другія книги, на которыя онъ самъ ссылается, и письменность была уже вполнѣ развита въ Египтѣ, въ Финикіи и въ Халдеѣ, откуда выселился Авраамъ.

[2]) Какъ на примѣръ прискорбныхъ увлеченій, укажемъ на приведенныя у Боннеля догадки Кнобеля, что подъ загадочнымъ именемъ Askenaz скрывались Асы; населившіе Скандинавію, Asaheimr и Asgardr, Асдингеры между Вандалами, Асбурги (Ἀσκουργιάνοι) Страбона, Osi, Oss, Осетины, Ясы нашихъ лѣтописей, и *наконецъ, даже современные намъ—Ostseeländer*. Diese Behauptung, прибавляетъ г. Боннель,—ist aber nicht begründet. p. 154. Riphat Кнобель сближаетъ съ названіемъ Карпатовъ и съ славян. *грябъ, хребетъ*. pp. 155, 156. Г. Боннель сличаетъ имя древн. Chita съ нѣмецкимъ Chatten oder Hessen, имена двухъ царей племени Іуды Amasias съ рѣкою Эмсъ, при чемъ извиняется, что когда писалъ эту замѣтку, еще не былъ знакомъ съ мнѣніемъ Обермюллера, изложеннымъ въ его изданіи Saken und Sachsen der Hessen-Völker, 1877, p. 155. Эти сближенія мы считаемъ, по меньшей мѣрѣ, очень сомнительными.

Digitized by Google

ніемъ Каппадокіи Gamir, съ Киммерійцами, упоминаемыми въ Одиссеѣ (XI, 14) на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ Бриттаніи вѣроятно, гдѣ жители Кумберланда и теперь еще себя называютъ Cimry, съ Кимврами Ютландіи и съ народомъ Chomari (Χόμαροι), жившими къ востоку отъ Каспійскаго моря. Въ имени Thogarmah почти всѣ комментаторы родословной узнаютъ Армянъ (Гаикановъ); хотя Іосифъ и Іеронимъ ихъ считаютъ за Фригійцевъ, но Геродотъ (VII, 73), Евдоксъ и Евстаѳій утверждаютъ, что Армяне вышли изъ Фригіи. Гриммъ [1]) производитъ имя Thogarmah отъ санскр. toka — племя и Armah—Armenia. Askenaz сближаютъ съ названіемъ страны Ascania во Фригіи и Мизіи, мѣстечка, озера, рѣки того же именованія и съ именемъ Энеева сына въ древней Троѣ. По мнѣнію Дж. Роулинсона это было малозначительное киммерійское племя, обитавшее во времена пророка Іереміи въ горахъ Арменіи [2]). Riphat, по Іосифу Флавію, обозначаетъ жителей Пафлагоніи, а сыны Магога, по его же показанію, называются у Грековъ Скиѳами [3]). Свидѣтельство Флавія, подтверждаемое и Іеронимомъ, имѣетъ большой вѣсъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ высокообразованный, отлично знавшій языки, обычаи и воззрѣнія Грековъ и Евреевъ, и намъ передаетъ истинное значеніе, какое придавали Евреи, его современники, именамъ народовъ и племенъ, вписанныхъ въ родословную. По его свидѣтельству, Скиѳы принадлежатъ къ великой семьѣ Іафетидовъ; но такое преданіе не подтверждается другими фактами, напротивъ, описаніе ихъ обычаевъ у Геродота противорѣчитъ этому выводу, и намъ дозволено будетъ, по крайней мѣрѣ, предположить у Грековъ и Евреевъ той эпохи смѣшеніе названій и различныхъ этническихъ элементовъ, по внѣшнимъ, маловажнымъ признакамъ, каковы: нѣкоторое сходство въ одеждѣ, непонятливость языка, грубость и звѣрство, общія всѣмъ племенамъ, населявшимъ сѣверныя части Азіи и Европы [4]).

Въ именахъ Madaï и Javan оріенталисты безъ затрудненія узнаютъ, вопервыхъ, Мидійцевъ (Μῆδοι, Μαδαῖοι), со включеніемъ родственныхъ съ ними Персовъ, которые въ эпоху составленія родословной еще не были отъ нихъ отдѣлены, и вовторыхъ, Грековъ, Іонянъ, ев-

[1]) Gesch. d. Deutsch. Sprache, II, 825.

[2]) The Origin of Nations, 1877, p. 181: an obscure Cymric race, early population wich disappeared.

[3]) Древн. Іуд. I, VI, 1.

[4]) Tuch объясняетъ значеніе словъ *Гогъ* и *Магогъ* съ осетинскаго choch «гора», нѣмецкое hoch. *Боннель*, p. 157, 1.

Digitized by Google

ропейскихъ и малоазіатскихъ, Ἰάονες, ΙαϜονες, Javanu ассирійскихъ надписей. Въ сыновьяхъ Іавана: Элиша, Өарсисъ, Киттимъ, Доданимъ, не трудно признать, въ первомъ имени—выдѣлившихся позднѣе изъ кореннаго Іонійскаго племени и получившихъ преобладаніе Эллиновъ [1]), во второмъ—жителей г. Тарса (Tarsus) въ Киликіи и его окрестности, въ третьемъ—жителей острова Кипра (финик. и еврейск. Kittim) и въ четвертомъ—жителей Додоны въ Эпирѣ [2]), или острова Родоса, если слѣдовать другому чтенію того же слова въ Библіи — Rodanim. Г. Боннель подразумѣваетъ подъ именемъ Элиша Эолійцевъ и Элеевъ (Elei), подъ вторымъ именемъ—Тирсеновъ (Этрусковъ) Италіи и гор. Tartessus въ Испаніи [3]), подъ третьимъ—Кипріотовъ и подъ четвертымъ—Дарданянъ Трои и Иллиріи и ихъ потомковъ Славянъ. По этому случаю всякій припомнитъ „тропу Троянию" въ Словѣ о плъку Игоревѣ, а г. Боннель, въ доказательство пребыванія Славянъ въ Малой Азіи, приводитъ длинный списокъ урочищъ и городовъ, напоминающихъ славянскіе корни словъ [4]). Всѣ эти сближенія, даже, если допустить пребываніе въ Малой Азіи нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ доисторическое время [5]), вовсе однакоже не доказываютъ ихъ происхожденія отъ Троянъ или изъ племени Доданимъ (Роданимъ) и какого-либо упоминанія, яснаго, въ родословной Библіи о Скиөахъ, Славянахъ и Германцахъ.

Өовелъ и Мосохъ, встрѣчаемые въ Библіи постоянно и неразлучно вмѣстѣ, еврейскіе Тубал (Thubal) и Мешех (Mesek), греч. Τιβαρηνοί (Τίβαροι) и Μόσχοι, въ ассирійскихъ надписяхъ Muskai и Tuplai жили къ ю.-з. отъ Кавказа въ сосѣдствѣ съ Колхами и Халибами, въ вер-

---

[1]) Въ Иліадѣ еще только малая часть войска Грековъ, одни Мирмидоны носятъ названіе Ἕλληνες. Очевидно, корень этого слова Ἕλη, окончаніе νος соотвѣтствуетъ еврейскому окончанію *иа*, съ редупликаціею основной согласной.

[2]) Около Додоны, по преданію, было древнѣйшее обиталище Грековъ, которые стали здѣсь называться Γραικοὶ и Σελλοί (изъ послѣдняго имени образовалось позднѣе Ἕλλοι, Ἕλληνες): *Боннель*, p. 185.

[3]) *G. Rawlinson* считаетъ невозможнымъ отожествленіе Таршиш и Tartessus, l. c. p. 154.

[4]) Lebedos лебедь, Granikos граница, Gargara гора, Kotylos котелъ, Lopadion лопата, Temnos темный, рѣка Sagaris за горами, Mosteni мосты, Smyrna смирная, жители города Κίος въ Виөиніи—Κιανοί Кіяне (Кіевляне), гор. Λίβυσσα въ Виөиніи Любуша и т. д. p. 163.

[5]) Гомеръ, Геродотъ и другіе свидѣтельствуютъ о жительствѣ въ Пафлагоніи племени Энетовъ или Венетовъ. *Боннель*, p. 164. Имя ихъ вождя при защитѣ Трои (Ил. II, 851) Πυλαιμένης напоминаетъ наше «пылаю, пламень».

Digitized by Google

ховьяхъ Фазиса и Куры (Kyros), гдѣ и по настоящее время удержалось названіе мѣстности Meskh близъ Ахалциха. Позднѣе въ Библіи къ названію этихъ двухъ народовъ прибавляется третье названіе: Росъ (Рош [1]). Подъ названіемъ Ѳовелъ Іосифъ Флавій подразумѣваетъ Грузинъ (Иверовъ или Иверцевъ, Ἴβηρες), подъ именемъ Мосохъ—Каппадокію, съ ея столицею Mazaka. Имя Tiras или Thiras Іосифъ, Іеронимъ, Евсевій, Епифаній и другіе относятъ къ Ѳракійцамъ (Thraces, греч. Θρᾷξ, жен. Θρᾷττα или Θρῆσσα), но Тухъ въ немъ узнаетъ Тирсеновъ (Этрусковъ), по сходству будто бы ихъ названія съ этимъ именемъ.

Изъ потомства Хамова и Симова Боннель упоминаетъ только Casluhim, родоначальника Филистимлянъ, и Lud, отъ котораго произошли (по свидѣтельству Іосифа I 6, 4) Лидійцы, Λυδοί или Λοῦδοι. Іосифъ къ тому же поясняетъ, что Кушитами и въ его время называли Эѳіоплянъ, что Мицраимъ означаетъ у Евреевъ Египетъ, а Футъ — остальную Ливію.

Въ своихъ стараніяхъ объяснить генеалогію и родство извѣстныхъ намъ народовъ древняго міра, толкуя о первобытномъ населеніи Италіи и Греціи, о Тирсенахъ и Пелазгахъ, г. Боннель приводитъ мнѣніе Киперта о семитизмѣ сихъ послѣднихъ. Удивляемся, какъ не обратилъ онъ вниманія, при этомъ, на созвучіе ихъ племеннаго названія съ библейскимъ Фалегъ (Peleg), сближеніе, столь же правдоподобное, какъ и обыкновенное производство того же названія отъ греч. πέλαγος море или Πελαργοί журавли перелетные.

Затѣмъ г. Боннель приводитъ не лишенное значенія въ данномъ случаѣ свидѣтельство Діонисія Галикарнасскаго (XIV, 2), что Греки подъ общимъ названіемъ Κελτική подразумѣвали и Галлію, и Германію,—и ссылаясь преимущественно на доводы Sparschuh, по нашему мнѣнію весьма мало убѣдительные, онъ приходитъ въ главѣ 6-й къ заключенію, совершенно неожиданному и вовсе не вытекающему изъ предыдущихъ изслѣдованій: 1) что первобытное населеніе передней Азіи и югозападной Европы, Греціи, Италіи, Испаніи, было кельтическое (urkeltische), и 2) что понтійскіе Скиѳы были арійскаго

---

[1]) Езек. XXXVIII, 2, 3 и XXI, 1. Мы не останавливаемся на высказываемомъ иногда мнѣніи о родствѣ упоминаемыхъ здѣсь трехъ народностей съ тремя сосѣдственными племенами на нашемъ сѣверѣ: съ Русью (Старая Руса), Тверичами (Тиверцы) и Москвичами. G. Rawlinson того убѣжденія, что отожествленіе ассир. Muskai и сѣверныхъ Московитовъ не имѣетъ ни историческаго, ни этническаго основанія, l. c. p. 179.

происхожденія. По крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ, во всѣхъ вышеприведенныхъ нами историческихъ извѣстіяхъ и преданіяхъ мы не находимъ данныхъ, оправдывающихъ такое заключеніе. Одно только свидѣтельство Іосифа Флавія, считающаго тожественными имя Gomer съ Киммерійцами (Кельтами, Галатами), имя Magog со Скиѳами, подкрѣпляетъ гипотезу г. Боннеля; но, при всемъ уваженіи нашемъ къ авторитету историка Евреевъ, мы не считаемъ мнѣніе этого поздняго писателя за безспорное доказательство.

Геродотъ разказываетъ намъ два преданія о происхожденіи Скиѳовъ, одно, имъ слышанное отъ самихъ Скиѳовъ, а другое отъ Грековъ понтійскихъ: по первому, родоначальникъ Скиѳовъ Ταργίταος произошелъ отъ Зевса и дочери Борисѳена (рѣки) и имѣлъ трехъ сыновей, ставшихъ во главѣ Скиѳскихъ племенъ; по второму, родоначальникомъ Скиѳовъ былъ Геркулесъ, сочетавшійся въ пещерѣ близъ Борисѳена со змѣеобразнымъ существомъ—Ехидной. Она родила ему трехъ сыновей: Агаѳирса, Гелона и Скиѳа; первые двое были изгнаны изъ отечества, отъ младшаго, Скиѳа, произошелъ царскій родъ, властвовавшій въ той странѣ. Реннель и Гаммеръ узнавали въ имени Таргатая или Тарготая корень Turk; Цейсъ считалъ это имя за древне-бухарское, другіе искали его объясненія въ языкѣ Калмыковъ или Монголовъ, оно же повторяется у тюркскихъ Аваровъ,—обстоятельства, которыя не говорятъ въ пользу арійскаго происхожденія Скиѳовъ.

Было и третье преданіе, правдоподобнѣе первыхъ двухъ: Геродотъ разказываетъ, что Скиѳы, прежде жившіе въ Азіи, тѣснимые Массагетами (или Исседонами по Аристею), перешли Араксъ [1]) и двинулись въ землю Киммеріянъ, которые, послѣ междоусобной рѣзни, имъ уступили. По видимому, во времена Геродота на югѣ Россіи уже не оставалось болѣе Киммерійцевъ, и сохранились только воспоминанія о ихъ здѣсь пребываніи: указывали ихъ гробницы, называли ихъ именемъ города или развалины (Κιμμέρια τείχεα), урочища, проливъ (Босфоръ). Главная ихъ масса обошла или переплыла море и поселилась на полуостровѣ, гдѣ позднѣе былъ выстроенъ городъ Синопъ. Преслѣдуя Киммерійцевъ, Скиѳы вторглись въ Мидію, въ то время, когда Кіаксаръ осаждалъ Ниневію. Разбивъ Мидійцевъ, они наводнили Западную Азію, Сирію, Палестину, разграбили храмъ

[1]) То-есть, Оксъ и Іаксартъ, если кочевали въ степяхъ Монголіи, или Волгу, какъ полагаетъ Боннель, p. 206. Борьба возникла, конечно, не изъ-за золотыхъ розсыпей, которыми едва ли кочевники занимались, но изъ-за пастбищъ.

Digitized by Google

Афродиты Ураніи въ Аскалонѣ и шли на Египетъ, но Псамметихъ дарами убѣдилъ ихъ возвратиться. Кіаксаръ, частью хитростью, частью силою, справился съ ними и докончилъ осаду Ниневіи, которую онъ разрушилъ въ 606 г. до Р. Х. Послѣ 28-лѣтняго господства и разбойничьяго хозяйствованія въ Зап. Азіи, Скиѳы возвратились въ свои земли, гдѣ встрѣчены были возставшими противъ нихъ рабами (то-есть, подвластными имъ племенами), и ихъ смирили, не оружіемъ въ битвѣ, но плетью (кнутомъ). Киммерійцы, между тѣмъ, изгнанные Скиѳами, ходили подъ Сардесъ въ Лидію, взяли этотъ городъ и производили набѣги на Іонію.

Эти извѣстія Геродота много разъ—замѣчаетъ г. Воннель (стр. 205)—подвергались сомнѣнію и признавались малопонятными, а между тѣмъ они подтверждаются новѣйшими изслѣдованіями ассирійскихъ надписей и касаются событій первостепенной важности въ исторіи Западной Азіи. Мы встрѣчаемся уже въ нихъ съ историческими именами Кіаксара, сына Фраорта, и Псамметиха. Разказъ Геродота противорѣчилъ бы приведеннымъ имъ же преданіямъ, и Скиѳовъ, и Грековъ, объ ихъ автохтонизмѣ, еслибы не возможно было его растянуть на весьма продолжительное время. Движеніе главной массы Скиѳовъ, тѣснимыхъ Массагетами или Исседонами, можетъ быть отнесено, какъ полагаетъ Воннель за 1500 л. до Р. Х., окончательное же изгнаніе Киммерійцевъ къ VII столѣтію. За 1000 л. до Р. Х. Скиѳы уже кочевали въ южныхъ степяхъ Россіи, такъ какъ Страбонъ (VII, 3, 7) относитъ къ нимъ сказаніе Гомера о Гиппемолгахъ. Гомеръ уже знаетъ Босфоръ Киммерійскій. По Страбону, Киммерійцы нерѣдко предпринимали походы въ Зап. Азію (I, 3, 21). Кіаксаръ не всегда былъ во враждѣ съ дикими сѣверными кочевниками: онъ пользовался и ихъ услугами, какъ признаетъ и самъ Геродотъ (I, 73), описывая, что изжарили они убитаго ребенка и угостили этимъ отвратительнымъ кушаньемъ царя. Такой звѣрскій поступокъ и ихъ расправа съ рабами, не оружіемъ, но плетью или кнутомъ, живо напоминаютъ обычаи нашего казачества былаго времени, понизовой вольницы, Башкиръ и Киргизовъ. Нашествіе Скиѳовъ и Киммерійцевъ массами и ихъ неслыханные грабежи, отъ которыхъ дрогнула и пришла въ ужасъ вся западная Азія до Египта, ослабили Ассирію и предали ее въ руки Мидійцевъ, вскорѣ ослабили и Мидію и послужили, такимъ образомъ, поводомъ къ усиленію власти Кира и къ возникновенію его могущественнаго царства.

Digitized by Google

Но куда же разбрелись Киммерійцы, вытѣсненные Скиѳами [1]) и составлявшіе до ихъ пришествія значительную массу, судя по пространству, которое они занимали? Умѣститься всѣмъ народомъ на полуостровѣ около Синопа они не могли. Много ихъ погибло въ борьбѣ, междоусобной рѣзнѣ и въ набѣгахъ на западную Азію; вѣроятно многіе смѣшались съ побѣдоносными Скиѳами; если считать безошибочнымъ ихъ отождествленіе съ Кельтами, Галлами, Галатами [2]), то можемъ ихъ узнать въ тѣхъ Галатахъ, которые позднѣе основали самостоятельное государство въ Малой Азіи, въ 278 г. до Р. Х., и пришли изъ-за Дуная [3]); многіе двинулись, по всей вѣроятности, далѣе къ западу отъ своей родины и во Ѳракію; указываютъ ихъ даже въ Италіи [4]); ихъ остатками, наконецъ, могли быть и Тавры въ Крыму, своимъ мрачнымъ, кровожаднымъ культомъ напоминавшіе Кельтовъ, и одноименные съ Тависками Норики.

Мы не будемъ въ подробности излагать мнѣній, высказываемыхъ г. Боннелемъ относительно племеннаго родства Амазонокъ, Сарматовъ и другихъ народовъ, обитавшихъ къ востоку отъ Меотиды, считая приводимыя имъ свѣдѣнія за догадки, недостаточно еще доказанныя. Амазонокъ онъ признаетъ за женъ Киммерійцевъ и за воинственныхъ женъ нѣкоторыхъ другихъ народовъ, напримѣръ, Ликіанъ; а Сарматовъ, повинующихся женщинамъ (γυναιχοχρατούμενοι), считаетъ за племя, происшедшее изъ смѣшенія Скиѳовъ и Киммерійцевъ [5]). Киммерійцевъ, Кельтовъ и Галловъ г. Боннель приводитъ въ родственную связь даже съ хамитическими племенами, съ Египтянами и Хетитами [6]).

Переходимъ къ фактамъ болѣе позднимъ, историческимъ. Во всѣхъ учебникахъ упоминается о походѣ Кира на Оксусъ на Іаксартъ, про-

---

[1]) Если вѣрить разказу Геродота.

[2]) Іосифъ Флавій называетъ Галатовъ потомствомъ отъ Gomer.

[3]) *Forbiger*, Handb. II, 361.

[4]) Страб. V, 4, 5; ср. *Боннель*, pp. 222 и 224.

[5]) Жилищемъ Амазонокъ обыкновенно считается Ѳемискира на устьѣ Термодонта: Страбонъ ихъ помѣщаетъ между Мизіею, Каріей и Лидіей, *Бонн.* стр. 243. Разказы П. Мелы (I, 19, 17), Гиппократа и другихъ о дѣвицахъ Сарматовъ и Меотійскихъ племенъ, лихихъ наѣздницахъ, напоминаютъ обычаи Киргизскихъ степей, описанные Далемъ въ его прелестномъ разказѣ «Бикей и Маулина». Сравн. *Боннель*, стр. 231, 234.

[6]) Г. Боннель указываетъ по этому случаю на сходство имени божества Хетитовъ Sutech съ русск. *сутки*, *сутокъ* (24 часа), такое же, какъ слово *день* съ греч. Δήν=Ζήν=Ζεύς., стр. 245.

Digitized by Google

тивъ Массагетовъ, которыми онъ былъ убитъ, и о походѣ Дарія въ Европейскую Скиѳію. Поводомъ къ этимъ походамъ послужило то же побужденіе, которое несравненно позднѣе вынуждало Россію подвигаться съ сѣвера къ тѣмъ же обширнымъ степямъ и къ той же конечной цѣли, Оксу и Іаксарту, именно — желаніе избавиться отъ безпрерывныхъ набѣговъ кочевниковъ и поразить хищниковъ въ самомъ ихъ гнѣздѣ.

Передавая различныя версіи преданія о смерти Кировой, г. Боннель приходитъ къ заключенію, что всѣ народы, обитавшіе въ то время къ востоку отъ Каспійскаго моря, принадлежали къ одному племени, которое онъ называетъ весьма неяснымъ терминомъ Eranier, добавляя, что въ особенно близкой родственной связи Персы и Мидійцы — находились со Скиѳами и Массагетами, которыхъ онъ считаетъ за одинъ народъ, приписывая имъ признаки германизма (das Germanenthum); въ подтвержденіе такого мнѣнія г. Боннель ссылается на Геродота и Страбона. Мы не станемъ отрицать отдаленнаго родства между Персами и Германцами, такъ какъ оба народа, по языку, принадлежатъ къ семьѣ Іафетидовъ, къ отрасли народовъ арійскихъ, индо-европейскихъ, и такъ какъ въ числѣ племенъ, населявшихъ Персію, Геродотъ упоминаетъ земледѣльцевъ Германовъ (Γερμάνιοι) [1]; нигдѣ, однакоже, не усматриваемъ доказательствъ родства этихъ двухъ народовъ со Скиѳами и Массагетами. Допуская даже, что подъ именемъ ѳракійскихъ Гетовъ скрывались Готы, Германцы, не имѣемъ никакого основанія выводить изъ этого частнаго случая общее заключеніе, что Массагеты, Ѳиссагеты, Тиригеты и прочіе народы временъ Геродота, которыхъ имена оканчивались на γεται, κεται, χεται, всѣ принадлежатъ къ Германскому племени. Геродотъ говоритъ, что Персы называютъ всѣхъ Скиѳовъ — Саками [2]), нигдѣ, однако же, не придаетъ этихъ названій Массагетамъ, о которыхъ не упоминаетъ ни въ описаніи сатрапій, ни при исчисленіи войска Ксеркса. Въ другомъ мѣстѣ (I. 215) онъ замѣчаетъ, что обычаи и платье Массагетовъ имѣли сходство съ таковыми же Скиѳовъ, но вовсе не отождествляя обѣ народности [3]); одежды Массагетовъ онъ не описываетъ,

[1]) *Forbiger*, въ своемъ Handb. der alt. Geogr., II, 575, 35 поясняетъ: Mit unsern Germanischen Vorfahren aber haben diese persichen Germanen nichts zu schaffen

[2]) Οἱ γὰρ Πέρσαι πάντας τοὺς Σκύθας καλέουσι Σάκας, VII, 64.

[3]) Даже въ видѣ сомнѣнія Геродотъ замѣчаетъ (I, 201): «иные предполагаютъ, что они принадлежатъ къ Скиѳскому племени»; но это не его собственное мнѣніе.

Digitized by Google

а Скиѳы, по его показанію (VII, 64), носили платье, не похожее на персидское, на головахъ остроконечныя шапки, прямыя (κυρβασίας ἐς ὀξὺ ἀπηγμένας, ὀρθὰς πηγυίας), нижнее платье (ἀναξυρίδας), лукъ со стрѣлами, ручные мечи (ἐγχειρίδια) и сѣкиры (ἀξίνας σαγάρις); это были собственно Скиѳы Амиргіи (Ἀμύργιοι) [1]). Страбонъ (XI, 8, 2) объясняетъ, что Скиѳы, жившіе къ востоку отъ Каспійскаго моря, именовались Δάαι, далѣе къ востоку Массагетами и Саками, прочіе вообще Скиѳами, хотя и имѣли особыя народныя названія; и далѣе, что Согдіану отъ Саковъ отдѣляетъ Іаксартъ, отъ Бактріи же Оксъ; къ тому онъ присовокупляетъ (XV, 2, 8), что безъ малаго языкъ Персовъ, Мидійцевъ, Бактровъ и Согдовъ одинъ и тотъ же, но не распространяетъ этого замѣчанія на Саковъ и Массагетовъ. Въ персидскихъ надписяхъ Дарія, дѣйствительно, поименованы Саки, и различаются ихъ три племени: Сака Хумаварка, Тиграхуда, тыія тарадарая (которое за моремъ). Въ ассирійскомъ переводѣ тѣхъ же надписей ихъ названіе передано словомъ: Гимири—въ Бизутунской, и словомъ Наммири (по обыкновенному чтенію) въ Накши-Рустамской; но слѣдуетъ замѣтить, что слогъ нам читается по ассирійскимъ силлабаріямъ также зим, цим, и правильное чтеніе было бы, я полагаю: Циммири (Cymry, Cimbri). Хумаварка передано въ ассирійскомъ текстѣ—Умургіа, Ἀμύργιοι Геродота [2]); и въ третьемъ переводѣ, сопровождающемъ на скалѣ Накши-Рустамской персидскую надпись, начертано на языкѣ, который ассиріологи причисляютъ къ нарѣчіямъ туранскимъ и называютъ: скиѳскимъ или мидійскимъ (des Mèdes non ariens), то же мѣсто передано словами—Сакка Умуварган [3]). Тиграхуд-

[1]) Массагеты, по Геродоту (I, 215, 216), сражались пѣшіе и конные (а Скиѳы всѣ конные, ἱπποτοξόται IV, 46), были вооружены копьями, стрѣлами и сѣкирами, изъ металловъ знали только золото и мѣдь, серебра и желѣза не употребляли (а Скиѳія называлась страною, рождающею желѣзо); но по вооруженію трудно опредѣлить этническій характеръ населенія: сѣкиры, топоры употребляются и во внутренности Африки; нельзя же изъ этого заключать о сродствѣ Скиѳовъ съ Неграми. Отсутствіе цѣломудрія у женщинъ было общее у Массагетовъ съ Исседонами, а не со Скиѳами, какъ замѣчаетъ самъ Геродотъ. Массагеты знали одно божество—Солнце (а Скиѳы—иныя божества) и приносили въ жертву лошадей; стариковъ умерщвляли и ихъ съѣдали (а Скиѳы рѣзали только враговъ и рабовъ).

[2]) Oppert читаетъ персидскій текстъ: Haumavarga, переводитъ—les Saces qui se servent des feuilles du Hom, и прибавляетъ: «j'ai pensé aux feuilles de thé, mais ce n' est qu'une conjecture». La langue des Mèdes, p. 209.

[3]) *Oppert*, Le peuple et la langue des Mèdes, 1879, pp. 202 и 209.

Digitized by Google

передано въ ассирійскомъ переводѣ словами: ша Карбалти суни рапа— у которыхъ шапки ихъ острыя, которые носятъ остроконечныя шапки— κυρβασίας Геродота; въ скиѳо-мидійскомъ переводѣ читаютъ: Sakka appa tigra kaudap. Кауда, древне-персид. худа или хауда, ново-персид. khûd—шапка, pileus, casque [1]); tigra—острый, заостренный, tigris—стрѣла: слѣдовательно, „Сакки, у которыхъ заостренныя шапки или шапка стрѣлой". Мѣсто, гдѣ слѣдуетъ быть ассирійскому переводу словъ „тъія тарадарая", передано словами: „Наммири ша ахи уллуан марратув (Скиѳы, которые по ту сторону моря)", въ мидійскомъ переводѣ: Sakka appa AN GA vitta vanna, который г. Опертъ объясняетъ словами—les Saces d'au delà de la mer. AN GA идеограмма божества моря [2]).

Въ послѣднихъ трехъ главахъ г. Боннель излагаетъ извѣстія Геродота о вѣрованіяхъ, обычаяхъ и языкѣ Скиѳовъ. Религіозныя вѣрованія составляли, во всякое время, весьма важную и рѣзко опредѣленную характерную черту народнаго быта; хотя, съ другой стороны, этотъ предметъ въ исторіи такъ мало еще разработанъ, что представляетъ большія трудности при указаніи различія и сходства въ бытѣ родственныхъ и чуждыхъ народностей, тѣмъ болѣе такихъ племенъ, малоизвѣстныхъ, какими были обитатели Россіи до Р. Х., о которыхъ сохранились только отрывчатыя и сбивчивыя свѣдѣнія.

Попытаемся, однако, разсмотрѣть нѣкоторыя изъ собранныхъ г. Боннелемъ свѣдѣній о вѣрованіяхъ Скиѳовъ. По Геродоту, главными божествами Скиѳовъ были: Веста (Ἱστίη), Зевсъ и Гея (Γῆ, Земля), Аполлонъ, Афродита Уранія, Гераклесъ и Аресъ. Гестію они называли Тавити (Ταβιτί). Anquetil и Zeuss производятъ это названіе отъ зенд. tabad calefactus, санскр. tap = calere, латин. tepidus, наше тепло; правильнѣе было бы, какъ намъ кажется, производить его отъ ассир. Tavath или Tiamat (греч. Ταυθέ), бо-

[1]) Нѣмецк. Hut. Въ мидійскомъ переводѣ много встрѣчается названій, составляющихъ буквальную транскрипцію съ персидскаго.

[2]) Ссылаясь на сочиненіе *В. В. Григорьева* «О Скиѳскомъ народѣ Сакахъ», 1871 г., г. Боннель приводитъ извѣстіе китайскихъ историковъ, что во II вѣкѣ до Р. Х. изъ Джунгаріи къ западу двинулся народъ по названію Da-Jujeti, то-есть, Массагеты, такъ какъ *Да* значитъ большой, и то же значеніе имѣетъ *Масса* въ названіи Массагеты, а Jujeti составляетъ китайскую транскрипцію названія Геты. Движеніе изъ Джюнгаріи не говоритъ въ пользу арійскаго происхожденія этого народа; во всякомъ случаѣ, переселенцы II вѣка до Р. Х. не могли быть Массагетами временъ Геродота.

Digitized by Google

жества, олицетворявшаго первобытную матерію, дѣвственную, сама себя оплодотворяющую (Urstof), и котораго болѣе позднимъ перерожденіемъ была греко-римская Веста [1]). Зевса Скиѳы называли Παπαῖος; но слово это скорѣе греческое, нежели скиѳское, обозначаетъ, что поклонялись они не тому Зевсу Олимпійскому, котораго чтили Греки, а Зевсу, болѣе архаическому [2]). Подтвержденіемъ сказаннаго нами служитъ и то обстоятельство, что Зевсу, по Геродоту, Скиѳы придавали въ спутницы не Геру (Юнону, Весну), но Гею, мать сырую землю, подругу древняго Урана. Геркулесъ считался божествомъ хамитическихъ племенъ Ханаана, преимущественно Финикіи, и представителемъ этихъ народовъ. Культъ Афродиты Ураніи былъ мало распространенъ въ Европѣ и господствовалъ преимущественно въ Азіи, гдѣ сливался съ культомъ Артемиды (Anaitis). Аресу усердно поклонялись всѣ воинственные народы, безъ различія племенъ, но изъ юныхъ божествъ, онъ былъ самый грубый, дикій, необузданный, наиболѣе азійскій. Это было единственное божество, которому Скиѳы строили храмы, и притомъ, на подобіе тѣхъ обширныхъ платформъ, на которыхъ совершались человѣческія жертвоприношенія въ отдаленной Америкѣ. Его символомъ былъ мечъ, ему жертвовали военноплѣнныхъ, одного человѣка изъ сотни. Изъ другихъ жертвенныхъ ихъ обрядовъ, особенное вниманіе на себя обращаютъ: задушеніе жертвы (животной), вмѣсто колотья, и отвращеніе къ свининѣ—двѣ характерныя черты, не свидѣтельствующія въ пользу ихъ происхожденія отъ арійскихъ народовъ, питающихъ такое же отвращеніе къ удавленинѣ, какое Хамиты и Семиты имѣютъ къ свининѣ. Гробницы царей Скиѳскихъ находились на берегу р. Герра. Независимо отъ тризны, насыпанія кургана, обычаевъ, общихъ многимъ народамъ, изъ погребальныхъ обрядовъ укажемъ на сажаніе мертваго, его бальзамированіе, покрываніе воскомъ—обычаи не арійскіе, но усвоенные въ Вавилонѣ и Египтѣ. Рѣзаніе себѣ тѣла и лица, втыканіе въ тѣло стрѣлъ или кинжаловъ, въ знакъ горести, употребляется до сего дня у Татаръ на Кавказѣ и другихъ магометанъ семитическаго или тюркскаго племени. Убіеніе Анахарсиса и Скилеса, подражавшихъ обычаямъ Грековъ, доказываетъ, какъ упорно держались Скиѳы своей

---

[1]) Vesta eadem quae terra; stat vi terra sua: vi stando Vesta vocatur. Ovid. Fasti VI, 268, 299. Она была въ то же время богинею огня и воды, центромъ мірозданія.

[2]) Πάππος=прародитель.

Digitized by Google

старины и какъ презирали нравы другихъ, болѣе образованныхъ народовъ.

Обычаи, похожіе на скиѳскіе, имѣли, по свидѣтельству Геродота, Мелахлены и Невры, но послѣдніе считались колдунами. Обычаи же Агаѳирсовъ болѣе приближались къ ѳракійскимъ. Самыми звѣрскими нравами отличались Андрофаги, хотя по платью также походили на Скиѳовъ. У Гетовъ, народа ѳракійскаго, сохранились вѣрованія въ безсмертіе души; разказываемая ими басня о Замолксисѣ, ученіе котораго Геродотъ находитъ похожимъ на пиѳагорейское, указываетъ однако на мистеріи, подземныя прорицалища и человѣческія жертвоприношенія. Прочіе Ѳракійцы поклонялись Аресу, Артемидѣ, Діонису, а цари ихъ преимущественно Гермесу, слѣдовательно, инымъ божествамъ, чѣмъ Скиѳы. Они торговали рабами и продавали даже своихъ дѣтей, мало обращали вниманія на цѣломудріе дѣвицъ, но строго смотрѣли за женами, татуировали тѣло, умершихъ сожигали и праздновали тризны у ихъ кургана, занимались земледѣліемъ, хотя и пренебрегали этимъ промысломъ, предпочитая войну и грабежъ. Такіе нравы Ѳракійцевъ не имѣютъ близкаго сходства съ описанными выше обычаями Скиѳовъ и скорѣе изобличаютъ совершенно чуждую народность, ближе подходящую, по своимъ понятіямъ, къ быту Германцевъ и Славянъ, которыхъ, вѣроятно, Геродотъ и причислялъ къ Ѳракійцамъ, утверждая, что этотъ народъ самый многочисленный изъ всѣхъ племенъ, ему извѣстныхъ; впрочемъ, земли къ сѣверу отъ Ѳракіи ему вовсе не знакомы: онъ предполагалъ за Дунаемъ существованіе безконечныхъ, не обитаемыхъ степей (V, 3 и 9).

Мы считаемъ излишнимъ опровергать мнѣніе г. Боннеля о сходствѣ религіозныхъ вѣрованій Скиѳовъ и Персовъ: оно падаетъ, мы полагаемъ, само собою, противорѣча очевидности и общеизвѣстнымъ историческимъ фактамъ [1]). Что можетъ быть общаго между указанными выше религіозными воззрѣніями Скиѳовъ по Геродоту и тѣмъ возвышеннымъ понятіемъ о великомъ духовномъ существѣ (Ahura Mazda), которое проявляется въ надписяхъ царя Дарія, или съ дуа-

[1]) Г. Боннель объясняетъ: Ueber dieselbe (die Götterlehre der Skythen-Sarmaten) ist schon wiederholt gesagt worden, dass sie mit der alten (medisch—) persischen fast ganz identisch ist. Онъ приводитъ доводы Цейса, Мюлленгоѳа и Раппа и прибавляетъ: «Doch will ich hier nicht neue Hypothesen häufen, deren es in diesem Werke fast übermässig viele gibt», а затѣмъ обращается къ тексту Геродота. Въ этихъ словахъ высказалось, какъ намъ кажется, невольное сознаніе добросовѣстнаго автора въ слабости доказательствъ, которыми онъ располагаетъ.

Digitized by Google

лизмомъ Зороастра, послѣдователями котораго считаютъ и древнихъ Персовъ, и средневѣковыхъ, или, наконецъ, съ тѣмъ стихійнымъ культомъ, который Геродотъ приписываетъ Персамъ отъ глубокой древности (I, 131)? Самою рѣзкою чертою различія между Скиѳами и Персами служило отвращеніе послѣднихъ къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Отвращеніе же того и другаго народа отъ храмовъ и изображеній божества не составляетъ признака арійской религіи, но признакъ, общій многимъ разноплеменнымъ народамъ, сохранившимъ воззрѣнія, соотвѣтствующія первой ступени богопочитанія, характеризуемой именемъ греческаго Урана. Пелазги не имѣли ни храмовъ, ни статуй божества; Евреи не терпѣли изображеній божества: ни тотъ, ни другой народъ невозможно, однако же, по этимъ признакамъ причислить къ арійскому племени. Монотеизмъ Персовъ и Зороастра г. Боннель объясняетъ вліяніемъ Евреевъ (стр. 329); но Евреи не имѣли вліянія на другіе народы, съ которыми жили въ смежности гораздо болѣе продолжительное время: какъ могли они имѣть вліяніе на Персовъ или на Бактріянъ? Персы, напротивъ, охотнѣе подпадали вліянію Мидійцевъ, Ассиріянъ, и даже Арабовъ, какъ увѣряетъ Геродотъ (l. c.).

Къ очерку обычаевъ Скиѳовъ и Ѳракійцевъ Боннель присоединилъ извѣстія объ образѣ жизни и бытѣ различныхъ народовъ, жившихъ, въ ту же эпоху Геродота или позднѣе, въ смежности съ ними, Германцевъ временъ Цезаря и Тацита, древнихъ Пруссовъ, Венетовъ, и затѣмъ излагаетъ мнѣнія различныхъ ученыхъ о племенномъ родствѣ или различіи Ѳракійцевъ, Македонянъ, Иллирійцевъ съ прочимъ населеніемъ Европы, Азіи и Египта, а именно: Шафарика, O. Abel, Hahn, Deimling, Contzen, Roget de Belloguet, Roesler, J. Schmidt, Hehn, и наиболѣе изъ нихъ, по нашему мнѣнію, вниманія заслуживающее мнѣніе Киперта [1]).

Нибуръ одинъ изъ первыхъ—какъ объясняетъ г. Боннель, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Геродотомъ и Гиппократомъ [2]), высказалъ убѣжденіе, что Скиѳы принадлежали къ Монгольскому племени; его мнѣніе поддерживали Boeckh, Hansen, Neumann. Напротивъ, Шафарикъ, Гриммъ, Цейсъ (1837 г.) и другіе высказались за арійское ихъ

[1]) «Величайшаго географа нашего времени», какъ о немъ отзывается г. Боннель, извлеченное изъ его Lehrbuch der alten Geographie, Berlin, 1878 г. (pp. 21 — 24).

[2]) У г. Боннеля приведена подробная выписка изъ послѣдняго по изданію *F. Z. Ermerins*, 1850 г. I, § 24, 25, pp. 271, sq.

Digitized by Google

происхожденіе. Опытъ, сдѣланный Нейманномъ, объяснить сохранившіяся у Геродота имена скиѳскія изъ языка Монголовъ, Шифнеръ призналъ совершенно неудачнымъ. Мюлленгофъ, въ 1866 г., слѣдуя инымъ путемъ и считая Скиѳовъ, Сарматовъ и Аланъ за родственные народы, старался объяснить изъ языковъ зендскаго и древне-персидскаго имена и слова упомянутыхъ трехъ народовъ, уцѣлѣвшія частью у Геродота, частью въ греческихъ надписяхъ Ольвіи, Донскихъ, Босфорскихъ и Меотійскихъ, но его попытка вышла, какъ намъ кажется, столь же неудачною. Изъ 60 скиѳскихъ именъ и словъ Геродота, при всѣхъ стараніяхъ, ему удалось удовлетворительно объяснить, какъ онъ самъ сознается, не болѣе 40 словъ изъ арійскихъ нарѣчій [1]). „Не смотря на всю убѣдительность доводовъ Мюлленгофа", продолжаетъ г. Боннель (стр. 485),—„нѣкоторые ученые по настоящее время мало придаютъ имъ цѣны и даже ихъ опровергаютъ"; въ числѣ такихъ недовѣрчивыхъ людей онъ указываетъ J. G. Cuno и Fr. Spiegel'я, хотя эти ученые сами, по другимъ соображеніямъ, склонялись въ пользу арійской гипотезы. Въ особенности вѣски возраженія Kiepert'а, приписывающаго Скиѳамъ и Сарматамъ т у р а н с к о е происхожденіе [2]). Едва ли, впрочемъ, возможно выводить какое-либо основательное заключеніе изъ немногихъ словъ и собственныхъ именъ скиѳскихъ и сарматскихъ, намъ сохраненныхъ и переданныхъ греческими писателями, и по всей вѣроятности сильно искаженныхъ. Припомнимъ для примѣра, какъ искажали Греки имена, въ транскрипціи несравненно болѣе знакомаго, и имъ, и намъ, древне-персидскаго языка, передѣлывая: Бардія, Хшаярша, Ардахчашча [3]) или Артахшатра [4]) — въ Смердисъ, Ксерксъ, Артаксерксъ.

Вообще этимологія названій и этимологическія сближенія, которыхъ въ изслѣдованіи г. Боннеля безчисленное множество, составляютъ, по нашему мнѣнію, самую слабую сторону его труда [5]). Онъ объ-

[1]) Вотъ образчики его объясненій: 'Αρσηούαχος (zd. vanhu, vah, skr. vasu добрый), вѣроятно, zd. Vanhu-arshya добрый мудрецъ; Χούναρος=Εὔανδρος, zd. hunara, skr. sûnari добродѣтель; 'Οχοαρζάνης, 'Ουάρζβαλος отъ zd. varez, skr. varh дѣйствовать; 'Αμώθαστος изъ ama крѣпость, и персидск. daçta, zd. zaçta, skr. hasta рука—крѣпкорукій. *Боннель*, стр. 482, слѣд.

[2]) *Боннель*, стр. 486, 1.

[3]) Имя Артаксеркса I. Лонгимана. См. *Коссовичъ*, Inscr. Palaeopers.

[4]) Имя Артаксерксовъ Мнемона и Оха. См. тамъ же.

[5]) Кромѣ выше нами приведенныхъ, укажемъ еще на слѣдующія этимологическія сближенія: 'Ιλιάς, 'Ιλιάδος отъ ирландск. gliad = битва (но 'Ιλιάς вовсе не значитъ «битва») 4, 1; имя Гезіода отъ ирландск. oeswyz, oesyidh, oed y swyz=

Digitized by Google

щаетъ намъ приложить ко 2-му тому своего изслѣдованія полный списокъ словъ и названій, скиѳскихъ и сарматскихъ, сохранившихся въ древнихъ письменныхъ памятникахъ и надписяхъ. Такой списокъ составитъ драгоцѣнный матеріалъ для дальнѣйшей разработки того же вопроса, если онъ ограничится указаніемъ — откуда извлечено каждое слово и извѣстно ли его значеніе, не вдаваясь въ неудачныя этимологическія его объясненія. Звуковыя сближенія имѣютъ только тогда цѣну, когда подкрѣплены историческими фактами или по крайней мѣрѣ правдоподобными гипотезами, въ большинствѣ могутъ служить только къ подкрѣпленію другихъ доказательствъ, въ рѣдкихъ случаяхъ — основаніемъ доказательства. Было время, когда сильно злоупотребляли страстью производить изъ арійскихъ нарѣчій, и преимущественно изъ санскритскаго языка, безъ разбора, всѣ имена и слова, попадавшіяся подъ руку. Разительнымъ примѣромъ подобнаго увлеченія служитъ Luzzato, который въ 1849 г. старался объяснить съ помощью санскритскаго лексикона ассирійскіе тексты, составленные на семитическомъ языкѣ, сходномъ съ еврейскимъ [1]).

Мы дозволимъ себѣ, однако же, нѣсколько замѣтокъ въ той же области изысканій, выдавая ихъ, впрочемъ, не болѣе, какъ за догадки. Г. Боннель указываетъ, между прочимъ (стр. 472), что въ ассирійскихъ текстахъ, сохранившихся въ развалинахъ Ниневіи и другихъ мѣстностяхъ, былъ открытъ болѣе древній языкъ, названный ассиріологами—аккадійскимъ, который Кипертъ, со многими другими учеными, причисляетъ къ нарѣчіямъ туранскимъ [2]). Этотъ языкъ, безспорно, принадлежитъ къ числу языковъ агглютинативныхъ или агглютинирующихъ и имѣетъ основные односложные корни. По Ле-

---

время и работа (Ἔργα καὶ ἡμέραι) p. 9; ирландск. eigiawn, eigion=okeanos, p. 8, 3; Μυργέται отъ ирландск. muir море=приморскіе Геты, 16, 4; Βορυσθένης= zd. vouru-çtana широко стоящій, p. 70, 6; Γέῤῥος=ирландск. ger быстрый, 70, 7; Ἀριμασποί = zd. airima пустыня, açpa лошадь, 111, 1.

[1]) *Ménant*, Les écritures cunéiformes, p. 223.

[2]) In neuester Zeit soll nachgewiesen sein, dass das Akkadische keine besondere Sprache, sondern nur eine besondere Schriftart ist, стр. 473. Здѣсь г. Боннель имѣлъ въ виду заявленіе Halévy, сдѣланное на послѣднемъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Берлинѣ, и которое встрѣтило сильный отпоръ большинства его коллеговъ, даже негодованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Oppert* называетъ это заявленіе: ursprungliche Irrthum, утверждая, что подобное же мнѣніе было высказано 30 лѣтъ назадъ и тогда же опровергнуто. Verhandl. d. V Intern. Orient. Congr. Ч. II, стр. 239. Въ концѣ I т. (Verbesserungen) г. Боннель проситъ приведенныя слова вычеркнуть.

Digitized by Google

норману, онъ имѣетъ наиболѣе сходства съ языками угро-финскими, сѣверной ихъ отрасли, отчасти же и съ языками тюркскими, монгольскими, съ тунгузскимъ и съ языкомъ Басковъ [1]). Г. Боннель только слегка касается любопытнаго вопроса объ этимологіи самаго названія Σκύθαι, Σαρμάται. Относительно перваго онъ придерживается мнѣнія Я. Гримма и производитъ Σκύθης отъ нѣмецкаго корня skiutan jaculari, фин. kyttä venator, швед. skytte, литов. szauti, стрѣлять, стрѣлокъ (р. 181, г.). Въ имени Савроматовъ, какъ и въ названіи Меотійцевъ Μαιῆται, Μαιῶται, онъ указываетъ на ассирійскій (аккадійскій) корень mat, mad страна. Послѣднее названіе, Сарматъ, имѣетъ поразительное сходство съ выраженіемъ, безпрерывно встрѣчающимся въ ассирійскихъ надписяхъ: Sar mat Assur, Sar mat Sumir va Akkad ki; оно означаетъ „Царь страны", какъ состоящее изъ односложныхъ корней, очевидно, заимствовано Ассирійцами изъ аккадійскаго языка [2]), и на послѣднемъ можетъ означать также „Царская страна", выраженіе, близко подходящее къ именованію, по Геродоту, родственнаго племени: „Царскіе Скиѳы". Но у Геродота встрѣчается и другая форма того же имени: Савроматъ (Σαυρομάται). Аккадійскій языкъ, какъ всѣ древніе языки, богатъ синонимами: понятію „царь" въ немъ соотвѣтствуютъ, между прочимъ, слова — s'a (са), sar (шар), ungal; „страна", по аккад. — mat, lat, „земля" — ki, gi, gim. S'a ur mat означаетъ: земля свѣтлаго или Бѣлаго царя. Что же касается до названія Скиѳъ, то намъ кажется, что это—чисто-греческое слово, означающее понятія: „грубый, звѣрскій, необузданный, мрачный (можетъ быть, сдирающій кожу, живодёръ), такъ какъ въ греческомъ языкѣ много словъ, производныхъ отъ того же корня: σκυθράζω, σκυθροπάζω, σκυδάζω, σκυδμαίνω, σκυζάω, σκῦτος (кожа), σκυτεύς (кожевникъ, сапожникъ), σκότος (мракъ) и т. д. Сами же Скиѳы себя называли, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, Сколотами Σκόλοται. Аккадійскому языку не свойственно сочетаніе двухъ согласныхъ въ началѣ слова; но въ приведенной формѣ не трудно узнать аккадійское выраженіе Sakalat, то-есть, земля Саковъ или страна Саковъ.

Аккад. Sak или Zak (ассир. ris) означаетъ: голова и главенство, вершина, гора, рогъ, остріе (можетъ быть, острыя шапки), но также и справедливость (δικαιοτάτοι, ассирійск. zaggu); отсюда произ-

---

[1]) Études Accadiennes. 1873 г., I, 1, стр. 196 и слѣд.

[2]) Ассирійскій, какъ и еврейскій языкъ, имѣетъ корни двухсложные, состоящіе изъ трехъ согласныхъ.

Digitized by Google

водомъ ассир. saḳi (tilla) горная страна, горцы, имѣющее синонимы въ аккад. языкѣ: uri, akada, а также др.-перс. saka и инд. sakka.

Такимъ образомъ оказывается, что Akkad и Saki имѣютъ одно и то же значеніе. Припомнимъ, что Скиѳы Царскіе жили отчасти въ горной Тавридѣ у скалистаго Херсонеса. Съ другой стороны, sar имѣетъ значеніе также „ширина, ширь": можетъ быть, Скиѳъ себя называлъ Sakalat, то-есть, житель горной страны, а Сарматъ—жителемъ широкой страны, плоскости, степей. Сближеніе различныхъ значеній часто встрѣчается въ то отдаленное время, въ названіи народовъ, городовъ и т. д. На вопросъ, обращенный къ Скиѳу: что̀ значитъ его названіе Sakka, Saki, онъ могъ отвѣчать: горцы, или же—старшее, главное, царское племя, или же—справедливые люди. Mir, muru значитъ то же, что sar—широкій, ширь, и въ то же время значитъ—корона, царство (ассир. agu). Gi mir, Gimiri или Gimmiri означаетъ то же, что̀ Sarmat — земля степей или земля царская. Zim, tsim префиксъ, образующій отвлеченныя имена, означаетъ судьбу, образъ жизни — tsimmir жизнь въ степи, кочевье, Cimmiri степняки, кочующіе [1]). Прибавимъ къ вышеизложенному слѣдующее странное для насъ сближеніе: kir значитъ окружность, слѣдовательно — пространство, степь, область, и въ то же время — собраніе, шумное собраніе людей, орда; gis великій (ассир. rabu), Kirgis великая степь или великая орда. Kalmik имѣетъ то же значеніе, но съ перестановкою корней: kal, gal,—великій (ассир. rabu), mik—синонимъ слова ḳir, kil. Башкиры себя называютъ—Баш-курд; вторую половину слова узнаемъ въ синонимѣ mat, lat—kur страна; баш мы не нашли въ аккад. глоссаріяхъ, но у Башкиръ это слово означаетъ—голова, возвышенность, гора (напримѣръ, Карабашъ, Акбашъ и т. д.); д или да суффиксъ индивидуализаціи (ассир. nasu-sa-nisi голова человѣка); слѣдовательно—Башкурд житель горной страны. Опять видимъ въ этихъ новѣйшихъ именахъ — противоположность горца и степняка, и ихъ племенное родство между собою. Башкиры въ настоящее время занимаютъ гористые уѣзды Оренбургской, Уфимской, Самарской губерній, составляющіе западныя оконечности отроговъ хребта Уральскаго; Киргизы — болѣе южныя, степныя пространства.

Труднѣе доискаться значенія слова Kazak или Kassak, по видимому, производнаго изъ того же корня Sak, потому, что намъ не из-

---

[1]) Ассирійцы, вѣроятно, потому называли Gimiri, Cimmiri Скиѳовъ, подвластныхъ Персамъ, что считали ихъ не горцами, но степными кочевниками.

Digitized by Google

вѣстно его правописаніе. Ka—determinativum мѣры, префиксъ собирательный, означающій общество, братство, дружину, партію или цѣлое (totalité, по Ленорману), а также ротъ, то-есть, языкъ или нарѣчіе. Такимъ образомъ, Kazak означало бы дружину Скиѳовъ, товарищество, или все племя ихъ, или же—людей говорящихъ на языкѣ Скиѳовъ. Kas дорога, Kassak означало бы путевые Скиѳы, по нашему—конвой, или наѣздниковъ, отправляющихся въ набѣгъ, походъ, походныхъ Скиѳовъ. Слово Черкесъ, которымъ у насъ называютъ безразлично всѣхъ Кавказскихъ горцевъ, къ какому бы племени ни принадлежали, мы полагаемъ ни что иное, какъ другое произношеніе того же кореннаго аккадскаго выраженія Kirgis, неудачно примѣненное къ жителямъ гористой мѣстности; другое выраженіе, похожее на то же слово—Черкасы у насъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, означаетъ, вопервыхъ, степныхъ казаковъ, вовторыхъ, селенія, гдѣ занимаются преимущественно скотоводствомъ (отсюда черкасскіе быки) и въ третьихъ, селенія, гдѣ издавна завелись кожевенные заводы. Выраженіе „я ѣду въ Черкасы" или „на хутора", означаетъ за Камою предполагаемое посѣщеніе казачьяго населенія при-уральскихъ степей. Мы не станемъ настаивать на нашихъ этимологическихъ сближеніяхъ, замѣтимъ только, что въ нихъ нѣтъ искусственной натяжки; мы основывались на простой справкѣ съ лексикономъ [1]). Многія слова, указанныя Мюлленгофомъ, имѣютъ характеръ аккадійскій; такъ, напримѣръ, въ нихъ повторяется чуждый намъ и странный звукъ ua, составляющій дифтонгу, употребительную въ аккадійскомъ языкѣ—'Ουάρζβαλος, 'Αρσηουάχος; имя Χούναρος напоминаетъ корень un, hun мужъ, человѣкъ, hunara—мужество. Даже не объяснимый Gog и Magog Библіи объясняется аккадійскимъ gug, которое значитъ — походъ, набѣгъ, возмущать (troubler) и въ то же время служитъ синонимомъ словамъ: xaz, tar (tartar), kud — рѣзать, рубить, портить; слѣдовательно, Gog — наѣздникъ, рѣзака. Ma—синонимъ съ mat, mada — страна. Любопытно, что пророкъ, вѣщая: „Гогъ въ странѣ Магогъ", употребляетъ туранское выраженіе, вмѣстѣ съ семитическимъ.

Извлеченіе изъ изслѣдованій г. Боннеля напечатано во 2-мъ томѣ „Трудовъ III-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ"; отзывъ Н. И. Веселовскаго, по поводу предварительнаго конспекта этого труда, сообщеннаго конгрессу оріенталистовъ г. Бонне-

---

[1]) См. глоссарій (Accadian vocabulary), приложенный къ ассирійской грамматикѣ *Сейса*, 2-е изд. Bagster and Sons, 1876 г.

Digitized by Google

лемъ, помѣщенъ въ январской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ. Н. И. Веселовскій, хотя и придерживается самъ арійской гипотезы, не одобряетъ однакоже методы Мюлленгофа, на которой преимущественно основывается Боннель, доискиваясь германизма у Скиѳовъ. „На нашъ взглядъ", замѣчаетъ почтенный ученый,—„Мюлленгофъ составилъ только теорію о происхожденіи Скиѳовъ, теорію, далеко еще не доказанную. Филологическихъ изысканій еще очень недостаточно для рѣшенія вопросовъ такой важности, какъ происхожденіе народовъ. Тамъ, гдѣ остатковъ языка сохранилось немного, можно надѣлать страшныхъ промаховъ". Противъ объясненія, предлагаемаго г. Веселовскимъ, имени Сарматовъ изъ греческаго языка, и его производства отъ словъ σαῦρος, σαύρα ящерица и ὄμματα глаза (ящероглазые), можемъ представить одно только возраженіе, что орѳографія этого имени, въ такомъ случаѣ, была бы—σαυρόμματοι, а не Σαυρομάται, по аналогіи съ производствомъ словъ: μεγαλόμματος, μελανόμματος, μελανόφθαλμος, γλαυχόμματος, μιχρόμματος.

Расходясь съ г. Боннелемъ въ окончательныхъ выводахъ о народности Скиѳовъ и Сарматовъ, мы не можемъ не высказаться съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ его изслѣдованію. Его работа, по обилію матеріала, составляетъ весьма полезную справочную книгу. Мы сожалѣемъ, что онъ слишкомъ упорно, подъ конецъ, придерживался своего преждевременнаго вывода о скиѳизмѣ предковъ великаго Германскаго народа и слишкомъ часто повторялъ свою, конечно, не безспорно доказанную гипотезу. При всемъ обиліи любопытныхъ данныхъ о Скиѳахъ и Сарматахъ, заключающихся въ сочиненіи Геродота, свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ писателемъ, его предшественниками и современниками, слишкомъ недостаточны для опредѣленія этническаго характера населенія Россіи за 500 л. до Р. Х. Мы желали бы видѣть продолженіе труда г. Боннеля, указанія намъ съ его стороны, къ какимъ племенамъ причисляли Скиѳовъ, Сарматовъ и Киммерійцевъ писатели, жившіе послѣ Геродота; какъ постепенно исчезали эти загадочныя имена изъ исторіи и какими народами Скиѳы и Сарматы были замѣнены, въ мѣстахъ ихъ поселенія, новыми ли племенами, пришедшими съ востока или народами, нѣкогда имъ подвластными, освободившимися отъ ихъ ига и выступившими на поприще исторіи съ собственными родовыми именами. Соединеніе въ одну справочную книгу такихъ свѣдѣній и критическое ихъ разслѣдованіе, при пособіи научныхъ изысканій различныхъ писателей но-

Digitized by Google

вѣйшаго времени, безспорно, не безполезно; но полагаемъ, оно будетъ недостаточно для разрѣшенія вопроса по существу. Свидѣтельства греческихъ и римскимъ писателей давно извѣстны ученому міру, и еслибы представляли какія-либо данныя для окончательнаго рѣшенія вопроса, вопросъ давно былъ бы рѣшенъ. Разъясненія загадки можемъ ожидать только отъ пополненія имѣющихся фактовъ новыми открытіями. Такихъ открытій слѣдуетъ ожидать въ области ассиріологіи и египтологіи, обнаруженіемъ новыхъ документовъ по исторіи и географіи древняго міра, а также при болѣе внимательномъ изученіи различныхъ діалектовъ исчезнувшихъ древнихъ племенъ. Установившееся, въ самое послѣднее время, чтеніе армянскихъ клинообразныхъ надписей обѣщаетъ пролить новый свѣтъ на исторію и этнографію странъ, прилегающихъ къ Арменіи и Кавказу, равно какъ и надписи греческія, открываемыя по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Въ другомъ направленіи, полезно было бы собрать результаты многочисленныхъ раскопокъ, уже произведенныхъ въ южной полосѣ Россіи, и результаты тщательнаго изученія различныхъ памятниковъ образовательнаго искусства (bildende Kunst, monuments figurés), отрасль источниковъ, которой г. Боннель еще вовсе не касался. Слѣдовало бы прослѣдить изображенія Скиѳовъ по греческимъ и римскимъ памятникамъ, по памятникамъ восточнаго искусства и по раскопкамъ на мѣстѣ: типъ лица, одежда, обстановка, принадлежности вооруженія гораздо лучше всякаго Геродотова описанія укажутъ намъ этническій характеръ тѣхъ народовъ, которые именовались Саками, Скиѳами, Сарматами, Ѳракійцами и т. д. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы извѣстную серебряную вазу Эрмитажа: изображенныя на ней лошади поражаютъ своимъ сходствомъ съ нашею башкирскою степною лошадью, нисколько не напоминая ни коней греческаго ваянія, ни средневѣковой тяжелой германской лошади, ни современной нѣмецкой рабочей лошади.

В. Ш.

Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Четыре тома. Рига. 1877—1883.

Въ послѣднее время исторія Прибалтійскаго края разработывается весьма дѣятельно. Имѣя подъ руками собранный въ значительномъ количествѣ и хорошо изданный историческій матеріалъ, относящійся ко временамъ самостоятельнаго существованія Лифляндіи,

Digitized by Google

нѣмецкіе ученые Бунге, Гильдебрандъ, Гаусманъ, Гёльбаумъ, Шварцъ и др., усиленно занимаются изслѣдованіемъ отдѣльныхъ вопросовъ или эпизодовъ за первое время по прибытіи Нѣмцевъ въ Лифляндію. Къ сожалѣнію, прекрасныя монографическія работы этихъ ученыхъ до послѣдняго времени не обращали на себя вниманія русскихъ писателей, которые продолжаютъ пользоваться лишь тѣмъ, чтò писано Нѣмцами еще около первой половины настоящаго столѣтія. Доказательствомъ тому могутъ служить, напримѣръ, недавно отпечатанные „Очерки исторіи Прибалтійскаго края" г. Соловьева: это—не болѣе какъ компиляція изъ Рутенберга. Но и въ числѣ русскихъ людей, живущихъ въ Ригѣ, нашелся почтенный дѣятель, который, слѣдя за новѣйшимъ развитіемъ исторіографіи Прибалтійскаго края, задумалъ издавать для русскихъ читателей сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Балтійскихъ провинцій. Это весьма крупное для провинціальной печати предпріятіе принадлежитъ г. Е. Чешихину, редактору русскаго **Рижскаго Вѣстника**. По настоящее время вышли четыре тома этого сборника; г. Чешихинъ продолжаетъ его, не смотря на то, что изданіе это, безъ сомнѣнія, не приноситъ ему выгодъ. Тѣмъ достойнѣе уваженія просвѣщенная энергія дѣятельнаго издателя.

По внѣшней формѣ сборникъ г. Чешихина раздѣленъ на два отдѣла, изъ которыхъ въ первомъ помѣщаются статьи и документы, обнимающіе собою три періода временъ самостоятельнаго существованія Ливоніи, временъ польскихъ и временъ шведскихъ, а во второмъ—статьи и документы по исторіи края въ XVIII и XIX вв. Неизвѣстно, какими причинами было вызвано подобное распредѣленіе матеріала, но для занимающагося исторіей края оно представляетъ нѣкоторое неудобство. По богатству и разнообразію содержанія Прибалтійскій сборникъ превосходитъ подобные нѣмецкіе сборники. Для его характеристики намъ нѣтъ нужды перечислять все его содержаніе; укажемъ только важнѣйшіе, помѣщенные въ немъ документы, такъ какъ отдѣльныя статьи по частнымъ вопросамъ представляютъ меньшій интересъ въ научномъ отношеніи.

Изъ періода самостоятельнаго существованія Лифляндіи въ сборникѣ помѣщены слѣдующіе важнѣйшіе документы: первое мѣсто здѣсь по справедливости занимаетъ хроника Генриха Латышскаго. Переводъ ея сдѣланъ не съ латинскаго подлинника, а съ нѣмецкаго перевода Пабста. Впрочемъ, при хорошемъ переводчикѣ научное достоинство труда нисколько не пострадало бы въ данномъ случаѣ,

Digitized by Google

такъ какъ переводъ Пабста вообще удовлетворяетъ требованіямъ науки; нѣмецкому переводчику ставятъ въ упрекъ только чрезмѣрную точность, вслѣдствіе чего изложеніе его нѣсколько шероховато. За то особенное достоинство перевода Пабста состоитъ въ томъ, что онъ сдѣланъ съ подлиннаго не интерполированнаго текста хроники по кодексу Замойскаго и снабженъ изслѣдованіями и соображеніями самого переводчика, объясняющими по мѣстамъ географію Генриха. Примѣчаніями Пабста воспользовался и Вильгельмъ Арндтъ, издавшій послѣ него подлинный текстъ хроники въ Mon. Germ. hist. SS., t. XXIII. Во второмъ томѣ Прибалтійскаго сборника важнѣйшее мѣсто занимаетъ хроника Германа Вартберга. Переводъ ея также сдѣланъ не съ оригинала, а съ нѣмецкаго перевода Штрэльке, который первоначально издалъ подлинникъ ея въ Script. rer. Prussia, t. II. съ обширными подстрочными примѣчаніями. Въ свой нѣмецкій переводъ Штрэльке внесъ въ сокращенномъ видѣ важнѣйшія хронологическія и географическія поправки и объясненія. Переводчикъ, помѣстившій свой трудъ въ Прибалтійскомъ сборникѣ, не ограничился примѣчаніями Штрэльке, но и присоединилъ къ своему переводу подходящія извлеченія изъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, объясняющія очень запутанныя и краткія извѣстія Вартберга. Во второмъ и третьемъ томахъ сборника помѣщена хроника Вальтазара Рюссова по нѣмецкому переводу Пабста съ нижненѣмецкаго нарѣчія. Выборъ переводчика здѣсь также былъ удаченъ, ибо переводъ Пабста снабженъ хорошими филологическими примѣчаніями, значительно облегчившими его трудъ. Особенное же достоинство русскаго перевода составляютъ примѣчанія переводчика, помѣщенныя въ концѣ каждой главы и разъясняющія извѣстія Рюссова на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Наконецъ, послѣдній важнѣйшій документъ изъ періода самостоятельнаго существованія Лифляндіи, помѣщенный въ сборникѣ (тт. 3-й и 4-й), составляетъ хроника Франца Ніенштедта. Къ сожалѣнію, русскій переводъ ея лишенъ и тѣхъ краткихъ и рѣдкихъ примѣчаній, какія сдѣлалъ къ ея изданію Тилеманъ въ Mon. Liv. antiqua, t. II. Нельзя сказать, чтобы перечисленные документы обнимали все важнѣйшее изъ древняго періода самостоятельнаго существованія Лифляндіи. Мы не знаемъ, почему составитель сборника не нашелъ возможнымъ помѣстить въ немъ и переводъ старшей лифляндской риѳмованной хроники. Русскій прозаическій переводъ ея не представлялъ бы особой трудности, тѣмъ болѣе, что переводъ ея на современный нѣмецкій прозаическій языкъ былъ сдѣланъ еще около средины настоящаго

Digitized by Google

столѣтія и помѣщенъ подъ подлиннымъ текстомъ риѳмованной хроники во 2-мъ томѣ Script. rer. Livonicarum. Отсутствіе этой хроники въ Прибалтійскомъ сборникѣ тѣмъ болѣе ощутительно, что весьма значительный періодъ въ исторіи ордена (1180—1290 гг.), не имѣетъ другаго современнаго бытописателя. Можно было бы указать еще на отсутствіе въ сборникѣ нѣкоторыхъ второстепенныхъ памятниковъ лѣтописнаго характера за тотъ же періодъ, каковы: Lippifloru магистра Іустина, Динаминдскіе анналы, Liber census Daniae, младшая Лифляндская риѳмованная хроника Варѳоломея Гёнеке (1315—1348, изд. Гёльбаумомъ въ Лейпцигѣ въ 1872 г.), лифляндскія исторіи Реннера (изд. въ 1876 г. въ Лейпцигѣ Гельбаумомъ и Гаусманомъ) и др. Можетъ быть, въ послѣдующихъ томахъ Сборника издатель найдетъ возможнымъ воспользоваться и этими памятниками для своего изданія.

Во второмъ отдѣленіи Сборника, обнимающемъ XVIII и XIX вѣка, кромѣ писемъ, рескриптовъ и указовъ Русскихъ государей прошлаго столѣтія и отдѣльныхъ статей, помѣщены, между прочимъ, записки Нелендаля, Вульмеринга, Лаврентія Миллера и воспоминанія барона Левенштерна. Затѣмъ въ послѣднихъ двухъ томахъ Сборника особое мѣсто отведено исторіи законодательства, крестьянскаго сословія и православія въ Прибалтійскомъ краѣ; сюда относятся записки свящ. Полякова съ длиннымъ предисловіемъ издателя, извлеченія изъ бумагъ преосв. Веніамина и Филарета, статьи самого издателя и нѣмецкихъ ученыхъ. Хотя второе отдѣленіе также не обнимаетъ всего извѣстнаго за этотъ періодъ, тѣмъ не менѣе заслуга издателя здѣсь особенно велика: при своей работѣ онъ долженъ былъ преодолѣть большія трудности, производя изслѣдованія въ архивахъ и розыскивая рукописи, доселѣ не изданныя даже Нѣмцами. Къ сожалѣнію, издатель не повсюду указываетъ тѣ изданія или архивы, откуда онъ заимствуетъ свой матеріалъ.

Если мы теперь спросимъ: на сколько издатель достигъ своей цѣли, на сколько ему удалось удовлетворить любознательность мѣстнаго русскаго общества касательно исторіи Прибалтійскаго края, то должны отвѣтить, что онъ выполнилъ свое предпріятіе очень удовлетворительно. Освободивъ свой Сборникъ отъ излишнихъ, сухихъ и утомительныхъ для обыкновеннаго читателя примѣчаній и помѣстивъ въ немъ по преимуществу матеріалы и статьи, „способные заинтересовать читателя и сообщить ему о прошломъ дѣльныя и порядочныя свѣдѣнія", издатель вполнѣ достигъ своей цѣли, и въ этомъ отно-

Digitized by Google

шеніи Сборникъ его, какъ мы уже сказали, дѣйствительно превосходитъ подобные же нѣмецкіе сборники по лифляндской исторіи и съ пользою можетъ замѣнить послѣдніе, какъ напримѣръ Scriptores rerum Livonicarum и Monumenta Livoniae antiqua; эти послѣдніе хотя и содержатъ въ себѣ въ количественномъ отношеніи гораздо болѣе матеріала, но за то часть этого матеріала, хотя и снабженнаго обширными учеными примѣчаніями, издана по интерполированнымъ или неполнымъ кодексамъ, между тѣмъ издатель Прибалтійскаго сборника пользовался лучшими новѣйшими изданіями и дополнилъ ихъ по большей части удачно выбранными статьями новѣйшихъ ученыхъ по разнообразнымъ вопросамъ мѣстной исторіи. Съ нѣкоторыми объясненіями самого издателя къ напечатаннымъ имъ памятникамъ не всегда однако можно согласиться. Такъ, напримѣръ, ему представляется безспорнымъ, что въ вопросахъ Кирика и отвѣтахъ Нифонта подъ Чудью нужно разумѣть Эстовъ, и что Мейнгардъ явился въ Ливонію по приказанію папы Александра III, данному Временскому архіепископу, который и отправилъ его въ Ливонію въ 1184 году. Еще болѣе странно читать (т. IV, стр. 564), что „по свидѣтельству не только русскихъ, но и нѣмецкихъ лѣтописей, многіе Латыши въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ и Валкскомъ и многіе Эсты въ Дерптскомъ и Верроскомъ уѣздахъ крещены были въ православную вѣру русскими проповѣдниками гораздо прежде, чѣмъ пришли въ этотъ край Нѣмцы“. Подобное утвержденіе кажется намъ слишкомъ поспѣшнымъ, такъ какъ прямыхъ свидѣтельствъ о крещеніи въ православіе Латышей и Эстовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до прибытія Нѣмцевъ мы не имѣемъ ни въ русскихъ, ни въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ.

Мы одобрили выборъ тѣхъ нѣмецкихъ переводовъ, съ которыхъ переведены на русскій языкъ помѣщенные въ Прибалтійскомъ сборникѣ памятники ливонской исторіи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы самая передача памятниковъ на русскій языкъ была сдѣлана всегда удовлетворительно. Уже самый фактъ перевода вторичнаго служитъ тому причиной: нерѣдко русское изложеніе является слишкомъ далекимъ отъ подлинника латинскаго или старонѣмецкаго, а иногда оказывается и неправильнымъ, неточнымъ, и даже искаженнымъ. Къ сожалѣнію, этихъ недостатковъ не чуждъ особенно переводъ важнѣйшаго изъ памятниковъ древней лифляндской исторіи — хроники Генриха Латышскаго.

Большіе недостатки находимъ мы и въ переводѣ хроники Вартберга. Вѣроятно, небрежности нужно приписать то обстоятельство,

Digitized by Google

что вѣрныя даты на поляхъ, вслѣдствіе малѣйшаго перемѣщенія внизъ или вверхъ, совсѣмъ перепутываютъ событія въ хронологическомъ отношеніи (такъ напримѣръ, у Штрэльке 1224 годъ стоитъ противъ строки, гдѣ говорится объ избраніи Ламберта въ Земигальскіе епископы, а въ Сборникѣ поставленъ противъ мѣста, гдѣ говорится объ умершемъ магистрѣ Винне). На стр. 92 говорится, что Генрихъ Лютkеленбергскій изъ Земигаліи былъ перемѣщенъ въ Куронскую церковь (de Semigallia ad Curonensem ecclesiam translatus et promotus—у Штрэльке вѣрно); здѣсь русскій переводчикъ совсѣмъ исказилъ мысль, сдѣлавъ такой переводъ: „Генрихъ Земигальскій... былъ смѣщенъ и переведенъ отъ курляндской церкви". На стр. 96 пропущенъ годъ (1290), и оставлено только число мѣсяца (9-е мая), а самый текстъ переведенъ очень темно (дѣло идетъ о передачѣ замка Амботена Гальту для охраненія и перестройки его въ пользу Куровъ и католической вѣры—ad conservandum et restaurandum idem castrum pro commodo terre Curonie et fidei catholice). На стр. 96 пропущено: Inde totam viciniam devastarunt occisis supra MD hominibus. Наконецъ, странно читать, что предлогъ „um" (лат. circa) переводится русскимъ „послѣ" (см. стр. 111, 112, 115 и др.), или же совсѣмъ пропускается, какъ напримѣръ, на стр. 96 и 111. Вслѣдствіе этого многія даты оказываются неточными.

Въ переводѣ памятниковъ, писанныхъ на старо-нѣмецкомъ языкѣ, встрѣчается вообще менѣе промаховъ. Такъ, въ хроникѣ Рюссова можно указать только немногія неправильности, какъ напримѣръ Lediggang—безбрачіе, Lediggehen—холостая попойка (на стр. 464). На стр. 166 говорится о сооруженіи епископами городовъ, замковъ и т. п. въ своихъ епископіяхъ (in ihren Stifften), а русскій переводчикъ, не понявъ значенія послѣдняго слова, перевелъ „со вкладами". Въ хроникѣ Ніенштедта также замѣчается непониманіе спеціальныхъ терминовъ, напримѣръ, въ гл. 10-й сказано, что епископъ Альбертъ началъ тогда строить соборъ (der Thum) въ Старой Перновѣ, который впослѣдствіи былъ переведенъ въ Гапсаль; а переводчикъ, принявъ Thum за Thurm, передалъ текстъ такъ: тогда же была начата постройка башни въ Старой Перновѣ, которая впослѣдствіи была перемѣщена и перенесена въ Гапсаль. Впрочемъ, въ гл. 13-й слово „Thumb-Kirche переведено вѣрно, но за то здѣсь переводчикъ, повидимому, намѣренно пропустилъ выраженіе „im Stichte" (und zu einer Pforte im Stichte den Schlüssel haben) и „im Stiffte" (und die Kapittels-Herren sollten im Stiffte umb die Thumb-Kirche). Въ этой

Digitized by Google

же главѣ предложеніе „darüber etztliche Bürger jus patronatus gehabt" переведено: состояли подъ покровительствомъ. Здѣсь же выраженіе „in peinlichen und bürgerlichen Sachen" передано: „затруднительныя и бюргерскія дѣла". (Впрочемъ, въ т. IV, на стр. 91, этотъ же юридическій терминъ переведенъ вѣрно). Въ концѣ этой же главы слово Wedde переводчикъ принялъ за Weide — лугъ, тогда какъ это—юридическій терминъ, означающій „денежную пеню" (см. Livl. Urk. B. n. 924). Здѣсь же для слова Bordinge (вѣроятно, искажено) нужно искать болѣе подходящаго значенія, чѣмъ какое придано ему въ русскомъ переводѣ („судоходство"). Въ т. IV, на стр. 19: при сдачѣ города Дерпта епископъ между прочимъ требовалъ себѣ Фалькенаускій монастырь—dass er daselbst sein Leben endigen möchte in Frieden, und nicht aus Liefland in Russland geführet wurden, а по русскому переводу оказывается, что епископъ между прочимъ просилъ, „чтобы не присоединяли этого монастыря отъ Ливоніи къ Россіи". Слѣдующіе за этимъ пункты 3-й—5-й также переведены неправильно. Наконецъ, темные термины: „Gerichte-Bröke, Wedde-Bröke" переведены: „городскіе и торговые суды". Судя по актамъ лифляндскимъ (Urk. B. nn. 741. 950. 1097 и др.), нужно думать, что термины эти дѣйствительно судебные, потому что Bröke означаетъ въ актахъ „денежную пеню", но какъ точно перевести ихъ — трудно сказать.

Читатель легко усмотритъ изъ приведенныхъ ошибокъ, что избѣжаніе ихъ требовало весьма значительныхъ научныхъ свѣдѣній, которыми не всегда могъ располагать издатель Прибалтійскаго Сборника. Кромѣ того, всякій, занимающійся исторіей края, имѣя подъ руками именно этотъ Сборникъ, въ большинствѣ случаевъ инстинктивно можетъ чувствовать, въ какомъ мѣстѣ переводъ сдѣланъ невѣрно, такъ что, какъ бы грубы ни казались на первый взглядъ приведенныя ошибки, онѣ едва ли могутъ служить большимъ препятствіемъ къ правильному изученію и пониманію исторіи края для внимательнаго читателя. Поэтому къ указаннымъ ошибкамъ можно относиться снисходительно, а въ виду того, что сборникъ г. Чешихина можетъ служить удобнымъ пособіемъ при изученіи лифляндской исторіи, мы считаемъ долгомъ выразить искреннее желаніе, чтобъ издатель продолжалъ трудиться надъ своимъ предпріятіемъ въ намѣченномъ направленіи и притомъ постарался бы избѣгнуть въ будущемъ тѣхъ промаховъ, которые были имъ допущены въ вышедшихъ томахъ Сборника.

Юрій Трусманъ.

Digitized by Google

Ruodlieb der älteste Roman des Mittelalters, nebst Epigrammen, herausgegeben von *F. Seiler*. 1882.

Вторичное изданіе отрывковъ Руодлиба и пересмотръ связанныхъ съ нимъ вопросовъ давно ощущались какъ желательные. Въ латинской литературѣ XI вѣка ихъ безыменный авторъ поражаетъ своею талантливою своеобразностью, попыткой романа, построеннаго на новеллистической, не народно-героической темѣ, своимъ свѣжимъ реализмомъ и объективно-поэтическимъ отношеніемъ къ даннымъ сказки— и народнаго эпоса. Послѣднія отношенія только намѣчены въ концѣ сохранившагося текста; были ли они развиты далѣе? Зейлеръ (стр. 80) отвѣчаетъ отрицательно, какъ и на другой вопросъ, вызываемый тѣмъ же фрагментарнымъ состояніемъ подлинника: Руодлибу царь даетъ на прощанія, въ награду за его вѣрную службу, двѣнадцать правилъ житейской мудрости, но лишь нѣкоторыя изъ нихъ примѣняются въ дальнѣйшемъ, извѣстномъ намъ ходѣ разказа, служа темою для различныхъ его эпизодовъ. Было ли это примѣненіе распространено на всѣ изреченія царя? Зейлеръ отрицаетъ это (р. 46) относительно тѣхъ, которыя онъ называетъ дидактическими, въ отличіе отъ новеллистическихъ. Къ послѣднимъ онъ относитъ наставленія „не довѣряться рыжему", къ первымъ—правило „не жениться на собственной служанкѣ". Разницы между тѣмъ и другимъ я не вижу, и если изреченіе о рыжемъ является далѣе примѣненнымъ въ разказѣ, а служанка не фигурируетъ въ немъ вовсе, то причина тому можетъ быть другая: либо въ нашемъ текстѣ утратились соотвѣтствующіе отдѣлы, либо авторъ не дошелъ до нихъ, потому что не кончилъ своего труда. Такъ-называемые мюнхенскіе отрывки Руодлиба представляютъ если не его первый набросокъ, то все же черновую, испещренную авторскими поправками (стр. 13); далѣе того, что̀ они даютъ, авторъ и не пошелъ (стр. 80). Такъ полагаетъ Зейлеръ, и этого одного обстоятельства достаточно, чтобъ объяснить недостачи въ исполненіи задуманнаго плана. Но можемъ ли мы съ увѣренностью утверждать, что Руодлибъ остался не оконченнымъ? Одно небольшое обстоятельство, на которомъ остановился (въ примѣчаніи 1, на стр. 73) и Зейлеръ, возбуждаетъ сомнѣніе: помимо мюнхенскаго автографа брульона сохранился еще одинъ отрывокъ (Сенъ-Флоріанскій), на этотъ разъ перебѣленнаго текста. Переписываютъ что-нибудь цѣльное, законченное; Зейлеръ спѣшитъ увѣрить насъ, что такое предположеніе вовсе не нужно: брульонъ Руодлиба былъ самъ по себѣ на столько

Digitized by Google

объемистъ и содержателенъ, что желанiе снять съ него копiю являлось естественнымъ (!).

Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, какъ нерѣшенный издателемъ, обратимся къ содержанiю самого романа.

Руодлибъ служилъ на своей родинѣ вѣрой и правдой нѣсколькимъ господамъ, но не заслужилъ у нихъ „ни слова гладкáго, ни хлѣба мягкаго“, а лишь нажилъ непрiятелей. И вотъ онъ рѣшается поискать счастья на чужбинѣ, оставляя домъ на попеченiе матери. На границѣ сосѣдняго царства онъ дружится съ охотникомъ, и тотъ убѣждаетъ его поступить на службу къ „Большому царю“ (rex major), у котораго и самъ онъ служитъ. Руодлибъ соглашается; онъ — хорошiй охотникъ и всѣхъ удивляетъ своимъ искусствомъ и уловкою. Въ скоромъ времени загорѣлась война между подданными Большаго царя и сосѣдняго ему, Малаго (rex minor),—война, кончающаяся пораженiемъ послѣдняго, посольствомъ, въ которомъ принималъ участiе Руодлибъ, и торжественною сценой примиренiя, богатою культурно-историческими подробностями въ описанiи церемонiала и драгоцѣнныхъ подарковъ. Между ними — пара ученыхъ медвѣдей, pariles ursi:

V, 85 Omnino nivei gambis pedibusque nigelli,
Qui uas tollebant, ut homo, bipedesque gerebant;
Mimi quando fides digitis tangunt modulantes,
Illi saltabant, neumas pedibus uariabant;
Jnterdum saliunt seseque superiaciebant,
Alterutrum dorso se portabant residendo,
Amplexando se luctando deiciunt se;
Cum plebs altisonam fecit girando choream,
Accurrunt et se mulieribus applicuere,
Quae gracili uoce cecinerunt deliciose,
Insertisque suis harum manibus speciosis
Erecti calcant pedetemptim, murmure trinsant,
Ut mirarentur, ibi circum qui graderentur,
Non irascantur, quodcunque mali paterentur.

Зейлеръ (стр. 105) видитъ шаржъ (fabelhaft) въ описанiи медвѣдей, вмѣшивающихся въ хороводъ — очевидно, подъ руководствомъ мимовъ, скомороховъ-вожаковъ, являющихся въ то же время и музыкантами. Описанiе медвѣжьей пляски у Кленовича, очевидно, снятое съ натуры, указываетъ границы этому предполагаемому шаржу; объ „ursos mimum agentes“ говоритъ уже одно старинное латинское свидѣтельство. Мы имѣемъ дѣло съ очень древнею народною забавой, вызывавшею нареканiя, какъ восточной, такъ и западной церкви: какъ

Digitized by Google

Гинкмаръ осуждаетъ пляску медвѣдей съ tornatrices (=плясунья), такъ грузинскій ряженый Dodo (=медвѣдь) участвовалъ до послѣдняго времени въ масляничномъ хороводѣ. Ряженый медвѣдемъ является замѣной настоящихъ ручныхъ звѣрей; о пляскѣ такихъ ряженыхъ поминаетъ Фроумундъ (Pez Thesaurus t. VI, p. 1, c. 184): свидѣтельство тѣмъ болѣе интересное, что нѣкоторые видѣли въ немъ автора Руодлиба. Зейлеръ, отрицающій это отожествленіе (стр. 160 слѣд.), не обратилъ вниманія на культурно-историческую параллель между приведеннымъ выше описаніемъ и слѣдующими словами Фроумунда:

Si facerem mihi pendentes per cingula caudas,
Gesticulans manibus, lubrice stans pedibus,
Si lupus, aut *ursus* (sed vellem fingere vulpem),
Si larvas facerem furciferis manibus....
Gauderet mihi qui propior visurus adesset.

Вернувшись ко двору, Руодлибъ застаетъ тамъ посланца своей матери: его приглашали вернуться, такъ какъ его враги перемерли или безсильны, и его ждетъ награда за прежнюю службу. Всѣ опечалены отъѣздомъ Руодлиба, а царь предлагаетъ ему на выборъ—одарить его казной или мудрыми изреченіями. Тотъ рѣшается на послѣднее, и царь даетъ ему двѣнадцать наставленій. Приведу нѣкоторыя:

1) Не довѣряйся рыжему; то—гнѣвливые, дурные люди.

2) Не сворачивай съ дурной дороги въ поле,—иначе тебя станутъ бранить, а ты увлечешься гнѣвомъ.

3) Не останавливайся въ дому, гдѣ хозяинъ старикъ, а жена молодая; заѣзжай туда, гдѣ жена старуха, а мужъ молодой.

4) Не давай работать на жеребой кобылѣ,—не то пропадетъ жеребенокъ и т. д.

10) Увидѣвъ церковь, поручи себя покровительству святыхъ. Коли звонятъ тамъ или поютъ, зайди помолиться: это не удлинняетъ, а сокращаетъ путь.

12) Если твое житяное поле лежитъ при дорогѣ, не обводи его канавой съ цѣлью удержать прохожихъ,—не то они и канаву обойдутъ и поле истопчутъ, и ты понесешь двойной убытокъ.

Въ придачу къ этимъ афоризмамъ царь даритъ Руодлибу еще два серебряные, снаружи обмазанные тѣстомъ, коровая, наполненные золотыми и разными драгоцѣнностями. Онъ долженъ вскрыть ихъ лишь въ присутствіи матери и невѣсты.

Мудрые совѣты царя начинаютъ осуществляться, какъ только

Digitized by Google

Руодлибъ отправился въ путь. Рыжій присосѣдился къ нему и на переправѣ черезъ рѣку похищаетъ у него плащъ. Подъ вечеръ они подъѣзжаютъ къ деревнѣ; Руодлибъ держится торной, хотя и грязной дороги, рыжій поѣхалъ проселкомъ черезъ поля, за что̀ и побитъ крестьянами. Пріѣхавъ въ деревню, Руодлибъ освѣдомляется, гдѣ ему лучше остановиться; пастухъ указываетъ на одинъ домъ, хозяйка котораго, женщина въ лѣтахъ, вышла вторымъ бракомъ за молодаго человѣка, работника ея перваго мужа-скряги. Эпизодически разказывается исторія честнаго работящаго юноши. Къ нему-то завернулъ Руодлибъ, его встрѣчаютъ радушно какъ божьяго гостя; при этомъ, несомнѣнно, бытовая подробность, только выраженіе ея нѣсколько странно въ устахъ духовнаго лица, какимъ считаютъ автора нашего романа. Седьмой отрывокъ начинается съ того, что хозяинъ одѣляетъ кого-то пищей—вѣроятно, бѣдныхъ, потому что о нихъ говорится, что они весело разошлись по домамъ. Затѣмъ описывается угощеніе Руодлиба:

VII, 1 Panes ille secat et in illos distribuebat
Carnis de senis discis quod et accidit illis.
His consolatis, laetis ad doma reversis
Hospes item dixit: «cum Christus quem mihi mittit,
Tunc est pascha meum mihi uelque meis celebrandum,
Sicut in hac nocte, dum laetificabimur a te.
Est mihi quod uenit de te, deus ut mihi mittat»
Cui mox de scapula partem mittit quoque sura,
In plures offas quam concidendo minutas
Pro sacramentis pueros partitur in omnes.

Между тѣмъ рыжій выбралъ себѣ другой ночлегъ въ домѣ, гдѣ у стараго, некрасиваго мужа молодая, вѣтреная жена. Слѣдующая сцена представляетъ рѣшительный, сознательно-проведенный контрастъ съ мирною семейною обстановкой, въ которой мы только что видѣли Руодлиба. Рыжій нахально ломится въ запертыя ворота дома и также нахально спрашиваетъ хозяина: неужели онъ не узнаетъ его? Онъ—близкій родственникъ его жены, которую желаетъ видѣть, и съ которою хочетъ переговорить наединѣ. „Замѣть, что̀ я тебѣ скажу", говоритъ онъ ей втихомолку,—„разговоръ будетъ не долгій. Не плачь, не смѣйся, держись серьезно, чтобы тотъ старый песъ не узналъ про наше дѣло". И онъ объявляетъ ей, что посланъ къ ней юношей, который въ нее влюбленъ и готовъ избавить ее отъ домашней муки,

Digitized by Google

если она того сама захочетъ. Пусть выйдетъ завтра на улицу, какъ только услышитъ звукъ трубы; онъ будетъ ждать съ своими людьми и похититъ ее. Та тотчасъ же соглашается на предложеніе рыжаго, который и самъ выговариваетъ себѣ награду. Я стану собираться въ путь, ты меня удержи", говоритъ онъ ей. Рыжій начинаетъ спѣшить отъѣздомъ, но хозяйка не пускаетъ и сама отводитъ его коня въ конюшню. Новые родственники садятся рядкомъ, болтаютъ, цѣлуются и жмутъ другъ у друга руки; мужъ старается помѣшать ихъ черезъчуръ близкой бесѣдѣ, садится промежъ нихъ, но они продолжаютъ заигрывать другъ съ другомъ, перегнувшись черезъ старика, который, выйдя изъ комнаты, будто для надобности, смотритъ въ щелку и становится свидѣтелемъ еще бо̀льшихъ откровенностей. Ночью онъ застаетъ гостя вдвоемъ съ своею женой и въ послѣдовавшей затѣмъ ссорѣ убитъ ими. На другой день дѣло раскрылось, преступниковъ судятъ, рыжій пытается привлечь къ дѣлу и своего случайнаго спутника Руодлиба, но это ему не удается. Развязка этого эпизода въ текстѣ не сохранилась. Рыжій казненъ.

Часть мудрыхъ наставленій царя уже осуществилась въ судьбѣ Руодлиба; дальнѣйшее развитіе разказа не представляетъ такихъ отношеній между нимъ и остальными афоризмами. Выше мы сообщили, какъ объясняетъ себѣ Зейлеръ это неисполненіе плана. Въ защиту моего объясненія замѣчу, что пересказанная нами часть романа отвѣчаетъ восьми первымъ отрывкамъ, сравнительно объемистымъ и связнымъ, представляющимъ почти $^2/_3$ всего текста (1421 стихъ), тогда какъ остальные одиннадцать (796 стиховъ) крайне раздроблены, и возможно предположеніе, что указаніе на тотъ, либо на другой афоризмъ могло находиться въ одномъ изъ пропусковъ.

Тотчасъ за приключеніемъ съ рыжимъ мы встрѣчаемъ Руодлиба, къ которому присосѣдился молодой его родственникъ, на дальнѣйшемъ пути къ матери. По дорогѣ они заѣзжаютъ къ кумѣ послѣдней, и передъ нами развертывается новая жанровая картинка, замѣчательная идиллическою свѣжестью колорита. Мы застаемъ общество, вѣроятно послѣ обѣда (IX, 1), забавляющееся ручными птицами и игрой шпильмановъ (harpatores). Руодлибу она не нравится, онъ спрашиваетъ: нѣтъ ли въ домѣ арфы, и когда хозяйка велитъ подать ему арфу своего покойнаго мужа (meus heros) [1]), къ которой никто послѣ

---

[1]) *Зейлеръ*, стр. 35, понимаетъ meus heros, какъ и я, въ значеніи мужа; иначе и понять трудно. Въ такомъ случаѣ недосмотромъ съ его стороны яв-

Digitized by Google

него не прикасался, Руодлибъ всѣхъ удивляетъ своимъ искусствомъ. Сыгралъ онъ три незнакомые „наигрыша“ (insolitis rithmis); его просятъ сыграть и четвертый, чтобы дать поплясать его молодому родственнику и хозяйкиной дочкѣ. Начинается игра и пляска: молодецъ кружится какъ соколъ, дѣвушка вьется что ласточка; сойдутся и быстро минуютъ другъ друга; онъ пляшетъ, она точно плаваетъ, такъ хорошо, что никому не сказать охуждающаго слова, и всѣ недовольны, когда плясцы опустили руки, которыми поводили во время танца (v. 56 neumas manibus variasse).

50 Surrexit iuvenis, quo contra surgit herieis.
Ille velut falcho se girat et haec ut hirundo;
Ast ubi conveniunt, citius se praeteriebant;
Is se movisse, sed cernitur illa natasse,
Neutrum saltasse neumas manibus variasse [1])
Nemo corrigere quo posset, si voluisset.
Tunc signum dederant, ibi multi quod doluerunt,
Deponendo manus, finitus sit quia rithmus.

Молодые люди влюбились другъ въ друга, и мать съ любовью смотритъ, что они присосѣдились одинъ къ другому и принялись играть въ кости (tesser): кто трижды побѣдитъ, выиграетъ кольцо: символическая игра, образчикъ которой въ Руодлибѣ я упустилъ изъ виду, комментируя свадебными пѣснями соотвѣтствующій эпизодъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ (см. Южнорусскія былины, II).

IX 62 Hunc dominella rogat, quo secum tessere ludat,
Annulus ut victi donetur ter superanti.
Tunc is: «qui ludum, quem ludamus modo primum,
Acquirat», dixit, «digitalis uterque suus sit».
Haec ea laudavit ludens et eum superavit,
Gratis perdente iuvene gratis sibi dante.
Quae nimium laeta se sic habuisse trophaea,
Ludendo proprium cito perdebat digitalem,
Quem trahit a digito iaciebat eique rotando.

ляется (стр. 37) толкованіе отрывочнаго стиха въ X-мъ отрывкѣ, v. 35 (.... domino dominaeque placebat), въ которомъ подъ dominus онъ разумѣетъ этого самаго мужа, нигдѣ далѣе не упоминаемаго въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Но вѣдь выше IX, 33, о «meus heros» говорится: is postquam vivere finit!

[1]) Зейлеръ переводитъ neuma=1) Gesang ohne Worte; Gojodel; 2) einzelne musicalische Note. Im Rdlb. nur in letzter Bedeutung und zwar nur in den Phrasen: neumas agere, agitare, variare manibus, digitis, pedibus; въ переводѣ: сопровождать пѣніе соотвѣтствующими движеніями рукъ и т. д.

Digitized by Google

Руодлибъ въ это время бесѣдуетъ съ хозяйкой, разспрашивая ее о матери; а молодые люди продолжаютъ играть: каждый изъ нихъ обыгралъ другаго по три раза, а они веселы не тѣмъ, что побѣдили, а что были побѣждены; онъ зоветъ ее своею, она его своимъ,

X 29 nec iam celarunt, se quin ardenter amarent,
Mater si sineret, vel in ipsa nocte coirent.
Illa tamen sineret, sibi si non dedecus esset.
Ut praestoletur, tunc virgo vix superatur.

Эта любовная исторія досказывается въ XV-мъ отрывкѣ: въ присутствіи родичей той и другой стороны, Руодлибъ (старшій въ жениховомъ родѣ?) ведетъ рѣчь, прося присутствующихъ помочь ему совѣтомъ въ предстоящемъ бракѣ между его юнымъ родственникомъ и дѣвушкой предыдущей сцены. Всѣ рады этому браку, тѣмъ болѣе, что онъ спасетъ юношу отъ недостойной его любовной связи съ какою-то женщиной (scortum). Тогда въ присутствіи всѣхъ у него спрашиваютъ: готовъ ли онъ взять себѣ въ жены эту дѣвицу. Онъ отвѣчаетъ улыбаясь, при громкомъ смѣхѣ предстоящихъ: „Не отказаться же мнѣ отъ раба, побѣжденнаго мною въ игрѣ костями, съ условіемъ—быть моимъ, выиграетъ ли онъ, или проиграетъ“.

XV 52 . . . . an seruum nolim ludo superatum,
Tessere quem uici sub talis foenore pacti,
Seu vincat, seu succumbat, soli mihi nubat.

И онъ подаетъ невѣстѣ кольцо на рукояткѣ меча, которое та принимаетъ, предварительно уличивъ юношу въ его любовныхъ шашнахъ и лишь подъ условіемъ, чтобъ онъ обѣщалъ ей нерушимую вѣрность.

Сцена брака отдѣлена отъ игры въ шахматы цѣлымъ эпизодомъ, въ которомъ разказывается о возвращеніи Руодлиба къ матери; ея совѣтъ сыну — жениться, чтобъ имѣть наслѣдника, будущаго охранителя родоваго достоянія (XVI), можетъ быть, и внушенъ ей этимъ бракомъ. Руодлибъ соглашается и на слѣдующемъ затѣмъ совѣтѣ родственниковъ и друзей держитъ имъ рѣчь, какъ Владиміръ былины и король Ротеръ въ поэмѣ его имени — къ своимъ дружинамъ:

XVI 54 Vos mihi dicatis, super hac re quid faciatis.
Uxorem nobis si quam reperire queatis,
Quae non indecoret nostrum genus, id sed inauret
Moribus ingenita vel vitae nobilitate.

Digitized by Google

Одинъ изъ присутствующихъ указываетъ на родовитую, добродѣтельную дѣвушку; она—ровня Руодлибу, пусть посватается за нее. Между тѣмъ Руодлибъ не только узнаетъ — какими путями, не извѣстно,—что та дѣвушка состоитъ въ любовной связи съ какимъ-то клерикомъ, но и досталъ вещественныя тому доказательства: головной уборъ и подвязки, забытыя на rendez-vous. Это даетъ ему средство жестоко поглумиться надъ лицемѣрною красавицей: онъ посылаетъ къ ней пріятеля съ предложеніемъ своей руки и сердца. Дѣвушка велитъ отвѣтить Руодлибу: „Скажи ему отъ меня: сколько листьевъ на деревѣ, столько ему привѣтовъ, столько милованья, сколько птичьяго воркованья, сколько зеренъ и цвѣтовъ, столько ему почестей". Лучше мы не сумѣли передать этихъ пожеланій, обличающихъ символическій параллелизмъ народной пѣсни (сл. между прочимъ замѣтку у Мюлленгофа, Denkmäler[2], 362 f), пробивающейся и своимъ словомъ въ латинской рѣчи подлинника:

XVII, 11 Dixit: «dic illi nunc de me corde fideli
Tantundem *liebes*, ueniat quantum modo *loubes*,
Et volucrum *wunna* quot sint, tot dic sibi *minna*,
Graminis et florum quantum sit, dic et honorum.

Посланецъ уходитъ и вдругъ спохватился и бранитъ себя за непростительную забывчивость: Руодлибъ поручилъ вручить дѣвушкѣ подарокъ — и онъ подаетъ ей свертокъ, въ которомъ она находитъ свое обличеніе—головной уборъ и подвязки, забытыя у клерика. Она поражена, но убѣдившись, что посланецъ ничего не знаетъ о содержаніи свертка, велитъ сказать Руодлибу, что еслибъ онъ одинъ изъ мужчинъ остался на свѣтѣ и принесъ ей вмѣсто вѣна весь свѣтъ, она и тогда не пошла бы за него.

«Nunc opus est aliam, reor ut, mihi poscere sponsam» (XVII, 83),

говоритъ Руодлибъ, и ближайшее содержаніе разказа должно было развивать именно эту тему. Между тѣмъ мы пришли почти къ концу сохранившагося текста: мать героя видитъ вѣщій сонъ, указывающій на опасности и напасти, ожидающія ея сына, который поймалъ въ западню карлика (nanus), обѣщающаго ему, какъ выкупъ за свободу, показать кладъ царя Immunch'а и его сына Hartunch'а и помочь — добыть себѣ въ невѣсты царевну Heriburg. На этомъ обѣщаніи останавливается романъ.

Разбирая его содержаніе, Зейлеръ обратилъ вниманіе на соотвѣтствіе афоризмовъ, предназначенныхъ лечь въ планъ романа, съ та-

Digitized by Google

ными же, встрѣчающимися въ цѣломъ рядѣ сказокъ и повѣстей (стр. 45 слѣд.). Обыкновенно они являются соединенными въ группы (у Зейлера: A, B, C); въ одной изъ нихъ (C; сл. стр. 51 и слѣд.) комбинированы три наставленія царя Руодлибу: сокращай гнѣвъ и откладывай месть (№ 8); не съѣзжай съ большой дороги (№ 2); не останавливайся въ домѣ, гдѣ хозяинъ старикъ, а жена молодая (№ 3). Мы видѣли, что все приключеніе Руодлиба съ рыжимъ основано на двухъ послѣднихъ афоризмахъ. Зейлеръ указалъ на широкое распространеніе этой группы (№№ a до w), но едва ли къ ней могутъ быть отнесены всѣ собранные имъ пересказы. Именно, начиная съ варіанта l основа разказа, нерѣдко измѣненная и искаженная въ частностяхъ, слѣдующая: герой заѣзжаетъ куда-то на ночлегъ и за ужиномъ видитъ женщину, одѣтую въ саванъ, которой подаютъ ѣсть въ черепѣ мертвеца; поѣвъ, она скрывается. Проѣзжій пораженъ этимъ зрѣлищемъ, но ни у кого не проситъ объясненія; на другой день хозяинъ говоритъ ему, что та женщина—его жена, которую онъ такъ наказываетъ за ея невѣрность; хорошо сдѣлалъ проѣзжій, что не увлекся любопытствомъ: всякаго, ставившаго ему вопросъ, хозяинъ убивалъ. Таковъ разказъ въ №№ l—o; №№ p—u являются искаженіями его темы, служащей, между прочимъ, отвѣтомъ на афоризмъ: не спрашивай о дѣлѣ, тебя не касающемся; грѣшившихъ любопытствомъ хозяинъ убивалъ, какъ, наоборотъ, въ извѣстной легендѣ о Парсивалѣ невзгоды героя обусловлены излишнимъ воздержаніемъ отъ вопроса, когда тайна, разыгрывавшаяся въ его присутствіи, естественно вызывала вопросъ.

Я не знаю, какимъ образомъ Зейлеръ счелъ возможнымъ включить эти разказы въ одну группу съ тѣми, которые отвѣчаютъ эпизоду о „рыжемъ" въ Руодлибѣ. Здѣсь не развитіе двухъ сюжетовъ изъ одного, и не выдѣленіе одного изъ другаго, а простое смѣшеніе типа Руодлиба (на тему афоризмовъ №№ 2 и 3) съ другимъ, восточныя и западныя отношенія котораго были въ свое время разобраны Бенфеемъ въ статьѣ, оставшейся неизвѣстною Зейлеру. Смѣщеніе это могло теоретически произойдти такимъ образомъ: въ Руодлибѣ заѣзжаетъ, противно наставленію, въ извѣстный домъ не герой разказа, а его случайный спутникъ, который за то и платится; можно предположить и такой посредствующій типъ разказа, гдѣ роль заѣзжаго предоставлена была самому герою; въ такомъ случаѣ на него могли обрушиться нѣкоторыя непріятности, сопряженныя съ нарушеніемъ житейскаго правила. Далѣе смѣшеніе могло уже имѣть мѣсто: примѣшалась сказка о заѣзжемъ, молчали-

Digitized by Google

вомъ свидѣтелѣ кары, постигшей жену-измѣнницу. Кстати обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мелочныя подробности, проливающія свѣтъ на генеалогическія отношенія разобранной группы мотивовъ: въ старо-французской легендѣ XIV вѣка (p. 55, № g), въ двухъ каталонскихъ (№№ i, k) и одной испанской сказкѣ (№ o) даетъ совѣты, становящіеся темой разказа, Соломонъ, — тогда какъ въ романѣ о св. Гралѣ (№ f), близкомъ по типу къ тексту Руодлиба, „рыжему" спутнику героя отвѣчаетъ рыжій клерикъ.

На вопросъ, откуда почерпнулъ авторъ Руодлиба свои афоризмы и ихъ новеллистическое развитіе, Зейлеръ (стр. 73) отвѣчаетъ, съ большею вѣроятностью, что отъ бродячихъ mimi, joculatores, которыхъ самъ авторъ выводитъ на сцену, и которые въ самомъ дѣлѣ были распространителями на западѣ сказочныхъ сюжетовъ, восточныхъ и византійскихъ. Я полагаю, что и самый замыселъ романа, необычный въ XI вѣкѣ, и преимущество, отданное изображенію реально-буржуазныхъ отношеній передъ героическими (сл., напримѣръ, поэму о Вальтаріи), указываютъ на пришлые источники вдохновенія. Разница между Руодлибомъ, и напримѣръ, Вальтаріемъ не столько во времени (XI и X столѣтія), сколько въ цѣломъ пониманіи жизни и выборѣ сюжета; та же разница, что между феодальнымъ стилемъ Renaud de Montauban и византійскимъ—романа Floire et Blanceflor. Если Руодлибъ представляется для своего времени „литературнымъ чудомъ, диковинкой" (стр. 200), то чудо, быть можетъ, не въ авторѣ, а въ захожемъ, иноземномъ образцѣ или образцахъ. Зейлеръ (стр. 89—90) совершенно справедливо говоритъ, что сложеніе такъ-называемаго рыцарскаго обихода въ Германіи можно прослѣдить ранѣе французско-провансальскаго вліянія и поры Крестовыхъ походовъ; онъ назрѣвалъ понемногу, его приготовленіе, начало, восходитъ къ предшествовавшему періоду народнаго развитія. На нѣчто подобное указывалъ уже Шереръ; но культурное содержаніе Руодлиба не можетъ служить подобной характеристикѣ. Не только его „эпическое" содержаніе захожее, но и литературный замыселъ, и выраженное имъ содержаніе жизни въ извѣстной мѣрѣ—не свои. Изображать на основаніи его показаній пору зачатія рыцарскаго обихода и этикета по меньшей мѣрѣ такъ же опасно, какъ заключать о пониманіи чувства въ древне-русской жизни по распространенной у насъ сербской Александріи и вычурному объясненію въ любви между Парисомъ и Еленой. Въ этомъ отношеніи и Зейлеръ, и Шереръ (Geschichte der deutschen Literatur, 1-te Heft, стр. 68 и слѣд.) пошли, быть можетъ,

Digitized by Google

слишкомъ далеко. Бойкая характеристика Шерера (стр. 68) не рѣшаетъ дѣла: для него Руодлибъ—„древнѣйшій изобрѣтенный" романъ въ европейскихъ литературахъ, первый рыцарскій романъ всемірной литературы, отъ котораго идетъ непрерывное движеніе, кульминирующее въ Донъ-Кихотѣ и позднѣе обновившееся въ Виландѣ. Но именно эта непрерывность и сомнительна: Руодлибъ стоитъ на столько одиноко, что Зейлеръ назвалъ его литературнымъ чудомъ, а мы ставимъ вопросомъ объ источникахъ его „изобрѣтенія".

Предыдущая замѣтка написана была годъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ явился подробный разборъ Зейлерова изданія, написанный Лайстнеромъ (Anzeider für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur, IX, 1 Jan. 1883, стр. 70—106). Въ виду ученой обстановки разбора и солидности журнала, въ которомъ онъ появился, сообщаю здѣсь его главные результаты, не усвоивая ихъ себѣ.

Лайстнеръ еще разъ просмотрѣлъ палеографически рукопись Руодлиба и нашелъ, что нѣкоторые листки ея были перепутаны и потому прочтены не въ надлежащемъ порядкѣ: отрывки XII, XIII, IX, X, XI, XV, XIV должны идти другъ за другомъ въ такой именно послѣдовательности. Открытіе это, не касающееся, впрочемъ, существенныхъ сторонъ романа, единственное, которое необходимо принять къ свѣдѣнію; иное мы скажемъ о другихъ положеніяхъ Лайстнера: онѣ отличаются фантастическимъ гиперкритицизмомъ, орудующимъ атомами, будто осязаемыми величинами; явленіе, къ сожалѣнію, чаще и чаще встрѣчающееся въ нѣмецкой историко-литературной критикѣ. Обратимся къ положеніямъ Лайстнера. Мы узнаемъ, что авторъ Руодлиба затѣялъ построить свой романъ на разказахъ, которые слышалъ отъ шпильмановъ, либо на сказкахъ простонародья въ окрестностяхъ Тегернзэ. Процессъ его творчества представляется—какъ собираніе различныхъ сказочныхъ варіантовъ, ein Strauss von Varianten (стр. 91). Эта дѣятельность подъ стать развѣ Рейнгольду Кёлеру, но никакъ не Нѣмцу XI вѣка; понятно, что она ему прискучила. Кстати онъ наткнулся на латинскую повѣсть, въ стилѣ Вальтарія, въ которой стояли имена Руодлиба, Герибурги и др., и тотчасъ же измѣнилъ своему первичному плану: оборвалъ свой разказъ на отрывкѣ XVI-мъ, а съ XVII-мъ приставилъ продолженіе, которое явилось переработкой заинтересовавшей его эпической повѣсти. Разумѣется, онъ попытался связать эти disjecta membra: въ повѣсти выведенъ былъ герой Руод-

Digitized by Google

либъ, принадлежавшій—полагаютъ—какой-нибудь неизвѣстной намъ народной нѣмецкой сагѣ; самъ авторъ не назвалъ героя затѣяннаго имъ романа, ограничившись простымъ обозначеніемъ: miles; но когда у него явилась идея спаять свое произведеніе съ чужимъ, онъ нашелъ нужнымъ перенести имя Руодлиба изъ послѣдняго въ первое: вотъ почему это имя читается уже въ отрывкахъ X-мъ и XI-мъ; если въ отрывкахъ XII-мъ и XIII-мъ еще удержано слово miles, то, по мнѣнію критика, это одно обстоятельство (помимо палеографическихъ соображеній) указываетъ, что послѣдніе два отрывка должны были стоять въ рукописи раньше, чѣмъ X-мъ и XI-мъ. Ясно, что подобная аргументація не хитрѣе предположеннаго выше букета варіантовъ. Варіанты эти, то-есть, сказки и повѣсти Руодлибовскаго типа, подробно разбираются Лайстнеромъ съ несомнѣннымъ желаніемъ привести ихъ въ шеренгу и услѣдить прямую нить развитія тамъ, гдѣ она часто не услѣдима. По вопросу же о генезисѣ Руодлиба критика Лейстнера не принесла ничего существенно новаго, что̀ не было бы гипотетичнымъ.

Александръ Веселовскій.

Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній. Сочиненіе *П. Никитина*. С.-Пб. 1883.

Изученіе уцѣлѣвшихъ произведеній греческой драмы представляетъ столь же пріятное и благодарное занятіе, сколько изслѣдованія надъ внѣшнею ихъ постановкой тяжелый и безотрадный трудъ. Тамъ бо̀льшая и главная часть матеріаловъ съ самаго начала является въ видѣ сплошной массы, удобной для научной разработки, и поэтическія красоты предмета безпрестанно награждаютъ изслѣдователя за его усилія. Тутъ, напротивъ, матеріалы имѣютъ въ высшей степени разрозненный и отрывочный характеръ; изслѣдователю приходится собирать ихъ изъ двухъ различныхъ областей филологической науки — словесности и эпиграфики; часто они состоятъ изъ крайне неопредѣленныхъ, случайныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ допускаетъ различныя толкованія, такъ что только извѣстное число ихъ можетъ дать нашему мнѣнію положительное направленіе, и съ другой стороны, любая не замѣченная или найденная слишкомъ поздно замѣтка можетъ опровергнуть давно уже установившееся сужденіе. А между тѣмъ и съ этою отраслью филологу не-

Digitized by Google

обходимо ознакомиться; поэтому каждая попытка облегчить намъ ея изученіе можетъ a priori разсчитывать на нашу благодарность.

Но книга г. Никитина не ограничивается собраніемъ разрозненныхъ и значительно увеличившихся въ послѣднее время матеріаловъ; главный ея интересъ заключается въ многочисленныхъ новыхъ результатахъ—плодахъ многочисленныхъ трудовъ автора по означенной отрасли греческихъ древностей. Мы, конечно, нисколько не намѣреваемся въ этой статьѣ исчерпать богатое содержаніе книги г. Никитина, такъ какъ мы нисколько не желаемъ сдѣлать чтеніе ея лишнимъ. Если, съ другой стороны, наши личныя замѣчанія окажутся слишкомъ незначительными въ сравненіи съ сообщаемыми нами результатами изслѣдованій г. Никитина и не будутъ представлять большаго интереса для автора разбираемой нами книги, то въ этомъ виноваты не мы, а скорѣе онъ самъ, такъ какъ послѣ его тщательнаго изложенія трудно пріискать много новаго.

Книга г. Никитина раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ даетъ полный обзоръ эпиграфическихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ состязаній; во второй онъ извлекаетъ изъ нихъ выводы, разъясняющіе нѣкоторые темные пункты этой послѣдней. Но такіе выводы встрѣчаются сплошь и рядомъ и въ первой части; такъ: первая глава (§§ 1—22) посвящена вопросу, состояли ли хорегіи драматическихъ состязаній въ связи съ филами, или нѣтъ. Обыкновенно полагаютъ первое, вслѣдствіе аналогіи музическихъ агоновъ—киклическихъ хоровъ παίδων и ἀνδρῶν, относительно которыхъ такая связь документально засвидѣтельствована. Авторъ приходитъ къ противоположному результату на основаніи слѣдующихъ соображеній: вопервыхъ, число поставленныхъ въ каждый праздникъ трагедій и комедій нисколько не соотвѣтствуетъ числу филъ; вовторыхъ, имена филъ встрѣчаются только въ надписяхъ, относящихся къ музическимъ агонамъ, и постоянно выпускаются въ драматическихъ дидаскаліяхъ; втретьихъ, ораторъ Исей (I, § 36) не даромъ отличаетъ музическія побѣды, одержанныя филою, отъ драматическихъ, одержанныхъ частными лицами; вчетвертыхъ, въ составъ хоровъ музическихъ агоновъ входили граждане той только филы, которая ставила хоръ, между тѣмъ какъ выборъ хоревтовъ для сценическихъ состязаній зависѣлъ отъ воли поэта — дидаскала; впятыхъ, участниками ленейскихъ хоровъ были и метеки, не находившіеся ни въ какой связи съ филами, а между тѣмъ въ праздникъ Леней ставили одни сценическіе хоры; наконецъ, извѣстно, что когда хотѣли

облегчить исполненіе музическихъ агоновъ, то позволяли двумъ филамъ имѣть одного хорега, а когда хотѣли облегчить исполненіе сценическихъ состязаній, то бремя одной хорегіи распредѣляли между двумя хорегами. Окончательнаго результата изслѣдованія автора, подтвержденнаго столь вѣскими доказательствами, нельзя не назвать неопровержимымъ. Особенно убѣдительны второй и третій изъ исчисленныхъ пунктовъ.

Въ остальныхъ главахъ первой части авторъ занимается классификаціей эпиграфическихъ документовъ, относящихся къ состязаніямъ. Онъ различаетъ четыре категоріи: Вопервыхъ, сводъ дидаскалій комическихъ и трагическихъ (§§ 23—26), въ которомъ обозначались вмѣстѣ съ именемъ архонта за каждый годъ состязаній всѣ участвующіе въ состязаніяхъ поэты и заглавія поставленныхъ ими драмъ въ порядкѣ ихъ достоинства, а равно и имена протагонистовъ, при чемъ побѣдитель между этими послѣдними называется еще разъ особо; этотъ сводъ былъ комментированъ въ IV столѣтіи. Вовторыхъ, такъ называемыя авторомъ Διονυσονῖκαι (§§ 27—42); въ нихъ обозначены одни побѣдители, какъ музическихъ, такъ и сценическихъ агоновъ, сверхъ того, имена хореговъ и филы. Втретьихъ, Νῖκαι Διονυσιακαί (§§ 43—59) (нельзя, впрочемъ, не сожалѣть, что для обозначенія двухъ различныхъ классовъ эпиграфическихъ документовъ авторомъ выбраны столь похожія другъ на друга и удобосмѣшиваемыя имена; это, вѣроятно, будетъ главнымъ препятствіемъ ихъ популяризаціи, которой каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, какъ нельзя болѣе заслуживаетъ); въ нихъ называются одно за другимъ имена драматическихъ поэтовъ, очевидно, въ хронологическомъ порядкѣ первыхъ ихъ побѣдъ; послѣ каждаго изъ нихъ ставится цифра, обозначающая, по видимому, число одержанныхъ поэтомъ побѣдъ. Наконецъ, хорегическія надписи (§§ 60—64), не имѣющія, по мнѣнію автора, большаго значенія.

При разсмотрѣніи памятниковъ втораго и третьяго разряда возникаетъ вопросъ: относятся ли означенныя въ нихъ побѣды къ празднику Леней или Великихъ Діонисій? Касательно Διονυσονῖκαι авторъ полагаетъ, что названныя въ нихъ побѣды одержаны исключительно въ праздникъ Великихъ Діонисій. Доводы его столь интересны, что мы не можемъ не заняться ими обстоятельнѣе. Мнѣніе, что всѣ Διονυσονῖκαι относятся къ Великимъ Діонисіямъ, до г. Никитина было выражено и германскимъ ученымъ Келеромъ; главнымъ аргументомъ этого послѣдняго было видное мѣсто, занимаемое въ Діонисіоникахъ трагическими побѣдами, между тѣмъ какъ существованіе трагиче-

Digitized by Google

скихъ агоновъ въ праздникъ Леней не можетъ быть доказано. На это г. Никитинъ справедливо возражаетъ, что эта возможность существуетъ только для тѣхъ, кто, подобно Мадвигу и другимъ, считаетъ ошибочнымъ показаніе Аѳенея о первой побѣдѣ Агаѳона: Ἀγάθων... ἐπὶ ἄρχοντος Εὐφήμου στεφανοῦται Ληναίοις. Единственнымъ доводомъ противъ правдивости Аѳенеева свидѣтельства послужили Мадвигу извѣстныя слова Платона, что побѣда была одержана Агаѳономъ въ присутствіи болѣе чѣмъ тридцати тысячъ Эллиновъ. А такъ какъ на Ленеяхъ, по словамъ Аристофана, присутствовали одни Аѳиняне, то очевидно, что Платонъ имѣлъ въ виду Великія Діонисіи. Г. Никитинъ въ своемъ возраженіи справедливо отвергаетъ доказательность Аристофановыхъ словъ, вовсе не исключающихъ всѣхъ не Аѳинянъ изъ ленейскихъ агоновъ. Такимъ образомъ, мнѣніе Келера можно было считать опровергнутымъ.

Но нѣсколько времени послѣ появленія книги г. Никитина, въ Rheinisches Museum (1883, стр. 251 сл.) была напечатана статья Э. Роде подъ заглавіемъ „Scenica", занимающаяся отчасти тѣми же предметами, кои составляютъ содержаніе и разбираемаго нами труда г. Никитина, а въ томъ числѣ и первою побѣдой Агаѳона. Сличеніе результатовъ двухъ ученыхъ, работавшихъ независимо одинъ отъ другаго, надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, всегда бываетъ очень интереснымъ и поучительнымъ занятіемъ, даже когда они не согласны другъ съ другомъ; поэтому мы изложимъ подробнѣе занимающій ихъ вопросъ. Роде исходитъ изъ объясненія, которое схоліастъ Эсхина (κατὰ Κτησιφῶντος § 67) даетъ къ слову προάγων: ἐγίγνοντο πρὸ τῶν μεγάλων Διονυσίων ἡμέραις ὀλίγαις ἔμπροσθεν ἐν τῷ ᾠδείῳ καλουμένῳ τῶν τραγῳδῶν ἀγὼν καὶ ἐπίδειξις ὧν μέλλουσι δραμάτων ἀγωνίζεσθαι ἐν τῷ θεάτρῳ δι' ὃ ἐτύμως προάγων καλεῖται, εἰσίασι δὲ δίχα προσώπων οἱ ὑποκριταὶ γυμνοί. Замѣтивъ, что подъ проагономъ не возможно разумѣть настоящее представленіе ни цѣльныхъ драмъ, ни нѣкоторыхъ ихъ частей, а только ἐπίδειξις, то-есть, представленіе публикѣ поэта, актеровъ и хоревтовъ, при чемъ первый говоритъ нѣсколько словъ о своей драмѣ, Роде переходитъ къ словамъ Платона (Symposion p. 194 сл.): ἐπιλήσμων μέντ' ἂν εἴην, ὦ Ἀγάθων, εἰ ἰδὼν τὴν σὴν ἀνδρείαν καὶ μεγαλοφροσύνην ἀναβαίνοντος ἐπὶ τὸν ὀκρίβαντα μετὰ τῶν ὑποκριτῶν καὶ βλέψαντος ἐναντία τοσούτῳ θεάτρῳ, μέλλοντος ἐπιδείξεσθαι σαυτοῦ λόγους, καὶ οὐδ' ὁπωστιοῦν ἐκπλαγέντος, νῦν οἰηθείης σε θορυβηθήσεσθαι ἕνεκα ἡμῶν ὀλίγων. Эти слова Роде относитъ также къ проагону, между тѣмъ какъ до Роде ихъ относили къ pronuntiatio непосредственно передъ самымъ

представленіемъ; по мнѣнію Роде, такой пронунціаціи никогда не было, слова Аристофана („Ахарняне“ ст. 9 сл. ἀλλ' ὠδυνήθην ἕτερον αὖ τραγῳδικόν, ὅτε δὴ 'κεχήνη προσδοκῶν τὸν Αἰσχύλον, ὁ δ' ἀνεῖπεν, εἴσαγ', ὦ Θέογνι, τὸν χορόν.) онъ относитъ къ проагону: „da doch der Proagon jedenfalls die Namen der wetteifernden Dichter dem Publicum bekannt gemacht haben muss, so ist es kaum denkbar, dass noch beim Beginn des eigentlichen Agon im Theater ein Zuschauer nicht gewusst habe, welche Dichter auftreten würden. Man wird also auch hier am besten an den Proagon im Odeum denken“. Надобно сознаться, что гипотеза Роде имѣетъ много соблазнительнаго. Слова Платона имѣютъ неопровержимое сходство съ объясненіемъ Эсхинова схоліаста, и замѣчаніе Роде относительно стиховъ Аристофана на первый взглядъ кажется весьма убѣдительнымъ. Но какъ согласовать предположеніе, что Агаѳонъ до своей первой побѣды выступилъ въ проагонѣ—вспомнимъ слова схоліаста πρὸ τῶν μεγάλων Διονυσίων...—съ показаніемъ Аѳенея, что эта побѣда была одержана въ праздникъ Леней? Роде самъ пробовалъ было предположить, что и ленейскому агону предшествовалъ проагонъ, ссылаясь для этого на текстъ надписи, изданной Келеромъ во второмъ томѣ Corpus inscr. att. № 307; но далѣе же онъ самъ называетъ это предположеніе „eine Ausflucht“ и соглашается съ Мадвигомъ, отвергающимъ правдивость Аѳенеева показанія.

Дѣйствительно, слова надписи не имѣютъ того смысла, который влагаетъ въ нихъ Роде. Вотъ они, на сколько они насъ интересуютъ: ἐπειδὴ δὲ ὁ ἀγωνοθέτης περὶ πλείστου ποιούμενο[ς τὴν πρ]ὸς τοὺς θεοὺς εὐσέβειαν καὶ ἀποδεικνύμενος [τ]ὴν εὔνοιαν [καὶ φιλοτι]μίαν ἣν ἔχει πρὸς τὸν δῆμον τὸν 'Αθηναίων τάς τε θυσίας πά[σας ἔθυσεν τ]ὰς πατρίους ἐν τοῖς καθήκουσιν χρόνοις καλῶς καὶ εὐσεβῶ[ς, ἐπετέλεσε] δὲ καὶ τοὺς προάγωνας τοὺς ἐν τοῖς ἱεροῖς κατὰ τὰ πάτρια, [ἐπεμελήθ]η δὲ καὶ τῶν ἀγώνων τῶν τε Διονυσιακῶν καὶ τῶν ἄλλων καλῶς[καὶ φιλοτίμ]ως, ἐπαινέσαι τὸν ἀγωνοθέτην 'Αγαθαῖον и т. д. Намъ кажется, что въ надписи не даромъ сказано τοὺς προάγωνας τοὺς ἐν τοῖς ἱεροῖς; очевидно, что подъ этими послѣдними слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное, чѣмъ подъ проагономъ ἐν τῷ ᾠδείῳ: въ храмѣ не могло быть никакой ἐπίδειξις τῶν δραμάτων, слѣдовательно, къ такому проагону не могли относиться слова Платона. А такъ какъ схоліастъ Эсхина въ объясненіи слова προάγων также, навѣрное, не даромъ замѣчаетъ, что этотъ проагонъ происходилъ въ праздникъ Великихъ Діонисій, то намъ приходится выбрать одно изъ двухъ: или слова Платона должны непремѣнно отно-

ситься къ проагону, и тогда показаніе Аѳенея слѣдуетъ признать ошибочнымъ,—или же Аѳеней правъ, и слова Платона относятся не къ проагону, а къ ἐπίδειξις передъ самымъ представленіемъ. Первое—мнѣніе Э. Роде; послѣднее полагалъ, очевидно, г. Никитинъ.

Намъ очень пріятно, что мы въ этомъ случаѣ можемъ согласиться съ г. Никитинымъ. Дѣйствительно, предположеніе Э. Роде, при болѣе строгомъ разборѣ, оказывается далеко не необходимымъ. Свидѣтельство Аристофана, которое этотъ послѣдній такъ ловко сумѣлъ обратить въ свою пользу, все-таки доказываетъ существованіе предшествующей представленію ἐπίδειξις, независимой отъ проагона. Дикэополь раздосадованъ тѣмъ, что въ то время, какъ онъ ожидалъ представленія посмертной трагедіи Эсхила, распорядители агона велѣли Ѳеогниду ввести свой хоръ. Но какое же право,—спрашиваемъ мы,—имѣлъ Дикэополь ожидать, что будетъ поставлена на сцену трагедія именно Эсхила? Очевидно, это было объявлено оффиціально передъ самымъ состязаніемъ, и всего вѣроятнѣе, что для этого послужилъ именно проагонъ. Впослѣдствіи, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ,—можетъ быть вслѣдствіе болѣзни протагониста, какъ это такъ часто случается и у насъ,—порядокъ состязаній былъ измѣненъ, и къ великому отчаянію Дикэополя трагедію Эсхила замѣнила трагедія Ѳеогнида.—А если такъ, то нѣтъ никакой причины относить слова Платона къ проагону; гораздо вѣроятнѣе, что и Платонъ имѣлъ въ виду предшествующую самому представленію Ἐπίδειξις, такъ что и съ этой стороны ничто не свидѣтельствуетъ противъ Аѳенеева показанія о первой побѣдѣ Агаѳона.

Но вернемся къ разсужденію г. Никитина. Отвергая доказательность Келеровой аргументаціи, авторъ соглашается съ этимъ ученымъ въ главномъ результатѣ — что Διονυσιακαί всѣ относятся къ одному празднику Великихъ Діонисій. Онъ доказываетъ это леммою, что не трагическія состязанія, какъ полагалъ Келеръ, а напротивъ, музическія не входили въ составъ ленейскихъ агоновъ. Положеніе автора, если не неоспоримо, то во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно и убѣдительно. Въ законѣ Евегора, гдѣ, между прочимъ, перечисляются ленейскія состязанія, музическіе агоны не упоминаются; съ другой стороны, въ надписи, гдѣ перечисляются праздники, въ составъ которыхъ входили музическіе агоны, о Ленеяхъ не говорится ни слова. Было бы странно, еслибы тамъ музическіе агоны, а тутъ Ленеи были выпущены случайно. А если киклическіе хоры въ ленейскихъ состязаніяхъ участія не принимали, то надписи Διονυσιακαί, исправно

Digitized by Google

упоминающія и о хорахъ παίδων и ἀνδρῶν, къ нимъ относиться не могутъ.

Замѣчаемъ мимоходомъ, что, говоря о Діонисоникахъ, г. Никитинъ доказываетъ подлинность интереснаго эпиграфическаго обломка, въ которомъ говорится о комикѣ Магнетѣ, трагикѣ Эсхилѣ и хорегѣ Периклѣ (§ 30).

Давая обзоръ памятниковъ третьяго разряда (Νῖκαι Διονυσιακαί), авторъ задается двойнымъ вопросомъ: вопервыхъ, названы ли въ нихъ исключительно комическіе, или же комическіе и трагическіе поэты; вовторыхъ, относятся ли эти памятники къ Великимъ Діонисіямъ или къ Ленеямъ, или къ тѣмъ и другимъ.

Мнѣніе Куманудиса, что въ Νῖκαι Διονυσιακαί названы одни комики, автора не удовлетворяетъ; онъ соглашается съ Бергкомъ, что подъ поэтомъ, одержавшимъ 18 побѣдъ—въ надписи уцѣлѣло только окончаніе имени... κλῆς,—можно разумѣть только знаменитаго трагика Софокла. Въ той же надписи встрѣчаются имена еще двухъ трагиковъ—Эсхила и Полифрасмона, и кромѣ того, имя, кончающееся на ...ιππος, первыя три буквы котораго не уцѣлѣли. Г. Никитинъ узнаетъ въ немъ Нотиппа (Νόθιππος), извѣстнаго намъ только по насмѣшкамъ комическихъ поэтовъ. Не желаемъ повторять аргументы, говорящіе противъ этого предположенія; они, безъ сомнѣнія, давно уже обдуманы самимъ авторомъ; но не можемъ не замѣтить, что одновременное существованіе двухъ различныхъ трагиковъ, называющихся, какъ нарочно, Гнесиппомъ (γνήσιος—законнорожденный) и Нотиппомъ (νόθος=незаконнорожденный), кажется намъ мало вѣроятнымъ. Впрочемъ, это нисколько не затрогиваетъ главнаго результата, нашъ ...ιππος одержалъ всего одну побѣду, принадлежалъ, значитъ, къ числу μειρακύλλια, τραγῳδίας ποιοῦντα πλεῖν ἢ μύρια, ἃ φροῦδα θᾶττον, ἢν μόνον χορὸν λάβῃ, ἅπαξ προσουρήσαντα τῇ τραγῳδίᾳ, и Богъ одинъ знаетъ, сколько между ними находилось неизвѣстныхъ намъ Харипповъ, Ермипповъ, Лизипповъ, Филиппов, Архиппов и т. п.

Относительно втораго вопроса—къ какому празднику относились Νῖκαι Διονυσιακαί—авторъ соглашается съ Бергкомъ, полагавшимъ, что изъ уцѣлѣвшихъ надписей однѣ исчисляютъ побѣды, одержанныя на Великихъ Діонисіяхъ, другія—на Ленеяхъ; но и тутъ онъ приводитъ свой собственный аргументъ въ пользу своего мнѣнія. Замѣчанію Бергка, что повтореніе отдѣльныхъ именъ въ двухъ различныхъ надписяхъ указываетъ на участіе того же поэта въ двухъ различныхъ праздникахъ, онъ большаго значенія не придаетъ, такъ

Digitized by Google

какъ Бергкъ при этомъ не обращаетъ никакого вниманія на моментъ омониміи; такъ, подъ Кратиномъ въ одной надписи можно разумѣть знаменитаго поэта древне-аттической комедіи, въ другой же Кратина младшаго, поэта средней комедіи. За то г. Никитинъ указываетъ на одинъ случай повторенія не отдѣльныхъ именъ, а цѣлыхъ группъ этихъ послѣднихъ (Ἐυμενίδης, Φιλοκλῆς, Φιλωνίδης, Πολοκλῆς), и надобно согласиться, что это повтореніе рѣшаетъ вопросъ.

Краткою характеристикою памятниковъ четвертаго разряда—хорическихъ надписей—оканчивается первая часть книги г. Никитина. Вторая—§§ 65—117—гораздо обширнѣе.

Въ первой ея главѣ (§§ 65—91) авторъ разсматриваетъ составъ и порядокъ состязаній. Это вопросъ не легкій и вслѣдствіе недостаточности уцѣлѣвшихъ матеріаловъ, значительно еще усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что порядокъ и составъ состязаній былъ не одинаковъ для обоихъ праздниковъ—Леней и Великихъ Діонисій, и даже для одного и того же праздника подвергался различнымъ измѣненіямъ въ теченіе столѣтій. Что касается перваго пункта, то авторъ полагаетъ, что порядокъ, по которому въ праздникъ Леней трагическій агонъ предшествовалъ комическому, а въ праздникъ Великихъ Діонисій, напротивъ, комедіи представлялись раньше трагедій, былъ отмѣненъ еще около половины четвертаго вѣка, при чемъ Великія Діонисіи относительно порядка состязаній должны были согласоваться съ Ленеями, а не на оборотъ. Относительно измѣненій установленнаго порядка агоновъ въ теченіе столѣтій слѣдуетъ различать три періода. Въ первомъ періодѣ—опредѣляемымъ приблизительно по году архонтства Евклида — каждый изъ трехъ трагическихъ поэтовъ ставилъ по три трагедіи и по одной сатирической драмѣ (однимъ словомъ, по одной „тетралогіи"), а изъ комедій были допущены всего три; повтореніе игранныхъ уже и особенно понравившихся піесъ было, конечно, допущено и тогда— не только трагедій, но и комедій (ср. „Лягушки"), но не столь правильно, и по нашему мнѣнію, при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ позднѣйшія времена. Во второмъ періодѣ каждый изъ трехъ трагическихъ поэтовъ составлялъ только по три трагедіи (по „трилогіи"), но за то играли пять комедій, и въ регулярный составъ спектаклей входила одна старая трагедія и одна сатирическая драма. Съ половины третьяго столѣтія, наконецъ, въ составъ спектаклей начинаетъ входить и „старая" комедія, то-есть, комедія Менандровыхъ временъ. Появленіе старой драмы между новыми на первый взглядъ

Digitized by Google

возбуждаетъ удивленіе; славному поэту, напримѣръ, Еврипиду, не трудно было побѣдить на состязаніи любаго изъ эпигоновъ. Поэтому Мадвигъ предполагалъ, что „старыя" драмы значительно перерабатывались ставящими ихъ на сцену протагонистами. Но тогда слѣдовало бы допустить, что протагонисты нарочно ухудшали и портили ввѣренныя имъ драмы, для того чтобъ эти послѣднія не возвышались надъ уровнемъ упадшей современной трагедіи или комедіи. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе г. Никитина, подтвержденное и другими довольно вѣскими соображеніями, что „старыя" трагедіи и комедіи вмѣстѣ съ сатирическими драмами стояли внѣ агона, что имъ не приходилось состязаться съ произведеніями новѣйшихъ трагиковъ и комиковъ.

Главное затрудненіе представляетъ вопросъ: сколько дней продолжалось празднество Великихъ Діонисій, и въ какомъ порядкѣ ставились трагическія тетралогіи, или трилогіи, и комедіи. Относительно второй части этого вопроса авторъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) въ IV вѣкѣ сатирическая драма, вмѣстѣ съ слѣдовавшею за нею „старою" трагедіей, исполнялась въ одинъ изъ дней, предшествовавшихъ исполненію новыхъ трагедій; 2) въ IV вѣкѣ комедіи исполнялись въ день особый отъ дней, назначенныхъ для исполненія новыхъ трагедій, и притомъ всѣ въ одинъ день; 3) нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что и въ V вѣкѣ комедическій агонъ существовалъ отдѣльно отъ трагедическаго, не смѣшиваясь съ нимъ. Съ послѣдними двумя положеніями мы согласны, первое же кажется намъ нѣсколько сомнительнымъ. Если старая трагедія называется въ сводѣ дидаскалій раньше новыхъ, то это, быть можетъ, не болѣе, какъ знакъ уваженія Аѳинянъ къ своимъ классикамъ; такъ какъ хронологическій порядокъ въ отдѣльныхъ дидаскаліяхъ вообще не соблюдается, то нельзя допустить a priori, чтобъ онъ соблюдался именно относительно интересующаго насъ вопроса. Предположенію же нашего автора довольно рѣзко противорѣчатъ слова Лукіана (Timon. 51). Къ обогатѣвшему вновь Тимону является, между прочимъ, риторъ Демей и разказываетъ ему о ψήφισμα, внесенным имъ, Демеемъ, въ аѳинскомъ вѣчѣ... καὶ στεφανῶσαι αὐτὸν (τὸν Τίμωνα) χρυσοῖς στεφάνοις καὶ ἀνακηρυχθῆναι τοὺς στεφάνους τήμερον Διουσίοις τραγῳδοῖς καινοῖς· ἀχθῆναι γὰρ δι' αὐτὸν δεῖ τήμερον τὰ Διονύσια. Если Демей желаетъ, чтобы въ честь Тимона праздновались Діонисіи въ тотъ же день—положимъ, что это карикатура,—и чтобы въ тотъ же день объявили народу τραγῳδοῖς καινοῖς, о вѣнкахъ, присужденныхъ Ти-

Digitized by Google

мону, то, по представленію Лукіана, τραγῳδοὶ καινοί были первымъ же днемъ праздника, и намъ кажется, что пока нѣтъ никакого основанія оспаривать его мнѣніе.

Относительно числа дней діонисическаго празднества г. Никитинъ не согласенъ съ извѣстною гипотезою Заuппе, что состязанія и трагедій, и комедій длились всего три дня; по его мнѣнію естественнѣе предположить, что дней празднества было четыре. Намъ гипотеза Заuппе тоже кажется мало убѣдительною; но мы не можемъ вполнѣ одобрять доводы, которыми пользуется авторъ для опроверженія ея. Вѣдь нельзя отрицать, что во времена Демосѳена платою за входъ въ театръ полагались два обола, и что θεωρικόν вообще во времена того же Демосѳена—уже съ 97-й олимпіады—равнялся драхмѣ; а такъ какъ драхма равняется трижды двумъ оболамъ, то можно считать математически доказаннымъ, что назначеніемъ т е о р и к а было предоставить каждому Аѳиняну возможность заплатить три раза за входъ въ театръ. Совпаденіе этого числа съ числомъ трагическихъ трилогій или тетралогій трудно считать случайнымъ; и если разсудить, кто первый ввелъ теорикъ въ Аѳинахъ, то покажется весьма вѣроятнымъ, что его цѣлью было только сдѣлать доступными гражданамъ трагическія зрѣлища, а не осмѣивающія его самого комедіи. Если же такъ, то можно предположить, что, кромѣ трехъ дней, назначенныхъ для представленія трагедій, имѣлся еще четвертый, въ которомъ происходили комическія состязанія.

Вторая глава (§§ 92—105) имѣетъ содержаніемъ отношеніе актеровъ къ авторамъ. Объ этомъ вопросѣ до г. Никитина было написано очень много; но его заслуга состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ гораздо болѣе вниманія обращаетъ на историческій элементъ, чѣмъ его предшественники. Результатомъ изслѣдованія г. Никитина является тотъ фактъ, что развитіе аттической сценики представляетъ постепенное освобожденіе актера отъ поэта. Этотъ результатъ самъ по себѣ чрезвычайно заманчивъ и правдоподобенъ, такъ какъ онъ имѣетъ аналогію во многихъ каждому извѣстныхъ явленіяхъ новѣйшаго театра, особенно оперы. Г. Никитинъ различаетъ шесть періодовъ: 1) время до-Эсхиловское: поэтъ и актеръ—одно лицо; 2) время Эсхила: вмѣстѣ съ поэтомъ въ исполненіи піесы принимаетъ участіе особый актеръ, который принадлежитъ одному какому-нибудь поэту, какъ его постоянный помощникъ; 3) время Софокла: поэтъ перестаетъ быть актеромъ, но актеръ по прежнему принадлежитъ поэту; 4) время νέμησις ὑποκριτῶν; 5) время полной независимости актеровъ отъ поэтовъ;

Digitized by Google

6) время Еннія, Плавта и Теренція: поэтъ принадлежитъ актеру, служа поставщикомъ хозяина актерской труппы. Стоитъ труда заняться обстоятельнѣе характеристикою четвертаго и пятаго періодовъ, составляющею результатъ вполнѣ самостоятельнаго изслѣдованія г. Никитина, тѣмъ болѣе, что въ не разъ уже упомянутой параллельной статьѣ Э. Роде затронутъ и этотъ вопросъ.

Въ уцѣлѣвшихъ агоническихъ надписяхъ IV вѣка драмы каждаго изъ трехъ состязавшихся трагическихъ поэтовъ распредѣлялись между тремя или двумя протагонистами, такъ что каждый поэтъ пользовался равномѣрно услугами каждаго протагониста; такимъ образомъ, шансы побѣды для этого послѣдняго были вполнѣ независимы отъ достоинства представляемыхъ имъ драмъ. Ко времени, непосредственно предшествующему этому періоду, г. Никитинъ относитъ извѣстную глоссу Гезихія о νέμησις ὑποκριτῶν: οἱ ποιηταὶ ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς κλήρῳ νεμηθέντας ὑποκρινομένους τὰ δράματα, ὧν ὁ νικήσας εἰς τοὐπιὸν ἀκρίτως παρελαμβάνετο, относимую обыкновенно къ классическому времени аттической драмы. Это послѣднее предположеніе, совсѣмъ неосновательное, справедливо отвергнуто г. Никитинымъ; но и его мнѣніе кажется намъ мало убѣдительнымъ. По нашему, нѣтъ никакой причины дѣлать различіе между періодомъ νέμησις ὑποκριτῶν и періодомъ независимости актеровъ отъ авторовъ.

Въ толкованіи глоссы, какъ г. Никитинъ, такъ и Э. Роде, справедливо различаютъ κρίσις отъ κλήρωσις, хотя—замѣтимъ мимоходомъ—самъ Гезихій наврядъ ли дѣлалъ это различіе, а то его замѣчаніе вышло бы ужь слишкомъ безсмысленно. Но тѣ же ученые различаютъ и κρίσις отъ νίκη, а это намъ кажется невѣроятнымъ. Глосса Гезихія, очевидно, относится къ одной только κρίσις, которая, конечно, была не экзаменомъ въ нашемъ смыслѣ слова, а своего рода агономъ. Кто изъ этого агона выходилъ побѣдителемъ, тотъ на слѣдующій годъ εἰς τοὐπιὸν былъ освобожденъ отъ κρίσις. Что замѣчаніе Гезихія слѣдуетъ понимать такъ, это доказывается, приведенными Э. Роде словами Алькифрона (Epist. III, 48): κακὸς κακῶς ἀπόλοιτο Λικύμνιος ὁ τῆς τραγῳδίας ὑποκριτής· ὡς γὰρ ἐνίκα τοὺς ἀντιτέχνους... τοὺς Αἰσχύλου Προπομπούς, τορῷ τινι καὶ γεγωνοτέρῳ φωνήματι χρησάμενος, γαῦρος ἦν κτλ., и Роде самъ признаетъ, что Алькифронъ не могъ имѣть въ виду настоящіе діонисическіе агоны, такъ какъ νικᾶν τοὺς Προπομπούς не можетъ имѣть другого значенія, какъ „оставаться побѣдителемъ въ состязаніи, въ которомъ каждая изъ соперничающихъ труппъ представляла трагедію „Пропомповъ"; а если діонисическіе агоны не мо-

Digitized by Google

гутъ быть разумѣемы подъ словами Алкифрона, то ихъ необходимо отнести къ той χρίσις ὑποκριτῶν, о которой говоритъ Гезихій),—такъ и аналогіей указанныхъ тѣмъ же Роде χύτρινοι ἀγῶνες комическихъ актеровъ, возобновленныхъ, по словамъ Плутарха, ораторомъ Ликургомъ (εἰςήνεγκε νόμους τὸν μὲν περὶ τῶν κωμῳδῶν, ἀγῶνα τοῖς χύτροις ἐπιτελεῖν ἐφάμιλλον ἐν τῷ θεάτρῳ καὶ τὸν νικήσαντα εἰς ἄστυ καταλέγεσθαι, πρότερον οὐκ ἐξόν, ἀναλαμβάνων τὸν ἀγῶνα ἐκλελοιπότα κτλ.). Почему Ѳ. Роде рѣшаетъ, что слова πρότερον οὐκ ἐξόν должны относиться только къ послѣднему предложенію, а не къ цѣлому закону, этого мы сказать не умѣемъ. Но во всякомъ случаѣ, νικήσαντα слѣдуетъ разумѣть о побѣдившемъ въ хитрическихъ, а не въ діонисическихъ агонахъ, что̀ опять подтверждаетъ наше толкованіе глоссы Гезихія. Замѣтимъ еще, что Ѳ. Роде, кажется, справедливо относитъ къ хитрическимъ агонамъ, какъ стихи Аристофана—„Лягушки" ст. 218 сл.: ἡνίχ' ὁ κραιπαλόκωμος τοῖς ἱεροῖσι χύτροισι χωρεῖ κατ' ἐμὸν τέμενος λαῶν ὄχλος, такъ и анекдотъ Поллукса о комическомъ актерѣ Гермонѣ, относимый г. Никитинымъ къ діонисическимъ состязаніямъ (§ 73). Такимъ образомъ относительно значенія слова νικήσας мы соглашаемся съ Веромъ: возраженіе г. Никитина противъ этого послѣдняго („предложенное Веромъ толкованіе выраженія νικήσας совершенно противно постоянному значенію техническаго термина νικᾶν", прим. 111) достаточно опровергается вышеприведенными словами Плутарха и Алькифрона.

Это первое. Вовторыхъ же, мы не согласны съ г. Никитинымъ относительно времени, къ которому онъ относитъ упомянутую Гезихіемъ νέμησις. Онъ объ этомъ терминѣ выражается такъ (§ 98): „...ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς въ свидѣтельствѣ Гесихія приходится понимать какъ не совсѣмъ точное выраженіе вмѣсто ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς ἕνα ἕκαστος въ смыслѣ: получали изъ трехъ актеровъ (именно протагонистовъ) каждый одного. Очевидно, въ этомъ свидѣтельствѣ имѣются въ виду совсѣмъ иныя отношенія между актерами и поэтами, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ IV вѣкѣ, когда каждый поэтъ располагалъ поочередно всѣми имѣющимися на лицо протагонистами". Но это различіе получается только въ томъ случаѣ, если считать выраженіе Гезихія неточнымъ, какъ это дѣлаетъ г. Никитинъ; если же объяснить его самымъ простымъ и естественнымъ способомъ: „три поэта получали вмѣстѣ трехъ протагонистовъ", то мы получимъ точь въ точь порядки, засвидѣтельствованные надписями для четвертаго вѣка. Тогда глосса Гезихія явится намъ весьма желаннымъ до-

Digitized by Google

полненіемъ къ этимъ послѣднимъ. Такъ, изъ надписи, сообщенной г. Никитинымъ въ § 65, мы узнаемъ, что въ трехъ трилогіяхъ Астидаманта, Еварета и третьяго поэта выступали три протагониста—Аѳенодоръ, Неоптолемъ и Ѳетталъ. Но можно предположить, что протагонистовъ вообще было тогда въ Аѳинахъ гораздо болѣе: почему же выступали именно эти, а не другіе? На основаніи глоссы Гезихія мы можемъ сказать, что выборъ протагонистовъ, долженствовавшихъ участвовать въ діонисическихъ агонахъ, зависѣлъ отъ результата κρίσις или предварительнаго агона протагонистовъ. Но оставалось опредѣлить, какому актеру выступать въ какихъ трагедіяхъ; такъ какъ не всѣ драмы, представленныя тѣмъ же поэтомъ, были одинаковаго достоинства, то оставленіе не рѣшеннымъ этого вопроса могло повести къ многочисленнымъ интригамъ между протагонистами, которые, конечно, старались бы въ такомъ случаѣ отбивать другъ отъ друга лучшія піесы. На основаніи той же глоссы Гезихія мы можемъ предположить, что распредѣленіе отдѣльныхъ піесъ между протагонистами рѣшалось жребіемъ. Такимъ образомъ устраняются, кажется, всѣ затрудненія, представляемыя до сихъ поръ глоссою Гезихія.

Къ этой же κρίσις относятся, по нашему мнѣнію, и приведенныя г. Никитинымъ въ § 95 слова Аристотеля: ἔστι δὲ λέξις γραφικὴ μὲν ἡ ἀκριβεστάτη, ἀγωνιστικὴ δὲ ἡ ὑποκριτικωτάτη. ταύτης δὲ δύο εἴδη· ἡ μὲν γὰρ ἠθική, ἡ δὲ παθητική. διὸ καὶ οἱ ὑποκριταὶ τὰ τοιαῦτα τῶν δραμάτων διώκουσιν, καὶ οἱ ποιηταὶ τοὺς τοιούτους; по крайней мѣрѣ это намъ кажется вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе г. Никитина, относящаго слова Аристотеля къ „старому“ агону, хотя, конечно, и это послѣднее нельзя назвать невозможнымъ. Слова καὶ οἱ ποιηταὶ τοὺς τοιούτους непонятны и намъ; но Аристотель, быть можетъ, написалъ καὶ τῶν ποιητῶν τοὺς τοιούτους, объясняя этимъ предпочтеніе, отдаваемое протагонистами, напримѣръ, Еврипиду.

Наше возраженіе, конечно, касается только одной части результата г. Никитина, который, въ своей сущности, остается не опровержимымъ. Укажемъ мимоходомъ и на изслѣдованіе его о правомъ столбцѣ надписи № 331, составляющее содержаніе послѣднихъ параграфовъ разбираемой нами главы. Прежде предполагали, что онъ относится къ тому же времени, какъ и лѣвый, содержащій въ себѣ комедическія дидаскаліи за 354—353 г. до Р. Х.; г. Никитинъ доказываетъ, что онъ относится къ гораздо раньшему времени, а именно къ 418—417 г.

Въ третьей главѣ (§ 106—112) говорится о нѣкоторыхъ именахъ

Digitized by Google

и заглавіяхъ піесъ, называемыхъ въ эпиграфическихъ документахъ. Такъ, комическій поэтъ Ликисъ, о которомъ упоминаетъ обломокъ Νῖκαι Διονυσιακαί, былъ уже извѣстенъ изъ стиха Аристофана („Лягушки", 14) и напрасно заподозрѣнъ Фриче и другими. Кокъ въ послѣднемъ изданіи знаетъ о Ликисѣ, о которомъ говоритъ надпись, но относитъ его къ позднѣйшему времени; г. Никитинъ указываетъ на то, что въ надписи Ликисъ называется раньше другаго поэта древней комедіи и поэтому тожественъ съ Аристофановымъ. Точно также комикъ Сократъ, о которомъ говорится въ той же надписи, тожественъ съ Сократомъ, приводимымъ Максимомъ Исповѣдникомъ, такъ что конъектура Мейнеке, дѣлающаго изъ Максимова Сократа—Сосикрата, является лишнею. Автора сатирической драмы Тимокла, имя котораго встрѣчается въ надписи, г. Никитинъ съ Келеромъ отожествляетъ съ трагикомъ Тимокломъ, о которомъ говоритъ Аѳеней. Наконецъ, г. Никитинъ сопоставляетъ встрѣчающіяся въ надписяхъ позднѣйшихъ временъ заглавія съ извѣстными заглавіями древнихъ трагедій и комедій, желая такимъ образомъ доказать, что съ извѣстнаго времени поэты ограничивались тѣмъ, что переработывали произведенія древнѣйшихъ, пользующихся нѣкоторою славою поэтовъ. Это, конечно, само по себѣ весьма вѣроятно, но не только по отношенію къ позднѣйшимъ, а и къ сравнительно раннимъ временамъ; точно также возможно, что и въ позднѣйшія времена являлись поэты, обладавшіе достаточною долей оригинальности, чтобы сумѣть написать самостоятельную трагедію или комедію: вѣдь и Римляне имѣли, кромѣ передѣланныхъ съ греческаго crepidatae и palliatae, свои praetextatae и togatae. Совпаденіе заглавій не можетъ служить доказательствомъ переработки; вѣдь и позднѣйшая комедія Νέμεσις (стр. 151) имѣетъ тезку въ извѣстной Νέμεσις Кратина, а между тѣмъ тутъ переработки ни въ какомъ случаѣ допустить нельзя. Съ другой стороны, не трудно допустить, что именно при переработкахъ измѣнялись заглавія переработываемыхъ драмъ.

Въ четвертой и послѣдней главѣ второй части (§§ 113—117) авторъ разсуждаетъ о составѣ Аристотелевыхъ „Дидаскалій", которыя онъ считаетъ тожественными съ безыменными „Дидаскаліями". Основой его разсужденій служатъ уцѣлѣвшія ὑποθέσεις, первоначальнымъ источникомъ которыхъ были именно „Дидаскаліи". Въ нихъ называлось, вопервыхъ, имя архонта, вовторыхъ, имя праздника—предположеніе, будто одна часть книги была сплошь посвящена хроникѣ ленейскихъ, другая—хроникѣ велико-діонисическихъ состязаній, г. Ни-

Digitized by Google

китинъ справедливо отвергаетъ,—затѣмъ имя агона (τραγῳδῶν, κωμῳδῶν); подъ каждою рубрикой перечислялись поэты, принявшіе участіе въ состязаніи, и заглавія поставленныхъ ими драмъ. Относительно этихъ послѣднихъ г. Никитинъ соглашается съ большею частью ученыхъ, напримѣръ, съ Рихтеромъ въ Proll. ad Arist. Pac. cap. I, что въ „Дидаскаліяхъ" заглавія имѣли самую краткую форму. Рихтеръ доходитъ до того, что считаетъ дидаскалическимъ заглавіемъ трагедіи „Семь противъ Ѳивъ" только слово τοῖς Ἑπτά, не смотря на то, что Эсхилъ самъ (Арист. „Лягушки" ст. 1021)—τοὺς Ἕπτ' ἐπὶ Θήβας. Вообще мы сомнѣваемся, чтобы „Дидаскаліи" всюду отдавали предпочтеніе краткой формѣ; вѣдь тогда пришлось бы предположить, что въ нихъ находились замѣтки подобно слѣдующей: τραγῳδῶν... Αἰσχύλος Προμηθεῖ· Προμηθεῖ Προμηθεῖ. Кромѣ того, въ „Дидаскаліяхъ" обозначались актеры и хореги. Говоря объ этихъ послѣднихъ, авторъ предлагаетъ новую конъектуру къ историческимъ словамъ, которыми кончается первая ὑπόθεσις Аристофановой „Ирены": τὸ δὲ δρᾶμα ὑπεκρίνατο Ἀπολλόδωρος, ἡνίκα ἑρμῆν Λοιοκράτης. Мы считаемъ весьма удачнымъ негативный результатъ разсужденія г. Никитина—опроверженіе остроумной догадки Валентина Розе, которую Э. Роде еще называетъ eine für mich wenigstens evidente Conjectur—ἐνίκα Ἕρμων ὁ ὑποκριτής, на основаніи эпиграфическихъ документовъ, доказывающихъ, что въ 424 г. о состязаніи комическихъ актеровъ и рѣчи быть не могло. Но съ предложеніемъ самого г. Никитина ἡνίκα ἐχορήγει Λεωκράτης мы не можемъ согласиться: оно слишкомъ удаляется отъ начертаній текста, и союзъ ἡνίκα кажется намъ неумѣстнымъ. Вообще мы того мнѣнія, что въ загадочныхъ словахъ ὑπόθεσις скрывается такой сюрпризъ, о которомъ до сихъ поръ и не мечтали. Упоминаніе Аристотелемъ въ „Дидаскаліяхъ" не только драматическихъ, но и лирическихъ поэтовъ, г. Никитинъ объясняетъ предположеніемъ, что въ нихъ говорилось и о агонахъ παίδων и ἀνδρῶν. Наконецъ, піесы, поставленныя не самими авторами, а особыми дидаскалами, усвоялись то авторомъ, то дидаскаломъ.

Таково содержаніе книги г. Никитина. Надѣемся, что нашъ разборъ далъ читателю приблизительно полное понятіе о достоинствахъ этого во всѣхъ отношеніяхъ дѣльнаго и добросовѣстнаго труда. Особой похвалы заслуживаетъ богатство привлеченныхъ авторомъ матеріаловъ, дающее всѣмъ его выводамъ широкую и твердую основу, выдержанность и обдуманность плана, въ высшей степени облегчающія вниканіе въ трудный и нѣсколько сухой предметъ, и наконецъ,

Digitized by Google

спокойный и безпристрастный тонъ, господствующій во всѣхъ разсужденіяхъ автора.

Ѳ. Зѣлинскій.

Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки *Алексѣя Веселовскаго*. Москва. 1883.

Западное вліяніе на новую русскую литературу не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ доказательствъ. Остаются недостаточно разъясненными только разныя его частности, и если бы г. Веселовскій занялся ими, быть можетъ, онъ написалъ бы что-нибудь болѣе важное, болѣе полезное для нашей литературы, вообще бѣдной учеными изслѣдованіями. Но, къ сожалѣнію, онъ говоритъ по преимуществу о томъ, что̀ уже всѣмъ извѣстно, при чемъ иногда считаетъ нужнымъ прибѣгать къ громкимъ, пустымъ и не всегда яснымъ по смыслу фразамъ; въ виду этого его книга главнымъ образомъ имѣетъ значеніе какъ искусно составленный сводъ тѣхъ данныхъ, какія разсѣяны у насъ въ разныхъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ и въ массѣ не разработаннаго матеріала. Не будемъ говорить о пробѣлахъ въ его книгѣ: ихъ довольно, и нѣкоторые изъ нихъ можно назвать даже крупными: такъ, напримѣръ, г. Веселовскій или совсѣмъ не упоминаетъ, или упоминаетъ только мимоходомъ о вліяніи на нашу новую литературу легкой французской поэзіи XVII—XVIII в., то-есть, произведеній Шольё, Лафара, Парни и др., о вліяніи Вальтеръ-Скотта, писателей французской романтической школы, Жоржъ-Занда. Обратимъ вниманіе только на нѣкоторые затронутые г. Веселовскимъ вопросы.

Авторъ начинаетъ указаніемъ на слѣды западнаго вліянія въ русской жизни и литературѣ XVI—XVII вѣковъ. Онъ, по видимому, не знаетъ о такихъ фактахъ, какъ переводъ съ латинскаго нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ, сдѣланный по приказанію архіепископа Новгородскаго Геннадія, какъ переводъ Луцидарія и книгъ астрологическаго содержанія, и чтобы доказать существованіе западнаго вліянія въ Россіи XVI вѣка, ссылается не на что иное, какъ на вольнодумство дьяка Висковатова, на любовь къ природѣ боярина Карпова, на еретичество Ѳеодосія Косого и Игнатія, то-есть, на то, что̀ легко можетъ быть объяснено и безъ помощи западнаго вліянія. Въ

Digitized by Google

XVII вѣкѣ авторъ усматриваетъ не болѣе не менѣе, какъ „эмиграцію западниковъ“ изъ Россіи, „представляющую собою такое характеристическое явленіе въ старой Руси“ (стр. 16), и какъ на доказательство указываетъ на попытку бѣгства изъ Россіи князя Хворостинина и на бѣгство сына Ордина-Нащокина—факты въ своемъ родѣ единственные и потому не имѣющіе большого значенія. Въ планахъ Юрія Крижанича касательно пересмотра стараго русскаго законодательства и введенія къ намъ „добрыхъ уставовъ“ иностранныхъ государствъ г. Веселовскій видитъ сходство „съ первоначальнымъ проектомъ Стоглаваго собора“ (стр. 18), того собора, который, какъ извѣстно, торжественно объявилъ, что каждая земля должна имѣть свои обычаи, и что порядки одной земли не должны переходить въ другую! Устройству перваго русскаго театра въ Москвѣ авторъ приписываетъ огромное значеніе. Ему кажется, что оно положило начало „характеристическому (?) вліянію нѣмецкаго театра на русскую сцену“, продолжавшемуся „цѣлое столѣтіе“ [1]) и помогшему намъ освободиться отъ преобладанія мертворожденной формы „школьной драмы“ (стр. 19). Между тѣмъ значеніе нѣмецкаго вліянія на нашу сцену было совершенно ничтожно, да и самое это вліяніе продолжалось очень недолго. Оно нисколько не убило „школьной драмы“; эта послѣдняя, какъ извѣстно, даже пережила его и существовала въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны („Благоутробіе Марка Аврелія“ Козачинскаго относится къ 1744 году, „Воскресеніе мертвыхъ“ Георгія Конискаго—къ 1746 г., „Фотій“ Щербацкаго—къ 1749 г.), въ то время, когда у насъ началось господство французскаго вліянія и ложно-классической драмы. Г. Веселовскій, очевидно, позабылъ содержаніе піесъ репертуара пастора Грегори; въ противномъ случаѣ онъ едва ли рѣшился бы сказать, что „первыя аріи, вставленныя въ піесы“, пріучили слухъ русскихъ зрителей „къ восхваленію любви и земныхъ радостей“ (стр. 19): первыя аріи, раздавшіяся на сценѣ русскаго театра, были аріи плѣнныхъ царей въ „Іудиѳи“; онѣ имѣли своимъ предметомъ не „любовь и земныя радости“, а нѣчто противоположное, какъ это можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ арій („стиховъ“) царей Салманассара и Амаѳала:

---

[1]) Первое представленіе труппы Грегори было въ 1672 году, а «Хоревъ» Сумарокова относится къ 1747 г. Такимъ образомъ о «цѣломъ столѣтіи» не можетъ быть рѣчи.

Салманассаръ. Аще ли намъ гордѣться
Во царскихъ сихъ вѣнцахъ,
А въ плѣну являтися
Въ позорѣ и во узахъ;
Злосчастіе бъ не болѣло,
Поносу бы не было.
Амареалъ. О, прогнѣванный Боже!
Если въ Ветуліи
Кое еще спасеніе,
Тогда намъ помози;
Аще ли ни, то насъ возьми
Къ себѣ отъ сея жизни.

(*Тихонравовъ*, Русскія драматич. произведенія 1672—1725 г., I, стр. 131—132).

Точно также г. Веселовскій, вѣроятно, забылъ содержаніе „Зерцала Великаго". Этотъ сборникъ состоитъ не изъ „занимательныхъ и непринужденныхъ повѣстей", какъ думаетъ онъ (стр. 20), вѣроятно, смѣшивая его съ сборникомъ такъ-называемыхъ „смѣхотворныхъ повѣстей", а главнымъ образомъ изъ легендъ ультра-католическаго характера и переведенъ на русскій языкъ не съ нѣмецкаго, а съ польскаго [1]). Мы не совсѣмъ понимаемъ, почему г. Веселовскій думаетъ, что „мысль лишить искусителя его традиціоннаго, бѣсовскаго наряда, съ рогами и копытами, заставить его облечься въ нарядъ молодого купеческаго сына, и подобно Мефистофелю, слѣдовать вездѣ за страстнымъ Саввою Грудцынымъ" (стр. 20) была шагомъ впередъ: задолго до появленія въ свѣтъ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ русскіе читатели изъ патериковъ и житій святыхъ знали о различныхъ метаморфозахъ діавола, и отсутствіе бѣсовскаго наряда въ товарищѣ Саввы отнюдь не было для нихъ новизною. Еще менѣе понимаемъ мы, почему „пріемы" (?) повѣсти о Фролѣ Скобѣевѣ кажутся г. Веселовскому сатирическими: авторъ ея ничѣмъ и нигдѣ не показываетъ, что онъ желаетъ осмѣять своего героя; онъ излагаетъ свою правдивую исторію sine ira et studio, не давая мѣста ни насмѣшкамъ, ни похваламъ. Наконецъ, намъ остаются совсѣмъ непонятными слѣдующія слова автора, имѣющія въ виду XVII вѣкъ: „Тамъ, гдѣ еще недавно на мнѣнія, отличавшіяся еретичествомъ, умѣли отвѣчать только запрещеніями и проклятіями, гдѣ не хотѣли признать за человѣкомъ даже права думать, нарождается полемика, опирающаяся на книжные авторитеты" (стр. 21). Слово „недавно" наводитъ

---

[1]) *Галаховъ*, Исторія русской словесности, изд. 2-е, т. I, стр. 438.

Digitized by Google

насъ на мысль, что первая часть приведенной фразы содержитъ указаніе на русскихъ дѣятелей конца XV и первой половины XVI вѣка; но развѣ Іосифъ Волоцкій, Максимъ Грекъ и митрополитъ Даніилъ ограничивались одними проклятіями и запрещеніями, и развѣ они не опирались именно на „книжные авторитеты"? Развѣ ихъ сочиненія не заслуживаютъ названія полемическихъ?

Вообще, древне-русская литература—Ахиллесова пята г. Веселовскаго. Это замѣтно чуть не въ каждомъ словѣ первой главы его труда, замѣтно и въ начальныхъ строкахъ второй главы, гдѣ говорится о „мотивѣ таинственнаго пришествія невѣдомыхъ людей изъ туманной дали" (стр. 24), который будто бы часто повторяется „въ старинныхъ сказаніяхъ нашего народа" (?) и даже въ „мѣстныхъ (?) житіяхъ".

Вступивъ въ область новой русской литературы, авторъ болѣе на своемъ мѣстѣ, хотя впрочемъ и здѣсь дѣло не обходится безъ частыхъ ошибокъ и обмолвокъ. Фонъ-Визинъ называется у него „человѣкомъ, сумѣвшимъ живьемъ перенести на сцену помѣщичью и городскую среду своего времени" (стр. 70), и въ „Недорослѣ" усматриваются „стоны родителей о добромъ старомъ времени" (стр. 71, прим.); но какъ извѣстно, ни въ „Бригадирѣ", ни въ „Недорослѣ" нѣтъ ни изображенія городской среды, ни упомянутыхъ стоновъ, если только за представителей городской среды не принимать Кутейкина и Цыфиркина и не видѣть „стоновъ" въ такихъ фразахъ, какъ фраза Простаковой: „Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ, дѣвушки грамотѣ умѣютъ!" Радищева авторъ величаетъ не болѣе не менѣе какъ „единственнымъ въ прошломъ вѣкѣ открытымъ западникомъ" (стр. 93), хотя на титулъ западника имѣютъ право и многіе другіе изъ русскихъ дѣятелей конца XVIII вѣка, напримѣръ, современникъ Радищева Карамзинъ (о немъ самъ г. Веселовскій говоритъ, что отъ кружка Новикова онъ „отдалился въ западническій лагерь", стр. 82). Пнину, издателю Санктпетербургскаго Журнала, авторъ приписываетъ организацію отпора славянофильству Бесѣды любителей россійскаго слова (стр. 94), хотя эта Бесѣда получила свое основаніе въ 1811 году, а Пнинъ умеръ въ 1805 г. [1]). „Ябеда" Капниста именуется у г. Веселовскаго „одною изъ первыхъ соціальныхъ комедій нашихъ" (стр. 97), хотя въ ней столько же со-

---

[1]) *Современникъ* 1856 г., № 6, ст. *Лонгинова*.

Digitized by Google

ціальнаго, сколько и въ комедіяхъ Фонъ-Визина, Княжнина, императрицы Екатерины II. О Петровѣ, извѣстномъ другѣ Карамзина, мы читаемъ слѣдующее: „Чувствительность Карамзина удачно встрѣчалась съ мефистофелевскими сарказмами Петрова; нѣмецкая начитанность перваго дополнялась англійскими литературными вкусами, отличавшими его друга“ (стр. 103). Очевидно, авторъ смѣшалъ здѣсь ученика и сотрудника Новикова, Александра Петрова съ творцомъ торжественныхъ одъ Василіемъ Петровымъ, который если не имѣлъ „англійскихъ вкусовъ“, то по крайней мѣрѣ побывалъ въ Англіи, и былъ нѣсколько знакомъ съ англійскою литературою; вѣроятно, къ послѣднему должны относиться „мефистофелевскіе сарказмы“, названіе впрочемъ черезчуръ уже громкое для довольно невинныхъ сатирическихъ выходокъ его „Посланія къ.... изъ Лондона“. Батюшкова и Жуковскаго г. Веселовскій включаетъ въ число тѣхъ русскихъ писателей, которые „преклонились предъ Байрономъ“ и „были обязаны ему самою свѣтлою порой своей жизни“ (стр. 142—143). Конечно, одного того обстоятельства, что Батюшковъ перевелъ строфу „Чайльдъ-Гарольда“ („Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ“), а Жуковскій „Шильонскаго узника“, отнюдь не достаточно для того, чтобъ этихъ двухъ писателей зачесть въ число послѣдователей Байрона. О Пушкинѣ авторъ говоритъ, что онъ ребенкомъ „подражалъ Вольтеру въ своихъ поэмахъ“ (стр. 148), хотя поэмы Пушкина-ребенка никому неизвѣстны, а имѣется извѣстіе только объ одной его поэмѣ „La Tolyade“, отъ которой сохранилось четыре стиха, и которую слѣдуетъ считать подражаніемъ скорѣе „Le Lutrin“ Буало, чѣмъ „Генріадѣ“ Вольтера.

Г. Веселовскій чувствуетъ какое-то безпричинное нерасположеніе къ Фонъ-Визину. Вліяніе запада на Фонъ-Визина не подлежитъ, разумѣется, ни малѣйшему сомнѣнію, но можно ли утверждать, вмѣстѣ съ авторомъ, будто единственная собственность нашего знаменитаго комика—„бойкій, неистощимо насмѣшливый умъ, много наблюдательности и еще болѣе пересмѣшничанья“ (стр. 76—77)? Неужели то незначительное обстоятельство, что онъ ввелъ въ текстъ „Недоросля“ нѣсколько чужихъ фразъ и идей, можетъ заставить насъ признать, что черезъ него „степень оригинальности комическаго творчества“ Фонъ-Визина „понижается“? Неужели, наконецъ, онъ обязанъ Французамъ и Нѣмцамъ „всею программою своихъ сатирическихъ нападковъ“, какъ говоритъ г. Веселовскій,—и его протестъ противъ злоупотребленій крѣпостнаго права и „злонравія“ помѣщиковъ ведетъ свое на-

Digitized by Google

чало съ Запада? Открывъ, что Фонъ-Визинъ позаимствовался кое-чѣмъ у Рабенера и при этомъ не указалъ на свой источникъ, авторъ доходитъ до того, что укоряетъ нашего комика въ недобросовѣстности „пріемовъ" (?) и ставитъ его ниже безталантнаго Лукина; г. Веселовскій не обращаетъ вниманія на то, что въ XVIII вѣкѣ смотрѣли на права литературной собственности нѣсколько иначе, чѣмъ теперь, и заимствованіе, безъ ссылки на источникъ, было дѣломъ обычнымъ. Вспомнимъ Сумарокова, который заимствовалъ у Мольера цѣлыя сцены своихъ комедій, Княжнина, который, передѣлывая французскія піесы, выдавалъ ихъ за свои, наконецъ на Озерова и Батюшкова, изъ коихъ первый взялъ у Дюси цѣлыя тирады для своихъ „Эдипа" и „Димитрія Донскаго", а второй отрывокъ изъ „Описанія сѣверной Америки" Ласепеда включилъ въ свое описаніе Финляндіи.

Выше мы обратили вниманіе на нѣкоторыя ошибки и неточности въ изложеніи г. Веселовскаго. Теперь мы въ двухъ примѣрахъ укажемъ на то новое, что внесъ авторъ въ исторію русской литературы. Онъ представилъ несомнѣнныя доказательства того, что въ „Бригадирѣ" Фонъ-Визина до нѣкоторой степени отражается комедія датскаго писателя Гольберга „Jean de France" (стр. 72—74), и что въ „Выборѣ гувернёра" два письма—не что иное, какъ передѣлка двухъ статей нѣмецкаго сатирика Рабенера (стр. 74—75). Точно также онъ первый высказалъ мнѣніе, что внѣшняя форма „Видѣнія Мурзы" заимствована Державинымъ у Аддисона (стр. 98). Намъ только кажется болѣе вѣроятнымъ, что указанная имъ принадлежащая Аддисону статья англійскаго Зрителя сдѣлалась извѣстною нашему поэту не въ нѣмецкомъ или французскомъ переводѣ, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а въ русскомъ, который (что г. Веселовскому осталось неизвѣстнымъ), подъ заглавіемъ „Явленіе мирзы", былъ напечатанъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Миллера [1].

А. Соболевскій.

---

[1]) Очерки русской журналистики, преимущественно старой, *Современникъ* 1851 г., т. XXV, стр. 35.

Digitized by Google

Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Сочиненіе *Никифора Засадкевича*. Одесса. 1883.

При общеизвѣстной скудости въ нашей филологической литературѣ сочиненій по исторіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ, каждый новый трудъ въ этой области долженъ быть встрѣчаемъ съ сочувствіемъ и благодарностью, если только онъ представляетъ результатъ добросовѣстнаго изученія предмета и разумной его обработки. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ, безспорно, сочиненіе, обозначенное въ заголовкѣ настоящей рецензіи.

Содержаніе этого сочиненія не вполнѣ соотвѣтствуетъ его заглавію. Судя по послѣднему, мы могли бы предполагать въ трудѣ г. Засадкевича подробный разборъ церковно-славянской грамматики Мелетія Смотрицкаго со стороны ея источниковъ и пособій, метода, системы, выводовъ, вліянія на послѣдующія грамматическія работы и т. п. На самомъ дѣлѣ въ изслѣдованіи нашего автора лишь самая незначительная часть посвящена собственно грамматикѣ М. Смотрицкаго (стр. 88—99 и немногія другія); за то десятки страницъ заняты длинными экскурсіями въ область западно-русской исторіи (стр. 1—32), подробностями, нерѣдко очень второстепенными и даже мелочными, о грамматическихъ работахъ Іоанна экзарха Болгарскаго (стр. 33—45) и Максима Грека (стр. 46—74); свѣдѣніями объ азбуковникахъ (стр. 81—86), о редакціяхъ церковно-славянскихъ рукописей (стр. 100—106), о юго-славянскихъ типографіяхъ и старопечатныхъ книгахъ (стр. 117 и слл.), о грамматикѣ Юрія Крижанича (стр. 137—144), о позднѣйшихъ судьбахъ текста церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ (стр. 160—167), о вліяніи Болгаріи и Сербіи на древнюю Русь (стр. 167—170), о литературныхъ и политическихъ судьбахъ турецкихъ и австрійскихъ Сербовъ (стр. 170—176), о судьбахъ глаголицы въ Хорватіи (стр. 183 и слл.) и т. п. интересныхъ, но мало относящихся къ М. Смотрицкому предметахъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе вниманія между главнымъ и побочными предметами изслѣдованія лишило его должной сосредоточенности, единства и глубины.

Но, даже допустивъ, вмѣстѣ съ авторомъ возможность столь обширнаго пониманія темы о филологическихъ трудахъ Смотрицкаго, при чемъ послѣдній незаслуженно становится, словно второй Кириллъ Философъ, средоточіемъ обширнаго по пространству и времени періода церковнославянской письменности,—мы не могли бы одобрить тѣхъ окольныхъ путей, которые избралъ нашъ авторъ въ слѣдованіи къ предположен-

Digitized by Google

ной цѣли. Посвятивъ 1-ую главу „Очерку времени, въ которое жилъ и дѣйствовалъ М. Смотрицкій" (стр. 1—32), авторъ обозрѣваетъ во 2-й главѣ „Путь, посредствомъ (!) котораго древне-русское общество знакомилось съ научными (?) понятіями о языкѣ, до появленія филологическихъ трудовъ М. Смотрицкаго" (стр. 33—87); затѣмъ въ 3-й главѣ представляетъ краткій „Разборъ грамматики М. Смотрицкаго" (стр. 88—99), а въ 4-й опять возвращается назадъ, къ „Судьбамъ церковно-славянскаго языка до М. Смотрицкаго" (стр. 100—128), и вновь перескочивъ черезъ него, заключаетъ очеркомъ „Вліянія грамматики М. Смотрицкаго на теорію языка и книгопечатанія въ Россіи, Болгаріи, Сербіи и у глаголитовъ" (стр. 129—204).

Не проще ли было бы разсмотрѣть сначала церковно-славянскій языкъ съ теоретической и практической стороны во времена до-мелетіевскія, затѣмъ—въ его время, и наконецъ, послѣ него, хотя бы до настоящаго времени? При такой группировкѣ матеріала была бы удержана по крайней мѣрѣ общая хронологическая нить, которая теперь представляется въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорванною въ сочиненіи г. Засадкевича, безъ замѣны ея какою-либо новою системою спайки.

Раскинувъ столь широко сѣть своей работы, нашъ авторъ долженъ былъ для заполненія ея обращаться къ очень разнообразнымъ источникамъ и пособіямъ. Въ его цитатахъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ ссылки на нѣсколько десятковъ сочиненій, при чемъ авторъ не щадилъ, очевидно, ни времени, ни труда. Странно при этомъ однако, что г. Засадкевичъ нигдѣ не дѣлаетъ строгаго различія между источниками и пособіями, между данными первой и второй руки, провѣренными или еще гадательными. Рядомъ съ именами Востокова, Калайдовича, Григоровича, Срезневскаго, Копитара, Шафарика и другихъ корифеевъ славяновѣдѣнія, вы встрѣтите тутъ довѣрчивыя ссылки на весьма мало-авторитетныхъ писателей; рядомъ съ грамотами и актами стоятъ выписки изъ журнальныхъ и газетныхъ статей, безъ малѣйшей оговорки или предосторожности. Это безразличное отношеніе къ матеріалу изслѣдованія, поголовное довѣріе ко всякому печатному слову и полнѣйшее отсутствіе критики представляетъ самую слабую сторону разсматриваемаго сочиненія. Приведши по извѣстному вопросу мнѣніе какого-либо дѣйствительнаго или мнимаго авторитета, г. Засадкевичъ считаетъ обыкновенно излишнимъ говорить о своемъ согласіи или несогласіи съ этимъ мнѣніемъ, заставляя читателя уже по наведенію заключать о его абсолютномъ единомысліи со всѣми литературными пособниками.

Digitized by Google

Вращаясь постоянно въ области дробныхъ и голыхъ фактовъ и лишь изрѣдка рѣшаясь произвести надъ ними какую-либо логическую операцію, посложнѣе простаго ариѳметическаго сложенія или вычитанія однородныхъ величинъ, авторъ не могъ добиться сколько-нибудь строгаго различенія текста и примѣчаній. Собственно говоря, у него и нѣтъ почти текста, а одни примѣчанія, раздѣленныя чертой на верхнія и нижнія, или если угодно, на главныя и второстепенныя. На каждомъ шагу все выписки да выписки — цѣлыми страницами, такъ что, по приблизительному разчету, чуть ли не половина сочиненія занята буквальными, механическими выписками изъ разнообразныхъ „источниковъ" и „пособій". Число этихъ выписокъ, этихъ сплошныхъ примѣчаній столь велико, и дробность ихъ до того утомительна, что нерѣдко самъ авторъ теряется въ ихъ лабиринтѣ, повторяя на послѣдующихъ страницахъ то, что уже сказано или выписано было раньше, напримѣръ, на стр. 47 и 55, 107 и 110 и н. др.

Составляя родъ старинной „Пчелы" или христоматіи по вопросамъ, прямо или косвенно, дѣйствительно или мнимо примыкающимъ къ филологической дѣятельности М. Смотрицкаго, нашъ авторъ мало имѣлъ случаевъ формулировать такія мнѣнія, за которыя онъ несъ бы личную отвѣтственность. Вотъ почему сочиненіе это, при довольно значительномъ объемѣ и разнообразномъ содержаніи, представляетъ сравнительно мало матеріала для научной критики взглядовъ и выводовъ самаго г. Засадкевича. Тѣмъ не менѣе мы можемъ отмѣтить нѣсколько его замѣчаній, основанныхъ отчасти на недоразумѣніи, отчасти же на неполномъ знакомствѣ съ предметомъ.

Прежде всего я остановлюсь на отношеніи автора къ церковно-славянскому языку русской резенціи. Изъ многихъ мѣстъ разсматриваемаго сочиненія видно что г. Засадкевичъ не свободенъ отъ предразсудковъ въ отношеніи къ этому языку западныхъ славистовъ, напримѣръ, Копитара, Миклошича, Новаковича и др. Такъ, онъ называетъ русскую рецензію „одною изъ позднѣйшихъ" (стр. 203), хотя она восходитъ къ XI вѣку; упрекаетъ составителей и издателей Острожской Библіи за „неумѣстные руссизмы" (стр. 191); вмѣняетъ въ вину аббату Іосифу Добровскому обнаруженное имъ предпочтеніе къ русской редакціи церковно-славянскаго языка (стр. 180); приводитъ безъ всякихъ оговорокъ и возраженій враждебные отзывы о ней Копитара (стр. 198) и Новаковича (стр. 182); словомъ, авторъ считаетъ вреднымъ многовѣковое воздѣйствіе Русскаго народа на церковно-славян-

Digitized by Google

скій языкъ и ничтожными конечные результаты этого воздѣйствія! Но если это такъ, то не окажется ли вредною и прославляемая авторомъ филологическая дѣятельность М. Смотрицкаго, который вѣдь только и сдѣлалъ, что „возвелъ русскую рецензію до теоріи“ (стр. 99)? Если считать регрессомъ языкъ Острожской Библіи въ сравненіи съ Остромировымъ Евангеліемъ, то не должно ли назвать этимъ именемъ и грамматику, освятившую формы этой Библіи и закрѣпившую ихъ на долго не только въ средѣ русской, но и юго-славянской?

На самомъ дѣлѣ, однако никакого регресса не было ни въ языкѣ Острожской Библіи, ни въ грамматикѣ М. Смотрицкаго. Не нужно думать, будто церковно-славянскій языкъ заключается въ однихъ юсахъ да ерахъ, въ растяженныхъ прилагательныхъ или глагольныхъ флексіяхъ; не нужно смѣшивать въ языкѣ цѣлей грамматиста, особенно этимолога, съ цѣлями обще-литературными или обще-культурными. Пусть формы древняго церковно-славянскаго языка полнѣе и прозрачнѣе позднѣйшихъ; за то послѣднія имѣютъ преимущество большей краткости, сплоченности, опредѣленности, гибкости. Столь же странно изъ всѣхъ языковъ міра одному церковно-славянскому навязывать требованіе неподвижности, неизмѣнности его первоначальнаго состава и строя. Правда, что онъ зародился первоначально на почвѣ нарѣчій юго-славянскихъ, но рано нашелъ онъ пріютъ, богатое развитіе и широкую распространенность на русскомъ востокѣ, при чемъ перестал быть болгарскимъ или македонскимъ нарѣчіемъ, сдѣлавшись въ замѣнъ того языкомъ обще-славянскимъ, слѣдовательно, и русскимъ — церковнымъ и литературнымъ — органомъ. Вліяніе на него разнообразныхъ говоровъ древней Руси было явленіемъ столь же нормальнымъ и благодѣтельнымъ, какъ напримѣръ, вліяніе говоровъ Германіи на языкъ Лютера или говоровъ ново-русскихъ на языкъ Ломоносова, Пушкина и Гоголя!

И такъ, пора бы уже намъ перестать въ руссификаціи церковнославянскаго языка видѣть какой-то печальный фактъ въ его развитіи: на оборотъ, это было очень благодѣтельно и для этого языка, и для Русскаго народа, искони пользовавшагося имъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей.

Съ другой стороны, мы должны допустить, что не только языкъ Остромирова Евангелія, но и Острожской Библіи есть языкъ, слѣдовательно, законный объектъ изслѣдованія и лексикальнаго, и грамматическаго. Никто потому не имѣетъ права упрекать ни М. Смотрицкаго, ни Іос. Добровскаго (см. стр. 75) за рѣшимость ихъ написать

Digitized by Google

грамматику этого именно языка. Добровскій ошибался лишь во взглядѣ на строй церковно-славянскаго языка начальныхъ періодовъ его развитія, но былъ совершенно правъ, разработавъ теорію церковно-славянскаго языка русскихъ богослужебныхъ книгъ.

Признавая всемірно-историческую роль церковно-славянскаго языка не только начальнаго, но и позднѣйшаго времени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляемъ и ту единственную точку зрѣнія, съ которой заслуга М. Смотрицкаго, какъ филолога, можетъ представляться въ болѣе или менѣе яркомъ свѣтѣ. Этого не замѣтилъ, кажется, г. Засадкевичъ, и потому онъ старался объяснить широкую извѣстность грамматики Смотрицкаго ея внутренними, научными достоинствами. До какой степени преувеличиваетъ онъ послѣднія, это видно изъ сказаннаго имъ на стр. 180: „Грамматика Добровскаго—то же самое, что̀ грамматика Смотрицкаго, но только исправленная, болѣе раціональная". „То же самое"! Но можно ли сравнивать посредственный грамматическій учебникъ для среднихъ и низшихъ школъ, какою была грамматика Смотрицкаго, съ такимъ высоко-научнымъ, самостоятельнымъ, геніальнымъ трактатомъ, какимъ являются Institutiones linguae slaviae dialecti veteris Добровскаго? Это двѣ неизмѣримыя величины! Лишь понятіе о нормахъ церковно-славянскаго языка у Смотрицкаго и Добровскаго было приблизительно то же; все остальное у нихъ совершенно различно. Другое дѣло—грамматика Крижанича: это дѣйствительно самостоятельный и высоко даровитый научный трактатъ, подходящій по своему характеру къ Institutiones Добровскаго, Филологическимъ наблюденіямъ Павскаго и другимъ однороднымъ сочиненіямъ. Г. Засадкевичъ довольно подробно разбираетъ и грамматику Крижанича, не придавая однако ей, кажется, должнаго вѣса. Иначе рѣшился ли бы онъ сказать (стр. 143), что „грамматика Крижанича вызвана предчувствіемъ несостоятельности грамматики Смотрицкаго"? Вопервыхъ, это было не предчувствіе, а совершенно сознательное убѣжденіе, и вовторыхъ, вызванъ былъ трудъ Крижанича совершенно не учебникомъ Смотрицкаго, а желаніемъ положить основаніе всеславянскому литературному языку, комбинировавъ для этого особымъ образомъ элементы русскихъ и сербо-хорватскихъ говоровъ. Положимъ, мысль о созданіи искусственнаго языка теоретическимъ путемъ не принадлежитъ къ числу особенно счастливыхъ; но все же и въ этомъ отношеніи Крижаничъ является человѣкомъ смѣлыхъ, новыхъ идей, тогда какъ Смотрицкій идетъ за толпою, не падая, правда, но и не возвышаясь надъ уровнемъ современниковъ.

Digitized by Google

Неправильное освѣщеніе филологической дѣятельности М. Смотрицкаго въ разсматриваемомъ сочиненіи объясняется еще тѣмъ, что авторъ не взялъ труда просмотрѣть тѣ школьныя руководства по грамматикѣ классическихъ языковъ, польскаго, церковно-славянскаго, и вѣроятно, русскаго, которыя были въ ходу въ западно-русскихъ и польскихъ училищахъ временъ Смотрицкаго. При этомъ рѣзче выдѣлились бы собственные вклады М. Смотрицкаго отъ унаслѣдованнаго имъ изъ прежнихъ учебниковъ.

Нельзя далѣе согласиться со взглядомъ автора на характеръ и взаимодѣйствіе письменности и вообще образованности древне-русской, съ одной стороны, а сербской и болгарской—съ другой. Онъ говоритъ, напримѣръ, будто „цвѣтущій періодъ сербской письменности простирался отъ XII до XV в." (стр. 109), хотя нѣсколько ниже (стр. 113) самъ считаетъ 1389 годъ крайнимъ предѣломъ процвѣтанія Сербскаго государства и литературы. Въ дѣйствительности, лишь XIII и XIV вв. могутъ быть названы, и то очень условно, временемъ цвѣта древне-сербской письменности. О Болгаріи г. Засадкевичъ говоритъ, будто она „до XV вѣка стояла несравненно выше Россіи по образованности" (стр. 167). Едва ли кто согласится съ такимъ мнѣніемъ. Въ XI и XII вв., въ вѣкъ Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха, русская образованность далеко превосходила болгарскую, какъ доказываютъ многочисленные у насъ и очень скудные у Болгаръ литературные памятники того времени. Вообще авторъ увлекается ходячими фразами о глубокомъ невѣжествѣ Русскихъ въ древнее и старое время (стр. 129, 130 и др.), забывая, что народная образованность не исчерпывается книжностью или грамотностью, а выражается и въ общественныхъ учрежденіяхъ, народномъ бытѣ, традиціонной литературѣ и т. п., въ чемъ древняя и старая Русь не уступала многимъ современнымъ ей западнымъ государствамъ и народамъ.

Напрасно далѣе говоритъ нашъ авторъ объ „окончательномъ" присоединеніи Руси къ Польшѣ въ XVI в. (стр. 1). Съ этимъ можно согласиться лишь въ томъ случаѣ, если прибавить: или Польши къ Руси. Въ этомъ послѣднемъ значеніи идеи Люблинской уніи дѣйствительно оказались долговѣчнѣе идей уніи Брестской и могутъ, mutatis mutandis, лечь въ основу „окончательнаго" объединенія двухъ сосѣднихъ славянскихъ народностей.

Нѣсколько противорѣчивы мнѣнія автора о Герасимѣ Смотрицкомъ: на стр. 30 онъ изображается однимъ изъ сотрудниковъ кн.

Digitized by Google

Острожскаго въ его просвѣтительной дѣятельности, на стр. же 124 на оборотъ—чуть не круглымъ невѣждою.

Ломоносова авторъ несправедливо упрекаетъ въ желаніи подчинить нашу версификацію древне-классической (стр. 97), когда извѣстно, что онъ эманципировалъ нашъ стихъ отъ налетовъ метрики и придалъ ему совершенно чуждое древнимъ тоническое сложеніе.

Вѣроятно по опискѣ, русская грамматика Ломоносова отнесена авторомъ къ 1775 г. (стр. 156), вмѣсто 1755.

Названіе Далмація г. Засадкевичъ употребляетъ нерѣдко (стр. 183 и др.) въ примѣненіи не только къ Хорватскому приморью, но и къ сосѣдней бывшей Горней Военной границѣ: это не соотвѣтствуетъ его значенію въ средніе и новые вѣка.

Странно также употребленіе слова Адріатика въ примѣненіи не къ Синему морю, а прилегающимъ къ нему странамъ (стр. 186). Столь же ошибочно употребленіе географическихъ названій: Сенвя, Сеньи, Сеньѣ (стр. 187, 188) вмѣсто Сень, Сеня, Сеню, а Ценгскій (стр. 196) вмѣсто Сенскій; до Ниши вмѣсто до Ниша; Мордрушскій (стр. 196) вмѣсто Модрушскій; Спалато (стр. 195) вмѣсто Сплѣтъ; Зара (стр. 197, 200) вмѣсто Задръ; Ахридскій (стр. 189) вмѣсто Охридскій; Ессѣкъ (стр. 176) вмѣсто Осѣкъ; рагузанское нарѣчіе (стр. 201) вмѣсто дубровницкое.

Невѣрно помѣщаетъ авторъ г. Цетанье въ Сербіи (стр. 117), такъ какъ терминъ этотъ употребляется имъ въ географическомъ, а не этнографическомъ смыслѣ.

На стр. 189 слово французскій употреблено вмѣсто францисканскій; на стр. же 190 величанная вмѣсто величавая.

Наконецъ, отмѣчу нѣсколько погрѣшностей языковѣднаго характера.

Напрасно называетъ авторъ ѧ звукомъ двоегласнымъ (стр. 101), очевидно смѣшивая его съ ꙗ. Столь же невѣрно его мнѣніе объ измѣненіи Сербами церковно-славянскаго жд въ ђ и Русскими въ ж (стр. 102), такъ какъ извѣстно, что исходною точкою въ развитіи этихъ фонемъ служилъ скорѣе сербскій, чѣмъ церковно-славянскій дифтонгъ. На стр. 41 встрѣчаемъ неправильное написаніе церковно-славянскихъ словъ: первіи, послѣдніи вмѣсто прьвии, послѣдьнии.

На стр. 41 авторъ ошибочно утверждаетъ, будто „твор. пад. встарь не допускался ни въ объектѣ, ни въ предикатѣ“: гдѣ же бы, въ такомъ случаѣ, имѣлъ онъ мѣсто?

Странно, что авторъ причисляетъ къ руссизмамъ такія слова,

Digitized by Google

какъ: исполинъ, ковъ, некіючно (стр. 81), не заключающія въ себѣ ничего специфически русскаго.

На стр. 77 авторъ невѣрно передалъ слово изложеніе: оно означаетъ тамъ не инфинитивъ, а modus, наклоненіе.

Но довольно о слабыхъ сторонахъ сочиненія. Нужно же воздать наконецъ автору должное и за его трудолюбіе, начитанность, любознательность, сочувствіе къ предмету изслѣдованія, которыя пробиваются на каждой его страницѣ. Не имѣя важнаго ученаго значенія, сочиненіе это тѣмъ не менѣе представляетъ полезный вкладъ въ нашу убогую филологическую литературу.

А. Будиловичъ.

Storia universale della litteratura *di Angelo De Gubernatis*. Vol. I. Storia del teatro drammatico. Vol. II. Florilegio drammatico. Milano 1883.

Всеобщія исторіи литературы плодятся за послѣднее время, въ Германіи и Франціи, Россіи, и наконецъ, Италіи. Несомнѣнно, онѣ вызваны какою-то потребностью, болѣе впрочемъ инстинктивною, чѣмъ сознательною. Имѣется въ виду познакомить публику въ возможно доступномъ изложеніи и полномъ объемѣ съ тою интереснѣйшею общеобразовательною областью, которая зовется литературой; расходятся на томъ, какъ это сдѣлать, и что̀ такое собственно литература. Отсюда разнообразіе пріемовъ, которое объясняется себѣ не столько изъ разности субъективныхъ взглядовъ, сколько изъ недостатка сознанія и невыясненности цѣли. Проще всего поступаютъ издатели, объявляющіе о выходѣ въ свѣтъ цѣлой серіи исторій литературъ, англійской, французской, польской и т. п., которыя вмѣстѣ взятыя и составятъ всеобщую исторію литературъ. Это—незатѣйливо и ясно; каждый спеціалистъ можетъ спокойно работать въ своей области, не справляясь съ другимъ, предоставляя читателю вывести изъ энциклопедическаго чтенія общія идеи развитія: исторію всеобщей литературы изъ всеобщей исторіи литературъ. Другіе берутъ на себя, по мѣрѣ силъ, починъ подобнаго рода синтеза, соединяя принципъ отдѣльнаго изложенія по литературамъ съ эпизодами болѣе широкаго характера, гдѣ литературы идутъ unisono, опредѣленныя общностью культурныхъ посылокъ и цѣлей: такъ было въ литературѣ латинскаго христіанства, средневѣковаго рыцарства, эпохи возрожденія и т. п. Эти явленія можно разсматривать совмѣстно, не связываясь границами той ли другой народности, и вся трудность изложенія со-

стоитъ въ сочетаніи этого плана съ предыдущимъ, съ характеристикой литературнаго движенія на почвѣ обособившейся народности. По такому плану затѣяна была Всеобщая исторія литературы г. Корша.

Иначе затѣяно подобное же предпріятіе г. де-Губернатиса или conte De-Gubernatis, какъ названъ онъ въ объявленіи издателя, усмотрѣвшаго въ немъ единственное въ Италіи лицо, которое по широтѣ своихъ знаній, по знакомству со многими языками и литературами, по богатству заграничныхъ связей и изумительной быстротѣ ума и работы могло обезпечить скорое окончаніе труда, когда-то снившагося Гёте и имѣющаго впервые явиться въ Италіи—въ 18 томахъ in 8°! Изъ нихъ два, снабженные посвященіемъ наслѣднику италіанскаго престола, нынѣ явились и содержатъ: историческое обозрѣніе драматической литературы по народностямъ и христоматію изъ драматическихъ отрывковъ въ (италіанскихъ) оригиналахъ и переводахъ на италіанскій языкъ. Въ слѣдующихъ томахъ предполагается удержать тотъ же распорядокъ матеріала: христоматія будетъ слѣдовать за каждымъ отдѣломъ историко-литературнаго обзора, обѣщающаго перейдти отъ драмы къ лирикѣ, эпосу, легендѣ и сказкѣ, роману, исторіи (storia della storia), поэзіи гномической, эпиграммѣ и сатирѣ, философіи и краснорѣчію. Такая ли исторія всемірной литературы снилась Гёте — не знаемъ; несомнѣнно, что ея планъ отзывается не новизною взгляда, а чѣмъ-то довольно затхлымъ, отсутствіемъ живой, органической идеи. Точно розняли большое тѣло и демонстрируютъ его мускулы и нервы, но такъ, что память и образъ живаго тѣла передъ вами не возстаютъ, заслоненныя банками съ анатомическими препаратами. Что̀ такое исторія литературы въ понятіяхъ автора и его издателя — мы такъ-таки и не узнаемъ; сообщенная выше программа изданія не указываетъ на какое-нибудь цѣльное пониманіе; послѣдовательность сюжетовъ вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ безъ отвѣта. Изложеніе переходитъ отъ драмы къ лирикѣ и эпосу, что̀ можно защищать съ формальной, тѣсно-опредѣленной стороны; но авторъ ничего не защищаетъ и не доказываетъ: послѣдовательность точно случайная; очевидно, авторъ не давалъ ей значенія. Гдѣ же идея развитія, эволюціи, безъ которой исторія литературы будетъ подборомъ фактовъ, накопившихся въ жизни и отложившихся въ памяти? Можетъ быть, послѣдующіе томы разъяснятъ недоумѣніе, вызванное только что явившеюся частью—исторіи драмы, обнимающей на 500-хъ слишкомъ страницахъ исторію драмы индѣйской (стр. 19—110), персидской (стр. 111—128), еврейской (стр. 129—136),

Digitized by Google

арабской (стр. 137—139), китайской (стр. 141—186), японской (стр. 187—209), гватемальской (стр. 211—220) и драмы инковъ (стр. 221—224), греческой (стр. 227—302) и римской (стр. 303—339), христіанской (стр. 343—361), италіанской (стр. 365—445), новогреческой (стр. 447—456), испанской (стр. 457—483), португальской (стр. 485—492), французской (стр. 493—507), англійской (стр. 509—525), нѣмецкой (стр. 527—541), голландской (стр. 543—5), скандинавской (то-есть, шведской, датской и норвежской, стр. 547—556), русской (стр. 557—561), малорусской, (teatro ruteno, стр. 563—567), польской (стр. 569—572), болгарской (стр. 573), сербской (стр. 575—578), чешской (стр. 579—584), румынской (стр. 585—587), мадьярской (стр. 589—595).

Прежде всего поражаетъ несоотвѣтственное, по отношенію къ ихъ внутренней стоимости, внѣшнее развитіе иныхъ отдѣловъ обозрѣнія. Національностью автора объясняется подробное изложеніе судебъ италіанской драмы сравнительно, напримѣръ, съ англійскою или испанскою; спеціальностью индіаниста—тотъ фактъ, что индійскому театру отведено почти столько же мѣста, какъ и греческому. Не говоря уже о неравномѣрности ихъ эстетической цѣнности, отдѣлу классической драмы надлежало дать большее развитіе, хотя бы въ виду ея широкаго вліянія. Мы не говоримъ о возможности ея воздѣйствія на индійскій театръ, чему авторъ, кажется, даетъ излишнее значеніе, а о драмѣ возрожденія, о явленіи псевдо-классицизма, о воспитательной роли классиковъ въ созданіи новѣйшей драмы. Эти и подобныя соображенія явились естественнымъ указаніемъ, что въ архитектоникѣ цѣлаго надлежало нѣкоторымъ частямъ отвести болѣе видное мѣсто, чѣмъ другимъ. Но мы имѣемъ дѣло не съ зданіемъ, а съ системой пристроекъ, безъ единства внутренняго плана.

Еще страннѣе поставленъ вопросъ о средневѣковой, христіанской драмѣ. Обзоръ, ей посвященный, скомпилированъ изъ вторыхъ рукъ, при чемъ новѣйшія изслѣдованія въ этой области остались неизвѣстными автору. Начать съ того, что онъ не отличаетъ литургической драмы, единственно-живаго элемента послѣдующаго драматическаго развитія, отъ разнаго рода книжныхъ, школьныхъ произведеній, въ родѣ драмъ Гросвиты, и ранѣе того, „Страждущаго Христа" и драматическихъ сценъ. Еврея Іезекіиля. Кстати о Іезекіилѣ: о немъ говорится въ одномъ примѣчаніи къ отдѣлу христіанскаго театра, что онъ обработалъ библейскій сюжетъ по образцу христіанскихъ мистерій Александрійцевъ. Ему, стало быть, нѣтъ мѣста въ исторіи еврейской драмы; да и суще-

Digitized by Google

ствуетъ ли нѣчто, что̀ позволено обозначать такимъ именно образомъ? Авторъ такъ надписываетъ одинъ небольшой отдѣлъ своей исторіи театра, и притомъ восточнаго: начинается онъ заявленіемъ, что драма—противна духу Библіи; переходитъ къ Іезекіилю, подражавшему Александрійцамъ, и кончаетъ перечисленіемъ современныхъ намъ произведеній, писанныхъ нѣмецкими или польскими Евреями Филиппсономъ, Косарскимъ, Мандельштамомъ и т. п. Какъ видно, это—исторія о Евреяхъ-драматургахъ, а не исторія еврейской драмы; первая удобно распредѣлилась бы по разнымъ народно-драматическимъ отдѣламъ, если авторъ не желалъ обходить и мелочей; вторая же существуетъ, какъ нѣчто самостоятельное, своебразное, отмѣчающее шагъ въ общемъ развитіи драматическаго рода.

Преслѣдуя идею развитія, мы снова возвращаемся къ христіанскому театру. Извѣстно, что церковная драма существовала на всемъ Западѣ, что, спустившись постепенно изъ церкви на площадь, она создала прочную народную традицію театральнаго дѣла и сцены. Когда возрожденіе обновило память драмы классической, ей пришлось считаться съ старымъ направленіемъ, устранить его, либо войдти съ нимъ въ соглашеніе. Этимъ путемъ произошелъ родъ интересныхъ комбинацій, бросающихъ свѣтъ на условія и результаты дальнѣйшаго драматическаго развитія. Чѣмъ объяснить его различіе для Франціи и Италіи, съ одной стороны, для Англіи и Испаніи—съ другой, при отличіи, для двухъ послѣднихъ странъ, культурныхъ и политическихъ посылокъ, обыкновенно опредѣляющихъ характеръ литературы? Этого вопроса касались многіе и съ разныхъ точекъ зрѣнія; онъ остановилъ вниманіе Литтрэ, какъ въ послѣднее время Виллера. Не предлагая здѣсь своего рѣшенія, замѣтимъ, что въ немъ несомнѣнно должно быть отведено мѣсто взаимнымъ отношеніямъ двухъ театральныхъ преданій, христіанскаго и классическаго. Сложились эти отношенія не на одинъ ладъ, вслѣдствіе условій, опредѣленіе которыхъ лежитъ внѣ литературной области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Отсюда, съ одной стороны, Trissino и Jodelle, съ другой—развитіе, приведшее къ Шекспиру и Кальдерону.

Мы остановились на этихъ общихъ мѣстахъ, чтобъ указать, какое значеніе имѣетъ для историка, преслѣдующаго въ драмѣ идею эволюціи, именно христіанская драма, какъ ни низко онъ оцѣнилъ бы ее въ художественномъ отношеніи. Что̀ же дѣлаетъ г. де-Губернатисъ? Христіанской драмѣ онъ отводитъ небольшую главу, и затѣмъ, закрывъ за нею дверь, принимается за судьбы каждой изъ ново-европейскихъ

Digitized by Google

драмъ въ отдѣльности. Исторія италіанской, напримѣръ, начинается съ писанной, мы сказали бы—со школьной латинской драмы Муссето и переходитъ къ Орфею Полиціана и къ Триссино, то-есть, ведется полоса классическаго театральнаго преданія, обновившаяся въ Италіи ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Но вѣдь первая обработка Орфея обличаетъ вліяніе мистеріальной сцены, въ отличіе отъ второй, съ ея раздѣленіемъ на акты по классическому образцу, и т. п. Уже это одно обстоятельство должно было бы повести къ вопросу о томъ, какъ сосчитались въ Италіи старая и новая драмы, и почему въ дальнѣйшемъ ходѣ возрожденія одна была забыта, а другая односторонне восторжествовала. Эти вопросы не интересовали автора; оттого въ его исторіи драмы отсутствуетъ именно—исторія.

Другія, на этотъ разъ не методологическія замѣтки вызываютъ тѣ отдѣлы книги, которые отведены народамъ не казовымъ, не игравшимъ роли въ раннюю пору развитія, либо и вовсе ея не игравшимъ. Мы имѣемъ въ виду, напримѣръ, драмы гватемальскую и русскую. Ни мы, ни авторъ не сдѣлали этого сопоставленія, которое могло бы оскорбить нашу народную гордость. Но оно напрашивается само собою, когда гватемальскому театру отводится десять страницъ, а русскому пять. Разумѣется, и на пяти страницахъ можно разказать многое и дѣльно. Начинается рѣчь съ банальнаго упоминанія о византійскомъ вліяніи на русскую жизнь; слѣдуютъ два слова о мистеріяхъ, о Димитріѣ Ростовскомъ и Симеонѣ Полоцкомъ, далѣе идутъ бояринъ Матвѣевъ (Matreieff) и Волковъ, Сумароковъ и т. д. и т. д.; въ концѣ упоминаются три „знаменитыя комедіи"—Грибоѣдова, Гоголя и Николая Сушкова (sic) и Островскій, вокругъ котораго вѣнцомъ являются звѣзды меньшей величины: графъ Сологубъ, Сухово-Кобылинъ (Suckavo-Kobilin), Вобырыкинъ и другіе. На вкусъ товарища нѣтъ, отъ него въ сильной мѣрѣ зависитъ оцѣнка того или другаго литературнаго явленія; надо полагать, что авторъ самолично ознакомился съ тѣмъ или другимъ, чтобъ имѣть право завершить свою характеристику русскаго театра слѣдующею вылазкой: „Большая свобода, съ какою русскіе комедіографы раскрываютъ недостатки и злоупотребленія не только общества, но и администраціи, объясняется ихъ маневромъ: кончать свои произведенія, по образцу китайскихъ драмъ, вмѣшательствомъ высшей справедливости, всеобщей, непогрѣшимой—государя, настоящаго deus ex machina. Вотъ почему русскіе государи не только попускали, но и поддерживали свободу комическаго слова". Трудно сказать что-либо по поводу этого афоризма, развѣ одно: пожелать,

Digitized by Google

чтобы незнаніе было поменѣе навойливо въ своихъ обобщеніяхъ и приговорахъ. Для того, чтобъ имѣть право приговора, надо хотя не много знать объектъ осужденія или похвалы или простой характеристики,—не то выйдетъ то, что̀ приключилось съ авторомъ въ отдѣлѣ чешской драмы, пересказанномъ имъ по рукописной нѣмецкой статьѣ какого-то г. Penizek: пришлось говорить о Masitčkař'ѣ и заявить публично, что отрывки этой средневѣковой драмы „изображаютъ сцены изъ быта парфюмеровъ"

Наша общая оцѣнка „исторіи драмы" выяснилась изъ предыдущаго; нѣсколько иначе мы готовы отнестись къ отдѣлу „христоматіи". Она дѣйствительно можетъ принести пользу тому, кто знаетъ дѣло и содержаніе драмъ, кто хочетъ воспользоваться приведенными отрывками для цитаты въ статьѣ или на лекціи и т. д., и не имѣетъ времени и мѣста для справки въ подлинникахъ. Не знающій не обойдется при этомъ безъ указаній и разъясненій компетентнаго лица. И въ самомъ дѣлѣ: что̀ онъ вынесетъ изъ отрывковъ Фауста Марлова, Шекспирова Гамлета и двухъ комедій Шеридана и Байрона (всего на 13 страницахъ!) для уясненія себѣ стиха и особенностей англійской драмы? Русскій отдѣлъ вышелъ, въ силу вещей, и того бѣднѣе: сцена изъ Смерти Ивана Грознаго, гр. Алексѣя Толстаго, а изъ Ревизора—извѣстное чтеніе письма, въ переводѣ впрочемъ не съ русскаго—чего можно было бы ожидать отъ автора, владѣющаго, судя по прежнимъ трудамъ, языкомъ русскимъ,—а съ французскаго?

Г. де-Губернатисъ индіанистъ по профессіи, по природѣ литераторъ, немного поэтъ, ловкій эссеистъ, знакомый читателямъ Вѣстника Европы и Новой Антологіи. Кругъ его интересовъ обширенъ, отъ политики до миѳологіи включительно; энергія завидная, но не завидна манія многотомнаго величія и соединенной съ тѣмъ славы. Въ нѣсколько лѣтъ онъ далъ намъ въ своихъ трудахъ по миѳологіи животныхъ и растеній цѣлую представляющую преимущественно наборъ сыраго матеріала энциклопедію, и ему же принадлежитъ затѣя словаря знаменитыхъ современниковъ и всеобщей исторіи литературы, въ которыхъ всецѣло преобладаетъ начало оптоваго производства. Все это—ниже таланта, ниже его собственной фразы, которою онъ началъ свое посвященіе наслѣднику италіанскаго престола: „Изо всѣхъ государствъ наиболѣе славными были тѣ, въ которыхъ процвѣтали науки". Наука въ современной Италіи на столько окрѣпла, что ея будущее обезпечено, но въ ея исторіи трудъ г. де-Губертиса не будетъ отмѣченъ красною чертою.

И. У.

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Необходимо исправить слѣдующіе опечатки и недосмотры въ статьѣ Н. П. Некрасова о „Начертаніи церковно-славянской грамматики" А. С. Будиловича, помѣщенной въ іюньской книжкѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за текущій годъ, стр. 319—391.

Стран.	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
326	5 св.	ἔρχω—ѡлѣкѧ	ἕλκω—ѡлѣкѫ
	18 сн.	осьмь	осмь
	9 сн.	вотчина	вотчимъ
331	2 св.	ἔρχω	ἕλκω
	12 св.	середл	середа
	18 сн.	δοριχός	δολιχός
332	18 сп.	ἔρχω	ἕλκω
333	1 св.	нокъ	нокх
	8 св.	нокам;	нокам.
	9 св.	ἔρχω	ἕλκω
334	10 св.	μοχρός	μοχλός
	11 св.	тертъ	терт
	12 св.	ἔρχω	ἕλκω
	14 св.	сочл.	согл.
335	12 св.	чеш. bratv	чеш. bratr
	15 св.	грйјех или грйје	гри̏јех или гри̏је
	17 св.	слйјеп	сли̏јеп
	18 сн.	вел.-луж.	вер. луж.
	16 сн.	glăva	glava
	15 сн.	полоб. głåva	полаб. glåva
	14 сн.	брйјег	бри̏јег
	3 сн.	brŏlis	brōlis

Digitized by Google

Стран.	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
335	2 сн.	broterélis	dim. broterélis
336	10 св.	(Миклош. trêt,⁷)	(Миклош.: trêt und trat ⁷).
340	16 сн.	мьрьтвъихъ	мьрътвъихъ
	14 сн.	вьргѫть	отъвьргѫся
		вьржє	отвьржєся
		дългъиъ	дългъиъ
		жъриъвахъ	жъриъвахъ
	31 сн.	мълча	мълча
		мьртвъ	мьртвъ
		пьрвии	пьрвии
		скърбь	скърбь
	12 сн.	тълкоуцюоуоумоу	тълкоуцюоуоумоу
	4 сн.	ьръ—ьр—	ьръ-ьр-
341	2 сн.	blizgêti	blizgéti
342	2 св.	мълва	мълва
343	9 св.	4	4).
344	8 св.	арійская д.	арійская ф.
	12 сн.	(и с-тача-ти)	(ис-тача-ти)
345	8 св.	(гуна отъ ь)	слѣдуетъ вычеркнуть.
	19 св.	стр. 81, 60	стр. 81,
346	17 сн.	медв-ьиъ	медв-ьиъ
	9 сн.	сѫхиѫти	сѫхиѫти
	8 сн.	(за)съіха-ти	(за)съіха-ти
	6 сн.	(то-есть клјъ)	(то-есть клјъ);
	4 сн.	передъ *a*)	передъ *a*
347	11 св.	zbieraé	zbierać
348	1 св.	подъему	усиленію
350	3 св.	а ѵ въ ѵ и ѣ:	а ѵ въ ѵ̆ и ѣ:
351	7 св.	в, й, т,	в, й, г,
352	11 сн.	къняѕъии	къняѕъии
353	5 св.	и ги: џи: ѕи	и ги: џи: ѕи
	14 сн.	кор. звег=греч. ζεο	кор. зеег=греч. ζευγ
353	12 сн.	греч. σεῦτρον	греч. σεῦτλον
353	7 св.	vegs	vêgs
	8 св.	veheis	vehes
	9 св.	ὄχρος	ὄχλος

Digitized by Google

Стран.	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
		váhanam	vά́hanam
358	10 св.	Grundr.́	Grundz.
361	15 св.	тоукъ	тоукъ
		летнѫ	*легнѫ
	14 сн.	седня	*сѣднѫ
363	17 св.	набыквъ	накъıкъ,
		онꙗ	конꙗ,
		оно8шт	оноушта,
		нѣдоро	нѣдро
	13 сн.	усн8хъ	уснухъ
364	2 сн.	ɫ,	ч,
365	13 св.	*а*,	а,
	15 сн.	рѫкабъ;	рѫкавъ;
		дѫбокъ;	дѫбокъ;
	17 сн.	разросталась	разрослась
371	4 св.	обсорпціи	абсорпціи
	17 сн.	*а* не одного	а не одного
	15 сн.	(ср. формы: ти ии)?	(ср. формы: ти и си)?
	5 сн.	дкигнѫ-хъ	дкигнѫ-хъ
	3 сн.	анбова-хъ	линова-¡ъ
372	9 св.	дрем-лнѫ	дремл-нѫ
		*дремј-нѫ)	*дремјнѫ)
	12 св.	сумѣ-юши,	оумѣ-юши,
	8 сн.	въпрашатии	въпрашати
	4 сн.	*писј етши),	*писј-еши),
373	15 св.	вѣ-бѣ	вѣ-кѣ
	16 св.	бог-ъма;	бог-ъма;
	17 св.	ѫен-амъ,	жен-амъ,
		жен-ама,	жен-ама,
		ѫе-нами;	жен-ами;
377	17 св.	indq	indg.
	5 сн.	δορχωζά	δορχάζω
378	2 св.	суффиксъ *е*	суффиксъ е
	20 св.	чъте;	чьте;
379	4 св.	paka	páka

Digitized by Google

Стран.	строка:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
	5 св.	kama	ка́та
	18 сн.	ф. плот.	ф. плотz
	14 сн.	съ звукомъ ж.	съ звукомъ к,
	12 сн.	е и и	е и z и
379	4 сн.	корz	корz
381	2 св.	ее	ее
	5 св.	звука с	звука к
	9 св.	jesłem	jestem
	15 св.	польс. byt.	польск. był
	18 сн.	jes	jest
		jeś	jest,
	4 сн.	sąmy	sąmy
382	2 св.	byti-śmy,	byli·śmy,
	13 св.	jest em,	jest-em,
	14 св.	jest-eśmy	jest-eśmy,
	17 сн.	jesłe-,	jeste-,
383	3 сн.	*кидинть.	*кидинть
384	11 сн.	ракz,	ракz,
385	18 сн.	подокатz.	подакатz.
389	19 св.	колz	колz

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1882 ГОДУ.

Императорское Русское Археологическое Общество, въ Петербургѣ, понесло въ минувшемъ году слѣдующія утраты въ своемъ составѣ: скончались почетные члены К. П. фонъ-Кауфманъ, графъ С. Г. Строгоновъ, митрополитъ Московскій Макарій и дѣйствительный членъ В. А. Прохоровъ.

Великія ученыя заслуги высокопреосвященнаго Макарія пользуются общею извѣстностью; и еще недавно о нихъ было упомянуто на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, при обзорѣ дѣятельности, въ минувшемъ году, Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, къ которому почившій іерархъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ по самому мѣсту своего пребыванія въ послѣдніе годы жизни.

К. П. фонъ-Кауфманъ, во время управленія своего Туркестанскимъ краемъ, оказывалъ особенное вниманіе Обществу сообщеніемъ какъ свѣдѣній объ интереснѣйшихъ находкахъ, такъ и самихъ предметовъ древности, преимущественно восточныхъ монетъ. Содѣйствію графа С. Г. Строгонова Общество обязано многимъ, въ особенности же тѣмъ, что, по указанію графа, на него было возложено Высочайшею волею продолженіе изданія „Древностей Россійскаго Государства“ (фрески и мозаики Кіевскаго Софійскаго собора), при щедромъ правительственномъ пособіи.

Покойный В. А. Прохоровъ принадлежалъ къ числу дѣятельнѣйшихъ членовъ Русскаго Археологическаго Общества. До послѣдняго времени онъ принималъ участіе въ его засѣданіяхъ, живо интересо-

Digitized by Google

вался всѣми вопросами, касавшимися отечественной древности, и никогда не отказывался отъ исполненія возлагавшихся на него Обществомъ порученій, нерѣдко самъ вызываясь на трудъ, въ интересахъ горячо любимой имъ археологіи. Дѣятельное участіе принималъ онъ въ только что упомянутомъ изданіи фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора, въ Трудахъ 2-го археологическаго съѣзда, въ изданіи рукописи Констанцскаго собора и мног. друг. По порученію Общества, онъ ѣздилъ въ Ребовскій погостъ Тихвинскаго уѣзда для описанія замѣчательнаго, сохранившагося тамъ деревяннаго храма, которое и представилъ, сдѣлавъ съ храма и находящихся въ немъ предметовъ прекрасные снимки. Въ Прохоровѣ Общество потеряло члена, горячо его любившаго и всецѣло ему преданнаго. Отдѣленіе русской и славянской археологіи въ одномъ изъ своихъ засѣданій опредѣлило просить кого-либо изъ членовъ своихъ почтить покойнаго некрологомъ, и остается желать, чтобы эта просьба Отдѣленія была исполнена въ возможно скоромъ времени.

Въ минувшемъ году, по истеченіи трехлѣтія, были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества, при чемъ были избраны: помощникомъ предсѣдателя почетный членъ И. Д. Деляновъ, секретаремъ—дѣйствительный членъ И. В. Помяловскій, казначеемъ—дѣйствительный членъ П. И. Савваитовъ, библіотекаремъ—д. чл. А. Я. Гаркави, хранителемъ музея—д. чл. Д. И. Прозоровскій. Сверхъ сего, за смертью управляющаго отдѣленіемъ восточной археологіи В. В. Григорьева, его мѣсто заступилъ д. чл. К. П. Паткановъ, бывшій секретарь отдѣленія, а обязанности секретаря принялъ на себя А. Я. Гаркави.

Вновь вступили въ Общество въ отчетномъ году: въ званіи дѣйствительныхъ членовъ: Г. П. Небольсинъ, А. М. Павлиновъ, графъ И. И. Толстой, С. В. Арсеньевъ, В. Д. Смирновъ, В. П. Шелашниковъ, г. Шапошниковъ, князь С. С. Абамеликъ-Лазаревъ, графъ А. А. Бобринскій, В. Ѳ. Гиргасъ, И. П. Минаевъ, К. Г. Залеманъ, Д. А. Сабанѣевъ, В. И. Срезневскій; въ званіи членовъ-сотрудниковъ: А. Т. Соловьевъ, Д. О. Петровъ-Борзна, А. П. Барсуковъ, Д. Н. Анучинъ, В. И. Дальбергъ, П. А. Сырку, В. В. Латышевъ и Генри Филиппсъ.

Издательская дѣятельность Общества заключалась, въ минувшемъ году, въ слѣдующемъ:

1) Вышелъ въ свѣтъ 2-й выпускъ X-го тома Извѣстій Общества, въ [illegible]ли монографіи и сообщенія протоіерея Никольскаго, гг. Стояновскаго, Прозоровскаго, Барсова и др. Къ выпуску прило-

жено продолженіе труда Ю. Б. Иверсена: „Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ“, составляющее 30 листовъ II-го тома. Въ настоящее время этотъ капитальный трудъ близокъ къ окончанію, и можно съ увѣренностью сказать, что появится въ свѣтъ не позже осени текущаго года.

2) Выпущены „Труды II-го археологическаго съѣзда“, печатаніе которыхъ замедлилось по обстоятельствамъ, отъ редакціонной коммиссіи независѣвшимъ.

3) Изданіе археологическихъ трудовъ А. Н. Оленина также двинулось впередъ выпускомъ II-го тома, въ который вошла монографія Оленина о гладіаторахъ. Въ настоящее время коммиссіей, которой поручено наблюденіе за ходомъ этого изданія, приготовляется къ перепечаткѣ монографія Оленина о Тмутораканскомъ камнѣ, составляющая въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость и важная для исторіи развитія русской археологической науки. Приготовленіемъ этого изданія занимается предсѣдатель означенной коммиссіи д. чл. П. И. Стояновскій.

4) Отпечатанъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ управляющаго Отдѣленіемъ русской и славянской археологіи А. Ѳ. Бычкова, III-й томъ Записокъ этого Отдѣленія, въ который вошли труды: о. арх. Леонида, іеромон. Арсенія, г. Прозоровскаго и гр. Рошфора.

5) Оконченъ печатаніемъ и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 4-й и послѣдній выпускъ Фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора. Имъ окончится многолѣтнее предпріятіе Общества, окончится, правда, не въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалось его появленіе съ начала — то-есть, безъ объяснительнаго къ рисункамъ текста, но это обстоятельство не послужитъ нисколько къ умаленію важности этого изданія, весь матеріалъ для котораго собранъ нашимъ маститымъ археологомъ - художникомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ. Въ видѣ приложенія къ этому изданію, Общество рѣшило публиковать хромолитографированное изображеніе запрестольной мозаики Софійскаго собора, по копіи съ нея, сдѣланной д. чл. А. В. Праховымъ. При этомъ рѣшеніи Общество руководилось, какъ важностью издаваемаго памятника въ исторіи византійско-русскаго искусства, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что размѣръ уже изданной въ I-мъ выпускѣ „Фресокъ и мозаикъ“ копіи, обязательный для цѣлаго изданія, недостаточно великъ для того, чтобы дать понятіе о деталяхъ мозаики.

6) Близко къ выходу въ свѣтъ и другое, также многолѣтнее из-

Digitized by Google

даніе Общества—XV томъ Трудовъ Восточнаго отдѣленія, въ который вошла уже оконченная печатаніемъ лѣтопись Рашидъ эд-Дина.

Не остались безъ движенія и другія, частію предпринятыя, частію предположенныя Обществомъ изданія: такъ, приступлено къ печатанію Монгольской лѣтописи Юань-чао-ми-ши фотолитографическимъ способомъ. Благодаря энергіи А. М. Позднѣева, который взялъ на себя надзоръ за этимъ изданіемъ, первый выпускъ текста уже отпечатанъ означеннымъ способомъ, и г. Позднѣевъ приступилъ къ его транскрипціи и переводу. Приступлено къ печатанію труда архимандрита Антонина, труда, составляющаго продолженіе изданнаго Обществомъ Путешествія въ Румелію и описывающаго обратный путь автора изъ Битоля черезъ Охриду въ Аѳины. Интересъ настоящаго сочиненія о. Антонина увеличивается значительнымъ количествомъ греческихъ и славянскихъ надписей, видимыхъ и списанныхъ ученымъ путешественникомъ; большая часть ихъ еще не издана. Отпечатано 6 листовъ труда Д. А. Хвольсона: „Сборникъ еврейскихъ надписей". Изданіе это подвигается на столько быстро, что, при его значительномъ объемѣ, будетъ окончено въ текущемъ году. Приступлено къ собранію матеріаловъ для предположеннаго Обществомъ сборника древнихъ надписей Черноморскаго побережья. Общество можетъ считать себя счастливымъ, привлекши къ участію въ этомъ собраніи магистра С.-Петербургскаго университета В. В. Латышева, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность ученаго эллиниста, посвятившаго себя преимущественному занятію греческой эпиграфикой. Благодаря просвѣщенному содѣйствію г. министра народнаго просвѣщенія, Общество, безъ какихъ-либо матеріальныхъ издержекъ, могло командировать г. Латышева въ Одессу, Ѳеодосію и Керчь для снятія копій съ находящихся тамъ древнихъ надписей. Предварительно своей поѣздки на югъ Россіи, г. Латышевъ снялъ копіи съ эпиграфическихъ памятниковъ, хранящихся въ Петербургѣ и, при пособіи здѣшнихъ библіотекъ, ознакомился съ литературою. Энергія молодого ученаго можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ тому, что предпріятіе Общества будетъ въ сравнительно непродолжительное время приведено въ исполненіе и откроетъ ученому міру бывшіе ему почти недоступными памятники. До какой степени мало знакома западная Европа съ эпиграфикой Киммерійскаго Воспора, можно судить по тому, что большинство ученыхъ въ цитатахъ своихъ ограничивается надписями, собранными во II томѣ Corpus Inscriptionum Graecarum Бека, вышедшемъ въ 1843 г. Лишь весьма немногимъ эпиграфистамъ доступна серія отчетовъ Императорской

Digitized by Google

археологической коммиссіи, и почти ни одному неизвѣстны Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, равно какъ и другія русскія изданія, въ которыхъ помѣщались и помѣщаются находимыя на югѣ Россіи надписи. Если прибавить къ этому, что нѣкоторые изъ изданныхъ памятниковъ списаны или неполно или неточно, что кое-какіе еще вовсе не изданы, то важность и даже настоятельная необходимость предпринятаго Обществомъ изданія будетъ очевидна. Остается желать, чтобы хотя часть его была приготовлена къ будущему Одесскому съѣзду, и г. Латышевъ надѣется, что къ этому времени онъ успѣетъ разработать надписи древней Ольвіи.

Н. И. Веселовскій приступилъ къ составленію біографіи В. В. Григорьева, изданіе которой также опредѣлено Обществомъ. Обильные матеріалы, заключающіеся въ бумагахъ и перепискѣ покойнаго и предоставленные въ распоряженіе г. Веселовскаго вдовою В. В. Григорьева, внесутъ большой интересъ въ трудъ нашего сочлена.

Распространяющіяся все болѣе и болѣе изслѣдованія кургановъ, покрывающихъ обширное пространство Россіи, увеличивающійся интересъ, который эти изслѣдованія возбуждаютъ, все болѣе и болѣе крѣпнущая надежда найдти въ нихъ отвѣтъ на многіе вопросы исторіи и этнологіи, побудили Общество воспользоваться обязательнымъ предложеніемъ Д. А. Сабанѣева произвести химическія изслѣдованія бронзовыхъ и другихъ металлическихъ предметовъ, находимыхъ въ курганахъ. Принявъ это предложеніе, Общество образовало особую коммиссію изъ гг. Бранденбурга, Ивановскаго, Иверсена, кн. Путятина и Сабанѣева, которая взяла на себя трудъ дать этимъ изслѣдованіямъ возможно широкій размѣръ и публиковать результаты своихъ работъ въ особомъ приложеніи къ Извѣстіямъ Общества. Въ отчетномъ году оконченъ печатаніемъ I-й выпускъ этого приложенія, изданный подъ редакціей г. Ивановскаго.

Частію при денежномъ воспособленіи Общества, частію по его порученію слѣдующія лица дѣлали ученыя изслѣдованія и производили раскопки:

Д. чл. Л. К. Ивановскій продолжалъ свои изслѣдованія кургановъ Вотской пятины. Д. чл. Н. Е. Бранденбургъ производилъ раскопки кургановъ, по берегамъ Ладожскаго озера и чл.-сотр. Д. Н. Анучинъ совершилъ поѣздку на Кавказъ для изслѣдованія пещеръ Дагестана.

Сверхъ сего, по порученію Общества, д. чл. А. Ѳ. Бычковъ и И. В. Помяловскій ѣздили въ Москву для принятія участія въ за-

Digitized by Google

нятіяхъ приготовительнаго комитета для устройства VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ.

Многіе изъ членовъ Общества въ минувшемъ году принимали дѣятельное участіе какъ въ его трудахъ—учеными сообщеніями и рефератами, такъ и въ различныхъ коммиссіяхъ, избиравшихся общими собраніями. Такъ, В. С. Голенищевъ сообщилъ статью (отпечатанную въ 3-мъ выпускѣ X-го тома Извѣстій) о двухъ древнихъ египетскихъ каррикатурахъ; архимандритъ Леонидъ доставилъ Обществу нѣсколько весьма цѣнныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ рукописей различныхъ библіотекъ, преимущественно библіотеки Московской духовной академіи; Н. Е. Бранденбургъ предъявилъ въ одномъ изъ общихъ собраній весьма любопытный экземпляръ торговаго флага XVI в. И. П. Хрущовъ предъявилъ золотую монету императора Романа Аргира, найденную въ Бѣлгородкѣ (Кіевской губерніи), мѣстности, давшей великолѣпный образчикъ змѣевика, описаніе котораго помѣщено въ Извѣстіяхъ Общества, и сообщилъ о дѣятельности Псковскаго Археологическаго Общества; П. Н. Полевой представилъ коллекцію рисунковъ съ русскихъ древностей, сдѣланную Селивановымъ; г. Монтани доставилъ греческую надгробную стихотворную надпись, объясненную Ѳ. Ѳ. Соколовымъ, и т. д. Сверхъ сего, и лица, не принадлежащія къ составу Общества, доставляли ему свои труды: такъ, г. Рыкачевскій сообщилъ продолженіе своего Собранія историческихъ свѣдѣній о гор. Рославлѣ, которое и будетъ приготовлено къ печати А. И. Савельевымъ; г. Черневскій представилъ указатель статей по торговлѣ и промышленности, помѣщенныхъ въ различныхъ русскихъ журналахъ и сборникахъ; г. Чекалинъ прислалъ описаніе древнихъ земляныхъ сооруженій въ предѣлахъ Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи.

Ежегодно Общество присуждаетъ большія медали за ученые труды по археологіи. Въ отчетномъ году были присуждены: золотыя медали: гр. А. С. Уварову за его трудъ: „Археологія Россіи", И. В. Помяловскому за „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа", серебряная медаль Н. В. Султанову за сочиненіе: „Образцы древне-русскаго зодчества по миніатюрамъ".

Библіотека Общества увеличилась частію полученными въ обмѣнъ изданіями другихъ ученыхъ Обществъ и учрежденій, частію приношеніями членовъ и частныхъ лицъ.

Въ музей Общества поступила драгоцѣнная коллекція русскихъ монетъ и медалей, завѣщанная ему покойнымъ сочленомъ нашимъ

Digitized by Google

Ѳ. К. Опочининымъ. Коллекція эта, заключающая въ себѣ нѣсколько тысячъ экземпляровъ, представляетъ большую цѣнность какъ по рѣдкости и сохранности вошедшихъ въ нее монетъ и медалей, такъ и потому, что значительное количество послѣднихъ серебряныя, а многія изъ монетъ—золотыя. Общество, съ глубочайшей признательностью принявъ эту коллекцію, постановило хранить ее отдѣльно отъ другихъ своихъ нумизматическихъ собраній и приложить къ одному изъ выпусковъ Извѣстій портретъ жертвователя.

Императорское Русское Географическое Общество передало въ музей нашего Общества 15 различныхъ предметовъ древности; чл. сотрудникъ Ермаковъ сообщилъ болѣе ста фотографій съ предметовъ такъ-называемой доисторической древности, составляющихъ коллекцію А. В. Комарова въ Тифлисѣ. Кромѣ того, музей обогатился приношеніями: архимандрита Діонисія, Д. А. Струкова, Н. Г. Ордина, А. Т. Соловьева, А. Ѳ. Лихачева, В. И. Долбежева, г-жи Карницкой и др.

Администрація Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, признавая необходимымъ имѣть въономъ образцы курганныхъ предметовъ Вотской пятины, добытыхъ раскопками Л. К. Ивановскаго, обратилась въ Общество съ просьбою сообщить музею, изъ дублетовъ Общества, характернѣйшіе образцы таковыхъ предметовъ, которые и были Обществомъ принесены въ даръ музею въ количествѣ 325 №№.

Отчетный годъ ознаменовался однимъ существеннымъ нововведеніемъ въ управленіи Общества: признавая необходимымъ выдѣлить изъ дѣлъ, докладываемыхъ общимъ собраніямъ, обсужденіе вопросовъ, касающихся администраціи и внутренней жизни Общества, и придать этимъ Собраніямъ характеръ преимущественно ученыхъ засѣданій, Общество постановило избрать изъ среды своей Совѣтъ, которому и поручить вѣдѣніе всѣхъ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ, въ предѣлахъ, указанныхъ особою, занимавшеюся разработкой этого постановленія, коммиссіей. Въ видѣ опыта, означенный Совѣтъ введенъ на два года съ тѣмъ, чтобы, если опытъ окажется удовлетворительнымъ, по истеченіи означеннаго срока, ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о введеніи главы о Совѣтѣ въ уставъ Общества. Для наблюденія за болѣе правильнымъ и своевременнымъ выходомъ Извѣстій Общества, былъ избранъ особый редакціонный комитетъ.

Въ заключеніе настоящаго обзора должно упомянуть о работахъ А. В. Прахова въ Кіевской Кирилловской церкви. Работы эти, о воз-

Digitized by Google

никновенія и началѣ которыхъ я имѣлъ честь въ подробности докладывать въ прошедшемъ своемъ отчетѣ, лѣтомъ минувшаго года приведены къ окончанію, и копіи съ открытыхъ г. Праховымъ фресокъ, въ количествѣ болѣе 200 №№, были доставлены въ Петербургъ. Общество получило возможность временно размѣстить эти копіи въ одной изъ залъ Петербургскаго университета, гдѣ въ январѣ текущаго года и состоялось публичное засѣданіе Общества. Въ засѣданіи этомъ г. Праховъ представилъ общій очеркъ произведенныхъ имъ работъ и указалъ на важность сдѣланныхъ имъ открытій для исторіи русскаго искусства XII в. При помощи составленнаго г. Праховымъ и изданнаго Обществомъ каталога этихъ копій, присутствующіе имѣли возможность ознакомиться съ частностями Кирилловскаго храма, отнынѣ занявшаго видное мѣсто въ ряду памятниковъ отечественной древности. Предполагая, что выставленныя г. Праховымъ копіи будутъ не безынтересны для всякаго образованнаго человѣка, Общество ходатайствовало о дозволеніи, въ теченіе извѣстнаго срока, открыть публикѣ доступъ къ ихъ обозрѣнію. Предположенія Общества вполнѣ оправдались: открытую имъ выставку удостоили своимъ посѣщеніемъ многія лица Августѣйшаго Дома, и не проходило ни одного дня, въ который не побывало бы на ней болѣе или менѣе значительное количество посѣтителей.

Столь важный въ исторіи русскаго искусства памятникъ не могъ не возбудить въ г. Праховѣ желанія, чтобы и иногородные и иноземные археологи ознакомились съ нимъ черезъ его изданіе. Въ одномъ изъ общихъ собраній г. Праховъ вошелъ съ предложеніемъ обсудить вопросъ о публикаціи Кирилловскихъ фресокъ. Онъ находится въ настоящее время на обсужденіи, въ подробностяхъ, въ отдѣленіи русско-славянской археологіи.

Digitized by Google

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ И ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ ИХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1872—1882).

18-го октября 1882 года исполнилось десять лѣтъ со времени учрежденія при Кіевской духовной академіи церковно-археологическихъ музея и общества. Къ этому времени секретаремъ общества, профессоромъ Н. И. Петровымъ была составлена записка о состояніи музея и общества за первое десятилѣтіе ихъ существованія. На основаніи этой записки, а равно печатаемыхъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи „Извѣстій" общества и рефератовъ, читаемыхъ въ немъ, составлено настоящее обозрѣніе.

Мысль объ основаніи, какъ общества, такъ и музея, возникла еще въ 1870 году. Она имѣла для себя опору въ уставѣ духовныхъ академій 1869 года, по которому открыто при академіяхъ преподаваніе церковной археологіи и предоставлено имъ право учреждать ученыя общества для разработки и изданія источниковъ христіанскаго вѣроученія, памятниковъ и матеріаловъ, относящихся къ исторіи и современному состоянію церкви, и проч. Самое же дѣло объ учрежденіи церковно-археологическаго музея и общества было начато въ январѣ 1872 года, а 18-го октября того же года послѣдовало разрѣшеніе св. синода на ихъ открытіе. Скромно и безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ приступило церковно-археологическое общество къ своей дѣятельности. На первыхъ порахъ оно имѣло характеръ пріемочной коммиссіи для разбора и оцѣнки археологическаго достоинства поступавшихъ въ музей древностей. Но дѣло было начато въ добрый часъ; нашлись люди, которые приложили къ нему

Digitized by Google

многого усердія. Прошло десять лѣтъ, и образовалось обширное ученое общество, считающее въ своемъ составѣ болѣе полутораста членовъ (къ 1883 году общество, подъ Августѣйшимъ покровительствомъ великаго князя Владиміра Александровича и попечительствомъ Кіевскаго митрополита, состояло изъ предсѣдателя, 29 почетныхъ членовъ, 83 дѣйствительныхъ членовъ и 43 членовъ-корреспондентовъ), образовался обширный музей церковныхъ древностей (къ 1883 году въ немъ считалось до 13,000 предметовъ), имѣющій значительную цѣнность не только научную, но и матеріальную (цѣнность музея опредѣляется нѣкоторыми лицами въ 150.000 рублей). По уставу музей былъ учрежденъ для успѣшнаго преподаванія и ученой разработки церковной археологіи и вообще въ видахъ сохраненія для науки древностей церковныхъ, а общество—какъ для приведенія въ извѣстность памятниковъ церковной древности, сохраняющихся въ монастыряхъ и церквахъ, и для обращенія ихъ по возможности въ составъ музея, такъ и вообще для принятія мѣръ къ предупрежденію утраты памятниковъ для науки. По уставу музей имѣлъ главнымъ образомъ пополняться черезъ выдѣленіе замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи книгъ, рукописей и вещей изъ библіотеки Кіевской духовной академіи и изъ ризницъ и библіотекъ церковныхъ и монастырскихъ. Изъ этихъ послѣднихъ означенные предметы должны были пріобрѣтаться или пожертвованіемъ (именно тѣ предметы, которые хранятся въ ризницахъ и библіотекахъ безъ употребленія по обветшалости или другимъ причинамъ), или мѣной, или возвращеніемъ матеріальной ихъ цѣнности. Затѣмъ вторымъ источникомъ пополненія музея было поставлено пріобрѣтеніе предметовъ археологической важности отъ частныхъ лицъ. Но не эти способы послужили главнѣйшимъ образомъ къ обогащенію музея. Изъ академической библіотеки было передано въ музей 1062 нумера (не включая сюда особаго собранія рукописей, актовъ и книгъ Почаевской лавры). Ограничиваясь этимъ матеріаломъ, музей не имѣлъ бы дальнѣйшаго развитія. Не богатымъ оказался и другой источникъ пополненія музея. Въ церковныхъ и монастырскихъ ризницахъ и библіотекахъ, безспорно, хранятся богатыя археологическія сокровища. Общество собирало о нихъ свѣдѣнія, въ предѣлахъ бывшаго Кіевскаго духовно-учебнаго округа и нѣкоторыя изъ этихъ древностей желало пріобрѣсти для музея: напримѣръ рукописи и книги Кіевской Десятинной церкви, Ильинскаго Черниговскаго и нѣкоторыхъ другихъ монастырей, княжескую гробницу XIII вѣка изъ одной приходской церкви, и многое другое. Но нѣкоторые

Digitized by Google

изъ этихъ предметовъ имѣли важное значеніе для самихъ монастырей и церквей, а потому неохотно или вовсе не уступались, за иные требовалась несоразмѣрная плата; наконецъ, иные оказывались утраченными или передѣланными. Между немногими (всего 21) поступленіями этого рода за истекшее десятилѣтіе заслуживаютъ быть упомянутыми, какъ важнѣйшія: 77 листовъ оттисковъ съ 319 сохранившихся въ типографіи Кіево-Печерской лавры гравировальныхъ мѣдныхъ досокъ (начальныя буквы, бордюры, заставки, изображенія и проч.); данныя, здѣсь заключающіяся, представляютъ нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній къ извѣстному труду Д. А. Ровинскаго „Русскіе граверы" (М. 1870); собраніе 274 гравюръ Почаевской лавры, изъ коихъ 48 оттиснуты съ деревянныхъ досокъ, а 226—съ металлическихъ; собранія иконъ: изъ складовъ Кіево-Софійскаго собора и Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря; изъ этого монастыря въ музей передано собраніе 30 живописныхъ и 5 металлическихъ иконъ, относящихся къ XVI — XVII вв. и поступившихъ въ монастырь изъ одной упраздненной раскольничьей часовни.

Самимъ обществомъ пріобрѣтено по случаю болѣе 20 предметовъ, между прочимъ: пергаменное Никомидійское Евангеліе на греческомъ языкѣ, XII—XIII вѣковъ, съ 24 миніатюрами и заставками; рукописная кормчая на бомбицинѣ, XV вѣка; древній бронзовый крестикъ (енколпіонъ) изъ Радомысльскаго уѣзда; книга св. Василія Великаго о постничествѣ (Острогъ, 1594) съ подписью будто бы Гришки Отрепьева (?); фотографическіе снимки съ важнѣйшихъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ III-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.

Главная же масса предметовъ старины и древности поступила въ музей путемъ пожертвованій: отъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича, нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденій, членовъ Общества и стороннихъ лицъ. Изъ цѣлыхъ коллекцій въ составъ музея вошли: собраніе 44 гипсовыхъ слѣпковъ съ памятниковъ древностей въ Крыму, исполненныхъ художникомъ Струковымъ—даръ великаго князя Владиміра Александровича; отъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія свыше 200 иконъ; отъ члена православной русской миссіи въ Японіи архимандрита Анатолія—собраніе индійскихъ и японскихъ предметовъ древности, религіознаго культа и быта; Муравьевская коллекція святынь и древностей, а также рукописей и книгъ, и альбомъ акварелей чертежей, снимковъ и гравюръ—пожертвованіе наслѣдниковъ А. Н. Муравьева; замѣчательное Сорокинское или Филаретовское собраніе

Digitized by Google

иконъ, пріобрѣтенное для музея покойнымъ епископомъ Рижскимъ Филаретомъ въ бытность его предсѣдателемъ церковно-археологическаго общества; коллекція палестинскихъ, моавитскихъ, египетскихъ и кипрскихъ древностей и монетъ архимандрита Антонина; коллекція египетскихъ идоловъ и другихъ восточныхъ древностей епископа Порфирія; собраніе грузинскихъ монетъ и 52 таблицы фотографическихъ снимковъ съ кавказскихъ древностей, принесенное въ даръ генералъ-лейтенантомъ А. В. Комаровымъ; собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ (преимущественно венеціанскихъ), пожертвованное протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ; собраніе документовъ, относящихся къ русскому расколу, изъ архива покойнаго митрополита Григорія, переданное въ музей ключаремъ Кишиневскаго каѳедральнаго собора, протоіереемъ Понятовскимъ; коллекція антиминсовъ, доставленная преосвященными: Варшавскимъ Леонтіемъ, Екатеринославскимъ Ѳеодосіемъ и бывшимъ Кишиневскимъ Павломъ, и проч. Кромѣ цѣлыхъ коллекцій, множество единичныхъ предметовъ поступило въ музей, какъ отъ членовъ общества, такъ и отъ стороннихъ лицъ, сочувственно отнесшихся къ вновь возникшему учрежденію. Вообще же жертвователей за десять лѣтъ было болѣе 450. Въ числѣ предметовъ, пожертвованныхъ въ музей, мы встрѣчаемъ орудія каменнаго періода, массу монетъ: русскихъ (въ томъ числѣ серебряная монета св. Владиміра, найденная въ Кіевѣ), римскихъ, восточныхъ; значительное число антиминсовъ (съ XVI в.), плащаницъ, разнаго рода крестовъ (древнѣйшій относится къ XII—XIII вѣкамъ—мѣдный крестъ-тѣльникъ, найденный въ землѣ села Жажковичъ, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, иконъ, металлическихъ образовъ; портреты разныхъ историческихъ дѣятелей, рукописи, граматы, акты, автографы, между прочимъ, пергаменное церковно-славянское Евангеліе XIV вѣка; четья южно-русскаго происхожденія 1489 г.; греческое Евангеліе XI вѣка на пергаменѣ, принадлежавшее Балаклавскому Георгіевскому монастырю; греческій служебникъ XII вѣка на пергаменѣ; старопечатныя книги, фотографическіе виды, снимки, гравюры. Сверхъ того достаточное количество приношеній книгами поступаетъ въ библіотеку общества.

Всѣ поступившіе въ музей предметы были раздѣлены въ 1880 году на слѣдующіе 11 отдѣловъ: 1) первобытныя и историческія древности, преимущественно языческія; 2) акварели, гравюры и снимки; 3) Муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности церковнаго богослуженія и обряда; 5) иконы изъ разныхъ мѣстъ; 6) Филаретовская (бывшая Сорокинская) коллекція иконъ и окла-

Digitized by Google

довъ; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) медали и монеты; 10) палеографическій отдѣлъ (образцы письма и печати), и 11) старопечатныя книги и рукописи.

Вообще, какъ можно уже замѣтить изъ вышесказаннаго, Кіевскій музей не есть церковно-археологическій въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Согласно уставу его, общество собираетъ памятники не только церковныхъ древностей, но и вообще религіознаго искусства, не выключая и памятниковъ не церковныхъ, на сколько они состоятъ въ связи съ церковными и служатъ къ уясненію религіознаго быта древняго времени. А отношенія не церковныхъ памятниковъ къ церковнымъ иногда бываютъ самыя близкія, а иногда и неожиданныя. Напримѣръ, греко-римское и еврейское искусство часто служитъ лучшимъ пособіемъ къ изученію церковнаго христіанскаго искусства: на монетахъ иногда сохраняются изображенія святыхъ царей, какъ-то: Авгаря царя Едесскаго, Константина Великаго, Равноапостольнаго Владиміра; моавитскіе и египетскіе идолы, греко-римскія амфоры, патеры, алавастры, свѣтильники и т. п. или прямо относятся къ области библейской археологіи, или же служатъ къ объясненію христіанскихъ церковныхъ древностей. А затѣмъ всѣ вообще не христіанскія и не церковныя древности имѣютъ важное посредствующее значеніе для церковной археологіи, которая можетъ получить прочное и правильное развитіе только на почвѣ общей археологіи.

Разнообразіемъ своего состава музей привлекалъ и привлекаетъ довольно значительное число посѣтителей, не смотря на отсутствіе публикацій: ежегодно бываетъ до 500 лицъ, его осматривающихъ.

Независимо отъ занятій въ самомъ музеѣ, нѣкоторые его предметы высылались для изслѣдованій и справокъ въ разныя ученыя учрежденія и общества и частнымъ лицамъ, занимающимся археологіей.

Главнѣйшіе труды по церковно-археологическому музею естественно падали и падаютъ на членовъ церковно-археологическаго общества изъ академической корпораціи. На нихъ лежали работы по организаціи музея, выдѣленію въ него книгъ, рукописей и вещей изъ академической библіотеки, составленію системы распредѣленія въ немъ предметовъ, приведенію въ извѣстность и описанію церковныхъ памятниковъ Кіева и нѣкоторыхъ епархій, напримѣръ, Кіевской, Подольской, Полтавской, Волынской, Минской и др. Получаемые по этому предмету свѣдѣнія заносились въ особую книгу, а нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ мѣстныхъ духовныхъ изданіяхъ. Такъ въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г. (№ 12)

Digitized by Google

напечатана небольшая статья: „Археологическій осмотръ старо-кіевскихъ церквей", въ которой находится краткое описаніе наиболѣе примѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи рукописей и вещей въ церквахъ Десятинной, старой Вознесенской, Златоустовскихъ (старой и новой) и Андреевской; въ Трудахъ Кіевской духовной академіи за 1874 г. (августъ) помѣщена статья протоіерея Оглоблина: „Древности и достопримѣчательности Кіево-Софійскаго собора", въ коей исчислено 609 замѣчательныхъ предметовъ, но это число далеко не обнимаетъ всѣхъ древностей и достопримѣчательностей собора); въ тѣхъ же Трудахъ за 1876 годъ (мартъ и апрѣль) напечатана статья г. Голубева: „Археологическая замѣтка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Волынской епархіи", въ которой сообщаются свѣдѣнія о наиболѣе примѣчательныхъ книгахъ, рукописяхъ и другихъ памятникахъ старины, находящихся въ монастырѣ Дерманскомъ (здѣсь, между прочимъ, многія изъ книгъ на древнихъ языкахъ носятъ на себѣ слѣды принадлежности ихъ Мелетію Смотрицкому, нерѣдко дѣлавшему на нихъ собственноручныя замѣтки) и Межирѣчской церкви. Съ 1874 года началось систематическое описаніе цѣлыхъ отдѣловъ и коллекцій музея и его единичныхъ предметовъ; а съ 1875 года сталъ печататься въ Трудахъ Кіевской академіи хронологическій (большею частью за каждый мѣсяцъ) каталогъ поступающимъ въ Общество и музей предметамъ подъ названіемъ „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества".

Къ числу систематическихъ описаній цѣлыхъ отдѣловъ или коллекцій музея относятся:

1) Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея, составленное проф. Н. И. Петровымъ, 3 выпуска (1874—1878). Всего описано 670 нумеровъ рукописей (нѣкоторые нумера содержатъ въ себѣ описаніе документовъ и актовъ). При описаніи исчисляются всѣ статьи, входящія въ составъ рукописей. Во многихъ случаяхъ имѣются историко-литературныя замѣтки и указанія и библіографическія ссылки. При третьемъ выпускѣ приложенъ краткій алфавитный указатель личныхъ именъ и географическихъ мѣстностей, встрѣчающихся въ описаніи, чѣмъ и облегчается пользованіе трудомъ профессора Петрова.

2) Описаніе Сорокинской или Филаретовской коллекціи древнихъ русскихъ иконъ, составленное профессоромъ Ѳ. А. Смирновымъ. Собраніе это было собственностью почетнаго гражданина А. Е. Сорокина и пріобрѣтено для музея епископомъ Филаретомъ за 13,000 руб., изъ коихъ большая часть (10 тысячъ) была пожертвована неизвѣст-

Digitized by Google

ною жертвовательницею. Половина этого собранія принадлежала нѣкогда безпоповщинской молельнѣ, открытой въ 1765 году въ Волоколамскѣ нѣкіимъ Евсигнеемъ Божановымъ, перешла затѣмъ въ Москву и впослѣдствіи досталась по наслѣдству Сорокину. Принявъ въ 1851 году единовѣріе, Сорокинъ молельню закрылъ, а изъ находившися въ ней иконъ рѣшился устроить собраніе древней церковной иконописи, которое имѣло бы историческій характеръ, то-есть, заключало бы въ себѣ образа по возможности всѣхъ вѣковъ, всѣхъ пошибовъ и разныхъ иконописцевъ. Къ иконамъ молельни Сорокинымъ были сдѣланы прибавленія, какъ отдѣльныхъ иконъ, такъ и нѣкоторыхъ собраній любителей и знатоковъ древней иконописи. Сорокинское собраніе иконъ представляетъ стройное цѣлое. Оно состоитъ изъ 220 иконъ 8—писемъ греческихъ, 2—корсунскихъ, 1—сербскаго, 1—кіевскаго, 6—монастырскихъ, 22—новгородскихъ, 2—костромскихъ, 1—устюжскаго, 41—московскихъ, 48—строгановскихъ, 9—барановскихъ; 2—сибирскихъ и 27—фряжскихъ). По времени написанія 9 иконъ относятся къ XV вѣку, а остальныя къ XVI—XVIII вв. Въ коллекціи нѣтъ болѣе двухъ образовъ одного пошиба или одного иконописца. Иконы сохранили первоначальную свѣжесть и крѣпость. Въ собраніи есть нѣсколько образовъ единственныхъ въ своемъ родѣ и очень много рѣдкихъ и имѣющихъ важное значеніе для исторіи русскаго иконописанія. Подробное описаніе коллекціи, составленное проф. Смирновымъ, печатается въ Трудахъ Кіевской духовной академіи съ 1877 года. До сихъ поръ напечатано описаніе 118 иконъ.

3) Описаніе Муравьевской коллекціи, составленное профессоромъ Петровымъ (напечатано въ Трудахъ Кіевской духовной академіи, 1878 года, іюль). Покойный извѣстный путешественникъ по св. мѣстамъ и ревнитель православія А. Н. Муравьевъ имѣлъ богатое собраніе предметовъ древности и святыни, собранныхъ имъ по св. мѣстамъ Востока и Запада, а также и другихъ предметовъ. Послѣ его смерти, наслѣдники его въ 1878 г. пожелали передать часть этого собранія въ Кіевскій церковно-археологическій музей. Всѣхъ предметовъ было передано въ музей 191. Муравьевская коллекція раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) памятники архитектуры церковной въ снимкахъ; 2) святыни и утварь церковная (здѣсь, между прочимъ, находится куколь отъ схимы патріарха Никона, въ бархатномъ ящикѣ съ гербомъ патріарха; по образцу этого куколя сдѣлалъ себѣ куколь митрополитъ Московскій Филаретъ) 3) иконы—наиболѣе богатый отдѣлъ: всего 82 иконы, въ томъ числѣ нѣкоторыя весьма древ-

Digitized by Google

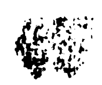
нія; остатки древнихъ деревянныхъ святцевъ синайскихъ X—XI вв.; 4) икона Преображенія Господня XI в. изъ лавры св. Саввы въ Палестинѣ; икона св. апостоловъ Петра и Павла XII в. изъ Іерусалимской женской обители великой Панагіи; картины и гравюры духовнаго содержанія; 5) портреты духовныхъ лицъ и ихъ автографы; 6) предметы обще-археологическаго свойства (здѣсь, между прочимъ, находится кресло изъ ясеневаго дерева съ рѣшетчатою спинкою, сплетенною изъ китоваго уса, сооруженное руками архіепископа Камчатскаго (впослѣдствіи митрополита Московскаго) Иннокентія въ 1830 году, и 7) растенія, животно-растенія и окаменѣлости. Въ дополненіе этой коллекціи наслѣдники А. Н. Муравьева пожертвовали впослѣдствіи въ музей собраніе изъ 44 рукописей, въ томъ числѣ нѣсколько житій русскихъ святыхъ (перечень ихъ находится въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1879, іюль, стр. 374 и сл.) и альбомъ акварелей, чертежей, фотографическихъ снимковъ и гравюръ.

4) Описаніе рукописей Почаевской Лавры, составленное В. Березинымъ (Труды Кіевской Духовной Академіи 1881 г., іюль и августъ). Рукописи Почаевской лавры составляютъ особый отдѣлъ въ музеѣ. Онѣ были переданы въ Кіевскую академію по слѣдующему случаю: когда покойный митрополитъ Московскій Макарій ревизовалъ Кіевскую академію въ 1874 году, то замѣтилъ въ ея библіотекѣ скудость древнихъ литературныхъ памятниковъ, и сообщивъ объ этомъ св. синоду, предложилъ передать въ нее цѣнныя рукописи и старопечатныя книги изъ нѣкоторыхъ монастырей Кіевской и Волынской епархій. Во исполненіе послѣдовавшаго указа св. синода, изъ Почаевской лавры были переданы въ Кіевскую академію 50 рукописей, которыя и описаны г. Березинымъ.

5) Нѣкоторыя свѣдѣнія о моавитскихъ древностяхъ музея находятся въ статьѣ проф. А. А. Олесницкаго: „Вопросъ о новѣйшихъ открытіяхъ моавитскихъ древностей“ (Труды Кіевской духовной академіи, 1877 октябрь).

6) Въ 1881 году (Труды Кіевской духовной академіи февраль) напечатанъ составленный проф. Петровымъ указатель предметовъ церковно-археологическаго музея. Въ этомъ указателѣ, изданномъ для практическаго удобства посѣтителей и обнимающемъ первые десять отдѣловъ музея, преимущественное вниманіе обращено на предметы наиболѣе важные; предметы же менѣе важные описаны въ общихъ выраженіяхъ.

Digitized by Google



7) Наконецъ, въ 1882 году составленъ и приготовляется къ изданію каталогъ книгъ церковно-славянской печати, находящихся въ музеѣ. Кромѣ уже упомянутаго выше собранія старопечатныхъ книгъ, пожертвованныхъ въ 1881 году протоіереемъ Раевскимъ, въ музей были переданы изъ хозяйственнаго управленія св. синода старопечатныя книги изъ числа высланныхъ изъ возсоединенныхъ съ православною уніатскихъ церквей Сѣдлецкой губерніи, и сверхъ того, много отдѣльныхъ книгъ было приносимо въ даръ жертвователями. Между старопечатными книгами музея есть нѣкоторыя доселѣ бывшія неизвѣстными библіографамъ, напримѣръ, Сборникъ, напечатанный въ Венеціи, повелѣніемъ Божидара Вуковича іеродіакономъ Моисеемъ въ 1536 году, въ 8-ю д. л.; Разлике песне, францисканца Матѳея Дивковича, напечатанныя въ Венеціи въ 1616 г., въ 8-ю д. л.; Тріодь или Пентекостарь, напечатанный въ Терговищѣ въ 1644 г., въ л.; Служебникъ, напечатанный въ Москвѣ, въ 1658 г.; Стематографія, напечатанная въ Вѣнѣ въ 1741 г., и нѣкоторыя другія. Замѣчателенъ также полный экземпляръ Октоиха, напечатаннаго въ 1537 г., въ Венеціи, на пергаменѣ.

Изъ отдѣльныхъ предметовъ музея всего болѣе издано и обслѣдовано рукописей. Именно въ Трудахъ Кіевской духовной академіи напечатаны, съ предисловіями, слѣдующія рукописи:

1) Слова Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго (начаты въ 1874 г., іюль; окончены въ 1877 г., апрѣль). Съ именемъ Стефана Яворскаго извѣстно до 250 словъ. Изъ нихъ была напечатана только самая малая часть, именно 39 словъ. Въ одной изъ рукописей музея найдены были 14 викторіальныхъ или торжественныхъ словъ Стефана, произнесенныхъ имъ съ 1702 по 1716 годъ; изъ нихъ напечатано въ Трудахъ одиннадцать.

2) Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ, съ предисловіемъ профессора Петрова. Это любопытное сказаніе, составленное между 1650 и 1648 годами, какъ полагаетъ г. Петровъ,—извѣстнымъ Арсеніемъ Грекомъ, пріѣхавшимъ въ Россію въ 1649 году съ патріархомъ Паисіемъ и сосланнымъ въ Соловки по подозрѣнію въ ереси, заключаетъ въ себѣ сравненіе Аѳона съ Соловецкимъ монастыремъ, при чемъ предпочтеніе отдается Аѳону. Напечатанное сказаніе восполняетъ рядъ извѣстныхъ доселѣ сказаній объ Аѳонѣ и уясняетъ судьбу и личный характеръ Арсенія Грека и его дѣятельность на Руси (Труды, 1877 г., сентябрь).

3) Записка о духоборцахъ, обитающихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ,

Digitized by Google

Таврической губерніи, составленная въ 1841 году неизвѣстнымъ духовнымъ лицомъ. Кромѣ историческаго значенія, записка эта имѣетъ и современный интересъ, такъ какъ изображаетъ вѣроученіе и бытъ духоборцевъ такими же чертами, въ какихъ представляется вѣроученіе и бытъ современныхъ южно-русскихъ штундистовъ (Труды, 1876 г., августъ).

4) Двѣ драматическія пьесы прошлаго столѣтія (Труды, 1877 г., сентябрь), изъ которыхъ одна принадлежитъ перу учителя поэзіи въ Кіевской академіи Сильвестра Ляскорскаго, а другая „Образъ страстей" составлена однимъ изъ кіевскихъ піитъ, вызванныхъ въ Смоленскъ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ въ качествѣ наставника поэзіи въ новоустроенную имъ коллегію.

5) „Трагикомедія, нарицаемая Фотій, то-есть, о отступленіи западныя церкви отъ восточныя, учиненномъ наипаче во время Фотія патріарха Константинопольскаго, и о отсѣченіи Римлянъ, яко еретиковъ отъ общенія вѣрныхъ", сочиненная учителемъ піитики въ Кіевской академіи Георгіемъ Щербатскимъ и представленная въ 1749 году. Эта трагедія, напечатанная съ предисловіемъ проф. Петрова въ Трудахъ 1877 г. за декабрь, касается вопроса объ отношеніи между православіемъ и католицизмомъ и добавляетъ рядъ извѣстныхъ южнорусскихъ драматическихъ произведеній.

Кромѣ того, г. Петровымъ въ его статьѣ: „Драматическія произведенія Георгія Конисскаго", помѣщенной въ журналѣ Древняя и Новая Россія 1878 г., ноябрь, напечатаны бывшія доселѣ неизвѣстными интермедіи Григорія Конисскаго къ его трагикомедіи „О воскресеніи мертвыхъ". На рукописяхъ же музея основаны также слѣдующія статьи, помѣщенныя въ Трудахъ Кіевской духовной академіи:

1) Рукописный сборникъ проповѣдей иподіакона Дамаскина Студита — статья В. Пѣвницкаго (Труды, 1873 г., октябрь), гдѣ представленъ разборъ этихъ проповѣдей и приведены выдержки изъ нихъ. Дамаскинъ Студитъ, жившій въ XVI вѣкѣ, скончался въ санѣ митрополита Навпакты и Арты. Проповѣди его пользовались между греческимъ православнымъ населеніемъ большою извѣстностью и издавались нѣсколько разъ подъ именемъ: „Сокровища". Имя и творенія Дамаскина Студита были не безызвѣстны и у насъ. Появленіе и существованіе на Руси славянскаго перевода словъ Дамаскина Студита во время, близкое къ его литературно-проповѣднической дѣятельности, служатъ

Digitized by Google

свидѣтельствомъ вліянія греческаго образованія на русскую литературу и проповѣдь, продолжавшагося и послѣ паденія Византіи.

2) Статья проф. Петрова: „Сплѣтскій архіепископъ Маркъ-Антоній de Dominis" (Труды, 1879 г., февраль и мартъ). Въ этой статьѣ очерчена жизнь Марка Антонія (+1624 г.), бывшаго сильнымъ ратоборцемъ противъ абсолютизма папской власти, и показано значеніе его сочиненій для южно-русской полемической литературы XVI вѣка (его сочиненіемъ De republica ecclesiastica пользовался Захарій Копыстенскій въ своей Палинодіи, и вообще его сочиненія читались южнорусскими православными).

3) Статьи проф. Петрова: „Расколъ и единовѣріе съ царствованія Екатерины II и до царствованія Николая I" (Труды, 1881, августъ и сентябрь), то-есть, за время, отличавшееся терпимостью и снисходительностью къ расколу. Въ этой статьѣ сообщаются нѣкоторыя новыя данныя для характеристики этого періода въ исторіи русскаго раскола на основаніи документовъ изъ архива покойнаго митрополита Григорія по раскольничьимъ дѣламъ.

4) Описаніе церковно-славянскаго пергаменнаго Евангелія, XIV, в. принадлежащаго музею, статья Н. Пылаева. (Труды, 1876, декабрь). Евангеліе это хранилось въ одномъ изъ монастырей г. Орши, и послѣ разграбленія города Французами въ 1812 году, досталось между разнымъ хламомъ протоіерею Лебединцеву, которымъ и было пожертвовано церковному музею. Въ этомъ описаніи разсматривается составъ и языкъ Евангелія, и приводятся разности въ чтеніяхъ евангельскихъ сравнительно съ современнымъ текстомъ.

5) Мѣсяцесловы святыхъ при рукописныхъ Богослужебныхъ книгахъ церковно-археологическаго музея (Труды, 1882. іюнь—сентябрь). Этотъ трудъ г. Булашева представляетъ дополненіе къ извѣстному сочиненію архимандрита Сергія: „Полный мѣсяцесловъ Востока".

Изъ другихъ отдѣловъ музея, кромѣ рукописнаго, изданъ только оттискъ съ древней ксилографической доски съ изображеніями страстей Христовыхъ, найденной въ Кіевѣ.

Всѣ эти матеріалы и статьи, кромѣ оттиска ксилографической доски, печатались не на средства Общества. Съ 1876 же года являются статьи членовъ, издаваемыя на средства Общества, и особые рефераты, назначавшіеся для сообщенія на засѣданіяхъ Общества. Изъ членскихъ статей были изданы отдѣльными оттисками изъ Трудовъ Кіевской духовной академіи слѣдующія статьи: 1) О русскомъ безлинейномъ и въ частности хомовомъ пѣніи (Труды, 1876

Digitized by Google

январь). Хомовое пѣніе явилось у насъ въ XVI вѣкѣ и существуетъ доселѣ у безпоповцевъ, у которыхъ изъ-за этого пѣнія происходитъ много разногласій. Въ настоящей статьѣ напечатана обширная защитительная записка за нарѣчное пѣніе, написанная въ 1750 году Гавріиломъ Артамоновымъ, котораго преображенскіе Ѳедосѣевцы назвали за это „еретикомъ-развратникомъ".

2) Историческая записка о Преображенскомъ, въ Москвѣ, кладбищѣ, прочитанная депутатомъ московскихъ единовѣрцевъ Сорокинымъ 15-го декабря 1868 года, въ день рукоположенія въ іерейскій санъ инока Павла, настоятеля московскаго Никольскаго мужскаго единовѣрческаго монастыря (Труды, 1876, январь). Въ этой небольшой статьѣ сообщается нѣсколько любопытныхъ данныхъ о безпоповцахъ и объ ихъ дѣйствіяхъ во время отечественной войны 1812 года.

3) О бракобоуномъ ученіи безпоповщинскаго Ѳеодосѣевскаго толка Труды, 1877, ноябрь). Въ этой статьѣ г. Сорокинымъ сообщены, въ видѣ вступленія, краткія свѣдѣнія о безпоповщинскомъ ученіи о бракѣ, а затѣмъ напечатаны стихи безпоповца Андреяна Сергѣева (+ 1847), много писавшаго противъ бракоборцевъ, особенно стихами. Сергѣевъ былъ весьма хорошо знакомъ съ ученіемъ бракоборцевъ и имѣлъ у себя важные документы касательно ихъ, а потому и стихи его проливаютъ много свѣта на догму Ѳедосѣевской пропаганды и происходящій изъ нея взглядъ.

Рефераты членовъ Общества, въ первое время лишь изрѣдка читавшіеся въ его засѣданіяхъ, первоначально не печатались, за немногими исключеніями. Къ такимъ исключеніямъ относятся слѣдующіе рефераты: 1) Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI и XVII столѣтій (Труды, 1876, январь и февраль). Въ этой любопытной статьѣ г. Голубева указаны неточности, вкравшіяся въ „Хронологическій указатель" В. М. Ундольскаго и въ дополненіе къ нему Я. Ѳ. Головацкаго, а также сообщены библіографическія свѣдѣнія о тѣхъ изданіяхъ церковно-славянской печати конца XVI и начала XVII в., которыя или вовсе не упоминаются нашими библіографами, или о которыхъ сообщаются свѣдѣнія, недостаточно опредѣленныя или невѣрныя.

2) По поводу двухъ сообщеній о князѣ К. И. Острожскомъ (Труды, 1877 октябрь). Эта статья того же г. Голубева представляетъ поправки (о времени кончины князя К. Острожскаго и о его двухъ женахъ) къ статьямъ г. Романовскаго (въ Трудахъ 3-го археоло-

Digitized by Google

гическаго съѣзда) и проф. Н. И. Петрова (въ Кіевск. Епарх. Вѣд. 1875 г.).

3) Обширная и любопытная статья протоіерея Лебединцева; „Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843—53 годахъ" (Труды, 1878, августъ и сентябрь). Важнѣйшимъ дѣломъ при этомъ обновленіи, производившемся подъ наблюденіемъ и руководствомъ Ѳ. Г. Солнцева, было открытіе фресковой живописи XI вѣка.

4) Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева, статья П. А. Лашкарева (Труды 1879 г., май). Въ концѣ 1878 года на сѣверо-восточной сторонѣ стараго Кіева, на незастроенной мѣстности, принадлежащей Кіевскому митрополичьему дому, была открыта древняя каменная кладка, и при дальнѣйшихъ раскопкахъ открыта полная окружность стѣнъ древней каменной церкви. Эта мѣстность соотвѣтствуетъ древнему Копыреву концу, къ которому только и можетъ быть пріуроченъ позднѣйшій Кудрявецъ. Развалины же церкви, по соображеніямъ г. Лашкарева, принадлежатъ церкви св. Симеона, существовавшей еще въ первой половинѣ XVII вѣка.

Къ 1880 году церковно-археологическій музей на столько расширился и обогатился археологическими пріобрѣтеніями, что представлялъ значительное число матеріаловъ и пособій для археологическихъ изслѣдованій. Вслѣдствіе того и дѣятельность церковно-археологическаго общества расширилась, и число рефератовъ стало увеличиваться, такъ что почувствовалась нужда установить ежемѣсячныя ученыя собранія общества. Эти собранія открылись съ октября 1880 года. Съ этого же времени и „Извѣстія" общества расширились по своему содержанію: кромѣ сообщеній о новыхъ поступленіяхъ въ музей и библіотеку общества, въ нихъ даются свѣдѣнія болѣе или менѣе подробныя и о читаемыхъ рефератахъ, такъ что „Извѣстія" являются краткою лѣтописью ученой дѣятельности церковно-археологическаго общества.

Изъ читанныхъ въ засѣданіяхъ общества за это время рефератовъ особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Замѣтки Кіевскаго священника Кирилла Ивановича относительно кіевскихъ событій начала XVII вѣка. Въ этомъ рефератѣ протоіерея Лебединцева сообщены любопытныя выдержки изъ приписокъ упомянутаго священника къ печатной хроникѣ Стрыйковскаго, сообщающія новыя свѣдѣнія объ Успенскомъ Кіево-Подольскомъ соборѣ въ XVII в.

Digitized by Google

и нѣкоторыя доселѣ бывшія неизвѣстными подробности о пребываніи Лжедимитрія въ Кіевѣ.

2) О праздникѣ 8-го сентября въ Кіево-Софійскомъ соборѣ—протоіерея Лебединцева. Въ Софійскихъ храмахъ сѣверной Россіи храмовой праздникъ празднуется 15-го августа, а въ Кіевѣ 8-го сентября. Къ этому дню храмовой праздникъ былъ пріуроченъ Петромъ Могилою по изгнаніи изъ Кіева уніатовъ; прежде же этотъ праздникъ не былъ храмовымъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

3) О миніатюрахъ и заставкахъ греческаго Никомидійскаго Евангелія XII—XIII вѣка. Въ этой статьѣ проф. Петрова (напечатанной въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1881 года, май) описаны миніатюры и заставки этого Евангелія, служащія къ объясненію мозаическихъ и фресковыхъ изображеній Кіево-Софійскаго собора.

4) О рукописной четьѣ, писанной въ 1489 году, въ г. Каменцѣ. Статья проф. Петрова (напечатана въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1881 г., № 3). Эта рукопись по составу своему есть сборникъ житій святыхъ и поученій на нарочитые праздники и дни святыхъ. Въ ней встрѣчаются три неизвѣстныя статьи и значительное число варіантовъ къ извѣстнымъ памятникамъ. Но рукопись эта главнымъ образомъ интересна своимъ языкомъ, въ которомъ довольно явственно выступаютъ признаки южно-русскаго нарѣчія.

5) и 6) Два реферата объ Острожской Библіи по поводу ея трехсотлѣтія. Одинъ изъ этихъ рефератовъ, г. Голубева, занимается разборомъ текста Острожской библіи, сообщаетъ свѣдѣнія о главныхъ дѣятеляхъ при ея изданіи и рѣшаетъ вопросъ о числѣ ея изданій (г. Голубевъ склоняется къ мысли, что было два изданія этой Библіи). Другой рефератъ, г. Сольскаго, представляетъ дополненія къ статьѣ г. Голубева относительно текста Острожской Библіи.

7) Когда, гдѣ и кѣмъ учреждено празднованіе св. Владиміру 15-го іюля. Въ этомъ рефератѣ (напечатанномъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1882 года, май) проф. Малышевскій пришелъ къ тому выводу, что это празднество установлено въ Новгородѣ св. Александромъ Невскимъ послѣ Невской побѣды, бывшей въ день успенія св. Владиміра (15-го іюля 1240 г.), между 15-го іюля и октябремъ 1240 года; служба же св. Владиміру написана не позже 1241 года.

8) Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей. Сочиненіе Семена Дѣвовича, переводчика генеральной войсковой канцеляріи, написанное имъ

Digitized by Google

въ 1762 году. Краткое содержаніе этого весьма любопытнаго разговора заключается въ слѣдующемъ: Великороссія спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; Малороссія же разказываетъ свою исторію и перечисляетъ свои заслуги, оказанныя Русскому народу и государству. Профессоръ Петровъ снабдилъ этотъ разговоръ предисловіемъ и примѣчаніями и напечаталъ его въ Кіевской Старинѣ (1882 года, февраль и іюль).

Остальные рефераты, читанные въ засѣданіяхъ Общества, были слѣдующіе: о обновленіи Кіево-Печерской лаврской церкви (г. Лашкарева); объ амбонахъ (протоіерея Лебединцева); о первоначальныхъ временахъ Кіево-Богоявленскаго братства и школы при немъ (г. Голубева); объ ольвійской псефизмѣ I вѣка по Р. Х. (г. Суручана); двѣ поправки къ Исторіи русской церкви высокопреосвященнаго Макарія (г. Малышевскаго); преосвященный Филаретъ Рижскій, какъ первый предсѣдатель церковно-археологическаго общества (г. Петрова); о внутреннемъ устройствѣ и украшеніи вновь строющагося въ Кіевѣ собора св. Владиміра (г. Малышевскаго); воспоминанія объ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ (г. Петрова); о двухъ древнихъ крестахъ, найденныхъ въ Кіево-Печерской лаврѣ; жалоба, поданная Кіевскому митрополиту префектомъ и учителями Кіевской духовной академіи на своего ректора Давида Нащинскаго въ 1759 году; краткія свѣдѣнія о Бердичевской Николаевской деревенской церкви, состоящей приписною къ Бердичевской Успенской соборной церкви; о еврейской торговлѣ христіанскими древлостями.

Въ 1882 году возникла мысль собрать эти рефераты въ одно цѣлое и издать особымъ выпускомъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что общество на готовыя средства издало 2-й и 3-й томы Полнаго собранія сочиненій М. А. Максимовича.

Начиная съ 1879 года, вслѣдствіе состоявшагося опредѣленія св. синода, церковно-археологическое общество стало привлекаться къ попеченію о сохраненіи и поддержаніи памятниковъ церковной древности. Именно общество было приглашаемо для освидѣтельствованія и указанія производства работъ къ сохраненію остатковъ древности Свято-Троицкой церкви XII вѣка надъ святыми вратами Кіево-Печерской лавры, для соображеній объ устройствѣ паперти въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, для осмотра Кіево-Печерской Спасской церкви и соображеній объ исправленіи поврежденій въ ея стѣнѣ, для осмотра и опредѣленія древности Кіевской Васильевской церкви, и проч. На-

Digitized by Google

конецъ, изъ членовъ общества была образована особая коммиссія для составленія проекта внутренняго устройства вновь строющагося Кіевскаго Владимірскаго собора въ древнемъ вкусѣ.

Приведенныхъ свѣдѣній о состояніи церковно-археологическаго музея и дѣятельности церковно-археологическаго общества достаточно для того, чтобы судить объ успѣхахъ этихъ учрежденій за первое десятилѣтіе ихъ существованія.

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКІЙ РОССІЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

2-го іюня текущаго года послѣдовало освященіе и открытіе Императорскаго Россійскаго историческаго музея въ Москвѣ. Историческій музей возникъ по мысли нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, когда Его Величество былъ еще наслѣдникомъ престола. Благодаря заботамъ Августѣйшаго Покровителя, музей былъ оконченъ постройкой, и значительная часть его, именно десять залъ, окончательно отдѣланы и отчасти наполнены научными коллекціями.

Молебствіе съ водосвятіемъ совершалъ въ музеѣ высокопреосвященный Іоанникій, въ присутствіи предсѣдателя музея великаго князя Сергѣя Александровича, Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, товарища предсѣдателя музея графа А. С. Уварова, многихъ почетныхъ лицъ обоего пола, членовъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества и лицъ, участвовавшихъ въ постройкѣ. Послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу, великому князю Сергію Александровичу и всему Царствующему дому, всѣ десять нынѣ открытыхъ залъ музея были окроплены святою водой.

Новый музей по своему научному значенію и по громадности своихъ размѣровъ займетъ видное мѣсто въ ряду ученыхъ хранилищъ Москвы, а по оригинальности своей постройки и по богатству отдѣлки, въ настоящее время еще далеко не оконченной, будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній первопрестольной столицы.

Зданіе музея само по себѣ въ высшей степени интересно. Всѣ детали его исполнены по древнимъ образцамъ. Зданіе строено инженеромъ А. А. Семеновымъ по плану, составленному имъ по указаніямъ ученой коммиссіи музея, а фасадъ сдѣланъ по рисункамъ академика

Digitized by Google

В. О. Шервуда, въ стилѣ XVI вѣка. Внутреннее устройство и отдѣлка музея исполнены А. С. Семеновымъ и А. П. Поповымъ. Башни украшены по рисункамъ А. П. Попова: а) орлами, по образцамъ, взятымъ въ книгѣ объ избраніи и вѣнчаніи на царство царя Михаила Θеодоровича; б) изображеніями льва и единорога, взятыми съ книжныхъ переплетовъ XVI и XVII вв. Московскагѡ печатнаго двора, и в) прапорами, на подобіе прапоровъ на кремлевскихъ башняхъ и на крыльцахъ церкви Василія Блаженнаго. Образцами для гирекъ подъ висячими перемычками оконъ и дверей служили гирьки у церквей Василія Блаженнаго и Останкинской. Разнообразные рисунки лицевыхъ оконныхъ переплетовъ составлены примѣнительно къ рисункамъ и описаніямъ окончинъ XVI и XVII вѣковъ.

Главный входъ въ музей, съ Красной Площади, ведетъ въ сѣни, къ которымъ примѣнены украшенія XVI вѣка. Восемь столбовъ поддерживаютъ средній корбовый сводъ и десять стрѣльчатыхъ замкнутыхъ сводовъ, расположенныхъ по бокамъ главнаго свода. На главномъ сводѣ изображено родословное древо государей Россійскихъ (длиною 25 1/2 арш., шириной до 17 1/4 арш.), писанное по лазоревому полю восковыми красками академикомъ Θ. Г. Тороповымъ. Образцомъ служило такое же древо на паперти Преображенскаго собора въ Ново-Спасскомъ монастырѣ и подобныя въ другихъ древнихъ храмахъ. У корня стоятъ свв. Владиміръ и Ольга и поливаютъ древо изъ алавастровъ, по сторонамъ ихъ свв. Борисъ и Глѣбъ. Въ слѣдующихъ десяти рядахъ представлены 68 великихъ князей, царей и императоровъ, начиная съ Ярослава Мудраго и кончая нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей. Вокругъ главнаго свода, въ боковыхъ сводахъ изображены гербы тѣхъ странъ и областей, которыя перечислены въ императорскомъ титулѣ, начиная съ Московскаго герба въ первомъ сводѣ надъ главными входными дверями, и кончая гербомъ Туркестанскимъ. На второмъ сводѣ, надъ Московскимъ гербомъ, изображены левъ и единорогъ, составлявшіе собственно царскій гербъ, начиная со времени Іоанна III.

Всѣ стѣны и столбы сѣней расписаны по свѣтложелтому фону травами, придерживаясь главнымъ образомъ живописи на царскомъ мѣстѣ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Мозаичный полъ сѣней сдѣланъ изъ краснаго и бѣлаго мрамора. Для узора служили образцами украшенія, находящіяся снаружи церкви Василія Блаженнаго. Нижнія стѣнки подъ столбами украшены ложчатыми впадинами и

Digitized by Google

врѣзанными полукруглыми столбиками подъ желтый мраморъ, сдѣланными по образцу находящихся въ ходовыхъ папертяхъ церкви Василія Блаженнаго.

Надъ нижними продольными стѣнками глухія перила между столбами, сдѣланныя подъ желтый мраморъ, украшены ширинками, обрамленными четвертнымъ валикомъ съ полочками; на поперечной же нижней сторонѣ поставлена вмѣсто перилъ бронзовая золоченая рѣшетка, исполненная извѣстнымъ московскихъ фабрикантомъ бронзовыхъ издѣлій А. М. Постниковымъ, а узоръ для нея заимствованъ съ шатра надъ Ризою Господней въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Противъ главнаго входа, въ серединѣ сѣней, лѣстница изъ бѣловатаго мрамора, о семи ступеняхъ, составляющихъ первый всходъ, который ведетъ на первую площадку. По обѣимъ сторонамъ ея, на подставкахъ изъ краснаго мрамора. помѣщены бронзовые львы, держащіе предъ собою щиты съ начальными буквами именъ государей, при которыхъ основанъ и оконченъ музей. Модели львовъ исполнены академикомъ С. И. Ивановымъ, а отлиты А. М. Постниковымъ, по образцу львовъ на красномъ крыльцѣ у Грановитой Палаты. Противъ первой площадки, на поперечной нижней стѣнкѣ, по срединѣ, вставлена плита съ лѣтописью музея, изображенная письменами XVI столѣтія. Съ первой площадки поднимаются направо и налѣво лѣстницы, каждая о девяти ступеняхъ, огражденныхъ глухими перилами изъ желтаго мрамора, которыя ведутъ на слѣдующія двѣ площадки. Съ каждой изъ этихъ площадокъ, лѣстницы, также о девяти ступеняхъ, снова поднимаются по напраленію уже продольныхъ стѣнъ на обѣ стороны и приводятъ на верхніе ходы, окружающіе сѣни съ трехъ сторонъ. На этихъ ходахъ семь дверей, изъ которыхъ по три въ каждой продольной стѣнѣ и одна въ поперечной, напротивъ главнаго входа. Средняя изъ трехъ дверей, на правой сторонѣ, служитъ главнымъ входомъ въ музей и ведетъ въ первую залу; большая же дверь въ поперечной стѣнѣ ведетъ въ залы христіанской эпохи, соединяющіяся съ прочими залами въ Кіевскомъ отдѣлѣ. Шесть большихъ дверей обдѣланы, въ стилѣ XVI вѣка, бѣлымъ камнемъ съ дубовыми створами и желѣзными жуковинами и замкомъ того же времени. Средняя большая дверь обдѣлана поперемѣнно полукругами и четыреугольными столбами, съ дуговою перемычкою, заостренною въ верху, также изъ бѣлаго камня. Рисунокъ этихъ дверей взятъ съ дверей церкви Никиты Мученика за Яузой и съ сельской церкви близъ села Кидекши, въ Суздальскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Подъ заостреніемъ верхняго вала перемычки

Digitized by Google

насѣченъ годъ окончанія музея отъ сотворенія міра ЗТЧА (1883 отъ Р. Х.). Древные дубовые стволы этой двери украшены желѣзною прорѣзкой съ обивкой на фольгѣ, въ подражаніе дверямъ Благовѣщенскаго собора въ городѣ Гороховцѣ 1701 года, исполненною А. М. Постниковымъ. Дьверной замокъ сдѣланъ по образцу древняго замка, находящагося въ собраніи графа А. С. Уварова; исполненъ также Постниковымъ. Надъ средними дверями устроено тройное окно, обдѣланное въ стилѣ XVI вѣка.

Составъ научныхъ собраній, которыя должны быть помѣщены въ музеѣ, въ настоящее время еще не вполнѣ опредѣлился во всемъ своемъ объемѣ. Пока можетъ быть рѣчь только о томъ, что помѣщено въ первыхъ десяти залахъ, нынѣ открытыхъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой спеціальный характеръ по составу помѣщенныхъ въ ней коллекцій, какъ подлинныхъ древностей, такъ и возможно точныхъ воспроизведеній ихъ въ копіяхъ, снимкахъ и моделяхъ. Такъ, первая и вторая залы заключаютъ въ себѣ систематически расположенные памятники каменнаго вѣка изъ разныхъ мѣстностей Россіи, залы третья и четвертая—памятники бронзоваго вѣка, пятая—памятники желѣзнаго вѣка, шестая—памятники эллино-скиѳскіе, седьмая—памятники русскіе съ 988 по 1054 годъ, а восьмая — памятники съ 1054 г. по 1125. Остальныя двѣ залы заняты памятниками греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря (Ольвія и Пантикапея), памятниками Херсонеса, Кавказа и пр.

Каждая изъ этихъ залъ отдѣлана соотвѣтственно стилю тѣхъ предметовъ, которые въ ней помѣщены. Такъ, въ первыхъ двухъ залахъ карнизъ и половая мозаика украшены узорами съ гончарныхъ издѣлій, найденныхъ вмѣстѣ съ каменными орудіями, у дер. Волосова, на Окѣ, во Владимірской губерніи; сверхъ того, фризъ второй залы представляетъ картину изъ быта людей каменнаго періода, написанную художникомъ В. М. Васнецовымъ. Самыя древности расположены въ этихъ залахъ по рѣчнымъ бассейнамъ и губерніямъ: въ залѣ первой—памятники изъ Азіятской Россіи, а во второй — изъ Россіи Европейской; въ числѣ послѣднихъ самое видное мѣсто принадлежитъ находкамъ графа А. С. Уварова, относящимся къ древнѣйшей эпохѣ каменнаго вѣка, когда люди еще были современниками мамонта.

Отдѣлка залы третьей заимствована съ предметовъ, относящихся къ бронзовому періоду. Тутъ же помѣщены и четыре археологическія карты—Европейской Россіи, Сибири, Кавказа и Туркестана. Изъ вы-

Digitized by Google

ставленныхъ здѣсь древностей бронзоваго вѣка всего замѣчательнѣе сибирская коллекція г. Лопатина и нѣкоторые предметы, найденные на Кавказѣ.

Въ четвертой залѣ собраны памятники конца бронзоваго вѣка, когда между ними начинаютъ встрѣчаться и первыя издѣлія изъ желѣза. Такъ какъ къ этому времени слѣдуетъ относить разселеніе финскихъ и славянскихъ племенъ въ восточной Европѣ, то стѣны этой залы предполагается украсить фресками профессора Г. И. Семирадскаго, которыя будутъ изображать похороны Русса въ Болгарѣ по описанію Ибнъ-Фадлана, и жертвоприношеніе надъ трупами убитыхъ воиновъ, также Руссовъ, какъ оно описано у Льва Діакона. Въ этой залѣ, кромѣ предметовъ, извлеченныхъ кургановъ Смоленской, Витебской, Минской, Черниговской, Кіевской и другихъ губерній, помѣщены еще первыя человѣческія изваянія, такъ-называемыя каменныя бабы, вывезенныя частію изъ юго-западной Сибири, частію же изъ юго-восточныхъ областей Европейской Россіи.

Въ пятой залѣ, содержащей въ себѣ предметы желѣзнаго вѣка, карнизъ украшенъ рядомъ ромбовъ и завитковъ, заимствованныхъ съ предметовъ изъ кургановъ мерянскихъ и екатеринославскихъ. Въ томъ же стилѣ составленъ и узоръ половой мозаики изъ синяго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. Тутъ помѣщено еше нѣсколько каменныхъ бабъ и разные предметы желѣзные изъ кургановъ ярославскихъ (по р. Сити), московскихъ, смоленскихъ и пр.

Къ пятой залѣ примыкаетъ шестая, съ памятниками эллино-скиѳскими. Какъ издѣлія варварскихъ народовъ, кочевавшихъ или обитавшихъ въ степяхъ южной Россіи, памятники эти находятся въ прямой связи съ остатками древности, выставленными въ пятой залѣ Но въ то же время памятники эти отражаютъ на себѣ и вліяніе греческаго искусства, процвѣтавшаго въ греческихъ поселеніяхъ на берегахъ Чернаго моря. По этой причинѣ къ той же шестой залѣ примкнутъ съ другой стороны особый рядъ залъ, въ которыхъ помѣщены образцы культуры черноморскихъ греческихъ городовъ, тѣмъ болѣе замѣчательныхъ, что отсюда, именно изъ Херсонеса, принесенъ былъ въ предѣлы Россіи первый лучъ христіанства. Поэтому скажемъ сперва объ этихъ залахъ. Зала А содержитъ въ себѣ прекрасно составленное собраніе памятниковъ древнѣйшаго христіанскаго искусства до X вѣка, большею частію въ отчетливыхъ копіяхъ съ подлинниковъ. „Трудно оторваться отъ этой залы“, замѣчаетъ г. Голохвастовъ, помѣстившій прекрасное описаніе новаго музея въ га-

Digitized by Google

ветѣ Русь (№ 12),—„тутъ и античная красота греческая, но красота уже не языческая, не исключительно плотская; красота полная, христіанская и уже наша русская: въ этомъ видѣ перенесенная, завѣщанная намъ нашею крестною матерью—Византіей. Посмотрите, напримѣръ, эту статую, на первый взглядъ—совершенно античнаго юноши съ овцой на плечахъ: это—Пастырь добрый, Самъ Христосъ. И дѣйствительно, вглядитесь въ лицо: это—Онъ, душу свою полагающій за овцы. Статуя V или VI вѣка, найденная въ катакомбахъ. А вотъ, III или IV вѣка, статуя святаго Ипполита: онъ сидитъ на каѳедрѣ, на сторонахъ которой начертанъ составленный имъ пасхальный кругъ: нѣсколько разъ встрѣчается тутъ имя Іисуса (по гречески), всегда съ двумя гласными въ началѣ [1]). Тѣхъ же вѣковъ четыре саркофага: на одномъ изъ нихъ изображены страданія Страстной седмицы. Христіане тѣхъ вѣковъ еще не могли переносить вида страданій Христовыхъ и не изображали ихъ: на крестѣ нѣтъ Распятаго, вѣнецъ его не терновый, а лавровый, крестъ несетъ Симонъ, бичеваніе даже и не напоминалось ничѣмъ. Въ срединѣ купола этой залы осмигранникъ съ изображеніемъ Орфея, съ фрески въ катакомбахъ Домителлы: Орфей, у тогдашнихъ христіанъ, символъ Христа. Подъ Орфеемъ другой символъ Христа: пророкъ Іона (изъ катакомбы св. Прискиллы); очертанія кита тутъ, какъ и всегда въ катакомбныхъ фигурахъ, фантастически-чудовищныя, но очень живописныя. Вокругъ Орфея Моисей, Ной, Іовъ, Давидъ, Лазарь, Разслабленный, умноженіе хлѣбовъ и цѣлый рядъ другихъ, постоянно символическихъ, изображеній изъ катакомбъ св. Прискиллы, Агнесы, св. Корнилія, Претекстата, Каллиста, съ мозаикъ церкви св. Назарія въ Равеннѣ, и (противъ главнаго входа въ залу) съ мозаики св. Софіи: Христосъ въ крестчатомъ вѣнцѣ и бѣлыхъ ризахъ, сидящій на престолѣ; у Его ногъ распростертъ Византійскій императоръ, быть можетъ—Юстиніанъ, построитель храма. Прекрасный мозаичный полъ этой залы—копія пола катакомбы св. Елены".

Въ залѣ Б и соединенной съ нею залѣ В собраны собственно памятники греческихъ сѣверно-черноморскихъ поселеній, какъ дохристіанскаго времени, такъ и первыхъ десяти вѣковъ по Р. Х., а сверхъ того, въ залѣ В помѣщены нѣкоторые древніе христіанскіе памятники Кавказа. На аркѣ залы изображенъ профессоромъ

---

[1]) Подлинники обоихъ этихъ прекрасныхъ слѣпковъ въ Римѣ, въ Латеранскомъ музеѣ.

Digitized by Google

И. К. Айвазовскимъ видъ Керченскаго пролива или древняго Воспора Киммерійскаго: направо городъ Керчь съ Царскимъ курганомъ, а налѣво Тамань. Самыя древности залы Б состоятъ изъ предметовъ, найденныхъ на мѣстѣ древней Ольвіи и Пантикапеи; тутъ есть расписныя вазы, стеклянные сосуды, свинцовыя и терракотовыя фигуры, надгробныя плиты и пр.; особенно замѣчательны мраморная капитель изъ Ольвійскаго храма, мраморный барельефъ съ изображеніемъ двухъ женщинъ и слѣпки съ двухъ статуй, найденныхъ въ г. Керчи, и съ двухъ мраморныхъ львовъ, найденныхъ въ Ольвіи; подлинники этихъ статуй и львовъ принадлежатъ Императорскому эрмитажу; львы покрыты неизвѣстными письменами, такими же, какія можно видѣть на стѣнахъ одной изъ керченскихъ катакомбъ. Мозаика пола въ залѣ Б воспроизводитъ византійскія мозаики въ Равеннѣ. Въ залѣ В находимъ памятники древнѣйшаго христіанства въ Херсонесѣ и на Кавказѣ; между прочимъ: обломки двухъ коллонъ съ крестами и большую капитель, найденные въ развалинахъ древней базилики, открытой гр. Уваровымъ въ Херсонесѣ; каменные изваянія и кресты, частію съ надписями и рельефными изображеніями, изъ предгорій Кавказа; планъ и фотографіи съ детальныхъ частей Кутаисскаго собора, строеннаго въ концѣ X и въ XI в. византійскими зодчими и во многихъ отношеніяхъ напоминающаго собою Софійскій соборъ въ Кіевѣ. Соотвѣтственно эпохѣ, къ которой относятся послѣдніе изъ исчисленныхъ памятниковъ, на главной стѣнѣ залы В будетъ помѣщена картина профессора Ѳ. А. Бронникова, изображающая крещеніе великаго князя Владиміра въ Херсонесѣ въ 988 году. Потолокъ въ этой залѣ украшенъ по образцу византійскихъ расписныхъ деревянныхъ потолковъ въ церкви Монреале, въ Палермо, а полъ воспроизводитъ половую мозаику церкви Спасителя въ Царьградѣ.

Возвращаемся теперь къ обзору залъ перваго счета. Зала шестая, какъ уже сказано, должна заключать въ себѣ памятники древнихъ обитателей южной Россіи, подвергшихся вліянію греческой культуры, процвѣтавшей въ Ольвіи и Пантикапеѣ. Потолокъ этой залы устроенъ уступами по образцу пантикапейскихъ гробницъ. Фризъ подъ уступами потолка на одной изъ стѣнъ занятъ копіей съ фресокъ, бытоваго характера, изъ керченской катакомбы, открытой въ 1872 г. на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы; на другой стѣнѣ также копія со стѣнописи другой керченской катакомбы, открытой въ 1877 году: эта замѣчательная фреска изображаетъ картину изъ домашней жизни

Digitized by Google

похороненнаго въ катакомбѣ лица, носившаго имя Анѳестерія и жившаго во II или III в. по Р. Х. Самыя древности, помѣщенныя въ этой залѣ, состоятъ изъ металлическихъ, стеклянныхъ и глиняныхъ вещей, извлеченныхъ изъ кургановъ съ низовьевъ Днѣпра (коллекція П. О. Бурачкова) и изъ Кубанской области.

Въ залѣ седьмой, содержащей въ себѣ памятники древнѣйшаго собственно русскаго христіанства (988—1054 гг.), отдѣлка заимствована изъ Кіево-Софійскаго собора: наличники дверей и оконъ украшены взятыми оттуда узорами; тотъ же и цвѣтъ стѣнъ; на мозаичномъ полу повторенъ рисунокъ мозаики, находящейся на спинкѣ и локотникѣ архіерейскаго сѣдалища въ большомъ алтарѣ названнаго собора. На стѣнахъ залы помѣщены, сдѣланныя А. В. Праховымъ, копіи съ средней части алтарной мусіи Кіево-Софійскаго собора, представляющей таинство евхаристіи, съ мозаичныхъ же изображеній архангела Гавріила, св. Аетія, Богородицы, съ пряжей и веретеномъ, и Іисуса Христа съ крестомъ, вмѣсто вѣнца; тутъ же находятся копіи съ древнихъ иконъ св. Николая чудотворца, такъ-называемаго Мокраго (въ Кіево-Софійскомъ соборѣ), и апостоловъ Петра и Павла (въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ); слѣпки съ красно-шиферныхъ плитъ, составляющихъ перила на хорахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; слѣпки съ шести капителей оттуда же; слѣпки съ находящихся тамъ же мраморнаго саркофага, украшеннаго также, какъ древнія христіанскія гробницы въ Равеннѣ, и мраморнаго надгробія Ярослава. Нѣсколько монетъ великаго князя Владиміра и нѣсколько мелкихъ вещей того же періода, а равно планы главныхъ сооруженій, возведенныхъ между 988 и 1054 годами, дополняютъ составъ коллекцій этой первой Кіевской залы.

Вторая Кіевская зала, посвященная памятникамъ съ 1054 г. по 1125 (годъ смерти Владиміра Мономаха), украшена орнаментомъ въ стилѣ двухъ замѣчательнѣйшихъ рукописей, относящихся къ этому времени—Остромірова Евангелія 1057 г. и Святославова Изборника 1073 года. Въ этой залѣ помѣщены кальки со стѣнописей, находящихся на архіерейской или библіотечной лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора (сцена музыкантовъ, плясуновъ и фокусниковъ; сцены княжескаго суда; изображеніе пяти женщинъ въ византійскомъ одѣяніи); далѣе копія съ мозаикъ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ томъ числѣ съ изображенія таинства евхаристіи, русской работы; копіи съ барельефовъ того же монастыря, съ иконы Деисуса въ Новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ, съ такъ-называемыхъ Корсунскихъ и

Digitized by Google

Сартунскихъ вратъ Новгородскаго Софійскаго собора, слѣпокъ съ знаменитаго Тмутороканскаго камня 1068 г., и многія другія. Важнымъ украшеніемъ этой залы будетъ воспроизведеніе, въ увеличенномъ видѣ, извѣстнаго рисунка Святославова сборника 1073 года, изображающаго князя Святослава Изяславича съ его семействомъ. Работу эту принялъ на себя академикъ Сорокинъ.

Таковъ, въ краткихъ словахъ, составъ коллекцій, помѣщенныхъ въ настоящее время въ открытыхъ уже залахъ Историческаго музея. Болѣе подробное описаніе ихъ можно найдти въ обстоятельномъ указателѣ, который изданъ ко дню его открытія. Но и изъ настоящаго краткаго очерка видно, что это новое древлехранилище, столь заботливо и систематически составленное подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ знатоковъ нашей археологіи, можетъ сдѣлаться драгоцѣннымъ, живымъ и нагляднымъ пособіемъ для изученія отечественной исторіи, въ особенности когда музей явится въ своемъ полномъ составѣ и объемѣ. Нельзя не пожелать быстраго и успѣшнаго развитія столь полезному учрежденію.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета въ 1882 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ; командировки съ ученою цѣлію; свѣдѣнія объ учащихся; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности ихъ; присужденіе медалей и премій; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университета; ученыя общества.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей Московскаго университета къ концу 1882 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 7, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 6, лекторовъ 3; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4, астрономъ-наблюдатель 1; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 9, доцентовъ 3; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 11. Сверхъ того для всѣхъ факультетовъ состоялъ профессоръ богословія. Стороннихъ преподавателей было 5: докторъ Веселовскій — по исторіи всеобщей литературы магистръ Шапошниковъ — по энциклопедіи математики, кандидатъ Звѣревъ—по энциклопедіи права, докторъ медицины Бобровъ—по оперативной хирургіи и членъ судебной палаты Анциферовъ—по уголовному судопроизводству. Приватъ-доцентовъ было 10, всѣ по медицинскому факультету. Изъ опредѣленныхъ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ каѳедръ незамѣщенными оставались четыре каѳедры: энциклопедія права, уголовнаго судопроизводства, гражданскаго судопроизводства и исторіи славанскихъ законодательствъ.

Digitized by Google

Первая излагалась, какъ выше сказано, стороннимъ преподавателемъ, второе—штатнымъ доцентомъ Колоколовымъ, третье—профессоромъ римскаго права Боголѣповымъ, а предметы, относящіеся къ послѣдней каѳедрѣ, не преподавались.

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ Московскомъ университетѣ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Сергіевскій напечаталъ въ Православномъ Обозрѣніи нѣсколько проповѣдей, произнесенныхъ при торжественныхъ церковныхъ богослуженіяхъ; Поповъ помѣстилъ три статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича", въ Русскомъ Архивѣ—„Вторая и третья поѣздки Саввы Текели въ Россію" и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„Изъ судебной практики Московскаго университета 1816—1817 г."; Троицкій издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа"; Иванцовъ-Платоновъ напечаталъ: въ газетѣ Русь—„О русскомъ церковномъ управленіи", въ Православномъ Обозрѣніи—отвѣтъ профессору Лебедеву по поводу сочиненія „Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ" и напутственное слово воспитанникамъ Александровскаго военнаго училища; Герцъ помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статью „Генрихъ Шлиманнъ, его жизнь, раскопки и литературные труды"; Коршъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью на латинскомъ языкѣ о книгѣ Havet „De saturnis Latinorum versu"; Стороженко напечаталъ въ Заграничномъ Вѣстникѣ „Критическій отзывъ о послѣднемъ томѣ Shakespeare's Jahrbuch"; Цвѣтаевъ помѣстилъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„О вольскихъ надписяхъ" и „О двухъ древнѣйшихъ латинскихъ надписяхъ", издалъ отдѣльною книгой свое „Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 годахъ", продолжалъ печатаніе труда „Sylloge inscriptionum Italicarum" и читалъ въ Московскомъ археологическомъ Обществѣ два реферата: „О новооткрытыхъ латинскихъ надписяхъ" и „О кардиналѣ Анджело Маи"; Давидовъ напечаталъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Одна общая формула въ теоріи опредѣленныхъ интеграловъ"; Богдановъ издалъ первый томъ „Медицинской зоологіи" и напечаталъ статьи: въ книгѣ профессора Иностранцева—«О черепахъ каменнаго вѣка" и въ Воскресныхъ объясненіяхъ Политехническаго музея—„Что можно узнать изъ разсмотрѣнія портретовъ и бюстовъ"; Бредихинъ печаталъ X томъ Анналъ астрономической обсерваторіи, въ который вошли пять ра-

Digitized by Google

ботъ его: „Observations et théorie de la comète 1882 (1)“, „Observations et théorie de la comète 1882 (2)“, „Observations de la comète d'Encke“, „Sur la tache rouge de Jupiter“ и „Observations spectroscopiques du soleil“, печаталъ статьи въ италіанскомъ журналѣ спектрокопистовъ и въ англійскомъ астрономическомъ журналѣ Copernicus, и дѣлалъ сообщенія въ московскихъ ученыхъ обществахъ; Толстопятовъ сдѣлалъ въ Обществѣ испытателей природы сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ явленій поляризація въ сферолитахъ и демонстрировалъ это на микроскопическихъ препаратахъ; Бугаевъ издалъ сочиненіе „Начальная геометрія. Планиметрія“ и помѣстилъ въ Математическомъ Сборникѣ статью „Рѣшеніе уравненія второй степени“; Усовъ напечаталъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества три статьи: „О древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ“, „Замѣчательный коверъ Геронскаго собора“ и „Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора“; Слудскій помѣстилъ въ Бюллетенѣ Московскаго Общества испытателей природы статью „О двухъ неравенствахъ, имѣющихъ мѣсто при движеніи солнечной системы“; Столѣтовъ напечаталъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ“, въ журналѣ Электричество—„Коммиссія единицъ на Парижскомъ конгрессѣ“, въ Журналѣ Петербургскаго физико-химическаго общества—„Замѣтки о критическомъ состояніи тѣлъ“, въ журналѣ Русская Мысль—„Энергія солнца“ и въ Wiedemann's Beiblätter — 11 рефератовъ о русскихъ работахъ по физикѣ; Морковниковъ помѣстилъ въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества статьи: „Изслѣдованіе кавказской нефти“, „Историческій очеркъ выставокъ“ и рядъ статей, относящихся къ различнымъ отраслямъ промышленности и экономической жизни Россіи; Тимирязевъ исправилъ и дополнилъ второе изданіе популярнаго сочиненія „Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе“, прочелъ публичную лекцію „О движеніи растеній“ и сдѣлалъ сообщенія: въ С.-Петербургскомъ ботаническомъ обществѣ—„О количествѣ солнечнаго свѣта, поглощаемаго листомъ“, „О размноженіи углекислоты въ спектрѣ“ и „О примѣненіи скіоптикона къ демонстраціи физіологическихъ опытовъ“, въ Обществѣ любителей естествознанія—„Методы спектральнаго сообщенія пигментовъ“ и въ Обществѣ испытателей природы—„Дѣйствія земнаго свѣта на растенія“ и „Объ открытіи будто бы нѣмецкими физіологами сущности жизни“; Легонинъ приготовилъ къ университетскому акту рѣчь „О разстройствахъ выраженія субъективныхъ состояній (афазія) въ судебно-медицинскомъ

Digitized by Google

отношеніи"; Янжулъ издалъ второй выпускъ сочиненія „Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ" и приготовилъ къ печати статью „Иностранное законодательство объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими"; Павловъ напечаталъ въ Христіанскомъ Чтеніи начало изслѣдованія „О 50-й главѣ Кормчей книги, какъ историческомъ и практическомъ источникѣ русскаго брачнаго права" и редактировалъ переводъ греческихъ толкованій па церковныя правила, издаваемый въ Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія; Муромцевъ редактировалъ журналъ Юридическій Вѣстникъ и готовилъ къ печати читанный въ 1881 и 1882 году курсъ „Римское гражданское право въ историческомъ его развитіи"; Чупровъ произнесъ при открытіи торгово-промышленнаго съѣзда въ Москвѣ рѣчь: „О реформахъ въ торговлѣ въ виду американской конкуренціи", которую и напечаталъ, а также прочелъ въ видѣ доклада на томъ же съѣздѣ и напечаталъ статью „О торговыхъ складахъ"; графъ Комаровскій приготовилъ къ печати брошюру „Объ институтѣ международнаго права за послѣднее пятилѣтіе (1876—1881 г.)", изъ которой напечаталъ одну статью въ Юридическомъ Вѣстникѣ, и помѣстилъ въ Revue du droit international замѣтку „О новѣйшей русской литературѣ по международному праву (1880—1882 гг.)"; Захарьинъ сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ обществѣ сообщеніе „О простудныхъ невритахъ въ ряду другихъ ревматическихъ болѣзней"; Склифасовскій напечаталъ статьи: въ журналѣ Врачъ—„Anevrysma arterioso-venosum corotidis internae dextrae. Ligatura corotidis communis d.", „Возможно ли излеченіе брюшнаго пресса (prelum abdominale) у человѣка?" и „Употребленіе іодоформа въ хирургіи" и въ Лѣтописи хирургическаго общества въ Москвѣ—„Остеопластическая операція на стопѣ по способу д-ра Владимірова"; Зерновъ печаталъ руководство подъ заглавіемъ „Анатомія нервной системы человѣка (неврологія)"; Остроумовъ сдѣлалъ въ Медицинскомъ обществѣ сообщеніе „О лѣченіи болѣзней желудка". Доценты: Зубковъ приготовилъ къ печати въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія переводъ въ стихахъ трагедіи Софокла „Эдипъ въ Колонѣ"; Фортунатовъ напечаталъ въ Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen замѣтку: „Abaktr. garezu" и написалъ по порученію Академіи Наукъ разборъ сочиненія А. Попова „Санскритскія изслѣдованія"; Миллеръ издалъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Осетинскіе этюды", напечаталъ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ" и въ жур-

Digitized by Google

налѣ Русская Мысль—„Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ"; Ключевскій напечаталъ докторскую диссертацію: „Боярская дума древней Руси"; Анучинъ напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія рецензіи на сочиненія: графа Уварова—„Каменный вѣкъ въ Россіи" и Потанина—„Очерки сѣверо-западной Монголіи", помѣстилъ въ книгѣ профессора Иностранцева статью „Объ остаткахъ р. Canis изъ отложеній побережья Ладожскаго озера" и прочиталъ публичную лекцію на тему „Регрессивныя явленія при прогрессѣ культуры"; Ковалевскій сдѣлалъ въ Обществѣ испытателей природы сообщеніе „О летающихъ пресмыкающихся юрскаго періода"; Сабанѣевъ помѣстилъ въ Annalen der Chimie статьи: „Ueber Siedepunkte der Aethan und Aethylenhaloidderivate" и „Ueber Acetylenverbindungen"; Алексѣевъ напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „Міросозерцаніе Руссо и его ученіе о нравственности"; Богословскій помѣстилъ въ Протоколахъ Общества русскихъ врачей статью „Промываніе желудка, какъ средство къ излеченію хроническаго катарра желудка, а также и другихъ болѣзненныхъ его состояній"; Снегиревъ читалъ въ Физико-медицинскомъ обществѣ статью „Операція для искусственнаго безплодія женщины"; Эрисманъ напечаталъ „Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Бумагопрядильныя фабрики" и помѣстилъ: въ Handbuch der Hygiene und der Gewerben-Krankheiten—два отдѣла: „Die Entfernung der Abfallstoffe" и „Die Hygiene der Schule" и въ Трудахъ VI съѣзда врачей Московскаго губернскаго земства—„Пища рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Московскаго уѣзда"; Синицынъ напечаталъ въ Лѣтописи хирургическаго общества статьи: „О камняхъ перепончатой части мочеиспускательнаго канала" и „Радикальное лѣченіе эписподіи у мужчинъ" и продолжалъ редакцію перевода „Manuel complet des maladies des voies urinaires et des organes génitaux par le Dr. Delfeau"; Тихомировъ издалъ „Курсъ фармаціи", сдѣлалъ въ Обществѣ испытателей природы сообщенія: „О ферментѣ Кавказскаго кумыса (кефирь)", „О гигантскихъ клѣткахъ склераціи спорыньи" и „О china cuprea, ложной хинной коркѣ, содержащей хининъ". Преподаватели: Веселовскій издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ"; Звѣревъ помѣстилъ статьи: въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „Положительное направленіе въ правовѣдѣніи" и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—разборъ сочиненія Ренненкампфа: „Очерки юридической энциклопедіи" и сдѣлалъ въ Обществѣ любителей россій-

Digitized by Google

ской словесности сообщеніе „О послѣднихъ романахъ Ѳ. М. Достоевскаго". Лекторъ Гемиліанъ готовилъ къ изданію международный словарь и сокращеніе учебника по нѣмецкому языку для студентовъ. Астрономъ-наблюдатель Цераскій напечаталъ разсужденіе „Объ опредѣленіи блеска бѣлыхъ звѣздъ". Лаборанты: Волконскій напечаталъ газетныя статьи: „Объ эйкалиптовомъ маслѣ и озонородѣ" и „О продажномъ керосинѣ"; Оглоблинъ помѣстилъ совмѣстно съ професс. Морковниковымъ въ Русскомъ Химическомъ журналѣ статью „Изслѣдованіе кавказской нефти" и въ Техническомъ Сборникѣ статью „Обзоръ литературы по нефтяному дѣлу за 1879 — 1880 гг." Ассистенты: Насоновъ напечаталъ анатомическую замѣтку „О строеніи кожныхъ железъ пчелы" и сдѣлалъ сообщенія: въ Обществѣ акклиматизаціи—„О развитіи кишечнаго канала пчелы по выходѣ ея изъ яйца" и въ Обществѣ любителей естествознанія— „О коллекціяхъ губокъ и иглокожныхъ зоологическаго музея Московскаго университета"; Бѣлопольскій помѣстилъ въ Анналахъ астрономической обсерваторіи статьи: „Observations photohéliographiques en 1881" и „Observations au cercle méridien"; Тихоміровъ напечаталъ сочиненіе „Исторія развитія тутоваго шелкопряда въ яйцѣ" и сдѣлалъ два сообщенія въ Обществѣ любителей естествознанія: „О частяхъ рта постельнаго клопа" и „О поѣздкѣ въ Самарскую губернію для изслѣдованія вредныхъ насѣкомыхъ"; Митрофановъ сдѣлалъ сообщеніе въ Физико-медицинскомъ обществѣ: „О низшихъ паразитныхъ организмахъ крови и Gaube's Würmchen". Ординаторы: Дружининъ сдѣлалъ сообщеніе въ Хирургическомъ обществѣ объ одномъ случаѣ „эхинококковъ шеи" (echinococcus colli); Знаменскій сдѣлалъ въ томъ же обществѣ сообщеніе: „Случай наложенія нервнаго шва", которое и напечаталъ въ Лѣтописи хирургическаго общества и въ Медицинскомъ Обозрѣніи. Приватъ-доцентъ Добронравовъ въ Хирургическомъ обществѣ читалъ отчетъ о своей лѣчебницѣ за первые два года ея существованія, и сдѣлалъ въ Физико-медицинскомъ обществѣ сообщеніе „Объ операціи удаленія раково-переродженной матки". Помощникъ прозектора Тихомировъ напечаталъ въ книгѣ профессора Иностранцева „Изслѣдованіе костяка каменнаго вѣка". Хранитель зоологическаго музея Зографъ напечаталъ: въ J. U. Carus Zoologischer Anzeiger—„Zur Embryologie der Chilopoden. I. Die Bildung der Keimblätter", въ Медицинскомъ Обозрѣніи — „Нѣсколько словъ о ленточныхъ червяхъ, встрѣчающихся въ обитателяхъ Москвы", сдѣлалъ три сообщенія въ Обществѣ лю-

Digitized by Google

бителей естествознанія: „Объ образованіи бластодермы у Geophilus“, „О гистологическомъ строеніи мозга сколопендры“ и „О ленточныхъ червяхъ, паразитирующихъ въ жителяхъ Москвы“, сдѣлалъ въ политехническомъ музеѣ сообщеніе о рыболовствѣ въ Россіи, прочелъ публичную лекцію „Женщины у разныхъ народовъ и въ разное время въ антропологическомъ отношеніи“ и читалъ курсъ зоологіи и методики естествознанія.

Командированы были съ ученою цѣлію: за границу—профессоры Комаровскій, Муромцевъ, Герье, Бабухинъ, доцентъ Соколовъ, садовникъ ботаническаго сада Вобстъ, и внутри Россіи—профессоръ Поповъ.

Студентовъ въ Московскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 г. состояло 2,430; въ теченіе года выбыло 515 (до окончанія курса 222, по окончаніи полнаго курса и сдачѣ экзамена 293); въ тотъ же срокъ вновь поступило 683 (изъ правительственныхъ гимназій 579, изъ лицея Цесаревича Николая съ аттестатами зрѣлости 5, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 3, бывшихъ студентовъ Московскаго университета 16 (въ томъ числѣ 4 кандидата и 1 дѣйствительный студентъ). Затѣмъ къ 1-му января 1883 года находилось 2,598 студентовъ, то-есть, сравнительно съ предыдущимъ годомъ болѣе на 168. Эти 2,598 студентовъ распредѣлены были между факультетами слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ 222, на физико-математическомъ 463, на юридическомъ 567, на медицинскомъ 1,346. Сверхъ того университетъ посѣщали: 77 стороннихъ слушателей и 264 аптекарскихъ помощниковъ, посѣщавшихъ, въ качествѣ стороннихъ слушателей, лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена. Въ 1882 году были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи изъ числа 2,430 студентовъ—899 отъ полной платы и 49 отъ половинной, итого 948; во второмъ полугодіи изъ 2,598 студентовъ—отъ полной платы 883 и отъ половинной 53, всего 938; отсрочена плата до окончанія курса—въ первомъ полугодіи 9-ти студентамъ. Стипендіями пользовались въ теченіе года 859 студентовъ: въ первомъ полугодіи—428, во второмъ—431, всего на сумму 126,470 руб. 96 коп.; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 420 руб. въ годъ включительно. Единовременныхъ пособій выдано было: въ первомъ полугодіи 211 студентамъ на сумму 4,295 руб., во второмъ полугодіи—189 студентамъ, на 6,263 руб.; размѣръ пособій простирался отъ 10 до 35 руб. включительно, Кромѣ того: а) Московскою купеческою управою выдано въ пособіе студентамъ изъ процентовъ капитала, завѣщаннаго на сей предметъ

Digitized by Google

почетнымъ гражданиномъ Куманинымъ, въ два полугодія, 1.000 руб.; б) изъ процентовъ съ капитала имени „Митрино“, внесено за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи—за 15 студентовъ 362 руб. 50 коп., во второмъ — за 10 студентовъ 250 руб., и в) общество для пособія недостаточнымъ студентамъ Московскаго университета внесло за слушаніе лекцій 811-ю студентами, всего 2,947. Независимо отъ того, выдано на руки пособій 83-мъ студентамъ на 954 руб. За безплатные обѣды для студентовъ обществомъ уплачено 5,194 руб. 20 коп., за леченіе студентовъ въ больницахъ внесено 37 руб. 40 коп.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ производились практическія занятія въ учрежденныхъ съ этою цѣлію семинаріяхъ дѣятельность которыхъ въ теченіе года выразилась въ слѣдующемъ: На историко-филологическомъ факультетѣ: Въ семинаріи по церковно-славянскому языку студенты III и IV курсовъ занимались разборомъ памятниковъ сербской рецензіи. На первую очередь поставлено было Никольское евангеліе по изданію Даничича. Студентъ IV курса Матте-Гене въ двухъ рефератахъ подробно выяснилъ отношенія текста и языка названнаго Евангелія къ чтенію евангельскаго текста въ древнѣйшихъ Евангеліяхъ глаголической рецензіи. Студентъ III курса Павловъ, принявъ во вниманіе чтеніе рукописи Патарска хвала, изданной Даничичемъ въ Starine III, продолжалъ работу Матте-Гене съ примѣненіемъ выводовъ къ евангельскимъ чтеніямъ, извлеченнымъ Верчичемъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ глаголической письменности хорватской рецензіи (Ulomci, IV). Во второй очереди предложенъ былъ для разбора апокрифъ о „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ по тремъ спискамъ: по списку XII вѣка русской рецензіи, изданному Н. С. Тихонравовымъ въ „Памятникахъ отреченной литературы“, по списку XV вѣка сербской рецензіи, изданному тамъ же, и по списку хорватскому, Кукулевича—Сакцинскаго, XV же вѣка, изданному профессоромъ Ягичемъ въ IX томѣ Archiv'a Кукулевича. Соотношеніе текстовъ этихъ трехъ списковъ было изучено студентомъ III курса Извергинымъ, присоединившимъ къ своему реферату и разсужденіе объ языкѣ старшаго списка русской рецензіи. Затѣмъ студентъ того же курса Образцовъ представилъ рефератъ объ языкѣ рукописи XV вѣка сербской рецензіи, а студентъ IV курса Горбовъ въ послѣднемъ изъ рефератовъ, посвященныхъ этой группѣ памятниковъ, представилъ сравнительный обзоръ всѣхъ трехъ списковъ въ ихъ отношеніи къ памятникамъ сербской народной словесности, отражающихъ на себѣ содержаніе

Digitized by Google

разобраннаго апокрифа (по изданію послѣднихъ В. Караджичемъ, Милоевичемъ и Безсоновымъ).—На семинаріяхъ по исторіи всеобщей литературы въ первомъ полугодіи студенты IV курса продолжали изученіе Гамбургской драматургіи Лессинга; лучшіе рефераты были представлены студентами: Корнѣевымъ — „Обзоръ мнѣній новѣйшихъ ученыхъ объ Аристотелевомъ катарсисѣ“, Казанскимъ—„Отношеніе Лессинга къ Шекспиру“ и Бойчевскимъ — „Отношеніе Лессинга къ Дидро“. Въ обсужденіи этихъ рефератовъ принимали участіе, подъ руководствомъ профессора, и другіе студенты IV курса. Во второмъ полугодіи предметомъ занятій было чтеніе и объясненіе старо-французскихъ текстовъ по хрестоматіи Барча.—Предметомъ занятій въ отдѣленіи римской словесности греко-латинскаго семинарія служила X-я книга сочиненія Квинтиліана Institutа Oratoria. Этотъ отдѣлъ членами семинаріи былъ представляемъ на общія собранія въ письменномъ переводѣ, который обыкновенно и составлялъ предметъ критики и преній. Отъ перевода требовалась не только точность въ отношеніи къ подлиннику, но и литературная обработка русскаго языка. Одновременно съ переводомъ члены семинарія выбрали темы для историко-литературныхъ очерковъ, которые должны служить реальнымъ комментаріемъ переведеннаго текста Квинтиліана. При составленіи рефератовъ послѣдняго рода, студенты пользуются, кромѣ избранныхъ ими латинскихъ авторовъ, всѣми пособіями, находящимися въ университетской библіотекѣ. По возможности, они знакомятся при этомъ и съ спеціальными сочиненіями, которыя относятся къ ихъ темамъ; предметомъ занятій въ греческомъ семинаріи были греческіе лирики въ объемѣ 2-й части Антологіи Бухгольца. Какъ и въ предшествовавшіе годы, объясненіе избраннаго текста лежало на членахъ семинарія. Каждый изъ нихъ по очереди составлялъ по возможности полный комментарій на латинскомъ языкѣ къ доставшемуся ему отрывку и сообщалъ написанное имъ заблаговременно своимъ товарищамъ и руководителю. Пренія по поводу представленнаго комментарія происходили между членами семинаріи на латинскомъ и русскомъ языкахъ. На тѣхъ же языкахъ руководитель излагалъ свои замѣчанія и разъясненія. Въ семинаріи всеобщей исторіи по средней исторіи студенты знакомились съ источниками средневѣковаго права по хрестоматіи проф. Герье. Кромѣ того, были представлены и разобраны рефераты по вопросамъ о землевладѣніи, сословіяхъ, судопроизводствѣ, положеніи женщинъ на основаніи Leges Barbarorum. Въ семинаріи по новой исторіи разбирались представленные студен-

Digitized by Google

тами рефераты о Боркѣ и Токвиллѣ. Въ осеннемъ полугодіи студенты старшихъ двухъ курсовъ сначала разбирали Салическую правду, а затѣмъ обсуждали рефераты о провинціальной администраціи Римской имперіи IV и V вѣковъ, о классахъ римскаго общества въ IV и V вѣкахъ и о нравахъ древнихъ Германцевъ. Въ семинаріи по русской исторіи въ первомъ полугодіи на IV курсѣ историческаго отдѣленія разбиралось сочиненіе Котошихина о Московскомъ государствѣ. Разборъ состоялъ въ подробномъ изложеніи и сопоставленіи показаній Котошихина съ извѣстіями другихъ памятниковъ, русскихъ и иностранныхъ, касающихся устройства и жизни Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Цѣль разбора двоякая: а) провѣрить показанія Котошихина, и б) собрать черты для возможно-отчетливаго изображенія придворнаго быта, управленія, общественнаго состава, военнаго устройства и экономическаго состоянія Московскаго государства около половины XVII вѣка, наканунѣ преобразованій, предпринятыхъ царемъ Алексѣемъ и его ближайшими преемниками. Во второмъ полугодіи студенты старшихъ двухъ курсовъ историческаго отдѣленія читали и переводили, а преподаватель объяснялъ Русскую Правду по Троицкому списку XIV вѣка. По прочтеніи всѣхъ ея статей каждому студенту предложена была особая задача, касающаяся прочитаннаго памятника. Задачи, предложенныя студентамъ III курса, состояли преимущественно въ изложеніи и разборѣ какого-либо изслѣдованія о Русской Правдѣ, или въ сравненіи нѣкоторыхъ ея статей съ соотвѣтствующими статьями Салической Правды, которая изучалась тѣми же студентами одновременно съ Русской, на семинаріи по всеобщей исторіи, или въ систематическомъ изложеніи постановленій Русской Правды, относящихся къ какой-либо области права. Студентамъ IV курса предложены были вопросы, касающіеся исторической критики памятника: таковы вопросы объ источникахъ Правды, о времени составленія той ея редакціи, которая была предметомъ изученія на семинаріи, о томъ, отличаетъ ли Правда и чѣмъ отличаетъ уголовное преступленіе отъ гражданскаго правонарушенія, о верви по Русской Правдѣ и т. п. Предложенныя задачи разрѣшались письменными или устными рефератами; тѣ и другіе разбирались преподавателемъ и студентами; письменные рефераты предварительно излагались въ аудиторіи преподавателемъ. На юридическомъ факультетѣ въ первой половинѣ учебнаго года дѣйствовалъ семинарій по политической экономіи для студентовъ II и III курсовъ. Предметомъ семинарія было избрано—описаніе и критика глав-

Digitized by Google

ныхъ формъ владѣнія и пользованія землей. Участвующіе въ семинаріи студенты разобрали между собою отдѣльныя темы, на которыя былъ разчлененъ преподавателемъ указанный общій вопросъ. Въ ожиданіи представленія студентами рефератовъ, были прочтены и подвергнуты подробному обсужденію нѣсколько курсовыхъ сочиненій, касающихся отдѣла о распредѣленіи народнаго богатства. На семинаріѣ по сравнительной исторіи права, студенты II и IV курсовъ занимались чтеніемъ и обсужденіемъ написанныхъ ими самими сочиненій о родовомъ бытѣ у Германцевъ и Славянъ, о нераздѣльной семьѣ, о кровной мести, о различныхъ видахъ мира, объ общинномъ землевладѣніи, о разложеніи родоваго и общиннаго быта, о гильдіяхъ, цехахъ и артеляхъ. Семинарій по римскому праву для студентовъ III и IV курсовъ состоялъ въ чтеніи избранныхъ мѣстъ изъ Дигестъ и институцій Гая. Предметомъ семинарія по исторіи римскаго права для студентовъ I курса избраны законы XII таблицъ: критика ихъ текста, установленіе ихъ содержанія, систематическое изложеніе по институтамъ, объясненіе условіями Римской жизни. Ко второму полугодію, на основаніи собраннаго такимъ образомъ матеріала, должны быть составлены студентами рефераты, которые будутъ читаться и обсуждаться на курсѣ. Семинаріи по русскому гражданскому праву, по уголовному праву и по энциклопедіи права имѣли открыться въ началѣ 1883 года.—Въ физико-математическомъ факультетѣ семинаріи замѣнялись практическими занятіями студентовъ на астрономической обсерваторіи, въ зоологическомъ музеѣ, въ химическихъ лабораторіяхъ, въ ботаническомъ саду и кабинетѣ. Въ палеонтологическомъ кабинетѣ студенты занимались микроскопическими работами подъ руководствомъ хранителя кабинета. Практическія занятія студентовъ въ минералогическомъ кабинетѣ происходили послѣ 2-хъ часовъ, въ физической лабораторіи — въ часы свободные отъ лекцій, между 10 и 4, по плану предыдущаго года, въ технической лабораторіи — три раза въ недѣлю. Сверхъ того, на практическія упражненія по математикѣ со студентами I курса назначено было два часа въ недѣлю, а по теоретической механикѣ студентамъ предлагались задачи для рѣшенія на дому.—На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя въ нѣкоторыхъ курсахъ продолжаются отъ 8 часовъ утра до 3-хъ пополудни. Сверхъ того они занимались практически и въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи. Учащіеся медицинскаго факультета упражнялись въ химической и фар-

Digitized by Google

мацевтической лабораторіи и занимались въ ботаническомъ саду. Профессоръ медицинской химіи руководилъ студентовъ въ производствѣ зоохимическихъ изслѣдованій. Въ анатомическихъ театрахъ студенты разсѣкали трупы съ цѣлію изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь же упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ и изучали практически общую патологію. Въ кабинетахъ физіологическомъ и гистологическомъ, въ анатомо-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физіологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміи. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій.

Для сочиненій на соисканіе студентами медалей предложены были слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ—„Отношенія Карла V къ протестантизму до 1530 года", „Иліонъ, открытый Шлиманомъ, соотвѣтствуетъ ли описаніямъ Гомера?" „Русскіе духовные стихи по отношенію къ книжнымъ источникамъ"; на физико-математическомъ—„О внутреннемъ строеніи и способѣ утолщенія клѣтчатой оболочки и крахмальнаго зерна съ точки зрѣнія теоріи прониканія или наслоенія"; на юридическомъ—„Теорія раздѣленія властей въ ея историческомъ развитіи и ея вліяніе на ученія объ организаціи властей въ конституціонномъ государствѣ XIX вѣка"; на медицинскомъ—„Osteomyelitis". За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: а) золотыми—студенты естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета IV курса Васил. Львовъ и Владим. Палладинъ и кандидатъ юридическаго факультета выпуска 1882 года Алекс. Танцовъ; б) серебряными—кандидатъ историко-филологическаго факультета Никол. Райскій и студенты того же факультета: IV курса—Никол. Флагге и Серг. Соколовъ. За особые успѣхи по древнимъ языкамъ удостоены филологическихъ премій студенты: III курса — Никол. Хмѣлевъ и Петръ Косицынъ и I курса Серг. Соболевскій. Работы же студентовъ: I курса Соловейчика и Захарова и IV курса Никол. Леонтьева удостоены одобрительныхъ отзывовъ. Студентамъ историко-филологическаго факультета Матв. Любавскому и Ник. Леонтьеву, за представленныя сочиненія, присуждены преміи имени Н. В. Исакова. Для приготовленія къ профессорскому званію въ 1882 году коман-

Digitized by Google

дированъ за границу кандидатъ Мензбиръ и оставлено при университетѣ 8 кандидатовъ. Содержаніе имъ назначено: одному—изъ пожертвованнаго частнымъ лицомъ капитала, двумъ изъ спеціальныхъ средствъ университета, остальнымъ—изъ суммъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія.

На основаніи дѣйствующаго университетскаго устава, нижеслѣдующія лица удостоены ученыхъ степеней и званій: иностранный докторъ Ю. К. Фелькель возведенъ въ степень доктора римской словесности. Утверждены: въ степени доктора, магистры: Глазенапъ—астрономіи и геодезіи, Перетятковичъ и Ключевскій—русской исторіи, Жуковскій—прикладной математики, лекари: Кармиловъ, Чирковъ, Ландсбергъ и Миноръ—медицины; въ степени магистра, кандидаты: Кулаковскій — славянской словесности, Соболевскій—русской словесности, провизоры Вонгардтъ и Гольде—фармаціи; въ степени кандидата утверждено 90 (по историко-филологическому факакультету 16, по физико-математическому 39, по юридическому 35); въ званіи дѣйствительнаго студента 28 (по историко-филологическому факультету 5, по физико-математическому 14, по юридическому 9). Медицинскихъ степеней и званій удостоено: степени лѣкаря 175 (изъ нихъ два съ отличіемъ), степени провизора 99, званій: акушера 4, уѣзднаго врача 9, аптекарскаго помощника 95, повивальной бабки 128, дантиста 1. Свидѣтельства на званіе учителя гимназіи получили 13 лицъ.

Денежныя средства Московскаго университета въ теченіе 1882 года были слѣдующія: 1) штатныя: на содержаніе университета отпущено было изъ суммъ государственнаго казначейства 479,110 руб. 20 коп., именно: на содержаніе личнаго состава 245,897 руб., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 162,796 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 50,740 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 2,250 руб., на пособіе обществу естествоиспытателей 2,500 руб., на содержаніе кандидатовъ и лекарей, оставленныхъ при университетѣ, а также стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа и другихъ 14,926 руб. 60 коп.; 2) спеціальныя средства: а) благотворительные капиталы: къ 1-му января 1882 года въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ состояло 922,717 руб. 25 коп., б) суммы сбора со студентовъ за слушаніе лекцій: къ 1-му января 1882 года оставалось 66,285 руб. 5¼ коп., въ теченіе года поступило 87,515 руб. 50 коп., въ теченіе года израсходовано 51,242 руб., затѣмъ къ 1-му января 1883 года имѣлось на лицо

Digitized by Google

102,558 руб. 55$^{1}/_{4}$ коп. Главнѣйшіе расходы изъ сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на разные непредвидимые расходы 16,285 руб., на раздѣленіе 1-го курса медицинскаго факультета на два отдѣла 10,410 руб., на жалованье и плату сверхъ штатнаго положенія 9,972 руб. на учрежденіе стипендій, на выдачу стипендій и пособій студентамъ, на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ 3,744 руб., на вознагражденіе профессоровъ и прочихъ преподавателей за чтеніе лекцій по другимъ каѳедрамъ 3,000 руб., на ученыя командировки внутри Россіи и за границу 2,100 руб., на изданіе Ученыхъ Записокъ университета 1,193 руб., 2% въ пользу ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 1,625 руб.

При Московскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыя общества: общество испытателей природы, общество любителей естествознанія, антропологіи и энтографіи, Юридическое общество и Физико-медицинское общество. Составъ и дѣятельность этихъ Обществъ въ 1882 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Императорское Московское Общество испытателей природы. Самымъ выдающимся явленіемъ въ жизни этого Общества было празднованіе 50-лѣтняго докторскаго юбилея вице-президента и почетнаго члена общества К. И. Ренара. Участіе въ этомъ праздновaніи ученыхъ учрежденій и лицъ, не только отечественныхъ и западно-европейскихъ, но даже весьма многихъ изъ Америки, Азіи, Африки и Австраліи, еще разъ доказало Обществу, какими симпатіями пользуется оно во всѣхъ странахъ земнаго шара. Всѣ адресы, письма и телеграммы, полученные ко дню празднованія юбилея, свидѣтельствуютъ единогласно о заслугахъ Общества и чествуютъ въ лицѣ юбиляра представителя Общества. Общество лишилось 16 членовъ, умершихъ въ теченіе года, и вновь избрало въ число своихъ членовъ 15 лицъ, въ томъ числѣ 4-хъ въ почетные члены (Ю. Греви, президентъ Французской республики, А. Фрейсинэ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики, Моллардъ и профессоръ Катрфажъ, въ Парижѣ). Въ 1882 году Общество продолжало издавать свои Записки подъ редакціей вице-президента. Въ теченіе года были изданы четыре нумера Бюллетеня (2, 3 4 за 1882 и 1 за 1882 годы) и третій выпускъ XIV тома новыхъ Мемуаровъ. Въ этихъ выпускахъ напечатаны слѣдующія статьи: а по зоологіи: Милашевича—„О фаунѣ моллюсковъ окрестностей Москвы", Бедряги—„Амфибіи и рептиліи Греціи", Чернявскаго—„Матеріалы для сравнительной зоографіи Понта", Линдемана—„О Coleophora tritici",

Digitized by Google

Максъ-Шмидта „О попугаѣ Bolborhynchus Monachus“, Мензбира— „Сравнительный очеркъ орнитологической фауны губерній Московской и Тульской“, Кристофа—„Новыя бабочки Амурской области“, Яковлева — „Матеріалы для фауны полужесткокрылыхъ Россіи“, Альбрехта—„Списокъ бабочекъ Московской губерніи“; б) по ботаникѣ: Цингера—„Списокъ растеній Тульской губерніи“, Фишера-фонъ-Вальдгейма—„Матеріалы для флоры Московской губерніи“, Ризенкампфа—„О нѣкоторыхъ аномаліяхъ формы и окраски цвѣтковъ“, барона Тюмена—„Флора грибовъ Сибири“, Керна—„О ферментахъ кэфиря“, Чеха—„О географическомъ распространеніи хмѣля въ древности“, Гандоже—„О новыхъ видахъ Mentha“; в) по геологіи и палеонтологіи: Траутшольда—„Девонскія ископаемыя береговъ Шелони“, „О морскихъ лиліяхъ“, „Матеріалы для геологіи Владимірской губерніи“, „По поводу палеонтологической номенклатуры“ и „Объ органахъ размноженія Pateriocrinus multiplex“, Кипріянова—„О рыбьихъ остаткахъ въ Курскомъ желѣзистомъ известнякѣ“, Вишнякова—„Объ Ammonites distractus“; г) по астрономіи, физикѣ, математикѣ и метеорологіи: Бредихина — „О хвостахъ кометъ b и c 1881 года“, Зворыкина—„О движеніи на поверхности земли подъ дѣйствіемъ одного только притяженія“, Слудскаго— „О двухъ неравенствахъ, имѣющихъ мѣсто при движеніи солнечной системы“, Исселя—„Описаніе снарядовъ для измѣренія силы притяженія“, Вейнберга—„Метеорологическія наблюденія Константиновскаго межеваго института за 1881 годъ“; д) Письма изъ путешествій и экскурсій: Беккера — „Путешествіе въ южный Дагестанъ“ и „Экскурсіи въ окрестности Сарепты“. Сверхъ того, Общество издало: а) сочиненіе членовъ Траутфеттера, Регеля, Максимовича „Decas plantarum novarum“, посвященное К. И. Ренару ко дню его юбилея, и б) краткое описаніе торжества этого юбилея.—Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годичное засѣданіе, на которыхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, доложены были слѣдующіе рефераты научнаго содержанія: Ульянина — „Объ исторіи развитія Doliolum“, Палимпсестова—„Нѣкоторыя наблюденія надъ ловлею рыбъ птицами на Волгѣ“ и „По поводу вопроса: были ли въ степяхъ южной Россіи лѣса?“ Керна — „О ферментахъ кефиря“, Тихомирова— „О дрожжахъ Кавказскаго кумыса“ и „Объ отложеніи щавелевокислой извести въ тканяхъ склероція спорыньи“, Горожанкина— „О приборѣ г. Егорова для засушиванія растеній“, Цингера—„О видахъ Potentilla, найденныхъ въ Орловской губерніи“, Тимиря-

Digitized by Google

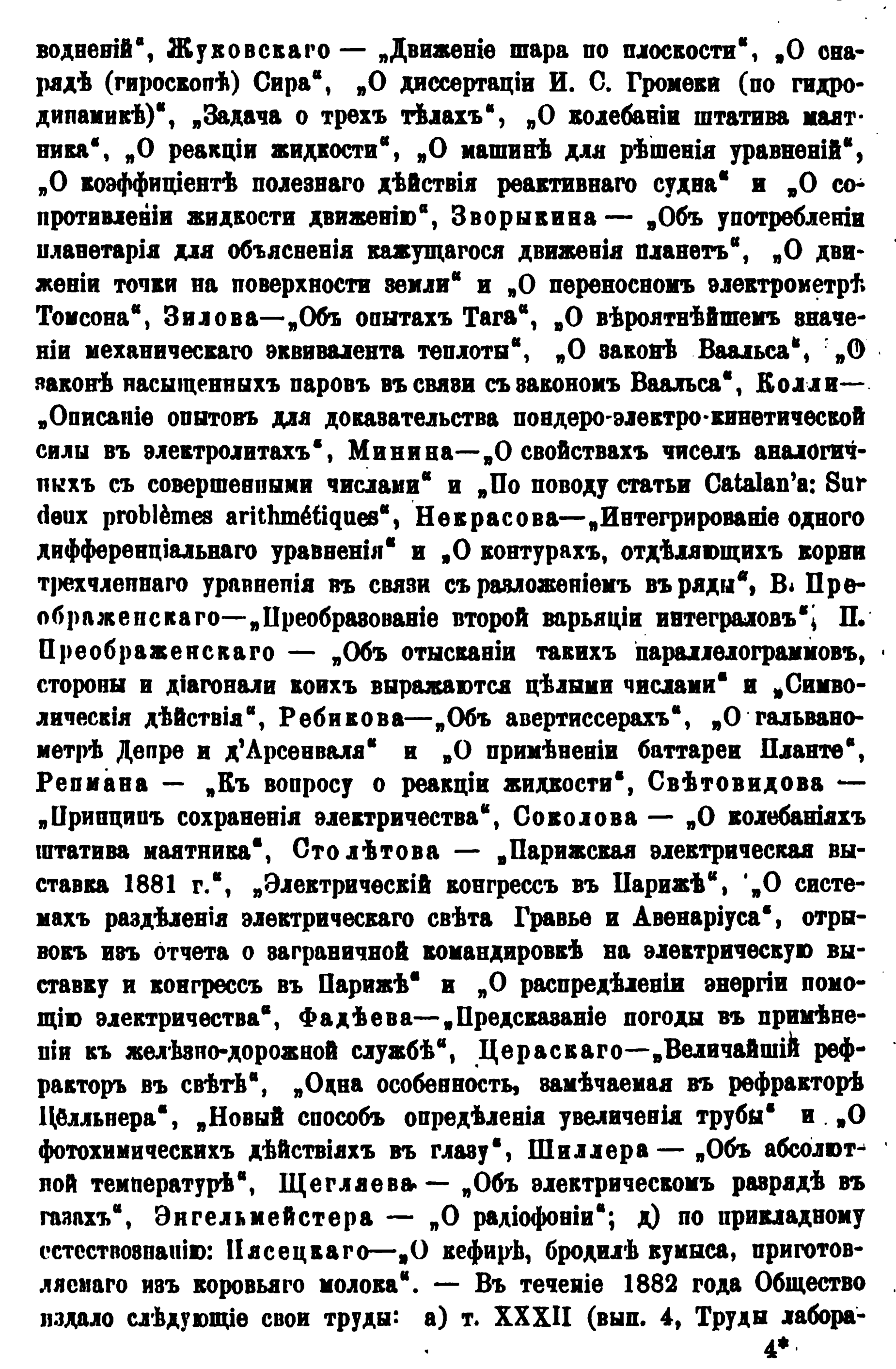
зева—„О вліяніи зеленаго свѣта на растенія“, Ковалевскаго— „О геологическомъ развитіи примѣтъ“ и „О пресмыкающихся мезозойныхъ образованій“, Кипріянова— „О фосфоритахъ Рязанской губерніи“ и „О неустойчивости возвышенныхъ и пониженныхъ линій на земной поверхности“, Толстопятова—„О вліяніи поляризаціи въ сферолитахъ“, Сабанѣева—„Объ анализѣ коровьяго молока“, Шишкова—„По поводу наблюденій Шютценбергера надъ сожиганіемъ нѣкоторыхъ тѣлъ“, Бредихина—„О кометахъ Ѣис 1881 г.“ и „О кометѣ 3—1882 года“, Вейнберга—„О фотофонѣ Белля“, Зворыкина—„О движеніи на земной поверхности подъ вліяніемъ одного только притяженія“, Богуславскаго—„Объ инструментѣ для черченія кривыхъ линій высшихъ степеней“, Слудскаго—„О двухъ неравенствахъ, имѣющихъ мѣсто при движеніи солнечной системы“, Бахметева—„О работахъ метеорологической станціи Петровской академіи“. Денежныя средства, которыми располагало Общество въ 1882 году, состояли изъ суммы, ежегодно отпускаемой правительствомъ въ размѣрѣ 4,857 руб., и изъ членскихъ взносовъ, которыхъ поступило всего 124 руб.—Въ обмѣнъ на свои изданія Общество пріобрѣло 1,255 томовъ книгъ, между которыми находится много драгоцѣнныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта.

Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Общество состоитъ изъ двухъ отдѣловъ—антропологическаго и этнографическаго и двухъ отдѣленій—зоологическаго и физическихъ наукъ. Къ концу 1882 года въ составѣ Общества числилось: почетныхъ членовъ 31, членовъ-основателей и непремѣнныхъ 154, иностранныхъ непремѣнныхъ членовъ 20, дѣйствительныхъ членовъ 222, членовъ-сотрудниковъ 69. Засѣданій Общества, его отдѣловъ и отдѣленій, а также состоящихъ при отдѣленіи физическихъ наукъ коммиссій прикладной физики и физико-математической, было 40; изъ нихъ публичныхъ 16, закрытыхъ 24. Въ засѣданіяхъ этихъ были сдѣланы слѣдующія 98 сообщеній: а) по зоологіи: Анучина—„О якѣ (Phoephagus grunniens)“, Вагнера—„О постъ-эмбріональномъ развитіи пауковъ“, Зографа— „О строеніи мозга сколопендры“, „Объ образованіи зародышевыхъ пластовъ у многоножекъ“ и „Къ статистикѣ ленточныхъ человѣческихъ глистъ въ Москвѣ“, Икова—„Къ исторіи развитія Limaa“ Митрофанова—„О переднеглоточной коммиссурѣ членистоногихъ“, „О гистологическомъ строеніи мускуловъ Cobitis fossilis“ и „О паразитахъ крови“, А. Тихомирова—„О явленіи каріоки не-

Digitized by Google

зиса и дробленіе желтка у тутоваго шелкопряда", „О частяхъ рта постельнаго клопа" и отчетъ о поѣздкѣ въ Самарскую губернію для изслѣдованія вредныхъ насѣкомыхъ, М. Тихомирова—„О коррадіонныхъ препаратахъ", Шимкевича—„О строеніи и образованіи трубокъ у кольчатыхъ червей", „Echinococcus hydatidosus изъ Lemur calla" и „О грегаринахъ Opilia lucorum"; б) по ботаникѣ: Палладина—„О строеніи камбія сосны", Тимирязева—„О нѣкоторыхъ пріемахъ спектральнаго анализа пигментовъ"; в) по антропологіи и этнографіи: Анучина—„Новыя литературныя данныя по Айнамъ", Встанова—„О раскопкахъ кургановъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда", Бензенгра—„О семи черепахъ дѣтей микроцефаловъ", „О живомъ микроцефалѣ Московскаго воспитательнаго дома", „Галль, какъ антропологъ", Вологдина—„Алтайскіе инородцы по измѣреніямъ Н. М. Ядринцева", Икова—„Къ краніологіи старо-московскаго населенія и современныхъ Великоруссовъ", „Новыя данныя къ антропологіи Евреевъ", „Инородцы южной полосы Россіи въ антропологическомъ отношеніи", Иловайскаго—„О народности Гунновъ", Малахова—„О раскопкахъ кургановъ Семипалатинской области", Миклухи-Маклая—„Папуасы берега Маклая въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніи", В. Миллера — „О прародинѣ Арійцевъ", Михайловскаго—„О Веддахъ, дикихъ обитателяхъ остр. Цейлона" Ордина — „О раскопкахъ Аѳанасьевскаго Сольвычегодскаго кладбища", Покровскаго—„Участіе животныхъ въ воспитаніи дѣтей человѣка", Першина — „О раскопкахъ дольменовъ Забайкальской области", Пясецкаго—„Антропологическія и этнографическія наблюденія надъ Китайцами", Родзевича—„О половозрѣлости женщинъ въ Россіи", Самоквасова — „О народности Скиѳовъ" и „О раскопкѣ кургановъ Терской области", Соловьева—„Старыя укрѣпленія и сельбища въ Тетюшскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, Чебышева—„О раскопкахъ кургановъ Олонецкой губерніи", Эмме—„Предварительное сообщеніе о Малороссахъ" и „О множественности типовъ малорусскихъ и великорусскихъ череповъ"; г) по физикѣ, астрономіи, метеорологіи и математикѣ: Бредихина — „Кометы, появлявшіяся въ 1881 году", Богуславскаго—„Чертежный пантографъ" и „Объ инволюціяхъ чистыхъ порядковъ", Буткевича — „Объ электрическихъ часахъ" и „О круговой дѣлительной машинѣ", Бѣлопольскаго — „О примѣненіи фотографіи къ астрономіи" и „О глубинѣ солнечныхъ пятенъ", Воейкова—„Измѣненіе уровня рѣкъ въ связи съ метеорологическими явленіями: способы предсказанія на-

Digitized by Google


водненій", Жуковскаго — „Движеніе шара по плоскости", „О снарядѣ (гироскопѣ) Сира", „О диссертаціи И. С. Громеки (по гидродинамикѣ)", „Задача о трехъ тѣлахъ", „О колебаніи штатива маятника", „О реакціи жидкости", „О машинѣ для рѣшенія уравненій", „О коэффиціентѣ полезнаго дѣйствія реактивнаго судна" и „О сопротивленіи жидкости движенію", Зворыкина — „Объ употребленіи планетарія для объясненія кажущагося движенія планетъ", „О движеніи точки на поверхности земли" и „О переносномъ электрометрѣ Томсона", Зилова—„Объ опытахъ Тага", „О вѣроятнѣйшемъ значеніи механическаго эквивалента теплоты", „О законѣ Ваальса", „О законѣ насыщенныхъ паровъ въ связи съ закономъ Ваальса", Колли—„Описаніе опытовъ для доказательства пондеро-электро-кинетической силы въ электролитахъ", Минина—„О свойствахъ чиселъ аналогичныхъ съ совершенными числами" и „По поводу статьи Catalan'a: Sur deux problèmes arithmétiques", Некрасова—„Интегрированіе одного дифференціальнаго уравненія" и „О контурахъ, отдѣляющихъ корни трехчленнаго уравненія въ связи съ разложеніемъ въ ряды", В. Преображенскаго—„Преобразованіе второй варьяціи интеграловъ", П. Преображенскаго — „Объ отысканіи такихъ параллелограммовъ, стороны и діагонали коихъ выражаются цѣлыми числами" и „Символическія дѣйствія", Ребикова—„Объ авертиссерахъ", „О гальванометрѣ Депре и д'Арсенваля" и „О примѣненіи баттареи Планте", Репмана — „Къ вопросу о реакціи жидкости", Свѣтовидова — „Принципъ сохраненія электричества", Соколова — „О колебаніяхъ штатива маятника", Столѣтова — „Парижская электрическая выставка 1881 г.", „Электрическій конгрессъ въ Парижѣ", „О системахъ раздѣленія электрическаго свѣта Гравье и Авенаріуса", отрывокъ изъ отчета о заграничной командировкѣ на электрическую выставку и конгрессъ въ Парижѣ" и „О распредѣленіи энергіи помощію электричества", Фадѣева—„Предсказаніе погоды въ примѣненіи къ желѣзно-дорожной службѣ", Цераскаго—„Величайшій рефракторъ въ свѣтѣ", „Одна особенность, замѣчаемая въ рефракторѣ Цѣлльнера", „Новый способъ опредѣленія увеличенія трубы" и „О фотохимическихъ дѣйствіяхъ въ глазу", Шиллера — „Объ абсолютной температурѣ", Щегляева — „Объ электрическомъ разрядѣ въ газахъ", Энгельмейстера — „О радіофоніи"; д) по прикладному естествознанію: Плсецкаго—„О кефирѣ, бродилѣ кумыса, приготовляемаго изъ коровьяго молока". — Въ теченіе 1882 года Общество издало слѣдующіе свои труды: а) т. XXXII (вып. 4, Труды лабора-

Digitized by Google

торіи при зоологическомъ музеѣ Московскаго университета и т. I' вып. 4, А. Тихомирова: „Исторія развитія тутоваго шелкопряда въ яйцѣ"); б) т. XXXIV (вып. 2 Путешествія въ Туркестанъ А. Федченко и томъ III, вып. 18 Э. Регеля: Описаніе новыхъ и болѣе рѣдкихъ растеній по матеріаламъ, собраннымъ А. Федченкомъ въ Туркестанѣ и Коканѣ); в) т. XXV (ч. I, вып. 4: Антропологическая выставка 1879 года; томъ III, ч. 1 (вып. 4), и г) томъ XLII (вып. 2 Воскресныхъ объясненій коллекцій политехническаго музея за 1881—1882 г.).—Обществомъ присуждены были медали: большая золотая—Н. Н. Миклухѣ-Маклаю, въ виду успѣшнаго окончанія его долголѣтняго путешествія; золотая—К. А. Фишеру, за принесенные имъ въ даръ фотографическіе альбомы, и серебряная — Ю. Э. Кондену за художественное исполненіе клише къ изданіямъ Общества; а Н. А. Попову—за его дѣятельность на пользу Общества въ качествѣ предсѣдателя этнографическаго отдѣла, присужденъ почетный адресъ. — Въ 1882 году общество обмѣнивалось изданіями съ 67 русскими и 49 иностранными учеными обществами и учрежденіями.

Московское Юридическое Общество. Бюро общества составляли: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, казначей, кандидаты секретаря и казначея (послѣдній вмѣстѣ и библіотекарь). Общество имѣло членовъ: почетныхъ 20, дѣйствительныхъ 281, членовъ-корреспондентовъ 2, членовъ-соревнователей 1. Въ теченіе года въ обществѣ были доложены и обсуждены слѣдующіе рефераты Баженова — „Объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія" Тарасова — „Объ административной юстиціи и полицейскихъ судахъ", „О страхованіи расходовъ" и „О ссудосберегательныхъ кассахъ", Гольцева—„Нѣсколько замѣчаній на книгу проф. Янжула „Свободная торговля", Анциферова — „Наблюденія надъ практикою мировыхъ судовъ въ провинціи", гр. Комаровскаго — „Работы института международнаго права за послѣдніе 6 лѣтъ" и „Работы института международнаго права по гражданскому процессу" Вульферта—„Мнѣніе Коррары о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи", Мейчика—„Судебныя дѣла XV в. и ихъ значеніе для Судебника Ивана III" и „О правѣ родственнаго выкупа по древне-русскому обычному праву до половины XVI в.", Джантіева—„По поводу двадцатилѣтія судебной реформы и годовщины смерти Д. Н. Замятнина", Лазовскаго — „О разводѣ брака", Муромцева — „О древнемъ шведскомъ правѣ на основаніи одного новаго изслѣдованія", Ржондковскаго — „Проектъ устава о векселяхъ

Digitized by Google

1882 года“ и „Проектъ основныхъ положеній фабричнаго устава“.— Сверхъ того, Общество приступило къ обсужденію проекта общей части уложенія о наказаніяхъ, препровожденнаго министерствомъ юстиціи по Высочайшему повелѣнію, а также приступило, по приглашенію того же министерства, къ разработкѣ вопросовъ, состоящихъ въ связи съ составленіемъ проекта гражданскаго уложенія. Съ февраля 1882 года при Обществѣ состояла временная статистическая коммиссія, которая, согласно утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія дополнительнымъ §§ устава Общества, преобразована, съ 22-го сентября, въ постоянное статистическое отдѣленіе при Юридическомъ Обществѣ. Бюро отдѣленія составляютъ предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь и помощникъ секретаря. Въ статистической коммиссіи и отдѣленіи доложены были слѣдующіе рефераты: И. Вернера — „О программѣ разработки свѣдѣній о фабрикахъ“, Саблина—„Статистика пожаровъ въ Москвѣ“, Гольцева — „Понятіе фабрики по иностранному и нашему законодательствамъ“, Каблукова — „Организація статистики посѣвовъ и урожаевъ“, К. Вернера — „Статистика подгороднаго хозяйства крестьянъ Московской губерніи“ и „Статистика частныхъ владѣльческихъ хозяйствъ“, Тимоѳеева—„Статистика четвертныхъ земель въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губерніи“, Чупрова — „О статистическихъ изслѣдованіяхъ В. М. Борисова въ Тульской губерніи“, Харизоменова — „О вліяніи домашней системы крупнаго производства на земледѣліе, привычки и семейный бытъ крестьянъ“ и „О значеніи домашней системы крупнаго производства“, Орлова—„О нѣкоторыхъ формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Самарской и Курской губерніяхъ“, Фортунатова—„О земледѣльческихъ работахъ Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки“, Ковалевскаго—„О поземельной политикѣ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ“.

Физико-медицинское Общество. Въ 1882 году общество это имѣло въ своемъ составѣ 20 почетныхъ членовъ, 87 дѣйствительныхъ и 56 членовъ-корреспондентовъ. Управленіе общества составляли предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, товарищъ секретаря, казначей и библіотекарь. Общество имѣло въ теченіе года 11 засѣданій, на которыхъ сдѣлали сообщенія: Бабухинъ — „О новыхъ изслѣдованіяхъ надъ электрическими органами рыбъ“, Гагманъ—„О косолапости“, Добронравовъ — „Объ операціи полнаго удаленія раковоперерожденной матки“, Захарьинъ—„О простудныхъ невритахъ въ ряду другихъ ревматическихъ заболѣваній“, Заборов-

Digitized by Google

скій и Зерновъ — „По поводу сообщенія о функціяхъ головнаго мозга", Каспари демонстрировалъ дѣвочку съ гемнатеторомъ, демонстрировалъ мозги, консервированные по способу Джіакоммини, сообщилъ о случаѣ meningitidis и говорилъ о С.-Готардской эпидеміи — анкилостомоанеміи, Парчевскій сообщилъ о случаѣ примѣненія оперативнаго леченія при воспаленіи околосердія, Соловьевъ два раза сообщалъ о случаяхъ производимой имъ раковоперерожденной матки, Остроглазовъ сообщилъ о смертности въ Москвѣ за 1881 годъ, Поспѣловъ сообщилъ случаи амилоида кожи, Снегиревъ разсуждалъ о вырѣзыванія раковоперерожденной матки и сообщилъ объ операціи искусственнаго безплодія, Сыромятниковъ сдѣлалъ сообщеніе о вырѣзываніи раковоперерожденной матки, Тольскій, Заборовскій и Филатовъ разсуждали по поводу случая (Каспари) meningitidis, Мороховецъ говорилъ о своей диссертаціи „О законахъ пищеваренія", Миноръ говорилъ о своихъ новыхъ изслѣдованіяхъ относительно функцій головнаго мозга у млекопитающихъ, Митрофановъ сообщилъ о своихъ работахъ надъ низшими паразитарными организмами крови, Хайновскій—о явленіи барометрическаго давленія на температуру крови у дѣтей.

———————

Digitized by Google

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

іюнь 1883 г.

I.

Нашъ учебный міръ занятъ теперь вопросомъ о положеніи учащейся молодежи въ виду проектируемаго закона объ обязательной воинской повинности. Вамъ извѣстно намѣреніе уничтожить право поступать вольноопредѣляющимся на одинъ годъ и учредить обязательное трехгодичное отбываніе воинской повинности для всѣхъ безъ исключенія. Очевидно, что проектъ такого рода угрожаетъ большою опасностью занятіямъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При нынѣ существующей системѣ, благодаря праву поступать вольноопредѣляющимся, молодые люди, готовящіе себя къ такъназываемымъ либеральнымъ профессіямъ и слушающіе университетскіе курсы, подлежатъ отбыванію воинской повинности только въ теченіе одного года. Обязать ихъ трехгодичнымъ срокомъ службы—значитъ ввести въ ихъ научныя занятія перерывъ, могущій отозваться весьма гибельно.

Общество высшаго преподаванія, о трудахъ и плодотворной дѣятельности котораго я уже сообщилъ вамъ, посвятило особое засѣданіе разсмотрѣнію этого вопроса; послѣ долгихъ преній оно представило предсѣдателю совѣта министровъ (онъ же и министръ народнаго просвѣщенія) Жюлю Ферри обширную записку, въ которой изложило свои желанія по этому предмету. Общество сильно настаиваетъ на томъ, чтобы молодые люди, слушающіе университетскіе курсы, подлежали только годичному сроку отбыванія воинской повинности: „Всѣ граждане", сказано въ этой запискѣ,—„одинаково несутъ обязанности относительно своего отечества, но обязанности ихъ не всѣ одинаковы. Распредѣленіе труда есть одно изъ условій обще-

Digitized by Google

ственнаго развитія". Право отбывать воинскую повинность въ теченіе одного только года, согласно выработанному обществомъ проекту, должно быть сохранено за молодыми людьми, готовящими себя къ извѣстнымъ профессіямъ; но съ перемѣной профессіи они перестаютъ пользоваться этою льготой. Съ другой стороны, весьма было бы возможно призывать такихъ молодыхъ людей на осенніе маневры, совпадающіе со временемъ университетскихъ вакацій. Наконецъ, ничто не мѣшаетъ дѣлать имъ даже еженедѣльныя ученія. Такого рода снисхожденіе можно было бы допускать—впрочемъ только въ мирное время: въ военное же всѣ должны быть призываемы подъ знамена. Общество для изученія вопросовъ высшаго преподаванія также высказалось предъ министромъ въ томъ же смыслѣ. Но правительство еще не выразило своего мнѣнія по этому поводу.

Сообщу вамъ объ одномъ нововведеніи по среднему образованію, необходимость котороаго, уже давно ощущалась. Два или три мѣсяца тому назадъ произошло сильное волненіе въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ, именно въ лицеѣ Людовика Великаго. Нѣкоторые изъ учениковъ старшихъ классовъ устроили баррикады въ спальняхъ, переломали мебель, и успокоились только послѣ вмѣшательства полиціи. Конечно, ихъ удалили изъ лицея, а нѣкоторые были совсѣмъ лишены права вступать въ какой-либо изъ французскихъ лицеевъ. По поводу этого происшествія много говорено было объ интернатѣ. Всѣ того мнѣнія, что интернатъ можетъ быть терпимъ лишь по крайней необходимости. Говорено было также о предстоящихъ реформахъ во внутренней дисциплинѣ лицеевъ. Министръ рѣшилъ согласно съ мнѣніемъ самыхъ компетентныхъ педагоговъ, что пора уничтожить карцеръ, служившій до сихъ поръ ultimo ratio для не повинующихся учениковъ. Не подчиняющіеся дисциплинѣ воспитанники лицея отнынѣ не будутъ подвергаться — какъ то было прежде—однодневному или многодневному заключенію въ карцерѣ, а просто будутъ отправляемы къ своимъ родителямъ. Любопытно знать, какое вліяніе окажетъ эта новая мѣра на духъ нашей молодежи. Изгнаніе изъ лицея считалось, какъ родителями, такъ и учащимися, самымъ ужаснымъ наказаніемъ. Въ сущности мѣра Ферри усиливаетъ дисциплину, но не смягчаетъ ея, какъ то кажется сначала.

Я сообщалъ вамъ недавно о прекрасныхъ мѣрахъ, принятыхъ для приведенія въ порядокъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, съ цѣлью дать публикѣ возможность пользоваться имъ, и для изданія въ

Digitized by Google

свѣтъ любопытнѣйшихъ документовъ оттуда. Къ сожалѣнію, не всѣ министерства слѣдуютъ этому хорошему примѣру. Такъ, архивъ военнаго министерства, находящійся въ весьма хорошемъ состояніи благодаря усердію Руссе, ученаго историка, писавшаго о Лувуа и о Крымской кампаніи, почти недоступенъ для публики: только самъ министръ можетъ дать разрѣшеніе ученымъ заниматься въ этомъ архивѣ, при чемъ требуется точное обозначеніе документовъ, нужныхъ для работы, да притомъ безъ особенной рекомендаціи нельзя получить и это разрѣшеніе. Это правило весьма стѣснительно для изслѣдователей. Именно при пересмотрѣ архивныхъ бумагъ и могутъ встрѣтиться документы, о существованіи которыхъ никто не подозрѣвалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ порядкѣ вещей министръ беретъ на себя отвѣтственность въ вопросахъ, въ которыхъ онъ можетъ быть и некомпетентенъ. Въ морскомъ министерствѣ дѣло поставлено еще хуже; тамъ нѣтъ не только описи, но самые документы не нумерованы не заштемпелеваны, и тамошнее архивное начальство противится всякому улучшенію печальнаго состоянія архива. Молодой ученый Фламмеріонъ обратилъ вниманіе на это злоупотребленіе своею брошюрой, надѣлавшею много шума въ ученомъ мірѣ. Брошюра озаглавлена такъ: „Кража автографовъ и архивъ морскаго министерства“ (Le Uol des autographes et les archives du ministère de la marine). Онъ доказалъ, что наидрагоцѣннѣйшіе документы ежедневно похищаются изъ архива морскаго министерства и перепродаются торговцамъ или уходятъ за границу. Фламмермонъ сдѣлалъ въ историческомъ кружкѣ (cercle historique) замѣчательное сообщеніе по этому поводу. Правительство встревожилось, и морской министръ назначилъ коммиссію для прекращенія этого зла. Въ коммиссіи этой засѣдаютъ моряки и ученые, напримѣръ, Мори, знаменитый директоръ національнаго архива. Надо надѣяться, что она положитъ конецъ печальному положенію дѣла. Въ послѣднемъ нумерѣ Полибибліона, извѣстный историкъ Вокуръ разказываетъ, что когда въ 1880 г. онъ работалъ въ морскомъ архивѣ, ему однажны подали дѣло какого-то каторжника вмѣсто послужнаго списка одного адмирала.

II.

Я уже писалъ вамъ о весьма замѣчательномъ „Путеводителѣ по Востоку“ (Греція и Турція), изданномъ въ свѣтъ докторомъ Изан-

Digitized by Google

беромъ. Этотъ ученый археологъ и географъ умеръ въ 1876 г., въ то время, когда дописывалъ второй томъ своего труда, заключающій въ себѣ Египетъ, Нубію и Абиссинію. Сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ протестантскій пасторъ Шове, самъ долго жившій на Востокѣ. Шове только что издалъ въ свѣтъ третій томъ „Путеводителя", заключающій въ себѣ Сирію, Палестину, Синай, Каменистую Аравію и Киликію (книга въ 900 стран. въ два столбца). Это сочиненіе принадлежитъ къ извѣстному собранію „Guides Johanne"; но никакъ не слѣдуетъ считать его за простой путеводитель. Это настоящая энциклопедія Востока, и въ ней не упущено ничто, касающееся религіи, исторіи, археологіи, географіи, геологіи, ботаники и т. д. Къ книгѣ приложено 4 карты и 62 плана; она стоитъ довольно дорого (35 франковъ), но за то замѣняетъ собою, можно сказать, цѣлую библіотеку. Путешественникъ, пускающійся въ тѣ далекія страны, найдетъ въ ней всѣ нужныя ему указанія, начиная со способа дѣлать слѣпки до совѣтовъ гигіеничсскихъ и врачебныхъ. Вообще, сочиненіе превосходное. Этому прекрасному собранію путеводителей по Востоку не достаетъ еще одного тома—о Малой Азіи, но онъ также, вѣроятно, будетъ изданъ. Томъ о Греціи и собственно Турціи вскорѣ будетъ напечатанъ вновь, при чемъ въ него войдутъ всѣ перемѣны, происшедшія на Балканскомъ полуостровѣ за послѣдніе десять лѣтъ.

Французовъ часто упрекали въ незнаніи географіи; теперь, мнѣ кажется, этотъ упрекъ былъ бы неумѣстенъ. Элизе Реклю только что окончилъ 8-й томъ своей монументальной „Географіи". Онъ посвященъ Индіи и Индо-Китаю. Реклю остается еще Средняя Азія, Африка, Америка и Океанія, но авторъ на столько свѣжъ (ему 53 года), что можетъ благополучно окончить свое колоссальное предпріятіе. Жоржъ Перро продолжаетъ съ меньшею настойчивостью свою превосходную „Исторію искусства въ древности". Второй томъ этого важнаго сочиненія, издаваемаго отдѣльными выпусками около 150 страницъ каждый, почти оконченъ. Въ него входятъ Халдея, Ассирія, Финикія. Англійскій и нѣмецкій переводы этой книги появляются одновременно въ Лондонѣ и въ Лейпцигѣ.

Особенно рекомендую ученымъ, желающимъ имѣть понятіе объ успѣхахъ французской науки, просмотрѣть каталогъ, недавно изданный книгопродавцемъ Леру (28 числа Bonaparte). Эта фирма, основанная десять лѣтъ тому назадъ, сдѣлалась однимъ изъ главныхъ нашихъ научныхъ центровъ и сильно конкурируетъ съ нѣмецкими издателями

Digitized by Google

въ Парижѣ, которые, казалось, иногда пользовались монополіей въ изданіи французскихъ ученыхъ сочиненій. Каталогъ въ 150 страницъ заключаетъ въ себѣ цѣлую библіотеку сочиненій, относящихся до исторіи, географіи, языкознанія и этнографіи. Онъ очень любопытенъ въ отношеніи изданій послѣднихъ лѣтъ и лучше всѣхъ каталоговъ, прежде у насъ появлявшихся.

Revue Archéologique перемѣнило издателя: оно издавалось въ теченіе многихъ лѣтъ академическимъ книжнымъ магазиномъ Дидье и теперь переходитъ въ другія руки, къ книгопродавцу Беру. Беръ объявилъ, что предпринимаетъ въ скоромъ времени изданіе энциклопедіи, въ составленіи которой примутъ участіе лучшіе изъ нашихъ ученыхъ, и въ которой будутъ изложены результаты всѣхъ новѣйшихъ научныхъ работъ.

Изъ новѣйшихъ сочиненій по французской исторіи наиболѣе любопытно сочиненіе Альберта Бабо: „Сельская жизнь въ старой Франціи" (La vie rurale dans l'ancienne France. Didier, in-8). Бабо уже написалъ двѣ прекрасныя книги о деревнѣ и городѣ при старомъ порядкѣ, онъ желалъ дать полную картину положенія крестьянъ въ дореволюціонной Франціи. Онъ старательно разыскивалъ не столько свидѣтельства историковъ и лѣтописцевъ, сколько подлинные документы юридическіе и административные, писанные не въ виду исторіи и потому вполнѣ безпристрастные; таковы, напримѣръ, инвентари, составленные по случаю смерти какого-нибудь крестьянина для раздѣла его имѣнія, духовныя завѣщанія и т. п.; такого рода инвентарей Бабо открылъ тысячи. Его розысканія касались преимущественно старой провинціи Шампаньи, гдѣ онъ живетъ, и которую отлично знаетъ. Изъ его изслѣдованій старинная сельская жизнь представляется совершенно иначе, чѣмъ принято представлять ее себѣ въ нынѣшнее время. Книга Бабо дѣлится на 14 главъ, и каждая изъ нихъ составляетъ превосходную монографію: 1, домъ; 2, движимость; 3, одежда; 4, разнощикъ; 5, пища; 6, довольство; 7, промыслы; 8, дворяне; 9, развлеченія; 10, посидѣлки; 11, семья; 12, характеръ; 13, религія; 14, образованіе. Въ цѣломъ это настоящая монографія о французскомъ крестьянинѣ XVII и XVIII вѣковъ. Немногія книги написаны такъ увлекательно и такъ поучительно.

Еженъ Ролланъ только что окончилъ свой шестой и послѣдній томъ „Французской народной фауны" (La Faune populaire de la France). Онъ посвященъ домашнимъ птицамъ и соколу. Статья о пѣтухѣ заняла 122 страницы. Этого факта довольно, чтобы судить о богатствѣ

содержанія этой книги. Томъ оканчивается общимъ указателемъ названій всѣхъ животныхъ, вошедшихъ въ сочиненіе: ихъ болѣе тысячи трехсотъ. Я думаю, что эта своеобразная энциклопедія не имѣетъ себѣ подобной ни въ одной литературѣ. Сборникъ произведеній по народной словесности всѣхъ національностей (Les litteratures populaires de toutes les nations) обогатился недавно новымъ томомъ—сборникомъ по устной словесности нижней Нормандіи, (La litterature orale de la basse Normandie Maison neuve, in-12) это трудъ Жана Флери; лектора французскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Не смотря на долголѣтнее пребываніе въ Россіи, Флери не забылъ свою родину. Собранныя имъ сказки, легенды, и пѣсни, положенныя на ноты, очень милы.

Въ той же серіи только что появились еще слѣдующія любопытныя книги „Гаргантуа въ народныхъ преданіяхъ" (Gargantua dans les traditions populaires)—Себильо; „Устная словестность Пикардіи"—Карнуа, „Устная словестность страны Басковъ"—Венсона и „Корсиканскія народныя сказки" — Ортоли. Всѣ эти книги—верхъ типографскаго искусства.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ о вновь основанномъ у насъ журналѣ: Среднее образованіе молодыхъ дѣвицъ (l'Enseignement secondaire des jeunes filles) Его издаетъ молодой издатель Серфъ. Подъ заглавіемъ „Новой иллюстрированной коллекціи". (Nouvelle collection illustrée онъ же предпринялъ издать цѣлую серію иллюстрированныхъ книгъ цѣною въ 1 р., и нѣкоторыя изъ нихъ, не смотря на скромную внѣшность, имѣютъ вполнѣ научныя достоинства. Такъ, изъ восьми или десяти уже напечатанныхъ книгъ этой коллекціи укажу, какъ на особенно достойныя вниманія, на книгу Ховелака — о человѣческихъ расахъ, Венсона — о Баскахъ и ихъ странѣ.

Оба ученые пользуются авторитетомъ въ языкознаніи и антропологіи, и данныя ими резюме превосходны. То же можно сказать о книгѣ Пижоно—о великихъ эпохахъ внѣшней торговли Франціи (Les grandes époques du commerce extérieur de la France). Это весьма полная исторія нашей средневѣковой торговли; такого сочиненія не доставало нашей литературѣ. Пижоно—профессоръ Сорбонны, и въ его трудѣ видны результаты его многолѣтнихъ изслѣдованій. Самыя иллюстраціи весьма любопытны; онѣ состоятъ исключительно изъ снимковъ печатей и подлинныхъ миніатюръ.

Вы знаете, какимъ авторитетомъ пользуется у насъ словарь Фран-

Digitized by Google

цузской академіи. Въ 1878 году я сообщалъ вамъ о его седьмомъ изданіи, внесшимъ серьезныя измѣненія въ наше правописаніе. Это изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ и стоитъ очень дорого. Фирма Фирмена Дидо только что издала этотъ словарь въ сокращеніи, въ видѣ одного тома въ 8-ю д. л., цѣною въ 12 фр. Это полезное изданіе имѣетъ прибавленіе въ 2000 или 3000 словъ, не вошедшихъ еще въ академическій словарь, и которые войдутъ, вѣроятно, въ его новое изданіе. Кромѣ того, сюда прибавленъ еще сокращенный географическій словарь. Въ виду практическаго употребленія французскаго языка это весьма полезная книга,

Политика отвлекаетъ у насъ множество профессоровъ отъ науки, и это отзывается на литературѣ; профессора говорятъ рѣчи въ палатахъ, дѣлаютъ доклады въ парламентскихъ коммиссіяхъ, но книгъ не пишутъ. Если у нихъ еще останется время, то они пишутъ статьи въ журналы и иногда соединяютъ ихъ въ томы. Такъ, напримѣръ, Мезьеръ, отличный профессоръ Сорбонны, уже два года тому назадъ покончившій съ преподаваніемъ, напечаталъ нѣсколько статей, которыя и соединилъ подъ заглавіемъ „Внѣ Франціи" (Hors de France, въ 12-ю д. л.). Статьи эти были напечатаны въ Temps и въ Revue des deux mondes; онѣ отличаются занимательностью и изящнымъ слогомъ, доставившимъ автору кресло во Французской академіи. Однѣ посвящены Италіи, другія Испаніи, Англіи и новѣйшей Греціи. Особенно важны статьи о Данте и о Флоренціи, этюдъ о лордѣ и леди Байронѣ и опытъ о значеніи греческой расы на Востокѣ. Альфредъ Мезьеръ — одинъ изъ старыхъ учениковъ нашей Аѳинской школы, онъ знаетъ Грековъ, такъ какъ жилъ среди ихъ, и мѣтко ихъ очерчиваетъ.

Почти въ одно время съ появленіемъ книги Мезьера Александръ Пей, преподаватель въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ, издалъ книгу озаглавленную „Нынѣшняя Германія" (L'Allemagne d'aujourdh'ui), заключающую въ себѣ пять этюдовъ о германскихъ дѣлахъ (начало дѣятельности Бисмарка; Бисмаркъ во Франціи; соціализмъ у Нѣмцевъ; Адель Шпицредеръ; соціалистическій романъ въ Германіи). Эти этюды написаны тоже занимательно и пріятно. Пей—Альзасецъ, и нельзя требовать отъ него большого безпристрастія относительно Германіи. Наша публика интересуется за-рейнскими сосѣдями, но сохраняетъ нѣкоторое злопамятство. Я уже говорилъ вамъ однажды о весьма серьезномъ трудѣ Боссерао Гёте и Шиллерѣ; это прекрасное сочиненіе вышло теперь вторымъ изданіемъ.

Digitized by Google

До сихъ поръ одинъ только Парижскій словесный факультетъ имѣетъ привилегію присуждать за диссертаціи докторское званіе. Это дурно въ томъ отношеніи, что провинціальные факультеты, будучи лишены, и притомъ несправедливо, этого права, впадаютъ въ какое-то бездѣйствіе, а между тѣмъ парижскіе профессора бываютъ буквально завалены работой. Я знаю, что одинъ профессоръ, мой пріятель, долженъ былъ въ продолженіе года прочитать въ рукописи шесть диссертацій, при чемъ страницъ въ каждой изъ нихъ было около 400. Лучшія изъ послѣднихъ диссертацій, защищавшихся въ словесномъ факультетѣ, суть слѣдующія: Жюля Леметра, профессора въ Безансонѣ,—о комедіи послѣ Мольера и о театрѣ Данкура (превосходный этюдъ о довольно не разработанномъ эпизодѣ нашей исторіи литературы); Ларруме—о Мариво, его жизни и произведеніяхъ по новымъ документамъ (хорошій трудъ о предметѣ, казавшемся почти исчерпаннымъ послѣ весьма любопытнаго сочиненія Жана Флери) и двѣ диссертаціи по философіи: вопервыхъ, „Теорія невѣдомаго и степени познанія"—Дерама (диссертація, заслужившая одобреніе Каро) и вовторыхъ, „Философская поэзія въ Греціи"—Гильома Бротона. Эта послѣдняя диссертація, разсматривающая творенія и ученіе Ксенофана, Парменида и Эмпедокла, очень любопытна съ точки зрѣнія литературной, но въ ней находятъ значительные недостатки, какъ въ сочиненіи философскомъ. Съ нѣкотораго времени Revue internationale de l'enseignement и Revue Critique даютъ подробные разборы важнѣйшихъ появляющихся у насъ диссертацій и сорбоннскихъ диспутовъ, на которыхъ онѣ были защищаемы.

Литература и образованіе на дняхъ понесли большую потерю въ лицѣ Е. Лабуле, профессора сравнительнаго законовѣдѣнія въ Collége de France, старѣйшаго изъ тамошнихъ преподавателей. Онъ родился въ 1811 г. и съ раннихъ лѣтъ предался изысканіямъ по сравнительному законовѣдѣнію. Въ 1839 году онъ напечаталъ „Исторію права поземельной собственности въ Европѣ, отъ Константина Великаго до XIX столѣтія", за что̀ былъ увѣнчанъ преміей академіи надписей и изящной словесности; потомъ написалъ опытъ о жизни и произведеніяхъ нѣмецкаго юрисконсула Савиньи (1842 г.), изысканія о гражданскомъ и государственномъ положеніи женщинъ (1843 г.), опытъ объ уголовныхъ законахъ Римлянъ (1845 г.) и съ этого года сдѣлался членомъ академіи, а въ 1849 году занялъ каѳедру сравнительнаго законовѣдѣнія въ Collége de France. Со времени учрежденія республики онъ

Digitized by Google

былъ послѣдовательно депутатомъ и сенаторомъ, и часто говорилъ съ трибуны о вопросахъ народнаго образованія. Во время имперіи онъ писалъ политическіе романы (Paris en Amérique; le prince Caniche), имѣвшіе тогда огромный успѣхъ. Одно изъ лучшихъ его сочиненій это „Политическая исторія Соединенныхъ Штатовъ". Въ послѣдніе годы онъ издалъ важное сочиненіе о Монтескье. Долго сотрудничалъ онъ въ Journal des Débats; былъ занимательнымъ собесѣдникомъ и превосходнымъ профессоромъ. Одинъ изъ его сыновей былъ нѣсколько лѣтъ секретаремъ посольства въ Петербургѣ. Въ сенатѣ Лабуле былъ докладчикомъ закона о свободѣ высшаго преподаванія, въ силу котораго учреждены были во Франціи католическіе факультеты.

Почти въ одно время съ Лабуле умеръ человѣкъ, написавшій нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій по народному образованію: это—Гиппо, старый профессоръ словеснаго факультета въ Страсбургѣ и Канѣ. Гиппо много печаталъ о старой французской литературѣ и исторіи Нормандіи. Онъ былъ посылаемъ въ разное время изучать состояніе народнаго образованія въ разныхъ странахъ, именно въ Англію и въ Соединенные Штаты. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по улучшенію средняго образованія молодыхъ дѣвицъ въ Парижѣ, напечаталъ множество сочиненій о народномъ образованіи въ Италіи, Германіи, Россіи, Норвегіи и т. д. Его жена написала также нѣсколько сочиненій для молодыхъ дѣвицъ.

Л. Л—ръ.

Digitized by Google

Digitized by Google

CAESARI AUGUSTISSIMO, JUSTISSIMO

CLEMENTISSIMO

ALEXANDRO TERTIO

RUSSORUM OMNIUM IMPERATORI

ad diem, quo sanctam maiorum coronam

CAPITI IMPOSUIT

HOC CARMEN DEDICAVIT

Carolus Cossmann

linguae latinae in gymnasio Saratoviensi magister.

....

Jam dies illuxit et hora sacra
Fervidis vasti precibus petita
Imperi, cum templa Dei patebunt
Omnipotentis,

In quibus nardo caput unguet illo
Pontifex illustre Tuum atque amatae
Coniugis sacrum caput. En per omnes
Laetitia ingens

Panditur gentes, simulac corona,
Caesar Illustris, tegeris, tegetque
Coniugem caram decorans corona
Imperialis.

Digitized by Google

Laetis intersis populo colenti
Te pia mente, atque per omne tempus
Te favor fati comitetur, omnis
gloria lausque

Te iuvet, sive hostis atrox minatur
Russiae sanctae male fraudulentus
Finibus, sive imperium fatigat
impia turba.

O Deus, qui cuncta regis, tuere
Caesarem Augustum, bene cedat omne
Quod facit, serva teneram per aevum
Caesaris almam

Coniugem, gentum decus, ornamentum
Dulce, mittaturque salus per omne
Tempus in cunctam sobolem potentis
Principis. Amen.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ VERG. BUCOL. ECL. III, V. 109 SQ.

Одно изъ самыхъ затруднительныхъ въ критическомъ и экзегетическомъ отношеніяхъ мѣстъ въ буколикахъ Вергилія составляетъ конецъ 3-й эклоги, именно ст. 109 и 110, дошедшіе до насъ въ рукописномъ преданіи очевидно въ испорченномъ видѣ. Порча упомянутыхъ стиховъ относится, безъ сомнѣнія, къ глубокой древности, такъ какъ уже Сервій, какъ видно изъ его примѣчанія къ нимъ, имѣлъ подъ руками текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился до насъ въ большинствѣ рукописей, легшихъ въ основаніе нашей вульгаты.

Поэтому не удивительно, что ученые, не заподозривавшіе вѣрности преданія, должны были употребить много труда, чтобъ отыскать смыслъ въ испорченномъ текстѣ, и что, съ другой стороны, сдѣлано было не мало попытокъ исправить послѣдній. До сихъ поръ однако, какъ видно изъ заявленій ученыхъ, не удавалось ни то, ни другое, такъ что нѣкоторые филологи не прочь прибѣгнуть къ самому радикальному въ критикѣ средству, именно—выбросить эти два стиха изъ текста въ качествѣ versus spurii. Но противъ этого справедливо возстаютъ другіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ, то-есть, безъ упомянутыхъ двухъ стиховъ, эклога оканчивалась бы нескладно. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что выдающимся ученымъ до сихъ поръ не удалось разрѣшить занимающій насъ вопросъ, и сознавая всю трудность этой задачи, мы не безъ робости рѣшаемся представить на судъ спеціалистовъ свою попытку исправить по нашему убѣжденію испорченный текстъ упомянутыхъ стиховъ и дать имъ удовлетворительное объясненіе. Поэтому мы прежде всего подвергнемъ критическому разбору толкованія и конъектуры нашихъ предшественниковъ;

Digitized by Google

этимъ путемъ мы надѣемся болѣе разъяснить вопросъ и доказать основательность нашей конъектуры.

Вотъ занимающее насъ мѣсто по рукописному преданію:

Pal. Non nostrum inter vos tantas componere litis.
v. 109 Et vitula tu dignus et hic et quisquis amores
v. 110 Aut metuet (v. l. metuat) dulcis, aut experietur
(v. l. experiatur) amaros.
Claudite iam rivos, pueri, sat prata biberunt.

Сервій толкуетъ: „Et tu et hic digni estis vitula et quicunque similis vestri est". Значитъ: корову (призъ состязанія двухъ пастуховъ въ пѣніи) заслуживаютъ оба пѣвца и всякій, кто похожъ на нихъ, собственно: на того или другаго изъ нихъ (aut—aut).

Спрашивается: въ какомъ отношеніи разумѣется здѣсь сходство? Вытекающій изъ текста отвѣтъ слѣдующій: всякій, кто или будетъ бояться, опасаться сладостей любви, или испытаетъ ея горечь. Для основательности такого толкованія, еслибы вообще можно было допустить его, требовалось бы во всякомъ случаѣ, чтобъ одинъ изъ пастуховъ въ нашей эклогѣ проявилъ, если не страхъ, то хоть осторожность по отношенію къ сладостямъ любви, а другой являлся бы несчастнымъ въ любви. Послѣднее, правда, можно примѣнить къ Меналькѣ, который испытываетъ горькое чувство ревности (v. 3 sqq.), послужившей поводомъ къ перебранкѣ, а затѣмъ и къ состязанію между нимъ и Дамэтой, но сказать про послѣдняго, что онъ благоразумно избѣгалъ сладостей любви, мѣшаетъ многое въ нашей эклогѣ, между прочимъ v. 76 sq.

Dam. Phyllida mitte mihi; meus est natalis, Iolla;
Cum faciam vitula pro frugibus, ipse venito.

Кромѣ того, „vitula" представляетъ вѣдь награду не за скромность или несчастіе въ любви, а за побѣду въ пѣніи! Такимъ образомъ толкованіе Сервія оказывается несостоятельнымъ.

Новѣйшіе толкователи этого труднаго мѣста раздѣлились на два лагеря: одни, по примѣру Сервія, соединяютъ слова et quisquis amores et q. s. въ качествѣ перифрастическаго подлежащаго съ сказуемымъ „dignus" (то-есть, et tu vitula dignus et hic et quisquis amores et q. s.), и не измѣняя текста, стараются объяснить его, что̀, конечно, не возможно безъ натяжекъ. Притомъ они въ сущности повторяютъ толкованіе Сервія, только модифицируя его, но крайне неудачно. Вѣдь нельзя же съ Яномъ (J. Chr. Jahn) принимать выраженіе „metuere dulcis amores" и „experiri amaros" въ значеніи „canere dulcedinem et ama-

Digitized by Google

ritudinem amoris" и еще менѣе съ прибавкой „praeclare", которой во всякомъ случаѣ требовалъ бы здравый смыслъ при допущеніи слѣдующаго толкованія: „И ты заслуживаешь телку, и твой соперникъ, и всякій, кто воспѣваетъ или сладость, или горечь любви". Награда вѣдь дается за поэтическое достоинство пѣсни, а не просто за ея сюжетъ.

Конингтонъ (Conington, P. Vergilii Maronis Opera, London, 1872, vol. I., p. 47) даетъ нашему мѣсту два объясненія, которыя въ сущности сводятся къ одному, притомъ весьма похожему на Яновское. Вотъ его примѣчанія въ русскомъ переводѣ: „Смыслъ (этого мѣста) безъ сомнѣнія такой, какъ опредѣляетъ его Сервій: et tu et hic digni estis vitula et quisquis similis vestri est, то-есть, всякій, кто въ состояніи чувствовать любовь такъ, какъ вы показали по отношенію къ тревогѣ, неразлучной съ счастіемъ любви и страданіями разочарованія".

Спрашивается: гдѣ наши пастухи показали, что они испытываютъ тревогу, неразлучную со счастьемъ любви? Вообще въ нашей эклогѣ до начала состязанія между Дамэтой и Меналькой, только послѣдній отмѣченъ со стороны любви, а именно какъ человѣкъ ревнивый (v. 3 sqq. и v. 12 sqq.) и падкій до любовныхъ похожденій, о чемъ можно заключить изъ двухъ случаевъ его ревности, и кромѣ того, изъ упрека, дѣлаемаго ему Дамэтой (v. 8 sq.). Въ самомъ же carmen amoebaeum пастухи поютъ про свои любовныя отношенія, представляющія собою amores dulces (vv. 64—71, 76—79, 83) и намеки на amores amaros (v. 72 sq. 76 sq. 81, 107), но во всей эклогѣ нигдѣ вообще не выставляется metus amorum dulcium. Кромѣ того, развѣ „metuere dulcis amores" значитъ испытывать (чувствовать) тревогу, неразлучную со счастьемъ любви?

Но Конингтонъ продолжаетъ: „Дѣйствіе (то-есть, metuere и experiri), должно быть употреблено тутъ вмѣсто прославленія (воспѣванія) дѣйствія, какъ въ экл. 6, v. 62 и 9, v. 19. (собственно 20). Значитъ, опять невозможное „metuere dulcis amores" pro „canere dulcedinem amoris" (слѣдовало бы сказать хоть: pro „canere metum dulcium amorum"). Кромѣ того, стихи, на которые ссылается Конингтонъ, и къ которымъ слѣдовало бы прибавить еще 6-й, 46-й, ничего не доказываютъ. Въ нихъ, правда, по крайней мѣрѣ въ 6-мъ, 46-мъ и 6-мъ, 62-мъ, приводится дѣйствіе вмѣсто разказа (пѣнія) о дѣйствіи, но нельзя упускать изъ виду, что этотъ поэтическій пріемъ отмѣченъ самимъ поэтомъ чрезъ употребленіе въ предшествующемъ глаголовъ narrandi; такъ 46-му

стиху 6-й эклоги предшествуютъ выраженія „refert" (v. 42) и „adjungit" (v. 43); точно также и въ 61-мъ стихѣ сказано:

tum c a n i t Hesperidum miratam mala puellam

и затѣмъ уже:

tum Phaëthontiadas musco c i r c u m d a t amarae corticis et q. s.

Не иначе обстоитъ дѣло и съ ст. 20-мъ эклоги 9-й, гдѣ мы читаемъ:

v. 19. Quis c a n e r e t Nymphas? quis humum florentibus herbis
S p a r g e r e t aut viridi fontis induceret umbra?

Къ этому неудачному толкованію Конингтонъ присоединяетъ другое, не болѣе удачное, такъ какъ оно въ сущности совпадаетъ съ первымъ: „Или Палемонъ", говоритъ Конингтонъ,—„пожалуй, хочетъ сказать, что любовникъ то же самое, что поэтъ, какъ въ vv. 88, 89—поклонникъ, по видимому, равняется поэту". По этому поводу мы должны замѣтить, что въ стихахъ, на которые ссылается Конингтонъ, рѣчь идетъ о поклонникѣ Азинія Полліона вообще, коему Дамэта желаетъ достичь той цѣли, которой и достигъ Полліонъ. Что, однако, Вергилій имѣлъ въ виду поклонниковъ литературнаго (поэтическаго) таланта Полліона, видно изъ v. 90, гдѣ Менальк въ отвѣтъ Дамэтѣ поетъ:

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi.

Такимъ образомъ, „amare Pollionem", правда, въ данномъ мѣстѣ значитъ „amare carmina Pollionis", но никакъ не „carminibus celebrare Pollionem" и еще менѣе просто „carmina facere".

Что тотъ, qui amat Pollionem, или carmina Pollionis, можетъ и самъ carmina facere, какъ Полліонъ, который amat nostram, quamvis est rustica, Musam (v. 84) et ipse facit nova carmina (v. 86),—это вполнѣ понятно, но въ разбираемыхъ нами стихахъ этого не сказано. Мы, однако, вполнѣ согласны, что выраженіе „veniat, quo te quoque (scil. venisse) gaudet" (v. 88) можно весьма удобно толковать въ смыслѣ литературной славы, достигнутой Полліономъ къ удовольствію его поклонника; это лучшее толкованіе этого тоже не легкаго мѣста; но тутъ вѣдь все-таки высказывается только п о ж е л а н і е поклоннику Полліона достичь такой же литературной извѣстности, какой достигъ послѣдній, другими словами — сдѣлаться замѣчательнымъ поэтомъ. Значитъ, поклонникъ Полліона не отожествляется съ поэтомъ, а, п р е д п о л а г а я, что онъ поэтъ, Вергилій устами Дамэты желаетъ ему успѣховъ, подобныхъ успѣхамъ самаго Полліона. Но если мы

Digitized by Google

и имѣемъ возможность, благодаря контексту, въ поклонникѣ Поллiона предполагать поэта, даже самаго Вергилiя, то ничто не даетъ намъ права отожествлять съ поэтомъ всякаго, qui aut amores metuet dulces, aut experietur amaros. Однако, объясненiе занимающаго насъ мѣста, даже и при допущенiи такой возможности, ничего не выигрываетъ, такъ какъ въ концѣ концовъ, не смотря на натяжки, получается опять неудовлетворительная мысль: „телку заслуживаешь и ты, и твой соперникъ, и всякiй пѣвецъ (поэтъ) тревоги, неразлучной съ счастьемъ любви,—или страданiй разочарованiя“ (по Конингтону): мысль, отвергнутая нами уже за неточность передачи подлинника и за внутреннюю несостоятельность.

Въ концѣ своего примѣчанiя Конингтонъ, однако, совершенно справедливо замѣчаетъ, что ни одна изъ предложенныхъ поправокъ рукописнаго преданiя не улучшаетъ этого труднаго мѣста.

Разсмотримъ теперь толкованiя двухъ ученыхъ, вводящихъ поправки въ текстъ: одно изъ нихъ относится къ первой, только что нами разсмотрѣнной категорiи, а другое составляетъ, такъ-сказать, переходъ ко второй, о которой рѣчь еще впереди.

Первое принадлежитъ Эберту, который читаетъ:

et vitula tu dignus et hic et quisquis amaros
aut metuet, dulcis aut experietur amores.

Тутъ остается только спросить: кто не имѣетъ права на телку, если ее заслуживаетъ всякiй, кто или будетъ бояться горькой любви, или испытаетъ сладкую любовь. Ради такой мысли не стоитъ измѣнять рукописнаго преданiя, дающаго во всякомъ случаѣ смыслъ относительно болѣе удовлетворительный, по которому [1]) Палемонъ присуждаетъ телку однимъ въ награду за благоразумную осторожность, другимъ—въ видѣ утѣшенiя въ несчастной любви.

Другой ученый, Дэрингъ (Doering), читаетъ занимающiе насъ стихи такъ:

et vitula tu dignus et hic. ita (или sic) quisquis amores
aut metuat dulcis, aut experiatur amaros,

и толкуетъ: „такъ (какъ вы) пусть всякiй воспѣваетъ тревогу любви счастливой и огорченiя несчастной“.

Отвергнуть это толкованiе мы должны по тѣмъ же причинамъ, по которымъ мы не могли согласиться съ толкованiями Яна и Ко-

---

[1]) Если не мудрствовать при толкованiи рукописнаго преданiя.

Digitized by Google

нингтона, и кромѣ того, еще потому, что quisquis значитъ „всякій, кто", а не „всякій" (quisque); см. объ этомъ Kühner, Ausführl. Gramm. der lat. Spr. I. p. 405 sq. и изд. Форбигера, примѣч. къ v. 109.

Перейдемъ теперь ко второй категоріи толкователей нашего мѣста. Они, оставляя въ сторонѣ приведенное нами замѣчаніе Сервія, начинають со словъ: et quisquis amores et q. s. новое предложеніе, при чемъ одни останавливаются на объясненіи рукописнаго преданія съ его варіантами, а другіе прибѣгають къ конъектурамъ. Первые грѣшатъ въ томъ, что принимаютъ „quisquis" въ значеніи „quisque", чего, какъ уже замѣчено, допустить нельзя; поэтому ихъ толкованія въ настоящее время почти всѣми отвергнуты. Нужно, однако, сказать, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ толкованій вѣрно опредѣлили смыслъ разбираемаго нами мѣста.

Такъ, Фоссъ (J. H. Voss, P. Virgilii Maronis Bucolicon Eclogae decem, Altona, 1797, томъ I, стр. 104) читаетъ наше мѣсто такъ:

Et vitula tu dignus et hic. At quisquis amores
Aut metuat dulcis, aut experietur amaros,

и на стр. 155 замѣчаетъ: „Затѣмъ разумный скотникъ (Палемонъ), человѣкъ пожилой, даетъ юношамъ, пѣніе которыхъ началось съ любви v. 64 — 83 и кончилось любовью v. 100 — 107 [1]) серіозный совѣтъ въ видѣ общей сентенціи, именно: Однако пусть всякій, кто бы онъ ни былъ, опасается (не довѣряетъ) сладкой любви,— или онъ испытаетъ ея горечь. Вергиліево at переписчики исказили въ et и metuat почти всѣ въ metuet, потому что они, введенные въ заблужденіе новѣйшимъ (sic) значеніемъ слова quisquis, ожидали продолженія приговора: телку заслуживаетъ и всякій, кто или будетъ избѣгать сладостей любви, или испытаетъ ея горечь. На нелѣпость и натяжку этого продолженія приговора они не обращали вниманія. Однако въ медицейской рукописи и нѣкоторыхъ другихъ сохранилось чтеніе metuat съ слѣдующимъ затѣмъ experietur". Далѣе Фоссъ доказываетъ возможность употребленія quisquis вмѣсто quisque, предполагая при quisquis опущеніе est,—значитъ: quisquis metuat=quisque metuat, quisquis est. Но съ этимъ, какъ уже было сказано, нельзя согласиться. Замѣтимъ еще, что Фоссъ вѣрно отмѣтилъ причину возможнаго и вѣроятнаго искаженія подлиннаго at въ et.

[1]) Лучше было бы сказать: къ состязанію которыхъ поводомъ послужила любовь, а именно: amaritudo, aegritudo amoris, см. v. 3 s.

Digitized by Google

Точно также объясняетъ наше мѣсто Боте (Bothe, Virgilius Virgilianus, p. 7.): „Палемонъ, похваливъ юношей, воспѣвшихъ любовь, высказываетъ самъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, говоря, что необходимо съ недовѣріемъ относиться къ сладостямъ любви всякому, кто не желаетъ испытать ея горечи". Боте, однако, не прибѣгаетъ къ варіанту „metuat", а считаетъ futurum употребленнымъ вмѣсто imperativus.

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя другія толкованія, въ которыхъ quisquis принимается въ значеніи quisque, перейдемъ къ конъектурамъ и толкованіямъ, при которыхъ quisquis сохраняетъ свое настоящее значеніе.

Вагнеръ (G. P. E. Wagner), извѣстный издатель Вергиліевыхъ произведеній (Lips. 1830—41), предлагаетъ такое чтеніе:

> Et vitula tu dignus et hic. Et quisquis amores
> haut metuet, dulces aut experietur amaros.

Слова „et quisquis et q. s." онъ также считаетъ мудрымъ изрѣченіемъ Палемона въ назиданіе молодымъ пастухамъ: „Да, всякій, кто не будетъ избѣгать любви, испытаетъ или ея сладость, или ея горечь". При этомъ Вагнеръ силится доказать возможность предлагаемой имъ разстановки словъ и употребленія простаго aut вмѣсто двойнаго, то-есть, „dulcis aut experietur amaros" вмѣсто „experietur aut dulcis, aut amaros" (scil. amores). Но спрашивается: стоитъ ли такихъ трудовъ столь безсодержательная мысль? Чтò же еще, кромѣ сладости или горечи въ любви, можетъ испытать человѣкъ, не опасающійся (по Вагнеру: не избѣгающій) ея? Само собою разумѣется, что ничего болѣе. Такой мысли, слѣдовательно, можно было и не высказывать, тѣмъ болѣе, что трудно рѣшить, чтò хотѣлъ Палемонъ этимъ сказать. Вѣдь если онъ хотѣлъ внушить нашимъ пастухамъ бòльшую смѣлость по отношенію къ любви, то зачѣмъ ему было упоминать объ „amari amores" наравнѣ съ „dulces amores"? А если онъ желалъ склонить ихъ къ большей осторожности или даже къ воздержанію, то онъ не могъ выставлять на видъ одинаковую возможность испытать въ любви, какъ пріятное, такъ и непріятное. Это по меньшей мѣрѣ наивный пріемъ увѣщанія. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, бояться любви, если, не боясь ея, мы имѣемъ столько же шансовъ испытать ея сладости, сколько и горечи?

Болѣе удачно на первый взглядъ исправленіе и связанное съ

Digitized by Google

нимъ толкованіе нашего мѣста, принадлежащее Гразеру (Graser), который читаетъ:

....Et quisquis amores
Haut metuet dulces haut experietur amaros.

Это чтеніе принято Форбигеромъ (3-е и 4-е изд.) и Ладевигомъ (см. однако ниже). По толкованію Форбигера, тутъ выражена слѣдующая мысль: „кто не боится сладкой любви, то-есть, кто не робокъ въ любви, но смѣло приближается къ любимой дѣвушкѣ, тотъ не испытаетъ горечи любви, но будетъ наслаждаться любовію счастливою". Тутъ, однако, мы должны прежде всего возстать противъ такого толкованія, даже еслибы можно было одобрить предложенное Гразеромъ чтеніе. Судя по словамъ Форбигера: „qui non metuit dulcem amorem, i. e. qui non timidus est in amore, sed audacter puellam amatam aggreditur", прилагательное dulces при существительномъ amores принимается за epitheton ornans, чему, однако, въ текстѣ препятствуетъ разстановка словъ, выдвигающая понятіе dulces и amaros, какъ opposita на первый планъ; поэтому „amores haud metuere dulces" не можетъ равняться выраженію „non timidum esse in amore" или „audacter aggredi puellam amatam", но „amores dulces = ea quae dulcia sunt in amore = amoris dulcedines = voluptates amoris", точно также, какъ „amores amari = ea quae amara sunt in amore = amaritudines = aegritudines amoris". Сообразно съ этимъ слѣдовало бы переводить: „кто не будетъ опасаться сладостей любви, тотъ не испытаетъ ея горечи". Эта мысль, вытекающая изъ чтенія Гразера, правда, нѣсколько странна и противорѣчитъ, по видимому, житейской мудрости и общему опыту; но Палемонъ вѣдь могъ не играть роли моралиста, а могъ высказать такую мысль, какъ личное мнѣніе, основанное на частномъ опытѣ, если онъ только нашелъ поводъ къ этому въ качествѣ судьи между Менолькой и Дамэтой. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ объ умѣстности и цѣлесообразности ея въ нашей эклогѣ.

Поводомъ къ такому замѣчанію Палемона могла послужить только или робость въ отношеніи къ сладостямъ любви, выказанная кѣмъ-нибудь изъ нашихъ пастуховъ, или хоть затронутая ими въ ихъ состязаніи и имѣвшая непріятныя послѣдствія,—или наоборотъ, смѣлость, избавившая кого-либо отъ горькаго опыта въ любви. Къ сожалѣнію, въ нашей эклогѣ мы не находимъ ничего подобнаго. Ни про Менальку, ни про Дамэту, ни даже про отсутствующаго Эгона нельзя сказать, чтобъ они относились съ опасеніемъ, осторожностью

Digitized by Google

или робостью къ сладостямъ любви; Менальна даже черезчуръ гонится за сладостями любви, но это ничуть не спасаетъ его отъ amari amores, — напротивъ, онъ отъ этого страдаетъ, его мучаетъ ревность, и эта-то aegritudo, это-то горькое чувство въ любви и послужило поводомъ къ перебранкѣ между нимъ и Дамэтой, отъ котораго онъ долженъ былъ выслушать нѣсколько горькихъ истинъ, свидѣтельствующихъ отнюдь не о его робкомъ отношеніи къ сладостямъ любви (см. vv. 8 sq. и 12 sqq.). Такимъ образомъ оказывается, что на дѣлѣ (въ эклогѣ) отношеніе между „metuere amores dulces" и „experiri amaros" діаметрально противоположно тому, въ какое приводитъ эти два понятія по Гразеру Палемонъ въ своемъ замѣчаніи. Заключается ли въ словахъ Палемона просто обобщеніе даннаго частнаго случая, или замѣчаніе по адресу Менальки и Дамэты, — во всякомъ случаѣ въ виду содержанія эклоги Палемону слѣдовало сказать: „et quisquis amores metuet dulcis, haut experietur amaros" или что-нибудь въ этомъ родѣ. Поэтому Ладевигъ, хотя и принялъ въ своемъ изданіи разсматриваемое нами чтеніе Гразера (впрочемъ, съ ненужною конъектурой Риббека „temnet" вмѣсто „metuet"), совершенно справедливо замѣчаетъ (Anhang, p. 188), что добытый такимъ образомъ смыслъ кажется ему не подходящимъ. Но его собственное примѣчаніе къ данному мѣсту, будто Палемонъ высказываетъ, что его болѣе всего занимала эротическая часть состязанія пастуховъ, не совсѣмъ понятно уже потому, что содержаніе состязанія нашихъ пастуховъ не представляетъ повода именно къ такому замѣчанію. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ видѣть намекъ на „metuere amores dulces" и связанное съ нимъ „experiri amaros" даже въ стихахъ 74-мъ и слѣдующемъ, представляющихъ собою требуемое въ versus alterni усиленіе мысли, высказанной Дамэтой въ предыдущемъ двустишіи, именно: „Галатея говоритъ мнѣ часто пріятныя рѣчи, но до осуществленія ихъ еще далеко". Однако, за Дамэтой, очевидно, дѣло не стало. На это Менальна отвѣчаетъ: „Аминта любитъ меня въ душѣ, но для меня мало стеречь его сѣти во время охоты". Менальна желаетъ, очевидно, того же, чего желаетъ Сульпиція у Тибулла IV, 3, 15 sq.

Изъ всего сказаннаго видно, что принять конъектуру Гразера трудно, такъ какъ получаемый отъ нея смыслъ разбираемаго нами мѣста не имѣетъ опоры въ содержаніи эклоги и не подходитъ къ нему.

Противъ конъектуры Гразера, принятой Форбигеромъ, вооружается

Digitized by Google

и Каппесъ въ своемъ изданіи (Anhang, p. 152), находя, что въ словахъ „et quisquis amores haud metuet (temnet) dulcis, haud experietur amaros“ заключается почти тавтологія. Съ нимъ мы не согласны, такъ какъ тавтологія заключается лишь въ его не совсѣмъ правильномъ переводѣ этихъ словъ, но не въ латинскомъ текстѣ. Однако, мы раздѣляемъ недоумѣніе Каппеса на счетъ того, что̀ испытаетъ тотъ, qui metuet amores dulcis? Нельзя же сказать, что „amores amaros“, а между тѣмъ логика требуетъ этого отвѣта, такъ какъ именно во избѣжаніе „amores amari“ требуется въ (чтеніи Гразера) смѣлое отношеніе къ сладостямъ любви. Поэтому Каппесъ возвращается опять къ рукописному преданію съ интерпункціей и толкованіемъ Боте (см. выше), находя его заслуживающимъ предпочтенія передъ предложенными поправками, хотя и не абсолютно удовлетворительнымъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ почти всѣ толкованія [1]) занимающихъ насъ стиховъ съ конъектурами и безъ оныхъ, мы должны придти къ заключенію, что только Фоссъ и Боте, а гораздо ранѣе ихъ Асцензій (Ascensius, см. Voss, l. c.), вѣрно опредѣлили смыслъ этого труднаго мѣста. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно было бы согласиться съ упомянутымъ выше ихъ объясненіемъ (см. Kappes) значенія слова „quisquis“, чѣмъ отказаться отъ ихъ толкованія въ пользу какого-нибудь изъ приведенныхъ нами чтеній и объясненій другихъ ученыхъ. Посмотримъ, однако, нельзя ли возстановить требуемый смыслъ словъ Палемона, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ.

Рукописное преданіе занимающаго насъ мѣста, какъ мы видѣли, не даетъ удовлетворительнаго смысла, если не прибѣгать къ разнымъ филологическимъ ухищреніямъ; его варіанты (metuat — experietur; metuat experiatur) — очевидно не простыя описки—доказываютъ, что неудовлетворительность преданія уже давно сознавалась; ее подтверждаютъ и многочисленныя новѣйшія попытки исправить текстъ. Эти попытки, однако, оказываются неудачными; поэтому не остается ничего другаго, какъ продолжать ихъ до тѣхъ поръ, пока не найдено будетъ вполнѣ удовлетворительное чтеніе. Если всмотрѣться внимательно въ словесный составъ нашихъ стиховъ, то мы увидимъ, что слово „quisquis“ безъ нарушенія размѣра не можетъ быть замѣнено ничѣмъ, что̀ дало бы удовлетворительный смыслъ

[1]) О нѣкоторыхъ мы не упомянули по причинѣ ихъ очевидной неудовлетворительности.

Digitized by Google

фразѣ (сравн. quisque, требуемое толкованіемъ Асцензія, Фосса, Бóте, Каппеса); выраженія „amores dulcis" и „amaros", составляя противоположности, являются на столько существенными и естественными факторами мысли, что въ нихъ не можетъ заключаться порча текста. То же самое можно сказать и о глаголахъ „metuere" и „experiri" въ связи съ ихъ объектами: „metuere amores dulcis" и „experiri amaros"; формы же ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ гарантированы размѣромъ. Остаются только слова „aut-aut" которыхъ могла коснуться порча, и въ которыхъ она должна заключаться. Послѣ этихъ, кажется, вполнѣ правильныхъ соображеній наша задача заключается въ томъ, чтобъ отыскать тѣ подлинныя слова, которыя, очевидно, вытѣснены испорченнымъ „aut-aut". Если приведемъ выраженіе „metuere amores dulcis" въ соотношеніе съ выраженіемъ „experiri amaros", то здравый смыслъ подскажетъ намъ отрицаніе при послѣднемъ (metuo [1]) amores dulcis — non (haut) experior amaros), такъ какъ „non (haut) experiri amores amaros" есть естественное слѣдствіе перваго, то-есть, „metuere amores dulces". Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ разбираемомъ нами мѣстѣ положительному „quisquis amores metuet dulces" соотвѣтствовало первоначально отрицательное „h a u t experietur amaros". Съ случайнаго и нерѣдкаго въ рукописяхъ искаженія этого h a u t въ a u t, по нашему убѣжденію, и началась порча текста, вызвавшая затѣмъ уже намѣренное измѣненіе односложнаго словечка, предшествовавшаго формѣ m e t u a t, въ a u t. Для какого-нибудь мало думающаго переписчика или даже грамматика, конечно, гораздо легче было передѣлать подлинное словечко передъ m e t u a t въ a u t ради слѣдующаго ошибочнаго a u t, чѣмъ исправить это послѣднее и возстановить подлинное h a u t. Теперь спрашивается: какое словечко передъ m e t u e t было вытѣснено этимъ новымъ a u t? Очевидно, какое-нибудь односложное нарѣчіе, модифицировавшее понятіе, заключающееся въ m e t u e t. Какого, однако, опредѣленія понятія „metuere" можетъ требовать, или какое допускаетъ въ данномъ мѣстѣ здравый смыслъ? Очевидно — степени. Суживъ мало по малу кругъ возможныхъ догадокъ до крайнихъ предѣловъ, мы теперь легко можемъ отыскать требуемое словечко. Мы не можемъ считать случайнымъ и невозможнымъ для рѣшенія даннаго вопроса то обстоятельство, что изъ всѣхъ нарѣчій степени, какъ по значенію, такъ и по звуковому составу, къ разбираемому

---

[1]) См. синонимики.

Digitized by Google

стиху вполнѣ подходитъ одно только нарѣчіе „sat“. Въ добавокъ оно и палеографически весьма близко къ aut, и это-то обстоятельство могло подкрѣпить мнѣнія переписчика, соображавшаго подъ вліяніемъ испорченнаго „aut“ передъ „experietur“, объ ошибочности подлиннаго „sat“. Послѣ того, какъ въ текстѣ очутилось aut-aut вмѣсто sat-haut, необходимо было перемѣнить at передъ quisquis на et, чтобы такимъ образомъ связать лишенное самостоятельнаго значенія предложеніе съ предыдущимъ въ качествѣ перифрастическаго подлежащаго къ сказуемому dignus. Такъ читалъ и понималъ наше мѣсто, какъ мы видѣли, уже Сервій. Впрочемъ, что касается только что упомянутаго at, то на немъ можно и не настаивать, какъ на первоначальномъ чтеніи, такъ какъ и et можетъ быть удовлетворительно объяснено (см. словари); но at значительно выразительнѣе.

Такимъ образомъ мы предлагаемъ читать:

P. Non nostrum inter vos tantas componere litis:
Et vitula tu dignus et hic.—At quisquis amores
Sat metuet dulcis, haut experietur amaros.
Claudite iam rivos, pueri: sat prata biberunt [1]).

Переводъ:

П. Не намъ рѣшить столь важный споръ между вами:

Телку заслужилъ и ты, и вотъ твой соперникъ.—Однако, кто въ достаточной степени будетъ опасаться сладостей любви (кто съ достаточною осторожностью будетъ относиться къ сладостямъ любви),—тотъ не испытаетъ ея горечи.

Ну, на запоръ канавы; ребята; вдоволь вѣдь напились луга.

Какъ видно, наша конъектура даетъ разсматриваемому мѣсту въ сущности тотъ же самый смыслъ, который находили въ немъ Асцензій, Фоссъ и Воте, съ тою лишь разницею, что въ нашемъ чтеніи не требуется безусловнаго „metuere amores dulcis“ во избѣжаніе „amores amari“, а metuere въ достовѣрной степени (sat = quantum sat est, quantum opus est, см. Forcell. s. v. satis), то-есть, осторожнаго, благоразумнаго отношенія къ сладостямъ любви во избѣжаніе сопряженныхъ съ нею въ противномъ случаѣ непріятностей.

И такъ, Палемонъ высказываетъ примѣнительно къ сладостямъ любви благоразумное „μηδὲν ἄγαν“. Къ такому замѣчанію, содержащему

---

[1]) Кому угодно приводить заключительный стихъ нашей эклоги въ тѣсную связь съ двумя предыдущими стихами, тому наше «sat» можетъ быть только на руку.

Digitized by Google

въ себѣ общую истину, правило житейской мудрости, Палемонъ нашелъ достаточный поводъ, какъ въ пѣсняхъ состязавшихся пастуховъ, такъ въ особенности въ томъ обстоятельствѣ, которое послужило причиной непріязненнаго ихъ столкновенія и сильной перебранки, гдѣ Меналькѣ достается за его сладострастіе, точно также какъ Дамэтѣ за его будто бы не совсѣмъ правильное отношеніе къ чужой собственности. Но намъ могутъ возразить, что Палемонъ вовсе не зналъ, что происходило между Дамэтой и Менальной до его прибытія и до начала состязанія между обоими пастухами. Въ такомъ случаѣ, однако, Палемонъ не могъ сказать также: „Et vitula tu dignus et hic", такъ какъ онъ пришелъ уже послѣ того, какъ послѣдніе согласились на счетъ телки, какъ награды за побѣду въ пѣніи. Вѣдь что̀ тамъ ни говорятъ толкователи:—въ словахъ Дамэты „res est non parva" (v. 54) заключается только намекъ на серьезность состязанія и важность его рѣшенія, и ничего болѣе; поэтому Дамэта говоритъ: „мы вѣдь затѣяли дѣло не малое (не пустое, не шуточное), поэтому слушай внимательно, сосѣдъ Палемонъ!" Что слова „res est non parva" относятся къ „haec" въ предложеніи „sensibus haec imis reponas", а не къ коровѣ, это вполнѣ ясно (см. однако примѣчаніе Форбигера къ этому стиху). Но Палемонъ долженъ былъ узнать всѣ подробности, предшествовавшія этой поэтической дуэли, если онъ затѣмъ по всѣмъ правиламъ искусства устанавливаетъ между пастухами очередь пѣнія, не смотря на то, что Дамэта, которому, какъ обиженному, принадлежало право начать состязаніе [1]) въ присутствіи Палемона, уступаетъ это болѣе легкое дѣло Меналькѣ, но въ такихъ выраженіяхъ, что Палемонъ не могъ заключить, что Дамэта обиженный, а Менальна обидчикъ, а скорѣе наоборотъ, особенно въ виду предшествующаго замѣчанія Менальки, которое приближающійся Палемонъ могъ уже разслышать (v. 51).

Намъ кажется, что въ нашей эклогѣ словами Палемона (v. 55): Dicite, quando quidem in molli consedimus herba прямо отмѣченъ промежутокъ времени, когда онъ узналъ всѣ подробности столкновенія пастуховъ, именно—когда они отыскивали удобное для состязанія мѣсто и усаживались на мягкой травѣ. Послѣ этого могло начаться состязаніе (dicite, quandoquidem et q. s.). Поэту, конечно, не зачѣмъ было повторять извѣстное или распространяться о томъ, что̀ само собою разумѣется. Припомнимъ по этому поводу Hor. ad Pis. v. 148 sqq.

[1]) См. Фоссъ, l. c., p. 126 sqq.

Digitized by Google

Semper ad eventum festinat (scil. poëta) et in medias res
Non secus ac notas auditorem rapit, et quae
Desperat tractata nitescere posse, relinquit.

Пользуемся случаемъ, чтобы обратить вниманіе филологовъ еще на одно мѣсто въ буколикахъ Вергилія, толкуемое обыкновенно съ натяжками и не дающее тѣмъ не менѣе удовлетворительнаго смысла. Это именно 7-й стихъ 5-й эклоги:

Aspice, ut antrum
v. 7. Silvestris raris sparsit labrusca racemis.

Пастухъ Мопсъ, отдавая преимущество прохладной пещерѣ передъ тѣнью деревьевъ и желая склонить товарища своего Менальку выбрать именно пещеру мѣстомъ ихъ пѣвческаго состязанія, указываетъ таковую вблизи и описываетъ ее въ приведенномъ выше стихѣ. Въ интересахъ Мопса, конечно, представить ее привлекательнѣе; но къ крайнему нашему удивленію онъ говоритъ: „Смотри, какъ лѣсная дикая лоза (sic) рѣдкими, то-есть, жидкими (по другому толкованію—рѣдко) кистями или гроздьями унизала пещеру". Чтò тамъ ни говорятъ толкователи, а картина все-таки мизерная, такъ что намъ остается только удивляться, какъ это Меналька предпочелъ эту пещеру тѣни деревьевъ, столь поэтично описанной Мопсомъ въ стихѣ 5-мъ. Насъ, однако, въ разбираемомъ стихѣ не столько удивляетъ выраженіе „raris sparsit racemis", толкуемое учеными на всѣ возможные и невозможные лады, сколько совершенно лишнее при словѣ „labrusca" прилагательное „silvestris". Слово „labrusca" само по себѣ означаетъ дикую или лѣсную лозу (vitis silvestris) и поэтому нисколько не нуждается въ эпитетѣ „silvestris", который при названіяхъ растеній можетъ значить: дикій, лѣсной, opp. sativus—садовый; см. Plin. n. h. 21,7: silvestria omnia adoratiora sativis. Употребленіе этого прилагательнаго при именахъ растеній съ цѣлью противопоставить ихъ таковымъ же садовымъ на столько обыкновенно, что мы считаемъ лишнимъ приводить цитаты. Но при словѣ „labrusca", означающемъ растеніе лѣсное, дикое, которое не можетъ быть въ то же самое время садовымъ, какъ, напримѣръ, rosa, faba, cucumis, prunus, oliva etc., оно лишнее. Прилагательное „silvestris" въ данномъ стихѣ точно также не можетъ имѣть чисто мѣстнаго значенія „находящійся, растущій въ лѣсу",

Digitized by Google

какъ, напримѣръ, Ecl. 3,70: arbor silvestris [1]), такъ какъ мѣсто произрастанія нашей „labrusca" опредѣлено словомъ „antrum"; данное прилагательное съ мѣстнымъ значеніемъ, слѣдовательно, умѣстно было бы только при словѣ „antrum". Эпитетъ при labrusca долженъ заключать въ себѣ такое качество дикой лозы, которое сообщало бы привлекательность описанію пещеры, гдѣ выраженіе „raris racemis" играло бы только второстепенную роль, дополняя собою картину. Поэтому мы считаемъ слово „silvestris" испорченнымъ и предлагаемъ читать:

Aspice ut antrum
Silvescens raris sparsit labrusca racemis,

то-есть: „смотри, какъ роскошно разростающаяся дикая лоза своими рѣдкими гроздьями унизываетъ пещеру",—или: „гляди, вотъ пещера, унизанная рѣдкими кистями буйно разросшейся лѣсной лозы". Silvescere значитъ „дико, буйно разростаться"=in omnes partes nimium fundi (Cic. de sen. § 52), fluere (Verg. G. II, v. 370). Этотъ глаголъ употребляется спеціально о дико разростающейся лозѣ, которую обрѣзаютъ съ цѣлью помѣшать ея буйному разростанію и содѣйствовать такимъ образомъ ея плодородію; см., кромѣ приведенныхъ выше мѣстъ изъ Цицерона и Вергилія, еще Colum. 4, 11, 2, гдѣ употребленъ занимающій насъ глаголъ (nec pati vitem supervacuis frondibus luxuriantem silvescere).

Лѣсная, никѣмъ не подрѣзываемая лоза „labrusca" отличается отъ культивированной, именно буйною, роскошною растительностью, но плоды ея eo ipso—rari racemi, служащіе лозѣ только украшеніемъ, выдѣляясь на фонѣ роскошной зелени.

Нашихъ пастуховъ-пѣвцовъ, ищущихъ прохладной тѣни въ красивомъ, уютномъ уголкѣ, манитъ—по нашему чтенію и толкованію—видъ пещеры, унизанной рѣдкими гроздьями роскошно (буйно) разростающейся дикой лозы.

Ѳ. Шеборъ.

[1]) Въ данномъ случаѣ «arbor silvestris», по нашему мнѣнію, не значитъ «лѣсное, дикое дерево», а фруктовое дерево, растущее случайно въ лѣсу, такъ какъ трудно себѣ представить даже въ Италіи и въ тѣ времена дикое дерево, на которомъ родились бы «aurea poma». Менальна придаетъ десятку золотистыхъ яблоковъ особое значеніе потому именно, что они собраны имъ не въ саду, а съ дерева въ лѣсу, о которомъ, пожалуй, никто и не знаетъ, и которое ему удалось открыть. Срав. vv. 68 sqq.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ КЪ ДВУМЪ ГРЕЧЕСКИМЪ НАДПИСЯМЪ IV ВѢКА ДО Р. ХР.

I. Въ Mittheilungen des deutschen archäol. Instit., томъ II, на стр. 142 слѣдд., издана была Ульрихомъ Кёлеромъ надпись, заключающая въ себѣ постановленіе народа Аѳинскаго при архонтѣ Хариклидѣ (363—362 г. до р. Р. Хр.) о городахъ острова Кеоса [1]).

Въ своемъ прекрасномъ объясненіи этой надписи Кёлеръ указалъ на то значеніе, какое она можетъ имѣть, будучи поставлена въ связь съ извѣстными намъ изъ древнихъ авторовъ событіями греческой исторіи, непосредственно предшествовавшими Мантинейскому сраженію, а въ частности—съ морскимъ походомъ Ѳивейцевъ въ 364 году подъ предводительствомъ Эпаминонда. Кёлеръ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что изображенныя въ нашемъ документѣ смуты и волненія въ городахъ кеосскихъ явились слѣдствіемъ именно этого-то перваго (а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, и послѣдняго) морскаго предпріятія Ѳивейцевъ. Извѣстно, что при появленіи ѳивейскаго флота въ Эгейскомъ морѣ отпали отъ союза Аѳинскаго многіе города и острова, изъ коихъ Хіосъ, Родосъ и Византія опредѣлительно называются намъ Діодоромъ и Исократомъ; теперь же, на основаніи названнаго документа, Кёлеръ находитъ возможнымъ принять, что и Кеосъ былъ въ томъ числѣ, и что лишь по удаленіи ѳивейскихъ тріэръ (вѣроятно, осенью того же 364 года) Аѳиняне успѣли снова подчинить своей власти города острова Кеоса; тутъ-то и былъ заключенъ, по мнѣнію Кёлера, тотъ договоръ между аѳинскимъ стра-

---

[1]) Надпись эта, впрочемъ, еще ранѣе была напечатана Куманудисомъ въ журналѣ Ἀθήναιον, V, на стр. 516.

Digitized by Google

тегомъ Хабріей и возставшими Кеосцами, о которомъ упоминается въ строкѣ 17-й нашего документа, и который въ концѣ его приводится цѣликомъ.

Кёлеръ, такимъ образомъ, весьма удачно воспользовался этою надписью, которая, давая намъ новые факты для исторіи отношеній Аѳинянъ къ своимъ морскимъ союзникамъ, а также отчасти и для выясненія столь темнаго вопроса, какъ морской походъ Эпаминонда, несомнѣнно представляетъ важный историческій документъ. Но мы не послѣдуемъ за Кёлеромъ въ подробномъ разборѣ его, ибо наша задача совсѣмъ иная, гораздо болѣе скромная, а именно—постараться точно опредѣлить время этого документа, чего Кёлеръ не счелъ возможнымъ сдѣлать на томъ основаніи, что въ вступительной формулѣ (praescripta) нашего документа не указано, какою по счету была въ годъ архонта Хариклида фила Эантида, въ дежурство которой было издано постановленіе о Кеосцахъ. Но съ тѣхъ поръ явились новыя данныя для разрѣшенія этого вопроса. Въ Bulletin de correspondance hellénique, III (1879), p. 475, издана, между прочимъ, надпись года архонта Хариклида, заключающая въ себѣ постановленіе аѳинское въ честь Пиѳодора, делосскаго гражданина. Въ praescripta этой надписи видно лишь окончаніе названія филы, а именно на камнѣ сохранилось лишь: αντίδος ἑβδόμης πρυτανείας — слѣдовательно, дополнять можно либо Αἰ)αντίδος, либо 'Ακαμ)αντίδος. Издавшій и объяснившій эту надпись Th. Homolle думаетъ, что здѣсь необходимо читать 'Ακαμ)αντίδος, при чемъ основывается на томъ, что le démotique du président de l'assemblée se termine certainement par δναῖος: on ne peut restituer que 'Αφιδναῖος. Or le dème d' Aphidna appartient à la tribu Aeantis. А такъ какъ эпистатъ проэдровъ выбирался именно изо всѣхъ филъ, кромѣ дежурной, то Гоммоль и полагаетъ, что тутъ нельзя дополнять Αἰαντίδος, а должно, какъ сказано, выбрать 'Ακαμαντίδος. Но мнѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, кажется, что Гоммоль въ этомъ случаѣ ошибается, и что въ документѣ стояло именно имя филы Эантиды. Прежде всего замѣтимъ, что постановленіе въ честь Пиѳодора высѣчено не στοιχηδόν, и что, вслѣдствіе порчи камня, вывести число буквъ въ строкѣ нельзя; такимъ образомъ рѣшить вопросъ нашъ на этомъ основаніи нельзя. Но самъ Гоммоль тутъ же указываетъ, что въ надписи C. J. Attic. II № 54 фила Акамантида уже имѣетъ вторую пританею въ годъ архонта Хариклида; однако, не затрудняясь этимъ, Гоммоль старается доказать, что въ № 54 Corporis можно читать и Αἰαντίδος, ибо отъ буквы M видна лишь одна часть,

Digitized by Google

при чемъ прибавляетъ: il est facile de se convaincre, que la restitution Αἰαντίδος dans l'inscription du Corpus peut s'accorder avec la disposition στοιχιδὸν du titre à condition qu'on suppose seulement les lignes de 24 lettres au lieu de 25. По поводу этого послѣдняго я замѣчу, что хотя буквы надписи и расположены στοιχηδόν, но при всемъ томъ въ строкахъ praescripta могло быть и неодинаковое число буквъ въ строкѣ (сравн. напримѣръ, C. J. Attic. II, № 8); поэтому трудъ Гоммолля по перестановкѣ буквъ является излишнимъ, ибо и безъ того ясно, что поставленіе слова Αἰαντίδος вмѣсто Ἀκαμαντίδος не помѣшаетъ расположенію στοιχηδόν буквъ въ надписи. Затѣмъ, какъ мнѣ кажется, даже и одно сохранившееся колѣно буквы М не можетъ быть принято за іоту (судя, по крайней мѣрѣ, по тому остатку, который изображенъ въ C. J. Attic. № 54, а также у Rangab. Antiqq. hellén. № 386, который также читаетъ здѣсь Ἀκαμαντίδος). Но главное — и неопровержимое, какъ я думаю,—свидѣтельство противъ мнѣнія Гоммоля заключается въ самой надписи № 54 C. J. Attic. II, въ строкахъ 17-й—18-й обломка б, гдѣ сказано: τὴν δὲ ψῆφον δοῦναι περὶ αὐτοῦ τοὺς πρυτάνεις τοὺς μετὰ τὴν Ἀκαμαντίδα πρυτανεύοντας κτλ [1]). Изъ этого выраженія совершенно ясно, что постановленіе аѳинское въ честь Астикрата (которое составляетъ содержаніе документа) сдѣлано именно въританею Акамантиды, бывшую этотъ годъ, какъ читается въ praescripta, второю по очереди. На основаніи всего этого мнѣ кажется несомнѣннымъ, что въ постановленіи въ честь Астикрата слѣдуетъ читать Ἀκαμαντίδος, а не Αἰαντίδος; а поэтому самому въ изданномъ Гомоллемъ постановленіи въ честь Пиѳодора Делосскаго необходимо должно читать: ἐπὶ τῆς Αἰ]αντίδος ἑβδόμης πρυτανείας [2]). А

[1]) Формула эта встрѣчается рѣдко, и я успѣлъ найдти лишь одинъ еще примѣръ ея, а именно C. J. Attic. II № 12. Причина, почему въ нашей надписи употреблена эта формула (вмѣсто болѣе обычной, напримѣръ: τοὺς προέδρους οἳ ἂν λάχωσιν προεδρεύειν εἰς τὴν ἐπιοῦσαν ἐκκλησίαν), будетъ понятна, если мы обратимъ вниманіе, что предложеніе Кратина сдѣлано въ тридцатый день притании; очевидно, слѣдующее народное собраніе приходилось уже въ слѣдующую пританею.

[2]) Что касается вопроса, какъ объяснить себѣ въ надписи, изданной Гомоллемъ, смутившее его δημοτικὸν—δναῖος, то конечно, тутъ возможны лишь догадки: можетъ быть, дѣло идетъ о какомъ-либо неизвѣстномъ намъ до сихъ поръ демѣ; возможно, что тутъ почему-либо ἐπιστάτης былъ τῶν πρυτάνεων, а не προέδρων, и потому былъ выбранъ изъ среды дежурной филы; наконецъ, можетъ быть и то, что Гоммоль не совсѣмъ вѣрно прочелъ надпись, передавъ по собственной догадкѣ сомнительныя очертанія первыхъ буквъ слова δναῖος. Во всякомъ случаѣ,

если это признать доказаннымъ, то несомнѣнно, что и постановленіе о Кеосцахъ, составляющее предметъ нашей замѣтки и изданное въ пританею Эантиды, относится къ 7-й пританеѣ года архонта Хариклида, слѣдовательно, по нашему счету, приблизительно къ февралю или марту 362 года до Р. Хр.

II. Во II томѣ C. J. Attic. подъ № 52 издана надпись, отнесенная Кёлеромъ къ году архонта Навсигена (368—367 года до Р. Хр.) и заключающая въ себѣ постановленіе народа Аѳинскаго о союзѣ съ тиранномъ Діонисіемъ Сиракузскимъ (старшимъ); Кёлеръ успѣлъ возстановить почти весь документъ цѣликомъ, за исключеніемъ praescripta его, гдѣ онъ прочелъ лишь имя архонта. Но мнѣ кажется, что на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ есть возможность опредѣлить, въ какую пританею сдѣлано было это постановленіе. Для этого обратимъ вниманіе сначала на надпись № 52ᶜ C. J. Attic. II (въ addend. p. 401): здѣсь мы видимъ два декрета аѳинскіе о Митиленцахъ—одинъ года архонта Навсигена [1]), изданный въ пританею Эантиды, другой—года архонта Лисистрата (369—368 г.) безъ указанія пританеи. Для насъ важенъ лишь первый изъ нихъ: основываясь на немъ, Кёлеръ доказалъ, какъ извѣстно (C. J. Attic. II in addendis p. 402, примѣчаніе Кёлера къ надписи № 52ᶜ), что имя архонта Ναυσιγένης должно читать въ надписи № 50 C. J. Attic. II (постановленіе въ честь Лакедемонянина Корройба), гдѣ прежде Рангависъ, а за нимъ и самъ Кёлеръ, возстановляли ἐπὶ 'Αλκισθέν]ους ἄρχοντος. Основаніемъ Кёлеру въ этомъ случаѣ послужило то, что въ этой послѣдней надписи и въ № 52ᶜ (декретъ о Митиленцахъ) одинъ и тотъ же секретарь—Μόσχος Κυδαθηναιεύς, и притомъ въ одну и ту же пританею, а именно Эантиды; а между тѣмъ мы знаемъ, что годовой секретарь является впервые въ годъ архонта Хариклида (сравн. C. J. A. II №№ 54 и 55), а въ годъ архонта Навсигена въ декретахъ фигурируетъ еще секретарь κατὰ πρυτανείαν, мѣнявшійся вмѣстѣ съ каждою пританеей (какъ это видно, напримѣръ, изъ № 52ᵇ C. J. A. II, гдѣ секретарь пританеи Кекропиды въ годъ архонта Навсигена Мнесибулъ); а изо всего этого слѣдуетъ, какъ весьма основатально доказываетъ Кёлеръ, что оба эти

каждое изъ этихъ предположеній кажется мнѣ легче допустимымъ, чѣмъ передѣлка имени филы въ № 54 C. I. A. II, гдѣ, какъ мы видѣли, оно читается en toutes lettres.

[1]) Отъ имени архонта сохранилось лишь окончаніе—ένης, но Кумануди и Кёлеръ, сопоставивъ оба декрета, вполнѣ убѣдительно доказали, что слѣдуетъ читать здѣсь Ναυσιγ]ένης.

Digitized by Google

документа должны быть отнесены къ одной и той же пританеѣ года архонта Навсигена, то-есть, что и въ № 50 C. J. A. II должно читать имя архонта Ναυσιγένης, а не Ἀλκισθένης; слишкомъ странно, въ самомъ дѣлѣ, было бы предположить, что въ два разные года въ въ одну и ту же пританею одно и то же лицо было секретаремъ κατὰ πρυτανείαν.

И такъ, принимая поправку Кёлера, слѣдуетъ № 50 C. J. A. II читать такъ: Ἐπὶ Ναυσιγέ]νος ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Αἰα[ντίδος....... πρυ]τανείας. Μόσχος Θεοτίο Κ[υ]δ[αθηναιεὺς ἐγραμμάτε]υε и т. д. Отсюда мы видимъ что для обозначенія пританеи по счету имѣется лакуна въ 7 буквъ; очевидно, этому условію удовлетворяютъ три изъ порядковыхъ числительныхъ, примѣнимыхъ въ данномъ случаѣ, а именно πέμπτης, ἑβδόμης и δεκάτης. Но которое изъ нихъ выбрать? Этотъ вопросъ мы пока рѣшить не можемъ, ибо ничего не знаемъ изъ авторовъ о поименованномъ въ декретѣ Корройбѣ, ни о постановленіи въ честь его.

Поэтому оставивъ вопросъ этотъ пока открытымъ, посмотримъ, нельзя ли названіе и обозначеніе пританеи по счету, а также имя секретаря, взять изъ этой надписи для возстановленія praescripta нашего документа № 52 C. J. A. II, то-есть, вышеупомянутаго постановленія аѳинскаго о союзѣ съ Діонисіемъ. Оказывается, что лакуна какъ разъ приходится по числу буквъ. Въ № 52 число буквъ 33 въ строкѣ, и высѣчена надпись эта στοιχηδόν; у Кёлера она напечатана такъ:

Ἐπὶ Ναυσιγέν]ους ἄρχ[οντος ἐπὶ τῆς......]
[........ς π]ρυταν[είας, ἧ..........]
.....ἐγραμ]μάτευ[ε........καὶ τριακο]
[στῇ τῆς πρυ]τανεια[ς

По моему возстановленію придется читать такъ:

Ἐπὶ Ναυσιγέν]ος ἄρχ[οντος ἐπὶ τῆς Αἰαντί- = 33 буквы

δος {πέμπτης / ἑβδόμης / δεκάτης} π]ρυταν[είας Μόσχος Κυδαθην- = 33 буквы

αιεὺς ἐγραμ]μάτευ[ε {δευτέραι / τετάρτηι} καὶ τριακο- = 33 буквы

στῆι τῆς πρυ]τανεια[ς.

И такъ, если признать это возстановленіе вѣрнымъ, то является вопросъ: какую изъ означенныхъ трехъ пританей выбрать для нашего декрета: пятую, седьмую, или десятую? Для разрѣшенія этого

Digitized by Google

вопроса намъ придется обратиться къ авторамъ. У Діодора (XV, сс. 73—74) подъ годомъ архонта Навсигена разказывается о смерти Діонисія Сиракузскаго: трагедія тиранна, данная во время Ленейскаго празднества, была удостоена Аѳинянами перваго приза, и одинъ изъ пѣвшихъ въ хорѣ во время представленія, желая первымъ возвѣстить счастливую вѣсть Діонисію въ надеждѣ на щедрую награду, немедленно пустился въ путь и при помощи стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ успѣлъ прибыть въ Сицилію въ весьма короткое время. Обрадованный Діонисій, наградивъ вѣстника, предался столь необузданно празднованію своей побѣды, что тяжко заболѣлъ отъ неумѣренности въ пищѣ и питьѣ и умеръ.

Отсюда является возможность довольно точно опредѣлить время смерти Діонисія. Ленеи праздновались въ Аѳинахъ въ мѣсяцѣ Гамеліонѣ, но въ какихъ именно числахъ его — вопросъ спорный до сихъ поръ; однако, даже нарочно принимая самое невыгодное для моей цѣли свидѣтельство К.-Ф. Германна, относящаго праздникъ этотъ къ послѣдней декадѣ Гамеліона (Gottesdienstlich. Alterth. § 58 Anm. 5) [1]), окажется все же, что на нашъ счетъ это будетъ соотвѣтствовать приблизительно первой половинѣ февраля; а потому можно полагать, что смерть Діонисія произошла вѣроятно въ концѣ февраля или началѣ марта 367 года, то-есть, приблизительно въ 7-ю пританею года архонта Навсигена. Это и рѣшаетъ нашъ вопросъ: очевидно, о десятой пританеѣ (въ № 52 C. J. A. II) не возможно и думать, ибо въ то время Діонисія Старшаго давно уже не было въ живыхъ; весьма трудно допустить и седьмую, тѣмъ болѣе, что декретъ помѣченъ однимъ изъ послѣднихъ (тридцать-вторымъ или четвертымъ) дней пританеи. Несравненно вѣроятнѣе, что въ нашемъ декретѣ стояло ἐπὶ τῆς Αἰαντίδος πέμπτης πρυτανείας. Кромѣ упомянутыхъ сейчасъ причинъ, въ пользу этого можно привести еще слѣдующія соображенія: Вопервыхъ, изъ Діодора (XV с. 74 § 4) мы видимъ, что Аѳиняне нѣсколько, такъ-сказать, покривили душей, присудивъ побѣду Діонисіевой трагедіи; ясно, что они сдѣлали это изъ лести, желанія подслужиться къ тиранну для какихъ-либо выгодъ, а

---

[1]) Напротивъ, G. F. Schoemann во 2-мъ томѣ своихъ Griechische Alterth. на стр. 493 прим. 1, основываясь, какъ и Hermann, на надписи, помѣщаетъ Ленеи въ первую декаду Гамеліона; а въ таблицѣ праздниковъ, приложенной г. В. Латышевымъ къ статьѣ своей «Къ аѳинской эортологіи» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г. январь, Ленеи прямо пріурочены къ 8-му—11-му числамъ Гамеліона.

Digitized by Google

въ такомъ случаѣ вѣроятнѣе, что они сдѣлали это уже послѣ заключенія союза съ нимъ, вѣроятно—въ виду какой-нибудь помощи или услуги съ его стороны. Вовторыхъ, надпись наша стоитъ въ близкой связи съ непосредственно ей предшествующимъ въ C. J. Attic. документомъ № 51, гдѣ мы видимъ также постановленіе аѳинское въ честь Діонисія и сыновей его: имъ даруется аѳинское гражданство и золотые вѣнцы; постановленіе это состоялось при архонтѣ Лисистратѣ (369—368 г.) въ 10-ю пританею года. Дальнѣйшій ходъ дѣла можно себѣ представить такъ: для поднесенія Діонисію вѣнковъ отправлено было, разумѣется, особое посольство къ нему; затѣмъ Діонисій, польщенный честью, оказанной ему Аѳинянами, послалъ, вѣроятно, своихъ пословъ въ Аѳины съ предложеніемъ союза, и тогда уже состоялось наше постановленіе о союзѣ съ Діонисіемъ. Въ концѣ его сказано (стр. 38—40): ἀπολαβεῖν δὲ Ἀθηναί]ων τοὺς πρέσβ[εις τοὺς πεμφθέντας εἰς Σικελί]αν, то-есть, клятву принять отъ Діонисія должны были послы аѳинскіе, находившіеся въ то время въ Сициліи, раньше уже туда отправленные; можетъ быть, это были тѣ самые послы, которые отвезли Діонисію вѣнки и остались тамъ въ ожиданіи результатовъ отъ посольства Діонисія. Если допустить, что таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ переговоровъ между Діонисіемъ и Аѳинянами, то окажется, что промежутокъ въ пять пританей болѣе чѣмъ достаточенъ для всего этого, и отнесеніе времени заключенія союзнаго договора еще на двѣ пританеи едва ли можетъ быть оправдано. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ степени убѣдительности сейчасъ указанныхъ соображеній и вышеприведеннаго доказательства, основаннаго на вычисленіи времени смерти Діонисія, вполнѣ достаточно, какъ мнѣ кажется, чтобы принять, что постановленіе о союзѣ съ Діонисіемъ состоялось въ пятую пританею года архонта Навсигена, въ которую дежурною была фила Эантида. Въ такомъ случаѣ окажется, что всѣ по настоящее время извѣстныя намъ надписи года архонта Навсигена точно опредѣлены по времени и могутъ быть сопоставлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. — C. J. Attic. II, № 52ᵇ —постановленіе о договорѣ съ Левкадійцами, относящееся къ 1-й пританеѣ года архонта Навсигена, которую имѣла фила Кекропида.

II. — C. J. A. II, № 52ᶜ —постановленіе въ честь Митиленцевъ, помѣченное 5-ю пританеей—Эантиды.

III. — C. J. A. II, № 50 — постановленіе аѳинское въ честь Лакедемонянина Корройба—отъ той же пританеи, что и предыдущее.

и IV. — C. J. A. II, № 52 — постановленіе о союзѣ Аѳинянъ съ Діонисіемъ, помѣченное 32-мъ или 34-мъ днемъ той же 5-й пританеи.

А. Ячевскій.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій.*

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Баязета“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка, статьями для разбора, диктанта и заучиванья наизусть, письменными упражненіями, славянскимъ текстомъ, рисунками. Сост. А. РАДОНЕЖСКІЙ. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Съ требованіями просятъ обращаться: Въ Москвѣ—въ книжный магазинъ *наслѣдниковъ Салаевыхъ.* Въ С.-Петербургѣ—въ книжный магазинъ *Фену* и К°.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

Digitized by Google

1-го ІЮЛЯ вышла и разослана подписчикамъ VII-я, ІЮЛЬСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г.— II. Василій Андреевичъ Жуковскій. — III. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. — IV. Звѣздочка на 1826 г. Изданіе А. А. Бестужева и К. Ѳ. Рылѣева.—V. Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1831—1845 гг. Глава V: въ Свеаборгской крѣпости, апрѣль—декабрь 1833 г.—VI. Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій, 1778—1827 гг. Очеркъ В. И. Жмакина.—VII. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. Замѣтки одного изъ служившихъ при немъ чиновниковъ. Сообщ. Ѳ. А. Р.— VIII. Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, въ 1854 г. Сообщ. Н. Х. Палаузовъ.— IX. Замѣтки: День кончины Богдана Хмельницкаго.—Хрущовы и Волынскій.— X. Библіографическій листокъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г.

Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ въ 4-хъ томахъ, цѣна съ пересылкою ДЕВЯТЬ руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ Мамонтова.

☞ **Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.**

Имѣется еще и можно получить: „РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1882 года. (Осталось 78 экземп.).

Цѣна ДЕВЯТЬ руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

*Вышла въ свѣтъ книга „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“, съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками. Книга эта разослана тѣмъ лицамъ, которыя, подписавшись на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1883 г. по 31-е декабря 1882 г., **тогда же и не позже** выслали 35 коп. на пересылку книги. Прочія лица книгу „ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ“ могутъ получить за **два** руб. съ пересылкою.*

Въ редакціи „Русской Старины“ можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); . . —1879 гг.; 1880 г. (второе изд.); 1881 и 1882 гг. Цѣна за годъ по **восьми** руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

Digitized by Google

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Н. ФЕНУ и К°,

Коммиссіонеровъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по снабженію реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій учебными пособіями.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 40/42.

Золотая медаль на Всероссійской промышл.-художеств. выставкѣ 1882 г.

Десять медалей на другихъ выставкахъ.

Отдѣленія магазина Н. Фену и К°:

1) **Книжное** (исполненіе заказовъ по всѣмъ отраслямъ книжнаго дѣла).
2) **Музыкальное** (руководства, дешевыя школьныя изданія, полный выборъ иностранныхъ и русскихъ музыкальныхъ изданій, хорошій подборъ школьныхъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей къ нимъ).
3) **Наглядныя учебно-воспитательныя пособія и образовательныя игры**) полный выборъ русскихъ и иностранныхъ изданій: атласовъ, картъ, таблицъ, глобусовъ, коллекцій, игръ и проч.).
4) **Мастерскія механическая и столярная и лабораторіи** (производство приборовъ по физикѣ, классной мебели, естественно-историческихъ препаратовъ, чернилъ, красокъ и проч.).
5) **Письменныя, чертежныя и рисовальныя принадлежности** (производство собственныхъ мастерскихъ и лучшихъ заграничныхъ фирмъ).

При магазинѣ контора педагогическихъ журналовъ: **„Русскій Начальный Учитель“, Педагогическій Сборникъ“ и „Родникъ“.**

Для выбора книгъ и наглядныхъ пособій фирма издала полный систематическій каталогъ въ 3-хъ частяхъ. *Часть первая*: Наглядныя пособія и классная обстановка (отдѣлъ 1-й—начальное обученіе въ школѣ и дома, ц. 20 коп.; отд. 2-й—пособія для городскихъ училищъ и средне-учебныхъ заведеній, ц. 50 коп.; отд. 3-й—пособія къ научнымъ предметамъ, ц. 50 коп.; отд. 4-й—волшебныя фонари и картины къ нимъ, ц. 25 коп. *Часть вторая*: Руководства и учебныя пособія, ц. 50 коп. *Часть третья*: Каталогъ библіотечныхъ книгъ (отд. 1-й—училищныя библіотеки, ц. 50 коп.; отд. 2-й—возрастныя библіотеки, ц. 25 коп.).

Условія фирмы Н. Фену и К°

по снабженію школъ книгами, наглядными пособіями, музыкальными изданіями, письменными и чертежными принадлежностями:

1) Неоффиціальные заказы исполняются только при условіи высылки денегъ впередъ.

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда, по контрольнымъ правиламъ, деньги на исполненіе заказа не могутъ быть высылаемы впередъ, оффиціальные заказы, за исключеніемъ Туркестанскаго края и Сибири, исполняются и въ кредитъ, но при непремѣнномъ условіи уплаты денегъ по счетамъ по полученіи клади.

Примѣчаніе: Заказъ считается оффиціальнымъ, когда сдѣланъ онъ отъ имени казеннаго учрежденія, за № и подписью начальника училища или завѣдующаго его лица.

3) На коммиссію, то-есть, съ правомъ оплаты по распродажѣ, фирма книгъ не высылаетъ. Обратно товаръ принимается только въ такомъ случаѣ, когда заказъ не былъ правильно исполненъ.

4) Пересылка и упаковка оплачивается покупателемъ. Фирма принимаетъ на себя отвѣтственность за порчу товара на пути слѣдованія по всей Имперіи, за исключеніемъ Туркестанскаго края и Сибири. Порча или недостатокъ должны быть засвидѣтельствованы протоколомъ. Претензіи, заявленныя позже недѣли послѣ пріема клади, удовлетворены быть не могутъ.

5) Деньги по счетамъ должны быть высылаемы полностью; расходы по пересылкѣ денегъ падаютъ на заказчика.

Digitized by Google

6) При высылкѣ денегъ впередъ, фирма уступаетъ на учебныхъ книгахъ, атласахъ, картахъ и другихъ наглядныхъ пособіяхъ, а равно и на письменныхъ, чертежныхъ и рисовальныхъ принадлежностяхъ 10%, а на нѣкоторыхъ общеупотребительнныхъ учебникахъ и 15%. Исключеніе составляютъ: а) казенныя изданія, б) книги, представляющія библіографическую рѣдкость, в) провинціальныя изданія и г) изъ пособій приборы по физикѣ и химіи.

Примѣчаніе 1-е: Уступка на этихъ приборахъ не дѣлается потому, что цѣны на производство собственной механической мастерской крайнія, въ чемъ можно убѣдиться при сравненіи цѣнъ съ каталогами другихъ фирмъ.

Примѣчаніе 2-е: По оффиціальнымъ требованіямъ, своимъ постояннымъ заказчикамъ, фирма дѣлаетъ уступку на учебныхъ книгахъ и при высылкѣ въ кредитъ; но при этомъ въ требованіи должно быть обозначено, что деньги будутъ высланы тотчасъ по полученіи клади. Если бы въ мѣсячный срокъ по полученіи товара деньги не были высланы, сдѣланная уступка уничтожается.

7) Скорость исполненія заказа зависитъ отъ бо́льшей или меньшей сложности его. Въ тѣхъ случаяхъ, когда заказъ не можетъ быть исполненъ въ восьмидневный срокъ, магазинъ оповѣщаетъ объ этомъ заказчика немедленно.

8) Фирма принимаетъ подписку на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты, но при непремѣнномъ условіи уплаты денегъ впередъ, хотя бы по приблизительному расчету.

Примѣчаніе 1-е: Это послѣднее условіе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что редакціи требуютъ отъ торговыхъ домовъ уплаты всѣхъ денегъ при сдачѣ подписки. Такъ какъ скидка дѣлается при томъ очень малая, то въ пользу магазиновъ не остается ничего. Вслѣдствіе того фирма принимаетъ подписку только, чтобъ услужить заказчикамъ, избавляя ихъ отъ расходовъ по отсылкѣ денегъ по всѣмъ редакціямъ отдѣльно.

Примѣчаніе 2-е: Подписные билеты хранятся фирмой для предъявленія въ редакціи на случай неисправной доставки. Фирма служитъ только посредникомъ между подписчиками и редакціями, а потому, въ случаѣ прекращенія какого-либо изданія, подписныя деньги фирма возвращаетъ только если сама получитъ ихъ обратно.

9) Цѣны на книги и атласы въ каталогахъ показаны безъ переплета, карты, картины и таблицы—безъ наклейки.

Цѣны переплетовъ и наклейки слѣдующія: а) учебный корешокъ обрѣзной для дешевыхъ изданій *при гуртовомъ заказѣ*—по 6 коп.; учебный коленкоровый корешокъ — 10 коп.; кожаный — 15 коп.; б)

Digitized by Google

библіотечный переплетъ въ сафьяновомъ корешкѣ—30—40 коп.: шагреневый переплетъ—50—75 коп.; изящный—для подарковъ, безъ тисненія и съ золотымъ тисненіемъ 50—1 руб. 50 коп.; в) учебный переплетъ атласовъ—50 коп.; шагреневый съ золотымъ тисненіемъ отъ 1 руб.; г) цѣна наклейки картъ показана при каждой въ каталогѣ; на лакировку слѣдуетъ прибавлять 1 рубль, на палку также 1 рубль.

10) Въ виду того, что цѣны на книги иногда самими издателями мѣняются, а цѣны на пособія могутъ, вслѣдствіе колебанія курса, возвышаться и понижаться, случайное повышеніе цѣны не должно быть поставлено въ вину фирмѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разница значительна, заказчикъ предваряется объ этомъ до исполненія заказа.

11) На нѣкоторые предметы въ каталогѣ цѣны выставлены различныя. Въ этихъ случаяхъ цѣны обусловлены размѣромъ, отдѣлкою, точностью прибора или рѣдкостью экземпляра. Впрочемъ въ каталоги фирмы внесены только пособія пригодныя для школъ, независимо отъ ихъ цѣны.

12) Когда способъ отправки въ требованіи не указанъ, фирма высылаетъ кладь по своему усмотрѣнію согласно выгодѣ заказчика.

Примѣчаніе. Заказчикъ долженъ имѣть въ виду слѣдующее:

а) Громоздкіе предметы, хотя бы и не тяжелые, почтамтомъ не принимаются, а потому и должны быть отправлены транспортомъ.

б) Когда въ мѣстности, откуда идетъ заказъ, нѣтъ станціи желѣзной дороги или агентуры какого-либо общества транспортовъ, необходимо указать: въ какой ближайшій пунктъ должна быть доставлена кладь.

в) Гипсовыя модели для рисованія по своей ломкости и тяжести требуютъ особо тщательной упаковки въ ящикахъ съ большимъ количествомъ упаковочнаго матеріала, а потому упаковка и пересылка этихъ моделей обходится часто довольно дорого.

Digitized by Google

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

Н. П. КАРБАСНИКОВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный просп., д. 48. | МОСКВА, Моховая, д. Кохъ. | ВАРШАВА, ул. Берга, д. Красинскаго.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

НОВАЯ КНИГА:

УЧЕБНЫЙ КУРСЪ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Составилъ А. В. Савицкій.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія включенъ, въ 1883 году, въ число руководствъ по словесности.

Изданіе Н. П. Карбасникова. Цѣна 1 рубль.

Выписывающіе означенное изданіе изъ книжной торговли Н. П. Карбасникова за пересылку не платятъ. Требующимъ не менѣе 15 экз. уступается 10%; требующимъ 35 экз.—15% и свыше 75 экз.—20%.

Условія, на которыхъ «Книжная торговля Н. П. Карбасникова» исполняетъ заказы:

1) Гг. иногороднымъ покупателямъ книги высылаются обыкновенно не позже, какъ на третій день по полученіи заказа. Задержка въ исполненіи можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если въ числѣ требуемыхъ книгъ встрѣчаются такія, которыя, будучи изданы въ провинціи, не всегда имѣются у здѣшнихъ книгопродавцевъ, или когда выписываются распроданныя книги, пріобрѣтеніе которыхъ требуетъ много времени, а также когда выписываются книги въ переплетахъ.

2) По требованіямъ частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ нашей фирмѣ, книги высылаются только на наличныя деньги. Выписывающіе книги или учебныя пособія вѣсомъ не менѣе пуда изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть отдѣленіе транспортной конторы, могутъ высылать при требованіи приблизительно ½ стоимости всего заказа, а остальныя деньги уплачиваютъ транспортной конторѣ при полученіи посылокъ.

3) По оффиціальнымъ требованіямъ земскихъ управъ, гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, а также и лицъ, извѣстныхъ фирмѣ, заказы могутъ быть исполняемы безъ приложенія денегъ съ тѣмъ непремѣннымъ усло-

Digitized by Google

віемъ, чтобы уплата по счету была произведена не позже какъ въ теченіе 10 дней со дня полученія книгъ.

Примѣчаніе 1-е. Безъ высылки денегъ впередъ, заказъ исполняется только въ томъ случаѣ, если сдѣланъ оффиціально отъ имени казеннаго заведенія, т. е. на бланкѣ, за № и съ подписью начальника или начальницы заведенія.

4) Библіотекамъ, земскимъ управамъ, гимназіямъ и лицамъ, вошедшимъ въ постоянныя сношенія съ „Книжною Торговлей для иногородныхъ Н. П. Карбасникова“ и выписывающимъ книги и учебныя пособія на значительныя суммы, можетъ быть сдѣлана уступка отъ 5 до 15 проц., смотря по книгамъ и суммѣ заказа.

Примѣчаніе 2-е. Если при значительномъ заказѣ будетъ высказано желаніе имѣть книги нѣсколько подержанными, и если таковыя найдутся у здѣшнихъ букинистовъ, то уступка можетъ быть сдѣлана отъ 15 до 40 проц.

Выписывающіе книги въ переплетахъ, благоволятъ сообщить, въ какую цѣну они желаютъ имѣть переплетъ. Учебный въ коленкоровомъ корешкѣ 10 коп.; учебный въ кожанномъ корешкѣ 15 коп.; библіотечный, кожаный корешокъ съ красною сафьянною наклейкой, съ заголовкомъ книги, напечатаннымъ золотомъ, 25 коп.; полусафьянный 30 коп.; полушагреневый 50 коп.; коленкоровый тисненый золотомъ отъ 75 коп. и дороже.

На пересылку и у паковку прилагаютъ приблизительно, смотря по разстоянію отъ 10 до 20 проц. къ номинальной стоимости книгъ.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го іюля).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.
1883.

Digitized by Google

Harvard College Library
Gift of the Ministry of Public
Instruction, St. Petersburg.
May 24, 1897.

Средняя Подьяческая, д. № 1
2497.

Digitized by Google

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (18-го мая 1883 г.). О преобразованіи Борисоглѣбской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Борисоглѣбской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Борисоглѣбской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля сего года, Борисоглѣбскую (Тамбовской губерніи) мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ, съ отнесеніемъ расхода по содержанію въ текущемъ году V класса на суммы, жертвуемыя мѣстнымъ городскимъ обществомъ и земствомъ и на спеціальныя средства заведенія.

Digitized by Google

2) Причитающіеся въ 1884 году на содержаніе въ этой прогимназіи: V класса—за годъ 3,490 руб., VI—за полгода 1,122 р. 50 к. и на квартирныя деньги помощнику классныхъ наставниковъ 200 руб., всего четыре тысячи восемьсотъ двѣнадцать руб. пятьдесятъ коп., внести въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ, а жертвуемыя мѣстными городскимъ обществомъ и земствомъ на содержаніе означенныхъ классовъ 3,000 руб. показать по доходной смѣтѣ того же министерства на 1884 г., пособіемъ государственному казначейству.

3) Начиная съ 1885 г., вносить въ смѣты министерства народнаго просвѣщенія полную сумму, потребную на содержаніе Борисоглѣбской шестиклассной прогимназіи, именно по двадцати тысячъ четыреста восьмидесяти пяти руб. ежегодно; жертвуемые же на сей предметъ городскимъ обществомъ и земствомъ десять тысячъ двѣсти семьдесятъ пять руб. въ годъ показывать по доходнымъ смѣтамъ того же министерства пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названной прогимназіи,

и 4) Могущіе быть остатки отъ штатныхъ суммъ Борисоглѣбской прогимназіи раздѣлять на двѣ части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую, причитающуюся на долю городскаго общества и земства, оставлять въ распоряженіи этихъ обществъ, для употребленія на нужды заведенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

6. (18-го мая 1883 г.). О преобразованіи Ростовской на Дону шестиклассной прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Ростовской на Дону шестиклассной прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Ростовской на Дону шестиклассной прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

Digitized by Google

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1883 г., Ростовскую на Дону шестиклассную мужскую прогимназію въ полную гимназію, обративъ расходъ на содержаніе въ семъ году VII класса названной гимназіи на сумму, пожертвованную для этой цѣли мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

II. Отпустить въ 1884 г. на содержаніе: VII класса—за весь годъ 4,075 р. и VIII класса—за полгода 870 р., всего четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять руб.; начиная же съ 1885 года, вносить въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія полную сумму, потребную на содержаніе Ростовской на Дону гимназіи и на наемъ для нея помѣщенія, а именно двадцать девять тысячъ четыреста руб. въ годъ.

III. Жертвуемые Ростовскою на Дону городскою думою на содержаніе мѣстной гимназіи пять тысячъ рублей и подлежащіе отчисленію изъ спеціальныхъ средствъ этой гимназіи двѣ тысячи пятьсотъ руб. показывать, начиная съ 1-го января 1884 г., по доходнымъ смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названной гимназіи.

IV. Могущіе образоваться отъ штатныхъ суммъ Ростовской на Дону гимназіи остатки раздѣлять на три части: одну, пропорціональную ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство; другую, причитающуюся на долю города, оставлять въ распоряженіи городскаго общества для употребленія на нужды гимназіи, а третью, соотвѣтственную отчисленію изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи, возвращать въ эти средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (13-го мая 1883 года). О расходованіи остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній по подвѣдомственнымъ генералъ-губернаторамъ Туркестанскому и Восточной Сибири учебнымъ заведеніямъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о расходованіи остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній по подвѣдомственнымъ генералъ-губернаторамъ Туркестанскому и Восточной Сибири учебнымъ заведеніямъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Digitized by Google

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о расходованіи остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній по подвѣдомственнымъ генералъ-губернаторамъ Туркестанскому и Восточной Сибири учебнымъ заведеніямъ, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей прил. I къ ст. 221 свода зак. т. I ч. II учр. мин., по прод. 1876 года, постановить: генералъ-губернаторамъ Туркестанскому и Восточной Сибири предоставляется: а) по кредитамъ, ассигнованнымъ на содержаніе личнаго состава и на канцелярскіе расходы городскихъ и приходскихъ училищъ Ферганской области и учебныхъ заведеній Восточной Сибири замѣнять, въ предѣлахъ одного смѣтнаго параграфа, недостатки по одной статьѣ сбереженіями по другой, съ обращеніемъ образующихся за тѣмъ остатковъ въ ресурсы казны, и б) выдавать награды изъ остатковъ отъ суммъ на содержаніе преподавателей въ тѣхъ случаяхъ, когда они, кромѣ своихъ обязанностей, занимали должности другихъ преподавателей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (23-го апрѣля 1883 года). О лицахъ, имѣющихъ право быть предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ право назначать предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, кромѣ лицъ, указанныхъ въ § 17 положенія о названныхъ заведеніяхъ 24-го мая 1870 года и въ Высочайшемъ повелѣніи 25-го ноября 1874 года, еще и лучшихъ учителей среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а равнымъ образомъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства, состоящихъ на государственной въ нихъ службѣ, съ тѣмъ, чтобы поименованныя лица не занимались преподаваніемъ за вознагражденіе въ тѣхъ женскихъ

Digitized by Google

гимназіяхъ и прогимназіяхъ, куда назначены предсѣдателями, но пользовались правами, предоставленными дѣйствующимъ положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ предсѣдателямъ педагогическихъ совѣтовъ.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

20-го іюня 1883 г. (№ 12). Назначается: Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ — попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, съ 18-го іюня 1883 г. (Высочайшее повелѣніе 18-го іюня 1883 г.).

Утверждаются на три года: Одесскій 1-й гильдіи купецъ Великановъ—почетнымъ попечителемъ Одесской второй гимназіи.

Потомственный почетный гражданинъ Кандинскій—вновь почетнымъ попечителемъ Одесской третьей гимназіи, съ 4-го іюня 1883 г.

Тверской городской голова, потомственный почетный гражданинъ Печаевъ—вновь почетнымъ попечителемъ Тверскаго реальнаго училища.

Командируются съ ученою цѣлью: а) за границу и въ Россіи: Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Скворцовъ—на лѣтнее вакаціонное время сего года и двадцать восемь дней.

и б) за границу: Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вильдъ— на одинъ мѣсяцъ, съ 15-го августа 1883 г.

Вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вагнеръ, астрофизикъ сей обсерваторіи, надворный совѣтникъ Гассельбергъ и адъюнктъ-астрономъ той же обсерваторіи, надворный совѣтникъ Дубяго—на два мѣсяца.

Ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Морковниковъ и Варшавскаго—Павинскій, профессоры С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительные статскіе совѣтники Ленцъ и Бейльштейнъ—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. изъ нихъ Морковниковъ, Ленцъ и Бейльштейнъ съ зачетомъ въ ихъ командировки разрѣшенныхъ имъ заграничныхъ отпусковъ: первому на мѣсяцъ, а послѣднимъ двумъ на полтора мѣсяца.

Digitized by Google

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ягичъ—съ 20-го іюня по 15 сентября 1883 года.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Кулаковскій—на лѣтнее вакаціонное время 1883 г. и двадцать восемь дней, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на двадцать восемь дней.

Приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Казанцевъ—на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1883 г.

Увольняются въ отпускъ въ разныя губерніи Россіи: Попечитель Харьковскаго учебнаго округа генеральнаго штаба генералъ-Лейтенантъ Максимовскій—на двадцать восемь дней.

Попечитель Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Капнистъ—на шесть недѣль (Высочайшее повелѣніе 8-го іюня 1883 г.).

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Дмитріевъ—на два мѣсяца (Высочайшее повелѣніе 8-го іюня 1883 г.).

Директоръ Императорской публичной библіотеки, тайный совѣтникъ Бычковъ—на два мѣсяца, съ 1-го іюля 1883 г.

Увольняется, согласно прошенію, отъ службы: попечитель Казанскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Шестаковъ, съ 18-го іюня 1883 г., съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный (Высочайшее повелѣніе 18-го іюня 1883 г.).

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:— книгу „Учебникъ церковно-славянской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній". Съ присовокупленіемъ изборника церковно-славянскихъ текстовъ. Составилъ ординарный профессоръ Варшавскаго университета Антонъ Будиловичъ. Варшава, 1883 г. — одобрить какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Краткій учебникъ географіи" Н. Раевскаго. Внѣевропейскія страны. Съ 14 чертежами. С.-Петербургъ, 1882 г. Ц.

50 коп. — допустить въ число учебныхъ пособій по географіи, для начальныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.

— Книгу: „Ариѳметика". Составилъ Ф. Симашко. Изданіе 7-е исправленное. Полтава; 1883 г, Ц. 65 коп. — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Въ ожиданіи коронаціи. Вѣнчаніе русскихъ самодержцевъ. Церковный обрядъ коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій нынѣшняго столѣтія". Н. Л. С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 руб. 20 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, а также для библіотекъ городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Собраніе задачъ для геометрическаго и проекціоннаго черченія". Составилъ М. Я. Покровскій, исполняющій должность инспектора, преподаватель математики, механики и черченія въ Ловичскомъ реальномъ училищѣ. Варшава, 1882 г. Ц. 1 руб. 25 коп. — допустить въ качествѣ учебнаго пособія для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Исторія среднихъ вѣковъ". Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Составилъ С. Рождественскій, примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ VI класса гимназій. Изданіе 3-е, исправленное на основаніи указаній и замѣчаній ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 75 к.— одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу, „Въ память столѣтняго юбилея присоединенія Крыма. Воспоминанія о Крымѣ. Кн. Е. Горчаковой. Второе изданіе. Москва, 1883 г. Ц. 1 руб." — допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Сборникъ русскихъ пословицъ съ

Digitized by Google

картинками". О. Верховской. С.-Пб., 1883 г. Ц. 50 коп. — допустить въ библіотеки народныхъ школъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Русская исторія для начальныхъ школъ". Составилъ И. Горбовъ. Москва, 1883 г. Ц. 25 коп. — допустить какъ учебное пособіе по русской исторіи въ городскія и двухклассныя сельскія училища и въ библіотеки всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Двѣ нотныя брошюры: 1) „Благодарный молебенъ". Роспѣвомъ православной церкви положилъ на одинъ голосъ, для начальныхъ народныхъ училищъ, священникъ Михаилъ Георгіевскій. Ц. 15 к. Москва,—1882 г. и 2) „Вседневныя молитвы христіанина, символъ вѣры, заповѣди и изреченія Господни о блаженствѣ" роспѣвами православной церкви, положилъ на одинъ голосъ, для начальныхъ народныхъ училищъ, священникъ Михаилъ Георгіевскій. Ц. 20 коп. Москва, 1882 г.,—согласно заключенію учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, одобрить какъ пособіе при обученіи пѣнію въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Въ ожиданіи коронаціи. Вѣнчаніе русскихъ самодержцевъ. Церковный обрядъ коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій нынѣшняго столѣтія". Н. Л. С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп. — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій, а также для библіотекъ городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу подъ заглавіемъ: „Народныя чтенія. Свято-Троицкая Сергіева лавра": ея значеніе въ жизни русскаго народа, съ 3-мя картинками. Издано на средства издательскаго общества при постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній. Изложилъ И. И. Петровъ. С.-Петербургъ, 1883 г. Ц. 15 коп. — одобрить, какъ для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, такъ и для публичныхъ чтеній.

— Книги: 1) В. П. Авенаріуса, „Что комната говоритъ", разказъ для дѣтей. Изд. второе. С.-Петербургъ, 1883 г.—допустить въ библіотеки городскихъ училищъ и 2) В. П. Авенаріуса „Сказка о Пчелѣ-мохнаткѣ", разказъ для дѣтей. Изд. третье. С.-Петербургъ, 1883 г. — допустить въ библіотеки какъ городскихъ, такъ и народныхъ училищъ.

Digitized by Google

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

О преміяхъ Макарія, митрополита Московскаго при Императорской Академіи Наукъ.

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 8-й день мая 1867 года, Высочайше утвердить соизволилъ слѣдующія главныя положенія для присужденія Императорскою Академіею Наукъ премій митрополита Макарія за лучшія сочиненія по наукамъ свѣтскимъ:

1) Къ соисканію премій митрополита Макарія допускаются сочиненія по всѣмъ вообще отраслямъ наукъ и знаній. Императорская академія наукъ разсматриваетъ сама сочиненія только по тѣмъ наукамъ, которыя входятъ въ кругъ ея занятій, а сочиненія, относящіяся къ роду наукъ, по которымъ въ академіи нѣтъ представителей, она препровождаетъ на разсмотрѣніе въ соотвѣтствующіе факультеты университетовъ или другія ученыя учрежденія, и при постановленіи своего о такихъ сочиненіяхъ заключенія руководствуется отзывами сихъ учрежденій.

2) Преміи преосвященнаго Макарія могутъ быть удостоиваемы лишь самостоятельные труды и при томъ такіе, которые существенно обогащаютъ науку, внося въ нее новые факты, наблюденія и воззрѣнія.

3) Премія преосвященнаго Макарія не можетъ быть присуждаема сочиненію, которое уже прежде того получило отъ академіи какую либо изъ находящихся въ ея распоряженіи наградъ, каковы напримѣръ: графа Уварова, Ломоносовская, тайнаго совѣтника Бэра и проч.

4) Къ соисканію должны быть допускаемы лишь сочиненія, писанныя на русскомъ языкѣ, печатныя или рукописныя; но въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе рукописное, она выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его рукописи, для котораго назначается соразмѣрный съ объемомъ сочиненія срокъ.

5) Преміи преосвященнаго Макарія состоятъ: полныя изъ 1,500 руб. каждая и неполныя изъ 1,000 руб. каждая, причемъ въ одинъ конкурсъ можетъ быть присуждаемо не болѣе двухъ полныхъ и трехъ неполныхъ премій. Раздробленіе сихъ премій не допускается.

Digitized by Google

6) Въ случаѣ, еслибы на какомъ-либо конкурсѣ одна или нѣсколько премій остались неприсужденными, то онѣ отлагаются до слѣдующаго конкурса, и академіи предоставляется объявлять, для соисканія ихъ, особыя задачи по разнымъ предметамъ наукъ.

7) Присужденіе премій преосвященнаго Макарія производится на основаніи особыхъ правилъ, которыя будутъ составлены въ свое время академіею, согласно съ вышеизложенными общими положеніями, и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія.

8) О результатахъ каждаго присужденія премій академія доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія въ особомъ публичномъ засѣданіи, и затѣмъ печатаетъ подробный отчетъ, съ объясненіемъ основаній принятыхъ ею рѣшеній и съ приложеніемъ рецензій увѣнчанныхъ преміями сочиненій.

Правила о порядкѣ присужденія Императорскою Академіею Наукъ премій митрополита Макарія.

(На основаніи ст. 7 Высочайше утвержденныхъ 8-го мая 1867 г. Главныхъ Положеній для присужденія Академіею премій митрополита Макарія за лучшія сочиненія по наукамъ свѣтскимъ,—утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 14-го іюня 1883 г.).

I.

Присужденіе премій бываетъ однажды въ два года, а именно: въ 1885, 1887, 1889, 1891 и т. д. годахъ. Въ тѣ годы, на которые падаетъ соисканіе премій, Академія имѣетъ, 19-го сентября, въ день рожденія митрополита Макарія, особое публичное засѣданіе, въ которомъ читается отчетъ о присужденіи премій.

II.

Дѣйствительные члены академіи не имѣютъ права участвовать въ соисканіи Макаріевскихъ премій.

III.

Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе премій полагается 19 сентября предшествующаго конкурсному года, причемъ печатныя сочиненія принимаются только такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе двухъ лѣтъ до этого срока.

Digitized by Google

IV.

На конкурсъ допускаются и рукописныя сочиненія, чисто и четко писанныя. Авторамъ ихъ предоставляется на волю или выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ какъ въ особомъ, приложенномъ къ рукописи пакетѣ, такъ и на самой рукописи.

V.

Право на полученіе преміи принадлежитъ только авторамъ, или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

VI.

Въ началѣ октября года, предшествующаго конкурсному, общее собраніе академіи избираетъ изъ среды своей восемь членовъ, соображаясь при этомъ съ содержаніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій. Составленная такимъ образомъ, подъ предсѣдательствомъ непременнаго секретаря, коммиссія дѣйствуетъ именемъ самой академіи.

VII.

Коммиссія назначаетъ для каждаго сочиненія рецензента изъ числа академиковъ, а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ. Относительно же сочиненій по наукамъ, не входящимъ въ кругъ дѣятельности академіи, постановляетъ, въ какія учрежденія они должны быть переданы для предварительнаго разсмотрѣнія.

VIII.

Рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 15-го апрѣля конкурснаго года.

IX.

Въ первыхъ числахъ мая назначаются дни засѣданій Макаріевской коммиссіи, о которыхъ извѣщаются всѣ ея члены особыми повѣстками.

Digitized by Google

X.

По прочтеніи въ этихъ засѣданіяхъ всѣхъ полученныхъ рецензій, назначается особое засѣданіе для постановленія приговоровъ о конкурсныхъ сочиненіяхъ. Коммиссія прежде всего рѣшаетъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли всѣмъ сочиненіямъ, не удостоеннымъ премій со сосстороны рецензентовъ, рѣшательно въ преміи отказать, или же въ ихъ числѣ есть такія сочиненія, которыя признано будетъ справедливымъ подвергнуть вторичному разбору для слѣдующаго Макаріевскаго конкурса.

За тѣмъ, всѣ сочиненія, одобренныя рецензентами, имѣются въ виду при разрѣшеніи вопроса: которымъ изъ нихъ слѣдуетъ присудить полныя преміи.

Собираніе голосовъ производится записками. Число предлагаемыхъ къ увѣнчанію полными преміями сочиненій должно быть въ каждой запискѣ не свыше числа полныхъ премій, но оно можетъ быть и ниже. Результатъ этого перваго собиранія голосовъ признается окончательнымъ для тѣхъ сочиненій, которыя съ перваго раза соединятъ въ свою пользу не менѣе $^2/_3$ всего числа голосовъ. Если такихъ сочиненій будетъ болѣе числа премій, то рѣшаетъ сравнительное большинство. Если же число сочиненій, получившихъ при первомъ собираніи голосовъ требуемое большинство, окажется менѣе числа премій, то прочія сочиненія, смотря по числу остальныхъ премій, баллотируются отдѣльно, шарами, начиная съ того сочиненія, которое получило наибольшее число голосовъ. Появленіе перваго отрицательнаго результата есть знакъ къ прекращенію баллотировки.

Такимъ порядкомъ производится послѣ того присужденіе и неполныхъ премій.

XI.

Премія можетъ быть назначаема, полная или неполная, при появленіи въ свѣтъ одного или нѣсколькихъ томовъ многотомнаго сочиненія, если только они составляютъ уже нѣчто цѣлое. Но въ такомъ случаѣ слѣдующія части, сколь бы превосходны онѣ ни были, не получаютъ преміи, развѣ когда сочиненіе явится на столько переработаннымъ, что можетъ считаться за новый трудъ.

Digitized by Google

XII.

Изъ соискательныхъ сочиненій, оставшихся неувѣнчанными за неимѣніемъ достаточнаго количества премій, академія можетъ отличить лучшія почетнымъ отзывомъ, который присуждается такимъ же порядкомъ, какъ и преміи.

XIII.

Общій отчетъ о каждомъ присужденіи Макаріевскихъ премій издается немедленно послѣ бывшаго 19-го сентября публичнаго собранія, съ приложеніемъ рецензій тѣхъ сочиненій, которыя удостоены премій и почетнаго отзыва.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесеніямъ попечителей учебныхъ округовъ открыты слѣдующія начальныя народныя училища, двухклассныя: въ с. Гутахъ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губ., въ с. Большой Лепатихѣ, Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ., при 101 учащихся; въ Сысертскомъ заводѣ, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ., при 108 учащихся; одноклассныя: въ с. Залѣсцахъ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губ., при 47 учащихся; при Сямозерскомъ погостѣ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губ. и въ с. Перерословъ, Острожскаго уѣзда, Волынской губ., при 53 учащихся.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

Поступило въ продажу удостоившееся Высочайшаго принятія Ихъ Императорскихъ Величествъ изданіе: „Гимнъ. Мольба русскаго о Державной Четѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра Александровича и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Слова А. Н. Май. Музыка А. И. Дюбюкъ. С.-Петербургъ“. Цѣна изданія для фортепіано съ пѣніемъ одинъ руб. (1 р.).

Digitized by Google

II.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ честь просить автора рукописи подъ заглавіемъ: „Нравственные уроки священника въ письмахъ къ бывшимъ прихожанамъ“, представленной въ комитетъ подъ девизомъ „Deo servire regnare est“ на соисканіе премій Императора Петра Великаго, доставить комитету свой адресъ, для необходимыхъ сообщеній.

ПОКРОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНѢ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

(Вас. Остр. Сувор. уч. по Большому проспекту въ Гавани, домъ № 71).

С.-Петербургская Покровская Община сестеръ милосердія, состоящая подъ покровительствомъ Августѣйшей Основательницы своей, Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини Александры Петровны, задалась не одною цѣлію приготовлять сестеръ милосердія на безкорыстное служеніе страждущему человѣчеству, но и призирать и воспитывать бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей. Для достиженія этихъ цѣлей, въ самой Общинѣ имѣются соотвѣтствующія учрежденія и между ними „Женская гимназія“.

По уставу Общины, Высочайше утвержденному 13-го февраля 1876 года, предполагалось учредить при ней училище для образованія фельдшерицъ. Оно по плану должно было состоять изъ двухъ курсовъ—приготовительнаго (гимназическій семилѣтній курсъ) и спеціальнаго (фельдшерскій— четырехлѣтній).

Въ 1876 году одновременно были открыты 4 класса гимназическаго курса: приготовительный, I, II и III со 178 ученицами. Ученицы обучались тѣмъ же самымъ предметамъ и приблизительно съ такимъ же распредѣленіемъ по классамъ, какъ и въ другихъ женскихъ гимназіяхъ.

Въ числѣ особенностей можно отмѣтить, что съ III класса введенъ латинскій языкъ, какъ обязательный предметъ и что ученицы

Digitized by Google

съ 14-лѣтняго возраста обязаны дежурить во всѣхъ отдѣленіяхъ Общины для пріученія ихъ съ раннихъ лѣтъ къ посильному труду. Окончившія полный семилѣтній гимназическій курсъ, согласно съ уставомъ Общины, получали аттестатъ и пользовались правами кончившихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; онѣ могли свободно располагать собою или поступить на спеціальный (фельдшерскій) курсъ или въ отдѣленія сестеръ милосердія, въ такъ называемыя испытуемыя, или избрать другой родъ жизни и занятій. Такова была задача и таковы цѣли училища для образованія фельдшерицъ по уставу Общины.

Въ 1878 году 6-го января состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ, по желанію Августѣйшей Основательницы Общины, приготовительный гимназическій курсъ училища преобразованъ въ женскую гимназію министерства народнаго просвѣщенія, на точномъ основаніи Положенія о женскихъ гимназіяхъ 14-го мая 1870 года и гимназія передана въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. 2-го апрѣля того же года Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Петровна, по Всемилостивѣйшему соизволенію Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, была назначена попечительницею гимназіи.

Во время преобразованія училище уже имѣло приготовительный классъ и 4 гимназическихъ: I, II, III и IV съ 241 ученицею; съ каждымъ изъ послѣдующихъ учебныхъ годовъ прибавлялся новый классъ гимназіи, такъ что въ настоящее время женская гимназія при Покровской Общинѣ имѣетъ приготовительный классъ, семь гимназическихъ и восьмой классъ дополнительный педагогическій, для желающихъ пріобрѣсти право на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

Училище для образованія фельдшерицъ содержалось на средства Августѣйшей Основательницы и на пожертвованія. Воспитанницы жили и нынѣ живутъ въ зданіяхъ Общины и какъ пансіонерки получаютъ отъ Общины все необходимое и пользуются всѣми учебными пособіями. Допускались и приходящія и своекоштныя пансіонерки; первыя платили 40 рублей въ годъ, а пансіонерки 120 руб. и 30 на обзаведеніе. Въ 1879 году съ пансіонерокъ взималось 180 руб., а съ приходящихъ 50 р.; въ настоящее же время съ 1881 года пансіонерки платятъ по 220 рублей и кромѣ того по 30 рублей на первоначальное обзаведеніе, а приходящія 60 руб. Съ переходомъ заведенія въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія съ 1878 года,

Digitized by Google

гимназія получала пособіе отъ казны въ 1,500 руб. ежегодно. Въ 1882 году, Государь Императоръ во 2-й день февраля 1882 года Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Въ пособіе на содержаніе личнаго состава женской гимназіи Покровской общины сестеръ милосердія въ С.-Петербургѣ отпускать по 1,490 руб. въ годъ, начиная съ 1882 года.

2) на пополненіе библіотеки и другихъ учебныхъ пособій этой гимназіи отпустить въ 1882 году единовременнымъ расходомъ 1,000 рублей,

и 3) на хозяйственные расходы этого же заведенія отпускать въ теченіе двухъ лѣтъ по 4,000 руб. въ годъ; на будущее же время это послѣднее пособіе назначать въ размѣрѣ постепенно сокращаемомъ, по мѣрѣ выбытія изъ гимназіи безплатныхъ пансіонерокъ и не долѣе какъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ.

Такимъ образомъ средства для содержанія гимназіи въ настоящее время составляются, вопервыхъ, изъ пособій Августѣйшей Покровительницы гимназіи, вовторыхъ, изъ суммы, отпускаемой изъ казны и втретьихъ, изъ взносовъ за ученіе приходящихъ и своекоштныхъ пансіонерокъ. Гимназія помѣщается въ особо для того устроенномъ двухъэтажномъ зданіи, а въ другомъ зданіи устроены спальни для пансіонерокъ.

Хозяйственною частію завѣдутъ, на основаніи положенія о женскихъ гимназіяхъ, попечительный совѣтъ. Въ 1882 году оба зданія для гимназіи и для спаленъ ремонтированы; заведеніе снабжено по возможности учебными пособіями и устроена библіотека, которая въ настоящее время состоитъ изъ 157 названій и 291 тома.

По первоначальному плану училища для приготовленія фельдшерицъ, въ немъ преподавались слѣдующіе предметы: законъ Божій, языки русскій, церковно-славянскій, французскій, нѣмецкій, латинскій, ариѳметика, алгебра, геометрія, исторія, географія, физика, естественная исторія, чистописаніе и рисованіе. Когда же учебное заведеніе перешло въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, то курсъ ученія вполнѣ согласованъ съ учебными планами, изложенными въ Высочайше утвержденномъ положеніи о женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія и латинскій языкъ удержанъ, какъ обязательный, кромѣ того введена музыка и пѣніе; обращено особое вниманіе на практическое изученіе новыхъ языковъ. Учебная часть первоначальнаго гимназическаго курса училища для фельдшерицъ ввѣрена была Покровительницею Общины окружному

Digitized by Google

инспектору Н. И. Савинову. По смерти Н. И. Савинова завѣдываніе учебною частію возложено было на дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. Ѳ. Эвальда, директора 1-го реальнаго училища, главною надзирательницею за воспитанницами была Н. А. Довбышева. Преподавателей, преподавательницъ и классныхъ дамъ до преобразованія заведенія въ гимназію было 22. Преподаватели, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава Общины, пользовались правами государственной службы. Съ преобразованіемъ учебнаго заведенія въ гимназію, завѣдующій учебною частію В. Ѳ. Эвальдъ былъ назначенъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта; главная надзирательница училища жена полковника Н. А. Довбышева, избранная попечительнымъ совѣтомъ въ начальницы гимназіи утверждена въ этой должности г. министромъ народнаго просвѣщенія; преподаватели, преподавательницы и воспитательницы, занимавшіеся въ училищѣ, продолжали, а многіе и до сихъ поръ продолжаютъ свою дѣятельность и въ гимназіи.

Въ настоящее время педагогическій совѣтъ Покровской женской гимназіи состоитъ изъ 33-хъ лицъ: начальницы гимназіи, 18 преподавателей, 7 преподавательницъ (нѣкоторыя изъ нихъ считаются и классными наставницами) и 7 классныхъ наставницъ. Предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, послѣ оставленія этой должности В. Ѳ. Эвальдомъ, назначенъ въ 1881 году статскій совѣтникъ Яковъ Георгіевичъ Моръ,—директоръ VIII С.-Петербургской гимназіи.

При передачѣ гимназіи въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, то-есть съ 6-го января 1878 года было 241 ученицъ; поступило до 1883 года 231 учен., слѣдовательно въ теченіе пяти лѣтъ всего обучалось 472 ученицы; къ 1-му января 1883 года состояло 283 ученицы.

Гимназія имѣла уже два выпуска ученицъ и въ нынѣшній 1883 годъ въ маѣ предстоитъ третій.

Первый выпускной классъ въ 1881 году состоялъ изъ 7-ми ученицъ; изъ нихъ двѣ удостоены медалей: Екатерина Степанова—золотой и Александра Кислова — серебряной; изъ семи окончившихъ гимназическій курсъ пять поступили въ восьмой дополнительный педагогическій классъ и по окончаніи курса этого класса удостоены двѣ званія домашнихъ наставницъ и три домашнихъ учительницъ. Упомянутыя Степанова и Кислова состоятъ въ настоящее время классными наставницами въ той же гимназіи; третья открыла въ селѣ Колпинѣ школу; остальныя возвратились къ родителямъ.

Digitized by Google

Второй выпускъ 1882 года состоялъ изъ 18 ученицъ, изъ нихъ три: Елена Никитина, Екатерина Попова и Лидія Синицына, награждены золотыми медалями и одна Казиміра Тэтэро—серебряною.

Въ дополнительный педагогическій классъ поступило 16, которыя и закончатъ свое образованіе въ маѣ настоящаго года.

Въ дополнительномъ классѣ, кромѣ теоретическихъ занятій, идутъ упражненія и занятія подъ руководствомъ наставника-педагога; ученицы, подъ его руководствомъ, даютъ каждая по очереди уроки по предметамъ первоначальнаго обученія въ школѣ для малолѣтнихъ при Покровской Общинѣ и приготовительномъ классѣ, и по предметамъ гимназическаго курса, въ младшихъ классахъ гимназіи; кромѣ того ученицы составляютъ рефераты по предметамъ воспитанія и обученія; имъ же поручается наблюденіе за ученицами младшихъ классовъ, а иногда онѣ исполняютъ обязанности классныхъ надзирательницъ.

По случаю отъѣзда Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны изъ столицы, Ея Высочеству благоугодно было поручить завѣдываніе, вмѣсто себя, какъ Покровской Общиною сестеръ милосердія, такъ и состоящими при ней учрежденіями супругѣ государственнаго контролера Маріи Александровнѣ Сольской.

Digitized by Google

ФРАНЦІЯ И РОССІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ [1]).

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV. С.-Пб. 1881.

III.

Путешествіе Петра во Францію въ 1717 году.

Не смотря на нѣкоторыя попытки со стороны Россіи и Франціи установить постоянныя дипломатическія сношенія, настоящаго сближенія между ними все-таки не было до путешествія Петра во Францію въ 1717 году. До того оба государства не могли найдти общихъ интересовъ, которые установили бы между ними болѣе или менѣе прочную связь. Тѣмъ важнѣе рѣшить вопросъ, когда въ Петрѣ родилась мысль о путешествіи въ Парижъ, и какія обстоятельства содѣйствовали такому рѣшенію. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь весьма скудными данными для разъясненія этого вопроса.

Мы знаемъ, какъ холодно Петръ относился къ Франціи во время своего перваго путешествія по западной Европѣ въ 1697 и 1698 годахъ; знаемъ также, что пріемъ, оказанный Петромъ французскому посланнику Балюзу въ 1703 и 1711 годахъ, возбудилъ неудовольствіе Людовика XIV. Царь не довѣрялъ Франціи, справедливо предполагая, что Людовикъ склоненъ поддерживать интересы Польши, Швеціи и Турціи противъ Россіи. Не легко судить о степени достовѣрности разказа современниковъ, будто Петръ еще при жизни Людовика XIV изъявлялъ желаніе видѣть Францію, но что король отклонялъ пріѣздъ царя [2]). Мы не считаемъ также вѣроятнымъ, чтобы

---

[1]) *Окончаніе.* См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) *Ramberty*, Peter de Groote in Holland en te Zaendam, Amsterdam, II 33.

Петръ имѣлъ въ виду поѣздку въ Парижъ, когда отправился за границу въ началѣ 1716 года. Но еще въ томъ же году, во время пребыванія за границей, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ возможности нѣкотораго сближенія съ Франціей. До сихъ поръ, однако, объ этихъ попыткахъ дипломатическихъ сношеній между Франціей и Петромъ было мало извѣстно, и именно въ этомъ отношеніи оказываются достойными вниманія нѣкоторые документы, напечатанные въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Кромѣ того, въ немъ находится множество документовъ касательно поѣздки Петра въ Парижъ, пребыванія его тамъ и веденныхъ при этомъ переговоровъ.

Какъ видно, между прочимъ, изъ отправленія въ Россію въ 1714 г. дипломатическаго агента де-Лави, во Франціи не переставали думать о возможности нѣкотораго сближенія съ Россіей, съ цѣлью главнымъ образомъ обезпечить интересы французской торговли и промышленности чрезъ заключеніе торговаго договора. Послѣ кончины Людовика XIV, малолѣтній преемникъ его въ весьма учтивомъ письмѣ къ царю сообщилъ о своемъ вступленіи на престолъ [1]). Весьма важная роль, которую Петръ игралъ затѣмъ въ Польшѣ, въ Германіи и въ Даніи въ 1716 году, еще болѣе должна была обратить вниманіе французскаго правительства на царя. Такимъ образомъ объясняется появленіе мысли воспользоваться личнымъ пребываніемъ Петра на западѣ для вступленія съ нимъ въ дипломатическія сношенія. Этотъ фактъ сдѣлался извѣстенъ лишь чрезъ изданіе французскихъ архивныхъ документовъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Съ 26-го мая по 15-е іюня 1716 года Петръ лѣчился въ Пирмонтѣ. Но лѣченіе не мѣшало ему заниматься политическими дѣлами. При царѣ были его министры. Въ Пирмонтъ явились представители различныхъ державъ, напримѣръ, императорскій посолъ графъ фонъ-Мечь, которому Карлъ VI поручилъ просить Петра отказаться отъ предполагаемой имъ высадки въ Шоніи и убѣдить его вывести свои войска изъ Мекленбурга; сюда же пріѣхалъ гессенъ-кассельскій дипломатъ фонъ-Кетлеръ для веденія переговоровъ о мирѣ между Швеціей и Россіей [2]).

И Франція имѣла намѣреніе отправить въ Пирмонтъ своего пред-

---

[1]) *Scheltema.* Mémoires pour srvir à l'histoire du XVIII siècle, XI, 619—620.

[2]) См. введеніе къ изданію *Германна*, Zeitgenössische Berichte, стр. IX XI—XII.

Digitized by Google

ставителя, чтобы договориться съ Петромъ о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ; это видно изъ письма графа де-Поншартрена къ графу де-ла-Марку отъ 18-го іюня 1716 года, напечатаннаго въ Сборникѣ (стр. 496—505). Тутъ, между прочимъ, сказано: „Король до сихъ поръ не имѣлъ съ нимъ (съ Петромъ) никакого прямаго сношенія, и его величество приказалъ многимъ изъ своихъ министровъ при разныхъ дворахъ имперіи и дворахъ сѣвера дать ему знать непосредственно или черезъ его министровъ, что его величество былъ бы расположенъ войдти съ нимъ въ связи и принять всякія мѣры, которыя могли бы установить доброе согласіе и взаимныя торговыя сношенія подданныхъ, что его величество и его королевское высочество, зная высокія качества его отличавшія, его познанія и славу, которую онъ пріобрѣлъ своимъ мужествомъ, весьма желали бы упрочить эти связи, и этотъ государь не будетъ имѣть повода въ этомъ сомнѣваться, когда ему угодно будетъ высказать свои чувства касательно этого предмета. Оказалось по тому, какъ эти увѣренія были приняты многими изъ его министровъ и имъ самимъ въ послѣдній разъ, когда графъ Круаси былъ допущенъ на его аудіенцію недалеко отъ Гамбурга [1]), что и онъ близокъ къ тому, чтобъ раздѣлить тѣ же расположенія. Однако же извѣстно, что, будучи предубѣжденъ противъ Франціи тѣми, которые его окружаютъ, онъ высказалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ холодность къ ней и недовѣріе за ея пристрастіе къ Шведскому королю. Его королевское высочество желаетъ, чтобы вы старались уничтожить эти предразсудки и, буде возможно, расположить царя къ заключенію какого либо союза съ его величествомъ". Затѣмъ графъ де-Поншартренъ предоставляетъ себѣ дать графу де-ла-Марку болѣе подробныя инструкціи въ случаѣ благопріятнаго исхода общихъ переговоровъ. Изъ остальныхъ замѣчаній въ этомъ документѣ достойны вниманія еще слѣдующія: „Вамъ не безызвѣстно, что главнѣйшія державы, которыя вели войну съ Франціей, когда Шведскій король находился въ Саксоніи, принимали большое участіе въ рѣшенія, принятомъ тогда этимъ государемъ вступить въ Московское государство. Онѣ нашли средства своими внушеніями увѣрить царя, что онѣ были всегда на сторонѣ его выгодъ, что ему слѣдовало смотрѣть на покойнаго короля какъ на

---

[1]) Хотя и имѣются разныя данныя о пребываніи Петра въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ въ маѣ 1716 года, но до сихъ поръ ничего не было извѣстно о свиданіи царя съ графомъ Круаси.

Digitized by Google

тайнаго врага, и предложеніе содѣйствія котораго должно быть для него подозрительнымъ. Однако же извѣстно, что среди такихъ предразсудковъ, поддерживаемыхъ съ большимъ искусствомъ и стараніями царь всегда смотрѣлъ на союзъ съ Франціею какъ на могущій быть полезнымъ для его подданныхъ" и пр. Графу де-ла-Марку затѣмъ вмѣняется въ обязанность быть въ высшей степени сдержаннымъ во время первыхъ бесѣдъ съ царемъ и его министрами; онъ долженъ былъ заговорить о желаніи Франціи заключить торговый договоръ, о расположеніи французскаго правительства содѣйствовать тому, чтобы склонить Карла XII къ уступкѣ Петербурга и его окрестностей царю; затѣмъ онъ долженъ былъ узнать, какія обязательства принялъ бы на себя Петръ въ случаѣ заключенія договора съ Франціею. „Необходимо", пишетъ, графъ де-Поншартренъ,—„чтобъ казалось, что вы говорите какъ бы сами отъ себя и безъ полученія приказаній, въ виду лишь изысканія средствъ устранить затрудненія, которыя могли бы слишкомъ долго препятствовать возстановленію спокойствія на сѣверѣ". Въ какой мѣрѣ однако французское правительство, желая задобрить царя, въ то же время хотѣло сѣять раздоръ между царемъ и Англіей, видно изъ слѣдующаго порученія въ концѣ письма: „Нужно вамъ замѣтить еще, что вы узнали изъ вѣрныхъ источниковъ, что адмиралъ Норрисъ, командующій англійскою эскадрою въ Балтійскомъ морѣ, имѣетъ приказаніе отъ короля Великобританіи отправиться къ шведскому королю и объявить ему: если угодно будетъ возвратить все то, что шведскіе крейсеры захватили у англичанъ и обѣщать не давать убѣжища инсургентамъ Великобританіи въ своихъ владѣніяхъ, то эскадра эта не присоединится къ его врагамъ и ничего не станетъ предпринимать противъ него. Можетъ быть, вы могли съ пользою употребить это свѣдѣніе, чтобы открыть, какія мысли у царя относительно герцогствъ Бремена и Вердена" и т. д.

Все это не повело къ желанной цѣли. Уже то обстоятельство, что французское правительство слишкомъ поздно задумало объ отправленіи графа де-ла-Марка въ Пирмонтъ, исключало возможность какого-либо результата. Письмо графа де-Поншартрена писано 7/18-го іюня, а недѣлю спустя Петръ уже выѣхалъ изъ Пирмонта. Такимъ образомъ для сближенія съ царемъ французскому двору нужно было принять другія мѣры. Посредникомъ при достиженіи этой цѣли должна была служить Пруссія.

Свѣдѣнія о попыткѣ Франціи сблизиться съ царемъ при помощи

Пруссіи сообщаются въ Сборникѣ только въ запискѣ ле-Драна „Négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I. 1715—1717", составленные уже въ 1726 году на основаніи французскихъ архивныхъ документовъ. „Послѣ смерти Людовика XIV," пишетъ ле-Дранъ,—„одною изъ первыхъ заботъ герцога Орлеанскаго было устранить затрудненія, которыя могли бы препятствовать царю принять посредничество короля въ возстановленіи мира на сѣверѣ. Къ концу 1715 года царь отправилъ съ своей стороны г. Лефорта для представительства въ Парижѣ въ качествѣ русскаго агента; но такъ какъ его полномочія ограничивались только дѣлами, состоявшими въ связи съ торговлею, то его королевское высочество предпочелъ не обращаться къ этому агенту, а дѣйствовать чрезъ королевскихъ министровъ въ Гагѣ, Польшѣ и при нѣкоторыхъ германскихъ дворахъ, съ цѣлью увѣрить царя, что онъ можетъ вполнѣ положиться на употребленныя королемъ старанія въ дѣлѣ примиренія сѣверныхъ государей, что его величеству желательно вступить въ тѣсную дружбу съ государемъ, снискавшимъ себѣ такое уваженіе, и скрѣпить эти узы заключеніемъ торговаго договора между своими и русскими подданными. Эти увѣренія уже произвели было нѣкоторое дѣйствіе на царя, когда король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ, заключивъ съ Франціею по совершенному въ сентябрѣ 1716 года договору, секретное условіе объ охраненіи Утрехтскаго и Баденскаго договоровъ и объ умиротвореніи сѣвера, вскорѣ послѣ того счелъ нужнымъ побудить царя слѣдовать той же политикѣ и присоединиться съ этой цѣлью къ союзу, заключивъ договоръ съ королемъ.—Первыя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы Прусскимъ королемъ при свиданіи съ царемъ въ Гавельбергѣ, съ сентябрѣ 1716 года; король однако не открывалъ послѣднему, что онъ уже заключилъ договоръ съ его величествомъ" (стр. XXII—XXIII). Достойно вниманія, что въ этомъ разказѣ вовсе не упомянуто ни о намѣреніи герцога Орлеанскаго отправить графа де-ла-Марка въ Пирмонтъ, ни о пребываніи де-Лави въ Петербургѣ. Кромѣ того, должно замѣтить, что свиданіе короля Фридриха-Вильгельма съ царемъ въ Гавельбергѣ датировано не вѣрно: оно происходило не въ сентябрѣ, а въ ноябрѣ 1716 года.

О самомъ ходѣ дѣла мы узнаемъ изъ особеннаго примѣчанія къ запискѣ Ле-Драна слѣдующее: „Господинъ Ильгенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, сообщилъ французскому министру графу Роттембургу, въ концѣ октября 1716 года, что его государь, король

Прусскій, имѣлъ тогда въ виду, совокупно съ королемъ (Французскимъ) вступить въ союзъ съ царемъ: что нынѣ представляется для этого самый благопріятный случай, такъ какъ царь обидѣлся письмомъ императора по поводу совершенныхъ русскими войсками безпорядковъ въ Мекленбургскомъ краѣ; что король Прусскій намѣренъ даже заключить отдѣльный и секретный договоръ съ Шведскимъ королемъ, совмѣстно съ царемъ; что такое рѣшеніе было принято вслѣдствіе полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніи Англійскаго короля не только отдѣлиться отъ сѣвернаго союза, но и принять на себя роль посредника для заключенія мира, что король (Французскій) самъ могъ бы быть посредникомъ и даже третейскимъ судьей въ этомъ мирѣ; что хотя этотъ проектъ и превеликъ, но его легко осуществить, что его величеству извѣстны требованія Прусскаго короля, и что и царь въ свою очередь будетъ весьма умѣреннымъ" (стр. XXIII).

После всего этого можно думать, что сближеніе между Россіей и Пруссіей, съ одной стороны, и Франціей — съ другой, было весьма важнымъ предметомъ бесѣдъ, происходившихъ въ Гавельбергѣ между Петромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Къ сожалѣнію, ни въ прусскихъ, ни въ русскихъ источникахъ не найдено пока болѣе подробныхъ данныхъ объ этомъ свиданіи. Царь пріѣхалъ въ Гавельбергъ 12-го ноября и оставался тамъ до 17-го числа. Союзъ между обоими государями дѣйствительно состоялся. Нѣтъ сомнѣнія, что была рѣчь и о Франціи [1]). Во всякомъ случаѣ, царь былъ доволенъ результатомъ этого свиданія. 17-го ноября 1716 года онъ писалъ Екатеринѣ: „О здѣшнемъ объявляю, что нашъ пріѣздъ сюда не даромъ, но съ нѣкоторою пользою", и къ Апраксину: „Мы здѣсь по желанію короля Прусскаго пріѣхали и мѣсто небезполезное учинили" [2]).

Царь былъ въ Гавельбергѣ на пути изъ Даніи въ Голландію. Въ Даніи онъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій союзниковъ. Тѣмъ легче могъ онъ думать о заключеніи сепаратнаго мира со Швеціей, тѣмъ охотнѣе долженъ былъ встрѣтить предложенія въ родѣ сдѣланныхъ ему прусскимъ правительствомъ.

6-го декабря Петръ пріѣхалъ въ Амстердамъ. Тутъ должны были продолжаться переговоры, въ которыхъ играла роль Франція. Тутъ, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ получилъ отъ русскаго посла въ Берлинѣ,

---

[1]) См. нѣкоторыя подробности у *Соловьева*, XVIII, 61.

[2]) Письма русск. государей, I, 50; Мат. для исторіи р. флота, II, 156.

Digitized by Google

графа Александра Головкина, слѣдующее донесеніе: „Сказывалъ Ильгенъ, что спрашивалъ его французскій министръ графъ Ротембургъ, какую склонность имѣетъ ваше величество къ Франціи, и потомъ онъ, Ротембургъ, засвидѣтельствовалъ, что дукъ-д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть, на что онъ, Ильгенъ, ему сказалъ, что ваше царское величество не склоненъ къ тому, и Ротембургъ писалъ къ своему двору и думаетъ вскорѣ получить отвѣтъ. Потомъ Ильгенъ разсуждалъ, что не малая польза можетъ произойдти всему сѣверному союзу, если Франція въ доброе согласіе съ сѣверными союзниками вступитъ и не будетъ помогать общему непріятелю деньгами и другими способами, къ чему, по его, Ильгенову, мнѣнію можно Францію склонить". 14-го декабря получено было новое донесеніе: французскій посланникъ объявилъ Прусскому королю, что Франція охотно желаетъ вступить въ доброе согласіе съ Россіей и Пруссіей; Петръ велѣлъ Головкину объявить королю, что онъ, царь, также готовъ вступить въ соглашеніе съ Франціей сообща съ Пруссіей.

Такимъ образомъ завязались дипломатическія сношенія между Франціей и Россіей. Французскій дворъ требовалъ отъ русскаго гарантіи договоровъ Утрехтскаго и Баденскаго; Петръ первымъ условіемъ союза со стороны Франціи ставилъ гарантію всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей въ Сѣверную войну. Хотя Франція и не соглашалась на это, Петръ однако могъ надѣяться чрезъ посѣщеніе французской столицы найдти новое средство для достиженія желанной цѣли, для заключенія выгоднаго мира [1]).

Современники передавали, что Петръ желалъ отправиться во Францію въ надеждѣ занять деньги у этой державы [2]). Мы увидимъ, что денежный вопросъ дѣйствительно игралъ нѣкоторую роль въ переговорахъ, веденныхъ во время пребыванія Петра въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ, отправляясь во Францію, Петръ руководствовался чисто политическими соображеніями, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что надежда его на Францію была возбуждена заявленіями французскаго правительства.

Увѣренія въ готовности Франціи вступить въ близкія сношенія съ царемъ повторялись и во время пребыванія Петра въ Голландіи.

---

[1]) *Соловьевъ*, XVII, 68—74; *Сб. Ист. Общ.*, XXXIV, 519.

[2]) См. письмо Робетона къ Веберу въ изданіи *Германна*, Peter d. Gr. und Alexei, стр. 191.

Digitized by Google

На этотъ счетъ мы встрѣчаемъ весьма любопытныя данныя въ вышеупомянутой запискѣ Ле-Драна: „Такъ какъ царь въ 1717 году хотѣлъ провести часть зимы въ Голландіи", разказываетъ Ле-Дранъ,— „то баронъ Книпгаузенъ, министръ Прусскаго короля, былъ въ то же время отправленъ изъ Берлина въ Гагу, чтобы дѣйствовать на тѣхъ же основаніяхъ [1]) и старался сблизить короля (Французскаго) съ царемъ посредствомъ договора, въ которомъ и король Прусскій могъ бы быть договаривающеюся стороною. Баронъ Книпгаузенъ ловко повелъ эти переговоры и, заставивъ русскихъ министровъ отказаться отъ нѣкоторыхъ предложеній, которыя на его личный взглядъ не могли бы быть приняты королемъ, въ концѣ марта 1717 года, успѣлъ заставить ихъ принять согласное съ желаніями Прусскаго короля рѣшеніе, и тогда баронъ Книпгаузенъ вручилъ, по порученію царя, королевскому посланнику въ Гагѣ г. Шатонёфу проектъ оборонительнаго между ихъ величествами союза, заключающаго только четыре слѣдующія условія: 1) что царь приметъ на себя гарантію Утрехтскаго и Баденскаго договоровъ, не требуя въ замѣнъ никакой гарантіи, какъ относительно своего государства, такъ и своихъ завоеваній, зная, что не можетъ испрашивать гарантіи послѣднихъ, пока не послѣдуетъ ихъ уступки; 2) что его величество не будетъ выдавать никакой субсидіи Шведскому королю, въ теченіе войны послѣдняго съ царемъ; 3) что его величество окажетъ свое содѣйствіе въ умиротвореніи сѣвера, безъ всякаго пристрастія къ Шведскому королю; 4) что имъ будетъ выдаваема царю ежемѣсячная субсидія въ 25000 экю, впредь до окончанія Сѣверной войны".

„Царь хорошо сознавалъ", продолжаетъ Ле-Дранъ,—„что Франція не легко поддастся на выдачу ему субсидіи, которую пришлось бы отнять у Шведскаго короля; что эти переговоры могутъ затянуться, и что даже послѣ достигнутаго соглашенія по главнымъ статьямъ, когда дѣло дойдетъ до формулированія договора, могутъ возникнуть новыя затрудненія, которыя замедлили бы окончаніе дѣла. Вслѣдствіе этого относясь съ полнымъ довѣріемъ къ добрымъ намѣреніямъ герцога Орлеанскаго, онъ рѣшился, не дожидая даже отвѣта его королевскаго высочества на свои четыре предложенія, отправиться въ Парижъ въ сопровожденіи своихъ главныхъ министровъ, чтобы принять личное участіе въ заключеніи союза, предложеннаго ему Прусскимъ королемъ. Баронъ Книпгаузенъ тоже отправился туда, и вслѣдъ

[1]) Какъ до того Ильгенъ и Ротембургъ.

Digitized by Google

за ихъ прибытіемъ тотчасъ начались переговоры" (стр. XXXIII—XXXV).

Такимъ образомъ, благодаря документамъ, помѣщеннымъ въ XXXIV томѣ Сборника Историческаго Общества, мы можемъ составить себѣ точное понятіе о тѣсной связи между заявленіями французскаго правительства въ концѣ 1716 года и рѣшеніемъ Петра лѣтомъ 1717 года посѣтить столицу Франціи.

О подробностяхъ путешествія царя изъ Голландіи въ Парижъ (отъ 19-го марта по 26-е апрѣля 1717 года) пока было извѣстно довольно мало. Поѣздка Петра по Австрійскимъ Нидерландамъ на пути во Францію описана въ основанной на богатомъ архивномъ матеріалѣ монографіи Гашара (Gachard) въ Bulletins de l'Académie royale des sciences, des lettres ex des beaux arts de Belgique (2-me série t. XLVI. Bruxelles, 1878, стр. 510—546). О путешествіи же царя отъ бельгійско-французской границы мы имѣли лишь нѣкоторыя скудныя данныя въ „Походномъ Журналѣ" или „Юрналѣ", въ письмахъ царя къ Екатеринѣ и въ документахъ, напечатанныхъ въ XIII томѣ Русской Старины (стр. 111—194). Тѣмъ большее значеніе имѣютъ изданные въ XXXIV-мъ томѣ Сборника документы объ этомъ предметѣ (стр. 123—196) Тутъ встрѣчается значительное число писемъ тѣхъ лицъ, которымъ было поручено встрѣчать и угощать царя и заботиться о доставленіи ему всего нужнаго. Въ этихъ донесеніяхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ данныя о впечатлѣніи, произведенномъ царемъ на французскихъ сановниковъ, и распоряженія французскаго правительства, свидѣтельствующія о чрезвычайной предупредительности въ отношеніи къ Петру.

Вотъ что̀, между прочимъ, сказано въ инструкціи, данной интенданту въ Дюнкирхенѣ: „Около 14-го числа сего мѣсяца (апрѣля) въ Дюнкирхенъ пріѣдетъ иностранная знатная особа для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кале...[1]); его королевское высочество желаетъ, чтобы эта особа и свита ея, состоящая изъ 20 главныхъ лицъ и около 20 слугъ, были помѣщены въ Дюнкирхенѣ; полагаютъ, что домъ, который въ прежнее время былъ занятъ морскими интендантами, былъ бы пригоденъ для этой цѣли, если онъ только меблированъ приличнымъ образомъ... Необходимо, чтобы особа, о которой

[1]) Петръ прибылъ въ Дюнкирхенъ нѣсколько раньше, именно 10-го апрѣля, а пробылъ тамъ четыре дня. См. мою статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, CXI, стр. 647—648.

Digitized by Google

идетъ рѣчь, была помѣщена въ главной части зданія, а во второмъ этажѣ и въ другихъ удобныхъ частяхъ того же дома нѣсколько комнатъ были бы порядочно меблированы для главнѣйшихъ лицъ ея свиты; вы также отведете въ обывательскихъ домахъ (dans quelques maisons bourgeoises) квартиры для прочихъ знатныхъ лицъ, а что касается слугъ, то они могли бы помѣститься въ гостинницахъ, на основаніи распоряженій, которыя вы прикажете сдѣлать дюнкирхенскому магистрату. Необходимо также, чтобы вы озаботились приготовленіемъ приличныхъ и чистыхъ каретъ для двадцати главнѣйшихъ лицъ свиты, а равно телѣгъ и лошадей для двадцати человѣкъ, составляющихъ прислугу, только для путешествія изъ Дюнкирхена въ Кале; но такъ какъ эта особа, быть можетъ, предпочтетъ какъ для себя, такъ и для лицъ, ее сопровождающихъ, и для прислуги, продолжать путь по каналамъ на лодкахъ, которыя тянутся лошадьми, то вамъ слѣдуетъ распорядиться о поставкѣ таковыхъ судовъ, и такъ какъ въ такомъ случаѣ потребовалась бы весьма опрятная лодка, то вы можете послать въ Сенъ-Омеръ за лодкой, принадлежащей королю" (стр. 123—126).

Въ инструкціи г-ну д'Еронвилю (d'Héronville), командовавшему войсками въ Дюнкирхенѣ, о „знатномъ лицѣ, желающемъ сохранить инкогнито", говорится слѣдующее: „Не смотря на то, его королевскому высочеству угодно было оказать ему все отличіе и вниманіе, могущія заявить съ его стороны высокое уваженіе, не отдавая ему тѣхъ почестей, отъ которыхъ, повидимому, это знатное лицо, само уклоняется, дабы избѣжать затрудненій церемоніала. Вамъ слѣдуетъ только оказать ему любезность, объяснивъ, что, лишь вслѣдствіе его желанія сохранить полнѣйшее инкогнито, его королевское высочество, не смотря на собственное желаніе отнестись къ нему съ особымъ вниманіемъ, предписалъ вамъ не дѣлать ничего кромѣ того, что захочетъ оно само, вѣроятно предпочитая предоставить ему полную свободу дѣйствій" (стр. 127).

Наконецъ, въ инструкціи г. де-Либуа, камеръ-юнкеру королевскаго дома, отправленному на встрѣчу царю, предписано заботиться о мѣрахъ къ пріему царя во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя царь проѣдетъ на пути въ Парижъ. Де-Либуа долженъ узнать, какимъ образомъ царь былъ принятъ и чествуемъ въ Нидерландахъ, каковъ его образъ жизни; долженъ по возможности увидѣться съ княземъ Куракинымъ для полученія отъ него свѣдѣній, необходимыхъ для опредѣленія церемоніала, подходящаго къ этому случаю. „Князь Ку-

Digitized by Google

ракинъ", сказано въ этой инструкціи,—„изъ всѣхъ посланниковъ царя отличается наибольшею вѣжливостью и талантами, намѣренія его всегда были прямы; такъ какъ ему было поручено передать г-ну де-Шатонёфъ о рѣшеніи своего государя посѣтить Парижъ, то независимо отъ прочихъ причинъ, побуждающихъ обратиться къ нему предпочтительно передъ остальными послами царя для полученія свѣдѣній о его намѣреніяхъ, самъ монархъ указалъ этотъ путь". Въ инструкціи этой обращается особенное вниманіе на сохраненіе инкогнито царя, но притомъ замѣчено: „Г. де-Либуа долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы не оставить въ умѣ царя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отъ него вполнѣ зависитъ получать самыя высокія почести и что почести эти отмѣнены единственно во исполненіе его желаній.... Намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобы этотъ государь былъ доволенъ знаками вниманія его величества,... Такъ какъ вѣрнѣйшій способъ достигнуть въ этомъ успѣха заключается въ томъ, чтобъ сообразоваться съ его привычками, то г. де-Либуа долженъ умѣть разузнать объ нихъ или черезъ посредство его пословъ, или иными путями, и воспользоваться этими свѣдѣніями какъ для руководства своихъ дѣйствій, такъ и для раздачи соотвѣтствующихъ приказаній лицамъ, подвѣдомымъ ему въ этомъ отношеніи".

Затѣмъ камеръ-юнкеру де-Либуа поручается вывѣдать, не предпочтетъ ли царь полученіе ежедневной суммы, примѣрно 1,500—2,000 ливровъ въ день, вмѣсто содержанія, назначеннаго для него. Наконецъ, въ инструкціи сказано, что войска разставлены такимъ образомъ, чтобы царь во время путешествія постоянно имѣлъ караулъ отъ 12 до 15 дворянъ и отъ 20 до 30 человѣкъ въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ будетъ ночевать. Де-Либуа былъ данъ пропускной билетъ, освобождающій отъ всякихъ пошлинъ одежду и вещи царя и свиты, съ запрещеніемъ осматривать ихъ и накладывать на нихъ печати (стр. 127—138).

Де-Либуа, встрѣчая царя, оказался довольно ловкимъ и расторопнымъ распорядителемъ и агентомъ. О встрѣчѣ своей съ Петромъ въ Садкотѣ онъ доносилъ изъ Дюнкирхена, 21-го апрѣля, слѣдующее: „Князь Куракинъ представилъ меня его величеству въ его лодкѣ, я передалъ привѣтствіе короля; князь Куракинъ перевелъ оное и сообщилъ мнѣ отвѣтъ царя, что онъ чрезвычайно признателенъ за увѣренія въ дружбѣ короля; къ этому онъ прибавилъ нѣсколько словъ и въ заключеніе сказалъ, что радъ меня видѣть. Послѣ того я передалъ привѣтствіе его королевскаго высочества; князь Куракинъ

Digitized by Google

отвѣтилъ почти то же, что̀ и въ первый разъ; сказавъ нѣсколько словъ о мудрости и славѣ его королевскаго высочества, царь вышелъ изъ лодки и перешелъ въ городскую лодку, предпочитая ее каретамъ; ...я оставался при его величествѣ... и имѣлъ случай сказать ему нѣсколько похвалъ, которыя онъ повидимому выслушалъ съ удовольствіемъ... Не смотря на инкогнито, къ нему обращаются не иначе, какъ называя его величествомъ... Онъ ужиналъ послѣ семи часовъ; я пилъ за его здоровье, затѣмъ царь пилъ за здоровье короля, а нѣсколько минутъ спустя и его королевскаго высочества; я пилъ за здоровье царицы.... Завтра царь осмотритъ старый портъ, магазины и пр. ....Свита царя состоитъ изъ 57 человѣкъ; сегодня вечеромъ былъ большой расходъ вслѣдствіе этого увеличенія... Я затрудняюсь на счетъ экипажей... приготовлено только двѣ четверомѣстныя кареты, и, какъ я вижу, болѣе 17 человѣкъ сочли бы себя обиженными, еслибы имъ предложили помѣститься въ плохія коляски" (стр. 139—141).

Два дня спустя де-Либуа писалъ: „Вчера въ 6 часовъ утра царь осматривалъ старый портъ и перешелъ пѣшкомъ чрезъ каналъ противъ Рисбау, а вернувшись оттуда осматривалъ бассейнъ и магазинныя строенія. Сегодня утромъ онъ еще разъ осматривалъ Рисбау, фортъ Реверскій и фортъ Бѣлый, гдѣ его застигъ приливъ, что̀ представило нѣкоторую опасность; онъ съ легкостью вскочилъ на лошадь, а мы поплатились только парижскою каретою, которая до того попорчена, что почти негодна къ употребленію" [1]) (стр. 143).

Вопросъ о дорожныхъ экипажахъ сильно безпокоилъ де-Либуа. Русскимъ не понравились почему-то французскія кареты. При многочисленной свитѣ Петра расходы превышали смѣту. Къ тому же де-Либуа часто жаловался на недобросовѣстность и сребролюбіе царской прислуги. Онъ пишетъ: „Я представлю Куракину злоупотребленія царскаго повара, который подъ предлогомъ двухъ или трехъ тарелокъ кушанья для царя, беретъ говядины и вина столько, сколько потребовалось бы для восьми человѣкъ" (стр. 144). Въ другомъ мѣстѣ де-Либуа сообщаетъ: „Мнѣ хотѣлось узнать, до чего можетъ простираться увеличеніе расхода и всѣ злоупотребленія, и оказалось, что это составляетъ болѣе 400 ливровъ въ день, считая свѣчи, кромѣ экипажей" (стр. 166). А немногимъ позже: „Случалось уже три раза,

---

[1]) Объ этомъ случаѣ говорится и въ письмѣ маркиза де-Иріе въ статьѣ *Гашара* въ *Бюллетенѣ Белг. Акад.*, 522.

Digitized by Google

что цѣлый столъ, и притомъ первый, оставался не занятымъ, такъ какъ царь обѣдалъ у себя, а всѣ вельможи ѣли украдкой (en cachette) припасы, взятые безъ всякой мѣры и приличія въ нашихъ буфетахъ" (стр. 142—143). „Мнѣ показалось", замѣчаетъ еще де-Либуа,—„что самъ царь отчасти замѣчаетъ злоупотребленія" (стр. 179).

Было очень много хлопотъ съ русскими путешественниками, и не обходилось безъ непріятностей. Князь Куракинъ жаловался де-Либуа, что они царя везутъ въ дурныхъ каретахъ (стр. 148 и 149), спорили о числѣ лошадей (стр. 150). „Этотъ маленькій дворъ", жалуется де-Либуа,—„весьма перемѣнчивъ и нерѣшителенъ, и всѣ отъ престола до конюшни чрезвычайно вспыльчивы" (стр. 151). При вѣчныхъ заявленіяхъ неудовольствія разными мелочами, де-Либуа считалъ возможнымъ, что царь вовсе не поѣдетъ въ Парижъ, а возвратится въ Брюссель. Въ новой инструкціи, посланной де-Либуа, ему совѣтовали избѣгать въ разговорѣ съ Куракинымъ всякихъ замѣчаній о расходѣ на угощеніе; просили его не забывать, что необходимо угождать царю и знатнымъ лицамъ его свиты, и что по возможности не должно жаловаться Куракину на царскую прислугу и вельможъ.

Вопросъ о настоящей цѣли путешествія царя сильно занималъ Французовъ. Де-Либуа пишетъ 23-го апрѣля: „До сихъ поръ я не узналъ дѣйствительной причины путешествія царя, кромѣ простаго любопытства и нѣкоторой врожденной любознательности. Я усматриваю какія-то неясныя намѣренія установить торговлю, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это составляло главную цѣль" (стр. 145). Изъ Парижа де-Либуа писали: „Вамъ не должно обнаруживать малѣйшее любопытство относительно видовъ царя при настоящемъ его путешествіи и продолжительности его пребыванія въ королевствѣ" (стр. 155).

О самомъ Петрѣ де-Либуа дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „Царь очень великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ и имѣетъ привычку держать голову немного внизъ. Онъ смуглъ и въ выраженіи лица его есть что-то суровое; кажется, онъ обладаетъ живымъ умомъ и большою смѣтливостью; въ движеніяхъ его замѣтно нѣкоторое величіе, впрочемъ, не всегда выдерживаемое. Онъ задумчивъ и разсѣянъ, хотя для всѣхъ доступенъ и простъ въ обращеніи; говорятъ, что онъ очень силенъ и способенъ къ работѣ физической и умственной. Мнѣ кажется, что со времени его пріѣзда онъ не посвятилъ ни одного часа на занятія дѣлами.... Царь проситъ, чтобы король соизволилъ помѣстить его въ Парижѣ въ одномъ изъ частныхъ домовъ;

Digitized by Google

онъ желаетъ избѣжать королевскихъ дворцовъ.... Еслибы вы могли предоставить ему домъ съ видомъ на рѣку, то это было бы наслажденіемъ для царя. Этотъ монархъ настоятельно проситъ, чтобы его величество соизволилъ назначить къ нему какого-нибудь морскаго офицера, который, если возможно, хорошо бы говорилъ по голландски, чтобы служить ему хотя въ Парижѣ переводчикомъ... Меня увѣряли, что въ Кале есть командиръ Флейты [1]), г. Фандермершъ, который могъ бы выполнить эту обязанность" (стр. 145—148). Въ другомъ письмѣ, изъ Кале, де-Либуа пишетъ, что удивляется любознательности царя, прибавляя: „Впрочемъ. я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что въ этомъ путешествіи не играютъ важной роли политическія дѣла и намѣренія". Де-Либуа удивлялся и тому, что Петръ, занимая роскошныя помѣщенія, не выбиралъ для себя лучшей горницы, а спалъ гдѣ-нибудь въ небольшой комнатѣ. Онъ замѣчаетъ: „Въ характерѣ царя встрѣчаются зародыши добродѣтелей, но они въ дикомъ состояніи и перемѣшаны съ недостатками. По моему мнѣнію, ему всего болѣе недостаетъ послѣдовательности и постоянства въ намѣреніяхъ, и потому нельзя твердо надѣяться на условія, которыя могутъ быть заключены съ нимъ". О лицахъ царской свиты де-Либуа пишетъ: „Сознаю, что князь Куракинъ вѣжливъ; какъ кажется, онъ уменъ и склоненъ къ тому, чтобы все шло къ обоюдному удовольствію. Не знаю, по характеру ли, или потому что боится царя, который, кажется, очень строгъ и крутъ, князь Куракинъ относится къ малѣйшимъ бездѣлицамъ съ жаромъ, какъ будто бы дѣло шло о важныхъ предметахъ... Князь Долгорукій, кажется, весьма обходительный человѣкъ и очень уважаемъ царемъ; одно неудобство заключается въ томъ, что онъ не понимаетъ рѣшительно никакого языка кромѣ русскаго. Кстати, позвольте вамъ замѣтить, что весь этотъ дворъ обижается названіемъ московитскаго и даже Московіи. Генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ весьма цѣнимъ царемъ; онъ не много понимаетъ по нѣмецки. Совѣтникъ Толстой пользуется довѣріемъ и очень вѣжливъ; онъ говоритъ по итальянски: адъютантъ и камергеръ Ягужинскій близокъ царю; онъ пользуется всѣми его милостями и довольно учтивъ, любитъ удовольствія и никогда не ложится спать трезвый; кажется, онъ не вмѣшивается въ дѣла и, сказать по правдѣ, все касающееся настоящаго путешествія возложено на князя Куракина". Затѣмъ слѣдуютъ менѣе важныя замѣчанія о Нарышкинѣ, Эрскинѣ,

[1]) «Flûte», названіе судна.

Digitized by Google

Макаровѣ, Волковѣ, Салтыковѣ, Олсуфьевѣ и пр. Достойно вниманія замѣчаніе объ Остерманѣ: „Я не видѣлъ совѣтника Остермана; не знаю, какъ онъ это сдѣлалъ; его приглашали нѣсколько разъ; мнѣ кажется, онъ рѣдко приходитъ къ столу и мало вмѣшивается въ дѣла“. „Главный священникъ“, сказано далѣе,—„товарищъ въ удовольствіяхъ фаворита (Рагузинскаго?), также невоздерженъ и весьма въ тягость; кажется его дѣло только пить; онъ говоритъ единственно по русски“. О Шафировѣ де-Либуа замѣчаетъ, что онъ пользуется довѣріемъ царя едва ли не болѣе Куракина, которому не уступаетъ въ изяществѣ манеръ (стр. 166).

Де-Либуа сообщаетъ и объ образѣ жизни царя: „Царь встаетъ рано, обѣдаетъ около десяти часовъ, ужинаетъ около семи и удаляется въ свои комнаты раньше девяти; онъ употребляетъ водку передъ обѣдомъ, пиво и вино послѣ полудня, за ужиномъ ѣстъ мало, а иногда и вовсе не ужинаетъ. Мнѣ не удалось еще замѣтить какого-либо совѣщанія или конференціи о серьезныхъ дѣлахъ, если только не разсуждаютъ о нихъ за рюмкою вина. Я даже удивленъ этимъ и не знаю, не живутъ ли они со дня на день, при чемъ царь одинъ и весьма быстро рѣшаетъ все, что можетъ представиться. Этотъ государь при всякомъ случаѣ мѣняетъ свои удовольствія и прогулки и необычайно подвиженъ, нетерпѣливъ и взыскателенъ“ (стр. 163—165).

Де-Либуа замѣчаетъ также, что царь охотно ѣстъ французскія блюда и пьетъ французскія вина, кромѣ шампанскаго, и любитъ черный хлѣбъ; что онъ иногда принимаетъ за столомъ, но затѣмъ сдѣлался менѣе доступнымъ; что онъ охотно показывается на улицахъ, но не любитъ, чтобы за нимъ бѣгали. Въ Кале онъ остался особенно доволенъ осмотромъ ліонскаго полка и укрѣпленій города и присутствовалъ на охотѣ. Де-Либуа пишетъ: „Царь былъ очень веселъ и привѣтливъ; онъ не обладаетъ граціей, но видно, что въ такія минуты онъ старается нравиться; мнѣ показалось, что онъ ухаживалъ за хозяйкою, супругой президента“.

До чего доходило стараніе Французовъ угодить царю, видно изъ особенной „Note sur la façon de se nourrir du czar“, въ которой сказано, какимъ блюдамъ и напиткамъ онъ даетъ предпочтеніе, напримѣръ, что онъ любитъ соусы, приправленные пряностями, горошекъ, черствый хлѣбъ, апельсины, что онъ за обѣдомъ не ѣстъ сластей, не пьетъ сладкихъ винъ, по утрамъ пьетъ анисовку, за обѣдомъ вино Нюи и пр. (стр. 184—185).

Сколько хлопотъ доставляло французскому правительству путешествіе Петра особенно потому, что маршрутъ и время переѣздовъ изъ одного города въ другой часто измѣнялись, видно изъ документовъ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ (XIII, 111 — 114). Къ этимъ извѣстіямъ могутъ служить дополненіемъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ Сборникѣ (стр. 40 и слѣд.). Такъ, напримѣръ, г. Мальи де-Нель (Mailly de Nesle), отправленный изъ Парижа въ Кале привѣтствовать царя, доносилъ слѣдующее: „Царь положительно отказывается путешествовать въ каретѣ, и потому г. де-Либуа нашелъ здѣсь нѣсколько двумѣстныхъ одноколокъ, которыми онъ воспользуется... Царь ежеминутно мѣняетъ свое намѣреніе; сначала онъ думалъ обѣдать въ Булонѣ и ночевать въ Монтрёлѣ и все уже было сообразно съ этимъ приготовлено, какъ вдругъ онъ передумалъ и, быть можетъ, ночуетъ въ Булонѣ; такая перемѣнчивость чрезвычайно затруднительна". Затѣмъ де-Нель пишетъ: „Сегодня день ихъ Пасхи, и чтобы достойно отпраздновать это торжество, они всѣ напились, за исключеніемъ только царя, который, говорятъ, никогда не пьетъ до помраченія разсудка". Въ постскриптумѣ сказано: „Въ ту минуту, когда я запечатывалъ письмо, пришли сказать мнѣ, что царь перемѣнилъ намѣреніе и откладываетъ свой отъѣздъ отсюда до вторника" (стр. 188—189).

Отправляясь изъ Кале, Царь намѣревался ночевать въ Монтрёлѣ, но, уставъ отъ ѣзды въ одноколкѣ, объявилъ, что останется ночевать въ Булонѣ. Петръ требовалъ, чтобы сдѣлали каретныя дроги, на которыя поставили бы кузовъ повозки. „Вотъ", пишетъ де-Нель,— „экипажъ, въ которомъ онъ въ настоящую минуту хочетъ путешествовать. Всего страннѣе то обстоятельство, что онъ расчитываетъ ѣхать въ этомъ экипажѣ такъ же скоро, какъ въ почтовой каретѣ. Я объяснилъ ему, что это невозможно и что кромѣ того онъ рискуетъ быть опрокинутымъ, такъ какъ крестьянскія лошади не привыкли къ такимъ экипажамъ; но эти доводы нисколько на него не подѣйствовали" (стр. 188). Въ Бовэ мѣстный епископъ устроилъ свой домъ какъ можно удобнѣе для помѣщенія царя, приготовилъ вокальный и инструментальный концертъ и иллюминацію съ фейерверкомъ; въ домѣ былъ даже поставленъ гербъ московскій; въ комнатѣ, назначенной для Петра, онъ нашелъ бы портреты своего отца и дѣда; но всѣ эти приготовленія оказались напрасными. Петръ проѣхалъ не останавливаясь, обѣдалъ въ убогой деревушкѣ въ четверти мили разстоянія отъ города и т. д. Только нѣкоторыя лица свиты

Digitized by Google

Петра обѣдали у епископа, который доносилъ: „Ничто не можетъ быть грязнѣе того обѣденнаго стола, который былъ ему поданъ въ деревнѣ. Онъ заплатилъ лишь 18 франковъ за обѣдъ для себя и для людей и досталъ изъ собственнаго кармана салфетку, служившую ему вмѣсто скатерти“ (стр. 195—196) [1]).

О шестинедѣльномъ пребываніи Петра въ самомъ Парижѣ (съ 26-го апрѣля по 9-е іюня) сохранилось не мало свѣдѣній и во французскихъ источникахъ, и въ русскихъ. Нѣкоторыя извѣстія Сенъ-Симона, Данжо и пр. весьма интересны, и конечно, цѣннѣе, чѣмъ свѣдѣнія, сообщаемыя въ новѣйшемъ изданіи Историческаго Общества; но и XXXIV-й томъ Сборника также заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, дополняющія хронику парижской жизни Петра.

Вопросъ о томъ, гдѣ помѣстить Петра въ Парижѣ, занималъ французское правительство еще до его пріѣзда. Не легко было угодить ему въ этомъ отношеніи. Де-Либуа, встрѣчая Петра на границѣ, писалъ изъ Дюнкирхена 23-го апрѣля: „Царь проситъ, чтобы король соизволилъ помѣстить его въ Парижѣ въ одномъ изъ частныхъ домовъ, и во всякомъ случаѣ размѣстить его свиту близъ него; онъ желаетъ избѣжать королевскихъ дворцовъ... Разсматривая планъ Парижа, онъ просилъ меня указать ему древній Лувръ и отель герцога де-Вильруа, а г. Куракинъ далъ мнѣ понять, что вы говорили объ этомъ отелѣ лицу, пріѣхавшему вчера, и полагаетъ, что царь желалъ бы помѣститься въ немъ предпочтительно передъ прочими домами. Г. Куракинъ принялъ весьма холодно мое предложеніе, которое я сдѣлалъ вскользь, о возможности занять снабженный всѣмъ необходимымъ домъ, гдѣ помѣщался курфюрстъ Кельнскій. Еслибы вы могли предоставить домъ съ видомъ на рѣку, то это было бы наслажденіемъ для царя“ (стр. 147). Въ письмѣ къ де-Либуа отъ 27-го апрѣля 1717 г. сказано: „Домъ маршала Вильроа, о которомъ я говорилъ лицу, прибывшему къ царю въ Дюнкирхенъ, есть отель Ледигіеръ; вы знаете, что онъ расположенъ вблизи сада и арсенала и въ незначительномъ разстояніи отъ рѣки; я не могу еще сообщить вамъ, будетъ ли онъ готовъ ко времени пріѣзда царя, но скоро узнаю объ этомъ, и въ такомъ случаѣ ему предстоялъ бы выборъ между помѣщеніемъ въ Луврѣ и въ этомъ отелѣ“. Въ особенной при-

[1]) Объ этомъ эпизодѣ говорится и у *Голикова*, V, 314—315. Царь сказалъ: «Я солдатъ, и когда найду хлѣбъ да воду, я буду доволенъ».

Digitized by Google

пискѣ затѣмъ сказано: „Сейчасъ я узналъ, что отель этотъ свободенъ" (стр. 151).

Царь сначала не отвѣчалъ положительно на сдѣланныя ему предложенія относительно помѣщенія. Де-Либуа въ письмѣ отъ 28-го апрѣля жаловался, что Куракинъ не отвѣтилъ на вопросъ, гдѣ Петръ желалъ бы помѣститься (стр. 175). 1-го мая де-Либуа писалъ, что царь согласенъ помѣститься въ Луврѣ, по крайней мѣрѣ на первое время по пріѣздѣ (стр. 187).

Такимъ образомъ для Петра въ Парижѣ были приготовлены два помѣщенія—въ Луврѣ и въ домѣ Ледигіеръ (Lesdiguières), принадлежавшемъ маршалу Виллеруа. Какъ извѣстно, сначала Петръ пріѣхалъ въ Лувръ, гдѣ для него были отведены великолѣпно убранныя комнаты покойной вдовствующей королевы. Тутъ онъ, однако, пробылъ всего не болѣе трехъ четвертей часа, посмотрѣлъ на два стола, накрытые на 50—60 человѣкъ, спросилъ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ шесть сортовъ вина, выпилъ два стакана пива, но не захотѣлъ остаться жить въ Луврѣ. Тщетно маршалъ Тессе упрашивалъ его сѣсть за столъ, увѣряя, что король будетъ очень радъ, если онъ проведетъ здѣсь нѣсколько дней. Петръ отказался и просилъ, чтобъ его не стѣсняли; по видимому, помѣщеніе въ Луврѣ показалось ему слишкомъ великолѣпнымъ. Онъ тотчасъ же переѣхалъ въ отель Ледигіеръ, гдѣ жилъ и маршалъ де-Тессе, которому было поручено сопровождать всюду царя [1]).

О свиданіи царя съ Людовикомъ XV и съ герцогомъ Орлеанскимъ, о разныхъ увеселеніяхъ и поѣздкахъ Петра въ загородные дворцы въ окрестностяхъ Парижа въ документахъ Сборника не говорится. Только въ запискѣ ле-Драна, составленной въ 1726 году, указано на письмо маршала Виллеруа къ маркизѣ де-Ментенонъ, въ которомъ сообщается о свиданіяхъ Петра съ Людовикомъ XV: „Не могу передать вамъ достоинства, изящности и любезности обращенія, съ какими король отдалъ и принялъ визитъ царя, но долженъ въ то же время замѣтить, что этотъ государь, мнимый варваръ, вовсе не походитъ на таковаго; онъ проявилъ такія чувства величія, великодушія и привѣтливости, какихъ мы вовсе не ожидали" (стр. XXV).

Не мало было хлопотъ изъ-за царя въ Парижѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма де-Тессе отъ 26-го мая 1717 года:

[1]) См. русскія данныя въ моей статьѣ о путешествіяхъ Петра въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, т. CLII, стр. 658 и слѣд.

Digitized by Google

„Изъ прилагаемаго письма князя Куракина вы усмотрите... что завтра утромъ царь пріѣдетъ въ Парижъ. Не знаю, кто внушилъ ему желаніе видѣть кардинала де-Ноаль въ процессіи; все, что́ я могъ сдѣлать, это сбѣгать въ архіерейскій домъ и условиться о мѣстѣ съ двумя балконами и нѣсколькими комнатами, откуда отлично видѣнъ выходъ процессіи изъ собора Бо́жіей Матери. Это въ сиротскомъ домѣ противъ госпиталя Отель-Дьё. Монахини, которымъ принадлежатъ эти балконы, обѣщали мнѣ украсить ихъ коврами, но не знаю, не лучше ли будетъ предписать г. де-Фонтдьё послать туда нѣсколько ковровъ изъ дворцовыхъ кладовыхъ. Не знаю также, не слѣдуетъ ли вамъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы какой нибудь сержантъ или офицеръ королевской гвардіи былъ поставленъ на караулъ у дверей. Сейчасъ нарочный отъ кардинала сообщилъ мнѣ, что онъ позаботится положить ковры на вышеупомянутые балконы, и слѣдовательно, не нужно ничего приказывать въ кладовыхъ. Въ добавокъ я не знаю, гдѣ царь будетъ обѣдать, и возвратится ли онъ въ Версаль. Я не имѣю никакихъ извѣстій отъ герцога д'Антенъ; со всѣми этими перемѣнами нѣтъ ни одного человѣка, у котораго не пошла бы голова кругомъ. И такъ, все, что́ я могу сдѣлать, это отправиться съ двумя или тремя каретами ожидать его въ отелѣ Ледигіеръ и быть тамъ въ семь часовъ" и пр. (стр. 207).

Мы не знаемъ, видѣлъ ли царь процессію и кардинала де-Ноаля. Намъ однако извѣстно, что до 26-го мая онъ провелъ нѣсколько дней въ Версалѣ, Марли, Тріанонѣ и Сенъ-Дени. Какъ кажется, онъ пріѣхалъ въ Парижъ только 27-го мая, хотя Куракинъ и писалъ къ де-Тессе изъ Марли, что именно въ этотъ день царь желаетъ видѣть процессію, въ которой будетъ участвовать кардиналъ (стр. 208). 31-го мая Петръ изъ Марли поѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ, а оттуда въ Сенъ-Сиръ, чтобъ осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную г-жею Ментенонъ.

Затрудненія при пріемѣ царя были неизбѣжны особенно потому, что онъ, нисколько не стѣсняясь, весьма часто перемѣнялъ свои помѣщенія и вообще не столько слѣдовалъ заблаговременно составленному плану путешествія, сколько минутному влеченію видѣть то или другое, отправиться въ какое-либо мѣсто или оставаться нѣсколько дольше тамъ, гдѣ ему нравилось. Такъ и при отъѣздѣ Петра изъ Парижа трудно было сдѣлать необходимыя для того приготовленія, какъ видно изъ слѣдующей инструкціи г. де-Нуантелю отъ 16-го іюня 1717 г.: „Царь выѣдетъ отсюда въ будущее воскре-

Digitized by Google

сенье послѣ полудня для слѣдованія по пути, изложенному въ прилагаемомъ спискѣ. Этотъ монархъ намѣревается путешествовать большими переѣздами, благодаря смѣннымъ лошадямъ, приготовленнымъ ему по пути, но онъ до сихъ поръ не опредѣлилъ ни одного мѣста, гдѣ онъ остановится для отдыха или для ночлега; и такъ нельзя рѣшить ничего пололожительнаго относительно оказываемаго ему пріема; достаточно будетъ, если вы дадите общій приказъ употребить всѣ усилія для удобства и безопасности его путешествія" и т. д. (стр. 211).

Не смотря на нѣкоторыя совѣщанія французскихъ дипломатовъ съ министрами царя въ Пирмонтѣ, Гавельбергѣ и пр., до прибытія Петра въ Парижъ французское правительство не имѣло никакой возможности составить себѣ точное понятіе о намѣреніяхъ Петра, служившихъ поводомъ къ его путешествію во Францію. Мы видѣли выше, какъ де-Либуа старался развѣдать о цѣли поѣздки, но безуспѣшно.

Между документами, напечатанными въ Сборникѣ, находимъ предписаніе „господину Амело" (á Mr. Amelot), отъ 27-го апрѣля, изъ котораго видно, что французское правительство не предугадывало въ это время тѣхъ результатовъ, къ коимъ приведетъ пребываніе Петра въ Парижѣ. Тутъ, между прочимъ, сказано: „Пріѣздъ царя близокъ, и его королевское высочество, предвидя, что этотъ монархъ, быть можетъ, имѣетъ намѣреніе заключить съ королемъ торговый трактатъ, повелѣлъ мнѣ предписать вамъ отъ его имени собрать по этому предмету всѣ свѣдѣнія, могущія дать вамъ средства заняться этимъ дѣломъ на случай, что о немъ зайдетъ рѣчь" (стр. 160).

Оказалось, что Петръ пріѣхалъ во Францію не для заключенія торговаго договора, а по дѣламъ чисто-политическаго свойства: прежде всего онъ думалъ объ окончаніи Сѣверной войны. Подробности о томъ, какъ зашла рѣчь о шведскихъ дѣлахъ, намъ не извѣстны. За то между документами, напечатанными въ XXXIV-мъ томѣ Сборника, мы встрѣчаемъ „тайную инструкцію" (18-го мая 1717 г.), составленную для маршала де-Тессе, которому было поручено вести переговоры съ русскими министрами. Тутъ, между прочимъ, сказано, что маршалъ долженъ договариваться съ царскими министрами объ условіяхъ трактата дружбы и торговли, но что при этомъ должна быть принята въ соображеніе связь, существующая между Швеціей и Франціей. При указаніи на отношенія Франціи къ Карлу XII за-

Digitized by Google

мѣчено, что Людовикъ XIV приказалъ передать значительную сумму генералу Стенбоку для содержанія войска, которое было собрано имъ въ Помераніи, и нѣсколько времени спустя, разбило Датчанъ при Гадебушѣ. Къ этому, однако, прибавлена жалоба, что Карлъ XII „мало внималъ мудрымъ совѣтамъ, даннымъ ему по повелѣнію его величества" (Людовика XIV). Затѣмъ воспроизводится содержаніе трактата, заключеннаго 3-го апрѣля 1715 года между Швеціей и Франціею, и въ силу котораго Швеція получала ежегодно субсидію въ размѣрѣ 600,000 экю. Далѣе въ инструкціи говорится объ отношеніяхъ Франціи къ Польшѣ, Пруссіи, Англіи и Голландіи; указано на содержаніе трактата, заключеннаго въ Берлинѣ 14-го сентября 1716 года, по которому Франція обѣщала свое посредничество для возстановленія мира между Швеціей и Пруссіей. Переходя наконецъ къ изложенію отношеній между Франціей и Петромъ, авторъ инструкціи говоритъ о необходимости устранить предубѣжденія Россіи относительно Франціи [1]), о свиданіи Петра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и о переговорахъ между французскимъ дипломатомъ Шатонёфомъ и русскими министрами въ Голландіи въ концѣ 1716 и въ началѣ 1717 года.

Именно въ это время со стороны Пруссіи было выражено желаніе, чтобы Франція не посылала субсидій Карлу XII, содѣйствовала бы заключенію мира и давала бы царю до заключенія мира по 25.000 экю ежемѣсячно.

Послѣ очерка положенія дѣлъ до пріѣзда царя во Францію авторъ инструкціи доказываетъ, что посредничество Франціи при окончаніи Сѣверной войны можетъ служить способомъ къ противодѣйствію честолюбивыхъ замысловъ Вѣнскаго двора и къ удаленію Петра отъ мысли сблизиться съ императоромъ. Тутъ слѣдуетъ цѣлый рядъ предписаній маршалу Тессé, какъ вести переговоры, какъ пользоваться содѣйствіемъ прусскаго дипломата барона Книпгаузена, и указывается на необходимость продолжать выдачу субсидіи Швеціи до источенія срока договору съ Карломъ XII и на неудобство давать субсидію царю; наконецъ, говорится о гарантіи завоеваній

[1]) Странно, что во французскихъ документахъ такъ часто говорится о лишенныхъ, будто бы, всякаго основанія предубѣжденіяхъ царя относительно Франціи, между тѣмъ какъ Людовикъ XIV во многихъ случаяхъ помогалъ противникамъ Россіи.

царя, о заключеніи съ Россіей торговаго довора и пр. (стран. 510—531).

О ходѣ переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ, мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія въ извѣстномъ сочиненіи Флассана: „Histoire de la diplomatie Française [1]". Но отчеты маршала Тессе о конференціяхъ съ Куракинымъ и Шафировымъ значительно дополняютъ эти свѣдѣнія. Инструкція, составленная для маршала Тессе, помѣчена 18-го мая. Въ тотъ же самый день начались конференціи, какъ видно изъ донесенія маршала отъ 19-го мая (стр. 196—201). Тутъ подробно изложенъ ходъ совѣщанія. Франція уклонялась гарантировать завоеванія Петра, такъ какъ въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ успѣха оружія. Весьма любопытны объясненія представителей Россіи: „Франція вступила въ союзъ съ Швеціей лишь потому, что въ то время король шведскій имѣлъ владѣнія въ Германіи и могущество Швеціи вмѣстѣ съ вашими союзниками въ Германіи составляло противовѣсъ силѣ императора. Съ тѣхъ поръ положеніе Европы измѣнилось: Франція утратила своихъ союзниковъ въ Германіи; полу-уничтоженная (quasi-anéantie) Швеція не можетъ оказать никакой помощи; могущество императора значительно усилилось и я, царь, предлагаю Франціи замѣнить для нея Швецію. Я предлагаю ей не только свой союзъ и свое могущество, но въ то же время и содѣйствіе Пруссіи, безъ которой я бы не могъ дѣйствовать; Польша весьма охотно приметъ участіе въ этомъ союзѣ, а когда Франція, Пруссія, Польша и я, царь, соединимся между собою, то этимъ не только возстановится равновѣсіе, въ виду котораго былъ заключенъ трактатъ съ Швеціей, но мое содѣйствіе дастъ перевѣсъ" (стр. 198). Русскіе министры требовали отъ Франціи субсидій. Маршалъ Тессе отвѣчалъ отрицательно.

Тессе велъ переговоры подъ руководствомъ маршала д'Юкселя (d'Huxelles), который на донесеніе его отъ 19-го мая отвѣчалъ 20-го въ довольно подробной запискѣ, въ которой сказано, между прочимъ (стр. 538—544): „Его величество не въ состояніи съ честью объявить себя противъ Швеціи, ни подать помощи противъ нея; попытки, имъ предпринятыя, могли бы отстранять его посредничество, что̂ было бы гораздо вреднѣе для царскихъ выгодъ, нежели сколько онѣ могли принести ему пользы" и пр. Далѣе однако д'Юксель

[1] IV, 445—459.

пишетъ: „Его королевское высочество, который знаетъ, насколько могущество царя, независимое даже отъ союза съ Прусскимъ королемъ, превосходитъ могущество шведской державы,... всегда будетъ смотрѣть какъ на самое важное дѣло времени своего регенства, на соглашеніе, которое онъ желаетъ установить между королемъ и царемъ". Относительно требованія царскихъ министровъ, чтобы Франція не давала болѣе денегъ Швеціи, а поддерживала Россію, д'Юксель писалъ: „Нѣтъ теперь основаній для того, чтобы дать царю помощь деньгами... но достаточно дать ему понять, что... такія денежныя вспоможенія будутъ соразмѣряться съ средствами, употребленными царемъ или на пользу Франціи, или на помощь союзниковъ ея въ имперіи.... Вамъ можно даже завѣрить царскихъ министровъ, что если Шведскій король станетъ продолжать выказыванія того же сопротивленія къ замиренію, какъ онъ дѣйствовалъ доселѣ, то его величество прикажетъ ему ничего не выдавать изъ того, что̀ слѣдуетъ ему изъ вспомоществованія, обѣщаннаго ему покойнымъ королемъ, ни того, что̀ причитается за остальные десять мѣсяцевъ договора" (стр. 544).

О второй конференціи, которая происходила очевидно 19-го мая въ документахъ, изданныхъ въ XXXIV томѣ Сборника, нѣтъ свѣдѣній. По видимому, тутъ недостаетъ одного письма маршала де-Тессе къ маршалу д'Юкселю. Краткая записка 20-го мая (утромъ) (стр. 536—537) едва ли можетъ считаться отчетомъ объ этой второй конференціи, такъ какъ 21-го мая утромъ де-Тессе опять подробно доносилъ о содержаніи „третьей конференціи". И тутъ дѣло не подвинулось впередъ, но донесеніе де-Тессе любопытно тѣмъ, что въ немъ сообщается о слѣдующемъ заявленіи Петра, сдѣланномъ имъ въ Мёдонѣ: „Что̀ вы скажете о королѣ Шведскомъ, который, будучи крайне обязанъ Франціи, не только отказывается отъ ея посредничества, но даже предлагаетъ мнѣ черезъ императора быть посредникомъ между нимъ и мною и обращается ко мнѣ съ таковымъ предложеніемъ именно тогда, когда узналъ, что я ѣду во Францію; я, конечно, ему отказалъ". Тессе далѣе доносилъ, что отнынѣ будетъ участвовать въ конференціяхъ и баронъ Книпгаузенъ; къ этому однако Тессе прибавляетъ: „Мы условились въ томъ, что каждый изъ насъ будетъ оказывать Пруссаку лишь на столько довѣрія, на сколько то будетъ необходимо, не доводя до свѣдѣнія его тѣхъ статей, которыя должны будутъ оставаться секретными". О томъ, что̀ въ конференціи было говорено о гарантіи завоеваній царя, Тессе пишетъ:

Digitized by Google

Когда я, стараясь возвысить цѣну нашихъ услугъ, говорю, что мы предлагаемъ гарантировать царю все, что будетъ уступлено ему при заключеніи мира и, вслѣдствіе этой гарантіи, выставляемой мною какъ большая выгода, я отклоняю рѣчь о субсидіяхъ или, по крайней мѣрѣ, отодвигаю ее до поры до времени, эти господа смѣются мнѣ въ лицо и отвѣчаютъ, что вовсе не нуждаются въ насъ для этой гарантіи, что они меня благодарятъ и что они достаточно сильны для того, чтобы сами гарантировать себѣ то, что будетъ имъ предоставлено сѣвернымъ миромъ. Словомъ, я не предвижу, чтобы его королевское высочество могъ извлечь какую либо пользу изъ настоящихъ нашихъ переговоровъ, а также изъ путешествія царя и его видимой готовности заключить съ нами крѣпкій союзъ, если только онъ не рѣшится, вступивъ съ царемъ въ отношенія, въ которыхъ онъ до сихъ поръ находился къ королю Шведскому, выдавать ему подобныя же субсидіи".

Этими немногими документами ограничивается запасъ историческаго матеріала о дипломатическихъ переговорахъ въ XXXIV томѣ Сборника. Почему не напечатаны дальнѣйшія донесенія маршала де-Тессе, безъ сомнѣнія, находящіяся во французскомъ архивѣ,—мы не знаемъ. Царь оставался въ Парижѣ до 9-го іюня. Можно думать, что дипломатическіе переговоры продолжались до отъѣзда царя. Впрочемъ, въ составленной въ 1726 году запискѣ Ле-Драна встрѣчаются еще нѣкоторыя, довольно важныя данныя о парижскихъ переговорахъ. Тутъ (стр. XXV—XXXVIII) изложенъ весь ходъ ихъ до заключенія трактата въ началѣ августа 1717 года. Какъ видно изъ разказа Ле-Драна, царскіе министры заявили, что принимаютъ посредничество Франціи лишь въ угоду королю, такъ какъ очевидно, что послѣдній имѣетъ прямой интересъ не допустить, чтобъ императоръ Карлъ VI сдѣлался единственнымъ посредникомъ при замиреніи сѣверной Европы. Особенно упорнымъ былъ споръ о субсидіи, которой требовала Россія. Франція обѣщала по окончаніи срока союза съ Швеціей (въ маѣ 1718 г.) не выдавать болѣе субсидіи этой державѣ. Россія же требовала уплаты для себя субсидіи до этого срока. Франція предлагала ежегодную сумму въ размѣрѣ 300,000 экю; царь требовалъ 1.800,000 ливровъ, потому что таковъ былъ размѣръ субсидіи, которую Франція выплачивала Швеціи, притомъ съ обязательствомъ охранять оружіемъ Баденскій и Утрехтскій договоры. Оказалось невозможнымъ придти скоро къ окончательному соглашенію. Только

Digitized by Google

Пруссія и Россія изъявили готовность принять посредничество Франціи. Въ то время, когда царь оставилъ Парижъ, важнѣйшія статьи были улажены, но договоръ не могъ быть подписанъ, между прочимъ, потому, что для нѣкоторыхъ условій требовалось согласіе Прусскаго короля. Въ запискѣ Ле-Драна сообщены нѣкоторыя подробности о содержаніи трактата и о соблюденіи, при заключеніи его, нѣкоторыхъ формальностей.

Какъ видно изъ всѣхъ этихъ данныхъ, пребываніе Петра въ Парижѣ имѣло весьма важное политическое значеніе. Сперва французское правительство не ожидало какихъ-либо значительныхъ результатовъ отъ его посѣщенія; никто не зналъ о настоящихъ его намѣреніяхъ. Но личность Петра произвела довольно сильное впечатлѣніе на французскихъ сановниковъ, и сближеніе между обѣими державами было плодомъ личнаго участія въ переговорахъ царя, умѣвшаго внушить всѣмъ и каждому высокое понятіе о значеніи и вѣсѣ Россіи. Мы видѣли, что маршалъ д' Юксель, президентъ совѣта иностранныхъ дѣлъ, предписывалъ маршалу де-Тессе нѣкоторую сдержанность и крайнюю осторожность. Вслѣдствіе нѣкоторой холодности со стороны французскаго правительства, заключеніе договора до отъѣзда Петра не могло состояться. Однако были люди, умѣвшіе оцѣнить выгоду сближенія съ Россіей. „Ничто болѣе сего", замѣчаетъ по этому поводу герцогъ Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ,—„не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи (sic), а король Георгъ сильно опасался его изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи, равно какъ и императору Римскому, онъ умѣлъ внушить уваженіе; словомъ, безспорно то, что онъ былъ весьма важное лицо въ Европѣ и въ Азіи, и что̀ Франція много выиграла бы отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало по малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ непріятнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще много времени спустя по его отъѣздѣ. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента; тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровергаемые доводы; онъ находился подъ обаяніемъ аббата Дюбуа, поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ (d'Effiat), Капильякомъ и герцогомъ де-Ноалемъ. Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаиваться въ послѣдованіи пагубнымъ внуше-

Digitized by Google

ніямъ Англія и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій" [1]).

Значеніе Россіи, могущество царя, средства, которыми онъ располагалъ, давали ему возможность держать себя съ большимъ достоинствомъ. На разныя замѣчанія, сдѣланныя маршаломъ Тессе во время переговоровъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Я, царь, хочу занять мѣсто Швеціи; я хочу вамъ гарантировать ваши договоры; я вамъ предлагаю союзъ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Польшей; я отъ васъ не требую никакой гарантіи для моихъ завоеваній. Я предвижу въ будущемъ угрожающее могущество австрійскаго дома, долженствующее внушить намъ серьезныя опасенія; поставьте меня на мѣсто Швеціи; такимъ договоромъ я вамъ замѣню все то, чего вы можете ожидать отъ Швеціи, и могу васъ обезпечить отъ всего, что вы можете и должны заподозрѣвать отъ могущества императора" (стр. 535).

Переговоры между французскими и царскими министрами происходили въ глубочайшей тайнѣ. Франція нуждалась въ царѣ, какъ въ сильномъ и вліятельномъ союзникѣ. Однако именно могущество царя не нравилось многимъ другимъ державамъ. Англія, Голландія, императоръ были крайне недовольны возростающимъ значеніемъ Россіи. Есть основаніе думать, что именно во время пребыванія Петра въ Парижѣ, Франція съ разныхъ сторонъ получала предостереженія относительно Петра. Такъ напримѣръ, Сенъ-Симонъ разказываетъ о саксонскомъ дипломатѣ Лосѣ, который всюду слѣдовалъ за царемъ не столько въ качествѣ дипломата, сколько въ качествѣ лазутчика [2]). Тессе, сообщая о своей первой конференціи съ царскими министрами маршалу д'Юкселю, просилъ его передать подробности всего дѣла регенту: „ибо", прибавляетъ онъ, — „еслибы я самъ отправился къ нему или къ вамъ, то, видя мои частыя посѣщенія, нѣмецкіе и всякіе другіе иностранные шпіоны, наблюдающіе за малѣйшими дѣйствіями, не преминули бы кое-что подозрѣвать, а быть можетъ, и угадали бы" (стр. 196).

Въ то время европейскія державы, съ одной стороны, домогались союза съ Россіей, а съ другой—старались противодѣйствовать ея усиленію. И современники, и позднѣйшіе историки признаютъ, что

---

[1]) Mém. du duc de Saint-Simon. Paris. 1872, IX, 236 и 237.

[2]) Mem. IX, 254.

Digitized by Google

образъ дѣйствій царя и его министровъ въ Парижѣ обнаружилъ не только замѣчательную ловкость, но и чувство собственнаго достоинства, высокое понятіе о значеніи Россіи и даже нѣкоторое чванство [1]). То же впечатлѣніе производятъ и матеріалы, изданные въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества.

А. Брикнеръ.

---

[1]) *Martin*, Hist. de France, XV, 85.

КНЯЗЬ ТОРОПЕЦКІЙ МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ [1]).

III.

Отношенія Мстислава Мстиславича къ Галичу важны для характеристики Удалаго, съ одной стороны, какъ нравственной личности, а съ другой—какъ историческаго дѣятеля, какъ представителя извѣстныхъ историческихъ началъ. До сихъ поръ Мстиславъ являлся намъ во всемъ блескѣ, и мы видѣли пока только его достоинства и блестящія качества; теперь же предъ нами обнаружатся преимущественно обратная сторона его характера, его слабости и недостатки. Кромѣ того, здѣсь мы можемъ яснѣе видѣть, что Мстиславъ не былъ представителемъ исключительно стараго порядка вещей, возстановителемъ старины: мы увидимъ, что, напротивъ, онъ, поддаваясь вліянію окружающей среды, шелъ иногда совершенно въ разрѣзъ съ старинными понятіями.

Галицкая область во многихъ отношеніяхъ представляетъ оригинальное и любопытное явленіе въ нашей исторіи. Край этотъ, расположенный по Днѣстру и уже самою природою предназначенный къ нѣкоторому обособленію, находясь на рубежѣ Русскаго міра, соприкасаясь съ Венгріей и Польшей, издавна, конечно, долженъ былъ подвергнуться иноземнымъ вліяніямъ, тѣмъ болѣе, что Венгры и Поляки были не только сосѣдями, но и частыми посѣтителями и даже распорядителями [2]) этой русской окраины. Это обстоятельство отразилось, между прочимъ, на явленіи, которое составляетъ особенность Галича и не можетъ не броситься въ глаза. Я говорю о раз-

[1]) *Окончаніе.* См. іюньскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

[2]) Венгерскій король Бела въ своихъ граматахъ употреблялъ даже титулъ короля Галицкаго (съ 1190 г.). *Карамзинъ*, III, 49.

Digitized by Google

витіи здѣсь аристократическаго элемента. Правда, боярство здѣсь не составляло отдѣльнаго, вполнѣ замкнутаго сословія; тѣмъ не менѣе мы замѣчаемъ постоянное и могущественное вліяніе его на ходъ дѣлъ, между тѣмъ какъ народная масса стушевывается, отступаетъ на задній планъ, такъ что въ Галичѣ мы не видимъ того вѣча, на которомъ, наравнѣ съ бояриномъ, играетъ роль всякій свободный человѣкъ, и которое присуще остальной до-Татарской Руси. Если въ Новгородѣ власть князя ограничивалась, главнымъ образомъ, вѣчемъ, какъ выраженіемъ воли всего населенія, то здѣсь, въ Галичѣ, она находитъ себѣ ограниченіе и стѣсненіе въ силѣ бояръ. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ распорядилась галицкая аристократія съ любовницею такого могущественнаго князя, какимъ былъ Ярославъ Осмомыслъ. Безъ сомнѣнія, на развитіе аристократическаго элемента въ Галичѣ вліяли сосѣднія Польша и Венгрія съ своими магнатами. Но, кромѣ того, здѣсь дѣйствовали и чисто-внутреннія причины, въ свою очередь обусловливаемыя другими особенностями Галича. Мы уже замѣчали, что тѣ стремленія къ собственности и къ усиленію своего княжества, которыя Соловьевъ приписываетъ сѣвернымъ князьямъ, въ Галичѣ появились еще ранѣе. Галицкій князь можетъ быть вполнѣ типомъ собственника, вотчиннаго владѣльца; большею частью онъ не покидаетъ своего стола ради какого-нибудь другаго, не переходитъ съ мѣста на мѣсто, а держа въ своемъ потомствѣ Галичъ, заботится объ усиленіи своей области. Еще съ конца XI в. послѣдняя обособилась и сдѣлалась вотчиной Ростиславичей (Рюрика, Василька и Володаря). Впослѣдствіи, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и своей хитрости, сынъ Володаря, Владимірко, соединилъ подъ своею властью всю Галицкую область и пріобрѣлъ большое значеніе между Русскими князьями; сынъ и преемникъ его, Ярославъ Осмомыслъ, продолжалъ политику своего отца. При нихъ Галичъ является могущественнымъ княжествомъ, съ однимъ княземъ во главѣ. Указанныя обстоятельства не могли не отразиться на положеніи дружинниковъ, которые, подобно князьямъ, въ свою очередь, стали здѣсь осѣдлыми, начали пріобрѣтать земельную собственность, и такимъ образомъ дружина изъ княжеской, переходящей вмѣстѣ съ своимъ княземъ изъ одной области въ другую, какъ это было въ остальной Руси, обратилась въ Галичѣ въ мѣстную и землевладѣльческую [1]).

[1]) О галицкихъ боярахъ см. *Соловьева* Ист. отн. м. русск. кн. Рюр. дома, 243; Ист. Р., III, 16; *Костомарова* Ист. мон. и изсл., I, 242—4; *Гильфердинга* Соч., II, 433; *Бестужева-Рюмина* Р. ист., 184, 212.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что преобладаніе и могущество боярскаго сословія въ Галичѣ должно было вредно отзываться на внутреннемъ спокойствіи страны, тѣмъ болѣе, что сосѣди, Венгры и Поляки, пользовались галицкими смутами для своихъ выгодъ. Такъ было, напримѣръ, при преемникахъ Ярослава Осмомысла, Олегѣ „Настасьичѣ" и Владимірѣ Ярославичѣ. Наконецъ, Галичемъ овладѣлъ Романъ Волынскій. Этотъ мужественный князь, одаренный сильною волей и умомъ, возвелъ Галицкое княжество до высокой степени могущества и безпощадно давилъ боярство. Но въ 1205 г. [1]), вмѣшавшись въ польскія междоусобія, онъ былъ убитъ. Послѣ него осталось два сына—четырехлѣтній Даніилъ и двухлѣтній Василько. Не смотря на такое малолѣтство Романовичей, Галичане присягнули имъ: такъ обыченъ былъ въ Галичѣ переходъ стола отъ отца по прямой линіи къ сыну [2]).

Остановимся на общемъ ходѣ галицкихъ событій отъ смерти Романа Мстиславича до прибытія въ Галичъ Удалаго [3]). Это уяснитъ намъ обстоятельства, вызвавшія вмѣшательство Мстислава, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на особенности той среды и тѣхъ условій, которыми окруженъ былъ здѣсь Удалой.

Понятно, что смерть Романа и малолѣтство его дѣтей должны были вызвать съ новою силою замѣшательства въ Галичѣ. Опять поднимаетъ голову боярство, съ своими интригами, взаимною борьбой и соперничествомъ, призывающее къ себѣ въ князья въ своекорыстныхъ видахъ то то, то другое лицо; сосѣди, Венгры и Поляки, вмѣшиваются въ галицкія смуты, а Русскіе князья, въ свою очередь, выступаютъ съ своими притязаніями и даже являются первыми искателями Галича. Лишь только умеръ Романъ, какъ Рюрикъ Ростиславичъ въ союзѣ съ Ольговичами и съ Половцами пошелъ на Галичъ; но тамъ уже былъ венгерскій гарнизонъ, такъ какъ Андрей Угорскій [4]) по смерти Романа видѣлся въ Санокѣ [5]) съ его вдовою, „принялъ Даніила какъ милаго сына", говоритъ лѣтопись [6]),—и далъ

[1]) Такъ въ Воскр. и Тверск., по Лавр.—въ 1206 г., по Ипатьевск.—въ 1201 г.; хронологія послѣдней совершенно невѣрна.

[2]) Ср. замѣчанія *Зубрицкаго* въ Ист. древн. Гал.-Русск. кн., ч. 3, стр. 32.

[3]) Главный источникъ—Ипатьевск. лѣт., а также Воскр. и Лавр.

[4]) Бывшій, по *Арцыбышеву*, внучатымъ братомъ Романа Мстиславича, такъ какъ его дѣдъ, Гейза III, женатъ былъ на бабкѣ Романовой (См. Пов. о Р., 270, пр. 1679).

[5]) Санокъ—городъ въ Галиціи, на рѣкѣ Санѣ (см. *Арцыб.* 125, пр. 806).

[6]) Лѣт. по Ип. сп., 480.

Digitized by Google

ему въ помощь отрядъ Венгровъ. Рюрикъ возвратился ни съ чѣмъ. Но въ 1206 г. [1]) онъ вмѣстѣ съ Ольговичами и другими князьями, а также и съ Половцами, пошелъ снова на Галичъ, а Ляхи между тѣмъ, съ своей стороны, двинулись на Владиміръ Волынскій. Вмѣшательство Венгерскаго короля остановило движеніе тѣхъ и другихъ. Галицкіе же бояре, можетъ быть, желая имѣть у себя взрослаго князя, тайно послали къ одному изъ Ольговичей, Владиміру Игоревичу, приглашая его къ себѣ на столъ. Тайкомъ отъ остальныхъ Русскихъ князей, Владиміръ прибылъ въ Галичъ, а братъ его Романъ сѣлъ въ Звенигородѣ. По какому праву Игоревичи занимаютъ Галичъ? Правда, они были въ родствѣ съ прежнимъ Галицкимъ княземъ Ярославомъ: мать ихъ, извѣстная Ярославна „Слова о полку Игоревѣ", была дочь Ярослава; но въ данномъ случаѣ играли роль не права, не эта родственная связь [2]), а лишь воля бояръ. Затѣмъ Игоревичи, при содѣйствіи „безбожныхъ Галичанъ" [3]), овладѣваютъ даже отчиной Даніилова отца—Владиміромъ Волынскимъ. Несчастная Романова вдова вмѣстѣ съ дѣтьми принуждена искать пріюта у врага своего мужа, Польскаго князя Лешка. Дары Владиміра Игоревича предупредили вмѣшательство Венгровъ и Ляховъ, и такимъ образомъ Игоревичи на нѣкоторое время утвердились въ Галицкой области. Но вскорѣ въ средѣ ихъ самихъ возникаетъ усобица; Романъ съ помощью Угровъ овладѣваетъ Галичемъ, а Владиміръ бѣжитъ въ Путивль [4]). Впрочемъ, и Роману не долго пришлось владѣть Галичемъ: въ 1210 г. [5]) Андрей, узнавъ о „беззаконіи Галицкомъ и мятежѣ", какъ неопредѣленно выражается Ипатьевская лѣтопись [6])—послалъ въ Галичъ своего вельможу Бенедикта; послѣдній неожиданно захватилъ Романа въ ту минуту, когда тотъ, ничего не зная объ опасности, мылся въ банѣ, и отправилъ его въ Венгрію. Настаетъ тяжелое для Галича господство Венгровъ [7]). Глава ихъ, Бенедиктъ „Томитель", какъ называетъ его лѣтопись [8]),—производилъ

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 405; Воскр., 112.

[2]) Которая въ сущности даже и не имѣла значенія: происхожденіе по женской линіи не давало права на столъ въ древней Руси.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 481.

[4]) Лѣт. по Ип. сп. (482); Воскр. (116).

[5]) Воскр., 117.

[6]) Лѣт. по Ип. сп., 483.

[7]) Лѣт. по Ип. сп., 483.

[8]) Къ этому времени, можетъ быть, относится и княженіе въ Галичѣ Ростислава Рюриковича, о которомъ упоминаетъ Воскр. лѣт. (стр. 117).

Digitized by Google

всевозможныя насилія, такъ что бояре, сами же, безъ сомнѣнія, призвавшіе Угровъ, теперь обращаются сначала къ Мстиславу Пересопницкому [1]), а затѣмъ къ Игоревичамъ, съ раскаяніемъ моля освободить ихъ отъ „Томителя" Бенедикта. Тогда Игоревичи снова овладѣваютъ Галицкою областью, при чемъ Владиміръ по прежнему занимаетъ Галичъ, а Романъ, успѣвшій между тѣмъ возвратиться изъ Венгріи, получаетъ Звенигородъ; къ Андрею же Угорскому отправлены были дары, чтобы предупредить враждебныя дѣйствія съ его стороны. Но главный источникъ внутреннихъ смутъ въ Галичѣ—сила бояръ—существовалъ по прежнему, и Игоревичи не считали себя въ безопасности до тѣхъ поръ, пока не будетъ сломлена эта сила. Задумавъ однимъ ударомъ уничтожить галицкое боярство, Игоревичи избрали самое гнусное и притомъ самое рискованное средство: воспользовавшись удобнымъ случаемъ, они избили 500 знатнѣйшихъ Галичанъ [2]). Но понятно, что перебить всѣхъ бояръ было не возможно: многіе успѣли спастись бѣгствомъ, въ томъ числѣ Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ. Эти бѣглецы прибыли къ королю Андрею и просили у него себѣ въ князья малолѣтняго Даніила, находившагося въ то время въ Венгріи. Андрей не только отпустилъ въ Галичъ Даніила, но и далъ для содѣйствія ему отрядъ Венгровъ, подъ начальствомъ дворскаго Пота. Теперь обнаружились послѣдствія гнуснаго поступка Игоревичей: злодѣйство это, не принеся имъ пользы, во многихъ мѣстахъ только оттолкнуло отъ нихъ населеніе. Упомянутые бѣглецы съ Даніиломъ овладѣли Перемышлемъ и Звенигородомъ, взяли въ плѣнъ Романа и заняли самый Галичъ, изъ котораго Владиміръ Игоревичъ поспѣшилъ бѣжать. Даніилъ былъ посаженъ „на столъ отца своего", а ожесточенные Галичане убѣдили Венгровъ отдать имъ на повѣшеніе троихъ плѣнныхъ Игоревичей, которыхъ они, дѣйствительно, и повѣсили [3]): случай почти небывалый въ нашей древней исторіи; въ удѣльный періодъ мы встрѣчаемъ только одинъ аналогичный примѣръ народной расправы съ княземъ, это—убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами.

---

[1]) Мстиславъ, по прозванію Нѣмый, сынъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 484.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 486; Воскр. подъ 1211 г., стр. 117. Никон. говоритъ, что Галичане сначала хотѣли отправить Игоревичей, но когда это не удалось, то они привели Угровъ, схватили князей «и много биша ихъ, по улицамъ водяше ихъ, и повѣшаша ихъ всѣхъ и з женамі и з детми ихъ» (II, 310).

Digitized by Google

Заранѣе можно было предвидѣть, что малолѣтній Даніилъ не продержится долго въ Галичѣ среди смутъ и интригъ корыстныхъ бояръ. Послѣдніе, съ Владиславомъ во главѣ, прежде всего не допустили, чтобы Даніилова мать пользовалась властью и вліяніемъ, и принудили ее, оставивъ сына въ Галичѣ, уйдти въ Бельзъ. Это вызвало вмѣшательство Андрея Венгерскаго, который, прійдя съ Романовою вдовою въ Галичъ, заковалъ въ цѣпи Владислава и отправилъ его въ Венгрію, а другой знатный бояринъ, Судиславъ, лишь золотомъ отвратилъ отъ себя подобную же участь. Но тогда Владиславовы братья призываютъ Мстислава Пересопницкаго, и Даніилъ вмѣстѣ съ своею матерью бѣжитъ въ Венгрію. Король уже готовъ былъ снова идти на Галичъ, когда мятежъ собственныхъ вельможъ заставилъ его возвратиться назадъ [1]). Между тѣмъ шедшій впереди съ Галичанами Владиславъ, уже успѣвшій освободиться изъ заключенія [2]), въѣхавъ въ Галичъ, „вокняжился и сѣлъ на столѣ" [3]): явленіе безпримѣрное въ нашей древней Руси, гдѣ всѣ князья происходили изъ особаго рода, гдѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы какой-нибудь бояринъ, хотя бы и знатный, рѣшился занять княжескій столъ. Фактъ этотъ служитъ явнымъ свидѣтельствомъ, какъ вообще оригинальнаго быта Галича, такъ и силы его боярства; онъ лучше всего показываетъ несправедливость мнѣнія, будто бояре галицкіе не имѣли никакого особеннаго значенія и ничѣмъ не отличались отъ бояръ остальной Руси [4]). Теперь, когда Владиславъ вокняжился въ Галичѣ, Даніилъ изъ Венгріи уходитъ въ Польшу къ Лешку, а потомъ въ Каменецъ. Польскій князь помогъ [5]) ему разбить Влади-

---

[1]) Неудовольствіе Венгровъ было возбуждено королевой Гертрудой и ея братьями, изъ которыхъ одинъ (Экбертъ) обезчестилъ жену Венедикта, уже извѣстнаго намъ «Томителя» Галичанъ. Составился заговоръ. Когда Андрей выступилъ противъ Галича, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили королеву въ куски. *Соловьева* Ист. Р., II, 321.

[2]) И вѣроятно, даже снискать довѣріе и расположеніе Андрея. *Карамзинъ:* III, 100. *Зубрицкій* старается опровергнуть это и предполагаетъ, что «Володиславъ, освободившись во время венгерскаго замѣшательства, или бывъ освобожденъ венгерскими мятежниками (ибо между бунтовщиками всѣхъ народовъ есть своя симпатія) достигъ Галича и завладѣлъ княжествомъ» (Ист. др. Г. Русск. кн., ч. 3, стр. 54).

[3]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 488; замѣчанія *Костомарова* въ Ист. мон. и изсл., I, 246.

[4]) *Кавелина* Соч., II, 565—566.

[5]) Лѣт. по Ип. сп. стр. 488. Не лишены интереса слѣдующія слова лѣтописи: «Лестько же поя Данила ис Каменца..., бѣ бо вой Даниловъ болши и

Digitized by Google

слава въ открытомъ полѣ, на рѣкѣ Боброкѣ [1]), но Галича взять не могъ. Наконецъ, Лешко обратился къ Андрею съ такимъ предложеніемъ: „Неприлично боярину княжить въ Галичѣ; но возьми дочь мою за сына своего, Коломана, и посади его въ Галичѣ". Король съ радостью согласился на это и заточилъ Владислава, а въ Галичѣ посадилъ своего сына [2]), женивъ его на дочери Лешка, которому отданъ былъ Перемышль; воеводѣ же Пакославу, чрезъ посредство котораго велись переговоры, данъ былъ Любачевъ, а Даніилъ, благодаря содѣйствію Лешка, получилъ Владиміръ [3]).

Такимъ образомъ Галичъ перешелъ въ руки иноплеменниковъ. Казалось, край этотъ былъ надолго потерянъ для Русскихъ; но въ дѣйствительности господство Венгровъ и Поляковъ не могло быть продолжительнымъ. Венгры первые успѣли ожесточить и возстановить противъ себя все населеніе Галицкой области, посягнувъ на одно изъ самыхъ дорогихъ для него благъ — религію. Что подобнаго рода посягательство дѣйствительно было, на это ясно указываетъ свидѣтельство Воскресенской и Никоновской лѣтописей, по словамъ которыхъ Венгры изгнали изъ церквей православнаго епископа и священниковъ, замѣнивъ ихъ латинскими [4]). Возбудивъ населеніе противъ себя, король не ужился въ мирѣ и съ своимъ союзникомъ Лешкомъ и отнялъ у него Перемышль и Любачевъ. Пылая местью, Лешко рѣшился обратиться къ тому Русскому князю, который былъ въ то время распорядителемъ Руси, всеобщимъ посредникомъ и примирителемъ, и вліяніе котораго простиралось съ дальняго сѣвера до Кіева,—къ Мстиславу Мстиславичу, княжившему тогда въ Новгородѣ. Польскій князь отправилъ посольство въ Нов-

---

крѣпляйши, бяху бояре велицити отца его вси у него; *видивъ бо Лестько се, и поча имѣти любовь велику ко князю Данилу* и брату его Васильку...» (стр. 488).

[1]) Рѣка у города Галича, *Зубрицкій*: «Рѣка Бобрка имѣетъ свой родникъ выше города Бобрки и впадаетъ въ Днѣстръ въ окрестности деревни Портники» (Ист. др. Г. Русск. кн., ч. 3, стр. 56, пр. 48).

[2]) *Зубрицкій* восхваляетъ и здѣсь безкорыстіе Андрея, а присвоеніе Галича объясняетъ «жалкою неизбѣжностью» (Ист. др. Г. Русск. кн., ч. 3, стр. 60—1).

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 489; также Воскр. (стр. 119), по словамъ которой это произошло въ 1214 г., и Никон. (II, 315).

[4]) Воскр. лѣт. (стр. 119); такъ и въ Никон.: «Угорскиі король посади сына своего в Галиче, и церкви претвори в Латинскую службу» (II, 315). Кромѣ того, на это указываетъ и письмо короля къ папѣ, приводимое *Карамзинымъ*, III, пр. 177.

Digitized by Google

городъ, приглашая Удалаго занять Галичъ. „Ты мнѣ братъ", говорилъ онъ Мстиславу,—„пойди и сядь въ Галичѣ". Мстиславъ принялъ предложеніе Лешка, и оставивъ Новгородъ [1]), отправился на югъ, чтобы подготовить походъ, и можетъ быть, заручиться помощью южно-русскихъ князей.

Судя по извѣстію Ипатьевской лѣтописи, Мстиславъ быстро и неожиданно двинулся на Галичъ, не давъ противнику времени подготовиться къ оборонѣ. Галичане, съ Судиславомъ во главѣ, послали было за Даніиломъ, думая посадить его у себя княземъ, но тотъ не успѣлъ пріѣхать. Тогда Судиславъ и венгерскій вельможа, Бенедиктъ Лысый, бѣжали въ Венгрію, а Мстиславъ занялъ Галичъ, вѣроятно, безпрепятственно, такъ какъ Ипатьевская лѣтопись ни слова не говоритъ о битвѣ. Точно также мы не находимъ въ ней ровно никакого извѣстія и относительно венгерскаго королевича; еслибъ онъ бѣжалъ или попалъ въ руки Мстислава, то вѣроятно, Ипатьевская лѣтопись упомянула бы объ этомъ. Остается поэтому предположить, что Коломанъ находился въ тотъ моментъ не въ Галичѣ, а дома, въ Венгріи [2]).

Но на этотъ разъ недолго пришлось Мстиславу владѣть Галичемъ. Даніилъ, за котораго Мстиславъ выдалъ свою дочь Анну, пріѣхалъ въ Галичъ къ тестю, выражая неудовольствіе на Лешка за то, что тотъ владѣетъ его вотчиной. Удалой былъ чуждъ вѣроломства и неблагодарности. „Сынъ мой!" отвѣтилъ онъ Даніилу,—„за первую любовь не могу на него возстать; поищи себѣ другаго союзника". Возвратившись домой, Даніилъ съ братомъ своимъ, Василькомъ, захватилъ Брестъ [3]) и „всю Украйну", какъ говоритъ лѣтопись [4]). Раздраженный этимъ, Лешко послалъ Ляховъ „воевать" по Бугу; но между Поляками и Даніиловыми воеводами произошла стычка, въ которой первые были разбиты. Во всемъ этомъ Лешко обвинялъ Мстислава: его совѣтамъ и интригамъ приписывалъ онъ захватъ Бреста Даніиломъ. Желая отмстить за такое вѣроломство (въ дѣйствительности мнимое), Польскій князь послалъ сказать королю Венгерскому:

---

[1]) О томъ, произошло ли это въ 1215 г., когда Мстиславъ въ первый разъ покинулъ Новгородскій столъ, или въ 1218 г., см. *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1881, № 3-й.

[2]) *Карамзинъ*, III, пр. 189.

[3]) Городъ въ Волынскомъ княжествѣ.

[4]) Лѣт. по Ип. сп., 490.

Digitized by Google

„Не хочу части въ Галичѣ, но дай его зятю моему". Андрей съ радостью ухватился за это предложеніе и послалъ немедленно же своего сына съ войскомъ на Галичъ, а Лешко, съ своей стороны, отправилъ отрядъ на помощь Венграмъ.

Между тѣмъ самого Мстислава не было въ Галичѣ: по словамъ лѣтописи, онъ находился „вмѣстѣ съ Русскими и Черниговскими князьями" (по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь на съѣздѣ); какъ видно, онъ былъ занятъ не одними галицкими дѣлами: въ его присутствіи и вмѣшательствѣ нуждались и другія русскія области. Поэтому застигнутый въ расплохъ неожиданнымъ нападеніемъ Венгровъ и Поляковъ и не имѣя, быть можетъ, возможности тотчасъ же лично выступить противъ врага [1]), Мстиславъ выслалъ воеводу Дмитрія съ отрядомъ воиновъ и двумя другими воеводами къ Городку [2]), который отложился отъ него, такъ какъ тамъ, говоритъ лѣтопись,—были люди Судислава, венгерскаго клеврета. Но подъ Городкомъ на Дмитрія напали Угры и Ляхи, и онъ бѣжалъ [3]) обратно къ Мстиславу, въ то время стоявшему на рѣкѣ Зубрѣ [4]). Тогда Мстиславъ обратился къ Даніилу и Александру Бельзскому [5]) съ просьбой затвориться въ Галичѣ. Тѣ обѣщали, но только Даніилъ исполнилъ обѣщаніе, а Александръ, по словамъ лѣтописи, „не посмѣлъ" идти въ Галичъ. Коломанъ съ Венграми и Ляхами подступилъ къ Галичу, но потомъ, оставивъ на время осаду этого города, двинулся за село Рогожину на Мстислава и прогналъ его изъ Галицкой земли. Это была первая неудача Мстислава съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ первенствующее мѣсто среди князей того времени. Видя, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, онъ послалъ сказать своему зятю: „Выйди изъ города". Даніилъ исполнилъ это. Ипатьевская лѣтопись

---

1) *Зубрицкаго* Ист. др. Г.-Русск. кн., ч. 3-я, стр. 70.

2) По *Зубрицкому*, «Городокъ лежитъ на главной Вѣнской дорогѣ между Львовымъ и Судовою Вишнею, въ отстояніи отъ Львова на 25 или 26 верстъ (Ист. др. Г.-Русск. кн., 70, пр. 60).

3) При этомъ убитъ былъ нѣкто Михалка Скула, съ котораго враги сняли три золотыя цѣпи, а голову его привесли Коломану. Лѣт. по Ип. сп., 490.

4) *Арцыбышевъ* приводитъ слова *Ходаковскаго*: «Р. Зубря течетъ отъ Львова въ Днѣстръ» (Пов. о Росс., 307, пр. 1925). По *Зубрицкому* «рѣчка Зубра истекаетъ на вершинѣ горъ, окружающихъ городъ Львовъ, между границами того жъ города и деревни Козельники, и впадаетъ у села Устья въ рѣку Днѣстръ» (Ист. др. Г.-Русск. кн., 7—12, пр. 62).

5) Александръ—сынъ Всеволода Мстиславича, внукъ Мстислава Изяславича, слѣдовательно, двоюродный братъ Даніила Романовича.

Digitized by Google

чрезвычайно подробно описываетъ отступленіе молодаго Романовича [1]). Не останавливаясь на этихъ подробностяхъ, скажемъ только, что Даніилъ послѣ многихъ лишеній и цѣлаго ряда подвиговъ, успѣлъ наконецъ соединиться съ своимъ тестемъ. Восхищенный мужествомъ своего зятя, Мстиславъ осыпалъ его похвалами и дарами, подаривъ ему, между прочимъ, своего борзаго сиваго коня, и сказалъ: „Пойди, князь, во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ, чтобы отмстить за свой поворъ".

Дѣйствительно ли Удалой ушелъ теперь къ Половцамъ, или же онъ отправился на сѣверъ, одержалъ тамъ Липецкую побѣду и только уже послѣ этого задумалъ снова овладѣть Галичемъ, на это, при сбивчивости и противорѣчіи лѣтописныхъ свидѣтельствъ, трудно отвѣтить съ полною достовѣрностью [2]). Какъ бы то ни было, но чрезъ нѣсколько времени Мстиславъ, въ союзѣ со многими южно-русскими князьями и съ Половцами, двинулся на Галичъ. А между тѣмъ и королевичъ въ Галичѣ не остался безъ поддержки: тамъ находился венгерскій воевода, „Филя Прегордый", какъ называетъ его лѣтопись [3]),—„надѣявшійся объять землю, потребить море", говорившій въ своей надменной гордости: „Одинъ камень много горшковъ побиваетъ", а о Русскихъ презрительно отзывавшійся: „острый мечъ, борзый конь—много для Руси" (то-есть, для покоренія Руси). Кромѣ того, Александръ Бельзскій, въ душѣ никогда не перестававшій питать вражду къ Романовичамъ, открыто перешелъ на сторону Лешка, теперь врага Мстиславова и друга Венгровъ. На встрѣчу двигавшемуся на Галичъ Мстиславу выступилъ Филя со множествомъ Угровъ и Ляховъ, взявъ съ собою и Судислава, и другихъ Галицкихъ бояръ, изъ которыхъ многіе, впрочемъ, разбѣжались, не будучи въ состояніи сносить долѣе гордости высокомѣрнаго Венгра. Филя, оставивъ въ Галичѣ королевича и устроивъ укрѣпленіе на церкви св. Богородицы, готовился къ брани, по словамъ лѣтописи, воображая, что никто не можетъ противостоять ему въ бою. Рано утромъ, наканунѣ праздника Богородицы, говоритъ Ипатьевская лѣтопись,— Мстиславъ встрѣтился съ Уграми и Ляхами, предводимыми Филей. Закипѣлъ тяжелый бой. Счастье на этотъ разъ не измѣнило Мстиславу; его мужество и воодушевленіе восторжествовали надъ высоко-

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., 490.

[2]) *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1881, № 3.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 492.

Digitized by Google

мѣріемъ и самоувѣренностью Венгерскаго воеводы. Непріятель обратился въ бѣгство; множество Венгровъ и Ляховъ избито было во время преслѣдованія, и въ довершеніе всего, самъ „величавый“ Филя взятъ былъ въ плѣнъ какимъ-то „нарѣбкомъ Добрынинымъ“, но его тайкомъ освободилъ Галицкій бояринъ, „лживый“ Жирославъ, который, впослѣдствіи уличенный въ этомъ, лишенъ былъ недвижимаго имущества [1], „погуби отчину свою“. Побѣдители направились къ самому Галичу. Враги не устояли и у городскихъ воротъ, но вбѣжали въ городъ и нашли себѣ убѣжище въ укрѣпленіи, устроенномъ на церкви св. Богородицы; нѣкоторые изъ бѣглецовъ взбирались туда при помощи веревокъ, оставляя коней своихъ въ рукахъ побѣдителей. Бросая оттуда камни и стрѣляя въ гражданъ, осажденные однако, не имѣя воды, изнемогали отъ жажды, такъ что лишь только вступилъ Мстиславъ въ городъ, какъ они сдались ему и были сведены съ церкви [2]. Въ этотъ лишь моментъ успѣлъ при-

---

[1]) *Зубрицкаго* Ист. др. Г.-Русск. кн., 79, пр. 67.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., стр. 493. Воскр. лѣт. нѣсколько иначе говоритъ о завоеваніи Галича. Именно, подъ 1220 г. мы находимъ тамъ еще слѣдующее извѣстіе. «Тоеже зимы иде на Галичь Мстиславъ Романовичь изъ Кіева, и Мстиславъ же Мстиславичь изъ Торчьскаго, и иніи князи съ ними и съ Половци; пришедшимъ же имъ, и королевичь затворися во градѣ Галичи; они же бишася у града половину дни и разыдошася по земли воевать, и много зла сотвориша, городы и села пожгоша, и многъ полонъ взеньше поидоша» (стр. 128). Это извѣстіе встрѣчаемъ мы и у *Татищева* (подъ *1217* г., см. Ист. Р., III, 422). Воскр. лѣт. говоритъ, что только въ 1221 г. Галичъ взятъ былъ Мстиславомъ. Татищевъ такъ передаетъ объ этихъ событіяхъ: Галичане, терпя отъ Венгровъ притѣсненія въ вѣрѣ, послали съ жалобою къ Мстиславу Романовичу. Тотъ созвалъ всѣхъ князей въ Кіевъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было идти на Галичъ и посадить въ немъ Русскаго князя, или заставить Коломана принять законъ Русскій, а папистовъ всѣхъ изгнать. Коломанъ обратился за помощью къ своему отцу и къ Полякамъ, а Русскіе князья съ Половцами пошли на Галичъ. Затѣмъ слѣдуютъ подробности битвы (стр. 425—426). Коломанъ заперся въ городѣ, а князья обступили его, такъ что королевичъ принужденъ былъ обратиться къ нимъ съ просьбою о мирѣ. Русскіе князья положили: «Коломану и его отцу отречься вѣчно Галича, заплатить за убытки 7500 фунт. сребра чистаго (15000 гривенъ) и доколѣ заплатитъ, быть ему съ женою у великаго князя; плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ освободить, поповъ Латинскихъ... отдать на судъ епископу Галицкому». Тогда Коломанъ (1219 г.) отворилъ ворота (стр. 427). Далѣе Татищевъ передаетъ (подъ 1221 г.), что послы Венгерскаго короля привезли великому князю деньги и дары за выкупъ Коломана. Тогда великій князь велѣлъ съ честью проводить королевича до границы. «И тако сидѣлъ Коломанъ въ Торческу годъ и 2 мѣсяца, а какъ прибылъ въ Галичь, Мстиславъ Мстиславичь

Digitized by Google

быть съ небольшою дружиной и тысяцкимъ Демьяномъ Даніилъ; все время его задерживалъ Лешко, старавшійся не допустить соединенія его съ тестемъ. Даніилу оставалось только радоваться вмѣстѣ съ Мстиславомъ полной побѣдѣ надъ иноплеменниками; королевичъ вмѣстѣ съ женою попалъ въ руки побѣдителей [1]); остальные Угры и Ляхи частью погибли въ бою, частью взяты въ плѣнъ, иные потонули во время бѣгства, а иные избиты смердами, такъ что никто изъ враговъ не успѣлъ спастись. Бояринъ Судиславъ, венгерскій приверженецъ, приведенъ былъ къ Мстиславу; великодушный побѣдитель „не помыслилъ о немъ зла", говоритъ лѣтопись [2]),—но оказалъ ему милость, а Судиславъ, униженно обнимая ноги Мстислава, обѣщалъ ему быть вѣрнымъ слугой. Вѣря словамъ Судислава, Удалой „почтилъ его честью великою" и далъ ему въ управленіе Звенигородъ [3]).

И такъ, Мстиславъ снова завладѣлъ Галичемъ [4]) и на этотъ разъ оставался тамъ княземъ до самой своей смерти. Андрею Венгерскому, утомленному неудачнымъ крестовымъ походомъ (1217 г.), было не до того, чтобы поднимать новую упорную борьбу изъ-за Галицкой области. Оставленіе Удалымъ Галича за собою ясно показываетъ какъ его непослѣдовательность, такъ и то, что онъ не былъ представителемъ и возстановителемъ исключительно старины, что, напротивъ, онъ шелъ иногда въ разрѣзъ съ старинными понятіями и легко поддавался вліянію новыхъ воззрѣній и условій. Въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ ли Мстиславъ какое-нибудь право на Галичъ по старининымъ представленіямъ? Нѣтъ, ровно никакого! Онъ завладѣлъ Галичемъ не въ силу своихъ правъ на него, правъ, которыя обу-

---

принялъ его съ честью, отдалъ дочь свою Марію за Беля Венгерскаго, брата Коломанова, а Галичь договорился уступить, взявъ за оный серебро»... («Ист. Р., Ш, 428).

[1]) Лѣт. по Лавр. сп., 423; Воскр., стр. 128; Новг., стр. 37. О дальнѣйшей судьбѣ плѣненнаго королевича, когда и какимъ образомъ онъ получилъ свободу, Ипат. лѣтопись не говоритъ (впрочемъ, она даже ясно не упомянула, что королевичъ былъ взятъ въ плѣнъ, между тѣмъ какъ изъ всего хода дѣла видно, что это было такъ. По извѣстіямъ Новг. и Воскр. лѣт. Мстиславъ тотчасъ по заключеніи мира отпустилъ королевича. Объ извѣстіи *Татищева* см. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., 493.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 493.

[4]) См. нашу хронологическую замѣтку о томъ, когда именно произошло первое и второе занятіе Галича Мстиславомъ въ *Ж. Мин. Нар. Пр.* 1881 г., № 3.

Digitized by Google

словливались бы, напримѣръ, извѣстнымъ старшинствомъ, даже не въ силу народнаго избранія, а лишь по праву завоеванія, какъ побѣдитель. Полевой считаетъ такое присвоеніе Галича нисколько не противорѣчащимъ характеру и стремленіямъ Мстислава; онъ говоритъ, будто Удалой не далъ Галича Даніилу потому, что тотъ не имѣлъ на него никакого права, такъ-какъ Романъ (Даніиловъ отецъ) хищнически завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ. Это мнѣніе опровергается уже тѣмъ, что Даніилъ во всякомъ случаѣ имѣлъ болѣе права на Галичъ, чѣмъ самъ Мстиславъ. Единственнымъ оправданіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіемъ поступка Удалаго можетъ служить тогдашнее состояніе Галицкой земли. Положеніе ея князя было въ высшей степени затруднительно; Мстиславъ, вѣроятно, не предполагалъ, чтобы молодой Даніилъ могъ долго держаться на Галицкомъ столѣ и съ успѣхомъ бороться съ безчисленными трудностями, съ интригами бояръ и притязаніями иноплеменниковъ, не смотря на то, что тотъ уже успѣлъ высказать свое мужество и свои способности; можетъ быть, Мстиславъ думалъ, что только личное присутствіе его самого можетъ предохранить Галичъ отъ новаго захвата его Венграми. Какъ бы то ни было, но Удалой, защитникъ права и правды, оставивъ за собой Галичъ, сталъ какъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой, и въ этомъ, между прочимъ, кроется источникъ его ошибокъ, колебаній, которыми такъ богата послѣдняя эпоха его жизни; онъ, видимо, потерялъ почву подъ собой. При томъ Мстиславъ попалъ въ чуждую для него среду коварнаго и своекорыстнаго боярства, интригамъ и furnished козням которато не въ силахъ былъ противостоять его прямодушный и легковѣрный характеръ.

Занявъ Галичъ, Мстиславъ прежде всего примирилъ Даніила съ Александромъ Бельзскимъ. Мы видѣли, что послѣдній послѣ того, какъ Венгры изгнали Удалаго и снова заняли Галичъ, поспѣшилъ оставить Даніила и перейдти на сторону Лешка. Но когда Мстиславъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Уграми, то Польскій князь немедленно же примирился съ Даніиломъ и Василькомъ, и Александръ, такимъ образомъ, попалъ въ довольно затруднительное положеніе. Даніилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ началъ опустошать окрестности Бельза и забирать въ плѣнъ людей. По словамъ лѣтописи, „вся земля поплѣнена бысть; бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси (весн) не плененѣ...» [1]).

[1]) Лѣт. по Ип. сп., 494.

Digitized by Google

Все это случилось въ теченіе одной ночи, и Бельжане назвали эту ночь „злою". Только заступничество Мстислава спасло Александрову волость отъ дальнѣйшихъ опустошеній: „Пожалѣй брата своего", сказалъ онъ Даніилу, и тотъ, отойдя отъ Бельза, возвратился во Владиміръ.

Немного лѣтъ спустя послѣ того, какъ Удалой утвердился въ Галичѣ, вторично отнявъ его у иноплеменниковъ, вся южная Русь приведена была въ смятеніе появленіемъ новаго, невѣдомаго до тѣхъ поръ врага—Татаръ. Это внезапное появленіе Монгольской орды вызываетъ Мстислава изъ Галича опять на югъ, въ Кіевъ, а затѣмъ и въ глубь Половецкихъ степей; снова принимаетъ онъ участіе въ обще-русскомъ дѣлѣ, попрежнему являясь его руководителемъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Природныя условія Россіи обрекли ее на постоянныя столкновенія съ кочевыми ордами Азіи. Расположенная на окраинѣ Европы, лишенная крѣпкихъ природныхъ оградъ съ Востока, Русь должна была принимать на себя первые удары кочевниковъ, стремившихся на западъ, и служить какъ бы оплотомъ для остальной Европы. Привольныя степи ея юга составляли излюбленное мѣсто кочевыхъ дикихъ ордъ. Послѣднимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ страшнымъ и важнымъ для Россіи по своимъ послѣдствіямъ, наплывомъ азіатскихъ кочевниковъ было нашествіе Монголовъ. Въ началѣ XIII в. среди послѣднихъ вдругъ исчезаетъ прежняя разрозненность и дробленіе на мелкія племена, ихъ сплачиваетъ въ одну громадную орду Темучинъ, или Чингисъ-Ханъ, и они неудержимымъ потокомъ распространяются во всѣ стороны отъ своихъ прежнихъ кочевьевъ. Наступаетъ, такимъ образомъ, періодъ завоевательной дѣятельности для Монголовъ. Между тѣмъ какъ самъ Чингисъ-Ханъ, опустошивъ Тангутское царство (въ южной Монголіи), велъ борьбу съ сѣвернымъ Китаемъ, монгольскіе отряды успѣли проникнуть и на далекій западъ. Убійство Чингисъ-Хановыхъ пословъ владѣтелемъ Бухары повлекло за собой завоеваніе послѣдней. Преслѣдуя врага своего, Ховарезмъ-шаха (то-есть, владѣтеля Бухары), Монголы явились у береговъ Каспійскаго моря, а затѣмъ проникли и на Кавказъ. Покоривъ обитавшіе тамъ народы, хитростью расторгнувъ союзъ Половцевъ съ Аланами и побѣдивъ послѣднихъ, они внезапно появляются въ Половецкихъ степяхъ. Опасность грозила, слѣдовательно, и самой Руси. Половцы съ вождемъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, не будучи въ состояніи противиться Монголамъ, обратились

Digitized by Google

въ бѣгство [1]), при чемъ часть ихъ погибла на берегахъ Чернаго моря, гонимая, по словамъ лѣтописи, гнѣвомъ Божіимъ за тѣ бѣдствія, которыя причиняли Руси эти поганые, часть же бѣжала въ землю Русскую. Между послѣдними, въ числѣ другихъ Половецкихъ князей, находился и тесть Мстислава Мстиславича [2]), Котянъ [3]). Онъ пришелъ съ поклономъ къ своему зятю въ Галичъ и ко всѣмъ русскимъ князьямъ, поднесъ имъ множество даровъ: коней, верблюдовъ, буйволовъ и „дѣвокъ", то-есть, невольницъ, и умолялъ о заступничествѣ. „Нашу землю отняли сегодня", говорилъ онъ,—„а вашу завтра возьмутъ; защитите насъ! Если же не поможете намъ, то мы нынѣ усѣчены будемъ, а вы завтра" [4]). Склоненный мольбою Половецкаго князя, Мстиславъ Мстиславичъ совѣтовалъ князьямъ идти противъ Татаръ, говоря: „Если мы, братья, не поможемъ этимъ, то они предадутся Татарамъ, и будетъ сила тѣхъ еще больше".

Князья собрались въ Кіевѣ для обсужденія предпріятія. Такимъ образомъ, казалось, возвратилось время Мономаха, время княжескихъ съѣздовъ [5]), когда русскіе князья совѣщались между собой и дѣйствовали сообща въ дѣлахъ, касавшихся всей Руси. Кіевъ, мать русскихъ городовъ, въ разсматриваемую нами эпоху утратилъ уже свое значеніе; если же теперь онъ былъ избранъ мѣстомъ съѣзда, то это, вѣроятно, произошло не только вслѣдствіе прежняго его величія, но и въ виду удобнаго положенія его: Кіевъ занималъ срединное мѣсто въ южной Руси, князья которой съѣхались на совѣщаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ удаленъ отъ цѣли предпріятія, еслибы оно состоялось. На совѣтѣ рѣшено было идти на встрѣчу Татарамъ: „Лучше намъ принять враговъ на чужой землѣ, нежели на своей", порѣшили

---

[1]) *Куникъ* относитъ это къ 1222 г. (*Уч. Зап Ак. Н. по I и III отд.*, II, 778—9).

[2]) Насъ не должно удивлять, что Удалой находился въ родствѣ съ Половцемъ; даже благочестивый Владиміръ Мономахъ, идеалъ русскаго князя, заклятый врагъ поганыхъ, «добрый страдалецъ за Русскую землю», не гнушался вступать въ родственныя связи съ Половцами. Такъ, подъ 1107 г. Лавр. лѣт. сообщаетъ: «иде Володимеръ» (Мономахъ), «Давыдъ и Олегъ къ Аепѣ и къ другому Аепѣ, и створиша миръ, *поя Володимеръ за Юрія Аепину дщерь*, Осеневу внуку...» Лѣт. по Лавр. сп.; 272).

[3]) Троицк. (стр. 216); Новг. (стр: 39); Воскр. и Ник. называютъ его *Котякомъ*:

[4]) Троицк. лѣт. (стр. 217).

[5]) Собственно говоря, съѣзды происходили въ княженіе Святополка; виновникомъ же и душою ихъ былъ Владиміръ Мономахъ.

Digitized by Google

князья, и каждый изъ нихъ сталъ готовиться къ походу, въ которомъ приняли участіе всѣ южно-русскіе князья, какъ старшіе, три Мстислава (Галицкій, Кіевскій и Черниговскій), такъ и младшіе; среди послѣднихъ особенно выдавался Даніилъ Романовичъ.

Весною, въ апрѣлѣ 1223 г. [1]), Русскіе князья достигли Варяжскаго острова на Днѣпрѣ. Здѣсь явились къ нимъ татарскіе послы [2]). „Се слышимъ", говорили Татары,—„оже противу намъ идете, послушавше Половець, а мы вашей земли не заяхомъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ, ни на васъ пріидохомъ; но пріидохомъ, Богомъ попущени, на холопи наши и конюси свои, на поганыя Половци, а возмите съ нами миръ, а намъ съ вами рати нѣту; оже бѣжать къ вамъ Половци, и вы бейте оттолѣ, а товаръ емлите себѣ, занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла творятъ, того же ради мы ихъ отселѣ бьемъ" [3]). Со стороны Татаръ это было не что иное, какъ хитрость: они хотѣли разъединить союзниковъ, прибѣгнувъ къ тому обману, который такъ удался имъ относительно Аланъ и Половцевъ. Но Русскіе князья убили пословъ [4]), и продолжая свой путь [5]), стали на Днѣпрѣ, не доходя до Олешья. Здѣсь встрѣтили ихъ новые татарскіе послы со словами: „Аще есте послушали Половець, а послы

---

[1]) Въ Троицк., Лавр. и Воскр. стоитъ 1223 г., а въ Новг. и Ип.—1224. О томъ, что слѣдуетъ принять 1223 г., см. статью *Куника* въ *Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, стр. 765—87.

[2]) По Новг. 4-й лѣт., «10 мужь съ поклономъ» (Полн. Собр. Русск. Лѣт., IV, 28).

[3]) Троицк. лѣт., стр. 217.

[4]) *Зубрицкій*, считая этотъ поступокъ несвойственнымъ благородному характеру Мстислава Удалаго и основываясь на отсутствіи извѣстія о немъ въ Ипатьевск. лѣт., вопреки свидѣтельству многихъ источниковъ, отрицаетъ фактъ избіенія пословъ, равно какъ не признаетъ и другихъ подробностей, не находимыхъ въ Ипатьевск. лѣт. (Ист. др. Г.-Русск. кн., ч. 3-я, 95—96). Можетъ быть, упомянутый поступокъ объясняется тѣмъ, что Русскіе князья не считали себя обязанными щадить пословъ такихъ дикихъ варваровъ и язычниковъ, какъ Татары. Извѣстенъ, напримѣръ, вѣроломный поступокъ Владиміра Мономаха съ Половецкими ханами Итларемъ и Китаномъ. Къ тому же, въ данномъ случаѣ Мстиславъ съ своими товарищами могъ быть особенно возстановленъ противъ Татаръ, такъ коварно поступившихъ съ Половцами и Аланами (см. *Костомарова* Русск. ист. въ жизнеоп. ея главн. дѣят., 107). *Татищевъ* передаетъ, что русскіе князья губили пословъ, «разсуждая, естьли оныхъ отпустить, то оныи хану своему о множествѣ войскъ Русскихъ скажутъ, и оные убоявся уйдутъ» («И. Р., III, 436).

[5]) По Новг. 4-й лѣт.: «идоша Русь противу 17 днiй» (стр. 28).

наши еще избили, а идете противу намъ, то вы поидѣте; а мы васъ не замаемъ ничимъ, то всѣмъ намъ Богъ!“ [1]) На этотъ разъ князья отпустили пословъ. Здѣсь же произошло соединеніе всѣхъ русскихъ силъ. Пришла сюда, говоритъ лѣтопись,—вся Половецкая земля съ своими князьями; были тутъ и Русскіе князья: Мстиславъ Галицкій, Мстиславъ Кіевскій и др., каждый съ своею силою; прибыли также и выгонцы [2]) Галицкіе съ воеводою Юріемъ Домамеричемъ и Держикраемъ Владиславичемъ. Выгонцы эти на 1000 ладьяхъ вошли Днѣстромъ въ море, а оттуда въ Днѣпръ и стали у рѣки Хортицы [3]).

Въ нашихъ станахъ пронеслась вѣсть, что пришли Татары посмотрѣть на русскія ладьи. Тотчасъ же молодой Даніилъ и другіе князья сѣли на коней, желая поскорѣе испытать въ бою невиданнаго до тѣхъ поръ врага. Но Татары поспѣшили уйдти, и среди Русскихъ мнѣнія о нихъ раздѣлились: въ то время, какъ Юрій Домамеричъ утверждалъ, что Татары—„хорошіе ратники и добрые воины“,—другіе говорили, что это „люди простые“, хуже даже Половцевъ. Эти противорѣчивые отзывы были переданы и Мстиславу Мстиславичу. Молодые князья горѣли нетерпѣніемъ идти далѣе, па встрѣчу врагамъ. „Мстиславъ и другой Мстиславъ!“ говорили они,—„не стойте, пойдемъ противъ нихъ“. Русскіе перешли Днѣпръ [4]) и па коняхъ устремились въ глубь Половецкихъ степей. Мстиславъ Удалой, переправившійся прежде всѣхъ съ 1000 воиновъ [5]) и шедшій впереди, встрѣтился съ татарскими сторожами [6]), ударилъ на нихъ и обратилъ въ

[1]) Троицк. лѣт., стр. 217.

[2]) *Арцыбышевъ* спрашиваетъ не были ли эти выгонцы изгнанники? (Пов. о Р., 317, пр. 1992). *Зубрицкій*, справедливо отвергая это, предполагаетъ, что «выгонцы, если слово это не описка, были пѣшее войско, которое водою скорѣе могло прибыть къ предназначенному мѣсту, какъ сухимъ путемъ. Конница же Галичская приспѣла уже тамо прежде съ своимъ княземъ, какъ выше сказано» (стр. 92, пр. 75).

[3]) Въ лѣтописяхъ сказано: «на броду у *Протолчи*» (*Ип.*, 496; *Троицк.*, 217). Подъ послѣднимъ словомъ *Арцыбышевъ* понимаетъ *проливъ*; Протолчьи находились, по его словамъ, около острова Хортицы, ниже пороговъ (П. о Р., 347), *Карамзинъ* считаетъ протолчіями протоки или рукава Днѣпра, обтекающіе Хортицкій островъ (Ист. Г. Р., II, пр. 200).

[4]) Въ Ипат. прибавлено: «во вторникъ» (Лѣт. по Ип. сп., 496).

[5]) По Никон. съ 20000 (!).

[6]) Нужно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Троицк., Воскрес.) переходъ Русскихъ чрезъ Днѣпръ представляются не совсѣмъ ясно. Именно, сказавъ о соединеніи у Олешья Половцевъ и всѣхъ Русскихъ князей, эти лѣтописи передаютъ вслѣдъ за тѣмъ о побѣдѣ Мстислава надъ татарскими сторожами, а

Digitized by Google

бѣгство. Съ трудомъ уходя отъ преслѣдованія и желая спасти своего „воеводу", то-есть, предводителя, Гемябега, Татары спрятали его живаго въ яму; но онъ былъ найденъ побѣдителями и умерщвленъ Половцами, которые выпросили его себѣ у Мстислава Мстиславича [1]). Оттуда [2]), говоритъ лѣтопись,—Русскіе князья шли 8 дней [3]) до рѣки Калки; здѣсь ими были встрѣчены татарскіе сторожа, которые послѣ непродолжительной стычки отошли назадъ.

На берегахъ Калки сошлись, наконецъ, русскіе полки съ татарскими. Мстиславъ Мстиславичъ повелѣлъ перейдти рѣку, а вслѣдъ за нимъ перешелъ и самъ, пославъ впередъ „въ сторожу" Яруна съ Половцами. Завидѣвъ татарскія полчища, Мстиславъ подъѣхалъ къ

потомъ о переходѣ русскихъ князей чрезъ Днѣпръ. Непосредственно за этимъ находится извѣстіе о прибытіи Галицкихъ выгонцевъ и о томъ впечатлѣніи, которое произвели Татары на Русскихъ. Далѣе снова повторяется, что русскіе воины и всѣ князья перешли Днѣпръ и встрѣтили Татаръ; русскіе стрѣлки побѣдили ихъ и, взявъ много скота, гнались за ними далеко въ поле. По поводу всего этого Карамзинъ замѣчаетъ, что здѣсь объ одномъ и томъ же дѣлѣ говорится дважды: «еслибы Мстиславъ разбилъ татарскій передовой отрядъ *до* прибытія галицкаго флота, то Даніилъ и товарищи его не могли сказывать сему князю за новость, что Татары хорошо или худо стрѣляютъ». Далѣе *Карамзинъ* говоритъ, что если принять за достовѣрное, будто Русскіе дважды переходили чрезъ Днѣпръ, «то зачѣмъ же войско наше, побѣдивъ Татаръ, возвращалось на правую сторону Днѣпра?» (Ист. Г. Р., III, пр. 299). Эти замѣчанія Карамзина подтверждаются и дальнѣйшимъ разборомъ этого мѣста въ указанныхъ лѣтописяхъ. О галицкихъ выгонцахъ естественнѣе всего было бы сказать непосредственно за разказомъ о приходѣ и соединеніи всѣхъ русскихъ князей, каждаго съ своею силой, а между тѣмъ эти два извѣстія, связанныя между собою логически, въ лѣтописи разъединены вставкой о побѣдѣ Мстислава надъ сторожами татарскими, предводимыми Гемябегомъ, вслѣдствіе чего и разказъ, какъ о галицкомъ флотѣ, такъ и о впечатлѣніи, произведенномъ Татарами на Русскихъ, является какимъ-то вводнымъ эпизодомъ, стоящимъ вовсе не на своемъ мѣстѣ, такъ что лѣтопись, сказавъ уже разъ о переходѣ Русскихъ чрезъ Днѣпръ, теперь снова должна была повторить это: «преидоша же вси люди и князи вси... рѣку Днѣпръ»... (См. Троицк. лѣт., 218). Остается еще не вполнѣ яснымъ: извѣстіе о побѣдѣ Мстислава надъ сторожами татарскими нужно ли отождествлять съ находящимся въ тѣхъ же лѣтописяхъ извѣстіемъ о побѣдѣ русскихъ стрѣлковъ, или это два различныя событія?

[1]) Новг. лѣт., стр. 40.

[2]) Это «оттуда» по смыслу, кажется, можно отнести скорѣе къ самому мѣсту стычки, чѣмъ къ Днѣпру. *Куникъ* считаетъ то и другое одинаково вѣроятнымъ (*Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд.*, II, 781).

[3]) Такъ въ Троицк. и Ипатьевск., а въ Новг.—9 дней. Послѣднее *Куникъ* считаетъ опиской (См. *Уч. Зап. Ак. Н. по I и II отд.*, *II*).

Digitized by Google

своему войску и Даніилу и сказавъ: „вооружитесь!“ вмѣстѣ съ юнымъ Романовичемъ устремился на врага, не предупредивъ остальныхъ князей, Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго, ничего не знавшихъ о происходившемъ и спокойно продолжавшихъ стоять по сю сторону Калки. Мстиславъ Удалой „не повѣдалъ имъ“—говорятъ лѣтописи,—„изъ зависти, такъ какъ между ними произошла большая котора“, распря [1]). Но не отвергая вполнѣ этого свидѣтельства такихъ лѣтописей, какъ Троицкая и Ипатьевская, поступокъ Мстислава, какъ замѣчаетъ и Костомаровъ [2]), можно объяснить и другими побужденіями: здѣсь выразились, можетъ быть не столько, низкая зависть въ тѣсномъ смыслѣ слова и враждебность Удалаго къ Кіевскому и Черниговскому князьямъ, столь мало свойственная его благородному характеру, сколько славолюбіе, желаніе, чтобы единственно ему Русскіе обязаны были побѣдой, самонадѣянность и непростительная неосторожность. Избалованный столь долгимъ счастьемъ, почти непрерывнымѣ рядомъ удачъ и побѣдъ, полный вѣры въ себя, славолюбивый Мстиславъ, подобно пылкому и неопытному юношѣ, съ горстью воиновъ бросился на несмѣтныя полчища враговъ, быть можетъ, не имѣя теперь уже и времени увѣдомить объ опасности другихъ князей [3]), и эта излишняя удаль его погубила Русскихъ. Не будемъ входить въ подробности битвы на рѣкѣ Калкѣ и останавливаться на подвигахъ молодаго Даніила [4]), котораго всѣ лѣтописи выставляютъ главнымъ героемъ дня, упомянемъ лишь о печальномъ для Русскихъ исходѣ этого перваго столкновенія ихъ съ Татарами. Половцы первые не устояли; не выдержавъ натиска врага, они безпорядочнымъ бѣгствомъ привели въ смятеніе и полки самихъ Русскихъ. Бѣгство сдѣлалось общимъ. Русскіе князья потерпѣли полное пораженіе, такое, какого, по выраженію лѣтописи [5]), никогда еще не

---

[1]) Троицк. лѣт., 218; Лѣт. по Ип. сп., 496.

[2]) Русск. ист. въ жизнеоп. ея гл. дѣят. 119.

[3]) *Татищевъ* передаетъ, будто Мстиславъ Мстиславичъ, увидѣвъ силу татарскую, понялъ свою ошибку, что не далъ знать великому князю, и отправилъ къ нему съ вѣстью, прося его поспѣшить со всѣмъ войскомъ на помощь.

[4]) Укажемъ только на явную ошибку всѣхъ лѣтописей, не исключая и Ипатьевской: всѣ онѣ говорятъ, будто Даніилу было тогда 18 лѣтъ, между тѣмъ извѣстно (изъ Ипатьевской лѣт.), что онъ остался четырехлѣтнимъ ребенкомъ по смерти отца своего, Романа, умершаго въ 1205 г.; слѣдовательно, въ годъ Калкской битвы (1223) Даніилу было не менѣе 22 лѣтъ.

[5]) Троицк. лѣт., стр. 218.

Digitized by Google

бывало отъ начала Русской земли. Не только молодые князья, но и самъ герой эпохи, удалой витязь Мстиславъ, обратился въ бѣгство, прежде всѣхъ достигъ Днѣпра и, страшась погони, приказалъ бывшія тамъ ладьи частью сжечь, частью порубить и оттолкнуть отъ берега, а самъ едва успѣлъ убѣжать въ Галичъ.

Такая катастрофа постигла Русскихъ по ту сторону Калки. Между тѣмъ Мстиславъ Кіевскій, видя пораженіе своихъ товарищей, укрѣпился [1]) на каменистой горѣ надъ рѣкою. Въ то время, какъ большая часть Татаръ бросилась въ погоню за обратившимися въ бѣгство Русскими, два воеводы, Чегирканъ и Тешуканъ, осадили Мстислава Кіевскаго и двухъ другихъ князей въ ихъ укрѣпленіи. Три дня успѣшно отбивались осажденные. Наконецъ, положившись на клятву воеводы Бродниковъ, Плоскыни, обѣщавшаго отпустить ихъ, если они дадутъ выкупъ, князья сдались, но были связаны и преданы Татарамъ; весь отрядъ ихъ былъ перебитъ, а сами они положены на доски; на этихъ доскахъ варвары усѣлись обѣдать и такимъ образомъ задушили несчастныхъ князей.

Какъ велики были потери Русскихъ въ битвѣ на Калкѣ, видно изъ того, что, кромѣ Мстислава Кіевскаго и находившихся съ нимъ двухъ князей погибло еще 6, а изъ простыхъ ратниковъ едва-ли й десятый возвратился домой [2]); убитъ былъ здѣсь, по словамъ лѣтописи, и Александръ Поповичъ, съ 70 другими храбрецами.

Такъ печально окончилась 31-го мая 1223 г. [3]) битва южно-рус-

---

[1]) Въ Новг. «И ту угоши (створи) городъ около себе въ колѣхъ» (стр. 40), то-есть, по объясненію *Карамзина* (III, пр. 303), не въ кольяхъ, а въ *обозѣ*, среди телѣгъ; въ Троицк. (стр. 218): «учиниша городъ съ кольемъ», что можетъ предполагать и «колья».

[2]) По Новг. 4-й лѣт., князей убито 10 (стр. 28); по Воскр., число однихъ убитыхъ Кіевлянъ доходило до 10000 (стр. 132); Никоновск. вмѣсто этого показываетъ 60000 (!) (II, 354), а Тверск.—30000 (стр. 343).

[3]) 1223 г. показанъ въ большей части лѣтописей (Троицк., Лавр., гдѣ вм. 31-го мая сказано по ошибкѣ: «30-го мая», а въ Новг. и Ипатьевск. стоитъ 1224 г. По поводу этого см. статью *Куника*: «О признаніи 1223 г. временемъ битвы при Калкѣ» во 2-мъ т. *Уч. Зак. Ак. Н. по I и III отд.*, стр. 765—787. Относительно числа и мѣсяца въ нашихъ источникахъ также существуетъ разногласіе: въ *Троицк.* напримѣръ, стоитъ 16-е іюня, а въ *Нов.*—31-е мая. Послѣднее число принимаетъ и Куникъ, а къ 16-му іюня онъ относитъ не самую битву, а восшествіе на Кіевскій столъ Владиміра Рюриковича. Въ этомъ его убѣждаетъ то, что 16-е іюня стоитъ въ тѣхъ именно лѣтописяхъ, которыя упоминаютъ о вступленіи въ Кіевъ Владиміра Рюриковича, и притомъ непосредственно за

скихъ князей съ невѣдомымъ и страшнымъ врагомъ. Сопровождая свой путь убійствами, Татары дошли до Новгорода-Святополкова [1]), а затѣмъ обратились назадъ такъ же неожиданно, какъ и явились. Подобно вихрю пронеслись они по нашей южной окраинѣ, своимъ появленіемъ поставивъ въ совершенное недоумѣніе современниковъ. „Это произошло", говоритъ лѣтопись по поводу Калкской катастрофы,— „за грѣхи наши; Богъ вложилъ недоумѣнье въ насъ, погибло безчисленное множество людей, и были вопли, воздыханіе и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Объ этихъ же злыхъ Татарахъ-Таурменахъ", заключаетъ лѣтописецъ, „не вѣдаемъ, откуда пришли они на насъ и куда дѣлись опять; одинъ Богъ знаетъ это". Главный недугъ древней Руси—рознь, княжескіе раздоры и которы, словомъ недостатокъ единодушія—погубилъ ее въ столкновеніи съ Татарами. Калкская битва показала несостоятельность даже лучшихъ дѣятелей тогдашней Руси, подобныхъ Мстиславу Мстиславичу. Отвага этого представителя нашей древней эпохи была безсильна въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Татары, и только способствовала скорѣйшему пораженію Русскихъ.

Переходимъ къ послѣднимъ годамъ жизни Удалаго Мстислава и вмѣстѣ съ тѣмъ къ дальнѣйшимъ отношеніямъ его къ Галичу. Здѣсь предъ нами является какъ будто уже не тотъ Мстиславъ, который былъ въ Новгородѣ, не герой Липицы. Не подвигами и проявленіемъ блестящихъ качествъ, а напротивъ, колебаніями, ошибками и признаками какой-то слабости богата эта эпоха жизни славнаго князя. Мы видимъ здѣсь преимущественно темныя стороны того дѣятеля, который прежде являлся намъ въ такомъ блескѣ. Но даже и сквозь эти слабости проглядываютъ симпатичныя черты Мстиславовой личности.

Мы видѣли, въ какомъ фальшивомъ положеніи долженъ былъ находиться въ Галичѣ Удалой, ставъ въ противорѣчіе съ самимъ со-

---

этимъ послѣднимъ извѣстіемъ, да кромѣ того въ «Русск. Временникѣ» прямо сказано: «... А князь Володимеръ Рюриковичъ прибѣжа въ Кіевъ затворися, и сѣде на столѣ, мѣсяца іюнія въ 16».

[1]) Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Новгородомъ-Сѣверскимъ (*Карамзинъ*, III, пр. 505). Въ 1095 г. Половцы сожгли г. Юрьевъ, на рѣкѣ Роси; тогда Святополкъ Изяславичъ поселилъ выходцевъ изъ этого города на мѣстѣ древняго Витичева и вновь основанный здѣсь городъ назвалъ «Святополковымъ». *Карамзинъ* II, 106; *Иловайскаго* Ист. Р., I, 136).

[2]) См. Троицк. лѣт. 219.

Digitized by Google

бою и попавъ въ новую для него среду своекорыстнаго и коварнаго вельможества. Послѣ несчастной битвы съ Татарами, это затруднительное положеніе Галицкаго князя должно было измѣниться не къ лучшему, а къ худшему: на берегахъ Калки Мстиславъ потерялъ не только свою дружину, но и славу непобѣдимости, вѣру въ себя и въ свое счастье.

Завладѣвъ Галичемъ, который Даніилъ считалъ своимъ законнымъ наслѣдіемъ, Мстиславъ уже тѣмъ самымъ становился въ натянутыя отношенія къ своему зятю, тѣмъ болѣе, что въ клеветникахъ и подстрекателяхъ къ открытой враждѣ недостатка не было. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ особенно Александръ Бельзскій [1]), заклятый врагъ Романовичей. Узнавъ, говоритъ лѣтопись [2]), — что Мстиславъ не имѣетъ любви къ своему зятю, Александръ исполнился радости и началъ подстрекать Галицкаго князя къ рати, къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Даніила. Послѣдній, узнавъ о выступленіи въ походъ своего тестя, который былъ настолько слабъ, что поддался внушеніямъ Бельзскаго князя, ушелъ къ Ляхамъ за помощью и привелъ съ собою Лешка. Отрядъ, посланный Мстиславомъ для поддержки Александра, былъ разбитъ Даніиломъ, едва не взявшимъ при этомъ Бельза, и наконецъ самъ удалой Мстиславъ, „не стерпѣвъ", то-есть, не будучи въ состояніи сопротивляться, долженъ былъ возвратиться въ Галичъ. Этимъ распря не окончилась: Даніилъ вмѣстѣ съ Ляхами опустошилъ Галицкую область, а Александръ не переставалъ внушать Удалому: „зять твой хочетъ убить тебя", и Мстиславъ не погнушался привести къ себѣ на помощь своего тестя, Котяна, со множествомъ Половцевъ. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло не дошло до кровопролитія: коварство клеветника обнаружилось на совѣщаніи князей, происходившемъ около Мстиславовой вѣжи. Самъ Александръ „не посмѣлъ", говоритъ лѣтопись [3]), — пріѣхать сюда, а прислалъ отъ себя мужа своего, Яна. „Твоя рѣчь была, Янъ", сказалъ Удалой Александрову послу,—„будто Даніилъ вторично ведетъ на меня Ляховъ". Тогда князья, продолжаетъ лѣтописецъ, познали Александрову клевету, а Янову ложь, и совѣтовали наказать виновника распри. „Прими всю власть его за

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Р., II, 371.

[2]) Надо замѣтить, что разказъ источниковъ (Ипатьевск. лѣт.) объ этомъ событіи не отличается ясностью.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 498.

Digitized by Google

соромъ свой" [1]), говорили они Мстиславу [2]); но тотъ отказался „изъ братолюбія" и этимъ снискалъ себѣ общую похвалу. Такъ среди самыхъ ошибокъ проявляются свѣтлыя черты Мстиславова характера! Удалой послѣ этого примирился съ своимъ зятемъ, „прия его любовью", какъ говоритъ лѣтопись [3]),—и почтилъ его великими дарами, въ томъ числѣ борзымъ конемъ, которому подобнаго, по выраженію лѣтописца, въ тѣ времена и не было [4]).

Едва уладилось дѣло съ Даніиломъ, какъ Галицкій князь поставленъ былъ въ затруднительное положеніе боярами, которыхъ „льстивый" Жирославъ успѣлъ увѣрить, будто Мстиславъ идетъ въ степь и хочетъ предать ихъ на избіеніе своему тестю, Котяну. Повѣривъ этому вымыслу, испуганные бояре бѣжали въ Перемышльскую землю и Карпатскія горы [5]), на рѣку Днѣпръ. „Мьстиславу же", говоритъ лѣтопись [6]), „праву сущю о семъ и не свѣдущю ничтоже о нихъ". Лишь только узналъ онъ о бѣгствѣ и опасеніи бояръ, какъ тотчасъ же послалъ къ нимъ своего духовника, Тимоѳея, который едва могъ клятвой убѣдить бѣглецовъ въ клеветѣ Жирослава и въ невинности князя и, такимъ образомъ, привелъ ихъ обратно въ Галичъ. Жирославъ, изобличенный въ козняхъ, былъ изгнанъ Мстиславомъ [7]).

---

[1]) Лѣт. по Ип. сп., 498.

[2]) Въ лѣтописи не совсѣмъ ясно, къ кому обращены эти слова князей, къ Мстиславу или къ Даніилу? Суди по ходу разказа, скорѣе къ первому, такъ какъ непосредственно предъ этимъ говорится лишь объ Удаломъ, а не о Даніилѣ; *Зубрицкій* считаетъ это обращеніемъ къ послѣднему (Ист. Г. Р. кн., ч. 3-я, 97—98). Въ первомъ случаѣ подъ «соромомъ» нужно подразумѣвать то, что Галицкій князь былъ такъ грубо обманутъ и потерпѣлъ пораженіе отъ Даніила, во второмъ—клевету, жертвой которой былъ Романовичъ.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 498.

[4]) Лѣт. по Ип. сп., 498.

[5]) Въ Ипатьевск. лѣт. сказано: «горы Кавокасьскыя, рекше во Угорьскыя» (стр. 499). *Зубрицкій* замѣчаетъ: «Не назывался ли всякій кряжъ всякихъ большихъ горъ Кавказомъ, Кавказскими горами, которое названіе теперь осталось только цѣпи горъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ!» (стр. 98, пр. 77). У *Аммiана Марцеллина* (XXXI, 4) встрѣчается: «*ad Caucalandensem* locum, altitudine silvarum inaccessum et montium». Говорится это о мѣстности, соотвѣтствующей Карпатамъ.

[6]) См. Лѣт. по Ип. сп., стр. 498—9.

[7]) Интересно негодованіе лѣтописца на Жирослава, котораго онъ сравниваетъ съ Каиномъ: «Якоже изгна Богъ Каина от лица своего, рекы: проклятъ ты буди, стоня и трясыся на земли, якоже раздвиже земля уста своя прияти

Но не суждено было Удалому наслаждаться спокойствіемъ въ послѣдніе годы своей жизни; уже въ томъ же (1226) году у него произошло столкновеніе и съ Венграми. По совѣту „льстивыхъ" бояръ галицкихъ, Мстиславъ обручилъ [1]) свою младшую дочь съ Венгерскимъ королевичемъ Андреемъ [2]) и отдалъ (послѣ ему) Перемышль. Но вскорѣ Андрей, по какимъ-то наущеніямъ [3]) „льстиваго" Семьюнка Чермнаго, бѣжалъ въ Венгрію и началъ готовиться къ войнѣ съ Мстиславомъ. Зимою открылись враждебныя дѣйствія. Венгры подступили къ Перемышлю, который былъ сданъ имъ тысяцкимъ Юріемъ, бѣжавшимъ къ Мстиславу. Самъ король Венгерскій вмѣстѣ съ Пакославомъ, прибывшимъ къ нему на помощь во главѣ Ляховъ, сталъ у Звенигорода, а въ Галичъ отправилъ отрядъ, не смѣя лично идти туда, такъ-какъ, говоритъ лѣтопись, ему было предсказано волхвами, что если только онъ увидитъ Галичъ, то не останется въ живыхъ. Мстиславъ выступилъ на встрѣчу врагамъ; но сперва дѣло не дошло до битвы: по случаю наводненія Венгерскій отрядъ не могъ перейдти черезъ Днѣстръ и подступить къ Галичу и возвратился обратно въ королевскій станъ. Между тѣмъ Удалой, пославъ сказать Даніилу: „не отступай отъ меня!" и получивъ благопріятный отвѣтъ [4]), рѣшился вступить въ бой съ Уграми. Венгры вышли изъ

кровь брата твоего; такоже и Жирославъ раздвиже уста своя на господина своего; да не будеть ему пристанъка во всѣхъ землахъ, в Русскихъ и во Угорьскыхъ, и ни в кихъ же странахъ, да ходить шатаяся во странахъ, желание брашна да будеть ему, вина же и олу поскуду да будеть му, и да будеть дворъ его пустъ, и в селѣ его не будеть живущаго. Оттуду выгнанъ иде ко Изяславу», (сыну Владиміра Игоревича): «бѣ бо лукавый льстѣцъ нареченъ, и всихъ стропотливее и ложь пламянъ, всеименитый отцемь добрымъ, убожьство возбранявше злобу его, лъжею питашеся языкъ его, но мудростию возлажаше вѣру на лжю, красящеся лестью паче вѣнца, лженменѣць; зане прелщаше нетокмо чюжихъ но и своихъ возлюбленныхъ имѣния ради ложь; того бо дѣля жадаше быти у Изяслава» (Лѣтоп. по Ип. сп., 499).

[1]) Въ Ипатьевск. лѣт. сказано: «вда дщерь», но изъ послѣдующаго видно, что эта дочь была еще не выдана замужъ, а только обручена.

[2]) *Бестужевъ-Рюминъ* говоритъ, что Мстиславъ выдалъ свою дочь за Коломана (Р. И., 185). Если только это не опечатка, то явная ошибка: во 1-хъ, за Коломаномъ, какъ извѣстно, была уже дочь Лешка, а во 2-хъ, въ лѣтописи зять Мстислава прямо названъ Андреемъ.

[3]) Вѣроятно, этотъ бояринъ увѣрилъ Андрея въ коварныхъ замыслахъ Удалаго; лѣтопись не указываетъ, что̀ именно говорилъ Семьюнкъ Венгерскому королевичу.

[4]) «Имамъ правду во сердци своемъ», отвѣчалъ Даніилъ своему тестю.

Digitized by Google

королевскаго стана, но были разбиты; побѣдители преслѣдовали ихъ вплоть до лагеря. Самъ король, по выраженію лѣтописи [1]), „смятеся умомъ“ и поспѣшилъ выйдти изъ предѣловъ Галицкой области. Здѣсь въ источникахъ мы находимъ извѣстіе, которое какъ нельзя болѣе характеризуетъ всю продажность, весь низкій эгоизмъ и вѣроломство галицкихъ бояръ, вовсе не думавшихъ о пользѣ своей земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ податливость Мстислава, его безхарактерность; при этомъ обнаруживается и трудность положенія Галицкаго князя, окруженнаго могущественнымъ, своекорыстнымъ и коварнымъ вельможествомъ. Когда Даніилъ, не смотря на бывшія недоразумѣнія, вѣрный союзникъ Мстислава, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ прибылъ къ тестю и совѣтовалъ ему: „пойди, князь, на короля: онъ по Лохтѣ [2]) ходитъ“,—то Судиславъ, говоритъ лѣтопись, „браняшеть ему, бѣ бо имѣяшеть лесть во сердци своемъ, не хотяше бо пагубы королеви, имѣяше бо в немь надежу велику [3])“. Очевидно, боярамъ были на-руку междоусобія, они сами желали ихъ, избѣгая при этомъ, чтобы какая-нибудь сторона взяла окончательный перевѣсъ: такое положеніе дѣлъ давало имъ возможность безпрестанно переходить изъ одного лагеря въ другой и пріобрѣтать большое значеніе. Пользоваться смутами для своихъ видовъ, поддерживать постоянную вражду между противниками и этимъ ослаблять ихъ силы—вотъ политика Галицкаго боярства.

Эта распря Мстислава съ Венгерскимъ королемъ окончилась самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ. Какъ видно, положеніе Удалаго въ Галичѣ было непрочно, и вотъ хитрый Судиславъ, „льстя подъ Мстиславомъ“, по выраженію лѣтописи [4]), началъ совѣтовать ему: „Князь, выдай свою обрученную дочь за королевича и отдай ему Галичъ; ибо самъ ты не можешь держать его, и бояре не хотятъ тебя“. Мстиславъ же, говоритъ лѣтописецъ,—желалъ отдать Галичъ не королевичу, а скорѣе Даніилу, но коварный Глѣбъ Зеремѣевичъ и Судиславъ успѣли отклонить его отъ этого. „Если дать королевичу“, говорили они, то, когда захочешь, можешь взять у него обратно Галичъ; а дашь Даніилу,—на вѣки не твой ужь будетъ Галичъ“. „Галичаномъ бо“, замѣчаетъ при этомъ лѣтопись,—„хотящимъ Даніила“ [5]);

[1]) Лѣтоп. по Ип. сп., 500.
[2]) Лохтя—рѣка въ Галицкомъ княжествѣ.
[3]) Лѣт. по Ип. сп., 500.
[4]) Лѣт. по Ип. сп., 500.
[5]) Лѣт. по Ип. сп., 501.

Digitized by Google

но Мстиславъ, не обращая вниманія на отвращеніе народной массы къ иноплеменнику, поддался внушеніямъ бояръ и отдалъ Галичъ королевичу Андрею, а себѣ взялъ Понизье, то-есть, лишь юго-восточную часть Галицкой области.

И такъ, всѣ многолѣтніе труды и усилія Мстислава потрачены были даромъ: столько побѣдъ одержано было имъ, столько пролито крови, лишь для того, чтобы, побѣдивъ Венгровъ, добровольно снова отдать въ ихъ руки Галичъ [1]). Не рѣдкое безкорыстіе [2]), не уваженіе къ волѣ земли и бояръ, какъ ея представителей [3]), а непростительную слабость и безхарактерность должны мы видѣть въ этомъ поступкѣ Мстислава. Удалой является до того опутаннымъ интригами и вліяніемъ бояръ, что, вопреки чувству правды, здравому смыслу и своему благородному, великодушному характеру, поддается низкимъ побужденіямъ мелочнаго эгоизма и, не будучи въ силахъ владѣть самъ Галичемъ, готовъ скорѣе отдать его иноплеменнику, въ надеждѣ когда-нибудь снова пріобрѣсти утраченное, чѣмъ лишиться его навсегда, уступивъ пользовавшемуся расположеніемъ населенія Даніилу, который, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ бы на Галичъ, какъ на свое законное достояніе. Впрочемъ, эти низкія побужденія кажутся столь чуждыми характеру Мстислава, на сколько мы знаемъ его изъ прежнихъ дѣйствій, что мы почти готовы усумниться въ ихъ существованіи и указать на иные мотивы, которые въ данномъ случаѣ могли руководить Удалымъ: можетъ быть, въ своей близорукости, онъ не замѣчалъ, что симпатіи массы склоняются на сторону Даніила, и считалъ невозможнымъ для послѣдняго удержаться въ Галичѣ при противодѣйствіи бояръ, составлявшихъ Венгерскую партію. Но разсматриваемый нами фактъ характеристиченъ и въ другомъ отношеніи, болѣе важномъ для насъ: здѣсь ясно обнаруживается, въ какой мѣрѣ вліяли на Мстислава новыя идеи, для Галича, впрочемъ, не составлявшія уже новости. По стариннымъ понятіямъ, ревностнымъ защитникомъ которыхъ многіе считаютъ и Мстислава, князь не былъ собственникомъ-владѣльцемъ своей области и не могъ распоряжаться ею по своему произволу; между тѣмъ мы видимъ, что Удалой, не будучи въ состояніи удерживать за собой Галичъ, произвольно отдаетъ его даже не русскому князю, не Рюриковичу, а иноплеменнику, распоря-

---

[1]) *Карамзинъ*, III.

[2]) *Полевой*, Ист. русск. нар., Т. 332.

[3]) *Костомаровъ*, Русск. ист. въ жизнеоп. ея гл. дѣят., 120—121.

Digitized by Google

жается, слѣдовательно, Галицкою областью на правахъ собственника, смотритъ на нее какъ на свою полную собственность.

Вскорѣ Мстиславъ Мстиславичъ раскаялся въ своемъ поступкѣ. Когда Даніилъ, повидимому, по прежнему уважавшій своего тестя и обо всемъ совѣтовавшійся съ нимъ, прислалъ къ нему мужа своего, Демьяна, говоря, что „не подобаетъ Пинянамъ владѣть Черторийскомъ“ [1]), то Мстиславъ, тронутый такимъ знакомъ уваженія со стороны своего зятя, отвѣтилъ: „сыну! сгрѣшихъ не давъ тебѣ Галича, но давъ иноплеменнику, Судислава льстеца съвѣтомъ, обольсти бо мя; аусь Богъ выхочеть, пойдивѣ на ня, азъ всажу (сважю) Половци, а ты своими, аще Богъ дасть его нама, ты возьми Галичь, а язъ Понизье, а Богъ ти поможеть; а про Черторыескъ правъ еси [2]). Это предсмертное раскаяніе, это чистосердечное сознаніе своей ошибки и желаніе исправить ее невольно примиряетъ насъ съ Мстиславомъ.

Но не пришлось Удалому видѣть исполненіе своего желанія: въ 1228 г. [3]) этотъ князь, котораго лѣтопись называетъ Великимъ и Удатнымъ [4]), заболѣлъ на пути въ Кіевъ и умеръ, принявъ передъ смертью, по тогдашнему обыкновенію, схиму [5]). Даже въ предсмертныя минуты Мстиславъ не могъ освободиться отъ давившаго его рокового вліянія бояръ и вслѣдствіе ихъ интригъ лишенъ былъ послѣдняго утѣшенія: умирающій жаждалъ видѣть зятя своего, Даніила, къ которому въ послѣднее время питалъ онъ сильную любовь, желалъ поручить ему домъ свой и дѣтей, но Глѣбъ Зеремѣевичъ, побуждаемый, по словамъ лѣтописи [6]), завистью, успѣлъ воспрепятствовать и этому.

Смерть Мстислава не могла оказать особеннаго вліянія на судьбу Галича. Даровитый, мужественный Даніилъ Романовичъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что могъ смѣло выступить съ своими притязаніями на отцовскую волость; смерть Мстислава только развязала ему руки.

---

[1]) Черторыескъ или Чарторыскъ, городъ Волынской губ., на рѣкѣ Стирѣ, отъ Луцка 11 миль къ сѣверу. См. *Зубрицкаго* Ист. др. Г.-Р. кн., ч. 3-я, 103, пр. 85: см. также *Соловьева*. Ист. Р. II, пр. 133, стр. XVI.

[2]) Лѣт. по Ип. сп., 502.

[3]) Лѣт. по Ип. сп., 520.

[4]) Такъ въ Лавр. (Лѣт. по Лавр. сп., 428) и Воскр. (стр. 134), а по Ипатьевск.—въ 1227 г. (Лѣт. по Ипат. сп., 502).

[5]) См. Воскр. лѣт. (стр. 134); Лавр. (Лѣт. по Лавр. сп., 428); Никон. (II, 358).

[6]) Лѣт. по Ип. сп., 502.

Digitized by Google

Теперь онъ никѣмъ не стѣсняемый, послѣ нѣкоторой борьбы, достигаетъ цѣли—овладѣваетъ Галичемъ.

Мы обозрѣли дѣятельность Мстислава шагъ за шагомъ, на сколько это позволялъ намъ лѣтописный матеріалъ. Остается теперь резюмировать все сказанное, собрать въ одно цѣлое разсѣянныя черты для характеристики Мстислава и для опредѣленія его значенія, какъ историческаго дѣятеля.

Существуетъ неразрывная связь между задачами, которыя преслѣдовалъ въ своей дѣятельности Удалой, и личными его качествами: непосредственно изъ послѣднихъ вытекали его стремленія, обусловливаясь, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и потребностями времени. Поэтому, для опредѣленія значенія Мстислава, какъ историческаго дѣятеля, намъ необходимо прежде представить его характеристику, какъ нравственной личности, какъ человѣка вообще. При этомъ намъ нѣтъ нужды вдаваться въ подробности, приводить доказательства и примѣры: это бы значило повторять все сказанное. Въ предыдущемъ изложеніи личность Мстислава, кажется, достаточно уже выяснилась, такъ что намъ остается лишь напомнить нѣкоторыя выдающіяся черты его характера.

Основною чертою этой личности является качество, упрочившее за Мстиславомъ прозваніе въ исторіи; это—удальство, та молодецкая удаль, которая характеризуетъ многихъ героевъ нашихъ былинъ. Непосѣдливость и стремленіе все къ новымъ и новымъ подвигамъ составляютъ не менѣе выдающіяся стороны живаго и отважнаго характера Мстислава. Въ періодъ молодости народа, въ его геройскую эпоху, такіе характеры составляютъ далеко не единичное явленіе, а, напротивъ, господствующее, и въ этомъ отношеніи Удалой только наиболѣе блестящій представитель цѣлаго ряда подобныхъ личностей. Но у Мстислава на всемъ этомъ мужествѣ лежитъ печать великодушія и любви къ правдѣ, чуднымъ образомъ соединяются въ немъ съ этими чертами миролюбіе и добродушіе. Такимъ образомъ, Удалой является витяземъ, рыцаремъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Ратное поле — вотъ поприще дѣятельности Мстислава, и тамъ, среди опасностей битвы, онъ является во всемъ своемъ блескѣ. Сила Мстислава кроется въ его воодушевленіи, и это воодушевленіе беретъ у него верхъ надъ разсудкомъ и холоднымъ расчетомъ. Поэтому, въ дальновидности и неуклонномъ стремленіи къ одной цѣли онъ далеко уступаетъ, напримѣръ, князьямъ сѣвернымъ и даже составляетъ имъ прямую противоположность. Въ этомъ же преобладаніи

Digitized by Google

увлеченія и воодушевленія нужно видѣть, между прочимъ, причину колебаній, какой-то слабости Мстислава въ дѣлахъ, гдѣ требуется проницательный умъ и твердая воля, а такіе рыцари, какъ Удалой, обыкновенно плохіе политики: они хорошо владѣютъ мечемъ, но совершенно теряютъ почву подъ собой въ средѣ коварныхъ и ловкихъ интригановъ. Такъ и Мстиславъ, человѣкъ добродушный, но въ то же время легковѣрный, дѣлается игралищемъ въ рукахъ Галицкихъ бояръ, легко поддается ихъ внушеніямъ и, разъ поднавъ ихъ вліянію, уже не въ силахъ освободиться отъ него, такъ что, самъ будучи поборникомъ правды, доходитъ до того, что совершаетъ величайшія несправедливости. Но и здѣсь готовность Мстислава сознать, что онъ поступилъ несправедливо, и раскаяться,—смягчаетъ эти недостатки.

Уже изъ этой общей характеристики Удалаго мы можемъ заранѣе вывести заключеніе, что намъ нечего ждать отъ него послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и опредѣленности стремленій, тѣмъ болѣе, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда старинныя представленія начали терять свою силу, а новыя еще не выработались вполнѣ, при путаницѣ и неопредѣленности отношеній, даже самый послѣдовательный умъ и характеръ едва-ли бы могъ остаться вѣрнымъ самому себѣ. По своимъ личнымъ качествамъ и симпатіямъ Мстиславъ, безспорно, принадлежитъ къ типу прежнихъ князей. Какъ мы уже видѣли, со второй половины XII в. у насъ началъ вырабатываться новый типъ князей. Представители этого типа, вмѣсто того. чтобы переходить съ одного стола на другой, осѣдаются въ своихъ волостахъ, и сообразно съ этимъ, предметомъ ихъ заботъ и особеннаго вниманія становится исключительно собственное ихъ княжество, между тѣмъ какъ обще-русскіе интересы и сознаніе единства всей Руси отступаютъ далеко на заднiй планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такіе князья не столь воинственны, какъ представители прежняго типа; напротивъ, они осторожны, избѣгаютъ битвъ и предпочитаютъ достигать своихъ цѣлей мирнымъ путемъ, большею частью хитростью и ловкою политикой. Словомъ, это уже князья-правители, для которыхъ и самое чувство родства, и связи, основанныя на немъ, не имѣютъ ровно никакого значенія. Не таковъ Мстиславъ: это—предводитель дружины, витязь и воинъ, а не правитель той области, въ которой онъ княжитъ. Подобно прежнимъ князьямъ, переходитъ онъ съ одного стола на другой; всѣ русскія области имѣютъ для него равную цѣну, и ни одной изъ нихъ не отдаетъ онъ особеннаго пред-

Digitized by Google

почтенія. Это объясняется не только непосѣдливымъ характеромъ Мстислава, но и сознаніемъ единства Руси. И дѣйствительно, Удалой своею дѣятельностью связывалъ самыя отдаленныя области между собой, сѣверъ и югъ Россіи [1]). Вмѣстѣ съ этимъ Мстиславъ уважалъ родственныя связи, придавалъ имъ прежнее значеніе и готовъ былъ поддерживать патріархальныя отношенія между князьями. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе и его личныхъ качествъ, симпатіи Удалаго, безъ сомнѣнія, склонялись на сторону старой Руси; его идеаломъ была, вѣроятно, Русь временъ Мономаха, братолюбца и добраго страдальца за Русскую землю, когда князья сознавали, что они братья, когда дѣла рѣшались сообща на съѣздахъ, которые, замѣтимъ мы, снова появляются на сцену именно при Мстиславѣ Мстиславичѣ.

Вотъ всѣми этими-то чертами Удалой и примыкаетъ къ представителямъ Старой Руси. Но напримѣръ, Соловьевъ на этомъ не останавливается: по его мнѣнію, Мстиславъ своею дѣятельностью хотѣлъ возстановить всецѣло старый порядокъ вещей, явившись борцемъ за старину противъ новизны, развивавшейся на сѣверѣ. Въ дѣйствительности факты не подтверждаютъ такого взгляда. Такъ, выступая на помощь Новгороду, Мстиславъ является не болѣе, какъ защитникомъ слабыхъ, поборникомъ новгородской вольности и самостоятельности, а въ ту эпоху областная обособленность составляла явленіе вполнѣ современное. Далѣе, поддержавъ господство Мономаховичей въ Кіевской области, Удалой выказалъ себя до извѣстной степени возстановителемъ старины, но при этомъ обнаружилъ полное невниманіе и равнодушіе къ Кіеву, завѣтной цѣли прежнихъ князей. За тѣмъ въ борьбѣ, закончившейся Липецкою битвой, онъ является союзникомъ старшаго изъ Всеволодовичей; но союзъ этотъ вызванъ общею враждою ихъ къ младшимъ Всеволодовичамъ и вытекавшей отсюда общностью интересовъ; при томъ же Мстиславу Константинъ обязанъ такимъ усиленіемъ сравнительно съ младшимъ братомъ, какое совершенно противорѣчитъ стариннымъ понятіямъ. Наконецъ, Удалой распоряжается Галичемъ, какъ полный собственникъ, и этимъ ясно показалъ, въ какой мѣрѣ подчиняется онъ современнымъ ему (и даже новымъ) понятіямъ. Вообще мы можемъ сказать, что главная цѣль Мстислава не возстановленіе старины, а, точнѣе говоря, — защита правды, оказаніе помощи слабымъ, посредничество и примиреніе враждующихъ сторонъ.

[1]) Ср. *Соловьева* И. Р., IV, 138.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, изъ всего предыдущаго мы выводимъ то заключеніе, что Мстиславъ въ своей дѣятельности не является представителемъ исключительно старой Руси; понятія, господствовавшія въ его время, вліяютъ на него, часто независимо отъ того, стары они или новы; на его дѣятельности отразились какъ тѣ, такъ и другія.

Какъ же исполнилъ свои задачи Мстиславъ? Какіе слѣды оставила въ нашей исторіи его дѣятельность? — Есть историческіе дѣятели, которые, понявъ неудовлетворительность современнаго имъ порядка вещей, стремятся внести въ жизнь новыя начала и измѣнить ея строй. Нерѣдко такихъ людей ожидаетъ полный неуспѣхъ, при жизни ихъ удѣломъ становится часто безславіе, и лишь потомство (да и то не всегда) оцѣниваетъ ихъ заслуги; тогда съ ихъ именемъ связывается у насъ представленіе о зарѣ новой жизни. Не къ этимъ дѣятелямъ, какъ мы видѣли, принадлежитъ Мстиславъ: его мѣсто среди тѣхъ, вся сила которыхъ заключается не въ проведеніи новыхъ началъ, а въ личномъ обаяніи. Такіе дѣятели, пока живы, пользуются славой и громаднымъ значеніемъ, послѣ же себя они оставляютъ не прочные результаты, а лишь память о своихъ блестящихъ подвигахъ. Мы говорили уже, въ какомъ положеніи находилась Русь въ моментъ выступленія Мстислава на историческое поприще: въ тогдашнихъ отношеніяхъ господствовали произволъ и путаница, послѣдствіемъ чего было затруднительное положеніе всѣхъ тѣхъ, кто не могъ силой отстоять свои права. Все это вытекало изъ самаго строя и условій тогдашней жизни. Удалой старался помочь такому положенію дѣлъ, внести хотя какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ и защитить слабыхъ. Но при этомъ онъ ограничился тѣмъ, что благотворно дѣйствовалъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ, мирилъ враждующихъ и служилъ между ними посредникомъ; всѣ слабые и гонимые находили въ немъ защитника. Самаго же строя, главнаго источника всѣхъ неурядицъ, Мстиславъ не думалъ измѣнять; онъ не указалъ пути для выхода изъ этого неудовлетворительнаго положенія. Хотя Удалой и выставилъ знамя правды, но образъ послѣдней былъ слишкомъ неопредѣленъ для того, чтобы помочь дѣлу: каждый могъ понимать эту правду по-своему; притомъ же, можно было напередъ сказать, что эгоизмъ и страсти возьмутъ верхъ надъ всякимъ чувствомъ правды и заглушатъ его. Братолюбіе Мстислава, его напоминанія о родствѣ и единствѣ происхожденія всѣхъ русскихъ князей также не могли измѣнить общаго положенія дѣлъ. „Крови не дай Богъ сотво-

рити", говоритъ, напримѣръ, Мстиславъ младшимъ Всеволодовичамъ,—„да до того управимся; мы есмы племенници себѣ"; но отвѣтъ Юрія ясно показалъ, что родственныя связи отжили свой вѣкъ и что теперь большинство князей вовсе не намѣрено руководиться ими въ своихъ отношеніяхъ. Затѣмъ, княжескіе съѣзды, которые возобновились при Мстиславѣ, сами по себѣ также не могли имѣть большаго значенія: на нихъ должна была господствовать та же путаница, та же неопредѣленность и борьба страстей. При томъ, съѣзды эти существовали и имѣли нѣкоторую силу только въ теченіе того времени, пока во главѣ князей стоялъ Удалой. Словомъ, Мстиславъ дѣйствовалъ лишь своею обаятельною личностью, и его вліяніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока онъ былъ живъ; умеръ онъ,—и все пошло по прежнему: положеніе дѣлъ не только не измѣнилось къ лучшему, но еще болѣе ухудшилось, а тутъ нагрянули Татары, и старой жизни насталъ конецъ. Одно только дѣло пережило Мстислава—нѣкоторые результаты Липецкой битвы, но и то на столько, на сколько они касались Новгорода. Произошло это потому, что здѣсь Мстиславъ выступилъ не только борцемъ во имя слишкомъ общей и неопредѣленной идеи правды, защитникомъ слабыхъ отъ произвола сильныхъ, но и охранителемъ Новгородской самостоятельности и вольности, которыя органически связаны были со всѣмъ строемъ жизни Великаго Новгорода и къ которымъ стремился весь предыдущій ходъ его исторіи; къ тому же татарскій погромъ, потрясшій прежнія основы жизни въ остальной Руси, пощадилъ Новгородъ, не коснувшись его такъ осязательно.

Но именно тому Удалой и обязанъ своимъ вліяніемъ на современниковъ, что онъ не былъ нововводителемъ, что своими идеалами и стремленіями онъ не возвышался надъ уровнемъ тогдашняго общества. Явись Мстиславъ борцемъ во имя какихъ-нибудь новыхъ, непонятныхъ для людей XIII в., началъ, и онъ бы никогда не пользовался такимъ вліяніемъ и уваженіемъ; братолюбіе же, правда и областная независимость—все это идеи не только понятныя, но и популярныя среди Мстиславовыхъ современниковъ [1]). Прибавимъ къ этому обаятельную личность Удалаго и его блестящія качества, привлекавшія къ нему общую симпатію, и мы поймемъ, почему взоры всѣхъ обращаются къ нему съ мольбой о защитѣ и о посредничествѣ. Современные Мстиславу князья знали, что онъ, можетъ быть,

[1]) Хотя въ своихъ отношеніяхъ князья и не думали подражать Мстиславу.

поступитъ несправедливо, но они также знали, что это будетъ съ его стороны скорѣе ошибкой, чѣмъ преднамѣренной несправедливостью; они видѣли, что по своему благородному характеру Удалой лучше всякаго другаго можетъ служить посредникомъ, что если они не всегда встрѣтятъ въ немъ непогрѣшимаго судью, то, съ другой стороны, не найдутъ въ немъ и хитраго политика, ищущаго лишь случая усилиться на счетъ другихъ.

Въ заключеніе повторяемъ, что, не смотря на свои слабости, Мстиславъ является все-таки лучшимъ представителемъ южно-русскихъ князей, блестящимъ типомъ ихъ. Онъ ошибался, поступалъ иногда несправедливо, обнаруживалъ безхарактерность; но съ другой стороны это выкупалось многими достоинствами, а чистосердечное раскаяніе примиряетъ насъ съ главнымъ проступкомъ его — отдачей Галича въ руки иноплеменниковъ. Мстиславъ оставилъ по себѣ память, какъ человѣкъ, любившій правду и ратовавшій за нее, умѣвшій уважать права и волю народа такъ, какъ рѣдко кто другой. Казалось, судьба, какъ разъ наканунѣ окончательнаго погрома древней Руси Татарами, собрала всѣ лучшія качества южно-русскихъ князей и надѣлила ими Удалаго, послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго блестящаго представителя этихъ князей. Не прошло и 10 лѣтъ со времени смерти Мстислава, какъ явились Татары и покорили Русь. Тогда, при новыхъ условіяхъ жизни, не могли уже являться удалые Мстиславы; да еслибы въ татарскую эпоху какимъ-нибудь образомъ и создалась у насъ подобная личность, то она бы принесла съ собой только горе и несчастье: что̀ могли значить великодушіе, удаль и полный воодушевленія героизмъ отдѣльныхъ лицъ въ сравненіи съ несмѣтными полчищами Татаръ? Обстоятельства требовали иныхъ дѣятелей — людей, одаренныхъ хитрымъ и осторожнымъ умомъ, ловкостью, умѣвшихъ подчасъ кривить душой, льстить и унижаться предъ ханомъ, но при этомъ неуклонныхъ въ своей цѣли, идущихъ къ ней медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ, — словомъ, тѣхъ собирателей земли Русской, дѣятельности которыхъ послѣдняя такъ много обязана своимъ объединеніемъ.

И такъ, удалой витязь Мстиславъ — представитель безвозвратно и давно минувшаго прошедшаго, продуктъ прежнихъ условій жизни, типъ, который могъ выработаться только въ нашей древней Руси, и въ этомъ заключается главнѣйшій интересъ его изученія.

Вл. Бузескулъ.

Digitized by Google

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ [1]).

....

IV.

Познакомившись съ главными чертами миѳологіи Кельтовъ, переходимъ къ вопросу объ организаціи и значеніи жреческаго сословія; здѣсь прежде всего встрѣчаетъ насъ пресловутое и прославленное имя друидовъ, окруженное многими темными и таинственными преданіями о глубокомъ и таинственномъ знаніи, объ особомъ глубокомысленномъ вѣроученіи, обозначаемомъ заимствованнымъ отъ ихъ названія терминомъ друидизма, о духовномъ и свѣтскомъ могуществѣ. Главнымъ нашимъ руководителемъ здѣсь долженъ быть опять Юлій Цезарь, отъ котораго мы отправлялись при изученіи кельтическаго пантеона.

Цезарь подробно говоритъ о друидахъ въ двухъ главахъ (13-й и 14-й) шестой книги своего сочиненія о Галльской войнѣ. Онъ сообщаетъ намъ, что въ Галліи есть два класса, имѣющіе преобладающее общественное значеніе, это—друиды и всадники. Друиды завѣдуютъ богослуженіемъ, совершаютъ общественныя и частныя жертвоприношенія, объясняютъ предзнаменованія. Къ нимъ толпами сходится молодежь, чтобы учиться, и они пользуются у Галловъ большимъ почетомъ. Они разбираютъ всѣ общественные и частные процессы—

[1]) *Продолженіе.* См. сентябрьскую книжку *Журнала Мин. Нар. Просв.* за 1882 годъ.

Digitized by Google

будь это уголовныя преступленія, напримѣръ, убійство, я простыя— тяжбы изъ-за наслѣдства или владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли. Они же назначаютъ пени и наказанія. И если либо частный человѣкъ, либо цѣлое племя не повинуется ихъ опредѣленіямъ, они подвергаютъ виновнаго отлученію: это для Галловъ самое тяжкое наказаніе, потому что отлученные признаются всѣми за нечестивыхъ и преступныхъ людей, всѣ ихъ сторонятся, избѣгаютъ встрѣчи съ ними и разговора—изъ опасенія, чтобъ ихъ прикосновеніе не принесло какого несчастія; они стоятъ внѣ закона, для нихъ закрытъ доступъ ко всякимъ почестямъ. Во главѣ друидовъ находится одинъ, пользующійся среди прочихъ верховною властію. Послѣ его смерти ему наслѣдуетъ наиболѣе достойный изъ среды всѣхъ. Если есть нѣсколько равныхъ, между ними производится выборъ голосованіемъ друидовъ, а иногда дѣло рѣшается силой оружія. Въ извѣстное время года они собираются въ священное мѣсто, въ странѣ Карнутовъ, въ центрѣ Галліи. Туда же сходятся всѣ, у кого есть тяжбы, предлагаютъ ихъ на судъ друидовъ и покорно повинуются ихъ рѣшеніямъ. Вѣроученіе друидовъ возникло въ Британіи и оттуда занесено было въ Галлію; въ Британію и теперь отправляются тѣ, которые хотятъ ближе и точнѣе его изучить. Друиды не платятъ податей, освобождены отъ военной службы и избавлены отъ всякой другой повинности. Прельщаясь такими важными привиллегіями, многіе приходятъ къ нимъ для обученія и по своей волѣ, и посылаемые родителями или родными. Друиды заставляютъ ихъ заучивать множество стиховъ, и время ученія продолжается иногда двадцать лѣтъ. Они не считаютъ возможнымъ передавать письму свою науку, хотя во всѣхъ остальныхъ дѣлахъ общественнаго и частнаго характера не избѣгаютъ пользованія (греческимъ) алфавитомъ. Вѣроятно—догадывается отъ себя Цезарь — они соблюдаютъ эту тайну по двумъ причинамъ: чтобы ихъ ученіе не распространялось въ народѣ, и чтобы ученики, надѣясь на письмо, не стали меньше упражнять память. Друиды въ особенности стараются распространить убѣжденіе, что души не уничтожаются послѣ смерти, но переходятъ изъ одного тѣла въ другое. Они полагаютъ, что это убѣжденіе, внушая презрѣніе къ смерти, всего лучше можетъ содѣйствовать возбужденію мужества. Они также разсуждаютъ много о звѣздахъ и ихъ движеніи, о протяженіи земли и міра, о природѣ вещей, о силѣ и могуществѣ безсмертныхъ боговъ и преподаютъ все это юношеству.

Digitized by Google

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Цезарь говоритъ о человѣческихъ жертвахъ, онъ прямо замѣчаетъ, что исполнителями кроваваго и ужаснаго обряда являлись друиды (гл. 16-я). Точно также общее народное вѣрованіе о происхожденіи Галловъ отъ подземнаго бога, Dis piter, было, по его словамъ, внушено друидами (гл. 17-я). Вотъ въ близкой передачѣ свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Цезаремъ; его ясный и свѣтлый умъ и зоркость политическаго государственнаго человѣка помогли ему уловить и выставить на видъ такія черты, которыя для другихъ писателей остались въ тѣни и не получили надлежащей оцѣнки; разумѣемъ преимущественно общественное значеніе сословія.

Изъ словъ Цезаря видно, что друиды въ Галліи не только были представителями духовныхъ интересовъ, но имѣли могущественную политическую организацію и силу, хотя и не составляли касты въ настоящемъ смыслѣ слова. Они выбирали изъ своей среды пожизненнаго главу, друидическаго папу, который пользовался громаднымъ вліяніемъ. Указывая на значеніе этого выборнаго первосвященника и на упоминаемое Цезаремъ право интердикта, одинъ новый ученый остроумно замѣтилъ, что отъ этого не далеко было до церковнаго государства (Kirchenstaat), съ папой и соборами, съ клерикальною свободой отъ податей и повинностей, съ отлученіями и духовными судами; только это церковное государство въ Галліи не отрѣшалось, какъ новѣйшее Римское, отъ всякаго принципа народности, но было, напротивъ, прежде всего національнымъ (Моммсенъ, Римская исторія, т. III, стр. 196 въ русск. перев.). Въ другихъ отношеніяхъ въ изложеніи Цезаря мы найдемъ недостатки, происходящіе именно отъ наклонности объяснять религіозныя явленія сознательными соображеніями пользы и выгоды, найдемъ также и нѣкоторые пробѣлы.

Юлій Цезарь не говоритъ о какихъ-либо подраздѣленіяхъ въ классѣ друидовъ, сопоставляемомъ со свѣтскою аристократіей и противополагаемомъ вмѣстѣ съ нею всему остальному народу. Но другіе писатели указываютъ намъ въ этомъ классѣ подраздѣленія и разряды. Діодоръ Сицилійскій отъ философовъ и богослововъ, подъ которыми у него разумѣются друиды, какъ это прямо и сказано, отличаетъ прорицателей (μάντεις), которые тоже имѣютъ большое значеніе; сверхъ того, съ друидами сопоставляются и пѣвцы-поэты, то-есть, барды: „У Кельтовъ есть философы и богословы, пользующіеся особеннымъ уваженіемъ, которыхъ они называютъ друидами (δρουίδας). Но у нихъ есть также прорицатели, привлекаю-

Digitized by Google

щіе къ себѣ большое расположеніе. Они предсказываютъ будущее посредствомъ наблюденія за птицами и посредствомъ закалываемыхъ жертвъ и заставляютъ весь народъ слушаться себя. Особенно когда предстоитъ рѣшеніе о чемъ-нибудь важномъ, они соблюдаютъ странный и невѣроятный обрядъ. Окропивъ человѣка возліяніями, они поражаютъ его сѣкирою въ грудь (въ мѣсто надъ діафрагмой), и когда онъ упадетъ, то по способу паденія и по виду конвульсій въ членахъ, а также по тому, какъ течетъ кровь, они уразумѣваютъ будущее. Они вѣрятъ въ такой способъ гаданія на основаніи старинныхъ и долговременныхъ наблюденій. Обычай не позволяетъ приносить какую бы то ни было жертву безъ содѣйствія философа; ибо они утверждаютъ, что жертвы, пріятныя богамъ, не могутъ быть приносимы иначе, какъ чрезъ посредство людей, знающихъ божественную природу и находящихся какъ бы въ сообщеніи съ нею (ὡσπερεὶ τινῶν ὁμοφώνων), и что только чрезъ посредство ихъ можно испрашивать желаемыя блага. Не только въ мирныхъ дѣлахъ, но и на войнѣ, Кельты повинуются этимъ философамъ, а также пѣвцамъ-поэтамъ (τοῖς μελῳδοῦσι ποιηταῖς); ихъ слушаются не только друзья, но и враги. Часто случается, что когда два враждебныхъ строя близко сойдутся, обнажатъ мечи и выставятъ впередъ копья, то они бросаются въ средину и останавливаютъ бой, какъ будто посредствомъ какого очарованія, совершаемаго надъ дикими звѣрями. Такимъ образомъ и у самыхъ грубыхъ варваровъ гнѣвъ уступаетъ мудрости, и богъ войны преклоняется предъ музами" (V, 31).

Страбонъ прямо говоритъ о трехъ классахъ людей, пользующихся у Галловъ уваженіемъ. Это суть, вопервыхъ — барды, вовторыхъ — уаты (οὐάτεις), и втретьихъ — друиды. Отличіе между двумя послѣдними разрядами оказывается не особенно рѣзкимъ, и компетенціи отчасти сливаются. Уаты суть священнодѣлатели (ἱεροποιοί), то-есть, совершители священныхъ обрядовъ и жертвоприношеній, какъ это описано у Діодора по отношенію къ μάντεις, и физіологи (φυσιολόγοι), что̀ указываетъ на занятіе законами природы. Но это же самое приписывается собственно друидамъ у Цезаря, у Помпонія Мелы, который его почти буквально повторяетъ, и у Цицерона. Извѣстны слова Цицерона въ его трактатѣ de divinatione: „Самые варвары занимаются гаданіемъ; такъ въ Галліи есть друиды. Я самъ зналъ одного изъ нихъ, Эдуя Дивитіака; онъ утверждалъ о себѣ, что онъ знаетъ законы природы, то, что̀ Греки называютъ физіологіей, и предсказывалъ будущее отчасти посредствомъ птицъ,

Digitized by Google

отчасти по догадкѣ". Друиды, по словамъ Страбона, кромѣ познанія природы, изучаютъ еще нравственную философію, которою, по видимому, не обязаны были заниматься уаты. Но что подъ этимъ разумѣется, остается не совсѣмъ яснымъ. У Страбона далѣе говорится объ уваженіи, которымъ друиды пользовались прежде (онъ писалъ при Тиберіѣ) у Галловъ: они слыли самыми справедливыми изъ людей, такъ что на рѣшеніе ихъ отдавались частные и общественные споры и тяжбы; они останавливали готовыхъ вступить въ бой непріятелей; въ особенности имъ поручалось рѣшеніе дѣлъ по смертоубійству; ожиданіе хорошей или худой жатвы находилось въ связи съ болѣе или менѣе щедрыми приношеніями въ пользу друидовъ; наконецъ, отмѣчаются нѣкоторыя черты друидическаго вѣроученія, едва ли, однако, входящія въ составъ физіологіи. „Друиды", говоритъ Страбонъ,—„подобно другимъ варварамъ, вѣрятъ въ безсмертіе души и міра; но вода и огонь, по ихъ мнѣнію, должны нѣкогда восторжествовать" (IV, 4).

Амміанъ Марцеллинъ сохранилъ намъ свѣдѣнія, собранныя греческимъ писателемъ Тимагеномъ, современникомъ императора Августа; изъ нихъ видно, что и Тимагенъ различалъ три класса среди галльской духовной и умственной аристократіи, именно бардовъ, евгаговъ (по другому чтенію — евбаговъ) и друидовъ (съ варіантомъ — драсидовъ). Евгаги (Euhages) изслѣдуютъ порядокъ и высшія области природы (seriem et sublimia naturae pandere conabantur); а друиды, съ притязаніями на какое-то особенное умственное превосходство (ingeniis celsiores), и какъ это было установлено у Пиѳагора, соединенные узами товарищества или корпораціи (sodaliciis adstricti consortiis), занимаются вопросами о вещахъ таинственныхъ и глубокихъ; презирая обыкновенное человѣческое, они провозглашаютъ безсмертіе душъ. Раздѣльная линія между евгагами, или что то же, уатами Страбона и ихъ собратьями друидами опять остается для насъ довольно неуловимою. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что дѣйствительно существовали три разряда въ интересующемъ насъ классѣ духовной аристократіи. Какъ Цезарь, такъ и Діодоръ, вмѣстѣ съ Тимагеномъ и Страбономъ, говорятъ собственно о Галліи; ихъ извѣстія хорошо дополняются и разъясняются тѣми свѣдѣніями, которыя почерпаются изъ памятниковъ ирландской литературы, благодаря умножающимся изданіямъ и новѣйшимъ трудамъ англійскихъ и французскихъ кельтологовъ все болѣе и болѣе раскрывающей намъ свои сокровища.

Digitized by Google

Средневѣковая Ирландія въ началѣ христіанскаго своего періода, кромѣ бардовъ и друидовъ, знала еще третій родственный имъ классъ людей, такъ-называемыхъ филе (file), что значитъ „видящіе". Самое слово vates, которое можно угадывать въ греческой транскрипціи Страбона (уаты, οὐάτεις), встрѣчается въ ирландской поэзіи почти въ томъ же самомъ видѣ—fáith, и служитъ въ глоссахъ для перевода реченія „propheta", пророкъ. Этимъ филе или пророкамъ приписываются и всѣ тѣ дѣйствія, которыя у Діодора подлежатъ вѣдѣнію прорицателей, μάντεις. И такъ, филе соотвѣтствуютъ прорицателямъ Діодора, евгагамъ или евбагамъ Тимагена и уатамъ Страбона; на ряду съ друидами и бардами, они представляли въ Ирландіи третій разрядъ въ томъ сословіи, которое Цезарь обозначилъ однимъ общимъ наименованіемъ друидовъ. Встрѣчающееся у новыхъ изслѣдователей отожествленіе филе съ бардами (см. Георгіевскій, Галлы, 193) также неправильно, какъ и сопоставленіе vates, уатовъ, съ бардами. Далѣе мы будемъ говорить отдѣльно о каждомъ классѣ.

Если мы поставимъ вопросъ о томъ, повсемѣстно ли въ Галльскихъ земляхъ былъ распространенъ друидизмъ, то окажется, что отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Изъ словъ Юлія Цезаря, передающаго мнѣніе современниковъ, можно вывести такое заключеніе, что друидизмъ былъ извѣстенъ, и друиды существовали только въ Gallia comata и въ Британніи; въ Британніи онъ возникъ, въ Трансальпинскую Галлію былъ занесенъ. Дѣйствительно, не отыскано ни у писателей, ни въ надписяхъ какихъ-либо слѣдовъ существованія друидизма въ Испаніи и въ Цизальпинской Галліи, а также на востокъ отъ Рейна, на территоріяхъ, искони занятыхъ Кельтами; нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Кельты, проникшіе за Пиринеи въ началѣ VI вѣка до Р. Х., и Галлы, начавшіе завоеваніе сѣверной Италіи около 400 года, принесли съ собою это учрежденіе въ новыя свои поселенія; изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ соотвѣтствующія эпохи они не были еще съ нимъ знакомы, что тогда еще не проникалъ на континентъ этотъ продуктъ британской почвы. Даже и въ позднѣйшей кельтской колоніи, основанной въ началѣ III вѣка до Р. Х. въ Малой Азіи, въ Галатскихъ тетрархіяхъ, почти не отыскивается никакихъ слѣдовъ существованія друидизма; все, что можно указать, заключается въ одномъ словѣ Друнеметонъ (Δρυνέμετον), сохранившемся у Страбона (XII, 5, I) и означавшемъ священное мѣсто, гдѣ собирался галатскій сенатъ, судившій дѣла по смерто-

Digitized by Google

убійству, какъ это дѣлало собраніе друидовъ въ Галліи въ странѣ Карнутовъ. Первая часть сложнаго слова, dru, едва ли не представляетъ того самаго корня, отъ котораго произошло слово друидъ: вторая же несомнѣнно означаетъ святилище, священное мѣсто. Было бы довольно смѣло выводить отсюда какое-либо положительное заключеніе; только въ видѣ догадки можно высказать предположеніе, что хотя не въ полномъ развитіи, а въ зародышѣ. друидизмъ существовалъ у континентальныхъ Кельтовъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., въ эпоху Аристотеля и Александра Великаго. Таково теперь мнѣніе французскаго кельтолога, Arbois de Jubainville, который прежде склоненъ былъ относить просвѣщеніе Галліи друидизмомъ ко времени, гораздо болѣе близкому къ эпохѣ Юлія Цезаря. Затѣмъ, по вопросу о происхожденіи друидизма можно идти еще далѣе. Беллоге если не первый высказалъ, то первый научно доказывалъ ту мысль, что друидизмъ, какъ религія, первоначально принадлежалъ не собственно Кельтамъ, а покореннымъ Кельтами племенамъ не-арійскаго происхожденія, то-есть, Лигурамъ. Въ пользу такой теоріи съ нѣкоторыми видоизмѣненіями склоняется мнѣніе новѣйшихъ англійскихъ ученыхъ, занимающихся этими вопросами. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что завоеватели заимствовали у побѣжденныхъ ихъ вѣрованія, и что туземная духовная аристократія удержала религіозное господство въ своихъ рукахъ. Рисъ думаетъ, что друидизмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ расѣ или расамъ, которыя предшествовали Кельтамъ въ обладаніи Британніей; онъ не находитъ никакихъ указаній на его существованіе ранѣе 200 года до Р. Х. и полагаетъ, что посредниками и передатчиками его съ острова на материкъ могли быть Белги, поселившіеся въ Британніи, или даже вѣроятнѣе, какъ онъ выражается въ своей новой книгѣ (Celtic Britain. London, 1882), что Кельты нашли друидизмъ здѣсь и тамъ (въ Галліи и Британніи), какъ общую религію первобытнаго населенія отъ Балтики до Гибралтара. Инымъ кажется, что самый характеръ британскаго друидизма имѣетъ видъ большей первоначальной грубости и неразвитости въ сравненіи съ тѣмъ, что извѣстно о Галліи по Цезарю. Въ Британніи—замѣчаетъ Ельтонъ—друиды представляются, впрочемъ по преданіямъ, идущимъ отъ христіанскаго времени, не многимъ лучше, чѣмъ обыкновенные колдуны, волшебники и заклинатели; они хвалятся умѣньемъ вызывать бурю и снѣгъ и пугаютъ народъ летающею тряпкою, пучкомъ сѣна или соломы (который они бросали въ лицо непріятному человѣку и тѣмъ

Digitized by Google

превращали его въ бездомнаго скитальца и лунатика: см. O'Curry, Manners of the ancient irish, vol. II, 203) и другими ребяческими чарами. Они предсказываютъ о будущемъ по чиханію и другимъ примѣтамъ, на основаніи сновъ, которые они видѣли послѣ бычачьей трапезы, или пожравъ мясо предъ своими идолами, по карканію вороновъ и по чириканію прирученнаго королька, либо полизавъ горячій топоръ, вынутый изъ рябиноваго топорища; они похожи на знахарей у Краснокожихъ Индѣйцевъ, на ангекоковъ у Эскимосовъ; они одѣты въ бычачьи шкуры съ птичьимъ покровомъ на головѣ и съ развивающимися крыльями. Главный друидъ въ Тарѣ (то-есть, уже въ Ирландіи) представляется намъ въ видѣ прыгающаго фокусника съ золотыми серьгами въ ушахъ и въ пестромъ платьѣ; онъ мечетъ вверхъ мечи и шарики, которые летая, жужжатъ, какъ пчелы, однако не задѣваютъ другъ друга. Однимъ словомъ, это нѣчто въ родѣ шамановъ, совершенно подъ стать тѣмъ представленіямъ о религіи первоначальнаго неарійскаго населенія Британіи, которое можно было себѣ составить на основаніи странныхъ особенностей низшей миѳологіи, преобладающихъ въ Британніи и Вельсѣ. Елтонъ (Origins of English History, 174 и сл.) настаиваетъ на томъ, что потомки племенъ бронзоваго періода, строителей дольменовъ, существовали на островѣ до сравнительно поздняго времени, сохраняя особенности въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, не имѣющія ничего общаго со всѣмъ тѣмъ, что извѣстно объ Арійцахъ, и что отъ этой старой низшей расы перешли къ позднѣйшимъ собственнымъ Кельтамъ многія анормальныя явленія въ области, какъ общественной и семейной жизни, такъ и политической. Къ этимъ аборигенамъ относятся иные изъ разказовъ Гиральда Камбрійскаго (въ концѣ XII вѣка описавшаго Камбрію и Ирландію), казавшіеся наиболѣе неправдоподобными. Такіе варварскіе обычаи впослѣдствіи дали Спенсеру (XVI в.) поводъ провести параллель между племенами сѣверной Шотландіи и Ирландіи и Татарами, обитателями при-каспійскихъ степей. Предсказатели и истолкователи, о которыхъ говорится у Гиральда, что когда имъ приходится отвѣчать на вопросъ, они приводятъ себя въ полное изступленіе и страннымъ образомъ начинаютъ выть, самимъ повѣствователемъ помѣщены среди Дардановъ, то-есть, темно-кожаго черноволосаго населенія въ Вельсѣ (потомки Иберійскихъ Силуровъ). Изъ примѣровъ, сопоставляемыхъ Спенсеромъ, достаточно привести обычай при заключеніи союза дружбы и вѣрности пить общую смѣшанную кровь

Digitized by Google

изъ одной чаши. Не далѣе какъ у Скайлера въ описаніи Туркестана (Schuyler's Turkestan, II, 29), можно найдти любопытное сопоставленіе восточнаго истатши, то-есть, лица, которое живетъ тѣмъ, что беретъ на себя грѣхи другихъ и молится за нихъ, съ вельскимъ грѣхосъѣдателемъ (sin-later) [1]). Повѣрья, производящія многіе кланы отъ животныхъ, названія клановъ, заимствованныя отъ животныхъ, въ родѣ клана дикихъ кошекъ (clan Chattan) и другіе родственные факты, какъ особенное суевѣрное почтеніе къ нѣкоторымъ животнымъ и воздержаніе отъ ихъ мяса (напримѣръ, мясо зайца въ западной Британніи у крестьянъ было предметомъ такого же отвращенія, какъ и въ Россіи), заставляютъ даже предполагать существованіе если не у нашихъ Кельтовъ, то у покоренныхъ, съ нимъ смѣшавшихся расъ, той низшей системы религіозной, которая характеризуется теперь названіемъ тотемизма, и по которой отдѣльныя трибы воздаютъ религіозное почитаніе отдѣльнымъ животнымъ, видя въ нихъ своихъ родоначальниковъ и называя себя по ихъ имени (Elton, p. 300). Все это, несомнѣнно, можетъ служить къ разъясненію предполагаемой связи между друидизмомъ, особенно въ томъ видѣ, какъ онъ является въ Британніи, съ религіозными воззрѣніями первоначальнаго не-арійскаго элемента въ кельтскихъ странахъ.

Само собою разумѣется, слѣдуетъ признать, что въ описаніи Цезаря друиды и друидизмъ, давно усвоенные собственными Кельтами, являются на гораздо высшей ступени развитія; то же самое нужно сказать объ Ирландіи, бытъ которой отражается въ поэмахъ, восходящихъ по своему происхожденію къ VIII и слѣдующимъ вѣкамъ и рисующихъ предшествовавшій періодъ даже до IV и V вѣковъ, считая назадъ [2]). Друиды Ирландіи имѣютъ почти то же самое положеніе, какое латинскіе и греческіе авторы приписываютъ друидамъ Галліи; явное различіе состоитъ развѣ только въ судебной компе-

---

[1]) Обычай состоитъ въ томъ, что когда трупъ умершаго вынесутъ изъ дому и положатъ на носилки, берется кусокъ хлѣба и передается черезъ трупъ грѣхосъѣдателю, а также кружка изъ кленоваго дерева съ пивомъ; онъ съѣдаетъ хлѣбъ, выпиваетъ напитокъ, получаетъ сверхъ того небольшую монету, и ipso facto беретъ на себя всѣ грѣхи умершаго или умершей.

[2]) Относительно ирландскаго друидизма, кромѣ прежде указанныхъ сочиненій, мы уже имѣли возможность пользоваться недавно вышедшею книгою Арбуа-де-Жюбэнвиля: Introduction à l'étude de littérature celtique par *H. D. Arbois-de-Jubainville*. Paris, 1883, и отчасти новымъ сочиненіемъ оксфордскаго профессора Риса: Celtic Britain. By *J. Rhys*. London, 1882.

Digitized by Google

тенціи, которая въ Ирландіи принадлежала ф и л е, видящимъ. Друиды здѣсь и тамъ являются какъ гадатели и предсказатели, какъ кудесники и волшебники, какъ врачи и цѣлители, наконецъ—какъ наставники и учители. Жизнеописанія св. Патрика, просвѣтителя Ирландіи, повѣствуютъ намъ, что друиды Ирландіи заранѣе возвѣстили его прибытіе (432 г. по Р. Х.). Они являются пророками въ свѣтской поэзіи и въ эпопеѣ ирландской о Конхобарѣ и Кухулайнѣ. Въ героической Ирландіи нельзя было предпринять военную экспедицію прежде, чѣмъ друиды признаютъ моментъ благопріятнымъ и обѣщающимъ успѣхъ. Друидами Галлы называютъ своихъ м а г о в ъ, пишетъ Плиній Старшій: Druidos, ita suos appellant magos. Однимъ изъ средствъ ихъ магическаго волшебнаго искусства служило знаменитое з м ѣ и н о е яйцо, открывавшее доступъ къ царямъ и помогавшее выигрывать тяжбы[1]). Сопоставленіе друидовъ съ древними магами и волшебниками встрѣчается въ древнѣйшихъ образцахъ вельской поэзіи (въ поэмѣ Таліезина); восточные мудрецы, которые принесли дары новорожденному Христу, называются здѣсь друидами; Симонъ волхвъ превращается въ Симона д р у и д а и въ этомъ видѣ является дѣйствующимъ лицомъ на кельтской почвѣ. Въ житіяхъ св. Патрика мы видимъ, что друиды короля Ирландскаго всячески пытаются превзойдти святаго своими чудесами: они заставляютъ выпасть снѣгъ въ такомъ количествѣ, что люди вязнутъ въ немъ по шею; они распространяютъ по всей долинѣ такую густую тьму, что ее можно ощупать, и тѣмъ наводятъ на присутствующихъ крайній ужасъ; но подобно тому, какъ Моисей побѣдилъ волхвовъ Фараона, Патрикъ посрамилъ силу друидовъ. Сходство между волхвами Египта

---

[1]) Ср. *Георгіевскаго*, Галлы, стр. 142. Приводимъ отрывокъ Плинія въ переводѣ этого автора: «Есть родъ яицъ, неизвѣстный Грекамъ и пользующійся великою славою у Галловъ. Лѣтомъ безчисленныя змѣи собираются и совокупляются между собой слюнами своихъ пастей и пѣною, покрывающею ихъ кожу, отъ чего и происходитъ змѣиное яйцо. По словамъ друидовъ, змѣи подбрасываютъ его къ верху своимъ шипѣніемъ, и его должно схватить плащемъ (sagum), прежде чѣмъ оно коснется земли. Похититель долженъ спасаться на конѣ отъ преслѣдованія змѣй, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока онѣ не встрѣтятъ на пути своемъ какой-нибудь рѣки. Подлинность змѣинаго яйца узнается потому, можетъ ли оно плыть противъ теченія воды, будучи даже обдѣлано въ золото». Плиній самъ видѣлъ подобное яйцо; оно служило внѣшнимъ отличіемъ друида и висѣло на его шеѣ. Императоръ Клавдій велѣлъ казнить одного римскаго всадника по происхожденію Галла, за то, что онъ во время тяжбы имѣлъ подобное яйцо у себя за пазухою».

Digitized by Google

и кудесниками кельтскими было такъ ясно и очевидно для древняго Ирландца, что неизвѣстный по имени авторъ глоссъ въ манускриптѣ посланій апостола Павла (IX вѣка) объясняетъ, что Іанній и Іамврій были имена двухъ египетскихъ друидовъ. Характеръ волшебника и мага по преимуществу сохраняютъ и друиды Британніи. Одно житіе св. Колумбы, писанное въ VII вѣкѣ (Адамнаново), тоже упоминаетъ о борьбѣ святаго съ этими волхвами сѣвера, насылающими тьму и возбуждающими ярость стихій. Понятіе о друидѣ, какъ магѣ, было такъ высоко въ умѣ ревностнаго почитателя Колумбы, сложившаго ему наиболѣе древній гимнъ, что онъ заставляетъ своего святаго говорить: „Христосъ Сынъ Божій есть мой друидъ". Въ эпической литературѣ Ирландіи сила друидовъ представляется столь великою, что она иногда торжествуетъ надъ могуществомъ боговъ. Питье, приготовленное друидами, заставляетъ Кухулайна забыть очарованіе соблазнившей его феи; при помощи друида, другой ирландскій верховный король, напротивъ, возвращаетъ себѣ похищенную у него богомъ жену, по природѣ собственно также богиню, получившую второе рожденіе въ Ирландіи. Плиній Старшій, писавшій свою Естественную исторію около 77 года по Р. Х., когда политическое и даже религіозное значеніе друидизма клонилось въ Галліи къ упадку вслѣдствіе столкновенія съ римскимъ вліяніемъ и властію, — даетъ намъ понять, что въ данную эпоху друиды удерживали за собою изъ прежнихъ своихъ функцій главнымъ образомъ знахарство, занятія медициной и ветеринарнымъ искусствомъ. Въ связи съ этимъ находилось почитаніе омелы (gui, viscus) и другихъ чудесныхъ растеній. „Чужеядныя растенія на дубахъ", говоритъ Плиній,—„друиды считаютъ за даръ, ниспосланный съ неба, и за признакъ дерева, избраннаго самимъ богомъ. Они называютъ омелу именемъ, которое значитъ панацея (всеобщее лѣкарство). Они думаютъ, что омела, принятая въ питьѣ, сообщаетъ плодовитость всякому безплодному животному, и что она можетъ служить лѣкарствомъ противъ всякихъ ядовъ" [1]) Подобное же значеніе имѣли камфорникъ и вѣтренница.

---

[1]) О добываніи омелы см. *Георгіевскаго*. Галлы, стр. 120: «Очень рѣдко», пишетъ Плиній, — «удается находить омелу, а по отысканіи, ее снимаютъ съ дерева съ великими религіозными церемоніями и прежде всего въ шестой день луны... Совершивъ, какъ слѣдуетъ, подъ самымъ деревомъ жертвоприношеніе и пиршества, подводятъ двухъ быковъ бѣлаго цвѣта, рога которыхъ тогда впервые только связываются. Жрецъ въ бѣлой одеждѣ взлѣзаетъ на дерево и срѣзываетъ омелу золотымъ серпомъ; принимается она въ бѣлую сагу (галльскій

Digitized by Google

Свою медицинскую репутацію друиды сохраняютъ въ древнѣйшихъ ирландскихъ эпическихъ сказаніяхъ. Чтобъ исцѣлить короля Ульстера Конхобара отъ тяжкаго недуга, которымъ онъ заболѣлъ вслѣдствіе огорченія и досады послѣ похищенія знаменитаго быка, составлявшаго честь Ульстера (что̀ составляетъ содержаніе одного изъ сказаній древнѣйшаго эпическаго цикла), приближенные считаютъ нужнымъ обратиться къ славному тогда друиду Катбаду.

Главнѣйшая и наиболѣе важная функція друидовъ, изъ которой проистекали и всѣ другія, заключалась, конечно, въ ихъ жреческомъ характерѣ, въ томъ, что они были необходимыми посредниками между людьми и богами. Безъ нихъ, какъ это с[illegible]тельствуютъ Юлій Цезарь, Діодоръ и Страбонъ, не могло быть принесено ни одной, ни общественной, ни частной жертвы. Они являются главными дѣйствующими лицами при кровавыхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, о которыхъ у насъ была рѣчь выше; если два греческіе писателя изъ трехъ сейчасъ названныхъ говорятъ объ участіи въ священныхъ и кровавыхъ обрядахъ прорицателей (μάντεις) или уатовъ, то это нужно понимать такъ, что эти послѣдніе были только помощниками философовъ, то-есть, друидовъ. Здѣсь не мѣсто сообщать подробности о борьбѣ римской государственной власти противъ жестокаго обычая людскихъ закланій во имя гуманности и человѣколюбія; объ этомъ будетъ рѣчь, когда мы дойдемъ до римскаго періода и будемъ заниматься великимъ историческимъ процессомъ романизаціи кельтическаго запада. Въ памятникахъ ирландской словесности есть только одно мѣсто, свидѣтельствующее о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, но о друидахъ въ немъ не упомянуто. За то подробно описаны обряды, соблюдавшіеся при закланіи бѣлаго быка, съ цѣлію гаданія при избраніи верховнаго короля. Одинъ изъ присутствующихъ ѣлъ мясо и жиръ закланнаго животнаго, пока не насыщался до невозможности что-нибудь проглотить болѣе; затѣмъ онъ засыпалъ, и четыре друида произносили надъ нимъ на распѣвъ магическія заклинанія, долженствовавшія сдѣлать его свидѣтельство правдивымъ; потомъ этотъ человѣкъ видѣлъ надлежащій сонъ: онъ видѣлъ человѣка, котораго подобало возвести на царство, онъ различалъ черты его лица и т. д. Тогда обязанность друидовъ была кончена; другіе короли являлись присутствовать при пробужденіи того человѣка, ко-

---

плащъ). Затѣмъ приносятся въ жертву быки, съ моленіями, чтобы богъ сдѣлалъ свой даръ счастливымъ для тѣхъ, кому далъ его» и т. д.

Digitized by Google

тораго магическій сонъ долженъ былъ послужить для нихъ откровеніемъ, и узнавали отъ него о предызбранной личности. Торжественныя публичныя жертвоприношенія въ Тарѣ, столицѣ Ирландіи, описываются въ нѣкоторыхъ изводахъ житія св. Патрика. На этотъ праздникъ, совпадавшій со временемъ христіанской пасхи, собирались не только главари (principes) всего королевства, вельможи и начальники областей, но и учителя друидовъ (druidum magistri), для принесенія жертвъ идоламъ. Христіанское преданіе приписываетъ св. Патрику уничтоженіе жертвенныхъ обрядовъ, сопровождавшихся пролитіемъ животной крови; еслибы память о человѣческихъ жертвахъ была въ Ирландіи живѣе, то конечно, этому святому приписана была бы та честь, которая въ отношеніи къ другимъ кельтскимъ странамъ принадлежитъ римскому господству. Но есть данныя, доказывающія, что борьба христіанства съ друидизмомъ изъ-за языческой кровавой обрядности еще продолжалась и послѣ Патрика.

Содержаніе и характеръ вѣроученія друидовъ въ главномъ обозначены въ вышеприведенныхъ древнихъ текстахъ. Уже тамъ замѣчается наклонность представлять друидовъ хранителями особаго таинственнаго знанія, особаго круга доктринъ, особой теологіи, очень будто бы глубокой, носившей темный мистическій характеръ, роднившій ее съ пиѳагоризмомъ. Въ новѣйшія времена пониманіе кельтической миѳологіи и религіи затемнялось многими ложными теоріями и некритическимъ отношеніемъ къ памятникамъ позднѣйшей литературы, процвѣтавшей въ средніе вѣка въ кельтскихъ странахъ, преимущественно въ Вельсѣ. Бенедиктинскіе ученые открывали въ ученіи, приписываемомъ друидамъ, слѣды откровенной религіи, такъ что если Галлы оказывали религіозное почитаніе дубамъ, то это по воспоминанію о дубѣ Мамврійскомъ; если они убивали плѣнниковъ на кускѣ необсѣченнаго камня, то дѣлали это изъ уваженія къ одной обрядовой заповѣди Моисея. Вельскія историческія тріады сдѣлались источникомъ другой теоріи. Онѣ выдаютъ себя за исторію одного существа, называемаго Гу-Гадарномъ, Гу-Могучимъ, который привелъ **Кимри** изъ страны лѣта на острова Сѣвернаго океана. Легенда о Гу-Гадарнѣ, конечно, содержитъ многія прямыя иллюзіи на вельскую миѳологію; но въ главномъ она есть перелицовка жизни патріарха Ноя, пріукрашенная различными лоскутками учености, какіе можно было собрать позднѣйшему барду въ своей библіотекѣ (см. **Elton**, pag. 249); въ ней обнаруживается намѣреніе доказать, что древнее таинственное ученіе было уже тожественно съ подлиннымъ хри-

Digitized by Google

стіанствомъ. Такъ какъ сверхъ всего прочаго, самое появленіе на свѣтъ этого литературнаго памятника относится не ранѣе, какъ къ XIV столѣтію, и развѣ только частію къ XII, то понятно, что его совсѣмъ слѣдуетъ оставить въ сторонѣ при изученіи вопросовъ о древнемъ друидическомъ вѣроученіи. То же самое придется сказать о знаменитыхъ „Таинствахъ Бардовъ", изданныхъ Пиктѐ и прославленныхъ Мишле, Анри Мартеномъ и другими кельтоманами.

Въ вѣроученіи, преподаваемомъ друидами, древнихъ наиболѣе поражала важность, которую тѣ придавали ученію о безсмертіи души. Что друиды и вообще Кельты вѣрили въ безсмертіе души человѣческой, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго — ибо всѣ народы въ это вѣрили. Но какова была природа этого безсмертія, это остается для насъ далеко неяснымъ. Цезарь говоритъ, что друиды учатъ, будто души не умираютъ, а переходятъ изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. Слова: ab aliis transire ad alios — очевидно, не могутъ быть понимаемы иначе; предложеніе подразумѣвать тутъ слово locos, не заслуживаетъ вниманія. Помпоній Мела, который писалъ сто лѣтъ послѣ Цезаря, и очевидно, заимствовалъ отъ него свои свѣдѣнія о друидизмѣ, ничего не прибавляетъ такого, что̀ могло бы послужить къ точнѣйшему уразумѣнію приведенныхъ словъ главнаго авторитета. „Изъ того, чему учатъ друиды, одно проникло въ народъ (in vulgus effluxit), конечно для того, чтобы внушить ему большее мужество въ войнахъ, а именно, что души вѣчны, и что есть другая жизнь въ жилищѣ мертвыхъ, aeternas esse animas, vitamque alteram ad Manes". Отсюда можно извлечь развѣ только то, что для Мелы слова Цезаря о переходѣ душъ отъ однихъ людей къ другимъ либо совсѣмъ остались непонятными, либо онъ представлялъ себѣ эти переходы совершающимися въ другомъ мірѣ, ad Manes. Слѣдуетъ еще привести слова Лукана, читаемыя въ его Фарсалидѣ. „Вамъ однимъ", говоритъ онъ, обращаясь къ галльскимъ друидамъ,—„дано знать или не знать боговъ и велѣнія неба; по вашему ученію, не въ безмолвныя жилища Эреба и не въ блѣдное царство подземнаго Дита устремляются тѣни умершихъ; но въ другомъ мірѣ тотъ же духъ управляетъ членами, и смерть есть только средина долгой жизни... Отсюда у мужей такая охота браться за оружіе и такая рѣшимость умирать: было бы недостойно щадить жизнь, долженствующую возвратиться" (переводъ Георгіевскаго). Итакъ, отличіе друидическаго ученія о безсмертіи отъ представленій Грековъ и Римлянъ заключалось въ томъ, что по этому ученію посмерт-

Digitized by Google

ное существованіе души въ другомъ мірѣ будетъ отличаться всею тѣлесною полнотою земной жизни, которому, конечно, позавидовали бы классическія тѣни.. Но и у Лукана остается та неясность, что онъ не сказалъ намъ, будетъ ли та же самая душа управлять тѣми же самыми членами или другими (regit idem spiritus artus Orbe in alio), то-есть, принадлежавшими другимъ людямъ или существамъ, безъ чего нѣтъ переселенія или метемпсихоза, на который какъ будто намекаетъ Цезарь, хотя тоже въ ограниченномъ смыслѣ перехода изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. Обыкновенно замѣчаютъ, что съ представленіями о переселеніи душъ плохо вяжутся и даже прямо имъ противорѣчатъ погребальные обряды Галловъ, какъ они описаны у Цезаря (VI, 19) и затѣмъ у Помпонія Мелы (III, 2). „Похороны", говоритъ Цезарь,—„сравнительно съ образомъ жизни Галловъ вообще отличаются великолѣпіемъ и пышностію, и все, что́ было дорого умершимъ при жизни, въ томъ числѣ и животныя, бросается въ огонь, а не за долго до нашего времени, по совершеніи всѣхъ похоронныхъ обрядовъ, сожигались вмѣстѣ рабы и кліенты, которыхъ наиболѣе любилъ умершій". Такого рода обряды основываются на томъ коренномъ и твердомъ религіозномъ убѣжденіи, что и въ будущей жизни люди будутъ нуждаться въ томъ же самомъ, въ чемъ нуждались въ настоящей. При такомъ ограниченномъ метемпсихозѣ, который допускается прямымъ смысломъ словъ Цезаря, умершій все-таки оставался бы человѣкомъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и слѣдовательно, могъ бы нуждаться въ томъ, что́ любила при жизни его душа, сохраняющая свою тожественность. Слѣдовательно, предполагаемаго большаго противорѣчія тутъ нѣтъ; оно было бы въ такомъ только случаѣ, еслибы предполагалось переселеніе въ тѣла животныхъ или какіе низшіе организмы, не имѣющіе человѣческихъ потребностей, и еслибы считалось возможнымъ заранѣе знать ту или другую судьбу умершей души, то-есть, переселится-ли она въ человѣка или въ животнаго. То же самое нужно сказать о любопытномъ сообщеніи Помпонія Мелы и Валерія Максима, что Галлы давали другъ другу въ займы съ условіемъ уплаты въ другомъ мірѣ (apud inferos)—на томъ свѣтѣ; это, по объясненію самихъ древнихъ, основывалось на представленіи о безсмертіи, и слѣдовательно, тожественности души. Не болѣе разъясняетъ дѣло сопоставленіе съ ученіемъ Пиѳагора, которое мы находимъ у Діодора Сицилійскаго и у Валерія Максима. Первый утверждаетъ, что у Кельтовъ было въ силѣ ученіе Пиѳагора о томъ, что души лю-

Digitized by Google

дей безсмертны, и что, по ихъ мнѣнію, по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ, души умершихъ проникаютъ въ другія тѣла (V, 28, 6). Второй, упомянувъ объ ихъ убѣжденіи относительно безсмертія душъ, прибавляетъ, что онъ назвалъ бы ихъ сумасбродами, если бы они не говорили то же самое, что̀ облеченный въ мантію греческій философъ Пиѳагоръ (VI, 6, 10). О сходствѣ друидизма съ пиѳагореизмомъ говорилъ и Тимагенъ; но, сколько можно догадываться по довольно темной передачѣ его мысли Амміаномъ Марцеллиномъ, съ другой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія корпоративнаго устройства. У приведенныхъ писателей рѣчь идетъ пока только о сходствѣ, а не о прямомъ родствѣ или какихъ-либо связяхъ Пиѳагора съ Галліей, и на оборотъ. Есть авторы, которые, по свойственной древнимъ склонности объяснять сходства такого рода прямымъ заимствованіемъ, пришли къ предположенію, что либо Пиѳагоръ учился у друидовъ, либо друиды были его послѣдователями и едва ли не слушателями. Александръ Полигисторъ, писавшій между 60—80 годами до нашей эры, держался, по видимому, перваго мнѣнія: Пиѳагоръ заимствовалъ свои воззрѣнія у браминовъ и Галловъ, слушателемъ которыхъ онъ самъ былъ [1]). Одинъ изъ ученѣйшихъ отцовъ церкви III вѣка, Оригенъ, неизвѣстно откуда заимствовалъ другое толкованіе, что, напротивъ, Галлы были учениками Пиѳагора, хотя не непосредственно; онъ знаетъ имя того Пиѳагорова ученика, который былъ наставникомъ друидовъ; это былъ Замолксисъ.

Итакъ, сопоставленіе съ пиѳагореизмомъ очень мало служитъ къ разъясненію друидическаго ученія о безсмертіи; мы видимъ, откуда оно взялось, и не можемъ придавать ему самостоятельнаго значенія. Если вникнуть въ дѣло, то между ученіемъ Пиѳагорейцевъ, какъ оно сдѣлалось извѣстнымъ въ позднѣйшее время, и ученіемъ друидовъ, какъ его намъ передаютъ лучшіе свидѣтели, окажется боль-

---

[1]) Мѣсто изъ Климента Александрійскаго, который ссылается на Полигистора, приведено въ книгѣ *Жюбэнвиля*: Introduction à l'étude de la litterature celtique, pag. 86, въ примѣчаніи; но только въ текстѣ онъ неправильно толкуетъ приведенный отрывокъ. Ἀλέξανδρος δὲ ἐν τῷ περὶ πυθαγορικῶν συμβόλων ἀκηκοέναί τε πρὸς τούτοις Γαλατῶν καὶ Βραχμάνων τὸν Πυθάγοραν βούλεται. Это никакъ не можетъ значить, что Галлы были учениками (disciples) Пиѳагора. Кстати замѣтимъ, и статья *Фюстель-де-Куланжа*, объ уничтоженіи друидизма въ Галліи, напечатанная въ *Revue celtique* (1879), весьма несвободна отъ неточностей въ передачѣ смысла древнихъ текстовъ.

шая разница. Душа Кельта находитъ себѣ новое тѣло въ другомъ мірѣ, а по Пиѳагору она получаетъ новое тѣло въ этомъ же самомъ мірѣ, гдѣ мы живемъ. Вселиться въ новое тѣло — таковы желаніе и надежда Кельта; эта надежда ободряетъ воина на полѣ битвы; у Пиѳагора жить въ новомъ тѣлѣ есть наказаніе, искупленіе вины; душа праведнаго человѣка отъ этого избавляется, она будетъ вести жизнь чисто духовную въ воздушныхъ пространствахъ.

Въ подлинной кельтской литературѣ среднихъ вѣковъ оказывается весьма мало данныхъ по нашему вопросу. Книга Армагская (d'Armagh), манускриптъ IX вѣка, сохранила объ ученіи ирландскихъ друидовъ относительно будущей судьбы человѣка одно показаніе, которое было бы драгоцѣннымъ, еслибы всѣ выраженія автора были для насъ ясны и понятны. Говорится о королѣ Лоэгерѣ, отказавшемся внимать проповѣди св. Патрика. Онъ не хотѣлъ вѣрить и отговаривался тѣмъ, что его отецъ не позволилъ ему того, но заповѣдалъ ему быть погребеннымъ на вершинахъ Темро (Тары), въ военномъ убранствѣ. Ибо у язычниковъ—прибавляетъ латинскій текстъ—былъ обычай, по которому они клались въ гробницахъ въ полномъ вооруженіи, съ готовымъ (устремленнымъ впередъ) оружіемъ, и съ лицомъ, обращеннымъ къ непріятелю, въ ожиданіи дня, называемаго у маговъ erdathe, то-есть, дня суда Господня [1]). Къ сожалѣнію, точный смыслъ выраженія erdathe остается не разъясненнымъ; а христіанское толкованіе днемъ страшнаго суда легко могло быть произвольнымъ. Видно только, что въ Ирландіи друиды имѣли какое-то особое ученіе о будущей участи тѣлъ воиновъ, погребенныхъ вмѣстѣ съ ихъ военными доспѣхами — помимо общаго ученія о безсмертіи душъ.

Есть книга, вышедшая подъ такимъ заглавіемъ: „Таинство друидовъ острова Британніи, или ученіе вельскихъ бардовъ среднихъ вѣковъ о Богѣ, будущей жизни и о переселеніи душъ" [2]).

[1]) Sed non potuit credere dicens Nam Noel, pater meus, non sinivit mih credere, sed ut sepeliar in cacuminibus Temro, quasi viris consistentibus in bello. Quia utuntur gentiles in sepulcris armati prumptis armis facie ad faciem usque ad diem *erdathe* apud magos, id est iudicii diem Domini. См. *Arbois de Jubainville*, Introduction à l'étude de la littérat. celtique, pag. 178, 179.

[2]) Le Mystère des Druides de l'île de Bretagne, ou la doctrine des bardes gallois sur Dieu, la vie future et la transmigration des âmes. Texte original, traduction et commentaire par *Ad. Pictet*. Genève, 1856. Ср. *Анри Мартена*, Etude sur le mystère des Bardes de l'ile de Bretagne въ Etudes d'archéologie celtique (290—367).

Digitized by Google

Извѣстный французскій историкъ Анри Мартенъ привѣтствовалъ ея появленіе въ свѣтъ такими словами: „Книга таинствъ открылась ученому міру. Здѣсь друидическая мысль завѣщала будущему то, что въ ней было безсмертнаго. Здѣсь хранятся тайны, которыя были передаваемы въ теченіе вѣковъ посредствомъ устнаго преданія и наконецъ были ввѣрены письму. Если мы приподнимемъ покровъ святыни, то будемъ ослѣплены свѣтоносным явленіемъ, которое увидимъ возсѣдающимъ на алтарѣ въ сіяніи лучей, отъ него исходящихъ". Изданіе, возбудившее такой энтузіазмъ въ извѣстномъ ученомъ, впрочемъ весьма склонномъ къ кельтоманіи, состоитъ изъ ряда такъ называемыхъ тріадъ, числомъ изъ 46-ти. Это—сентенціи нравственныя, философскія, религіозныя, выраженныя въ особой формѣ, сообщающей произведенію нѣкоторую оригинальность, болѣе, можетъ быть, видимую, чѣмъ дѣйствительную. Тріада — это дидактическое предложеніе, въ которомъ приводятся въ связь между собою и вычисляются три предмета, три качества, три дѣйствія или состоянія предмета. Вотъ примѣръ: „Есть три побѣды надъ Drwg и Cythraul: знаніе, любовь и сила. Знаніе, желаніе и сила (власть) въ ихъ взаимодѣйствіи могутъ выполнить все, что захотятъ". Что касается самой системы ученія, то она состоитъ изъ двухъ частей: одна часть относится къ Богу, другая къ человѣку. Теодицея таинственнаго друидизма представляетъ намъ единаго Бога, который есть жизнь, знаніе и могущество, существо совершенное въ себѣ самомъ, въ своей волѣ и своихъ дѣйствіяхъ, верховное могущество, верховный разумъ, высшая любовь, которой всѣ существа обязаны своимъ существованіемъ. Христіанскій отпечатокъ очень явно выступаетъ на такомъ богословіи, такъ что его трудно не замѣтить съ самаго начала. Монотеизмъ чисто христіанскій всего скорѣе и принадлежитъ христіанству, а не друидамъ. Оригинальность „Таинства" заключается въ другой части, въ которой раскрывается тайна судьбы человѣческой. Сведенное къ своимъ существеннымъ пунктамъ и освобожденное отъ мистическихъ формулъ, это ученіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: Три круга содержатъ въ себѣ все существующее. Первый, заключающій въ себѣ два остальные, есть кругъ безконечнаго (пустыни, Ceugant); его въ цѣлости наполняетъ Богъ, существо вѣчное. Въ двухъ другихъ движутся всѣ существа сотворенныя, которыя имѣютъ начало своего существованія, но не будутъ имѣть конца. Бытіе ихъ начинается въ состояніи неорганической матеріи. Жизнь растетъ и развивается все болѣе и болѣе въ рядѣ

Digitized by Google

существъ органическихъ—до человѣка, стоящаго на высшей ступени этой лѣстницы. Это есть кругъ переселенія (Abred, transmigration). Между тѣмъ какъ все остальное подчиняется роковымъ законамъ необходимости, человѣку доступно познаніе, и онъ можетъ выбирать между добромъ и зломъ; свободный въ своей волѣ, въ случаѣ выбора зла онъ осужденъ нисходить, спускаться болѣе или менѣе низко, даже до животности, ниже человѣчности, или даже до неорганической матеріи. Но это только для того, чтобы снова начать восхожденіе по этой лѣстницѣ существъ, съ возможностію подобныхъ же новыхъ ниспаденій, пока наконецъ душа не заслужитъ себѣ выхода изъ круга переселенія для вступленія въ кругъ блаженства (Gwynfyd). Тамъ уже прекращаются ея испытанія; она тамъ наслаждается познаніемъ всѣхъ вещей, воспоминаетъ о предшествовавшихъ переселеніяхъ и даже можетъ по своей волѣ и ради опыта снова принять какую-нибудь изъ формъ круга переселеній. Такая доктрина—философскаго достоинства ея мы можемъ и не оцѣнивать,—рекомендуется намъ какъ древнее, изъ вѣка въ вѣкъ передававшееся ученіе друидовъ. Хранителями ея — предполагается — были барды княжества Вельса, гдѣ они въ теченіе среднихъ вѣковъ не только удержались, но даже сплотились въ организованную и могучую корпорацію, наслѣдовавшую, между прочимъ, обязанности и преданія угасшаго въ борьбѣ съ христіанствомъ друидизма. Хранилось это преданіе не записаннымъ до XVI столѣтія; составленъ былъ бардомъ (Ллевлинъ Сіономъ) сборникъ, трактовавшій о предметахъ профессіональной спеціальности бардовъ, о стихосложеніи и просодіи, а также и о вѣроученіи: первое извѣстно за достовѣрное, второе—подвержено сомнѣнію. Этотъ первоначальный сборникъ опять-таки не дошелъ до насъ; но имъ воспользовался другой бардъ, Едвардъ Давидъ, который въ 1681 году представилъ на одобреніе общаго собранія бардовъ новое изложеніе правилъ бардическаго искусства: та часть, которая касалась собственно піитики, получила теперь торжественное признаніе и одобреніе отъ всего собранія, а другая часть, богословская, самое существованіе которой даже и въ сборникѣ Давида подвержено сомнѣнію, не была и не могла, говорятъ, быть представлена изъ опасенія возбудить неудовольствіе или даже гоненіе со стороны церковныхъ властей. Удивительно только, какъ до сихъ поръ, въ теченіе многихъ вѣковъ, католическая церковь могла не замѣтить или такъ долго терпѣть, не протестуя, неправославное ученіе среди многочисленной и видной корпораціи. Совершенно невозможно пред-

Digitized by Google

ставить себѣ, чтобы хранимое про себя еретичество бардовъ ни разу не обличилось предъ церковнымъ трибуналомъ или предъ исповѣдальней. Какъ бы то ни было, въ 1822 году, богословскія тріады появились наконецъ въ печати и съ тѣхъ поръ сдѣлались достояніемъ науки. Манускрипта, который свидѣтельствовалъ бы объ относительной древности британскаго таинства, никто не видалъ — ни раньше, ни послѣ появленія книги, кромѣ, разумѣется, самого издателя. Издателемъ былъ мѣстный валлійскій любитель старины и патріотъ, Едвардсъ Вилліамсъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей вымиравшаго въ XVIII вѣкѣ бардизма. Анри Маргенъ, разбиравшій его бумаги и знакомый съ его наслѣдниками, съ негодованіемъ протестуетъ противъ всякаго намека о поддѣлкѣ, противъ всякаго сомнѣнія въ подлинности изданныхъ Вилльямсомъ тріадъ. Французскій историкъ ссылается на безупречный личный характеръ Вилльямса. Жаль, что онъ не могъ представить болѣе осязательныхъ доводовъ; въ данномъ случаѣ указаніе на личную честность недостаточно. Опытъ доказываетъ все болѣе и болѣе, что увлеченія подобныхъ любителей старины съ подкладкою національнаго и мѣстнаго патріотизма нерѣдко простираются до того, что заставляютъ даже собственныя измышленія принимать за наслѣдіе древности и безсознательно, либо полусознательно, смѣшивать одно съ другимъ. Все умножается и число примѣровъ благочестиваго обмана, совершенныхъ людьми, которыхъ ни современники, ни ближайшіе потомки не осмѣлились бы заподозрить ни въ чемъ подобномъ, и которые были обличены только новѣйшею критикою. Найденныя въ бумагахъ Вилльямса и изданныя впослѣдствіи піесы такого же содержанія, какъ и тріады (Baardas), никакъ не могутъ служить въ защиту ихъ древности и подлинности, такъ какъ и отъ этихъ новыхъ піесъ дошли не старинные манускрипты, а списки и выписки Вилльямса. А тѣ его изданія, которыя болѣе свободны отъ подозрѣній, напримѣръ, приписываемый Едварду Давиду трактатъ о стихосложеніи, не содержатъ ничего подобнаго доктринѣ переселенія, или даже вообще богословскимъ тріадамъ. Находятъ нѣчто похожее на идею метемпсихоза въ двухъ поэмахъ, приписываемыхъ барду Таліезину. Онъ разказываетъ тамъ о существованіяхъ, чрезъ которыя онъ прошелъ; онъ былъ птицею, рыбою, щитомъ, струною арфы; онъ былъ въ ковчегѣ Ноевомъ, присутствовалъ въ качествѣ зрителя при постройкѣ Немвродовой башни, видѣлъ гибель Содома и Гоморры. Совершенно ясно, что если здѣсь и обнаруживаются нѣкоторыя представленія о метем-

Digitized by Google

психозѣ, то они вовсе не имѣютъ характера ученія или доктрины, а являются простою игрою поэтическаго воображенія, поэтическимъ пріемомъ. Итакъ, довольно припомнить исторію появленія Таинства бардовъ, чтобы считать его весьма и весьма апокрифическимъ. Едва ли послѣ этого нужно пускаться въ изслѣдованіе источниковъ, изъ которыхъ могло быть почерпнуто ученіе о переселеніяхъ, какъ оно изложено въ тріадахъ. Были ученые, отрицавшіе всякую связь этого ученія съ древнимъ друидизмомъ (въ которомъ, какъ мы видѣли, вовсе не было догмата о дѣйствительномъ метемпсихозѣ), но признававшіе его относительную старину и его усвоенность въ школѣ вельскаго бардизма; они искали начала этой доктрины въ средневѣковыхъ ересяхъ, и съ наибольшимъ успѣхомъ, если не правдоподобіемъ, находили много сходнаго въ ученіи Оригена, греческаго отца церкви III вѣка.

О второмъ классѣ кельтскаго духовнаго сословія древніе авторы, какъ мы видѣли, сообщаютъ мало точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ; Юлій Цезарь совершенно умолчалъ о нихъ. Въ Ирландіи этотъ классъ именовался филе (filé), что̀ значитъ „видящій"; въ новозавѣтномъ переводѣ филе употребляется для перевода слова пророкъ. Видящимъ въ сущности приписываются всѣ тѣ дѣйствія, которыя подлежали также вѣдомству друидовъ. Они приносятъ жертвы и гадаютъ о будущемъ, при чемъ употребляютъ особенные пріемы, изъ коихъ одинъ, наиболѣе важный, описанъ еще въ Словарѣ Кормака, памятникѣ начала X вѣка. Филе жуетъ кусокъ мяса либо краснаго поросенка, либо собаки, либо кошки; потомъ онъ кладетъ этотъ кусокъ на жертвенный камень, произноситъ надъ нимъ заклинанія и призываетъ боговъ. Если на слѣдующій день онъ не получитъ отъ нихъ отвѣта, то произноситъ заклинательныя формулы надъ своими двумя руками и ложится спать, держа руки на лицѣ; во снѣ если не въ первый день, то во второй, третій, девятый ему должно открыться въ сновидѣніи желаемое рѣшеніе. Болѣе простой способъ гаданія заключался въ произнесеніи магическаго заклинанія надъ большимъ пальцемъ, вложеннымъ въ ротъ; прибѣгали также къ магической палочкѣ, которую клали на предметъ, коего касалось гаданіе, съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ заклинаній. Святому Патрику и здѣсь приписывается отмѣна обычаевъ, отличавшихся наиболѣе грубымъ языческимъ характеромъ. Заклинаніямъ видящихъ приписывается не только благодѣтельная гадательная сила, но и губительная. Посредствомъ произнесенія „сатиры" (âir), направлен-

Digitized by Google

ной противъ извѣстнаго лица, филе могъ наслать на того всякія бѣдствія, даже смерть. „Если ты мнѣ противорѣчишь", говоритъ одинъ филе королю,—„то я составлю противъ тебя сатиру, противъ тебя и противъ твоего отца, твоей матери, твоего дѣда; я произнесу магическія слова надъ водами твоего королевства, и не будетъ болѣе рыбы въ вашихъ водахъ; я произнесу магическія слова надъ вашими деревьями, и они перестанутъ приносить плоды; я произнесу проклятіе на ваши поля, и они сдѣлаются безплодными и не дадутъ болѣе жатвы" [1]).

Сверхъестественное могущество филе служило также санкціей ихъ судебнымъ приговорамъ. Кто противился судебному приговору филе, подвергался опасности вызвать противъ себя сатиру, способную низвести на непокорнаго цѣлый рядъ бѣдствій. Сверхъ того, филе располагалъ еще особеннымъ средствомъ расправы, быстрой и рѣшительной. Ему стоило только схватить и особеннымъ образомъ стиснуть двумя пальцами конецъ уха у своего противника, и тотъ немедленно умиралъ. Эта операція имѣла особенное техническое названіе. Былъ у филе въ употребленіи и своего рода интердиктъ, какъ у друидовъ Цезаревой Галліи. Неугодный имъ человѣкъ назывался бѣглецомъ, изгоемъ (elutach); филе отказывали ему въ своихъ услугахъ и объявляли, что ни богъ, ни человѣкъ ничемъ въ отношеніи къ нему не обязанъ; кто давалъ отлученному убѣжище, платилъ пеню въ пять штукъ рогатаго скота. Такого рода постановленіе находится въ ирландскомъ законникѣ, въ такъ-называемой „Великой книгѣ древняго закона" (Senchus-Môr), уже подвергшемся христіанскому вліянію; иначе наказаніе имѣло бы, вѣроятно, тотъ самый вполнѣ религіозный характеръ, какъ и въ Галліи (sacrificiis interdicunt). За то, съ другой стороны, несправедливая сатира, какъ и несправедливый судебный приговоръ, не проходили безнаказанно для лицъ, ихъ произнесшихъ. Неблаговидныя прыщи, появившіеся на лицѣ судьи, служили открытою и обычною уликою того, что онъ покривилъ совѣстью; извѣстны были и другіе обличительные признаки: у одного судьи, напримѣръ, послѣ несправедливаго рѣшенія сжималось на шеѣ ожерелье и начинало стѣснять его дыханіе. Подобныя вѣрованія, съ одной стороны гарантирующія дѣйствительность наговоровъ и приговоровъ, произносимыхъ видящими, а съ другой стороны—ихъ справедливость, сообщали высокій авторитетъ и почти

---

[1]) *Arbois de Jubainville*, Intoduction, 265.

религіозное освященіе дѣятельности ихъ въ области права. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы друидамъ Ирландіи когда-нибудь принадлежала судебная власть, какъ это было въ Галліи, не только по свидѣтельству Цезаря, не отличающаго никакихъ разрядовъ въ тамошнемъ духовно-ученомъ сословіи, но и другихъ писателей, знающихъ эти разряды; напротивъ, эпическая литература Ирландіи всегда представляетъ судебныя функціи въ рукахъ филе, такъ что нѣтъ никакихъ прямыхъ основаній предполагать какое-либо измѣненіе, нѣкотораго рода секуляризацію, неизвѣстно когда произшедшую и лишившую друидовъ Ирландіи судебной власти. По видимому, даже не каждый изъ среды видящихъ былъ посвященъ въ тайны юриспруденціи; филе, занимавшіеся спеціально изученіемъ права и судебной практики, называются въ ирландскихъ поэтическихъ преданіяхъ брегонами (собственное brithem, затѣмъ, brehon, судья); подъ этимъ названіемъ и съ соотвѣтствующимъ ему характеромъ древніе языческіе филе удержались и въ христіанскую эпоху, даже до XVII столѣтія, утративъ, конечно, жреческій характеръ, но сохранивъ за собою судебный авторитетъ, участіе въ отправленіи правосудія, а также научную обработку права и его преподаваніе. Законы, по которымъ судили брегоны-филе, первоначально передавались устно безъ помощи письма, изучались въ школахъ, во главѣ которыхъ стояли брегоны, вмѣстѣ съ другими отраслями вѣдѣнія, вмѣстѣ съ законами и правилами поэтическаго творчества. Въ сущности, корпорація брегоновъ, сдѣлавшаяся въ теченіе среднихъ вѣковъ наслѣдственною, получившая нѣкоторый видъ касты, была первоначально хранителемъ и толкователемъ народнаго обычая и обряда въ дѣлѣ суда; но нельзя отрицать и того, что весьма рано началась и теоретическая, научная обработка права въ средѣ ирландскихъ филе. Народные правовые обычаи были приведены въ порядокъ, фиксированы, формулированы и систематизированы, по мнѣнію авторитетныхъ ученыхъ, уже брегонами первыхъ столѣтій по Р. Х. Арбуа де Жюбэнвилль полагаетъ, что правовыя нормы, содержащіяся въ Великой книгѣ древняго закона, сложились приблизительно въ первомъ столѣтіи нашей эры, а самые юридическіе трактаты, служащіе основою сборника и предметомъ для постояннаго болѣе поздняго комментарія или глоссы, по его мнѣнію, составлены въ пятомъ столѣтіи по Р. Х., затѣмъ нѣсколько вѣковъ, какъ и остальныя сокровища національной литературы, были сохраняемы устнымъ преданіемъ, а къ VIII вѣку уже были преданы письму. Почтенные своею несомнѣнно глубокою древностію своего

Digitized by Google

содержанія, еще болѣе чѣмъ формы, ирландскіе юридическіе памятники, называемые вообще Законами брегоновъ, только недавно выведены на свѣтъ Божій изъ мрака забвенія, и благодаря тому обстоятельству, что изданіе текстовъ, сопровождается англійскимъ переводомъ, сдѣлались доступны даже для ученыхъ, не обладавшихъ труднымъ и мало доступнымъ знаніемъ кельтскаго языка, на которомъ они писаны [1]). Знаменитый англійскій ученый Сомнеръ Мэнъ (Sumner Maine), уже ранѣе того прославившійся своими сочиненіями по исторіи первоначальнаго общества и древнѣйшаго права у индоевропейскихъ народовъ, посвятилъ законамъ брегоновъ одинъ курсъ лекцій, читаемыхъ имъ въ Оксфордѣ, и затѣмъ издалъ ихъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Чтенія о первоначальной исторіи учрежденій" [2]). Теперь уже можно считать общепризнаннымъ, что для объясненія первоначальнаго строя арійской семьи и общины, для изученія исходныхъ основъ и древнѣйшихъ превращеній индо-европейскаго права, его генезиса и еволюціи, какъ это нынѣ говорятъ, нѣтъ другаго источника, который превосходилъ бы законы брегоновъ своею важностію, за исключеніемъ развѣ законовъМану. Дополненіемъ къ сочиненію Мэна, отличающемуся широкими и поучительными обобщеніями, могутъ служить изслѣдованія французскаго ученаго, котораго имя мы уже нѣсколько разъ упоминали, то-есть, Арбуа-де-Жюбэнвиля. Онъ имѣетъ то преимущество предъ Мэномъ, что обладаетъ возможностію изучать подлинный первоначальный текстъ источника. Въ своихъ опытахъ, посвященныхъ кельтскому праву, именно Сенхусъ-Мору [3]), а также въ предисловіи къ французскому переводу вышеозначеннаго сочиненія Мэна, Арбуа-де-Жюбэнвиль дѣлаетъ нѣсколько не лишенныхъ значенія поправокъ къ разнымъ частнымъ положеніямъ, высказаннымъ англійскимъ болѣе авторитетнымъ ученымъ. Мы еще воротимся къ сочиненіямъ обоихъ ученыхъ, когда будетъ рѣчь о политическомъ бытѣ древнихъ Кельтовъ; теперь намъ слѣдуетъ замѣтить только то, что юридическіе трактаты,

---

[1]) Изданіе ведется на счетъ англійскаго правительства, хотя первоначальный къ тому почипъ не принадлежалъ ему, а одному частному ученому человѣку. Издано до сихъ поръ четыре тома подъ общимъ заглавіемъ: Ancient Laws of Ireland (1863 — 1879). Первые три тома содержатъ Великую книгу древняго закона, Senchus-Mor.

[2]) Lectures on the early history of institions.

[3]) Etudes sur le droit celtique. Le Senchus. Mor. Par *Arbois de Jubainville*. Paris, 1881.

составленные ирландскими брегонами, содержатъ, конечно, весьма важныя данныя для болѣе точнаго опредѣленія положенія въ обществѣ и значенія ихъ родоначальниковъ, ирландскихъ филе или видящихъ; но не слѣдуетъ пренебрегать еще болѣе многочисленными указаніями въ памятникахъ эпической поэзіи. По основаніи ихъ и при помощи французскаго кельтолога, можно и слѣдуетъ исправить нѣкоторыя слишкомъ далеко идущія предположенія о власти брегоновъ, отъ Мэна перешедшія въ статью одного русскаго ученаго, которую здѣсь также необходимо назвать и рекомендовать. Мы разумѣемъ статью профессора Сокольскаго въ X томѣ Временника Демидовскаго юридическаго лицея: „О значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ у древнихъ Кельтовъ и Германцевъ". Объясняя образованіе класса брегоновъ, Мэнъ предполагаетъ, что и у Кельтовъ, какъ вообще въ арійскихъ первоначальныхъ обществахъ, глава трибы или племени, князь или король, былъ съ начала жрецомъ и судьею, равно какъ и военнымъ вождемъ—вмѣстѣ. Въ позднѣйшую эпоху арійской исторіи эта сложная власть дѣлится, дифференцируется, переходитъ отчасти къ вѣчу, отчасти къ новому классу ея носителей. У Ахейцевъ Гомера вождь не имѣетъ жреческаго характера, но онъ еще судья. У Кельтовъ Галліи и Ирландія вождь пересталъ быть жрецомъ, и вѣроятно, также судьею, хотя онъ и могъ сохранить нѣкоторыя судебныя аттрибуціи. Это превращеніе, прибавляетъ Мэнъ,—существенно отличается отъ того явленія, которое извѣстно въ Аѳинахъ, гдѣ напротивъ институтъ царей пережилъ себя только въ лицѣ архонта-василевса, который былъ сановникомъ судебнаго порядка. Въ противоположность Греціи и отчасти Риму, народная сходка утратила у Кельтовъ судебную власть, а короли передали свой авторитетъ простымъ своимъ совѣтникамъ. Въ означенной русской статьѣ также предполагается, что такимъ именно путемъ брегоны, отожествляемые тамъ съ жрецами-друидами, наслѣдовали всю полноту судебной власти. На самомъ дѣлѣ только въ легендахъ, относящихся къ миѳологическому періоду, филе, исполняющій обязанность брегона, произноситъ окончательныя рѣшенія, съ безконтрольнымъ и абсолютнымъ авторитетомъ. Въ героическій періодъ, который можно изучать въ цѣломъ рядѣ сказаній, филе превратилась уже въ простыхъ совѣтниковъ королей и народныхъ собраній. Короли, народные вожди и вѣчевыя собранія не только не утратили судебной власти, а напротивъ постоянно являются въ роли дѣйствительныхъ судей, но конечно, они произносятъ свои рѣшенія

Digitized by Google

согласно съ мнѣніемъ своихъ совѣтниковъ, священныхъ вѣщателей права. Филе прежде всего являются хранителями формулъ и знатоками обрядовъ древняго права, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, законовѣдами и вѣщателями права, отчасти адвокатами, а также наставниками и преподавателями юриспруденціи, и въ весьма ограниченномъ смыслѣ—собственно судьями. Преимущество филе заключалось прежде всего въ знаніи судебныхъ прецедентовъ и старыхъ формулъ, выраженныхъ иногда устарѣлымъ, архаическимъ, не для всѣхъ понятнымъ языкомъ, желѣзными словами, какъ сказано въ одномъ древне-кельтскомъ словарѣ; но чтобы получить согласіе короля и народа на предлагаемое рѣшеніе, филе обязаны были истолковать тѣ древнія правила. Формализмъ, совсѣмъ не чуждый древнему праву, и особенно ирландскому, часто дѣлалъ необходимымъ при начатіи тяжбы или судебнаго дѣйствія участіе человѣка, свѣдущаго во всѣхъ тонкостяхъ тщательно соблюдаемой процедуры и обрядности; отъ того филе являются въ качествѣ адвокатовъ-совѣтниковъ у частныхъ лицъ. Судебныя рѣшенія, которыя приводятся въ Великой книгѣ древняго закона (Сенхусъ-моръ), представляются совокупнымъ дѣломъ законовѣдовъ брегоновъ и королей, либо народнаго собранія. Одно и то же слово иногда употребляется для обозначенія акта, состоящаго въ предложеніи рѣшенія брегономъ, и акта, состоящаго въ усвоеніи и провозглашеніи рѣшенія королемъ или вѣчемъ; но въ большинствѣ случаевъ оба акта выражаются особыми, различными терминами. Законовѣдъ или правовѣщатель предлагалъ свое рѣшеніе, король или народъ принималъ его и давалъ ему законную силу. Въ Сенхусъ-моръ говорится объ установленіи двухдневной отсрочки при захватѣ истцомъ имущества отвѣтчика съ цѣлію принудить его къ явкѣ въ судъ, что̀ у римлянъ называлось pignoratio, и обозначается французскимъ выраженіемъ—la saisie. Два брегона, названные тамъ по имени, произнесли рѣшеніе, устанавливающее эту отсрочку, и это было первымъ актомъ. Однако ихъ приговоръ имѣлъ характеръ чисто доктринальный; это было нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что̀ въ римскомъ правѣ называется responsa prudentum. Второй актъ былъ дѣломъ обитателей королевства Ульстера, Улатовъ, которые, усвоивъ рѣшеніе брегоновъ, сообщили ему легальное значеніе. Рѣшенія, произнесенныя королемъ или народнымъ собраніемъ, соотвѣтственно предложеніямъ филе, встрѣчали тѣмъ болѣе почтительную покорность въ вѣрующей массѣ и тѣмъ легче получали для будущаго силу судебнаго прецедента, такъ что косвеннымъ образомъ мнѣніе брегона

Digitized by Google

пріобрѣтало законодательный характеръ, хотя въ немъ самомъ не было внѣшней принудительной силы. Даже и въ христіанскую эпоху, когда отпала всякая религіозная санкція, присущая постановленіямъ и требованіямъ жрецовъ или видящихъ, филе въ качествѣ брегоновъ могли удержать и удержали такое свое значеніе. Есть указанія на то, что въ противоположность друидамъ, они оставались въ добрыхъ отношеніяхъ съ христіанскою церковью и духовенствомъ. Легенда повѣствуетъ, что когда при покушеніи на жизнь просвѣтителя Ирландіи, св. Патрика, былъ вмѣсто того убитъ его возница, Одранъ, то св. Патрикъ явился предъ трибуномъ короля Лоегэра и потребовалъ суда; такъ какъ въ качествѣ иностранца онъ имѣлъ право выбора судьи, то онъ указалъ на знаменитаго тогда филе Дубтаха (Dubtach), съ тѣмъ чтобы тотъ высказалъ свое мнѣніе, произнесъ приговоръ. Нужно прибавить, что, по сказанію, этотъ филе первый изъ близкихъ къ королю лицъ обнаружилъ почтеніе къ лицу миссіонера, то-есть, всталъ при вступленіи его во дворецъ. Св. Патрикъ благословилъ уста вѣщаго, и тотъ произнесъ рѣшеніе, предлагающее смертную казнь виновному. Этотъ Дубтахъ составителями Великой книги древняго закона выдается за одного изъ ея авторовъ. Во введеніи къ Сенхусъ-моръ говорится, что для приведенія законовъ Ерина въ согласіе съ христіанскими заповѣдями назначена была коммиссія изъ трехъ епископовъ, трехъ королей и трехъ филе. Патрикъ былъ однимъ изъ трехъ епископовъ, Лоегэръ—однимъ изъ трехъ королей, и Дубтахъ—однимъ изъ трехъ филе; онъ именно обязанъ былъ изложить предъ своими товарищами всю совокупность древняго ирландскаго права, „всѣ судебные прецеденты, всю науку видящихъ Ирландіи и всѣ законы, которые царствовали у людей Ерина, въ состояніи естественнаго права (въ противоположность писанному, христіанскому)". Кромѣ Дубтаха Сенхусъ-моръ ссылается на рѣшенія другихъ древнихъ филе, приводя ихъ мнимые или подлинные приговоры. Слѣдуетъ прибавить, что во главѣ сословія филе стоялъ такъ-называемый олавъ (ollam), соотвѣтствующій по своему положенію верховному галльскому друиду

Наконецъ, мы не должны забывать и того, что при всѣхъ своихъ другихъ серьезныхъ занятіяхъ, ирландскіе филе оставались поэтами; они расказывали исторіи, слагали и пѣли легендарныя повѣствованія о войнѣ, о любви, о праздникахъ и путешествіяхъ, принимаемыя старою Ирландіей за свою національную исторію; они суть настоящіе творцы эпической ирландской литературы, на характеристикѣ кото-

Digitized by Google

рой мы здѣсь, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться; намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о бардахъ.

Въ древнѣйшихъ сообщеніяхъ, гдѣ о нихъ идетъ рѣчь, барды являются въ положеніи мало для нихъ почетномъ. Посидоній, писавшій за сто лѣтъ до нашей эры, въ первый разъ приводитъ названіе бардовъ: „Такъ-называемые барды суть поэты, слагающіе похвалы въ честь другихъ и произносящіе ихъ съ пѣніемъ". По Діодору барды суть лирическіе поэты; при помощи инструментовъ, имѣющихъ сходство съ лирой, они воспѣваютъ похвалу однимъ и порицаніе (сатиру) на другихъ.

Барды, по Посидонію, жили при дворахъ сильныхъ и знатныхъ людей, которые держали ихъ при себѣ въ качествѣ паразитовъ и даже брали ихъ на войну; они восхваляли своихъ патроновъ въ стихахъ, какъ предъ собравшеюся слушать толпой, такъ и предъ отдѣльными лицами. Посидонію принадлежитъ описаніе одной любопытной полукомической сцены, происшедшей при дворѣ короля Арверновъ около 121 года до Р. Х. Поздо явившійся на королевскій пиръ варварскій поэтъ бѣжитъ сзади за колесницей удаляющагося господина, голося свою пѣсню, въ которой прославлялись доблести повелителя и печальная судьба опоздавшаго поэта; король велитъ бросить ему въ утѣшеніе кошелекъ съ золотомъ, и вотъ, подобравъ щедрую подачку, поэтъ все-таки продолжаетъ свою импровизацію; она гласила уже о томъ, что на полосахъ, которыя проводитъ королевская колесница, немедленно произрастаетъ золото и всячекія благодѣянія Луканъ въ Фарсалидѣ, обращаясь къ тѣмъ же варварскимъ поэтамъ, говоритъ: „Вы также, поэты (vates), своими похвалами сохраняете для самаго отдаленнаго потомства память о храбрыхъ, павшихъ на войнѣ; вы, о барды (bardi), безъ страха составили многочисленнѣйшія поэмы (plurima carmina fudistis)". Другой римскій поэтъ, именно Марціалъ, указываетъ на то, что Римляне заимствовали у бардовъ одну изъ составныхъ частей ихъ одежды, кукуль, cucullus, bardocucullus [1]). Въ римскую эпоху барды, очевидно, не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ. Въ Британніи поэзія бардовъ процвѣтала еще въ VI вѣкѣ, то-есть, пережила періодъ римскаго господства; на это есть прямое указаніе въ Исторіи Бритовъ (Historia Britonum) Ненція, писателя IX вѣка, который называетъ нѣсколько бардовъ, въ числѣ ихъ Таліезина и Аневрина (въ текстѣ Neiren), процвѣтавшихъ около

[1]) Ср. Scriptores Histor. Augustae, ed. *Peter*, II, 135.

Digitized by Google

550 года: qui simul uno tempore in poëmate britannico claruerunt. Въ Вельсѣ встрѣчаются барды въ VIII вѣкѣ, и даже въ XII. Изъ сообщенія, относящагося къ этой послѣдней эпохѣ и принадлежащаго Гиральду Камбрійскому, мы узнаемъ, что въ его время у мѣстныхъ бардовъ существовали какія-то старинныя книги, писанныя на кельтскомъ языкѣ и содержавшія въ себѣ генеалогію вождей [1]).

Въ законахъ Вельса, которыхъ наиболѣе древнія рукописи относятся къ XIII столѣтію, но текстъ которыхъ, очевидно, восходитъ къ болѣе древнему времени, бардъ есть одна изъ личностей, привлекающихъ вниманіе законодателя. Здѣсь барды занимаютъ, въ противоположность древней Галліи и средневѣковой Ирландіи, довольно почетное положеніе. Придворный бардъ числится восьмымъ въ росписаніи придворныхъ чиновъ; онъ получаетъ отъ короля не только землю и коня, но и свое платье; королева выдаетъ ему бѣлье; послѣ счастливаго набѣга на сосѣдей, бардъ получаетъ свою долю добычи, корову или быка; цѣна его чести, то-есть, вира, довольно значительна. За то бардъ обязанъ даже свои личныя жалобы предъ властями излагать въ стихотворной формѣ. До насъ дошли произведенія лирическаго характера, которыя могутъ служить образцемъ древней бардической поэзіи временъ Неннія и болѣе раннихъ; рукописи, впрочемъ, не восходятъ выше XII вѣка, и конечно, содержатъ въ себѣ текстъ подновленный. Извѣстно, что въ Вельсѣ бардизмъ во вторую половину среднихъ вѣковъ имѣлъ свою эпоху процвѣтанія и очень широко развитую организацію (объ этомъ подробно говорится въ книгѣ А. Н. Георгіевскаго). Ирландскіе законы, равно какъ и нѣкоторые изводы житія св. Патрика, тоже упоминаютъ о бардахъ, но только съ очень малымъ къ нимъ уваженіемъ. Барды здѣсь помѣщаются ниже послѣдней степени филе: „бардъ ничего не обязанъ знать, для него достаточно его природнаго смысла". Онъ освобождается отъ обязанности изучать огамическое письмо и поэтическій размѣръ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ произведеній ирландской поэзіи, въ Діалогѣ двухъ ученыхъ (вѣроятно, IX вѣка), выведенный тамъ на сцену филе предсказываетъ рядъ бѣдствій, имѣющихъ обрушиться на Ирландію; послѣднимъ изъ нихъ будетъ

[1]) Hoc etiam mihi notandum videtur, quod bardi cambrenses habent praedictorum principum genealogiam in libris eorum antiquis et authenticis, sed tamen cambrice scriptam.—Заимствуемъ цитату изъ рецензіи на книгу *Арбуа-де-Жюбэнвиля* въ *Revue de critique* текущаго года (№ 23), гдѣ, впрочемъ, тексту придано преувеличенное значеніе.

Digitized by Google

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Коллегіи въ древнемъ Римѣ. Опытъ по исторіи римскихъ учрежденій. *Юліана Кулаковскаго.* Кіевъ. 1882.

Вопросъ о коллегіяхъ въ древнемъ Римѣ имѣетъ высокій интересъ и важность, какъ по распространенности этого института въ римской общественной жизни, такъ и вслѣдствіе обилія матеріаловъ, относящихся къ рѣшенію этого вопроса. Кромѣ того, онъ представляетъ и большія трудности, съ одной стороны, вслѣдствіе только что упомянутой распространенности коллегіальнаго устройства, которое заставляетъ изслѣдователя привлекать къ своему разсмотрѣнію массу матеріала, съ другой — вслѣдствіе его разрозненности и отрывочности, которая очень часто не дозволяетъ составить опредѣленное понятіе и дать связное изложеніе многимъ отдѣламъ вопроса. Наконецъ, трудность увеличивается еще и тѣмъ, что отъ его изслѣдователя требуется въ одинаковой степени и юридическое, и филологическое образованіе. Принимая во вниманіе все вышесказанное, нельзя не привѣтствовать книги г. Кулаковскаго, который и рѣшился посвятить свои силы разработкѣ столь интереснаго вопроса, и чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы преодолѣть связанныя съ нею трудности. Ихъ онъ сознавалъ самъ очень хорошо, и сознаніе это имѣло значительное вліяніе на содержаніе сочиненія. Изъ заявленія самаго автора видно, что подъ вліяніемъ лекцій по римской эпиграфикѣ знаменитаго Ѳ. Моммсена, онъ сперва поставилъ себѣ задачей обработать матеріалъ по вопросу о коллегіяхъ въ римскомъ мірѣ; при собираніи матеріала авторъ счелъ нужнымъ нѣ-

Digitized by Google

сколько ограничить эту широкую тему и сосредоточить свое вниманіе на тѣхъ только фактахъ, гдѣ институтъ collegium является передъ нами, какъ фактъ жизни общественной, и исключить тѣ свидѣтельства, въ которыхъ онъ носитъ исключительно религіозный характеръ. Наконецъ, и этотъ объемъ задачи показался автору не въ мѣру обширнымъ, а матеріалъ для ея рѣшенія слишкомъ отрывочнымъ и малосодержательнымъ, и онъ счелъ необходимымъ еще болѣе сузить свою тему, сосредоточивъ свое вниманіе на фактахъ жизни города Рима и представить исторію коллегій въ его предѣлахъ. Нельзя не отнестись сочувственно къ такому ограниченію задачи, которое позволило автору разработать тему съ большею основательностью.

Въ краткомъ введеніи авторъ опредѣляетъ свою задачу, заявляя, что онъ намѣренъ разсматривать коллегіи лишь какъ институтъ жизни общественной, не касаясь коллегій жреческихъ и собраній, имѣвшихъ своею связью общее богопочитаніе. „Какъ институтъ жизни общественной", говоритъ авторъ на стр. 5, — „collegium есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе тѣхъ союзовъ, которые составляли обитатели римской деревни. Съ этой формы и начнется поэтому наше изложеніе. Затѣмъ мы перейдемъ къ сопоставленію данныхъ по вопросу о collegia compitalicia и о тѣхъ обществахъ, которыя развились изъ этой формы въ условіяхъ свободной демократической жизни римскаго общества. Съ паденіемъ республики упраздняются и старыя формы общественной жизни, но около того же времени зарождается новый видъ института collegium въ „формѣ погребальныхъ обществъ". Выясненію этихъ вопросовъ посвящена первая половина книги г. Кулаковскаго. Вторая разсматриваетъ вопросъ о ремесленныхъ корпораціяхъ въ древнемъ Римѣ.

Высказывая въ немногихъ словахъ наше мнѣніе о трудѣ г. Кулаковскаго, мы считаемъ долгомъ заявить, что, по нашему убѣжденію, онъ обличаетъ въ авторѣ ученаго безспорно даровитаго, знакомаго въ достаточной степени съ источниками и пособіями и владѣющаго надлежащими научными пріемами. Въ особую заслугу автору ставимъ мы то, что онъ сумѣлъ найтись въ массѣ разнообразныхъ, разбросанныхъ и одиночныхъ свидѣтельствъ, сумѣлъ свести ихъ къ нѣсколькимъ группамъ, которымъ постарался дать надлежащую организацію. Это составляетъ самую сильную сторону труда г. Кулаковскаго. Само собою разумѣется, что въ частностяхъ обо многомъ можно съ нимъ спорить, со многимъ не соглашаться, кое-гдѣ найдти неточности, но это все нисколько не ослабляетъ того пріятнаго впеча-

Digitized by Google

тлѣнія, которое производятъ на читателя знаніе, остроуміе и талантливость автора.

Переходимъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію частностей разбираемой книги, считая его не излишнимъ въ виду важности темы и надѣясь при этомъ разсмотрѣніи сообщить кое-что ускользнувшее отъ вниманія автора или выставленное имъ въ не надлежащемъ, по нашему мнѣнію, свѣтѣ.

Изложеніе развитія коллегій города Рима начинается съ коллегій въ сферѣ sacra, при чемъ во главѣ ихъ поставленъ римскій и вообще италійскій pagus. Авторъ сообщаетъ вкратцѣ то, что́ извѣстно намъ о раздѣленіи римской территоріи на pagi, останавливается на тѣхъ формахъ, въ которыхъ pagus организовалъ свои отношенія къ богамъ, на sacra paganalia и на центрахъ своего религіознаго единенія — общихъ святилищахъ, и отмѣчаетъ то обстоятельство, что pagus имѣлъ своего представителя въ лицѣ такъ-называемаго magister pagi. Послѣ этихъ общихъ данныхъ, въ слѣдующемъ параграфѣ авторъ переходитъ къ pagi города Рима. Тѣ свѣдѣнія, которыя здѣсь сообщаются, и соображенія, которыя приводятся, весьма любопытны и заслуживаютъ особаго вниманія. Изъ того обстоятельства, что свидѣтельства объ этихъ бывшихъ за чертою города, но прилегавшихъ къ нему и находившихся внутри стѣнъ pagi, указываютъ на нахожденіе ихъ въ періодъ республиканскій на Яникулѣ, Авентинѣ, Эсквилинѣ, мѣстностяхъ, въ которыхъ завѣдомо жило плебейское населеніе, авторъ дѣлаетъ заключеніе о томъ, что союзы paganorum въ городѣ Римѣ имѣли плебейскій характеръ. Аргуменація автора построена весьма искусно, и выводъ проистекаетъ изъ его посылокъ вполнѣ естественно.

Какое же отношеніе имѣютъ эти pagi къ коллегіямъ? По мнѣнію г. Кулаковскаго (стр. 6), „коллегія, какъ форма жизни общественной, есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе тѣхъ союзовъ, которые составляли обитатели римской деревни". Такое мнѣніе не можетъ, однако, считаться неоспоримымъ и вызываетъ въ читателѣ недоумѣнія. Сходство между коллегіей и pagus сводится къ общимъ sacra и къ выборнымъ представителямъ, но этихъ двухъ общихъ той и другому особенностей мало для того, чтобъ имѣть основаніе сопоставлять оба института, и тѣмъ болѣе для того, чтобы ставить ихъ въ преемственную зависимость одинъ отъ другаго. Collegium, какъ опредѣляли еще старинные юристы, есть соединеніе извѣстныхъ лицъ, объединившихся по доброй волѣ, съ разрѣшенія или по иниціативѣ

Digitized by Google

высшей власти, при чемъ, слѣдовательно, необходимымъ премиссомъ является со стороны collegiati актъ согласія на образованіе коллегіи или на вступленіе въ нее (прекраснымъ подтвержденіемъ этого положенія служитъ надпись C. J. L. VI, 10251 a, упоминающая о нѣкоемъ T. Flavus Aug. lib. Trophimus, который зовется constitutor collegi numinis dominorum quod est sup templo divi Claudi; сл. C. I. L. VI. 10416 Rutilia Prepusa hunc collegium constituit con, Cerbario Bono coniugi suo, etc., и беневентскую надпись у Mommsen I. R. N. 1432, гдѣ Нереотъ (?) зовется rerstitutor collegiorum). Если, такимъ образомъ, коллегія есть соединеніе лицъ по взаимному соглашенію, то pagus, въ отличіе отъ нея, есть подраздѣленіе мѣстности, въ которую входили и лица, въ ней обитавшія; соединеніе ихъ не есть добровольное, въ томъ смыслѣ, чтобъ отъ лица, поселившагося въ томъ или другомъ pagus, зависѣло принадлежать къ нему или нѣтъ: самый актъ пребыванія въ мѣстности pagus обязывалъ къ участію въ союзѣ pagani. Поэтому нигдѣ не встрѣчаемъ мы указаній на то, чтобы pagi устанавливались или учреждались по добровольному соглашенію нѣсколькихъ лицъ, нигдѣ не читаемъ упоминаній о constitutores pagorum. Намъ кажется, что эта принципіальная разница въ образованіи двухъ категорій союзовъ до того велика, что принуждаетъ усумниться въ томъ, будто коллегія, какъ форма жизни общественной, есть видоизмѣненіе pagus. Цицеронъ, въ мѣстѣ, приводимомъ авторомъ (стр. 15), отличаетъ коллегіи отъ pagi, говоря: nullum in hac urbe collegium, nulli pagani aut montani (слич., напримѣръ, Q. Cicero de petit. consul. VII. 30: habeto rationem urbis totius, collegiorum omnium, pagorum, vicinitatum). Поэтому нам представляется не безспорнымъ взглядъ автора на коллегію Capitolinorum, про которую Ливій (V 50) говоритъ, что ее учредилъ (constituerat) диктаторъ Камиллъ ex iis qui in Capitolio atque in arce habitarent для празднованія ludi Capitolini. Въ словахъ Ливія авторъ видитъ указаніе на то, что при заселеніи Капитолія плебеями это населеніе составляетъ союзъ и находитъ себѣ религіозное освященіе въ играхъ въ честь Юпитера Капитолійскаго. Въ силу такого пониманія онъ отводитъ этой коллегіи мѣсто въ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію pagi города Рима, и видитъ въ ней такую же организацію, какъ pagus Janicolensis или p. Aventinensis. Но этому препятствуетъ выраженіе constituere, употребленное Ливіемъ. Въ пониманіи его мы расходимся съ г. Кулаковскимъ въ томъ смыслѣ, что въ collegium Capitolinorum видимъ общество, образовавшееся по иниціативѣ Камилла изъ жителей Капитолійскаго холма и имѣвшее опредѣлен-

Digitized by Google

ную цѣль—совершеніе игръ въ честь Юпитера. О томъ, что составлялись общества для совершенія религіозныхъ церемоній въ честь какого-нибудь божества, мы имѣемъ массу свидѣтельствъ. Въ частности, есть указанія и не то, что извѣстныя игры исполнялись обществами, учреждавшимися ad hoc: достаточно припомнить тѣ ludi circenses въ честь Dea Dia, которыя праздновались коллегіей Арвальскихъ братьевъ. Такимъ образомъ, въ collegium Capitolinorum мы видимъ не обязательный для всѣхъ pagani союзъ плебеевъ, а коллегію, учрежденную изъ пожелавшихъ вступить въ нее лицъ, совершенно подобную той, которая была учреждена Домиціаномъ для празднованія Квинкватръ въ честь Минервы (Sueton. Dom. 4. Celebrabat et in Albano quotannis quinquatria Minervae, cui collegium instituerat ex quo sorte ducti magisterio fungerentur ederentque.... ludos). Такое пониманіе подтверждаетъ Ливій, влагая въ уста Камиллу (V. 52) слѣдующую фразу: Capitolinos ludos sollemnibus aliis addidimus collegiumque ad id novum, auctore senatu, condidimus. Если, такимъ образомъ, нѣтъ основаній въ collegium Capitolinorum видѣть видоизмѣненіе pagus, то не представляется необходимости и вводить подробное разсмотрѣніе его устройства и функцій въ изложеніе развитія института коллегій. То же самое, какъ кажется, можно сказать и про слѣдующій параграфъ книги г. Кулаковскаго, посвященный compita и озаглавленный: collegia compitaliica. Самое слово collegium не упоминается ни въ одномъ изъ мѣстъ источниковъ, приводимыхъ въ этомъ параграфѣ, и ни Діонисій, ни Варронъ, ни Плиній, ни Геллій, говоря о compita и compitalia, ни разу не указываютъ, чтобы тутъ принимали участіе коллегіи. Мало того, одно свидѣтельство Асконія (in Pison. p. 6, 18 Kiessl. Кулаковскій, стр. 20), различающее magistri collegiorum отъ magistri vicorum (solebant autem magistri collegiorum ludos facere, sicut magistri vicorum faciebant), указываетъ на различіе collegia отъ vici, подобно тому какъ вышеприведенныя слова Цицерона отличали collegia отъ pagi. Правда, въ одномъ памятникѣ, не приведенномъ г. Кулаковскимъ, встрѣчается выраженіе collegium compitalicium; это надпись изъ города Фезулъ (Fiesole):

d. m.
S. Terentio Fido
et Noviciae contuber
nali eius collegius compitalicius

Or. 2413, сл. 3958. Но памятникъ этотъ не относится къ городу Риму и затѣмъ, судя по формѣ collegius, принадлежитъ эпохѣ импе-

Digitized by Google

[illegible] — [illegible] изъ [illegible] Галу, отъ [illegible] можно безъ [illegible] причины. [illegible] Сол-[illegible] г. Кулаковскій [illegible] и простой ха-[illegible] и томъ, что при [illegible] въ [illegible] есть [illegible] ритуалѣ, [illegible] характерѣ [illegible] бы [illegible] съ collegium [illegible] въ § 4, гдѣ авторъ [illegible] compita и pagi [illegible] Свое предположеніе о томъ, что Магистры [illegible] были [illegible] слѣдовательно, [illegible] авторъ основывается на томъ, что послѣ Августа мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ существованія этой коллегіи. „Естественно, поэтому“, говоритъ г. Кулаковскій на стр. 23,—„связать исчезновеніе коллегіи съ реформой Августа касательно дѣленія городской территоріи. Августъ распространилъ дѣленіе на compita Larium на всю ту территорію, которая фактически принадлежала къ городу, но была обособлена отъ него своими особыми мѣстными культами. Еслибы collegium [illegible] не имѣлъ самъ территоріальнаго значенія, то не было бы причины для его устраненія“. Этотъ выводъ нуженъ автору для того, чтобы перейти отъ мѣстныхъ корпорацій pagi и vici къ ремесленнымъ—collegia opificum. Хотя это же предположеніе было высказано и Моммсеномъ (C. I. Inscr. Lat. I. p. 206), и хотя оно съ перваго раза представляется вѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе одинъ весьма важный памятникъ, на который ссылается и г. Кулаковскій, дѣлаетъ допущеніе его весьма затруднительнымъ: это слѣдующая надпись, относящаяся ко времени ранѣе 741 г. Urb.

A. Castricius Myrio
Talenti f. tr. mil. praef. eq
et classis mag. colleg
Lupercor. et Capitolin.r

Digitized by Google

et Mercurial. et paga
nor. Aventin. XXVI vir
.....moni per plures
......sortitionibus
.......is redemptis

C. I. L. I. p. 186 ad. n. 635. Изъ нея мы узнаемъ, что Авлъ Кастриційй Миріонъ былъ магистромъ въ коллегіяхъ: Луперковъ, Капитолійцевъ, Меркуріаловъ и paganorum Aventinensium. Предположимъ даже, что это было въ разное время его жизни, то-есть, что онъ одновременно не былъ магистромъ въ нѣсколькихъ коллегіяхъ (предположеніе это вовсе не обязательно, такъ какъ очень возможно, что, будучи членомъ нѣсколькихъ коллегій за разъ, онъ могъ одновременно отправлять должность магистра въ нѣсколькихъ; сл. C. I. L. V. 4449), то принимая мѣстный характеръ Капитолійцевъ, Меркуріаловъ и pagani Aventinenses, придется предположить, что Кастриційй, подобно жителю современныхъ городовъ, не имѣющему собственнаго дома, долженъ былъ переѣзжать съ одной квартиры на другую, переходить изъ одного мѣстнаго союза въ другой и удостоиваться чести быть избраннымъ въ магистры каждаго. Предположеніе это совершенно невѣроятно. Если же это такъ, то пониманіе Mercuriales, какъ союза сосѣдей, дѣлается весьма затруднительнымъ. Придется предположить, что или ко времени конца республики характеръ этой коллегіи измѣнился, или что Mercuriales не есть одно и то же, что collegium mercatorum, упоминаемая Ливіемъ, или наконецъ, что коллегія эта вовсе не имѣла обязательнаго топографическаго характера. На такія же недоумѣнія наводятъ и слова Цицерона (ad Q. fratrem 2, 5, 2): M. Furium equitem Romanum hominem nequam Capitolini et Mercuriales de collegio eiecerunt praesentem ad pedes unius cuiusque iacentem, изъ которыхъ также видно, что одно лицо было единовременно въ составѣ двухъ мѣстныхъ коллегій: Capitolini и Mercuriales. Но тогда какъ же объяснить, что о Mercuriales послѣ Августа не упоминается? Вѣроятно, они вмѣстѣ съ многими другими попали въ число тѣхъ, которые были уничтожены Августомъ: collegia praeter antiqua et legitima dissolvit, говоритъ про него Светоній, Octav. 32.

Въ слѣдующемъ параграфѣ авторъ разсматриваетъ вопросъ о collegia opificum. Какъ и естественно, онъ начинаетъ съ разбора извѣстій о нихъ, сообщенныхъ Плутархомъ и Плиніемъ. Оба писателя возводятъ учрежденіе коллегій къ эпохѣ царя Нумы, что, по остроумному за-

Digitized by Google

мѣчанію г. Кулаковскаго, вызвано тѣмъ, что коллегіи эти имѣли право совершать религіозныя церемоніи. Не принимая словъ вышеупомянутыхъ писателей въ ихъ буквальномъ значеніи, г. Кулаковскій тѣмъ не менѣе признаетъ возможнымъ допустить существованіе collegia opificum и въ древнюю пору Рима, въ чемъ нельзя не согласиться съ нашимъ авторомъ. О томъ, были ли такія коллегіи въ царскую эпоху, мы, за недостаткомъ точныхъ извѣстій, сказать не можемъ. Эти общества ремесленниковъ г. Кулаковскій сближаетъ съ религіозными союзами сосѣдей, пользуясь при этомъ данными, сообщаемыми топографіей Рима: названія улицъ и кварталовъ: inter figulos, inter falcarios, inter lignarios и т. под. даютъ ему указанія на то, что люди одного и того же ремесла группировались въ сосѣдство, и что первою причиной возникновенія collegia opificum былъ фактъ совмѣстнаго жительства. Объединялись же союзы, сверхъ того, общимъ культомъ какого-нибудь божества, преимущественно покровителя занятію или ремеслу collegiati, которое могло вытѣснить культъ Ларовъ въ кварталахъ, заселенныхъ ремесленниками. Соображенія автора весьма остроумны; но для того, чтобы дѣло представлялось въ надлежащемъ свѣтѣ, слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія два обстоятельства: коллегіи opificum отличаются отъ мѣстныхъ союзовъ pagi и vici тѣмъ, что предполагаютъ для участія въ нихъ актъ согласія и добровольнаго вступленія; если бы этого не было, то пришлось бы предположить, что всѣ люди одного ремесла обязательно должны были жить въ сосѣдствѣ, въ одной мѣстности, а этому предположенію противорѣчатъ положительныя данныя, размѣщающія ремесленниковъ, занимающихся однимъ ремесломъ, въ разныхъ частяхъ города (впрочемъ см. Jordan Topogr. I. p. 517); другое отличіе есть то, что коллегіи эти, подобно collegium Capitolinorum, учреждаются (constituere) извѣстнымъ распоряженіемъ (publice Fest. p. 333), тогда какъ pagi и vici ведутъ свое происхожденіе съ незапамятныхъ временъ поселенія Италиковъ.

Послѣ общаго обзора collegia opificum, г. Кулаковскій переходитъ къ частнѣйшему разсмотрѣнію коллегій piscatorum, laniorum piscinensium, scribarum и tibicinum, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя извѣстія. Что касается piscatores, то о нихъ мы почерпаемъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ двухъ свидѣтельствъ Феста, который упоминаетъ о ludi piscatorii, праздновавшихся trans Tiberim pro quaestu piscantium. Въ этихъ играхъ видитъ авторъ аналогію коллегіи piscatores съ collegia compitalicia, но слѣдуетъ замѣ-

Digitized by Google

тить, что игры давались и другими коллегіями, вслѣдствіе чего аналогія теряетъ свою силу.

О другой коллегіи—lanii piscinienses—мы знаемъ по двумъ недавно найденнымъ надписямъ, которыя приведены г. Кулаковскимъ на стр. 30 не вполнѣ точно: въ первой, стрк. 3, слѣдуетъ читать lani, а не lanii, какъ замѣтилъ Моммзенъ, С. I. L. VI. p. 29, а въ послѣдней стрк. Corneli.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о collegium scribarum et histrionum, гораздо полнѣе и любопытнѣе. Прежде всего, важно то, что мы имѣемъ точную, хронологическую дату учрежденія ея—207 до Р. Х., при чемъ оно дѣлается опять по почину и съ утвержденія государства (publice), то-есть, сената. Государство же отвело коллегіи и мѣсто для собраній (consistere), назначивъ для этого храмъ Минервы на Авентинѣ. Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ терминомъ consistere, который такъ часто употребляется для обозначенія временнаго пребыванія, и въ частности, собранія коллегій [1]); храмъ Минервы служилъ для коллегіи поэтовъ schola—терминъ, также встрѣчающійся въ надписяхъ очень часто [2]). Послѣдній фактъ, свидѣтельствующій о существованіи коллегіи, относится къ VII в. Urb. Не лишены остроумія соображенія г. Кулаковскаго о причинахъ исчезновенія этой коллегіи въ послѣдніе годы республики: онѣ, по мнѣнію автора, заключаются въ перемѣнѣ, которая произошла въ положеніи литературы и литераторовъ. „Къ концу республики", говоритъ онъ на стр. 32,—„вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія, поднялось и значеніе поэтовъ въ общественной іерархіи (?). Среди нихъ являются представители римской аристократіи. Поэтъ, кто бы онъ ни былъ по происхожденію, легко попадалъ въ среду аристократическаго общества. Вмѣстѣ съ этимъ сталъ неумѣстенъ для поэта терминъ scriba, подъ какимъ понимали это занятіе современники Ливія Андроника. Исчезъ также и взглядъ на это занятіе, какъ на ремесло, а вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Изъ имѣющагося у насъ подъ руками эпиграфическаго матеріала приведемъ слѣдующія указанія: С. I. L. III, 444; 860; 3505; 4779; 5212; 6166; V. 4017; 7357; VI. 404; ad 920; 7458; 9404; VIII. 5695; Eph. ep. IV. p. 34; *Boissier* Inscr. ant. de Lyon p. 197, 201, 207, 209, 260, 389, 391, 402, 403, 409; *Herzog*, Gall. Narbon. 536; *Maffei*, Gall. antiquit. p. 64; *Philologus* XXIV, 764; XXXIX, p. 190; *Brambach*, C. I. Rh. 770; *Archaeol. epigr. Mitth. aus Oesterr.* VI. p. 3; 11. № 19; Inscr. R. N. № 2488; *Marini* Arv. p. 23.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: С. I. L. V. 5272; 7904; VI. 9404; eph. ep. IV. p. 146; *Momms.* Inscr. Helv. 182; *Bull. d. Instit.* 1881. p. 52; *Gori* Etrur. II. p. 208; *Marini* Inscr. Alban. XXIV; Arv. p. 677.

Digitized by Google

должны были стать неумѣстными по отношенію къ поэтамъ формы, перенесенныя на нихъ со среды ремесленнаго населенія Рима". При всемъ остроуміи, приведенная аргументація автора вызываетъ много возраженій: прежде всего, нельзя безусловно согласиться съ г. Кулаковскимъ, что лишь въ концѣ республики значеніе поэтовъ поднялось въ глазахъ общества. Припомнимъ такіе факты, какъ близость Эннія къ Сципіону Старшему, дружба Луцилія съ Сципіономъ Младшимъ, и мы убѣдимся, что и въ пору существованія collegium scribarum значеніе поэтовъ въ глазахъ образованнаго общества было велико. Затѣмъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы пріурочивать именно къ VII в. измѣненіе въ значеніи слова scriba. На сколько возможно прослѣдить его употребленіе, оно прилагается постоянно къ обозначенію секретарей или письмоводителей, слѣдовательно, перестало употребляться для выраженія понятія „писатель" и во время болѣе раннее, чѣмъ конецъ республики. Не даромъ Валерій Максимъ въ анекдотѣ объ Акціѣ употребляетъ терминъ: poeta (collegium poetarum 3, 7, 11). Участіе представителей римской аристократіи въ литературѣ замѣчается также ранѣе упомянутаго времени; доказательствомъ сему можетъ служить также разказъ Валерія, упоминающаго о Юліѣ Цезарѣ Страбонѣ. Все это приводитъ къ тому, что причину исчезновенія коллегіи поэтовъ въ концѣ республики врядъ ли слѣдуетъ искать въ измѣнившемся значеніи поэтовъ. Не лучше ли это исчезновеніе подвести къ запрещенію коллегій Цезаремъ, а за нимъ и Октавіаномъ? Поэзія того времени сдѣлалась, какъ извѣстно, могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ приверженцевъ политическихъ партій: carmina mala, выходившія изъ-подъ пера Катулла, Бибакула и многихъ другихъ, не могли не обратить на себя вниманія власти; нѣтъ ничего мудренаго, что они, если не сочинялись и рецитировались, то подготовлялись въ соображеніяхъ поэтовъ in aede Minervae и придавали собраніямъ этимъ видъ политическихъ сходокъ, собиравшихся ab hominibus factiosis malo publico? Конечно, и это предположеніе есть не болѣе, какъ догадка, но она намъ представляется болѣе простою и вѣроятною, чѣмъ объясненіе г. Кулаковскаго.

Четвертая коллегія opificum республиканскаго времени, о которой упоминаетъ авторъ, есть collegium tibicinum; ея учрежденіе Плутархъ относитъ къ царю Нумѣ. Въ памятникахъ она носитъ различныя названія: tibicines qui s. p. p. s., tibicines romani q. s. p. p. s., tibicines et fidicines romani qui s. p. p. s., fidicines romani, sym-

Digitized by Google

phoniaci qui sacris publicis praestu sunt. Обыкновенно принимаютъ, что подъ этими различными наименованіями разумѣется одна коллегія; это же мнѣніе раздѣляетъ и г. Кулаковскій. Но сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ объ этой коллегіи указываетъ на то, что, можетъ быть, эти различныя наименованія обозначаютъ и различныя, отдѣльныя корпораціи, связанныя между собою сходствомъ занятія: дѣло въ томъ, что Ливій, разказывая извѣстный анекдотъ о стачкѣ флейтщиковъ и уходѣ ихъ изъ Рима въ Тибуръ, говоритъ, что они, по древнему обыкновенію, имѣли коллегіальную трапезу (vesci) въ храмѣ Юпитера (Капитолійскаго IX, 30). Между тѣмъ Варронъ, говоря о праздникѣ Quinquatrus minusculae, упоминаетъ, что флейтщики собираются въ этотъ день въ храмъ Минервы (conveniunt in aedem Minervae. Varro l. l. VI. 17). Не служитъ ли указаніе на различныя мѣстности, въ которыхъ собирается коллегія, намекомъ на то, что въ расказѣ Ливія и въ словахъ Варрона мы должны видѣть не одну, а двѣ коллегіи tibicinum? Мы очень хорошо знаемъ, что, въ виду данныхъ, сообщаемыхъ въ протоколахъ Арвальскихъ братьевъ, соображеніе это не можетъ считаться обязательнымъ, но тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ высказать его, имѣя въ виду то обстоятельство, что разнообразныя названія коллегіи флейтщиковъ засвидѣтельствованы не памятниками литературными, въ которые могла вкрасться или неточность, или неопредѣленность, а надписями, и притомъ, безъ исключенія имѣющими оффиціальное значеніе.

Коллегія или коллегіи tibicinum интересна для насъ еще и тѣмъ, что представляетъ первый примѣръ collegium funeraticium, не переставая быть въ то же время и collegium opificum. Раскопки, которыя въ 70-хъ годахъ производило италіанское правительство въ Римѣ, на Эсквилинѣ, привели, между прочимъ, къ открытію цѣлой серіи гробницъ, изъ которыхъ многія относятся къ глубокой древности; въ числѣ гробницъ республиканскаго періода сохранилось свидѣтельство и объ общей гробницѣ collegii tibicinum: былъ найденъ архитравъ изъ неперина, на которомъ архаическимъ шрифтомъ было начертано:

(con)legii tibicinu. .
L. Pontius. L. C...
L. Licinius. L. L...
P. Plaetorius...

Безъ ошибки можно сказать, что три лица, имена которыхъ подписаны, суть magistri коллегіи (сл. C. I. L. VI. 3696), которые, по ея порученію, завѣдывали постройкой усыпальницы для collegiati.

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ только что приведенною надписью были найдены въ обломкахъ двѣ статуи, также изъ неперина, изображающія двухъ tibicines съ флейтами въ рукахъ (Bullettino della Commissione archeologica municipale III, 1875, стр. 44).

Изъ коллегій, не упомянутыхъ у Плутарха, но существованіе которыхъ въ періодъ республики подтверждается надписями, упомянемъ: коллегію золотыхъ дѣлъ мастеровъ, приготовлявшихъ кольца, и каменотесовъ. О первой свидѣтельствуетъ надпись:

. . . anus. Ad...
duom. vir
conlegi. anulari
locum sepulchr. m
in fronte pedes XXV
in agro pedes XXV
de sua pequnia
conlegio anular
io
dedit

C. I. L. VI. 9144 = 1.1107., о второй:

conlegei serto(rum)
serrarium

C. I. L. VI. 9888 = 1,1108.

Изложенію исторіи коллегій въ послѣдніе годы республики посвященъ слѣдующій, шестой параграфъ книги г. Кулаковскаго. Исторія эта весьма любопытна, хотя, за отрывочностью и неясностью данныхъ, не вездѣ ясна и опредѣленна. Къ данному времени, рядомъ съ коллегіями ремесленниковъ, мы встрѣчаемся съ другими союзами, sodalitates, sodalicia, которые образуются для того, чтобъ играть значительную роль въ политической жизни. Они служатъ однимъ изъ средствъ проводить въ народныхъ собраніяхъ то или другое предложеніе, того или другаго кандидата. Какъ же возникаютъ подобные sodalicia, и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ collegia? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу спорныхъ. Авторъ разсматриваемой книги склоненъ къ выводу политическихъ sodalicia изъ плебейскихъ коллегій: „Когда", говоритъ онъ на стр. 36,—„населеніе города Рима стало de facto представителемъ всей римской civitas, когда всѣ попытки сосредоточить его въ ограниченномъ числѣ трибъ отвергла практика жизни, эти плебейскіе союзы должны были получить большое значеніе при рѣшеніи различныхъ дѣлъ въ римскомъ народномъ собраніи. Путемъ вліянія на коллегіи явилась возможность дать то

или другое направленіе голосованію въ народномъ собраніи, а потому естественно, что политическая агитація захватила эти общества въ свой кругъ... Въ ту смутную пору дѣло организаціи обществъ пошло дальше. Разъ существовала готовая форма для возникновенія обществъ, и самый фактъ находился по традиціи внѣ контроля государственной власти, стали являться коллегіи новаго вида. Люди, желавшіе играть роль въ политической жизни, составляли для поддержки своихъ интересовъ общества уже внѣ всякаго вопроса о sacra: организуются политическіе клубы". О томъ, что коллегіи не только ремесленниковъ, но и учреждавшіяся съ цѣлію религіозною, пріобрѣли значительное вліяніе при рѣшеніи политическихъ вопросовъ, обсуждавшихся и рѣшавшихся въ комиціяхъ, мы знаемъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ: достаточно припомнить помпеянскія программы или свидѣтельства о коллегіи Isiaci (Marquardt, VI. p. 77). Но нѣтъ у насъ подтвержденій того положенія г. Кулаковскаго, по которому политическія sodalicia являются вслѣдствіе того, что „существовала готовая форма для возникновенія обществъ, и самый фактъ находился по традиціи внѣ контроля государственной власти": напротивъ, тѣ извѣстія, которыя говорятъ о возникновеніи коллегій, упоминаютъ о подтвержденіи этого акта властью, какъ необходимомъ условіи признанія существованія коллегіи. Слѣдовательно, эти sodalicia возникаютъ внѣ связи съ коллегіями, и если не преслѣдуются властью до 64 г., то единственно потому, что, съ одной стороны, они не возбуждали ничего, противнаго общему полицейскому порядку, съ другой—не принадлежа къ такъ-называемымъ superstitiones, не обращали на себя вниманія и со стороны надзора за государственнымъ культомъ. Этимъ отсутствіемъ почина власти въ учрежденіи ихъ объясняются слова Асконія: sine publica auctoritate (in Cornelian. p. 66). Только тогда, когда эти „политическіе клубы" сдѣлались орудіемъ въ рукахъ вождей партій и стали дѣйствовать прямо вопреки интересамъ государства, власть нашла необходимымъ наложить на нихъ свое veto, что̀ произошло въ 64 до Р. Хр. По свидѣтельству Асконія (p. 6), это было проведено черезъ сенатъ, указомъ котораго collegia sublata sunt, quae adversus rempublicam videbantur esse. Что это запрещеніе было направлено не только противъ sodalicia, но и противъ коллегій, объясняется тѣмъ, что, какъ было замѣчено выше, и послѣднія стали преслѣдовать политическія цѣли. Черезъ шесть лѣтъ этотъ указъ былъ отмѣненъ, и по lex Clodia de collegiis коллегіи не только были возстановлены, но и значительно увеличились въ своемъ числѣ. Г. Кулаковскій при-

Digitized by Google

водитъ весьма правдоподобное соображеніе относительно тѣхъ мотивовъ, которыми могъ руководиться Клодій при проведеніи своего предложенія—это были мотивы религіозные, такъ какъ по S. C. было прекращено отправленіе нѣкоторыхъ sacra, возложенныхъ издревле на коллегіи. Возобновлены были, главнымъ образомъ, тѣ, которыя могли служить орудіемъ въ рукахъ партій; весьма естественно, что, сообразно съ такою ролью, измѣнился и составъ корпорацій, и изъ „политическихъ клубовъ“ онѣ превратились въ банды, состоявшія ex omni faece urbis ac servitio (Cic. in Pis. 4, 2). Ихъ вредное дѣйствіе, подъ руководствомъ такихъ личностей, какъ Клодій, скоро обнаружилось, и въ 55 г. въ lex Licinia мы видимъ новое запретительное мѣропріятіе, направленное исключительно противъ sodalicia. Но и коллегіи не на долго остались безъ ограниченія: Цезарь уничтожилъ тѣ изъ нихъ, которыя не могли доказать древность своего существованія; естественно, что его распоряженіе было направлено главнымъ образомъ противъ тѣхъ innumerabilia nova, которыя возникли вслѣдствіе lex Clodia (Cic. p. Sest. 25, 55). Распоряженіе Цезаря было повторено и Августомъ. Этими двумя мѣропріятіями существованію коллегій былъ нанесенъ тяжкій ударъ, и въ эпоху имперіи, кромѣ весьма немногихъ antiqua et legitima (Sueton. Oct. 32), переходитъ лишь одинъ видъ коллегій—это collegia funeraticia, которымъ посвященъ § 7 книги г. Кулаковскаго. Глава эта представляетъ весьма бойко и живо составленный очеркъ исторіи этихъ коллегій, въ которомъ авторомъ указаны лишь характернѣйшія ихъ особенности и намѣчены въ общихъ чертахъ тѣ видоизмѣненія въ ихъ положеніи, какія мы можемъ указать, благодаря сохранившимся свидѣтельствамъ и памятникамъ. А ихъ до того много, что, разработанный въ должной детальности, вопросъ о погребальныхъ обществахъ составилъ бы цѣлую книгу. Поэтому, не входя въ указаніе того, что̀ оставлено г. Кулаковскимъ безъ упоминанія и что̀ было бы желательно видѣть въ трудѣ, посвященномъ вопросу о коллегіяхъ, мы ограничимъ замѣчанія наши лишь тѣмъ, что̀ приводится или высказывается авторомъ.

Остановимся прежде всего на извѣстномъ мѣстѣ изъ lex collegii Dianae et Antinoi, въ которомъ приводится отрывокъ изъ сенатскаго указа, разрѣшавшаго образованіе коллегій съ спеціальною цѣлью—посредствомъ ежемѣсячнаго взноса, составлять капиталъ для погребенія умершихъ сочленовъ: Kaput ex s. c. p. r. Quib[us coire co]nvenire collegiumq. habere liceat. Qui stipem menstruam conferre vole[nt, in fune]ra, in it collegium

coeant, neq. sub specie eius collegi nisi semel in mense c[oeant con]ferendi causa, unde defuncti sepeliantur (К. стр. 47). Съ этимъ текстомъ авторъ, вслѣдъ за Моммзеномъ и многими другими учеными, сближаетъ мѣсто Марціана: Sed permittitur tenuioribus stipem menstruam conferre cum tamen semel in mense coeant ne sub praetextu huiusmodi illicitum collegium coeat, въ которомъ видитъ почти дословное воспроизведеніе свидѣтельства вышеприведенной надписи. Подобное отожествленіе этихъ двухъ текстовъ намъ представляется не безспорнымъ: общее между ними есть только collatio stipis menstruae, при чемъ однако въ S. C. опредѣляется весьма категорически, съ какою именно цѣлью дозволяется это collatio—in funera, unde defuncti sepeliantur. Двукратнымъ указаніемъ этой цѣли дается знать, что на нее обращается особенное вниманіе государственной власти, что есть другіе поводы для collatio stipis, но они не разрѣшаются, а дозволяется только collatio in funera. Отрывокъ S. C. приведенъ въ lex такой коллегіи, которая имѣла единственнымъ своимъ назначеніемъ погребеніе и поминовеніе своихъ сочленовъ. Между тѣмъ Марціанъ не говоритъ ни слова о погребеніи, какъ цѣли collatio stipis: онъ упоминаетъ только tenuiores, которымъ дозволяется conferre stipem menstruam, и эти дозволенныя властью корпораціи противополагаетъ упомянутымъ у него выше collegia sodalicia и collegia militum in castris. Поэтому уже Cohn (Zum römichen Vereinsrecht. Berlin 1873) высказалъ предположеніе, что подъ tenuiores Марціанъ разумѣетъ collegia tenuiorum militum; но онъ взялъ противоположеніе Марціана въ одной послѣдней его половинѣ, не обративъ вниманія на первую—collegia sodalicia. Взявъ это противоположеніе въ цѣлости, подъ коллегіями tenuiorum слѣдуетъ разумѣть корпораціи людей неимущихъ, которые имѣли право объединенія для взаимной помощи въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, при чемъ обыкновенно бывало, что объединялись люди одного занятія, при которомъ случаи такой помощи могли быть регулированы въ актѣ учрежденія коллегіи; въ этомъ отношеніи любопытна надпись, относящаяся къ корпораціи горнистовъ III-го легіона, стоявшаго въ Африкѣ, которые тоже дѣлали взносы въ общую кассу коллегіи и затѣмъ получали оттуда вспомоществованіе въ опредѣленномъ объемѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: при поѣздкѣ изъ Африки „за море"—tram(are), при выходѣ въ отставку, при повышеніи, при потерѣ мѣста и по смерти, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, опредѣленная сумма выдавалась наслѣдникамъ (C. I. L. VIII. 2557). Если же въ корпорацію соединялись люди, не

Digitized by Google

связанные общими интересами или занятіемъ, то естественно, что объединяющею ихъ заботою прежде всего могла быть забота о приличномъ погребеніи, дѣлавшемся на счетъ коллегіальной кассы; такимъ образомъ изъ collegia tenuiorum выдѣляется одинъ ихъ видъ— collegia funeraticia. Марціанъ имѣетъ въ виду первыя, а S. C., приведенный въ lex collegii Dianae et Antinoi,—второй. При такомъ пониманіи, намъ кажется, естественнѣе будетъ сблизить христіанскую общину первыхъ вѣковъ не съ погребальными обществами, а съ collegia tenuiorum; и дѣйствительно, не одна только забота о честномъ погребеніи и поминовеніи побуждала христіанъ вносить въ общую arca—modicam stipem menstrua die: на собранныя деньги, по словамъ Тертулліана (Apol. 39), питались и погребались неимущіе, содержались сироты и старики, выдавалась помощь потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, и оказывалось пособіе содержавшимся въ темницѣ или сосланнымъ въ заточеніе за исповѣданіе вѣры.

На стр. 53 г. Кулаковскій говоритъ: „Разъ вошло во всеобщій обычай обезпечивать себѣ поминки, возлагая эту обязанность на погребальныя общества, то отъ такого порядка вещей былъ одинъ шагъ къ тому, чтобы организовать на свои средства спеціальное общество, главною заботой котораго было бы поминать данное лицо". Подтвержденіе этому ищетъ авторъ въ lex collegii Aesculapii et Hygiae, который, какъ кажется, понимается имъ не совсѣмъ вѣрно въ одной его частности: авторъ полагаетъ, что Сальвія Марцеллина основываетъ общество въ 60 человѣкъ для поминовенія извѣстныхъ лицъ; между тѣмъ намъ представляется болѣе естественнымъ предположеніе, что пожертвованіе денегъ Марцеллиною дѣлается не съ цѣлію основать особую коллегію, но деньги вносятся въ коллегію, уже существующую, и при этомъ жертвовательница опредѣляетъ извѣстныя условія, при которыхъ коллегія можетъ пользоваться взносимымъ капиталомъ. По нашему мнѣнію, коллегія Эскулапа и Гигіеи существовала и до пожертвованія, сдѣланнаго Марцеллиной; послѣ же него она увеличилась числомъ членовъ, опредѣленнымъ волею завѣщательницы, которая за свой крупный вкладъ получаетъ, между прочимъ, почетное прозвище mater collegii. Существованіе же коллегіи до дара Марцеллина мы выводимъ изъ такихъ выраженій, какъ напр. donum dedit collegio Aesculapii et Hygiae, partem dimidiam funeratici, sicut solitus est dare. Болѣе же близкое подкрѣпленіе вышеизложеннаго положенія автора представляетъ надпись въ C. I. Gr. 2448.

Сдѣлаемъ еще одно мелочное замѣчаніе: напрасно г. Кулаковскій

слова natalicia sanctorum martyrum переводитъ по русски: дни рожденія мучениковъ. Natale, dies natalis, въ приложеніи къ христіанскимъ мученикамъ, обозначаетъ день ихъ мученія и смерти, когда они возродились въ жизнь вѣчную.

Второй отдѣлъ разсматриваемой книги посвященъ обозрѣнію коллегій въ сферѣ экономической жизни Рима. Отмѣтивъ причины возникновенія обществъ въ средѣ капиталистовъ, г. Кулаковскій въ общихъ чертахъ указываетъ на положеніе этихъ societates во время имперіи, на то, что государство, взявъ на себя функціи большинства изъ нихъ (въ дѣлѣ взиманія податей), оставило въ силѣ только немногія, узаконивъ ихъ существованіе опредѣленнымъ на то дозволеніемъ—permittere corpus habere. По поводу этого термина авторъ считаетъ нужнымъ провести разграниченіе между терминами corpus и collegium. „Обществу", говоритъ онъ,—„какимъ бы оно ни называлось именемъ т. е. societas ли или collegium, государство даетъ право имѣть свой corpus, т. е. корпоративную организацію. Такимъ образомъ, понятіе, corpus одинаково было приложимо ко всѣмъ обществамъ. Отсюда понятно, почему этотъ терминъ употребляется какъ общее выраженіе для обозначенія самихъ обществъ" (стр. 64). Это опредѣленіе намъ представляется не вполнѣ точнымъ. Прежде всего, въ немъ понятіе corpus является подчиненнымъ понятію collegium, что врядъ ли можетъ быть допущено, въ виду, напримѣръ, слѣдующаго мѣста Ульпіана (frgm. 10. § 4 D de in ius voc.): qui manumittitur a corpore aliquo vel collegio vel civitate, singulos in ius vocabit—здѣсь общее понятіе corpus разбивается на два вида: collegium и civitas. Затѣмъ, въ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ corpus употребляется для обозначенія какой-нибудь корпораціи, мы не находимъ указаній на то, чтобы имъ обозначалась „корпоративная организація" (см. мѣста у Dirksen Manuale s. v. и Heumann Handlexicon s. v.). Наконецъ, терминъ corpus прилагается не только къ обществамъ въ узкомъ значеніи этого слова, но обозначаетъ и такія соединенія людей, какъ армія, плебсъ, сенатъ и т. под. Изъ всего этого является возможность опредѣлять разницу между corpus и collegium нѣсколько иначе: самымъ широкимъ и общимъ обозначеніемъ единенія лицъ будетъ corpus; это есть всякое соединеніе, выдѣляющееся изъ массы и образующее извѣстную единицу (предоставляемъ юристамъ рѣшить, будетъ ли эта единица разсматриваться съ точки зрѣнія частнаго права, какъ это предлагалъ Савиньи, или съ точки зрѣнія права государственнаго, какъ это дѣлаетъ Конъ); затѣмъ это соединеніе

Digitized by Google

пріобрѣтаетъ болѣе спеціальные признаки, дѣлающіе изъ него тотъ или другой изъ союзовъ, ту или другую корпорацію. Понимая такъ, мѣсто Гая, приведенное г. Кулаковскимъ на стр. 63, можно будетъ перевести слѣдующимъ образомъ: „тѣ, которымъ государство дозволило вступить въ единеніе, будетъ ли оно въ видѣ коллегіи, или компаніи или иного какого-либо общества въ этомъ родѣ" (quibus... permissum est corpus habere collegii societatis siue cuiusque alterius eorum nomine) [1]). Слѣдовательно, permittitur corpus habere не коллегіямъ или компаніямъ, а людямъ, вступающимъ въ единеніе, permittitur тѣмъ, что оно не подлежитъ преслѣдованію закономъ. И слѣдующія затѣмъ слова Гая: ut ecce vectigalium publicorum sociis permissum est corpus habere... item collegia Romae certa sunt, quorum corpus senatus consultis atque constitutionibus principalibus confirmatum est мы понимаемъ: „какъ напримѣръ, компаніямъ, собирающимъ государственныя подати, дозволено ихъ единеніе... точно также есть и въ Римѣ нѣкоторыя коллегіи, единеніе которыхъ подтверждено сенатскими указаніями и императорскими распоряженіями"...

Такъ какъ бо́льшая часть обществъ временъ имперіи, имѣющихъ мѣсто въ сферѣ экономической жизни города Рима, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ организаціей снабженія города Рима хлѣбомъ, то г. Кулаковскій дѣлаетъ краткій очеркъ учрежденія annona и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію обществъ, которыя въ эпоху имперіи брали на себя подвозъ хлѣба въ Римъ и его приготовленіе; это были общества navicularii и pistores—корабельщики и хлѣбники. Исторія этихъ корпорацій, благодаря дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, довольно любопытна и изложена г. Кулаковскимъ съ должною обстоятельностью: указавъ на то, что по происхожденію своему обѣ эти корпораціи были близки, и что въ обѣихъ можно видѣть форму, развившуюся изъ societas publicanorum, авторъ перечисляетъ памятники и свидѣтельства первыхъ трехъ вѣковъ имперіи, сообщающіе намъ данныя объ устройствѣ этихъ обществъ, ихъ значеніи и льготахъ, которыми они пользовались, а затѣмъ, на основаніи свидѣтельствъ Θеодосіева кодекса, излагаетъ судьбу ихъ въ позднѣйшій періодъ имперіи, судьбу довольно своеобразную, вслѣдствіе того, что государство закрѣпостило дѣтей за занятіями ихъ отцовъ и сдѣлало участіе въ этихъ обществахъ обязательнымъ.

---

[1]) О пониманіи словъ cuiusque alterius eorum см. *Schilling Sintenis* Das C. J. C. I, p. 386.

Сверхъ navicularii и pistores, какъ корпорацій, снабжавшихъ городъ Римъ хлѣбомъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о существованіи другихъ коллегій, которыя по роду своихъ занятій близко примыкаютъ къ двумъ вышеупомянутымъ; таковы, напримѣръ, negotiatores frumentarii, о которыхъ свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись:

ex auctoritate
Imp. Caesaris
T. Vespasiani Aug
in loco qui
designatus erat per
Flavium Sabinum
operum publicorum
curatore templum
extruxerunt
negotiatores
frumentari.

C. I. L. VI. 814. Въ связи съ этою корпораціей стоитъ corpus mercatorum frumentariorum, о которомъ упоминаетъ слѣдующая надпись:

Q. Calpurnio L. f.
Quir. Modesto
proc. Alpium proc. Ostiae
ad annon. proc. Lucaniae
corpus mercatorum
frumentariorum per
M. Aemilium Saturum
et P. Aufidium Faustinian.
qq. ex decreto corporat.
q. M. Licinio Victore et
P. Aufidio Epicteto
S
l. d. d. d. p.

Notizie d. scavi 1880, p. 472. ср. C. I. L. VI. 1620: C. Junio C. F. Quir. Flaviano... mercatores frumentari et oleari Afrari.

Матеріалъ, сообщенный г. Кулаковскимъ относительно pistores, хлѣбопековъ, можетъ быть дополненъ слѣдующими эпиграфическими данными: такъ, collegium pistorum въ IV вѣкѣ воздвигаетъ статую своему патрону Арадію Руфину Популонію (C. I. L. VI. 1692); такъ, изъ надписи C. I. L. VI. 22 мы узнаемъ, что, сверхъ corpus pistorum, существовала еще корпорація pistorum siliginariorum, занимавшихся печеніемъ булокъ; такъ, изъ надписи C. I. L. VI. 1739 знаемъ о существованіи корпораціи хлѣбопековъ en gros (срв. ibid. 9810), а изъ

Digitized by Google

слѣдующей весьма любопытной надписи узнаёмъ, что corpus pistorum существовалъ въ Остіѣ и Портѣ:

Marco Licinio
Privato
decurionatus ornamentis honorato et
bisellario inprimis constituto
inlatis rei publicae sestertis
quinquaginta milibus n
quaestori et qq. corporis pistorum Ostiens. et Port.
magistro quinquennal. collegi
fabrum tignuariorum lustri
XXVIIII et decurioni eiusdem
numeri decur. XVI decuriali scrib.
patri et avo decurionum
librario tribuli tribus Claudiae
patri equitum romanorum
patruum et liberorum clientium
universus numerus
caligatorum
collegi fabrum tignuarior. Ostiens.
magistro optimo ob amorem et merita eius
l. d. d. d. p.

Notizie d. scavi 1880, p. 472.

Затѣмъ считаемъ нужнымъ остановить вниманіе на рядѣ надписей въ честь Меммія Витразія Орфита, который былъ городскимъ префектомъ въ половинѣ четвертаго вѣка (Borghesi O. C. III, 476); этихъ надписей четыре, и онѣ представляютъ посвященія статуй, воздвигнутыхъ Орфиту различными корпораціями: одну сооружаетъ ему corpus pistorum magnariorum et castrensariorum, то-есть, корпорація оптовыхъ хлѣбопековъ, и поставлявшихъ (хлѣбъ) въ армію (C. I. L. VI. 1739), другую—corpus naviculariorum (1740), третью—susceptorum Ostiensium sive Portuensium antiquissimum corpus, то-есть, корпорація пріемщиковъ (хлѣба, подвозимаго въ Остію или въ Портъ, 1741), и четвертую—corpus omnium mancipum, каковую корпорацію можно сблизить также съ корпораціей pistores (1742). Нѣтъ сомнѣнія, что Орфитъ въ должности praefectus urbi оказалъ важныя услуги обществамъ, снабжавшимъ хлѣбомъ Римъ, вслѣдствіе чего они сочли умѣстнымъ отблагодарить его, каждое, сооруженіемъ ему статуи.

Сверхъ корпораціи хлѣбниковъ, мы знаемъ еще о существованіи корпораціи мельниковъ—molendinarii: въ одной надписи конца V вѣка (C. I. L. VI. 1711) мы имѣемъ распоряженія городскаго префекта,

Digitized by Google

относящееся къ пресѣченію обмановъ со стороны molendinarii, которымъ устанавливается опредѣленный контроль за сдаваемою ими послѣ промола мукой и опредѣляется плата за промолъ. Въ надписи этой molendinarii зовутся corporati.

Отношенія корпораціи хлѣбниковъ къ провинціи Африкѣ, въ которой корпорація имѣла свои помѣстья, уясняются слѣдующею любопытною надписью, найденною въ Африкѣ, въ гор. Ситифисъ:

pro felicitate temporum beatorum [dominor]
nostrorum Valentiniani Theodosi et [Arcadi]
aeternorum principum unum quo dd e[t] pr[inci—]
[p]ales ac cives gravi quatiebantur inco[mmodo molas propter annonam]
[pu]blicam a veteribus institutas omn[i renova]
[t]u operis ruinis imminentibus destit[ui detersa]
veteris squaloris inluviae adi[ecto novo]
cultu sua instantia reformavit [instrumento]
pistorio exornatas ad annon[ae publicae]
coctionem pistoribus tradi[dit et ita populum]
pavit Fl. Maecius Constan[s v. p. praes. prov]
Mauretaniae Sitif. curam [agente curatore]
rei p. splendd col. Sitifen[sis].

C. I. L. VIII. 8480.

Изложивъ судьбу обществъ navicularii и pistores, г. Кулаковскій переходитъ къ обозрѣнію данныхъ, сохранившихъ намъ память объ артеляхъ, которыя завѣдывали разгрузкою хлѣба, доставлявшагося navicularii, пріемомъ его въ магазины и доставкой его по Тибру въ Римъ. Это были корпораціи: lenuncularii и scapharii, codicarii, mensores machinarii, piscatores et urinatores.

Сообщимъ и здѣсь нѣсколько дополненій къ любопытному матеріалу, собранному г. Кулаковскимъ. Относительно корпораціи лодочниковъ, которые на своихъ судахъ свозили на берегъ разгружаемый съ большихъ кораблей хлѣбъ, замѣтимъ, что, сверхъ названій lenuncularii и scapharii, они звались также и lyntrarii, о которыхъ упоминаютъ Дигесты (IV. 9. 1) и надпись въ C. I. L. VI. 9531. См. также C. I. L. II. 1182. Въ извѣстной остійской надписи Кн. Сентія (Or. 4109) упоминается corpus scaphariorum et lenunculariorum traiectus Luculli, что, можетъ быть, указываетъ на то, что извѣстные фарватеры были предоставлены отдѣльнымъ корпораціямъ [1],

[1]) Сравн. также остійскую надпись, въ которой упоминается q(uin) quennalis) corp(oris) treiect(us) Togatensium (eph. ep. I. p. 217) и q(uin) q(uennalis) corporis treiectus marmorium (Or. 4106, вѣроятно, также остійская).

Digitized by Google

и поэтому возможно въ quinque corpora lenunculariorum Ostiensium у Willm. 1735 видѣть дѣйствительно пять корпорацій, какъ раздѣленіе количественное. Аналогію съ ними представляетъ одна арльская надпись (Hz. 3655), въ которой имѣемъ упоминаніе о navic(ulariorum) marin(orum) Arel(atensium) corp(ora) quinq(ue). Относительно mensores frumentarii замѣтимъ, что та же надпись Сентія упоминаетъ о mensores frumentarii Cereris Aug(ustae). Съ этимъ вполнѣ понятнымъ прозваніемъ можно сопоставить слова Авреліана изъ рескрипта къ Арабіану, префекту анноны, гдѣ Авреліанъ исчисляетъ мѣры, принятыя имъ для обезпеченія продовольствія города хлѣбомъ: almam Cererem consacravi, говоритъ онъ. Къ corpus acceptorum Ostiensium можно прибавить еще susceptorum Ostiensium sive Portuensium antiquissimum corpus въ C. I. L. VI. 1741.

Корпораціи, въ вѣдѣніи которыхъ были подвозъ, доставка и приготовленіе хлѣба, возникли всѣ въ императорскую эпоху. Хотя онѣ и вышли, какъ доказываетъ авторъ, изъ societates publicanorum времени республики, однако съ учрежденіями республиканскаго періода въ связи не стоятъ. Но между корпораціями императорской эпохи, говоритъ г. Кулаковскій,—была одна, которая вела свое начало отъ стараго времени, и подвергшись новой организаціи при Августѣ, удержалась затѣмъ до самаго конца имперіи. Это есть collegium fabrum. Асконій (in Corn. p. 67) упоминаетъ о ней, какъ объ удержавшейся и послѣ уничтоженія коллегій при Цезарѣ и Августѣ. Видя, что въ надписяхъ встрѣчаются очень часто упоминанія о fabri tignarii, и припоминая, что у Плутарха (Numa, 17) общество fabri зовется τέκτονες, г. Кулаковскій не безъ основанія отожествляетъ этихъ fabri съ fabri tignarii и излагаетъ очеркъ судьбы этой коллегіи въ императорскомъ Римѣ. Изъ свидѣтельствъ, сообщаемыхъ надписями, г. Кулаковскій опредѣляетъ дату возникновенія коллегіи—3-й годъ до Р. Хр. Если мы сопоставимъ съ этимъ свидѣтельство одной надписи изъ самнитскаго города Телезіи (Mommsen J. R. N. 4851), въ которой читаемъ: colleg(ium) fabrum tignuar(iorum) quib(us) ex S. C. coire permis(sum) est, то безъ большой ошибки установленіе этой коллегіи можемъ подвести подъ тотъ же lex Julia, который разрѣшалъ существованіе коллегіи symphoniaci (C. I. L. VI. 2193)

Нѣсколько позже была организована такая корпорація въ Остіѣ, такъ какъ въ царствованіе Діоклетіана она считала 28 люстровъ своего существованія (C. I. L. VI. 1116). Что касается пониманія г. Кулаковскимъ самаго названія: fabri tignarii, то оно намъ представляется

Digitized by Google

довольно узкимъ: это не только плотники, какъ думаетъ авторъ, но и вообще всѣ рабочіе, исполнявшіе постройки: fabros tignarios dicimus non eos dumtaxat qui tigna dolarent, sed omnes qui aedificarent, читаемъ мы въ Дигестахъ 50, 16, 235.—Надпись, на которую ссылается г. Кулаковскій, и которая содержитъ посвященіе Каракаллѣ (С. I. L. VI. 1060), интересна еще и тѣмъ, что даетъ возможность опредѣлить приблизительное число членовъ коллегіи fabrum tignariorum, въ 60 человѣкъ. Относительно ея устройства можно замѣтить, что каждая отдѣльная декурія, на которыя дѣлилась вся корпорац., стояла подъ начальствомъ префекта (С. I. L. VI. 9409), точно также, какъ особый префектъ стоялъ и во главѣ всей коллегіи (аналогическое явленіе имѣемъ и внѣ Рима, напримѣръ, въ Диррахіумѣ: С. I. L. III, 611; сл. Hz, ad C. I. L. VI. p. 1150; въ одной віенской надписи, Allmer et Terrebasse N. 1967, онъ зовется praeses). Наконецъ, не слѣдуетъ пройти молчаніемъ и то, что и эта коллегія, сверхъ своего соціальнаго назначенія, имѣла также характеръ collegii funeraticii, что̀ видно изъ надписи С. I. L. VI. 9405.

Въ заключительномъ параграфѣ своего изслѣдованія авторъ характеризуетъ общую судьбу ремесленнаго населенія Рима: указавъ на широкое распространеніе корпоративнаго строя въ средѣ промышленнаго населенія городскихъ общинъ, онъ останавливается на реформѣ Александра Севера, „благодаря которой корпоративный строй въ средѣ промышленнаго населенія города Рима сталъ общею обязательною формой". Во взглядѣ на эту реформу г. Кулаковскій не согласенъ съ нѣкоторыми учеными, видящими въ ней послабленіе римской запретительной политики относительно свободы составленія обществъ, и полагаетъ, не безъ основанія, что проведеніе корпоративнаго строя въ среду промышленнаго населенія города Рима было сдѣлано въ видахъ облегченія взиманія новаго налога на это населеніе, введеннаго тѣмъ же Александромъ Северомъ (стр. 96). Эпиграфическія свидѣтельства сохранили намъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ корпорацій; г. Кулаковскій приводитъ данныя, относящіяся къ корпораціи виноторговцевъ, кожевниковъ, сапожниковъ и лавочниковъ. Относительно первой онъ цитуетъ надпись Willm. 2510, о которой нельзя съ опредѣленностью сказать, относится ли она ко времени до или послѣ Александра Севера. Можно было бы привести не мало данныхъ и о другихъ корпораціяхъ, какъ, напримѣръ, argentarii et exceptores itemque negotiantes vini supernat. et Arimin (С. I. L. VI. 1101), collegium fullonum (С. I. L. VI. 266, 10298, надписи весьма

Digitized by Google

любопытныя и заслуживающія подробнаго разсмотрѣнія, равно какъ и другія свидѣтельства, относящіяся къ этой коллегіи; она, между прочимъ, принадлежитъ къ тѣмъ, учрежденіе которыхъ возводится Плутархомъ ко времени Нумы), и др.

Реформа Александра Севера упрочила корпоративный строй въ средѣ промышленнаго населенія Рима. Благодаря даннымъ, которыя сообщаетъ намъ Ѳеодосіевъ кодексъ, г. Кулаковскій имѣлъ возможность изложить съ достаточною подробностью исторію двухъ торговыхъ корпорацій позднѣйшаго времени: продавцевъ мяса (преимущественно свинаго—suarii) и скота (pecuarii). Въ общемъ исторія эта имѣетъ много сходнаго съ исторіей корпораціи хлѣбопековъ и показываетъ, что государство, поддерживая въ торговлѣ и промышленности корпоративное начало, имѣло въ виду полную монополизацію промысловъ, которая продолжалась вплоть до V вѣка, когда корпорація ослабѣли подъ гнетомъ ложившихся на нихъ тягостей въ смутную пору германскихъ нашествій.

Оканчивая изложеніе фактовъ по исторіи института collegium въ сферѣ экономической жизни города Рима, авторъ слѣдующимъ образомъ очерчиваетъ ходъ этого развитія въ императорскомъ Римѣ: „Немногочисленныя и отрывочныя свидѣтельства писателей и надписей позволяютъ намъ все-таки видѣть общій ходъ развитія, какой приняла организація экономической жизни города Рима подъ вліяніемъ политики непосредственнаго вмѣшательства римскаго правительства въ эту сферу гражданскихъ отношеній. Участіе правительства было вызвано прежде всего тѣмъ, что оно—по старой традиціи — считало себя обязаннымъ брать на себя непосредственную заботу объ устроеніи матеріальнаго благосостоянія одной части римскаго городскаго населенія. Отсюда слѣдствіемъ было возникновеніе двухъ видовъ корпорацій, стоявшихъ въ положенія органовъ правительства.

„То были, вопервыхъ, артели рабочаго люда, вовторыхъ, привилегированныя компаніи, замѣнившія собою частныя общества откупщиковъ. Постепенно онѣ сближались между собою, положеніе корпорацій втораго вида ухудшалось, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ хлѣбопеки, сошли постепенно въ рядъ корпорацій перваго типа. Когда подъ вліяніемъ другихъ причинъ и побужденій правительство признало нужнымъ соединить въ корпораціи весь промышленный классъ римскаго населенія, то естественно было затѣмъ перенести и на эти новыя корпорація тѣ общія нормы, которыя выработала практика

Digitized by Google

въ прежнее время по отношенію къ государственнымъ артелямъ, и такое расширеніе государственной опеки надъ людьми промысла повело къ тому, что всѣ они стали съ теченіемъ времени крѣпки своему ремеслу. При скудости нашихъ источниковъ по вопросамъ о жизни низшихъ классовъ римскаго общества, многое остается неяснымъ и темнымъ; но тѣмъ не менѣе мы въ правѣ признать для послѣднихъ вѣковъ имперіи организацію промысловыхъ людей города Рима довольно близкою къ цеховому строю, господствовавшему въ городскихъ общинахъ западной Европы въ средніе вѣка".

Все вышеочерченное содержаніе труда г. Кулаковскаго было посвящено коллегіямъ города Рима. Авторъ строго держался въ намѣченныхъ имъ предѣлахъ и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ привлекалъ къ сопоставленію данныя, относящіяся къ коллегіямъ внѣ-римскимъ и внѣ-италійскимъ. Въ приложеніи къ своему труду онъ сообщаетъ данныя, касающіяся трехъ коллегій, о которыхъ упоминаютъ надписи италіанскихъ и провинціальныхъ городовъ, коллегій, объединяющихся въ одно цѣлое и долженствующихъ поэтому быть разсматриваемыми вмѣстѣ: это суть коллегіи: fabrum, centonariorum, dendrofororum. Посвятить имъ особый экскурсъ побудили автора, какъ количество и качество матеріала, относящагося къ устройству и исторіи этихъ коллегій, такъ и то, что за ними авторъ признаетъ особое, своеобразное назначеніе—быть пожарными командами въ провинціальныхъ городахъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ исторію пожарнаго дѣла въ гор. Римѣ, г. Кулаковскій замѣчаетъ, что только въ немъ, да въ близкихъ къ нему портахъ, организація пожарныхъ командъ принадлежитъ правительству, въ остальныхъ же, какъ италіанскихъ, такъ и провинціальныхъ городахъ, обезпеченіе отъ пожаровъ было предоставлено горожанамъ, которые, по предположенію автора, постепенно выработали особый видъ пожарныхъ командъ, состоявшихъ изъ свободныхъ людей, соединявшихся въ общество подъ именемъ collegium (стр. 113).

Для опредѣленія той роли, которую въ различныхъ городахъ играли коллегіи fabrum, г. Кулаковскій исходитъ изъ письма Плинія къ Траяну (X. 33), гдѣ первый, послѣ страшнаго пожара, опустошившаго Никомедію, въ видахъ предупрежденія подобнаго бѣдствія, спрашиваетъ у императора позволеніе учредить коллегію fabrum изъ 150 человѣкъ, на что однако Траянъ не далъ разрѣшенія, изъ опасенія, чтобъ эта коллегія не превратилась въ политическую этерію. Значеніе коллегіи fabrum, какъ пожарной команды, признавалось и другими учеными,

Digitized by Google

но только они не были такъ послѣдовательны, и если можно выразиться, такъ исключительны, какъ нашъ авторъ, потому что приписывали этой коллегіи и другія стороны дѣятельности.

На сколько правъ въ своей исключительности г. Кулаковскій—сказать трудно, такъ какъ дошедшія до насъ надписи, въ которыхъ упоминается объ этой коллегіи, не даютъ никакихъ указаній на дѣятельность ея членовъ; единственное свидѣтельство аквилейской надписи (C. I. L. V. 908) о dolabrarius collegii fabrum можетъ подлежать различнымъ толкованіямъ.

Г. Кулаковскій воспользовался весьма добросовѣстно эпиграфическимъ матеріаломъ, указывающимъ на составъ и внутреннюю организацію коллегіи. Прибавить къ сообщаемымъ имъ даннымъ можемъ лишь весьма немного. Изъ только что приведеннаго мѣста Плинія мы видѣли, что на учрежденіе коллегіи требовалось разрѣшеніе императора; но это не былъ единственно возможный путь, потому что это разрѣшеніе давалось и сенатскимъ указомъ; свидѣтельствомъ этому служитъ надпись самнитскаго города Casinum (I. R. N. 4243), въ которой упоминается collegium fabrum quib(us) ex S. C. coiere licet.—Сл. C. I. L. V. 1881 (Cemenelum, нынѣ Cimello, въ Alpes Maritimae): collegia III quibus ex S. C. coire permissum est. Въ числѣ условій, требовавшихся для поступленія въ коллегію, былъ, между прочимъ, и денежный взносъ (свидѣтельство объ arca коллегіи приведены авторомъ на стр. 124), отъ котораго (вѣроятно, по опредѣленію corporati) нѣкоторые вступающіе могли быть освобождаемы: immunes recepti in colleg. fabrum читаемъ на одной Мантуанской надписи (C. I. L. V. 4048). Коллегія имѣла свой значекъ или штандартъ, который носился въ торжественныхъ процессіяхъ опредѣленнымъ лицомъ: vexillifer, память о которомъ сохранила одна дакійская надпись (eph ep. II. p. 316 сл. C. I. L. III, 1583). Изъ лицъ, составлявшихъ бюро коллегіи, сверхъ приведенныхъ г. Кулаковскимъ, упомянемъ principales, которыхъ въ коллегіи было нѣсколько (C. I. L. III, 1210 Apulum Daciae), и magister officiorum (C. I. L. V. 5310. Comum.). Наконецъ, приведемъ слѣдующую загадочную надпись, относящуюся къ городу Aquincum (Alt-Ofen) въ нижней Паннонія:

J. O. M. pro. salute
Cl. Pompeius
Faustus, dec
col. Aq. aedil
II viral. praef
coll. fabr. item

que patronus
duxit coll. s. s
in ambulati
vis. V. kal Aug.
. . . .

C. I. L. III 3438.

Такое же значеніе пожарной команды видитъ г. Кулаковскій и въ коллегіи centonariorum, которая нерѣдко соединяется съ collegium fabrum. Аргументы его довольно убѣдительны, и какъ кажется, нельзя безусловно отрицать того, что и centonarii принимали участіе въ тушеніи пожаровъ [1]), но съ другой стороны, нельзя утверждать и того, чтобъ эта коллегія исключительно посвящала себя пожарному дѣлу. На невозможность такого утвержденія указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что коллегію centonariorum мы встрѣчаемъ въ самомъ городѣ Римѣ (C. I. L. VI. 7861 и сл. 9254), гдѣ пожарное дѣло было, какъ извѣстно, сосредоточено въ рукахъ vigiles, при которыхъ присутствіе второй пожарной команды, съ совершенно иною организаціей, представляется излишнимъ. При исключительномъ пониманіи centonarii, какъ пожарной команды, дѣлается затруднительнымъ объясненіе и такихъ надписей, какъ C. I. L. V. 7357 Clastidium (н. Casteggio)... colleg(io) centonar(iorum) Placent(inorum) consistent(ium) Clastidi, изъ которой видно, что мѣстомъ собранія плацентинскихъ центонаріевъ былъ городъ Кластидіумъ, находящійся на довольно значительномъ разстояніи отъ Плаценціи. Сказать съ опредѣленностью, чѣмъ именно занимались центонаріи, не возможно, за неимѣніемъ данныхъ.

Точно также нельзя указать и на сферу дѣятельности dendrophori, которые съ одной стороны являются коллегіей, имѣющею религіозный характеръ, съ другой—стоятъ въ близкой связи съ fabri и centonarii.

Благодаря нѣкоторымъ указаніямъ Θеодосіева кодекса, мы можемъ прослѣдить судьбу вышеупомянутыхъ коллегій вплоть до IV и даже до начала V вѣка, мы можемъ видѣть широкую ихъ распространенность въ западной половинѣ имперіи, но въ то же время можемъ убѣдиться, что коллегіи эти потеряли свою самостоятельность и перешли въ положеніе закрѣпощенныхъ за своимъ занятіемъ (стр. 135). По предположенію г. Кулаковскаго существованіе ихъ прекратилось въ теченіе V вѣка.

---

[1]) Подтвержденіе этому, между прочимъ, можно видѣть въ словѣ hemituliarius, въ значеніи, которое придаетъ ему *Loewe* въ *Bull. d. instituto 1881*.

Digitized by Google

Считаемъ нужнымъ закончить здѣсь отчетъ нашъ о книгѣ г. Кулаковскаго, не смотря на то, что могли бы сообщить еще не мало отдѣльныхъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ ея частностей. Полагаемъ однако, что и изъ сказаннаго можно убѣдиться, что матеріалъ собранъ авторомъ съ должнымъ вниманіемъ и въ надлежащей полнотѣ (авторъ имѣлъ возможность пользоваться нѣкоторыми томами Corpus Inscriptionum Latinarum, еще не вышедшими въ свѣтъ); отношеніе къ нему г. Кулаковскаго вездѣ разумно и осторожно, его стремленіе соединить въ одно цѣлое разрозненные факты и подвести ихъ подъ опредѣленные законы неоспоримо. Все это, взятое вмѣстѣ, отводитъ труду г. Кулаковскаго видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ, и остается пожелать, чтобъ авторъ обогатилъ ее еще многими вкладами изъ той области вѣдѣнія, которую онъ изучилъ такъ основательно.

И. Помяловскій.

Изслѣдованіе ряда вопросов по государственным древностям Аѳин, сочиненіе, награжденное золотою медалью на торжественном актѣ Императорскаго Варшавскаго университета въ 1879 году, написал *Ромуальд Стемповскій*, кандидат историко-филологических наук. Варшава. 1882.

Имя г. Ромуальда Стемповскаго до сихъ поръ не было извѣстно въ русской историко-филологической наукѣ. Трудъ, заглавіе котораго мы только что выписали, является, если не очень ошибаемся, первымъ печатнымъ произведеніемъ начинающаго ученаго. Но если оно выпущено въ свѣтъ съ такою солидною рекомендаціей, какъ золотая медаль Варшавскаго университета, и напечатано по опредѣленію совѣта этого университета, то естественно, всякій эллинистъ уже a priori будетъ предполагать, что оно заслуживаетъ болѣе или менѣе серьезнаго вниманія, или по крайней мѣрѣ, ближайшаго съ нимъ ознакомленія, особенно въ виду бѣдности нашей литературы самостоятельными учеными изслѣдованіями по греческимъ древностямъ. Поэтому небезынтересно будетъ разсмотрѣть, на сколько трудъ г. Стемповскаго оправдываетъ свою рекомендацію.

При первомъ знакомствѣ съ книгой, она производитъ невыгодное впечатлѣніе: ея неряшливая внѣшность, тяжелый языкъ, испещренный полонизмами и подчасъ неудобопонятный, ошибки противъ орѳографіи и интерпункціи, множество опечатокъ, все это съ первыхъ же страницъ весьма тяжело дѣйствуетъ на читателя. Но положимъ, что

Digitized by Google

онъ, припомнивъ пословицу „не красна изба углами, да красна пирогами", преодолѣетъ свое непріятное чувство и будетъ имѣть мужество дочитать ее до конца; вознаградятъ ли его за это долготерпѣніе и за потерю времени хотя какія-нибудь внутреннія достоинства книги, найдетъ ли онъ—говоря словами той же пословицы—въ этой избѣ хоть кусокъ свѣжаго, вкуснаго пирога? Не навязывая читателямъ готоваго отвѣта, просимъ ихъ удѣлить нѣсколько минутъ вниманія предлагаемой замѣткѣ и на основаніи ея вывести самимъ окончательное заключеніе.

Выписанное нами заглавіе книги принадлежитъ очевидно самому автору; тема, предложенная Варшавскимъ университетомъ для соисканія наградъ, по видимому, была формулирована нѣсколько иначе, именно такъ, какъ гласитъ второе заглавіе на 1-й страницѣ передъ вступленіемъ: „Изслѣдованіе древняго періода аѳинской жизни и отчасти новаго с точки зрѣнія древностей, под руководствомъ Πολιτεῖαι Аристотеля". Въ краткомъ вступленіи авторъ, давъ общую аттестацію „Политій" и выразивъ приличное случаю удивленіе и сожалѣніе, что „столь драгоцѣнное сочиненіе перешло к нам лишь в видѣ эксцерптов и ссылок лексикографов, грамматиков, схоліастов", знакомитъ читателей съ числомъ Политій, ихъ расположеніемъ, методомъ изложенія, извѣстнѣйшими собраніями фрагментовъ и пособіями къ ихъ изученію. Поименовавъ изданіе К. Мюллера въ его Fragmenta historicorum graecorum и два дополненія къ нему (Bournot и Bernays), авторъ говоритъ: „Конечно, я пользовался этим собраніем и по нему привожу фрагменты", какъ будто бы изданіе Мюллера есть какая-то каноническая книга, и послѣ него никто ничего новаго не сказалъ и даже никто Политіями не занимался. Между тѣмъ даже изъ числа тѣхъ фрагментовъ, которые приводитъ авторъ въ своей книгѣ, одинъ сдѣлался въ недавнее время извѣстенъ гораздо полнѣе, нежели въ изданіи Мюллера, и авторъ могъ бы вывести изъ него теперь нѣсколько важныхъ для себя данныхъ. (Мы приведемъ этотъ фрагментъ цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ). Другой фрагментъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ уже послѣ написанія сочиненія г. Стемповскаго, могъ быть принятъ имъ во вниманіе при приготовленіи книги къ печати.

Самый „рядъ изслѣдованій" расположенъ у автора въ десяти отдѣлахъ, изъ которыхъ каждому предпосланы фрагменты Политій, имѣющіе отношеніе къ тѣмъ фактамъ аѳинской исторіи или государственнаго устройства, которые разсматриваются въ отдѣлѣ. Кстати

Digitized by Google

замѣтимъ здѣсь же, что въ своемъ изложеніи г. Стемповскій руководствуется Аристотелемъ ни чуть не болѣе, чѣмъ другими древними авторами, такъ что приводимые фрагменты играютъ только роль вывѣсокъ къ отдѣламъ. Каждый отдѣлъ, кромѣ перваго, распадается на нѣсколько главъ, такъ что всего ихъ въ книгѣ 30 (считая за отдѣльную главу первый отдѣлъ). Въ нихъ разсмотрѣна значительная часть того, что̀ составляетъ обыкновенно содержаніе курсовъ аѳинскихъ государственныхъ древностей: вопросъ объ автохѳоніи жителей Аттики, Аполлонѣ Отеческомъ, Ѳесеѣ, родовомъ и сословномъ дѣленіи народа; взглядъ на внутреннее состояніе Аттики до Драконта; его законы, суды ефетовъ, трети, навкраріи, ихъ пританы; законодательство Солона, взглядъ на періодъ отъ Солона до Клисѳена, реформы Клисѳена; достиженіе гражданскихъ правъ, ефебы, обязанности аѳинскихъ гражданъ, литургіи, организація совѣта пятисотъ, его секретари, архонтатъ, народное собраніе, его компетенція, пробола, исангелія и пр.

Нѣтъ сомнѣнія, что столь богатое содержаніемъ сочиненіе, если только оно стоитъ на уровнѣ современнаго состоянія науки, можетъ и должно заслуживать полнаго вниманія и самой широкой распространенности, можетъ сдѣлаться настольною книгою всякаго ученаго эллиниста, всякаго преподавателя древнихъ языковъ или древней исторіи въ гимназіи, наконецъ всякаго студента-филолога. Однако уже въ этомъ самомъ богатствѣ содержанія лежитъ зародышъ недовѣрія къ труду г. Стемповскаго: дѣло въ томъ, что при современномъ развитіи историко-филологической науки на Западѣ, при множествѣ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ ея представителями каждому изъ разсмотрѣнныхъ въ трудѣ г. Стемповскаго отдѣловъ древностей, при оживленной полемикѣ, которая часто завязывается между учеными по поводу того или другаго вопроса, при всемъ этомъ намъ кажется невозможнымъ умѣстить на 229 страницахъ не особенно убористой печати не только рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій обо всѣхъ упомянутыхъ отдѣлахъ древностей, но даже и подробное изложеніе результатовъ и выводовъ, къ которымъ пришли по настоящее время по крайней мѣрѣ главные представители науки. Задача ученаго, пишущаго по-русски, при этомъ еще расширяется обязанностью быть знакомымъ и съ научными трудами соотечественниковъ, относящимися къ той области науки, которою онъ занимается. Вотъ именно съ этой-то стороны, съ точки зрѣнія современнаго состоянія науки, трудъ г. Стемповскаго показался намъ далеко неудовлетворительнымъ. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что

Digitized by Google

авторъ, получивъ отъ университета высокую награду, успокоился въ увѣренности, что его произведеніе представляетъ собою настоящій chef d'oeuvre, и издавая его въ свѣтъ чрезъ три года послѣ окончанія, нисколько не позаботился о томъ, чтобъ исправить и дополнить его на основаніи новыхъ изслѣдованій, появившихся въ свѣтъ въ этотъ промежутокъ времени, и придать ему хоть сколько-нибудь литературную обработку. Отстать на три года не Богъ вѣсть какой важный грѣхъ; но въ томъ-то и дѣло, что, читая трудъ г. Стемповскаго, какъ будто бы переносишься по крайней мѣрѣ на четверть вѣка назадъ: ученость автора почерпнута почти исключительно изъ старыхъ нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій, притомъ почерпнута безъ всякой системы; авторъ, очевидно, не давалъ себѣ труда изучить по возможности всесторонне всѣ вопросы, о которыхъ трактуетъ, а выбиралъ себѣ на удачу какого-нибудь одного главнаго руководителя между авторитетными Нѣмцами, черезъ него знакомился съ другими мнѣніями относительно даннаго вопроса и затѣмъ, не долго раздумывая, писалъ ту или другую главу. Онъ ссылается, правда, очень часто и на источники, то-есть, на подлинныя сочиненія греческихъ авторовъ, но относительно нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ этихъ ссылокъ мы могли вполнѣ констатировать, что онѣ заимствованы изъ сочиненій новыхъ ученыхъ и не провѣрены авторомъ. Знакомство автора съ нѣкоторыми, очень немногими, новѣйшими изслѣдованіями не уменьшаетъ впечатлѣнія, о которомъ мы сказали выше. Здѣсь достаточно привести одинъ только примѣръ: г. Стемповскій не знаетъ 5-го изданія Staatsalterthümer Германа, вышедшаго еще въ 1875 году, и ссылается на старыя. На одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ источниковъ для греческихъ древностей, именно на надписи, авторъ обращаетъ, сравнительно, очень небольшое вниманіе, и притомъ ничтоже сумняся цитируетъ ихъ по C. I. Graec., по видимому, не имѣя даже понятія о выходѣ въ свѣтъ трехъ томовъ Corporis inscriptionum Atticarum, а между тѣмъ въ настоящее время невозможно писать никакого изслѣдованія по аѳинскимъ древностямъ, не имѣя передъ глазами этого капитальнаго труда Кирхгофа, Кёлера и Диттенбергера, а также и новыхъ аѳинскихъ эпиграфическихъ сборниковъ: Ἀθήναιον, Mittheilungen des Deutschen Arch. Institutes in Athen и Bulletin de correspondance hellénique, въ которыхъ накопилось уже изрядное количество эпиграфическихъ документовъ (подчасъ очень важныхъ), открытыхъ въ самое послѣднее время и не попавшихъ въ Corpus.

Digitized by Google

Однако, читатели давно уже имѣютъ право упрекнуть насъ въ голословности нашихъ отзывовъ; пора приступить къ подтвержденію ихъ самимъ трудомъ г. Стемповскаго. Еще одно маленькое предупрежденіе: мы не намѣрены здѣсь вдаваться въ разборъ вопросовъ, которые изслѣдуетъ г. Стемповскій, такъ-сказать, по существу ихъ: это значило бы разбирать мнѣнія не нашего автора, а того или другаго нѣмецкаго ученаго, у котораго они заимствованы; такой разборъ не соотвѣтсвовалъ бы цѣли настоящей статьи, могъ бы завести насъ слишкомъ далеко, и кромѣ того, явился бы излишнимъ уже потому, что по многимъ отдѣламъ древностей, разсматриваемымъ въ трудѣ г. Стемповскаго, въ западной наукѣ существуютъ новѣйшія изслѣдованія, въ которыхъ старыя мнѣнія и взгляды, передаваемые г. Стемповскимъ, разсмотрѣны критически и либо опровергнуты, либо подтверждены новыми данными. Еще считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣли подъ руками далеко не всѣ тѣ источники и пособія, на которыя ссылается г. Стемповскій, и потому могли провѣрить только нѣкоторыя изъ его ссылокъ, однако на столько, чтобы составить себѣ общее понятіе объ умѣніи автора пользоваться источниками и пособіями.

Главными руководителями г. Стемповскаго при изложеніи имъ перваго отдѣла, озаглавленнаго (въ оглавленіи) „Ἴων и Ἀπόλλων Πατρῷος", были: К.-О. Мюллеръ, В. Вахсмутъ, К.-Фр. и Год. Германы, Шёманъ, Эрнстъ Курціусъ и др. Самому г. Стемповскому принадлежитъ въ этомъ отдѣлѣ только нѣсколько прекурьезныхъ ошибокъ. Такъ, на стр. 9-й и сл. авторъ силится доказать, что племя, вторгшееся въ Аттику съ Ксуѳомъ во главѣ и занявшее Аттическое четвероградіе, было дорическое, а не іоническое. Всѣ доказательства заимствованы имъ изъ Dorier К.-О. Мюллера и изъ Opuscula acad. Шёмана (т. I стр. 156). Главнымъ доказательствомъ служитъ то, что Ксуѳъ водворилъ въ Аттикѣ культъ Аполлона Отеческаго (πατρῷος), а культъ Аполлона былъ по преимуществу дорическимъ, и „всюду, гдѣ в Греціи существовал этот культ, можно прослѣдить, что он был занесен туда Дорянами". Между прочимъ „в самой Аттикѣ есть нѣсколько мѣстностей, гдѣ культ Аполлона внесен туда Дорянами(,) какъ Thorikos, Throezenae, Taenaron и др.". Смѣемъ увѣрить читателей, что выписка сдѣлана нами дословно. Если они не вѣрятъ своимъ глазамъ или думаютъ, что это случайно вкравшаяся ошибка, то пусть раскроютъ книгу г. Стемповскаго еще на страницахъ 11 и 13; на первой изъ нихъ они прочтутъ: „Іон покровительствовал культу

Аполлона, занесенному в Аттику, с одной стороны, Дорянами из Тетраполиса, с другой Критскими моряками в Thorikos, Taenaron, Throezenae". На второй: „Въ Өорикѣ, Трезенѣ, Тенарон, Зостерѣ, в самих Аөинах, в Тетраполидѣ находилось много храмов сіяющаго сына Зевса и в них приносились возлюбленныя [!] ему жертвы". Безъ сомнѣнія, никто изъ читателей не слыхивалъ, чтобы въ Аттикѣ существовали мѣстности, называемыя „Throezenae" и „Taenaron", и потому является очень естественное недоумѣніе, откуда могъ ученый авторъ почерпнуть столь важныя историко-географическія свѣдѣнія,— недоумѣніе извинительное тѣмъ болѣе, что авторъ, въ другихъ случаяхъ обильно уснащающій свое произведеніе ссылками и цитатами, тутъ какъ разъ измѣнилъ своему обычаю и такимъ образомъ взялъ Throezenae и Taenaron на свою отвѣтственность. Ларчикъ, по обыкновенію, открывается очень просто: г. Стемповскій открылъ свою Америку (виноватъ: Throezenae и Taenaron въ Аттикѣ) въ слѣдующей фразѣ К.-О. Мюллера (Dorier т. I стр. 228): „Andere Strahlen treffen auf mehrere Punkte des Europäischen Griechenlands; Kretische Anlander pflanzten auch hier auf Vorgebirge und Landesenden den Zweig des Lorbeers, namentlich in **Trözen**, **Tänaron**, **Megara** und **Thorikos**". Остается только удивляться, какъ это г. Стемповскій не перемѣстилъ и Мегары куда-нибудь на восточный берегъ Аттики!

Приведенный примѣръ, думаемъ, болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы судить о степени знакомства г. Стемповскаго съ древнею географіей и топографіей. Есть, однако, въ его книгѣ и другія прелести въ томъ же родѣ, которыя кстати будетъ привести здѣсь же. На стр. 25 авторъ, описывая устройство поверхности Аттики, между прочимъ говоритъ: „Διαχρία, выше мыса Киносура (слѣдовало бы: Киносуры), от гор. Πεντέλικος и Παρνέθης (sic!!)—к Евбейскому морю, оканчиваясь при Оропіи. Четвертая часть, имя которой не извѣстно, от гор. Пентелика и Парнета по направленію к 'Αχτή, до горы Брилесса". Какъ не сказать спасибо автору за столь важное открытіе! До сихъ поръ вѣдь всѣ думали, что Πεντελιχὸν ὄρος и Βριληττός—одно и то же [1]).

На стр. 79 авторъ, говоря о судилищахъ ефетовъ, утверждаетъ, что „Πρυτανεῖον лежало вначалѣ в срединѣ города, в сѣверо-восточ-

[1]) Доказательства, полагаемъ, не нужны; если же авторъ не повѣритъ намъ на слово, то пусть справится, напримѣръ, въ *Pauly's* Real-Encyclop. подъ сл. Attika, Brilessus, Pentelicus mons, или въ *Bursian's* Geographie von Griechenland, I, стр. 253.

Digitized by Google

ной части Акрополиса, и в наше [2]) время оно там находилось", ссылаясь при этомъ на Павс. I, 18, 3. Но Павсаній въ указанномъ мѣстѣ описываетъ не самый Акрополь, а ближайшую къ нему мѣстность съ сѣвера. Если слѣдовать г. Стемповскому—подумали мы,—то придется помѣстить на самомъ Акрополѣ и улицу треножниковъ (Τρίποδες по обыкновенной ороографіи, а по новому правописанію г. Стемповскаго на стр. 77—Τριπόδης), начинавшуюся ἀπὸ τοῦ Πρυτανείου по показанію Павс. I, 20, 1, да кстати уже и святилища Діоскуровъ и Аглавры. И что же? Наша мысль нашла себѣ отчасти подтвержденіе на стр. 162, гдѣ мы прочитали, что ефебъ „представлялся народу в театрѣ, во время экклезіи, и оттуда шел в находившееся на Акрополисѣ святилище (рощу) богини Ἄγραυλος (дочери или жены Кекропся), гдѣ он слагал присягу, звучавшую слѣдующим образом" и т. д. Такимъ образомъ книга г. Стемповскаго производитъ огромный переворотъ въ топографіи Аѳинъ и навѣрное сдѣлалась бы Epoche machend, какъ говорятъ Нѣмцы, еслибъ эти топографическія новинки имѣли своимъ основаніемъ что-нибудь иное, кромѣ полнѣйшаго незнакомства автора съ элементарными сочиненіями по древней географіи и топографіи.

Возвратимся, однако, къ первому отдѣлу разбираемой книги. Переселеніе Дорянъ въ Аттику нужно было автору только для того, чтобъ имѣть возможность сказать, что „часть их ушла с Гераклидами в Пелопоннес [3]), другая же часть слилась с коренным населеніем Аттики и вновь прибывшими Іонянами, так что совсѣм исчезла, оставив в память по себѣ лишь культ Аполлона" (стр. 10). Слѣдовательно, въ концѣ концовъ выходитъ вотъ что: культъ Аполлона водворенъ былъ въ Аттикѣ Ксуѳомъ; культъ былъ дорическій, значитъ, Ксуѳъ былъ Доріецъ. Съ другой стороны, въ Аттикѣ нѣкогда жили Доряне, и исчезнувъ, оставили въ память по себѣ культъ Аполлона; значитъ, культъ былъ дорическій. Каковъ circulus in probando!

Покончивъ съ Дорійцами въ Аттикѣ, авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, откуда явились въ Аттику Іонійцы? Еще раньше, на стр. 8, онъ заявилъ, что они явились не изъ Малой Азіи, какъ ду-

[2]) По контексту рѣчи можно понять, что «наше время» обозначаетъ до-Солоновскій періодъ исторіи аѳинскаго государственнаго устройства, разсматриваемый авторомъ на предшествующихъ страницахъ.

[3]) Въ подтвержденіе этого авторъ ссылается на Страб., VIII, 371, но ошибочно было бы думать, что онъ самъ нашелъ показаніе Страбона: эта *невѣрная* ссылка заимствована изъ *Шёмановыхъ* Opusc. acad., I, стр. 156, пр. 18.

маетъ Э. Курціусъ (но въ опроверженіе мнѣнія Курціуса не приведено рѣшительно ничего, кромѣ ссылки на Шёмана, Op. acad. I, p. 151); на стр. 10, непосредственно послѣ выше цитированной нами фразы авторъ продолжаетъ: „По этому Іоняне не прибыли в Аттику из Өессаліи. Они пришли туда из Ахеи, с побережья, называемаго Αἰγιαλεός", подтверждаетъ это мнѣніе ссылками на Павс. VII, 1, Герод. VII, 94 [1]) и Аполлод. Библ. I, 73 и затѣмъ, раздѣляя мнѣнія Шёмана, В. Вахсмута, К.-Ф. Германа и др., находитъ, что „можно признать вѣрным слѣдующее: „Іоняне по вторженіи Гелленов в Грецію занимали все пространство Пелопоннеса. Ахейцы, тѣснимые Дорянами, удалились на сѣверо-восток и оттѣснили в свою очередь Іонян в Эгіалей. Когда же Доряне начали сильнѣе давить на Ахеян, эти послѣдніе узнали [исправленная самимъ авторомъ опечатка вм. изгнали] Іонян из Эгіалея и заняли всю эту страну, названную от них имени Ахайой. Изгнанные Ахеянами Іоняне отправились под начальством Іона в Аттику" и т. д. Признаемся, мы рѣшительно не могли понять изъ приведенныхъ строкъ, какъ авторъ представляетъ себѣ перемѣщенія племенъ. Если Іонійцы занимали все пространство Пелопоннеса, то значитъ, Ахейцевъ въ Пелопоннесѣ не было; гдѣ они жили и на сѣверо-востокъ какой страны удалились, будучи тѣснимы Дорійцами,—этого изъ словъ г. Стемповскаго не видно; между тѣмъ вдругъ оказывается, что они оттѣснили Іонійцевъ въ Эгіалей; какимъ же образомъ—спрашивается—могли они, удалившись на сѣверо-востокъ (допустимъ даже, что Пелопоннеса), оттѣснить Іонійцевъ со всего Пелопоннеса? Все это положительно не понятно.

Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ, объясняющихъ вкратцѣ исторію занятія Аттики Іонійцами и выселенія к Іоній, нельзя не отмѣтить слѣдующихъ курьозовъ: 1) „Преданіе записало, что сам Іон был сыном Ксуөа, то-есть, Аполлона" и т. д. Преданіе ничего не записываетъ, г. Стемповскій, у него нѣтъ ни рукъ, ни перьевъ или карандашей. 2) „За господства Іона (не царствованія, так как, в источниках об нем, не прилагается ему титул βασιλεύς(,) а στρατάρχης) в Аттикѣ, с вторженіем Ксуөа в Тетраполиду, накопилось столь много народа" и т. д. Ср. стр. 110: „Призваніе Эпименида и изгнаніе Алкмеонидов случились уже за архонства Солона". Очевидно, что

[1]) Ссылка на Геродота заимствована изъ *Шёмана*, Opusc. acad., I, стр. 154, и не провѣрена по подлиннику. Это достаточно доказывается тѣмъ, что у г. Стемповскаго стоитъ *та же самая* опечатка (не исправленная) 'Αχαιτίην вмѣсто Αχαιίην, что и у Шёмана.

Digitized by Google

предлогъ за съ род. падежемъ слѣдуетъ понимать въ значеніи „во время", но въ любомъ учебникѣ русской грамматики г. Стемповскій можетъ прочитать, что въ русскомъ языкѣ этотъ предлогъ съ родительнымъ падежемъ не соединяется. Кромѣ того, если Іонъ по преданію, былъ сыномъ Ксуѳа (роднымъ или пріемнымъ, это безразлично), то какимъ образомъ Ксуѳъ могъ вторгнуться въ Тетраполиду (аттическую) уже „за господства" Іона въ Аттикѣ? 3) Часть Іонянъ „отправилась на острова Эгейскаго моря и на восточныя его прибрежья и там основала свои колоніи, то-есть, множестю [?] городов с одноплеменным населеніем: Μίλητος, Ἔφησος, Ἔρυθραι и др., которые потом всѣ образовали одну страну, Іонію". Интересно было бы знать, откуда г. Стемповскій взялъ свою орѳографію названій двухъ изъ упомянутыхъ городовъ? На сколько намъ извѣстно, эти названія до сихъ поръ писались Ἔφεσος и Ἐρυθραί. Очень интересно также данное авторомъ объясненіе слова „колонія": по этому объясненію любой городъ можно признать колоніей всякаго другаго съ одноплеменнымъ населеніемъ. Наконецъ, судя по приведенной фразѣ, г. Стемповскій думаетъ, что острова Эгейскаго моря тоже входили въ составъ Іоніи.

Далѣе на стр. 13—16 авторъ разбираетъ вопросы о томъ, откуда явился въ Аттику культъ Аполлона, и о миѳологическомъ значеніи этого божества. Это—путаница мнѣній, набранныхъ какъ попало изъ источниковъ и нѣмецкихъ книгъ и изложенныхъ убійственнымъ языкомъ. Стоило бы привести нѣсколько примѣровъ, но, право, жаль бумаги. Замѣтимъ только, что авторъ, придерживаясь извѣстной этимологіи Ἀπέλλων = Ἀβέλλων = Ἀϝέλιος, ссылается на Мюллера Dorier, I, стр. 303 и Преллера Mythol., I, стр. 152 (не извѣстно котораго изданія), между тѣмъ какъ Мюллеръ прямо отвергаетъ эту этимологію („Doch werden wir ihn nicht von dem Namen der Sonne, ΑϜΕΛΙΟΣ herleiten können") и принимаетъ производство отъ ἀπέλλω = ἀπείργω, точно также, какъ и Преллеръ (I² стр. 189). Въ результатѣ авторъ конечно, раздѣляетъ, всѣми признанное теперь воззрѣніе на Аполлона, какъ бога солнца; относительно значенія Аполлона Отеческаго онъ ограничивается простымъ пересказомъ мнѣнія Шёмана (De gent. Att., стр. 28, Opusc. acad., I, стр. 185), но и тутъ не можетъ обойтись безъ неточностей, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести фразу: „Аполлон πατρῷος в Аттикѣ был Аполлоном Пиѳійским, как видно изъ Демосѳена р. 274". (То же самое повторяется и на стр. 20: „Культ этого Аполлона то-есть, πατρῴου) занесен был в Аттику с острова Крита, как мы уже на то указали в предыдущем отдѣлѣ, и если этот Аполлон πα-

τρῷος считается в Аттикѣ происходящим из Дельф, то-ест, Πύθιος, то это лишь подтверждает наше мнѣніе, так как неоспоримо, что в Дельфы культ Аполлона занесен был из Крита" и т. д.). Это новое открытіе основано, намъ кажется, на невѣрномъ пониманіи словъ Демосѳена и. истолкователя ихъ, Шёмана. Въ словахъ оратора καλῶ δ'ἐναντίον ὑμῶν... τοὺς θεοὺς πάντας καὶ πάσας... καὶ τὸν 'Απόλλω τὸν Πύθιον ὃς πατρῷός ἐστι τῇ πόλει (о вѣнцѣ, § 141) мы не видимъ никакого отожествленія Аполлона Пиѳійскаго съ Отеческимъ; смыслъ ихъ тотъ, что культъ Аполлона Пиѳійскаго издревле существовалъ въ Аѳинахъ, завѣщанъ современникамъ оратора ихъ дѣдами и отцами. Шёманъ понимаетъ эти слова нѣсколько иначе, но онъ вовсе не утверждаетъ, что 'Απόλλων Πατρῷος = Πύθιος, что божество съ обоими этими прозвищами имѣло одинъ общій культъ [1]). Неужели г. Стемповскому не извѣстно, что въ Аѳинахъ были отдѣльные храмы 'Απόλλωνος Πατρῴου и 'Απ. Πυθίου, что при каждомъ изъ нихъ былъ особый жрецъ и пр.?

Второй отдѣлъ книги г. Стемповскаго раздѣленъ на 5 главъ, изъ которыхъ въ первой разсмотрѣны преданія о Ѳесеѣ, а въ слѣдующихъ, послѣ краткаго географическаго обзора Аттики (изъ котораго мы имѣли случай привести маленькій образчикъ),—раздѣленіе народа на сословія и партіи, фратріи и роды. Отдѣлу предпосланы три фрагмента „Политій" Аристотеля, именно изъ Plut. Thes., c. 25, Schol. Plat. Axioch., p. 465 Bekk. и Harpocr. s. v. Τριττύς. Г. Стемповскому осталось неизвѣстнымъ, что второй изъ этихъ фрагментовъ оказался въ гораздо болѣе полномъ видѣ въ Патмосскихъ схоліяхъ къ Демосѳену, недавно изданныхъ Саккеліономъ въ Bulletin de correspondance hellénique, т. I (1877), стр. 1—16 и 137—155 [1]). Что особенно важно, этотъ схоліастъ сохранилъ намъ подлинныя слова

---

[1]) Вотъ слова *Шёмана* (Opusc. acad., I, стр. 331): «Neque illud eorum (h. e. doctorum theologorum) fidem elevare potest, quod a Demosthene aliisque hunc auctorem sequutis Pythium Apollinem πατρῷον Atheniensium vocari videmus. Quippe non plures Demostheni Apollines esse videbantur, quemadmodum theologis, sed deus unus idemque custos Athenarum et πατρῷος Pythiique oraculi praeses, quamvis multis cognominibus invocaretur et parentes quoque eius alii fortasse alibi dicerentur». Весьма кстати приводитъ при этомъ Шёманъ извѣстную надпись C. I. Gr., № 465, въ которой соединены 6 прозвищъ Аполлона, въ томъ числѣ и оба разсматриваемыя нами.

[1]) Въ русской филологической литературѣ этимъ схоліямъ посвящена статья *Н. В. Никитина* въ III томѣ *Извѣстій* Нѣжинскаго историко-филологическаго института кн. Безбородко.

Digitized by Google

Аристотеля. Поэтому читатели, думаемъ, не посѣтуютъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь цѣликомъ этотъ отрывокъ сколій, въ виду того, что сборникъ, въ которомъ онѣ напечатаны, далеко не у всѣхъ можетъ быть подъ руками.

(Стр. 152). Γεννῆται· [1]) πάλαι τὸ τῶν Ἀθηναίων πλῆθος, πρὶν ἢ Κλεισθένη διοικήσασθαι τὰ περὶ τὰς φυλάς, διῃρεῖτο εἰς γεώργους καὶ δημιουργούς. Καὶ φυλαὶ τούτων ἦσαν δ', τῶν δὲ φυλῶν ἑκάστη μοίρας εἶχε γ', ἃς φατρίας καὶ τριττύας ἐκάλουν· τούτων δὲ ἑκάστη συνειστήκει ἐκ τριάκοντα γενῶν, καὶ γένος ἕκαστον ἄνδρας εἶχε τριάκοντα τοὺς εἰς τὰ γένη τεταγμένους, οἵτινες γεννῆται ἐκαλοῦντο, [ἐξ] [2]) ὧν αἱ ἱερωσύναι ἑκάστοις προσήκουσαι ἐκληροῦντο, οἷον Εὐμολπίδαι καὶ Ἐτεοβουτάδαι, ὡς, ἱστορεῖ ἐν τῇ Ἀθηναίων πολιτείᾳ Ἀριστοτέλης λέγων οὕτως· „Φυλὰς δὲ αὐτῶν συννενεμῆσθαι δ', ἀπομιμησαμένων [3]) τὰς ἐν τοῖς ἐνιαυτοῖς ὥρας· ἑκάστην δὲ διῃρῆσθαι εἰς τρία μέρη τῶν φυλῶν, ὅπως γένηται τὰ πάντα δώδεκα μέρη, καθάπερ οἱ μῆνες εἰς τὸν ἐνιαυτόν· καλεῖσθαι δ' αὐτὰ τριττῦς καὶ φατρίας· εἰς δὲ τὴν φατρίαν τριάκοντα γένη διακεκοσμῆσθαι, καθάπερ αἱ ἡμέραι εἰς τὸν μῆνα· τὸ δὲ γένος εἶναι τριάκοντα ἀνδρῶν". Конецъ статьи схоліаста можно и не приводить.

Преданія о Θесеѣ изложены у г. Стемповскаго вообще довольно полно и обстоятельно, но онъ придаетъ имъ, намъ кажется, уже черезчуръ много историческаго значенія. По взгляду автора, „Тезей—это одна из тѣх миѳических личностей, которым приписаны великіе подвиги, представляющіе в большинствѣ случаев символическим образом то, что̀ дѣйствительно случилось, тѣ перемѣны, реформы, которыя дѣйствительно произошли, но о которых потомки забыли, кто их ввел(,) и желая похвалиться древностью своего рода и племени(,) приписали их миѳическим личностям, жившим в незапамятное время". Сообразно съ такимъ взглядомъ, авторъ чуть не въ каждой сказкѣ о Θесеѣ находитъ указанія на дѣйствительно совершившіяся событія, а нѣкоторымъ изъ нихъ приписываетъ даже пророческое значеніе. Такъ напримѣръ, преданіе объ очищеніи Θесеемъ Аттики отъ разбойниковъ и чудовищъ указываетъ г. Стемповскому на то, что „древнюю Аттику раздирали междоусобія, что она состояла из многочисленных[?] независимых городов, между которыми возникали войны, происходили битвы, засады, нападенія" (стр. 19). Особенно сильно

---

[1]) У *Сакккеліона* γεννηταί (изъ ms.?); поправка сдѣлана *Риманомъ*, ibid. стр. 193.

[2]) Дополн. Римана, стр. 190.

[3]) Конъектура Римана; въ ms. ἀπὸ τῶν μισθωσαμένων.

Digitized by Google

враждовали съ Аѳинянами Паллантиды. „Но Тезей их побѣдил и жителей их демов заставил переселиться в Аѳины, как вообще он поступал со всѣми покоренными демами(,) что, конечно, сдѣлало Аѳины многолюдным и большим [?!] городом и в память чего Аѳиняне праздновали т. наз. Συνοίκια или Συνοικέσια, по Плутарху Μετοίκια (незадолго до установленія Панаѳенеев)". Не извѣстно, откуда заимствовалъ авторъ это послѣднее свѣдѣніе (повторенное и ниже, на стр. 24). Ѳукидидъ (II, 15) и Плутархъ (Ѳес., 24), на которыхъ онъ ссылается, ничего не говорятъ о томъ, чтобы Συνοίκια были учреждены раньше Панаѳенэй, и притомъ незадолго. Напротивъ, Паросская хроника (C. I. Gr. № 2374), источникъ болѣе древній, нежели Плутархъ, прямо приписываетъ учрежденіе Панаѳенэй Ерихѳонію, жившему $2^1/_2$ столѣтіями раньше Ѳесея, и это воззрѣніе вполнѣ раздѣляется такимъ знатокомъ религіозныхъ древностей Аттики, какъ Августъ Моммзенъ [1]).

Преданіе о путешествіи Ѳесея на Критъ и убіеніи Минотавра имѣетъ въ глазахъ г. Стемповскаго весьма важное значеніе потому, что указываетъ на древнія сношенія Аттики съ Критомъ и „таким образом бросает свѣт на характер и происхожденіе культа того Аполлона, котораго Іоняне сдѣлали своим богом покровителем и πατρῷος" (стр. 20). Рѣшительно не понимаемъ, при чемъ тутъ культъ Аполлона, да еще не какого-нибудь другаго, а именно Отеческаго. Въ преданіи о Минотаврѣ, сколько помнится, Ἀπόλλων πατρῷος не играетъ никакой роли. Преданіе о дани, платимой Миносу, кажется г. Стемповскому важнымъ еще и въ томъ отношеніи, что указываетъ на древнее господство Критянъ на морѣ и подтверждаетъ такимъ образомъ разказы Геродота, Ѳукидида и Аристотеля о морскомъ могуществѣ Миноса. Пора бы, кажется, перестать слѣпо вѣрить каждому слову древнихъ авторовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о миѳическихъ временахъ: и Геродотъ, и Ѳукидидъ, и Аристотель знали объ этихъ временахъ тѣ же сказки, которыя извѣстны и намъ, и которымъ можно довѣрять ровно столько же, сколько нашимъ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ, Святогорѣ богатырѣ или Микулѣ Селяниновичѣ.

Преданіе объ основаніи Ѳесеемъ Делосской амфиктіоніи, по словамъ г. Стемповскаго, тоже очень важно: „Оно указывает на то,

---

[1]) Heortologie, стр. 84 сл. Ср. комментарій Бёка къ Паросской хроникѣ, C. I. Gr., т. II, стр. 312, также *K. F. Hermann*, Gottesd. Alterth.[2] § 54, 9 сл.; *G. Gilbert*, Handbuch d. Griech. Staatalterthümer, т. I (Leipzig 1881), стр. 106, пр. 3, и др.

Digitized by Google

что эта амфиктіонія имѣла іонское происхожденіе или, что тоже, что Іоняне сиздавна распространились по Эгейскому морю. Вмѣстѣ с тѣм из того уже видно будущее морское господство Аѳинян, которые стараются ослабить Критское господство на Эгейском морѣ и заводят связи с Цикладами (,) которыя потом в классическія времена, времена процвѣтанія Аѳин, всѣ почти стали союзниками Аѳинян" (стр. 21) Объ „іонскомъ" происхожденіи Делосской амфиктіоніи и о распространеніи Іонійцевъ по островамъ Эгейскаго моря хорошо извѣстно и безъ разсматриваемаго преданія. Кромѣ того, нужно замѣтить, что ни у Плутарха (Ѳес. 21), на котораго ссылается авторъ, ни у Павсанія, VIII, 48, 2, слово „амфиктіонія" не упоминается, а говорится только, что Ѳесей устроилъ на Делосѣ состязаніе для своихъ спутниковъ.

Въ сказаніи о борьбѣ Ѳесея съ амазонками г. Стемповскій видитъ то борьбу солнца съ луною (стр. 22), то борьбу съ чуждыми религіозными вѣрованіями (стр. 23), но кромѣ того, ему нравится и мнѣніе Укерта, что эта борьба—„предчувствіе и авангард той гигантской борьбы Востока с Западом, которая так сильно вспыхнула потом, въ V столѣтіи" (ibid.) Помилуй Богъ, какое богатство пророчествъ и прообразованій!

Заключая главу преданіемъ о συνοικισμός, авторъ и тутъ не удержался отъ неточности: онъ говоритъ, что Страбонъ называетъ изъ Филохора всѣ двѣнадцать общинъ, соединенныхъ Ѳесеемъ, тогда какъ двѣнадцатое названіе Φάληρος только дополняется новыми учеными.

Читатели согласятся, вѣроятно, что чтеніе 24-хъ страницъ, написанныхъ такимъ языкомъ, образчики котораго приведены нами въ цитатахъ, и чуть не на каждомъ шагу свидѣтельствующихъ о плохомъ знакомствѣ автора съ предметомъ, о которомъ онъ взялся толковать, могло бы отбить всякую охоту знакомиться дальше съ его „ученымъ" произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе мы, памятуя Варроновское „neque in bona segete nullum est spicum nequam, neque in mala non aliquid bonum", съ любопытствомъ приступили къ тѣмъ страницамъ, гдѣ авторъ, выбравшись изъ миѳологическихъ трясинъ, вступилъ на болѣе твердую историческую почву. Авось либо здѣсь г. Стемповскій чувствуетъ себя болѣе въ своей тарелкѣ, думали мы. Но, увы, въ первыхъ же строкахъ нашимъ ожиданіямъ нанесенъ былъ жестокій ударъ уже приведеннымъ курьезомъ о Пенteликѣ и Брилессѣ или такими странными выраженіями, какъ: „в значительном сте-

Digitized by Google

пени"; „занимались скотоводствой и охотою" (стр. 26); „'Αργαδεῖς (вм. 'Εργαδεῖς, ἄργος=ἔργος=работа)"; „τελέοντες—то-же, что οἱ τὰ τέλη ἔχοντες, т. е. платящіе подати" (стр. 27) и т. п.

Разсматривая во 2-й главѣ II-го отдѣла дѣленіе на 4 филы, г. Стемповскій, не удостоивая вниманіемъ различныя гипотезы, высказанныя учеными объ этомъ дѣленіи, безъ дальнѣйшихъ околичностей принимаетъ то воззрѣніе, по которому это раздѣленіе основано было на различіи образа жизни и занятій, обусловленномъ устройствомъ поверхности Аттики. Авторъ особенно подробно останавливается на названіи γελέοντες съ его варіантами (τελέοντες, γεδέοντες) и между прочимъ осчастливливаетъ Бёка согласіемъ съ его мнѣніемъ, что извѣстному показанію Страбона (VIII, p. 383) объ ἱεροποιοί не слѣдуетъ слишкомъ много довѣрять. Относительно значенія названія γελέοντες авторъ слѣдуетъ толкованію Плутарха (γελέοντες=γεωργοί) и только мимоходомъ, въ подстрочномъ примѣчаніи, приводитъ другое объясненіе, по которому γελέοντες=illustres, splendidi (авторъ ссылается при этомъ только на ст. Бергка въ Neue Jahrbücher, т. LXV стр. 401); между тѣмъ это послѣднее толкованіе пріобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе приверженцевъ между знатоками древностей [1]) и уже поэтому заслуживало того, чтобъ остановиться на немъ поподробнѣе.

Въ концѣ главы г. Стемповскій самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ родовое значеніе филъ. Приводимъ цѣликомъ его аргументацію (стр. 29): „В источниках эти классы названы φυλαί. Отсюда нельзя, однакоже, заключать, что они результат родовых отношеній, подобно фратріям и родам. Потому, что я не понимаю, каким образом въ столь обширном [курсивъ въ подлинникѣ] цѣлом могла проявиться какая нибудь родовая связь, которая вѣдь свойственна болѣе тѣсным кругам. Уже во фратріях она гораздо слабѣе (,) чѣм в родах. Шире фратрій, в филах, она не могла дѣйствовать, потому что въ них не было общих, ни семейственных, ни родовых отношеній. Дѣленіе на филы было результатом различія в образѣ жизни подтвержденным государственною статистикою тогда, когда Аттика была уже объединена, так как государственное единство края является условіем возможности раздѣлить этот край статистически на части

---

[1]) Ср. *Schömann*, Griech. Alterth., I³, стр. 337; *G. Gilbert*, Staatsalterth., I стр. 109; *Stark* въ *Herman's* Alterth., I⁶, §. 95, 8 и 15, гдѣ указана и обширная литература вопроса.

Источники приписывают это дѣленіе Іону, но достаточно сказать, что только Тезей объединил Аттику" и т. д. Всякіе комментаріи къ этой тирадѣ, полагаемъ, излишни. Можно только поблагодарить автора еще за одно важное открытіе—государственной статистики при Θесеѣ. А что касается до значенія родовыхъ отношеній, то остается только пожалѣть, что г. Стемповскій не потрудился познакомиться, напримѣръ, съ „La cité antique" Фюстель-де-Куланжа; эта книга, не смотря на многія увлеченія ея автора, могла бы оказать г. Стемповскому существенную услугу для пониманія родоваго быта. И какъ это сильно сказано: „потому что я не понимаю"! Непониманіе г. Стемповскаго никому не указъ. Еще надо замѣтить, что въ этой главѣ авторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о φυλοβασιλεῖς, такъ что остается неизвѣстнымъ, откуда взялись они въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Слѣдующая глава посвящена разсмотрѣнію дѣленія жителей Аттики на сословія и партіи. Считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ ея началомъ (стр. 30—31): „Как и вездѣ, так и в Аттикѣ, существовали соціальныя различія между людьми. Они вытекают изъ естественной природы людей [а то бываетъ еще природа искусственная?] и исторіи человѣчества. В патріархальном быту отец пользовался неограниченною властію сначала в семьѣ,—потом, сдѣлавшись начальником рода—в родѣ. С возникновеніем государства эта власть сосредоточилась в руках царя. Цари, однакоже, не могли пользоваться точно такою же властью в государствѣ, как отец в семействѣ. И громадность края [?!], и многочисленность управляемых не позволяли ему [то-есть, отцу?] смотрѣть за всѣм, обо всем самому рѣшать. Он должен был брать себѣ совѣтников, которые помогали бы ему в его дѣлах и облегчали ему его труды. Конечно, такіе совѣтники были выбираемы или из царской семьи, или из болѣе богатых, ученых [?!] управляемыхъ. Так произошла знать (,) аристократія. Нѣкоторые изъ нихъ отличались в военной службѣ и получали высокія военныя должности. Другимъ богатство давало знатность. Семейства, занимавшія видное при царѣ мѣсто, важныя должности, расширялись, увеличивались" [а другія, не имѣвшія этой чести, сжимались и уменьшались?] и т. д.—Потомъ: „Рядом со знатью жил простой народ. Он состоял: 1) из туземцев, которые или не могли похвалиться славными предками, или (,) будучи бѣдными, обладая малым участком земли, всю свою жизнь проводили в насущном трудѣ для себя или

Digitized by Google

занимаясь: они т. обр. оставались позади других в умственном, даже нравственном отношеніи [значитъ, честный трудъ унижаэтъ нравственность?]; 2) из тѣх переселенцев, которые, принадлежа по большей части к числу бѣдных, причислялись к простому народу" и т. д. Все это нагорожено съ цѣлью показать, что „таким образом народ естественно раздѣлился на Эвпатридов, землевладѣльцев и работников: позднѣйшіе Аѳиняне приписали это Тезею." Далѣе авторъ задалъ себѣ вопросъ, какъ согласить дѣленіе на три сословія съ дѣленіемъ на четыре филы, и разсмотрѣвъ мнѣнія трехъ нѣмецкихъ ученыхъ—Велькера, В. Вахсмута и Шёмана (какъ будто, кромѣ ихъ, никто объ этомъ ничего не говорилъ), пришелъ къ убѣжденію, что „три упомянутых сословія существовали независимо от фил и не стоят от послѣдних ни в какой юридической зависимости" (стр. 34). О политическомъ значеніи сословій, выяснившемся изъ вновь найденнаго фрагмента папируса, содержащаго въ себѣ, по весьма вѣроятному мнѣнію Теодора Бергка [1]), отрывокъ изъ Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, г. Стемповскій, очевидно, не имѣетъ понятія. Этотъ отрывокъ изданъ былъ, правда, уже послѣ того, какъ диссертація г. Стемповскаго была написана и удостоена высокой награды; но уже именно потому, что это новый фрагментъ того самаго сочиненія великаго энциклопедиста древности, которымъ г. Стемповскій руководился—или по крайней мѣрѣ долженъ былъ руководиться—при составленіи своего труда, и притомъ такой фрагментъ, который имѣетъ тѣсное отношеніе къ разбираемымъ г. Стемповскимъ вопросамъ, онъ долженъ былъ бы быть принятъ во вниманіе при окончательной обработкѣ труда для изданія его въ свѣтъ—если бы только авторъ не полѣнился дать ему эту окончательную обработку.

Сказавъ, въ заключеніи главы, нѣсколько словъ о возникновеніи партій діакріевъ, педіэевъ и параліевъ, авторъ переходитъ, въ слѣдующихъ главахъ того же отдѣла, къ разсмотрѣнію устройства фратрій и родовъ. Выдѣляя сословія и трети, какъ не могшія быть результатами родовыхъ отношеній (τριττύς, по взгляду автора, „была чисто-статистическим дѣленіем, явившимся с извѣстною статистическою цѣлью, не первоначальным, а установленным лишь позже,

---

[1]) *Rhein. Museum*, т. XXXVI (1881), стр. 87 сл. Первый издатель фрагмента *Фр. Блассъ* (*Hermes*, т. XV, 1880 г., стр. 366 сл.) приписалъ его Ѳеопомпу. Содержаніе фрагмента и вытекающіе изъ него выводы сообщаетъ кратцѣ уже *Гильбертъ*, Staatsalterth., I, стр. 123 сл.

во времена опасности, угрожающей Эвпатридам со стороны других классов народа", стр. 39),—авторъ смотритъ, какъ на „результат родоваго дѣленія," только на фратріи, возникшія изъ родовъ вслѣдствіе того, что „подобно дитяти, мало по малу постепенно пріобрѣтающему сознаніе и начинающему понимать свои отношенія к родителям, отношенія, в которых оно до сих [?] пор стояло безсознательно,—подобно такому дитяти,—в народѣ, в родах проявляется убѣжденіе в своем существованіи [?], внутренняя мысль, пониманіе себя самаго, пониманіе кровнаго родства с другими родами" (стр. 29—40).—„С появленіем народнаго сознанія"—читаемъ мы далѣе—„каждый член семьи, рода, фратріи имѣет уже понятіе о своем единствѣ с другими сочленами семьи, рода, фратріи. Он уже понимает, что ему нужно считать себя за одно со всѣми, имѣть общіе интересы, религ. церемоніи и т. д." Такимъ образомъ возникаетъ обычное право, которое въ этомъ періодѣ нужно было „для сохраненія родственно-родовых отношеній. Потому что со временем эти отношенія ослабѣвали. Круги объединеннаго общества, родовыя цѣлыя, все расширялись во внутрь [?]: число членов все увеличивалось. Что изъ этого выходило? Ослабѣніе родственно-родовой связи". Тогда, для поддержанія расшатывающихся родовыхъ отношеній, „принципы обычнаго права, какою-нибудь личностью, появшею свое время и его нужды въ подстр. примѣчаніи: Тезей?], возводятся к значенію закона, проявляется государственное начало, политическіе элементы начинают играть важную роль,—и для сохраненія народнаго единства, весь народ раздѣляется на части, но уже с политической, государственной точки зрѣнія. Эти новыя части должны обнимать собою прежнія родовыя единицы, роды и фратріи, существованіе которых обезпечено теперь закономъ. Эти новыя части—филы". Такимъ образомъ г. Стемповскій проводитъ здѣсь новое воззрѣніе, совершенно противорѣчащее преданію, по которому дѣленіе на четыре филы существовало раньше Ѳесея (по преданію съ Іона, сыновья котораго считались эпонимами филъ), а этому послѣднему приписывается новое, независимое отъ филъ дѣленіе на сословія. Но это новое воззрѣніе ничуть не оправдывается самыми названіями филъ и сословій: въ послѣднихъ дѣйствительно видно соціальное различіе классовъ народа, различіе, для котораго необходимо, чтобы народъ составлялъ одно политическое цѣлое, тогда какъ названія филъ, основанныя на различіи образа жизни жителей Аттики, ни чуть не указываютъ на политическое соединеніе и могли

возникнуть значительно раньше его[1]). Въ самомъ дѣлѣ, для тог чтобъ извѣстная часть жителей, поселившаяся въ одной области занимавшаяся преимущественно скотоводствомъ, могла называтьс αἰγικορεῖς, развѣ нужно, чтобъ она сознавала свою политическую свя съ жителями другихъ областей, признавала своимъ владыкой одно съ ними царя и чувствовала свою зависимость отъ столицы—Аѳин Для этого вовсе не нужно было Ѳесеева синойкисма, все это могл существовать и при раздѣленіи Аттики на двѣнадцать независимых общинъ. Далѣе, какъ согласить съ воззрѣніемъ г. Стемповска тотъ исторически вѣрный фактъ, что такое же дѣленіе на фил существовало и въ другихъ іоническихъ городахъ, напримѣръ, в Кизикѣ (гдѣ, кромѣ четырехъ обще-іоническихъ филъ, были еще дв мѣстныя), Теосѣ, Томахъ? Очевидно, что это—такое же первон чальное обще-іоническое дѣленіе, какъ дѣленіе Дорійцевъ на Ὑλλεῖ Πάμφυλοι и Δυμᾶνες. Наконецъ, это воззрѣніе такъ не глубоко пр думано г. Стемповскимъ, что онъ самъ не замѣчаетъ, какъ впадаетъ в грубыя противорѣчія съ самимъ собою. Напримѣръ, на стр. 41, лиш нѣсколькими строками ниже приведенной нами тирады, онъ говорит „Каждая фратрія была третьею частію филы. Поэтому всѣх фратрі было двѣнадцать". Какъ же это такъ? Вѣдь по взгляду г. Стемпо скаго, который мы нарочно привели буквально, лишь съ небольшим сокращеніями, фратріи очевидно образовались раньше филъ, которь возникли позже лишь вслѣдствіе „ослабѣнія родственно-родово связи". Какимъ же образомъ послѣдующее по времени можетъ бы причиною предшествующаго? Сообразно своему взгляду г. Стемпо скій долженъ былъ бы сказать, что филъ было четыре потому, что фр трій было 12, а не на оборотъ. Затѣмъ еще раньше, на стр. 32, г Стемповскій задавалъ себѣ вопросъ: „какъ согласить дѣленіе на 3 со словія с первым дѣленіем на 4 филы?" Изъ этой фразы очевидн что онъ признавалъ тогда (Ѳесеево) дѣленіе на сословія болѣе поз нимъ, нежели дѣленіе на филы.

Слѣдующее затѣмъ изложеніе обязанностей и правъ фратрій свободно отъ погрѣшностей. Такъ напримѣръ, авторъ утверждаетъ н

---

[1]) Ср. *K. F. Hermann*, Staatsalt., § 67: «Auch die Gliederung der drei Ständ welche Theseus beigelegt wird, Eupatriden, Geomoren und Demiurgen, setzt ei Bürgerschaft voraus und scheidet sich dadurch wesentlich von den vorher erwäh ten Phylen und ihren Unterabtheilungen, in welchen vielmehr das Andenken d früheren Trennung nachwirkte» etc.

Digitized by Google

однократно, что Ζεὺς Ἑρχεῖος и Ἀπόλλων Πατρῷος „были общими всѣхъ фратрій богами", тогда какъ по показаніямъ нашихъ источниковъ эти божества были скорѣе общими для родовъ, а не для фратрій [1]), и только лишь недавно изъ одной незнакомой г. Стемповскому надписи сдѣлалось извѣстнымъ существованіе культа Аполлона Отеческаго въ фратріи Θερρικ[ιαδ?]ῶν [2]), подобно тому, какъ въ фратріи Ахніадовъ былъ культъ Аполлона Ебдомія [3]). Излагая, далѣе, свѣдѣнія о праздникѣ Апатурій, въ которомъ сильнѣе всего проявлялась религіозная связь фратрій, авторъ считаетъ нужнымъ упомянуть, на основаніи „Bibl. Coisl. 608", что на пирѣ въ первый день праздника (δόρπεια) „собак нельзя было приводить, так как онѣ были находимы, ὅπου μὴ δεῖ и διὰ τοῦτο были в презрѣніи." Къ чему это? Какое отношеніе имѣли собаки къ религіозной связи фратрій?—Далѣе авторъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, было ли дѣленіе на фратріи не только родовымъ, но и мѣстнымъ, разбираетъ мнѣнія Игнарры, Буттмана, Мейера и Шёмана и сначала приводитъ нѣсколько возраженій противъ принятаго ими отожествленія 12-ти фратрій съ 12-ю городами, соединенными Θесеемъ въ одно государство, а потомъ въ концѣ главы пишетъ слѣдующее: „Что между фратріями и филами существовала классификаціонная связь, доказывают географическія соображенія: в каждой из четырех частей территоріи Аттики находится три важнѣйшія [sic] города. По источникам же каждая из четырех фил дѣлилась на три фратріи. Ясна тут связь". Ясна, быть можетъ, для автора, но не для читателей, которые остаются въ недоумѣніи, какого же собственно мнѣнія придерживается авторъ и на чемъ его основываетъ.

Къ этой главѣ можно сдѣлать еще слѣдующія частныя замѣчанія. 1) На стр. 46 въ пр. 125 авторъ утверждаетъ, что „немедленное принятіе δημοποιήτων в род или фратрію может быть доказано лишь с македонскаго времени". Вопросъ о томъ, вписывались ли δημοποίητοι во фратріи и роды немедленно послѣ пожалованія имъ гражданства, долгое время былъ спорнымъ; Бёкъ, на котораго ссылается г. Стемповскій, думалъ, что они не приписывались ни къ фратріямъ, ни къ

[1]) *Hermann*, Staatsalterth.[5] § 100, 5.

[2]) *Mittheilungen d. Deutsch. Instit. in Athen*, т. II, стр. 186: [Ἱ]ερὸ[ν Ἀπόλ]λων[ος Πατρ]ῴιου φ[ρατρία]; Θερρικ... ων. Ср. комментарій Кёлера.

[3]) C. I. Gr. I, № 463. Кстати замѣтимъ, что г. Стемповскій взялъ свои ссылки на эту надпись (стр. 42, прим. 96 и стр. 46 прим. 132), по видимому, изъ вторыхъ рукъ и не потрудился свѣрить; у него въ обоихъ мѣстахъ поставлено р. 463 вмѣсто № 463.

Digitized by Google

родамъ. Но на основаніи новаго эпиграфическаго матеріала вопросъ о приинскѣ новопожалованныхъ гражданъ къ фратріямъ давно рѣшенъ утвердительно, и еслибы г. Стемповскій хотя поверхностно былъ знакомъ съ Corpus inscr. Att., то онъ навѣрное не написалъ бы приведенной фразы, такъ какъ упоминаніе о немедленной приинскѣ къ фратріямъ встрѣчается уже въ документахъ V в. до Р. Хр. и первой половины IV вѣка [1]); что же касается до родовъ, то о нихъ не упоминается ни въ одномъ изъ цитируемыхъ нами (въ подстр. примѣчаніи) документовъ, такъ что на вопросъ о немедленной припискѣ τῶν δημοποιήτων къ родамъ должно отвѣтить отрицательно.

2) Въ настоящее время извѣстно не одно только названіе фратріи (Ἀχνιαδῶν), какъ думаетъ г. Стемповскій, а три или по меньшей мѣрѣ два, если принимать вмѣстѣ съ Густ. Гильбертомъ (Staatsalt., I, стр. 200), что упоминаемое въ С. I. Att. II, № 600 κοινὸν Δυαλέων съ двумя фратріархами обозначаетъ соединенное изъ двухъ фратрій общество [2]). Третье названіе Θερρικ[ιαδ?]ῶν мы приводили уже выше.

Глава 5-я (стр. 49—61) посвящена подробному разсмотрѣнію родоваго устройства древнихъ Аѳинянъ. Вопросъ о родахъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ во всей исторіи аѳинскаго государственнаго устройства, потому что при его изученіи приходится довольствоваться скудными показаніями древнихъ грамматиковъ и лексикографовъ, не имѣя возможности провѣрить ихъ болѣе достовѣрными источниками, въ особенности относительно древнѣйшаго времени. Не мудрено поэтому, что глава, къ разбору которой мы приступимъ, вышла у нашего автора одною изъ наименѣе удачныхъ. Онъ не скрываетъ, что въ вопросѣ о членахъ рода есть трудно устра-

---

[1]) Напримѣръ С. I. Att., I, № 59 (410 г.), vs. 15 sq.: εἶναι δὲ Θρασυ[βούλωι φυλῆς τε εἶναι καὶ δήμου κ]αὶ φρατρίας ὧ[ν ἂμ βούληται κτλ.].—II, № 54 b (363 г.), vs. 10 sq.: εἶναι δὲ Ἀστυκρ[άτην Ἀθηναῖον κα]ὶ ἐκγόνους αὐτοῦ καὶ εἶνα[ι αὐτὸ: φυλῆς] ἧστινος ἂν ἀπογράψηται, [κα]ὶ [δήμου καὶ] φρατρίας, κτλ.—Ср. № 121 (338 г. и особенно Add. № 115 b (о которомъ Кёлеръ говоритъ, что «litteratura tituli tempora indicare videtur quae medium saeculum quartum proxime subsequuta sunt»), vs. 15 sq.: εἶναι Πεισιθείδην Π[ει]σιθείδου Δήλιον Ἀθηναῖον αὐτ[ὸν] καὶ ἐκγόνους αὐτοῦ — — γράψασθαι δὲ αὐτὸν δήμου κα[ὶ φυ]λῆς καὶ φρατρίας ἧς ἂν βούλητ[αι] ὧν οἱ νόμοι λέγουσιν. Изъ послѣдняго прибавленія Бюрманъ и Г. Гильбертъ (Staatsalt., I, стр. 177) заключаютъ, что доступъ въ нѣкоторыя фратріи былъ закрытъ для новопожалованныхъ гражданъ.

[2]) Гильбертъ, на основаніи Эсх. περὶ παραπρεσβ. § 147, думаетъ, что Етеобутады составляли особую фратрію.

нимыя сомнѣнія, но отнесся къ разбору сомнительныхъ пунктовъ очень поверхностно. Такъ напримѣръ, относительно τῶν δημοποιήτων авторъ вполнѣ увѣренъ, что они были записываемы немедленно въ роды; но на основаніи уже указанныхъ нами документовъ нужно сказать, что этого не было: какъ постоянно упоминаются въ нихъ фратріи, также постоянно умалчивается о родахъ.

Относительно значенія названія ὀργεῶνες г. Стемповскому извѣстны только мнѣнія Мейера (De gent. Att., стр. 24 сл.) и Шёмана (Op. acad., I, стр. 188), которыя онъ и оспариваетъ не безъ успѣха, присоединяясь самъ къ взгляду Германа (Staatsalt. § 98, 10): „Самое вѣроятное", говоритъ онъ,—„то, что в разсматриваемое нами время слово ὀργεῶνες не употреблялось в тѣсном, строго опредѣленном значеніи. Это были вообще члены религіознаго общества; таким был род,—слѣд. ὀργεῶνες употреблялось наравнѣ с геннетами [т. е. съ названіемъ γεννῆται?], не выражая при этом никакого особеннаго понятія. Впослѣдствіи же, оно могло обозначать членов религіознаго общества, основаннаго с к. н. спеціальными цѣлями: политическими (как гетеріи), или же просто для забав, увеселеній (какъ θιασοί [sic], ἔρανοι)". Эта послѣдняя фраза, что называется, безъ ножа рѣжетъ г. Стемповскаго: она доказываетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о позднѣйшихъ религіозныхъ обществахъ, которыя однако играли видную роль въ греческомъ обществѣ позднѣйшихъ временъ, и о которыхъ эпиграфическіе документы доставили намъ столько свѣдѣній, что уже десять лѣтъ тому назадъ почтенный французскій ученый г. Фукаръ имѣлъ возможность посвятить имъ цѣлое спеціальное изслѣдованіе [1]). Но и независимо отъ этого незнакомства автора съ устройствомъ позднѣйшихъ религіозныхъ обществъ, мы не понимаемъ, какъ эти религіозныя общества могли устраиваться просто для забавъ, увеселеній? Совсѣмъ иное было бы дѣло, еслибы г. Стемповскій сказалъ, что культы нѣкоторыхъ божествъ, почитавшихся въ религіозныхъ обществахъ, были соединяемы съ забавами или увеселеніями: это было бы понятно, а то вѣдь у него выходитъ, что религія и забавы одно и то же.

Коснувшись затѣмъ значенія религіозной связи въ родахъ и родовыхъ священнодѣйствій, авторъ пытается объяснить переходъ этихъ послѣднихъ въ государственныя (δημόσια), но не находитъ для

[1]) Des associations religieuses chez les Grecs. Thiases, éranes, orgéons. Par *P. Foucart*. Paris 1873.

этого никакихъ другихъ причинъ, кромѣ случайности (стр. 54). Чѣмъ могли объясняться такія случайности, какія именно ἱερά испытали такой переходъ, почему одни испытали его, другія нѣтъ,—этого авторъ не считаетъ нужнымъ объяснять; при этомъ онъ, по видимому, приписываетъ родовое происхожденіе и такимъ государственнымъ священнодѣйствіямъ, которыя родовыми навѣрное никогда не были и даже установлены лишь въ позднія, сравнительно, времена, какъ напримѣръ, жертвы Аммону и Миру (о которыхъ авторъ, кстати сказать, знаетъ не прямо изъ C. I. Gr. № 157, а черезъ посредство Мейера и Шёмана). Приводимъ цѣликомъ относящуюся сюда тираду, которую намъ кажется невозможнымъ понять иначе, или вѣрнѣе сказать, которую и вообще понять очень трудно: „Такое ἱερὸν δημόσιον могло быть тѣсно связано с государством, так, что оно было как бы общественною функціей (как нпр. впослѣдствіи религіозныя обязанности архонта базилевса, полемарха, стратегов [въ подстр. примѣчаніи: приносили жертву Аммону и Миру, ср. Meier u. Schöm., Att. Proz., p. 105], пританов и других чиновников [въ подстр. прим.: σιτῶναι, βοῶναι, ἱεροποιοί, ἐπιμεληταὶ всѣх праздников, кромѣ элевзинских]); тогда для исполненія таких ἱερωσύναι, геннеты из своей среды избирали голосованіем жрецов (ἐχειροτονοῦντο), причем дозволен был и жребій, только в числѣ кандидатов не мог находиться не геннет даннаго рода“ (стр. 54).

Далѣе у автора довольно сносно (если не говорить объ языкѣ, по прежнему тяжеломъ и то черезчуръ запутанномъ, то черезчуръ лаконичномъ) изложены проявленія религіозной общности родовъ, вопросъ о записи новорожденныхъ въ родовые списки (недоумѣваемъ, откуда взятъ авторомъ терминъ ἔγγραψις вмѣсто ἐγγραφή?), затѣмъ подраздѣленія родовъ и нѣсколько замѣчаній объ искусственности дѣленія фратрій на опредѣленное число родовъ и семействъ. Автору кажется очень вѣроятнымъ, что это дѣленіе установлено по образцу дѣленія года, и дѣйствительно, это мнѣніе получило важное подтвержденіе изъ выше приведеннаго нами отрывка Аристотелевой Ἀθηναίων πολιτεία, сохранившагося въ Патмосскихъ схоліяхъ къ Демосеену: оказалось, что это не вымыселъ какого-нибудь досужаго грамматика, а древнее мнѣніе, или принадлежащее самому Аристотелю, или уже бывшее распространеннымъ въ его время [1]).

[1]) На стр. 59 слѣдуетъ исправить ссылку на Геродота: вмѣсто I, 21 должно быть I, 32. Далѣе осталась не исправленною слѣдующая безсмыслица: «Из всѣх 360-ти дней извѣстны нам лишь имена 79-ти родов». На стр. 60 авторъ объясняетъ:

Digitized by Google

Въ слѣдующихъ затѣмъ замѣчаніяхъ г. Стемповскаго объ именахъ родовъ читатель наталкивается на слѣдующее курьезное объясненіе: [Роды назывались иногда] „по различным религіозным исполняемым в родѣ церемоніям. Γεφυραῖοι—от γέφυρα, кефисскій мост; откуда γεφυρισμός, шутки, насмѣшки: жрецы мистическаго культа Элевсинской Цереры бранили и насмѣхались с кефисскаго моста, над кѣм? неизвѣстно: это была одна из церемоній во время торжественнаго хода, из Элевзина ли в Аѳины или на оборот" (стр. 60). Въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая масса неточностей. Вопервыхъ, γέφυρα есть имя нарицательное, а не собственное, и обозначаетъ всякій мостъ, а не только кефисскій. Вовторыхъ, Γεφυραῖοι не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія ни къ кефисскому мосту, ни къ γεφυρισμοί, и уже потому не могли получить свое названіе отъ этого моста, что были не аттическаго происхожденія, а финикійскаго, и явились въ Аттику изъ Танагры [1]). Происхожденіе ихъ названія не установлено окончательно: одни производятъ его отъ названія Γέφυρα, которое, по показанію Стефана Византійскаго, носилъ въ древности городъ Танагра, другіе объясняютъ изъ финикійскаго языка [2]). Втретьихъ, въ γεφυρισμοί принимали участіе не только жрецы Деметры [эллинистъ не долженъ смѣшивать греческія миѳологическія имена съ римскими], а всѣ участники торжественной процессіи. Этимъ коротко и ясно объясняется затруднившій г. Стемповскаго вопросъ: надъ кѣмъ насмѣхались жрецы? Въ источникахъ, на которые ссылается г. Стемповскій („Strabo, IX, 400 и 613; Hesychius, I, p. 824"), нѣтъ ни слова о жрецахъ, и онъ непремѣнно замѣтилъ бы это, еслибы потрудился самолично справиться у Страбона и Гесихія; но въ томъ-то и суть, что онъ просто выписалъ цитаты изъ Германа, Gottesd. Alterth. § 55, 12, и счелъ дѣло въ шляпѣ.

Въ концѣ главы авторъ разбираетъ вопросъ объ ἀτριάχαστοι и высказываетъ мысль, что они могли явиться лишь со времени Солона, потому что только имъ было дано гражданамъ право распоряжаться своимъ имуществомъ въ завѣщаніи, а по объясненію Гесихія ἔξω

«κύρτος—рыбачья сѣть, удочка». Вопервыхъ, сѣть и удочка двѣ вещи разныя; вовторыхъ, κύρτος не значитъ ни то ни другое, а обозначаетъ плетеный изъ прутьевъ снарядъ для рыбной ловли, вятерь или вершу. См. *A. Rich*, Dictionnaire des ant. grecques et rom., trad. par *Chéruel*, п. сл. nassa.

[1]) Герод., V. 57 сл.

[2]) См. объ этомъ пространный экскурсъ *Авг. Моммзена*, Heortologie, стр. 29, прим.

Digitized by Google

τριακάδος (то же, что ἀτριάκαστοι) назывались именно οἱ μὴ μεταλαμβάνοντες παῖδες ἢ ἀγχιστεῖς κλήρου τελευτήσαντός τινος Ἀθήνησιν. Эта мысль, пожалуй, могла бы показаться вѣрною, еслибъ авторъ не упустилъ изъ виду незаконнорожденныхъ дѣтей гражданъ (νόθοι), которые, какъ извѣстно, по самой сущности аѳинскаго государственнаго устройства не считались принадлежащими къ роду отца и не имѣли правъ на наслѣдство (а получали только такъ-назыв. νοθεῖα). А развѣ νόθοι явились только со времени Солона? Да кромѣ того, г. Стемповскій забылъ, что по прямому показанію Плутарха законъ Солона касался только тѣхъ гражданъ, которые умирали бездѣтными, а при существованіи законныхъ дѣтей имущество обязательно должно было переходить къ нимъ [1]).

Слѣдующій отдѣлъ книги г. Стемповскаго посвященъ законодательству Драконта и ефетамъ. Первая глава отдѣла содержитъ въ себѣ краткій обзоръ древнѣйшаго политическаго устройства Аѳинъ и перемѣнъ въ немъ, возникавшихъ вслѣдствіе усиленія власти и вліянія сословія евпатридовъ. Авторъ вполнѣ убѣжденъ, что со смертью Кодра прекратилась въ Аѳинахъ монархическая власть, и думаетъ только (по Шёману, Op. acad., I. стр. 335), что „без возмущеній такой переворот не могъ произойти: мы должны предположить существованіе борьбы знати с царями" (стр. 65). Между тѣмъ К. І. Люгебиль, уже 15 лѣтъ тому назадъ, поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія, что пожизненные архонты были тѣ же цари, и что монархическій образъ правленія былъ отмѣненъ въ Аѳинахъ не ранѣе 752 г. до Р. Хр. и даже позднѣе [2]). Почтенный профессоръ подробно разобралъ и то показаніе Павсанія (IV, 5, 4), на которое г. Стемповскій ссылается какъ на единственный источникъ, и показалъ, что „при противорѣчіи Павсанія самому себѣ, происходящемъ отъ того, что въ различныхъ отдѣлахъ своей книги онъ пользовался безъ раз-

---

[1]) Плут., Сол. 21: Εὐδοκίμησε δὲ [Σόλων] κἀν τῷ περὶ διαθηκῶν νόμῳ. πρότερον γὰρ οὐκ ἐξῆν, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔδει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν, ὁ δ' ᾧ βούληταί τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες εἶεν αὐτῷ, δοῦναι τὰ αὑτοῦ κ. τ. λ. Ср. *Hermann*, Privatalterth. § 65. Впрочемъ изъ стр. 113 видно, что г. Стемповскій знакомъ съ этимъ показаніемъ Плутарха, но понимаетъ его весьма оригинально. Солонъ, видите ли, «уменьшил право цѣлаго рода на имущество родича и позволил всякому, *даже бездѣтному* [!!], распоряжаться по своей волѣ в завѣщаніи своим имуществом».

[2]) Историко-филологическія изслѣдованія *К. Люгебиля* (С.-Пб. 1868), стр. 1—40. То же въ 5 Suppl.-Band d. *Jahrbücher f. class. Philologie*, стр. 539 сл.

бора различными источниками для древнѣйшей аѳинской торіисиξ принимаемая этимъ писателемъ разница между царской властью и властью пожизненныхъ архонтовъ въ глазахъ людей, не лишенныхъ всякой критической способности, не можетъ имѣть ни малѣйшаго значенія" (стр. 38). Взглядъ г. Люгебиля, къ которому сначала отнеслись недовѣрчиво ученые, привыкшіе слѣдовать установившимся рутиннымъ мнѣніямъ, въ настоящее время раздѣляется и въ Германіи многими знатоками греческой исторіи и древностей, въ томъ числѣ и авторомъ новѣйшаго руководства къ изученію греческихъ государственныхъ древностей Г. Гильбертомъ (Staatsalt., I, стр. 116).

Сущность Драконтова законодательства очерчена у г. Стемповскаго, вообще говоря, довольно вѣрно, хотя и тутъ онъ не обошелся безъ курьезовъ. Такъ напримѣръ, можно было бы поздравить нумизматовъ съ новымъ важнымъ открытіемъ г. Стемповскаго—съ монетою δεκάβοιον (ст. 67), еслибъ это открытіе не основывалось, подобно, напримѣръ, Трезену и Тэнару въ Аттикѣ, лишь на непониманіи показанія Полидевка IX, 61, на которое ссылается авторъ: въ словахъ Полидевка καὶ μὴν κἀν τοῖς Δράκοντος νόμοις ἔστιν, ἀποτείνειν δεκάβοιον, какъ очевидно всякому, кромѣ г. Стемповскаго, не говорится о монетѣ съ этимъ названіемъ, и для вѣрнаго ихъ пониманія слѣдовало только прочитать двумя строками выше еще слѣдующія слова: ...καὶ δίδραχμον· τὸ δὲ παλαιὸν τοῦτο ἦν Ἀθηναίοις νόμισμα καὶ ἐκαλεῖτο βοῦς, ὅτι βοῦν εἶχεν ἐντετυπωμένον. Отсюда очевидно, что δεκάβοιον обозначаетъ только сумму денегъ, равную стоимости 10 быковъ, или что́ то же, 10 дидрахмъ [1]). Далѣе, въ обзорѣ аттическаго судоустройства и судопроизводства съ древнѣйшихъ временъ, изложеніе автора является очень запутаннымъ, между прочимъ вслѣдствіе того, что названіемъ „Ареопагъ" онъ обозначаетъ то холмъ, то собиравшійся на немъ совѣтъ (напримѣръ: „при Драконѣ на нихъ [то-есть, въ четырехъ судебныхъ мѣстахъ] засѣдали эфеты; теперь судил там, конечно, Ареопаг. Сообразно с родом дѣла он рѣшал их [кого? ефетовъ?] то на Ареопагѣ, то в Пританеѣ, то в Палладіѣ" и т. д.). Пора бы, кажется, оставить привычку употреблять названіе холма для означенія засѣдавшаго на немъ совѣта, который у Грековъ никогда не назывался Ἄρειος πάγος, а ἡ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ (или ἐξ Ἀρείου πάγου) βουλή. Авторъ принимаетъ, что суды въ Палладіи, Дельфиніи, Пританеѣ и Фреаттѣ существовали съ древнѣйшихъ временъ и находи-

[1]) Ср. *Böckh*, Staatshaush. I², стр. 104.

Digitized by Google

лись въ вѣдѣнія Ареопагитовъ, которые περιόντες ἐδίκαζον, какъ со времени Драконта ефеты. Относительно времени установленія ефетовъ, ихъ числа и производства названія авторъ не даетъ ничего такого, что не было бы извѣстно изъ нѣмецкихъ руководствъ. Онъ оспариваетъ мнѣніе К.-О. Мюллера, поддержанное въ недавнее время Людвигомъ Ланге и Филиппи, о томъ, что ефеты были установлены до Драконта, и присоединяется къ мнѣнію Шёмана и Шёлля, основанному на прямомъ показаніи Полидевка, VIII, 125; г. Стемповскій отвергаетъ также и предложенное Ланге новое производство названія ἐφέται=οἱ ἐπὶ τοῖς ἔταις ὄντες и соглашается съ производствомъ Шёмана (Op. acad. I, стр. 196) отъ ἐφίεσαν или ἐφίεντο („h. e. praecipiebant, quid de reo faciendum esset, utrum supplicio affici, an exulare, an expiari deberet").

Относительно ефетовъ и ихъ судилищъ нельзя не раздѣлять и теперь прекраснаго замѣчанія Шёмана въ началѣ его диссертаціи: De Areopago et ephetis (Op. acad. I, стр. 190): „Obscurissimus in fori Attici historia locus est de antiqua eorum iudiciorum conditione, quae de caedibus omnique illo causarum genere cognoscebant, quod communi τῶν φονικῶν nomine comprehendi solet; eaque obscuritas quum ipsa per se propter rerum vetustatem ac testimoniorum paucitatem satis magna sit, tum augetur etiam quodammodo doctissimorum quorundam virorum conatibus, qui in antiquis historiis explicandis suo potius ingenio quam veterum scriptorum auctoritate confisi commenta quaedam sagaciter excogitata speciosisque rationibis exornata in antiquae traditionis locum substituere coeperunt". Поэтому мы позволимъ себѣ не вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого отдѣла книги г. Стемповскаго. Замѣтимъ только, что относящіяся къ судилищамъ свидѣтельства древнихъ собраны г. Стемповскимъ довольно полно, хотя при обработкѣ ихъ онъ все-таки не могъ избѣгнуть нѣкоторыхъ неточностей и курьезовъ. Такъ напримѣръ, на стр. 80 онъ говоритъ: „На πρυτανεῖον питались государственные чиновники παράσιτοι [sic], важные магистраты, колякреты, βοῶνες [!!] и мн. другіе". Государственные чиновники παράσιτοι -- новая должность. Тѣмъ болѣе жаль, что г. Стемповскій, открывшій ее, не потрудился объяснить ея функціи. И это открытіе, подобно многимъ уже отмѣченнымъ нами, основано на непониманіи показаній древнихъ авторовъ, въ данномъ случаѣ —Moeris'a, котораго авторъ цитируетъ въ примѣчаніи. Очень интересно было бы еще узнать отъ автора, отъ какого слова происходитъ имен. пад. множ. ч. βοῶνες? Отъ βοῶν что ли?

Digitized by Google

Въ главѣ 4-й этого отдѣла (стр. 85—93) авторъ излагаетъ весь ходъ судебнаго процесса по дѣламъ объ убійствахъ такъ, какъ будто бы онъ былъ одинъ и тотъ же во всѣхъ судилищахъ ефетовъ, и только въ концѣ прибавляетъ оговорку, что „вышеописанный ход тяжбы, исключая то, что сказано о Палладіумѣ, относится по источникам лишь к Ареопагу. Но в виду: 1) того, что и на Ареопагѣ судили эфеты, в чем мы твердо убѣждены, 2) что Bekk., Anecd. 264, относит присягу побѣдившей стороны не только к Палладіуму, но и ко всѣм судилищам,—слѣдует заключить, что сказанное об Ареопагѣ относится и к прочим судилищам" (стр. 89). Дѣйствительно, можно думать съ большою вѣроятностью, что ходъ процесса въ остальныхъ судилищахъ въ общихъ чертахъ былъ одинаковъ съ ходомъ его на Ареопагѣ, но тѣмъ не менѣе слѣдовало бы повести изложеніе иначе,—именно изложить, какъ шло дѣло на Ареопагѣ, а потомъ прибавить, что и въ остальныхъ судахъ ходъ процесса вѣроятно былъ сходенъ [1]). Вѣдь во всякомъ случаѣ необходимо должны были существовать и отличія, зависѣвшія отъ рода дѣла, мѣста суда и другихъ причинъ. Такъ напримѣръ, при судѣ въ Пританеѣ навѣрное обѣ стороны не становились на „отдѣльные подмостки" или на камни ἀναιδείας и ὕβρεως, не давали клятвы (или, употребляя постоянное выраженіе нашего автора, „не складывали присяги") на частяхъ принесенныхъ въ жертву животныхъ и пр.—по той простой причинѣ, что отвѣтчиками въ этомъ судилищѣ являлись не одушевленные предметы. Точно также при судѣ ἐν Φρεαττοῖ едва ли могли имѣть мѣсто всѣ формальности процесса, потому что тамъ судились изгнанники, уже лишенные правъ за какое-нибудь раньше содѣянное преступленіе и не имѣвшіе даже права вступать на почву Аттики.

Слѣдующій отдѣлъ, которому предпосланъ фрагментъ изъ Фотіева лексикона подъ сл. Ναυκραρία, распадается на двѣ главы, изъ которыхъ первая трактуетъ о третяхъ и навкраріяхъ, а вторая—спеціально о пританахъ навкраровъ. У г. Стемповскаго, кажется, такъ уже заведено, чтобы въ самомъ началѣ отдѣла или главы было предподнесено читателямъ развлеченіе въ видѣ какого-нибудь курьеза. На этотъ разъ—двѣ смѣшныя опечатки, которыя сразу бросаются въ глаза, но впрочемъ исправлены самимъ авторомъ въ концѣ книги: „τριττύες были торжественны с фратріями... мы отвергли это мнѣніе, происшедшее из торжественности чисел" (стр. 94—95). Далѣе на той же страницѣ

[1]) Такъ сдѣлалъ, напримѣръ, *Г. Гильбертъ*, Staatsalt. I, стр. 366.

Digitized by Google

читатели наталкиваются на слѣдующее странное мнѣніе: „Триттіи, как обобщеніе навкраріи, существовали лишь до Клисѳена, и если впослѣдствіи встрѣчаем их, то онѣ, вѣроятно, вторично были установлены; с какою цѣлью, неизвѣстно". Тоже самое, только съ большею увѣренностью, высказывается еще разъ на стр. 143: „τριττύες, о которых мы знаем, что они были подраздѣленіями (3-ю частью) фил и состояли из четырех навкраріев до Клисѳена,—со времени послѣдняго перестали существовать. Слово τριττύς не совпадает уже с числом навкрарій. Поэтому, упоминаемыя у Демосѳена и Эсхина триттіи... были учреждены позже"... Мнѣніе это впрочемъ едва ли принадлежитъ самому г. Стемповскому: по крайней мѣрѣ оно уже задолго раньше высказано Шёманомъ, Op. acad. I, стр. 198, пр. 18: „Nimirum hoc ipsum Clisthenes novavit, ut naucrariarum cum veteribus phratriis s. trittybus coniunctionem dissolveret: triginta autem novae trittyes non dubito quin post Clisthenis demum aetatem institutae sint". Однако, это мнѣніе объ уничтоженіи третей Клисѳеномъ и ихъ возстановленіи впослѣдствіи, на сколько намъ извѣстно, не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ. Единственное, что̀ можетъ быть принято,— это уничтоженіе Клисѳеномъ связи между третями и навкраріями. Изъ извѣстныхъ по настоящее время названій третей очевидно, что послѣ Клисѳена трети каждой филы представляли собою соединеніе нѣсколькихъ демовъ и назывались по наиболѣе значительному изъ нихъ: таковы были трети: [Κερ]αμέων, Λακιαδῶν, [Ἐλε]υσινίων, Πειραιῶν, Παιανιέων, Μυρρινουσίων, Θριασίων [1]). Почти всѣ надписи, изъ которыхъ въ недавнее время сдѣлались извѣстны названія третей, принадлежатъ еще Перикловскому времени, такъ что если бы допустить уничтоженіе третей Клисѳеномъ, а не реформу ихъ, то пришлось бы признать, что онѣ были возстановлены уже очень скоро послѣ Клисѳена. Нѣкоторые изъ указанныхъ нами (въ подстр. прим.) камней съ надписями найдены въ Пирэѣ и обозначали собою, по всей вѣроятности, границы участковъ, на которые былъ раздѣленъ соразмѣрно числу третей Пирэйскій портъ для стоянки кораблей и для того,

---

[1]) C. I. Att. I, №№ 500, 502, 517; Ἀθήναιον, т. VIII стр. 292 и 528 (ср. *Mittheil. d. D. Inst.* V, стр. 85). Кромѣ того въ филѣ Пандіонидѣ была треть съ названіемъ, начинавшимся съ буквы K, слѣдовательно, Κονθυλιδῶν, Κυθηρρίων или Κυδαθηναίων, вѣроятнѣе всего послѣднимъ. *Mittheil. d. D. Inst.*, т. VII, стр. 109 Не по дему названа только треть Ἐπακρέων у *Росса*, Die Demen № VI=*Rangabé*. Ant. Hellén. II, № 448 (ср. замѣтку *Диттенбергера* въ *Hermes* т. XVI, стр. 187), да сомнительная Ῥωπῖτις у Гесихія.

Digitized by Google

чтобы каждая треть содержала въ порядкѣ свой участокъ [1]). Что касается цѣли установленія и государственныхъ функцій третей, то правда, вслѣдствіе малочисленности упоминаній о нихъ, мы лишены возможности ознакомиться съ ними ближайшимъ образомъ, но все-таки не имѣемъ права утверждать, подобно г. Стемповскому, что эта цѣль совершенно неизвѣстна. Самъ же г. Стемповскій приводитъ мѣста изъ Демосѳена, Эсхина и Платона, дающія общее понятіе о томъ, что трети служили главнымъ образомъ военнымъ цѣлямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эпиграфическихъ находкахъ мало по малу наберутся пополненія къ скуднымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ авторами. Такъ напримѣръ, одинъ изданный лишь въ прошломъ году Кёлеромъ обломокъ списка пританов 347—346 года даетъ интересное показаніе, что дѣленіе на трети иногда принималось во вниманіе и въ совѣтѣ при перечисленіи пританов, хотя пока еще не извѣстно, въ какихъ именно случаяхъ и съ какими цѣлями [2]).

Разбирая далѣе вопросъ, стоялъ ли во главѣ каждой навкраріи одинъ навкраръ, авторъ приводитъ показаніе Поллидевка (VIII, 108) καὶ δυόδεκα ναυκράριοι ἦσαν, но сейчасъ же оговаривается, что „относится ли это к нашему времени, не знаем“, и затѣмъ не высказываетъ никакого окончательнаго мнѣнія, ограничившись только сводомъ противорѣчащихъ другъ другу воззрѣній Шёмана, Г. Гильберта и Бергка. За то при разборѣ слѣдующаго вопроса, гдѣ названные ученые согласны между собою, нашъ авторъ ни чуть не затрудняется принять ихъ мнѣніе, именно, что „флот Аѳинян в до-Солоновую эпоху был очень незначителен; вышеприведенное изъ Поллукса [то-есть, VIII, 108: ναυκραρία δὲ ἑκάστη δύο ἱππέας παρεῖχε καὶ ναῦν μίαν,

---

1) Напримѣръ, 'Αθήν. VIII, с. 292: [Δ]ευρὲ Παιαν[ι]έων τριττὺς τελευτᾶι, ἄρχεται δὲ Μυρρινουσίων τριττύς.

2) *Mittheil. d. D. Inst.* VII (1882), стр. 109: [Π]ανδιονίδος π[ρυτάνεις] οἱ ἐπὶ Θεοφίλο[υ ἄρχοντος]|| στεφανωθέ[ντες ὑπὸ τοῦ δήμου] καὶ τῆς βουλ[ῆς — —]|| Παιανιέων τριττύς· [Π]αιανιεῖς καθύπερθ[ε]· (одно лицо) [Παιανι]ὲς ὑπ[έ]νερθ[ε] (сохранились имена четырехъ лицъ).—«Ich vermuthe, говоритъ Келеръ,—dass sich die Prytanen der Aegeis [rum, Pandionis] für ein mit der Trittyeneintheilung zusammenhängendes Geschäft, vielleicht die Ausrüstung einer Flotte, nach Trittyen, die ja jedenfalls in der Section vertreten waren, in drei Gruppen getheilt hatten, und dass, weil sie hauptsächlich um jenes Geschäftes willen von Rath und Volk bekränzt worden waren, auf dem in Folge der Bekränzung aufgestellten Denkmal jene Eintheilung beibehalten worden ist». Изъ новѣйшихъ изслѣдованій о третяхъ см. особенно статью *К. Шефера* въ *Mittheil.*, т. V, стр. 85 сл.

Digitized by Google

ἀφ' ἧς ἴσως ὠνόμασται] надо относит(ь) к болѣе позднему времени" (стр. 98). Но въ такомъ случаѣ какова же была цѣль учрежденія навкрарій? Вѣдь самъ же г. Стемповскій сказалъ раньше (на стр. 97), что „установленная теперь окончательно Густавом Мейером этимологія этого слова — от ναῦς и κραίνω [1]) — подтверждает Поллуксово преданіе". Объясненія, приведенныя имъ ниже, на стр. 105, мало помогаютъ дѣлу. Разсматриваемая глава заключается разборомъ вопроса о финансовыхъ обязанностяхъ навкраровъ, о значеніи упоминаемой Полидевкомъ εἰσφορά и объ Аристотелевомъ сравненіи навкрарій съ симморіями. Здѣсь на стр. 99 остались не исправленными двѣ грубыя опечатки или описки въ числахъ: 1) 418 вмѣсто 428 (годъ осады Митилены, Олимп. 88, 1) и 2) 537 вмѣсто 357 (годъ введенія тріерархическихъ симморій). Кромѣ того, надо замѣтить, что ἐκμισθοῦν и εἰσπράττειν — вовсе не одно и то же, какъ думаетъ авторъ на той же страницѣ.

Вторая глава отдѣла посвящена пританамъ навкраровъ. „Вопрос о них принадлежит к самым запутанным в греческих древностях", говоритъ авторъ, и понятно, очень мало распутываетъ его, хотя и удѣляетъ ему цѣлыхъ семь страницъ. Существенную часть главы составляетъ разборъ вопроса о времени учрежденія навкрарій и ихъ пританов. Авторъ жестоко полемизируетъ съ Г. Гильбертомъ (Die Attische Naucrarienverfassung, въ N. Jahrbücher für Phil., т. III, стр. 9 сл.), который приписалъ учрежденіе навкрарій Солону, и приводитъ противъ него множество доводовъ... изъ статьи Шёмана въ томъ же томѣ Jahrbücher, стр. 449 сл. Въ концѣ концовъ онъ считаетъ, что „в данном вопросѣ то лишь вѣрно и извѣстно, что навкрары и навкраріи возникли раньше Солона", но когда именно, авторъ затрудняется рѣшить, потому что нѣмецкіе ученые въ этомъ вопросѣ далеко еще не пришли къ соглашенію.

Этимъ отдѣломъ оканчивается первая, самая слабая половина книги г. Стемповскаго. Вторая половина, гдѣ авторъ сталъ на болѣе твердую историческую почву, изложена, вообще говоря, нѣсколько удовлетворительнѣе, хотя тоже не свободна отъ многихъ, подчасъ очень сильныхъ, промаховъ. Самый языкъ какъ-будто становится постепенно глаже и легче (впрочемъ, быть можетъ, это намъ только

[1]) Кстати замѣтимъ, что авторъ выразился тутъ не совсѣмъ точно: Мейеръ производитъ вторую часть слова ναύκραρος не отъ *глагола* κραίνω, а отъ *корня* καρ или съ метаѳезою κρα, отъ котораго происходитъ глаголъ κραίνω.

Digitized by Google

показалось потому, что мы, одолѣвъ первую половину, такъ-сказать, вчитались, привыкли къ манерѣ изложенія автора). Однако, собственно ученыя достоинства и въ этой половинѣ далеко не высокой пробы.

Въ первой главѣ отдѣла о законодательствѣ Солона, посвященной общему взгляду на предшествующее Солону время, на попытку Килона, на причины, вызвавшія реформу Солона, и на самое законодательство, читатель не найдетъ ничего болѣе того, что извѣстно любому гимназисту старшаго класса изъ его историческаго учебника, въ которомъ притомъ дѣло изложено навѣрное яснѣе и болѣе чистымъ русскимъ языкомъ, нежели у г. Стемповскаго. Вторая глава отдѣла (стр. 115—125), трактующая о Солоновомъ дѣленіи гражданъ на классы и о раскладкѣ прямой (г. Стемповскій пишетъ „непосредственной") подати, изложена почти исключительно по Бёку и Гроту, объясненіе котораго въ концѣ концовъ кажется г. Стемповскому проще и удобнѣе Бёкова. Само собою разумѣется, что, идя по слѣдамъ такихъ руководителей, нашъ авторъ не могъ надѣлать особенно крупныхъ ошибокъ, такъ что эту главу можно обойти молчаніемъ, равно какъ и слѣдующую, подробно трактующую объ ἄξονες и κύρβεις, ихъ формѣ, матеріалѣ и проч. Замѣтимъ только, что самымъ важнымъ свидѣтельствомъ противъ опровергаемаго г. Стемповскимъ (стр. 125) мнѣнія Шеллинга о томъ, что на аксонахъ были написаны исключительно законы Солона, могла бы послужить надпись C. I. A. I, № 61 (409/8 г. до Р. Хр.) [1]), въ которой, вслѣдъ за предложеніемъ Ксе[нофа]на написать на мраморной плитѣ Δράκοντος νόμον τὸν περὶ τοῦ φ[όν]ου и выставить его предъ царскимъ портикомъ, передъ текстомъ закона вырѣзано крупными буквами ΠΡΩΤΟΣΑΧΣΩΝ.

Четвертая глава этого отдѣла, озаглавленная у автора ὁ σῖτος ὁ τῶν γυναικῶν καὶ ὀρφανῶν (стр. 129—134), кажется намъ одною изъ наиболѣе удовлетворительныхъ въ его книгѣ по большей, сравнительно, самостоятельности изложенія и отсутствію особенно крупныхъ промаховъ (главными пособіями для этой главы послужили автору Meyer und Schömann, Att. Prozess, Böckh's Staatshaushaltung и Hermann's Privatalterthümer). Впрочемъ, отъ разныхъ мелкихъ погрѣшностей авторъ не уберегся и въ этой главѣ. Къ ихъ числу мы считаемъ возможнымъ отнести и ту фразу, которою начинается глава: „Брачныя отношенія у Грековъ, вслѣдствіе соціяльнаго положенія

[1]) Г. Стемповскій знаетъ эту надпись и приводитъ ее въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія по изданію *Кёлера* въ *Hermes*, т. II, стр. 27 сл.

Digitized by Google

женщин, которым не было возможно выбирать мужей по склонности— брак считался лишь финансовым дѣлом—не могли быть чѣм иным, как, что называется, malum necessarium!" Это, впрочемъ, не болѣе какъ неудачный перифразъ начала 30-го параграфа Германовыхъ Privatalterthümer, откуда заимствованы и цитированныя авторомъ показанія древнихъ. Изъ этихъ показаній стихъ Менандра врядъ ли заслуживаетъ столь серьезнаго вниманія, какое ему удѣляетъ Германъ и за нимъ г. Стемповскій: мало ли что могъ сказать поэтъ-комикъ въ припадкѣ женоненавистничества! А въ прибавленномъ Штаркомъ показаніи Плутарха De educ. puer. 19 вовсе не сказано, чтобы бракъ былъ такимъ большимъ зломъ. Считая бракъ „лишь финансовымъ дѣломъ", г. Стемповскій этимъ доказываетъ только то, что онъ не потрудился познакомиться даже съ слѣдующимъ, 31-мъ, параграфомъ „Частныхъ древностей" Германа, гдѣ религіозное значеніе брака выступаетъ очень ясно. Еще болѣе могла бы убѣдить его въ важности брачнаго союза съ точки зрѣнія религіи уже указанная нами книга Фюстель-Куланжа „La cité antique" и др. А знаете ли, читатель, что вычиталъ г. Стемповскій изъ 13-го § первой рѣчи Демосѳена противъ Афоба? Что Демосѳенъ, отецъ оратора, назначилъ своимъ сыновьямъ четырехъ опекуновъ (стр. 131, примѣч. 16). Тоже замѣчательное открытіе, въ своемъ родѣ не уступающее открытію Трезена и Тэнара въ Аттикѣ! Жаль, что г. Стемповскій не прибавилъ для полноты, сколько именно сыновей было у Демосѳена.

Мы добрались до шестаго отдѣла, въ которомъ рѣчь идетъ о реформахъ Клисѳена. Казалось бы, что эти реформы, придавшія аѳинскому государственному устройству тотъ видъ, въ которомъ оно осталось до позднѣйшихъ временъ лишь съ небольшими измѣненіями (и то подчасъ временными), достаточно извѣстны въ настоящее время изъ памятниковъ литературныхъ, и особенно эпиграфическихъ, относящихся, правда, къ болѣе позднимъ временамъ; но у нашего автора именно въ этомъ отдѣлѣ съ наибольшею яркостью выступаетъ уже отмѣченный нами недостатокъ—весьма малое знакомство съ эпиграфическими данными и основанными на нихъ новѣйшими изслѣдованіями [1]). Доказательства найдти не трудно. Такъ, на стр. 140 г. Стем-

[1]) Надписи, изданныя лѣтъ сорокъ тому назадъ (у *Росса*, Die Demen v. Attica), для нашего автора являются еще «вновь открытыми»! (стр. 139). Кстати замѣтимъ здѣсь, что на стр. 138, вслѣдствіе небрежности корректуры, нѣсколько фразъ сдѣлались непонятными. «Он [то-есть, Клисѳенъ] упразднил прежнее дѣленіе Аттики, на сколько это соотвѣтствовало его цѣлям, то-есть,

Digitized by Google

повскій докладываетъ читателямъ, что „филами управляли ἐπιμεληταὶ τῶν φυλῶν — один в каждой филѣ“, ссылаясь при этомъ на Демосѳ. пр. Мид. § 13 и на C. I. Gr., № 104 (=C. I. Att. II, 565). Какъ же это онъ не замѣтилъ, что въ обоихъ этихъ источникахъ епимелеты названы во множественномъ числѣ, хотя и говорится объ одной только филѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что во второмъ изъ указанныхъ источниковъ рядомъ съ епимелетами упомянутъ казначей филы въ единственномъ числѣ. Кромѣ того, во II томѣ Corporis inscr. Att. есть много новыхъ декретовъ филъ, въ которыхъ эпимелеты всякій разъ упоминаются во множественномъ числѣ [1]), при чемъ въ нѣсколькихъ случаяхъ ясно, какъ день, что епимелетовъ было ежегодно по нѣскольку, напримѣръ, №№ 553 и 564. Такимъ образомъ извѣстно съ полнѣйшею достовѣрностью, что каждая фила ежегодно избирала не менѣе двухъ епимелетовъ, а можетъ быть, и болѣе. Если позволено высказать чисто-субъективное предположеніе, пока не имѣющее за себя документальныхъ данныхъ,—намъ кажется вѣроятнымъ, что они избирались по одному отъ каждой трети, входившей въ составъ филы, такъ что всѣхъ было ежегодно по трое. Это вполнѣ естественно при той стройности и цѣлесообразности административнаго устройства, которымъ насъ поражаетъ Аѳинское государство, и аналогично съ тѣми обще-государственными коллегіями, въ которыхъ представители избирались по одному изъ каждой филы. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что для обозначенія епимелетовъ постоянно употребляется множественное число и никогда двойственное. Г. Стемповскій возразитъ, пожалуй, что трети были уничтожены Клисѳеномъ; но противъ этого мы уже имѣли случай говорить.

На стр. 141 мы читаемъ: „Так как филы были топическим дѣленіем, то в них родоваго элемента вовсе не было; к ним принадлежали не только граждане, но и ξένοι καὶ δοῦλοι μέτοικοι, тогда, как

в политическом отношеніи. Вмѣсто четырех [необходимо: филъ], он установил их гораздо больше; каждая из них состояла из извѣстнаго количества новых цѣлесообразно расположенных, дѣлительных [?] единиц—демов» и т. д.

[1]) C. I. Att., № 553(=C. I. Gr., № 213), стр. 7 сл.: ἀναγράψαι δὲ τόδε τὸ ψήφισμα εἰστήλῃι λιθίνηι ἐμ Π[αν]δίονος τοὺς ἐπιμελητὰς и далѣе стр. 12 сл.: ἀναγράφεν δὲ καὶ τὸ λοιπὸν ἐάν τις τούτων τι νικήσηι τὸς ἐπιμελητὰς ἐφ' ὧν ἂν νικήσηι ἐν τῆι αὐτῆι στήληι.—Ibid. № 564, стр. 6: οἱ ἐπιμεληταὶ οἱ αἰεὶ καθιστάμενοι κατ' ἐνιαυτόν (то же въ стр. 20). Ср. №№ 554, 556, 558, 559, 567; Add. nova p. 429, № 567 b.

Digitized by Google

в іонскія филы не принимали никого, кромѣ гражданъ, и то ὁμοίους" и т. д. Еще новое открытіе! Кланяйтесь и благодарите автора, гг. ученые, за то, что онъ учитъ васъ уму-разуму! Вѣдь до сихъ поръ всѣ понимали извѣстное Аристотелевское ἐφυλέτευσε въ томъ смыслѣ, что Клисѳенъ, для усиленія гражданскаго элемента, даровалъ права гражданства многимъ метойкамъ и рабамъ, а по г. Стемповскому выходитъ, что реформаторъ просто записалъ ихъ въ филы, при чемъ они не перестали быть метойками и рабами. Кромѣ того, изъ приведенной фразы можно заключить, что авторъ признаетъ существованіе родоваго элемента въ прежнихъ „іонскихъ" филахъ; а между тѣмъ раньше, на стр. 29, 41 и др., онъ, какъ мы видѣли выше, не понималъ, „каким образом в столь обширном цѣлом могла проявиться какая нибудь родовая связь", и признавалъ филы позднѣйшимъ искусственнымъ дѣленіемъ, въ которомъ явилась надобность именно вслѣдствіе „ослабѣнія родственно-родовой связи". Впрочемъ, это противорѣчіе съ самимъ собою еще не такъ важно. Такія ли бываютъ!

А вотъ какъ г. Стемповскій знаетъ греческую исторію: „Ol. 118, 3 (307) прибавлены двѣ филы в честь Антигона (Гоната) и его сына Деметрія (Поліоркета): Ἀντιγονίς и Δημητριάς" и т. д. (стр. 141). Смѣемъ увѣрить, что прозвище Гоната имѣлъ не Антигонъ—отецъ Димитрія, а сынъ его. Непосредственно за приведенною фразой авторъ говоритъ: „Ol. 124, 1 (284) эти двѣ филы уничтожены: нѣкоторое время существовало опять десять фил, что̀ теперь уже нѐ подлежит сомнѣнію, а в чем прежде Мейер сомнѣвался. Между Ol. 125, 3 и 132, 2 установлена была фила Πτολεμαΐς в честь египетскаго царя, Ol. 144, 4—Ἀτταλίς, и поставлены были на 5-м и 12-м мѣстѣ". Въ вопросѣ о количествѣ филъ и перемѣнахъ ихъ названій въ III в. до Р. Хр., до установленія Атталиды, между нѣмецкими учеными существуетъ, какъ извѣстно, большое разногласіе. Передаваемое г. Стемповскимъ мнѣніе, заимствованное изъ статьи Диттенбергера въ журналѣ Hermes, т. IX (1875), стр. 385 сл., и выдаваемое за послѣднее слово науки, далеко не можетъ быть признано таковымъ. Не входя въ подробный его разборъ, замѣтимъ только, что мнѣніе объ уничтоженіи Антигониды и Димитріады въ 284 г. опровергается несомнѣнными данными эпиграфическихъ документовъ, собранными Г. Гильбертомъ въ статьѣ его „Zur Geschichte der zwölfzahl der attischen Phylen" въ журналѣ Philologus т. XXXIX (1880) ст. 373 сл. Въ этой статьѣ высказано и въ Staatsalterthümer т. I

Digitized by Google

стр. 190 резюмировано Гильбертомъ мнѣніе, противъ котораго, на сколько намъ извѣстно, еще не возвышались голоса въ западной наукѣ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь дословно резюме Гильберта (изъ Staatsalt.): „Zu diesen 10 alten Phylen kamen im Jahre 306/5 [1]) die Ἀντιγονίς, von Antigonos I, und die Δημητριάς, von Demetrios Poliorketes benannt, als zwei neue hinzu... Nach der Aufhebung dieser beiden Phylen, welche bis über das Jahr 279/8 bestanden haben, werden, wohl um die bequeme Zwölftheilung des Jahres für die Prytanien beibehalten zu können, eine Ἐρεχθηίς νεωτέρα und eine Ἀντιοχίς νεωτέρα neben den alten Phylen gleiches Namens eingerichtet. Als dann vor 247 zu Ehren des Ptolemaios Philadelphos die Phyle Πτολεμαίς eingeführt wurde, hob man die Ἀντιοχίς νεωτέρα wieder auf. Ebenso beseitigte man die Ἐρεχθηίς νεωτέρα, als im Jahre 200 zu Ehren des Königs Attalos I die Ἀτταλίς errichtet wurde". Однако и это мнѣніе врядъ ли удержится надолго; наиболѣе вѣрнымъ окажется, думаемъ, взглядъ одного уважаемаго русскаго ученаго, заявленный въ рефератѣ, прочитанномъ въ одномъ изъ засѣданій Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ въ концѣ 1881 г., но еще не высказанный печатно.

Переходимъ къ демамъ (стр. 144 — 154). Въ самомъ почти началѣ трактующей о нихъ главы обращаетъ на себя вниманіе фраза: „Одни из членов рода Бритидов принадлежали къ дему Ἑχάληθεν, другіе къ Ἑροιάδης, третьи к Φαληρεύς, иные к Λαχχιάδης, иные к Αἰγιλιεύς, наконец иные к Κεφαλῆθεν". Здѣсь г. Стемповскій принялъ за названія демовъ записанныя у Демосѳена (пр. Неэры, § 61) прилагательныя и нарѣчія δημοτικά, то-есть, обозначавшія принадлежность гражданина къ тому или другому дему. Названія упомянутыхъ демовъ были: Ἑκαλή, Ἐροιάδαι, Φάληρον, Λακιάδαι, Αἰγιλιά, Κεφαλή. Разсматривая далѣе вопросъ о числѣ демовъ, г. Стемповскій сомнѣвается, можно ли вѣрить показанію Полемона у Страбона о 174 демахъ въ виду „отсутствія всяких данных о столь значительном приращеніи числа демов—со 100 на 174". Впрочемъ даже это сомнѣніе не при-

---

[1]) Считаемъ нужнымъ привести и объясненіе этой новой даты (Staatsalt., стр. 190, прим. 2): «Für das Jahr 306/5 ist die Phyle Demetrias inschriftlich beglaubigt. C. I. A. II, 246. Dagegen zeugt in der aus dem Jahre 307/6 datierenden Urkunde C. I. A. II, 238 der Umstand, dass die 5. Prytanie in den 6. Monat Poseideon fällt, während seit Einrichtung von 12 Phylen die Prytanie im Gemeinjahr fast immer sich mit dem entsprechenden Monat deckt, dafür, dass es im Jahre 307/6 noch 10 Phylen gab. См. *Köhler* im *Herm.* 5, 349 ff.

Digitized by Google

надлежитъ лично нашему автору, а заимствовано имъ у Вестермана. И здѣсь беремъ на себя смѣлость увѣрить г. Стемповскаго, что никакого сомнѣнія быть не можетъ, что въ болѣе позднія времена демовъ было даже больше, нежели 174. Если самъ г. Стемповскій даетъ ниже (стр. 148) цифру 161, то это значитъ только, что ему остался неизвѣстенъ списокъ демовъ, приложенный къ 5-му изданію Staatsalterthümer К.-Ф. Германа, выпущенному Штаркомъ еще въ 1875 году: въ этомъ спискѣ показано 182 дема и 8 сомнительныхъ [1].

Показавъ количество демовъ по старымъ спискамъ, г. Стемповскій непосредственно затѣмъ продолжаетъ: „Так как в этом [то-есть, въ какомъ?] вопросѣ особенно обилен пробѣлами [?] четвертый період, от установленія Πτολεμαΐς и 'Ατταλίς до введенія 'Αδριανίς — время XII фил, — и пятый, со времени введенія 'Αδριανίς — періодъ XIII фил, — и так как в новѣйшее время Диттенбергер l. cit., основываясь на новых источниках — надписях, найденныхъ с 1861 г. и помѣщенных в новогреческих изданіях, пополняет эти пробѣлы, — то я приведу тут результат его изслѣдованій. Важно тут, из какой из прежних десяти фил, какой дем был переведен в новоучрежденныя филы". Вотъ уже, что называется, ни къ селу, ни къ городу! Изслѣдованія Диттенбергера относятся къ позднѣйшему періоду, которымъ г. Стемповскій спеціально не занимается, и кромѣ того, приведеніе результатовъ этихъ изслѣдованій имѣло бы смыслъ въ такомъ случаѣ, еслибы г. Стемповскій познакомилъ ранѣе читателей вообще съ распредѣленіемъ демовъ по филамъ и далъ бы списки всѣхъ демовъ каждой филы. Притомъ почему же, приводя изъ Диттенбергера списки демовъ, переведенныхъ въ Птолемаиду, Атталиду и Адріаниду, авторъ не далъ списка тѣхъ, которые были перемѣщены въ Антигониду и Димитріаду? Потому ли, что онъ считаетъ это менѣе важнымъ и интереснымъ, или просто потому, что не нашелъ у Диттенбергера готоваго списка? Здѣсь именно съ наибольшею яркостью высказалось неумѣнье автора разобраться въ матеріалѣ, отдѣлить нужное отъ излишняго. Все, что показалось ему интереснымъ въ случайно прочтенныхъ нѣмецкихъ книгахъ и статьяхъ, онъ сваливаетъ въ одну кучу, разчитывая на то, что благодушные читатели разбирать не станутъ, а просто преклонятся предъ его премудростью... Возвращаясь къ выписанному изъ Диттенбергера списку,

---

[1]) Г. Стемповскому извѣстны только списки Коренни и Росса, да и то изъ вторыхъ рукъ—изъ энциклопедіи *Паули* и Hell. Alterthumskunde *В. Вахсмута*.

считаемъ нужнымъ остановить вниманіе автора на слѣдующемъ фактѣ: подъ рубрикою: „переведен в Птолемаис" изъ филы Эгеиды въ спискѣ поставлено: 'Ικαριά (Κυδαντίδαι). Эти скобки навѣрное заинтересуютъ читателей и подадутъ поводъ къ недоумѣніямъ; тѣ читатели, которые не помнятъ наизусть всѣхъ демовъ и не имѣютъ подъ руками какого-нибудь списка ихъ, вѣроятно, прежде всего подумаютъ, что Κυδαντίδαι есть другое названіе дема 'Ικαρία; чтобы не вводить ихъ въ заблужденіе и не заставлять понапрасну ломать голову, необходимо было перевести слѣдующее примѣчаніе Диттенбергера (стр. 399): „Eingeklammert sind dijenigen Demen, deren Versetzung in die neuen Phylen nur durch Schriftsteller, nicht durch Inchriften bezeugt ist".

Далѣе мы находимъ у автора разсмотрѣніе (по Герману и Шёману) названій демовъ, ихъ внутренняго устройства, управленія и зависимости членовъ дема отъ общины (тутъ, между прочимъ, говорится о записи въ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον и о διαψήφισις). При перечисленіи правъ и обязанностей демарховъ г. Стемповскій говоритъ, между прочимъ, что они могли чеканить монету. Тутъ онъ повторяетъ старое мнѣніе Еккеля (Doctr. nummorum I, 2, стр. 222), въ справедливости котораго сомнѣвались уже Бёкъ (въ статьѣ Ueber die Laurischen Bergwerke, теперь въ началѣ V-го т. Kleine Schriften) и Германъ (Staatsalterth. [3] § 122, 17), и которое окончательно было опровергнуто недавно Кёлеромъ (Mitth. d. D. Inst. т. IV, стр. 250 сл.), показавшимъ, что изъ трехъ мѣстностей, монеты которыхъ дѣйствительно существуютъ, Саламинъ и Оропъ были не демами аѳинскими, а клерухіями, а изъ числа демовъ имѣлъ право чеканить монету, не въ примѣръ другимъ, одинъ Елевсинъ. Кёлеръ объясняетъ это тѣмъ, что „die Eleusinier in den Zeiten der Autonomie der eleusinischen Ebene bereits Münzen schlugen und bei der Aufnahme in den athenischen Staatsverband dieses Recht behielten... Die Möglichkeit, dass in Eleusis in früher Zeit schon gemünzt worden sei, kann bei der Nähe von Aegina nicht in Abrede gestellt werden" (стр. 264). Такимъ образомъ о правѣ всѣхъ демарховъ чеканить монету теперь не можетъ быть и рѣчи.

Въ двухъ главахъ слѣдующаго отдѣла авторъ ведетъ рѣчь объ ефебахъ и о литургіяхъ. Относительно ефебіи автору извѣстно только то, что сообщаютъ классическіе писатели и позднѣйшіе грамматики и схоліасты; онъ совершенно незнакомъ съ ефебовскими надписями, которыя сообщаютъ намъ столько важныхъ и подробныхъ свѣдѣній

Digitized by Google

о позднѣйшемъ устройствѣ института ефебіи, и съ основанными на нихъ изслѣдованіями новыхъ ученыхъ, какъ напримѣръ, Диттенбергера, Дюмона, Грасбергера и другихъ. Между тѣмъ именно этотъ отдѣлъ эпиграфическихъ памятниковъ, по ихъ многочисленности, обширности и многосторонней важности, непозволительно игнорировать въ настоящее время. И въ этой главѣ авторъ не могъ обойдтись безъ того, чтобы не преподнести своимъ читателямъ нѣсколько курьезовъ. Прежде всего рекомендуемъ ихъ вниманію слѣдующую тираду: „Вообще сильно была укрѣплена граница стороны Віотіи, и вообще такія мѣста, которыя должны были, впослѣдствіи, служить мѣстом убѣжища, как напримѣр Φύλη, Σούνιον, 'Ελευσίς. В этих-то укрѣпленіях служили περίπολοι. Служба их отличалась менѣе важным характером; она не была постоянна; для временных лишь нападеній, в сраженіи напр., при которых не было такой опасности, как в рядовой службѣ, называвшейся ἐκ διαδοχῆς, ἐκ καταλόγου, ἐν τῇ στρατείᾳ ἐν τοῖς ἐπωνύμοις, между тѣм, как служба периполов называлась στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι, чѣм и объясняется преданіе Свиды и Bekk. Anecd., по которым сражаться ἐν τοῖς μέρεσι значит сражаться не μετὰ τῶν ἄλλων (,) а ἰδίᾳ (р. 308), χωρίς (р. 251). Периполы носили одежду: πέτασος или χλαμύς" (стр. 163—4). Здѣсь мы, вопервыхъ, не понимаемъ, какимъ образомъ извѣстныя мѣста **должны были** впослѣдствіи послужить убѣжищемъ? Можно выбирать мѣстности **годныя** для того, чтобы послужить убѣжищемъ въ случаѣ надобности, но кто можетъ знать, что они **должны** будутъ имъ послужить? Впрочемъ, уже не въ первый разъ авторъ приписываетъ древнимъ необыкновенную прозорливость; мы уже имѣли случай обращать вниманіе читателей на подобныя мѣста въ его книгѣ. Вовторыхъ, трудно понять, почему служба при временныхъ нападеніяхъ, въ сраженіи, по мнѣнію автора, менѣе опасна, нежели рядовая. Втретьихъ, авторъ не дѣлаетъ никакого различія между терминами ἐκ διαδοχῆς, ἐκ καταλόγου, ἐν τοῖς ἐπωνύμοις, какъ будто бы всѣ они обозначали одно и то же, и глубоко ошибается, думая, что στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι называлась исключительно служба периполовъ. Противъ этого достаточно привести Эсх. περὶ παραπρ. § 168: καὶ τὰς ἄλλας τὰς ἐκ διαδοχῆς ἐξόδους τὰς ἐν τοῖς ἐπωνύμοις καὶ τοῖς μέρεσιν ἐξῆλθον. Изъ этой фразы очевидно, что между упомянутыми въ ней родами службы различіе было не по возрасту. Странно, что г. Стемповскій, который строкою ниже ссылается на § 167 той же рѣчи Эсхина, не потрудился прочитать въ ней слѣдующій §, ко-

Digitized by Google

торый избавилъ бы его отъ ошибки [1]). Наконецъ, г. Стемповскій, кажется, считаетъ πέτασος верхнимъ платьемъ ефебовъ, подобно χλαμύς, доказывая этимъ незнаніе значенія весьма обыкновеннаго слова, которое могъ бы найти въ любомъ словарѣ.

Въ главѣ о литургіяхъ необходимо отмѣтить слишкомъ краткое и неудовлетворительное объясненіе ἀντιδόσεως: „Литургіи стоили их предпринимателям много, были, подчас, большою для них тяжестью. Если, поэтому, кто нибудь замѣтил, что другому, более богатому, не назначили литургіи, он мог предложить ему ἀντίδοσις, то-есть перенять на себя литургію,—и, в случаѣ отказа, можно было подать жалобу в суд, которая, если истец выказал бо́льшую зажиточность отвѣтчика, оканчивалась для послѣдняго печально“ (стр. 166). И только! Бёкъ, на котораго ссылается авторъ [2]), изложилъ вопросъ объ ἀντίδοσις весьма основательно и подробно, и право, не грѣхъ было бы позаимствовать у него побольше объ этомъ оригинальномъ обычаѣ, не имѣющемъ себѣ подобнаго въ новыхъ государствахъ. Далѣе, разсуждая о хорегіи, авторъ говоритъ, между прочимъ (стр. 169), что въ Аѳинахъ „в театрах часто давались представленія“. Очень жаль, что г. Стемповскій не добавилъ, какъ именно часто? По нѣскольку разъ въ недѣлю, что ли? И сколько было въ Аѳинахъ театровъ? Нѣсколькими строками ниже мы съ изумленіемъ прочитали такую фразу: „Хорег должен был прежде всего нанять одного χοροδιδάσχαλος, который доставался ему по жребію и который обучал въ танцах, пѣніи и музыкѣ τοὺς χορευτούς, то-есть, тѣх, которые должны были участвовать в хорѣ“. Гдѣ это г. Стемповскій, говоря его же словами, „обучался въ первомъ греческомъ склоненіи“? Неужели его учитель не ставилъ ему неудовлетворительныхъ балловъ за такія формы? Вѣдь члены хора назывались, χορευταί, по 1-му склоненію, а не χορευτοί.

Въ концѣ главы (стр. 171) у г. Стемповскаго встрѣчается замѣчательная неточность, происшедшая или отъ неумѣнья выражаться

---

[1]) Вѣрное объясненіе значенія термина στρατεία ἐν τοῖς μέρεσι и друг. можно найдти, напримѣръ, у *Гильберта*, Staatsalt. I, стр. 302.

[2]) Авторъ пишетъ: «Boeckh l. cit. [то-есть, Staatshaush.] II, с. 22». Это не вѣрно ни по первому, ни по второму изданію: въ 1-мъ изд. объ ἀντίδοσις говорится въ т. II, стр. 122 сл., во 2-мъ изд.—въ т. I, стр. 749 сл. Нѣсколькими строками ниже осталась не исправленною описка ἀναγκαία λειτουργία вмѣсто ἀναγκαία ἀτέλεια (Демосѳ. пр. Лепт. § 19).

Digitized by Google

по русски, или отъ незнанія нѣмецкаго языка, а можетъ быть, отъ того и другаго вмѣстѣ: дѣло въ томъ, что въ этомъ мѣстѣ г. Стемповскій просто пересказываетъ „своими словами" изъ Böckh's Staatshaushalt. I², стр. 607, но пересказываетъ такъ, что вмѣсто яснаго и обстоятельнаго изложенія дѣла выходитъ нѣчто весьма странное. Пусть судятъ сами читатели изъ нижеслѣдующаго сопоставленія, въ которомъ нами только оттѣнены курсивомъ наиболѣе выдающіяся мѣста:

1. *Стемповскій:*

«А с истощеніем сил аѳинскаго народа, в эпоху его паденія и всеобщаго обѣдненія, хоров (комических) уже не ставили на сцену. Когда это случилось, нельзя нам точно опредѣлить. *Вѣрно лишь то, что при архонтѣ Эвклидѣ* (Ol. 94, 2) *хореги уже существовали; с Аристофана же*, поставившаго на сцену (Ol. 97, 4) Αἰολοσίκωνα и Πλοῦτος Β,—ἐπέλιπον οἱ χορηγοί, *перевелись уже хореги*, и, если хор являлся потом на сцену, то: 1) больше, как дѣйствующее лицо, по с самым незначительным значеніемъ и ролью, что произошло, естественно, вмѣстѣ с исчезновеніем парабазы в комедіи: уже в Плутосѣ Аристофана хор играет чрезвычайно подчиненную роль; 2) являлись [кто?] вовсе не необходимо: часто хора и не было на сценѣ; уже изъ рѣчей Демосѳена видно, что не ставили хоров так обстоятельно и точно, какъ бы слѣдовало».

Böckh:

«Durch den Verlust des Peloponnesischen Krieges mit der Schlacht bei Aegospotamoi (Ol. 93, 4) und die Herrschaft der Dreissigmänner erhielt Athens Wohlstand einen gleich empfindlichen Stoss als seine Macht... Kein Wunder also dass, als Aristophanes den Aeolosikon gab und den zweiten Plutos (Ol. 97, 4), die Choregen für den komischen Chor ausgingen [въ подстр. прим. ἐπέλιπον οἱ χορηγοί etc.], welche unter Euklid (Ol. 94, 2) noch nicht fehlten: aus einem andern Grund verschwand die Parabase der Komödie: so blieb der Chor, einzelne Ausnahmen der mittleren Komödie abgerechnet... nur als unbedeutend mithandelnde Person stehen, wie er im zweiten Plutos in höchst untergeordneter Rolle erscheint... Die Aufhebung der Choregie wird... dem Kinesias zugeschrieben... die Komödie ging jedoch nicht mit dem Chor zugleich unter... Demosthenes gegen Leptines fürchtet keinen Mangel an Choregen; allein seine eigenen Reden, ja seine eigenen Lebensumstände beweisen, dass in seiner Zeit die Choregen nicht vollständig gestellt wurden» etc.

Въ отдѣлѣ VIII изложена организація совѣта пятисотъ. Здѣсь въ началѣ первой главы оказывается, что авторъ можетъ впадать въ противорѣчія съ самимъ собою на одной и той же страницѣ, забывая, что̀ онъ написалъ нѣсколькими строками выше: приведя показаніе Плутарха объ устройствѣ Солономъ двухъ совѣтовъ, далѣе

Digitized by Google

авторъ пишетъ: „Члены этого совѣта набирались из фил: до Солона: по 100 из каждой филы, всего 400. С Клисѳена—по 50 из каждой филы; всего 500“ (стр. 173). Кстати читатели благоволятъ замѣтить разнообразіе интерпункціи между одинаковыми членами предложеній. На слѣдующей страницѣ г. Стемповскій утверждаетъ, что „совѣт не был отвѣтствен ни вполнѣ, ни отчасти“, вопреки своему обычаю ни на кого при этомъ не ссылаясь. Между тѣмъ Эсхинъ пр. Ктесиф., § 20, прямо говоритъ, что τὴν βουλὴν τοὺς πενταχοσίους ὑπεύθυνον πεποίηχεν ὁ νομοθέτης; у Демосѳена пр. Андрот. § 38 есть показаніе, что каждый отдѣльный булевтъ долженъ былъ давать εὐθύνας τῶν πεπραγμένων, и это подтверждается надписью C. I. Att. II, № 114. Мы, впрочемъ, не знаемъ съ достовѣрностью, въ чемъ выражалась эта отвѣтственность, и какому наказанію подвергались булевты, сдавшіе неудовлетворительно свои отчеты; быть можетъ, что у Демосѳена говорится только объ отвѣтственности должностныхъ лицъ совѣта по отношенію къ цѣлому его составу (какъ думаетъ Германъ, Staatsalt., § 125, 2). Но во всякомъ случаѣ отвѣтственность сената передъ народнымъ собраніемъ до нѣкоторой степени выражалась въ запрещеніи совѣту просить себѣ награды вѣнкомъ по окончаніи служебнаго года, въ случаѣ если не было изготовлено установленное количество тріеръ (μὴ ποιησαμένῃ τὰς τριήρεις μὴ αἰτεῖν δωρεάν), о чемъ см. Libanii argum. ad Demosth. c. Androt. и въ самой рѣчи §§ 8, 16 и др. Наконецъ извѣстно, что совѣтъ имѣлъ право исключать изъ своей среды (ἐχφυλλοφορεῖν) отдѣльныхъ членовъ въ случаѣ какихъ-либо противозаконныхъ поступковъ съ ихъ стороны [1]). Если г. Стемповскій всего этого не знаетъ, то это значитъ только, что онъ писалъ наобумъ и не потрудился справиться даже въ учебникахъ. Странно, что онъ не полюбопытствовалъ прочитать 1-й argum. къ Дем. пр. Андрот., между тѣмъ какъ на 2-й argum. (anonymi) самъ ссылается на той же страницѣ.

Далѣе авторъ очень пространно толкуетъ о количествѣ дней въ пританіяхъ, наполнивъ почти цѣлую страницу выписками изъ anon. argum. ad Dem. c. Androt., и въ заключеніе, „для болѣе легкаго пониманія надписей, в которых пританіи приводятся вмѣстѣ с мѣсяцами“, приводитъ названія и порядокъ мѣсяцевъ вмѣстѣ съ пританіями филъ въ 410—9 г. до Р. Хр. изъ извѣстнаго документа

---

[1]) Относящіяся сюда мѣста древнихъ см. у *Германа*, Staatsalt. § 126, 18, или у *Гильберта*, Staatsalt. I стр. 253 пр. 2.

Digitized by Google

C. I. Gr. 147=C. I. Att. I, 188, притомъ приводитъ по Клинтону, а не по Бёку (Staatshaush. II², стр. 2 сл.). Намъ кажется, что именно въ этомъ случаѣ авторъ обнаружилъ свое полное непониманіе надписей: вѣдь самъ же онъ говоритъ, что порядокъ пританій опредѣлялся на каждый годъ жребіемъ, что лишніе четыре дня прибавлялись въ разные годы къ разнымъ пританіямъ; такъ какимъ же образомъ можно понять, на основаніи одного только примѣра, отношенія пританій къ мѣсяцамъ въ разные годы? Одна надпись тутъ очень мало поможетъ. Кромѣ того, въ книгѣ г. Стемповскаго этотъ разсчетъ (подобно вышеуказанной выпискѣ изъ Диттенбергера о переводѣ демовъ изъ одной филы въ другую) оказывается совершенно лишнимъ, такъ какъ далѣе авторъ ничего объ отношеніи пританій къ мѣсяцамъ не говоритъ. Важнѣе было бы упомянуть, что съ установленіемъ 12 филъ отношенія между пританіями и мѣсяцами измѣнялись, что тогда каждая пританія въ обыкновенные годы стала обнимать собою по мѣсяцу, вслѣдствіе чего въ надписяхъ того времени дни пританій обыкновенно совпадаютъ съ числами мѣсяцевъ.

Далѣе г. Стемповскій посвящаетъ цѣлыхъ двѣ страницы вопросу о πρόεδροι contribules, существованіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно, такъ что со времени (указанной г. Стемповскимъ) диссертаціи К.-Ф. Германа Epicrisis quaestionis de proëdris apud Athenienses (ср. Staatsalt. § 127, 10) самый вопросъ о нихъ считался сданнымъ въ архивъ. Не зачѣмъ было и поднимать его снова. Въ вопросѣ о времени введенія проедровъ не изъ филы, имѣвшей пританію (non contribules), авторъ слѣдуетъ написанной въ 1855 г. статьѣ Мейера, не подумавъ справиться о томъ, не даютъ ли новыя надписи болѣе точныхъ показаній. Теперь съ достовѣрностью извѣстно, что проедры существовали уже въ Ол. 100, 3 (378—7 до Р. Хр.) [1]). Далѣе, въ недавнее время Кёлеръ ясно показалъ [2]), что еще въ концѣ IV в. весь кругъ дѣятельности епистата пританов перешелъ отъ него къ епистату проедровъ, такъ что первый выбирался только для производства жеребьевки проедровъ; для этого не было никакой надобности ежедневно избирать новаго епистата, и дѣйствительно, для временъ Римскихъ императоровъ существуютъ положительныя свидѣтельства, что епистатъ былъ одинъ и тотъ же въ теченіе всей

---

[1]) C. I. Att. II, № 17. Изложеніе современнаго положенія вопроса см. у *Гильберта*, Staatsalt. I, стр. 257.

[2]) *Mittheil. d. D. Instit.* т. V, стр. 270 сл.

Digitized by Google

пританіи. Кромѣ того, Кёлеръ замѣтилъ, что въ разсматриваемое имъ время проедры выбирались ежедневно, а не предъ каждымъ засѣданіемъ совѣта или народнымъ собраніемъ, какъ говоритъ Свида (п. сл. ἐπιστάτης). Это послѣднее замѣчаніе прибавлено нами противъ слѣдующихъ разсужденій г. Стемповскаго: „Учрежденные вновь проэдры non coutribules дѣйствовали в продолженіе цѣлой пританіи. Какое же время оставались при власти их эпистаты — ἐπιστάται τῶν ἐννέα προέδρων — не извѣстно: во всяком случаѣ дольше одного дня; — иначе, так как они выбирались из среды этих девяти проэдров, не стало бы послѣднихъ, а два раза быть эпистатом запрещалось" (стр. 181).

Глава о секретаряхъ изложена главнымъ образомъ по Staatshaushaltung Бёка. Но изложеніе Бёка, прекрасное для его времени, теперь можетъ быть во многомъ исправлено и пополнено на основаніи новыхъ надписей. При очевидной нелюбви г. Стемповскаго къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ по источникамъ, онъ могъ бы по крайней мѣрѣ познакомиться съ новѣйшими работами нѣмецкихъ ученыхъ [1]) и по нимъ представить болѣе подходящее къ современному состоянію нашихъ знаній изложеніе. Въ видѣ примѣра замѣтимъ, что автору ничего не извѣстно о томъ, что съ конца первой половины IV в. (между 368 и 363 гг.) первый секретарь сталъ избираться не на одну только пританію, а на цѣлый годъ, хотя въ документахъ продолжали писать по прежнему ἐπὶ τῆς δεῖνος φυλῆς — — πρυτανείας, ᾗ ὁ δεῖνα ἐγραμμάτευε. Ни слова не говоритъ также авторъ о должности ἀναγραφεύς'а, занимавшей видное мѣсто въ 320-хъ годахъ.

На слѣдующемъ (IX) отдѣлѣ, посвященномъ архонтату, мы не будемъ долго останавливаться, такъ-какъ особенно бросающихся въ глаза промаховъ въ немъ, кажется, нѣтъ, а мелочи (которыхъ и тутъ можно бы набрать не мало) можно обойдти, тѣмъ болѣе, что наша статья и такъ разрослась слишкомъ широко. Замѣтимъ только, что въ вопросѣ о времени введенія избранія по жребію (стр. 192) русскій ученый не можетъ игнорировать уже указанный нами трудъ К. I. Люгебиля, тѣмъ болѣе, что въ немъ подробно разсмотрѣно и то показаніе Геродота (XI, 109), которое г. Стемповскій привелъ въ оправданіе мнѣнія Грота. Относительно имени перваго архонта авторъ

---

[1]) *C. Schaefer*, De scribis senatus populique Atheniensium (Грейфсв. диссерт. 1878 г.); *C. A. Hille*, De scribis Athen. publicis въ I томѣ *Leipziger Studien* (1878); *G. Gilbert*, Der Athenische Rathschreiber въ Philologus т. XXXIX, стр. 131 сл.; *Fedor* von *Stojentin*, въ *Jahrbüch. für Philol.* 1880 г., стр. 189 сл.

Digitized by Google

говоритъ, что онъ „назывался по преимуществу ἄρχων, также ἐπώνυμος", не сдѣлавъ необходимой оговорки, что второе названіе употреблялось только въ позднѣйшія времена. Интересно также слѣдующее объясненіе: „Архонты выбирались ежегодно: 1) потому, что ἄρχων был ἐπώνυμος года, 2) Schol. ad Phaedrum p. 235 D: οἱ ἐννέα ἄρχοντες, κατ'ἐνιαυτὸν καθιστάμενοι" (стр. 193). Можно назначить премію тому, кто отгадаетъ истинный смыслъ этихъ словъ.—На стр. 202 слѣдуетъ отмѣтить еще невѣрное объясненіе термина γραφὴ ψευδοκλητείας („против тѣх, кто выдал себя ложно за клетора").

Послѣдній (къ счастію для читателей) отдѣлъ посвященъ народному собранію. Въ первой главѣ отдѣла авторъ, по обыкновенію, дѣлаетъ общій историческій обзоръ развитія этого института, и тоже по обыкновенію, въ самомъ началѣ главы угощаетъ читателей сюрпризомъ: Евклидъ (вѣроятно, извѣстный архонтъ 403 г.) поставленъ въ числѣ реформаторовъ на ряду съ Клисѳеномъ, Аристидомъ и Перикломъ (стр. 207). Въ началѣ второй главы сравненіе выраженія κυρία ἐκκλησία съ новгородскимъ „Господинъ Великій Новгородъ и новгородское вѣче" кажется намъ очень неудачнымъ. Далѣе авторъ думаетъ, что νόμιμοι ἐκκλησίαι носили это названіе „потому что были постоянны и собирались въ заранѣе опредѣленные дни,—но которые, не знаем" (стр. 210). Теперь, на основаніи надписей, можно сказать съ полною увѣренностью, что постоянныхъ опредѣленныхъ дней (въ пританіяхъ или въ мѣсяцахъ) для собраній не было: въ надписяхъ можно найдти почти всѣ дни мѣсяцевъ, какъ дни собраній [1]). По видимому, только два собранія въ году собирались въ разъ навсегда опредѣленные дни, именно первое собраніе первой пританіи, въ которомъ происходила ἐπιχειροτονία νόμων—11-го Гекатомбэона (Демосѳ. пр. Тимокр. § 20, 26), и ἐκκλησία ἐν Διονύσου на другой день праздника Πάνδια (Дем. пр. Мидія, § 8 и 9). Въ праздники и тяжелые дни (ἀποφράδες ἡμέραι) народъ не собирался, хотя относительно праздниковъ и тутъ есть еще мѣсто сомнѣнію [2]).

Страницы 213—219, посвященныя изслѣдованію о προβολή и изложенныя главнымъ образомъ по Мейеру, Шёману, Герману, Bake и другимъ, намъ показались однѣми изъ лучшихъ въ книгѣ г. Стемповскаго по научной строгости изложенія, въ которомъ проглядыя-

[1]) См. диссертацію *A. Reusch*, De diebus contionum ordin. apud Athenienses (теперь не имѣемъ подъ руками), или *G. Gilbert*, Staatsalt. I стр. 269.

[2]) Ср. статью «Къ аѳинской эортологіи» въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, январь 1883 г., отд. класс. филол. стр. 16—17.

Digitized by Google

ваютъ даже попытки отнестись къ дѣлу самостоятельно, и по большей, сравнительно, удобочитаемости. Недурна также и слѣдующая (3-я) глава объ исангеліи (стр. 219—225). Въ послѣдней главѣ изложена „организація народнаго собранія и его компетенція в цѣлости". Здѣсь переданы общеизвѣстные факты главнымъ образомъ по Бёку и Шёману. Многіе частные вопросы, послужившіе въ послѣднее время предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій, у нашего автора даже не намѣчены; напр. вопросы о томъ, всѣ ли пританы созывали народъ въ собраніе, или для этого существовала особая коммиссія [3]), о томъ, кто были 30 помощниковъ лексіарховъ, о προεδρεύουσα φυλή и проч. Книга оканчивается слѣдующею торжественною фразой: „Столь могущественна была власть аѳинскаго народа! Неудивительно, что нашлись демагоги, пожелавшіе льстить ему и вліять на него: и, к сожалѣнію, народ подпал вліянію их, и думая, что у него высшая свобода и власть, сам подчинялся волѣ тайно и ловко дѣйствующих честолюбцев". Немного же вынесъ самъ авторъ изъ 229 страницъ, посвященныхъ изслѣдованію государственнаго устройства этого народа! Не мудрено, если и читатели немногимъ больше вынесутъ изъ чтенія его книги.

Мы разсмотрѣли далеко не всѣ промахи и ошибки, встрѣчающіяся въ книгѣ г. Стемповскаго; безъ особеннаго труда можно было бы найдти ихъ еще по крайней мѣрѣ столько же, и кромѣ того, множество отдѣльныхъ курьезныхъ фразъ (въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Во время этого праздника [то есть, Осхофорій] устраивался торжественный ход от храма Діонисія [sic!] к храму Аѳины в Фалереѣ, причем юноши несли виноградники". Стр. 20—21.— Трудъ „был эпонимом собственнаго ему класса". Стр. 29.—„Божество усиленно помнило о своих поклонникахъ". Стр. 53. — „Βουζύγης — пашущій быков". Стр. 59 прим. 180.—Рѣчи Демосѳена носятъ у г. Стемповскаго названія κατ' Ἀριστοκράτην, κατὰ Νεαίραν, Эсхина — κατὰ Κτησιφῶντα и т. п. Стр. 68 и др.), нѣсколько предложеній безъ подлежащаго или безъ сказуемаго, подстрочныя примѣчанія, въ которыхъ не возможно найдти смыслъ, и т. п.—но признаться, намъ это слишкомъ надоѣло, да кромѣ того читатели, думаемъ, успѣли уже составить себѣ достаточно вѣрное понятіе о красотахъ этого новаго

---

[3]) Συλλογεῖς τοῦ δήμου уже давно извѣстны были изъ надписей. Кстати замѣтимъ, что въ самое недавнее время о нихъ писалъ *Кёлеръ* въ *Mitth. d. D. Inst.* VII (1882), стр. 103 сл.

Digitized by Google

произведенія варшавской учености. Мы искренно желали найдти въ немъ какія-нибудь ученыя достоинства, которыя хотя отчасти уравновѣшивали бы указанные промахи, но къ сожалѣнію, таковыхъ не оказалось. Въ заключеніе замѣтимъ только слѣдующее: на стр. 209—210 г. Стемповскій самъ сознается, что онъ еще не доучился до того, чтобъ имѣть возможность подкрѣпить новыми доказательствами одно старое мнѣніе Грота; отъ всей души желаемъ ему доучиться поскорѣе: тогда онъ навѣрное самъ пойметъ, что выпускать въ свѣтъ „Изслѣдованіе ряда вопросовъ" въ теперешнемъ его видѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало.

В. Латышевъ.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе *Д. Ѳ. Кобеко.* Изданіе 2-е дополненное. С.-Пб. 1883.

Надломленная воспитаніемъ и жизнію, личность Павла Петровича понимается до сихъ поръ большею частію неправильно. Объ императорѣ Павлѣ привыкли судить по его кратковременному царствованію, при чемъ принимаютъ въ разчетъ преимущественно тѣ стороны его характера, которыя казались современникамъ тяжелыми. Но чтобы вполнѣ уяснить личность этого своеобразнаго государя, замыкающаго собою русскій XVIII вѣкъ, слѣдуетъ серьезнѣе вдуматься въ явленія психической жизни Павла Петровича до его воцаренія, въ явленія того долгаго, слишкомъ сорокалѣтняго періода, въ который многое хорошее въ его нравственной природѣ успѣло атрофироваться. Какія причины создали эту перемѣну къ худшему, при какихъ условіяхъ происходила она? Вотъ вопросы первостепенной важности въ біографіи Павла Петровича, и ко всякой попыткѣ разъяснить ихъ русское образованное общество относится съ напряженнымъ вниманіемъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ книга Д. Ѳ. Кобеко, вышедшая первымъ изданіемъ въ іюнѣ 1882 г. и вторымъ въ началѣ 1883 г. Два изданія въ полгода съ небольшимъ—рѣдкая участь исторической книги въ Россіи!

Г. Кобеко разсматриваетъ жизнь Павла Петровича именно до его восшествія на престолъ, слѣдя шагъ за шагомъ за возникновеніемъ и развитіемъ всѣхъ его душевныхъ качествъ, хорошихъ и дурныхъ; онъ собралъ для этого громадный матеріалъ и воспользовался имъ съ большимъ умѣніемъ. Книга г. Кобеко читается легко и остав-

Digitized by Google

ляетъ послѣ себя глубокое впечатлѣніе въ каждомъ мыслящемъ читателѣ, какъ поучительный трактатъ по вопросамъ нравственной философіи. Такой читатель является зрителемъ раздирающей душу драмы, которая составляетъ прологъ къ событіямъ царствованія Павла Петровича. Болѣе крѣпкая, болѣе цѣльная, болѣе даровитая натура, быть можетъ, вышла бы побѣдоносно изъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ какія былъ поставленъ цесаревичъ Павелъ, но онъ палъ жертвой этихъ условій. Главными дѣйствующими лицами драмы являются самъ Павелъ и его мать, императрица Екатерина II. Ея роль — роль активная, его—пассивная. Эта семейная драма, разыгрывающаяся въ Петербургѣ и въ Гатчинѣ во все блестящее царствованіе Екатерины II, есть вмѣстѣ съ тѣмъ весьма серьезное общественное и государственное явленіе. Эта драма составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ эпизодовъ оборотной стороны медали знаменитаго Екатерининскаго вѣка и характеризуетъ Екатерину II, какъ женщину вообще и какъ мать въ особенности. Она представляется въ этой драмѣ женщиной, не стѣсняющею себя нравственными требованіями. Чувство матери ей совершенно чуждо. Если исторія произноситъ суровый приговоръ надъ Шуйскими и ихъ сторонниками за намѣренное и систематическое извращеніе характера Іоанна IV; если на московскихъ бояръ XVI в. дѣйствительно и можетъ пасть до нѣкоторой степени укоръ за то, что Іоаннъ IV вышелъ нравственнымъ уродомъ, то въ еще большей мѣрѣ Екатерина II должна выслушать укоръ отъ потомства за своего сына. Екатерина II всецѣло перенесла на сына ту нелюбовь, которую питала къ мужу. Холодность въ матери къ ребенку отъ ненавистнаго ей человѣка еще понятна; но для всякаго человѣка съ сердцемъ непонятно въ такомъ случаѣ презрѣніе къ ни въ чемъ неповинному ребенку.

Книга г. Кобеко такъ обильна фактами, что одни выводы изъ нихъ заняли бы слишкомъ много мѣста. Поэтому я позволю себѣ остановиться лишь на годахъ дѣтства и юности цесаревича Павла, и на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ г. Кобеко, возстановить нравственный образъ ребенка и юноши Павла Петровича. Эти года, какъ извѣстно, составляютъ важнѣйшіе моменты человѣческой жизни: „что въ юности посѣешь, то въ старости пожнешь“, говоритъ русская пословица; въ эти года развиваются склонности и качества человѣка, съ которыми онъ остается на всю жизнь. Образованіе, житейская практика—только видоизмѣняютъ ихъ, но не перемѣняютъ въ конецъ.

Digitized by Google

Нервный и болѣзненный ребенокъ, цесаревичъ Павелъ съ самаго перваго дня своей жизни былъ взятъ императрицей Елизаветой Петровной подъ ея исключительный надзоръ. Елизавета Петровна, сама не получившая серьезнаго воспитанія и образованія, не имѣла никакого понятія о сколько-нибудь раціональномъ обращеніи съ дѣтьми. Зашивъ хилого внучка въ хлопки и держа его въ страшно-натопленныхъ комнатахъ, императрица окружила его нянюшками и мамушками, которыя весьма небрежно за нимъ смотрѣли. Такія условія первопачальнаго воспитанія не способствовали къ укрѣпленію физическаго и нравственнаго организма Павла Петровича, а еще болѣе изнѣживали ребенка и развивали въ немъ природную хилость и нервность.

Такъ прошли первые четыре года въ жизни цесаревича Павла; наступила пора подумать о его серьезномъ воспитаніи и образованіи: вмѣсто нянюшекъ и мамушекъ сочли нужнымъ подчинить его надзору мужскому. Выборъ Елизаветы Петровны палъ на Ѳ. Д. Бехтѣева, бывшаго русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ. Вѣроятно, императрица руководствовалась въ своемъ выборѣ только тѣмъ, что Бехтѣевъ пребывалъ въ столицѣ модъ и вкуса, служившей въ то время самымъ излюбленнымъ источникомъ для свѣтскаго воспитанія и образованія. Что Бехтѣевъ не былъ серьезнымъ педагогомъ, видно изъ слѣдующихъ странныхъ его пріемовъ: при немъ цесаревича стали обучать русской грамотѣ, ариѳметикѣ, заповѣдямъ, и былъ изданъ для цесаревича первый спеціальный учебникъ физики (С.-Пб. 1760). О Павлѣ Петровичѣ печатались особыя „вѣдомости", съ изложеніемъ „всѣхъ поступковъ и погрѣшностей его высочества". Эти вѣдомости давались цесаревичу для прочтенія, при чемъ его увѣряли, что „они разсылаются по всей Европѣ". Такимъ образомъ, отсутствіе системы въ обученіи и развитіе въ великомъ князѣ самомнѣнія и тщеславія были положены въ основу педагогическихъ пріемовъ Бехтѣева. То были первыя сѣмена непослѣдовательности и тщеславія, которыя составили впослѣдствіи коренные недостатки Павла. Черезъ два года Бехтѣева замѣнилъ только что возвратившійся изъ Швеціи Н. И. Панинъ. Этотъ выборъ былъ болѣе удаченъ, хотя тоже не вполнѣ. Панинъ былъ уменъ и отличался просвѣщеннымъ образомъ мыслей, но теоретикъ, а не практикъ, и слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы быть хорошимъ педагогомъ. Онъ сумѣлъ привязать къ себѣ своего юнаго питомца и внушить ему многія серьезныя мысли, но воспитаніе Павла Петровича продолжало идти далеко неудовлетворительно: то же отсут-

Digitized by Google

ствіе системы въ обученіи, то же развитіе въ ребенкѣ суетности и тщеславія. Панинъ былъ сторонникъ модной въ то время педагогической системы: „учить ребенка играючи".

Нельзя однако осуждать исключительно одного Панина за такое направленіе воспитанія цесаревича. Львиная часть вины падаетъ на Екатерину II. Дорожившая расположеніемъ Панина до своего воцаренія, въ то время, когда она мечтала лишь о регентствѣ, которое надѣялась получить при помощи Панина, Екатерина II именно за это и не взлюбила его, когда стала императрицей. Впослѣдствіи Екатерина говорила своему статсъ-секретарю Храповицкому: „Тамъ (при воспитаніи Павла Петровича) не было мнѣ воли сначала, а послѣ по политическимъ причинамъ не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ" (Кобеко, стр. 12). Въ полугодовое царствованіе Петра III Екатеринѣ было не до Павла Петровича. Въ эти шесть мѣсяцевъ она вступила въ открытый разрывъ съ мужемъ и въ интимномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ обдумывала пріемы того переворота, который произошелъ 28-го іюня 1762 г., и цесаревичъ былъ окончательно забытъ. Теоретически Екатерина II очень хорошо, конечно, понимала задачи воспитанія наслѣдника престола; еще будучи великою княгиней, она отмѣтила въ одной изъ своихъ тетрадокъ слѣдующее: „При воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей" (Сб. Русск. Истор. Общ., VII, 97). Но прилагать эти воззрѣнія къ Павлу Петровичу она вовсе не была расположена; и вотъ, вслѣдъ за воцареніемъ, заботы ея о воспитаніи наслѣдника престола выражаются однимъ изъ тѣхъ эфектныхъ поступковъ, какихъ впослѣдствіи она дѣлала не мало. Она вздумала пригласить въ воспитатели Павла Петровича извѣстнаго Даламбера. Панинъ не могъ обидѣться предпочтеніемъ ему одного изъ тогдашнихъ „царей мысли", а Европа должна была поразиться либерализмомъ и мудростью сѣверной Семирамиды. Даламберъ отнесся иронически къ этому приглашенію, но цѣль Екатерины была достигнута: вся Европа восхвалила ея просвѣщенный образъ мыслей. Приглашая Даламбера въ воспитатели сына, Екатерина II одновременно съ этимъ развиваетъ въ немъ суетность и тщеславіе. Она жалуетъ семилѣтняго цесаревича полковникомъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, назначаетъ его генералъ-адмираломъ и даетъ ему право раздавать голштинскій орденъ св. Анны, учрежденный герцогомъ Голштинскимъ

Фридрихомъ-Карломъ, его дѣдомъ. Павла Петровича считаютъ взрослымъ: ему представляются иностранные посланники, его занимаютъ балами и маскарадами; его окружаютъ лица, позволявшія себя вести при немъ далеко не педагогически.

Объ окружающихъ цесаревича г. Кобеко говоритъ слѣдующее: „Разговоры, которые эти лица вели въ присутствіи Павла Петровича, представляютъ странную смѣсь серьезнаго съ крайне легкомысленнымъ. Они живо характеризуютъ эпоху. Съ одной стороны въ бесѣдахъ этихъ лицъ, государственныхъ дѣятелей того времени, обсуживались политическіе интересы Россіи, оцѣнивалось ея прошлое, предлагались мѣры для улучшеній и преобразованій. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ охватившаго тогда высшее русское общество пристрастія къ Франціи, перенесшаго въ Россію чуждыхъ ей петиметровъ, кокетокъ и вольтеріанцевъ, разговоры эти часто переходили въ анекдоты и шутки, быть можетъ простительные для людей взрослыхъ, но неумѣстные въ присутствіи царственнаго отрока. Распущенность нравовъ отражалась въ распущенности разговоровъ, въ которыхъ разсказы о прекрасномъ полѣ занимали видное мѣсто“ (Кобеко, 33, 34).

Посѣщенія эрмитажнаго театра начались для Павла Петровича весьма рано, съ восьмилѣтняго возраста. О выборѣ пьесъ не заботились: цесаревичъ смотрѣлъ все, что тамъ игралось. Десяти лѣтъ самъ Павелъ выступаетъ на театральныхъ подмосткахъ въ роли „брачнаго бога Гименея“. На 12-мъ году Павлу Петровичу шутя говорили, что ему пора жениться, и онъ отвѣчалъ на это также шутками, показывающими, что онъ уже понималъ ту сторону брачныхъ отношеній, о которой обыкновенно не говорятъ дѣтямъ. Екатерина и Гр. Гр. Орловъ потворствовали такому преждевременному развитію, шутя съ цесаревичемъ на счетъ актрисъ, фрейлинъ и воспитанницъ Смольнаго института. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Павелъ Петровичъ 11—12 лѣтъ уже занимался, по типическому выраженію XVIII в., „маханьемъ“. Предметомъ его дѣтскаго увлеченія была молоденькая фрейлина Чоглокова.

Составъ учителей Павла Петровича нельзя назвать образцовымъ. Изъ всѣхъ его преподавателей только учитель ариѳметики и геометріи Порошинъ и закона Божія архимандритъ Платонъ, извѣстный впослѣдствіи митрополитъ Московскій, стояли на высотѣ своего призванія и посѣяли своими уроками и отношеніями къ Павлу Петровичу благія сѣмена въ его умѣ и сердцѣ. Порошинъ, искренно полюбившій своего царственнаго ученика, былъ оттертъ отъ наслѣдника

Digitized by Google

престола, пробывъ его учителемъ всего около четырехъ лѣтъ: онъ былъ уволенъ когда Павлу Петровичу шелъ 12-й годъ. Благодаря Платону врожденное религіозное чувство въ цесаревичѣ было сохранено на всю его жизнь. Екатерина II совершенно не вмѣшивалась въ преподаваніе сыну закона Божія. Два другіе преподавателя изъ Нѣмцевъ были не таковы. Эпинусъ, преподаватель физики и астрономіи, былъ извѣстнымъ въ свое время спеціалистомъ-ученымъ, членомъ Берлинской и Петербургской академіи наукъ, но не отличался педагогическими пріемами. Остервальдъ, учившій цесаревича исторіи, географіи и языкамъ нѣмецкому и русскому, былъ по отзыву одного современника, также Нѣмца, „человѣкомъ безъ свѣдѣній и самаго дюжиннаго ума". Назначеніе Остервальда особенно поражаетъ своею странностью: Нѣмецъ обучаетъ русскому языку наслѣдника Русскаго престола въ то самое время, когда великій русскій ученый Ломоносовъ создаетъ нашъ отечественный литературный языкъ, работаетъ надъ его грамматикой, посвящая ее Павлу Петровичу и привѣтствуя рожденіе его торжественною одой. Ломоносовъ не только не приглашается въ преподаватели цесаревича, но люди, окружающіе послѣдняго, называютъ Ломоносова дуракомъ, и Павелъ Петровичъ, повторяя слова другихъ, называетъ такъ Ломоносова, получивъ извѣстіе о его кончинѣ. Тотъ же „дюжиннаго ума" невѣдомый Нѣмецъ Остервальдъ преподаетъ цесаревичу исторію, а такіе извѣстные и въ то время, истинно ученые Нѣмцы-историки, какъ Гергардъ-Фридрихъ Мюллеръ и Августъ-Людвигъ Шлёцеръ, принадлежа оба къ Петербургской академіи наукъ, остаются въ сторонѣ. А между тѣмъ Екатерина II, которая сама съ педагогическою цѣлію написала впослѣдствіи „Записки касательно Россійской исторіи", очень хорошо сознавала важное политическое и общественное образовательное значеніе исторіи. Порошинъ предложилъ весьма основательную программу для преподаванія математики съ прикладными знаніями, но Эпинусъ не подчинялся этой программѣ и началъ обучать цесаревича физикѣ и астрономіи въ то время, когда тотъ проходилъ съ Порошинымъ лишь ариѳметику. Въ преподаваніе вмѣшивались Гр. Гр. Орловъ и разные придворные, давая Павлу Петровичу не прошенные совѣты и сбивая его этимъ съ толку. Кромѣ уроковъ, цесаревичъ занимался чтеніемъ, но безъ строгаго выбора: онъ читалъ всякую книгу, которая подвертывалась ему подъ руку. Остальные учителя, преподаватели искусствъ, находились при цесаревичѣ или въ роли забавниковъ, или

Digitized by Google

же состояли изъ ничтожныхъ иностранцевъ, не имѣвшихъ на него никакого вліянія.

Такъ шли занятія съ Павломъ Петровичемъ до его 15-ти лѣтняго возраста. Въ эти года было систематизировано его чтеніе подъ руководствомъ особо назначенныхъ для того лицъ — двухъ Французовъ и одного Нѣмца. Авторъ плохой русской исторіи, врачъ Левекъ и малоизвѣстный французскій литераторъ, библіотекарь цесаревича Лафермьеръ выбирали французскія книги для общаго развитія юноши. Чтобы судить о воззрѣніяхъ на Россію, внушаемыхъ ими Павлу Петровичу, достаточно прочесть нравственно-философскій трактатъ „Yu le grand et Confucius" (1769), составленный для цесаревича Левекомъ по указанію Екатерины II: Россія сравнивается въ немъ съ Китаемъ. Третій изъ наставниковъ, Николаи, былъ человѣкомъ дѣйствительно ученымъ и весьма основательно руководилъ нѣмецкимъ чтеніемъ цесаревича. Рядомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ общаго образованія, Павла Петровича стали въ то же время обучать спеціальнымъ знаніямъ, необходимымъ ему какъ будущему императору Россійскому. Преподавателемъ государственныхъ наукъ былъ опредѣленъ извѣстный дѣлецъ второй половины XVIII в., Г. Н. Тепловъ. Человѣкъ очень умный и образованный, но утонченно-безнравственный, Тепловъ преднамѣренно поселялъ въ Павлѣ Петровичѣ отвращеніе къ серьезнымъ занятіямъ государственными дѣлами и сознательно сообщалъ ему неправильныя политическія воззрѣнія. Вмѣсто государственныхъ наукъ, Тепловъ утомлялъ цесаревича чтеніемъ подлинныхъ процессовъ, производившихся въ сенатѣ: Павелъ Петровичъ получилъ отвращеніе отъ этихъ процессовъ и слышать не хотѣлъ о занятіяхъ съ Тепловымъ. Военное дѣло было напротивъ того совершенно изгнано изъ программы занятій цесаревича; его не только не обучали военному строю и ружейнымъ пріемамъ, но постоянно острили въ его присутствіи надъ военнымъ дѣломъ, такъ какъ Панинъ боялся развитія въ немъ милитаризма. Не смотря однако на подобныя предосторожности, въ Павлѣ Петровичѣ впослѣдствіи чрезвычайно сильно развилась унаслѣдованная имъ отъ отца склонность къ военнымъ экзерциціямъ и парадамъ: воинскій артикулъ занималъ Павла болѣе, чѣмъ государственныя потребности: таковы были весьма печальные, хотя и вполнѣ естественные результаты уроковъ Г. Н. Теплова. Директоръ морскаго корпуса, Ив. Логг. Голенищевъ-Кутузовъ очень усердно и толково занимался съ цесаре-

Digitized by Google

вичемъ морскимъ дѣломъ. Павелъ Петровичъ пристрастился къ флоту и заботился о его процвѣтаніи.

На 19-мъ году закончилось воспитаніе и обученіе цесаревича. Онъ вступалъ въ жизнь—и прямо въ жизнь семейнаго человѣка. Цесаревичъ былъ обвѣнчанъ съ дармштадтскою принцессой Вильгельминой (Натальей Алексѣевной). Вопросъ о его бракѣ былъ рѣшенъ помимо его самого; выборъ невѣсты былъ сдѣланъ также. Екатерина II рѣшила этотъ бракъ изъ политическихъ соображеній, при помощи Фридриха II и датскаго посланника Ассебурга. Бракъ этотъ былъ непродолжителенъ и несчастливъ. Вліяніе на Павла Петровича его первой супруги было весьма неблаготворно. Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь посмотримъ на нравственный обликъ Павла Петровича къ его 19-ти лѣтнему возрасту.

Слабое здоровье и нервный темпераментъ Павла Петровича опредѣляли его нравственную природу. Порошинъ рисуетъ его нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ, увлекающимся, вѣчно торопящимся и спѣшащимъ, даже въ мелочахъ. Нѣжное сердце, пылкое и развитое воображеніе и талантливость ума составляютъ отличительныя психическія свойства Павла Петровича ребенка и юноши. Наблюдательность, мѣткость въ сужденіяхъ, находчивость въ отвѣтахъ, насмѣшливость и большое остроуміе — вотъ общія качества ума Павла Петровича, сохраненныя имъ на всю жизнь; но они постепенно принимали болѣзненно-мрачный оттѣнокъ и выразились впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ странныхъ поступковъ. Эти странности унаслѣдованы Павломъ Петровичемъ отъ его отца, Петра III; отъ матери, по справедливому замѣчанію г. Кобеко, перешли къ Павлу Петровичу наблюдательность, мѣткость въ сужденіяхъ, находчивость, насмѣшливость и остроуміе. Умственное развитіе цесаревича, какъ мы видѣли, не было нормировано правильнымъ, систематическимъ ученіемъ. Общество, окружавшее его, также не могло способствовать естественному развитію его ума и образованію характера. Павелъ Петровичъ росъ одинокимъ, безъ сверстниковъ. Рѣдко приглашали къ нему мальчиковъ однихъ съ нимъ лѣтъ. Это, съ одной стороны, пріучало его къ сосредоточенности, къ скрытности, а съ другой — у него являлось понятное желаніе стать на одинъ уровень съ взрослыми людьми, преждевременно сдѣлаться **большимъ**, и онъ привыкалъ усвоивать все поверхностно, внѣшнимъ образомъ, не давая себѣ труда что-либо основательно продумать. Надо однако отдать справедливость Павлу Петровичу: онъ тяготился окружающими его условіями жизни: его

Digitized by Google

утомляли постоянные балы, маскарады и театры, а случайное чтеніе не удовлетворяло его, и онъ иногда съ сердцемъ прерывалъ читавшаго ему вслухъ.

29-го сентября 1773 года совершилось бракосочетаніе Павла Петровича съ Натальей Алексѣевной; 15-го апрѣля 1776 г. великая княгиня была уже въ гробу. Два съ половиной года супружества подѣйствовали на Павла Петровича весьма тяжело: они окончательно испортили его характеръ.

По отзыву хорошо знавшихъ великую княгиню Наталью Алексѣевну „она была порабощена честолюбіемъ; сердце у нея было гордое, нервическое, холодное, быть можетъ нѣсколько легкомысленное, но открытое и послушное силѣ вѣрнаго сужденія"…. (Кобеко, 118). „Наталья Алексѣевна", говоритъ г. Кобеко, — „управляла мужемъ деспотически, не давая себѣ даже труда выказывать малѣйшей къ нему привязанности. Въ выборѣ членовъ своего общества, своихъ удовольствій и даже въ своемъ образѣ мыслей, онъ вполнѣ подчинился ей. Она не дозволяла ему пользоваться его умомъ. Онъ былъ живъ и подвиженъ — сдѣлался тяжелъ и апатиченъ. Съ своей стороны она была управляема графомъ Ал. Кирилл. Разумовскимъ, который, въ свою очередь, получалъ наставленія и большую часть доходовъ отъ посланниковъ бурбонскихъ дворовъ. Екатерина замѣтила это поведеніе невѣстки, дѣлала ей наставленія но безуспѣшно. „Великая княгиня была честолюбива и рѣшительна, и еслибы смерть не прекратила ея дѣятельности, то между ею и Екатериною вѣроятно возникла бы борьба" (Кобеко, 122). Честолюбіе великой княгини находило обильную пищу въ мысли о воцареніи Павла Петровича при жизни Екатерины II. Разумовскій намекалъ ему на возможность переворота въ его пользу, указывая на любовь къ нему народа. Припомнимъ, что это было въ то время, когда свирѣпствовала Пугачевщина, и мятежныя толпы весьма сочувствовали Павлу Петровичу. Въ бумагахъ Наталіи Алексѣевны были впослѣдствіи найдены какіе-то политическіе проекты, писанные Разумовскимъ (Кобеко, 116).

Павелъ Петровичъ не грустилъ о смерти жены, а Екатерина, сдѣлавъ ошибку въ выборѣ первой супруги сына, надѣялась поправить свой промахъ при второмъ бракѣ. Фридрихъ II опять явился услужливымъ сватомъ, и второю женой наслѣдника Русскаго престола сдѣлалась дочь племянницы Прусскаго короля, виртембергская принцесса Софія-Доротея, столь извѣстная впослѣдствіи своими благотвореніями и заботами о воспитаніи дѣтей императрица Марія Ѳео-

Digitized by Google

доровна. Въ сентябрѣ 1776 года совершился второй бракъ Павла Петровича.

Начало новой брачной жизни цесаревича совпадаетъ съ началомъ самаго блестящаго періода царствованія Екатерины II. Побѣды Румянцева и Алексѣя Орлова въ Турціи и преобладаніе Россіи въ Польшѣ поставили Россію на небывалую высоту въ глазахъ западноевропейскихъ державъ, сблизили Россію съ Пруссіей, а затѣмъ съ Австріей, и упрочили за ней то положеніе среди европейскихъ державъ, какое продолжается до нашихъ дней. Въ вопросахъ восточномъ и польскомъ Россія получила рѣшающее, первенствующее значеніе. Возмущеніе Пугачева подавлено; авантюристка, называвшая себя княжной Таракановой, заключена въ Петропавловскую крѣпость. Россія успокоилась и извнѣ, и внутри. Екатерина обращаетъ вниманіе на дальнѣйшее упроченіе внутренняго порядка и на возвеличеніе Россіи на востокѣ и въ глазахъ Европы. Этотъ періодъ былъ временемъ всесильнаго могущества Потемкина. Павелъ, отстраненный отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, окончательно отдалился отъ матери и заперся въ своей Гатчинѣ. Здѣсь, живя частнымъ человѣкомъ, „Гатчинскимъ помѣщикомъ", какъ онъ называлъ себя,—онъ обдумывалъ въ тиши своего кабинета тѣ измѣненія въ государственныхъ порядкахъ, которые сталъ приводить въ исполненіе, сдѣлавшись императоромъ. Весьма любопытны отзывы о Павлѣ Петровичѣ двухъ близкихъ ему лицъ изъ времени первыхъ годовъ его второго супружества. Вотъ какимъ рисуетъ его фрейлина великой княгини Маріи Θеодоровны Г. И. Алымова: „Не любя шумныхъ удовольствій, онъ искалъ общества близкихъ ему людей и въ бесѣдѣ съ ними былъ откровененъ и довѣрчивъ. Я замѣчала въ немъ лишь хорошія свойства: чистоту намѣреній, прямоту, благородство души, великодушіе, весьма пріятный умъ и особенную способность убѣждать людей. Когда онъ хотѣлъ нравиться, нельзя было противиться его обаянію. Его некрасивая наружность и рѣзкія манеры въ обществѣ становились непримѣтными въ дружескомъ кругу. Въ эту пору онъ былъ хорошимъ мужемъ, сыномъ и отцомъ. Необходимо было окружить его честными людьми: онъ легко поддавался вліянію лицъ, искавшихъ его довѣрія, и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Будучи довѣрчивъ по природѣ, онъ сталъ подозрительнымъ вслѣдствіе обмановъ, которымъ подвергался". Камеръ-юнкеръ князь Θ. Н. Голицынъ говоритъ слѣдующее: „Великій князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятью; сердце его было чувствительно,

Digitized by Google

но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Обстоятельства ли, въ которыхъ онъ возрасталъ, другія ли причины поселили въ немъ большую недовѣрчивость и также частую перемѣну въ расположеніяхъ къ людямъ, его окружавшимъ. Сіи недостатки много способствовали повредить его свойства" (Кобеко, 155, 156).

Отзывы Алымовой и князя Голицына указываютъ почти на тѣ же самыя черты въ характерѣ Павла Петровича, которыя были замѣчены Порошинымъ гораздо раньше ихъ. Князь Голицынъ не разрѣшаетъ условій, дурно вліявшихъ на психическое развитіе Павла Петровича. Книга Д. Ѳ. Кобеко, появившаяся сто лѣтъ спустя, обстоятельно указала на эти условія и такимъ образомъ опредѣлила тѣ элементы, изъ которыхъ сложился характеръ преемника Екатерины II. Это крупная услуга новой русской исторіи; дальнѣйшія открытія въ источникахъ могутъ многое пополнить и пожалуй измѣнить кое-что въ группировкѣ фактовъ, собранныхъ старательнымъ изслѣдователемъ, но едва ли они измѣнятъ сущность проведеннаго г. Кобеко взгляда на развитіе характера цесаревича Павла Петровича.

Д. Корсаковъ.

Specimina Linguae palaeoslovenicae. Edidit *V. Jagić.*
Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ *И. В. Ягичъ.* С.-пб. 1882.
Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. Пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. *А. Смирнова.* Варшава .1882.

Изъ вышеназванныхъ трудовъ хрестоматія профессора Ягича заключаетъ въ себѣ отрывки изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, писанныхъ какъ кириллицею, такъ и глаголицею, именно изъ Евангелій Зографскаго, Григоровичева или Марьинскаго, Ассеманіева или Ватиканскаго, Клоцева Глаголиты, Синайскаго Требника, Савиной книги, Слуцкой Псалтыри и Супрасльской рукописи, а также листки: Македонскій, Кіевскій глаголическій, Ундольскаго, Купріянова и Хиландарскій. Сверхъ того, въ приложеніяхъ находятся отрывки изъ памятниковъ русскихъ: Остромирова и Туровскаго Евангелій, Евгеніевой Псалтыри, Святославова Изборника 1073 года, Успенскаго сборника XII вѣка, и изъ памятниковъ сербскихъ: Симеонова Евангелія конца XII вѣка, Кормчей 1262 года и Михановичева сборника XIII вѣка. Тексты изданы г. Ягичемъ частію по рукописямъ,

Digitized by Google

частію по печатнымъ изданіямъ, и писанные глаголицею напечатаны также глаголицей, а писанные кириллицей напечатаны разными шрифтами кирилловскаго алфавита. При церковно-славянскихъ памятникахъ приведены разночтенія изъ разныхъ древнихъ рукописей и ко всѣмъ вообще памятникамъ приложенъ объяснительный словарь.

Главное и самое важное достоинство труда г. Ягича состоитъ въ томъ, что тексты имъ напечатаны очень исправно, и число опечатокъ очень невелико. Основаніе хрестоматіи г. Ягича составляютъ тексты церковно-славянскіе, тексты же древне-русскіе и древне-сербскіе являются не болѣе, какъ приложеніе. Но нельзя не замѣтить, что первымъ дано слишкомъ мало мѣста сравнительно со вторыми и третьими, особенно тѣмъ, которые писаны глаголицею. Такъ отрывки Зографскаго Евангелія занимаютъ четыре страницы, отрывки Евангелій Григоровичева и Ассеманіева—по три, тогда какъ отрывки сборниковъ древнѣ-русскаго Успенскаго и древне-сербскаго Михановичева занимаютъ по 11 страницъ; едва ли однако можно думать, что языкъ послѣднихъ памятниковъ болѣе важенъ и интересенъ для изученія, чѣмъ языкъ памятниковъ церковно-славянскихъ. Нельзя также не замѣтить, что въ приложеніи, при отрывкахъ памятниковъ древне-русскихъ и древне-сербскихъ, мы не находимъ ни отрывковъ такъ-называемыхъ средне-болгарскихъ памятниковъ [1]) (хотя, они состоятъ въ самой тѣсной связи съ памятниками церковно-славянскими), ни Пражскихъ глаголическихъ отвывковъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ Кіевскимъ глаголическимъ отрывкомъ (которому г. Ягичъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, далъ мѣсто среди церковно-славянскихъ памятниковъ), единственные остатки древне-моравской письменности. По отношенію къ находящимся въ рукописяхъ титламъ, г. Ягичъ поступилъ не такъ, какъ профессоръ Буслаевъ въ его извѣстной „Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ", а такъ, какъ Лескинъ въ хрестоматіи, приложенной къ его Handbuch der altbulgarischen Sprache, то-есть, раскрылъ всѣ титла. Но при этомъ г. Ягичъ, вопервыхъ, далеко не вездѣ обозначилъ, какія именно буквы находятся въ рукописи, и какія возстановлены имъ (напримѣръ, въ листкѣ Ундольскаго и въ отрывкѣ Евгеніевой Псалтыри рукописныя ц҃рство, въц҃рисѧ переданы имъ

---

[1]) Изъ нихъ два: Тріодь Григоровича и Болонская Псалтырь цитуются г. Ягичемъ въ разночтеніяхъ къ церковно-славянскимъ памятникамъ.

Digitized by Google

черезъ ц(ѣса)рство, въц(ѣса)рисѧ, а въ Саввиной книгѣ, вмѣсто рукописныхъ о҃ца, из лю и т. п. имъ поставлено отьца, Израилю), и вопторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вставилъ буквы произвольно, какъ это можно видѣть изъ того, что находящіяся, напримѣръ, въ рукописи Саввиной книги сокращенія дв҃ъ, изл҃ю, ц҃ркве и т. п. г. Ягичъ передаетъ черезъ Давидовъ (стр. 43), Израилю, црькъве (стр. 44), хотя вѣрнѣе передать: дв҃ъ—черезъ Давыдовъ (ср. въ Супрасльской рукописи Давыдъ) [1]), изл҃ю—черезъ Издраилю (ср. въ той же Саввиной книгѣ въздрадовалисѧ, въздрадѹетъсѧ и въ Супрасльской рукописи Издраиль), а црк҃ве черезъ црьве (ср. въ Саввиной книгѣ жрънькахъ, крьвь, любьве), Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что г. Ягичъ иногда обращается съ текстами слишкомъ свободно. Въ рукописи Саввиной книги почеркомъ, отличнымъ отъ того, которымъ писанъ самый текстъ, и принадлежащимъ несомнѣнно русской рукѣ (3-е л. мн. ч. аориста оканчивается на ша, а не на шѧ), сдѣланы надъ строками поправки и дополненія; г. Ягичу предстояло выбрать одно изъ двухъ: или—что̀ лучше—не печатать ихъ совсѣмъ, какъ не принадлежащихъ къ древнему тексту, или напечатать ихъ всѣ, означивъ ихъ скобками и объяснивъ значеніе этихъ скобокъ въ примѣчаніи; но онъ напечаталъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ; такъ, послѣ словъ жена едина (стр. 40) находящейся въ рукописи надстрочной поправки етера онъ не помѣстилъ, а послѣ словъ иждивъши все свое (стр. 41) находящееся въ рукописи надстрочное дополненіе добро помѣстилъ, заключивъ его въ скобки, но не указавъ, что̀ значатъ эти скобки, и чѣмъ онѣ отличаются отъ скобокъ въ другихъ случаяхъ. Наконецъ, въ самыхъ текстахъ г. Ягичъ раздѣлилъ слова не всегда вѣрно. Въ Саввиной книгѣ написано: вьвидежеиѡсифь, обрѣтѫмарниѫ жеиѡсифа; такъ какъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ нерѣдко вмѣсто двухъ одинакихъ гласныхъ, долженствующихъ стоять рядомъ, находимъ одну (въ Ассеманіевомъ Евангеліи: стоую чюдотворцю|кура|иоана, обрѣтение мощии|кура|иоана; въ листкѣ Ундольскаго: въ црстви|отъца; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по списку XII вѣка: по остриженi|же мтре своѥя), то приведенныя мѣста Саввиной книги надо чи-

[1]) Самъ г. Ягичъ въ отрывкахъ Евгеніевой Псалтыри рукописное ддоу передаетъ черезъ Д(авы)доу (стр. 77).

тать: вьзиде же (и) Иωсифь, Марныѣ же (и) Иωсифа, а г. Ягичъ читаетъ: вьзиде же и Ωсифь, Марныѣ же и Ωсифа (стр. 43).

Что касается словаря, приложеннаго г. Ягичемъ къ хрестоматіи, то онъ кажется намъ въ одно и то же время и излишне полнымъ, и недостаточно полнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія церковно-славянскія слова, какъ ацѣ, балии, бесирѣсменъ, брисало, должны имѣть въ немъ мѣсто, но зачѣмъ въ немъ находятся слова въ родѣ а, адъ, азъ, алъкати, анъгелъ, апостолъ, архиерей? Словарь назначается г. Ягичемъ для Русскихъ, которые, конечно, очень хорошо знаютъ ихъ значеніе и не нуждаются въ ихъ истолкованіи. Но если г. Ягичъ рѣшился уже составить полный словарь къ своей хрестоматіи, то въ немъ должны получить мѣсто всѣ слова безъ изъятія. Между тѣмъ мы напрасно будемъ искать въ немъ, напримѣръ, словъ бъвати, дьно, человѣкъ (отличныхъ отъ словъ бывати, дъно, чловѣкъ), находящихся въ отрывкѣ Святославова Изборника 1073 года (стр. 81, 82).

Хрестоматія профессора Смирнова по составу своему сходна съ „Историческою Хрестоматіей" г. Буслаева, въ настоящее время уже не существующею въ продажѣ; именно она заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, памятники русскаго языка съ XI по XVII вѣкъ, и во-вторыхъ, образцы современной рѣчи Русскаго народа. Но при сходствѣ между этими трудами есть и значительная разница. При составленіи своей хрестоматіи, г. Буслаевъ имѣлъ въ виду дать матеріалъ и для исторіи русскаго языка, и для исторіи русской литературы; по этой причинѣ мы находимъ у него лишь очень небольшое число такихъ памятниковъ, которые не имѣютъ отношенія къ исторіи литературы и важны только для исторіи языка; грамоты, акты, записи, послѣсловія занимаютъ у него очень мало мѣста. Напротивъ того, трудъ г. Смирнова состоитъ изъ памятниковъ по преимуществу этого рода. Сверхъ того, г. Буслаевъ помѣстилъ въ своей хрестоматіи отрывки такихъ памятниковъ, которые важны столько же для изученія исторіи русскаго языка, сколько для изученія языка церковно-славянскаго, между тѣмъ какъ г. Смирновъ, хотя также помѣстилъ изъ нихъ отрывки, но лишь въ самомъ незначительномъ числѣ. Наконецъ, г. Буслаевъ далъ очень мало мѣста образцамъ современной народной рѣчи, тогда какъ у г. Смирнова они занимаютъ почти половину книги (около 100 страницъ). Изъ этихъ особенностей хрестоматіи г. Смирнова проистекаютъ и достоин-

Digitized by Google

ства ея, и недостатки. Изъ достоинствъ одно заключается въ томъ, что въ ней мы находимъ почти всѣ извѣстныя въ печати русскія грамоты, акты, записи, послѣсловія съ XI по XIV вѣкъ включительно, и сверхъ того, цѣлый рядъ грамотъ и актовъ XV и XVI вѣковъ; другое достоинство состоитъ въ томъ, что она содержитъ въ себѣ пока единственное по полнотѣ собраніе образцовъ русскихъ говоровъ. Главный же недостатокъ ея состоитъ въ томъ, что г. Смирновымъ не обращено вовсе вниманія на такіе памятники, какъ лѣтописи, изъ которыхъ имъ не приведено ни одного отрывка, и которыя, не смотря на то, что языкъ ихъ не свободенъ отъ примѣси церковно-славянскаго элемента, въ высшей степени важны для исторіи русскаго языка вообще и русскихъ нарѣчій въ частности, также на такіе, какъ Галицкое Евангеліе XIII вѣка или Лукино Евангеліе 1409 года, изъ которыхъ первое (отрывки его изданы покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ") замѣчательно, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ южно-русскаго нарѣчія, а второе (отрывки его находятся въ хрестоматіи г. Буслаева) интересно въ томъ отношеніи, что представляетъ данныя для характеристики особеннаго, не существующаго уже нынѣ сѣверно-русскаго говора. Вслѣдствіе того по хрестоматіи г. Смирнова нельзя составить себѣ достаточнаго понятія о древне-русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ и ихъ исторіи.

Изъ другихъ недостатковъ этого труда слѣдуетъ указать прежде всего на тотъ, что г. Смирновъ при изданіи, какъ памятниковъ, такъ и образцовъ народной рѣчи, пользовался почти исключительно печатными изданіями, которыя, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, не всегда отличаются точностью; впрочемъ, это—недостатокъ неизбѣжный, и въ немъ г. Смирновъ виновенъ очень мало: изданіе такой хрестоматіи, какъ его, по однимъ подлинникамъ памятниковъ и по собственнымъ записямъ народной рѣчи—дѣло невозможное, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые подлинники не извѣстно гдѣ находятся, а нѣкоторые хранятся въ такихъ мѣстахъ, куда могутъ проникать лишь избранные. Съ этимъ недостаткомъ тѣсно связанъ другой: г. Смирновъ считалъ своимъ долгомъ перепечатывать матеріалъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ онъ его нашелъ, и потому одни изъ памятниковъ напечатаны у него строка въ строку, знакъ въ знакъ (Двинская рядная XIV в., духовная Новгородца Климента 1270 года), другіе напечатаны безъ соблюденія строкъ, третьи—безъ соблюденія и строкъ, и знаковъ, четвертые—съ раскрытіемъ титлъ (запись при Минеѣ

Digitized by Google

1096 года и друг.), при чемъ сохранены не только прописныя буквы въ словахъ князь, государь и т. п. (въ памятникахъ, взятыхъ изъ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ"), но и ошибочныя чтенія. Такъ въ Новгородской договорной грамотѣ 1316 года, перепечатанной изъ „Собранія государственныхъ грамотъ" мы читаемъ: Елферий Жидь Слаличь (стр. 50), тогда какъ нужно читать Елферий Жидьсла(в)личь; въ Двинской рядной XIV в., перепечатанной изъ „Свѣдѣній и замѣтокъ" Срезневскаго, мы читаемъ: дворянином Матуто и Мартынкомъ (стр. 75), тогда какъ нужно читать: Матутон (фамилія) Мартынкомъ (имя), и т. п. Точно также образцы народной рѣчи значительно отличаются другъ отъ друга и по точности ея передачи, и по принятому правописанію (иногда довольно безобразному).

Наконецъ, нельзя не пожалѣть, что г. Смирновъ почему-то нашелъ излишнимъ сдѣлать какія-либо объяснительныя примѣчанія къ текстамъ, хотя эти послѣдніе и въ грамматическомъ отношеніи, и въ словарномъ очень часто представляютъ такія трудности, преодолѣть которыя въ состояніи только немногіе.

Не смотря на эти недостатки, мы не можемъ не признать труда г. Смирнова полезнымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и его исторіи.

А. Соболевскій.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. С.-Пб. 1883 г.

Сборникъ, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, составляетъ въ высшей степени отрадное явленіе не только въ научномъ отношеніи, но и въ общественномъ смыслѣ. Уже самая мысль объ изданіи такого сборника въ честь достойнаго наставника, мысль, притомъ столь успѣшно приведенная въ исполненіе, внушаетъ уваженіе къ личности того профессора и писателя, ученый юбилей котораго подалъ поводъ къ этому изданію. Но въ то же время нельзя не порадоваться и тому, съ какимъ живымъ сочувствіемъ ученики юбиляра, въ разное время слушавшіе его курсы въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а также и въ С.-Петербургской духовной академіи, разбросанные по Россіи, занятые собственными дѣлами, поспѣшили прим-

Digitized by Google

кнуть къ чествованію своего бывшаго профессора. Весьма замѣчательно то количество славистовъ, которое подготовлено В. И. Ламанскимъ въ теченіе его профессуры. Въ пятнадцать лѣтъ, съ 1867 г., болѣе двадцати молодыхъ людей, привлеченные имъ къ занятію славяновѣдѣніемъ продолжали по окончаніи курса свою научную дѣятельность. Въ настоящее время трое изъ нихъ имѣютъ ученую степень доктора, и 7—магистра; 11 человѣкъ занимаютъ каѳедры, 16 еще до участія въ Сборникѣ получили извѣстность въ литературѣ своими научными трудами. Конечно, такой успѣхъ преподаванія В. И. Ламанскаго отчасти объясняется и свойствами самой науки славяновѣдѣнія, близко говорящей уму и сердцу каждаго истинно-русскаго юноши. Но въ то же время нельзя не имѣть въ виду, что избраніе этого предмета для спеціальныхъ занятій въ университетѣ не сулитъ избирающимъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Избирающіе спеціальностью славяновѣдѣніе руководятся единственно внутреннимъ влеченіемъ къ нему, и потому тѣмъ безкорыстнѣе ихъ влеченіе; еще на университетской скамьѣ привыкаютъ они относиться къ наукѣ вполнѣ серьезно (дѣйствительно, большинство участниковъ въ Сборникѣ награждены были въ университетѣ медалями) и по окончаніи курса не покидаютъ научныхъ занятій: Въ данномъ случаѣ однако главную долю вліянія на молодыхъ людей имѣла личность самого профессора, его обширныя, многостороннія свѣдѣнія по всѣмъ отрослямъ славяновѣдѣнія и смежныхъ съ нимъ наукъ, свѣдѣнія, подкрѣпленныя и провѣренныя основательнымъ личнымъ знакомствомъ со славянскимъ міромъ, за событіями котораго онъ продолжаетъ съ живымъ участіемъ и вниманіемъ слѣдить и находясь въ Россіи. Та цѣльность и полная искренность воззрѣній, соединенная съ отзывчивостью къ фактамъ современной, русско-славянской и европейской жизни, которая отличаетъ В. И. Ламанскаго, всегда сильно влечетъ къ себѣ молодые умы. Къ тому же такой синтезъ связывается у В. И. Ламанскаго съ умѣньемъ въ частныхъ вопросахъ угадывать общій смыслъ, и такимъ образомъ придавать имъ новую цѣну и открывать новыя точки зрѣнія, благодаря чему возбуждается интересъ къ занятію этими частными вопросами, и работа направляемыхъ профессоромъ молодыхъ людей перестаетъ быть (какъ часто случается съ начинающими) однимъ упражненіемъ только ради трудолюбія. Прибавимъ къ этому то теплое отношеніе, которое профессоръ обнаруживаетъ къ своимъ ученикамъ, его готовность дать имъ совѣтъ, указаніе, снабдить нужнымъ матеріаломъ, книгами, наконецъ—

Digitized by Google

его участіе въ личной судьбѣ каждаго изъ нихъ. Подобное отношеніе неотразимо дѣйствовало на каждаго изъ студентовъ, сближавшихся съ В. И. Ламанскимъ, ободряло и поддерживало ихъ въ научныхъ занятіяхъ. Плоды этой высоко полезной дѣятельности достойнаго наставника на лицо, и своимъ Сборникомъ ученики В. И. Ламанскаго свидѣтельствуютъ, чѣмъ былъ для нихъ ихъ профессоръ. Составители высказали это въ томъ посвященіи, которымъ открывается Сборникъ, и въ которомъ характеризуется многосторонняя учено-литературная, профессорская и общественная дѣятельность В. И. Ламанскаго. Затѣмъ помѣщенъ въ Сборникѣ списокъ сочиненій и изданій В. И. Ламанскаго съ 1854 по 1883 г., содержащій въ себѣ 163 №№. Далѣе идутъ статьи участниковъ Сборника, относящіяся къ разнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія. Эта разносторонность ихъ работъ ясно указываетъ, что наставникъ, направлявшій ихъ первые научные шаги, не заключился въ тѣсныхъ рамкахъ какой-либо одной части науки, но умѣлъ и желалъ подготовить молодыхъ славистовъ къ всецѣлому изученію славянства, сообразно съ силами и влеченіями каждаго изъ нихъ.

Статьи Сборника могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) статьи по церковной исторіи Славянъ; 2) по юридическому быту; 3) по политической исторіи; 4) по языковѣдѣнію; 5) по исторіи литературы. Познакомимъ съ содержаніемъ важнѣйшихъ статей.

I По церковной исторіи.

1) Т. Д. Флоринскаго: „Къ вопросу о богомилахъ“. Авторъ сообщаетъ новыя данныя для характеристики богомильства, почерпнутыя имъ, во время его путешествія по Болгаріи (лѣтомъ 1882 г.), изъ одной болгарской рукописи XIV в., находящейся въ Софійской народной библіотекѣ. Отсюда авторъ извлекъ статью, въ которой въ числѣ ересей, проклинаемыхъ церковью, упоминается и богомильство, при чемъ въ сжатомъ видѣ излагается и сущность ученія болгарскихъ богомиловъ, тогда какъ доселѣ свѣдѣнія о немъ почерпались только изъ произведеній обличителей ереси, у которыхъ самое еретическое ученіе невсегда ясно выступаетъ изъ-за теоретическихъ опроверженій. Кромѣ того, въ сообщаемомъ авторомъ отрывкѣ находится указаніе на существованіе въ западной Болгаріи организованной богомильской общины, глава которой носилъ названіе „дѣдьца“ (какъ „дѣдъ“—у боснійскихъ патареновъ) и имѣлъ мѣстопребываніе въ Срѣдьцѣ (Софіи).

2) И. С. Пальмова: „Памятники кирилло-меѳодіевской старины

въ Чехіи и Моравіи". Авторъ, на основаніи личныхъ наблюденій, обращаетъ вниманіе на сохранившіеся, не смотря на вѣковыя гоненія, вещественные остатки первобытнаго христіанства въ Чехіи и Моравіи, остатки, свидѣтельствующіе не только о широтѣ вліянія кирилло-меѳодіевской проповѣди, но и объ ея византійскомъ характерѣ. Таковы именно нѣкоторые храмы и часовни св. Климента, церкви Воздвиженія Креста и Успенія Божіей Матери, различныя мѣстности, къ которымъ народное преданіе пріурочиваетъ миссіонерскую дѣятельность славянскихъ апостоловъ (напримѣръ, колодцы, при которыхъ они крестили), главнымъ же образомъ такъ-называемые кирилло-меѳодіевскіе кресты, очевидно византійскаго стиля.

II. По юридическому быту:

1) Ѳ. И. Успенскаго: „Значеніе южно-славянской и византійской проніи". Подъ терминомъ пронія (πρόνοια) разумѣется пожалованіе служилымъ людямъ населенныхъ земель и другихъ угодій въ награду за оказанныя услуги и подъ условіемъ исполненія опредѣленной (главнымъ образомъ военной) службы съ пожалованія. Вопросъ о проніи, какъ и другіе вопросы о византійской и южно-славянской системѣ землевладѣнія, исторіи сословій, гражданскаго и военнаго устройства, очень важенъ и мало изслѣдованъ. Впервые терминъ „пронія" выдвинутъ былъ относительно Славянъ (Сербовъ), но такъ какъ пронія возникла и широко практиковалась въ Византіи, то является необходимость первоначально изучить ее по византійскимъ источникамъ. На основаніи ихъ г. Успенскій разсматриваетъ переходъ слова пронія изъ отвлеченнаго значенія (предусмотрительность, забота, промыслъ) въ позднѣйшее спеціальное и конкретное и слѣдитъ за развитіемъ проніарской системы, первыя извѣстія о которой относятся къ концу XI в. Во время Комниновъ и особенно Мануила система проніи окончательно сложилась, и будучи сходна въ основныхъ признакахъ съ бенефиціей, подготовила имперію къ принятію феодализма по завоеваніи Константинополя Латинами. Въ части имперіи, оставшейся за Греками, пронія развивалась и съ XIII по XV в. Въ XIV в. пронія переходитъ въ Сербію, въ XV в. въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ права и обязанности проніара по отношенію къ правительству и къ населенію проніарскихъ земель, указываетъ на стремленіе владѣльцевъ обратить пронію въ вотчину (аналогія съ западною бенефиціей), противодѣйствіе этому правительства и политику послѣдняго по отношенію къ поддержкѣ крестьянскаго сословія. Между прочимъ

Digitized by Google

авторъ касается и другихъ терминовъ, находящихся, въ связи или смѣшиваемыхъ съ проніей; таковъ аффиктъ, терминъ для обозначенія найма и обязательствъ арендаторовъ.

2) Ѳ. Ѳ. Зигеля: „Историческій очеркъ мѣстнаго земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ". Въ Чехіи древнѣйшими формами мѣстнаго самоуправленія были деревня и область (жупа). Подъ вліяніемъ нѣмецкаго права деревенское самоуправленіе постепенно теряетъ свое значеніе и въ XIV в. исчезаетъ. Самоуправленіе областей, жупъ, имѣвшее связь съ стариннымъ дѣленіемъ Чехіи на племена, имѣетъ больше значенія и жизни, которую не могла скоро сломить сначала особая власть князей (королей). Но когда она окрѣпла, то государи выступаютъ рѣшительно противъ областнаго самоуправленія и въ XIV в. значеніе жупъ падаетъ, и Чехія дѣлится на болѣе обширныя административныя единицы—края. Края уже не обнаруживаютъ такой свободы общественнаго самоуправленія, какъ прежнія жупы. Но гусситское народное движеніе влило жизнь въ самоуправленіе краевъ (и при этомъ демократизировало его). Въ XV в. общественная дѣятельность въ краяхъ усиливается до того, что ослабляетъ даже значеніе сеймовъ, и Чехія напоминаетъ собою больше федерацію отдѣльныхъ краевъ, чѣмъ единую монархію. Габсбурги, получивъ въ 1526 г. Чехію, начинаютъ бороться энергично съ самоуправленіемъ краевъ: вполнѣ оно исчезло только послѣ Бѣлогорской битвы 1620 года. Въ Польшѣ древнѣйшею формою самоуправленія было ополе, административная община изъ нѣсколькихъ деревень, исчезнувшая къ концу XIII в. Племеннаго самоуправленія (видоизмѣненіе коего въ Чехія—жупа) до Болеславовъ не встрѣчается, но съ распаденіемъ Польши на удѣлы племенные порядки оживаютъ. Когда Польша вновь соединилась, то она походила именно на федерацію отдѣльныхъ земель, и самоуправленіе ихъ отличалось аристократическимъ характеромъ, съ устраненіемъ горожанъ и духовенства. Послѣ перемѣны династіи въ XIV в. аристократія соединяется съ духовенствомъ, и выдвигается шляхетство, создавшее органъ для выраженія своихъ желаній—сеймики (XV в.), въ которыхъ въ XVI в. сосредоточивается вся внутренняя жизнь Польши, и самоуправленіе принимаетъ исключительно шляхетское направленіе; города совершенно остаются въ сторонѣ. Вся государственная машина была приспособлена только для удовлетворенія шляхетскихъ интересовъ.

III) По политической исторіи:

1) В. А. Кракау: „Данническая и ленная зависимость восточныхъ

Digitized by Google

окраинъ Германской имперіи въ X и XI вв." Авторъ выясняетъ на основаніи историческихъ памятниковъ X и XI вв. отношенія Римско-Германской имперіи къ славянскимъ и угорскимъ землямъ. Между ними ведется ожесточенная расовая борьба, Германцы смотрятъ на сосѣдей-язычниковъ какъ на безправныя существа, которыхъ церковь повелѣваетъ хотя бы силой обратить ко Христу, которыхъ должно истреблять, покорять и если нельзя обратить въ рабство, то по крайней мѣрѣ сдѣлать данниками. Но когда къ концу X в. Польша, Чехія и Угрія сплачиваются въ государства а, главное, принимаютъ христіанскую вѣру, и отношенія къ нимъ Римско-Германской имперіи измѣняются на болѣе дружелюбныя. Императоръ, не вмѣшиваясь непосредственно во внутреннія дѣла этихъ странъ, старается поставить ихъ въ ленную зависимость отъ себя. Вмѣсто прежняго матеріальнаго, внѣшняго подчиненія, цивилизація, культура, религія Германской имперіи втягиваютъ постепенно мирнымъ образомъ восточныя окраины въ общую жизнь, жизнь запада.

2) А. Л. Петрова: „Князь Константинъ Бодинъ. Очеркъ изъ исторіи Сербовъ XI в." Объединеніе Неманичами Сербскаго племени было подготовлено въ XI в. трудами Зетскихъ князей, а главнымъ образомъ Бодина, которому удалось освободить отъ власти Грековъ восточныя сербскія земли. Изображенію дѣятельности Бодина и посвященъ настоящій очеркъ. Изъ частныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ, нѣкоторый интересъ представляетъ вопросъ, не есть ли Бодинъ и упоминаемый одновременно Волканъ, владѣтель Расы, одно и то же лицо, какъ на это указываютъ нѣкоторыя данныя.

3) В. Э. Регеля: „Учредительныя грамоты Пражской епархіи". Авторъ разбираетъ грамоту, данную императоромъ Генрихомъ IV въ 1086 г. Пражскому епископу Яромиру и опредѣляющую границы Пражской епархіи. Основаніемъ для нея послужила грамота времени св. Войтѣха, до насъ не дошедшая, но сохраненная отчасти въ грамотѣ 1086 г. Грамота св. Войтѣха многими, особенно нѣмецкими учеными объявлялась подложною. Авторъ, съ одной стороны, указываетъ невѣроятность возникновенія такой поддѣлки, а съ другой — объясняетъ, что главныя доказательства подложности грамоты исходятъ изъ неправильнаго отнесенія грамоты къ 972—975 гг., тогда какъ, по мнѣнію автора, она появилась въ 982—983 гг.: при этомъ исчезаютъ ея кажущіяся анахронизмы. Другіе недоразумѣнія относительно разбираемаго памятника авторъ также считаетъ неосновательными. Далѣе авторъ доказываетъ, что грамота св. Войтѣха въ свою очередь осно-

Digitized by Google

вана на грамотѣ Моравскаго архіепископства, данной въ 880 г. св. Меѳодію. Такимъ образомъ при Войтѣхѣ возстановлено было прежнее Моравское архіепископство, при чемъ однако предположено было всѣми силами искоренять введенныя св. Меѳодіемъ византійскіе церковные обряды и славянскій языкъ. Въ заключеніе статьи авторъ разбираетъ по грамотѣ 1086 г. границы Пражской епархіи.

4) К. Я. Грота: „Новые труды по исторіи Венгріи". Авторъ подробно разсматриваетъ недавно вышедшія книги. J. L. Pič. Der nationale Kampf gegen. d. ung. Staatsrecht. Leipz. 1882 и H. Marczali, Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden, Berl. 1882, останавливаясь главнымъ образомъ на отношеніи авторовъ къ извѣстному анонимному нотарію короля Белы (VIII в.).

IV По языковѣдѣнію.

1) Р. Ѳ. Брандта: „Объ аористѣ бимь". Въ паннонскомъ нарѣчіи встрѣчается форма бимь, служащая для описанія условнаго (сослагательнаго) наклоненія: бимь (и бихъ), би, би, билѣ (и бихомъ), бисте, би(и бишѧ), бивѣ, биста, биста. Миклошичъ сближаетъ ее съ санскритскимъ ишевымъ аористомъ. Г. Брандтъ считаетъ, что бимь вовсе не аористъ, а представляетъ форму наклоненія желательнаго или условнаго. Наше условное бы такимъ образомъ имѣетъ начало въ бимь, формы же славянскія, обозначающія условія и сходныя съ аористомъ быхъ явились только замѣной бимь. При такомъ объясненіи бы, понятно, почему оно постоянно обозначаетъ условное сослагательное) наклоненіе, а не давнопрошедшее время, какъ должно было быть, если бы бы законно произошло изъ аориста быхъ.

2) А. Г. Семеновича: „Объ особенностяхъ угро-русскаго говора". Авторъ, на основаніи собственныхъ наблюденій надъ живымъ языкомъ, рукописныхъ сборниковъ и русско-мадьярскаго словаря Митрака, сообщаетъ грамматическія и лексикальныя особенности говора полумилліона Русскихъ сѣверо-восточной Угріи, говора, по мнѣнію автора, болѣе всего близкаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію.

3) И. И. Соколова: „Мукачевская Псалтырь XV в.". Здѣсь представляется подробное, съ указаніемъ особенностей письма и языка, описаніе пергаменной Псалтыри средне-болгарскаго письма XV в. (съ отличіями, характеризующими валашскихъ писцовъ), присланной на библіографическую выставку въ Будапештѣ 1882 г. изъ Мукачевскаго монастыря (въ Угорской Руси).

4) И. Ѳ. Анненскаго: «Изъ наблюденій надъ языкомъ и поэзіей

Digitized by Google

русскаго сѣвера». Статья посвящена семасіологическимъ и лексическимъ наблюденіямъ, именно въ области явленій тепла и холода, по скольку эти явленія отразились въ языкѣ и поэзіи русскаго сѣвера.

5) Ѳ. М. Истомина: „По поводу топической теоріи въ славянскомъ народномъ творчествѣ". Авторъ разсматриваетъ вкратцѣ возникновеніе и развитіе тонической, то-есть, основанной на удареніи, теоріи народнаго стихосложенія у славянскихъ и русскихъ изслѣдователей.

V. По исторіи литературы.

1) В. Н. Малинина: „Грамматика Іоанна, экзарха Болгарскаго". Грамматика Іоанна, экзарха Болгарскаго, сохранившаяся не вполнѣ и въ позднихъ спискахъ, возбуждала во многихъ сомнѣніе, какъ о принадлежности этого перевода Іоанну экзарху, такъ и о принадлежности подлинника Іоанну Дамаскину. Авторъ, разбирая эти скептическіе взгляды, не находитъ ихъ столько доказанными, чтобы можно было отвергнуть принадлежность перевода Іоанну экзарху, какъ это ясно опредѣлено въ полномъ заглавіи грамматики, по мнѣнію автора болѣе древнемъ, чѣмъ краткія. Кромѣ того, г. Малининъ указываетъ и на слѣды древности и болгаризма языка, сохранившіяся даже въ позднихъ рукописяхъ. Точно также авторъ не находитъ основанія отвергать возможность существованія греческой грамматики Іоанна Дамаскина, послужившей оригиналомъ для Іоанна экзарха, хотя таковой и не дошло до насъ.

2) П. А. Сырку: „Нѣсколько замѣтокъ о двухъ произведеніяхъ Търновскаго патріарха Евѳимія". Авторъ, послѣ общаго обзора сочиненій патріарха Евѳимія (XIII в.), останавливается на составленныхъ имъ житіяхъ св. Іоанна Рильскаго (X в.) и св. Петки или Параскевы (X—XI в.), говоритъ вообще о началѣ чествованія этихъ святыхъ и разбираетъ взаимныя отношенія житій Евѳиміевыхъ къ другимъ редакціямъ. Между прочимъ, на стр. 387—393 сообщается текстъ найденнаго авторомъ въ Восточной Румеліи новаго списка ново-болгарскаго перевода (XVII—XVIII в.) житія св. Петки.

3) Ю. С. Анненкова: „Мистръ Протива, „новый" чешскій писатель XV в.". Въ сочиненіяхъ извѣстнаго Петра Хельчицкаго упоминается, какъ писатель, нѣкто мистръ Протива. Многіе отожествляли его съ мистромъ Противой изъ Новой Веси, противникомъ Гуса и ярымъ клерикаломъ. Г. Анненковъ, указывая діаметральную противоположность воззрѣній Противы у Хельчицкаго, отрицаетъ возможность отожествленія этихъ двухъ лицъ. Сопоставляя же ци-

Digitized by Google

таты, приписываемыя Хельчицкимъ Противѣ, съ отрывками изъ сочиненій Виклефа, авторъ заключаетъ, что подъ Противой у Хельчицкаго разумѣется именно Виклефъ. Такое прозваніе могъ дать Виклефу Хельчицкій, съ цѣлью охарактеризовать отношеніе Виклефа къ католической церкви, какъ вообще въ средніе вѣка былъ обычай, при ссылкахъ на различныхъ духовныхъ писателей, употреблять вмѣсто ихъ именъ какія-нибудь прозвища по нѣкоторымъ особенно выдающимся качествамъ ихъ.

4) С. Л. Пташицкаго: „Новыя данныя для біографіи Николая Рея". Авторъ выбралъ изъ печатныхъ сборниковъ, а также изъ краковскаго и львовскаго архивовъ гродскихъ и земскихъ актовъ, значительное количество новыхъ данныхъ по малоизвѣстной доселѣ біографіи польскаго писателя Николая Рея изъ Нагловицъ (XVI в.). На основаніи этого матеріала г. Пташицкій довольно подробно излагаетъ внѣшнюю сторону жизни Рея.

Въ остальныхъ историко-литературныхъ статьяхъ: Г. М. Князева: „Мавръ Ветраничъ, дубровницкій поэтъ XVI в. (1482—1576 г.)"; А. С. Будиловича: „Іеронимъ Каваньинъ, полузабытый панславистъ начала XVIII в. (1640—1714 г.)"; Г. А. Воскресенскаго: „Валентинъ Водникъ, очеркъ изъ исторіи словинской литературы (1758—1819 г.)" и М. И. Соколова: „Стихотворенія Яна Ботто (1829—1881 г.)", сообщаются краткія свѣдѣнія о жизни этихъ писателей, перечисляются и характеризуются важнѣйшія ихъ произведенія. Особенное вниманіе обращено на взгляды ихъ на славянство, славянское единеніе и—у Каваньина, Водника и Ботто — на отношеніе западныхъ и южныхъ Славянъ къ Россіи.

А. Павловскій.

Digitized by Google

Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи.

Отвѣтъ В. Г. Васильевскаго.—Одно справедливое его замѣчаніе.—Новыя разсужденія о странѣ, камѣ, медѣ и другія текстуальныя пренія.—Болгаре-Венды въ Географіи Хоренскаго и отсутствіе аналогій у туранизма.—Его отношеніе къ Шафарику.—Теорія конныхъ и пѣшихъ народовъ въ приложеніи къ Арійцамъ вообще, къ Славянамъ въ частности.—Выводы туранизма, основанные на этимологическихъ увлеченіяхъ.—Смѣшеніе эпохъ относительно названій Склавины и Славяне.—Сводъ главнымъ пріемамъ туранизма.—Г. Успенскій о болгарскомъ друнгѣ.—Отношеніе норманизма и туранизма къ національному самопознанію.

Напомню читателямъ, откуда пошелъ споръ о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ. Предпринимая свой главный трудъ, то-есть, „Исторію Россіи", я не счелъ себя въ правѣ обойдти первостепенной важности вопросъ о происхожденіи русской національности и государственности и повторять ходячую басню о призваніи Варяговъ-Руси изъ Скандинавіи. Разъ я усумнился въ ея исторической достовѣрности, надѣюсь, всякій согласится, что было бы съ моей стороны недобросовѣстно уклониться отъ вопроса или пройдтись только по его поверхности. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ Кіевскаго періода, нѣсколько лѣтъ употреблено было мною на историко-критическую провѣрку норманнской теоріи, и въ результатѣ получилось убѣжденіе въ ея полной несостоятельности. Этого мало: изслѣдованіе о происхожденіи Руси привело меня къ начальной исторіи нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ народовъ, имѣвшихъ съ Русью тѣсное отношеніе; тутъ на первомъ планѣ выступили Болгаре; а Болгаръ, оказалось, нельзя отдѣлять отъ Гунновъ, и вотъ пришлось пересмотрѣть теорію ихъ туранскаго происхожденія. Результатъ опять получился для нея совершенно неблагопріятный. И тутъ-то я убѣдился, до какой степени искажалась и пренебрегалась начальная исторія Славянства вообще, благодаря именно двумъ такимъ искусственнымъ теоріямъ, какъ норманнская и туранская [1]). Вынесенныя изъ своихъ разысканій убѣж-

[1]) Кто слѣдилъ за постепеннымъ ходомъ моихъ «Разысканій», тотъ могъ видѣть, что, считая вопросъ о Болгарахъ важнымъ для начальной русской исторіи и поднимая его въ 1874 году, я думалъ тогда уклониться отъ гуннскаго вопроса вообще. Но потомъ, чѣмъ болѣе вникалъ въ дѣло, тѣмъ болѣе убѣждался, что правильное рѣшеніе сего послѣдняго необходимо для правильной постанов-

денія я высказывалъ прямо, рѣшительно, и вопросы поставилъ, какъ говорится, ребромъ. Извѣстно, что отсюда завязалась сильная борьба со сторонниками этихъ двухъ теорій; полемика съ ихъ стороны, въ большинствѣ случаевъ, немедленно приняла острый и даже личный характеръ, согласно съ господствующими у насъ литературными нравами. Образчикомъ такой полемики служитъ и послѣдній мнѣ отвѣтъ со стороны профессора В. Г. Васильевскаго, напечатанный въ апрѣльскомъ нумерѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ, подъ заглавіемъ „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ". Во вступленіи своемъ авторъ этого отвѣта моимъ главнымъ двигателемъ въ данной борьбѣ полагаетъ ни болѣе ни менѣе какъ мою амбицію; слѣдовательно, научный вопросъ откровенно ставитъ на личную почву. Но перейдемъ лучше къ фактической сторонѣ его новыхъ возраженій, написанныхъ по поводу моей статьи „Поборники норманизма и туранизма", помѣщенной въ декабрьской книжкѣ Русской Старины за 1882 годъ.

„Говоря о томъ, что старинные авторы представляютъ Гунновъ либо совсѣмъ безбородыми, либо имѣющими только рѣдкую бороду, я имѣлъ въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ знаменитое и классическое описаніе наружности Аттилы у Іордана" (стр. 349). Вопервыхъ, пока не извѣстно, откуда Іорданъ взялъ это описаніе, называть его классическимъ можетъ только предвзятая идея. Если даже предположить, что оно заимствовано у Прокопія, и тогда остается сомнѣніе въ его точности; для этого стоитъ только сравнить взятое у Прокопія Іорнандово описаніе дворца Аттилы съ текстомъ самого Прокопія. Вовторыхъ, съ одной стороны полная безбородость Гунновъ, съ другой—рѣдкая борода Аттилы. Спрашиваю: сіи два понятія тожественны или нѣтъ? Въ своихъ „Разысканіяхъ" я уже указывалъ на это противорѣчіе (стр. 515). Говоря о Гуннахъ вообще, Іорданъ замѣчаетъ, что „они старѣются безбородые, похожіе на евнуховъ"; слѣдовательно, откуда же взялась у Аттилы борода, хотя бы и не густая? Но и не въ этомъ опять-таки былъ главный вопросъ, а въ томъ, что по яснымъ извѣстіямъ Амміана и Іордана Гунны имѣли обычай искусственно уничтожать растительность волосъ, слѣдова-

---

ки самой русской исторіи: нѣкоторыя славяно-гуннскія племена вошли въ составъ нашей народности; между прочимъ тутъ-то надобно искать ключа и къ разъясненію темнаго доселѣ вопроса о происхожденіи малорусской вѣтви этой народности.

Digitized by Google

тельно, о природной безбородости у нихъ нѣтъ и рѣчи. Какъ скоро мы разсуждаемъ о расовыхъ качествахъ, то естественно брать въ разчетъ прежде всего качества природныя, а не искусственныя. За тѣмъ противникъ разбираетъ мою ссылку на Прокопія по поводу усвоенной партіями цирка болгарской прически; съ прической у меня было связано и бритье бороды. Сопоставляя тексты, В. Г, Васильевскій доказываетъ, что послѣднее, то-есть, бритье бороды и усовъ является у меня недоразумѣніемъ, неточною передачею подлинника (стр. 351). И доказываетъ совершенно основательно. Тутъ я только могу его поблагодарить за поправку (замѣчу однако, что у меня говорилось о бритьѣ бороды, но не усовъ). Я далекъ отъ мысли, чтобы на 557 страницахъ моей книги нельзя было найдти нѣсколькихъ недосмотровъ относительно подробностей, о чемъ предупреждалъ постоянно. Я только не допускаю такихъ недосмотровъ, на которыхъ была бы построена самая суть дѣла. И въ данномъ случаѣ поправка нисколько не измѣняетъ этой сути: никакіе источники не говорятъ ни о безбородости, ни о безобразіи Болгаръ, а Болгаре суть коренное Гуннское племя. Мои доказательства, что та устрашающая безобразная наружность, о которой повѣствуютъ извѣстные писатели, достигалась искусственными средствами, эти доказательства остались не опровергнутыми со стороны моего противника. Что же касается до помянутой поправки, то я просто радъ случаю въ двухъ довольно большихъ полемическихъ статьяхъ почтеннаго профессора о гунискомъ вопросѣ указать хотя на одно справедливое и точное возраженіе. По этому поводу напомню пресловутыя „русыя хеландіи“. Когда мой досточтимый противникъ по всѣмъ даннымъ вопросамъ А. А. Куникъ представилъ дѣльные и вѣскіе аргументы въ пользу красныхъ хеландій, я поспѣшилъ отказаться отъ хеландій русскихъ; но такъ какъ эти хеландіи не играли никакой видной роли въ моихъ доказательствахъ роксоланскаго происхожденія Руси, то и постановку вопроса онѣ нисколько не измѣнили.

Далѣе В. Г. Васильевскій возвращается къ своимъ разсужденіямъ о трехъ извѣстныхъ словахъ, приводимыхъ Прискомъ при описаніи путешествія къ Гуннамъ, то-есть, камосѣ, медѣ и стравѣ. Прежде обратимъ вниманіе на его попытку устранить страву, которая, что̀ бы онъ ни говорилъ, имѣетъ рѣшающее значеніе при суммѣ другихъ данныхъ по вопросу о народности Гунновъ. Онъ вновь ссылается на извѣстіе Лактанція Плацида о томъ, что варвары свой обрядъ погребенія называютъ straбas, и что этотъ обрядъ сопровождался сож-

женіемъ трупа. Онъ вновь усиливается доказывать, что это слово не гунское, а готское, при чемъ опять прибѣгаетъ къ вопіющимъ натяжкамъ и искаженію прямаго смысла источниковъ. А именно: хотя „у Іордана слову страва какъ будто приданъ такой смыслъ, что оно соотвѣтствуетъ латинскому commessatio и слѣдовательно совпадаетъ съ обще-славянскою стравою", но съ иной стороны въ извѣстіи Лактанція выходитъ, что „пиръ только сопровождалъ какое-то другое дѣйствіе или другую часть похороннаго обряда, называемую именно стравою." Тутъ яко-бы не кого разумѣть, кромѣ Готовъ, ибо, по мнѣнію Мюлленгофа, „о славянской стравѣ и потому нельзя думать, что Славяне являются въ тѣхъ странахъ гораздо позднѣе; а между тѣмъ извѣстно, что при дворѣ Аттилы и вообще въ его державѣ кромѣ латинскаго употреблялся готскій языкъ; имена его приближенныхъ, даже самого Аттилы, звучатъ по готски" (стр. 361—362).

Вопервыхъ, у Іордана стравѣ приданъ смыслъ погребальнаго пира не какъ будто, а положительно; ибо ясно говорится, что этотъ пиръ Гунны совершили на погребальномъ холмѣ. Вовторыхъ, если по Лактанцію Плациду весь обрядъ погребенія варвары называли „на своемъ языкѣ" стравою, то здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ Іорданомъ: здѣсь мы видимъ только распространеніе этого слова на весь погребальный обрядъ: фактъ самый обыкновенный и общеизвѣстный въ исторіи языка. Примѣръ подобнаго перехода понятій представляетъ наше слово тризна. Мой противникъ можетъ отвергать мои изслѣдованія о Руси, но это не помѣшало имъ кое-что объяснить даже изъ исторіи русскаго языка. А именно, я указалъ на извѣстіе Фадлана о томъ, что передъ сожженіемъ умершаго Русса имѣніе его раздѣлили на три части, и одну треть назначили на погребальное пиршество (см. стр. 31 „Разысканій"). Такимъ образомъ слово треть, третина или тризна получило значеніе поминальнаго пиршества, а пожалуй и вообще поминальнаго обряда. Извѣстіе нашей лѣтописи о тризнѣ, справленной Ольгою по Игорю на могильномъ курганѣ, предварительно ею воздвигнутомъ, совершенно соотвѣтствуетъ извѣстію Іордана о стравѣ на могильномъ курганѣ Аттилы. Извѣстіе Плацида, конечно, дополняетъ Іордана въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, самый обрядъ погребенія Аттилы сопровождался сожженіемъ. И мой противникъ могъ бы даже найдти нѣкоторую поддержку для такого предположенія у самого же Іордана, именно въ его описаніи Каталаунской битвы, когда Аттила, принужденный запереться въ своемъ таборѣ, велѣлъ сложить костеръ изъ конскихъ

Digitized by Google

сѣделъ, предпочитая за-живо сгорѣть на немъ, а не отдаться въ руки враговъ. Но въ свою очередь это сближеніе извѣстій ужь никакъ не подкрѣпитъ попытку въ варварахъ Плацида найдти Готовъ, а страву перенести изъ славянскаго языка въ готскій. Въ этомъ случаѣ особенно любопытна ссылка на аргументъ Мюлленгофа: о Славянахъ тутъ-де не можетъ быть рѣчи, потому что они являются въ тѣхъ странахъ гораздо позднѣе. Напомню своему противнику, что послѣдняго положенія никто доселѣ не доказалъ, и что, кромѣ того, мы ведемъ съ нимъ споръ о славянствѣ самихъ Гунновъ. Только одинъ туранизмъ и способенъ дѣлать исходнымъ пунктомъ для своей аргументаціи то именно положеніе, которое онъ долженъ доказать. Любопытно также, какъ, въ погонѣ за готскими словами у Гунновъ, туранизмъ забываетъ свое мнѣніе о татарствѣ или монгольствѣ сихъ послѣднихъ,—такъ что имена самого Аттилы и его приближенныхъ уже звучатъ по готски.

Кстати о словѣ сами у Іорнанда (quam appelant ipsi). Мой противникъ замѣчаетъ: „Іорнандово ipsi вовсе не имѣетъ той важности и даже того смысла, которые придаетъ ему Д. И. Иловайскій. Еслибы даже его слѣдовало переводить не мѣстоименіемъ они, а сами, то и тогда мы имѣли бы право дополнять: сами варвары и т. п." Какъ будто въ этомъ случаѣ у Іордана можно разумѣть какихъ-либо другихъ варваровъ, кромѣ Гунновъ? Нѣсколько выше на той-же 362 страницѣ, по поводу невѣроятнаго заимствованія чужаго слова для обозначенія важнаго погребальнаго обряда, мой антагонистъ разсуждаетъ: „Я конечно думаю, что собственные Гунны даже и произносить не могли такого слова, какъ страва, и что они имѣли для своего обряда свое особое названіе, въ родѣ тоже неяснаго Менандрова δοχία, но только оно не дошло до насъ, потому что Іорданъ или вѣрнѣе Прискъ, которому онъ слѣдуетъ, сообщили намъ вмѣсто турецкаго готское названіе обряда".

Если противникъ становится на почву такихъ произвольныхъ предположеній и такого ничѣмъ не стѣсняющаго отрицанія ясныхъ и положительныхъ свидѣтельствъ источника; то ученый споръ собственно невозможенъ: онъ обращается въ толченіе воды. Славянское слово страва, очевидно, припираетъ туранистовъ къ стѣнѣ; единственнымъ средствомъ избавиться отъ него—уничтожить его, вычеркнуть изъ источника. Туранская теорія такъ и поступаетъ, увѣряя, что Гунны этого слова не говорили и даже не могли его произнести (оказывается, что туранизмъ съ помощію воображенія до тонкости

постигъ даже гунскую фонетику), и что Іорданъ тутъ просто на просто солгалъ [1]). Итакъ, портретъ Аттилы, котораго Іорданъ не видалъ, вышелъ у него точный и классическій, а слово страва, которое по ясному смыслу извѣстія Гунны употребляли и во время Іордана, выходитъ у него подлогомъ. На этомъ пунктѣ я могъ-бы остановиться и не представлять разбора дальнѣйшихъ возраженій. Но, разъ я взялся доказать несостоятельность туранизма, надобно ужь вести дѣло до конца и отвѣчать даже на безплодныя словопренія.

Прежде чѣмъ покинуть страву и погребеніе Аттилы, укажу на приводимое тутъ же моимъ противникомъ свидѣтельство Амміана Марцеллина о Хіонитахъ, въ которыхъ можно видѣть азіатскихъ родичей Аттилы, самимъ именемъ своимъ напоминающихъ Гунновъ (стр. 363). Амміанъ разказываетъ объ участіи князя Хіонитовъ Грумбата въ войнахъ Сапора Персидскаго противъ Римлянъ (въ IV вѣкѣ по Р. Х.), о смерти его сына и погребальномъ обрядѣ, совершенномъ надъ послѣднимъ при помощи сожженія, по народному обычаю Хіонитовъ. Семь дней провели они въ пиршествахъ, пласкахъ и въ плачевныхъ пѣсняхъ въ честь погибшаго „царственнаго юноши". Женщины при этомъ вопили и ударяли себя въ грудь. Когда огонь пожралъ трупъ, пепелъ собрали въ серебряную урну, которую отецъ рѣшилъ предать землѣ не на мѣстѣ событія, а на родинѣ. Дѣйствительно, аналогія съ погребеніемъ Аттилы есть. Особенно обращу вниманіе на извѣстіе Іордана о томъ, что останки Гуннскаго царя заключены были въ три металла—золото, серебро и желѣзо; можетъ быть, тутъ именно надобно разумѣть три одна въ другую вложенныя урны. Я вообще ничего не имѣю противъ родства среднеазійскихъ Хіонитовъ съ европейскими Гуннами. Скажу болѣе: эти Хіониты по видимому, совпадаютъ съ Бѣлыми Гуннами или Эфталитами Прокопія, а пожалуй находились въ родствѣ и съ Хоніатами Менандра (которыхъ я сближаю съ Хвалисами нашей лѣтописи, и о которыхъ упоминалъ въ предыдущей своей статьѣ). Хіониты по смерти своего

---

[1]) Можно подумать, что отвергая это фактическое свидѣтельство Іордана и навязывая Гуннамъ какую-то убогую фонетику, противникъ мой какъ бы принимаетъ за нѣчто серьезное сказанную Іорданомъ въ другомъ мѣстѣ реторическую фразу о Гуннахъ: «ихъ едва можно считать за людей, а ихъ языкъ есть только подобіе человѣческаго говора» (quasi hominum genus, nec alia voce notum, nisi quae humani sermonis imaginme assignabat. Cap. XXIV). Отсюда недалеко пожалуй до принятія за фактъ и приведенной въ той же главѣ Іорданомъ басни о происхожденіи Гунновъ отъ соединенія вѣдьмъ съ нечистыми духами.

Digitized by Google

княжича не царапаютъ себѣ лица, какъ это дѣлаютъ подданные Аттилы; но по всѣмъ признакамъ Бѣлые Гунны, то-есть, Гунны, оставшіеся въ Азіи, успѣли развить у себя нѣкоторую гражданственность и значительно смягчить свои нравы сравнительно съ Гуннами восточной Европы, которые въ степяхъ Волжско-Кубанскихъ долѣе сохраняли и дикія привычки, и кочевое состояніе, пребывая тамъ, конечно, не съ IV вѣка, а съ эпохи гораздо болѣе древней. Я только не понимаю того, что̀ выигрываетъ туранская теорія отъ сближенія Гунновъ съ Хіонитами и отъ обряда сожженія труповъ, столь обычнаго у восточныхъ Славянъ. (Не знаю, почему авторъ Отвѣта игнорируетъ этотъ восточно-славянскій обрядъ, а вспоминаетъ о ѳракійскихъ похоронахъ по Геродоту, хотя первый къ данному случаю стоитъ ближе). Имя хіонитскаго князя Грумбата, имѣющее чистый иранскій оттѣнокъ, тоже ничего не даетъ для ихъ теоріи, какъ и имя знатнаго Ефталита Катульфа у Менандра. Приводимая еще Амміаномъ черта—брошенное Грумбатомъ передъ битвою копье, обмокнутое въ крови, по родному его обычаю и нашему (то-есть, напоминающему римскихъ фецiаловъ), если хотите, также сближаетъ этихъ Хіонитовъ съ Арійцами, а не Туранцами. Напомню и обычай Русскихъ князей бросаніемъ копья подавать знакъ къ битвѣ, какъ это видно изъ лѣтописнаго разказа о Святославѣ.

Обратимся теперь къ тому, что̀ нашъ противникъ повѣствуетъ о камѣ и медѣ. Повторимъ прежде всего извѣстіе о нихъ Приска: „Въ селеніяхъ доставляли намъ въ пищу вмѣсто пшеницы просо, вмѣсто вина такъ называемый по туземному медосъ. Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье камъ—какъ называютъ его варвары". По мнѣнію, высказанному В. Г. Васильевскимъ въ предыдущей его статьѣ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1882 г. іюль), „туземное исконное населеніе Панноніи состояло изъ двухъ элементовъ—староиллирійскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х. Которому изъ нихъ принадлежало собственно слово камъ, рѣшить трудно. То обстоятельство, что Африканъ говоритъ о кельтской церевизіи отдѣльно, заставляетъ думать о принадлежности его къ старо-иллирійскому нарѣчію". („Египтяне пьютъ пиво, Пеоняне камъ, а Кельты церевизію"—слова Африкана, въ началѣ III в. по Р. Х. Напитокъ камъ встрѣчается еще у современника его Ульпіана). Что же касается меда, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ". „Впро-

Digitized by Google

чемъ очень возможно, что слово медъ было общею принадлежностію не только славянскаго и кельтскаго языковъ, но еще и другихъ индоевропейскихъ нарѣчій, иллирійскаго и ѳракійскаго" (стр. 150—151). Въ новой своей статьѣ онъ говоритъ: Apriori довольно естественно предполагать, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о селахъ, о воздѣлываніи проса и ячменя, разумѣются уже не собственно Гунны, признаваемые кочевниками, а какіе-нибудь другіе элементы населенія". Затѣмъ онъ отвергаетъ мнѣніе Шафарика и другихъ о томъ, что въ Паннонія и вообще Придунайскихъ областяхъ издавна обитали Славяне, и утверждаетъ, что тамъ населеніе состояло изъ двухъ элементовъ, старо-иллирскаго и кельтскаго: послѣднее, то-есть, кельтское „господствовало и преобладало" (стр. 356—357). А выводъ его заключается въ томъ, что въ помянутомъ извѣстіи Приска варвары, называвшіе напитокъ камомъ, были не Гунны (кто именно эти варвары, онъ не рѣшаетъ; только вообще изъ его соображеній выходитъ, что то были Старо-Иллирійцы); а туземное названіе медъ принадлежало Кельтамъ. „Вѣдь въ населеніи Паннонія преобладали Кельты. Развѣ это отвергаетъ Д. И. Иловайскій?" (стр. 359).

По отношенію къ данной эпохѣ, отвергаю.

Что Кельты жили на Дунаѣ въ IV вѣкѣ до Р. Хр., противъ этого едва ли кто будетъ спорить, и я всего менѣе. Къ нимъ я отношу и еще одинъ значительный народъ. Извѣстно, что по вопросу о происхожденіи румынской народности до сихъ поръ идутъ въ наукѣ споры: какое племя легло въ основаніе этой народности, и кто такое были Даки? Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ изданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества я напечаталъ свои соображенія о томъ, что, вѣроятнѣе всего, Даки были племя Кельтское. Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, вопервыхъ, это племя было уже романизовано; вовторыхъ, Дакія временъ Аттилы была занята и другими народами, каковы: Гунны, Гепиды, Остъ-Готы и отчасти Аланы; втретьихъ, В. Г. Васильевскій говоритъ даже не о Дакіи, а собственно о Панноніи, и забывая протекшіе послѣ IV вѣка до Р. Хр. восемь столѣтій, безъ всякихъ основаній, безъ всякихъ доказательствъ, голословно увѣряетъ, что въ эпоху Аттилы господствующее и преобладающее населеніе тамъ было Кельтійское. Разъ онъ не представилъ никакихъ основаній, никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, то собственно и вопросъ о томъ является совершенно праздный, искусственно возбуждаемый. Главный же промахъ заключается въ игнорированіи имъ вопроса о Дако-Паннонскихъ Сарматахъ, вопроса,

Digitized by Google

на который я ему уже указывалъ, и отъ котораго онъ упорно отмалчивается; хотя они играли видную роль въ борьбѣ Римлянъ съ варварами на Дунаѣ и хотя о нихъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писателей со II вѣка до VI включительно; назову только важнѣйшихъ: Птоломей, Діонъ Кассій, Евсевій, Амміанъ Марцеллинъ, Прокопій и Іорданъ. Въ особенности обращу вниманіе на Сарматовъ-Языговъ, сосѣдившихъ на западѣ съ Квадами, на востокѣ съ Даками, то-есть, несомнѣнно занимавшихъ часть Панноніи и западную часть Дакіи уже во II вѣкѣ по Р. Хр. Я не отрицаю, что въ IV и V вв. по Р. Хр. здѣсь могли еще существовать кое-какіе остатки Кельтовъ; но не нахожу никакой возможности разсуждать объ ихъ тамъ господствѣ и преобладаніи. По всѣмъ даннымъ часть восточныхъ Славянъ, именуемая въ источникахъ Сарматами, вторглась около той эпохи въ средне-дунайскую равнину, которою завладѣла, и здѣсь основалась, сохраняя еще нѣкоторое время свое кочевое состояніе при помощи богатыхъ пастбищъ и степной природы. В. Г. Васильевскій можетъ, сколько ему угодно, не соглашаться съ тѣмъ, что подъ большею частію Сарматскихъ народовъ являются въ исторіи именно Славяне; но вѣдь положенія этого онъ пока не опровергъ никакими серьезными доказательствами. Ибо щиты, съ которыми онъ выступилъ въ прошлой своей статьѣ, оказываются совершенно не при чемъ при опредѣленіи народностей. Притомъ и самый фактъ указанъ не совсѣмъ вѣрно: если въ I вѣкѣ, по Тациту, Сарматы не имѣли щитовъ, то въ IV вѣкѣ, по Амміану Марцеллину, щиты у нихъ были. Послѣ Аттилы Дако-Паннонія испытала разные перевороты, будучи поприщемъ борьбы за господство въ ней Гепидовъ, Готовъ, Лангобардовъ и Аваръ. Но никто изъ этихъ народовъ не основался здѣсь окончательно. Надѣюсь, мой противникъ не опровергнетъ того факта, что послѣ уничтоженія аварскаго владычества и въ эпоху вторженія Угровъ, то-есть, въ IX вѣкѣ, Паннонія является вполнѣ славянскою землею. Такъ какъ ни о какомъ завоеваніи ея послѣ Аттилы народомъ, называвшимся Славянами, источники не говорятъ, а ясно говорятъ о занятіи ея Сарматами со II вѣка по Р. Хр. и повѣствуютъ о нихъ до VI вѣка включительно, при чемъ ни о какомъ изгнаніи или удаленіи изъ нея этихъ Сарматовъ до Аттилы и послѣ него тоже не говорятъ, то имѣемъ полное право заключить, что поселеніе Сарматовъ въ Дако-Панноніи и было не что иное, какъ поселеніе Славянъ. Не говорятъ также источники и о борьбѣ Гунновъ съ этими Сар-

Digitized by Google

матами; мы можемъ съ полною вѣроятностію предположить, что Гунны потому такъ легко и заняли средне-дунайскую равнину, что нашли тамъ своихъ соплеменниковъ. Какъ во II вѣкѣ по Р. Хр. по Птоломею и Діону Кассію, такъ и въ VI вѣкѣ по Іорнанду на западныхъ, точнѣе сѣверо-западныхъ, предѣлахъ Дакіи жили Сарматы-Языги. Отсюда, то-есть, изъ Дако-Панноніи, расселялась Сербо-Хорватская вѣтвь Славянъ въ сосѣднія Иллирію и Верхнюю Мизію, и не въ какія-либо миѳическія времена, а на глазахъ исторіи. А Нижнюю Мизію и Ѳракію немного позже заняла другая вѣтвь Славянъ, Болгаре, передвинувшіеся сюда изъ сосѣдняго Черноморья. Кромѣ того, хотя послѣ Аттилы его Гунны были вытѣснены изъ Дако-Панноніи, но не всѣ; часть ихъ осталась тамъ и усилила туземный славянскій элементъ населенія.

Итакъ, что касается до кама, то въ результатѣ мой противникъ все-таки не опредѣлилъ, какой это былъ напитокъ, и какому языку принадлежитъ слово, а показалъ только, что въ источникахъ оно встрѣчается съ III вѣка по Р. Хр. и пріурочивается также къ Панноніи. Но въ то время тамъ уже обитали Славяне. Въ виду остающейся филологической неразъясненности слова камъ, я его и не выдвигалъ въ доказательство славянства Гунновъ, а приводилъ медъ, который, какъ и самъ противникъ мой соглашается, есть слово общеславянское. Приплетать же въ данномъ случаѣ Кельтовъ, я не вижу не только никакой надобности, но и ни малѣйшаго повода. Въ этомъ случаѣ сказывается только пристрастное отношеніе къ дѣлу тамъ, гдѣ рѣчь касается ненавистнаго туранистамъ вопроса о славянствѣ Сарматовъ, Гунновъ, Болгаръ и Руси. Разсужденія о томъ, что у Приска тутъ подъ именемъ варваровъ разумѣется какой-то другой (неизвѣстный) народъ, а не Гунны, совершенно произвольны и безъосновательны. Кто прочтетъ Приска безъ предвзятыхъ мыслей, тотъ ясно увидитъ, что въ разказѣ о путешествіи посольства онъ вмѣсто „Гунны" иногда говоритъ „варвары", и начинаетъ такъ ихъ называть еще не выѣзжая изъ предѣловъ Византійской имперіи. Притомъ говоритъ онъ собственно о Гуннахъ, провожавшихъ посольство, съ которыми оно и находилось въ постоянномъ общеніи. И не только вмѣсто Гунновъ, но и для обозначенія самого Аттилы онъ иногда употребляетъ слово „варваръ". Слѣдовательно, не кого другаго, а именно Гунновъ надобно у него разумѣть подъ варварами по преимуществу; слово камъ произносили не другіе какіе-либо варвары, а тѣ же Гунны. Названіе Гунновъ Прискъ часто разнообразитъ также

Digitized by Google

названіемъ „Скиѳы“. Попытка моего оппонента истолковать неясное мѣсто этого писателя („Скиѳы будучи сборомъ разныхъ народовъ сверхъ собственнаго варварскаго языка охотно употребляютъ языкъ Гунновъ или Готовъ или же Авзоніевъ“) въ томъ смыслѣ, что тутъ „языкъ варварскій противуполагается языку Гунновъ“ (стр. 358) эта попытка свидѣтельствуетъ только о постоянномъ стараніи норманнистовъ и туранистовъ ловить всякое неточное или сбивчивое выраженіе въ источникахъ для своихъ лжетолкованій. Я представилъ свое объясненіе этого мѣста („Разысканія“ 518), и пока никакого болѣе удовлетворительнаго объясненія не встрѣчаю. Это мѣсто у Приска пополняется указаннымъ мною другимъ, гдѣ онъ сообщаетъ о придворномъ шутѣ, который въ разговорѣ мѣшалъ языки латинскій, готскій и унскій. Если и есть у Приска какое-либо смѣшеніе Скиѳовъ-Гунновъ съ дако-паннонскими Скиѳами-туземцами, то его не возможно иначе и объяснить, какъ ихъ родствомъ по племени и языку. Это относительно темнаго слова камъ и общеславянскаго медъ. А относительно гунской стравы, повторяю, и вопроса быть не можетъ. Она даже не у всѣхъ Славянъ встрѣчается въ такой формѣ и въ такомъ значеніи; напримѣръ, въ западно-русскихъ говорахъ она распространена, а въ сѣверо-восточныхъ мнѣ неизвѣстна; въ польскомъ и чешскомъ языкахъ она есть, а въ сербо-хорватскомъ я ее не знаю. Такимъ образомъ это слово впослѣдствіи, при лучшихъ сравнительно-филологическихъ пріемахъ (чѣмъ пріемы норманнистовъ и туранистовъ), можетъ содѣйствовать болѣе точному опредѣленію той славянской вѣтви, которой принадлежали Гунны Аттилы.

Что касается до гуннскихъ и болгарскихъ собственныхъ именъ, на сколько мой противникъ компетентно рѣшаетъ вопросъ о нихъ, это онъ наглядно показалъ въ своемъ разсужденіи объ имени Кормисошъ, которое взялъ да и раздѣлилъ на Корми и Сошь для доказательства ихъ неславянства. Когда же я замѣтилъ, что такъ раздѣлять нельзя, и что я раздѣляю иначе, то онъ въ своемъ Отвѣтѣ прибѣгаетъ къ уверткѣ, несовсѣмъ согласной съ достоинствомъ ученаго. Онъ де полагалъ, что я самъ такъ раздѣляю, потому что въ моихъ „Разысканіяхъ“ говорится объ окончаніяхъ или суффиксахъ гуры и рикъ. Но когда хотятъ увернуться отъ чего-нибудь слишкомъ очевиднаго, то обыкновенно только запутываются еще болѣе. Такъ произошло и въ этомъ случаѣ. Вопервыхъ, авторъ Отвѣта то, что у меня говорится вообще объ окончаніяхъ, невѣрно отожествилъ съ суффиксами, о которыхъ я не говорилъ, и съ которыми окончаніе не всегда сов-

Digitized by Google

падаетъ по точному смыслу. Для примѣра сошлюсь на наши личныя имена по отчеству, оканчивающіяся на вичъ; это есть окончаніе, но полагаю, еще не есть суффиксъ. Можно сказать, что Игоревичъ, Всеволодовичъ и пр. оканчиваются на вичъ, но если потребуется этимологически отдѣлить суффиксъ, то нельзя написать Игоре-вичъ. Вовторыхъ, припомню читавшимъ мои „Разысканія", что тамъ нѣтъ рѣчи о моемъ собственномъ анализѣ имени Кормисошъ; я только просилъ филологовъ-туранистовъ доказать его неславянство по всѣмъ правиламъ ихъ искусства и доказать, что тутъ, напримѣръ, не можетъ быть того же корня, который заключается въ словахъ кормчій, кормилецъ и т. п. В. Г. Васильевскій торжественно взялся доказать, при чемъ собственное дѣленіе этого слова произвольно приписалъ мнѣ, и въ концѣ концовъ неславянство его не доказалъ. А втретьихъ, еслибъ его увертку я принялъ въ буквальномъ смыслѣ, то имѣлъ бы право упрекнуть своего противника въ томъ, что въ данной полемикѣ его не одушевляютъ научныя задачи, и что онъ хлопочетъ не о разъясненіи темныхъ историческихъ вопросовъ, а единственно объ уязвленіи моей личности. (Историкъ, который рѣшеніе подобныхъ вопросовъ ставитъ въ зависимость не отъ сути дѣла, а отъ условной этимологической терминологіи, создаетъ себѣ довольно странное къ нимъ отношеніе).

Кто читалъ мою статью въ Русской Старинѣ (декабрь 1882 г.), тотъ припомнитъ, что я выписалъ цѣлый рядъ неточностей и явныхъ промаховъ моего противника. Въ своемъ послѣднемъ Отвѣтѣ онъ сумѣлъ не опровергнуть ни одного обвиненія и въ то же время ни въ одномъ не сознаться. Вотъ еще примѣръ. Я указалъ, что оппонентъ совершенно невѣрно приписываетъ мнѣ толкованіе изъ славянскаго языка такихъ словъ, какъ тарханъ, кавканъ, аулъ. Вмѣсто поправки онъ отвѣчаетъ, что приписывалъ мнѣ только намѣреніе въ такомъ смыслѣ, и внушеніе съ моей стороны, „что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и пославянски" (стр. 364). Что̀ это, какъ-не увертка? Опять таки не совсѣмъ согласная съ достоинствомъ ученаго; ибо никакого подобнаго намѣренія и внушенія въ моей книгѣ нѣтъ. Относительно слова аулъ, котораго въ источникѣ тоже нѣтъ, а есть слово авла, я положительно толковалъ и толкую его словомъ греческимъ. При семъ я указалъ, что у Ѳеофана, можетъ быть, здѣсь вкралась какая-либо неточность или есть какой-нибудь пропускъ. В. Г. Васильевскій не обратилъ вниманія на подтвержденіе этого моего первона-

Digitized by Google

чальнаго предположенія: въ одномъ хронографѣ греческій текст Θеофана τὴν Λεγομένην αὐλὴν пославянски переданъ такъ: „яко глаголемаго двора князя ихъ, иже есть кремль" („Разысканія", 219) Ясно, кажется, что греческой авлѣ здѣсь соотвѣтствуютъ славянскі дворъ и кремль, и что у Θеофана пропущено какое-либо изъ этих славянскихъ названій. Мой противникъ въ Отвѣтѣ своемъ настаи ваетъ, что aula тутъ „не греческое или латинское слово, а рѣченіє заимствованное изъ какого-то другаго языка". „Передъ греческим словомъ, означающимъ дворъ или жилище, Греку не было бы никако нужды, было бы даже безсмысленно ставить оговорку такъ назы ваемый" (стр. 364). Тому, кто выказываетъ большія претензіи н этимологическія и текстуальныя свѣдѣнія, въ данномъ случаѣ не мѣ шало бы вспомнить пресловутое и аналогичное выраженіе Константин Багрянороднаго: τὰ Πολύδια ἄγεγεται γύρα. Извѣстно сколькимъ лже толкованіямъ подверглось это выраженіе прежде его разъясненія при чемъ нѣкоторые толкователи слово гира также считали не гре ческимъ (мой противникъ, принимая авлу за аулъ, ссылается н авторитетъ Шафарика, который де хорошо зналъ греческій языкъ по Шлецеръ, болѣе всѣхъ напутавшій въ объясненіи гиры, тож зналъ погречески). Разница, по моему мнѣнію, заключается въ томъ что у Константина соотвѣтствующее гирѣ славянское полюдь сохранилось, а у Θеофана сотвѣтствующее авлѣ славянское слов (дворъ или кремль) пропущено въ его текстѣ случайно или п недоразумѣнію. Кедринъ, какъ позднѣйшій компиляторъ и пользо вавшійся тѣмъ же неточнымъ текстомъ Θеофана, не имѣетъ тут большаго значенія.

По поводу тархана и кавкана напомню то, что я замѣчалъ вообщ о филологическихъ пріемахъ туранизма (и норманнизма). Онъ не обра щаетъ никакого вниманія на болгарскій языкъ въ полномъ его объемѣ на то, что исторія не знаетъ у Болгаръ другаго языка, кромѣ славян скаго, а отыскиваетъ въ источникахъ какія-либо два, три названі или титула, заимствованныхъ у другихъ народовъ, или просто не извѣстнаго происхожденія,—и на такомъ-то основаніи отрицаетъ сла вянство Болгаръ! Но точно такимъ же способомъ можно отрицат славянство Русскихъ, Поляковъ, Сербовъ и т. д. Не обращая вни манія на довольное количество очевидно—или обще-славянскихъ лич ныхъ именъ въ древней болгарской исторіи (то-есть, эпохи языче ской), онъ останавливается только на тѣхъ именахъ, которыхъ эти мологіи никто пока не объяснилъ, и вотъ опять основаніе для их

Digitized by Google

неславянства! Но, чуждый историческихъ аналогій, туранизмъ забываетъ, что это общее явленіе. Я уже указывалъ на примѣры языческихъ именъ готскихъ, западнославянскихъ, русскихъ, литовскихъ, аланскихъ, половецкихъ и т. д., именъ, этимологія которыхъ также недоступна для моихъ противниковъ, не смотря на всѣ ихъ филологическія претензіи. На такомъ же основаніи можно на оборотъ доказывать славянство Готовъ, Аваръ, Мадьяръ и т. д.

Въ отвѣтѣ своемъ В. Г. Васильевскій настаиваетъ на томъ, будто нѣтъ связи между Хуни Птоломея и Гуннами Марцеллина, потому что тамъ II вѣкъ по Р. Хр., а здѣсь IV. Но при этомъ онъ обходитъ молчаніемъ то обстоятельство, что писатели IV—VI вв., каковы Амміанъ Марцеллинъ, Клавдіанъ, Прискъ, Сидоній Аполлинарій, Прокопій, Іорданъ, согласно находятъ Гунновъ прежде всего около Танаиса и Меотійскаго озера, и никто не говоритъ объ ихъ пришествіи изъ Азіи во второй половинѣ IV вѣка, что̀ какъ извѣстно, проповѣдовалъ до сихъ поръ туранизмъ, Богъ вѣсть на какомъ основаніи. Относительно Амміанова выраженія leviter nota, которое я перевожу „слегка извѣстный“, онъ предлагаетъ свое „малоизвѣстный“; это пожалуй, мелочь,—но любопытно, что въ подтвержденіе свое онъ приводитъ соотвѣтствующее у Зосима οὐκ ἐγνωσμένον, у Созомена ἄγνωστον, то-есть, „неизвѣстный“. Такимъ образомъ выходитъ, что мало-извѣстный и неизвѣстный суть понятія тожественныя, подобно тому, какъ выше являлось тожество „полнаго отсутствія бороды“ и „рѣдкой бороды“. Противникъ мой ссылается еще на новое, исправленное изданіе Витерсгеймовой „Исторія переселенія народовъ“, гдѣ Хуни Птоломея пріурочиваются къ Подоліи и Бессарабіи (стр. 369—370). Вопервыхъ, точность подобныхъ пріурочиваній подлежитъ великому сомнѣнію, а вовторыхъ, все же онъ недалеко ушелъ отъ Танаиса и Меотійскаго озера. При семъ мой оппонентъ указываетъ еще на Гунновъ клинообразной надписи (о которыхъ я самъ упоминалъ въ отвѣтѣ г. Веселовскому), и на Гунновъ Зендавесты, „туранскихъ конниковъ“ (а извѣстно, что древній Туранъ былъ арійскій); все это выходитъ уже за предѣлы нашего спора и ничего не даетъ для туранской, то-есть, монголо-татарской теоріи. Это все равно, что къ вопросу Руси и Роксоланахъ приплетать Росъ Библіи и Ротену египетско-ассирійской исторіи. Кстати, обращу вниманіе читателей на слѣдующую черту моего противника: если онъ приводитъ изъ источниковъ какое-нибудь извѣстіе, у меня не указанное, то обыкновенно прибавляетъ, что вотъ молъ „пропустилъ“. А между

Digitized by Google

тѣмъ всякому должно быть ясно, что я не бралъ на себя задачи представить сводъ всѣхъ возможныхъ извѣстій о Гуннахъ или Болгарахъ; что я только разобралъ главныя основы, на которыхъ была построена теорія ихъ угро-финскаго или монголо-татарскаго происхожденія. До сихъ поръ В. Г. Васильевскій не прибавилъ ни одного такого свидѣтельства, которое могло бы играть важную роль въ вопросѣ вообще, и ни одного такого, которое представляло бы какую либо существенную поддержку для его туранской теоріи. Мало того, нерѣдко его прибавленія приводятъ прямо къ противному результату. Напримѣръ, онъ обращаетъ мое вниманіе на то, что Прискъ иногда Гунновъ Аттилы называетъ „Царскими Скиѳами", и слѣдовательно, какъ бы выдѣляетъ ихъ изъ всей массы Скиѳовъ (стр. 358). Но если это обстоятельство привести въ связь съ тѣмъ, что Прискъ считаетъ родиною Гунновъ прибрежье Меотиды (по ясному указанію Іордана въ XXIV главѣ), то оно еще болѣе оттѣнитъ указаніе на эту родину. Прискъ, почти современникъ мнимаго пришествія Гунновъ изъ Азіи во второй половинѣ IV вѣка, не только ничего не знаетъ объ этомъ пришествіи, но по виднмому, отожествляетъ Гунновъ съ Геродотовыми Царскими Скиѳами (хотя такое тожество для насъ сомнительно).

Мы также видѣли выше, на сколько помогли туранизму Хіониты Амміана или strabas Плацида. Теперь посмотримъ, какую пользу приноситъ „Новый списокъ географіи, приписываемой Моисею Хоренскому", по поводу извѣстія о поселеніи Болгаръ за Кавказомъ въ одной армянской области, которая съ того времени стала называться Ванандъ, то-есть, область Вендская (см. статью К. П. Патканова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883, мартъ).

Вопервыхъ, по объясненію К. П. Патканова извѣстіе о поселеніи болгарской колоніи въ Арменіи должно относиться къ III в. по Р. Х. Вовторыхъ, эта колонія названа Ванандъ по имени Вгндуръ-Булкара-Внда; „села и до сихъ поръ называются по именамъ братьевъ и дѣтей его". К. П. Паткановъ заключаетъ отсюда, „что въ извѣстіи Хоренскаго подъ Вундъ или Вндъ слѣдуетъ понимать предводителя Болгаръ, а подъ Вгндуръ-Болкаръ названіе Болгарскаго племени или его отдѣла" (стр. 25 его статьи). Сіе заключеніе приводитъ В. Г. Васильевскаго въ восторгъ: однимъ доказательствомъ тожества Болгаръ съ Вендами теперь менѣе, ибо область, занятая Болгарами, была названа Ванандъ не по имени самого племени, а по имени его предводителя. „При этомъ улетучивается, какъ дымъ, всякое тожество Болгаръ и Вендовъ", замѣчаетъ онъ (стр. 368). Но вѣрно ли

Digitized by Google

такое замѣчаніе? Мой противникъ любитъ упрекать меня за то, что я пропускаю будто бы важныя свидѣтельства источниковъ, и еще за то, что я будто бы приводимыя мною свидѣтельства беру безъ отношенія къ предыдущему и послѣдующему. Мнѣ же приходится сдѣлать ему весьма серьезный упрекъ въ томъ, что онъ, по видимому, не вѣдаетъ о существованіи историческихъ аналогій. Онъ думаетъ построить рѣшеніе сложныхъ историческихъ вопросовъ главнымъ образомъ на легендахъ, на выжиманіи изъ текстовъ угоднаго ему смысла, на системѣ суффиксовъ, тоже не всегда точной, и т. п. Еслибъ онъ пожелалъ узнать, почему его борьба съ данною постановкою вопросовъ о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ до сихъ поръ была безуспѣшна, и почему эта постановка оказывается довольно прочною, то я ему сообщилъ бы очень простой секретъ: въ своихъ изысканіяхъ я ни шагу не дѣлаю безъ историческихъ аналогій; мнѣ прежде всего дайте аналогію; безъ нея нѣтъ исторической науки. То же самое и въ указанномъ случаѣ. А что̀ намъ представляетъ аналогія? Цѣлый рядъ свидѣтельствъ (достовѣрныхъ или легендарныхъ—все равно), гдѣ предводитель называется именемъ его племени, или даетъ сему послѣднему свое имя, гдѣ названіе народа дѣлается названіемъ династіи или на оборотъ,—такъ что отдѣлять ихъ нѣтъ никакой возможности. Приведу только нѣкоторые, пришедшіе на память, примѣры. Прокопій говоритъ, что у Гуннскаго царя было два сына, Утургуръ и Кутургуръ, которые раздѣлили между собою народъ, и по ихъ именамъ назвались двѣ части этого народа. Іорданъ сообщаетъ, что у Остроготовъ былъ царь Острогота; „неизвѣстно"—прибавляетъ онъ добросовѣстно—„названъ ли народъ по его имени, или по своему восточному положенію" (cap. XIV). На Воспорѣ Киммерійскомъ находимъ цѣлую династію, каждый членъ которой носилъ имя Савромата; а извѣстно, что эта династія вышла изъ Сарматскаго народа Аспурговъ. Византіецъ Ѳеофанъ называетъ царя Гунновъ Евталитовъ Евталана, „отъ котораго и все племя получило свое имя". По Константину Багрянородному одинъ изъ пяти братьевъ, княжившихъ надъ Хорватами, назывался Хорватъ. Укажу еще на фактъ, приводимый самимъ В. Г. Васильевскимъ въ томъ же его отвѣтѣ изъ Саксона Грамматика: „царь Гунновъ, по имени Гуннъ", „а братъ Гунна, по имени тоже Гуннъ" (стр. 373). Благодаря своимъ пріемамъ, страдающимъ отсутствіемъ аналогіи, онъ и не замѣчаетъ того, какъ часто впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Ясно кажется, что если источникъ предводителя Болгаръ называетъ извѣстнымъ народнымъ именемъ Вендъ, то стало

Digitized by Google

быть, это и было названіе его племени. Да и названія областей чаще всего происходятъ отъ имени племеннаго, а не личнаго (какъ были названы болгарскія села въ Ванандѣ мы не знаемъ и разсуждать о нихъ, конечно, не можемъ). И такъ тожество Болгаръ и Вендовъ не только не улетучивается какъ дымъ, а получаетъ теперь еще большее подкрѣпленіе, ибо извѣстіе о поселеніи Болгаръ въ Арменіи и названіе ихъ области Вендскою какъ историческій фактъ утверждается еще болѣе.

Этого мало. Къ указаннымъ мною свидѣтельствамъ въ пользу того, что источники иногда отожествляютъ Болгаръ и Вендовъ, прибавляется еще одно, на которое я прежде не обратилъ вниманія и которое мимоходомъ приводитъ мой противникъ. Викторъ Ланглуа въ своихъ комментаріяхъ къ тому же извѣстію Географіи Хоренскаго о болгарской колоніи сближаетъ этихъ Вегентуръ-Булгаръ Вунта съ Унно-Вундо-Болгары византійской хроники Өеофана и объясняетъ среднюю часть этого сложнаго имени, то-есть, вунд, тоже Вендами. По его толкованію выходитъ, что это сложное имя означаетъ народъ, смѣшанный изъ Вендовъ и Болгаръ, и что помянутая колонія названа по имени одной части народа, то-есть, не Болгаръ, а Вендовъ. Разумѣется, такое объясненіе придумано въ виду теоріи о неславянскомъ происхожденіи Болгаръ. А между тѣмъ возьмемъ въ самомъ дѣлѣ Өеофановыхъ Унно-Вундо-Болгаръ. Тутъ есть Гунны и Болгары; это понятно; а что такое вунд? Вѣдь, имѣетъ же оно какое-либо значеніе? Да едва ли его можно объяснить помимо Вендовъ. Въ такомъ случаѣ Венды эти являются тожественными съ Болгарами; толковать ихъ особымъ отъ Болгаръ народомъ нельзя: тогда и Гунны являются также особымъ отъ Болгаръ народомъ; а мы знаемъ, что Болгаре были одно изъ племенъ Гуннскихъ. Слѣдовательно, Өеофанова хроника прямо называетъ намъ народъ Гунно-вендо-болгарскій.

По поводу того же новаго списка географіи Хоренскаго, мой противникъ указываетъ далѣе на извѣстія о мѣстѣ жительства Аспаруха (Аспаръ-Хрука), его бѣгствѣ изъ горъ Болгарскихъ, утвержденіи на устьяхъ Дуная и еще объ именахъ четырехъ племенъ Болгарскихъ. И этотъ источникъ будто бы опровергаетъ всѣ мои толки „о баснословности византійскихъ извѣстій относительно первоначальнаго раздѣленія Болгаръ на пять племенъ и о выселеніи Аспаруха" (стр. 369). Несмотря на рѣзко поставленную мною на видъ привычку моего оппонента ко всякаго рода неточностямъ и невѣрностямъ, онъ все-таки продолжаетъ держаться этой привычки, забы-

Digitized by Google

ваи о томъ, что другая сторона имѣетъ полную возможность уличенія. Такъ и здѣсь. Нигдѣ у меня не отвергается ни историческое распаденіе Болгаръ на разныя племена, ни пришествіе Аспаруха на Балканскій полуостровъ. Напротивъ, я указалъ на широкое распространеніе Болгарскаго племени отъ Кавказа и Кубани до средняго Дуная. Я указалъ, что въ IX и X вв. часть Болгаръ еще жила на нижней Кубани и въ восточной Тавридѣ: это Черные Болгаре; другая часть жила на сѣверномъ Черноморьѣ (подъ именемъ Угличей), третья—во Ѳракіи и Мизіи: это собственно Болгаре, четвертая—на Тиссѣ или въ Дако-Паннонін. Но и эти области еще не исчерпываютъ всѣхъ исторически извѣстныхъ частей Болгарскаго народа напомню еще Камско-Волжскихъ Болгаръ). Именно развѣтвленіемъ Болгаръ и ихъ широкимъ расселеніемъ я объяснялъ легенду Ѳеофана о пяти сыновьяхъ Куврата и раздѣленіи между ними народа, послѣ чего будто бы сей послѣдній и разошелся въ разныя стороны,—тогда какъ это расселеніе и нашествія его на Балканскій полуостровъ начались гораздо ранѣе. Точно также и племенное или родовое подраздѣленіе Болгаръ существовало еще прежде перехода ихъ за Дунай, на что также у меня указывалось. Всѣ мои главныя положенія не только не находятся въ противорѣчіи съ представленными отрывками изъ такъ-называемой географіи Хоренскаго, а напротивъ подтверждаются ими. Между прочимъ, въ своихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 210) я говорилъ, что имя Аспарухъ есть въ сущности то же, что и собственное имя Аспаръ, встрѣчающееся въ V вѣкѣ у Приска. И дѣйствительно, въ географіи Хоренскаго оно читается Аспаръ-Хрукъ. Напомню, какъ изслѣдованіями о Волгарахъ въ 1874—1875 гг. мною были установлены историческія связи Кубанско-Таврическихъ Гунновъ или Черныхъ Болгаръ съ Дунайскими Болгарами и расселеніе Болгаръ ранѣе VII вѣка, что теперь уже признается за несомнѣнный фактъ, въ томъ числѣ и моимъ противникомъ (см. 182 стр. его іюльской статьи, хотя при семъ онъ меня не называетъ). Поэтому ироническое замѣчаніе В. Г. Васильевскаго „относительно будущаго торжества (моихъ) теорій“ въ особенности не вяжется съ помянутыми отрывками изъ географіи Хоренскаго. Мало того; еслибъ у какого-либо армянскаго писателя повторилась помянутая легенда Ѳеофана о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, то это указывало бы только на его знакомство съ византійскою литературой: а что армянскіе писатели могли быть знакомы и дѣйствительно были знакомы съ этою литературой, надѣюсь, мой противникъ отрицать не будетъ. Не можетъ онъ также отвергнуть

Digitized by Google

свидѣтельства Землеписца Баварскаго (IX вѣка) объ огромности страны и многочисленности Болгаръ (Vulgarii, regio est immensa et populus multus, habens civitates v, eo quod miltitudo magna ex eis sit et non sit eis opus civitates habere). Свидѣтельство это относится, конечно, къ Болгарамъ Дунайскимъ по преимуществу и находится въ полномъ противорѣчіи съ усиліями туранистовъ: всѣми мѣрами умалить число этихъ Болгаръ, чтобы облегчить превращеніе ихъ мнимой татарской или финской народности въ славянскую.

Старые представители теоріи туранскаго происхожденія Гунновъ и Болгаръ были добросовѣстнѣе настоящихъ. Они не отвергали историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ, а видя противорѣчія послѣднихъ съ теоріей, подыскивали имъ разныя, иногда впрочемъ довольно наивныя, объясненія. Такъ Шафарикъ, приведя означенное мѣсто Землеписца Баварскаго, замѣчаетъ: „Очевидно, что это писано со словъ хитраго Булгара" (Слав. Др. Приложенія, 73). Тотъ же Шафарикъ, конечно знакомый съ источниками никакъ не хуже новыхъ туранистовъ, подмѣтилъ черты тяготѣнія Славянъ и Антовъ къ Гуннамъ, въ противоположность ихъ антипатіи къ Нѣмцамъ. „Прочитавъ внимательно разказъ Іордана о походѣ Готскаго короля Винитара противъ Антовъ и мести гуннскаго вождя Баламира за такую дерзость, можно навѣрное сказать, что эти Славяне-Анты вовсе не были такъ чужды и равнодушны къ Гуннамъ, какъ обыкновенно представляютъ ихъ себѣ. Безъ сомнѣнія, Анты и прочіе Славяне, волею, неволею, но все же охотнѣе льнули къ осторожнымъ Гуннамъ, нежели къ безчеловѣчнымъ Готамъ, безжалостно повѣсившимъ плѣненнаго ими царя Антовъ, Божа, вмѣстѣ съ его невинными сыновьями и семидесятью вельможами; такой звѣрской, но совершенно не нужной жестокости, мы, сколько извѣстно, нигдѣ не встрѣчаемъ у Гунновъ" (I. 2, 94). Напомню при семъ случаѣ, что свирѣпость Гунновъ и доселѣ считается нѣкоторыми за явный признакъ ихъ туранства, въ томъ числѣ и моимъ противникомъ (стр. 157 его статьи въ іюльск. кн. Журн. Мин. Нар. Пр. за 1882 г.). Далѣе по поводу гунской стравы у Іордана и указаній Прокопія на грубыя яства Славянъ, подобныя массагетскимъ (то-есть, гунскимъ) и на ихъ гунскіе нравы, Шафарикъ говоритъ: „Разсмотрѣвъ надлежащимъ образомъ оба свидѣтельства, нельзя не замѣтить какихъ-то дружескихъ отношеній между Гуннами и Славянами". Но такъ какъ господство туранской теоріи мѣшало тогда объяснять эти дружескія отношенія племеннымъ родствомъ, то Шафарикъ толкуетъ ихъ „слѣдствіемъ

Digitized by Google

стариннаго товарищества и продолжительныхъ взаимныхъ связей", и затѣмъ дѣлаетъ невозможное предположеніе, будто Гунны заимствовали у Славянъ „языкъ, нравы и обычаи". Тѣми же обстоятельствами онъ объясняетъ, почему въ нѣкоторыхъ источникахъ Славяне иногда называются Гуннами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, Гельмольда, въ Эддѣ и пр. Въ числѣ своихъ второстепенныхъ доказательствъ славянства Гунновъ я сослался и на эти случаи, указанные Шафарикомъ. В. Г. Васильевскій на сей разъ, очевидно, считаетъ неудобнымъ для туранизма признать авторитетъ Шафарика и не согласенъ ни съ однимъ его указаніемъ. По его мнѣнію, Гунны Беды Достопочтеннаго скорѣе означаютъ Аваръ, а не Славянъ (Тунманъ тоже признавалъ здѣсь Славянъ), Гунны Саксона Грамматика неизвѣстно кто такое, гунскіе богатыри Эдды скорѣе Лангобарды чѣмъ Славяне; „собаки" Гельмольда не имѣютъ никакого отношенія къ созвучію нѣмецкаго Хундъ съ названіемъ народа Хунъ и пр. (стр. 371—377). Такъ какъ помянутыя указанія сдѣланы не мною, а Шафарикомъ, и такъ какъ не на нихъ собственно построена моя постановка вопроса, то я въ настоящей статьѣ не буду останавливаться надъ системой аргументаціи моего противника по даннымъ случаямъ. Замѣчу только, что два указанія все-таки остались безъ опроверженія: вопервыхъ, приведенное Шафарикомъ свидѣтельство о томъ, что въ швейцарскомъ кантонѣ Валлисѣ еще въ нашемъ столѣтіи потомковъ Славянъ Нѣмцы называли Гуннами; вовторыхъ, собственная моя ссылка на диссертацію В. И. Ламанскаго по поводу Гунновъ одной анонимной средневѣковой хроники. Противникъ мой по всякому удобному и неудобному поводу старается намекнуть, что я, такъ-сказать, пользуюсь только готовыми трудами или цитатами, а самъ молъ ничего новаго не открылъ. Предоставляю послѣдующей безпристрастной критикѣ опредѣлить то, что̀ принадлежитъ лично мнѣ въ данной постановкѣ вопросовъ, въ разъясненіи ихъ связи, въ освѣщеніи фактовъ и въ системѣ доказательствъ, и что было сдѣлано для нихъ прежде. Во всякомъ случаѣ, скорѣе заслуживалъ бы упрека тотъ, кто въ вопросахъ о Скиѳо-Сарматахъ, Гуннахъ, Славянахъ и Варяго-Руссахъ игнорировалъ бы матеріалъ, накопленный такими трудами, каковы Стриттера, Шафарика, Уккерта и т. п., или тѣ доводы, которые были приводимы еще Венелинымъ, Эверсомъ, Гедеоновымъ и другими выдающимися антитуранистами и антинорманнистами.

Не признавая авторитетъ Шафарика тамъ, гдѣ онъ подмѣчаетъ

Digitized by Google

взаимное влеченіе и отсутствіе борьбы между Гуннами и Славянами и гдѣ онъ не знаетъ, что дѣлать со свидѣтельствами, противорѣчащими искусственной теоріи, новѣйшій туранизмъ, напротивъ, съ увѣренностію повторяетъ тѣ именно его аргументы, которые не выдерживаютъ теперь никакой критики. Я говорю о разныхъ чертахъ древне-болгарскаго быта, каковы: принесеніе звѣрей и людей въ жертву судебная пытка воровъ и разбойниковъ батогами и желѣзными крючьями, многоженство, покровеніе головы турбаномъ въ храмѣ и т. п. О несостоятельности подобныхъ аргументовъ я достаточно говорилъ въ своихъ „Разысканіяхъ". Нѣкоторые изъ нихъ даже не вѣрно приведены. Напримѣръ, источникъ говоритъ собственно не о турбанѣ или чалмѣ, а о какой-то полотняной повязкѣ или колпакѣ, и мы едва ли ошибемся, если сблизимъ его съ головнымъ уборомъ Даковъ на рельефахъ Трояновой колонны. Современный туранизмъ не только повторяетъ эти, можно сказать, наивные аргументы, но еще присоединяетъ и новые, имъ подобные; примѣромъ тому могутъ служить приведенные В. Г. Васильевскимъ въ предыдущей его статьѣ вендская пѣхота и сарматская конница, вендскіе щиты, вино, которое Аттила пьетъ не сходя съ лошади, и т. п. (стр. 159).

Такимъ образомъ мы снова пришли къ пресловутой теоріи А. А. Куника о народахъ конныхъ и пѣшихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ.

Напомню читателямъ, что В. Г. Васильевскій въ предыдущемъ своемъ возраженіи рѣзко выступилъ съ „картиной общеарійскаго періода", по его мнѣнію, уже осѣдлаго и земледѣльческаго въ ту эпоху когда Славяне еще не выдѣлились изъ индо-европейской семьи. Когда же я указалъ, что и послѣ распаденія этой семьи на особыя, далеко разселившіяся племена, все-таки исторія знаетъ арійскіе народы долго потомъ сохранявшіе кочевой бытъ, и что Славяне первыхъ вѣковъ по Р. Х., оставаясь арійцами, могли также если не всѣ, то отчасти находиться въ кочевомъ состояніи,—мой противникъ теперь нѣсколько умѣрилъ краски своей картины. Онъ уже согласенъ, что періодъ распаденія общей арійской семьи наступилъ ранѣе, чѣмъ эта семья сдѣлалась осѣдлою и земледѣльческою; онъ полагаетъ только, что Скиѳы и Сарматы „отдѣлились отъ общей массы индоевропейскаго пранарода гораздо ранѣе, чѣмъ Индусы, Греко-Латины Германо-Славяне и т. д." „За отдѣленіемъ ихъ остался болѣе тѣсный кругъ, изъ котораго потомъ выдѣлились вышеозначенные индоевропейскіе народы" (стр. 383). Тутъ получается явная несообразность: Гер

мано-Славяне позднѣе отдѣлились отъ арійской семьи, Скиѳы и Сарматы гораздо ранѣе; однако первые географически оказались гораздо далѣе отъ общей родины, чѣмъ послѣдніе. Выходитъ, что первые прошли черезъ обширныя степи средней Азіи и восточной Европы до самой Адріатики. занимаясь земледѣліемъ, строя себѣ дома и ведя осѣдлую жизнь! (Журн. Мин. Нар. Пр. 1882, іюль, стр. 149; 1883, апрѣль, стр. 385).

Мой противникъ, какъ видите, волею-неволею все-таки затрогиваетъ вопросъ о Скиѳахъ и Сарматахъ, хотя старается тщательно отдѣлить отъ нихъ славянство; считаетъ ихъ почему-то народами исчезнувшими, и въ виду ихъ неудобства для туранской теоріи начинаетъ уже сомнѣваться въ ихъ арійствѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ уже принужденъ признать разные періоды выдѣленія названныхъ народовъ изъ общей арійской семьи. Но что же въ такомъ случаѣ станется съ его картиной „общеарійскаго періода"? Слѣдовательно, претензія на научность теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ начинаетъ путаться при первой же провѣркѣ по историческимъ фактамъ. При семъ указанные мною Персы и Парѳяне проходятся молчаніемъ; а по поводу Аланъ замѣчено, что, если ихъ языкъ сохранился у Осетинъ, то онъ „только теперь дѣлается предметомъ изслѣдованія". „Когда арійство Скиѳовъ и Сарматъ будетъ доведено до полной очевидности и несомнѣнности, тогда, можетъ быть, понадобится какое-нибудь новое выраженіе для обозначенія болѣе широкой общности теперешнихъ индо-европейскихъ народовъ еще съ присоединеніемъ многихъ безъ вѣсти пропавшихъ". Но далѣе говорится, что „съ точки зрѣнія культуры не представляется къ тому никакой надобности", „потому что тотъ періодъ, когда всѣ индо-европейскіе народы, или другими словами, ихъ прародители, составлявшіе одинъ пранародъ, стояли на той же степени, какъ арійскіе кочевники Турана, навсегда останется для насъ неосязаемымъ и неуловимымъ, почти совсѣмъ несуществующимъ для науки" (стр. 384). Полагаю, даже и некомпетентный читатель пойметъ, что тутъ въ этихъ размышленіяхъ что-то не ладно, что имъ еще далеко до научной простоты и ясности, что предлагаемыя теоріи не провѣрены строго по фактамъ и представляютъ еще много гаданій. Да и чѣмъ же Славяне виноваты, если арійскій пранародъ навсегда останется для насъ не осязаемымъ? Можно ли подъ такимъ предлогомъ умалять или отрицать славянство? Какъ бы то ни было, повторяю, противникъ, послѣ моего отвѣта на первое его возраженіе, во второй своей статьѣ очевидно отказывается (хотя и не сознается въ томъ) отъ рѣзко высказаннаго

Digitized by Google

имъ положенія, будто общеарійское племя уже до его развѣтвленія было осѣдлое и земледѣльческое (при чемъ не совсѣмъ кстати сослался на Момзена).

Но оставимъ пока въ сторонѣ гаданія объ арійскомъ пранародѣ. На первый разъ достаточно было довести туранизмъ до того, что онъ не можетъ болѣе отрицать арійство Гунновъ на основаніи ихъ кочеваго быта. Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ В. Г. Васильевскій на этомъ основаніи продолжаетъ отрицать только ихъ славянство. Обратимся теперь къ сему послѣднему.

На какихъ данныхъ построено увѣреніе моего противника, что въ IV и V вв. по Р. Х. никакая часть Славянъ не могла сохранять кочевой бытъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ въ своей предыдущей статьѣ: „Несомнѣнно, что Славяне до своего раздѣленія на разныя вѣтви въ періодъ времени отъ I вѣка до VI по Р. Х. были земледѣльческимъ народомъ. Они знали давно рожь, коноплю, овесъ (слова до-славянскія); они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху. Иначе по какой же причинѣ названія этихъ предметовъ оказываются тожественными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ?" (Ж. Мин. Нар. Пр. 1882 г. іюль). Читаешь и недоумѣваешь: что это такое? Неужели это говоритъ профессоръ исторіи, и притомъ не со вчерашняго дня извѣстный въ ученой литературѣ? Если на такихъ ничтожныхъ основаніяхъ строить такіе важные выводы, то куда же мы придемъ? Подобные пріемы и гаданія, выдаваемые за послѣднее слово науки, собственно и опроверженія не заслуживаютъ. Ихъ только слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ, и они скоро придутъ къ абсурдамъ для всѣхъ очевиднымъ. Но если мой противникъ выступилъ въ данной полемикѣ съ такими претензіями на научность, то нечего дѣлать, скажемъ нѣсколько словъ относительно цитованныхъ выше фразъ.

Начать съ того, что Славяне до VI вѣка составляли одинъ земледѣльческій народъ, еще не раздѣлявшійся на вѣтви; такое положеніе могъ бы сказать развѣ человѣкъ, совершенно незнакомый съ исторіей той эпохи. Достаточно напомнить V и XXIII главы Іордана, въ которыхъ онъ говоритъ о многочисленности Венетовъ, о ихъ раздѣленіи на разныя племена, главнымъ образомъ (principaliter а, не исключительно) на Антовъ и Склавиновъ, съ прибавленіемъ еще собственно Венетовъ, о ихъ разселеніи въ обширной странѣ между среднимъ Дунаемъ, Вислою и Днѣпромъ. А между тѣмъ Іорданъ не зналъ всѣхъ славянскихъ вѣтвей и не имѣлъ яснаго географиче-

Digitized by Google

скаго представленія объ ихъ предѣлахъ на востокѣ. Современникъ его Прокопій, лучше знакомый съ Антами, указываетъ „безчисленныя племена Антовъ" къ сѣверу отъ Понта и Меотиды, слѣдовательно, между Днѣстромъ и Дономъ. А если Венды жили на сѣверной сторонѣ Кавказа и даже проникали въ Закавказье, о чемъ говоритъ писатель III вѣка, судя по приведеннымъ выше отрывкамъ Хоренскаго, то можно себѣ представить, каково было распространеніе и развѣтвленіе славянскаго семейства уже въ ту эпоху. Если даже оставить въ сторонѣ Хоренскаго, вышеприведенное мнѣніе нашего противника не выдерживаетъ никакой критики при одномъ только сопоставленіи его съ Іорданомъ и Прокопіемъ. Но, вѣдь, мы ведемъ споръ именно о томъ объемѣ, который имѣло славянство въ данную эпоху, и я доказываю, что славянство тогда не ограничивалось именами Антовъ и Склавинъ, что славянскіе народы являются въ источникахъ и подъ другими именами. Открываетъ же наука кельтскіе народы тамъ, гдѣ источники совсѣмъ не называютъ ихъ Кельтами. Такая аналогія повторяется и въ другихъ случаяхъ (напримѣръ, относительно Готовъ и Мадьяръ).

Затѣмъ В. Г. Васильевскій говоритъ, что „Славяне знали рожь, коноплю, овесъ". Онъ ссылается на книгу А. С. Будиловича „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ" (Кіевъ, 1879). Эта книга представляетъ много любопытнаго матеріала, который, конечно, примется къ свѣдѣнію будущими изслѣдователями славянства; но отъ собранія матеріала до окончательныхъ научныхъ выводовъ еще очень далеко. Только туранизмъ способенъ дѣлать выводы такимъ скороспѣлымъ способомъ. А. С. Будиловичъ относитъ приведенныя названія къ словамъ „дославянскимъ"; если они принадлежатъ, такъ-сказать, къ словамъ общеарійскимъ, то выше мы видѣли, что туранизмъ теперь не утверждаетъ, чтобы до своего раздѣленія все арійство было уже осѣдлое и земледѣльческое. Это съ одной стороны; а съ другой — и самыя мнѣнія филологовъ объ этихъ словахъ различны; такъ, по мнѣнію Миклошича названіе рожь заимствовано изъ нѣмецкаго языка, а конопля изъ латинскаго (см. соч. Будиловича, 94—95). И дѣйствительно, вопросъ о заимствованіяхъ тутъ сильно затрудняетъ возможность точныхъ выводовъ. Напримѣръ, кукуруза—слово ужь вовсе не славянское и даже не особенно давно заимствованное, а между тѣмъ его можно теперь встрѣтить почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ (Будиловичъ, 98).

Digitized by Google

Славяне „знали рало, плугъ и мотыку, а также ниву и лѣху". Но когда и въ какомъ видѣ знали? Употребляли ли всѣ Славяне эти слова въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, и притомъ буквально въ одномъ и томъ же значеніи? На такіе вопросы нѣтъ отвѣта. Еслибы мой оппонентъ слѣдовалъ хотя сколько-нибудь научному и сравнительному методу, то ему надо бы было прежде, нежели дѣлать свой главный выводъ, показать на примѣрѣ современныхъ намъ кочевниковъ, что у нихъ нѣтъ словъ для обозначенія орудія, которымъ дерутъ землю (рало и плугъ), для обозначенія кирки или лопаты (мотыка), хлѣбнаго поля (нива) и полосы, борозды или гряды (лѣха). Но система научныхъ аналогій, какъ извѣстно, не въ характерѣ норманнистовъ и туранистовъ.

Славяне „воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень" (мимоходомъ замѣчу, что пшено и пшеница по корню, то-есть, этимологически, конечно одно и то же. А пшено, какъ извѣстно, въ сущности есть то же, что̀ просо). Когда, какъ и гдѣ Славяне начали воздѣлывать просо, пшеницу и ячмень, въ точности мы не знаемъ, хотя это, конечно, не мѣшаетъ намъ дѣлать разныя предположенія, соображенія и сближенія. Между прочимъ въ книгѣ г. Будиловича (стр. 318—319) указано на глубокую древность культуры ячменя и проса и ихъ великое распространеніе. Эти растенія были извѣстны не только въ древнемъ Египтѣ, Греціи, Иберіи, Ѳракіи, Галліи и пр. (просо еще въ Индіи и Китаѣ), но также у Скиѳовъ, по извѣстію Геродота (а просо и у Сарматъ). Напитокъ вываривался изъ ячменя тоже въ глубокой древности. Это относительно чрезвычайной древности и распространенности названныхъ двухъ растеній. Если они были извѣстны уже древнимъ Скиѳамъ и Сарматамъ, то какъ же оставались бы неизвѣстны Славянамъ? А Скиѳы и Сарматы были истые кочевники (однако, часть Скиѳовъ уже по извѣстію Геродота занималась хлѣбопашествомъ). Затѣмъ обратимся къ исторической аналогіи, то-есть, къ народамъ кочевымъ и совершенно особымъ отъ Славянъ. Венеціанскій путешественникъ XV вѣка Барбаро въ главѣ III говоритъ о татарскихъ развѣдчикахъ слѣдующее: „Каждый Татаринъ, отдѣляющійся отъ своей орды, имѣетъ при себѣ мѣшокъ изъ козлиной кожи, наполненный пшеничною мукою, замѣшанною на меду, на подобіе тѣста, и деревянную чашку" (припомнимъ, какъ мой оппонентъ отказываетъ Гуннамъ и въ пшеницѣ и въ медѣ, потому что они были кочевники). А въ VIII главѣ тотъ же Барбаро описываетъ, какъ кочевая Татарская орда занималась хлѣбопашествомъ, и какъ придон-

Digitized by Google

ская почва была плодородна: пшеница нерѣдко родилась у Татаръ самъ-пятьдесятъ, а просо—самъ-сто. Чтобы противникъ мой не подумалъ, будто Татары только по прибытіи въ восточную Европу познакомились съ земледѣліемъ, то-есть, заимствовали его, напримѣръ, у Русскихъ, я отсылаю его къ другому путешественнику, Нѣмцу Шильтбергеру, въ концѣ XIV вѣка. „Былъ я также въ великой Татаріи, гдѣ жители изъ хлѣбныхъ растеній сѣютъ одно только просо", говоритъ Шильтбергеръ, а за тѣмъ описываетъ ихъ кочевой образъ жизни (55 стр. въ изданіи профессора Бруна). Ячмень и доселѣ возделывается кочевниками средней Азіи съ Тибетомъ включительно, о чемъ мой противникъ можетъ узнать изъ любопытнаго путешествія Н. М. Пржевальскаго въ сію послѣднюю страну. Конечно, В. Г. Васильевскому очень непріятны подобныя аналогіи, о чемъ онъ и заявляетъ въ своемъ Отвѣтѣ (стр. 386—388). По поводу этихъ аналогій онъ могъ только указать на реторическую фразу Клавдіана о Гуннахъ, что они народъ „убѣгающій отъ Цереры" (то-есть, земледѣлія). Но вѣдь я не доказываю, что Гунны были земледѣльческимъ народомъ, когда жили въ Волжско-Кубанскихъ степяхъ, а только доказываю невѣрность положенія туранистовъ, будто кочевой бытъ исключаетъ знакомство народа съ хлѣбными растеніями, слѣдовательно, исключаетъ названія этихъ растеній въ его языкѣ. Я утверждаю, что если другіе народы и при кочевомъ бытѣ способны заниматься земледѣліемъ, то къ тому же были способны и Славяне; слѣдовательно, нѣсколько общихъ названій, относящихся къ земледѣлію или хлѣбнымъ растеніямъ, нисколько не доказываютъ, что они явились на свѣтъ, то-есть, выдѣлились изъ общеарійской семьи, народомъ исключительно осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Я говорю, что между совершенно кочевымъ состояніемъ и вполнѣ осѣдлымъ бытомъ есть цѣлый рядъ ступеней и проходитъ иногда много столѣтій, что въ исторически-послѣдовательной жизни какого-либо племени трудно найдти рѣзкую границу между этими двумя бытами. Я утверждаю, что въ одно и то же время разныя вѣтви одного племени могли имѣть различное состояніе, то-есть, однѣ еще кочевать, а другія жить осѣдло. Повторяю, что въ то время, какъ часть Славянъ, особенно западная, была уже осѣдлымъ или почти осѣдлымъ народомъ, другая часть, особенно восточная, сохраняла кочевое или полукочевое состояніе.

Надобно прибавить еще, что В. Г. Васильевскій, съ одной стороны, слишкомъ тенденціозно напираетъ на нѣкоторыя фразы источ-

Digitized by Google

никовъ о кочевомъ, вообще дикомъ, первобытномъ состояніи Гунновъ, а съ другой—пытается совершенно отрицать полукочевой бытъ Готовъ, которому отнюдь не противорѣчатъ нѣсколько словъ Вульфилова переводъ Св. Писанія, относящихся къ земледѣлію (стр. 387). И что ни говори туранская теорія, а вполнѣ осѣдлый и земледѣльческій народъ не могъ въ короткое время передвинуться съ своими семействами изъ Черноморья въ Италію и Испанію, какъ это сдѣлали Готы [1]).

Главное несчастіе туранистовъ заключается въ томъ, что они крайне непослѣдовательны и произвольно то отрицаютъ прямыя, ясныя свидѣтельства источниковъ, въ родѣ указанія Прокопія на сходные съ Гуннами образъ жизни и нравы Склавинъ и Антовъ, или въ родѣ гунской стравы Іордана; то вдругъ, для поддержанія своей искусственной теоріи, ухватятся за какія-нибудь риторическія фразы, какъ за какія-то математическія данныя. Напримѣръ, противникъ мой съ особымъ усердіемъ упираетъ на слѣдующее мѣсто у Амміана о Гуннахъ: „У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвращаются ихъ какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ" (tugurium означаетъ не столько шалашъ, сколько вообще хижину, и тѣмъ болѣе, что здѣсь говорится о тростниковой кровлѣ). Вопервыхъ, Амміанъ не былъ на родинѣ Гунновъ и быта ихъ не видалъ собственными глазами; весьма возможно, что въ его описаніи смѣшаны черты постоянныя съ случайными, являющимися во время походовъ и переселеній. Вовторыхъ, мой оппонентъ, игнорирующій аналогіи, упустилъ изъ виду, что въ той же самой XXXI главѣ Амміанъ почти то же говоритъ объ Аланахъ: „У нихъ нѣтъ ни хижинъ (опять tugria), ни земледѣлія; они питаются только мясомъ и особенно молокомъ; сидя на телѣгахъ, крытыхъ корою, они постоянно передвигаются въ своихъ безконечныхъ пустыняхъ". Втретьихъ, онъ упускаетъ изъ виду и еще аналогичное мѣсто у того

---

[1]) Мой противникъ, на основаніи предвзятой, искусственной теоріи конныхъ и пѣшихъ народовъ (или скотоводныхъ и земледѣльческихъ), до того увлекся готскимъ земледѣліемъ въ переводѣ Вульфилы, , что совсѣмъ не замѣтилъ прямаго свидѣтельства источника о скотоводномъ или пастушескомъ бытѣ тѣхъ самыхъ Готовъ, у которыхъ Вульфила былъ епископомъ. У этихъ Готовъ (обитавшихъ въ Мизіи) «все достояніе состоитъ въ разнаго рода скотѣ, въ пастбищахъ и рощахъ; есть у нихъ немного пшеницы.... а питаются они молокомъ» (nam lacte alunt. Jornandes, cap. I).

Digitized by Google

же Амміана: въ XVI главѣ, говоря о захватѣ германскими варварами нѣкоторыхъ городовъ Галліи, послѣдній замѣчаетъ, что они не поселились внутри ихъ, „ибо избѣгаютъ городовъ, считая ихъ гробницами для живыхъ людей". Вчетвертыхъ, не принята въ разсчетъ аналогія съ тѣмъ, что̀ Іорданъ говоритъ о Склавинахъ: „болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто городовъ" (Hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Cap. V). Впятыхъ, описанная Прискомъ столица Аттилы и все, что̀ онъ говоритъ о Гуннахъ, весьма мало подходятъ къ помянутой выше риторикѣ Амміана; точно также и самое существованіе этой знаменитой гуннской династіи совершенно противорѣчитъ извѣстію того же Амміана, будто царская или княжеская власть неизвѣстна Гуннамъ. Самъ Іорданъ, столь пристрастно и мрачно изображающій Гунновъ вообще, тамъ, гдѣ разказываетъ о дѣяніяхъ, смерти и погребеніи Аттилы, невольно поддается еще живому обаянію его славы и могущества Гунновъ и говоритъ о нихъ инымъ тономъ. Мой противникъ, очевидно, подыскиваетъ и собираетъ изъ источниковъ тѣ неточныя, сбивчивыя и риторическія фразы, которыя могутъ оказать какую-нибудь поддержку туранизму, тогда какъ историческое отношеніе къ дѣлу требуетъ возможно ближе ознакомиться съ эпохою, взять въ разчетъ самыя существенныя обстоятельства, сравнить важнѣйшія извѣстія, провѣрить ихъ по историческимъ аналогіямъ и несомнѣннымъ фактамъ, вдуматься въ вопросъ какъ можно глубже, а затѣмъ уже выступать за или противъ.

Возвращаясь къ просу, пшеницѣ и ячменю, обращу вниманіе на то, что противникъ мой, въ доказательство исключительно осѣдло-земледѣльческаго быта всѣхъ древнѣйшихъ Славянъ и неславянства Гунновъ, какъ нарочно привелъ именно тѣ хлѣбныя растенія, которыя воздѣлываются и кочевниками. Надѣюсь, компетентные читатели поймутъ, до какой степени скороспѣлы были его историческіе выводы изъ этихъ скудныхъ лингвистическихъ данныхъ. Истинно-сравнительный научный методъ требуетъ въ такомъ случаѣ всесторонняго изученія фактовъ и многихъ аналогій, прежде нежели выступать съ какими либо выводами. Нѣсколько представленныхъ намъ названій не только не говорятъ о томъ, что Славяне явились на свѣтъ народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ; напротивъ: можно удивляться тому, какъ мало нашлось въ ихъ языкахъ общихъ словъ, относящихся къ земледѣлію и хлѣбнымъ растеніямъ. Чтобы дѣлать какіе-либо выводы объ ихъ первобытномъ состояніи, надо было зайдти и съ другой стороны, то-есть, сравнить всѣ слова, относя-

Digitized by Google

щіяся къ звѣроловству, скотоводству и къ названіямъ животныхъ. Тутъ, напротивъ, мы находимъ чрезвычайное обиліе общеславянскихъ названій, каковы: скотъ, говядо, быкъ, волъ, корова, яловица, теля, ягня, баранъ, коза, серна, буйволъ, зубръ, олень, лань, конь, кобыла, жеребя, заяцъ, лисица, куна, медвѣдь, щеня, хортъ, выжлецъ. оселъ, верблюдъ, слонъ и пр. (я привожу только такъ-называемыя праславянскія названія по г. Будиловичу). Затѣмъ, выяснивъ названія общеславянскія, надобно было перейдти къ отличіямъ въ названіяхъ, относящихся къ быту, и тутъ выдѣлить данныя, могущія послужить въ дѣлѣ сравненія быта восточныхъ Славянъ съ западными (для примѣра укажу хотя на слово скотъ, которое именно у восточныхъ Славянъ долго сохранялось въ значеніи денегъ, скотница — казна), и тогда только приступать къ какимъ-либо выводамъ, да и то осторожно; для полной научности требуется еще прослѣдить тѣ же отношенія въ другихъ языкахъ, у другихъ племенъ. А помянутые поверхностные пріемы и скороспѣлые выводы ужь, конечно, менѣе всего могутъ быть выдаваемы за послѣднее слово науки. Вѣдь если употреблять такіе простодушные пріемы въ приложеніи къ исторіи, то можно приходить къ какимъ угодно выводамъ. Напримѣръ, почему бы намъ изъ даннаго перечня праславянскихъ названій не вывести заключенія, что въ періодъ отъ I до VI вѣка по Р. Х. Славяне, жившіе гдѣ-нибудь въ Карпатахъ, имѣли у себя не только ословъ и верблюдовъ, но и воспитывали слоновъ? Ибо слово „слонъ" встрѣчается во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Это продолженіе все тѣхъ же этимологическихъ увлеченій, какъ и пресловутая картина первобытной арійской семьи, основанная на данныхъ языка: отецъ — питатель, дочь—доительница, сестра—утѣшительница и т. д. Картина получилась идиллическая и даже умилительная, но только не историческая. А между тѣмъ еще недавно она выдавалась за вполнѣ научную! Точно также строить картину первоначальнаго славянскаго быта, подбирая немногія названія, относящіяся къ земледѣлію, и пропускать многія, относящіяся къ скотоводству и звѣроловству, да еще увѣрять, что это есть послѣднее слово науки, — пріемъ, пожалуй, очень оригинальный, но отнюдь не серьезный. Читатели Отвѣта, за исключеніемъ немногихъ спеціалистовъ, могутъ подумать, что такъ именно рѣшила европейская историческая наука въ лицѣ своихъ корифеевъ. Какъ въ предыдущей статьѣ мой противникъ неосторожно сослался на Момзена относительно общеарійскаго земледѣлія и осѣдлости, такъ и

Digitized by Google

теперь онъ говоритъ отъ лица всей европейской исторической науки, основывая общеславянскій первоначальный бытъ на ржи, коноплѣ и пр. Тогда какъ сей домыселъ принадлежитъ ему лично и еще развѣ нѣкоторымъ домашнимъ туранистамъ. Ни Моммзенъ, ни кто-либо другой изъ лучшихъ европейскихъ историковъ, сколько мнѣ извѣстно, еще не сказали о томъ своего слова. Полагаю не лишнимъ предостеречь на этотъ счетъ читателей уважаемаго мною Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія.

Подобные пріемы, не основанные на аналогіяхъ, постоянно практикуются туранизмомъ по отношенію къ славянству. Онъ вновь и вновь повторяетъ, напримѣръ, что источники прямо не называютъ Гунновъ или Болгаръ Славянами. Я же указывалъ на Готовъ, которыхъ писатели той же эпохи не называютъ Германцами. Укажу еще на Мадьяръ. Кромѣ того, что они появляются на поприще исторіи кочевымъ и коннымъ народомъ, совсѣмъ не похожимъ по своему быту на сѣверныхъ лѣсныхъ Финновъ, спрашиваю: гдѣ и какіе источники называютъ ихъ Финнами въ эпоху ихъ появленія? Эти обстоятельства, однако, не помѣшали намъ признать ихъ финское происхожденіе, и главнымъ образомъ, основаться на языкѣ (только не на собственныхъ именахъ). Но у Болгаръ исторія также не знаетъ другаго языка, кромѣ славянскаго. А имя „Славяне" или собственно „Склавины" первоначально встрѣчается въ связи съ одною вѣтвію, то-есть, съ частью Дунайскихъ Славянъ; на другіе же соплеменные народы оно распространилось постепенно и распространилось преимущественно путемъ книжнымъ. Этого моего положенія пока никто не опровергъ.

Противникъ мой, отрицая присутствіе Славянъ на Дунаѣ въ Дако-Панноніи до VI вѣка, забываетъ не только объ этихъ Склавинахъ-Сарматахъ, но даже и о Тацитовыхъ Венедахъ, которыхъ самъ же пріурочиваетъ къ нижнему Дунаю [1]). Я замѣтилъ, что источники въ VI вѣкѣ нерѣдко говорятъ: „Склавины и Анты", и что изъ этого не слѣдуетъ выводить, будто Анты не были Славяне. Отвѣтъ ссылается

[1]) Не надобно имѣть особой исторической проницательности, чтобы понять, что помянутые Тацитовы Венеды означаютъ только незначительную часть Славянства, извѣстнаго тогда преимущественно подъ именемъ Сарматовъ. По всѣмъ даннымъ, въ его время варварскій міръ у греко-латинскихъ писателей главнымъ образомъ распадается на Германію—въ средней Европѣ и Сарматію—въ восточной, то-есть, на міръ нѣмецкій и славянскій. Тацитъ только затрудняется, куда отнести Подкарпатскихъ Венедовъ, ибо онъ, конечно, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о варварскихъ языкахъ.

Digitized by Google

на то, что славянство Антовъ намъ извѣстно изъ другихъ указаній. Но гдѣ же тутъ возраженіе? Славянство Болгаръ также извѣстно намъ на основаніи многихъ историческихъ фактовъ и указаній, которые я болѣе или менѣе привожу. Мое замѣчаніе остается не опровергнутымъ въ томъ отношеніи, что тамъ, гдѣ источники упоминаютъ вмѣстѣ Склавинъ и Болгаръ, подъ именемъ первыхъ разумѣются отнюдь не всѣ Славяне, а спеціально одна вѣтвь сербо-хорвато-славонская. И въ этихъ случаяхъ источники непремѣнно должны были различать Болгаръ отъ Склавовъ или Склавинъ. А требовать отъ писателей той эпохи широкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ точныхъ этнографическихъ обобщеній и классификацій, значитъ—совсѣмъ игнорировать кругъ ихъ свѣдѣній и воззрѣній. Вѣдь, еслибъ историческіе источники представляли все ясныя, математическія данныя и даже предвидѣли будущія недоумѣнія, напримѣръ, говорили бы: „смотрите, не подумайте, что Болгары не были по языку родственны Склавинамъ", тогда не было бы сложныхъ вопросовъ, не существовала бы и наука исторической критики. А разъ этихъ условій нѣтъ, то спрашивается: для чего же существуетъ такая наука и неразрывно связанная съ нею борьба разныхъ мнѣній? Въ данныхъ вопросахъ туранисты могутъ изъявлять голословныя претензіи на научную монополію; но дѣйствительно научнымъ образомъ они пока не отстояли ни одного изъ своихъ сколько-нибудь существенныхъ положеній. Удивителенъ для меня тотъ историкъ, который не изучаетъ историческихъ законовъ, не наблюдаетъ дѣйствительной жизни народовъ и не сравниваетъ историческихъ фактовъ, а пытается рѣшать сложные историческіе вопросы съ помощію: 1) произвольно толкуемыхъ текстовъ, 2) искусственныхъ теорій, въ родѣ конныхъ и пѣшихъ народовъ, и 3) скороспѣлыхъ выводовъ изъ немногихъ лингвистическихъ данныхъ.

Увлеченіе лингвистическими выводами заставляетъ В. Г. Васильевскаго забывать, что сравнительлая лингвистика еще наука очень молодая, и что только тѣ ея выводы о древнихъ вѣкахъ и народахъ могутъ поступить въ научный оборотъ, которые выдержатъ строгую критику по историческимъ фактамъ и аналогіямъ. Увлекаясь борьбою съ мнимыми суффиксами, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что исторія народовъ есть наука старая, давно установившаяся и владѣющая огромнымъ, изученнымъ матеріаломъ, а исторія языковъ только нарождается, есть собственно наука будущаго, и онъ часто смѣшиваетъ науку сравнительной лингвистики современныхъ языковъ съ этою будущею наукой или съ лингвистикой сравнительно-истори-

ческою. Для наглядности приведу въ примѣръ взаимныя отношенія нарѣчій малороссійскаго и великорусскаго. Передъ нами полный современный матеріалъ обоихъ нарѣчій; имѣемъ и многочисленные письменные русскіе памятники, восходящіе къ XI вѣку. Однако, сравнительная лингвистика доселѣ ничего не объяснила намъ о первоначальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народностей. Что̀ это такое: двѣ вѣтви одного племени? Въ такомъ случаѣ какая народность болѣе коренная и какая отъ нея отдѣлившаяся? Когда она отдѣлилась, въ историческое или доисторическое время? Или по происхожденію своему это двѣ самостоятельныя славянскія народности? Не смотря на великое самомнѣніе нѣкоторыхъ филологовъ-славистовъ, они пока ничего тутъ не могутъ сдѣлать, хотя вопросы эти уже поставлены на очередь. Но дѣло въ томъ, что разрѣшеніе послѣднихъ не возможно безъ правильной разработки какъ начальной русской исторіи въ частности, такъ и начальной славянской исторіи вообще. И я едва ли ошибусь, если скажу, что ключъ къ ихъ рѣшенію заключается именно въ правильной постановкѣ вопроса, съ одной стороны, о Роксоланахъ и Руси, съ другой—о Гуннахъ и Болгарахъ. Пока въ начальной русской исторіи господствовалъ норманнизмъ, а въ славянской туранизмъ, обѣ эти исторіи находились въ какомъ-то хаотическомъ состояніи; иначе сказать, онѣ почти не существовали. Норманнизмъ и туранизмъ не объясняли намъ самыхъ крупныхъ, самыхъ очевидныхъ фактовъ, а только путались въ измышленіяхъ и противорѣчіяхъ.

Напомню нѣсколько важнѣйшихъ нелѣпостей, которыя вытекаютъ изъ сихъ двухъ искусственныхъ теорій.

Великое переселеніе народовъ Нѣмцы, а вслѣдъ за ними и другіе писатели, до сихъ поръ объясняютъ столкновеніемъ Готовъ съ какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ Гуннами, и въ исторіи той эпохи у нихъ только и дѣйствуютъ, что Германскіе народы и эти никому непонятные Гунны. (В. Г. Васильевскій на столько проникся тою же тенденціей, что великое переселеніе у него является спеціально германскимъ переселеніемъ. См. стр. 149 іюльской книжки и стр. 387 апрѣльской). Когда же кончается эпоха великаго переселенія, то-есть, съ VIII вѣка, Гунновъ въ Европѣ болѣе будто бы не оказывается; на мѣстѣ ихъ является сплошной рядъ Славянскихъ народовъ, на пространствѣ отъ моря Балтійскаго до Адріатическаго и Чернаго и отъ Эльбы до Оки и Волги. Откуда взялись эти народы, и какъ они распространились по восточной и средней Европѣ, никто изъ турани-

Digitized by Google

стовъ доселѣ не объяснилъ. Ихъ объясненія, въ родѣ того, что Славяне втихомолку, незамѣтно для исторіи пришли въ среднюю Европу, какъ-то замѣшавшись въ составъ гуннскихъ ордъ, по истинѣ жалки и антинаучны. При этомъ они, по обыкновенію, не замѣчаютъ, какъ путаются въ собственныхъ противорѣчіяхъ: съ одной стороны, у нихъ Тацитъ уже въ I вѣкѣ опредѣлилъ положеніе Славянъ (Венедовъ) на нижнемъ Дунаѣ (стр. 148 и 154 іюльской статьи) а съ другой—въ V—VII вв. Славяне являются откуда-то съ востока предполагаемыми спутниками Гунновъ и Болгаръ. Выше была указана ссылка на Мюлленгофа. „Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій" (стр. 182 іюльской статьи). Эту фразу мой противникъ повторяетъ вслѣдъ за однимъ изъ своихъ учениковъ. А другой его ученикъ рѣзко высказалъ положеніе о „первомъ появленіи" Славянъ на Дунаѣ въ V вѣкѣ въ составѣ Гуннской орды (см. мои „Разысканія", стр. 503 и 550). Историческая наука находитъ возможнымъ возстановить не только начальную исторію Германцевъ въ Европѣ, но и начальную исторію Кельтовъ. И вдругъ будто бы она не можетъ дать намъ никакихъ свѣдѣній о начальной исторіи Славянства, которое расселилось по Европѣ послѣ Германцевъ и гораздо послѣ Кельтовъ? Будто бы она должна довольствоваться только нѣкоторыми домыслами, основанными на *можетъ быть*? Между тѣмъ источники въ дѣйствительности нисколько не молчатъ о древнемъ Славянствѣ и повѣствуютъ намъ, что значительная его часть въ періодъ отъ II до VII вѣка по Р. Х. расселялась и занимала свои настоящія земли не въ потьмахъ и втихомолку, а напротивъ, при полномъ дневномъ свѣтѣ, при громкихъ бранныхъ крикахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и съ великимъ кровопролитіемъ. Туранисты все отыскиваютъ Славянъ въ исторіи только подъ этимъ ихъ именемъ, въ тѣ времена едва начавшимъ входить въ употребленіе, и конечно, не находятъ поэтому самыхъ крупныхъ славянскихъ народовъ, каковы Роксолане-Русь и Гунны-Болгаре. Тѣ историки, которые, безъ всякихъ историческихъ аналогій, считаютъ возможнымъ, чтобы цѣлая федерація народовъ (славянскихъ и чудскихъ) призвала къ себѣ для господства чуждый народъ, притомъ, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, только на основаніи явно искаженнаго текста рукописи соединяютъ во едино два совершенно разные народа, одинъ жившій въ Скандинавіи (Варяги) и другой на Днѣпрѣ (Русь); равнымъ образомъ тѣ филологи, которые, опять-таки не представляя никакихъ аналогій, полагаютъ естественнымъ, чтобы многочисленное, энергичное

Digitized by Google

племя завоевателей (Болгаръ) вдругъ отказалось отъ своего языка и безслѣдно утратило бы его, усвоивъ себѣ языкъ слабаго, покореннаго, нисколько необразованнаго и совершенно чуждаго ему племени,— такіе историки и филологи тѣмъ доказываютъ, что они имѣютъ очень смутное понятіе объ основныхъ законахъ, по которымъ организуются государства и націи или совершается взаимодѣйствіе совмѣстныхъ, но разноплеменныхъ языковъ.

Далѣе, ни съ чѣмъ несообразныя и непонятныя явленія выступаютъ на всякомъ шагу. Напримѣръ, на Балканскомъ полуостровѣ до утвержденія Гунно-Болгаръ, исторія знаетъ Славянъ только сербохорватской вѣтви, и вдругъ Болгаре, якобы превратившіеся въ Славянъ послѣ своего тамъ поселенія, заговорили не сербо-хорватскимъ нарѣчіемъ, а своимъ, совершенно особымъ. Откуда же оно взялось? На это, конечно, нѣтъ отвѣта. Или: славянскій элементъ на Балканскомъ полуостровѣ очевидно получилъ сильное подкрѣпленіе и обнаружилъ большую энергію послѣ окончательнаго водворенія тамъ Болгаръ въ VII вѣкѣ, такъ что въ VIII вѣку Константинъ Багрянородный относитъ распространеніе славянства до самыхъ южныхъ частей полуострова: „Ославянилась и оварварилась вся страна!“ восклицаетъ онъ объ Элладѣ и Пелопонесѣ. Какъ же это могло случиться, еслибы Болгаре были не Славяне, а Монголо-Татары? И на это никакого сколько-нибудь историческаго отвѣта не даютъ туранисты. Разными измышленіями и вопіющими натяжками нельзя объяснять такихъ крупныхъ, историческихъ фактовъ. При настоящемъ движеніи науки Шафариково предположеніе, что Гунны заимствовали у Славянъ языкъ, нравы и обычаи, такое предположеніе уже сдѣлалось невозможнымъ. Одни только туранисты способны его повторять. Надобно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить такихъ бьющихъ въ глаза фактовъ и спрашивать: гдѣ источники называютъ Гунновъ или Болгаръ Славянами въ ту эпоху, когда это имя еще не было общимъ названіемъ для всѣхъ славянскихъ народовъ, и когда оно существовало еще въ формѣ Склавины.

Итакъ, въ результатѣ двухъ большихъ полемическихъ статей В. Г. Васильевскаго о Гуннахъ получилась для моихъ „Разысканій“ пока только одна поправка, нисколько не измѣняющая новой постановки вопроса. Надѣюсь, это очень немного, если взять въ разчетъ, что я, при другихъ начатыхъ работахъ, почти одновременно поднялъ на себя тяжесть такихъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, какъ варяго-русскій и гунно-болгарскій. Сосредоточивая свое вниманіе

Digitized by Google

на главныхъ, основныхъ пунктахъ, я предоставилъ времени и другимъ дѣятелямъ науки разработку и отдѣлку подробностей, въ которыхъ могъ кое-что недосмотрѣть или пропустить. Въ концѣ своего послѣдняго отвѣта В. Г. Васильевскій говоритъ, что его „выводы могутъ быть истолкованы въ болѣе благопріятномъ для Славянъ смыслѣ", чѣмъ мои теоріи, „навязывающія имъ вовсе нелестное родство" съ Гуннами. На это отвѣчу слѣдующее: исторической наукѣ подайте Славянъ такими, какими они были въ дѣйствительности, и въ томъ объемѣ, въ которомъ они выступили на историческое поприще. Историки должны прежде всего преслѣдовать историческую истину; а какіе практическіе результаты отъ нея получатся, объ этомъ можно говорить послѣ. (Мимоходомъ замѣчу только: отчего же нѣмецкимъ ученымъ тоже непріятно родство Славянъ съ Гуннами, столь нелестное для первыхъ?). Для нашего національнаго самопознанія необходима правильная постановка данныхъ вопросовъ. Если норманнизмъ и туранизмъ, не смотря на всѣ свои усилія, пока не опрокинули мою постановку, стало быть, она не такъ плоха, какъ имъ это кажется. Посему постоянныя старанія достоуважаемаго противника обострить полемику разными вводными заключеніями и язвительными на мой счетъ фразами (см. въ особенности стр. 348 и 378), а также его постоянныя увѣренія въ своей научности, получаютъ наконецъ ужь слишкомъ несерьезный характеръ. Пора бы понять, что личными препирательствами и голословными претензіями на научность тутъ ровно ничего не подѣлаешь. А что касается нѣкоторыхъ нѣмецкихъ сочиненій, на которыя онъ ссылается, то при всемъ моемъ уваженіи къ исторической наукѣ Нѣмцевъ вообще, я именно не могу руководствоваться ихъ сочиненіями объ исторіи великаго переселенія народовъ, потому что они игнорируютъ огромную роль Славянства въ этой исторіи; тутъ я предпочитаю обращаться прямо къ источникамъ. Я предложилъ бы почтенному русскому профессору всеобщей исторіи заняться серьезно и самостоятельно хотя бы только Дако-Паннонскими Сарматами, вмѣсто того, чтобы съ чужаго голоса повторять разные домыслы, бродить по поверхности гунно-болгарскаго и роксолано-русскаго вопроса, вкривь и вкось разсуждать о собственныхъ именахъ, суффиксахъ и т. п. Я полагаю, что Дако-Паннонскіе Сарматы, упоминаемые со II по VI вѣкъ, суть то же самое, чтó и Склавины писателей VI вѣка. А названіе Склавины или Славины сохранилось въ названіяхъ Славонцевъ и Словаковъ. Весьма желалъ

Digitized by Google

бы узнать, что серьезнаго могутъ сказать туранисты противъ такого положенія.

Всѣ возраженія В. Г. Васильевскаго, заключающіяся въ двухъ помянутыхъ его отвѣтныхъ статьяхъ по гунискому вопросу, можно свести къ слѣдующимъ главнымъ его пріемамъ:

1) Голословное отрицаніе прямаго указанія источниковъ на то, что Гунны сами безобразили наружность своихъ дѣтей, и что пресловутое гунское безобразіе было не природное, а искусственное.

2) Гадательное пріуроченіе приводимыхъ Прискомъ словъ камъ и медъ къ паннонскимъ Кельтамъ, которыхъ не только преобладаніе, но и сколько-нибудь замѣтное, самобытное (по языку) существованіе въ Панноніи V вѣка по Р. Х. при этомъ ничѣмъ не подтверждено.

3) Голословное отрицаніе яснаго Іорданова свидѣтельства о принадлежности Гуннамъ слова страва и произвольное отнесеніе этого слова къ языку готскому.

4) Искусственно-построенная теорія конныхъ и пѣшихъ народовъ въ связи съ гадательнымъ опредѣленіемъ народности по кочевому или земледѣльческому состоянію, теорія, не провѣренная по историческимъ фактамъ и не приложимая къ общеарійской семьѣ.

5) Приложеніе этой искусственной теоріи къ первобытному Славянскому племени, основанное на скороспѣлыхъ, одностороннихъ выводахъ изъ нѣсколькихъ общеславянскихъ названій и не подкрѣпленное никакими историческими или сравнительно-филологическими аналогіями.

6) Отнесеніе къ славянской народности только именуемыхъ Склавинами—въ тѣ времена, когда это имя едва появилось въ исторіи и не было распространено даже на бо̀льшую часть Славянъ. Равнымъ образомъ произвольныя толкованія источниковъ относительно названія Венды.

7) Совершенное игнорированіе, какъ восточно-европейскихъ, такъ и Дако-Паннонскихъ Сарматовъ и связанное съ нимъ игнорированіе вопроса, откуда взялась огромная масса Славянства, когда и какъ она разселилась по восточной и средней Европѣ, а также голословное мнѣніе о поселеніи Славянъ въ Панноніи и вообще по Дунаю только въ VI вѣкѣ по Р. Х.,—о поселеніи, будто бы совершившемся неизвѣстно какимъ образомъ, втихомолку, украдкой отъ историковъ того времени.

В. Г. Васильевскій въ этомъ случаѣ является представителемъ извѣстной школы, къ которой принадлежитъ пока большинство на-

Digitized by Google

шихъ профессоровъ-историковъ и славистовъ. Отсюда понятно, почему разработка начальной русской и начальной славянской исторіи до сихъ поръ совершенно не двигалась впередъ, не смотря на появленіе въ послѣднее время нѣсколькихъ новыхъ и многообѣщавшихъ ученыхъ силъ на поприщѣ средневѣковой исторіографіи. Эти ученые иногда добросовѣстно роются въ европейскихъ архивахъ и книгохранилищахъ, извлекаютъ изъ нихъ новые матеріалы (для второй половины среднихъ вѣковъ), пишутъ прекрасныя изслѣдованія и даже раскрываютъ передъ нами разные, доселѣ остававшіеся не извѣстными институты изъ славянской или византійской жизни, въ родѣ **проніи, харистикарія, морта**. Но начальную исторію Славянъ и Руси эти ученые намъ не возстановятъ. Напротивъ, какъ только они коснутся перваго періода славянской исторіи, то-есть, исторіи до IX или X вѣка по Р. Х., а русской—до XI вѣка, такъ и получаются вопіющія гаданія и умствованія, ровно ничего не объясняющія въ данной исторіи. Да при помянутыхъ выше пріемахъ, при ложныхъ исходныхъ пунктахъ и быть иначе не можетъ. Въ своей книгѣ („Разысканія") я имѣлъ случаи указать цѣлый рядъ трудовъ по начальной русской и начальной болгаро-славянской исторіи, которые увеличиваютъ только существовавшую до нихъ путаницу и вмѣсто положительныхъ отвѣтовъ даютъ новые и новые домыслы по вопросамъ, о которыхъ я веду борьбу съ данною школою. Въ предыдущей статьѣ я также привелъ въ примѣръ тому одинъ изъ послѣднихъ трудовъ по древней русской исторіи, въ другихъ отношеніяхъ весьма почтенный. Въ настоящей своей статьѣ укажу на недавнее и также вообще очень хорошее изслѣдованіе въ области древняго византійско-славянскаго быта. Говорю объ изслѣдованіи профессора Успенскаго „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи" (Ж. М. **Нар. Пр.** 1883 г. январь и февраль).

Профессоръ Успенскій принадлежитъ къ той недавно образовавшейся у насъ небольшой группѣ византинистовъ, во главѣ которой сталъ мой достоуважаемый противникъ, то-есть, В. Г. Васильевскій; Ѳ. И. Успенскій, нынѣ профессоръ Новороссійскаго университета, одинъ изъ учениковъ г. Васильевскаго по Петербургскому университету. Я всегда считалъ самостоятельное развитіе у насъ византовѣдѣнія необходимымъ элементомъ для процвѣтанія русской и вообще славянской исторической науки и отъ души привѣтствовалъ первыя изслѣдованія профессора Васильевскаго въ этой области. Въ настоящее время, благодаря означенной группѣ и

Digitized by Google

преимущественно ея главѣ, область византизма значительно расширилась и заняла видное мѣсто въ нашей ученой литературѣ. Г. Успенскій также представилъ уже цѣлый рядъ прекрасныхъ монографій по византійско-славянской исторіи. Я не буду распространяться о названномъ выше его изслѣдованіи, которое заключаетъ въ себѣ разныя любопытныя подробности, конечно, уже извѣстныя читателямъ Журнала М. Н. Пр. Я только коснусь отношеній автора къ вопросу о Болгарахъ. Между прочимъ, онъ приводитъ „докладную записку" царю Алексѣю III Комнину Аѳинскаго митрополита Михаила Акомината. Записка относится къ 1198 году и говоритъ о печальномъ состояніи Аѳинскаго округа. Тамъ, по поводу захвата властелями или знатными помѣщиками крестьянскихъ селъ и участковъ, замѣчено: „это ведетъ къ распаденію и погибели общинъ; гибель же общинъ крестьянскихъ равняется пагубѣ всего нашего округа" (Εἰς σύντριβὴν γαρ τοῦτο τῶν δρούγγων καὶ ὄλεθρον ἀφορᾶ. ἡ δε τῶν δρούγγων ἀπώλεια τοῦ καθ' ἡ'μᾶ ὁρίον Παντ'ος ἔστιν ἀπώλεια). Въ данномъ случаѣ терминъ δροῦγγος, понимаемый доселѣ всегда въ смыслѣ извѣстнаго отдѣла войска или дружины и очевидно заимствованный Византійцами у Славянъ, авторъ переводитъ словомъ „община", то-есть, крестьянская община, и старается подкрѣпить этотъ переводъ рядомъ соображеній и догадокъ. Намъ кажется, что онъ не совсѣмъ правъ, ибо тутъ подъ друнгомъ можетъ разумѣться все-таки отрядъ войска, только связанный съ его земельнымъ надѣломъ, родъ нашихъ бывшихъ военныхъ поселеній или нѣчто напоминающее бывшіе малороссійскіе полки и сотни, которые означали вмѣстѣ и военную, и территоріальную единицу. А что эти друнги или поселенія, обязанныя военною службою, были по своей народности славянскія, въ томъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

Идя далѣе въ своихъ разсужденіяхъ о друнгѣ, авторъ доходитъ до того, что дѣлаетъ его однимъ изъ доказательствъ неславянства Болгаръ. И вотъ какимъ способомъ: У Ѳеофана подъ 603! годомъ говорится о томъ, что два болгарскіе князя выступили въ походъ „со множествомъ Болгаръ и съ друнгомъ" (μετά πλῆθος Βουλγαρων και δρούγγου). Г. Успенскій полагаетъ, что двинуться въ походъ съ войскомъ Болгаръ и съ отрядомъ Болгаръ въ одно и то же время— это была бы безсмыслица, а потому слѣдуетъ понимать это мѣсто такъ: „двинулись Болгаре, взявъ съ собою друнги славянскіе". Свое толкованіе онъ пытается подкрѣпить ссылкою на нѣкоторые обороты въ русской лѣтописи: „поиде Олегъ, поя вои мнози Варяги, Словени,

Digitized by Google

Кривичи" и пр., или у византійскихъ лѣтописцевъ: „пошли Авар собравъ множество подвластныхъ имъ Славянъ". А выводъ пол чается слѣдующій: „Разбираемое извѣстіе, имѣя рѣшительное зн ченіе для вопроса о мнимомъ родствѣ Болгаръ и Славянъ, придае особый смыслъ нашей другѣ" (январь, стр. 72). Читатель, конечн видитъ, что авторъ даннаго изслѣдованія пользуется случаемъ в ставить лишній аргументъ противъ моего мнѣнія о славянствѣ Бо гаръ; но въ сущности онъ даетъ мнѣ лишній поводъ указать на вопі щіе домыслы туранистовъ, какъ только рѣчь коснется извѣстны вопросовъ. Здѣсь аналогія съ русскими и византійскими лѣтописям совершенно невѣрная: Византійцы прямо указываютъ на разнообра ный составъ войска, а въ русской лѣтописи взято мѣсто, такъ-ск зать, легендарное. Въ своихъ „Разысканіяхъ" я указалъ эти леге дарныя мѣста, не имѣющія историческаго значенія, и сравнилъ их съ другими, заимствованными изъ хроники Георгія Амортола и е продолжателей, гдѣ говорится о походѣ только Руси или Руси наемныхъ Варяговъ (см. „Разысканія", стр. 372—374). Авторъ пост пилъ бы гораздо правильнѣе, еслибы привелъ для сравненія тѣ мѣст русской лѣтописи, гдѣ говорится о совмѣстномъ походѣ княжеск дружины и земской рати. Напримѣръ, возьмемъ извѣстный поход Святослава II и Владиміра Мономаха на Половцевъ; въ предвар тельномъ совѣщаніи князей и ихъ дружинниковъ прямо указываетс на сборъ земской рати. Слѣдовательно, буквальный переводъ пом путой фразы Ѳеофана не только не представляетъ никакой безсмы лицы, а есть единственный исторически вѣрный переводъ. Тут просто говорится о томъ, что два болгарскіе князя выступили въ по ходъ съ своею дружиною и со множествомъ Болгаръ, то-есть, с земскимъ ополченіемъ [1]).

Такимъ образомъ данный текстъ не только не противорѣчит славянству Болгаръ, но рѣшительно его подтверждаетъ и въ исто рическомъ, и въ лингвистическомъ отношеніи. Оказывается, что

[1]) Кромѣ русской исторіи, авторъ изслѣдованія, если бы поискалъ, то мог бы найдти аналогичныя свидѣтельства и въ исторіи другихъ народовъ. Укаж примѣръ приблизительно изъ той же эпохи. Когда Теодорику Остготскому был около 18 лѣтъ отъ роду, онъ набралъ почти шеститысячное войско изъ *дружин* своего отца и изъ *народа* и пошелъ противъ Сарматовъ (adscitis satellitibus patri ex populo amatores sibi clientesque consociavit, pene six millia viros Jornan Cap. LV.). По системѣ туранизма выходило бы, что здѣсь и «отцовскіе сателлиты и «охотники изъ народа» принадлежали къ двумъ разнымъ народностямъ.

Digitized by Google

болгарскихъ князей были такія же дружины, какъ у русскихъ (и прочихъ Славянъ), и что онѣ также назывались дружинами. Только болгарское названіе тутъ является въ болѣе древней формѣ и съ сохраненіемъ носоваго или юсоваго церковно-славянскаго произношенія. Надѣюсь, безпристрастный читатель согласится, что въ этомъ случаѣ повторилось то же, что выше произошло съ извѣстіемъ географіи Хоренскаго объ области Ванандъ: поборники туранской теоріи, вмѣсто опроверженія, сами даютъ подкрѣпленіе для моихъ положеній. На слѣдующихъ страницахъ г. Успенскій, по поводу слова δροῦγγος, предается еще большимъ гаданіямъ въ своихъ толкованіяхъ извѣстнаго выраженія Византійцевъ Русь-дромиты (которое онъ пытается перемѣнить въ Русь-дронгиты, то-есть, Русь-дружинники), а также слѣдующаго мѣста изъ Ѳеофилакта Болгарскаго: „когда упомянутый дивный Борисъ принялъ власть, туча Франковъ (Φράγγων νέφος) покрыла всю Болгарію". „Борисъ позналъ божій бичь, и что насылаетъ его учитель Отецъ и Господь, желая обратить сыновъ и рабовъ къ истинѣ, сейчасъ же" и пр. Здѣсь „туча Франковъ" представляетъ какое-то недоразумѣніе, такъ какъ, по словамъ автора, нельзя ее толковать Франками. Но относительно „сыновъ и рабовъ" едва ли можетъ быть какое сомнѣніе, что это сыны и рабы Божіи, то-есть, князья и народъ Болгарскій, и тѣмъ болѣе, что тутъ Господь въ то же время называется и Отецъ Бориса. Но г. Успенскій, съ помощію разныхъ догадокъ и ничего не доказывающихъ сопоставленій, приходитъ къ заключенію, что здѣсь разумѣются дѣти и рабы Борисовы, и что подъ первыми надо понимать „вѣрныхъ Борису Болгаръ", подъ вторыми же „невѣрныхъ Славянъ". Выраженіе Φράγγον νέφος онъ предлагаетъ замѣнить чтеніемъ Δρούγγων νέφος. А такъ какъ подъ именемъ друнговъ тутъ разумѣются славянскія дружины или задруги, то и получится такой смыслъ: „туча Славянъ покрыла всю Болгарію". Но далѣе выходитъ, что покрыла собственно не всю Болгарію, а что это туча язычеcко-славянскаго крестьянства возмутилась и окружила дворецъ княжескій (стр. 74—76). Однимъ словомъ, получается толкованіе чрезвычайно мудреное и хитро сплетенное, или точнѣе, просто невозможное. И это все придумывается для того, чтобы доказывать неславянство Болгаръ! Что же касается до „тучи Франковъ, покрывшей всю Болгарію", если нельзя понимать эту фразу буквально и необходимо сдѣлать поправку въ текстѣ, то вмѣсто невѣроятнаго δροῦγγων ужь не лучше ли было предположить что-либо другое, напримѣръ, βροῦχων, родъ саранчи, прузи

нашихъ лѣтописей? По смыслу разказа скорѣе можно заключить, что рѣчь идетъ о какомъ-то физическомъ, а не политическомъ бѣдствіи, которое Богъ наслалъ на Болгарію ради обращенія ея къ истинной вѣрѣ.

Въ данномъ изслѣдованіи ярко бросается въ глаза все та же общая туранистамъ черта. Авторъ самъ, на основаніи источниковъ, раскрываетъ намъ, до какой степени византійская исторія съ VII вѣка проникласъ славянскимъ элементомъ; изученіе не только историческихъ источниковъ, но и чисто-литературныхъ и юридическихъ памятниковъ, доказываетъ присутствіе Славянъ почти во всѣхъ концахъ имперіи, и вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго о южныхъ частяхъ полуострова: „ославянилась и оварварилась вся страна". Такъ какъ этотъ наплывъ славянства произошелъ именно послѣ окончательнаго водворенія Болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, то кажется, выводъ отсюда о славянствѣ самихъ Болгаръ просто неизбѣженъ. По по теоріи туранистовъ выходитъ слѣдующее: не особенно огромныя дотолѣ славянскія поселенія, и притомъ сосредоточенныя преимущественно въ сѣверо-западной части полуострова (Сербо-Хорваты), послѣ прибытія Болгаръ, вдругъ разлились по всему полуострову и ославянили не только византійскія провинціи Ѳракію, Македонію, Эпиръ, Ѳессалію, Элладу и такъ далѣе, но что̀ особенно удивительно — въ то же время ославянили своихъ покорителей Болгаръ, и такъ радикально, что у послѣднихъ не осталось никакихъ слѣдовъ ихъ собственнаго роднаго языка; притомъ они заговорили не сербо-хорватскимъ нарѣчіемъ, а своимъ особымъ и самостоятельнымъ нарѣчіемъ болгарскимъ. Любопытно, что именно въ провинціяхъ, занятыхъ Болгарами, появилось съ того времени много географическихъ названій, встрѣчающихся у восточныхъ Славянъ, каковы: Переяславъ, Островъ, Плесковъ, Дреговичи и такъ далѣе. Это мнимое превращеніе Болгаръ въ чуждую народность доселѣ туранисты даже не пытались объяснить какими-либо историческими аналогіями, а просто обходили его молчаніемъ или нѣсколькими голословными фразами.

На сей разъ довольно о туранской теоріи. Въ заключеніе я все-таки долженъ поблагодарить В. Г. Васильевскаго. Вопросъ о Варяго-Руссахъ, поднятый мною въ 1871 году, въ настоящее время уже достаточно исчерпанъ, благодаря полемикѣ съ норманнистами. Двѣ послѣднія статьи моего достоуважаемаго противника, въ соединеніи съ поднятымъ въ 1874 году споромъ о Болгарахъ, помогли до

Digitized by Google

нѣкоторой степени исчерпать и вопросъ о Гуннахъ. А что̀ въ его возраженіяхъ заключается собственно личнаго и не идущаго къ дѣлу, то я оставляю на его совѣсти. Говорю это по поводу его собственнаго сознанія въ рѣзкости его полемики противъ меня (стр. 392). Я охотно извинилъ бы эту рѣзкость, еслибъ она имѣла за себя серьезныя основанія, еслибъ оппонентъ стоялъ на строго-исторической почвѣ и не измѣнялъ бы своей спеціальности, не былъ бы врагомъ историческихъ аналогій и не строилъ бы начальную славянскую исторію на *можетъ быть* и на этимологическихъ увлеченіяхъ. Ужь если онъ не церемонится съ такимъ яснымъ, положительнымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ гуннская страва у Іордана, то что̀ же могутъ значить для него мои „Разысканія“? Во всякомъ случаѣ, его возраженія нельзя сравнивать съ голословіемъ нѣкоторыхъ другихъ оппонентовъ, которыхъ устныя разглагольствія или безсодержательныя статейки не даютъ почти никакого матеріала для научной полемики, и которые притомъ не берутъ на себя даже труда сколько-нибудь добросовѣстно ознакомиться съ моими „Разысканіями“.

Остаюсь по прежнему къ услугамъ моихъ противниковъ, съ прежнею увѣренностію въ правильной постановкѣ вновь выдвинутыхъ мною вопросовъ и въ ихъ тѣсной исторической связи другъ съ другомъ. Надѣюсь, никакія усилія норманнистовъ и туранистовъ, вмѣстѣ взятыхъ, не сдвинутъ меня съ главныхъ моихъ основаній; ибо никогда они не докажутъ, что Русь жила не на Днѣпрѣ, а въ Скандинавіи; что Русь была не туземный великій народъ, а какая-то кучка Варяговъ, пришедшая въ Россію во второй половинѣ IX вѣка въ видѣ свиты трехъ легендарныхъ братьевъ, но страннымъ образомъ поклонявшаяся славянскимъ богамъ Перуну и Волосу. Никогда они не докажутъ, что Гунны пришли въ восточную Европу только во второй половинѣ IV вѣка, и никогда не отнимутъ у Гунновъ ихъ страву, а гуннскіе нравы у Склавинъ и Антовъ. Никогда научнымъ образомъ не объяснятъ быстраго, безслѣднаго превращенія сильнаго Болгарскаго племени въ яко бы чуждую ему, легко имъ покоренную славянскую народность, и т. п. Тутъ не помогутъ никакія ихъ умствованія о собственныхъ именахъ и суффиксахъ. Кромѣ этихъ основныхъ столповъ, напомню еще длинный рядъ другихъ, весьма существенныхъ недоумѣній, долженствующихъ остаться безъ разъясненій съ противной стороны. Норманизмъ и туранизмъ, отрицая славянство Руси, Гунновъ и Болгаръ, то-есть, болѣе чѣмъ половины Славянскихъ народовъ, никогда не отвѣтятъ намъ на слѣдующіе во-

Digitized by Google

просы: Откуда взялась въ Европѣ огромная масса Славянъ, особенно восточныхъ? Какъ и когда они заняли свои настоящія земли, и какая была ихъ роль въ эпоху великаго переселенія? Съ какими племенными чертами, съ какимъ типомъ, при какихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ они выступили на историческое поприще? Откуда взялось разнообразіе ихъ бытовыхъ и политическихъ формъ? Какъ образовались государства Великоморавское, Болгарское и въ особенности Русское? Какъ сложилась Русская нація, и откуда произошло ея дѣленіе на двѣ главныя вѣтви, великорусскую и малорусскую? Откуда получила свои начала русская гражданственность съ ея многими своеобразными чертами, или какова степень ея древности и самобытности? Откуда явилась церковно-славянская письменность, и почему она получила такое широкое распространеніе въ славянскомъ мірѣ? Если Болгаре была Угорская орда, то почему они не обнаружили никакихъ племенныхъ связей съ сосѣдними Мадьярами; а если— Турецкая орда, то почему не проявили таковыхъ же связей съ Турко-Хазарами, Печенѣгами и Половцами, но слились только съ Славянами (даже не съ Румынами) и образовали свой особый самостоятельный славянскій языкъ? И т. д. И т. д.

Однимъ словомъ, при дальнѣйшемъ господствѣ норманнизма и туранизма въ русско-славянской исторіи продолжалось бы то же, что̀ было до сихъ поръ: пришлось бы постоянно вычеркивать весь ея первый періодъ, то-есть, до IX и отчасти до X вѣка включительно. Такое прискорбное обстоятельство во многомъ вредно отзывается и на пониманіи всей нашей исторіи. Слѣдовательно, обѣ названныя теоріи доселѣ положительно препятствовали правильному, научному развитію нашего національнаго самопознанія. Въ наукѣ настала пора подвергнуть ихъ безпощадной исторической критикѣ и тѣмъ положить конецъ ихъ незаконному господству.

Москва, іюнь 1883 г.

Д. Иловайскій.

Очерки западно-европейской исторіографіи.

I.

Предлагая рядъ критическихъ обзоровъ и очерковъ по англійской, нѣмецкой и италіанской исторіографіи, считаемъ не лишнимъ теперь же опредѣлить ихъ цѣль и характеръ. Не имѣя въ виду достигнуть библіографической полноты, что было бы весьма трудно, мы ставимъ себѣ задачей обращать вниманіе только на самыя выдающіяся изъ историческихъ произведеній, появляющихся въ Англіи, Германіи и Италіи. Такихъ наберется сравнительно немного, и они тѣмъ болѣе заслуживаютъ разбора. Въ настоящемъ обзорѣ англійской литературы мы будемъ касаться сочиненій, появившихся въ 1883 и частью въ 1882 году. Первая статья будетъ посвящена средневѣковой Англіи, а въ слѣдующихъ мы перейдемъ къ Англіи новой и къ трудамъ Англичанъ по исторіи другихъ народовъ и государствъ.

Туманная область ранней этнографіи и начальной исторіи сильно привлекала англійскихъ ученыхъ за послѣднее время: вопросы и загадки относительно расы и культуры древнѣйшаго населенія острова, направленій и результатовъ первыхъ передвиженій и завоеваній разрѣшались при помощи разнообразныхъ и сложныхъ пріемовъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ лингвистикой, антропологіей и археологіей [1]). Въ текущемъ году появилось посмертное изданіе работъ д-ра Геста (Guest), ученаго, котораго считаютъ въ Англіи родоначальникомъ школы научныхъ изслѣдователей древнѣйшаго періода. Знаменитый Фриманъ выразился что если Финле, открылъ для Англичанъ существованіе Восточной имперіи, какъ живаго историческаго организма, то Гестъ открылъ для нихъ первую эпоху ихъ собственнаго развитія на Британскомъ островѣ. Сравнивая Геста съ Кемблемъ и Пельгревомъ, Фриманъ отдаетъ ему въ нѣкоторой степени предпочтеніе. Вліяніе этого мало извѣстнаго на континентѣ и такъ высоко цѣнимаго въ Англіи ученаго создалось благодаря цѣлому ряду

[1]) Главные выводы западныхъ этнографическихъ изысканій ясно изложены въ статьѣ профессора *Васильевскаго* о Кельтахъ (*Ж. М. Н. Пр.* за сентябрь 1882 года). Изъ сочиненій, посвященныхъ собственно англійской этнографіи, особеннаго вниманія заслуживаетъ, *Elton* Origins of the English People.

Digitized by Google

сообщеній въ археологическомъ обществѣ: въ вышедшей въ нынѣшнемъ году книгѣ [1]) эти сообщенія перепечатаны и занимаютъ почти весь второй томъ. Изъ нихъ главныя касаются римскаго [2]) и саксонскаго [3]) завоеваній, и только одно [4]) посвящено собственно кельтскому періоду. За то начало втораго тома и весь первый всецѣло заняты этнографическими изысканіями самаго разнообразнаго свойства, которыя должны были однако войдти въ большое законченное сочиненіе о Кельтахъ. Появленія въ свѣтъ „Origines Celticae" ожидали съ нетерпѣніемъ именно ради этихъ не изданныхъ еще работъ. Когда же книга вышла, послѣдовало полное разочарованіе. Оказалось, что изъ вспомогательныхъ наукъ, безъ которыхъ изысканія по ранней этнографіи не мыслимы, докторъ Гестъ отлично зналъ только археологію и археологическую географію. Онъ былъ неутомимъ въ своихъ розыскахъ слѣдовъ старины, чрезвычайно ловко умѣлъ воспользоваться малѣйшимъ указаніемъ, чтобы намѣтить положеніе древняго укрѣпленія или дороги, очень удачно схватывалъ вліяніе мѣстности на столкновенія и передвиженія племенъ. Всѣ эти свойства оказывали ему драгоцѣнныя услуги, когда приходилось судить объ историческихъ, хотя и очень раннихъ временахъ, когда можно было сопоставлять наблюденія надъ мѣстностью и памятниками съ опредѣленными, хотя очень отрывочными, запутанными и противорѣчивыми свидѣтельствами источниковъ. Но для исторіи доисторическаго періода, если можно такъ выразиться, свидѣтельства источниковъ имѣютъ наименьшее значеніе, да и изученія матеріальныхъ остатковъ культуры недостаточно: приходится опираться на антропологію и сравнительное языкознаніе. Пользу первой изъ этихъ наукъ д-ръ Гестъ отрицалъ [5]), сравненіемъ же языковъ хотя и пользовался постоянно, но совершенно своеобразно. Къ выработаннымъ спеціалистами законамъ онъ относился съ большимъ презрѣніемъ и составилъ себѣ собственныя фонетическія теоріи. Результаты получались дѣйствительно невѣроятные. Главная цѣль перваго тома—показать, что древнѣйшими поселенцами

---

[1]) *E. Guest*, Origines Celticae and other contributions to the history of Britain. London. 1883. 2 vol.

[2]) The invasion of Britain by Julius Coesar; the campaign of Aulus Plautius

[3]) The early english settlements in south Britain; the welsh and english boundaries after the battle of Deorham; english conquest of the Severn valley in the VI century.

[4]) The belgic ditches and the probable date of Stonehendge.

[5]) Origines Celticae, I, 3.

Digitized by Google

западной Европы были Кельты [1]) и установить въ подробностяхъ ихъ этнографическую генеалогію, начиная отъ Гомера, сына, (кн. Быт. X, 3). Отъ Гомерійцевъ произошли Киммерійцы (Одисс. XI, 13), имя которыхъ, въ свою очередь, состоитъ въ несомнѣнной связи съ именами Кимри и Кимвровъ. Съ другой стороны, черезъ отпаденіе начальнаго Г отъ Гомеръ произошли имена Амброновъ и Умбровъ, которые постоянно повторяются среди племенъ Лигурской вѣтви, той же кельтской расы. Кимры и Лигуры подвинулись въ Европу черезъ Балканскій полуостровъ, но первые пришли ранѣе XVIII столѣтія до Р. Х. и съ Дуная двинулись на Днѣпръ, Вислу, Эльбу и къ Атлантическому океану, а Лигуры пришли нѣсколько ранѣе 1000-го года и направились далѣе долиной Дуная. Среди всего этого вздора вспыхиваютъ иногда мысли, заслуживающія вниманія. Укажу, напримѣръ, на замѣчаніе, которое, какъ мнѣ кажется, не дурно бы провѣрить лингвистамъ. Д-ръ Guest утверждаетъ, что слово „Галлъ" неможетъ быть поставлено въ связь съ „Gael", потому что еще не такъ давно послѣднее не только писалось, но и произносилось Gaoidheal. Латинизированная форма этого имени въ XII и XIII столѣтіяхъ писалась Gaithelus, а жители Уельса до сихъ поръ называютъ Ирландцевъ Gwyddel. Слово „Галлъ" д-ръ Гестъ предлагаетъ производить отъ „gal"—поле.

Англійская критика выразила весьма естественное сожалѣніе по поводу обнародованія труда, который ни въ какомъ отношеніи не можетъ возвысить репутацію покойнаго ученаго [2]). Въ то же время рецензенты указывали на полезность втораго тома изданія, въ которомъ собраны статьи, разсѣянныя въ спеціальномъ журналѣ и почти недоступныя поэтому для публики. Читая эти статьи и сравнивая ихъ съ лучшими послѣдними работами по исторіи римскаго и въ особенности саксонскаго періода, начинаешь понимать, почему такіе люди, какъ Фриманъ и Стѣббсъ считаютъ д-ра Геста однимъ изъ самыхъ выдающихся изслѣдователей англійскаго прошлаго. Не смотря на то, что изслѣдованіе Геста о первыхъ саксонскихъ поселеніяхъ на югѣ Британіи читано было въ археологическомъ обществѣ въ 1849 году, оно является главнымъ основаніемъ теперешняго ученія по этому вопросу. Открывается оно характеристикой географическихъ

---

[1]) Они пришли тотчасъ за Иберами, занявшими юго-западъ.

[2]) См. напримѣръ, *Academy*, March 31, p. 214. Подобный же отзывъ *Athenaeum*.

Digitized by Google

условій, при чемъ рельефно выступаетъ великое значеніе Андредскаго лѣса, широкой полосы непроходимаго и необитаемаго бора, которая отрѣзывала южный берегъ отъ прямаго сообщенія съ внутренностью страны [1]). Гипотеза постепеннаго отложенія саксонскихъ дружинъ въ юго-восточной Британіи въ теченіе IV вѣка отвергается, и терминъ, подавшій поводъ къ этой гипотезѣ—limes Saxonicus, получаетъ свое истинное толкованіе—граница противъ Саксовъ. Далѣе слѣдуетъ у Геста сравнительная оцѣнка источниковъ, и они группируются около двухъ главныхъ повѣствованій—монаха Гильдаса, какъ представителя британской традиціи, и Саксонской хроники, дающей традицію завоевателей. Намѣченный Гестомъ хронологическій порядокъ завоеваній признается донынѣ правильнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, измѣненныхъ позднѣйшими изслѣдованіями Особенно интересны указанія на борьбу между римскою и туземною партіями среди Бриттовъ, борьбу, которая сильно способствовала утвержденію Германскихъ племенъ. Такую же важность, какъ только что указанная статья, имѣютъ и двѣ другія, посвященныя позднѣйшимъ періодамъ саксонскаго завоеванія. Можно сказать, что въ главныхъ чертахъ результаты этихъ трехъ работъ Геста воспроизведены въ извѣстной книгѣ Грина, которая получила такую почетную извѣстность не далѣе какъ въ прошломъ году [2]). Надо прибавить, что изъ не изданныхъ статей, открывающихъ II-й томъ Геста, двѣ заслуживаютъ вниманія: одна изъ нихъ посвящена географіи Британіи въ эпоху, предшествовавшую римскому завоеванію, а другая представляетъ интересное изслѣдованіе о такъ-называемомъ „Itinerarim Antonini“.

Главную группу между сочиненіями по среднимъ вѣкамъ вышедшими за послѣднее время въ Англіи, составляютъ труды, посвященные концу XI и XII вѣку—эпохѣ, когда окончательно опредѣлялись отношенія, созданныя въ государствѣ и церкви норманскимъ завоеваніемъ. Первое мѣсто занимаетъ книга Фримана о Вильгельмѣ Рыжемъ [3]). Уже въ своей монументальной исторіи норманскаго завоеванія Фриманъ намѣтилъ свои точки зрѣнія по отношенію къ царствованію Вильгельма [4]), и болѣе подробное изслѣдованіе представ-

---

[1]) О. С. II, 148 и сл.

[2]) *Green*, The Making of England.

[3]) *Freeman*, William Rufus. 2 volumes. Хотя книга эта вышла еще въ первой половинѣ 1882 года, въ Россіи на нее не было обращено вниманіе. Поэтому я позволяю себѣ коснуться этого замѣчательнаго труда.

[4]) Norman Conquest, V, 69 и сл.

Digitized by Google

лялось однако необходимымъ потому, что эта эпоха тѣснѣйшимъ образомъ связана съ завоеваніемъ, подводитъ, такъ-сказать, его итоги.

Прежнее большое сочиненіе Фримана разрушило теорію, выставленную Тьерри и объяснявшую всю англійскую исторію до XIII в. изъ противоположности между завоевателями Норманнами и завоеванными Саксами. Въ послѣдней своей книгѣ Фриманъ развиваетъ тотъ взглядъ, что эта противоположность проявляется въ послѣдній разъ въ концѣ XI и въ самомъ началѣ XII вѣка, чтобъ исчезнуть въ теченіе царствованія Генриха I. Тотчасъ по вступленіи Вильгельма Рыжаго на престолъ послѣдовало возстаніе норманнскихъ бароновъ съ Едомъ, епископомъ Байесскимъ во главѣ, которое однако было подавлено, потому что Англичане, то-есть, коренное саксонское населеніе, поддержало короля. Этотъ фактъ въ одно и то же время завершаетъ и раздѣлываетъ завоеваніе: завершаетъ потому, что въ немъ Саксы признаютъ своимъ Норманнскаго короля, сына завоевателя; раздѣлываетъ потому, что саксонская масса одерживаетъ верхъ надъ высшимъ слоемъ, состоящимъ изъ Норманновъ. Подобнымъ же образомъ, послѣ восшествія на престолъ Генриха I, саксонское населеніе выноситъ его на своихъ плечахъ противъ Роберта Норманнскаго и бароновъ, возмутившихся съ Робертомъ де-Беллемомъ. Въ этомъ второмъ случаѣ контрастъ между національностями, хотя и выраженъ, но гораздо слабѣе, нежели въ первомъ. Послѣ подавленія возстанія 1101 года нѣтъ уже рѣчи о борьбѣ между Англичанами и Французами въ томъ смыслѣ, какъ о ней говорилось до этого времени: въ мирное время Генриха I эти два слоя окончательно сростаются.

Король, который является посредникомъ между двумя національностями, могущественнѣйшимъ дѣятелемъ для поддержанія порядка и равновѣсія, извлекаетъ необыкновенную силу изъ этого исключительнаго положенія. Власть его въ обычномъ теченіи администраціи можетъ показаться тираннической. И тѣмъ не менѣе, настаиваетъ Фриманъ,—даже капризный, своевольный Вильгельмъ Рыжій не нарушаетъ нѣкоторыхъ, унаслѣдованныхъ отъ старины формъ, подчиняется требованіямъ конституціоннаго обычая. Онъ по прежнему держитъ трижды въ годъ торжественное придворное собраніе, замѣнившее витенагемотъ, по прежнему совѣтуется съ лучшими людьми своего королевства во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ. Правда, эти собранія принимаютъ все болѣе и болѣе аристократическій характеръ, но принципъ опроса общественнаго мнѣнія сохранился. Надо замѣ-

Digitized by Google

тить однако, что Фриманъ, разработывая мысль о непрерывной преемственности англійскихъ конституціонныхъ учрежденій и о промежуточной роли норманнской „Curia regi" по отношенію къ витенагемоту и парламенту, впадаетъ иногда въ крайности—старается уловить въ довольно безформенномъ придворномъ собраніи XI вѣка ясныя указанія на позднѣйшіе факты, когда ихъ, въ сущности, нѣтъ. Такъ, въ описаніи собранія въ Рокингемѣ (1094 г.), на которомъ Ансельмъ Кентерберійскій поставилъ вопросъ объ отношеніи между папскою и королевскою властью въ Англіи, нашъ историкъ усматриваетъ слѣды верхней и нижней палаты. Въ чемъ же? Въ томъ, что бароны и прелаты совѣщаются съ королемъ въ особой комнатѣ, а главная зала, въ которой находился Ансельмъ, полна разнаго рода мелкими придворными, управляющими, егерями и рыцарями. Точно также, едва ли основательно говорить, по поводу 11-й статьи грамоты Генриха I, что рыцарскій классъ, о которомъ она упоминаетъ, составляетъ въ своей отдѣльности отъ бароніальнаго класса важную особенность англійскаго развитія. Мелкое рыцарство отдѣляется отъ бароновъ не только въ Англіи, но и на континентѣ; въ XI вѣкѣ оно вездѣ болѣе или менѣе враждуетъ съ баронами, и иногда мы встрѣчаемъ на континентѣ совершенно такіе же случаи союза между государемъ и рыцарями противъ бароновъ, какъ отмѣченный въ Англіи Фриманомъ. Въ Италіи Конрадъ Салическій становится на сторону вавассоровъ въ борьбѣ ихъ съ капитанами; въ Германіи главною опорой Генриха IV является на ряду съ городами мелкое рыцарство. Въ самой Франціи различіе между баронами и bacheliers вполнѣ ясно. Англійское рыцарство дѣйствительно пошло по другой дорогѣ, нежели континентальное, и самымъ характернымъ выраженіемъ его своеобразнаго развитія служатъ въ XIII вѣкѣ появленіе его въ парламентѣ, какъ представительства всѣхъ сословій по графствамъ, въ XII вѣкѣ въ царствованіе Генриха II—соединеніе въ его рукахъ всѣхъ мѣстныхъ силъ и интересовъ въ графствахъ. Но въ началѣ XII вѣка, до великаго междоусобія, положеніе и роль англійскаго рыцарства еще не отличаютъ его отъ континентальнаго.

Очень интересна попытка Фримана показать, что сущность тираніи Вильгельма Рыжаго и его пресловутаго помощника Ранульфа Фламбара заключалась въ систематическомъ проведеніи феодальнаго принципа. По его мнѣнію, одна фраза Питербороуской лѣтописи прекрасно характеризуетъ и объединяетъ разнообразныя вымогатель-

Digitized by Google

ства королевской куріи: король хотѣлъ сдѣлаться наслѣдникомъ всѣхъ и каждаго. По феодальной теоріи король, какъ высшій сеньёръ, дѣйствительно непосредственный наслѣдникъ своихъ вассаловъ и посредственный—чужихъ вассаловъ. Если баронъ умираетъ, ленъ de jure возвращается къ сеньёру-королю и только по его волѣ и обычаю передается обратно сыну барона. Если духовный бенефицій очищается, король владѣетъ имъ до тѣхъ поръ, пока не сочтетъ нужнымъ снова пустить его въ оборотъ. Все дѣло въ томъ, на сколько будетъ примѣняться это теоретическое право, и на сколько оно будетъ стѣснено обычаемъ. Вильгельмъ Рыжій и Фламбаръ старались извлечь изъ права высшаго сеньёра возможно больше выгодъ. Наслѣдники принуждены были выкупать свои лены у короля; онъ стѣснялъ даже распоряженіе движимостью, подъ предлогомъ феодальной опеки безсовѣстно разорялъ земли своихъ малолѣтнихъ вассаловъ, въ силу своего права надзора за браками торговалъ наслѣдницами; церковные бенефиціи оставались не замѣщенными по цѣлымъ годамъ, и король въ это время безконтрольно распоряжался доходами и капиталами вакантныхъ епископствъ и аббатствъ. Можно вполнѣ согласиться съ Фриманомъ, что именно сеньёріальныя претензіи служили главнымъ источникомъ тиранническихъ вымогательствъ Вильгельма Рыжаго, но нельзя признать доказаннымъ, чтобъ эти претензіи были введены администраціей Фламбара. Грамота Генриха I, на которую приходится ссылаться для характеристики злоупотребленій его предшественника, не отмѣняетъ извѣстныя права, а стѣсняетъ ихъ примѣненіе: новизной при Вильгельмѣ II являются не самыя права, а злоупотребленіе ими. По отношенію къ опекѣ, правда, мы находимъ постановленіе, что она будетъ передаваться не королю, а родственникамъ. Но и въ этомъ отношеніи позднѣйшая практика Генриха II и его сыновей вернулась къ старому обычаю. Фриманъ считаетъ этотъ обычай спеціально англійскимъ и находитъ его объясненіе въ томъ, что англійскій феодализмъ былъ приведенъ въ порядокъ Фламбаромъ. Но обычай, о которомъ идетъ рѣчь, не англійскій, а норманнскій, и восходитъ поэтому въ своемъ англійскомъ примѣненіи не къ Фламбару, а къ завоеванію. То же можно сказать о замѣчаніи, что при Вильгельмѣ Рыжемъ всѣ независимыя земли (ethel) были обращены въ зависимыя (loanland): уже въ Domesdaybook нѣтъ независимыхъ земель—всѣ держатъ отъ короля.

Если характеристика администраціи Вильгельма Рыжаго основана на весьма остроумной комбинаціи, едва ли выдерживающей критику,

Digitized by Google

то изложеніе отношеній между церковью и государствомъ у Фримана не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ эпизодъ, впервые выставленный Фриманомъ въ своемъ настоящемъ значеніи. Это—исторія Вильгельма де-Сенъ-Кале, епископа Доргемскаго, которая служитъ какъ бы предисловіемъ къ знаменитой борьбѣ архіепископовъ Ансельма и Томаса противъ королей за права и привиллегіи католической іерархіи. Епископъ Доргемскій, сначала любимецъ и помощникъ Вильгельма Рыжаго, участвовалъ однако въ заговорѣ, если не въ мятежѣ бароновъ въ 1088 году. За это онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности на собраніи въ Селисбери. Какъ ловкій и изворотливый человѣкъ, онъ избралъ для защиты положеніе, которое впослѣдствіи другіе, болѣе достойные, заняли изъ искренняго убѣжденія. Онъ протестовалъ противъ суда, въ составъ котораго входили свѣтскіе люди, на основаніи неподсудности духовныхъ лицъ свѣтскимъ трибуналамъ. Эту выгодную позицію Вильгельмъ де-Сенъ-Кале не оставлялъ въ теченіе всего продолжительнаго разбирательства, и такимъ образомъ тотъ прелатъ, который позднѣе особенно старался сбить съ толка Ансельма Кентерберійскаго, первый систематически заявилъ въ Англіи теорію судебнаго иммунитета духовенства. О столкновеніи Ансельма съ Вильгельмомъ Рыжимъ я здѣсь говорить не буду, потому что мнѣ придется коснуться этого предмета въ другой связи.

Личная характеристика короля, сдѣланная съ большою тщательностью, особенно любопытна потому, что она даетъ автору случай высказать одинъ изъ своихъ оригинальнѣйшихъ взглядовъ. Капризный, алчный, сластолюбивый, вѣроломный, равнодушный къ добру и злу, гордый до богохульства, Вильгельмъ Рыжій оказывается первымъ представителемъ рыцарской идеи въ Англіи. Онъ всегда держалъ свое „личное“ честное слово и великодушно обходился съ своими плѣнниками изъ знати. Если мы даже согласимся, что Вильгельмъ держалъ въ иныхъ случаяхъ свое слово изъ чести, а не по капризу, если мы даже признаемъ, что онъ хорошо обращался съ нѣкоторыми плѣнными, этого, по видимому, недостаточно для оправданія эпитета перваго рыцаря и джентльмена въ Англіи. Дѣло въ томъ, что Фриманъ имѣетъ о рыцарствѣ представленіе очень опредѣленное и весьма несхожее съ обыкновеннымъ взглядомъ на предметъ. Онъ съ одобреніемъ приводитъ слова Арнольда, который называетъ духъ рыцарства духомъ Антихриста, ненавистнымъ по своей несправедливости. Самъ Фриманъ еще въ 1876 году изложилъ свои мысли по этому

Digitized by Google

поводу [1]). Законъ чести, выработанный рыцарствомъ, выхватываетъ изъ числа обязанностей и добродѣтелей только нѣкоторыя, весьма немногія, чтобы дать имъ исключительное преобладаніе въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, и по этой односторонности своего кодекса рыцарство совершенно похоже на монашество, развившееся рядомъ съ нимъ. Правила чести предписывали, въ сущности, всего три добродѣтели—храбрость и правдивость мужчинамъ, цѣломудріе женщинамъ. Все остальное необязательно. Подобное искаженіе нравственности совершилось благодаря тому, что рыцарство развилось въ узкихъ рамкахъ знатнаго и военнаго класса, выставило мѣриломъ поступковъ общее мнѣніе только этого класса. Исходя изъ такой узкой сферы, рыцарская мораль не принимаетъ во вниманіе правъ и стремленій лицъ, внѣ этой сферы стоящихъ; вѣжливость и деликатность по отношенію къ членамъ своего сословія не исключаютъ въ рыцарѣ жестокости и презрѣнія по отношенію къ roturier. Что настоящее рыцарство нисколько не соотвѣтствуетъ ходячимъ идеализированнымъ представленіямъ о немъ, доказывается поступками самыхъ типичныхъ рыцарей—Чернаго принца, пощадившаго въ Лиможѣ воиновъ и перерѣзавшаго беззащитное населеніе низшихъ классовъ,—Франциска I, всегда соблюдавшаго свою честь и вѣроломно нарушавшаго трактаты,—Баярда, рыцаря безъ страха и упрека, отказавшагося идти на смерть съ ландскнехтами; доказывается еще сильнѣе, может быть, исторіей XIV, XV и XVI вѣковъ, вѣковъ рыцарства, наполненныхъ убійствами и прелюбодѣяніями [2]).

Здѣсь не мѣсто, конечно, подробно опровергать эту филиппику но такъ какъ она выражаетъ, по видимому, не только личное чувство автора, а направленіе мысли, характерное для Англіи нашихъ дней, то я позволю себѣ намѣтить нѣсколько пунктовъ, около которыхъ, мнѣ кажется, должны сложиться возраженія. Конечно, понятіе чести уже, чѣмъ понятіе нравственнаго долга, но требованія рыцарской чести никогда не сводились на minimum, указанный Фриманомъ. Уваженіе къ правамъ слабаго, напримѣръ, всегда предписывалось закономъ сильныхъ, а это не меньшая изъ добродѣтелей. Конечно, рыцарство развилось въ рамкахъ класса и носитъ на себѣ слѣды занятій, интересовъ и стремленій класса; но та односторонность которая присуща ему вслѣдствіе того, отличаетъ болѣе или менѣе вс

[1]) *Fortnightly Review*, XX (1876).
[2]) *Fortn. R.* 746; William Rufus, I, 173.

Digitized by Google

склады нравственности, воплотившіеся въ жизни, не оставшіеся отвлеченными предписаніями или ученіями. Мы не отворачиваемся съ ненавистью отъ типа греческаго καλοςκἀγαθός, потому что Аѳиняне времени Перикла были гордыми аристократами, не признававшими правъ ни рабовъ, ни метойковъ, ни союзниковъ, способными при случаѣ истребить беззащитное населеніе неповиннаго острова. Конечно, рыцари Столѣтней войны и италіанскихъ войнъ подъ своимъ внѣшнимъ лоскомъ скрывали, и плохо скрывали, весьма дикую природу; но въ это время рыцарство уже отцвѣтаетъ, принимаетъ, подъ вліяніемъ сословнаго развитія, самыя крайнія, уже искаженныя формы. Свое истинное значеніе оно имѣло въ эпоху Крестовыхъ походовъ, съ которыми тѣснѣйшимъ образомъ связано, а идеальнымъ представителемъ его былъ никакъ не Баярдъ, а послѣдній крестоносецъ, Людовикъ IX. Уже одно то, что рыцарство выдвинуло впередъ женщину, вывело ее изъ вѣковаго униженія и подчиненія, даетъ ему право на болѣе благопріятную оцѣнку, нежели та, которую дѣлаетъ Фриманъ. Никто не станетъ утверждать, что всѣ рыцари, или даже большинство ихъ, были люди сдержанные, набожные, благородные и правдивые, но рѣчь идетъ не о достоинствѣ большинства, а о его культурномъ идеалѣ. Трудно преувеличить значеніе рыцарства въ исторіи: его культура смѣнила варварство и хаосъ и вездѣ, гдѣ прошла, оставила неизгладимые слѣды.

Я, быть можетъ, уже слишкомъ долго останавливаюсь на книгѣ Фримана; прежде чѣмъ оставить ее, однако, считаю необходимымъ указать еще на одну важную черту, отличающую всѣ работы этого ученаго. Онъ всячески старается возстановить мѣстную обстановку, въ которой разыгрывается передаваемая имъ исторія. Географическіе термины не остаются мертвыми въ его изложеніи. Идетъ ли дѣло о возстаніи бароновъ въ 1088 году, онъ описываетъ, нужно сказать— рисуетъ города, служившіе центрами возстанія — Бристоль, Рочестеръ, какъ они были въ XI вѣкѣ; приходится ли разказывать походъ Вильгельма Рыжаго въ Мэнъ, онъ предпосылаетъ своему разказу характеристику мѣстности, которая многое объясняетъ въ послѣдующихъ военныхъ операціяхъ. Вообще, изложеніе живое и интересное, хотя авторъ видимо не имѣлъ времени писать сжато: много повтореній, много лишнихъ подробностей, много риторическихъ оборотовъ.

Одна изъ сторонъ, затронутыхъ Фриманомъ въ только что разобранной книгѣ, составляетъ главную задачу сочиненія м-ра Мар-

Digitized by Google

тина Руля, озаглавленнаго „Жизнь и время св. Ансельма" [1]). Авторъ— англиканскій священникъ, перешедшій въ католицизмъ, и этимъ много сказано. Такая личность, какъ св. Ансельмъ Кентерберійскій, всякому можетъ внушить только удивленіе и уваженіе. Всякій, занимающійся его исторіей, невольно преклонится передъ этою чистою душой, безкорыстно и неуклонно искавшею правду, передъ этимъ кроткимъ характеромъ, способнымъ претерпѣть всякія невзгоды за правду. Но читая сочиненіе Руля, начинаешь сожалѣть, что Ансельмъ былъ дѣйствительно такой святой человѣкъ — до того приторно и грубо онъ восхваляется. Если прибавить, что все „житіе" написано вычурноцвѣтистымъ языкомъ, съ постоянными аляповатыми сравненіями и восторженными восклицаніями, то надо будетъ сознаться, что форма книги не особенно привлекательная. Тѣмъ не менѣе, въ ней много дѣльнаго. Исторіи мыслей Ансельма, его литературныхъ произведеній, игравшихъ такую роль въ развитіи схоластическаго міросозерцанія, искать у Руля нечего [2]). Для пониманія характера лучше обратиться къ короткому, но весьма поучительному очерку Чёрча [3]). Но въ книгѣ Руля можно найдти подробное изложеніе по источникамъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ участвовалъ Ансельмъ. Біографическая часть разбираемаго труда несомнѣнно лучшая, и въ ней довольно много новаго. Авторъ устанавливаетъ, напримѣръ, генеалогію Ансельма, оправдываетъ его молодость отъ упрековъ, которые были внушены „размышленіями", какъ оказывается неподлинными и т. п. Но конечно, клерикализмъ автора не могъ не отозваться на изложеніи интереснѣйшей части біографіи Ансельма—исторіи его борьбы съ Вильгельмомъ Рыжимъ и Генрихомъ I. По поводу назначенія Ансельма архіепископомъ Руль сильно полемизируетъ съ Фриманомъ, утверждавшимъ, на основаніи Идмера, что Ансельмъ былъ именно назначенъ, получилъ свой санъ прямо и исключительно отъ короля, безъ всякаго каноническаго избранія [4]). Руль указываетъ въ другихъ источникахъ частыя упоминанія объ избраніи. Сопоставленіе мѣстъ дѣйствительно можетъ навести на сомнѣнія, но мнѣ кажется, что Фриманъ все-таки правъ. Въ без-

---

[1]) *Martin Rule*, The life and times of st. Anselm.

[2]) Въ этомъ отношеніи интереснѣе старая книга *Ремюза*: St. Anselme de Cantorbéry.

[3]) Dean *Church*, St. Anselme.

[4]) Norman Conquest, V, 137 и сл.; William Rufus, I, 404.

Digitized by Google

условно главномъ источникѣ, который даетъ чрезвычайно подробнс и ясное описаніе, нѣтъ ни слова объ избраніи; все представлен как дѣло короля. Но такъ какъ всѣ несомнѣнно желали избрані Ансельма, да притомъ существовали, на случай возвышенія въ ар хіепископскій санъ, древнія и обычныя формулы, упоминавшія об избраніи народомъ и клиромъ, то не мудрено, что post factum стал говорить объ избраніи. Руль принужденъ сначала предположить, чт епископы и бароны собрались и поставили Ансельма еще до сцен въ Уинчестерѣ, которую разказываетъ Идмеръ, а затѣмъ, сознаетс что крайстчёрчскіе монахи, каноническіе избиратели архіепископ не могли, по обстоятельствамъ, исполнить своей обязанности. Вс это очень не складно, и потому приходится признаться съ Фриманом что самый святой изъ Кентерберійскихъ архіепископовъ, главный по борникъ нерушимости духовной традиціи, былъ назначенъ односто роннимъ дѣйствіемъ короля и не протестовалъ противъ этой форм назначенія, потому что въ Англіи король былъ издавна главным дѣятелемъ въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ этихъ-то освященныхъ ан глійскимъ обычаемъ отступленій отъ общекатолической практики не хочетъ признать м-ръ Руль. Борьба Вильгельма Рыжаго съ Ансел момъ по вопросу о признаніи папы Урбана II представляется ем поэтому просто столкновеніемъ между тираномъ и исповѣдником Между тѣмъ Вильгельмъ Рыжій опирался въ данномъ случаѣ н „Consuetudines" своихъ предшественниковъ, въ силу которыхъ в Англіи признавался только тотъ папой, кого призналъ король [1] Клерикальный авторъ совершенно игнорируетъ своеобразный англи канизмъ тѣхъ временъ и расчищаетъ дорогу своему взгляду весь софистическимъ изслѣдованіемъ о смыслѣ слова „consuetudo": вы ходитъ, что оно значитъ—новое установленіе. Съ той же точ зрѣнія разсматривается и попытка Генриха I отстоять противъ Ан сельма инвеституру и homagium. Генрихъ, въ описаніи Руля, ка двѣ капли воды похожъ на Вильгельма: и тотъ, и другой—кровожа ные, алчные утѣснители церкви. Исторія этой борьбы, представляю щей англійскую параллель знаменитому спору Франконскихъ импер торовъ съ папами, заканчивается у Руля побѣдой Ансельма, пото что онъ изъ головы составляетъ подробное изложеніе того, что бы постановлено въ Бекѣ въ 1106 году. Въ сущности, въ Англі какъ и на континентѣ, споръ разрѣшился компромиссомъ. Роль па

---

[1]) *Freeman*, Norman Conquest, IV, 436; William Rufus, I, 414.

Digitized by Google

и въ этой долгой борьбѣ была большею частью весьма двусмысленная: они не могли отречься отъ своего слишкомъ твердаго и святаго представителя, и въ то же время у нихъ не хватало ни силы, ни охоты энергически поддержать его. Клерикалу не особенно ловко разказывать исторію ихъ изворотливой дипломатіи за это время. Очень ужь нехорошо выходитъ, когда въ 1099 году, вмѣсто того, чтобы произнести проклятіе надъ Вильгельмомъ, папа Урбанъ откладываетъ дѣло Ансельма. Мартинъ Руль удивляется его прозорливой осторожности.

Иногда м-ръ Руль касается вопросовъ, принадлежащихъ собственно свѣтской исторіи; онъ, напримѣръ, посвящаетъ одно изъ прибавленій къ I-му тому спорному вопросу о Domesday Ранульфа Фламбара. Былъ ли совершенъ этимъ государственнымъ дѣятелемъ пересмотръ англійскаго землевладѣнія? Руль отвѣчаетъ утвердительно и съ большими ухищреніями толкуетъ извѣстное мѣсто Ордерика Виталиса, которое наводитъ на это предположеніе. Толкованіе, однако, нельзя назвать удачнымъ, потому что для его принятія надо согласиться, что „disminiuit" значитъ раздѣлилъ.

Совершенно противоположнымъ пристрастіемъ дышетъ сочиненіе извѣстнаго Фрауда о Беккетѣ, изданное вмѣстѣ съ другими статьями въ четвертомъ томѣ его „Короткихъ этюдовъ о великихъ предметахъ" [1]). Фраудъ — одинъ изъ интереснѣйшихъ представителей современной англійской исторіографіи. Также, какъ и Руль, онъ принадлежалъ къ англиканскому духовенству и принужденъ былъ выйдти изъ его рядовъ, но вышелъ онъ по діаметрально-противоположнымъ причинамъ. Ученая корпорація Экзетеръ-колледжа, въ Оксфордѣ, членомъ которой онъ былъ, исключила его съ позоромъ за изданіе философскаго романа, озаглавленнаго „Месть вѣры". Самый романъ былъ торжественно сожженъ. Гнѣвъ духовныхъ собратій Фрауда станетъ совершенно понятенъ, если принять во вниманіе, что „Месть вѣры" является почти не замаскированною исповѣдью скептицизма. Герой романа пишетъ, напримѣръ, своему пріятелю, что если бы сомнѣнія только волновали его умъ, онъ подавилъ бы ихъ. „Но если умъ мой можетъ обманывать меня, сердце не можетъ... Я не хочу и не долженъ вѣрить, что справедливый, милосердный и всеблагій Богъ таковъ, какъ Онъ описывается въ писаніи; что Онъ со-

---

[1]) *Froude*, Short studies on great subjects. О другихъ этюдахъ этого сборника скажемъ въ слѣдующемъ сообщеніи.

здалъ человѣчество способнымъ на грѣхопаденіе, ввелъ людей въ искушеніе, котораго, какъ Онъ зналъ, они не могли выдержать, и затѣмъ проклялъ ихъ и все потомство ихъ, и весь міръ изъ-за нихъ [1]) и т. д.".

Фраудъ не просто вышелъ изъ протестантскаго духовенства, онъ разорвалъ съ нимъ и возненавидѣлъ его, хотя продолжалъ оставаться въ епископальной церкви. Положительнаго религіознаго взгляда онъ не выработалъ, но съ тѣмъ большею горячностью высказывалъ свое отрицательное отношеніе къ ортодоксальному протестантизму и его іерархіи. Они хуже католицизма, потому что непослѣдовательнѣе. Разбивъ настоящую католическую традицію, протестантская церковь старается навязать вѣрующимъ какую-то свою, произвольную и фиктивную [2]). Понятно, что она не можетъ достигнуть цѣли, и вотъ протестантизмъ распадается: люди свободной мысли уходятъ въ безвѣріе, люди съ сильною религіозною потребностью уходятъ въ католицизмъ, въ спиритизмъ, религія падаетъ и не видно, что̀ должно замѣнить ее [3]).

Этими предварительными заключеніями необходимо было заручиться, чтобъ уяснить себѣ цѣль и характеръ труда Фрауда о Беккетѣ. Защищаясь противъ направленныхъ на него нападеній, Фраудъ самъ откровенно призналъ, что эта работа была внушена ему ненавистью къ іерархическому духу, однимъ изъ первыхъ и главныхъ представителей котораго былъ въ Англіи Беккетъ [4]). Понятно, что въ порожденіи гнѣва нельзя искать справедливости и истины, но Фраудъ обладаетъ такимъ выдающимся талантомъ художника и писателя, что игнорировать его сочиненія нельзя.

„Жизнь Томаса Беккета" появилась первоначально въ журналѣ Nineteenth Century еще въ 1877 г. и тотчасъ же вызвала въ Contemporary Review ожесточенную критику Фримана, почти равную по объему разбираемому произведенію [5]). Рецензентъ упрекалъ автора не только въ безграничномъ пристрастіи, но и въ легкомысліи, граничащемъ съ невѣжествомъ. Онъ даже готовъ увереждать, что Фраудъ потому не упоминаетъ объ Оксеррѣ, какъ одномъ изъ мѣстъ воспи-

---

[1]) Nemesis of the Faith, 10.

[2]) Criticism and the gospel history: въ Short studies, I, 250.

[3]) Prospects of protestantism въ Short studies, II, 177.

[4]) *Nineteenth Century*, V (1879).

[5]) *Contemporary Review*, XXXI, XXXII, XXXIII (1878 г.); отвѣтъ на возраженія *Фрауда—C. R.* XXXV.

Digitized by Google

танія Беккета, что не въ состояніи былъ понять и передать латинское Antissiodorum. Перепечатывая этюдъ о Беккетѣ въ 1883 году, Фраудъ устранилъ нѣкоторыя недоразумѣнія и ошибки, указанныя рецензентомъ, но сущность статьи осталась совершенно нетронутою, и потому при разборѣ можно вполнѣ слѣдовать указаніямъ Фримана въ Contemporary Review.

Статья открывается чрезвычайно невыгодною характеристикой англійской церкви XII вѣка, для которой главнымъ матеріаломъ служатъ сатирическіе памфлеты нѣкоего Нигеля. Фриманъ спрашиваетъ, почему мы должны вѣрить этому каррикатурному описанію, и указываетъ на одну по крайней мѣрѣ черту, которая не можетъ быть отнесена къ англійскому духовенству того времени: епископы обыкновенно выбирались не изъ знати, и почти не было примѣровъ назначенія епископами дѣтей. Если церковь была такъ дурна, выводитъ Фраудъ, — то стремленіе ея къ преобладанію надъ государствомъ было внушено простымъ властолюбіемъ и не оправдывалось никакими дѣйствительными заслугами. Опровергая это основное и радикально фальшивое положеніе, Фриманъ указываетъ на то, что борьба происходила въ сущности не между королемъ и церковью, а между королемъ и обществомъ образованныхъ людей, которое все сосредоточивалось около церкви; послѣднее, каковы бы ни были его недостатки, естественно должно было стремиться подчинить себѣ феодальное общество съ королемъ во главѣ; при самой оцѣнкѣ нравственнаго состоянія церкви необходимо постоянно имѣть въ виду ту свѣтскую среду, въ которую она была заключена. Поэтому, осужденіе іерархическихъ притязаній, какъ таковыхъ, лишено смысла, а въ борьбѣ Генриха II съ Томасомъ Беккетомъ каждый изъ споровшихъ былъ по своему правъ, потому что отстаивалъ со всею энергіей великій историческій принципъ. Все это труизмы, но ихъ приходится припоминать потому, что въ изложеніи Фрауда Беккетъ съ начала до конца является лицемѣромъ и ненасытнымъ властолюбцемъ, типическимъ представителемъ дѣла лицемѣрія и властолюбія. Въ періодъ канцлерства Фраудъ старается выставить Беккета тираномъ, неразборчивымъ на средства, расточительно живущимъ на чужія деньги. Фриманъ съ особенною силою заступается въ данномъ случаѣ за своего protégé, которому несомнѣнно принадлежитъ главное участіе въ плодотворной дѣятельности первыхъ годовъ Генриха II, въ установленіи порядка и закона послѣ хаоса междоусобной войны. Въ исторіи архіепископства Фраудъ совсѣмъ умалчиваетъ о знаменитомъ отказѣ Беккета

Digitized by Google

признать платежи шерифамъ обязательною повинностью и весьма не точно и недостаточно передаетъ поводы, вызвавшіе столкновеніе с королемъ по вопросамъ церковной юрисдикціи. Не касаясь масс частностей, иногда весьма существенныхъ, по которымъ приходитс опровергать Фрауда, укажу только еще на слѣдующія обстоятельства Прочитавъ разбираемый этюдъ, никакъ не выяснишь себѣ, почем Беккетъ пользовался такою необычайною популярностью при жизн и былъ канонизованъ общественнымъ мнѣніемъ тотчасъ послѣ смерти Фраудъ замѣчаетъ, что его торжественное шествіе изъ Сандвича в Кентербери происходило въ архіепископскихъ владѣніяхъ, гдѣ насе леніе было недовольно хозяйствомъ Ранульфа-де-Брока, замѣнившаı архіепископа; послѣ смерти же Беккета стали распространятьс слухи о чудесахъ его, а масса суевѣрна и т. п. Подобныя об ясненія показываютъ только, что никакого настоящаго объясненi нѣтъ. Чтобы найдти его, надо было признать, что въ своей борьб противъ взыскательнаго, жестокаго государства Беккетъ представлял не только церковь, но и общество, не привыкшее къ государственным требованіямъ, что привилегіи духовнаго суда, стоявшія въ его пр граммѣ, казались не зломъ, а благомъ, такъ какъ церковное суд производство было гуманнѣе свѣтскаго; что вообще для массы наро церковь была силою болѣе свѣтлою и благотворною, нежели наро дающееся государство. Второе замѣчаніе касается тона, въ которо написанъ этюдъ Фрауда; это просто тонъ личной вражды. Доволь того, что описаніе потрясающей сцены убійства начинается слѣду щими словами: „Когда гнѣвъ овладѣвалъ Беккетомъ, онъ становил упрямѣе любаго осла".

Перехожу теперь къ сочиненію совершенно иного характера иной области—къ „Исторіи англійскаго уголовнаго права" [1]), изда ной въ нынѣшнемъ году сэромъ Джемсомъ Стифеномъ. Оно столь же интересно для историковъ, сколько для юристовъ: я касаю его въ настоящемъ сообщеніи потому, что съ исторической точки зр нія особенно важно средневѣковое право, которое въ новое вре было подвергнуто систематизаціи и технической разработкѣ, но уничтожено въ главныхъ частяхъ. Сэръ Джемсъ Стифенъ преж всего криминалистъ-практикъ, и бо́льшая часть его ученыхъ трудо посвящена практическому праву; самая „Исторія уголовнаго права

---

[1]) Sir *James Fitzjames Stephen*. A history of criminal law in England, 3 v lumes.

Digitized by Google

возникла въ непосредственной связи съ „Дигестами уголовнаго права". Поэтому въ разбираемомъ трудѣ читатель не долженъ искать подробныхъ изслѣдованій по спорнымъ историко-правовымъ вопросамъ, оригинальныхъ воззрѣній на развитіе права или указаній и изложенія спеціальной литературы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ авторъ даетъ весьма мало, слишкомъ мало. Особенно поражаетъ полное игнорированіе нѣмецкой литературы, даже въ капитальнѣйшихъ ея произведеніяхъ. Въ главѣ объ уголовномъ правѣ Англо-Саксовъ нѣтъ и слѣдовъ пользованія книгой Вильды [1]); при изложеніи исторіи суда присяжныхъ слѣдовало бы, по видимому, обратить нѣкоторое вниманіе на Бруннера [2]); имя Гнейста нигдѣ не упомянуто ни разу. За то капитальное сочиненіе Стифена даетъ ясное, систематическое, вездѣ солидное изложеніе сложнаго и любопытнаго развитія уголовнаго права и судопроизводства въ Англіи, и ради этого читатель, конечно, помирится съ отсутствіемъ оригинальныхъ взглядовъ, спеціальныхъ изслѣдованій и литературныхъ указаній. Вступительныя главы относительно римскаго и англо-саксонскаго права не имѣютъ особеннаго значенія. Ученая обработка начинается съ эпохи норманнскихъ юристовъ. Въ короткомъ сообщеніи довольно трудно дать понятіе о подобномъ сочиненіи для примѣра историческаго интереса, представляемаго изложеніемъ, укажу хоть на главу о государственной измѣнѣ. Понятіе объ этомъ преступленіи весьма не ясно выражено въ ранней юриспруденціи. Гланвиль (XII вѣка) считаетъ государственною измѣной только покушеніе на жизнь короля или открытое возстаніе; въ концѣ же XIII в. Mirror of Justice подводитъ подъ это понятіе клятвопреступленіе противъ короля и затѣмъ разъясняетъ, что клятвопреступникомъ такого рода долженъ считаться всякій, кто узурпируетъ обязанности королевскаго чиновника или нарушаетъ ихъ. Выходитъ, что государственный измѣнникъ даже и тотъ, кто воспользовался лично для себя королевскими камнями или лѣсомъ. Дѣло сира Джона Джербержа, который въ 1348 году захватилъ на большой дорогѣ нѣкоего Уильяма de Boletisford и былъ привлеченъ къ отвѣтственности какъ государственный измѣнникъ, подало поводъ къ пересмотру вопроса о составѣ преступленія. Результатомъ былъ законъ 1352 г. (25 Edw. III), послужившій основаніемъ позднѣйшему законодательству и практикѣ и объявлявшій измѣнникомъ всякаго, кто обнаружилъ ка-

[1]) *Wilda*, Strafrecht der Germanen.

[2]) *H. Brunner*, Entstehung der Schwurgerichte.

Digitized by Google

кимъ-либо дѣйствіемъ желаніе убить короля, или пошелъ на него войной, или примкнулъ къ его врагамъ. Впослѣдствіи старались главнымъ образомъ распространить толкованіе этого закона. Попытки замѣнить или дополнить его не имѣли успѣха, но весьма интересны, какъ знаменія временъ. Напримѣръ, при Генрихѣ VIII, былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій о государственной измѣнѣ: въ 1534 году объявленъ былъ измѣнникомъ всякій, кто назоветъ короля еретикомъ, схизматикомъ, тираномъ или будетъ лишать (deprive) короля его титуловъ и достоинствъ. Въ 1542 году (33 Hen. VIII, c. 21) было объявлено государственною измѣной, если какая-либо женщина которую король захочетъ взять себѣ въ жены въ убѣжденіи, что она чистая и цѣломудренная дѣвица, окажется не таковою, не предупредивъ короля до свадьбы.

Надо замѣтить, что сочиненіе Стифена представляетъ не только полезную компиляцію и классификацію. Мы встрѣчаемъ у него много интересныхъ и новыхъ свѣдѣній. Особенно любопытны данныя относительно переживаній, которыми такъ богато англійское право, отмѣнившее судебный поединокъ [1]) въ 1819 г., а соприсяжничество [2]) въ 1834 году. Оказывается, что до сихъ поръ въ Лондонѣ примѣняется въ одной мѣстности форма суда присяжныхъ, отражающая его состояніе въ XII вѣкѣ, когда малое jury еще не выдѣлилось, какъ коллегія, постановляющая приговоръ. Вотъ что̀ говоритъ сэръ Джемсъ Стифенъ: „Феодальная юрисдикція (manor and honour) Савой раздѣлена на четыре квартала (wards) и имѣетъ собраніе (court leet), которое сходится два раза въ годъ. Ежегодно на этомъ собраніи избирается коллегія изъ шестнадцати присяжныхъ. Если кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей полагаетъ, что домъ его сосѣда непроченъ и т. п., онъ жалуется на словахъ или иначе старшинѣ присяжныхъ. Тотъ созываетъ своихъ товарищей, и они собираютъ свѣдѣнія какимъ хотятъ способомъ. Затѣмъ они даютъ знать лицу, на котораго подана жалоба, и если то, что̀ вызвало жалобу, не устраняется, они составляютъ „presentment“ и передаютъ его управляющему въ день собранія. Управляющій разсматриваетъ этотъ документъ, чтобы убѣдиться, что онъ составленъ по формѣ и подлежитъ компетенціи трибунала. Рѣшеніе присяжныхъ окончательное по отношенію къ фактамъ, хотя

---

[1]) Послѣдній случай, когда шла рѣчь о примѣненіи Ashford v. Thornton (1818, 77).

[2]) Послѣдній случай Kind v. Williams (1824).

Digitized by Google

они не отбираютъ показаній, не допрашиваютъ свидѣтелей и вообще не производятъ никакого судебнаго слѣдствія. Это „leet jury" представляетъ такимъ образомъ ту эпоху, когда ордалія и очищеніе вышли изъ употребленія, а замѣна имъ еще не была найдена" [1]).

Въ заключеніе этой статьи считаемъ нелишнимъ указать на нѣкоторыя популярныя сочиненія, написанныя спеціалистами и заслуживающія вниманія по содержанію и способу изложенія. Для ознакомленія съ римскимъ періодомъ въ Британіи весьма полезнымъ пособіемъ можетъ быть книга Скарса: [2]) она сообщаетъ самые главные результаты науки по этому предмету и стоитъ на высотѣ современныхъ требованій; тогда какъ книга Райта [3]), задающаяся тою же цѣлью популяризаціи, устарѣла. То же общество для распространенія христіанскаго просвѣщенія, которое издало сочиненіе Скарса, напечатало въ прошломъ году два тома большаго собранія „епархіальныхъ исторій" [4]). Конечно, исторія англійскихъ епархій не можетъ разсчитывать на читателей среди большой публики въ Россіи, но на нее необходимо указать потому, что она можетъ быть весьма полезна всякому Русскому, занимающемуся средневѣковою исторіей Англіи. Отдѣльныя сочиненія входящія въ составъ этой коллекціи, написаны не только популярно, но и съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Павелъ Виноградовъ.

---

[1]) I, 270, 271.

[2]) *Scarth*, Early Britain. Roman Britain.

[3]) *Wright*, The Celt, the Roman and the Saxon.

[4]) Diocaesan histories: York, by *Ornoby*; Oxford, by *Marshall*.

Digitized by Google

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА МО МАКАРІЯ ВЪ САМАРѢ.

Десятаго сего іюня, въ день первой годовщины сокопреосвященнѣйшаго московскаго митрополита М и почину ревизовавшаго въ ту пору учебныя заве г. помощника попечителя казанскаго учебнаго окр новскаго, вся педагогическая большая семья мѣстн веденій и многолюдная масса учащихся въ нихъ с красной домовой церкви городскаго самарскаго училища, для патріотически-единодушнаго заупокоі душѣ великаго русскаго человѣка, іерарха, ученаг временно, къ тяжкой общей скорби отечества и це въ Бозѣ митрополита. Пѣніе этой трогательно-торж хиды было исполнено художественно учащимися и ч ческой капеллы, щедро содержимой въ этомъ храм родскимъ головою П. С. Субботинымъ.

Начатію этой панихиды М. А. Малиновскій пр щенную къ воспитанникамъ рѣчь, выяснивши всес боко прочувствованныхъ словахъ, учащемуся поколѣн значеніе славной личности, высокихъ достоинствъ заслугъ незабвеннаго въ отечественной нашей истор ликаго дѣятеля государственнаго, отечественнаго, це наго,—особенно какъ историка и богослова,—какъ шаго, кромѣ своихъ именитыхъ ученыхъ трудовъ и за и назиданіе грядущихъ русскихъ поколѣній, еще все свыше трехсотъ тысячъ рублей, пріобрѣтенное имъ

Digitized by Google

тома его прославленныхъ историческихъ и богословскихъ сочиненій, распространенныхъ давно уже по лицу всей земли русской и переведенныхъ на извѣстнѣйшіе иностранные языки; завѣщавшаго это сокровище, стяжанное подвигами сорокалѣтняго неусыпнаго труженичества, исключительно на преуспѣяніе и поддержку отечественнаго труда научнаго, на процвѣтаніе школъ и помощь бѣднымъ юнымъ школьнымъ труженикамъ.

Независимо отъ сего, г. помощникъ попечителя обратилъ особенно сочувственное вниманіе учащихся на силу и значеніе отроческой и юношеской пламенной любви къ ученью и образцоваго трудолюбія въ исполненіи школьныхъ обязанностей покойнаго, въ пору его образованія въ курской духовной семинаріи и кіевской духовной академіи, свято хранящихъ и доселѣ достовѣрныя преданія объ его ученическо-студенческой школьной дѣятельности, какъ на высокій, достойный твердаго и горячаго подражанія примѣръ для всего учащагося поколѣнія, въ исполненіи святаго учебно-воспитательнаго долга.

Digitized by Google

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1882 ГОДУ.

Извлекаемъ изъ вышедшаго нѣсколько времени тому назадъ отчета Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1882 годъ главнѣйшіе факты его дѣятельности, относящіеся къ этому періоду времени.

1882 годъ ознаменовался для Географическаго Общества нѣсколькими крупными утратами. Во главѣ ихъ должно поставить кончину почетнаго члена адмирала графа Ѳ. П. Литке, знаменитаго ученаго, по мысли котораго Общество создалось въ 1845 году, который въ теченіе многихъ лѣтъ былъ его главнымъ руководителемъ и до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни внимательно и съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за его работами. Другой скончавшійся въ минувшемъ году почетный членъ Общества, генералъ К. П. фонъ-Кауфманъ, также принадлежалъ къ числу тѣхъ изъ государственныхъ дѣятелей минувшаго царствованія, которые особенно близко принимали къ сердцу интересы науки: его содѣйствію Географическое Общество обязано успѣхомъ своихъ многочисленныхъ изысканій въ Средней Азіи. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, Общество утратило еще слѣдующихъ своихъ членовъ: извѣстнаго военнаго историка М. И. Богдановича, кн. С. М. Воронцова, организатора русской телеграфной сѣти К. К. Людерса, гр. В. А. Соллогуба, адмирала Г. И. Бутакова, гидрографа А. П. Андреева, Ѳ. А. Подгурскаго, историка Н. Я. Аристова, археолога В. А. Прохорова, неутомимаго изслѣдователя Уральскаго края Н. К. Чупина и И. Ѳ. Каменскаго.

Ученая дѣятельность Общества неослабно продолжалась въ минувшемъ году и снова дала многіе значительные результаты.

Digitized by Google

Первое мѣсто между учеными предпріятіями Общества въ истекшемъ году составляетъ устройство международныхъ полярныхъ станцій для метеорологическихъ наблюденій. Какъ извѣстно, дѣло это подготовлялось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, потребовало соглашеній между учеными учрежденіями разныхъ государствъ и значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій со стороны послѣднихъ. Результатомъ этихъ приготовленій было то, что къ концу 1882 года 12 станцій уже начали свою дѣятельность на сѣверномъ полушаріи, и двѣ—на южномъ. На долю Россіи выпала организація и содержаніе двухъ станцій на сѣверномъ полушаріи: одной—на устьяхъ Лены, и другой—на Новой Землѣ, въ Мало-Кармакульскомъ заливѣ. Обѣ снаряжены на средства, данныя правительствомъ; устройство же обѣихъ экспедицій, имѣющихъ производить изслѣдованія на означенныхъ станціяхъ, принадлежитъ Географическому Обществу. Начальство надъ Ленскою станціей возложено на поручика штурманскаго корпуса Н. Д. Юргенса, а завѣдываніе Ново-Земельскою станціей поручено лейтенанту К. П. Андрееву. При первомъ состоятъ въ качествѣ помощниковъ д-ръ Вунге и г. Эйхнеръ, при второмъ—врачъ Гриневецкій и мичманъ Володковскій. Обѣ экспедиціи снабжены всѣми необходимыми для наблюденій инструментами и запасами провіанта, а Ленская, сверхъ того, и разборнымъ домомъ (въ 6 саж. длины и 3 саж. ширины), который долженъ быть построенъ на мѣстѣ станціи. По послѣдне-полученнымъ извѣстіямъ, обѣ экспедиціи благополучно достигли мѣста своего назначенія, устроились тамъ и приступили къ наблюденіямъ. Ново-Земельской экспедиціи пришлось значительно ремонтировать домъ, въ которомъ она предполагала поселиться, и который оставленъ былъ на берегу Мало-Кармакульскаго залива экспедиціей, проведшей на Новой Землѣ зиму 1872—1874 гг. Положеніе Ленской станціи на остр. Сагастырѣ опредѣлено г. Юргенсомъ: оно составляетъ 73° 22′ 330″ широты и 96° 15′ 15″ восточной долготы отъ Пулкова. Разъ въ мѣсяцъ особо устроенная почта поддерживаетъ сношенія Ленской станціи съ Якутскомъ.

Имѣя въ виду привести въ связь наблюденія, производящіяся на временныхъ полярныхъ станціяхъ, съ наблюденіями постоянныхъ европейскихъ станцій, Географическое Общество озаботилось устройствомъ временныхъ пунктовъ для метеорологическихъ наблюденій въ сѣверныхъ предѣлахъ Европейской Россіи и въ Россіи Азіатской, а также вошло въ сношенія съ различными вѣдомствами относительно производства ими наблюденій магнитныхъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній Об-

Digitized by Google

щество, совмѣстно съ главною физическою обсерваторіей, пріобр шесть серій метеорологическихъ приборовъ, которые и были расп дѣлены между отдѣльными станціями. Въ Сибири такія вспом тельныя станціи устроены въ с. Преображенскомъ на Нижней Т гускѣ и въ г. Обдорскѣ; въ Архангельской губерніи — въ г. Мезе На производство магнитныхъ наблюденій изъявили, по предло нію Общества, согласіе университеты Казанскій и Дерптскій.

Въ тѣсной связи съ устройствомъ полярной станціи на Но Землѣ находится поѣздка туда, лѣтомъ 1882 г., В. Е. Фусса, за дующаго Кронштадтскою морскою астрономическою обсерватор Онъ былъ командированъ гидрографическимъ департаментомъ м скаго министерства для опредѣленія широты и долготы Малыхъ К макулъ. Поѣздка эта увѣнчалась успѣхомъ и дала слѣдующій, ср нительно съ прежнимъ опредѣленіемъ, результатъ:

	По опредѣленію г. Фусса.	По плану Мало-Карм кульскаго становищ
Широта	72° 22′ 37″	72° 30′ 10″
Долгота (отъ Гринвича) . . .	3 ч. 30 м. 50,4 с.	3 ч. 30 м. 49,7 с.

Предварительно опредѣленная г. Фуссомъ долгота, сообщен г. Андрееву, оказалась въ предѣлахъ одной секунды согласною точнымъ результатомъ, полученнымъ по возвращеніи въ Архангельс такимъ образомъ положеніе Ново-Земельской станціи опредѣлено точностью, вполнѣ достаточною для цѣлой полярной экспедиціи.

Кромѣ этого обширнаго предпріятія, по иниціативѣ Географи скаго Общества производились въ минувшемъ году еще слѣдую ученыя изслѣдованія:

И. С. Поляковъ заканчивалъ свои физико-географическія и тропологическія наблюденія на островѣ Сахалинѣ и доставилъ с отчетъ обо всей своей Сахалинской экспедиціи. Э. А. Регель прод жалъ свою поѣздку на Памиръ, при чемъ изслѣдовалъ теченіе Пенджа и его притоковъ. Д. Н. Анучинъ совершилъ поѣздку на сѣв ный Кавказъ съ цѣлью розысканія тамъ слѣдовъ каменнаго в результаты его поѣздки въ этомъ отношеніи оказались отрицательны но за то онъ собралъ значительные матеріалы археологическіе и эт графическія. М. В. Малаховъ продолжалъ свои физико-географичес и антропологическія изысканія на среднемъ Уралѣ, при чемъ имъ слѣдованы и частію вновь открыты тамъ нѣсколько стоянокъ лю каменнаго періода. Наконецъ, Ю. П. Кузнецовъ посѣтилъ прус

Digitized by Google

портовые и пограничные города, а также Либаву, въ видахъ пополненія прежде собранныхъ имъ свѣдѣній по хлѣбной и лѣсной торговлѣ въ Литовскомъ краѣ.

Нѣкоторые изъ членовъ Общества дѣлились своими наблюденіями по разнымъ отраслямъ географическихъ знаній въ засѣданіяхъ общаго собранія Общества и его отдѣленій. Таковы между прочимъ были сообщенія: П. М. Лессара о результатахъ произведенныхъ имъ съемокъ и нивеллировокъ на пространствѣ между Асхабадомъ и Сераксомъ, В. Э. Петерсена—о его поѣздкѣ въ юго-западную часть Закавказскаго края, Н. Н. Миклухи-Маклая—о его 11-ти лѣтнихъ изслѣдованіяхъ на Новой Гвинеѣ, на полуостровѣ Малаккѣ и на островахъ Тихаго океана, и пр.

Изданія Общества, выпущенныя въ свѣтъ въ минувшемъ году были не многочисленны; а именно: изъ Записокъ по общей географіи вышли въ свѣтъ три выпуска 12-го тома, со статьями: г. Вроунова—„Поступательное движеніе циклоновъ и антициклоновъ въ Европѣ", А. И. Воейкова—„Новѣйшія изслѣдованія ледниковъ и причинъ ихъ измѣненій", и г. фонъ-Шульца: „Результаты нивеллировокъ между Оренбургомъ, Аральскимъ моремъ и Кара-Тугаемъ"; а также одинъ выпускъ 6-го тома, содержащій въ себѣ научную разработку метеорологическихъ данныхъ, собранныхъ М. А. Рыкачевымъ во время поднятія его на воздушномъ шарѣ весною 1873 года. Изъ Записокъ по отдѣленію этнографіи появился одинъ выпускъ 10-го тома, въ которомъ помѣщенъ дорожный дневникъ Н. Спаоарія во время путешествія его по Сибири въ 1675 г., съ примѣчаніями Ю. В. Арсеньева. Вышелъ также въ свѣтъ второй выпускъ V-го тома Географическо-Статистическаго словаря Россіи, и продолжалось изданіе Извѣстій Общества.

Но если такимъ образомъ число законченныхъ печатаніемъ изданій Общества было въ 1882 г. очень ограниченно, особенно сравнительно съ массой изданій предшествующихъ лѣтъ, за то Обществомъ подготовлены къ печати и частію уже приводятся къ окончанію многія важныя изданія, какъ напримѣръ, новыя путешествія гг. Пржевальскаго и Потанина, антропологическія изслѣдованія о Мордвѣ г. Майнова и мн. др. (нѣкоторыя изъ этихъ изданій уже появились въ свѣтъ въ текущемъ году).

Въ годовомъ собраніи Общества, въ январѣ 1883 года, которымъ закончился для Общества отчетный періодъ, послѣдовало присужденіе ежегодно выдаваемыхъ имъ почетныхъ наградъ. Высшая награда

Digitized by Google

Общества, Константиновская медаль, присуждена Г. В. Абиху за его превосходные труды по геологическому изслѣдованію Кавказа; медаль имени гр. О. П. Литке — В. К. Деллену за изобрѣтеніе усовершенствованнаго прибора для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и за постоянное содѣйствіе въ снаряженіи экспедицій отъ Географическаго Общества; большая золотая медаль за труды по этнографіи—Е. В. Барсову за составленный имъ прекрасный сборникъ причитаній сѣвернаго края; такая же медаль за труды по статистикѣ—г. Красноперову, собравшему весьма цѣнные матеріалы по сельско-хозяйственной статистикѣ Пермской губерніи. Сверхъ того, за разные ученые труды и содѣйствіе Обществу присуждены малыя золотыя медали тремъ лицамъ и серебряныя — 11 лицамъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ У БОЛГАРЪ.

I.

Правильная организація народнаго образованія среди Болгарскаго народа сдѣлалась возможною только послѣ послѣдней русско-турецкой войны. До тѣхъ поръ народныя школы если гдѣ и существовали тамъ, то зависѣли отъ сочувствія къ учебному дѣлу или къ тому или другому изъ учащихъ со стороны нáбольшихъ въ общинахъ, а иногда просто отъ прихоти лицъ, заправлявшихъ общинною школою, програма же преподаванія въ этихъ школахъ опредѣлялась степенью развитія и пониманія школьнаго дѣла, а иногда просто личнымъ усмотрѣніемъ и вкусомъ разныхъ, большею частью плохихъ педагоговъ.

Почти съ самаго начала оккупаціоннаго періода, благодаря вниманію и заботамъ временнаго правительства, училища стали получать болѣе или менѣе правильную организацію. Еще въ 1878 г. управлявшій тогда отдѣломъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, профессоръ Харьковскаго университета М. С. Дриновъ составилъ „временный уставъ народныхъ училищъ", который былъ утвержденъ россійскимъ коммиссаромъ княземъ А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ 29-го августа 1878 года. Уставъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой объясняется назначеніе, раздѣленіе народныхъ училищъ и обученіе въ нихъ, а во второй изложены правила для управленія ими. Согласно этому уставу, народныя училища должны раздѣляться на три разряда: а) первоначальныя, б) среднія или двуклассныя и в) главныя или четырехклассныя; въ свою оче-

Digitized by Google

редь первоначальныя училища должны раздѣляться на три отдѣленія, съ годичнымъ курсомъ каждое. Обученіе въ первоначальныхъ училищахъ обязательно для дѣтей обоего пола. Въ первоначальныхъ училищахъ, если число учащихся не превышаетъ 50, во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ преподаетъ одинъ учитель; если же учащихся болѣе 50, то должны быть два учителя, изъ которыхъ одинъ преподаетъ только въ одномъ первомъ отдѣленіи, а другой въ остальныхъ двухъ; тамъ же, гдѣ число учащихся болѣе 100, должно быть три учителя, для каждаго отдѣленія по одному. Предметы преподаванія: законъ Божій, чтеніе по книгамъ гражданскимъ и церковнымъ, чистописаніе, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе (тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно).

Двуклассныя народныя училища, составляющія продолженіе первоначальныхъ, открываются лишь въ болѣе богатыхъ общинахъ; они предназначены для того, чтобы дать дѣтямъ полное элементарное образованіе. Если въ одномъ изъ классовъ такихъ училищъ, число учениковъ будетъ больше 50, то открывается параллельный классъ съ увеличеніемъ числа учителей; учителями же здѣсь могутъ быть окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ четырехклассномъ училищѣ и притомъ имѣющіе общія свѣдѣнія по методамъ преподаванія. Въ этихъ училищахъ должны преподаваться слѣдующіе предметы: законъ Божій, болгарскій языкъ, ариѳметика, болгарская исторія, отечествовѣдѣніе, естественная исторія, черченіе и церковное пѣніе.

Въ городахъ и городкахъ должны быть открываемы, кромѣ первоначальныхъ, и четырехклассныя училища; курсъ этихъ послѣднихъ, кромѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ двухклассныхъ училищахъ, составляютъ слѣдующіе (въ двухъ высшихъ классахъ): законъ Божій, языки старо-болгарскій и русскій, географія, всеобщая исторія, практическая геометрія, физика и физіологія съ гигіеной. Въ двухклассныхъ женскихъ училищахъ (которыя должны быть устроиваемы отдѣльно отъ мужскихъ) можетъ быть преподаваема и музыка, но не иначе какъ за особую плату. Въ четырехклассныя училища принимаются ученики, окончившіе курсъ какъ въ первоначальныхъ, такъ и въ двухклассныхъ училищахъ; послѣдніе принимаются прямо въ третій классъ четырехклассныхъ училищъ безъ экзамена, если представятъ свидѣтельство объ успѣшномъ окончаніи курса. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ четырехкласснаго училища пользуются на гражданской и военной службѣ преимуществами, особо опредѣленными закономъ.

Digitized by Google

Въ четырехклассномъ училищѣ должно быть не менѣе пяти учителей, изъ которыхъ одинъ долженъ считаться надзирателемъ училища. Эти учители, кромѣ надзирателя, преподаютъ и въ женскомъ четырехклассномъ училищѣ, но въ послѣднемъ должны быть и двѣ учительницы, изъ коихъ одна считается надзирательницей училища. Учители высшихъ классовъ этихъ училищъ должны имѣть образованіе средняго учебнаго заведенія, или по крайней мѣрѣ, должны быть опытными преподавателями, выработавшими свое умѣнье долговременною практикой. Каждый учитель, прослужившій сряду семь лѣтъ въ народныхъ училищахъ, освобождается отъ воинской повинности. Народныя училища открываются общинами и содержатся на ихъ счетъ. Управленіе народнаго просвѣщенія оказываетъ имъ матеріальное пособіе только въ исключительныхъ случаяхъ, и то единовременное. Главные источники матеріальныхъ средствъ народныхъ училищъ: а) доходы съ училищнаго имущества, б) часть церковныхъ доходовъ, в) добровольныя пожертвованія въ пользу училищъ и г) обязательные опредѣленные, единовременные или постоянные, взносы членовъ общины. Кромѣ того, городскія училища получаютъ пособіе отъ городскихъ совѣтовъ. Помимо этого общинамъ предоставляется право изыскивать для поддержанія училищъ и другіе способы, но только съ одобренія управленіемъ народнаго просвѣщенія.

Матеріальныя средства училища вѣдаетъ училищное настоятельство (попечительство), избираемое общиною изъ среды его членовъ; на его обязанности лежитъ: а) собираніе училищныхъ доходовъ и цѣлесообразное ихъ расходованіе, б) изысканіе способовъ улучшенія матеріальной стороны училищъ и в) изысканіе средствъ для матеріальнаго вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ, оказывающимъ хорошіе успѣхи. Училищное настоятельство хотя и не вмѣшивается въ учебную часть училищъ, но оказываетъ нравственную поддержку учителямъ, если усмотритъ въ нихъ стремленіе къ улучшенію учебнаго дѣла.

Училищное настоятельство состоитъ не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, которыхъ община избираетъ на одинъ годъ изъ своей среды изъ лицъ болѣе развитыхъ и преданныхъ училищному дѣлу [1]). Въ тѣхъ городахъ, гдѣ училища получаютъ пособіе изъ городскихъ суммъ,

---

[1]) Впрочемъ, одинъ и тотъ же членъ можетъ быть избранъ и на слѣдующій годъ.

Digitized by Google

одинъ изъ членовъ городскаго совѣта есть въ то же время и непремѣнный членъ мѣстнаго училищнаго настоятельства. По истеченіи года со времени избранія членовъ, настоятельство даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ общинѣ. Всякое недоразумѣніе, возникающее между настоятельствомъ и общиной или учителями, разсматривается въ окружныхъ училищныхъ совѣтахъ, которые образуются въ каждомъ окружномъ городѣ. Окружный училищный совѣтъ состоитъ изъ пяти членовъ, которые избираются представителями отъ цѣлаго округа и города изъ людей, пользующихся общимъ довѣріемъ и преданныхъ училищному дѣлу и вообще народному образованію. Уставъ предлагаетъ, какъ болѣе удобное средство, избирать членовъ совѣта въ соединенныхъ собраніяхъ окружныхъ и городскихъ избирателей, которые обыкновенно созываются для избранія членовъ окружныхъ и судебныхъ совѣтовъ. Избранные такимъ образомъ члены окружнаго училищнаго совѣта утверждаются мѣстными губернаторами, которые оказываютъ совѣту содѣйствіе при исполненіи его обязанностей. Кромѣ того, мѣстные архіереи или ихъ викаріи считаются непремѣнными членами этихъ совѣтовъ. Окружный училищный совѣтъ, сверхъ указанной выше обязанности, имѣетъ еще и слѣдующія: а) общій надзоръ за матеріальною частью училищъ всего округа; б) изысканіе и обсужденіе мѣръ для ихъ матеріальнаго обезпеченія; в) поощреніе общинъ поддерживать училища и открывать новыя тамъ, гдѣ нужно; г) попеченіе о томъ, чтобы матеріальныя средства, доставляемыя общинами училищамъ, расходовались правильно и цѣлесообразно, и наконецъ, д) содѣйствіе къ надлежащей постановкѣ учебной части, не вмѣшиваясь, однако, въ самое ея устройство [1]). Въ концѣ года со времени избранія окружный училищный совѣтъ даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ соединенномъ собраніи окружныхъ и городскихъ представителей, которые назначаютъ для того особую ревизіонную коммиссію; затѣмъ изготовляется два экземпляра отчета, изъ которыхъ одинъ представляется мѣстному губернатору, а другой—окружному инспектору для доставленія въ управленіе народнаго просвѣщенія.

Для каждой губерніи Болгарскаго княжества назначается по одному окружному инспектору, которому ввѣряется управленіе учеб-

---

[1]) Въ 1878 г., по особымъ обстоятельствамъ, окружные училищные совѣты должны были опредѣлить размѣръ жалованья учителямъ, при чемъ должны были имѣть въ виду экономическія и другія условія каждой общины. Впрочемъ въ этомъ приняли тогда участіе и окружные инспекторы.

ною частью во всѣхъ народныхъ училищахъ губерніи. Права и обязанности окружныхъ инспекторовъ опредѣлены особою инструкціей, приложенною къ временному уставу народныхъ училищъ; инструкція эта почти вполнѣ сходна съ инструкціями, данными инспекторамъ народныхъ училищъ въ Россіи, но съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ условіямъ. Надзору инспекторовъ подлежитъ: а) личный составъ учителей; б) учебная и воспитательная части въ училищахъ; б) учебныя руководства и пособія; г) внѣшнее и внутреннее благоустройство училищъ, а также и матеріальная сторона ихъ; д) открытіе новыхъ училищъ и улучшеніе состоянія существующихъ; кромѣ того, инструкціей опредѣлены служебныя отношенія инспекторовъ къ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ по дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ, и порядокъ веденія дѣлъ и отчетность. Изъ отдѣльныхъ пунктовъ инструкціи отмѣтимъ слѣдующіе: инспекторъ наблюдаетъ за тѣмъ, вознаграждается ли по заслугамъ трудъ учителей, или нѣтъ; онъ руководитъ своими совѣтами и указаніями малоопытныхъ учителей и подвергаетъ, посредственно или непосредственно, экзамену тѣхъ изъ нихъ, опытность которыхъ въ преподаваніи ничѣмъ не засвидѣтельствована. Кромѣ того, онъ увольняетъ дурныхъ и неблагонадежныхъ учителей, объяснившись предварительно объ этомъ съ училищными настоятельствами; при затрудненіяхъ же, могущихъ встрѣтиться въ такихъ случаяхъ, инспекторъ обращается за разъясненіями въ управленіе народнаго просвѣщенія. Чтобы возможно скорѣе замѣщать незанятыя учительскія мѣста въ народныхъ училищахъ, инспекторъ заблаговременно старается найдти способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ между имѣющими право учительствовать и рекомендуетъ ихъ училищнымъ настоятельствамъ. Надзирая за тѣмъ, чтобы программа выполнялась правильно и точно, инспекторъ долженъ опредѣлять начало и конецъ учебнаго года, число праздниковъ, время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій и часы уроковъ, сообразно съ мѣстными условіями — климатомъ и занятіями жителей, а также съ заявленіями училищныхъ настоятельствъ. Инспекторъ старается вліять на общины, чтобы послѣднія снабжали свои училища потребными книгами и учебными пособіями, какъ для класснаго преподаванія, такъ и для чтенія внѣ класса, и при этомъ долженъ обращать вниманіе на то, чтобы книги по своему содержанію были поучительны и полезны. Если же общины не въ состояніи пріобрѣтать такія книги, то онъ долженъ сообщать объ этомъ управленію народнаго просвѣщенія и ходатайствовать предъ нимъ о снабженіи училищъ

Digitized by Google

потребными книгами и пособіями. То же самое долженъ дѣлать онъ и относительно училищныхъ зданій, заботясь въ то же время о томъ, чтобъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія о средствахъ каждаго училища. Впрочемъ, для исправленія зданій правительственныя пособія, и то единовременныя, выдаются только въ такихъ случаяхъ, когда средства общины совершенно недостаточны. Инспекторъ долженъ заботится и о томъ, чтобы выдача жалованья учителямъ производилась правильно, и хлопотать о награжденіи усерднѣйшихъ учителей общинами или управленіемъ народнаго просвѣщенія. Инспекторъ употребляетъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы общины открывали училища, какія онѣ могутъ содержать по своимъ средствамъ, а также заботится о томъ, чтобъ открыты были параллельные классы тамъ, гдѣ необходимо.

Окружные инспекторы, считаясь совѣщательными членами управленія народнаго просвѣщенія, обязаны представлять послѣднему свои основанныя на опытѣ соображенія о благоустройствѣ и преуспѣяніи народнаго образованія. Съ другой стороны, инспекторъ находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ окружными училищными совѣтами, отъ которыхъ онъ получаетъ нужныя свѣдѣнія о состояніи училищъ въ округѣ. Въ случаѣ нужды онъ созываетъ членовъ училищнаго совѣта въ чрезвычайное засѣданіе, и предлагаетъ ему на обсужденіе свои наблюденія, сдѣланныя во время ревизіи училищъ, для устраненія того или другаго недостатка въ той или другой изъ школъ. Въ случаѣ надобности инспекторъ дѣлаетъ также распоряженіе о созваніи учительскаго съѣзда для рѣшенія какихъ-либо вопросовъ, касающихся учебнаго дѣла.

Окружный инспекторъ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ со всѣми мѣстными властями, а въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется вмѣшательство высшей администраціи, онъ представляетъ свои соображенія управленію народнаго просвѣщенія, которому представляетъ и годовой отчетъ о состояніи учебнаго дѣла во ввѣренномъ ему округѣ.

Къ концу 1878 гома отдѣломъ народнаго просвѣщенія изданы были и временныя правила для реальныхъ училищъ, утвержденныя россійскимъ коммиссаромъ 3-го октября того же года; въ этихъ училищахъ предназначалось давать юношамъ среднее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлять ихъ къ поступленію въ техническія и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія; они могли быть открываемы съ разрѣшенія россійскаго коммиссара. Общинамъ позволялось заво-

Digitized by Google

дить такія училища только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ докажутъ, что имѣютъ достаточныя матеріальныя средства для ихъ содержанія. Учебная часть реальныхъ училищъ, какъ правительственныхъ, такъ и общинныхъ, должна была зависѣть отъ управленія отдѣломъ народнаго просвѣщенія. Въ 1878—1879 гг. могли быть открыты первые три класса реальныхъ училищъ, такъ какъ для высшихъ классовъ не находилось вполнѣ подготовленныхъ учениковъ. Поступающіе въ первый классъ мальчики должны были быть не менѣе десяти лѣтъ; окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ первоначальныхъ училищъ принимаются въ первый классъ безъ экзамена, а окончившіе курсъ народнаго четырехкласснаго училища принимаются только въ третій классъ безъ экзамена. Дѣти достаточныхъ родителей платятъ за ученіе по 20 франковъ въ годъ, и изъ этого сбора образуется особый капиталъ, расходуемый на учебныя пособія и единовременныя пособія бѣднымъ ученикамъ, оказывающимъ хорошіе успѣхи. Оканчивающіе курсъ ученія, какъ въ реальномъ училищѣ, такъ и въ четырехклассныхъ народныхъ училищахъ, пользуются извѣстными правами при поступленіи на гражданскую и военную службу. Вознагражденіе учителямъ производится сообразно съ числомъ уроковъ, которое не должно превышать 20 въ недѣлю у отдѣльнаго лица.

Надзоръ за учебною частью и внутреннимъ порядкомъ въ реальныхъ училищахъ возлагается на инспектора и его помощника, которые избираются изъ среды учителей. Главныя обязанности инспектора состоятъ въ выборѣ преподавателей, распредѣленіи между ними учебныхъ предметовъ, надзорѣ за преподаваніемъ и воспитаніемъ и наблюденіи за успѣхами и поведеніемъ учениковъ. Кромѣ того, онъ— предсѣдатель педагогическаго совѣта училища. Отсюда видно, что инспекторъ здѣсь то же, что̀ директоръ русскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. При каждомъ реальномъ училищѣ есть настоятельство, состоящее не менѣе какъ изъ пяти членовъ, которое завѣдуетъ хозяйственною частью въ училищѣ. Въ училищахъ, содержимыхъ на счетъ правительства, члены настоятельства назначаются отдѣломъ народнаго просвѣщенія а въ общинныхъ—общинами. Но если общинное училище получаетъ пособіе отъ правительства, то составъ бываетъ смѣшанный.

Въ томъ же 1878 году приступлено было къ открытію классическихъ гимназій въ Болгарскомъ княжествѣ. На первый разъ предполагалось открыть только два низшіе класса. Устройство этихъ гимназій и постановка учебной части въ нихъ во всемъ сходны съ реальными учили-

Digitized by Google

щами. Програмны же всѣхъ болгарскихъ учебныхъ заведеній, организованныхъ въ періодъ русской оккупаціи, составлены были по программамъ соотвѣтственныхъ русскихъ учебныхъ заведеній.

Штаты преподавателей реальныхъ училищъ и классическихъ гимназій, утвержденные россійскимъ коммиссаромъ 21-го сентября 1878 г., были значительно увеличены въ сравненіи съ тѣмъ, что получали болгарскіе учители во время турецкаго господства. Вотъ эти штаты:

	Число уроковъ.		Годов. урок. франковъ.		Всего франковъ.	
	Классическ. гимназій.	Реальныхъ училищъ.	Классическ. гимназій.	Реальныхъ училищъ.	Классическ. гимназій.	Реальныхъ училищъ.
Инспекторъ	—	—	—	—	1000	1000
Классный наставникъ	—	—	—	—	500	500
Преподаватели:						
закона Божія	4	6	165	150	660	900
болгарскаго языка	8	9	165	150	1320	1350
ариөметики	8	8	165	150	1320	1200
географіи	5	6	150	150	750	900
естественной исторіи	—	4	—	150	—	600
физики	—	2	—	150	—	300
всеобщей исторіи	—	2	—	150	—	300
латинскаго языка	9	—	165	—	1485	—
французскаго (или нѣмецкаго въ реальныхъ училищахъ) языка	3	8	150	150	450	1200
черченія (и рисованія въ реальныхъ училищахъ)	2	18	150	150	300	2700
чистописанія	5	3	135	100	675	300
Учебныя пособія	—	—	—	—	500	1000
Канцелярскіе расходы	—	—	—	—	200	200
Прислуга	—	—	—	—	840	300
					10000	12750

Во время господства Турокъ болгарскія общины, разъ постановивъ учредить училище, не особенно аккуратно пеклись о его поддержаніи, да и турецкое правительство не слишкомъ строго взыскивало за то съ общинъ. Общины платили учителямъ жалованье такъ неаккуратно, что во многихъ школахъ учители по нѣсколько мѣсяцевъ не получали его. Въ виду сего, 28-го марта 1879 г., изданъ былъ циркуляръ императорскаго россійскаго коммиссара губернаторамъ, и

Digitized by Google

имъ предписывалось побудить сельскія и городскія общины къ правильному взносу суммъ на содержаніе школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что число окружныхъ инспекторовъ по одному на каждую губернію слишкомъ недостаточно для исполненія тѣхъ задачъ, которыя управленіе поставило себѣ по отношенію къ народнымъ школамъ. Въ виду возрастанія числа школъ, россійскій коммиссаръ, 2-го апрѣля 1879 г., постановилъ раздѣлить княжество на 15 болѣе мелкихъ округовъ, съ назначеніемъ въ каждый изъ нихъ особаго инспектора по учебной части. Для этихъ инспекторовъ составлена была особая инструкція, въ которой имъ предписывалось, немедленно по вступленіи въ должность и по представленіи мѣстнымъ губернаторамъ, приступить къ осмотру подвѣдомственныхъ имъ училищъ, привести ихъ въ порядокъ, въ мѣстахъ, гдѣ еще нѣтъ училищъ, побуждать общины къ ихъ устройству, заботясь притомъ о прочномъ обезпеченіи ихъ содержанія. Инспекторамъ вмѣнено было также въ обязанность заботиться о пріисканіи учителей, и наконецъ—составить росписаніе уроковъ для каждаго училища, сообразуясь съ мѣстными условіями и требованіями педагогики.

Кромѣ этихъ чисто-дисциплинарныхъ мѣръ, оккупаціонное правительство должно было обратить серьезное вниманіе на число народныхъ училищъ и ихъ программы, которыя оказались далеко не удовлетворительными. Уже 28-го апрѣля 1879 г. россійскій коммиссаръ утвердилъ временныя правила правительственныхъ четырехклассныхъ училищъ, открытыхъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ мѣстныя общины не въ состояніи были содержать эти училища на свой счетъ. Программа ихъ опредѣлена такая же, какъ и четырехклассныхъ народныхъ училищъ, но по административному своему устройству они нѣсколько отличаются отъ послѣднихъ: они составляютъ близкое подобіе русскихъ прогимназій. При этихъ училищахъ имѣлось въ виду открывать педагогическіе курсы для приготовленія учителей въ первоначальныя и двухклассныя народныя училища. Обученіе въ нихъ безплатное; при пріемѣ учениковъ соблюдаются тѣ же правила, какъ и въ народныхъ училищахъ. Учебные предметы распредѣляются между двумя старшими и двумя младшими учителями; одинъ изъ старшихъ учителей считается инспекторомъ училища; всѣ они назначаются управленіемъ народнаго просвѣщенія. Инспекторъ можетъ имѣть не болѣе 18 уроковъ въ недѣлю, а каждый изъ остальныхъ учителей не болѣе 20. Пѣніе преподаетъ за особую плату одинъ изъ учителей; но если между ними нѣтъ могущаго обучать пѣнію, то для этой цѣли приглашается осо-

Digitized by Google

бое лицо. Во внутреннемъ управленіи училища гла
совѣтъ, собирающійся не менѣе одного раза въ м
гласія между инспекторомъ и преподавателями р
ляющимъ отдѣломъ народнаго просвѣщенія. Кажд
спекторъ представляетъ управленію отчетъ о сост
содержаніе такого училища опредѣлено было 15
13,000 фр. на учебную часть и 2,000 фр. на ре
канцелярскіе расходы.

Во время господства Турокъ, всѣ свои живы
силы Болгары употребляли на церковь и школу.
нихъ болѣе или менѣе видимыхъ дѣятелей Бол
высшимъ образованіемъ, въ турецкое время занима
ности учительскія и исполняли свои обязанности
данностію дѣлу. Хотя не вездѣ въ болгарскихъ
пейской Турціи существовали тогда болгарскія шк
убѣдился въ томъ въ 1878—1879 гг. и какъ пере
вительственные отчеты, и хотя разнообразная постан
въ различныхъ мѣстностяхъ зависѣла тогда пре
взгляда на дѣло и вкуса отдѣльныхъ личностей-у
отъ малой ихъ грамотности, тѣмъ не менѣе, въ
школа, понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, б
лена у Болгаръ довольно удовлетворительно, и гр
тельно довольно распространена, если не на всей
торіи, то по крайней мѣрѣ въ болѣе видныхъ п
величайшимъ позоромъ для Болгаръ, отнимающим
самостоятельное политическое существованіе, еслиб
народъ, какъ они, лишенный въ теченіе многихъ
ской жизни, оставался пассивнымъ при всеобщемъ
вянскихъ народностей, даже въ такомъ не столь
сколько общечеловѣческомъ дѣлѣ, какъ народное пр
на которое образованные Болгары могли почти во всѣ
рѣдкими исключеніями, употреблять свои живыя
духовно-нравственныя силы. Въ виду того, никого
лять, что къ Болгарамъ предъявляются болѣе строгія
ласти школьнаго дѣла, чѣмъ къ другимъ славянс
скимъ народностямъ, едва вышедшимъ или только
подъ тяжелаго политическаго и духовно-нравственн
тителей. Но въ то же время не можетъ казаться
составленныя управленіемъ отдѣла народнаго про

Digitized by Google

програмы народныхъ училищъ по русскимъ образцамъ оказались не вполнѣ соотвѣтственными для болгарскихъ народныхъ училищъ, и первоначальныхъ по преимуществу. Вслѣдствіе того опытные учители обыкновенно выходили изъ предѣловъ этихъ програмъ при обученіи дѣтей и придерживались въ интересахъ дѣла освященнымъ обычаями и традиціями пріемамъ. Мнѣ самому пришлось убѣдиться въ Болгаріи, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что то, что̀ полагалось по програмѣ пройдти въ три года, проходилось немногимъ болѣе чѣмъ въ годъ. По всей вѣроятности, само управленіе народнаго просвѣщенія сознало недостаточность програмъ, потому что уже въ первой половинѣ 1879 г. оно издало новую програму четырехклассныхъ народныхъ училищъ. Вотъ предметы и число уроковъ по этой исправленной програмѣ:

Предметы:	Классы. I.	II.	III.	IV.	Всего часовъ въ недѣлю.
Законъ Божій	3	3	3	3	12
Чтеніе и письмо	6	4	—	—	10
Болгарскій языкъ	4	4	—	—	8
Старо-славянскій языкъ	—	—	—	4	4
Русскій языкъ	—	—	—	—	4
Математика	3	4	5	4	18
Физика	—	—	3	6	5
Естественная исторія	—	—	2	2	4
Физіологія	—	—	—	2	2
Географія	3	3	2	2	10
Исторія	—	2	3	3	8
Черченіе	3	3	—	—	6
Всѣхъ часовъ въ недѣлю	22	23	22	24	—

Пѣніе и гимнастика полагаются по окончаніи ученія въ классахъ; на каждый изъ этихъ предметовъ назначаются по 3 часа въ недѣлю. Полный курсъ этихъ училищъ соотвѣтствуетъ, за немногими исключеніями, курсу русскихъ прогимназій. Въ женскихъ четырехклассныхъ народныхъ училищахъ, вмѣсто геометріи, старославянскаго и русскаго языковъ, полагается рукодѣліе, „которое, какъ замѣчается въ програмѣ, „не должно быть тратой времени, но знакомитъ ученицъ съ тѣмъ, что̀ имъ будетъ полезно въ семейной жизни, какъ кройка, шитье и вязанье".

Чтобъ увеличить число учителей, сколько-нибудь способныхъ правильно вести свое дѣло, правительство позаботилось устроить вре-

Digitized by Google

менные педагогическіе курсы, съ цѣлью познакомить неопытныхъ и малоподготовленныхъ учителей первоначальныхъ сельскихъ народныхъ училищъ съ лучшими пріемами преподаванія. Педагогическіе курсы устраивались при какомъ-либо хорошо поставленномъ городскомъ училищѣ. Эти курсы открывались въ вакаціонное время и продолжались не менѣе шести недѣль, начиная съ 20-го августа. Занятія въ нихъ велись подъ руководствомъ окружныхъ инспекторовъ, которые съ одобренія управленія народнаго просвѣщенія выбирали себѣ помощника изъ болѣе опытныхъ мѣстныхъ учителей. Кромѣ сельскихъ учителей, которые обязательно должны были являться на курсы, сюда допускались и лица постороннія, имѣвшія въ виду сдѣлаться учителями. Занятія происходили ежедневно, по пяти часовъ въ день, кромѣ праздниковъ, и раздѣлялись на теоретическія и практическія. Первыя продолжались до 1-го сентября, когда начинались уроки въ городскихъ училищахъ, и состояли въ систематическихъ бесѣдахъ между руководителями и слушателями, въ которыхъ сообщались слушателямъ общія педагогическія правила о порядкѣ, распредѣленіи классныхъ занятій, классной дисциплинѣ и содержаніи школьныхъ журналовъ и списковъ, а также слушатели знакомились съ лучшими пріемами преподаванія предметовъ въ первоначальныхъ училищахъ и съ лучшими учебниками и учебными принадлежностями. Практическія занятія начинались послѣ 1-го сентября, когда открывались въ городскихъ первоначальныхъ училищахъ регулярныя занятія, чтобы показать слушателямъ на практикѣ, какъ нужно прилагать пріобрѣтенныя ими методическія знанія и особенно пріемы чтенія, писанія и первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. Слушатели, побывъ на двухъ-трехъ урокахъ, сами въ видѣ опыта преподавали на одномъ или двухъ урокахъ въ одномъ изъ городскихъ училищъ въ присутствіи своихъ товарищей и руководителей. По окончаніи курсовъ, каждый слушатель получалъ свидѣтельство по установленной формѣ безъ всякаго экзамена и затѣмъ отправлялся на свое мѣсто; инспекторы же представляли въ управленіе народнаго просвѣщенія отчетъ о ходѣ курсовъ.

Правила о педагогическихъ курсахъ разосланы были инспекторамъ народныхъ училищъ при циркулярѣ отъ 28-го іюня 1879 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что правительство приняло мѣры къ улучшенію, съ начала слѣдующаго учебнаго года, матеріальнаго состоянія болѣе способныхъ и хорошо приготовленныхъ народныхъ учителей; что на будущее время не будутъ допускаемы на учительскія должности лица, къ тому не подготовленныя, и что

Digitized by Google

правами, предоставленными учительскому званію по военной службѣ, будутъ пользоваться только тѣ, которые имѣютъ свидѣтельство на право учительства. Педагогамъ, руководившимъ занятіями на курсахъ, давалось вознагражденіе въ размѣрѣ до 300 фр. При этомъ инспекторамъ поставлялось въ обязанность обращать вниманіе на особенно бѣдныхъ и обремененныхъ семействами учителей, которые явились на курсы; каждому изъ нихъ давалось въ видѣ пособія по 40 фр. Наконецъ циркуляръ вмѣнялъ въ обязанность инспекторамъ обратить въ томъ году преимущественное вниманіе на знакомство учителей съ звуковою методой, чтобы затѣмъ она могла быть введена во всѣ первоначальныя училища.

Всѣ эти мѣры правительства не всегда приводили къ желаемымъ результатамъ, вслѣдствіе того, что матеріальное положеніе сельскихъ и даже городскихъ учителей было довольно шатко. Потребовались поэтому новыя усилія со стороны правительства обезпечить учителей. Управленіе народнаго просвѣщенія не могло не видѣть, что въ большей части сельскихъ общинъ учители оплачиваются очень скудно: отъ 500 (100 фр.) до 1,000 (200 фр.), и рѣдко до 1,500 (300 фр.) грошей въ годъ, да и эта сравнительно ничтожная плата выдается очень нерегулярно. Притомъ многія общины нанимаютъ учителей только на полгода, отъ Димитрова дня до Егорьева, а съ Егорьева дня оставляютъ ихъ безъ всякаго содержанія и ставятъ тѣмъ въ такое положеніе, что они принуждены заниматься полевыми работами. Невыносимое матеріальное положеніе, въ коемъ находятся народные учители, дѣлаетъ ихъ занятіе крайне непривлекательнымъ. И въ настоящее время, когда открыто столько другихъ новыхъ поприщъ для мало-мальски образованныхъ Болгаръ, въ народные учители идутъ большею частью лишь такія лица, которыя мало отвѣчаютъ своему великому назначенію. Въ виду этого рѣшено было потребовать отъ общинъ слѣдующихъ пожертвованій на дѣло народнаго образованія: 1) увеличить жалованье учителямъ на столько, чтобы сельскій учитель первоначальнаго училища, имѣющій учительское свидѣтельство, получалъ квартиру и не менѣе 600 франковъ въ годъ, а учитель городскаго училища—не менѣе 1,000 фр.; 2) нанимать учителей на цѣлый годъ и платить имъ жалованье и въ лѣтніе вакаціонные мѣсяцы, когда учители обязаны посѣщать педагогическіе курсы, учительскіе съѣзды и вообще усовершенствоваться въ педагогическомъ дѣлѣ; 3) выдавать жалованье учителямъ также регулярно, какъ выдаютъ другимъ, занимающимъ общественныя должности. Циркуляромъ отъ 23-го іюня

Digitized by Google

1879 г. губернаторамъ предписано было предложить губернскому административному совѣту обсудить эти требованія и принять надлежащія мѣры для скорѣйшаго приведенія ихъ въ исполненіе.

Управляющій отдѣломъ народнаго просвѣщенія долженъ былъ позаботиться и объ улучшеніи училищныхъ зданій, такъ какъ въ турецкое время школы имѣли весьма неудобныя помѣщенія, что отчасти остается и понынѣ. При циркулярѣ отъ 27-го іюня 1879 г. инспекторамъ былъ сообщенъ примѣрный планъ зданія народной школы, съ вмѣстимостью на 150 учениковъ. Но гдѣ число учениковъ не достигало этой цифры, тамъ могло быть сохранено только общее очертаніе предложеннаго плана.

Оказалось необходимымъ сдѣлать измѣненія въ програмахъ не только народныхъ училищъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній, и при этомъ явилась необходимость увеличить число классовъ въ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ до четырехъ. Вотъ предметы и число уроковъ:

Предметы:	Классы. I.		II.		III.		IV.		Всего.	
	Классич. гимн.	Реальн. учил.	Классич. гимн.	Реальн. учил.	Классич. гимн.	Реальн. учил.	Классич. гимн.	Реальн. учил.	Классич. гимн.	Реальн. учил.
Законъ Божій	2	2	2	2	3	2	2	2	9	8
Болгарскій языкъ	5	4	3	3	3	3	—	—	11	10
Русскій языкъ	—	—	—	—	—	—	3	3	3	3
Латинскій языкъ	3	—	6	—	5	—	4	—	18	—
Греческій языкъ	—	—	—	—	—	—	5	—	5	—
Математика	4	3	4	3	4	2	5	3	17	11
Географія	3	2	2	2	2	2	1	—	8	6
Исторія	—	—	—	—	2	2	2	2	4	4
Французскій или нѣмецкій языкъ	3	—	3	3	3	2	2	2	8	10
Естественная исторія	—	—	—	2	—	2	2	—	—	4
Физика	—	—	—	—	—	2	—	3	—	4
Химія	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3
Черченіе	—	3	2	3	1	3	—	2	3	11
Чистописаніе	4	1	1	1	—	1	—	—	5	3
Нотное чтеніе	2	2	2	2	2	2	2	2	8	8
Гимнастика	2	4	2	4	2	4	2	4	8	16
Всѣхъ часовъ въ недѣлю	25	27	27	28	27	30	28	29	—	—

Изъ этого распредѣленія учебныхъ часовъ видно, что програмы

Digitized by Google

болгарскихъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ составлены по русскимъ образцамъ.

Болгарія, не имѣя своихъ высшихъ училищъ, принуждена отправлять за границу для полученія высшаго образованія молодыхъ людей-стипендіатовъ, которые, какъ и желающіе быть стипендіатами, даютъ письменное обязательство въ томъ, что они дѣйствительно по окончаніи курса прослужатъ по указанію правительства столько лѣтъ, сколько полагается за пользованіе стипендіей. Желающіе пользоваться казенною стипендіей при прошеніи, кромѣ другихъ документовъ, должны представлять еще: 1) свидѣтельство отъ начальства того учебнаго заведенія, въ которомъ учатся, объ успѣхахъ и поведеніи, и 2) удостовѣреніе оттуда же, что проситель дѣйствительно нуждается въ стипендіи. То же требовалось и отъ желающихъ получить отъ болгарскаго правительства, сверхъ стипендіи, и пособіе. По распоряженію императорскаго россійскаго коммиссара 2-го іюня 1879 г., стипендіи эти раздѣлены были на двѣ категоріи. Первую категорію составляютъ стипендіаты, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые получаютъ 1,200 франковъ въ годъ, а вторую — учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и получающіе 900 фр. На 1879 г. было назначено на такія стипендіи 60,000 фр.

Таковы были мѣры по народному просвѣщенію, принятыя правительствомъ княжества Болгарскаго въ періодъ русской оккупаціи. Здѣсь не видно распоряженій по устройству народнаго образованія проживающихъ въ княжествѣ иновѣрцевъ и инородцевъ; но при томъ состояніи, въ какомъ находилось тогда княжество, и сдѣланнаго уже не мало.

П. Сырку.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ О СОСТОЯНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ НАШИХЪ УЧЕ ·НЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владиміра въ 1882 году: личі составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; ученые труды преподавателе другихъ служащихъ; публичныя лекціи; командировки съ ученою цѣлью; с дѣнія объ учащихся; мѣры къ развитію самодѣятельности ихъ; присужденіе далей и премій; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; бюджетъ университ учебно-вспомогательныя учрежденія; клиники; центральный архивъ древнихъ товыхъ книгъ.

Въ 1882 году состояло въ университетѣ св. Владиміра, свер профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатн преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ — ордин ныхъ профессоровъ 11, экстраординарный 1, доцентовъ 7, лек ровъ иностранныхъ языковъ 3; на физико-математическомъ — ор нарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентъ 1, аст номъ-наблюдатель 1; на юридическомъ—ординарныхъ профессоров экстраординарный 1, доцентовъ 2; на медицинскомъ — ординарн профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 8, прозекторо (изъ нихъ одинъ при каѳедрѣ судебной медицины). Сверхштатн профессоровъ имѣлось два: по каѳедрѣ философіи—заслуженный фессоръ Гогоцкій и по каѳедрѣ оперативной хирургіи—заслужен профессоръ Караваевъ. Приватъ-доцентовъ состояло 9 по слѣдующ предметамъ: римской словесности, химіи, международному праву,] скому праву, офталмологіи, хирургіи, частной патологіи и тера изъ нихъ по римской словесности и хирургіи—по два, по прочим по одному.

Digitized by Google

Вакантными были слѣдующія каѳедры: по историко-филологическому факультету—сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ и римской словесности, послѣдняя съ 29-го декабря 1877 года; по физико-математическому — минералогіи, съ 18-го іюня 1863 года и агрономіи, съ 15-го октября 1877 года; по юридическому—исторіи славянскихъ законодательствъ, съ 18-го іюня 1863 года и церковнаго законовѣдѣнія; по медицинскому — теоретической хирургіи съ госпитальною клиникою, съ 15-го мая 1881 года. По нѣкоторымъ изъ названныхъ каѳедръ чтеніе поручено было преподавателямъ другихъ предметовъ. Такъ, обязательное преподаваніе римской словесности возложено было на доцента по каѳедрѣ греческой словесности Аландскаго и приватъ-доцента. Для замѣщенія же этой каѳедры имѣется въ виду приватъ-доцентъ Кулаковскій, которому и поручено обязательное чтеніе римскихъ древностей и объясненіе римскихъ классиковъ. Лекціи по каѳедрѣ минералогіи возложены на профессора геогнозіи и палеонтологіи Ѳеофилактова; преподаваніе по каѳедрѣ церковнаго законовѣдѣнія поручено профессору богословія Ѳаворову; на должность доцента по каѳедрѣ агрономія объявленъ былъ конкурсъ, но остался безуспѣшнымъ.

Профессоры, преподаватели и другія служащія лица университета св. Владиміра, независимо отъ исполненія прямыхъ обязанностей по службѣ, занимались слѣдующими учеными трудами: профессоры: Н. А. Ѳаворовъ напечаталъ „Чтенія о догматическихъ истинахъ христіанской вѣры“; В. Б. Антоновичъ помѣстилъ въ журналѣ Кіевская Старина „Изслѣдованіе о Кіевскомъ княженіи съ XIII по XVI столѣтіе“ и „О кіевскихъ войтахъ“, издалъ Записки Освѣцима (XVII стол.) и нѣсколько мемуаровъ XVII и XVIII стол.; С. С. Гогоцкій напечаталъ: вторымъ изданіемъ первый выпускъ лекцій педагогическихъ, второй выпускъ тѣхъ же лекцій и печаталъ второй выпускъ сочиненія „Философія XVII и XVIII в. въ сравненіи съ философіей XIX вѣка“; В. С. Иконниковъ помѣщалъ въ журналѣ Русская Старина критическія статьи; Ѳ. Я. Фортинскій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Научная разработка исторіи перваго крестоваго похода“; И. В. Лучицкій помѣстилъ: въ Revue historique — „Обзоръ работъ по русской исторіи за 1879—1880 г.“, въ журналѣ Устои — „Общинное землевладѣніе въ Малороссіи“, въ журналѣ Отечественныя Записки—„Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ“ и напечаталъ: „Статистическія таблицы казачьихъ владѣній XVIII вѣка

въ Малороссіи, на основаніи Румянцовской описи" и переводъ съ дополненіями книги Зеварта „Исторія новыхъ временъ"; Н. А. Бунге продолжалъ печатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Курсъ химической технологіи", въ томъ же изданіи напечаталъ „Обзоръ книжной литературы по химической технологіи за 1881 годъ" и редактировалъ: „Указатель русской литературы по математикѣ чистыхъ и прикладныхъ началъ" и „Труды Кіевскаго вспомогательнаго комитета по устройству всероссійской промышленно-художественной выставки 1882 года въ Москвѣ"; М. П. Авенаріусъ помѣстилъ: въ журналѣ La Lumière на французскомъ языкѣ и затѣмъ въ журналѣ Инженеръ на русскомъ языкѣ статью „Возможность широкаго распространенія электрическаго свѣта", въ послѣднемъ изъ сихъ изданій — „Основанія магнито- и динамо-электрическихъ машинъ" и рядъ рефератовъ въ журналахъ: Fortschritte der Physik и Beiblätter zu den Annalen der Physik und Chemie"; П. П. Алексѣевъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Обзоръ русской химической литературы за 1881 годъ" и въ Химическомъ Журналѣ реферировалъ италіанскія химическія работы; М. Ю. Ващенко-Захарченко напечаталъ: „Исторію математики или историческій очеркъ геометріи" и „Элементарную геометрію въ объемѣ гимназическаго курса"; М. Ѳ. Хандриковъ приготовилъ къ печати статью „Рѣшеніе основнаго вопроса геодезіи"; Н. К. Ренненкампфъ помѣстилъ въ Журналѣ уголовнаго и гражданскаго права разборъ книги Чижова „О современномъ состояніи юридической энциклопедіи и философіи права"; А. Ѳ. Кистяковскій напечаталъ 2-е, исправленное и дополненное, изданіе „Учебника общаго уголовнаго права", помѣстилъ въ журналѣ Наблюдатель статью „О преступленіяхъ противъ вѣры" и редактировалъ Труды Кіевскаго юридическаго общества; М. Ф. Владимірскій-Будановъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ: отчетъ о своей заграничной командировкѣ и критическія статьи подъ заглавіемъ „Литература исторіи русскаго права за 1881 и 1882 годы"; В. Б. Томса написалъ статью „Физіологія крови и кровообращенія" для выходящаго въ Прагѣ сочиненія „Odborna pathologie u therapie"; В. А. Бецъ помѣстилъ: въ Протоколахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей — „Объ особенностяхъ измѣненій женскаго черепа", въ Запискахъ того же Общества — „О Вѣнскомъ географическомъ институтѣ" и „О нѣкоторыхъ особенностяхъ головнаго мозга у женщинъ" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Анатомія поверхности человѣческаго мозга"; В. А. Субботинъ продолжалъ

Digitized by Google

изданіе краткаго курса гигіены; А. В. Ходинъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статью „Случай извлеченія куска кистона изъ стекловиднаго тѣла", напечаталъ въ Запискахъ Общества Кіевскихъ врачей сообщеніе „Объ операціи Уатсона-Юнге при заворотѣ верхняго вѣка" и составлялъ рефераты по русской офталмологической литературѣ для Revue générale d'ophtalmologie. Доценты: Ф. А. Терновскій помѣстилъ въ журналѣ Кіевская Старина статьи: „О Петрѣ Могилѣ" и „О заштатныхъ малороссійскихъ монастыряхъ" и продолжалъ печатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Исторію греко-восточной церкви"; П. И. Аландскій напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ и издалъ отдѣльно сочиненіе „Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе"; Ѳ. Г. Мищенко помѣстилъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „О современномъ состояніи греческой грамматики", Некрологъ Ш. Гро и замѣтку о новой рукописи Гомеровскихъ поэмъ, въ Заграничномъ Вѣстникѣ — критико-библіографическія статьи о сочиненіяхъ по греческимъ древностямъ и искусству, въ Revue de philologie — „Обозрѣніе русской филологической литературы за 1880 — 1881 годы" и въ Сборникѣ статей по классической филологіи — „Sur la société homerique; Н. П. Дашкевичъ напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — „Литовско-Русское государство, условія его возникновенія и причины упадка" и „Критическія замѣтки о новостяхъ иностранной литературы" и въ журналѣ Кіевская Старина—„Отчетъ о дѣятельности Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1881 году"; А. А. Козловъ напечаталъ статьи: въ Заграничномъ Вѣстникѣ—„Обозрѣніе современной германской философіи" и „Обозрѣніе современной французской философіи" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Генезисъ ученія Канта „о пространствѣ и времени"; Н. Ф. Толочиновъ помѣстилъ статьи: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Къ терапіи хроническаго воспаленія матки", „Затрудненія при родахъ вслѣдствіе ненормальнаго состоянія влагалища и скопленія гноя въ полости матки", „Разсѣченіе маточной шейки", „Къ лѣченію изъязвленій маточной шейки", во Врачебныхъ Вѣдомостяхъ—„Лѣченіе pruritus vulvae", „Сшиваніе старыхъ разрѣзовъ промежности", „Случай выворота матки", „Выскобленіе при ракѣ шейки" и „Два случая воспаленія возлѣ матки во время беременности"; въ газетѣ Врачъ—„Вышевлагалищная ампутація при ракѣ матки", „Къ терапіи пузырновлагалищныхъ свищей", „Къ казуистикѣ фиброзныхъ полиповъ матки", „Центральный разрывъ промежности"; въ Международной Клиникѣ—„Лѣченіе воспалительныхъ

Digitized by Google

маточныхъ кровотеченій", „Къ терапіи выкидышей" и „Выскабливаніе полости матки"; А. А. Шварцъ издалъ переведенные подъ его редакціей: „Учебникъ акушерства" проф. Шпигельберга, „Послѣродовыя болѣзни" проф. Амана и „Клиническія женскія болѣзни" проф. Дункана. Приватъ-доценты: И. Н. Ждановъ издалъ отдѣльною книгой сочиненіе „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи"; Ю. А. Кулаковскій помѣстилъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Отношенія римскаго правительства къ коллегіямъ" и „Коллегіи въ средѣ рабовъ въ Римской имперіи" и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ — изслѣдованіе „Коллегіи въ древнемъ Римѣ" и критическій разборъ книги Cagnat: „Косвенные налоги у Римлянъ"; Л. Н. Казанцевъ началъ печатать въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „Одна изъ сѣверныхъ общинъ". Астрономъ-наблюдатель Фабриціусъ печаталъ первую часть 2-го тома Анналовъ Кіевской астрономической обсерваторіи, содержащую въ себѣ „Наблюденія полярныхъ звѣздъ въ 1879 году". Хранитель зоологическаго кабинета В. К. Совинскій помѣстилъ въ Запискахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей статью „Къ фаунѣ ракообразныхъ Чернаго моря"; хранитель физическаго кабинета К. Н. Жукъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Къ вопросу о температурѣ абсолютнаго кипѣнія жидкостей". Лаборантъ А. Л. Рава напечаталъ въ Протоколахъ Кіевскаго Общества естествоиспытателей предварительное сообщеніе „Операціи нервовъ различныхъ функцій". Кромѣ того одобрены были для изданія отъ имени университета слѣдующія сочиненія профессоровъ: П. Э. Ромера—„Курсъ математическихъ наукъ, читанный имъ студентамъ подъ названіемъ: „Дифференціальное и интегральное исчисленіе", М. Ѳ. Хандрикова—второй томъ „Анналовъ Кіевской астрономической обсерваторіи", Н. Н. Шиллера—„Элементарный курсъ физики", читанный студентамъ младшихъ двухъ курсовъ, А. С. Шкляревскаго—„Курсъ медицинской физики", А. А. Шеффера—„Курсъ физіологической химіи", Г. Н. Минха—„Изслѣдованіе надъ проказою Астраханской губерніи и Кавказа", А. В. Ходина—„Руководство по глазнымъ болѣзнямъ". Профессоръ Гарничъ-Гарницкій читалъ публичныя лекціи по химіи для лицъ всѣхъ состояній безплатно.

Изъ числа преподавателей университета командированы были съ ученою цѣлію: а) за границу—профессоры: Лучицкій, Эргардтъ, Томса, Ѳеофилактовъ, Баранецкій, Минхъ, Субботинъ, Бецъ и Алексѣевъ; б) внутри Россіи: профессоры — Рахманиновъ, Павловъ, Алексѣевъ,

Бунге, Гарничъ-Гарницкій, Авенаріусъ, Шмальгаузенъ, доценты—Соболевскій и Флоринскій, астрономъ-наблюдатель Фабриціусъ, прозекторъ Кистяковскій, хранители кабинетовъ Жукъ, Армашевскій и Совицкій, приватъ-доцентъ Ждановъ, стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію Голубовскій. Изъ числа послѣднихъ были командированы: Шмальгаузенъ—въ Петербургъ, съ цѣлію собранія матеріаловъ, необходимыхъ для окончанія приготовленныхъ имъ работъ о растительныхъ остаткахъ пластовъ третичной формаціи Кіевской и Волынской губерній, Алексѣевъ съ лаборантомъ Каяндеромъ—въ Москву, на техническій съѣздъ, Соболевскій—въ Москву, для окончательнаго изученія хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ древне-русскихъ рукописей, Флоринскій—въ Москву, для участія въ качествѣ депутата отъ университета въ предварительномъ комитетѣ по устройству VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, Армашевскій и Совинскій—въ Херсонскую и Таврическую губерніи, для геологическихъ и зоологическихъ изслѣдованій, Ждановъ и Голубовскій—въ Петербургъ, для научныхъ занятій въ Публичной Библіотекѣ. Остальные затѣмъ были командированы въ Москву на промышленно-художественную выставку.

Студентовъ въ университетѣ Св. Владиміра къ 1-му января 1882 года состояло 1,264; въ теченіе 1882 года вновь поступило 565 (изъ гимназій по аттестатамъ зрѣлости 407, изъ гимназій по свидѣтельствамъ зрѣлости 29, изъ реальныхъ училищъ 5, изъ Габровскаго главнаго училища 1, бывшихъ студентовъ университета Св. Владиміра 62, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 59, изъ бывшихъ студентовъ военно-медицинской академіи 1, изъ историко-филологическаго института князя Безбородко 1); въ теченіе года выбыло 354 (до окончанія курса 183, по окончаніи курса 171). Затѣмъ къ 1-му января 1883 года оставалось на лицо 1,475. Постороннихъ слушателей, которые, на основаніи существующихъ постановленій были отдѣльными посѣтителями избранныхъ ими предметовъ, состояло: въ первомъ полугодіи—73, во второмъ—43. Состоявшіе къ 1-му января 1883 года 1.475 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 159, на физико-математическомъ 197 (по разряду естественныхъ наукъ 59, по разряду математическихъ наукъ 138), на юридическомъ 232, на медицинскомъ 887; б) по курсамъ: въ I курсѣ 597, во II—435, въ III—176, въ IV—159, въ V—108; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 967, армяно-григоріанъ 12, римско-католи-

Digitized by Google

ковъ 231, лютеранъ 22, евреевъ 240, магометанинъ 1, менонитъ 1, ка раимъ 1; г) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 730, ду ховнаго званія 231, почетныхъ гражданъ и купцовъ 143, мѣщанъ и разночинцевъ 304, крестьянъ 42, иностранныхъ подданныхъ 25; д) по мѣсту предварительнаго образованія: гимназистовъ 982, семинарис товъ 51, изъ другихъ учебныхъ заведеній 142; е) по учебнымъ окру гамъ, къ вѣдомству которыхъ принадлежатъ заведенія предваритель наго образованія: С.-Петербургскаго 27, Московскаго 19, Казанскаго 18, Оренбургскаго 8, Восточной и Западной Сибири 5, Харьков скаго 52, Одесскаго 171, Кіевскаго 998, Виленскаго 125, Варшав скаго 10, Дерптскаго 19, Кавказскаго 28.—Стипендіями пользовались 160 студентовъ. Вся стипендіальная сумма составляла 38,958 руб 75 коп., въ томъ числѣ: изъ средствъ казны 16,841 руб. 59 коп., изъ спеціальныхъ средствъ университета 4,715 руб., изъ постороннихъ источниковъ 17,402 руб. 16 коп.; размѣръ стипендій—отъ 60 руб. до 600 р. Денежныя пособія получили 71 студентъ на сумму 5,952 руб 60 коп., въ счетъ которыхъ употреблено 4,258 руб. изъ смѣтныхъ суммъ и 1,694 руб. 33 коп. изъ спеціальныхъ средствъ университета размѣръ пособій—отъ 10 до 80 руб. включительно. Всѣхъ пользовав шихся стипендіями, пособіями и освобожденныхъ отъ платы было 404, что составляетъ 26,1% общаго числа студентовъ.

Въ видахъ развитія самодѣятельности учащихся совѣтъ универ ситета св. Владиміра старался дать большее значеніе практическимъ занятіямъ студентовъ. На историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ существовали практическія занятія со студентами въ аудиторіяхъ и назначались темы для сочиненій, касающіяся разра ботки отдѣльныхъ вопросовъ или частей науки. Студенты физико математическаго и медицинскаго факультетовъ преимущественно за нимались практическими работами въ учебно-вспомогательныхъ учреж деніяхъ подъ руководствомъ какъ самихъ преподавателей, такъ и ихъ помощниковъ. Во время практическихъ занятій студенты, по предло женію преподавателя, изготовляли ту или другую работу, имѣющую непосредственное отношеніе къ прослушаннымъ лекціямъ.

Для соисканія наградъ медалями назначены были на 1881—1882 годъ слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета: „Цехи и ремесленный классъ въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка, а также реформы цеховыя и ремесленныя Штейна и Гарденберга“, „Лессингъ и его теорія искусства (преимущественно поэзіи)“, „Вмѣшательство ино странной политики въ дѣла Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ и

Digitized by Google

Пред.
нѣмецко
же опре.
библіогр
себѣ зад
историче
Италіи.
заслужив
мы будем
1882 го
а въ сл
Англича
Тума
привлека
гадки от
направле
рѣшалис
основані
логіей [1]).
д-ра Гес
начальни
Знамени
гличанъ
скаго ор
ственнаг
Кемблем
предпочт
высоко ц

[1]) Гл
въ статьѣ
1882 года)
особеннаг

[illegible] рукописей, фк.
[illegible] отъ универ.
[illegible] VI археол
[illegible] —въ Херсо
[illegible] и зоологическихъ
[illegible] Петербургъ, для научн
[illegible] затѣмъ были вои
[illegible] ственную выставку.
[illegible] университетѣ Св. Влади
[illegible] въ теченіе 1882 года
[illegible] зрѣлости 407, изъ
[illegible] изъ реальныхъ учил
[illegible] 1. бывшихъ студентовъ
[illegible] студентовъ другихъ ун
[illegible] военно-медицинской ак
[illegible] института князя Безбородк
[illegible] до окончанія курса [illegible]
[illegible] января 1883 года оставалось
[illegible] которые, [illegible]
[illegible] посѣтителями [illegible]
[illegible] полугодіи— [illegible]
[illegible] 1883 года 1.4[illegible]
[illegible] а) по факультетамъ [illegible]
[illegible] 1[illegible]9, на [illegible]
[illegible] наукъ 69, по [illegible]
[illegible] 232, [illegible]
[illegible] II—436, въ III— [illegible]
[illegible] веданіяхъ: правил[illegible]

Digitized by Google

г.",
а по
ства
крѣ-
цатей
сти";
зъ".
были
вскій
аніемъ
о. про-
иверси-
русской
матики,
между-
гной те-

верждены
приватъ-
й—между-
ктъ Ман-
діатъ для
й—русской
ь—римской
ико-филоло-
, по юриди-
горико-фило-
9, по юри-
ю: лѣкаря 90,
ника 56, дан-

находились въ
1 года имѣлось
овано изъ суммъ
(на содержаніе
на учебныя по-
65 коп., на сти-
ніе года израсхо-
ря 1883 года оста-

Digitized by Google

экономическое состояніе Россіи въ періодъ 1725 — 1762"; отъ физико-математическаго: „Теорія распространенія электричества въ средѣ, состоящей изъ проводниковъ и діэлектриковъ", „Количество и составъ газовъ, содержащихся въ естественныхъ водахъ", „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ" и „Способъ развитія ягодныхъ и мясистыхъ плодовъ: ягода, тыква, яблоко, сочная костянка"; отъ юридическаго: „Историческое развитіе федеративнаго государства и сравнительное сопоставленіе федеративнаго устройства Германіи, Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Швейцаріи", „Историческое развитіе ученой разработки русскаго государственнаго права, по скольку она выразилась въ важнѣйшихъ учебникахъ и руководствахъ по этому предмету", „Наказъ императрицы Екатерины II, его источники и отношеніе къ русскому праву, предшествовавшему ему и послѣдующему за нимъ" и „Характеристика кустарной промышленности и значеніе ея въ народномъ хозяйствѣ"; отъ медицинскаго: „Изслѣдовать развитіе упругой ткани" и „Изслѣдовать, путемъ опыта, у взрослыхъ животныхъ и кромѣ того у зародыша, могутъ ли размножаться нервныя клѣтки дѣленіемъ". За представленныя на нѣкоторыя изъ сихъ темъ сочиненія награждены: студенты историко-филологическаго факультета Викторъ Яцюкъ и Константинъ Калабановскій и юридическаго Григорій Глѣбовъ, Владиміръ Ренненкампфъ и Николай Цитовичъ—золотыми, а студенты-юристы Василій Тепловъ и Евгеній Матросовъ—серебряными медалями. Изъ нихъ Калабановскому, сверхъ того, присуждена премія Н. И. Пирогова въ 100 руб. за представленное имъ сочиненіе „Вмѣшательство иностранцевъ въ дѣла Россіи при Елизаветѣ Петровнѣ". На 1882—1883 годъ съ тою же цѣлію предложены слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета: „Августъ Шлецеръ и его историческая критика", „Реформы въ Пруссіи Штейна и Гарденберга въ связи съ реформою городскихъ учрежденій", „О сенсуализмѣ Кондильяка" и „Августъ Бёкъ и его заслуги для разъясненія исторіи аттической трагедіи"; отъ физико-математическаго: „Строеніе корневищъ двудольныхъ растеній и особенности этого строенія по сравненію со строеніемъ стеблей подземныхъ" и „Вычислить по десяти наблюденіямъ вѣроятнѣйшую орбиту кометы Вельса (1882 г.) и показать при этомъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ теперь способовъ рѣшенія уравненій Ламберта"; по юридическому: „Договоръ займа по русскому праву въ историческомъ развитіи", „Процессъ обжалованія судебныхъ рѣшеній въ дѣлахъ гражданскихъ по

русскому законодательству съ изданія учрежденія о губерніяхъ 1775 г.", „Начала двухсторонности, состязательности и дѣятельности суда по должности въ гражданскомъ процессѣ по уставу судопроизводства 1864 г.", „Сравненіе крѣпостнаго права по Литовскому статуту съ крѣпостнымъ правомъ Московскаго государства" и „О вліяніи податей на народное хозяйство вообще и на цѣны товаровъ въ частности"; отъ медицинскаго: „О развитіи и строеніи подпочечныхъ железъ".

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу: магистръ уголовнаго права Бѣлогрицъ-Котляревскій и кандидатъ естественныхъ наукъ Богдановъ, оба съ содержаніемъ изъ средствъ центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія. Съ тою же цѣлію состояли стипендіатами при университетѣ 14 кандидатовъ и 3 лѣкаря для слѣдующихъ каѳедръ: русской исторіи, всеобщей исторіи, римской словесности, чистой математики, физики, теоретической механики, химіи, энциклопедіи права, международнаго права, гигіены, патологической анатоміи и частной терапіи.

Въ теченіе 1882 года университетомъ св. Владиміра утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: приватъ-доцентъ Харьковскаго университета Всеволодъ Даневскій—международнаго права, лѣкаря Иванъ Радзимовскій и Бенедиктъ Мандельштамъ—медицины; б) въ степени магистра: стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію Дмитрія Багалѣй—русской исторіи, и учитель Одесской гимназіи Вячеславъ Пётръ—римской словесности; в) въ степени кандидата 34 студента (по историко-филологическому факультету 16, по физико-математическому 8, по юридическому 10); званіи дѣйствительнаго студента 53 (по историко-филологическому факультету 12, по физико-математическому 9, по юридическому 32). Медицинскихъ степени и званій удостоено: лѣкаря 90, уѣзднаго врача 6, провизора 27, аптекарскаго помощника 56, дантиста 5, повивальной бабки 109.

Денежныя средства университета св. Владиміра находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) штатныя суммы: отъ 1881 года имѣлось въ остаткѣ 6,564 руб. 74 коп., на 1882 годъ ассигновано изъ суммъ государственнаго казначейства 326,656 руб. 45 коп. (на содержаніе личнаго состава университета 221,676 руб. 80 коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 82,759 руб. 65 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 22,220 руб.); въ теченіе года израсходовано 332,761 руб. 66 коп., затѣмъ къ 1-му января 1883 года оста-

Digitized by Google

валось 459 руб. 53 коп.; 2) спеціальныхъ средствъ: а) капиталовъ и процентовъ на нихъ: отъ 1881 года оставалось 645,478 руб. 90 коп., въ 1882 году поступило 60,467 руб. 93 коп., израсходовано 42,899 руб. 83 коп., къ 1-му января 1883 года имѣлось въ остаткѣ 663,040 руб.; б) пожертвованныхъ для разныхъ цѣлей: къ 1-му января 1882 года состояло 1,029 руб. 12 коп., въ теченіе года поступило 256 руб. 57 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 1,183 руб. 83 коп., къ началу 1883 года осталось на лицо 101 руб. 86 коп.; в) собираемой со студентовъ за слушаніе лекцій: отъ 1881 года имѣлось въ остаткѣ 2,051 руб. 96 коп., въ 1882 году поступило 42,804 руб. 22 коп., въ теченіе года израсходовано 43,099 руб. 20 коп., затѣмъ къ 1-му января 1883 года оставалось 1,756 руб. 98 коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора заслушаніе лекцій были слѣдующіе: на добавочное жалованье и плату разнымъ лицамъ на пенсіи, а также на пособія служащимъ и вдовамъ 11,726 руб., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій 7,496 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 6,399 руб., на изданіе ученыхъ сочиненій профессоровъ 5,200 руб., на изданіе Университетскихъ Извѣстій 3,924 руб., на путешествія и командировки съ ученою цѣлью, а также подъемныя профессорамъ и преподавателямъ, опредѣленнымъ на службу въ университетъ 3,050 руб., на плату приватъ-доцентамъ 3,000 руб., на выдачу добавочнаго жалованья нижнимъ служителямъ университета 2,604 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета св. Владиміра находились къ 1-му января 1883 года въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ русскихъ и иностранныхъ 85,187 названій 146,559 томовъ на сумму 274,029 руб., періодическихъ изданій 806 названій на 73,767 руб., рукописей 645 тетрадей, плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ 153 названія на 1,595 руб. Въ студентской библіотекѣ: книгъ 9,268 названій 17,889 томовъ на 39,928 руб., періодическихъ изданій 118 названій на 8,553 руб. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ, журналовъ и атласовъ 1,049 томовъ, инструментовъ, снарядовъ и разной мебели 101 нумеръ, всего имущества на 32,171 руб. Въ метеорологической обсерваторіи: снарядовъ, инструментовъ и картъ 14 нумеровъ на 1,064 руб. Въ кабинетѣ практической механики: книгъ 5 названій 7 томовъ, періодическихъ изданій 4 названія, моделей, инструментовъ, машинъ, пособій, чертежей и рисунковъ 267 нумеровъ, всего на 4,000 руб. Въ физическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 150 названій 231 томъ на 1,030 руб., періодическихъ изда-

Digitized by Google

ній 13 томовъ на 232 руб., плановъ, рисунковъ, глобусовъ, снарядовъ и инструментовъ 772 нумера на 34,467 руб. Въ химической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ 299 названій 790 томовъ на 3,331 руб. инструментовъ, аппаратовъ, мебели, посуды и препаратовъ 21,715 нумеровъ на 27,054 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 282 названія 446 томовъ на 4,227 руб., періодическихъ изданій 16 названій 241 томъ на 1,267 руб., минераловъ, горныхъ породъ, окаменѣлостей, инструментовъ, приборовъ, плановъ и картъ 27,494 нумера на 24,480 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ и университетскомъ гербаріи: книгъ и періодическихъ изданій 1,972 названія на 3,126 руб., сухихъ растеній, инструментовъ, приборовъ, моделей, препаратовъ, рисунковъ и монограммъ 268 нумеровъ 73,676 экземпляровъ на 8,232 руб. Въ ботаническомъ саду: оранжерейныхъ растеній, фруктовыхъ деревъ и грунтовыхъ травъ 4,902 нумера 16,852 экземпляра на 3,313 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 702 названія 1,247 томовъ на 5,405 руб., зоологическихъ препаратовъ, инструментовъ, аппаратовъ, мебели и діаграммъ 5,165 нумеровъ 42,508 экземпляровъ на 14,722 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ и лабораторіи: книгъ 426 названій 633 тома на 3,973 руб., препаратовъ, аппаратовъ, мебели и діаграммъ 875 нумеровъ 1,225 экземпляровъ на 3,174 руб. Въ технической лабораторіи: книгъ 2 названія 293 тома на 2,892 руб., рисунковъ, моделей, приборовъ, инструментовъ, машинъ, препаратовъ и мебели 2,210 нумеровъ на 17,225 руб. Въ физіологической лабораторіи: книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій 262 названія на 1,519 руб., аппаратовъ, инструментовъ, мебели, рисунковъ и атласовъ 217 нумеровъ на 8,803 руб. Въ анатомическомъ театрѣ: книгъ и періодическихъ изданій 482 названія 570 томовъ на 1,692 руб., препаратовъ, инструментовъ, снарядовъ и приборовъ 4,402 нумера 4,794 экземпляра на 2,572 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ: книгъ, атласовъ, таблицъ и рисунковъ 279 названій 579 томовъ на 2,312 руб. Въ музеѣ патологической анатоміи и лабораторіи: книгъ и журналовъ 202 названія на 1,305 руб., препаратовъ, аппаратовъ, мебели, инструментовъ, посуды и проч. 1,964 нумера на 9,134 руб. Въ фармакологической лабораторіи и кабинетѣ: книгъ и рисунковъ 275 названій на 825 руб., аппаратовъ, инструментовъ и мебели 229 нумеровъ 413 экземпляровъ на 1,991 руб. Въ фармацевтической лабораторіи: книгъ 352 названія 408 томовъ на 2,070 руб., приборовъ, инструментовъ, посуды и другихъ предметовъ 1,011 нумеровъ 2,601 экземпляръ на 5,982 руб. Въ каби-

Digitized by Google

нетѣ судебной медицины; книгъ 31 названіе на 138 руб. Въ музеѣ древностей и художествъ: книгъ и періодическихъ изданій 335 названій 526 томовъ на 2,378 руб., рукописей, плановъ, рисунковъ и предметовъ древности 3,020 нумеровъ 6,898 названій на сумму 12,800 руб. Въ кабинетѣ собранія монетъ и медалей: книгъ 222 названія на 1,161 руб., картъ, плановъ, медалей и монетъ 34,257 нумеровъ, на 33,787 руб. Въ лабораторіи медицинской химіи: книгъ 167 названій 297 томовъ на 1,685 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели, посуды и препаратовъ 543 нумера 817 экземпляровъ на 10,155 руб. Въ лабораторіи при каѳедрѣ гистологіи и эмбріологіи: книгъ 81 названіе 256 томовъ на 860 руб., микроскоповъ, инструментовъ, посуды и препаратовъ 2,965 названій на 2,924 руб. Въ лабораторіи при каѳедрѣ общей патологіи: книгъ 140 названій на 1,085 руб., аппаратовъ, инструментовъ и посуды 167 нумеровъ на 5,972 руб. Въ кабинетѣ при хирургической факультетской клиникѣ: книгъ 172 названія 215 томовъ на 1,348 руб., инструментовъ и аппаратовъ 181 нумеръ на 7,180 руб. Въ кабинетѣ при акушерской факультетской клиникѣ: книгъ 2 названія, аппаратовъ и инструментовъ 388 нумеровъ, всего на 2,078 руб. Въ кабинетѣ при терапевтической госпитальной клиникѣ: аппаратовъ, инструментовъ, приборовъ, посуды, препаратовъ и мебели 173 нумера 441 экземпляръ на 2,210 руб. Въ кабинетѣ при терапевтической факультетской клиникѣ: книгъ 9 названій, снарядовъ и инструментовъ 196 нумеровъ 308 экземпляровъ, всего на 3,109 руб. Въ кабинетѣ при хирургической госпитальной клиникѣ: книгъ 337 названій, инструментовъ, аппаратовъ, мебели, препаратовъ и моделей 598 нумеровъ 935 экземпляровъ, всего на 5,729 руб. Въ кабинетѣ при глазной клиникѣ: книгъ 9 названій 10 томовъ на 3 руб., снарядовъ, инструментовъ и посуды 115 нумеровъ 460 экземпляровъ на 1,148 руб. Въ дерматологической клиникѣ, учрежденной при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ: книгъ и періодическихъ изданій 45 названій 82 тома, снарядовъ, приборовъ, посуды и мебели 101 нумеръ, всего на 1,136 руб. Въ лабораторіи при каѳедрѣ гигіены: приборовъ, инструментовъ, чертежей, картъ и проч: 316 нумеровъ на 4,209 руб., книгъ 194 названія на 923 руб. Въ лабораторіи медицинской физики: книгъ 35 названій 51 томъ на 289 руб., мебели и аппаратовъ 73 нумера на 2,027 руб. Въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ: книгъ 209 названій 480 томовъ на 2,659 руб., рукописей, плановъ и рисунковъ 92 нумера 118 экземпляровъ на 649 руб.

Digitized by Google

Движеніе больныхъ въ клиникахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ факультетскихъ: терапевтической (25 кроватей): въ теченіе 1882 года больныхъ поступило 236, изъ нихъ выздоровѣло 208, умерло 28, въ теченіе года приходящихъ больныхъ было 525; хирургической (25 кроватей): отъ 1881 года больныхъ оставалось 22, въ 1882 году поступило 125, въ теченіе года выздоровѣло 121, умерло 5, оставалось на излеченіи къ 1883 году 21, приходящихъ больныхъ было 1,510 глазной (10 кроватей): въ 1882 году поступило 120, изъ нихъ выздоровѣло 111, осталось къ 1883 году 9, приходило за совѣтами 1,123; акушерской (25 кроватей): оставалось отъ 1881 года 18, въ теченіе 1882 года поступило 168, выздоровѣло 158, умерло 5, осталось къ 1883 году 23, приходящихъ за совѣтами больныхъ было 222; б) въ госпитальныхъ клиникахъ, учрежденныхъ при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ: терапевтической (56 кроватей): отъ 1881 года оставалось 47, въ 1882 году поступило 433, выздоровѣло 411, умерло 35, къ 1883 году состояло 34; хирургической (96 кроватей): оставалось къ 1-му января 1882 года 25, въ теченіе 1882 года поступило 698, выздоровѣло 692, умерло 10, къ 1883 году оставалось на излеченіи 47, приходило за совѣтами 25 дерматологической (75 кроватей): отъ 1881 года оставалось 12, въ 1882 году поступило 175, выздоровѣло 182, умерло 4, къ 1883 году оставалось 12.

При университетѣ Св. Владиміра состоитъ Кіевскій центральный архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской. Состояніе и дѣятельность этого учрежденія въ 1882 году были таковы: къ началу 1882 года въ архивѣ числилось: актовыхъ книгъ 5,883, отдѣльныхъ документовъ 454,979, старыхъ дѣлъ бывшей Кіевской гражданской палаты 6,918. Въ теченіе 1882 года принято изъ архива Кіевскаго окружнаго суда важныхъ въ научномъ отношеніи дѣлъ: бывшей Кіевской гражданской палаты 1,594, бывшей Кіевской уголовной палаты — 384 связки, заключающія въ себѣ приблизительно около 25,000 дѣлъ. Затѣмъ къ 1-му января 1883 года въ архивѣ находится на лицо: актовыхъ книгъ 5,583, отдѣльныхъ документовъ 454,979 и старыхъ дѣлъ бывшей Кіевской гражданской палаты 8,512, бывшей Кіевской уголовной палаты около 25,000 дѣлъ. Къ 1-му января 1882 года составлено было 62 описи къ 62-мъ актовымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ 18,456 документовъ. Въ теченіе 1882 года вновь составлены 4 описи къ 4-мъ актовымъ книгамъ, содержащимъ въ себѣ 1,633 отдѣльныхъ документа. За-

Digitized by Google

тѣмъ къ 1-му января 1883 года находится на лицо 66 описей къ 66-и актовымъ книгамъ, состоящимъ изъ 20,089 отдѣльныхъ документовъ; изъ означеннаго числа описей 25 отпечатаны, 22 разрѣшены къ печати, остальныя затѣмъ 18 приготовляются къ печати. Къ 1-му января 1882 года оставались неисполненными три требованія о выдачѣ и посвидѣтельствованіи 6-ти документовъ; къ нимъ, въ теченіе 1882 года поступило еще 11 требованій о 17 документахъ. Изъ означенныхъ требованій исполнены 12 о 19-ти документахъ. Затѣмъ къ 1-му января 1883 года оставались неисполненными, по независящимъ отъ архива обстоятельствамъ, 2 требованія выдачѣ и посвидѣтельствованіи 4-хъ документовъ. Пошлинныхъ денегъ за выдачу и посвидѣтельствованію документовъ въ 1882 году поступило 25 руб. 50 коп.

Digitized by Google

DE Q. ENNII ANNALIBUS [1]).

Quod Cicero in libris de officiis inter ea quibus maxime differat genus nostrum a bestiis ponit appetitionem principatus et quae ex ea oriatur magnitudinem animi, id non minus ad populos et civitates quam ad singulos pertinet homines. Sed ita est a natura institutum, ut corpora prius quam ingenia exerceantur. Itaque rudes gentes vi potissimum et armis confidere solent, neque satis habent depellere iniurias aut ulcisci, sed plerumque ultro inferunt arma. Tali pacto sensim ad aucta accrevere imperia. Et quidam populi adeo valuerunt virtute militari, non ut continerentur Europae finibus, sed Asiae quoque vel Africae magnam partem sibi subicerent. Ex quibus merito celebratissimi fama sunt Romani; quippe qui ab exiguis admodum initiis eo sint magnitudinis provecti, ut omnes gentes, qui mediterraneum mare accolerent, partim robore et animis validissimas, partim litteris artibusque cultissimas suae adicerent dicioni pararentque imperium quo maiora duo vel tria, at nullum pulchrius vidit posteritas.

Sed enim non minoris, saepe etiam maioris est laboris tueri opes partas quam parare. Qua in re exemplo et usu multum differunt Europae populi ab Asiae. Nam hi, si Arabes exemeris, quos cultus libe-

[1]) Autumno huius anni cum proditurus sit Petropoli apud Carolum Rickerum bibliopolam liber cui est inscriptum: «Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie», ad conciliandos ei commodandosque in Rossia nostra doctorum animos orationem habitam a. d. III Non. Junias huius anni in Instituto Historico-Philologico Petropolitano, qua de annalibus Ennii agitur summatim, h. l. publicavimus.

Digitized by Google

ralis artiumque ingenuarum constat satis fuisse appetentes, nihil fere studuerunt ut imperia vi parta firmarent sibi sapientia. Itaque Mongoli et Tatari, cum supersederent ingenia excolere et mollire mores, superbeque et crudeliter grassarentur in subactos, quae armis paraverant armis perdidere; neque extinctae eorum potentiae mansere vestigia nisi caedes et ruinae. At Europae gentes quae rerum sunt potitae, alienae multum fuere ab ea socordia, qua ducti putarent sola vi posse retineri quod vi esset captum: sed victoribus cultu opus esse intellexerunt et institutione, quo et prosperis rebus virtute bellica partis iucunde temperateque possent frui et victos ea humanitate tractare eaque prudentia regere, ut laetarentur potius quam quererentur amissam libertatem et rerum suarum arbitrium.

Sed ubicumque mollita feritate ad mansuetiorem victum se applicare litterisque et artibus studere coeperunt homines, acerrima plerumque contentio est exorta partium in diversa tendentium, cum alii tn nova via instituenda nil censerent sequendum nisi insitam genti antiquitus indolem et morem a maioribus traditum, externa spernenda et habenda procul, alii cultiorum iam et provectiorum populorum exemplis utendum et quod ubique egregium esset arcessendum existimarent et amplectendum.

Tales discordiae cum nationes plurimas et olim agitaverint et exerceant hodie, non videtur alienum a re demonstrare, quam rationem secuti sint Romani, populus si quis alius prudentia rerum publicarum clarus, et quo nullus unquam aut paraverit felicius opes aut partas retinuerit diutius.

Atque iam a tempore inde bellorum quae cum Samnitibus gesserunt, cum crescente in dies potentia etiam Graecas civitates haud paucas sibi foedere iunxissent, studium eis est iniectum cultus mitioris artiumque et litterarum dulcedinis. Deinde Pyrrho victo et primo bello Punico confecto cum haud dubie penes eos esset imperium Italiae et insularum adiacentium, Livius Andronicus, Graecus homo, primus tragoedias comoediasque ex Graeco conversas coepit apud eos agere. Idem Odysseam transtulit versibus Saturniis, quod carmen pridem acceptum erat Romanis, quippe qui persuasum haberent Ulixis errores etiam ad Siciliam et Italiam pertinuisse. Livio successit Naevius, Campanae originis, qui non modo ut Livius fecerat Graecas fabulas reddidit latine, sed primus tragoedias praetextatas, quorum esset argumentum ex rebus petitum Romanis, scribere instituit nec non epico carmine est persecutus bellum Punicum primum, cui ipse interfuerat. Hunc tempore

Digitized by Google

est insecutus Plautus, qui Sarsinae in Umbria fuit natus; cuius fabularum cum exstet magna pars, etiamnunc licet iudicare non modo qua ipse fuerit ubertate venae comicae, sed etiam quantos progressus fecerit paucorum spatio annorum sermo latinus, qui vel tempore belli Punici primi incultus admodum fuerat et pauper. Uterque poeta vidit bellum illud longissimum acerrimumque, quod Hannibalis perfidia Romanis est impositum. Atque hoc ipso tempore, quod paene maius videatur fide, inter gravissima multorum annorum discrimina et pericula mirifice est adauctus in populo Romano amor artium liberalium. De qua re testatur Porcius Licinus versibus elegantissimis hisce:

Poenico bello secundo Musa pinnato gradu
intulit se bellicosam in Romuli gentem feram.

Jam devictis Carthaginiensibus cum de salute sua securi essent cives, tum vero multo magis coeperunt cogitare de vita excolenda artibus et disciplinis. Nam cum hactenus muneribus pro re publica domi bellique obeundis ita essent districti, ut non vacarent Musis studiumque litterarum iaceret, mox, qua erant ingenii sollertia, intellexerunt populo qui totius orbis teneret imperium neque utilem neque decoram esse rusticitatem illam priscam contemptumque studiorum.

Sed tum temporis Romani in duo diversa velut castra discesserunt, secuti exemplum nobilium, quorum auctoritate civitas regebatur. Nam ex his maior pars, in qua fuerunt Scipio, Hannibalis victor, eiusque frater Scipio Asiaticus, T. Flamininus, Philippo rege debellato illustris, M. Fulvius Nobilior, qui Aetolos subegit, aliique multi viri clarissimi, cum maxima teneretur admiratione cultus et litterarum Graecarum, eisque quam maxime vellet imbui populum suum, alii, quorum dux fuit M. Porcius Cato, vir prisci moris tenacissimus, aspernabantur mores et studia peregrina; quibus in urbem transductis putabant cito extinctum iri virtutem Romanam. Neque potest negari multos e Graecis, quibus praeceptoribus utebantur Romani, fuisse moribus corruptis admodum vitamque eorum cum litteris et artibus esset instructissima luxuria et mollitia fuisse infectam aliisque vitiis quae solent sequi cultiorem victum. Neque tamen id tanti debuit esse, ut omnino reiceretur abdicareturque cultus Graecorum; sed illud potius erat agendum, ut prava exempla secernerentur ab honestis utque splendidissima illa monumenta litterarum et artium, quibus est effectum, ut Graecia esset magistra totius orbis, adaptarentur ingenio Romanorum, qui cum magnitudine rerum gestarum omnes populos superarent, Musarum dona in exiguo honore habuerant ac prope nullo. Idque ipsum spectabant Sci-

Digitized by Google

piones, Flaminini, Fulvii, qui minime omnium vellent everti indolem Romanam, sed instrui augerique assumptis bonis illis, quae Graecorum, populi cognati, parta erant industria. Atque hos viros in eligenda via usos esse iudicio rectissimo et nos intellegimus, et cito sensit populus Romanus. Nam cum Cato magno eius favore esset subnixus et ingenti floreret fama, cultus tamen et litterarum artiumque Graecarum in dies est adauctus honor, quarum quanta vis fuerit iam circa finem saeculi a. u. c. sexti vel inde potest cognosci, quod Cato senex admodum aggressus est linguam Graecam addiscere.

Talem vero exitum ut res haberet, effectum est multo minus auctoritate nobilium, qui novae viae ineundae studerent, quam exemplo Q. Ennii, quem patrem poesis latinae merito dixerunt veteres. Nam is cum ingenio esset felicissimo, ut quascunque partes poeticae tetigisset bene ei res cederet, praeterquam quod in comoediis scribendis minus feliciter videtur esse versatus, tum editis annalibus, quibus res Romanas ab antiquissima inde origine usque ad suum tempus est persecutus, et introducto versu dactylico heroico non modo vehementissimum iniecit studium Romanis poesis, sed etiam demonstravit imitatione Graecorum linguam Latinam ita exornari posse et perpoliri, ut cum Graeca posset contendere.

Huius viri auctoritatem et exemplum cum sint secuti omnes poetae Latini adeoque poesis Latinae gravissimae fuerint partes in conformandis instituendisque ingeniis iuventutis liberaliter erudiendae plurimorum Europae populorum post eversum imperium Romanum plurimumque ex ea traxerint litterae non modo medii aevi, quod dicitur, sed etiam saeculorum novissimorum, non existimo alienum a proposito de annalium carmine accuratius disserere. Nam etiamsi idem egregie est meritus de litteris Latinis tragoediis e Graeco conversis editisque saturis, quibus plurima et diversissima argumenta est persecutus (nam saturam ad id genus carminis, quod nunc dicitur hoc nomine, primus deflexit Lucilius), nullum tamen ex scriptis hisce aeque fuit populare et celebre inter Romanos aut perinde auctoritate valuit ad litteras formandas Latinas atque annales.

Q. Ennius natus annis duobus post finitum bellum Punicum primum ne ipse quidem fuit sanguinis Romani. Nam Rudiis quod est Calabriae oppidum erat ortus. Quam partem Italiae antiquitus Messapii tenebant, gens advecta ex Illyria. Quae cum olim magnam partem Italiae, qua meridiem spectat, teneret, Sabellicorum populorum vi eo erat redacta, ut Calabriae et Apuliae finibus continerentur. Homines Rudini, ut ple-

Digitized by Google

rique incolae eius partis Italiae, quae Tarento est vicina, pridem erant imbuti sermone et cultu Graecorum; idem commerciorum conubiorumque frequentia cum iuncti essent gentibus Sabellicis, ne Oscae quidem linguae, qua hi utebantur, erant ignari. Et Ennium quidem et Osce locutum et Graece ipsius constat testimonio: quae res, quantum ei profecerit ad sermonem Latinum, qui Graeco non minus quam Osco erat cognatus, colendum ditandumque facile apparet.

De pueritia et adulescentia poetae cum parum constet, non tamen potest dubitari, quin matura admodum aetate proba sit imbutus peritia litterarum Graecarum, quas ut in Latium traduceret posteriore parte vitae operam dedit et studiosissime et felicissime. Aliquot ante finem belli Punici secundi annis inter auxilia Romanorum profectus est in Sardiniam. Ibi eum M. Porcius Cato quaestor Scipionis invenit a. u. c. 504 deduxitque secum Romam. Et mirifico quidem fortunae ludibrio evenit, ut Cato qui per totam vitam infestissimus esset Scipioni Africano, quod hic novi cultus esset appetens, auctor fieret Romae sedem ponendi poetae ei, qui non modo Scipionis res gestas immortalitati consecravit, sed et opera sua et exemplo vel maxime inflammavit Romanos ad studium litterarum artiumque Graecarum.

Cum tenui admodum condicione esset Ennius, in qua quidem, cum nullius rei nisi gloriae cupiditate teneretur, per totam permansit vitam, Romae id primum ei fuit curandum, ut haberet unde viveret. Itaque scaenae operam navavit vertendo tragoedias Graecas. Nam magno, ut memoravi, cultus et doctrinae studio iniecto hominibus a tempore inde belli Punici secundi, mirifice adaucta est ludorum scaenicorum qui publicis privatisque impensis agerentur, frequentia. Praeterea scripsit fabulis praetextatis raptum Sabinarum, fortasse etiam Claudii Marcelli, qui a. 208 periit, mortem pro patria obitam et Scipionis res gestas. Idem et comoedias vertit ex Graeco sed, ut iam dixi, exiguo cum successu.

Sed cum plane par esset tragoediae gravitati magnoque eius fabulae exciperentur plausu (qui quidem favor est continuatus usque ad extrema liberae rei publicae tempora), Ennii ingenium inquietum, vastum, multiforme id potissimum spectabat, ut novas vias recluderet poesi Romanorum. Nam cum poetae scaenici, qui praecesserant eum, Livius, Naevius, Plautus multum quidem cultus sermoni et metricae Latinae addidissent, ut tamen manerent haud pauca vestigia rusticitatis pristinae, Ennii sollertia est intellectum eam esse indolem linguae Latinae, ut cum Graecorum posset contendere arte et elegantia. Simul studio

Digitized by Google

ingenti tenebatur ille Romanorum res gestas, quibus nulla maiores tulit aetas, digno celebrandi carmine.

Fama fuit pervulgatissima eum somnio monitum ab Homero initium sibi fecisse carminis epici scribendi, quam quidem rem ipse testatur poeta. Neque tamen potest dubitari, quin Naevii maxime exemplo excitatus sit ad componendos annales.

Huius enim carmen de bello Punico primo, quod circa annum a. u. c. 550 prodiit, quamquam horrido illo quod Horatius dicit metro Saturnio et sermone parum culto constabat, maximo Romanorum favore erat exceptum. Itaque facile potuit coniectari, fore ut ingenti fama et laude is ferretur, qui populi Romani egregia facinora metro Homerico, cuius tanta erat auctoritas inter veteres, ut ad Apollinem referrent auctorem, et oratione curiose perpolita et conveniente carminis epici maiestati esset persecutus. Videtur autem circa annum a. Chr. 195 Ennius initium fecisse componendi annales; quae quidem res etiam eo confirmatur, quod satis constat eum usum Fabii pictoris historia rerum Romanarum Graece scripta, quam probabile est intio secundi a. Chr. saeculi esse editam.

Neque vero statim ab Ennio conceptum est consilium ingens, et cuius audacia careret exemplo totam Romanorum historiam secundum temporum ordinem carmine epico enarrandi. Etenim, quod fugit doctos, certo constat quatuor annalium eius fuisse editiones, de quibus iam quam potero referam brevissime.

In disponendis annalium fragmentis librorumque singulorum argumentis perspiciendis praeclaram prorsus operam collocarunt Hieronymus Columna Italus et Paulus Merula Batavus, ex quibus alter. a. 1590 Neapoli universas Ennii carminum edidit reliquias, hic quinque annis interiectis Lugduni Batavorum annalium. Horum igitur virorum sequar ego rationes, nisi ubi propriis utar inventis.

Ac primum quidem libris sex persecutus est res Romanas, maximam partem fabulosas vel immixtas fabulis, ab antiquissimo inde tempore usque ad devictum Pyrrhum regem subactamque Italiam.

In fronte autem operis erat positum, velut πρόσωπον τηλαυγές, celeberrimum illud somnium, quo narrabat Ennius dormienti sibi in Parnasso monte oblatam Homeri imaginem, eaque se edoctum de natura rerum comploratamque incuriam hominum (perstrictis oblique Romanis, quod usque ad id tempus parvi fecissent philosophiae studium), qui parum inquirerent in eam; deinde sibi patefactam originem propriam. Notum est Ennium ut plerosque doctos, qui oriundi erant Italia

Digitized by Google

inferiore sive ut propter colonorum Graecorum frequentiam cultumque et artes haud immerito dicebatur magna Graecia, studiosum fuisse Pythagorae praeceptorum (quamquam ipse non magis quam plerique poetae Latini uni se certae addixit philosophorum sectae); inter quae fuit nobilissimum illud de μετεμψυχώσει, quo asserebatur animas non extingui morte, sed ex aliis hominum bestiarumve corporibus transire in alia.

Edoctum igitur se Ennius tradit ab Homero originem sibi duci a Messapo rege antiquissimo gentis Messapiae, animam autem Homeri per pavonem, splendidissimam avem et Pythagoreorum, ut videtur, fabellis celebrem, transisse in se; simulque admonitum, ut res Romanas epico carmine traderet posteris, sicut ille Iliade bellum Troianum immortalitati consecrarat; deinde se irrigatum aquis Castalis fontis, Apollini et Musis sacri. Aboriginum, antiquissimorum Latii incolarum, facta erat mentio.

Exin agressus est dicere res Romanas. Et primo quidem loco

Est locus, Hesperiam quam mortales perhibebant;

in qua fuit „Saturnia terra" (inde dicta quod Saturnus a Jove filio pulsus in ea dicebatur latuisse),

quam prisci casci populi tenuere Latini.

His deinde accesserunt coloni Troiani,

quos homines quondam Laurentis terra recepit,
Cum veter occubuit Priamus sub Marte Pelasgo.

Nota est multisque doctorum quaestionibus agitata fama de Aenea, Anchisae et Veneris filio, post eversam Troiam cum reliquiis gentis pervecto in Latium. Quam quidem falsam esse ortamque ingenio colonorum Graecorum, qui a saeculo inde octavo a. Chr. n. cum Italiam invasissent, eius incolas, non minus pertinaciter defendentes libertatem ac patriam, quam olim defenderant Troiani duce Hectore, fingerent ab hoc ipso populo fortissimo et Homeri carminibus celeberrimo ducere originem, constat iam inter omnes. Nec vero nobis opus est lon gius immorari in fabula ista. Nam etsi ea iam tempore bellorum Punicorum pervulgata erat inter Romanos, adeo ut vix quisquam dubitaret, quin fide esset digna, tamen minime ea fuit popularite, quam imperatorum aetate conciliavit ei Vergilii Aeneis, scripta in honorem Caesaris Augusti gentisque Juliae, quae genus se ducere gloriabatur ab Aenea. Itaque Ennius, qua erat ingenii sollertia, leviter eam tetigit ac breviter. At idem prolixa admodum narratione et curiosa usus es, in referendis rebus Romuli conditoris urbis, quem quidem ille pariter ac Naevius fecit Aeneae ex Ilia filia nepotem. Unde apparet famae,

Digitized by Google

qua ferebatur matrem Romuli filiam esse Numitoris, Albae regis ab Amulio fratre exuti potentia eamque huius iussu factam Vestalem, ne posset matrimonio inito stirpem propagare Numitoris, nullum fuisse locum apud Ennium. Qui quod tradit convenienter fabulae vulgatae, Iliam compressam a Marte edidisse Romulum et Remum geminos ideoque ipsam in Tiberim praecipitatam, pueros autem in ripa expositos, videtur existimasse ideo saevisse Amulium, filium et ipsum Aeneae, in sororem, quod Vestalis adulterio pollui se passa divinam liberorum finxisset originem. Deinde congrua famae, quae vulgo optinebat, persecutus tradidit Ennius Romulum et Remum servatos primum lupae cura, deinde pastorum intervenientium, eosque apud hos egisse iuventutem, donec casu aliquo perducti essent ad Amulium ab eoque propter multa opera virtutis, quae inter pastores ediderant, agniti originis regiae progenies Martisque filii, data simul potestate novam urbem condendi.

Annum vero natalem Romae Ennius minime posuit, ut plerique, medio saeculo octavo a. Chr. n., sed circa initia noni; id quod apparet ex his versibus:

septingenti sunt, paulo plus aut minus, anni,
augusto augurio postquam inclyta condita Romast.

Cuius rei causam cum alii aliam existimarint esse docti, equidem hanc fuisse coniecto, quod ipse, pariter atque Timaeus et, ut puto, Naevius, statuit eodem anno conditas potentissimas deinde futuras simulque inter se inimicissimas urbes Romam et Carthaginem. Ceterum satis constat Ennium in referendis antiquissimis Romanorum rebus parum curasse tempora. Nam cum obtineret vulgo fama urbem Troiam eversam anno ferre a. Ch. 1184, non potuit Romulus nepos esse Aeneae, a quo distaret intervallo trium saeculorum. Praeterea cum Ennius pariter atque ceteri non agnoscat nisi septem reges Romanorum, oportuit ab eo singulis tribui annos regni plus quam quinquaginta.

Statim autem post conditam urbem utramque convocatum est a Jove concilium deorum in eoque de magnitudine futura Romanorum et Carthaginiensium eorumque bellis expositum simul Marti promissum fore ut Romulus post actam vitam in caelum reciperetur. Jam cum Ennius Astarton antiquitus Carthagine cultam aequaret, ut fiebat vulgo, Junoni Romanorum vel Graecorum Ἥρᾳ, ipse pariter atque Naevius finxit Junonem odium, quo olim stante urbe in Troianos accensa fuerat, eversa transtulisse in Romanos, eorum posteros. Quam rem deinde Vergilius tota est persecutus Aeneide. Neque apud Ennium Juno abdicavit

Digitized by Google

odium Romanorum, nisi post proelium Cannensem, victa precibus eorum et obtestationibus, neque minus virtute et constantia in rebus adversis.

Deinde inter fratres certamen de regno ortum; quod quidem augurio duodecim avium in monte Avent no visarum destinatum est Romulo. Quam rem aegre ferens Remus cum illusisset muris urbis novae, a fratre interfectus est.

Deinde reliquae res Romuli, in cuius facinoribus celebrandis poeta studiosissime est versatus, ut supra dictum, perscriptae sunt libro primo. Ex quibus maxime fuit insignis raptus Sabinarum, bellumque inde ortum cum Sabinis, quod finitum est foedere icto inter Romulum et Tatium reges; qui deinde una gesserunt imperium, donec Tatius a Lavinatibus, quorum legatos laedi passus erat, est interfectus. Finem libri fecit Romulus Martis patris curru in caelum evectus et deorum numero additus, quibus etiam adscripta est Hersilia coniux accepto Horae nomine. Romanos autem quantum desiderium tenuerit regis erepti, pulcherrime expressit Ennius in fine libri versibus hisce:

o Romule, Romule die,
qualem te patriae custodem di genuerunt!
o pater, o genitor o sanguen dis oriundum!
tu produxisti nos intra luminis oras.

Secundo libro satis constat Ennium persecutum res Numae Pompilii, Tulli Hostilii, Anci Marcii regum. Et curiosissime quidem videtur esse versatus in Numae institutis celebrandis, a quo omnes caerimonias divinas totamque disciplinam domesticam, qua non minus valuerunt quam virtute bellica, repetebant Romani. Secutus autem est haud dubie fabulam antiquitus traditam, qua ferebatur Numa (licet tempore multo esset antiquior) institutus esse a Pythagora philosopho eiusque consiliis et praeceptis usus in componenda re publica. Neque vero Egeriae nymphae est oblitus, cuius item sapientia dicebatur adiutus Numa in regno gerendo. Deinde prolixa narratione apparet eum persecutum bella Tulli, cuius ferocia Romanorum animi pacis artibus assuefacti per Numam ad pristinam revocati sunt virtutem. Nam et Meti Fufetii poena et Albanae urbis, unde oriundi erant Romani, excidium descriptum erat plenissime. Tertio libro continebantur regum trium, qui ex Etruria genus ducebant, res.

Et dolendum quidem est admodum, quod ex libro secundo et tertio pauciora sunt servata fragmenta, quam ut narrationis Ennianae clara animo informari possit species. Satis tamen certo constat eum in referendis rebus regum qui Romulo successerunt, easdem fere fabula

Digitized by Google

esse secutum, quae a Livio et Dionysio sunt traditae, quarum quidem fidem nostro potissimum saeculo criticorum opera labefactatam esse norunt omnes.

Jam ut recte iudicetur de libris, quibus liberae urbis Romae res cecinit, tenendum est ab Ennio bella potius externa quam turbas civiles et partium studia esse enarrata, ideo maxime, quod materiam illam digniorem putabat gravitate epici carminis quam contentiones domesticas et factionum turbas. Atque adeo in fragmentis annalium satis multis ne unus quidem versiculus tuto potest referri ad rixas patriciorum et plebeiorum, quibus post reges expulsos per annos plus centum quinquaginta agitata est civitas Romana.

Quarto libro qui certo testimonio sit adscriptus, unus exstat versiculus. Itaque non est operae hoc loco de argumento eius pluribus disserere; neque magis de quinti; ex quo etiam pauca admodum servata sunt fragmenta. Satis tamen est probabile quarti libri finem fecisse Ennium relata clade Alliensi et urbis Romae incendio Capitoliique obsidione. Nec tamen satis constat utrum auro penso, an, quod similius est veri, Camilli virtute liberatos periculo Romanos scripserit.

Quinto libro continebantur haud dubie bella gesta cum Samnitibus et Latinis. Nam rectissime Merula iudicavit sexto descriptum esse bellum gravissimum, quod primum cum externo hoste, Pyrrho rege, gesserunt Romani. Hunc igitur tradidit Ennius Tarentinis orantibus venisse auxilio, deceptum, ut fingit imitatus ambiguitatem vaticinii, quo olim Croeso erat illusum, oraculo Apollinis Delphici notissimo: aio te, Aeacida, Romanos vincere posse. Ceterum Ennius, ut dignum erat tali viro, alienae virtutes etiam in hoste fuit admirator. Nam magnitudinem animi, quam comprobavit Pyrrhus captivis Romanorum sine pretio redditis, prosecutus est versibus luculentissimis, quos hic apponam, quamquam tam multi sunt in Ennii annalibus loci magnifici, ut difficile sit eligere. Itaque ad Fabricium, qui venerat, ut captivos redimeret, facit eum utentem oratione tali:

nec mi aurum posco nec mi pretium dederitis:
non cauponantes bellum, sed belligerantes,
ferro non auro, vitam cernamus utrique.
vosne velit an me regnare era quidvo ferat Fors,
virtute experiamur. et hoc simul accipe dictum:
quorum virtuti belli fortuna pepercit,
eorundem libertati me parcere certumst.
dono ducite doque volentibu' cum magnis dis.

Digitized by Google

Finem fecit huic libro tota a Rubicone fluvio usque ad fretum Siculum in ditionem redacta Italia. Atque facile apparet quam elegans fuerit quamque luculentus exitus primae annalium editionis. Nam Italia subiecta et robur paraverunt sibi Romani et audaciam, sine qua vel maximae vires torpent, ad orbem terrarum devincendum, cuius imperio annis minus centum post Pyrrhi regis mortem sunt potiti.

Libri sex annalium Ennii cum in lucem prodissent anno fere a. Chr. n. 190, ingenti sunt excepti plausu hominum. Qui cum innutriti essent Odysseae Livii et bello Punico Naevii, quae carmina et sermone constabant inculto et obscuro, et metro horrido, quodque ipsis Romanis iam videretur subrustrum, fabulisque scaenicorum, quae cum arte aliquanto essent maiore compositae, tamen et ipsae multa haberent aspera et salebrosa, subito, quod numquam antea, percepere lingua Latina expressam redditamque maiestatem metri heroici Homerici carminibus consecrati et quidem a poeta tali, qui cum Homeri prae se ferret imitationem, tamen neque vim inferret sermoni Latino neque servili teneretur studio illius. Ita unius hominis ingenio lingua, quae hactenus videbatur paene balbutiens et aliena ab Apolline et Musis, repente tanta enituit elegantia, ut posset descendere in comparationem Graecae.

Neque tamen defuere, qui Naevii potius incompto delectati cultu obtrectarent annalibus Ennii. Nec enim umquam magnis viris desunt obtrectatores; et virtutem ut gloria ita invidia comes sequitur. Et videntur quidam nonnulli Ennio id maxime obiecisse, quod et consilium operis scribendi et naturae rerum de qua initio operis exposuerat peritiam non proprio deberet ingenio, sed misso divinitus somnio monitisque Homeri.

Quibus ille merito respondit se numquam potuisse visu nocturno instrui ad annales scribendos, nisi diu multumqne excultus esset optimis studiis.

> Nec quisquam sophiam, sapientia quae perhibetur,
> in somnis vidit prius, quam sam discere coepit.

At plurimum gratiae iniit idem editis libris sex annalium apud nobiles plerosque, non modo quod maiores eorum splendidissimo virtutis elogio ornati erant ab illo, sed etiam quod maxima pars tenebatur miro amore cultus litterarumque Graecarum, quas et ipse admirabatur unice et imitabatur. Itaque hoc potissimum tempore poeta amicitiam videtur contraxisse cum P. et L. Scipionibus, Cornelio Nasica, Sulpicio Galba aliisque multis. Sed maxime eius favori est imbutus M. Fulvius Nobilior, qui cum a. 189 consul in Aetoliam iturus esset, comitem

Digitized by Google

secum duxit Ennium veluti praeconem futurum rerum gerendarum: quod quidem ei acerrime exprobratum est a M. Catone.

Fulvii victoria, quam de Aetolis reportavit, celebrata est ab Ennio satura, cui „Ambraciae" fuit nomen; sicut idem postea Scipionis vita functi facinora egregia persecutus est carmine, cui „Scipioni" fuit inscriptum. Sed cum maximo plausu excepta esset annalium editio prima, multique Romanorum nobiles cuperent vel maxime, quae sua totiusque populi Romani virtute essent gesta bellis contra Hannibalem, Philippum, Antiochum a poeta tam egregio posteritati tradi, consilium iniit Romanorum res quae post subactam Italiam evenerant, fide maiores et quibus nullius alius populi facinora possent comparari, novo carmine commendandi famae. Itaque secundam instituit editionem annalium adiectis libris novem. Quae coepta c. a. 188 prodiit anno 185 vel 184.

Ea continebantur res Romanae a bello inde Punico primo usque ad devictos Antiochum et Aetolos, h. e. ab a. a. Chr. 265 usque ad 189.

In principio libri septimi primum erat dictum de novo poetae proposito. Atque ibi Ennius gloriosius exposuit de suis in poesim Latinam meritis et de laude, quam pepererat sibi editis libris sex annalium, professusque est se bellum Punicum primum praeteriturum, quia Naevius, quamquam rudi arte, idem esset persecutus:

scripsere alii rem
versibu', quos olim Fauni vatesque canebant,
cum neque Musarum scopulos quisquam superarat
nec dicti studiosus erat.

Addidit, a se primum demonstratam viam, qua iretur ad Parnassum. Qua usus occasione de praestantia heroici versus, sive, ut ipse eum vocabat, longi, quem primum adhibuerat inter Romanos, videtur disseruisse copiosius. Deinde, plane ut Livius, in prooemio belli Punici primi, de Carthaginiensium initiis et incrementis egit; qua in re satis curiose videtur esse versatus; nam etiam speculatoris quem Carthaginienses miserant ad Alexandrum Magnum, ut consilia eius noscerent, ibi facta est mentio. Quod autem dixit se primum bellum Punicum omissurum, non stetit proposito, sed egit de eo, summatim tamen et breviter. In fine autem libri dictum erat de rebus Romanorum, quae fuerunt inter primum bellum Punicum et secundum.

Enarrando huic, quod omnium quae gessere Romani et gravissimum fuit et gloriosissimum, tres videtur dedisse libros, ita quidem, ut octavus deduceretur usque ad proelium Cannense et flexam virtute Romanorum et constantia nec non precibus et votis iram Junonis; nonus

Digitized by Google

ad cladem, qua Hasdrubal cum ingenti exercitu ad Metaurum est oppressus, decimo continerentur res ad finem usque belli gestae.

Servatae sunt ex hac parte carminis Enniani aliquot loci luculenti admodum et pulchri, veluti Fabii descriptio clarissima, quae saepissime deinceps repetita est a scriptoribus Latinis:

unus homo nobis cunctando restituit rem.
noenum rumores ponebat ante salutem.
ergo postque magisque viri nunc gloria claret.

Sed dolendum admodum, quod non ita multa neque ampla extant fragmenta horum librorum, in quibus summos Ennium spiritus sumpsisse, qui convenirent rerum referendarum magnitudini, omnes habet numeros probabilitatis.

Atque constat ex Ciceronis oratione pro Archia (9,22) amplissimis laudibus esse celebratum ab Ennio non modo Fabium Cunctatorem, sed M. Marcellum, qui post proelium Cannense primus spem praebuit Romanis prosperi eventus belli, et Scipionis Africani, cuius virtute bellum est confectum. Neque minus declaratur fragmentis, etiam ceteris ducibus, qui utilem rei publicae Romanae in hoc tanto discrimine navaverant operam, suum esse honorem habitum.

Libris undecimo et duodecimo descriptum erat bellum, quod statim post Carthaginienses devictos gesserunt Romani cum Philippo, rege Macedonum; quorum victoriam secuta est libertas totius Graeciae, quam T. Quinctius Flamininus anno 196 ludis Isthmiis pronuntiavit; quae res praebuit causam poetae antiquam, qua tenebantur Romani et Graeci, coniunctionem sanguinis celebrandi. Libris XIII et XIV haud dubie continebatur bellum contra Antiochum Magnum, regem Asiae, susceptum anno 192 et finitum duobus annis post proelio ad Magnesiam; denique XV referebatur de Ambracia, capite Aetolorum gentis, in dicionem recepta a M. Fulvio et de Galatis, Asiae populo latrociniis adsueto, sed a Manlio Vulsone domito.

Paucis a nobis adumbratum est argumentum librorum qui secunda editione annalibus sunt additi. Ceterum ut per se est probabile, ita confirmatur fragmentis etiam aliorum bellorum, quae per id tempus Romani gesserunt cum Gallis, Liguribus, Corsis, Sardis, Hispanis aliisque populis, iniectam fuisse memoriam, ut non modo clarissimum quemque aequalium Romanorum annalibus suis prosequeretur Ennius, sed etiam minoris claritatis duces, qui bene essent meriti de re publica.

Apparet autem finem secundae editionis carminis Enniani haud minus prudenti iudicio constitutum quam prioris. Nam victis Philippo

Digitized by Google

et Antiocho non iam erat dubium, quin totius orbis terrarum imperium esset penes Romanos. Continebantur igitur his annalium libris quindecim res urbis ab initiis tenuissimis ad summum perductae fastigium, quod nullus deinde populus aequavit.

Publicata editione altera Q. Fulvii, filii eius, qui vicerat Aetolos, opera a. 184 est effectum, ut civitate Romana donaretur Ennius eique in colonia, quae tum temporis deducebatur, sex iugerum ager adsignaretur. Hinc secutus morem Fulvii eius, cuius opera civis factus erat, assumpsit praenomen.

Editis autem annalium libris quindecim erat in animo ei, abdicata poesi epica totum se dare tragoediis et saturis scribendis. Verum cum anno 179 orto bello contra Epulonem regem Istrorum qui latrociniis infestabat oram maris Hadriatici, relictisque panico quodam terrore a Romanis castris fratres duo tribuni militum T. et C. Caelius, ex quibus illi Teucro cognomen erat, soli vindicassent honorem nominis Romani, pertinacissima defensione stationis quam obtinebant et praeclara virtutis edidissent opera, vita oblata pro patria, Ennius tam egregios spiritus noluit carere praeconio suo. Itaque testante Plinio Maiore (nat. hist. VII, 101) librum XVI adiecit annalibus; quo quidem potissimum bellum Istricum continebatur.

Etiam huic praemissum erat prooemium, quo primum de se egit poeta, non omissa mentione civitatis, quam mòdo adeptus erat:

nos sumu' Romani, qui fuimus ante Rudini.

Deinde res Romanas ab anno 189 ad 179 est persecutus, sed brevius solito, quoniam per hoc tempus multa reipublicae acciderant tristia ac parum honorifica, veluti Scipionum, quibus erat coniunctissimus, accusatio, Africani exilium voluntarium, Asiatici condemnatio, censura Catónis qua in multos nobiles est saevitum, bachanaliorum flagitia detecta et punita, alia, quibus angi oportebat virum Romanae civitatis amantissimum.

Verum edito libro XVI cito intellexit Ennius non satis decore in fine operis tam magnifici, quale fuerunt annales, collocari bellum Istricum (quod habes descriptum initio libri quadragesimi primi Livii), neque grave illud satis, neque gloriosum Romanis, quamquam victa ad ultimum Istria.

Itaque anno 172, quo bellum est exortum contra Persen regem, quartam orsus editionem annalium instituit opus adiectis libris quatuor, ut numerus impleretur vicenarius, perducere ad finem belli Macedonici tertii; cuius de felici exitu non ipse poeta magis quam quis-

Digitized by Google

quam Romanorum dubitabat. Hoc enim finito praevidebat iam stabilem fore Romanorum potentiam nullisque aemulis obnoxiam. Atque ipse Polybius asserit Perseo demum devicto securum fuisse eis et certum imperium orbis terrarum.

De consilio editionis quartae professus est initio libri septimi decimi, quo gloriabatur sibi aetate provecta non, ut plerisque mortalium, imminutum ingenium:

> hic, ut fortis equus, spatio qui saepe supremo
> vicit Olimpia, non senio confectu' quiescit.

Etiam septimi libri initio per pronomen quod est „hic" semet ipsum significat.

Principium autem sibi duxit novae editionis ab anno 178, quo finitum est bellum Istricum.

Verum non licuit ei ad finem perducere opus suum. Nam anno 169 vel insequenti plus quam septuagenarius articulari morbo est extinctus. Itaque non sunt adiecti tertiae editioni nisi libri duo; qui quidem utrum ab ipso sint emissi, an a Pacuvio tragico filio sororis, quem ipse instituit arte musica, non satis constat, neque magis usque ad quem annum pertinuerit exitus libri XVIII.

Satis puto apparere ex eis, quae dicta sunt a me, quantum potui brevissime, non modo quanta copia rerum epici carminis maiestate dignissimarum fuerint annales Ennii, sed etiam quanta arte et cura compositi, denique quibus consiliis usus sit poeta in editionibus quatuor instituendis. Cuius rationes cum parum haberent perspectas qui de litteris scripserunt Latinis, opinati sunt eum nulla arte usum esse in carmine componendo, et non multum distare a plerisque monachorum, qui medio aevo res gestas versibus perscripserunt.

Insignis praeterea apparet Ennii ars in moribus describendis. Jam supra allati sunt a me versus, quibus Fabii cunctationem et Pyrrhi magnitudinem animi persecutus est. Curium autem illum inclitum, qui cum Samnites et Pyrrhum devicisset maiorem se praebuit cupiditate victa divitiarum repudiato magno auri pondere, quod victi ei hostes obtulerant, potuitne quisquam breviore eodemque elegantiore praeconio exornare quam hoc:

> quem nemo ferro potuit superare nec auro?

Imitatione ductus Homeri Ennius annalibus suis, ut Vergilius Aeneidi, frequentes inseruit orationes. Quae etsi non eadem arte videntur esse perpolitae qua Vergilianae, insignes tamen fuere vi ac spiritu.

Digitized by Google

Atque in his pariter atque in reliquis Ennii scriptis comparent vestigia fuci rhetorici quo postea magis magisque auctorum Romanorum libri sunt imbuti, ut etiam hac re verus pater litterarum Latinarum videatur ille extitisse.

Scio plerosque ita iudicare de annalibus Ennii, ut existiment eum arte orationis pariter ac metri non multum superare antiquissimos illos vates Romanorum Saturnio metro usos, quos vidimus ab eo irrideri initio libri VII. Cuius erroris haec potissimum fuit causa, quod reliquiae carminis eius feruntur et corruptae valde et interpolatae. Quod cum ita sit, ut suus Ennio honos redderetur, anno superiore reliquiae Ennii operum a me sunt retractatae, conquisitis undique subsidiis et quantumcunque valebam ingenio perpolitae, eiectis simul haud ita paucis, quae illi tribuerentur iniuria. Et quamqam quaedam ex reliquiis scriptorum eius tam male sunt affectae, partim auctorum, a quibus citantur, incuria, partim librariorum, a quibus per medium aevum sunt descriptae, culpa, non ut videantur posse restitui, magna tamen spe teneor fore, ut emissa editione nostra agnoscatur a doctis, quanta artis subtilitate usus sit Ennius in oratione texenda et hexametri dactylici, quo primus usus est inter Romanos, legibus constituendis. Atque adeo siqua aspera sunt apud eum ac parum rotunda, ea minus ipsi apparet assignanda, quam aetatis nondum satis excultae, qua vixit, condicioni. Mirum debet videri, quod plerique poetarum, qui a medio inde saeculo a. Chr. n. tertio usque ad Marii tempora novas vias patefecerunt carmini Latino, non fuerunt originis Latinae. Cuius rei causa cum vulgo referatur ad priscorum Romanorum austeritatem indolis animumque litteris et artibus parum aequum, ego longe aliter iudico. Nam eos minime fuisse ingenio ἀμούσῳ et βαναύσῳ satis comprobatur magno poetarum numero, qui Ciceronis tempore magisque etiam multo imperatorum saeculo provenit. Itaque hanc potissimam causam puto, cur ab anno fere ante Chr. n. trecentesimo usque ad Sullae mortem, quamvis magna cultus cura Romanis iniecta, pauci admodum provenirent Latinae stirpis poetae, quod cum res publica illo tempore frequentissimis et aliquando periculosissimis bellis, saepe etiam partium turbis gravissimis exagitaretur, cives non potuerunt ea esse animi tranquillitate et ut ita dicam serenitate, ut pares essent carminibus epicis, tragicis. comicis, quibus maxime delectatum populum Romanum usque ad Sullae tempora constat, componendis perpoliendisque ea arte, quae iam excultis magis magisque Romanorum ingeniis a poetis exigeretur, aut Latinae linguae, quae diu iacuisset neglecta, ita excolendae et exornandae, ut factum videmus

Digitized by Google

Plauti, Ennii, Pacuvii, Accii scriptis. Hac igitur partes cesserunt peregrinis, quos urbis Romae in dies magis accrescens allexerat potentia tenebatque devinctos veneratio nominis Romani. Hi enim cum periculis sollicitudinibusque gravissimis, quibus ipsi Romani torquerentur illa aetate, minus essent immixti, potuere artius amplecti studium Musarum iisque penitus imbui artibus, quas nisi leviter attingere non licebat civium Romanorum plerisque propter inopiam otii.

Hoc postquam potiti sunt Romani sub finem liberae reipublicae et magis etiam cum ad unum delata esset summa rerum, carminum apud eos provenit copia maxima, suisque est redditus honor poetis.

Verum multo ante a Romanis est intellectum, quantum deberent Ennio. Nam ut civitati Romanae Rudinum hominem adscripserunt aequales, ita patrem eum poesis Latinae omnis dixit posteritas. Nec enim offecit honori eius, quod Augusti aetate et saeculo insequenti, cum ad summam essent perductae litterae et lingua Romanorum elegantium, extitere, qui in illo eum nitorem requirerent orationis ac metri, qui illis temporibus flagitabatur a poeta. Sed vel tum plerique probe intellexerunt numquam potuisse provenire eam artem quam in Vergilio, Horatio, Ovidio admiramur, nisi Ennius primus imitatione pariter adiutus diligentiore, quam quae antea fuerat, auctorum Graecorum et proprii ingenii copiis viam munisset qua iretur ad carmen Latinum.

Atque hac ipsa re declararunt Romani dignos se qui rerum summam non modo pararent, sed servarent partam, quod cum maxima, nec immerito, tenerentur fiducia sui, tamen etiam in hospitibus et peregrinis virtutes agnoverunt ac dilexerunt; neque dubitaverunt, quae deessent sibi assumere ab alienigenis. Atque hac tanta virtute est effectum, ut non cum imperio eorum extingueretur potentia. Quae si sola stetisset vi armorum, barbarorum incursionibus esset eversa. Sed capta Roma cepit feros animos victricium gentium, extititque pariter cum Graecia praeceptrix recentium Europae populorum; id quod numquam profecto potuit evenire, nisi et ipsa se insinuasset penitus in arcana artium et litterarum Graecarum auctore et interprete Q. Ennio.

L. Mueller.

Digitized by Google

ЗАМѢТКИ КЪ МЕДЕѢ ЕВРИПИДА.

Въ предлагаемыхъ замѣткахъ имѣются въ виду отчасти поправки, отчасти толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ трагедіи Еврипида „Медея", представляющей текстъ во многихъ случаяхъ или испорченный, или же трудный. Хотя такъ-называемая критика текста должна исключительно заботиться о возстановленіи подлинныхъ словъ автора, однако въ большинствѣ случаевъ она не можетъ достигнуть этой своей прямой цѣли и принуждена ограничиться указаніемъ на погрѣшности текста и конъектурами, которыя, не имѣя притязанія на возстановленіе текста въ первоначальномъ его видѣ, все-таки устраняютъ изъ него явныя несообразности и дѣлаютъ его болѣе правильнымъ и понятнымъ. Впрочемъ, относительно конъектуръ, мы полагаемъ, гораздо лучше соблюдать нѣкотораго рода сдержанность, чѣмъ быть слишкомъ смѣлымъ. Иногда случается, что текстъ напрасно подвергается всякаго рода поправкамъ только потому, что онъ невѣрно понятъ и истолкованъ. Примѣромъ подобнаго невѣрнаго толкованія можетъ служить первое же, разбираемое нами мѣсто Еврипида.

214—218.

Κορίνθιαι γυναῖκες, ἐξῆλθον δόμων,
μή μοί τι μέμψησθ'· οἶδα γὰρ πολλοὺς βροτῶν
σεμνοὺς γεγῶτας, τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο,
τοὺς δ' ἐν θυραίοις· οἱ δ'ἀφ' ἡσύχου ποδὸς
δύσκλειαν ἐκτήσαντο καὶ ῥᾳθυμίαν.

Digitized by Google

Выписанное нами мѣсто представляетъ почти столько толкованій, сколько существуетъ толкователей. Причина тому кроется отчасти въ самихъ выраженіяхъ, употребленныхъ Еврипидомъ, которыя допускаютъ двоякій смыслъ, а слѣдовательно, и двоякое толкованіе. Такъ, напримѣръ, σεμνός можетъ значить и „почтенный", и „гордый, надменный"; ἀπ' ὀμμάτων можетъ означать и „вдали отъ глазъ, отъ взоровъ людскихъ", и „по собственнымъ глазамъ, по собственному наблюденію" и т. д. Въ древнихъ схоліяхъ [1]) это мѣсто объясняется довольно пространно, или вѣрнѣе сказать, одно и то же объясненіе повторяется нѣсколько разъ въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ. По этому объясненію выходитъ, что σεμνοὺς γεγῶτας значитъ: „тѣ, которые кажутся гордыми или считаются гордыми" (ὑπερηφάνους δοκοῦντας εἶναι или ὑπερηφάνους νομιζομένους); τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο означаетъ тѣхъ, которые отдѣляются отъ людей, не сообщаются съ ними, скрываются отъ ихъ взоровъ (κεχωρισμένους, ἄποθεν τῶν ὀμμάτων ὄντας, μὴ ὁρωμένους и т. п.), τοὺς δ' ἐν θυραίοις, наоборотъ—тѣхъ, которые постоянно показываются на глаза, постоянно толкаются въ чужихъ домахъ, не сидятъ дома (οἱ συνεχῶς φαινόμενοι καὶ ἐπιπολάζοντες и т. п.); наконецъ, οἱ δ'ἀφ' ἡσύχου ποδός означаетъ людей, живущихъ спокойно, въ уединеніи или тиши домашней жизни, или же хотя и находящихся на лицо, но не сближающихся ни съ кѣмъ (ἡσύχιον βίον ἑλόμενοι, ἐν ἐρημίᾳ τὰ ἑαυτῶν πράττοντες, καὶ παρόντες μὲν, οὐδενὶ δὲ πελάζοντες и т. п.). Изъ всего этого выходитъ, что древніе схоліасты понимали это мѣсто такъ:

„Я знаю, что многіе изъ людей кажутся или считаются гордыми или надменными, одни за то, что удаляются отъ взоровъ людскихъ, другіе, наоборотъ—что постоянно показываются на глаза; наконецъ, третьи пріобрѣтаютъ себѣ дурную славу людей праздныхъ за то, что ведутъ жизнь спокойную, уединенную, занимаясь лишь собственнымъ дѣломъ и не сближаясь ни съ кѣмъ".

Противъ этого объясненія, какъ оно ни кажется съ перваго взгляда складнымъ, можно замѣтить слѣдующее: Вопервыхъ, σεμνοὺς γεγῶτας можетъ значить только „родились или суть горды", но никогда не значитъ „считаются или кажутся гордыми". (Или, можетъ быть, схоліастъ въ этомъ мѣстѣ читалъ γεγωνότας вм. γεγῶτας, отъ γέγωνα въ значеніи „быть слышнымъ или слыть", слѣдовательно, въ значеніи κλύω?) По крайней мѣрѣ можно такъ заключить по тому,

[1]) Scholia graeca in Eurip., ed. G. Dindorf, IV ч. 1863.

Digitized by Google

что слово γεγῶτας объясняется прямо посредствомъ δοκοῦντας εἶναι). Вовторыхъ, по толкованію схоліаста, почти никакой разницы не представляется между тѣми, которыхъ Медея означаетъ выраженіемъ οἱ μὲν ὀμμάτων ἄπο, и тѣми, о которыхъ говорится дальше: οἱ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδός. А именно тѣ и другіе, по его толкованію, суть люди, не сближающіеся ни съ кѣмъ, удаляющіеся отъ другихъ, словомъ— живущіе особнякомъ, для себя. Слѣдовательно, выходитъ противоположеніе лицъ, совершенно не противоположныхъ по своему характеру.

Изъ новѣйшихъ комментаторовъ [1]) почти всѣ удержали первое невѣрное толкованіе схолій, хотя никто не потрудился доказать, какимъ это образомъ σεμνοὶ γεγάασι можетъ означать не σεμνοί εἰσι, а σεμνοὶ δοκοῦσι или νομίζονται εἶναι. Удержавъ это, по нашему мнѣнію, ложное толкованіе, они хотя и исправляютъ въ другихъ отношеніяхъ толкованія схолій, однако въ цѣломъ не достигаютъ главнаго, то-есть, не достигаютъ вполнѣ удовлетворительнаго объясненія текста, какое требуется языкомъ и смысломъ.

Такъ, Веклейнъ (Ausgew. Tragödien des Euripides, von Wecklein, I B. Leipzig 1880) исправляетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: въ ст. 217 онъ уничтожаетъ послѣ τούς частицу δέ, то-есть, вмѣсто τοὺς δ' ἐν θυραίοις читаетъ τοὺς ἐν θυραίοις и считаетъ это выраженіе приложеніемъ къ предыдущему; τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο; затѣмъ предложеніе οἳ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδός.... ἐκτήσαντο разсматриваетъ онъ какъ стоящее вмѣсто партиципіальной конструкціи, то-есть, вмѣсто τοὺς δὲ κτησαμένους, какъ это слѣдовало бы ожидать послѣ глагола οἶδα; наконецъ, выраженіе οἳ δύσκλειαν (или какъ онъ читаетъ: δύσνοιαν) ἐκτήσαντο считаетъ онъ равнозначущимъ съ выраженіемъ σεμνοὺς γεγῶτας, принимая послѣднее согласно со схоліями въ значеніи ὑπερηφάνους νομιζομένους. Такимъ образомъ въ передѣлкѣ Веклейна все это мѣсто получаетъ слѣдующій видъ:

οἶδα γὰρ πολλοὺς βροτῶν
σεμνοὺς γεγῶτας, τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο,
τοὺς ἐν θυραίοις, οἳ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδὸς
δύσνοιαν ἐκτήσαντο καὶ ῥᾳθυμίαν.

Чтобы текстъ Еврипида въ этомъ видѣ могъ быть понятъ читателемъ, Веклейнъ присовокупляетъ къ нему слѣдующій переводъ

[1]) Pflug и Klotz, Wecklein, Weil и др.

Digitized by Google

или поясненіе: „Медея говоритъ: Я послѣдовала вашему приглашенію (то-есть, выйдти изъ дому и показаться вамъ), чтобы не навлечь на себя упрека въ гордости; потому что многіе прослыли гордыми, одни, которые показывались публично, такъ какъ по глазамъ ихъ (ἀπ' ὀμμάτων) или по выраженію ихъ лица заключали объ ихъ гордости (weil man ihrer Miene Stolz abzusehen glaubte), другіе—потому что они не показывались публично, а сидѣли дома (ἀφ' ἡσύχου ποδός)".

Въ этомъ объясненіи, что ни слово то натяжка, такъ что если слѣдовать подобному методу въ толкованіи древнихъ авторовъ, то можно всякое мѣсто исказить до неузнаваемости. Не говоря ужь о томъ, что противоположеніе, будто однихъ считаютъ гордыми по глазамъ, а другихъ по ихъ спокойной походкѣ или неподвижности, довольно смѣшно, это толкованіе представляетъ еще много другихъ несообразностей. Вопервыхъ, Веклейнъ отторгаетъ ἀπὸ ὀμμάτων отъ τοὺς μέν и считаетъ эти слова дополненіемъ къ γεγῶτας σεμνούς, между тѣмъ какъ, по тексту, они тѣсно связаны съ τοὺς μέν, и все выраженіе τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο составляетъ поясненіе къ πολλούς и вмѣстѣ съ нимъ зависитъ отъ οἶδα. Затѣмъ онъ полагаетъ, что въ словахъ Медеи противополагаются двоякаго рода люди: одни, прослывшіе гордыми за выраженіе глазъ своихъ (οἱ μὲν γεγῶτες σεμνοὶ ἀπ' ὀμμάτων), и другіе, пріобрѣвшіе такую же дурную славу за свое спокойствіе и домосѣдство (οἱ δὲ κτησάμενοι δύσκλειαν ἀφ' ἡσύχου ποδός), то-есть, считаетъ выраженіе σεμνοὺς γεγονέναι совершенно равнозначущимъ съ κτήσασθαι δύσκλειαν. По нашему мнѣнію, σεμνὸς γέγονα ἀπ' ὀμμάτων можетъ значить только: „я гордъ по виду или на взглядъ", но едва ли значитъ: „я пріобрѣлъ славу гордаго за выраженіе своихъ глазъ". Наконецъ, по объясненію Веклейна, выходитъ, что тѣ именно прослыли гордыми за выраженіе глазъ своихъ, которые постоянно толкаются внѣ дома, или показываются публично (οἱ ἐν θυραίοις), какъ будто этого рода люди должны непремѣнно отличаться гордымъ выраженіемъ лица.

Еще другіе, имѣя въ виду переводъ этого мѣста латинскимъ поэтомъ Энніемъ, сохранившійся у Цицерона, исправляютъ δωμάτων вмѣсто ὀμμάτων и считаютъ τοὺς δωμάτων ἄπο и τοὺς ἐν θυραίοις выраженіями однозначущими. Такъ Гартунгъ читаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

οἶδα γὰρ πολλοὺς βροτῶν
σεμνοὺς γεγῶτας, τοὺς τε δωμάτων ἄπο,
τοὺς τ' ἐν θυραίοις· οἱ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδὸς
δύσκλειαν ἐκτήσαντο и пр.

Digitized by Google

Переводитъ же онъ это мѣсто приблизительно такъ: „Я знаю, что многіе, живущіе вдали отъ своего отечества и между чужими, горды; другіе же пріобрѣли себѣ дурную славу за то, что любятъ покой, то-есть, сидятъ дома и не показываются въ обществѣ". Въ толкованіи Гартунга одно только вѣрно, именно то, что онъ передаетъ слово γεγῶτας въ обыкновенномъ и настоящемъ его значеніи; всѣ же остальныя его поправки весьма неудачны. Вопервыхъ, выходитъ очень неискусная тавтологія („и живущіе вдали отъ отечества, и живущіе между чужими"); затѣмъ противоположеніе выражено въ формѣ непонятной и просто нелогичной. Противополагаются, съ одной стороны, люди гордые, живущіе вдали отъ отечества, а съ другой—прослывшіе гордыми за свое домосѣдство.

Гартунгъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ переводу, поясняетъ, что подъ людьми послѣдняго рода слѣдуетъ разумѣть туземцевъ или согражданъ въ отличіе отъ чужихъ (τοὺς ἀπὸ δωμάτων). Этимъ поясненіемъ онъ придаетъ греческому тексту то значеніе, какого въ немъ нѣтъ и быть не можетъ. Выраженіе οἱ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδὸς и пр. можетъ означать только людей, любящихъ свое спокойствіе и удобство, все равно, будутъ ли это иностранцы или туземцы. Наконецъ, Гартунгъ, заимствуя у Эннія чтеніе δωμάτων вмѣсто ὀμμάτων, во всемъ остальномъ совершенно расходится съ Энніемъ, который это мѣсто передаетъ слѣдующимъ образомъ (Cic. ad fam. 6, 6): Quae Corinthi altam arcem habetis, matronae opulentae, optumates, Ne mihi vitio vos vortatis, a patria quod absiem. Multi suam rem bene gessere et publicam patria procul, Multi, qui domi aetatem agerent, propterea sunt improbati.

Замѣтимъ, что переводъ Эннія до такой степени отступаетъ отъ словъ Еврипида, что на основаніи его нѣтъ никакой возможности дѣлать какія бы то ни было догадки о первоначальной формѣ греческаго текста. Въ переводѣ Эннія (если можно только назвать его переводомъ) высказывается совершенно новая мысль, а именно, что многіе прославились и вдали отъ отечества, на чужой сторонѣ, а многіе, живя дома, заслужили дурную репутацію. Можетъ быть, подобная передѣлка греческаго текста сдѣлана Энніемъ нарочно съ цѣлью прославить чужеземцевъ, такъ какъ и самъ онъ былъ чужеземцемъ въ Римѣ, и притомъ весьма тщеславнымъ. Впрочемъ, въ переводѣ Эннія важно для насъ одно обстоятельство, именно то, что слова γεγῶτας σεμνούς передаются въ настоящемъ ихъ значеніи, то-есть, въ значеніи хорошемъ, между тѣмъ какъ схоліасты принимаютъ ихъ

Digitized by Google

въ дурномъ смыслѣ,—такъ какъ изъ перевода Эннія видно, что онъ принималъ σεμνός въ значеніи „досточтимый, славный", а γεγονέναι въ значеніи „сдѣлаться, быть" (multi bene rem gessere).

Ближе всего подходитъ къ истинному значенію греческаго текста Вейль, издавшій семь трагедій Еврипида съ французскими комментаріями (Sept tragédies d'Euripide par H. Weil. Paris. 1879). Но и онъ не достигаетъ цѣли, потому что въ одномъ случаѣ все еще придерживается традиціоннаго и ни на чемъ не основаннаго толкованія схоліастовъ, а именно принимаетъ слово σεμνός въ значеніи „гордый, высокомѣрный". Вотъ его переводъ даннаго мѣста: Je sais beaucoup d'hommes, soit de ceux que j'ai vu moi même, soit parmi les étrangers dont j'ai entendu parler (τοὺς μὲν.... θυραίοις), qui se sont renfermés dans une réserve orgueilleuse (σεμνοὺς γεγῶτας), et qui, par cette repugnance à se montrer et à converser en public (ἀφ' ἡσύχου ποδός), se sont fait une mauvaise réputation et ont passés pour dédaigneux.

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ: „Я знаю и между тѣми, которыхъ я сама видѣла, и между чужими, о которыхъ я слышала, много такихъ людей, которые замкнулись въ какую-то гордую сдержанность и которые вслѣдствіе того, что отказываются явиться въ публикѣ, пріобрѣли себѣ дурную славу и прослыли за людей спѣсивыхъ и надменныхъ". Если отбросить всю эту блестящую французскую фразеологію и выразить мысль просто, то выйдетъ слѣдующая тавтологія: Я знаю, говоритъ Медея,—много людей, замкнувшихся въ свою гордость или просто гордыхъ, которые, вслѣдствіе этой замкнутости или гордости, прослыли гордыми. Очевидно, ошибка заключается въ неудачной передачѣ слова σεμνός.

По нашему мнѣнію, смыслъ мѣста выйдетъ гораздо понятнѣе, если ничего не трогать въ греческомъ текстѣ и держаться наиболѣе точнаго значенія словъ. По нашему мнѣнію, слово σεμνός слѣдуетъ принимать здѣсь въ настоящемъ его значеніи: „почтенный, достойный", γεγῶτας—въ значеніи ὄντας. Τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο можетъ означать только нѣчто противоположное къ τοὺς δ' ἐν θυραίοις. Если οἱ ἐν θυραίοις означаетъ чужихъ, то οἱ ἀπ' ὀμμάτων можетъ означать только своихъ, домашнихъ (дословно: тѣхъ, которыхъ я лично знаю). (Οἱ δ' ἀφ' ἡσύχου ποδός и пр.), относится къ предыдущему, то-есть, одинаково къ τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο и къ τοὺς δ' ἐν θυραίοις, и означаетъ не новыя лица, а уже выше названныя, о которыхъ высказывается только нѣчто новое, противоположное (слѣд.=лат. idemque). Такимъ образомъ все мѣсто значитъ слѣдующее: „Я знаю многихъ

Digitized by Google

людей почтенныхъ и достойныхъ, однихъ между своими, другихъ между чужими, которые однако (буквально они же) пріобрѣли дурную славу невнимательности и неуважительности къ другимъ за свою неподвижность и за свое домосѣдство" (δύσκλειαν ἐκτήσαντο καὶ ῥαθυμίαν=δύσκλειαν ῥαθυμίας ἐκτήσαντο; а ῥαθυμία=ὀλιγωρία; слова ῥᾴθυμος и ὀλίγωρος очень часто встрѣчаются вмѣстѣ, какъ синонимы, такъ что ῥᾳθυμία означаетъ не только легкомысліе, но и небрежное отношеніе къ другимъ, гордость. Suidas при сл. ῥᾴθυμος· ἄλλοι ἐπὶ τοῦ μεγάλου θυμοῦ κέχρηνται τῇ λέξει). По этому толкованію выходитъ мысль, не только болѣе соотвѣтствующая значенію греческаго текста, но и логически болѣе связанная со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Цѣль Медеи—объяснить, почему она рѣшилась выйдти изъ дому и показаться Коринѳянкамъ, хотя въ ея положеніи желательно было бы остаться дома. Она сдѣлала это для того, чтобы не навлечь на себя какую-либо хулу, потому что люди часто судятъ несправедливо о другихъ, руководствуясь личными впечатлѣніями (δίκη γὰρ οὐκ ἔνεστιν ὀφθαλμοῖς βροτῶν). Такъ она знаетъ много людей, достойныхъ всякаго уваженія, которые прослыли невнимательными къ другимъ или гордыми за то, что спокойно сидѣли дома, не показывались въ обществѣ и не сближались ни съ кѣмъ.

Остается объяснить еще нѣкоторыя частности. Ἀπ' ὀμμάτων означаетъ не только вдали отъ глазъ или взоровъ, но и „по собственному наблюденію, собственными глазами". Ср. Aesch. Agam. 987: πεύθομαι ἀπ' ὀμμάτων νόστον, αὐτόμαρτυς ὢν будучи очевидцемъ, я собственными глазами и пр. Soph. Oed. Col. 14: ὡς ἀπ' ὀμμάτων, на сколько можно видѣть глазами или судить по глазомѣру. Въ данномъ мѣстѣ τοὺς μὲν ὀμμάτων ἄπο есть приложеніе къ πολλούς и вмѣстѣ съ нимъ зависитъ отъ οἶδα. Вся фраза τοὺς μὲν ἀπ' ὀμμάτων οἶδα совершенно подходитъ къ вышеприведенному нами мѣсту изъ Эсхила и можетъ означать только людей, которыхъ я знаю лично (по собственному наблюденію), то-есть, людей близкихъ, своихъ (τοὺς οἰκείους), въ отличіе отъ τοὺς δ' ἐν θυραίοις, чужихъ или находящихся въ числѣ чужихъ. Что θυραῖος употребляется въ значеніи „чужой", это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, Eur. Ion 702: μέλεος, ὃς θυραῖος ἐλθὼν δόμους μέγαν ἐς ὄλβον οὐκ ἔσωσεν τύχας; Hipp. 406—408: ὡς ὄλοιτο παγκάκως ἥτις πρὸς ἄνδρας ἤρξατ' αἰσχύνειν λέχη πρώτη θυραίους, гдѣ ἄνδρες θυραῖοι значитъ чужіе мужья, въ отличіе отъ своихъ (законныхъ). Ср. Hesychii Lexicon, гдѣ θυραῖος объясняется посредствомъ ξένος, ἀλλότριος; θυραίων=μὴ συνοίκων. Наконецъ, приведемъ нѣсколько

Digitized by Google

примѣровъ въ подтвержденіе того, что ὁ δέ указываетъ иногда не на новое лицо, а на то, о которомъ уже было упомянуто въ предшествующемъ предложеніи. Hom. Il. 8, 320: αὐτὸς δ' ἐκ δίφροιο χαμαὶ θόρε.., ὁ δὲ χερμάδιον λάβε (idemque). Xen. Anab. 4, 2, 6: αὐτοὶ ἐνταῦθα ἔμενον ὡς κατέχοντες τὸ ἄκρον· οἱ δ' οὐ κατεῖχον (iidem tamen) ср. Her. 1, 66 и др.; см. Kühner, Ausf. Gram. § 469, прим. 2. Впрочемъ, вмѣсто οἱ δὲ могло стоять у Еврипида οἵτε (οἵτ'), отъ ὅστε, которое у Гомера употребляется вмѣсто ὅς, а по подражанію и у трагиковъ, впрочемъ болѣе въ лирическихъ мѣстахъ.

Замѣтимъ, что чтеніе δωμάτων вмѣсто ὀμμάτων, вѣроятно, уже рано попало въ текстъ, какъ это можно заключить по переводу Эннія. Впрочемъ, и это выраженіе τοὺς μὲν δωμάτων ἄπο могло бы въ данномъ мѣстѣ означать только нѣчто противоположное къ τοὺς δ' ἐν θυραίοις, то-есть, людей, происходящихъ изъ моего дома или принадлежащихъ къ моему дому, вообще близкихъ, своихъ. Сравн. выраженія: οἱ ἀπὸ Σπάρτης, οἱ ἀπὸ τῆς βουλῆς.

737—739.

Λόγοις δὲ συμβὰς καὶ θεῶν ἀνώμοτος
φίλος γένοι' ἂν κἀπικηρυκεύμασι
οὐκ ἂν πίθοιο.

Таково чтеніе рукописей, съ варіантомъ ἐνώμοτος; кромѣ того, въ схоліяхъ находимъ чтеніе κἀπικηρυκεύματα. Такъ какъ это чтеніе не даетъ такого смысла, какой требуется контекстомъ рѣчи, то разные ученые старались различнымъ образомъ исправить это мѣсто. Такъ, нѣкоторые (Германъ и др.) читаютъ μὴ θεῶν ἐνώμοτος вмѣсто καὶ θεῶν ἀνώμοτος, что̀, конечно, необходимо, если принять чтеніе ἐνώμοτος. Другіе исправляютъ совершенно непонятную и противную смыслу фразу: κἀπικηρυκεύματα или κἀπικηρυκεύμασι οὐκ ἂν πίθοιο. Κἀπικηρυκεύματα οὐκ ἂν πίθοιο — совершенно не возможно по конструкціи, κἀπικηρυκεύμασι οὐκ ἂν πίθοιο—совершенно противно требуемому смыслу. Поэтому г. Наукъ исправляетъ это мѣсто такъ: κἀπικηρυκεύματα τάχ' ἂν πίθοι σε; Геймсётъ: καὶ τὰ κηρυκεύματα οὐκ ἂν παρωθοῖς; еще другіе: κἀπικηρυκεύματα οὐκ ἂν παρεῖο и т. п. Мнѣ кажется, что порча заключается не столько въ словѣ πίθοιο, сколько въ οὐκ ἄν. Если обратить вниманіе на всю фразу, заключающуюся въ ст. 738—739, то съ перваго же раза поразитъ насъ неполнота, а потому и неясность ея. „Ты, можетъ быть, сдѣлаешься другомъ“, спрашивается: чьимъ?—„и не (?) послушаешься (вѣрнѣе: послушаешься) переговоровъ или требованій“—

Digitized by Google

спрашивается опять: чьихъ? — Очевидно, здѣсь необходимо дополненіе въ родительномъ падежѣ, а именно τούτων или αὐτῶν, которое переписчиками легко могло быть сначала неясно написано, а потомъ и совершенно искажено въ οὐκ ἄν. При φίλος γένοι' ἂν также необходимо дополненіе τούτων, какъ въ стихѣ 735—736: οὐ μεθεῖ ἂν τούτοις; и тамъ, и здѣсь оно обозначаетъ Пелія и Креонта. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, это мѣсто могло бы быть исправлено такъ:

Λόγοις δὲ συμβὰς καὶ θεῶν ἀνώμοτος
φίλος γένοι' ἂν κἀπικηρυκεύμασι
τούτων πίθοιο.

Чтеніе схолій κἀπικηρυκεύματα едва ли заслуживаетъ такого вниманія, чтобы стараться непремѣнно удержать его, не смотря на то, что рукописи даютъ болѣе вѣрное чтеніе (τἀπικηρυκεύμασι).

777—779.

Λέξω —,
ὡς καὶ δοκεῖ μοι ταῦτα καὶ καλῶς ἔχει
γάμους τυράννων οὓς προδοὺς ἡμᾶς ἔχει
καὶ ξύμφορ' εἶναι καὶ καλῶς ἐγνωσμένα.

Это мѣсто можно было бы исправить, переставивъ стихи и измѣнивъ ἔχει въ ἔχειν:

ὡς καὶ δοκεῖ μοι ταῦτα καὶ καλῶς ἔχειν
καὶ ξύμφορ' εἶναι καὶ καλῶς ἐγνωσμένα,
γάμους τυράννων, οὓς, προδοὺς ἡμᾶς, ἔχει.

Первое καὶ въ ст. 777 можетъ относиться только къ μοι, какъ нарѣчіе, въ значеніи etiam, также. Правильнѣе было бы сказать: ὡς καί μοι δοκεῖ, отъ чего зависитъ дальнѣйшее ταῦτα καὶ καλῶς ἔχειν καὶ ζύμφορ' εἶναι и пр.; тогда γάμους τυράννων ταῦτα будетъ приложеніемъ и поясненіемъ къ ταῦτα. Впрочемъ, и при такой поправкѣ мѣсто это страдаетъ излишнимъ многословіемъ.

1109—1111.

εἰ δὲ κυρήσει (съ варіантами: κυρήσαι, κυρήσας)
δαίμων οὗτος (съ варіантами: οὕτως, οὕτω), φροῦδος ἐς Ἅιδην,
θάνατος προφέρων σώματα τέκνων.

Digitized by Google

Это мѣсто, представляющее и по языку, и по смыслу нѣчто непонятное, исправляется различнымъ образомъ:

I) Въ изданіи Принца:

εἰ δὲ χορήσει
δαίμων ὀλούς, φροῦδος ἐς Ἅιδην
θάνατος προφέρων σώματα τέκνων

(при словѣ ὀλοός замѣчено, что оно magis placet quam ὠμός).

При этой поправкѣ выходитъ тавтологія, такъ какъ подъ δαίμων ὀλοός разумѣется смерть. Слѣдовательно, если передать проще текстъ Принца, то выйдетъ: если случится смерть, то смерть уноситъ быстро дѣтей въ адъ.

II) Въ изданіи Вейля:

εἰ δὲ χορήσας δαίμων οὕτως
φροῦδος ἐς Ἅιδην (θάνατος) προφέρων τούτους,
πῶς οὖν λύει и пр.

Вейль считаетъ θάνατος глоссою, приписанною для поясненія Ἅιδην. Эта поправка портитъ языкъ и не даетъ яснаго смысла фразѣ. Вопервыхъ, τούτους вмѣсто σώματα τέκνων отзывается чистѣйшею прозой, да притомъ оно вноситъ какофонію въ текстъ (οὕτως—φροῦδος—τούτους). Затѣмъ получается противное хорошему слогу скопленіе причастій: χορήσας φροῦδος προφέρων. Наконецъ, что̀ главнѣе всего, смыслъ мѣста не только не дѣлается яснѣе, но еще темнѣе, чѣмъ въ подлинникѣ: „А если божество, такъ приключившись (?!), быстро уноситъ ихъ въ адъ, то" и пр. Подъ божествомъ, δαίμων, Вейль разумѣетъ случай, какъ это видно изъ его примѣчанія: d'aventure ayant tourné ainsi (?).

III) Въ изданіи Веклейна:

εἰ δὲ χορήσαι,
δαίμων οὗτος φροῦδος ἐς Ἅιδην,
πῶς οὖν и пр.

Веклейнъ выбрасываетъ 1111-й стихъ, какъ интерполяцію, и принимаетъ χορήσαι за глаголъ безличный. Все выраженіе εἰ δὲ χορήσαι объясняетъ онъ посредствомъ εἰ δὲ τύχῃ συμβαίη и переводитъ: „wenn es so sein sollte". Не говоря ужъ о томъ, что переводъ этотъ несогласенъ съ собственнымъ объясненіемъ Веклейна, такъ какъ не все равно сказать: если случится, и если такъ должно быть,—замѣтимъ, что глаголъ

Digitized by Google

χορεῖν не употребляется такъ безлично; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ примѣровъ, которые могли бы доказать подобное употребленіе этого глагола.

IV) Въ изданіи г. Наука стихи эти, безъ поправокъ, читаются такъ:

εἰ δὲ χορήσει
δαίμων οὗτος, φροῦδος ἐς Ἅιδην
θάνατος προφέρων σώματα τέκνων.

При этомъ чтеніи понятна только первая часть (εἰ δὲ χορήσει δαίμων οὗτος), все же остальное представляетъ нѣчто необыкновенное (θάνατος φροῦδος ἐς Ἅ. προφέρων σ. τ.). Обыкновенно φροῦδος употребляется о лицѣ, которое похитила смерть, и котораго нѣтъ болѣе (ср. Soph. Electr. 1152: φροῦδος αὐτὸς εἶ θανών; Electr. 848. ὃς γὰρ ἔτ' ἦν, φροῦδος ἀναρπασθείς; Phil. 425: ἐπεὶ θανὼν Ἀντίλοχος αὐτῷ φροῦδος и др.). Но чтобъ о самой смерти можно было сказать, что ея нѣтъ болѣе, что она ушла или исчезла въ Аидъ, это болѣе, чѣмъ сомнительно.

По нашему мнѣнію, это мѣсто можно легко исправить, переставивъ два послѣдніе стиха и читая слѣдующимъ образомъ:

εἰ δὲ χορήσει
θάνατος προφέρων σώματα τέκνων,
δαίμων οὗτος φροῦδος ἐς Ἅιδην.

Этою перестановкой получается и болѣе правильная конструкція, и болѣе ясный смыслъ.

Κορέω, подобно τυγχάνω, сочиняется съ причастіемъ; въ данномъ мѣстѣ причастіе, отъ него зависящее, есть προφέρων, которое употреблено въ томъ же значеніи, какъ въ Il. 6, 346.

При φροῦδος слѣдуетъ подразумѣвать ἐστί. Что при φροῦδος, какъ при οἴχεται, встрѣчаются предложныя дополненія, тому примѣры можно найдти у самого Еврипида. Androm. 73: φροῦδος δ' ἐπ' αὐτὸν Μενέλεως δόμων ἄπο. Hec. 335: Λόγοι πρὸς αἰθέρα φροῦδοι μάτην ῥιφέντες. Iph. T. 1294: φροῦδος ἐκ ναοῦ οὐθείς. Ср. еще Alc. 94. Наконецъ, δαίμων οὗτος принимаемъ мы здѣсь въ значеніи „это счастье", то-есть, то счастье, о которомъ выше было упомянуто. Такимъ образомъ все мѣсто получаетъ слѣдующій смыслъ:

„Если же случится, что смерть унесетъ тѣла дѣтей, тогда это счастье (родителей, что ихъ дѣти выросли и сдѣлались хорошими людьми) быстро уходитъ въ адъ или могилу".

Digitized by Google

1268—1270.

χαλεπὰ γὰρ βροτοῖς ὁμογενῆ μιάσ-
ματ' ἐπὶ γαῖαν αὐτοφόνταις συνῳ-
δὰ θεόθεν πίτνοντ' ἐπὶ δόμοις ἄχη.

По поводу этихъ стиховъ можно спросить, какъ въ извѣстнаго рода загадкахъ: гдѣ сказуемое? Обыкновенно отвѣчаютъ: χαλεπά (подр. ἐστι). Но въ какомъ тогда грамматическомъ отношеніи стоятъ остальныя слова: συνῳδὰ αὐτοφόνταις ἄχη θεόθεν πίτνοντα ἐπὶ γαῖαν ἐπὶ δόμοις? Притомъ не поражаетъ ли своею странностью двойное дополненіе къ глаголу πίτνοντα: ἐπὶ γαῖαν, ἐπὶ δόμοις? Одно дополненіе, ἐπὶ δόμοις, не только вполнѣ достаточно, но оно только одно и умѣстно, потому что здѣсь идетъ рѣчь о бѣдствіяхъ, посылаемыхъ богами свыше, не вообще на землю, а на домъ, то-есть, семейство или родъ тѣхъ, которые осквернили себя пролитіемъ родственной крови. Другое же дополненіе, ἐπὶ γαῖαν, и лишне, и не имѣетъ смысла. По всей вѣроятности, въ этомъ выраженіи—ἐπὶ γαῖαν—и заключается порча. Оно-то и вытѣснило, или вѣрнѣе сказать, по винѣ переписчиковъ замѣнило то сказуемое, котораго недостаетъ въ вышеприведенныхъ стихахъ. Какое однако слово стояло въ первоначальномъ текстѣ, рѣшить трудно; можетъ быть, глаголъ ἐπάγουσιν, который часто употребляется въ значеніи „навлекать на кого-либо несчастіе", ἐπάγειν πῆμα, ἄταν и т. п. Глаголъ ἐπέγειρεν, предлагаемый Вейлемъ, по значенію не подходитъ къ данному мѣсту, такъ какъ ἐπεγείρειν значитъ: опять будить или пробуждать существующее какое-либо бѣдствіе (τὸ πάλαι κείμενον κακόν).

835—836.

Въ третьей хоровой пѣснѣ, представляющей довольно испорченный текстъ, въ ст. 835—836 рукописи (см. Medea, ed. Prinz) нѣсколько расходятся въ чтеніи: въ однихъ стоитъ: ἀπὸ Κηφισσοῦ ῥοὰς или ῥοῶν—ἀφυσσαμέναν, въ другихъ: ἐπὶ Κηφισσοῦ ῥοαῖς ἀφοσσαμέναν. По всей вѣроятности, вмѣсто ἀφοσσαμέναν стоялъ въ текстѣ другой глаголъ, при которомъ возможна была конструкція ἐπὶ Κηφισσοῦ ῥοαῖς, напримѣръ, ἐφεζομέναν.

1026—1027.

πρὶν λέκτρα καὶ γυναῖκα καὶ γαμηλίους
εὐνὰς ἀγῆλαι λαμπάδας τ' ἀνασχεθεῖν.

Digitized by Google

Такъ какъ γαμηλίους εὐνάς значитъ то же самое, что̀ λέκτρα, то уже Бюржъ (Burgesius) предложилъ читать вмѣсто λέκτρα—λουτρά. Поправка эта, по нашему мнѣнію, весьма неудачна, такъ какъ λουτρὰ ἀγῆλαι представляетъ необычайную метафору: „украсить воду для омовенія или ванну“ (?!). Кромѣ того, если даже принять ἀγῆλαι въ значеніи παρασκευάσαι „приготовить“ (какъ это дѣлаетъ схоліастъ), то и въ такомъ случаѣ выраженіе это представляло бы фактическую неточность, потому что, сколько извѣстно, ванну въ день свадьбы для жениха приготовляла не мать его, а такъ-называемый λουτροφόρος, то-есть, отрокъ изъ ближайшихъ родственниковъ жениха. Harpocrat. стр. 189: ἔθος ἦν τοῖς γαμοῦσι λουτρὰ μεταπέμπεσθαι ἑαυτοῖς κατὰ τὴν τοῦ γάμου ἡμέραν; ἔπεμπον δ' ἐπὶ ταῦτα τὸν ἐγγυτάτω γένους παῖδα ἄρρενα. По нашему мнѣнію, порча заключается не въ словѣ λέκτρα, а въ словахъ καὶ γυναῖκα καὶ γαμηλίους εὐνάς, которыя совершенно справедливо заподозрилъ уже Боте, такъ какъ они отзываются глоссами и портятъ стихъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы поправлять λέκτρα, гораздо вѣрнѣе выбросить изъ текста καὶ γυναῖκα καὶ γαμηλίους εὐνάς и читать этотъ стихъ такъ: πρὶν λέκτρ' ἀγῆλαι λαμπάδας τ' ἀνασχεθεῖν.

А. Вейсманъ.

Digitized by Google

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе девятое, дополненное новыми статьями, портретами и рисунками: „На Пасхѣ“, „Храмъ Христа Спасителя“, „Защита Баязета“, „Картина взятія Плевны“, „Скобелевъ“ и др.

СЪ 42-мя РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, **для класснаго и внѣкласснаго чтенія.** Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка, статьями для разбора, диктанта и заучиванья наизусть, письменными упражненіями, славянскимъ текстомъ, рисунками. Сост. А. РАДОНЕЖСКІЙ. Цѣна 50 коп. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы.

Съ требованіями просятъ обращаться: Въ Москвѣ—въ книжный магазинъ *наслѣдниковъ Салаевыхъ*. Въ С.-Петербургѣ—въ книжный магазинъ *Фену* и К°.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

Digitized by Google

1-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ VIII-я, АВГУСТОВСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

Содержаніе: I. **Императоръ Александръ Николаевичъ въ эпоху войны 1855 г.**— II. **Василій Андреевичъ Жуковскій.** — III. **Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.** — IV. **Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера 1834 г.**— V. **М. Ю. Лермонтовъ въ** переводахъ французскихъ писателей (Окончаніе) — VI. **Александръ Николаевичъ Сѣровъ** въ воспоминаніяхъ стараго правовѣда, сообщ. М. М. Молчановъ. — VII. **Воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ**, вдовы адмирала П. Ив. Рикордъ.— VIII. **Владиміръ Ивановичъ Назимовъ:** письма къ нему цесаревича, впослѣдствіи императора, Александра Николаевича.—IX. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.— X. **Императоръ Николай Павловичъ.** — XI. **Маскарадъ въ С.-Петербургѣ** въ 1841 г.—XII. **Архіерейскій пѣвческій хоръ при архіепископѣ Смарагдѣ**, воспоминанія бывшаго дисканта-солиста. — XIII. **Историческіе матеріалы:** Справка 1728 г. о личности убійцы царевича Димитрія. — Замѣчательный помѣщикъ временъ Петра I, и проч. — XIV. **Библіографическій листокъ.**

Приложеніе. Портретъ Марьи Андреевны **Протасовой**, въ замужествѣ Мойеръ, † 1823 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. **1883** г. Четырнадцатый годъ изданія, 12 книгъ, цѣна съ пересылкою **ДЕВЯТЬ** руб.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ и Москвѣ благоволятъ подписываться въ книжныхъ магазинахъ **Мамонтова.**

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ", въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. **1882** года (*Осталось 77 экз.*). Цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. 12 книгъ съ 12-ю портретами, съ пересылкою.

Продаются книги: I. „*ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ*", *съ ея портретомъ, отпечатаннымъ красками, цѣна* ***два*** *руб. съ пересылкою.*

II. „Записки Сельскаго Священника", изданіе исправленное. Цѣна **одинъ** руб.

Въ редакціи „Русской Старины" можно получить прежніе годы сего изд., именно: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 — 1879 гг.; 1880 г. (второе изд.) и 1881 г. Цѣна за годъ по **восьми** руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семевскій.**

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

....

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Digitized by Google

СТРАН.

Высочайшие приказы.

Министерскія распоряженія.

Digitized by Google

Приказы министра народнаго просвѣщенія.

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го августа).

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала—по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Digitized by Google

This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google